This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

5.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CXCVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).
1871.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
810613
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L

LIBRARY OF CONGRESS
COPYRIGHT
EXCHANGED

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1871 г.

(По общей нумерации тома CXCVI)

СТРАН.

МАЙ № 5.

ОГОНЕКЪ. Романъ въ трехъ частяхъ. *Часть первая.* **С. Смирновой** 1

ВЪ ДОРОГУ! (Изъ Гейне). Стих. **И. Г.-М.** 98

ЗАПИСКИ ЕВРЕЯ. Гл. IX. **Богрова**. 99

УНИТАРИЗМЪ И ФЕДЕРАЛИЗМЪ. **Н. Павловскаго**. . . 127

НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ ЭРКМАНА-ШАТРІАНА. I. Деревенскіе ораторы.—II. Доброе старое время.—III. Старыя бумаги 153

СОМНѢВАЮЩІЙСЯ. Разсказъ. **Н. Щедрина**. 177

ЛИСТКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА. Стихотворенія Гейне. *Перев.* **М. Прахова**. 197

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ. (Наблюденія и впечатлѣнія присяжнаго засѣдателя). 201

НЕПРЕОДОЛИМЫЯ СИЛЫ Романъ **Германа Гримма**. (Переводъ съ нѣмецкаго. Приложеніе). Стр. 145—208.

ІЮНЬ № 6.

ОГОНЕКЪ. Романъ въ трехъ частяхъ. *Часть вторая.* **С. И. Смирновой**. 225

Digitized by Google

СТРАН.

КЛАССИФИКАЦІЯ НАУКЪ. (*Auguste Comte:* Cours de philosophie positive). **Н. Павловскаго** 317
ПЕТЕРБУРГСКІЙ СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ. (Наблюденія и впечатлѣнія присяжнаго засѣдателя). (*Окончаніе*). **В. Никитина**. 367
РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ (1816—1866). Періодъ третій. 1848—1866. Венгрія въ 1848 и 1849 годахъ. Италія въ 1848 и 1849 годахъ. 403
ИЗЪ В. ГЮГО. Стих. **В. Буренина**. 447
НЕ СОВСѢМЪ ОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. **Ивана Пасмурнаго**. 449
КНЯЖНА НА ГОРОШИНКѢ. (Изъ Андерсена). Стих. **Л. Трефлева**. 478
НЕПРЕОДОЛИМЫЯ СИЛЫ. Романъ **Германа Гримма**. (Переводъ съ нѣмецкаго. Приложеніе). Стр. 209—256.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МАЙ № 5.

ЭМИЛЬ ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ. («Эмиль девятнадцатаго столѣтія», соч. А. Эскироса). **В. Лесевича**. . . 1
ТЕМНЫЯ И СВѢТЛЫЯ СТОРОНЫ НАШЕГО ОБЩЕСТВА. 32
НОВЫЯ КНИГИ: Повѣсти, разсказы и драматическія сочиненія. *Н. А. Лейкина.* — Среди богомольцевъ. *Н. А. Благовѣщенскаго.*—Новый Египетъ *Гр. В. А. Соллогуба.*—Россія и Европа. *Н. Я. Данилевскаго.*—Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ. *Вл. Ламанскаго.* 57
ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. Корни невзгодъ современной Франціи. 82
НАШИ НЕДОУМѢНІЯ. **А. Клауса**. 117
ПОСЛѢДНІЕ УСПѢХИ НАШИХЪ ХУДОЖЕСТВЪ. По поводу: 1) работъ г. Антокольскаго — Царь Иванъ-Грозный и др., Рѣпина — Бурлаки на Волгѣ, г. Васильева— Оттепель; 2) посмертной выставки портретовъ Зарянки,

Digitized by Google

и 3) нѣкоторыхъ симптомовъ пробужденія академическаго совѣта. П. К—го. 157

НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА. Появленіе на родной почвѣ русскихъ спиритовъ, ни въ чемъ не уступающихъ знаменитому Юму.—Екатеринославское дѣло о капитаншѣ-спиритѣ Алымовой.—Присутствіе спиритовъ замѣчается у насъ повсюду: и въ городахъ, и въ деревняхъ, и въ общественныхъ дѣлахъ, какъ бы они важны ни были.—Люди, спеціально-подготовленные къ новымъ, еще небывалымъ у насъ должностямъ «руководителей судьбами своего народа и создателей его будущаго».—Торжество старо-помѣщичьей партіи, умѣряемое окружными и мировыми судами.—Нѣсколько словъ объ адвокатахъ вообще. Д. 166

ПРОГРЕССИВНАЯ РУТИНА. (Къ вопросу о классическомъ и реальномъ образованіи). 184

ПОЛИТИКА. ГЕРМАНІЯ. Первый рейхстагъ германской имперіи.—Положеніе въ немъ партій.—Католическая партія.—Пренія объ адресѣ.—Пренія объ основныхъ правахъ.—Рѣчь Зоннемана о положеніи печати въ Пруссіи.—Трейчке и Рохау.—Бебель. 195

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ. (Засѣданіе комитета 15-го марта 1871 года). 221

ІЮНЬ № 6.

ТЕМНЫЯ И СВѢТЛЫЯ СТОРОНЫ НАШЕГО ОБЩЕСТВА. *Статья вторая*. 223

НОВЫЯ КНИГИ: Данте Алигьери. *В. А. Петрова*.—Еврейская библіотека. Историко-литературный сборникъ. *А. Е. Ландау*.—Жизнь заключенныхъ. *В. Н. Никитина*.—Руководство для сельскихъ учительницъ и учителей. *Н. П. Столпянскаго*. 247

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БУДУЩНОСТЬ ЮГА РОССІИ И СОВРЕМЕННАЯ ЕГО ОТСТАЛОСТЬ. 268

Digitized by Google

СТРАН.

ПО ВОПРОСУ О КАЛМЫКАХЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ. А. К. 302

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЯ ПРАВА ЖЕНЩИНЪ ВЪ АНГЛІИ. Е. Л. 327

ВЪ ДОРОГѢ. (Провинціальный фельетонъ). 338

ВОПРОСЪ О НАЦІОНАЛЬНОСТЯХЪ ВЪ АВСТРІИ И ПОЛИТИКА БЕЙСТА. Положеніе Австріи въ современной Европѣ.—Недавнее прошлое этой страны: Меттернихъ, Бахъ, Шмерлингъ, Белькреди.—Вопросъ объ австрійскихъ національностяхъ при вступленіи въ управленіе Бейста.—Венгрія.—Борьба ея за свои древнія учрежденія.—Юго-славянскія земли.—Чешскій вопросъ.—Галиція.—Федеративная будущность Австріи. . . 356

ГРАЖДАНСКО-ПОЭТИЧЕСКІЕ ОТГОЛОСКИ. Стих. Выборгскаго пустынника.. 407

Digitized by Google

ОГОНЕКЪ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ΔΔΑΥ

I.

Случается такъ, что сойдутся двое и спорятъ до тѣхъ поръ, пока обоимъ захочется выцарапать другъ другу глаза. Именно въ такомъ положеніи находились двое джентльменовъ, о которыхъ я поведу рѣчь.

— Прежде всего надо быть современнымъ, кричалъ одинъ изъ нихъ.

— То-есть?

— Безъ всякихъ „то-есть". Я говорю: прежде всего надо быть современнымъ, а отсюда слѣдуетъ, что мнѣ нужно сто тысячъ...

— Отсюда еще ровно ничего не слѣдуетъ...

— Постойте! Погодите! Мнѣ нужно сто тысячъ! Я пускаю ихъ въ оборотъ. Пріобрѣтаю другія сто тысячъ. Въ суммѣ получается двѣсти тысячъ. Это ясно?

— Да позвольте...

— Позвольте, позвольте!

— Да на что вамъ эти двѣсти тысячъ?

— Какъ на что, помилуйте!

— Ну, да напримѣръ. Что вы съ ними дѣлать будете?

— Двѣсти тысячъ—это штука хорошая. Это сила, понимаете ли—сила! Мнѣ деньги нужны не для денегъ...

— Да что вы тамъ разсказываете! и мужику цѣлковый не потому нуженъ, что тамъ на одной сторонѣ вычеканенъ орелъ, а на другой пропечатано, что вотъ это, молъ, рубль серебра. Его тоже не это плѣняетъ...

Digitized by Google

— Нѣтъ, погодите, вы меня не поняли. Вы смотрите на деньги съ матеріальной стороны...

— Я говорю: дайте мужику цѣлковый...

— Нѣтъ, мы будемъ смотрѣть...

— Мужикъ точно также.

— Съ точки зрѣнія нравственной, деньги какъ двигатель...

— Вотъ и мужикъ именно точно также...

Читатель, пожалуй, вообразитъ, чего добраго, что тутъ и до драки ужь недалеко. Чистѣйшее заблужденіе. До какихъ бы неистовствъ ни доходили мои пріятели на словахъ, личность всегда оставалась неприкосновенной. До сихъ поръ не было примѣра, чтобы они чѣмъ нибудь пустили другъ въ друга, хотя подъ руками были и книги, и фуражки и даже пепельницы. Старшій, Ипполитъ Аполлоновичъ, сидѣлъ на окнѣ, младшій въ изступленіи ходилъ по комнатѣ. У Ипполита Аполлоновича было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя въ глаза не бросаются и долго въ памяти не остаются. Всякаго гораздо болѣе поражалъ его необыкновенно коротенькій пиджакъ, чѣмъ его обыкновенная физіономія. Можно бы замѣтить, пожалуй, что глаза у него сильно на выкатѣ, но ихъ онъ тщательно скрывалъ подъ синими очками. Онъ съ достоинствомъ носилъ пестрые брюки, пестрые галстухи и свои сорокъ-пять лѣтъ. Юный собесѣдникъ его былъ совсѣмъ въ другомъ вкусѣ. Съ непривычки легко было испугаться его блуждающихъ взглядовъ и свирѣпаго выраженія. Но, вглядѣвшись пристальнѣе, оставалось только пожалѣть, зачѣмъ этотъ человѣкъ портитъ такимъ выраженіемъ свою привлекательную, симпатичную наружность. Стоило только улыбкѣ появиться на этомъ лицѣ, и оно дѣлалось неузнаваемо. Ротъ смѣялся, носъ смѣялся и, главное, смѣялись глаза. Двадцать-три года такъ и сказывались въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи. Въ минуту увлеченія онъ не давалъ спуску ни стульямъ, ни столамъ. Сколько разъ, услыхавши грохотъ въ комнатѣ своего барина, неизмѣнная его ключница, она же горничная, нянька и кухарка, Степанида, начинала охать, стонать и призывать всѣхъ святыхъ во свидѣтели своей каторжной жизни. Рѣдко пропускала она случай примолвить при видѣ его взлохмоченной головы: „ишь ты, прости Господи, словно со страшнаго суда бѣжалъ“. Могла ли Степанида уважать своего барина, когда у него было такое нечеловѣческое произвище: Басанченко-Самойленко? Никто на свѣтѣ не могъ разувѣрить ее въ томъ, что это фамилія не жидовская, а христіанская. „Въ старые годы такъ, знать, идоловъ звали, вотъ и ему, идолу, кличку такую дали“. Впрочемъ, г. Басанченко-Самойленко и самъ любилъ подтрунить надъ своей идольской

Digitized by Google

кличкой. Чтобы не затруднять близкихъ знакомыхъ, онъ въ письмахъ подписывался Жоржинькой, да скоро такъ и прослылъ Жоржинькой. Богъ вѣдаетъ, всѣ ли знали, что настоящее имя Георгій Семеновичъ. За то всѣмъ было извѣстно, что у него есть тетушка, у которой онъ таскаетъ потихоньку варенье. Много анекдотовъ ходило про эту тетушку: какъ ее жидъ обманулъ, вмѣсто собольяго воротника продалъ заячій; какъ у нея мыши полторы дюжины нитяныхъ чулокъ съѣли; какъ она разъ со слѣпу приняла корову за коляску, а его, Жоржиньку, за трубочиста и т. п. Старуха въ простотѣ сердечной и не подозрѣвала, что племянникъ прославилъ ее чуть не по всей столицѣ.

Разговоръ между тѣмъ продолжался, но уже въ болѣе мирномъ тонѣ.

— Я, братъ, думаю въ какомъ нибудь акціонерномъ обществѣ послужить, говорилъ Жоржинька. — Что ты на это скажешь?

— Давай пробовать вмѣстѣ. Я тоже свою службу думаю бросить.

— Можно и вмѣстѣ. Только вотъ что̀ я тебѣ скажу: у меня шансовъ больше, чѣмъ у тебя.

— Это какимъ образомъ?

Вмѣсто отвѣта Жоржинька порылся въ боковомъ карманѣ, вытащилъ оттуда бумагу и поднесъ ее къ самому носу пріятеля. Ипполитъ развернулъ, посмотрѣлъ и обратилъ на Жоржиньку изумленные взоры.

— Что̀ это значитъ?

— Это значитъ, что я членъ „общества дешеваго продовольствія“, или, если хочешь, акціонеръ.

— Да, и думаешь пустить эту акцію въ оборотъ, чтобы нажить сто тысячъ. Мудрено, но выгодно.

— Какое тамъ къ чорту сто тысячъ. Номинальная цѣна этой бумажки сто рублей, а теперь самое большее за нее дадутъ два съ полтиной. Я тебѣ совѣтую пріобрѣсть точно такую же.

— Нѣтъ, братъ, спасибо, я лучше себѣ новую фуражку куплю.

— Постой, постой, не горячись. Сдѣлай такъ, какъ я тебѣ говорю: вынимай изъ кошелька 30 р. и покупай одну акцію, одну единственную, и той за глаза довольно.

— Да ты никакъ съума сошелъ! Дамъ я 30 р. за клочокъ бумажки, который не стоитъ двухъ съ полтиной.

— Черезъ мѣсяцъ онъ и двухъ копѣекъ не будетъ стоить. А все-таки послушай дружескаго совѣта: купи акцію.

Ипполитъ началъ сильно таращить глаза, Жоржинька наслаждался изумленіемъ своего друга.

Digitized by Google

— Это, видишь ли, „общество дешеваго продовольствія". Объ его дешевизнѣ ты можешь судить ужь по тому, что за какіе нибудь триста, четыреста рублей оно берется разорить тебя самымъ наилучшимъ образомъ, т.-е. просто, что называется, первый сортъ. У кого есть лишнія деньги — несите туда. Назадъ не вернутъ, не бойтесь.

— Постой. Какъ же ты попалъ въ акціонеры? тоже, значитъ, влетѣлъ?

— Кто, я-то? Какъ бы не такъ. Я эту бумажку купилъ у одного любезнаго человѣка и заплатилъ сорокъ рублей. Если хочешь знать, у кого именно—изволь, у здѣшняго хозяина. Жоржинька указалъ рукою по направленію къ двери.—И цѣль у меня такая, чтобы чрезъ эту акцію попасть, такъ сказать, въ самую директорію общества и раздѣлить барыши пополамъ. А? ты какъ на этотъ счетъ?

Ипполитъ промычалъ какое-то одобреніе. Какъ только дѣло заходило о выгодной спекуляціи, у пріятелей начинался самый согласный дуэтъ. Жоржинька продолжалъ:

— По условію, прежде, чѣмъ забраться въ правленіе, надо побывать въ оппозиціи. Если я буду акціонеромъ, то имѣю полное право поднять гвалтъ въ первомъ собраніи. Я такую исторію начну, что отъ меня ни крестомъ, ни пестомъ не отдѣлаешься. Я директорамъ не дамъ покою ни днемъ, ни ночью. Я всѣ ихъ старые грѣшки вытащу на божій свѣтъ. Сейчасъ потребую отчетовъ. Пойдутъ свѣрки, повѣрки, учеты, балансы. Почему такъ, а не эдакъ? Почему эдакъ, а не такъ? А, вы не знаете! Очень хорошо, милостивый государь! Мы объ этомъ поговоримъ въ общемъ собраніи. Да тамъ и закатишь какую нибудь зажигательную рѣчь. Разбудилъ акціонеровъ—вотъ и пошла потасовка.

— Ну, да, потасовка-то пошла, а тебѣ-то отъ этого какая польза?

— Мнѣ-то? Да такъ себѣ. Директоры разчухаютъ, что я за гусь, да и перетащутъ меня въ свой лагерь. Барыши пополамъ.

— А если этого паче чаянія не случится?

— Не случится, такъ чортъ съ ними. Пропадай мои сорокъ рублей. За то я имъ такъ насолю, что будутъ помнить Жоржиньку. Признаться сказать, я даже немножко желаю, чтобы этого не случилось. Въ оппозиціи быть какъ-то пріятнѣе. Тутъ жизнь кипитъ: партіи составятся, кружки. Сначала станемъ говорить. Будетъ правая и лѣвая. Однимъ словомъ—Англія.

Тутъ въ дверь высунулась чья-то голова и спросила, не здѣсь ли баринъ.

— На что тебѣ баринъ?

Digitized by Google

— Да его тутъ какая-то барыня спрашиваетъ.

Пріятели переглянулись между собою.

Прежде всего читатель долженъ знать, что дѣйствіе происходитъ на промежуточной станціи одной очень почтенной желѣзной дороги. Назовемъ эту станцію положимъ хоть Малиновкой. Прибавимъ, что она процвѣтаетъ, ибо тутъ считается нѣсколько фабрикъ и заводовъ и отсюда же предполагаютъ повести новую питательную линію на 60 верстъ въ сторону. Кой-какія предварительныя работы уже начаты и завѣдуетъ ими инженеръ-строитель, или попросту путеецъ Денисъ Васильевичъ Ракитинъ. Въ домѣ этого самого инженера и происходилъ разговоръ двухъ пріятелей. Ипполитъ и Жоржинька являлись къ нему всякій разъ, какъ чувствовалась потребность почитать газеты. (Сами они ихъ не выписывали, отчасти по безалаберности, отчасти по недостатку средствъ). Хозяинъ въ этомъ случаѣ, нисколько не стѣсняясь, продолжалъ заниматься у себя въ кабинетѣ, а гостей предоставлялъ на произволъ судьбы.

Теперь мы можемъ возвратиться къ посѣщенію интересной незнакомки. Пріятели еще разъ переглянулись и наконецъ одинъ изъ нихъ рѣшился крикнуть:

— Денисъ Васильевичъ!

Въ отвѣтъ на это хозяинъ явился самъ. Сурово посматривая на гостей и не выпуская изъ рукъ огромной газеты, которая закрывала его до половины, какъ простыня, онъ поинтересовался узнать, что имъ нужно. Это обращеніе было встрѣчено, какъ вещь очень обыкновенная. Къ странностямъ хозяина, должно быть, всѣ уже привыкли.

— Ступайте; къ вамъ барышня пришла.

Инженеръ взглянулъ еще суровѣе.

— Кто такое? Я здѣсь ни съ какими барышнями не знакомъ.

— Не могу знать-съ, отрапортовалъ Жоржинька.

Ипполитъ, какъ любитель дамскаго общества, пробирался къ двери, чтобы первому взглянуть на загадочную дѣвицу. Но она такъ поразила его своимъ быстрымъ появленіемъ, что онъ поспѣшилъ отретироваться.

— Не сердись, заговорила молодая женщина, протягивая хозяину руку и не поднимая вуалетки. — Я слышу по голосу, что ты собирался меня выгнать.

Потомъ, замѣтивши постороннихъ, она сдѣлала общій поклонъ и стала торопливо снимать перчатки. Ипполитъ разсмотрѣлъ хорошенькую ручку; Жоржинька впился глазами въ лицо вошедшей. Молодая женщина, замѣтивъ его блуждающіе взоры, сдѣлала полъ-оборотъ въ его сторону и невольно улыбнулась.

Digitized by Google

Потомъ продолжала, обращаясь уже къ хозяину, который былъ замѣтно обрадованъ и удивленъ:

— Ты меня не ждалъ, конечно. Я тебѣ ничего не писала, но это случилось такъ неожиданно, что даже для меня это сюрпризъ. Мы пріѣхали сюда цѣлой компаніей, т.-е. я и Любочка съ отцомъ. Я только недавно узнала, что ея дядя тутъ у васъ на какой-то фабрикѣ директоромъ. Ахъ, какая же пыль, еслибъ ты зналъ! Посмотри пожалуйста, на что я похожа.

Съ этими словами она обернулась сначала къ хозяину, потомъ посмотрѣла на гостей, какъ бы желая узнать и ихъ мнѣнія. Гости опустили глаза, понимая, что продолжать далѣе безцеремонный осмотръ было бы невѣжливо.

— Моя сестра, господа. Здѣшніе жители, кратко отрекомендовалъ хозяинъ и освѣдомился у сестры, не желаетъ ли она чего нибудь закусить.

— Давай, пожалуй, я не откажусь. Дѣвушка откинула вуаль, прошлась по комнатѣ, сняла тальму и бросила ее на стулъ. Во всѣхъ ея движеніяхъ замѣтна была нервная торопливость; она и говорила какъ-то отрывисто, хотя голосъ ея былъ пріятный. Она была хороша собою. Смуглый, почти бронзовый цвѣтъ кожи придавалъ ея физіономіи особенный, оригинальный оттѣнокъ. На щекахъ пробивалась легкая краска. Темные глаза съ длинными рѣсницами, при яркомъ освѣщеніи, дѣлались свѣтлыми, почти прозрачными. Каштановые волосы съ золотыми искорками были зачесаны назадъ и падали по плечамъ. По сложенію, ее можно было назвать скорѣй худощавою, чѣмъ полною женщиной, но даже и эта худоба очень шла къ ней. Необыкновенно тонкая талія и вся изящная фигура сильно говорили въ ея пользу. Туалетъ былъ простъ: темное репсовое платье, на которомъ рѣзко отдѣлялась золотая цѣпочка; высокія кожаныя ботинки. Никакой отдѣлки, ни одного бантика или ленточки.

Взглянувши на сестру и потомъ на брата, вы бы нашли между ними мало родственнаго. Общаго съ нею у него былъ только смуглый цвѣтъ лица и такіе же перемѣнчивые загадочные глаза. Далѣе сходство прекращалось. Онъ былъ совсѣмъ некрасивъ. Суровое, отталкивающее выраженіе лежало на этой головѣ, съ грубыми чертами, толстыми губами и коротко обстриженными волосами. Если что красило его, такъ это опять-таки взглядъ, въ которомъ много было сестринаго.

Давно уже пріятели успѣли разойтись; давно убрали со стола поданную закуску. Хозяинъ и пріѣзжая, которую, какъ оказалось, звали Клавдіей, сидѣли въ кабинетѣ.

Digitized by Google

— Ну, что? спросила молодая дѣвушка, когда братъ ея, дочитавши какое-то письмо, положилъ его на столъ.—Ты ѣдешь?

— Не знаю, какъ позволятъ дѣла, отвѣтилъ онъ отрывисто и сталъ смотрѣть въ сторону. Потомъ, какъ бы одумавшись, онъ всталъ съ мѣста и спросилъ неспокойнымъ голосомъ:—послушай, Клавдія, нѣтъ ли тутъ какой штуки? Не примиренье ли опять? Матушка давно объ этомъ хлопочетъ. Если такъ... Ты имъ скажи, что я ихъ всѣхъ къ чорту пошлю, если они будутъ вмѣшиваться въ мои дѣла. Что они въ самомъ дѣлѣ воображаютъ! Они, пожалуй, на уваженіе къ родителямъ понадѣются. Напрасно. Оно тутъ неумѣстно. Да и матушкѣ давно пора бы узнать мой характеръ: я церемониться не люблю. Пусть меня лучше не трогаютъ.

Вся тирада была высказана не переводя духу, такъ что сестра напрасно пыталась перебить ее. Наконецъ былъ услышанъ и ея голосъ.

— Да нѣтъ же, Денисъ, ты ошибаешься. Хотя мнѣ никакихъ домашнихъ секретовъ не повѣряютъ, но на этотъ разъ я навѣрное знаю, что о твоемъ пріѣздѣ хлопочетъ папа, а совсѣмъ не мама. Будь спокоенъ, ей теперь не до того. Вѣдь я тебѣ говорила, съ какой цѣлью тебя вызываютъ. Ты нуженъ по дѣлу. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. Навѣрное я опять-таки ничего не знаю.

— Ты навѣрное не знаешь, а я не желаю повторенія прошлогодней комедіи.

— Ахъ, Денисъ, какой ты скучный. Да пойми же ты, что я не знаю, на что именно ты нуженъ папа, какія у нихъ тамъ необыкновенныя событія, но могу чѣмъ угодно поручиться, что мама тутъ не причемъ. Есть ей когда заниматься этимъ. Она теперь собирается давать вечера; мало ли еще что. Могу тебя увѣрять, что это совсѣмъ не то, что̀ ты думаешь.

Клавдія немножко сконфузилась. Она какъ будто боялась говорить ясно.

— Однакожь ѣхать та̀къ, на рискъ... Вѣдь я ужь знаю себя. Если только заикнутся одно слово — я не выдержу. Выйдетъ скандалъ, можетъ быть, окончательный разрывъ.

— Полно! Можно такъ или иначе предупредить мама. Съ перваго же разу дать ей понять... Я берусь все это устро́ить. Она съ самоувѣренностью взглянула на него и затѣмъ прибавила:— покажи мнѣ письмо. Никакихъ тайнъ нѣтъ?

Увидавъ со стороны брата знакъ согласія, она протянула руку и взяла со стола письмо. Нѣсколько минутъ она молча вчитывалась, потомъ вдругъ рѣзко прочла: „я имѣю многое сообщить

Digitized by Google

тебѣ; пріѣзжай поскорѣе; у насъ несовсѣмъ ладно: дѣла принимаютъ скверный оборотъ".

— Какія дѣла, Денисъ?

— Почемъ я знаю! раздражительно замѣтилъ братъ, видимо думавшій совсѣмъ о другомъ.

Дѣвушка между тѣмъ продолжала читать вслухъ, вставляя свои собственныя замѣчанія.

— „Машина развинтилась; надобно поспѣшить опять собрать ее. Отчаяваться не слѣдуетъ, но помнить, что иногда одинъ пропавшій винтикъ можетъ все испортить". Какъ я узнаю его! Даже и въ письмахъ-то та же самая манера, тотъ же слогъ. „Враговъ пропасть, каждый день открываются новые. Но умѣнье пользоваться обстоятельствами великое дѣло: il nous fait gagner une cause perdue. Я никогда не теряю надежды. Но русская пословица гласитъ, что умъ хорошо, а два лучше. А потому и т. д." Вотъ особенное искусство говорить много и ничего не сказать. Это чисто какая-то дипломатическая нота. Онъ точно боится съ роднымъ сыномъ говорить откровенно. Можно подумать, что дѣло идетъ о политическомъ заговорѣ.

Она взглянула исподлобья на брата. Тотъ ее не слушалъ. Досада выразилась на ея лицѣ; она сдѣлала невольное движеніе, хотѣла что-то сказать, но потомъ раздумала и снова углубилась въ чтеніе письма. Наступила полнѣйшая тишина. Наконецъ, братъ заговорилъ первый. Онъ подошелъ къ сестрѣ и сказалъ ей мягче обыкновеннаго:

— Не сердись на меня, Клавдія, что я встрѣтилъ тебя такимъ бирюкомъ. Ты меня знаешь, я всегда такой.

Она подняла на него свой грустный взглядъ.

— Я не за то сержусь, Денисъ, что ты нынче не въ духѣ. Это со всякимъ случается. Но мнѣ досадно, конечно, что и ты заодно съ ними. Вы всѣ сговорились обманывать меня, скрывать отъ меня все. Вѣдь я ужь не пятилѣтній ребенокъ.

— Заодно съ кѣмъ? Обманывать въ чемъ? Онъ смотрѣлъ на нее съ непритворнымъ удивленіемъ.

— Полноте, развѣ я не вижу. Она однимъ нервнымъ движеніемъ отодвинула свое кресло.

Пусть не прогнѣвается читатель, если я тутъ же открою ему, что мнимое негодованіе Клавдіи было несовсѣмъ искренно. Но оно скорѣй вело къ цѣли. Нужно было выпытать отъ брата все, что ему извѣстно насчетъ нѣкотораго предмета. Клавдія знала, какъ трудно добиться отъ него обстоятельнаго объясненія, и пустилась на чисто женскую хитрость. Она взводила на него небы-

Digitized by Google

валыя обвиненія. Этимъ заставляла оправдываться и невольно высказываться.

— Развѣ я не понимаю? продолжала она, все болѣе и болѣе входя въ роль. — Не трудно догадаться, что это письмо написано къ человѣку, который знаетъ, въ чемъ дѣло. Какъ иначе объяснить всѣ эти намеки, недомолвки? И увѣрять меня, что онъ будто бы ничего не подозрѣваетъ. Какая наивность! Съ какой стати мнѣ будутъ писать о развинтившейся машинѣ, о врагахъ, если я не имѣю понятія, что̀ это за враги и какая это машина.

— Фу, ты, чортъ! (Денисъ разсердился). Да ты развѣ не знаешь своего папеньку? Ты не знаешь, что онъ способенъ, не смигнувши, написать полторы страницы такой ерунды, что шесть человѣкъ будутъ разбирать и не разберутъ. Тутъ вся штука въ томъ, чтобы вышло непонятно! на то только и бьютъ. Чего же мы тутъ будемъ о машинахъ толковать, когда онъ и самъ, я думаю, не зналъ, зачѣмъ вклеилъ ее сюда? Можетъ быть, ты видишь тутъ какой нибудь намекъ. Сдѣлай одолженіе, растолкуй мнѣ. Я, по крайней мѣрѣ, головы ломать не стану.

Клавдія начинала успокоиваться. Братъ слишкомъ искренно сердился на ея подозрѣнія.

— Зачѣмъ же онъ вызываетъ тебя въ Москву? продолжала она допытываться.

— Я этотъ вопросъ давича предлагалъ тебѣ, и ты даже сочла за нужное разубѣдить меня. Изъ твоихъ словъ я понялъ, что ты лучше меня знаешь дѣло.

— Нѣтъ, я говорила, что ты не нуженъ мамà, это вѣрно. Но зачѣмъ же ты понадобился отцу — вотъ вопросъ.

— Я отъ тебя получилъ письмо, при тебѣ распечаталъ его. Не было ли приписочки? я ничего въ карманъ не пряталъ.

— Ну, что̀ жь изъ этого?

— Да то, что у кого есть здравый смыслъ въ головѣ, тотъ пойметъ, что я могъ прочесть только то, что̀ написано — ни больше, ни меньше. А такъ-какъ ты сама все это прочла отъ доски до доски и даже, кажется, съ большимъ вниманіемъ, то думаю, что послѣ этого смѣшно требовать отъ меня объясненій.

— Растолкуй мнѣ, что̀ значатъ эти слова: „во всякомъ случаѣ Любарскій поможетъ мнѣ выпутаться изъ бѣды“.

— Я синьора Любарскаго никогда не видалъ и не имѣю удовольствія знать. Тѣмъ не менѣе, я не вижу въ этихъ словахъ ничего загадочнаго и понимаю ихъ именно такъ, какъ они сказаны. Совѣтую и тебѣ сдѣлать то же самое. Вѣроятно, это на-

Digitized by Google

кой нибудь знакомый. Можетъ быть, прекраснѣйшій человѣкъ, а можетъ статься, и подлецъ. Навѣрное не ручаюсь.

„Онъ, дѣйствительно, ничего не знаетъ", мелькнуло въ головѣ молодой дѣвушки, и она прибавила вслухъ:

— Это адвокатъ.

— Радуюсь за вашего адвоката.

— Ты ничего больше о немъ не слыхалъ?

— Ничего ровно.

Клавдія бросила на него странный взглядъ. У ней опять явились сомнѣнія.

— Странно; я была увѣрена, что ты его знаешь.

Братъ даже не поинтересовался узнать о причинѣ такой увѣренности.

— Любарскій знакомъ съ нами мѣсяца три, не больше, продолжала Клавдія.—Папа̀ отъ него въ восторгѣ. Мама̀ тоже.

— Ну, и ты тоже?

— Я? О, нѣтъ! Я не люблю людей, которые пользуются всеобщимъ расположеніемъ. А онъ изъ такихъ. Въ свѣтѣ его почитаютъ и уважаютъ. Маменьки мечтаютъ выдать за него своихъ дочерей. У него впереди блестящая карьера; онъ мѣтитъ въ знаменитости. Онъ и теперь душа общества: очень пріятно поетъ разные романсы, во̀ время умѣетъ сказать дерзость и во̀-время услужить, ну и т. д. Если прибавить къ этому, что онъ дѣловой человѣкъ съ головы до ногъ, то, согласись, что это идеалъ, сокровище!

— И, главное, обѣщаетъ сдѣлаться хорошимъ мужемъ.

— Ну, ну! (Клавдія зѣвнула и протянула на коверъ свои хорошенькія ножки).—Какъ кому?

— Знаешь ли, когда женщина отзывается о мужчинѣ такъ, какъ ты сейчасъ отозвалась о немъ,—развязка недалеко.

— Будто бы?

— Да; ты, подъ видомъ насмѣшки, набросала очень лестный портретъ. Еслибы ты дѣйствительно хотѣла представить его въ карикатурѣ, ты бы описала его не такъ. Ты бы сказала, напримѣръ, что у него длинный носъ, толстыя губы, или лысина на головѣ; что у него визгливый голосъ, что онъ безъ толку хохочетъ, не умѣетъ держать себя въ гостиной, что онъ наступаетъ дамамъ на платье, не умѣетъ сказать ничего остроумнаго. Да мало ли можно подмѣтить смѣшныхъ сторонъ. А то вдругъ, видите ли, нашла какіе недостатки: что онъ общій любимецъ, блеститъ въ обществѣ, умѣлъ составить себѣ карьеру,—однимъ словомъ, прослылъ за молодаго человѣка, подающаго большія надежды. И кого вы хотите этимъ надуть, — вы, барыни? Да

Digitized by Google

васъ хлѣбомъ не корми, давай вамъ только краснобая, шаркуна, разумѣется, ловкаго шаркуна, а не какого нибудь парикмахера. Лоску требуется ровно настолько, чтобы пошлость ужь не слишкомъ проглядывала. Да, впрочемъ, что я говорю. Вы и парикмахеромъ не побрезгуете: все-таки лишній поклонникъ.

Денисъ отчаянно махнулъ рукой. Сестра съ сожалѣніемъ поглядѣла на него.

— Старыя раны еще не зажили, проговорила она чуть слышно.

Но у брата былъ тонкій слухъ.

— Оставь ихъ, Клавдія. Къ чему тутъ личности. Я говорю вообще. Это мое убѣжденіе. Стало быть, ужь выработалось такое, а какъ выработалось — до этого никому нѣтъ дѣла.

Онъ помолчалъ и потомъ прибавилъ:

— Женщинъ уважать нельзя. Всякій здравомыслящій человѣкъ кончитъ тѣмъ, что придетъ къ этому убѣжденію.

— Полноте, господа. Всѣ вы у насъ въ рукахъ. Кто насъ не уважаетъ, тотъ намъ поклоняется.

— Скорѣе упаду въ ноги золотому телцу, чѣмъ женщинѣ.

— Да это само собою. Одно другому не мѣшаетъ. У васъ вѣдь середины нѣтъ. Вы либо въ грязь насъ топчете, либо на мраморный пьедесталъ ставите. Это скучно. Оттого-то меня и не плѣняютъ ваши пламенные взоры. Я хорошо знаю имъ цѣну.

— Вотъ какъ! А завтра г. Любарскій объяснится въ любви, и завтра же Клавдія Васильевна будетъ воспѣвать блаженство вдвоемъ.

— Говорятъ, что этотъ адвокатъ влюбленъ въ меня; кажется, меня даже прочатъ ему въ невѣсты, но... Тутъ много разныхъ „но“. Конечно, мнѣ очень пріятно понравиться всякому, только не ему.

— Весьма многозначительная фраза.

— Да, смѣйся, Денисъ, а мнѣ совсѣмъ невесело. Г. Любарскій играетъ у насъ въ домѣ какую-то странную роль.

— А напримѣръ?

— Какъ бы тебѣ сказать. Да вотъ хоть бы это. Объясни мнѣ, пожалуйста. На той недѣлѣ былъ у насъ обѣдъ. Мама, разумѣется, ищетъ популярности, папа говоритъ спичи. Все какъ слѣдуетъ. Всѣ наши обычные посѣтители на лицо, есть и новыя лица. Недостаетъ только г. Любарскаго, а онъ, надо тебѣ замѣтить, послѣднее время сдѣлался у насъ совершенно домашнимъ человѣкомъ. Какъ-то не въ порядкѣ вещей, что его нѣтъ на званомъ обѣдѣ. Разумѣется, спрашиваютъ: а что же нашъ милѣйшій Михайло Константиновичъ, гдѣ онъ пропадаетъ? что его давно не видать? Вдругъ папа принимаетъ видъ убійствен-

Digitized by Google

ной холодности и объявляетъ, что онъ его рѣдко видитъ, а потому не имѣетъ удовольствія знать, какъ онъ поживаетъ. Мама,— та просто и говорить не хочетъ о немъ. Странно какъ-то это. Человѣкъ только наканунѣ былъ у насъ, игралъ съ папашей въ домино, съ нами со всѣми любезничалъ, и вдругъ говорятъ, что его давно не видали. Но представь себѣ потомъ мое удивленіе. Какъ ты думаешь, гдѣ онъ былъ во время этого самаго обѣда?

— Почемъ я знаю?

— Онъ былъ у насъ. Онъ просидѣлъ все время въ конторѣ. Отъ кого онъ скрывался, я не знаю. Думаю, что не отъ папа̀ и не отъ мама̀, потому что имъ было извѣстно его присутствіе. Папаша даже впродолженіе вечера два раза заходилъ къ нему. Спрашивается, отъ кого же онъ прятался? отъ гостей?

— Что за вздоръ!

— Однако, это — фактъ.

— Случай, больше ничего. Онъ, вѣрно, былъ занятъ, да, наконецъ, не хотѣлъ присутствовать на этомъ оффиціальномъ обѣдѣ. Это со всякимъ бываетъ, что просто на лицо человѣческое не хочется взглянуть. Чувствуется потребность быть одному.

— Хорошо. Зачѣмъ же было сочинять, будто его цѣлые два мѣсяца не видали и будто онъ у насъ совсѣмъ не бываетъ? Тоже случай? Наконецъ, слушай, вотъ еще что: вчерашній день у насъ опять былъ обѣдъ и опять повторилась старая исторія. Гости спрашиваютъ: что же нашъ милый Михаилъ Константиновичъ? Хозяева ничего знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ. Я встаю изъ-за стола, иду въ свою комнату и въ корридорѣ встрѣчаю г. Любарскаго. Это тоже случай?

— Да, это странно.

Денисъ пожалъ плечами.

— У насъ съ нѣкотораго времени въ домѣ все странно.

Послѣ этого замѣчанія разговоръ не клеился. И братъ, и сестра задумались.

Поздно вечеромъ, когда уже всѣ непросвѣщенные обитатели Малиновки спали сномъ праведниковъ, а мѣстная аристократія шумно садилась за ужинъ, въ окнахъ инженера свѣтился огонь. Онъ и пріѣзжая сидѣли за чаемъ, или, вѣрнѣе сказать, сидѣлъ только онъ, а она безпрестанно вскакивала съ мѣста и вертѣлась то въ одномъ, то въ другомъ углу. Пришла вдругъ фантазія приводить все въ порядокъ и, главное, придать комнатѣ видъ уютности, которой такъ часто не достаетъ въ квартирѣ одинокаго человѣка. Есть люди, которые не могутъ смотрѣть

Digitized by Google

равнодушно, если одинъ уголокъ салфетки длиннѣе другого и стулья вытянуты не въ струнку. Ихъ раздражаетъ не на мѣстѣ брошенная книга или не симметрично поставленные подсвѣчники. Клавдію никакъ нельзя было отнести къ этому разряду. Врагъ нѣмецкой чистоты и аккуратности, она любила живописный безпорядокъ и иногда, въ шутку, принималась увѣрять домашнихъ, что въ этомъ нѣтъ ровно ничего предосудительнаго. Братъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ смотрѣлъ, какъ она передвигала экранъ, разбрасывала книги по столу, зажигала свѣчи, перенесла изъ другой комнаты букетъ цвѣтовъ, смахнула пыль съ этажерки и вездѣ руководствовалась только своими личными, никому непонятными соображеніями.

Денисъ задумчиво смотрѣлъ на сестру. Невеселыя мысли вертѣлись у него въ головѣ. Когда-то въ этомъ самомъ домѣ хозяйничала другая женщина. И она тоже понимала комфортъ посвоему: требовала малиновыхъ драпри, бронзовыхъ часовъ на каминъ, дорогаго, лохматаго ковра подъ ноги. И она когда-то сидѣла тутъ за чайнымъ столомъ, разливала чай своими хорошенькими, бѣленькими ручками, шутила, смѣялась, умѣла оживить его, развеселить. Слышался ему шелестъ шелковаго платья, видѣлась очаровательная фигурка и улыбка, противъ которой нельзя было устоять. Гдѣ теперь все это? Едва-ли въ эту минуту Денисъ видѣлъ свою сестру. Мрачный взглядъ его остановился на одной точкѣ; низко опустилась голова, а лицо оставалось въ тѣни, загороженное отъ свѣта рукою, облокотившеюся на столъ. Дѣвушка, замѣтивши его задумчивость, остановилась у стѣны при полномъ освѣщеніи, падавшемъ на ея смуглыя, смѣлыя черты. Поправляя разсыпавшіеся волосы, она украдкою смотрѣла на брата. Грусть и любопытство свѣтились въ ея глазахъ. Вышла живая картина.

Но не мѣсто поэзіи въ обыденной жизни. Эффектъ пропалъ еще скорѣй, чѣмъ появился. Онъ принялся за недопитый стаканъ, она спросила нѣтъ ли у него шпильки, и оба улыбнулись. „Хорошій признакъ", подумала Клавдія: „я его развеселю".

— Денисъ, продолжала она: —нынче въ вагонѣ двое какихъ-то господъ разговаривали объ инженерѣ Ракитинѣ. Вѣдь это объ тебѣ. Другого такого Ракитина, да еще вдобавокъ инженера, я не знаю.

— Ну, что же про меня говорили?

— Вопервыхъ, что ты милліонеръ! Ты этого до сихъ поръ не зналъ? Ну, такъ узнай. Вовторыхъ, что ты ограбилъ если не всю Россію, то ужь всю здѣшнюю компанію, по крайней мѣрѣ.

Денисъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

Digitized by Google

— Послушай, ты конечно не разсердишься. Я такъ просто хохотала въ душѣ, когда слушала это. Глядя на нихъ, можно было подумать, что ты вчера только пришелъ и исповѣдался имъ во всѣхъ своихъ грѣхахъ. Надо видѣть, съ какой самоувѣренностью все это разсказывалось. „Ракитинъ! о, да это извѣстный... я не буду повторять выраженія — оно очень ужъ энергично — онъ съ Малиновскаго помѣщика взялъ 25,000 за то, что боковая вѣтвь пошла черезъ его мнѣніе. Тотъ ему въ знакъ благодарности и домъ свой уступилъ.

— Свиньи, раздражительно замѣтилъ Денисъ.

— Полно, они не вѣдаютъ, что творятъ. Ужъ если строитель дороги, такъ непремѣнно подлецъ. Такъ принято. Нельзя же имъ сдѣлать для тебя исключенія. Что̀ принято, то свято.

— Что эта дура Любочка, зачѣмъ сюда пріѣхала?

— Дура! какъ ты скоро судишь. Она совсѣмъ не глупая дѣвочка.

— Не знаю: она мнѣ напоминаетъ грецкую губку. Напитается всякими убѣжденіями, потомъ возьми, пожми—фють! пусто.

— Крестовый походъ противъ женщинъ?

— Да, и тебя, матушка, не исключаю, извини. Будь ты геній, но ужь достаточно прибавить: женщина, и я скажу, что у твоей геніальности недостаетъ здраваго смысла.

— Ахъ, Денисъ, не довершай удара: вѣдь здравый-то смыслъ мнѣ и нуженъ. Иначе мои планы никуда не годятся.

— А ты ихъ еще не забыла?

Она вспыхнула и оживилась первый разъ со времени своего пріѣзда.

— Я не могу жить безъ цѣли. Если не будетъ этой, придется отыскивать другую. А ты знаешь, какъ скучно начинать съизнова, когда почти все уже готово.

— Т.-е. что̀ все? подсмѣивался братъ.

— Вопервыхъ, твоя помощь. Она мнѣ необходима.

— Ну, а вовторыхъ?

— А своя-то голова на что же?

— Ну, а что если я раздумалъ?

Тревога блеснула на минуту въ ея глазахъ, но потомъ, взглянувши на него, она успокоилась.

— Ты хорошій человѣкъ, Денисъ, ласкалась сестра, лукаво заглядывая ему въ глаза. — Не мучай же меня. Скажи, что ты отъ своего слова никогда не откажешься.

— Клянусь! воскликнулъ онъ, съ комическимъ жестомъ поднимая свою руку къ небу.

— Браво! я твою клятву принимаю серьёзно.

Digitized by Google

— Я думалъ, ты заставишь меня перекреститься.

— Не надобно. Я и такъ довольна. Помни же: всякое содѣйствіе и поддержка—нравственная и матеріальная.

— Главное, матеріальная.

— Пожалуй, что и такъ. Впрочемъ, не знаю еще, которая изъ нихъ важнѣе.

— Ну, а что если у меня съ родителями выйдетъ размолвка? Этого въ условіи не поставлено.

Она жалобно поглядѣла на него.

— Нѣтъ, Денисъ, пожалуйста!

— И ссориться нельзя? Какъ же быть, когда разсердятъ?

— Ты не взыскивай съ мама, она свѣтская дама.

Онъ засмѣялся.

— Это у тебя бранное слово? Ну, хорошо. Налей-ка мнѣ за это стаканъ чаю.

Она налила и передала ему стаканъ съ сіяющимъ видомъ.

— Это въ награду за мою уступчивость? Спасибо!

Она нагнулась и поцѣловала его въ лобъ. Это была вторая награда, уже не въ счетъ абонемента! Потомъ разговоръ полился рѣкой. Она болтала съ дѣтскимъ смѣхомъ о разныхъ пустякахъ, разсказывала забавные анекдоты про своихъ знакомыхъ. Сколько разъ острое словцо безъ церемоніи задѣвало какую-нибудь очень почтенную личность, даже недопускавшую возможности неуважительнаго отзыва о себѣ. Папа и мама должны были не разъ ахнуть, судя по тому, что̀ передавала о нихъ дочка. У нѣкоторыхъ барышенъ въ этотъ вечеръ непремѣнно разгорѣлись уши (вѣрный признакъ, что васъ кто-нибудь отщелкалъ за глаза), потому что Клавдія Васильевна страдала слабостью, свойственною почти всѣмъ остроумнымъ людямъ: въ припадкѣ краснорѣчія не щадить ближнихъ. Это не были женскія сплетни и пересуды, — далеко нѣтъ, а часто очень мѣткія опредѣленія. Они казались злыми, именно потому, что прямо попадали въ цѣль. Вѣрно подмѣтить слабости человѣческія и назвать ихъ настоящимъ именемъ—совсѣмъ не то, что узнавать, напримѣръ, кто во что одѣвался, да кто что ѣстъ, да кто кого осудилъ или обругалъ. По крайней мѣрѣ, моя героиня была такого мнѣнія и очень ловко подтрунивала надъ извѣстными особами, не забывая и себя. Въ заключеніе, она объявила, что очень счастлива.

— Знаешь, Денисъ, отчего мнѣ быть несчастной? До сихъ поръ мнѣ почти все удается, что̀ я задумала. Дома есть непріятности, конечно, и впереди еще будетъ не одна. Но это пустяки: нельзя же пугаться всякаго столкновенія. Безъ нихъ что и за жизнь. Они все-таки красятъ ее. Какъ хочешь, а это борь-

Digitized by Google

ба за существованіе. Теперь возьмемъ мы людей. Я вовсе не смотрю на нихъ сквозь розовыя очки, а все-таки хорошіе люди есть—противъ этого вѣдь ужь нельзя спорить; да наконецъ и тѣ, которые и такъ себѣ, плохенькіе, и тѣ могутъ пригодиться. Надобно только умѣть расшевелить ихъ. Я не вѣрю, чтобъ въ человѣкѣ могло когда-нибудь угаснуть ужь все хорошее. Нѣтъ, въ извѣстныя минуты каждый можетъ быть героемъ. Точно такъ же, какъ и всякій герой бываетъ иногда трусомъ, посредственностью.

Глядя на ея восторженное, пылающее лицо, Денисъ подумалъ, какъ счастливъ будетъ человѣкъ, который на ней женится. Онъ хорошо зналъ свою сестру: въ ней было много юности, неподдѣльнаго увлеченія жизненными вопросами, и какого-то страннаго пренебреженія богатству, нарядамъ и свѣтскому обществу. Она и мечтала не такъ, какъ барышни. Тамъ, гдѣ она создавала свои идеалы, тѣ видѣли только кучу мусора. И наоборотъ: она не понимала, какъ можно безъ скуки мечтать о каретѣ и ливрейныхъ лакеяхъ. Да, безъ сомнѣнія, она составляла пріятное исключеніе между женщинами. Всѣ эти мысли, однако, Денисъ приберегъ для себя, а вслухъ сказалъ вотъ что:

— Вступать въ жизнь съ такими убѣжденіями, значитъ прямо разбить себѣ лобъ о первую стѣну.

— Напрасно ты такъ думаешь. Я готова къ борьбѣ и не боюсь ея.

Братъ усмѣхнулся.

— Не мудрено, потому что вы отъ борьбы-то непремѣнно ожидаете чего нибудь величественнаго. А на самомъ дѣлѣ, это препошлая штука. Начнется съ того, что маменька не велитъ, и папенька не приказываетъ. Стонъ, плачъ и рыданіе, и въ концѣ-концовъ — смиреніе.

— Отчего же непремѣнно смиреніе?

— А то что же?

— Если нельзя уладить мирно, можно разойтись съ семействомъ.

— А если тебя вытребуютъ черезъ полицію?

Клавдія пришла въ негодованіе.

— Ты ужь, стало быть, не хочешь признавать никакого родственнаго чувства. Ни одинъ отецъ, ни одна мать не согласятся погубить свою дочь. Они будутъ деспотами, будутъ отравлять ей каждую минуту, пока она дома, но ужь разъ увидятъ, что ничего не помогаетъ — они дадутъ ей свободу. Почему наши барышни въ семьѣ, какъ въ тюрьмѣ, не смѣютъ говорить съ кѣмъ вздумается, а ужь тѣмъ болѣе устраивать свою судьбу

Digitized by Google

безъ позволенія папаши съ мамашей? Развѣ потому, что въ самомъ дѣлѣ нѣтъ выхода? Вздоръ. Просто оттого, что онѣ тряпки. У нихъ духу не хватаетъ начать борьбу. А которыя похрабрѣе, тѣ, пожалуй, начнутъ, да сейчасъ же и струсятъ. А ну, какъ въ самомъ дѣлѣ мамаша разсердится да перестанетъ мнѣ шляпки покупать? А ну, какъ папаша возьметъ, да и не пуститъ въ собраніе? Нѣтъ, ужь я лучше пойду ручку поцѣлую. Глупы были бы родители, еслибы они этимъ дочкамъ дали волю. Я бы такую барышню стала на цѣпочкѣ водить. Она не почувствуетъ. Были бы десятирублевыя ботинки на ногахъ, да модная шляпа на головѣ.

— Хорошо, эти барышни — телятина, согласенъ. Ну, а ты какъ думаешь: дать генеральное сраженіе и одержать блистательную побѣду?

— Я бы много дала, чтобы обойти домашнія сраженія. Гораздо лучше уладить все мирно. Ближе къ цѣли. Но ужь, конечно, если придется выбирать между безусловной покорностью...

Она не договорила и задумалась.

— А что, Денисъ, вѣдь мы съ тобой не знаемъ, зачѣмъ ты имъ теперь понадобился.

— Вѣрно, что-нибудь вышло по дѣламъ правленія. Ты не слыхала, когда назначено годовое собраніе?

— Не знаю; кажется, скоро.

— Ну, вѣроятно, такъ. Вотъ что: тутъ есть одинъ господинъ, которому все это извѣстно лучше нашего. Онъ даже въ нѣкоторомъ родѣ учредитель этого общества, т-е. по крайней мѣрѣ, онъ подалъ первую мысль, привлекъ капиталистовъ, и потомъ, кажется, самъ же первый и бросилъ. Но дѣло не въ томъ: онъ все-таки слѣдитъ за всѣмъ. Надо будетъ обратиться къ нему. Это нѣкто г. Домейко.

Клавдія удивилась.

— Какъ, онъ здѣсь? Я его знаю.

— Давно ли?

— Да ужь съ годъ, должно быть. Я его видаю, впрочемъ, довольно рѣдко у одной знакомой. Ты вѣроятно знаешь: у Лизаветы Ивановны?

— Ну, слыхалъ.

— Вѣдь я съ ней знакома почти противъ воли мама. Всякій разъ, какъ я къ ней отправляюсь—у насъ сцена. Fi donc! жена какого-то учителя! Можетъ ли для меня быть полезно ея общество! У насъ вѣдь поставлено за правило: мѣшать полезное съ пріятнымъ. Столько-то золотниковъ полезнаго и столько-то пріятнаго. Ну, а я съ аптекарскимъ вѣсомъ не справляюсь и хо-

Digitized by Google

жу къ этой женщинѣ, потому что она мнѣ нравится. Еще скажу тебѣ на ушко: это моя будущая помощница.

— Вотъ какъ! Такая же рьяная, какъ и ты?

— Да, я на нее имѣю большія надежды. Больше чѣмъ на Любочку.

— Какъ! и Любочка въ заговорѣ?

— Съ отцомъ.

— Ужь не слишкомъ ли это роскошно?

— Мнѣ ея отецъ-то главнымъ образомъ и надобенъ. Вся черная работа на немъ. Онъ станетъ хлопотать по присутственнымъ мѣстамъ, вездѣ гдѣ нужно.

— О, да вы не такія дурочки, какъ я думалъ.

Сестра присѣла за комплиментъ.

— Такъ смотри же, покажи мнѣ Домейко, просила Клавдія.— Я люблю съ нимъ болтать.

— Не знаю, гдѣ его найдти. Думаю, что всего легче у директора. Онъ у него бываетъ по вечерамъ.

— У Любочкинова дяди?

— Да. Если хочешь, пойдемъ туда завтра. Кстати, увидишь тамъ всѣхъ здѣшнихъ аристократовъ.

Сестра согласилась. Такъ на томъ порѣшили и разошлись.

На другомъ концѣ дома была небольшая комнатка съ разными затѣями въ видѣ фарфоровыхъ вазъ, дорогихъ подсвѣчниковъ, крашеныхъ ковриковъ, трюмо въ изящной рѣзной рамѣ. Вездѣ были слѣды женскаго присутствія. Кому могъ принадлежать этотъ туалетъ, обтянутый бѣлой кисеей и розовымъ атласомъ, какъ не женщинѣ? Нѣсколько флаконовъ съ духами, пудра, всевозможныя щеточки и гребеночки свидѣтельствовали, что тутъ не разъ распоряжалась дамская ручка. На рабочемъ столикѣ стоялъ черепаховый несессеръ и серебряная корзиночка съ письмами; на окнѣ стеклянный кувшинъ съ давно уже засохшими цвѣтами. Точно хозяйка только что сейчасъ вышла изъ комнаты. Даже раскрытый альбомъ на этажеркѣ такъ и остался раскрытымъ. Видно было, что всѣ эти вещи береглись какъ святыня.

Клавдія остановилась и задумчиво смотрѣла на нихъ. Знала ли она, что надъ этими вазами и корзиночками плакалъ человѣкъ, котораго она считала стоикомъ, образцомъ твердости? Да, бывали дни, когда братъ ея рыдалъ тутъ какъ ребенокъ, когда онъ, забывая всякое достоинство, цаловалъ занавѣски на окнахъ и подушки на постели. Еслибы она могла только знать, какія унизительныя сцены разыгрывалъ здѣсь этотъ, по ея мнѣнію, сильный характеромъ человѣкъ! Нѣтъ, она и не подозрѣвала,

Digitized by Google

что чувствовалъ иногда тотъ самый Денисъ, котораго она видала взбѣшеннымъ, суровымъ, равнодушнымъ, но никогда слабымъ или безхарактернымъ.. Она слѣпо вѣрила въ его могучую силу, честность и трудолюбіе.

Братъ былъ немножко ея идеаломъ. Врагъ всякихъ формальностей и приличій, онъ жилъ спартанцемъ. Имѣлъ, правда, много странностей, но онѣ дѣлали его какъ-то еще загадочнѣе и еще интереснѣе. Понятія о справедливости доходили у него до утрировки. Онъ боялся поступить такъ или иначе, не потому что это могло имѣть дурныя послѣдствія (послѣдствія могли явиться какія угодно, это его не смущало), а потому, чтобы какъ нибудь не оскорбить справедливость, хоть бы даже издалека, въ десятомъ колѣнѣ. Отъ размышленій насчетъ справедливости онъ быстро перешелъ къ разнымъ отвлеченнымъ умствованіямъ и, наконецъ, ударился въ философію, да такъ, что не на шутку грозилъ проглотить всю ея премудрость. Клавдія и это прощала брату, хотя была съ философіей въ самыхъ скверныхъ отношеніяхъ. Денисъ еще съ дѣтства былъ ея единственнымъ другомъ и повѣреннымъ всѣхъ ея тайнъ. Тринадцатилѣтняя дѣвочка, она посвящала ему свои стихотворенія, въ 15 лѣтъ она читала книги по его выбору, просила объясненій, спорила и все-таки, кромѣ его, не хотѣла признавать ни одного авторитета. Потомъ отношенія ихъ стали серьёзнѣе. Онъ привыкалъ смотрѣть на нее какъ на ровную. Слушая ея остроумные, хотя подчасъ весьма шаткіе доводы, онъ самъ дѣлался остроумнымъ. Онъ защищалъ ее отъ нападенія родителей, онъ отстаивалъ ея права въ семействѣ. Какъ же ей было не привязаться къ этому человѣку? Онъ усыпалъ ея жизненный путь, хоть и не розами, но песочкомъ—и то хорошо. Скверно только, что тутъ вмѣшалась другая женщина. Дружба висѣла на волоскѣ. Еще немного, и она бы оборвалась. Къ счастью, этого-то „немногаго“ и не случилось. Та, „другая, пролетѣла какъ метеоръ“ и оставила по себѣ одни болѣе или менѣе грустныя воспоминанія. Денисъ остался прежнимъ Денисомъ, впрочемъ, съ нѣкоторою долею ненависти къ прекрасному полу. На словахъ онъ, случалось, и сестрѣ давалъ почувствовать что-то въ родѣ презрѣнія, но на дѣлѣ былъ все тотъ же другъ и помощникъ. Теперь на его помощи она основывала всѣ свои лучшія надежды.

Digitized by Google

II.

Въ домѣ директора собирались только аристократы, плебеи туда не допускались. То-есть аристократы, съ малиновской точки зрѣнія. Графовъ, князей, министровъ, крупной руки банкировъ вы бы не отыскали тутъ при всемъ усердіи. Денежныя и родовыя привиллегіи оставались въ сторонѣ. Здѣсь собирались все люди на дѣловой подкладкѣ, люди практики. Одинъ весь вѣкъ провозился съ фабричными и машинами, другой безсмѣнно дежурилъ на желѣзной дорогѣ, третій ничего не читалъ, кромѣ разныхъ смѣтъ и раскладокъ, четвертый скакалъ какъ угорѣлый по лѣсамъ, пятый весь ушелъ въ интересы торговаго міра. Въ свободное время сражались за карточнымъ столомъ, сочиняли замысловатые обѣды, длинные ужины или завтраки, а подъ конецъ вмѣсто десерта подавались умные разговоры о трудѣ и капиталѣ. Газеты читались очень усердно, особенно запрещенные нумера. Только пронесется слухъ, что прекращена розничная продажа той или другой газеты, сейчасъ же нѣсколько экземпляровъ появляются въ Малиновкѣ и пойдетъ ходить по рукамъ запретный плодъ. Даже дамы, случается, уткнутъ въ вѣдомости свои миленькіе носики и очень обижаются, когда не находятъ въ статьѣ ничего пикантнаго. Изрѣдка кто-нибудь дерзнетъ одолѣть цѣлую книгу, и вдругъ ни съ того ни съ сего провозгласитъ, что я, молъ, вотъ читалъ Васильчикова о самоуправленіи, или Кошелева—„Голосъ изъ земства". Потолкуютъ, подивятся, кстати кого-нибудь выругаютъ, да и сыграютъ десять въ червяхъ. Конечно, были и тутъ люди азартные, читавшіе не только Васильчикова, но и Бокля. Да вѣдь кто же не знаетъ, что нѣтъ правила безъ исключенія. Я вовсе не имѣю претензіи подвести подъ одну мѣрку весь кружокъ: есть частности, которыя нарушаютъ гармонію цѣлаго, зато въ общемъ фотографія вѣрна. И главное, никому не обидна. Кто изъ насъ, читатель, не любитъ поиграть, позлословить, хорошенько пообѣдать? Всякій, я думаю; а на людяхъ, говорятъ, и смерть красна. Что у одного человѣка называется слабостью, у всѣхъ вмѣстѣ составляетъ не болѣе, какъ обычай. Если у меня рожа крива, то это грустно и главное—безобразно. Но если рожа крива у всѣхъ, то бѣда невелика: всѣ соглашаются въ одинъ голосъ, что истинная красота въ томъ и состоитъ, чтобы имѣть носъ свороченный на сторону. Міръ оказывается наполненъ красавцами и никто не въ обидѣ. Пока я описываю малиновское об-

Digitized by Google

щество вообще, малиновскіе аристократы только посмѣиваются. Но что, если описать каждаго отдѣльно? Попробуйте-ка разскажите, какъ одна дама утверждаетъ, что ей 32 года, тогда какъ она родилась въ 25 году, стало быть... и т. д. Какъ одна дѣвица выучила четыре романса и безъ устали распѣваетъ ихъ ужь другой годъ. Какъ одинъ господинъ терпѣть не можетъ домашнихъ ссоръ и среднимъ числомъ семь разъ въ недѣлю ругается съ женой. Какъ одна барыня ненавидитъ сплетни, но зато весьма неравнодушна къ сплетникамъ и очень пріятно дѣлитъ съ ними время. Какъ одинъ джентльменъ любилъ выдавать чужія остроты за свои собственныя и свои промахи за чужіе. Разскажите все это, и вы увидите, какія будутъ послѣдствія.

Любочкинъ дядя былъ, что называется, милый человѣкъ. Любилъ жить открыто, находился подъ башмакомъ у жены, дома ходилъ въ парусинномъ пальто и не снималъ его даже для гостей. На лицѣ никакихъ особенныхъ примѣтъ не имѣлъ, а по характеру за нимъ знали двѣ странности. Вопервыхъ, онъ очень уважалъ греческій языкъ (можетъ быть именно потому, что не имѣлъ о немъ ни малѣйшаго понятія), и вовторыхъ, за картами онъ всегда сердился, даже когда выигрывалъ. Близкіе родственники никогда не садились играть съ нимъ, потому что это значило навѣрное проглотить дурака, осла или болвана. Хозяйка дома тоже до крайности гостепріимна. Но у нея странная манера выражать свое радушіе. Она почему-то увѣрена, что гости ея тогда только будутъ счастливы, когда она всѣхъ ихъ усадитъ полукругомъ въ гостиной и заведетъ общій разговоръ. Гости были, повидимому, другого мнѣнія. Догадываясь объ ея злостномъ намѣреніи, они всячески старались разбѣжаться по разнымъ угламъ и даже, если можно, по разнымъ комнатамъ. Подъ конецъ вечера оказывалось всегда, что усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ. Хозяйка съ отчаяніемъ смотрѣла, какъ пустѣютъ около нея кресла и какъ утопающій хватается за соломенку, такъ она хваталась за какую-нибудь несчастную жертву и не выпускала ее до тѣхъ поръ, пока не переговоритъ обо всѣхъ матеріяхъ важныхъ и неважныхъ. Жертва молчала, изрѣдка вставляла свое словечко и съ тоской ожидала, когда же это доложатъ, что чай готовъ или ужинать подано.

Ради пріѣзда брата и племянницы, у директора устроился маленькій вечеръ. Часовъ около семи, дисциплина еще не нарушалась. Гости сидѣли полукругомъ въ гостиной и пытались поддержать разговоръ. Хозяйка неслась на всѣхъ парахъ: разсказывала про зубную боль, про боль подъ ложечкой, про покойника отца, про покойницу матушку и грозила пустить-

Digitized by Google

ся въ толки о сновидѣніяхъ, когда произнесли роковую фразу: чай готовъ. Всѣ вздохнули свободно, а всѣхъ свободнѣе сама героиня празднества—Любочка. Ей нужно было собрать все свое родственное уваженіе, чтобы выдержать пытку до конца и не попросить тетку замолчать. За то ужь только что та переступила за порогъ, какъ эта затрещала. Но разница была большая. Во-первыхъ, она не держала гостей за шиворотъ и не только не мѣшала, но даже поощряла ихъ желаніе устроиться какъ-нибудь поуютнѣе. Вовторыхъ, она была молода и, стало быть, для нѣкоторыхъ очень привлекательна. Необыкновенная свѣжесть—это единственный комплиментъ, который ей можно было сдѣлать, но и этимъ она уже очень много выигрывала. Шиньонъ, взлетѣвшій на самую макушку, и высокіе каблуки дѣлали ее гораздо выше, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Ея небольшіе глазки съ красными жилками безпрестанно щурились и закрывались. Она каждую минуту какъ будто ожидала чего-то очень пріятнаго. Безукоризненный туалетъ ея бросался въ глаза именно безукоризненностью. Кружевца, бархатки, медальйонъ—все это было такъ на своемъ мѣстѣ, что, казалось, сдвинуть еще на полвершокъ—и гармонія пропадетъ. Кто бы подумалъ, глядя на этотъ туалетъ, что Любочка была барышня очень либеральная, что она любила говорить о свободѣ труда, о свободѣ женщинъ, о свободѣ совѣсти, однимъ словомъ, о свободѣ поголовной. Не говоря уже о томъ, что она бывала во всевозможныхъ клубахъ и театрахъ (тамъ бываютъ всѣ), она ѣздила на земскія собранія и въ окружной судъ. Она являлась всюду, куда только женщинѣ можно было показать носъ: на лекціи, на женскіе курсы, на засѣданія разныхъ обществъ и, какъ дѣвица не совсѣмъ еще развращенная, всюду таскала за собой отца. Папенька этотъ сильно грѣшилъ противъ второй заповѣди, потому что сотворилъ себѣ изъ дочки кумира и только что не клалъ ему земныхъ поклоновъ. Такой же добродушный, какъ и братъ, и онъ тоже всю жизнь былъ обреченъ испытывать прелесть женской туфельки. Въ юности онъ боготворилъ всѣхъ женщинъ вообще, потомъ перенесъ обожаніе на жену и наконецъ на дочь. Покойница, вѣроятно, съ того свѣта радовалась, глядя, какъ родное дѣтище пошло по ея стопамъ. Только что бразды правленія выпали изъ рукъ матушки, какъ дочка подхватила ихъ и не дала даже старику почувствовать всей прелести свободы. Одна только льгота была дана ему: это — позволеніе трунить надъ затѣями дочки, смѣяться надъ ними, сколько душѣ угодно, но никакъ не противорѣчить... Старикъ и пользовался этимъ правомъ безъ зазрѣнія совѣсти. Таскаясь за дочкою по зем-

Digitized by Google

скимъ собраніямъ и окружнымъ судамъ, онъ трунилъ и надъ собой, и надъ нею, и надъ ближними елико возможно. Наединѣ Любочка даже не находила нужнымъ вступать съ нимъ въ состязаніе, но при постороннихъ любила щегольнуть краснорѣчіемъ и пускалась въ споръ. Цѣлый фейерверкъ модныхъ словъ сыпался на голову отца, а тотъ продолжалъ себѣ подтрунивать какъ ни въ чемъ ни бывало.

На этотъ разъ старика не оказалось въ гостиной. Онъ ушелъ въ чайную и тамъ около самовара, въ самомъ покойномъ креслѣ и въ своемъ неизмѣнномъ тулупчикѣ на собачьемъ мѣху, дремалъ въ ожиданіи картъ. А дочка его въ это время была счастлива. Она ходила съ Жоржинькой по залѣ и вела съ нимъ интимный разговоръ. Дружба ихъ быстро подвигалась впередъ, особенно если принять во вниманіе, что первое знакомство было сдѣлано только наканунѣ. Жоржинька уже входилъ во вкусъ и принималъ повременамъ свирѣпое выраженіе. Это значило, что онъ увлекался. Вспомнивъ, впрочемъ, что разговариваетъ съ дѣвицей, спѣшилъ состряпать улыбку.

— Къ несчастію, мы не понимаемъ, ораторствовала Любочка:— что намъ нужно единодушіе, какъ можно больше единодушія. Вы согласитесь, что же можетъ сдѣлать одна какая-нибудь единица среди общества, которое ей не сочувствуетъ? Напримѣръ, еслибы я выдумала сдѣлаться чиновникомъ, стали бы вы мнѣ сочувствовать?

Жоржинька соображалъ, что, въ самомъ дѣлѣ, надо ли ей сочувствовать или нѣтъ? и старался представить себѣ Любочку въ мундирѣ. Но та уже летѣла дальше, не дожидаясь отвѣта.

— Впрочемъ, нѣтъ! чиновникъ, администраторъ—это уже отжившія понятія. Можетъ быть, они необходимы, я не знаю, но во всякомъ случаѣ они ужъ свою прелесть потеряли. Возьмемъ что-нибудь болѣе живое. Докторъ, напримѣръ. Вы, надѣюсь, ничего не имѣете противъ того, чтобы женщина была докторомъ?

Вопросъ былъ сдѣланъ такимъ тономъ, дескать, „посмѣй только отказаться“. Жоржинька понялъ и объявилъ, что онъ ровно ничего не имѣетъ противъ этого.

— Ну, хорошо, вы — положимъ! Вы человѣкъ развитой. Но, Боже мой, сколько же у насъ людей, которые знать ничего не хотятъ. Пусть остается женщина по прежнему стряпухой, нянькой, пожалуй кокеткой, но, чтобы у нея явились какія-нибудь человѣческія стремленія—Боже сохрани! Вы скажете мнѣ, что все это избитыя мѣста. Но что жь дѣлать? Есть вещи, которыя имѣютъ для насъ всегда прелесть новизны.

Жоржинька разсматривалъ ея фигуру и думалъ, какъ бы

Digitized by Google

возобновить поскорѣе давишній разговоръ о чувствахъ. (Утромъ они только было-пустились въ психологическія тонкости, но завтракъ помѣшалъ).

— Женщина, храбро началъ Жоржинька:—по моему, въ извѣстныхъ отношеніяхъ выше мужчины, а въ извѣстныхъ отношеніяхъ ниже.

„Сейчасъ сведу рѣчь на кротость, самоотверженіе, а тамъ ужь и до нѣжныхъ чувствъ недалеко", думалъ онъ, но не тутъ-то было. Любочка мастерски работала языкомъ.

— Это какимъ образомъ? Развѣ естественныя науки не доказали намъ двадцать разъ, что между устройствомъ женскаго и мужскаго мозга разницы никакой не найдено?

„Ну, ужь это ты, сударыня, врешь", подумалъ Жоржинька, а вслухъ прибавилъ, что „это конечно такъ. По уму никто не ставитъ женщину ниже. Но все же есть нѣкоторые оттѣнки. Есть свойства, которыя принадлежатъ только женщинѣ. Ее дѣлаютъ гораздо привлекательнѣе мягкость и уступчивость, чѣмъ суровая, неуклюжая воля". Тутъ онъ истощилъ весь свой запасъ приличныхъ и красивыхъ словъ въ полной увѣренности, что попалъ, наконецъ, на свой конекъ. Но Любочка помчалась совсѣмъ въ другую сторону. Она заговорила о непреклонной волѣ, о твердомъ характерѣ и о томъ, что ничто, по ея мнѣнію, такъ женщину не украшаетъ, какъ именно эти качества.

Скоро явилась и Клавдія съ братомъ. Пріятельница приняла ее съ распростертыми объятіями и повела представлять родственникамъ. Потомъ, по обыкновенію, увлекла ее въ сторону и пошли рекомендаціи.

— Вотъ это, моя милая, чучело порядочный. Ничего не читаетъ кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей". Это тетушкина наперсница. Кумушка съ толкучаго рынка: шляпки, салопы, бурнусы, мантильи! Это вотъ очень наивный юноша, который, кромѣ басенъ Крылова, ничего, я думаю, не съумѣетъ разсказать. Это вотъ господинъ ничего себѣ, только любитъ красивыя фразы и немножко консерваторъ (указаніе на Жоржиньку).

Клавдія улыбнулась.

— Ты не вѣришь? Даю тебѣ слово, что это такъ. Вотъ поговори сама, и ты увидишь. Ужь кто насмѣшливо, скептически относится къ женскому вопросу, тотъ всегда кончаетъ тѣмъ, что дѣлается деспотомъ въ своемъ семействѣ. Эти господа видны по полету.

— Какой же семейство, помилуй. Мнѣ братъ говорилъ про него. Это просто повѣса.

— Все равно. Я говорю не про настоящее. Теперь ему 22—

23 года, а въ сорокъ лѣтъ онъ будетъ отчаяннымъ консерваторомъ. Онъ будетъ сѣчь своихъ дѣтей и пошлетъ жену на кухню.

— Ты, однако, хорошо ворожишь. Я бы на твоемъ мѣстѣ не скрывала своихъ талантовъ.

— Конечно. Неужели ты думаешь, что я побоюсь сказать ему это въ глаза? Скажу, непремѣнно скажу.

— Только пожалуйста не теперь. Онъ съ такимъ наслажденіемъ пьетъ чай. Ты ему помѣшаешь.

— Здѣсь есть еще—тутъ Любочка понизила тонъ—одинъ литераторъ, очень умный человѣкъ; онъ писалъ экономическія статьи; прелесть, что за статьи! (Любочка ихъ никогда не читала). Онъ, знаешь, такой оригиналъ, но дядя говоритъ, что его всѣ очень уважаютъ. Вѣдь это рѣдкость. Человѣкъ держитъ себя не такъ, какъ принято, говоритъ иногда просто дерзко, и ему все прощаютъ. Впрочемъ, я это понимаю. Въ немъ есть что-то привлекательное. Знаешь, мнѣ нравятся его глаза, т.-е. ты понимаешь, я не въ томъ смыслѣ... а такъ просто... Не то, чтобы онъ заинтересовалъ меня, какъ обыкновенно барышни интересуются. Нѣтъ! я люблю все оригинальное, все, что изъ ряду вонъ.

Личность, такъ сильно заинтересовавшая Любочку своей оригинальностью, была не кто иной, какъ Арсеній Филиповичъ Домейко, тотъ самый Домейко, о которомъ Денисъ говорилъ своей сестрѣ. Имѣлось въ виду, что онъ, какъ писатель, потребуетъ современемъ своей біографіи — вотъ общество и похлопотало составить ему эту біографію еще при жизни. Ходили слухи, что онъ былъ замѣшанъ въ нѣкихъ политическихъ смутахъ, что онъ сидѣлъ въ крѣпости и только чудомъ спасся отъ Сибири, что характеръ у него невыносимый, почему даже и родная мать не живетъ съ нимъ, а нищенствуетъ гдѣ-то одна. Но все это были пока гадательныя предположенія, придававшія этой личности нѣкоторую таинственность. Вѣрно только то, что Домейко былъ дѣйствительно человѣкъ очень раздражительный и болѣзненный. Мозгъ сильно страдалъ отъ избытка умственнаго напряженія и доктора не разъ предсказывали ему скорую смерть. Но природа любитъ иногда подшутить надъ учеными. Молодость брала свое: организмъ выдерживалъ сильнѣйшія потрясенія, а смерть не являлась. Арсеній Филиповичъ и самъ какъ будто издѣвался надъ своимъ здоровьемъ. Онъ просиживалъ за работой цѣлыя ночи напролетъ, что ему, конечно, даромъ не обходилось, схватывалъ одну простуду за другой и увѣрялъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, что онъ докторскихъ предписаній не исполнялъ и

исполнять не намѣренъ. Медики такъ и рукой махнули на этого человѣка: пусть, дескать, дѣлаетъ какъ знаетъ, а мы въ сторонѣ. Да и прочее общество, кажется, глядѣло на него такими же глазами. Ради болѣзни, ему прощались многія выходки. Въ умѣ его никто не сомнѣвался, но близко сойтись съ нимъ не было никакой возможности. Поклонниковъ у него было много, друзей—никогда. Онъ всякаго оттолкнулъ бы своей раздражительностью и нетерпимостью. Безпощадный къ самому себѣ, онъ не щадилъ и другихъ. Несомнѣнный талантъ, блестящій слогъ, умѣнье изложить популярно самый сухой предметъ поражали въ его статьяхъ. Издали, это была звѣзда первой величины, вблизи—нервный человѣкъ, опасный для всякаго силою своей ядовитой насмѣшки. Люди, которымъ онъ былъ нуженъ, обращались съ нимъ осторожно, какъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ: неравно выстрѣлитъ въ непоказанное время.

При всѣхъ вѣроятныхъ и невѣроятныхъ слухахъ, ходившихъ о Домейко, рѣдко рѣшались коснуться его несомнѣнной честности. Въ этомъ случаѣ, репутація его была чиста. Онъ жилъ бѣдно и, вращаясь въ лучшемъ кругу, никогда не дѣлалъ ни малѣйшей попытки окружить себя, не говорю, роскошью, но просто комфортомъ. Жизнь онъ велъ необыкновенно дѣятельную. Какъ членъ всевозможныхъ обществъ и коммисій, онъ изъѣздилъ всю Россію вдоль и поперегъ. Вотъ эти-то поѣздки, въ соединеніи съ усиленной умственной работой, и разстроили его здоровье. Поговариваютъ, что тутъ немалую роль играли и умственныя потрясенія, но объ этомъ исторія молчитъ. Странно было бы предположить въ немъ политическаго преступника: едва-ли у насъ политическіе преступники такъ свободно разгуливаютъ по всѣмъ губерніямъ. Гораздо легче объяснить его болѣзнь, если вспомнить, что это человѣкъ, который знать не хочетъ о существованіи холоднаго климата, мокрой погоды, простудной лихорадки, ревматизма, болѣзней головнаго мозга и тому подобныхъ прелестей. Осенью провалиться по колѣно въ болото казалось для него такъ же естественно, какъ пройтись по паркету. Спуститься въ лихорадкѣ въ каменноугольную шахту, провести нѣсколько дней съ рабочими въ скверномъ помѣщеніи, на скверной пищѣ и потомъ на нѣсколько недѣль слечь въ постель—ровно ничего не значило. Доходить до помѣшательства надъ разрѣшеніемъ какого-нибудь вопроса, работать до тѣхъ поръ, пока мысли начинаютъ путаться въ головѣ и мерещится всякій вздоръ—все это было ни по чемъ Арсенію Филиповичу. Женскаго общества онъ не любилъ. Случалось, что барыни вертѣлись около него до тѣхъ поръ, пока не обжигали крылушекъ и не

Digitized by Google

улетали обратно въ свои лощеныя гостиныя разсказывать съ негодованіемъ или сожалѣніемъ о какой-нибудь странной выходкѣ чудака. Имъ не нравилась его обидно-холодная вѣжливость, его видимое равнодушіе, даже болѣе чѣмъ равнодушіе— просто пренебреженіе. Какъ писатель, онъ ставилъ женщинъ на одну доску съ мужчиной; какъ человѣкъ, онъ относился къ нимъ свысока. Могъ ли онъ послѣ этого надѣяться на дамское расположеніе? Разумѣется, нѣтъ. Въ особенности, если прибавить, что и наружность его была не изъ тѣхъ, которыя нравятся женщинамъ. Очень немногія оцѣнили оригинальную красоту этого умнаго лица. Остальныя находили въ немъ много рѣзкаго, надменнаго и ничего красиваго. Не спасли его въ этомъ случаѣ и темные, огненные глаза. Они могутъ быть хороши въ минуту страсти, но никто ихъ въ такую минуту не видалъ. Они могутъ быть опасны для той, на которую обратятся съ любовью, но скажите ради Бога, какое же дѣло до этого остальнымъ? Право, въ этихъ холодныхъ, желчныхъ взглядахъ нѣтъ ровно ничего привлекательнаго.

Въ ту минуту, когда Любочка разсказывала своей подругѣ объ интересномъ литераторѣ, самъ онъ сидѣлъ въ кабинетѣ хозяина. Облокотившись на столъ и запустивши руку въ свои свѣтлые, курчавые волосы, онъ читалъ газету. Надобно замѣтить, что ему прощались и не такія вольности. Малиновскій директоръ глядѣлъ на него съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ. Литераторы въ Малиновкѣ были рѣдкостью. И Домейко-то попалъ сюда невзначай, по дѣлу, на какія-нибудь двѣ недѣли, не больше. Каждый гость считалъ священной обязанностью сказать ему нѣсколько словъ, и непремѣнно умныхъ словъ. Онъ отвѣчалъ кратко, но выразительно и обѣ стороны оставались довольны. Каждый могъ заснуть съ спокойной совѣстью, что „вотъ, молъ, и я тоже съ сочинителемъ разговаривалъ“; а пока всѣ пристраивались къ зеленому столу.

Денисъ подсѣлъ къ Арсенію Филиповичу. Тотъ отложилъ газету и очень лѣниво отвѣчалъ на обычное вступленіе о погодѣ и о желѣзной дорогѣ (для Малиновки это все были questions du jour). Денисъ, впрочемъ, самъ не любилъ переливать изъ пустого въ порожнее и не прочь былъ начать прямо съ конца.

— Скажите пожалуйста, Арсеній Филиповичъ, какъ дѣла вашего общества? Домейко прищурился и почесалъ себѣ носъ.

— Вы говорите, если я не ошибаюсь, объ „обществѣ дешеваго продовольствія“. Его принято почему-то называть моимъ обществомъ.

— Мнѣ кажется, это очень понятно. Вы его учредитель.

Digitized by Google

— А вы членъ?

— Къ вашимъ услугамъ.

— Въ такомъ случаѣ, намъ трудно будетъ понять другъ друга.

— Почему же?

— Очень просто. На сколько я могъ замѣтить, изъ теперешнихъ акціонеровъ ни одинъ не понимаетъ, какъ и съ какой цѣлью возникло это общество. Ваша цѣль—получить какъ можно больше дивиденда, наша цѣль была—давать его какъ можно меньше. Я говорю: была, потому что въ настоящую минуту я не имѣю рѣшительно ничего общаго ни съ правленіемъ, ни съ директорами, ни съ акціонерами: они сами по себѣ, а я самъ по себѣ.

— Это странно однакожъ. Чтобы учредитель такъ мало интересовался...

— Позвольте! Кто вамъ сказалъ, что я учредитель? Называться учредителемъ мошеннической шайки очень нелестно. Не знаю, право, чѣмъ я заслужилъ...

Денисъ продолжалъ идти на проломъ.

— Тутъ ужь мнѣ слѣдуетъ прійти въ негодованіе отъ вашего отзыва о нашемъ многоуважаемомъ обществѣ. Но я ничего этого не сдѣлаю. Забудьте, что я членъ, что я акціонеръ. Представьте себѣ, что съ вами говоритъ совершенно посторонній человѣкъ, которому было бы желательно узнать всю правду... ну, просто такъ, изъ любви къ правдѣ.

— А вы все-таки предполагаете, что именно я могу просвѣтить васъ по этой части?

— Да-съ, я все-таки остаюсь при томъ убѣжденіи, что учредитель именно вы.

Домейко засмѣялся.

— Что же у меня сіянье, что ли, около головы? Кто ни увидитъ, всякій показываетъ пальцемъ: вотъ это, дескать, г. учредитель. Впрочемъ, мнѣ нравится ваша откровенность. Надо ужь и мнѣ сдѣлать вамъ какое нибудь удовольствіе.

— Я прошу только одного: скажите, какъ идутъ теперь дѣла вашего общества?

— А! да! моего общества? Въ такомъ случаѣ извольте. Они идутъ очень скверно, изъ рукъ вонъ скверно. Виноваты въ этомъ всѣ, начиная съ акціонеровъ, которые сидятъ въ собраніяхъ болванами... Вы, кажется, требовали откровенности?

— Ничего, ничего, продолжайте.

— И кончая директорами, которые... но тутъ ужь надобно употребить очень энергическое выраженіе. Я удержусь.

Digitized by Google

— Мошенничества! я такъ и думалъ. Кто же у васъ тамъ больше всѣхъ накуралесилъ? Говорите прямо, не стѣсняйтесь.

— Какъ вамъ сказать? Я, право, не знаю, кому отдать пальму первенства. Да позвольте. Въ числѣ директоровъ состоитъ, кажется, вашъ родственникъ. Г. Ракитинъ?

— Это мой отецъ.

— Вашъ батюшка? Съ моей стороны было бы болѣе, чѣмъ нескромно, продолжать далѣе свой отчетъ.

— Родственныя чувства тутъ останутся въ сторонѣ. Иначе я и не поднималъ бы этого щекотливаго вопроса.

— Въ сущности, мнѣ вѣдь остается очень немного. Въ кассѣ, по моимъ соображеніямъ, недостаетъ теперь пустяковъ—тысячъ триста или четыреста. Можетъ быть, даже съ копѣйками, навѣрное не знаю. Все это разрѣшитъ общее собраніе, имѣющее быть, если не ошибаюсь, въ октябрѣ нынѣшняго года. Думаю я еще, что акціонерамъ подадутъ отчеты, которыхъ они, по врожденной любезности, читать не станутъ, а попросятъ директоровъ спрятать обратно въ карманъ. За такое довѣріе, директора подарятъ, разумѣется, благодарственную рѣчь и обѣдъ со спичами. А потомъ, Божіею милостью, останутся на прежней должности. А что будетъ потомъ, годика черезъ два, я, какъ обыкновенный смертный, предвидѣть не могу.

Денисъ молча что-то обдумывалъ, потомъ объявилъ:

— Я нынче говорилъ съ Жоржинькой. Онъ думаетъ, что будетъ назначена ревизіонная коммисія.

Домейко усмѣхнулся.

— Чтобы что-нибудь назначить и вообще, чтобы что-нибудь сдѣлать, надобно сначала проснуться..

— Э, стоитъ только поднять тревогу. Вотъ этотъ же самый Жоржинька и рветъ и мечетъ. Онъ одинъ такой гвалтъ подыметъ...

— Что всѣ изъ мертвыхъ воскреснутъ. Нѣтъ-съ. Для нашей публики всегда есть приманки и уздечки, съ помощью которыхъ ее и водятъ за носъ. Неужели вы думаете, что вашъ этотъ Жоржинька способенъ что-нибудь сдѣлать противъ правленія? Да тамъ сидятъ люди въ десять разъ опытнѣе его. Тамъ, что называется, прошли сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы. Нѣтъ-съ, одно изъ двухъ: или, чтобы нашелся человѣкъ ловкій, который бы себя спеціально посвятилъ разоблаченію разныхъ неблаговидныхъ продѣлокъ, да такъ, чтобы лазеекъ не оставалось, чтобы публика прямо увидала, въ чемъ дѣло,—или чтобы акціонеры ѣздили въ собраніе не глазами хлопать и не умиляться, а дѣйствительно заботиться о своихъ интересахъ. Но все это вещи

Digitized by Google

совершенно невозможныя. Человѣка, достаточно ловкаго, чтобы потягаться съ нашими директорами, не существуетъ. А члены общества на то и члены, чтобы хлопать глазами. Чтобы они стали заниматься дѣлами по управленію! Да съ какой стати! Вѣдь они жалованья не получаютъ.

— Это не совсѣмъ такъ. Къ чужимъ дѣламъ я, положимъ, могу относиться равнодушно; но вѣдь въ дѣлахъ общества я заинтересованъ лично. Стало быть, какъ же предполагать, что я стану смотрѣть на все спустя рукава. Въ кассѣ и въ оборотѣ есть и мой капиталъ, положимъ, очень маленькая частичка, но все-таки есть.

— Маленькая частичка, замѣтьте, вы это сами сказали. Вотъ въ томъ-то и бѣда. Каждый думаетъ: моего добра тутъ немного, всего какая-нибудь крошечная доля; за что-жъ я буду хлопотать больше другихъ. Вотъ у него десять акцій, а у меня одна. По закону природы слѣдуетъ, что если онъ хлопочетъ, положимъ, на цѣлковый, мнѣ больше какъ на гривенникъ хлопотать не приходится. А если онъ сидитъ сложа ручки, такъ я-то что же за дуракъ? И я пальцемъ не пошевельну.

Денисъ сурово слушалъ своего собесѣдника.

— Мнѣ бы собственно хотѣлось, началъ онъ: — имѣть какія-нибудь доказательства того, что̀ вы говорите; напримѣръ, что-нибудь о торговыхъ операціяхъ, объ ошибкахъ правленія или, какъ вы выражаетесь, объ его мошенничествахъ.

— Да васъ что̀ же тутъ собственно занимаетъ? Какъ акціонеръ, вы можете потребовать отчетовъ на общемъ собраніи; какъ родственникъ директора, вы и отъ него узнаете все, что̀ вамъ нужно.

— Я уже разъ вамъ замѣтилъ, что въ общественныхъ дѣлахъ родство не имѣетъ смысла. Я хотѣлъ отыскать правую сторону и обратился къ вамъ, предполагая, что вы, какъ учредитель...

— Опять это жалкое слово. Да, дѣйствительно, я имѣлъ разъ непростительную глупость вмѣшаться въ дѣла этой компаніи. Съ тѣхъ поръ я покаялся и думалъ уже, что получилъ прощеніе, но теперь вижу, что грѣхи наши будутъ взысканы до седьмаго поколѣнія. Долго ли же еще меня будетъ преслѣдовать это общество дешеваго продовольствія? Неужели же юношескія заблужденія такъ жестоко наказываются? Я былъ мальчишка, я увлекался. Я читалъ умныя книжки объ ассоціаціяхъ. Но вѣдь теперь мнѣ ужь тридцать-второй годъ. Теперь ужь я знаю, что ассоціаціи могутъ существовать только тамъ, гдѣ есть общество. А гдѣ есть сбродъ людей, алчущихъ и жаждущихъ обогащенія, тамъ можетъ явиться акціонерная компанія, товарище-

Digitized by Google

ство на паяхъ, все, что угодно, но только ужь никакъ не ассоціація. Вамъ, можетъ быть, неизвѣстно, что общество дешеваго продовольствія образовалось вначалѣ съ разными возвышенными экономическими цѣлями. На эту удочку и поймали человѣкъ шесть непроходимыхъ мечтателей, въ томъ числѣ и вашего покорнѣйшаго слугу. Мечтатели эти были отчасти дурни, отчасти люди съ благими намѣреніями. А изъ этого добра въ аду мостовая сдѣлана. Стало быть, ужь штука никуда не годная. Я, однакожь, благодареніе Создателю, успѣлъ выкарабкаться. Совѣтую и вамъ сдѣлать то же самое.

— Хорошо вы, однакожь, господа передовые, разсуждаете, ядовито замѣтилъ Денисъ. — Затѣять-то великія дѣла затѣютъ, а потомъ, какъ жизнь по головкѣ не гладитъ, такъ и на понятный дворъ. По вашему, это благородное отступленіе. Вы его прикрыли трескучими фразами. А по моему, просто струсили. Интриги тамъ испугались, ловкихъ директоровъ. Коли я взялся за дѣло, такъ я жизнь свою положу, а ужь доведу его до конца. Нечего тутъ кричать: у насъ правленіе мошенничаетъ, акціонеры спятъ!

У Домейко блеснули глаза.

— Наша ошибка въ томъ, что мы думали имѣть дѣло съ людьми, а не съ акціонерами. Я теперь вовсе и не хлопочу о томъ, чтобы пробуждать ихъ. Если они и проснутся, мнѣ отъ этого легче не будетъ. Повѣрьте, что мнѣ рѣшительно все равно, въ чей карманъ попадетъ лишняя тысяча: къ члену, къ директору, къ секретарю. Наша цѣль была не барыши, а именно... Да что объ этомъ толковать. Мнѣ теперь это самому смѣшно. Я вамъ говорю: благими намѣреніями адъ вымощенъ. А вы когда-нибудь поразмыслите хорошенько надъ названіемъ вашего общества,—можетъ быть, до чего-нибудь и додумаетесь.

Съ этими словами Домейко всталъ и принялся ходить по комнатѣ.

Денисъ ушелъ, рѣшительно недовольный и разговоромъ и собесѣдникомъ.

Послѣ бесѣды объ акціонерныхъ компаніяхъ, Арсенію Филиповичу пришлось выдержать нападеніе Любочки. Она, для перваго знакомства, спросила, какъ онъ смотритъ на женскій вопросъ. Онъ объявилъ, что это зависитъ отъ расположенія духа. Смотря на женщину издали, онъ готовъ отдать ей всякую справедливость. Но вблизи онъ не ручается за свое безпристрастіе, вблизи онъ принимаетъ ее, извините за выраженіе, за смѣсь человѣка съ обезьяной. Не физически, конечно, о, нѣтъ! Какъ идеалъ красоты, онъ ставитъ ее выше всѣхъ тварей земныхъ;

Digitized by Google

но нравственно за ея мелочность, раздражительность, страсть къ подражанію и многія другія качества, названія которыхъ не припомнишь. Вся эта тирада была сказана исключительно съ тою цѣлью, чтобы раздразнить Любочку. Съ дѣвицами онъ иначе не бесѣдовалъ, какъ въ насмѣшливо-снисходительномъ тонѣ. Любочка обидѣлась, приняла сторону женщинъ и говорила такъ долго, такъ убѣдительно, что ея противникъ рѣшился сложить оружіе. Онъ не возражалъ больше, единственно потому, что ему лѣнь было возражать. Первый разъ еще ему случилось встрѣтить такую храбрую, неутомимую блондинку. За свое молчаніе и видимую уступчивость онъ дорого поплатился. Собесѣдница его перешла изъ мажорнаго тона въ минорный и заставила его выслушать цѣлую исторію о своихъ собственныхъ душевныхъ страданіяхъ.

Только за ужиномъ Клавдія увидала Домейко и выслушала его удивленіе по поводу неожиданной встрѣчи. Потомъ пошли удивленія со всѣхъ сторонъ.

— Какъ! Вы ужь знакомы! Не можетъ быть! Скажите пожалуйста! Такъ весь ужинъ и прошелъ въ изумленіяхъ, да въ разговорахъ о томъ, что вотъ вѣдь какихъ, какихъ странностей не бываетъ на свѣтѣ. Кажется, совсѣмъ люди незнакомые, анъ, глядишь, и знакомые. Или: все живутъ люди, не встрѣчаются, а вдругъ, возьмутъ, да и встрѣтятся.

Всѣ такъ были заняты ѣдой, что и не замѣтили странности самой этой бесѣды. Потомъ, какъ водится, поужинали и разошлись.

III.

Въ Москвѣ, на дебаркадерѣ, Клавдія и Любочка разстались. Любочка, послѣ блистательнаго диспута въ вагонѣ съ какимъ-то интереснымъ визави, подхватила папеньку, сѣла на лихача и покатила восвояси. Клавдію встрѣтилъ на желѣзной дорогѣ лакей и въ цѣлости представилъ въ Басманную къ родителямъ. Домъ, въ которомъ жили Ракитины, былъ выстроенъ на петербургскій манеръ съ множествомъ отдѣльныхъ квартиръ въ бельэтажѣ, съ булочною, цирульнею и магазинами въ нижнемъ этажѣ. Въ подвалахъ помѣщались мастеровые и люди того сорта, которыхъ, говоря возвышеннымъ слогомъ, принято называть подонками общества. Чего только не было въ этомъ домѣ: лавочки, залы для концертовъ и свадебныхъ пировъ, залы для публичныхъ чтеній, контора нотаріуса и, въ заключеніе, тутъ же по-

Digitized by Google

мѣщалось правленіе „общества дешеваго продовольствія", того самаго общества, въ которомъ отецъ Клавдіи состоялъ директоромъ или, точнѣе, товарищемъ директора. Квартиру г. Ракитинъ занималъ очень представительную, но, вѣроятно, по собственнымъ соображеніямъ раздѣлилъ ее на двѣ половины, которыя могли бы доставить богатую пищу для любителей контрастовъ. Въ одной все парадно, все напоказъ и даже немножко вычурно: слишкомъ много украшеній и вообще того, что̀ прямо бьетъ въ глаза,—статуэтки, каминъ подъ мраморъ, яркая мебель, обиліе зеркалъ въ сравнительно небольшихъ комнатахъ. Видно, что все было разсчитано на эффектъ. Бездна красивыхъ, но никуда негодныхъ бездѣлушекъ такъ и лѣзли на первый планъ. Точно каждая вещь говорила: смотрите, я тутъ совсѣмъ не для удобства, а для того, чтобы стѣснить васъ, чтобы вы ходили съ оглядкой, какъ бы чего, Боже сохрани, не уронить, да не разбить. И точно, человѣку непривычному становилось неловко въ этой обстановкѣ: онъ чувствовалъ тоску и нѣкоторое благоговѣніе. Я говорю, разумѣется, объ акціонерахъ и обо всей мелкотѣ, которой приходилось имѣть дѣло съ директоромъ. Для нихъ-то и похлопотали хозяева разставить вазы и развѣсить яркія драпри. Но дома, у себя, они, повидимому, не любили стѣсняться. Можно даже предположить, что истинный комфортъ для нихъ собственно въ томъ и состоялъ, чтобы видѣть кругомъ себя, по возможности, больше грязи. Поэтому другая половина, пріютъ семейной жизни, представляла нѣчто среднее между хлѣвомъ, кухнею и комнатою въ порядочныхъ домахъ. Тутъ была дѣтская, спальня, будничный кабинетъ и будничная спальня. Я называю ихъ будничными потому, что были другія, праздничныя. Въ извѣстные дни зала замѣняла парадную столовую, а парадный кабинетъ или, такъ-называемая, контора, помѣщался на другомъ концѣ. Ходъ изъ корридора, недалеко отъ подъѣзда. По счастью для старшей дочери, комната ея находилась тоже въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ семейнаго очага и потому избѣжала всеобщаго хаоса. А хаосъ этотъ былъ такого рода, что если вы, напримѣръ, желали сыскать свои перчатки, то вамъ не мѣшало посмотрѣть за кровать, за сундукъ, пошарить на шкафу и ужь, въ случаѣ неудачи, обратиться за помощью къ прислугѣ, которая поставитъ вверхъ дномъ всѣ узлы и кордонки, а подъ конецъ, вооружившись половой щеткой, вымететъ все до тла. Понадобится хозяйкѣ помада или одеколонъ—начинается суматоха: ни той, ни другого не оказывается. Призываютъ няньку и горничную. Щупаютъ на кровати, щупаютъ въ углу, гдѣ навалена всякая дрянь. Выдвигаютъ ящики комодовъ, встряхиваютъ одѣя-

Digitized by Google

ла, а требуемыхъ предметовъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Наконецъ, ужь вечеромъ, когда барыня давно сидитъ въ гостиной въ полной парадной формѣ, обрящутъ банку гдѣ-нибудь въ дѣтскихъ игрушкахъ, а флаконъ на полкѣ вмѣстѣ съ пузырьками отъ лекарства. Кабинетъ барина, конечно, такой опасности не подвергался, ибо къ его письменному столу никто и притронуться не смѣлъ; но можетъ быть по этой самой причинѣ, тамъ пыли и дряни былъ непочатый уголъ. Бѣда, коли слишкомъ ретивой горничной случится переложить книги, чтобы вытереть подъ ними пыль, или даже невзначай сдвинуть какую-нибудь вещь. Стоило только раза три повторить эту неосторожность, чтобы неизбѣжно послѣдовалъ отказъ отъ мѣста.

Какъ квартира раздѣлялась на сальную и парадную, такъ и хозяева бывали величественны и грязны, смотря по тому, въ какую половину переходили. Въ залу хозяйка выходила не иначе, какъ въ шелку, у себя въ спальнѣ сидѣла въ чемъ Богъ послалъ.

Клавдія, по возвращеніи, когда ее потребовали къ мамашѣ, застала ее въ непозволительной блузѣ, растрепанную, но тѣмъ не менѣе величественную. Различные оттѣнки величественности никогда не сходили съ лица Ульяны Максимовны. Такая ужь у нея была физіономія, что какое выраженіе ни прими, все выйдетъ величественно. Есть такія счастливицы, что имъ внушающій видъ дается безъ всякаго труда. Кто ни посмотритъ, всякій подумаетъ: фу, какая дама! сколько у нея достоинства! По росту и сложенію Ульяна Максимовна была, что называется, belle femme. Только вотъ лицо... Впрочемъ, что же, и лицо ничего. Черно немножко, но за то вѣдь и волосы черны, и глаза черны, и зубы черны. Выходитъ прекрасный ансамбль. Я знаю, что она и до сихъ поръ способна нравиться. Одинъ отставной генералъ и теперь видѣть ее не можетъ равнодушно. Ульяна Максимовна не скрываетъ своихъ лѣтъ и не молодится. Съ дочерью мама держалась двухъ системъ. Или она была съ ней откровенна, вела болѣе или менѣе мирную бесѣду и давала, хотя не особенно деликатно, добрые совѣты. Или принимала видъ оскорбленнаго достоинства и говорила: *я* этого желаю, *я* этого требую, *я* приказываю. Тутъ ужь противорѣчить не слѣдовало. Въ случаѣ сопротивленія, на подкрѣпленіе являлась отцовская власть и угрозы стереть дочь съ лица земли и сдѣлать ее тише воды, ниже травы.

Теперь мама была въ припадкѣ откровенности. Разлука нѣсколько подогрѣла материнскую нѣжность, и Клавдія могла на-

Digitized by Google

дѣяться, что мама весь этотъ день пребудетъ къ ней благосклонна.

— Такъ Денисъ не пріѣдетъ? Это досадно. Точно ли его задерживаютъ дѣла?

— Конечно, мама. Иначе онъ бы не остался. Ему самому очень хотѣлось пріѣхать.

— Знаю я это хотѣнье. Когда отъ родныхъ отшатнутся, такъ всегда найдутся отговорки.

— Вотъ письмо отъ него.

Клавдія подала матери конвертъ. Та повертѣла его въ рукахъ, но распечатать не рѣшилась.

— Это на имя отца. А ко мнѣ нѣтъ?

— Вѣроятно, тутъ и къ тебѣ есть приписка. Прочти.

— Я никогда чужихъ писемъ не читаю (подъ чужими письмами подразумѣвались только письма, адресованныя къ мужу. Относительно всякихъ другихъ мама была того мнѣнія, что ихъ не только можно, но даже должно читать).

Вышла пауза.

— Что̀, хороша у него квартира? Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ грустно-мечтательнымъ тономъ.

— Все та же самая.

— Какъ, стало быть и ея комнаты?...

— Да, ни одна вещь не тронута.

— Это значитъ, что чувство въ немъ еще не прошло. Да, они еще помирятся. И я буду хлопотать объ этомъ.

— Напрасно, мама. Онъ теперь ея имени не можетъ слышать равнодушно. Онъ ее ненавидитъ.

— Пожалуйста, не разсказывай мнѣ. Знаю я эту ненависть. Все на словахъ. Онъ самолюбивъ. Онъ хочетъ, чтобы первый шагъ сдѣлала она. Она упряма, я противъ этого ничего не говорю. Она даже, можетъ быть, скверная женщина, я опять-таки не спорю. Но ужь что̀ разъ сдѣлано, того не поправишь. Кого соединилъ Богъ, того люди не разлучаютъ. Я тогда же говорила, что это будетъ несчастный бракъ. Вотъ мои слова и оправдались. Но теперь моя обязанность, какъ матери, помирить ихъ.

— Да если онъ не хочетъ этого примиренія, мама?

— Ты̀ тутъ ровно ничего не смыслишь. Я Дениса Васильича знаю хорошо. Слава Богу, не одинъ годъ прожили вмѣстѣ. Онъ съ виду такой увалень, медвѣдь, а у него характеръ бѣшеный. Онъ теперь себѣ локти кусаетъ, чтобы вернуть эту женщину. Онъ ее и до сихъ поръ любитъ больше всѣхъ на свѣтѣ, не исключая и насъ съ тобою. Ужь что дѣлать, надо отложить самолюбіе въ сторону.

Digitized by Google

— Мама, я тебѣ чѣмъ угодно отвѣчаю, что нѣтъ!

— Ахъ, сдѣлай одолженіе, ты ничего не понимаешь. Повѣрю я, чтобы женщина молодая, красивая, такъ ужь съ разу потеряла надъ нимъ всякую власть. Не тебѣ объ этомъ разсуждать. Я, матушка, поопытнѣе тебя. Знаю, что они съ виду только неприступны, а поскобли немножко... Ну, отчего онъ теперь боится встрѣтиться съ нею? Ему гадко смотрѣть на нее? отъ этого, что-ли? Нѣтъ. Просто онъ ее боится. Она ему пальчикомъ этакъ мигнетъ, и Денисъ Васильичъ въ огонь полѣзетъ, съ пятаго этажа внизъ головой бросится. Всѣ эти разныя тамъ убѣжденія, да самоуваженіе — все это только для того и придумано, чтобы себя утѣшать, да вотъ еще дурачить такихъ дѣвчонокъ, какъ ты.

— А все-таки, мама, если ты вздумаешь опять мирить ихъ, ты сдѣлаешь большую ошибку.

Мама вспылила.

— Что такое? ты, сударыня, кажется ополоумѣла. Ты ужь во мнѣ ошибки стала отыскивать?..

Рѣчь продолжалась десять минутъ, не переводя духу, и все на тему о распущенности нравовъ. Въ заключеніе такой выводъ: уваженіе къ родителямъ замѣтно пропадаетъ во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія.

Клавдія поняла, что теперь не время доказывать матери, какъ безполезно и, подчасъ, неудобно вмѣшиваться въ дѣла сына.

Не видя возраженій, мама успокоилась.

— Ты должна бы понять, наконецъ, что мой долгъ требуетъ, чтобы я попробовала помирить ихъ. Я сдѣлаю все, что могу, а тамъ... тамъ воля Господня. Конечно, еслибъ я знала, что Денисъ можетъ забыть эту женщину — дай Богъ! Ты знаешь, она была у меня безъ тебя. Ну, разумѣется, придворный шлейфъ, прикатила на рысакѣ. И не глядитъ, и не смотритъ. Говоритъ черезъ силу, подала мнѣ кончики пальцевъ. Какова дерзость — мнѣ подать два пальца! Вошелъ Василій Ѳедорычъ — хоть бы привстала. Тотъ ужасно разсердился и послѣ говоритъ мнѣ, что онъ эту дуру другой разъ велитъ выгнать вонъ. Я насилу ужь могла успокоить его.

— Я удивляюсь только одному, мама: зачѣмъ она ѣздитъ къ намъ?

— Ахъ, матушка, да съ какой же стати бросить вдругъ знакомство такъ, ни съ того, ни съ сего. Въ свѣтѣ такъ не дѣлается. Мы встрѣчаемся съ ней во многихъ домахъ. Смѣшно, еслибы мы вдругъ перестали кланяться.

— Я бы ее не стала принимать.

Digitized by Google

— Ну, да, ты бы не стала. Это еще ровно ничего не значитъ. Женщина свѣтская, женщина, у которой большой кругъ знакомыхъ—и я стану съ ней ссориться изъ-за какого-нибудь каприза. Да это надо быть пѣшкой. Что, меня убудетъ, что-ли, оттого, что она будетъ смотрѣть съ высоты величія? Да я сама ее такимъ взглядомъ обдамъ, что обожжется. Она мнѣ окажетъ презрѣніе, а я ей вдвое. Но все это будетъ вѣжливо, мы останемся друзьями. Теперь я, по крайней мѣрѣ, увѣрена, что она мнѣ не сдѣлаетъ никакихъ гадостей. А попробуй-ка, подними исторію—она можетъ такъ повредить Василію Ѳедорычу. У ней есть акціи нашего общества. Да мало ли у нея акціонеровъ знакомыхъ. Еслибы я, матушка, держала себя по твоему, такъ я не знаю, что бы могло выдти. Вездѣ нужна тактика, умѣнье. Мы съ нею очень любезны. Ахъ, какой у ней чудесный фасонъ рукавовъ—знаешь—длинные, греческіе. Непремѣнно надо будетъ сдѣлать тебѣ такіе.

— Мама, да вѣдь они идутъ только къ очень нарядным платьямъ.

— Ну, да, я думаю заказать тебѣ голубое фай. Или нѣтъ, голубое къ тебѣ не идетъ, лучше бордо. Знаешь, настоящее, густое бордо.

— Право, у меня столько платьевъ, что, по моему, совсѣмъ не стоитъ дѣлать еще. Куда я ихъ дѣну?

— Сдѣлай одолженіе, молчи. Ты ничего не смыслишь.

— Сами же вы, мама, жалуетесь, что у васъ нѣтъ денегъ. Сколько разъ вы говорили, что я разоряю васъ своимъ туалетомъ. Право, я никого не хочу разорять. И для чего вамъ тратиться на дорогіе костюмы, когда они мнѣ ровно никакого удовольствія не доставляютъ?

— Какъ это вамъ нравится? Да развѣ это дѣлаютъ для удовольствія? Такъ принято, матушка моя, поймете ли вы когда-нибудь, что такъ принято. Не могу я васъ вывезти въ свѣтъ въ рогожѣ, когда всѣ ходятъ въ шелку, да въ атласѣ. На васъ будутъ показывать пальцами; или вамъ, можетъ быть, этого и хочется? Вы тамъ, съ вашей Любочкой, вообразили, что общество непремѣнно должно плѣниться вашими добродѣтелями, что на костюмъ не смотрятъ, что, если вы тамъ выучили физику, да химію, такъ стоитъ только явиться въ свѣтъ—и всѣ сейчасъ будутъ у вашихъ ногъ. А не приходитъ вамъ въ голову, что васъ, вмѣстѣ съ Любочкой, называютъ сумасшедшими; скажутъ, что вы безобразно одѣваетесь, не умѣете себя держать.

Клавдія пожала плечами.

— Я пожалѣю того, кто это скажетъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, рѣшительно эта дѣвчонка полоумная! разсердилась мама.—Она пожалѣетъ! Да ты спроси, кому нужно это сожалѣнье?

— Да мнѣ точно также не нужны ихъ приговоры.

— Вотъ какъ! Мы не нуждаемся въ общественномъ мнѣніи, мы пренебрегаемъ такими пустяками. Общество! Qu'est ce que c'est que ça? Собраніе всякой дряни, мелюзги. Мы станемъ выше этой мелюзги!

— Нѣтъ, я хочу только сказать, что я выберу себѣ такое общество, гдѣ меня не будутъ судить по платью.

— D'abord vous n'avez pas l'embarras du choix. Общество всегда и вездѣ одинаково.

— Ну, извѣстный кружокъ, если хотите. Я не такъ выразилась.

— Вотъ какія у васъ фантазіи. Извѣстный кружокъ! Однако, я вижу, тутъ являются идеи!

Мысль объ идеяхъ такъ испугала мама, что она говорила на эту тему еще дольше, чѣмъ объ уваженіи къ родителямъ. Общій выводъ былъ тотъ, что Клавдію Васильевну развиваютъ все студенты, недоучившіеся гимназисты (мама забыла, что у нихъ въ домѣ не бываетъ ни одного студента). Дочь слушала съ какимъ-то наивнымъ удивленіемъ. Хоть ей эти рѣчи были и не въ диковинку, а сюрпризы все-таки случались, въ родѣ такой, напримѣръ, фразы:

— Дѣвушка должна прежде всего забыть, что она живетъ для себя: она должна жить для общества.

„Прекрасно мама", думала Клавдія: „я вижу, на что ты мѣтишь! что дѣвушкѣ надо прежде всего думать о томъ, какъ бы пристроиться. Ну, тутъ ужь и до адвоката недалеко. Сейчасъ на сцену явится г. Любарскій".

Дѣйствительно, до адвоката было недалеко.

— Я знаю, откуда у васъ эти идеи, — все изъ книгъ понабрались. Кстати, вы не вздумайте брякнуть при всѣхъ, что читаете всякую дрянь. Я и такъ имѣла довольно глупости позволить вамъ это. Хорошо, что отецъ еще ничего не знаетъ. Любарскій на дняхъ говорилъ, какъ ему нравится, когда молодая дѣвушка не имѣетъ понятія о нашей сальной литературѣ, и папа отвѣчалъ ему, что у тебя никогда не бываетъ въ рукахъ ни одной двусмысленной книги. Онъ просто пришелъ въ восторгъ. Говоритъ, что такъ и слѣдуетъ. Только тогда, говоритъ, и сохраняется чистота души, эта наивность, cette sainte bêtise de la jeune fille. Эту наивность, говоритъ, каждый мужчина цѣнитъ въ дѣвушкѣ выше всего. И ты, кажется, подходишь подъ его идеалъ. Не знаю, право, что онъ нашелъ въ тебѣ наивнаго, но дѣло въ томъ, что тебѣ надо быть теперь осторожной.

Digitized by Google

— То-есть въ чемъ же осторожной, мама? Я останусь такой же, какъ и всегда. Я вовсе не намѣрена для г. Любарскаго играть комедію.

— Я васъ попрошу, Клавдія Васильевна, не говорить со мной такъ дерзко. Мать вамъ даетъ совѣтъ, а вы называете это комедіей. Константинъ Михайловичъ человѣкъ достойный всякаго уваженія, я его мнѣніемъ дорожу и требую, чтобы дочь моя явилась передъ нимъ не фигуранткой, а порядочной дѣвушкой. Или я тебѣ совсѣмъ запрещу читать книги безъ моего выбора, или ты никогда даже не замкнешься при постороннихъ о томъ, что̀ ты читаешь. Можешь выбирать.

Мама величественно посмотрѣла на Клавдію, и на минуту умолкла.

— Константинъ Михайловичъ, продолжала она:—назвалъ мнѣ нѣсколько англійскихъ романовъ и рекомендовалъ ихъ прочесть. Вотъ я забыла ихъ названія, но все равно они у меня записаны. Надобно будетъ достать ихъ. Тебѣ надо просмотрѣть хоть одинъ. Потомъ, если зайдетъ разговоръ, можешь сказать ему объ этомъ.

— Вы лучше попросите его, мама, чтобы онъ прислалъ мнѣ христоматію и отмѣтилъ карандашомъ, что̀ именно читать.

Въ такомъ духѣ разговоръ не могъ продолжаться, и дѣйствительно онъ скоро окончился. Клавдія ушла къ себѣ въ комнату. Мама принялась за туалетъ.

Въ пять часовъ у Ракитиныхъ обѣдали; если не было постороннихъ, то въ будничной столовой, но чуть являлся одинъ гость—столъ накрывали въ залѣ. На этотъ разъ гостей не было, о чемъ и свидѣтельствовали грязныя салфетки и скатерть. Нѣтъ ничего удобнѣе, какъ изучать людей за семейнымъ обѣдомъ. Тутъ всѣ дома, на распашку; никто не наблюдаетъ за собой, не строитъ офиціальной мины, предназначенной исключительно для постороннихъ. Тутъ ведутся самые задушевные разговоры. Тутъ, наконецъ, вы можете видѣть, что̀ ѣдятъ хозяева, а это иногда очень важно. Гости могутъ, напримѣръ, подумать, что у Ракитиныхъ каждый день подаютъ за столомъ пять блюдъ, сервированныхъ на хрусталѣ, серебрѣ и бѣльѣ ослѣпительной бѣлизны. А я знаю, что подается только два блюда, если не считать за особенное кушанье говядину, вынутую изъ супа, которая, впрочемъ, всякій разъ фигуризуетъ подъ разными соусами. Я знаю также, что по части хрусталя на столѣ появляются только подставки подъ ножи съ вилками. Салфетки бываютъ такой поразительной чистоты, что постороннему остается только недоумѣвать, для чего онѣ поданы: для того ли, чтобы вытирать

Digitized by Google

или для того, чтобы еще болѣе выпачкать руку. Но хозяева привыкли къ этому и храбро вытирали пальцы объ лоскутки, называемые салфетками. Обѣдъ вообще выходилъ интимный. Никогда еще чужому глазу не удавалось подсмотрѣть таинства, совершавшагося за этимъ столомъ.

На первомъ мѣстѣ сидѣлъ, какъ и слѣдуетъ, самъ глава семейства. Мнѣ очень грустно, что читателю для перваго знакомства приходится видѣть его въ такой неподходящей обстановкѣ. Достаточно только взглянуть на него, чтобы понять, что его мѣсто въ нарядныхъ комнатахъ и нигдѣ больше. Столько олимпійскаго величія выражалось на этой физіономіи. Вотъ онъ сейчасъ вернулся съ какихъ-то дѣловыхъ визитовъ и сидитъ теперь за столомъ. Несомнѣнная чистота его голландскаго бѣлья составляетъ пріятную противоположность съ сомнительной чистотой скатерти. Золотыя запонки блескомъ своимъ дополняютъ тусклый блескъ столоваго серебра. Большая лысина на головѣ заставляетъ сожалѣть объ отсутствіи волосъ, которые, вѣроятно, были бы очень гладко причесаны и тѣмъ подали бы хорошій примѣръ растрепанной горничной, перемѣнявшей тарелки. Руки у него были замѣчательно хороши, такъ что еслибы мнѣ предоставили на выборъ любоваться его лицомъ или руками, я бы съ рукъ глазъ не сводила. Да и вообще всѣмъ, кажется, больше нравились его руки, чѣмъ его физіономія. Глаза были зеленоватые. Этотъ же самый оттѣнокъ принимали они иногда и у дочери. Еще странная особенность въ его глазахъ: они ровно ничего не выражали. Я, право, затрудняюсь, назвать ли ихъ зеркаломъ души, ибо душа у Василія Ѳедоровича несомнѣнно была, а въ зеркалѣ ничего не отражалось. Василій Ѳедоровичъ ѣлъ акуратно, методически. Про него даже стыдно сказать, что онъ ѣлъ; надо сказать: онъ кушалъ. Каждый кусокъ разжевывался и глотался по правиламъ. Разстояніе между двумя ложками супа было всегда столько-то секундъ, ни больше, ни меньше. По окончаніи перваго блюда, губы вытирались салфеткой; та же исторія продѣлывалась послѣ втораго и третьяго кушанья, всего стало быть три раза. До сихъ поръ еще не случалось, чтобы онъ по ошибкѣ сдѣлалъ это въ четвертый. Возможно ли, чтобы онъ, воплощенная чистота и опрятность, допускалъ грязь кругомъ себя? Невѣроятно, но возможно. Одно изъ двухъ: или Василій Ѳедоровичъ не замѣчалъ этой грязи, или онъ къ ней привыкъ, т.-е., иначе сказать, просто махнулъ рукой: дѣлайте, какъ, знаете! Совсѣмъ другое дѣло его жена. Та такъ сроднилась съ извѣстной обстановкой, что была бы рѣшительно несчастна, еслибы ее заставили чесаться и одѣваться съ утра, класть все на

Digitized by Google

мѣсто и жить въ опрятныхъ комнатахъ. Чтобы собраться съ силами и приготовиться къ вечерному параду, ей нужно было по крайней мѣрѣ полдня полной свободы, такой свободы, чтобы ходить неумытой, въ худыхъ балмакахъ, чувствовать себя дома однимъ словомъ. За то ужь при гостяхъ не было въ ея туалетѣ и прическѣ ни малѣйшей погрѣшности, въ ея манерѣ говорить ни малѣйшихъ признаковъ давишней разнузданности. Для полнаго раздолья ей необходимо было двѣ сферы: свѣтскую и семейную. Послѣднюю она понимала въ буквальномъ смыслѣ.

Кромѣ отца съ матерью, за столомъ сидѣли на одной сторонѣ Васенька и Леночка, на другой — Илюша и Клавдія.

Младшій въ родѣ Ракитиныхъ, общій идолъ, Васенька, былъ бойкій мальчикъ лѣтъ пяти, не больше. Онъ одинъ во всемъ домѣ пользовался привиллегіей рвать, колотить и проливать все, что угодно. Никому другому мама этого не спускала. Она не любила шалостей вообще, а такихъ шалостей, которыя влекутъ за собой прямые убытки, особенно не долюбливала. Она была экономна. У ней на рукахъ трое дѣтей, не говоря уже о четвертомъ, котораго мужъ взялъ изъ милости. Этого она ему никакъ не могла простить. Скажите, ради-Бога, есть ли какая-нибудь возможность, имѣя своихъ дѣтей, навязать себѣ еще на руки лишнюю обузу. Эта лишняя обуза называлась Илюшей и числилась племянникомъ въ домѣ Ракитиныхъ. Онъ былъ племянникомъ à priori, но de facto третировался несравненно хуже прислуги. Благодѣяніе сдѣлалось какъ-то нечаянно и повлекло за собою длинное раскаяніе со стороны благодѣтелей. У Василія Ѳедоровича была сестра. У этой сестры, какъ и слѣдуетъ, мужъ и пять человѣкъ дѣтей. Послѣ многихъ невзгодъ, мужъ ухитрился найдти мѣсто сельскаго учителя. Слѣдовало доказать міру, что семейство въ семь человѣкъ можетъ существовать на 200 р. въ годъ. Задача казалась трудная, особенно, когда дѣти стали подрастать и потребовали обученія. Сельскій учитель, щедро расточавшій свою науку деревенскимъ мальчикамъ, посвятилъ въ нее и сына, но на этомъ остановиться посовѣстился. Съ мужика и грамоты довольно; онъ съ своими двумя, тремя десятинами все равно съ голоду не умретъ, разсуждалъ отецъ, а моему Илюшкѣ двухъ десятинъ никто не подаритъ. Кто его знаетъ? вѣдь эдакъ онъ, пожалуй, и отъ голодной смерти не застрахованъ. Вотъ въ тѣхъ-то видахъ, чтобы застраховать сына отъ голодной смерти, и потащилась мать въ столицу къ богатымъ роднымъ. Старая пѣсня! Родственники распространяются о томъ, что надо по одежкѣ протягивать ножки, что тунеядство великій недостатокъ, а лѣность мать пороковъ. Напрасно старалась сестра прочесть

Digitized by Google

что-нибудь въ зеленыхъ глазкахъ своего братца. Онъ оставался непроницаемъ до тѣхъ поръ, пока не объявилъ, что беретъ ея сына съ тѣмъ, чтобы опредѣлить его потомъ на свой счетъ въ ремесленное училище. Сестра поцаловала у благодѣтеля полы сюртука и боялась показаться на глаза благодѣтельницѣ, которая назвала ее потаскушкой, христарадницей, и имѣла сцену съ мужемъ за припадокъ родственной нѣжности. Оплакавъ сына, какъ покойника, сестра отправилась восвояси. Такъ и очутился Илюша въ чужомъ городѣ, въ чужой семьѣ, въ непривычной обстановкѣ. Клавдія взялась сама приготовить его въ ремесленное. Дѣло оказалось нелегкое, потому что у мальчика способности были плохія: соображеніе скверное, памяти никакой, о бойкости и говорить нечего. Ульяны Максимовны онъ такъ боялся, что она въ своей особѣ совмѣщала для него всѣ ужасы вѣдьмы, домоваго и лѣшаго. Бѣлокурый, худощавый, съ кроткими голубыми глазами, онъ и наружностью-то ни мало не измѣнялъ своему характеру. Та же робость въ словахъ и въ движеніяхъ. Какая разница — непримиримый врагъ его Леночка, тысячу разъ объявлявшая всѣмъ и всякому, что она терпѣть не можетъ тихонь и смиренниковъ. Напрасно она это говорила; никто бы и не усумнился въ этомъ, взглянувши ей въ лицо. Сейчасъ видно шуструю дѣвчонку. Раскосые, но хорошенькіе глаза, такъ и бѣгаютъ во всѣ стороны. Вся курносая мордочка носитъ признаки бойкости и смѣтливости хоть бы и не десятилѣтней дѣвочки. Голова завита въ десять папильотокъ, которыя вечеромъ имѣютъ превратиться въ длинные локоны. Вечеромъ ее одѣнутъ пошотландски: въ пеструю юбочку съ голыми колѣнками. Леночка страстно любила наряды. Она обожала общество, гостей, дѣлала имъ ловкіе реверансы, удивляла ихъ умными, часто совсѣмъ не подѣтски умными отвѣтами. Конфекты умѣла принимать съ достоинствомъ, говорить самое очаровательное merci и потомъ разсматривать бонбоньерку съ небрежностью свѣтской барышни. Ея величайшее наслажденіе было слушать, какъ говорятъ старшіе, подмѣчать, что они дѣлаютъ и потомъ, если можно, вмѣшиваться въ ихъ бесѣду.

Какъ Леночка не терпѣла Илюшу за то, что онъ мямля, такъ Вася не жаловалъ сестру за то, что она представляется большой. Рѣдкій обѣдъ проходилъ безъ того, чтобы по этому поводу не начиналась перестрѣлка.

— Посмотрите, пожалуйста, замѣчала Леночка: — отчего это у Или всегда самая грязная салфетка?

— Ленка, ты чего толкаешься! сердился братъ.

— Гдѣ же я толкаюсь, Вася? Я далеко сижу.

Digitized by Google

— Конечно, толкаешься. Вонъ мнѣ вилку подтолкнула. Мама, отчего это у вилки три зуба, а не два?

Хитрая дѣвочка между тѣмъ, сообразивши, что съ братомъ при матери связываться не слѣдуетъ, снова нападала на Илюшу. Противъ этого мама ничего не имѣла. Этимъ можно было даже угодить ей.

— Какой, мама, Иля скверный мальчикъ...

— Ты все бранишься, Леночка, лѣниво замѣчала мама.

— Да это правда, мама. Какой онъ тихоня. Когда ты давича отвернулась, онъ утащилъ изъ сахарницы кусокъ сахару.

Иля поперхнулся.

— По моему, это скверно. Ужь дѣлать, такъ пускай всѣ видятъ. А то онъ съ вида смирный, а самъ все потихоньку, да потихоньку. А еще мальчикъ. Хуже всякой дѣвчонки. Рохля!

— Иля! обратила грозный взглядъ свой мама.—Это правда?

— Нѣтъ, ей Богу, это ей такъ только показалось. На что мнѣ сахаръ, я его не люблю.

— Слышите, мама. Какой вздоръ! Онъ не любитъ! Онъ ѣстъ всякую дрянь, и вдругъ не любитъ сахару. Онъ сырую морковь ѣстъ!

— Позвольте мнѣ вступиться за него, начала Клавдія:—онъ дѣйствительно терпѣть не можетъ сахару. Лена сочиняетъ.

— Ты, Клавдія, не видала, такъ и молчи лучше. Ты всегда суешься не въ свое дѣло.

— Такъ съ старшей сестрой не говорятъ, замѣтилъ отецъ, любившій, чтобы при немъ соблюдали табель о рангахъ.

— Я нынче въ коридорѣ мышь видѣлъ, скромно объявлялъ Иля.

Никто не обращалъ вниманія на это заявленіе. Одинъ только Вася принималъ его къ свѣдѣнію.

— Папа, у насъ есть пять мышей?

— Гдѣ это у насъ?

— У насъ въ домѣ?

— Ну, а какъ ты думаешь?

— Я думаю, есть. А на всемъ свѣтѣ есть сто мышей?

Отецъ покачалъ головой.

— Больше.

— Двѣсти? Пять тысячъ? Милліонъ?

Отецъ все улыбался и отрицательно качалъ головой.

Мальчикъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на него.

— Какъ же! Больше милліона не бываетъ.

— Да ты почемъ знаешь?

Digitized by Google

— Ужь я знаю! Милліонъ это много, много. Вотъ сколько. Всю жизнь не сочтешь.

— Нынче вечеромъ хотѣлъ быть Михаилъ Константиновичъ; вставилъ мимоходомъ папа, вытирая губы салфеткой во второй разъ.

Мама была очень довольна, что Михаилъ Константиновичъ думаетъ навѣстить ихъ вечеромъ.

Клавдія вздумала спросить:

— Папа, скажите пожалуйста, отчего это въ день моего отъѣзда, помните, когда у насъ были гости, Любарскій сидѣлъ въ конторѣ и никому не показывался?

Мама дѣлала отчаянные жесты плечами, указывая глазами на дѣтей.

Папа разрѣзалъ цыпленка и ни мало не смутился.

— Вѣроятно, онъ былъ занятъ и не нашелъ свободнаго времени, чтобы выдти къ гостямъ.

— Еще одинъ разъ... начала-было дочь.

— Faites moi le plaisir de vous taire, оборвала ее мать.

Папа вскинулъ на жену свои зеленые глаза и снова углубился въ цыпленка.

Леночка завертѣлась на стулѣ. Разговоръ большихъ только было-принималъ интересный оборотъ и вдругъ несносная французская фраза. Она поняла изъ нея только первое слово; faites (сдѣлайте).

Клавдія порѣшила, что разспроситъ вечеромъ Любарскаго сама.

Въ семь часовъ звонокъ возвѣстилъ о прибытіи адвоката.

Все семейство сидѣло въ гостиной точь въ точь такъ, какъ рисуютъ на картинкахъ для благонравныхъ дѣтей: папенька читаетъ, маменька работаетъ и т. д. Папенька дѣйствительно читалъ газету, маменька вязала одѣяло для бѣдныхъ, старшая дочь бесѣдовала съ Васенькой, который сидѣлъ у ней на колѣняхъ, младшая въ локонахъ и въ шотландскомъ костюмѣ старадась разглядѣть себя въ зеркалѣ. Даже Иля былъ тутъ. Его посадили за столъ и приказали рисовать. Надо же показать, что вотъ и бѣднаго мальчика не забываютъ. Гдѣ другія дѣти, тамъ и онъ.

Адвокатъ вошелъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, изящный, свѣтскій и дѣловой. Безъ этихъ трехъ качествъ его фигура немыслима. Онъ каждымъ жестомъ своимъ, каждымъ оборотомъ рѣчи, казалось, говорилъ: господа, я человѣкъ изящный, свѣтскій и дѣловой. Каштановая бородка, каштановые волосы, и если можно такъ выразиться, каштановые глаза—все было мягко и пріятно. Выразительный взглядъ его ласкалъ вся-

Digitized by Google

каго, на комъ останавливался. И вмѣстѣ съ тѣмъ было въ этомъ взглядѣ что-то сухое, проницательное. Точно онъ въ каждомъ собесѣдникѣ видѣлъ подозрительную личность или собирался начать допросъ свидѣтелей. Частое столкновеніе съ преступниками и вообще съ людьми, около которыхъ надо держать ухо остро, даетъ это неуловимое выраженіе глазамъ. Привычка допытывать человѣка, отвлекать его отъ главнаго вопроса съ тѣмъ, чтобы поразить неожиданностью, запутать, сбить, ошеломить и потомъ вертѣть имъ какъ мячикомъ,—привычка эта никогда не пропадаетъ безслѣдно. Что-то такое остается, что невольно выдаетъ иногда адвоката. Любарскій, при всей своей свѣткости, останавливалъ иногда на собесѣдникѣ такой долгій взглядъ, что тому становилось не по себѣ. Нужно, впрочемъ, прибавить, что Любарскій былъ хорошій адвокатъ. Онъ мастерски владѣлъ эффектами и постигъ искусство увлекать публику, приводя ее то въ умиленіе, то въ негодованіе. Но онъ только еще начиналъ свою карьеру. Какъ далеко пойдетъ его успѣхъ, нельзя еще было предсказать. Надежды на него возлагались большія, а у насъ, какъ извѣстно, начинающіе всегда въ модѣ. Стоитъ только человѣку хоть съ небольшимъ талантомъ войти въ моду—кончено дѣло: всякій думаетъ открыть въ немъ Америку. Если онъ еще и не сдѣлалъ ничего замѣчательнаго, то все равно непремѣнно сдѣлаетъ. Voilà un jeune homme qui ira loin, подтягиваютъ хоромъ дамы, а ужъ дамамъ ли не выдвинуть впередъ своего любимца.

Одѣтъ былъ Любарскій безукоризненно, съ той свѣтской небрежностью, которая для того и существуетъ, чтобы показать, что человѣкъ ни мало не заботится о своемъ туалетѣ, а все выходитъ такъ, само собою.

Кстати, сказать развѣ нѣсколько словъ объ его убѣжденіяхъ? Они были не изъ мудреныхъ. Каждый порядочный человѣкъ долженъ быть умѣреннымъ либераломъ, а въ юности Любарскій былъ даже отъявленный демократъ и шелъ впереди самыхъ передовыхъ. Но съ годами либерализмъ его растаялъ. Съ людьми надо всегда жить въ ладу. Съ виду поклоняться общественному мнѣнію, въ душѣ хохотать надъ нимъ. Съ пріятелями покутить, но друзьямъ не довѣрять. Объ себѣ говорить какъ можно меньше, потому что это скорѣй всего надоѣдаетъ другимъ. Лесть можно допустить, но только самую тонкую, изящную; да и ту безъ надобности не употреблять. Къ женщинамъ относиться съ рыцарскою вѣжливостью. Отъ дѣвушки требовать наивности и полнаго незнанія жизни.

Digitized by Google

Это общія правила. Были, разумѣется, и частности, не менѣе изящно обработанныя.

Боже мой! что за восхитительное семейство Ракитиныхъ! Какая должно быть добрая женщина эта Ульяна Максимовна! Какъ она весела, любезна, какъ ласкова съ дѣтьми, не говоря уже о старшей дочери! Съ Клавдіей она просто обращается какъ съ сестрой, а не какъ съ дочерью. Что за прелестное дитя эта Леночка! Какъ идутъ къ ней длинные бѣлокурые локоны и красные кораллы на шеѣ! Сколько еще можно поставить восклицательныхъ знаковъ, если говорить о каждомъ членѣ семейства отдѣльно!

Сначала адвокатъ посвятилъ себя исключительно хозяйкѣ: разсказалъ ей послѣдній процессъ и выслушалъ повѣствованіе о поѣздкѣ старшей дочери, которая, въ концѣ концовъ, оказывалась пренаивной дѣвочкой. Сама Клавдія сидѣла тутъ, слушала и удивлялась, откуда у мама такое богатое воображеніе. Ну, какъ это разсказывать безъ запинки о разныхъ невинныхъ будто бы выходкахъ своей дочери, въ которыхъ та ни душой, ни тѣломъ не виновата. Ну, сочиняй, да и проврись наконецъ. А то вѣдь все выходитъ такъ плавно, гладко, что и усомниться даже нельзя, что это не истинная правда.

Клавдія съ нетерпѣніемъ дожидалась, когда ее оставятъ наединѣ съ адвокатомъ, чтобы сдѣлать ему вопросъ, который остался неразрѣшеннымъ за обѣдомъ. Ей не пришлось долго ждать. Tête-à-tête съ Любарскимъ устроился самъ собой, разумѣется, нечаянно. По просьбѣ мама онъ сѣлъ пѣть. Едва успѣвалъ онъ окончить одинъ романсъ, какъ его, не давая перевести духу, просили начать другой. Потомъ, разумѣется, мама нужно было похлопотать по хозяйству, папа кто-то потребовалъ въ контору, дѣтей послали спать. Михаилъ Константиновичъ, конечно, не взыщетъ, если хозяйка выйдетъ на минутку изъ залы, ей нужно сдѣлать кой-какія распоряженія. Его будетъ занимать молодая хозяйка. Михаилъ Константиновичъ, само собой разумѣется, нисколько не въ претензіи. Напротивъ, онъ очень счастливъ, что съ нимъ не стѣсняются, какъ съ близкимъ знакомымъ.

Клавдія всегда чувствовала себѣ неловко съ этимъ человѣкомъ, хотя до сихъ поръ онъ ни разу не измѣнялъ съ нею своего обращенія. И наединѣ и при постороннихъ онъ всегда одинаково предупредителенъ и любезенъ, какъ только бываютъ любезны съ женщиной, къ которой чувствуютъ большое уваженіе. Въ разговорѣ съ молодыми дѣвушками, разумѣется, съ порядочными молодыми дѣвушками, онъ принималъ какой-то особенный тонъ,

Digitized by Google

рѣшительно исключавшій всякую возможность фамильярности или откровенности. Дѣвушка, по его мнѣнію, была сдѣлана изъ хрусталя. Малѣйшее неосторожное слово оставляло пятнышко или царапину. Не знаю, какъ онъ мирился съ тѣмъ, что эти хрустальныя созданія ѣдятъ и ходятъ, какъ обыкновенные смертные.

Клавдія стояла у рояля и слушала его пѣніе. Голосъ у него былъ небольшой, но манера пѣть великолѣпная. Онъ мастерски подчеркивалъ всѣ выразительныя мѣста, строго соблюдалъ piano и forte, высокія ноты бралъ фальцетомъ à la Кальцолари, но такъ мягко, что заставлялъ сожалѣть, отчего онъ не протянулъ ихъ дальше.

Въ извѣстныхъ пассажахъ являлось чувство или, какъ говорятъ, душа, такъ что иныя нотки прямо хватали за живое. Нѣкоторые романсы онъ оканчивалъ говоркомъ, и речитативы эти выходили у него очень эффектны. Такъ, напримѣръ, въ извѣстномъ романсѣ Пауфлера „Прости“ послѣднія слова „забудь, забудь“ онъ произносилъ почти шепотомъ. Небольшія теноровыя аріэтки Беллини онъ исполнялъ неподражаемо. Это было скорѣе пѣніе артиста, чѣмъ любителя. Дайте этому голосу побольше силы, и театральная публика будетъ слушать его какъ очарованная. Но теперь появленіе его на сценѣ было немыслимо: его бы и не услыхали въ громадной залѣ театра. За то въ салонахъ единодушно признали замѣчательный талантъ. Мнѣ кажется даже, что въ случаѣ неудачи на адвокатскомъ поприщѣ, онъ могъ бы себѣ составить карьеру салоннаго пѣвца. Одного только недоставало въ его пѣніи: страсти, не той страсти, которая расплывается въ нѣжныхъ сантиментальныхъ напѣвахъ или замираетъ въ тихомъ шопотѣ, а той, которая рѣдко достается въ удѣлъ маленькимъ голосамъ. Ни разу не прорывалось въ его пѣніи такого вопля, который заставилъ бы вздрогнуть, который потрясаетъ человѣка до глубины души. Не было въ немъ того огня, который освѣщаетъ страшную борьбу, прорвавшуюся въ одномъ могучемъ возгласѣ. Иногда одна нотка стоитъ цѣлой партіи съ безчисленными руладами и фіоритурами, одна нотка заставитъ забыть всѣ соловьиныя пѣсни и сладкія серенады подъ окномъ у возлюбленной.

Любарскій въ свой репертуаръ не допускалъ бравурныхъ арій. Онъ много выигрывалъ тѣмъ, что постигъ свою спеціальность, и выбиралъ для пѣнія только то, что выходило удачно. А выборъ былъ большой: бездна итальянскихъ каватинъ, бездна романсовъ и кой-какія изъ русскихъ пѣсенъ, только не тѣ, гдѣ

Digitized by Google

требуется удаль, и сумасшедшій разгулъ, въ которомъ хотѣлъ народъ потопить свое горе.

Всѣ эти мысли приходили въ голову Клавдіи, пока она сидѣла за роялемъ; отчасти можетъ быть и потому, что она слыхала другое пѣніе. Какое именно, мы узнаемъ послѣ.

Окончивши пятый романсъ, Любарскій всталъ изъ-за инструмента и подсѣлъ къ молодой хозяйкѣ, разумѣется, на почтительномъ разстояніи.

— Я вамъ не надоѣлъ своимъ пѣніемъ?

Клавдія улыбнулась и покачала головой.

— Нѣтъ, я готова слушать хоть еще столько же.

Милая наивность. Отчего бы не прибавить: но не больше? Адвокату нравилась такая откровенность.

— Вамъ слѣдовало бы ѣздить почаще въ оперу.

— Ахъ, ради Бога, не говорите со мной объ музыкѣ, испугалась Клавдія:—я очень люблю слушать ее, но говорить объ ней ненавижу.

— Какую же тему прикажете выбрать для разговора,— о погодѣ, объ общественныхъ удовольствіяхъ?

— Ахъ, пожалуйста, не занимайте меня, снова упрашивала хозяйка.—Ничего нѣтъ хуже, когда увѣрена, что тебя занимаютъ. Забудьте, что вы гость. Представьте себѣ, что мы тутъ оба сидимъ, потому что намъ нечего дѣлать, потому наконецъ, что намъ пріятно тутъ сидѣть. Для какой же я радости стану стѣснять себя и непремѣнно поставлю себѣ за правило сказать столько-то умныхъ словъ?

— Но позвольте. Допустить полную свободу тоже невозможно. Положимъ, что намъ обоимъ хочется молчать...

— Ну, что же, и давайте молчать.

— Какъ это? Такъ сидѣть вдвоемъ и безмолвствовать?

— Да, и безмолвствовать.

— Но вѣдь это смѣшно.

— Сдѣлайте, чтобы не было смѣшно, найдите сказать мнѣ что нибудь интересное.

— Но что же именно? Вѣдь мои процессы васъ не займутъ.

— Не знаю, капризно замѣтила Клавдія:—смотря по тому, какіе процессы. Есть скучные, есть и веселые.

У нея почему-то вдругъ явилось желаніе прикинуться наивной. Пускай его радуется! Я не хочу, чтобы мама потратила даромъ столько пороху.

— Веселые? удивился адвокатъ.—Какого же веселья вы хотите тамъ, гдѣ имѣешь дѣло съ самой грязной стороной человѣчества, гдѣ выплываютъ наружу всѣ скверныя побужденія, вся

Digitized by Google

мелочность, пошлость нашего характера. Нѣтъ, не дай вамъ Богъ никогда узнать этой грустной стороны.

— „Ты это мнѣ сказалъ фразу изъ защитительной рѣчи“, мысленно порѣшила Клавдія. „А я тебѣ сказала глупую фразу. Но это вѣдь такъ и нужно. Иначе я буду недостаточно наивна“.

— Очень понятно, что вы не знаете, на какія картины можно наткнуться, разсматривая наши такъ называемые процессы. Оттого вы и требуете чего-нибудь веселаго. Но, право, поищемъ его лучше гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

— Ну, поищемъ, поддразнивала молодая хозяйка.

— Скажите мнѣ, напримѣръ, какъ вы провели время у брата, какое впечатлѣніе произвела на васъ деревенская жизнь?

— Боже мой! Да мама вамъ давича столько разсказывала, что мнѣ ужь, право, ничего не осталось. „Неужели это онъ ничего умнѣе не могъ придумать?“ продолжала она размышлять. „Нѣтъ, рѣшительно трудно повѣрить, что передо мной сидитъ адвокатъ, краснорѣчивый человѣкъ“.

Мы уже знаемъ, что Любарскій въ бесѣдахъ съ молодыми дѣвицами откладывалъ въ сторону свой блестящій умъ, стараясь поддѣлаться подъ тонъ собесѣдницы, которая, по его соображенію, не должна была далеко уйти отъ куколъ, лентъ и цвѣтовъ. Съ дамами онъ держался другой системы. Тѣ, какъ женщины развитыя и опытныя, могли поддержать какой угодно разговоръ, игривый, колкій или блестящій.

— Хотите, заигрывала Клавдія:—я сдѣлаю вамъ одинъ вопросъ?

— Но съ тѣмъ, что я могу и не отвѣчать на него.

— Отчего же? Будто ужь я вамъ такъ часто надоѣдаю вопросами?

— Я шучу, конечно. Что-жь такое именно? Меня это очень интересуетъ.

Клавдія повторила ему то, о чемъ спрашивала отца за обѣдомъ.

Адвокатъ какъ будто немного смутился.

— Вы угадали, Клавдія Васильевна:—я дѣйствительно избѣгаю вашихъ гостей. Я вамъ скажу даже больше. По всей вѣроятности, мнѣ и впередъ придется избѣгать ихъ.

— Не можетъ быть! Она не умѣла скрыть своего изумленія.

— Вотъ, видите-ли, вы меня поставили въ затруднительное положеніе. Объяснить это я вамъ не берусь. Причина въ сущности пустая, да для васъ нисколько и неинтересная.

— Зачѣмъ окружать себя такой таинственностью? Вы знаете, какъ женщины любопытны. Вы меня только поддразниваете.

Digitized by Google

— Увѣряю васъ, что это чистѣйшіе пустяки. Но вотъ оттого-то мнѣ и не хочется входить въ объясненіе. Ну, представьте себѣ, что дѣла приняли такой оборотъ, что я считаю пока за нужное скрывать мое знакомство съ вашимъ домомъ.

— Скрывать ваше знакомство съ нами? Клавдія широко раскрыла глаза.

— Ну, да, вотъ видите ли, вамъ это можетъ показаться чѣмъ-то... ну, однимъ словомъ, чѣмъ-то неделикатнымъ съ моей стороны. А между тѣмъ это самые простые разсчеты, которые нисколько не измѣняютъ моихъ отношеній къ вашему семейству.

— Я рѣшительно не понимаю, съ досадой замѣтила дѣвушка.—Вы мнѣ не отвѣтили на вопросъ, а еще больше запутали. Я просила не этого.

Любарскій даже всталъ съ мѣста.

— Нѣтъ, Клавдія Васильевна, признаюсь вамъ откровенно. Еслибы это было что нибудь таинственное, ужасное — я бы вамъ сказалъ. Но именно потому, что это мелочи, я и не мастеръ ихъ толковать...

— Ну, пожалуйста, просила Клавдія. — Иначе я буду думать богъ-знаетъ что. Не захотите же вы, чтобы я представляла себѣ какіе нибудь ужасы. Скажите, Михаилъ Константиновичъ. Я васъ прошу.

Она приняла-было самое заманчивое, лукавое выраженіе, и вдругъ остановилась. Онъ такъ смотрѣлъ на нее, что она испугалась. Ей показалось, что онъ собирается сдѣлать ей предложеніе. И вотъ Клавдія Васильевна сама же первая свернула разговоръ въ сторону и стала опять наивна. А тамъ вошла мама. А тамъ онъ уѣхалъ и всѣ пошли спать.

IV.

Дѣло начинаетъ разъясняться. Мама сама проговорилась. Но тутъ надо повести объясненіе издалека. Есть въ Москвѣ благодѣтели. Эти благодѣтели ощущаютъ потребность благодѣтельствовать. Все это въ порядкѣ вещей. Но вопросъ, какъ? Богадѣльни, благотворительныя заведенія? Старо. Частныя пособія, разосланныя по редакціямъ разныхъ газетъ? тоже не ново. Филантропическіе комитеты, подписки въ пользу голодающихъ, погорѣлыхъ — все это выдохлось. Нельзя ли придумать что нибудь такое, что̀ било бы въ носъ совершенной современностью? Благодѣтели обратили свои взоры на западъ. Долго блуждала ихъ безпокойная фантазія среди западной фи-

Digitized by Google

лантропіи, и вдругъ сдѣлала открытіе: ассоціаціи! Что̀ можетъ быть современнѣе. Ассоціаціи! Чего только не подразумѣвается подъ этимъ словомъ! Это именно одно изъ тѣхъ словъ, которыя не кладутъ предѣла нашему воображенію. Даже мошенники могутъ составить ассоціацію, и много времени пройдетъ, прежде чѣмъ догадаются, что они мошенники.

Но мы забѣгаемъ впередъ, вернемся къ нашемъ благодѣтелямъ. Нечего и говорить, что это не тѣ купцы бородачи, которые жертвуютъ тысячи и ставятъ пудовыя свѣчки, тѣлу во здравіе, душѣ во спасенье. Тутъ въ благотворители попали московскіе капиталисты первой руки, но все больше изъ молодежи, люди, получившіе университеское образованіе и всѣ безъ исключенія побывавшіе за границей, — люди, почувствовавшіе непреодолимую потребность вышвырнуть за окно нѣсколько тысячъ, но вышвырнуть ихъ съ шикомъ.

Неизвѣстно, на чемъ бы остановился выборъ московскихъ рыцарей, еслибъ не вмѣшался тутъ Домейко. Онъ былъ тогда въ модѣ. Статьи его читались не только мальчишками, но и людьми солидными. И тѣ и другіе оставались довольны. Одни гонялись за парадоксами и свѣжимъ, живымъ юморомъ юнаго писателя; другіе выбирали все, что̀ поосновательнѣй и поувѣсистѣй. Домейко былъ скроменъ и умѣренъ въ своихъ выводахъ, чему доказательствомъ служитъ то, что его никогда не причисляли къ арміи демоновъ-искусителей и соблазнителей будущаго поколѣнія. Люди самыхъ скромныхъ убѣжденій считали его въ своемъ лагерѣ; либералы средней руки не теряли надежды увидать его современемъ во главѣ своей партіи. Побольше мягкости, поменьше рѣзкости въ выраженіяхъ, разсуждали они, и онъ выйдетъ на прямую дорогу. Это время, конечно, недалеко, юношескій пылъ скоро пройдетъ, и тогда... тогда Домейко оставалось только пожинать лавры.

Московскіе просвѣтители накинулись на Домейко. То было для него время юности и юношескихъ увлеченій. Онъ читалъ тогда умныя книжки объ ассоціаціяхъ и первый подалъ благодѣтелямъ мысль объ этой диковинкѣ. Слово было красивое. Оно понравилось, и подхватилъ его налету кой-кто изъ имѣвшихъ претензію на современность.

Сначала, разумѣется, пошли разговоры. Въ нихъ-то собственно и заключалась вся прелесть, и не было бы имъ конца, еслибы не вмѣшался неугомонный распорядитель. Онъ вошелъ въ объясненія съ благодѣтелями и сущность его рѣчей состояла приблизительно въ слѣдующемъ: господа, бесѣдовать вообще очень пріятно, а объ ассоціаціяхъ особенно пріятно. Но, если вы хотите

Digitized by Google

передать свое имя потомству, надо что нибудь сдѣлать. Я увѣренъ, что вы, какъ люди, именно желающіе добра своему отечеству, не остановитесь ни передъ какими пожертвованіями. Что значатъ какія нибудь тридцать, сорокъ тысячъ въ сравненіи съ тѣмъ, что объ васъ заговоритъ вся Россія. Помните, что ваша благонамѣренность будемъ прямо пропорціональна пожертвованнымъ суммамъ.

Рѣчь эта тронула сердца московскихъ капиталистовъ. Не надо забывать, что она произнесена была въ такое время, когда казалось особенно лестнымъ прослыть человѣкомъ современнымъ и передовымъ. Требовалось доказать свое усердіе наглядно, такъ чтобы въ него увѣровала вся почтеннѣйшая публика. При помощи Домейки, какъ писателя, пользовавшагося нѣкоторой извѣстностью, это, казалось, сдѣлать всего легче. Понятно, что первое время его слушали какъ оракула. Заранѣе порѣшили согласиться на всѣ его требованія, если только они будутъ исполнимы.

Домейко, сверхъ ожиданія, оказался премилый человѣкъ. Онъ сказалъ благодѣтелямъ другую рѣчь, изъ которой они узнали вотъ что: деньги ихъ не пропадутъ, а составятъ основной оборотный капиталъ общества, въ которомъ они останутся полными хозяевами. Единственная жертва, которая отъ нихъ требуется, это согласиться на сравнительно небольшіе проценты, а можетъ быть и совсѣмъ отказаться отъ нихъ на первое время. Эта небольшая жертва вознаградится имъ сторицею, ибо общество будетъ не обыкновенное, простое общество, а основанное на высшихъ цѣляхъ и лишенное всякихъ торговыхъ разсчетовъ. Барышъ рѣшительно отодвигался на задній планъ, или лучше сказать онъ совсѣмъ изгонялся. Единственная забота состояла въ томъ, чтобы вести дѣла не въ убытокъ акціонерамъ. А кто жаждалъ большихъ дивидендовъ, того покорнѣйше просили въ члены не записываться. Обороты этой оригинальной компаніи предполагались самые грандіозные. Контракты съ первыми торговыми фирмами, какъ русскими, такъ и заграничными, собственные суда и пароходы, желѣзно-конныя дороги въ городѣ, складочные магазины, лавки, крупныя аренды и при нихъ весь служебный персоналъ, — и все это съ единственной цѣлью доставить дешевое продовольствіе бѣднымъ классамъ.

Передъ основателями встала грандіозная картина: сношенія во всѣхъ частяхъ свѣта, всемірная слова и въ заключеніе у ногъ ихъ тысячи, а можетъ быть и милліоны накормленныхъ голодныхъ бѣдняковъ. Всемірная слова и насыщеніе голодныхъ — все это такія вещи, противъ которыхъ устоять нельзя. Проектъ

Digitized by Google

приняли цѣликомъ безъ поправокъ. Скоро пришлось узнать его въ подробностяхъ. Тутъ ужь начало прозы и конецъ поэзіи.

Домейко бралъ черную работу на себя. Онъ составлялъ смѣты, дѣлалъ вычисленія, пробовалъ заранѣе сводить балансъ. Въ виду имѣлось много предпріятій. Арендовать, напримѣръ, луга въ южныхъ, степныхъ губерніяхъ, откармливать тамъ скотъ и потомъ пригонять его на убой въ столицу. Здѣсь устроить свои собственныя скотобойни, открыть мясныя лавки, а съ ними вмѣстѣ и дешевую продажу мяса. Закупать хлѣбъ на мѣстѣ и потомъ сплавлять водою или на собственныхъ судахъ, или же заключивши контрактъ съ какою-нибудь пароходною компаніей. Закупать его, по возможности, изъ первыхъ рукъ у самихъ крестьянъ и тѣмъ съ разу поймать двухъ зайцевъ: вопервыхъ, обогатить мужиковъ, а вовторыхъ, удешевить самый продуктъ, устраняя барышниковъ, и обращая всѣ старанія на своевременную перевозку. Небогатымъ производителямъ предполагалось даже открыть кредитъ, чтобы тѣмъ освободить ихъ отъ власти кулаковъ и помѣщиковъ, которые, пользуясь безденежьемъ, дѣлаютъ имъ ссуды за огромные проценты. Общество, какъ мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, должно было также мало думать о барышахъ, какъ монахъ о соблазнахъ. Поэтому, ему ничего не стоило открыть деревнямъ кредитъ, основанный на круговой порукѣ. Хлѣбъ во всякомъ случаѣ обходился ему дешевле, а крестьянамъ давалась возможность не входить въ неоплатные долги, ибо они получали деньги именно тогда, когда они имъ нужны, т.-е. весною. Имъ заранѣе платили за товаръ, котораго еще не получали. Это была тоже своего рода ссуда, но только безпроцентная. Точно также думали впослѣдствіи открыть свои склады по деревнямъ. Имѣлось въ виду, что община будетъ закупать въ этихъ складахъ кой-какіе матеріалы для полевыхъ работъ и муку въ большихъ количествахъ. Тутъ опять отпускается въ долгъ, на круговую поруку. Однимъ словомъ, общество не на шутку грозило сдѣлаться „обществомъ благодѣтелей рода человѣческаго". Въ особенности, если принять во вниманіе, что съ потребительною ассоціаціей соединялась и производительная. Гурты домашняго воспитанія, собственныя фермы, фабрики и мастерскія для издѣлія предметовъ первой необходимости,—все это входило въ программу, наряду съ заманчивыми названіями заграничныхъ фирмъ. Что собственно хотѣли покупать за границей, я навѣрное не знаю. Кажется, что англійскіе и американскіе негоціанты предлагались не столько для торговли, сколько для примѣра. Въ сущности, пускаться въ заграничныя сдѣлки не имѣлось никакой надобности: слава Богу, наша земля

Digitized by Google

велика и обильна. Общество и такъ будетъ имѣть подъ руками все, чего только запроситъ. Съ одного конца полетятъ по желѣзнымъ дорогамъ кули съ мукой, съ другаго конца эти же кули поплывутъ водой, съ третьяго погонятъ гурты откормленныхъ быковъ, съ четвертаго потянутся обозы съ дровами, вырубленными въ собственной дачѣ (дачи эти будутъ сняты по контракту у помѣщиковъ). И такъ, дешевый хлѣбъ, мясо и дрова обезпечены, съ этой стороны нечего безпокоиться. Подъ Москвой будутъ свои огороды, на которыхъ мы выростимъ капусту, картофель, рѣпу и морковь съ братіей. Общество своими средствами будетъ выдѣлывать кожи, шкуры, а изъ нихъ приготовлять тулупы и обувь. Однимъ словомъ, оно похлопочетъ обо всемъ, кромѣ предметовъ роскоши. Вы замѣтите, можетъ быть, что на такія широкія затѣи потребуется мильоновъ десять съ небольшимъ. Зачѣмъ же, съ насъ и пятисотъ тысячъ за глаза довольно.

Дѣйствительно, общество порѣшило открыть свои обороты съ пятисоттысячнымъ капиталомъ, раздѣленнымъ на 5,000 акцій по сту рублей каждая. Какимъ образомъ столь грандіозные проекты могли помириться съ такой сравнительно небольшой суммой, надо спросить у г. учредителя. Вычисленія были сдѣланы имъ на бумагѣ очень бойко, но, быть можетъ, не совсѣмъ вѣрно. Одно изъ двухъ: или Домейко плохо зналъ ариѳметику, или онъ ничего не смыслилъ въ торговыхъ дѣлахъ. Послѣднее вѣрнѣе, ибо въ математикѣ Арсеній Филиповичъ былъ твердъ.

Первый блинъ былъ комомъ. Съ перваго же разу господа учредители, чтобы привлечь побольше акціонеровъ, начали сулить богатый дивидендъ, чуть не сто на сто. Говорятъ, что американцы и англичане особенные мастера на рекламы. Но будто мы не съумѣемъ пустить пыль въ глаза? На спину и на голову мы никому афишъ не прикалываемъ, до этого, правда, еще не дошли, за то ужь на счетъ того, чтобы поймать почтеннѣйшую публику на удочку и потомъ выпустить ее въ трубу, мы потягаемся. И то сказать, наша публика противъ западной не такъ взыскательна. Пустили по городу утку, будто акціи продаются ужь съ преміями, а дивидендъ такой, что и во снѣ никому не приснится. Слухи были заманчивы, а какъ подтвердили ихъ мимоходомъ два, три туза, то просто хоть въ петлю полѣзай, а покупай акцію.

Контора на Басманной подъ нумеромъ такимъ-то не осталась пустой и требуемая сумма не заставила себя ждать. Меньшой братіи приготовили блаженства на пятьсотъ тысячъ. Ближніе могли смѣло разсчитывать на нихъ.

Много выдумалъ машинъ девятнадцатый вѣкъ, но до сихъ

Digitized by Google

поръ не могъ еще сочинить такой, которая могла бы управлять дѣлами хоть бы, положимъ, акціонерной компаніи. Придумать-то ее непремѣнно придумаютъ (да будетъ стыдно тому, кто этому не вѣритъ), но теперь волей-неволей приходится полагаться на самую ненадежную машинку, на человѣка. Его никакъ не заставишь думать по такой-то мѣркѣ и по стольку-то минутъ въ часъ. Онъ непремѣнно возьметъ, да и сдѣлаетъ по своему. У всякаго барона своя фантазія, да еще хорошо, еслибъ только у бароновъ, а то всякая букашка чего-нибудь да хочетъ. Одному хочется выдумать порокъ, другому, чтобы его никто не трогалъ, третьему наконецъ просто хочется что-нибудь стянуть. Хорошо еще, если въ правители попадутъ люди первыхъ двухъ разрядовъ; а что если навернется какой-нибудь артистъ изъ третьяго разряда? Какъ застраховать себя отъ такой бѣды? Еще еслибы у этакихъ господъ былъ какой-нибудь отличительный признакъ, ну тогда понятно,—тогда бы ихъ выбирать не стали. А теперь какъ ты его угадаешь? Предлагаютъ себя двое въ кандидаты. Кто изъ нихъ воръ, кто честный? Пожалуй, этотъ, а пожалуй, что и тотъ. Можетъ быть, они оба чище хрусталя, а можетъ статься, и оба воры. Потолкуютъ, погорюютъ, а котораго-нибудь все-таки выберутъ.

Въ обществѣ дешеваго продовольствія выборы были шумные. Какъ учрежденіе гуманное и основанное на новыхъ началахъ, оно позволило себѣ нѣкоторыя вольности. Вопервыхъ, полная гласность; вовторыхъ, каждый акціонеръ имѣетъ право голоса, независимо отъ числа акцій. Это ужъ видимая любезность въ духѣ французской liberté, fraternité, égalité. Капиталъ рѣшительно не уважается, за то торжествуетъ принципъ ассоціаціи. Втретьихъ, наконецъ, никто не обязанъ соблюдать порядка: этого требуетъ свобода, — по крайней-мѣрѣ такъ поняли ее егоряча учредители и на первомъ общемъ собраніи предсѣдатель былъ нуль.

Такъ-какъ все въ мірѣ имѣетъ конецъ, то кончилась и та знаменитая суббота, въ которую были выбраны члены правленія: директоръ-распорядитель, просто директоръ и товарищъ директора. Потомъ ужъ потянулась цѣлая свита съ конторщиками и артельщиками въ хвостѣ. Этихъ, впрочемъ, выбирали ужъ сами директора. Имъ же поручено было нанимать прикащиковъ, рабочихъ, мастеровыхъ, входить въ сдѣлки съ частными лицами и компаніями, наблюдать за торговыми операціями, да мало ли что еще было имъ поручено. Они орлинымъ взоромъ своимъ должны были обозрѣвать всю Россійскую имперію, потому что только ея границы служили предѣломъ для ихъ торговыхъ опе-

Digitized by Google

рацій. Общество оставило, впрочемъ, за собою высшій контроль надъ дѣйствіями своихъ избранниковъ. Кромѣ того, одна статья устава гласила, „что они не имѣютъ права, безъ согласія общаго собранія, заключать контракты съ иностранными негоціантами и проч.“

Кончились выборы и закипѣла въ обществѣ работа. А что же Домейко? Онъ все хлопоталъ надъ уставомъ, надъ программой: собиралъ для будущей дѣятельности статистическія данныя о торговлѣ и промышленности, написалъ статью исключительно съ тою цѣлью, чтобы опредѣлить духъ возникающаго учрежденія, и не догадался только объ одномъ: посмотрѣть, исполняется ли его программа на дѣлѣ. Давно ужь ловили акціонеровъ на удочку баснословнаго дивиденда, давно ужь хлопотали о директорскихъ и прочихъ тепленькихъ мѣстечкахъ тѣ, кому вѣдать надлежитъ, а онъ сидѣлъ себѣ въ своей берлогѣ и пренаивно сочинялъ разные проекты. Учредители нашли, что это хорошо: чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало. Изъ деликатности ли, или потому что не хотѣли раздразнить этого все-таки опаснаго звѣрька, ему показывали видъ, что весьма дорожатъ этими проектами. Въ типографію отдали напечатать два устава: одинъ изъ нихъ былъ присланъ автору безъ всякихъ поправокъ, другой, съ нѣкоторыми поправками и варіаціями, предназначался для публики. На первомъ же общемъ собраніи недоразумѣніе объяснилось, но слишкомъ поздно. Въ печати уже появилась эфектная статья, стремившаяся уловить духъ возникающаго учрежденія, и привлекла къ нему общее сочувствіе. Домейко увидалъ, что сдѣлалъ маленькій промахъ: хвалилъ общество, приглашалъ публику принять въ немъ участіе, и вдругъ оказывается, что оно существовало только въ его воображеніи, а на дѣлѣ составилась просто компанія на акціяхъ съ цѣлью набить себѣ карманы. Хотѣлъ-было онъ тутъ же чистосердечно признаться въ своей ошибкѣ, да самолюбіе помѣшало. Какое мнѣніе получатъ о немъ послѣ такой выходки? „А“, скажутъ, „милостивый государь, да вы что же, дурачите насъ, что-ли? Нынче вы кричали: почтеннѣйшая публика, пожалуйте сюда, здѣсь самое лучшее общество, первый сортъ. А на завтра мѣняете тонъ: нѣтъ— дескать, бѣгите отсюда прочь; здѣсь шайка мошенниковъ, барышниковъ? Да позвольте узнать, гдѣ же послѣ этого у васъ убѣжденіе? Что вы за флюгеръ такой“.

Страшная мысль, что всѣ отшатнутся отъ него, остановила Домейко. „Меня могутъ заподозрить, думалъ онъ, въ томъ, что я перемѣнилъ голосъ не безъ причины, что тутъ вышли какія-нибудь личныя непріятности съ учредителями, можетъ быть да-

Digitized by Google

же изъ-за денежныхъ разсчетовъ". Ему стало гадко отъ одного этого предположенія, а между тѣмъ дѣйствительно многіе могли сдѣлать его.

Домейко выбралъ изъ двухъ золъ едва-ли не худшее. Онъ промолчалъ; по крайней-мѣрѣ, въ печати не появилось ни одного опроверженія. Въ общемъ собраніи онъ говорилъ, и говорилъ много, но такъ-какъ тамъ говорившихъ было болѣе, чѣмъ слушающихъ, то въ результатѣ ничего не получилось. Арсенію Филиповичу дали хорошій урокъ. Директоръ и учредители обошлись съ нимъ на первый разъ почтительно, но болѣе или менѣе тонко дали ему понять, что вмѣшиваться ему въ чужія дѣла не позволятъ. Увлеченія какъ не бывало. Весь этотъ пассажъ подѣйствовалъ на Арсенія Филиповича, какъ ведро холодной воды. Онъ очнулся. Никогда въ жизни своей онъ не игралъ болѣе глупой роли. Директора вступили въ отправленіе своихъ обязанностей, дѣла общества пошли какъ на колесахъ, гласность спрятали въ шкатулку до будущаго собранія, и операціи правленія покрылись непроницаемой тайной для непосвященныхъ. Домейко тоже отнесли къ числу обыкновенныхъ смертныхъ и съ улыбкой встрѣчали его, когда онъ являлся съ своими требованіями и заявленіями. Эта улыбка была въ то же время самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ. Оставалось только плюнуть, посыпать главу пепломъ, отрясти прахъ съ ногъ своихъ и удалиться. Онъ такъ и сдѣлалъ.

На первыхъ же порахъ, правленіе блистательно заявило свою дѣятельность. Открыли кандитерскую и перчаточное заведеніе. Нашлись недовольные, которые утверждали, что вмѣсто кандитерской слѣдовало устроить хлѣбопекарню, и что перчатки, какъ предметъ роскоши, по программѣ не допускаются. Но большинство, какъ водится, пѣло хвалебныя пѣсни, основываясь на томъ, что общество, вѣроятно, взялось за такое производство, которое для него всего выгоднѣе. „А гдѣ до прибыли коснется, не только тамъ гусямъ — и людямъ достается". О ближнихъ стали понемножку забывать или, лучше сказать, пришли къ тому заключенію, что на первый разъ довольно съ нихъ сладкихъ пирожковъ и лайковыхъ перчатокъ.

Такъ возникло общество дешеваго продовольствія. О немъ говорили въ клубахъ, въ журналахъ, въ частныхъ домахъ. Учредители его были записаны въ общественномъ мнѣніи на золотую доску. Публика заранѣе приготовила свое изумленіе въ виду предполагавшихся желѣзно-конныхъ дорогъ, громадныхъ товарныхъ складовъ и баснословно дешевой распродажи.

Но вотъ открылась кандитерская и перчаточное заведеніе, и

Digitized by Google

сколько больше ни ждали, ничего не дождались. Гдѣ же магазины, въ которыхъ можно за гривенникъ купить чуть ли не цѣлый тулупъ? Гдѣ хлѣбный и мясной рынокъ? Гдѣ конторы, которыя берутся находить работу бѣднымъ людямъ (это также входило въ програму общества)? Гдѣ? могли бы отвѣтить директора наивнымъ акціонерамъ: — да въ вашемъ воображеніи, messieurs et mesdames.

Дѣйствительно, правленіе заявило, что его операціи, хотя и невидимы, но, тѣмъ не менѣе грандіозны, что на сторонѣ снимаются большія аренды, дѣлаются громадныя приготовленія и закупки, однимъ словомъ, говорилось все то, что имѣютъ обыкновеніе говорить въ подобныхъ случаяхъ. Акціонеры получили 22% дивиденда, и, разумѣется, увѣровали. „Поди-ка: шутка ли 22%. Вѣдь если каждый годъ по стольку получать, глядишь, капиталъ-то скоро и удвоится". Но съ каждымъ годомъ дивидендъ замѣтно уменьшался въ объемѣ и въ одинъ прекрасный апрѣльскій день дошелъ до нуля. Акціонеры начали просыпаться.

Директора приняли это къ свѣдѣнію. Въ конторѣ закипѣла работа. Полетѣли письма во всѣ концы Россіи. Къ распорядителю, бывало, и доступу нѣтъ, а теперь двери настежь: кому угодно, милости просимъ. Въ публикѣ, между тѣмъ, подозрѣнія усиливались. Не помогли и двѣ, три лавки, открытыя обществомъ въ Москвѣ. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ почему-то все чаще и чаще стали поминать имя Домейко. Поговаривали, будто онъ одинъ можетъ все разъяснить и все опять привести въ порядокъ, будто онъ ужь давно не въ ладахъ съ правленіемъ и всѣ его шашни знаетъ, какъ пять пальцевъ. У директоровъ былъ тонкій слухъ, все это имъ въ скорости сдѣлалось извѣстно. Не мѣшало подумать, на всякій случай, объ отступленіи. Распорядитель и его товарищъ до сихъ поръ жили дружно, но тутъ вдругъ оказалось, что это дружба Полкана съ Барбосомъ. Каждому захотѣлось устроить себѣ лазейку такъ, чтобы она въ то же время служила пріятелю западней. Обоимъ выдти побѣдителями изъ стычки съ акціонерами не было возможности. Кому-нибудь придется объяснить исчезновеніе денегъ изъ кассы, исчезновеніе конторскихъ книгъ, контрактовъ и всѣ прочія недоразумѣнія. Кому-нибудь да суждено поплатиться за всѣ эти сюрпризы. Вопросъ: кому? Кто будетъ расплачиваться своими боками? Каждый разсуждалъ такъ: „отчего же непремѣнно я, а не ты? Нѣтъ, пускай же лучше ты".

Съ той самой минуты, какъ эта мысль мелькнула у директоровъ, между ними началась тайная, но ожесточенная вражда. Открытой войны еще не объявлено, но тѣмъ не менѣе, это были

Digitized by Google

уже два непріятельскіе лагеря. Дѣло пошло по всѣмъ правиламъ искусства: явились шпіоны, пошли въ ходъ интриги, сплетни, изучались слабыя стороны, готовились всякія козни и безобразія, а противники продолжали видаться, очень любезно раскланивались, и говорили обо всемъ, даже о дѣлахъ. Никто со стороны не догадался бы, что это два врага, готовые сцѣпиться при первомъ удобномъ случаѣ. Свѣтскость, умѣнье жить между людьми, умѣнье владѣть собою — вотъ оружія, которыми обѣ стороны владѣли мастерски. До сихъ поръ силы были равныя: на чьей сторонѣ останется побѣда — предсказать нельзя.

Когда началась борьба между директорами, публика тоже не дремала. Лѣтніе жары давно прошли, а срокъ годоваго собранія приближался. Дошло до слуха директоровъ, что акціонеры думаютъ угостить ихъ ревизіонной коммисіей. „Наконецъ-то догадались, голубчики", невольно подумалъ Ракитинъ. Онъ былъ артистъ въ душѣ и не могъ равнодушно выносить людскаго тупоумія, даже тогда, когда оно ему служило на пользу и на спасеніе. Но прошелъ первый порывъ благороднаго негодованія, и Василій Ѳедоровичъ сталъ размышлять о томъ, какъ бы на случай паденія подостлать соломки. Вдругъ великолѣпная мысль явилась въ головѣ его. Ревизіонная коммисія безъ предсѣдателя все равно, что туловище безъ головы. Предсѣдатель даетъ направленіе ея занятіямъ; въ его власти сдѣлать черное бѣлымъ и наоборотъ. Ясно, что выберутъ въ эту должность человѣка, который пользуется общимъ довѣріемъ. Именно такимъ человѣкомъ былъ адвокатъ Любарскій. Онъ имѣлъ много знакомыхъ между акціонерами; кромѣ того, упрочившаяся за нимъ репутація дѣлала его извѣстнымъ даже постороннимъ. Его знали по фамиліи. На него съ надеждою обращались взоры погибающаго общества. (Была партія, которая ожидала спасенія только отъ бывшаго учредителя Домейко, но она составляла меньшинство). Если адвоката выберутъ предсѣдателемъ, Ракитинъ спасенъ. Будущій зять съумѣетъ, коли захочетъ, надѣть акціонерамъ розовые очки, а членовъ коммисіи проведетъ и выведетъ. Почему жь бы Любарскому и не быть выбрану? всѣ шансы за него. Одно скверно: могутъ сказать, что онъ въ близкихъ отношеніяхъ съ директоромъ. Эта мысль не на шутку засѣла въ голову папаши и не давала ему покоя до тѣхъ поръ, пока онъ не облегчился, объяснившись съ самимъ Любарскимъ. Если одинъ прибѣгнулъ за спасеніемъ къ будущему зятю, то другому не было никакой цѣли огорчать будущаго тестя. Отсюда вышло обоюдное соглашеніе. Адвокатъ явно прекратитъ свои посѣщенія въ домъ директора, а втайнѣ станетъ продолжать ихъ. Публикѣ, по возможно-

Digitized by Google

сти, надо внушить, что произошелъ даже рѣшительный разрывъ, что у Ракитиныхъ вышла ссора съ Любарскимъ. Съ этой цѣлью его прятали отъ гостей и пускали въ общество разные, неподходящіе слухи. Ловкую штуку эту разыграли какъ по нотамъ, и кончилось тѣмъ, что общество увѣровало въ мнимую вражду.

Одна Клавдія долго не могла понять, въ чемъ дѣло. Да, наконецъ, спасибо, мама догадалась и проболталась ровно на столько, что тайна потеряла для дочки всю свою таинственность.

V.

Сезонъ только что начинался. Въ театрѣ первый разъ давали „Пророка". Любочка пріѣхала приглашать Ракитиныхъ въ оперу. У ней ужь былъ билетъ. Мама, разумѣется, не отказалась. Она любила маленькія любезности, рублей въ десять, не больше. Ложа бель-этажа была именно въ эту цѣну, и не принять ее не было никакой причины.

Въ семь часовъ, въ числѣ прочихъ экипажей, къ подъѣзду большого театра подкатила карета Ракитиныхъ. Присутствующіе не безъ удивленія смотрѣли, какъ оттуда вылѣзали папа, мама, молодая дѣвица, еще молодая дѣвица, еще пожилой господинъ, и, наконецъ, маленькая дѣвочка.

И дѣвицы, и пожилыя особы вошли въ сѣни и стали подыматься по лѣстницамъ. Теплый, яркій свѣтъ охватилъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Театральная атмосфера давала себя чувствовать. Внизу инвалидъ настойчиво предлагалъ афишку, съ разныхъ сторонъ торопились бобровые воротники, шляпы и фуражки всѣхъ сортовъ, наверху по ступенькамъ волочились длиннѣйшіе трены, дамы кокетливо сбрасывали на плечи платки и шарфы, хорошенькія и нехорошенькія головки съ достоинствомъ оглядывали проходящихъ; наряды, имѣющіе поразить непрекрасную половину рода человѣческаго, скрывались пока подъ шубками, и только дивные шиньоны очаровывали взоръ неслыханнымъ обиліемъ и длиной своимъ локоновъ. Все говорило, что тутъ царство женщинъ и неразлучныхъ съ ними цвѣтовъ, кружевъ, улыбокъ и обнаженныхъ рукъ.

Никого такъ не охватитъ эта чарующая обстановка, какъ дѣтей. Корридорная суета и безпорядочные звуки инструментовъ, долетавшіе изъ оркестра, подѣйствовали на Леночку какъ опьяняющій порошокъ. Она на нѣсколько времени позабыла даже скрыть изумленіе, позабыла, что она свѣтская барышня и чувствовала себя на седьмомъ небѣ. Первая вошла въ ложу, при-

Digitized by Google

щурилась отъ яркаго свѣта, взглянула внизъ, на публику, двигавшуюся въ партерѣ, и не вѣрила себѣ — она ли это дѣйствительно. Полно, ужь не сонъ ли это? Посмотрѣла на хрусталь, сверкавшій въ лампѣ и переливавшійся радужными цвѣтами, потомъ наверхъ — и вдругъ ей представилось, что всѣ бинокли устремлены на нее. Ее замѣтили, конечно. На нее нельзя не обратить вниманія. У ней такіе чудные локоны — и она съ гордостью откинула ихъ назадъ. Потомъ сдѣлала видъ, что застегиваетъ перчатку, которая, въ сущности, была отлично застегнута. Наконецъ, однимъ граціознымъ жестомъ поправила свою розовую шелковую юбку и прищурилась такъ, какъ имѣетъ обыкновеніе прищуриваться одна знакомая мама.

Нельзя сказать, чтобы взрослыя дѣвицы были совершенно свободны отъ чувства, волновавшаго Леночку, но въ нихъ оно сказалось значительно слабѣе и совершенно исчезало въ старшихъ членахъ семейства. Любочка призналась, что масса всегда дѣйствуетъ на нее какъ-то особенно, а отецъ ея жалѣлъ, зачѣмъ не остался дома. Клавдію охватила какая-то смутная радость и томленіе. Ей вдругъ захотѣлось быть актрисой, выдти на сцену и обратить на себя общее вниманіе. Это стремленіе быстро смѣнилось другимъ, третьимъ, и все замерло въ неопредѣленной нѣгѣ, которую не въ силахъ были разрушить фальшивые аккорды изъ оркестра. Музыканты, казалось, пробовали, до какихъ диссонансовъ можно дойти, если заиграть безъ толку разомъ на всѣхъ инструментахъ. Но Клавдія этого не замѣчала. Она опустилась на стулъ и жадно стала смотрѣть внизъ, наверхъ и по сторонамъ. Напряженный взглядъ какъ будто отыскивалъ кого-то въ толпѣ. Она была очень эффектна въ бѣломъ бережевомъ платьѣ, съ черными янтарями на шеѣ, и съ зеленью на головѣ. Горностаевая мантилья спустилась съ одного плеча, а кисти запутались въ рукахъ вмѣстѣ съ вѣеромъ.

Мама сѣла въ отдаленіи и бросала на всѣхъ и на все равнодушные взгляды. И въ самомъ дѣлѣ, для кого ей быть милой и очаровательной? Кругомъ нѣтъ ни одного знакомаго, а постороннимъ она не имѣла привычки расточать свою любезность.

Папа оставался въ аванъ-ложѣ, вѣроятно потому, что въ патетическихъ мѣстахъ онъ будетъ плакать. Чувствительной музыки папа никогда не слушалъ безъ слезъ.

Любочкинъ отецъ расположился тамъ же, но уже по другой причинѣ: вопервыхъ, тутъ диванъ мягокъ и удобенъ, не то, что стулья въ ложѣ, а, вовторыхъ, тутъ позволяется и вздремнуть на всякій случай.

— Вотъ, Василій Ѳедорычъ, разсказывалъ старшій своему со-

Digitized by Google

бесѣднику: — купилъ я шифоньерку и не знаю, куда поставить. Заверните какъ-нибудь, батюшка, да научите меня. Можетъ быть, вмѣстѣ-то что-нибудь и придумаемъ. А то, просто, не найду мѣста, хоть ты что хочешь.

Папа слушалъ благосклонно и покачивалъ въ тактъ головой.

— Она мнѣ, признаться, и не нужна совсѣмъ. Да нельзя было не купить: дешево продавалась, по случаю. Вотъ еще лодку купилъ...

— Лодку? удивился папа.

— Да, лодку, то-есть не такую, не ту, на которой плаваютъ, а просто, вотъ въ родѣ кресла. Она, съ виду-то, и въ самомъ дѣлѣ, на лодку похожа, только на ножкахъ. Чудесная штука! Вотъ и вы себѣ такую пріобрѣтите—совѣтую.

— Да на что̀-жь она нужна?

— Ну, какъ на что̀, мало ли. Вонъ Любочка говоритъ: я въ ней лежать буду. Это она меня и упросила. Я, правду сказать, сначала и не хотѣлъ-было. Ну, потомъ думаю: отчего же и не потѣшить дѣвчонку? Нѣтъ, для гостиной оно тово... оригинально.

— А настоящая лодка еще оригинальнѣе. Такъ еслибы ваша дочка попросила, не тащить же въ комнату цѣлый паромъ.

— И потащишь, батюшка; а вы какъ думаете?

— Я того мнѣнія, что вы Любовь Николавну слишкомъ балуете. У дѣвицъ много капризовъ. Ихъ не исполнять слѣдуетъ, а напротивъ, сдерживать. Слѣдуетъ пріучать ихъ къ борьбѣ съ жизнью. Иначе, онѣ ни къ чему не будутъ приготовлены— она изломаетъ ихъ. Я держусь такой системы...

И папа сталъ развивать свою систему.

На эстрадѣ сверкнула палочка капельмейстера и его бѣлыя перчатки. Зажурчали тихія, чуть слышныя нотки, но вотъ все скорѣе, скорѣе, сильнѣе, громче; заторопились такты, цѣлые пассажи, полилась бурная музыка, и вдругъ оборвалась на одномъ аккордѣ. Интродукція кончена. Стали перекликаться пастушьи рожки, робко замирало вдали эхо, и вотъ медленно, величаво поднялся занавѣсъ.

Послѣ перваго акта, половина партера бросилась вонъ, точно ее до сихъ поръ кто на цѣпи держалъ. Въ ярусахъ тоже зашевелились и пошли работать бинокли. Изъ переднихъ рядовъ креселъ какіе-то сеньоры въ эксельбантахъ упорно стали лорнировать ложи бель-этажа и бенуара, и не разъ останавливали свое вниманіе на Клавдіи, которая между тѣмъ встала и предлагала Любочкѣ пройтись по корридору.

— Куда? окликнула мама, когда обѣ дѣвицы готовились порхнуть вонъ изъ ложи.

Digitized by Google

— Пройтись. Мнѣ очень жарко, отвѣтила дочь.

Мама хотѣла-было остановить, но увидавши рѣшимость на ея лицѣ, раздумала и только прибавила:

— Prenez la petite avec vous.

Клавдія сдѣлала нетерпѣливое движеніе, а Леночка почти чутьемъ угадала смыслъ материнскихъ словъ, и ловко пробираясь между стульевъ, подошла къ сестрѣ.

— Я тоже пойду съ вами, объявила она рѣшительно и мимоходомъ взглянула въ зеркало.

Въ корридорѣ, едва сдѣлавши нѣсколько шаговъ, Клавдія вдругъ остановилась.

— Леночка, я забыла свой вѣеръ, принеси мнѣ его, душечка. Мы тебя подождемъ тутъ.

Дѣвочка граціозно повернулась на каблукахъ и пошла назадъ въ ложу, размышляя о томъ, какъ должна всѣмъ понравиться ея походка.

Старшая сестра между тѣмъ поспѣшно вынула изъ кармана письмо и подала его пріятельницѣ.

— Любочка, пожалуйста, отошли это завтра на почту.

Та взглянула на адресъ и засмѣялась.

— Данилову? Да неужели ты сама боишься?

— На кого я могу положиться у насъ въ домѣ? Не на прислугу же.

— Боже мой, какая тайна! Скажи на милость, когда ты обо всемъ разскажешь своимъ родителямъ?

— Право, не знаю. Конечно, не теперь.

— Отчего?

— Любочка, вѣдь это скучно. Двадцать разъ одно и то же. Ну, просто, оттого, что нахожу это неудобнымъ.

— У тебя очень нерѣшительный характеръ.

Клавдія вскинула на нее загадочный взглядъ.

— Напрасно ты такъ думаешь. Объ этомъ судить еще рано.

— Я сужу по тому, что̀ вижу. Я бы на твоемъ мѣстѣ давно все покончила. Коли папенька съ маменькой заупрямятся, надо ихъ оборвать сразу.

— Ну, ты окончательно говоришь глупости. Сдѣлай милость, только перешли письмо и жди меня къ себѣ въ четвергъ.

— Въ этотъ день назначено rendez-vous?

Клавдія въ отвѣтъ только улыбнулась и поблагодарила сестру, подававшую ей вѣеръ.

Послѣ, Леночка спрашивала у матери:

— Мама, что̀ такое rendez-vous?

— Гдѣ это ты подцѣпила такое слово?

Digitized by Google

— Да вотъ Любочка сейчасъ говорила Клавдія.

Мама сдѣлала полоборота въ сторону своей дочери. Та съ презрительной миной взялась за афишку и даже не подняла головы. Любочка очень бойко отвѣтила:

— Ну, да, я разсказывала, какъ назначала rendez-vous разомъ троимъ. Что-жь такое?

Мама пожала плечами и отвернулась.

Между тѣмъ прошелъ и второй актъ.

— Не правда ли, говорила Любочка:—какой чудный контральто. И сейчасъ же прибавила:—посмотри-ка, вѣдь это, кажется, нашъ адвокатъ?

— Гдѣ? я не вижу.

— А вотъ, въ третьемъ ряду, шестое кресло съ правой стороны.

Клавдія направила туда свой биноклъ.

Дѣйствительно, это былъ Любарскій. Онъ говорилъ съ какой-то дамой и потомъ вмѣстѣ съ ней пошелъ къ выходу.

— Никакъ это онъ съ Эммой любезничаетъ? Каковъ!

Да, это была Эмма Андреевна, жена молодаго Ракитина, та самая, о которой шла рѣчь въ 1-й главѣ. Что за шикарная физіономія! Это именно одна изъ тѣхъ, мимо которыхъ не пройдешь, не оглянувшись. Всего поразительнѣе великолѣпный цвѣтъ лица и рыжіе, почти огненные волосы, на которыхъ чуть держалась крошечная шляпка, скорѣе наколка изъ чернаго бархата и кружевъ. Черное же бархатное платье очень удачно оттѣняло ослѣпительную бѣлизну лица. Все било на эффектъ. Особенно красиваго въ ней ничего не было, но была своего рода прелесть, что-то вызывающее, дерзкое, обаятельное. Женщины такую особу никогда не назовутъ красавицей, но мужчины сходятъ отъ нихъ съ ума.

Эмма видимо знала себѣ цѣну. Самоувѣренный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лѣнивый взглядъ такъ и говорилъ: мнѣ все прискучило, все надоѣло, и вы въ томъ числѣ; постарайтесь какъ нибудь развлечь меня. Въ ея плавныхъ движеніяхъ, въ ея манерѣ ходить и волочить свой длинный шлейфъ, явно сказывалось убѣжденіе въ томъ, что она не нравиться не можетъ. Странный контрастъ съ этой плавной, барской походкой составляетъ ея рѣзкій голосъ. Она говорила отрывисто, часто вскидывая на собесѣдника свои нескромные, свѣтлые взгляды.

— Фидеса хороша, и пророкъ недуренъ, но хоры невыносимы, замѣтилъ адвокатъ.

— О, ради Бога, замолчите! Кто теперь разсуждаетъ объ музыкѣ, кромѣ газетныхъ хроникеровъ?

Digitized by Google

— Мнѣ кажется, что намъ позволяется высказывать свое мнѣніе о пѣвцахъ, когда мы ихъ слушаемъ.

— Мнѣ кажется, что и этого слишкомъ достаточно. Слушать ихъ ужь и то очень скучно. Но еще разсуждать объ нихъ! c'est détestable.

— Зачѣмъ же вы въ такомъ случаѣ ѣздите въ оперу?

— Милый вопросъ. Да потому, я думаю, что не ѣздить въ оперу смѣшно, когда ѣздятъ всѣ. Да и наконецъ, надо же мнѣ какъ-нибудь убить время. Вы всѣ, господа, становитесь убійственно скучны. Надо отдать вамъ полную справедливость. Такъ невыносимо скучны, что мой мужъ въ сравненіи съ вами еще идеалъ. Я начинаю сожалѣть объ немъ.

— Зачѣмъ же дѣло стало! Выписывайте его по почтѣ.

— Кажется, что я этимъ и кончу. Вѣдь онъ въ сущности милый человѣкъ. Представьте себѣ медвѣдя во фракѣ. Все-таки, какъ хотите, а это занимательно.

— Ну, а онъ васъ ни съ чѣмъ не сравнивалъ? Или вамъ не случалось спрашивать его объ этомъ?

— Онъ? Да съ чѣмъ же онъ можетъ сравнить меня? Съ нимфой или сильфидой? Вѣроятно, такъ и было. Я предполагаю даже, что онъ давалъ мнѣ поочередно имена всѣхъ греческихъ богинь. Если въ этомъ числѣ не было скучной Минервы, я на него не въ претензіи. Вы обдумываете вашу послѣднюю рѣчь въ окружномъ судѣ? Нѣтъ? Вы ужасно сосредоточены.

— Я размышлялъ сейчасъ о томъ, есть ли на свѣтѣ человѣкъ, способный развлечь и занять васъ.

— Ну, и пришли къ тому заключенію, что такихъ нѣтъ?

— И пришелъ къ тому заключенію, что такихъ очень много.

— Tiens, tiens, tiens. Monsieur a de l'esprit une fois par semaine.

— Вы рисуетесь. На самомъ же дѣлѣ васъ все занимаетъ. Вы женщина съ головы до ногъ. Если вамъ горничная придетъ разсказывать, во что была одѣта какая-нибудь Анна Михайловна, вы ее будете слушать съ удовольствіемъ. Если я васъ теперь вздумаю заинтересовать, вы не уснете всю ночь.

— Oh, mon enfant, умѣрьте ваши восторги. Въ вашихъ рѣчахъ столько усыпительнаго, что я не только всю ночь просплю, но еще захвачу частичку слѣдующаго дня. Повѣдайте мнѣ лучше, какъ идутъ ваши дѣла съ Ракитиными. Я слышала, вы съ ними въ ссорѣ.

— Этого нельзя сказать. Но я у нихъ не бываю.

— Ce qui revient au même. On m'a dit cependant, que vous allez épouser la petite.

Digitized by Google

— Глупости вамъ говорили. Я на ней такъ же мало имѣлъ намѣренія жениться, какъ и на васъ.

— Жалѣю ее. Она теряетъ въ васъ прекраснаго мужа. Вы бы няньчили ея дѣтей, ѣздили бы къ портнихѣ за ея платьями. Вообще изъ васъ выйдетъ хорошій отецъ семейства.

— Право, не знаю, что̀ изъ меня выйдетъ, я этимъ вопросомъ никогда не задавался. Да и вижу теперь, что хорошо сдѣлалъ. Вы за меня хлопочете. Очень вамъ благодаренъ, Эмма Андревна. Позвольте и въ другой разъ обратиться къ вамъ, въ случаѣ, если понадобится узнать, что̀ изъ меня выйдетъ или что̀ ожидаетъ меня въ будущемъ.

— Съ удовольствіемъ. Я очень услужлива. Я могу вамъ даже найдти невѣсту, когда она вамъ ужь очень понадобится. Клавдія Ракитина для васъ негодится. Вопервыхъ, у нея нѣтъ состоянія.

— Вы не предполагаете, что я могу жениться по любви?

— Это было бы слишкомъ наивно, а я въ васъ наивности не замѣчала. Вы человѣкъ практическій. Вамъ нужны деньги, и, пожалуй, въ придачу къ нимъ жена. О томъ, хороша ли она или дурна, умна ли или глупа, вы узнаете ужь какъ-нибудь надосугѣ послѣ свадьбы. Но для васъ существенно необходимо одно: чтобы изъ нея какъ изъ воску можно было лѣпить какія угодно фигурки. Вотъ вамъ мой добрый совѣтъ, m—r Любарскій. Не берите себѣ дѣвицу съ характеромъ. Вамъ надо именно воскъ. Ну, а Клавдія Васильевна барышня съ душкомъ. Ей самой нужно мужа-тряпку.

— Я того мнѣнія, что неукротимыхъ женщинъ нѣтъ. Предположимъ даже, что я женился бы на Клавдіи Васильевнѣ...

— Боже васъ сохрани! Вы подавите другъ друга своимъ величіемъ.

— Эмма Андревна, въ моихъ рукахъ есть орудіе, противъ противъ котораго ни одна изъ васъ устоять не можетъ. Это— спокойствіе, хладнокровіе и настойчивость. Давно извѣстно міру, что только этимъ оружіемъ и можно побѣдить, а женщины имъ не владѣютъ.

— Будто бы? И онѣ всѣ у васъ въ рукахъ? Ну, въ такомъ случаѣ я пошлю Клавдіи Васильевнѣ анонимное письмо; я буду умолять ее ради Бога не выходить за васъ. Теперь это моя прямая обязанность. Послушайте, однако вы не на шутку въ ссорѣ съ Ракитинымъ?

— Какъ увѣрить мнѣ васъ въ томъ, что ссориться съ нимъ я не имѣлъ причины? Но прекратилъ знакомство, потому что...

— Потому что?

Digitized by Google

— Потому что оно съ вашимъ въ сравненіе никакъ не можетъ идти.

— Принимаю эту фразу за комплиментъ. Въ переводѣ на русскій языкъ это значитъ, что вамъ попросту скучно тамъ.

— Да, если хотите, у насъ вышли тамъ маленькія недоразумѣнія.

Адвокатъ говорилъ такимъ тономъ, что можно было подозрѣвать очень многое.

— Маленькія? отчего не большія? Впрочемъ, я вижу, скромность мѣшаетъ вамъ говорить. Я молчу и больше не разспрашиваю. Пусть ваши маленькія недоразумѣнія останутся для меня тайной. Ахъ да, знаете вы нѣкоего Домейко?

Адвокатъ отрицательно покачалъ головой.

— Это какой-то извѣстный сочинитель. Онъ пишетъ подъ псевдонимомъ. Я забыла, подъ какимъ именно; ну, да все равно, не въ томъ дѣло: я вѣдь его сочиненій читать не буду.

— Къ чему же собственно разговоръ-то клонится?

— А вотъ къ чему. Я съ нимъ на дняхъ познакомилась.

— Очень пріятно слышать.

— Мнѣ его рекомендовалъ одинъ изъ моихъ поклонниковъ.

— Не довершайте удара. У васъ ихъ много, а я только хотѣлъ-было записаться въ это число.

— Сдѣлайте одолженіе. До дюжины не достаетъ двоихъ.

Адвокатъ съ чувствомъ пожалъ ея руку.

— Такъ этотъ одинъ, о которомъ я говорю, тоже почти писатель. Только его статей никогда не печатаютъ. Онъ, надо вамъ сказать, то, что̀ за границей, во Франціи, напримѣръ, называется демократомъ. Республиканецъ, соціалистъ, все, что̀ вамъ угодно. Хочетъ перестроить весь міръ по своему. Мнѣ это, конечно, все равно, но онъ очень милъ, почти еще мальчикъ. Съ женщинами онъ еще совсѣмъ не умѣетъ обращаться.

— Ну, и вы, разумѣется, взялись обучить его?

— Да, хочу попробовать.

— Позвольте узнать, однакожь, вы это объ г. Домейко говорите?

— Ахъ, да нѣтъ же, слушайте. Мой ученикъ, какъ вы его называете, на дняхъ разсказываетъ мнѣ, что у нихъ въ извѣстномъ кружкѣ есть личность, которая пользуется всеобщимъ уваженіемъ, и, какъ онъ отзывается, очень талантливая личность. Однимъ словомъ, мой мальчикъ просто безъ ума отъ него. Ну, конечно, я велѣла представить эту личность себѣ.

— То-есть, вы *попросили*. Отчего вы не хотите никогда сказать: я попросила.

Digitized by Google

— Понимайте пожалуйста мои слова буквально, и не перебивайте. Я велѣла своему птенцу представить г. Домейко, и вотъ на дняхъ онъ явился.

— Этого развивать и обучать надобности не имѣется, конечно?

— Да, и что всего удивительнѣе, онъ не такъ скученъ, какъ остальные. Я ожидала встрѣтить педанта или какого нибудь Донъ-Кихота—совсѣмъ нѣтъ. Онъ, какъ бы вамъ сказать, ростомъ будетъ съ васъ. Лицо его мнѣ напоминаетъ одного итальянскаго дипломата. Вотъ я забыла его фамилію, не помните ли вы?

Адвокатъ пожалъ плечами.

— Назовите его, тогда я вамъ скажу, помню я его или нѣтъ.

Она слегка ударила его вѣеромъ по рукѣ.

— Не смѣйте такъ говорить. Что мнѣ понравилось въ этомъ господинѣ, такъ это откровенность. Какъ вы думаете, что онъ объявилъ мнѣ? Я было, говоритъ, не хотѣлъ съ вами знакомиться, да узналъ, что вы можете быть мнѣ полезны. Каково? это съ перваго-то разу!

— Ну, и вы ему это простили?

— Только потому и простила, что это было очень мило сказано. Не дерзко, ничуть, а какъ-то скорѣе наивно. Теперь хотите знать, чѣмъ я ему могу быть полезна, т.-е. даже собственно не я, а мой домъ, моя квартира?

Въ эту минуту музыка возвѣстила о началѣ третьяго акта.

— Пойдемте, продолжалъ адвокатъ.—Слышите, ужь играютъ.

— А что, если мы съ вами останемся тутъ въ залѣ?

— Не слѣдуетъ.

— Почему это?

— Потому что, если мы съ вами теперь же все переговоримъ, что мы будемъ дѣлать въ слѣдующемъ антрактѣ?

— Что правда, то правда. Ваши доводы убѣдительны. Пойдемте.

Когда они вошли, по сценѣ отчаянно катались на конькахъ. Мальчишки съ удивительной легкостью летали взадъ и впередъ подъ звуки мейерберовской музыки. Потомъ начался балетъ, закончившійся бѣшенымъ галопомъ. Клавдія смотрѣла разсѣянно. Ея вниманіе было привлечено двумя креслами въ партерѣ. Довольно безслѣдно пролетѣли для нея вакхическіе куплеты, пропѣтые подгулявшимъ тріо анабаптистовъ, и сцена съ плѣнникомъ, въ которомъ неожиданно узнаютъ герцога. Ее вывела изъ задумчивости сцена солдатскаго бунта. Какъ хорошъ былъ усмиритель пророкъ съ своимъ вдохновеннымъ видомъ! Какъ

Digitized by Google

хороша молитва, исполненная имъ среди мертвой тишины! Эта молитва растрогала даже Любочкинова отца, который замѣтилъ, что, впрочемъ, въ Чудовомъ монастырѣ пѣвчіе лучше поютъ.

— Ахъ, какой же вы профанъ, Николай Николаичъ! вздохнулъ Ракитинъ.

Любочка втихомолку подсмѣивалась надъ тѣмъ, что такая туша и вдругъ расчувствовалась. Она опять скользнула съ своей пріятельницей въ корридоръ. На этотъ разъ, на ихъ счастіе, Леночка осталась въ ложѣ. Обѣимъ, какъ только онѣ почувствовали себя на свободѣ, вдругъ стало весело.

— Пойдемъ въ залу, предложила Любочка.

— Какъ, однѣ?

— Ну, конечно; что-жь такое!

— Пойдемъ.

И обѣ дѣвушки поспѣшно стали спускаться съ лѣстницы и въ дверяхъ прямо налетѣли на адвоката и Эмму Андреевну.

Клавдія сейчасъ же нашлась.

— Любочка, да гдѣ же твой отецъ? онъ отъ насъ отсталъ должно быть.

— Ахъ, да онъ всегда такой розиня, заявила Любочка, по обыкновенію энергично.

Пришлось обмѣняться привѣтствіями. Адвокатъ сдѣлалъ очень церемонный поклонъ, но Эмма очень любезно заговорила.

— Pardon, холодно извинилась Клавдія:—мы потеряли своего кавалера.

И дѣвушки снова исчезли.

Адвокатъ невольно проводилъ глазами хорошенькую головку молодой Ракитиной.

— Une charmante personne! замѣтила Эмма, но въ этомъ замѣчаніи было много яду.— Право, еслибы она поменьше смахивала на цыганку, она была бы совершенство.

— Клавдія Васильевна очень хороша, невозмутимо проговорилъ Любарскій.

— Вы находите? Отчего бы вамъ не жениться на ней? настаивала Эмма.

— Я не могу жениться на всѣхъ хорошенькихъ дѣвушкахъ.

— Выберите эту.

— Вопервыхъ, я, кажется, уже далъ вамъ замѣтить, что у меня вышли нѣкоторыя непріятности съ ея родными.

— Да, это вопервыхъ. Ну, а вовторыхъ?

— Моей женой будетъ только та женщина, которую я полюблю.

— Вы, стало быть, собирались влюбиться? Пожалуйста, дайте

Digitized by Google

мнѣ знать, когда это случится. Я еще ни разу не видала влюбленныхъ адвокатовъ. Они, должно быть, очень краснорѣчивы.

— Любить и влюбиться—двѣ вещи разныя. На первое я способенъ, на второе—нѣтъ... Какой, однако, мы утонченный разговоръ ведемъ съ вами.

— Да. Она лѣниво оперлась на его руку.

— Что же, вы мнѣ не доскажете исторію интереснаго литератора?

— Пожалуй. Она еще лѣнивѣе передвигала ноги.

— Ему, кажется, понадобилась ваша квартира? Такъ, если я не ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь.

— И онъ вамъ сказалъ это прямо?

— И онъ мнѣ сказалъ это прямо. Домейко признался мнѣ, что ему нужно мое знакомство, потому что онъ надѣется у меня въ домѣ встрѣтить личностей, которыя ему нужны по дѣлу. Онъ... вы знаете, что онъ вамъ соперникъ въ нѣкоторомъ родѣ?

— Въ вашемъ сердцѣ?

— А, ну какое тамъ сердце. Оно никому не принадлежитъ. Угадайте, что именно? Хотите пари, что не угадаете?

— Я не имѣю привычки держать пари.

— Ну, хорошо. Вы конечно воображаете, что я и понятія не имѣю о вашемъ знаменитомъ обществѣ?

— Право, я никогда не размышлялъ объ этомъ. А впрочемъ, въ числѣ вашихъ знакомыхъ столько акціонеровъ этого общества, что ничего нѣтъ мудренаго, если вы и узнали объ его существованіи.

— Не только объ его существованіи, но даже немножко и объ его дѣлахъ. Директора у васъ плутовали и мошенничали. Ихъ надо повѣрить. Въ концѣ нынѣшняго мѣсяца назначено общее собраніе. У васъ устроивается, какъ это называется, комитетъ, что-ли?

— Ревизіонная коммисія.

— Ну, пожалуй, коммисія. Это все равно. Ее надо будетъ выбирать. Теперь заранѣе идутъ толки о томъ, кого выбрать въ члены, кого въ предсѣдатели. Предсѣдателемъ хотѣли назначить васъ. Такъ?

Адвокатъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— И вы не думаете отказаться?

— Съ какой же стати. У меня есть свободное время. Если общій выборъ падетъ на меня, я даже не считаю себя вправѣ отказаться.

Digitized by Google

— Разумѣется, обязанности прежде всего. (Эмма насмѣшливо улыбнулась). — Ну, а если у васъ найдется конкурентъ?

— То-есть какъ это конкурентъ?

Адвокатъ слушалъ внимательно.

— Я васъ не понимаю. Должность, о которой вы говорите, не представляетъ ничего заманчиваго. Предсѣдатель не получаетъ жалованья, а хлопотъ у него будетъ пропасть. Кому же она особенно нужна? Кто на нее польстится?

— Ну, вотъ видите, а господинъ Домейко видитъ въ этой должности даже какую-то особенную прелесть.

— Такъ это вашъ литераторъ является моимъ соперникомъ, какъ вы выражаетесь?

— Да, онъ. И знаете, это меня очень забавляетъ. Въ моей гостиной столкнутся двѣ партіи, у каждой свой предводитель. За кѣмъ останется побѣда?

— Какъ вы наивны, Эмма Андревна, позвольте вамъ замѣтить въ свою очередь. Гдѣ вы тутъ увидали партіи? Да и можетъ ли тутъ быть какая-нибудь борьба? Еслибы еще тутъ были замѣшаны денежные интересы, или мѣсто считалось бы особенно почетнымъ. А то вопросъ идетъ о скучной и хлопотливой должности. Коли тутъ и возникнетъ борьба, такъ развѣ въ отрицательномъ смыслѣ: каждый станетъ отказываться въ пользу другаго.

— О, нѣтъ, Домейко не откажется.

— Тѣмъ лучше, я уступлю ему честь и мѣсто. Я не вижу для себя въ этомъ званіи ровно ничего привлекательнаго. Если меня выберетъ большинство, я, конечно, долженъ буду принять; но если большинство окажется на его сторонѣ...

— А, вотъ видите-ли. Все-таки вы говорите: большинство, меньшинство. Сраженіе будетъ. Вы уступить и не подумаете. Для васъ это теперь question d'honneur. Вы просто изъ развлеченія втянетесь въ это дѣло. Помните только, m-r Любарскій, что теперь обѣ стороны должны заискивать во мнѣ, а я еще не рѣшила, кому отдать предпочтеніе.

На этомъ пока и покончился интересный разговоръ. Зала стала пустѣть. Публика выходила и наши собесѣдники послѣдовали за нею.

Черезъ нѣсколько минутъ, съ одного подъѣзда бросались какъ полоумные пѣшеходы, каждую секунду рисковавшіе попасть подъ дышло или подъ колеса, а съ другаго самъ пророкъ сѣлъ въ карету и уѣхалъ.

Digitized by Google

VI.

Въ передней зазвонилъ колокольчикъ. Клавдія встала съ мѣста и пошла въ залу. Она не ошиблась: это была Любочка. Кто другой могъ такъ стремительно входить въ комнату и такъ пронзительно спрашивать, дома-ли господа?

— Дома, дома, успокоила хозяйка и отдала на жертву свою руку, которую гостья съ яростью пожала.

— Ну, что-жь, ѣдемъ?

— Сейчасъ. Только надо пойти спроситься у мама.

— Ахъ, эти нѣжности!

— Нельзя же уѣхать, не сказавшись. Я не хочу, чтобы меня искали по городу съ будочниками.

Клавдія пошла въ спальную къ мама. Та лежала на постели, въ своей гороховой блузѣ, и читала книгу, а въ головахъ стояла свѣчка.

— Мама, за мной пріѣхала Любочка. Она зоветъ меня къ себѣ ночевать.

Гробовое молчаніе со стороны мама.

— Я поѣду.

Гробовое молчаніе продолжается.

— Я хочу ѣхать, мама.

Хоть бы слово! Дочь поняла, что это сердитое согласіе, но она знала также, что нельзя уйти до тѣхъ поръ, пока не получишь изустнаго разрѣшенія, и потому настаивала на своемъ.

— Я поѣду.

— Ахъ, да сдѣлайте милость уѣзжайте, только оставьте меня въ покоѣ. Вы видите, что я занята. Что вы пристаете!

Формальный отпускъ, значитъ, полученъ. Дочь была уже въ передней, когда ей доложили, что барыня приказала позвать ее къ себѣ.

— Ну, что̀ тамъ такое еще? досадовала Клавдія. Въ спальной она застала мать въ той же самой позѣ.

— Завтра вечеромъ, начала та, не поднимая глазъ отъ книги:—можетъ быть, пріѣдетъ Любарскій, такъ тебѣ надо къ этому времени быть дома.

Какая удивительная мягкость въ голосѣ мама. Точно у нея былъ въ запасѣ другой голосъ и она его на этотъ разъ достала изъ шкатулки. Чуть замѣтная усмѣшка скользнула по лицу дочери.

— Хорошо, я вернусь часу во второмъ.

Digitized by Google

— Смотри же, не забудь. Прощай.

Мама протянула губы и чмокнула дочку.

— Поправь, у тебя одна серьга растегнулась, усмотрѣла родительская нѣжность. На этомъ пока и разстались. Клавдія поторопилась, чтобы опять не вернули, и уже въ пролеткѣ узнала отъ Любочки, что она ѣдетъ на литературный вечеръ.

— Значитъ, ты теперь завезешь меня къ Лизаветѣ Ивановнѣ, а оттуда заѣдешь за мной?

— Такъ точно-съ. Оно мнѣ хоть и совсѣмъ не по дорогѣ, да ужь для милаго дружка и сережка изъ ушка. Нынѣшній вечеръ вы будете пировать у Лизаветы Ивановны... А вѣдь это ты отлично придумала надувать свою маменьку. Будто бы ко мнѣ въ гости, а на самомъ дѣлѣ—маршъ и совсѣмъ въ другую сторону.

— Да, по крайней мѣрѣ, безъ исторіи. А то вѣчный скандалъ. Какъ только ѣхать къ Лизаветѣ Ивановнѣ, съ мама чуть не истерика.

— За что это она ее такъ ненавидитъ?

— Ахъ, какъ за что? Да она ее совсѣмъ и не знаетъ. Но изъ принципа: какъ смѣетъ дочь ѣздить туда, гдѣ мать не бываетъ. Я могу тамъ, видите-ли, богъ знаетъ съ кѣмъ встрѣтиться. А если она боится, что я погибну во цвѣтѣ лѣтъ, такъ отчего бы ей не съѣздить самой и не посмотрѣть, кто тамъ бываетъ: порядочные люди или Богъ знаетъ кто? Но съ другой стороны опять: съ какой стати мы будемъ дѣлать знакомства, отъ которыхъ нѣтъ никакой видимой пользы. Нельзя вѣдь сказать въ гостиной, что вотъ моя знакомая такая-то... Лизавета Ивановна небогата, мужъ ея протекціи не можетъ оказать. Стало быть, что-жь тутъ? смѣшно даже и говорить—дѣлать визитъ какой нибудь учительницѣ.

— Ахъ, какая это все ерунда! Когда это мы будемъ относиться къ людямъ человѣчнѣе? Когда мы выкинемъ вонъ изъ головы эту узкую мораль!...

— Стой, стой! закричала Клавдія, когда они повернули въ переулокъ и поровнялись съ сѣрыми воротами.

Рядомъ съ сѣрыми воротами находился домъ тоже сѣрый, въ семь оконъ и съ мезониномъ. Такіе дома бываютъ обыкновенно у бѣдныхъ дворянъ. На дворѣ Клавдія отыскала мѣдную дощечку съ надписью „Петръ Степановичъ Якубовскій“ и позвонила. Отвѣтомъ было гробовое молчаніе въ родѣ того, какимъ угостила ее давича мама. Она постояла и дернула звонокъ во второй разъ. Прошло еще нѣсколько времени. Наконецъ ей отперла дверь сама хозяйка.

Digitized by Google

— Клавдія Васильевна, это вы?

Въ темнотѣ нельзя было разсмотрѣть лица, но слышно было, что въ голосѣ этой женщины дрожали слезы.

— Вотъ не въ пору гость хуже татарина. Что это у васъ, несчастіе?

— Пойдемъ, пойдемъ. Что тутъ еще. Я рада, что ты пріѣхала.

Вошли въ комнаты. Хозяйка отыскала спички и стала зажигать лампу. Чуть только вспыхнулъ огонекъ и освѣтилъ ея лицо, сейчасъ стало ясно, что она плакала. Глаза были мокрые, распухшіе, да и щеки не совсѣмъ сухія. На видъ это была молодая женщина лѣтъ двадцати-двухъ. Старое шерстяное платье и простая, незатѣйливая прическа мало говорили въ пользу ея кокетства. А собой она была, если не хороша, то очень привлекательна. Особенно пріятно было глядѣть на это смуглое личико, когда оно улыбается. Большіе черные глаза глядятъ такъ мягко—чисто бархатный взглядъ. А хорошенькіе зубы такъ ослѣпительно сверкаютъ на смуглой кожѣ. Хороши были у нея также волосы. Чего только не сдѣлала бы изъ этихъ густыхъ черныхъ волосъ какая-нибудь щеголиха!

Но въ ту минуту, какъ явилась молодая гостья, она застала ее въ очень непривлекательномъ видѣ.

— Что̀ такое случилось, Лизавета Ивановна? Да полноте, не рыдайте. Съ мужемъ что-ли опять исторія?

— А то съ кѣмъ же! Одинъ у меня дьяволъ-то. Нѣтъ ужъ, полно. Силъ моихъ нѣтъ больше. Будетъ вамъ надо мной издѣваться!

— Да что... изъ-за чего у васъ вышла сцена?

— Изъ-за чего? Почемъ я знаю! Развѣ я могу сказать? Тутъ развѣ предлогъ нуженъ? Тутъ только о томъ хлопочутъ, чтобы каторгу женѣ сдѣлать. Живешь какъ кухарка какая, ни дня ни ночи покою не знаешь,—такъ нѣтъ, ничѣмъ не угодишь. Для насъ, видите, нужна батрачка, да чтобы пикнуть не смѣла. Веселая жизнь, нечего сказать!

Клавдія молчала, чувствуя, что надо дать ей высказать все, что̀ накипѣло на душѣ.

— Да чего онъ отъ меня хочетъ, въ самомъ дѣлѣ? Что̀ онъ думаетъ? Что онъ меня не бьетъ, такъ онъ и правъ? Да я бы отъ любимаго человѣка, можетъ быть, и побои бы перенесла. А онъ мнѣ... гадокъ, противенъ, мерзителенъ. Господи! да избавишь ли ты меня когда-нибудь отъ этой рожи? Нѣту моихъ силъ дольше жить съ этимъ человѣкомъ. Закопайте вы меня

Digitized by Google

живую, утопите вы меня—только бы избавиться отъ этого демона.

И молодая женщина съ громкими рыданіями бросилась на стулъ и схватилась за голову. Клавдія все молчала. Нѣсколько времени по комнатѣ раздавались глухія всхлипыванія. Въ двери пугливо выглядывала какая-то дѣвочка. Потомъ все утихло.

Клавдія подошла къ дѣвочкѣ и спросила:

— Сашенька, Петра Степановича нѣтъ дома?

— Онъ сейчасъ ушелъ.

— И не скоро придетъ, не знаешь?

— Нѣтъ, не скоро. Нынче четвергъ. А онъ по четвергамъ раньше девяти часовъ не приходитъ.

— Ты не слыхала, за что они поссорились? тихо разспрашивала Клавдія.

— Не знаю; я на дворѣ была. Потомъ пришла, а ужь онъ ругается. Онъ ей все про деньги поминалъ. Ты, говоритъ, куда двугривенный дѣвала? Я, говоритъ, на столѣ не могу ничего оставить, все таскаютъ. Потомъ тутъ у нихъ про Ѳедосью пошло, про кухарку. Она говоритъ прогнать, а онъ: не надо!

Горькая усмѣшка блеснула на лицѣ дѣвушки. Она подошла къ хозяйкѣ и рѣзко сказала ей:

— У васъ опять изъ-за денегъ началось, изъ-за гадостей?

Та встрепенулась.

— А то изъ чего жь? Развѣ для него есть что-нибудь на свѣтѣ, кромѣ денегъ? Да онъ за гривенникъ отца роднаго продастъ. Онъ не скаредъ, нѣтъ, онъ хуже, чѣмъ скаредъ. Я не знаю, какъ это назвать; только это не скупость, а жадность какая-то. Ты не думай, вѣдь, чтобъ ему жалко было—нѣтъ! Онъ хочетъ доказать, что вотъ ты козявка и нѣтъ у тебя ничего своего, и я тебѣ ничего не дамъ. Пускай я хожу отрепаная, пускай я не смѣю безъ позволенья со двора выйти,—ему что! Пускай я цѣлый день спины не разогну, надъ его рубашками сидя,—это ничего. Да у насъ въ домѣ кухарка больше имѣетъ власти, чѣмъ я. Онъ ее потому и держитъ, что она за мной шпіонитъ. Я ей не смѣю слова сказать, а ужь Петру Степановичу и думать не смѣй. И это тотъ самый Петръ Степановичъ, который въ женихахъ мнѣ ручки цѣловалъ, взгляды мои ловалъ. Нѣтъ, Клавдинька, не выходи ты замужъ! ради Христа, не выходи! Будешь потомъ каяться, да поздно. Такъ тебя муженекъ окрутитъ, что вѣкъ свой станешь плакаться, не выплачешься. Эхъ! кабы не дѣти...

— Дѣти не мѣшаютъ, поправила Клавдія:—не они тутъ виноваты.

Digitized by Google

— Я, я больше всѣхъ виновата. Зачѣмъ повѣсилась на шею первому встрѣчному? Кто меня толкалъ за этого демона? У него и душонки-то нѣту ни на грошъ. Онъ на всемъ свѣтѣ только себя одного и любитъ. Онъ себѣ свѣчки ставитъ, а тамъ хоть провались всѣ. Ему что? Былъ бы онъ сытъ, да одѣтъ, да ублаженъ! Я родному отцу не смѣю подать двугривеннаго.

Она опять опустила голову и заплакала, но на этотъ разъ тихо, безъ слезъ, безъ отчаянія. Клавдія все молчала.

— Вѣдь, Клавдинька, еслибы мы еще сами были такъ бѣдны, что не могли бы ужь ничего удѣлить,—ну тогда! А то вѣдь что-жь? Онъ трудится, положимъ, да вѣдь даромъ никому не даютъ, всякій трудится. Иной бы и хотѣлъ, да не можетъ. А вѣдь у насъ иной разъ на что деньги-то швыряютъ? На карты, на сигары, на вино. Да и не нужны мнѣ его деньги. Что я себѣ наряды что-ли шью? Горько то, что не считаютъ тебя за человѣка, за равную, а за тряпку какую-то. И все-то это еще впереди! Вся-то молодость такъ пройдетъ!

Она остановилась, какъ бы испугавшись сама своихъ словъ.

— Господи! давно ли это я была дѣвушкой? Давно ли этотъ же самый Петръ Степанычъ ходилъ передо мной на заднихъ ножкахъ? Придетъ, бывало, и голосомъ-то моимъ восхищается; понравится романсъ, такъ не смѣетъ попросить, чтобы опять повторила. „У васъ замѣчательный талантъ, Лизавета Ивановна. Такой талантъ не надо губить“. А теперь, попробуй-ка при немъ къ фортепіано подойти? „Вы, скажетъ, мнѣ душу всю вытянули своимъ визжаньемъ. Вамъ, скажетъ, теперь не пѣсенками заниматься. Вы мать семейства, лучше бы за дѣтьми ходили“. Послѣ эдакихъ словъ пойдетъ-ли музыка на умъ? Да тутъ всякая пѣсня въ горлѣ остановится. Бывало, говоритъ, — такъ сладко слушать. И гуманность, и человѣчество. И надо приносить себя на пользу общества, жертвовать своими интересами для ближняго. На самомъ же дѣлѣ скорѣе удавится, чѣмъ нищему копейку подастъ.

Она остановилась и пристально стала глядѣть въ одну точку. Нехорошій былъ этотъ взглядъ. У Клавдіи сверкнули глаза.

— И вы отдались эдакому человѣку! А разъ отдавшись, вы уже не видите возврата! Гдѣ же у васъ гордость, гдѣ у васъ самолюбіе? Позволить себя топтать въ грязь! и кому же? мужу, который вамъ долженъ быть другомъ.

Лизавета Ивановна махнула рукой.

— Ну, вотъ! Я такъ же мечтала. Старая пѣсня!

— Лизавета Ивановна, помните, что вы сами сказали. Вся жизнь еще впереди. Что вамъ? двадцать-одинъ годъ. Вотъ до

Digitized by Google

тридцати, такъ и то почти десять лѣтъ. Десять лѣтъ, изо дня въ день, жить такъ, какъ нынче. Считать гривенники, воевать съ кухаркой, съ мужемъ, да этого мужа еще вдобавокъ ненавидѣть и презирать. Прожить десять лѣтъ съ человѣкомъ, на котораго противно смотрѣть...

Клавдія остановилась. Губы ея слегка дрогнули.

— И все это, когда знаешь, что не все еще потеряно, что дѣло еще можно поправить. Милая! прибавила она, подойдя и обнявши Лизавету Ивановну:—вы опять будете свободны, опять счастливы. Неужели для васъ жизнь кончена? Вы еще молоды. Сколько въ васъ силы, да еще какой силы-то! Вы сами себя, Лизавета Ивановна, не знаете. Мы создадимъ себѣ новую жизнь. Мы туда ужь не впустимъ деспотовъ. Тамъ мы сами себѣ госпожи. Свобода для себя и для другихъ. Для всѣхъ свобода! Одинъ шагъ нужно вамъ сдѣлать: разойдитесь съ этимъ человѣкомъ. Вы обязаны разойтись. Что онъ вамъ теперь? Онъ для васъ больше не мужъ. Вы его ненавидите. Какая ужь семья, гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ согласія? За что же будутъ страдать ваши дѣти? И какъ знать, что не найдется человѣка, который, дѣйствительно, полюбитъ васъ? Онъ за васъ душу свою положитъ. Ваши дѣти будутъ его дѣтьми. Онъ вамъ будетъ другомъ.

— Я разойдусь съ Петромъ Степановичемъ, тихимъ, взволнованнымъ голосомъ проговорила хозяйка.

— Да? (Радость освѣтила лицо Клавдіи).—Ахъ, еслибы только вы послѣ не отказались отъ этой мысли!

— Никогда! (Она вышла и откинула назадъ растрепавшіеся волосы). — Нѣтъ! Это мое рѣшительное слово.

— Хватитъ ли характера? Вашъ мужъ уступитъ не скоро. Нужно выдержать борьбу.

Глаза Лизаветы Ивановны горѣли.

— Ужь послѣ того, что я вынесла, хватитъ силы на все. Ты, Клавдинька, не знаешь, да и не можешь знать, что это за чувство: ненависть къ мужу. Охъ, на какія вещи оно толкаетъ!

— Да, должно быть, чувство хорошее, съ горькой ироніей замѣтила дѣвушка.—Только, видно, его мало, чтобы разорвать, покончить съ старыми связями. Сколько изъ насъ, женщинъ, всю жизнь стонутъ и всю жизнь тянутъ лямку! Онѣ даже и пробы не сдѣлаютъ: нельзя ли какъ нибудь иначе устроиться. Нѣтъ! ужь разъ попали на дорожку—такъ и пойдутъ до могилы.

— Да куда свернуть-то? Гдѣ лучше? Вездѣ скверно!

— Гдѣ! переспросила Клавдія, и не то презрѣніе, не то жалость сжали ея губы.—Или ужь силенки не хватаетъ искать? От-

Digitized by Google

чего-жь это есть люди, которые находятъ, и не стонутъ, не визжатъ? Найдемъ и мы. Помните нашъ послѣдній разговоръ, Лизавета Ивановна? Да и не одинъ этотъ, а многіе другіе. Помните ваше обѣщаніе.

— Не бойся, не забуду. Мнѣ нынѣшняя сцена открыла глаза.

Чтобы судить безпристрастно, говорятъ, нужно выслушать обѣ стороны. Изъ словъ Лизаветы Ивановны можно бы заключить, пожалуй, что ея мужъ въ самомъ дѣлѣ демонъ и дьяволъ. Но это—заблужденіе. Я не знаю личности, которая менѣе была бы похожа на демона. Петръ Степановичъ имѣлъ наружность очень благообразную: розовыя щеки, болѣе или менѣе правильныя черты, свѣтлые бакенбарды и бородку, свѣтлые волосы и глаза неопредѣленнаго цвѣта. Вообще это лицо носило такой отпечатокъ довольства, что иные вчужѣ радовались и говорили, что оно дышетъ молодостью и здоровьемъ. Истинная молодость вѣдь всегда имѣетъ розовыя щеки. По профессіи, Петръ Степеновичъ былъ учителемъ математики,—профессія, которая, какъ извѣстно, ничего демоническаго въ характерѣ не требуетъ. Мефистофель никогда бы не примирился съ скучными выкладками и вычисленіями, а Петръ Степановичъ среди цифръ чувствовалъ себя какъ дома. Оттого, можетъ быть, онъ такъ и не любилъ блестящихъ гипотезъ, сарказмовъ, всего того, однимъ словомъ, что не вяжется съ непоколебимыми доводами единственной науки, которая спорныхъ вопросовъ не допускаетъ. Тамъ все вѣчно, непреложно; тамъ шагъ впередъ не разрушаетъ всего зданія, а только прибавляетъ лишній кирпичикъ. Петръ Степановичъ немыслимъ безъ математики; всякая другая наука пошла бы наперекоръ его складу ума. Она заставила бы его, пожалуй, мѣнять убѣжденія, искать истины, а тутъ истина ужь готова. Остается только пропитаться ею и потомъ всю жизнь разжевывать своимъ ученикамъ. Петръ Степановичъ понялъ свое призваніе, и во всякую данную минуту могъ умереть съ спокойнымъ сердцемъ. Въ двадцать-семь лѣтъ онъ ужь никуда не стремился: онъ давно нашелъ все то, чего искалъ (деньги тутъ не подразумѣваются: ихъ ищутъ и въ сорокъ-семь лѣтъ такъ же пылко, какъ и въ двадцать-семь). До сихъ поръ, какъ видите, Мефистофель не проглядываетъ ни въ одной чертѣ. Пойдемъ дальше. Возьмемъ хоть его отношенія къ женѣ. Бьетъ ли онъ ее? ругаетъ ли неприличными словами? Ничуть не бывало. Она у него обута, одѣта, накормлена. Чѣмъ же онъ ей не мужъ? Чѣмъ же онъ виноватъ, что она требовала отъ него того, чего онъ дать не могъ? Какихъ-то тамъ одинаковыхъ правъ, уваженія, которыя онъ будто обѣщалъ, будучи женихомъ. Вольно же вѣрить тому, что гово-

Digitized by Google

рено въ минуту страсти, когда человѣкъ, какъ извѣстно, бываетъ похожъ на пьянаго и съ трезвыми имѣетъ очень мало общаго. Тогда онъ былъ столько же Петръ Степановичъ, сколько Альфредъ, или Генрихъ, или все что̀ угодно. Тогда и она была для него не Лизавета Ивановна, а дива, пери, ангелъ. Теперь она не ангелъ и онъ не Альфредъ. На что же тутъ претендовать? Все это въ порядкѣ вещей. Кто изъ насъ не чувствовалъ себя минутно выше всѣхъ смертныхъ, а потомъ съ горечью не сознавался, что онъ все тотъ же Лука Лукичъ или Хрисанфъ Кузьмичъ? Виноватъ ли учитель математики въ томъ, что жена его не знала этого простаго закона природы. Бросаясь очертя голову въ его объятія, она повѣрила въ вѣчную страсть, и обожглась.

Но кто же велѣлъ ей вѣрить въ страсть? Развѣ у него на лицѣ было написано вдохновеніе, возвышенныя чувства? Нѣтъ, этого не было написано. Его фигура никогда не представляла героя, человѣка не отъ міра сего. Все дѣло въ томъ, что каждый понимаетъ любовь по своему. Жена поняла это такъ, а онъ— иначе.

Она хочетъ равныхъ правъ, а онъ думалъ: какое же тутъ равенство, когда она у меня въ рукахъ, когда она въ полной зависимости отъ моей особы? Онъ, какъ человѣкъ не глупый, понялъ, что сила на его сторонѣ; а гдѣ вы видали такихъ людей, которые бы добровольно отказались отъ власти, когда она разъ попала къ нимъ въ руки? Начиная съ Наполеоновъ и кончая мелочью, которая въ исторію не попадаетъ, всѣ сдѣланы изъ одной глины. Одинъ куражится надъ нѣсколькими провинціями, другой надъ нѣсколькими комнатами. Каждый великъ въ своемъ родѣ.

По закону церковному и гражданскому, Петръ Степановичъ былъ глава семейства, и понималъ это названіе не иначе, какъ буквально, то-есть, что не только въ матеріяхъ важныхъ, но даже и въ домашнихъ дѣлахъ жена не должна прекословить. Въ этомъ состоитъ женственность, и за это, въ видѣ бомбошки, дарится время отъ времени новая шляпка или модныя серьги. Въ случаѣ же противорѣчія, и бомбошка не получается.

Петръ Степановичъ очень усердно запиралъ свои трудовыя денежки къ себѣ въ конторку и выдавалъ собственноручно по гривеннику на хозяйство, при чемъ всегда интересовался, куда именно идутъ эти гривенники. Если цѣль казалась ему недостаточно производительной, онъ преспокойно пряталъ капиталъ обратно въ конторку. Казалось ли ему, что жена плохо соблюдаетъ экономію, онъ дѣлалъ ей выговоръ; видѣлъ ли онъ мало

Digitized by Google

почтительности съ ея стороны, онъ опять дѣлалъ ей выговоръ; казалось ли ему, что она пріобрѣла дурное знакомство — онъ тотчасъ прекращалъ его. За то онъ былъ прекраснымъ мужемъ; со времени своей свадьбы, онъ ни разу не интересовался другой женщиной. Всѣ онѣ для него какъ бы не существовали. Всѣ эти красавицы, передъ которыми таяли многіе и многіе супруги, его не волновали и не кружили ему головы. Должна же она оцѣнить эту вѣрность!

Нѣтъ, она не только не умѣла цѣнить, она положительно ненавидѣла своего мужа. Чувство пріятнаго удивленія, съ какимъ она смотрѣла на своего жениха, не пережило и медоваго мѣсяца. Я не ошибусь, если скажу, что оно продолжалось три дня. Къ концу трехъ дней Лизавета Ивановна начала открывать слабыя стороны у своего идеала. Онъ любилъ акуратно подвязывать галстухъ и употреблялъ на это по крайней мѣрѣ десять минутъ. Онъ возсталъ противъ пятіалтыннаго, брошеннаго въ окно шарманщику, и доказалъ, что 15 копѣекъ — сумма, которую безъ толку швырять не слѣдуетъ. Онъ бережно пряталъ окурки сигаръ, съ какой цѣлью,—она еще не понимала. Онъ рѣзко отозвался о молодежи, которая способна увлекаться, и назвалъ увлеченія сумасбродствомъ. Онъ разсказалъ какъ-то въ минуту откровенности, что съ начальствомъ своимъ живетъ въ ладу, потому что умѣетъ поддѣлаться и во время польстить ему. Онъ назвалъ брата ея мальчишкой и не желалъ, чтобы она видѣла его. Онъ не ужинаетъ отчасти изъ экономіи, а отчасти потому, что вредно ложиться съ отягченнымъ желудкомъ. Онъ не въ духѣ цѣлый день, если наканунѣ проигрался въ карты. Онъ допускаетъ чтеніе только въ видѣ роскоши, на сонъ грядущій.

Сколько щелчковъ самолюбію Лизаветы Ивановны, которая ожидала встрѣтить въ мужѣ своемъ существо возвышенное и преданное. Онъ будетъ развивать ее—она будетъ управлять имъ силою своей женской любви. И вдругъ, онъ повязываетъ передъ зеркаломъ голубенькіе галстучки, и называетъ чтеніе потерею времени. О, ужасъ! Онъ ходитъ самъ на кухню заглядывать въ кастрюли и отдавать приказанія кухаркѣ. Лизавета Ивановна, которая конфузилась при одномъ упоминовеніи о денежныхъ интересахъ, считая все это непозволительной мелочностью, вдругъ получаетъ выговоры изъ-за какого нибудь гривенника, и отъ кого же—отъ своего собственно идеала. Понятно послѣ этого, что идеалъ разбился и на мѣстѣ его осталось что-то въ родѣ тѣхъ жалкихъ чучелъ, которыя ставятся на огородѣ для устрашенія птицъ.

Digitized by Google

Вотъ грустная, но тѣмъ не менѣе вѣрная исторія о Петрѣ Степановичѣ и Лизаветѣ Ивановнѣ Якубовскихъ.

Выплакавши свое горе и проникнувшись сознаніемъ того, что съ мужемъ надо порвать всѣ связи, хозяйка вдругъ услыхала въ передней чьи-то голоса. Видно кто нибудь зашелъ съ задняго крыльца, потому что звонка не было. Подошедши къ двери, она увидѣла своего брата, а съ нимъ вмѣстѣ еще какого-то господина, который оказался Арсеніемъ Филиповичемъ Домейко.

— Лизавета Ивановна, я пришелъ съ тѣмъ, чтобы послушать ваше пѣніе. Иначе я сейчасъ ухожу.

— Вотъ вамъ Христосъ, не могу сегодня пѣть.

— Ну, такъ прощайте!

— Да нѣтъ, погодите. У меня тутъ гостья есть.

— Оставайтесь, оставайтесь, Арсеній Филиповичъ, крикнула Клавдія. — Тутъ я сама на лицо.

— Ой, да это вы, Клавдія Васильевна! Но вѣдь вы пѣть не станете?

— Стану, право стану, и казачка сыграю. Идите только.

Домейко снималъ пальто. Хозяйка удивлялась, что онъ такъ прохладно одѣтъ: безъ теплаго шарфа на шеѣ. Можно ли такъ выходить въ сырую погоду съ его слабымъ здоровьемъ?

— А вы, я вижу, Лизавета Ивановна, все смотрите на людей съ гигіенической точки зрѣнія.

— Да, съ гигіенической и еще съ кухонной. Другія не про насъ, замѣтилъ братъ и молча, сердито раскланялся съ Клавдіей.

— Ты, Дмитрій, нынче опять будешь ворчать?

— Сказано, принадлежу къ породѣ медвѣдей. Чего тебѣ еще? И Дмитрій Ивановичъ швырнулъ свою фуражку въ уголъ.

Съ виду онъ былъ очень не казистъ. Малый лѣтъ девятнадцати, маленькаго роста, и вдобавокъ еще сутуловатый, черноватый, съ выдавшимися скулами и хитрыми черными глазками, онъ положительно отталкивалъ своей наружностью, на которой, кромѣ хитрости, выражалась, пожалуй, еще злоба. Однимъ словомъ, какъ онъ самъ иногда говаривалъ, насчетъ физики Господь его обидѣлъ. Большіе сапоги съ заплатами, древній сюртукъ и выглядывавшая изъ-подъ рукавовъ ситцевая рубашка свидѣтельствовали о томъ, что и насчетъ роскоши онъ тоже не былъ избалованъ. Кротостью и обходительностью Господь тоже не одарилъ его.

— Ты никакъ опять ревѣла? замѣтилъ онъ безцеремонно сестрѣ.

Та вспыхнула и оглянулась въ сторону Арсенія Филиповича.

Digitized by Google

— Генеральное сраженіе было. Что муженекъ-то ушелъ куда-нибудь?

— Его нѣтъ дома.

— Ну, и слава тебѣ Господи; а то мой желудокъ никакъ переварить его не можетъ. А что, не напоишь ли ты насъ чаемъ, сестрица?

— Я сейчасъ. Я пойду распоряжусь.

Скоро изъ другой комнаты сталъ долетать тревожный шопотъ.

— Сашенька! поди, пожалуйста, попроси Ѳедосью поставить самоваръ.

— Ахъ, Лиза, я боюсь, она браниться будетъ.

— Не будетъ. Ты скажи, что я ее прошу. Да нельзя ли какъ-нибудь въ булочную, взять печенья или хоть бѣлаго хлѣба? Да за сливками бы сходили къ хозяйкѣ. Все равно, завтра отдадимъ.

Долго еще шепталась Лизавета Ивановна и вернулась вся красная, но уже съ сухими глазами и причесанная.

— Шелъ я, можно сказать, съ единственною цѣлью послушать музыку, объяснялъ Домейко. — Иначе просто съ мѣста бы не тронулся, и вдругъ ударъ! Наша музыкантша нынче не въ духѣ и будетъ угощать насъ, вмѣсто романсовъ, чаемъ.

— Ей-Богу, Арсеній Филиповичъ, я не могу нынче пѣть. Вы знаете, я никогда не отказываюсь, оправдывалась хозяйка. Она видимо было сконфужена и тревожно посматривала на дверь.

— Ну, на нѣтъ и суда нѣтъ. Я буду у васъ благодушествовать, отдыхать отъ трудовъ своихъ. Дмитрій Иванычъ, вы какъ на этотъ счетъ?

— Погодите, я теперь мыслительными способностями не владѣю. Хочу думать о матеріяхъ важныхъ, а въ глазахъ все вертится стаканъ съ чаемъ. Да еще булка, хорошая булка!

У Лизаветы Ивановны замирало сердце. Что̀, если эта хорошая булка останется только въ одномъ воображеніи? Что̀, если Ѳедосьѣ вздумается совсѣмъ оставить ихъ безъ чаю? Какъ бы въ отвѣтъ на эти размышленія, дверь распахнулась настежъ и влетѣла сама Ѳедосья, по виду гренадеръ женскаго пола.

— Какъ вамъ угодно, а я безъ барина въ булочную не пойду. Мнѣ тоже не изъ чего ругательства-то слушать. Онъ мнѣ это очень ясно приказалъ, чтобы, говоритъ, безъ меня ни-ни! Я не смѣю. Это какъ вамъ будетъ угодно.

Все это она проговорила залпомъ, съ приличными жестами, и потомъ взялась за ручку двери, какъ бы собираясь уйти. Хозяйка сдѣлалась малиновая и совершенно растерялась. Дмитрій Ивановичъ вскочилъ съ дивана.

— Постой, Лизокъ, не огорчайся, мы это съ Ѳедосьей ула-

Digitized by Google

димъ полюбовно. Слава Богу, не первый разъ. Ну-ка, Ѳеничка, слегка обратился онъ къ гренадеру: — поминаючи родителей, махни-ка ты, ангелочикъ, въ булочную. А чтобъ тебя одной не страшно, я тебѣ провожу, не бойся, ягода моя, никому не позволю тебѣ обидѣть.

— Ну, лѣшій! отмахивался гренадеръ. Но это была ласковая фамильярность. Ѳеничкѣ видимо нравились ухаживанья студента.

— Я говорю, мы съ этой матроной понимаемъ другъ друга. Достойная матрона, пойдемъ за кренделями. А чтобы не замочить ножки, надѣнь калошки.

Клавдія не безъ отвращенія смотрѣла на эти шутовскія выходки.

Когда братъ скрылся вмѣстѣ съ гренадеромъ, сестра не выдержала и выбѣжала въ другую комнату. Тамъ, стиснувъ зубы, и закрывши лицо платкомъ, она старалась заглушить свои слезы.

Клавдія осталась одна съ Домейко и старалась болтать о чемъ попало, только чтобы замять непріятную сцену.

— Что въ Малиновкѣ, послѣ моего отъѣзда, не случилось ничего необыкновеннаго?

— Какъ вамъ сказать. Землетрясенія не было. Все осталось на мѣстѣ.

— Никакихъ пикниковъ? Ничего въ этомъ родѣ?

— Позвольте! Какъ же, какъ же... бѣгали съ карзинками куда-то въ лѣсъ. Вѣдь вся суть въ томъ, чтобы забѣжать куда-нибудь подальше и тамъ поѣсть. Предполагается, что за пять верстъ отъ дома сыръ и колбаса бываютъ гораздо вкуснѣе, а за десять еще вкуснѣе и т. д. Въ этомъ родѣ Малиновскіе жители подвизались и послѣ васъ.

— Вы участвовали?

— Въ уничтоженіи и сыра колбасы? Какъ же. Только я всегда просилъ, чтобы мнѣ всегда выдавали провизію заранѣе, и поѣдалъ ее тутъ же на мѣстѣ. Послѣ этого, разумѣется, ужь не было надобности отправляться за 15 верстъ.

Клавдія улыбнулась.

— А помните нашу послѣднюю прогулку?

— Какъ же-съ. Помню въ главномъ, но забылъ въ подробностяхъ. Тѣмъ не менѣе, она останется для меня пріятнымъ воспоминаніемъ.

— Что это, какъ вы нынче выражаетесь, г. литераторъ! Все отборными словами. Эдакъ за вами не угоняешься.

— Это происходитъ, можетъ быть, оттого, что я послѣднее время все вращаюсь въ салонахъ и понатерся около барынь.

— Вы въ салонахъ? Да что же вы тамъ дѣлаете?

Digitized by Google

— А то же, что и всѣ грѣшные: зѣваю и стараюсь казаться веселымъ, говорю положенное число глупостей: каждый вечеръ полагается сказать столько-то пошлостей—ну, и я строго слѣдую этому правилу.

— Господи, какая тоска! замѣтила Клавдія. — Что же, вы нравы, что ли, изучаете?

— Э! ужъ вздоръ какой, нравы. Просто желаю свѣтскимъ человѣкомъ сдѣлаться. Чувствую, что мало во мнѣ лоску, полировки.

— Извините, Арсеній Филипычъ, но вы говорите глупости.

— Вотъ можно сказать, рѣшительная фраза. А позвольте узнать, Клавдія Васильевна, чѣмъ я заслужилъ такое мнѣніе?

— Какое? Я объ васъ очень хорошаго мнѣнія. Потому-то я и выразилась такъ рѣшительно.

Домейко поклонился.

— Желаете, чтобы и я вамъ отплатилъ той же монетой?

— Нѣтъ, зачѣмъ же, не нужно.

— Нѣтъ, позвольте. Ужъ коли дѣло пошло на любезности, я тоже не хочу оставаться въ долгу. Клавдія Васильевна, я объ васъ самаго великолѣпнаго мнѣнія. Вы лучшая изъ женщинъ, которыхъ я встрѣчалъ.

Клавдія взглянула на него. Въ послѣднихъ словахъ была своя доля искренности. Но глаза у него смѣялись.

— Довольны вы? спросилъ онъ съ усмѣшкой.

— Чрезвычайно. Я вижу, что вы дѣйствительно понатерлись около барынь.

— Нѣтъ, вы недовольны. Но не судите, да не судимы будете Почемъ вы знаете, что̀ меня заставило фигюрировать въ салонахъ. Можетъ быть, я собираюсь воевать.

— Съ предразсудками?

— Нѣтъ, съ глупостью человѣческою. Вотъ видите ли, мнѣ хочется уличить нѣкоторыхъ болвановъ въ томъ, что они болваны. Какъ вы думаете, можно удрать такую штуку?

— Отчего же нѣтъ?

— Т.-е. именнаго запрещенія не полагается, я это знаю, но будетъ ли результатъ?

— Вы говорите загадками. Я васъ не понимаю.

— Не мудрено, Клавдія Васильевна. Для меня самаго будущее представляется въ видѣ одной большой загадки. Какъ она разрѣшится—я даже приблизительно не могу представить себѣ. Всѣ дѣло въ томъ, что я еще, оказывается, людей плохо знаю. Хочется мнѣ съ ними сыграть игорку, но не въ состояніи я опредѣлить, до какой степени простирается ихъ глупость и гдѣ она-

Digitized by Google

кончается. А отъ этого въ сущности весь и успѣхъ зависитъ. Промахнусь и брошу! На половинкѣ не помирюсь.

— Все это прекрасно, но для меня это китайская грамота. Я не знаю, какую игру вы затѣваете...

— Помнится, я вамъ также однажды задалъ вопросъ на счетъ вашихъ плановъ, — и вы мнѣ также на него не отвѣтили.

— Ахъ, да! ну, тутъ есть маленькая разница. Вопервыхъ, вамъ уже разсказали объ этомъ и представили совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. А вы, не разобравши хорошенько въ чемъ дѣло, сейчасъ же произнесли приговоръ.

— Какой же? Помилуйте!

— А ваша насмѣшливая улыбка, развѣ это не приговоръ? Эхъ, Арсеній Филиповичъ, меня вѣдь это не удивляетъ. Я знаю, какъ у насъ смотрятъ на женщину, если она сдѣлаетъ что нибудь мало-мальски не такъ, какъ всѣ. Сейчасъ кричатъ, что она бьетъ на оригинальность. Или дура, или сумашедшая. Я ужь давно привыкла къ мысли, что принадлежу къ этой каторіи. Я этого ужь больше не боюсь.

Какая-то дѣтская удаль сказывалась въ этихъ словахъ. Онъ почти съ участіемъ смотрѣлъ на нее.

— Отчего вы не скажете просто, въ чемъ состоятъ ваши будущіе планы?

— Оттого, что нѣтъ никакой надобности. Вѣдь вы мнѣ помогать не станете?

— Не знаю.

— Я знаю. Вы такими пустяками интересоваться не можете. Васъ занимаютъ все міровые вопросы...

— Это что-жъ? Вы въ свою очередь смѣетесь надо мной?

— Нисколько. Если вы способны разрѣшать великіе вопросы, вамъ и книги въ руки. Но не мѣшайте же и намъ защищать наши крошечные интересы.

— Не про то толкуютъ, что интересы ваши мелки. Напротивъ, въ томъ-то и бѣда, что вы слишкомъ широко хватили. Не по вашимъ это силамъ.

Клавдія вспыхнула.

— Отчего же вы такъ думаете?

— Тутъ много разныхъ условій. Не забывайте, что вы барышня и прежде всего барышня. Васъ опутаютъ такія тонкія нити разныхъ условныхъ приличій, разныхъ родственныхъ и неродственныхъ отношеній, что, на сколько я васъ знаю, вамъ никогда не порвать ихъ.

— Да, на сколько вы меня знаете. Ну, это еще немного.

Digitized by Google

— Можетъ быть, отвѣтилъ Домейко съ убійственнымъ равнодушіемъ.

Этотъ отвѣтъ не допускалъ возможности продолжать разговоръ въ томъ же тонѣ. Оба замолчали. Она сѣла къ столу и стала вертѣть попавшуюся ей подъ руку спичечницу.

— Могу сообщить вамъ новость, началъ онъ, немного погодя.— Я на дняхъ познакомился съ вашей родственницей, нѣкоей m-me Ракитиной.

— Поздравляю васъ съ скверным знакомствомъ.

Онъ невольно засмѣялся.

— Клавдія Васильевна, развѣ говорится такъ про родственницу?

— Вы спрашивали моего мнѣнія—я вамъ сказала.

— Да вѣдь она милая женщина. Она не глупа.

— Нѣтъ, не глупа.

— Но?...

— Но она скверная женщина.

— Вы меня поражаете. Вопервыхъ, какъ отзываться такъ неосторожно при постороннемъ человѣкѣ? Замѣтьте, можно сказать то же, но другими словами.

— Я знаю, въ подобныхъ случаяхъ говорятъ обыкновенно: она прелестная особа, умна, хороша, любезна, но... и потомъ пойдутъ костить, какъ вы изволили замѣтить сейчасъ, другими словами. Я и сама на эти штуки мастерица, да только нынче что-то не въ ударѣ.

— Позвольте, однакожь, какая она вамъ родня—близкая или дальняя?

— Она жена моего брата.

— Дениса Васильича? Не можетъ быть!

Арсенію Филиповичу некогда было удивляться. Вернулся Дмитрій Ивановичъ съ мѣшкомъ булокъ въ рукахъ. Видно, его дѣла съ Ѳеничкой шли успѣшно, потому что та скоро принесла самоваръ и всѣ принадлежности къ нему. Неугомонный студентъ вытребовалъ сестру къ столу и усадилъ ее хозяйничать, а самъ усѣлся въ нѣмомъ восторгѣ передъ пустымъ стаканомъ.

Тонъ хозяйкина брата не нравился Клавдіи. Она всячески избѣгала вступать съ нимъ въ объясненія и не мало удивилась, когда увидала, что Домейко подсѣлъ къ нему поговорить попріятельски. Перебирая пальцами по клавишамъ старенькаго фортепьяно, она старалась вслушаться въ ихъ бесѣду. Говорилъ больше Домейко, а студентъ молчалъ или дѣлалъ кой-какія краткія замѣчанія, сверхъ обыкновенія, не дерзко и не надоѣдливо.

— Нуженъ все-таки спеціалистъ, пояснялъ Арсеній Филиповичъ: — а спеціалистъ безъ денегъ за это дѣло не возьмется.

Digitized by Google

А пустить туда однихъ любителей, диллетантовъ, значитъ навѣрняка опростоволоситься. Они тамъ такихъ чудесъ натворятъ, что послѣ пять лѣтъ времени надо будетъ употребить, чтобы только забыли про нихъ. Охъ, эти мнѣ любители. Вотъ ужь именно, избавь Господи отъ друзей, а отъ враговъ я самъ избавлюсь. Эти друзья какъ только возьмутся за что-нибудь, такъ навѣрняка подгадятъ. Одинъ вздумаетъ въ народѣ пьянство искоренять, да глядишь такъ постарается, что его послѣ самаго надо будетъ искоренять. Есть и другой, вѣрный способъ: взялъ прислалъ въ сельскую школу во ста экземплярахъ брошюрку или наставленіе о томъ, какъ нужно жить истинному христіанину, ну потомъ и жди послѣдствій. Коли черезъ шесть мѣсяцевъ мужики не сдѣлались христіанами и дуютъ водку по прежнему— ну, значитъ, и кричи караулъ. Вотъ, молъ, я ли не старался, а толку никакого. Нравственность надо поднять въ народѣ! Въ самомъ дѣлѣ. Кажется, штука не хитрая, никакъ только мы эту нравственность за шиворотъ не ухитримся поймать. Сами мы еще промежъ себя не согласились, въ чемъ должна истинная нравственность состоять, а хотимъ ее въ народѣ проводить. Одинъ пьянство искореняетъ, другой желѣзныя дороги проводитъ, третій недавно подъ Москвой школу открылъ для своихъ фабричныхъ, съ паркетными полами, съ зеркальными стеклами, чуть-чуть не съ физическимъ кабинетомъ, да одно и позабылъ: прихватить къ этому порядочнаго учителя. Набрали какихъ-то отпускныхъ гимназистовъ—живетъ и такъ! Гимназисты эти и сидятъ розиня ротъ надъ учебными пособіями по фрёбелевской методѣ, а ученики въ полтора года выучились читать Сашу, Машу и Наташу. Есть надежда, что еще годика въ два они и всю азбуку выучатъ. То-то будетъ родителямъ радость.

— Вотъ, не возьмутъ ли меня въ учителя, предложилъ Дмитрій Ивановичъ.—Я бы ихъ рубликовъ за 400 всѣмъ наукамъ обучилъ.

— Учителю больше двухсотъ не полагается. Такъ-какъ обстановка обошлась тысячъ въ тридцать, то нашъ передовой мыслитель разсудилъ, что если еще при этомъ нанять дорогаго преподавателя, то будетъ слишкомъ роскошно. Такъ и порѣшили: взять пять наставниковъ, по 200 р. штука.

— Швейнерей! замѣтилъ студентъ.—Это погречески, а по-русски—свинство. Ну, а какъ же вы насчетъ спеціалистовъ-то? Такъ и не нашли?

— Да гдѣ-жь ихъ возьмешь?

— А вы бы къ нѣмцамъ обратились. Германія вывезетъ. Прусскій подданный—это я вамъ скажу штука хорошая.

Digitized by Google

— Вы не повѣрите, какого мнѣ это теперь труда стоитъ. Вѣдь кажется, какіе пустяки. Ну, чего тутъ проще? Загромоздили судоходную рѣку мельницами, такъ что по ней не то, что баркѣ, рыбачьей лодкѣ не проѣхать, а рядомъ возятъ товары померзѣйшимъ проселкамъ и стонутъ на всю вселенную.

— Это, однакожь, курьёзная штука. Какъ вы это мѣстечко-то называли?

— Малиновка. Это, такъ сказать, центръ тамошняго края. Я тамъ изо дня въ день мѣсяцъ выжилъ. Жители-то тамъ ужь очень благодушествуютъ. Все ликники да карты, карты да пикники. И куда это только въ нихъ умѣщается. А рядомъ, замѣтьте, жизнь кипитъ, новую дорогу строятъ, склады, магазины. Разныя торговыя звѣзды первой величины то и дѣло навѣдываются. Мѣсто благодатное. А гостиницы нѣтъ, не говорю ужь про другія общественныя зданія. Есть трактиръ „Саратовъ", да и тотъ больше на кабакъ похожъ, чѣмъ на трактиръ. Попробуйте, возьмите такое же мѣстечко въ Англіи, да и сдѣлайте сравненіе. Плюнуть захочется, или плакать, смотря по тому, кто какого темперамента.

„Такъ вотъ ты зачѣмъ ѣздилъ въ Малиновку", подумала Клавдія и заиграла „казачка". — Плясать умѣете, Дмитрій Ивановичъ? закричала она вдругъ.

Ей захотѣлось поддразнить студента.

— Нѣтъ, этому мастерству не обучался.

— Плохой же изъ васъ выйдетъ докторъ. Куда ужь вамъ медициной заниматься, когда „казачка" не могли выучить.

И дѣвушка продолжала играть, не замѣчая, что у нея прибавился новый слушатель. Въ комнату прокрался старикъ въ халатѣ, въ калошахъ, подпоясанный веревочкой, съ головой, напоминавшей почему-то стогъ сѣна, и съ физіономіей, которую принято, Богъ знаетъ по какой причинѣ, сравнивать съ пепельницей. Выраженіе: морда пепельницей, то-есть носъ и подбородокъ имѣютъ взаимное стремленіе сростись. Фигура эта была бы положительно антипатична, еслибы она не была такъ жалка. Старикъ ступалъ осторожно, какъ по хрусталю, и кидалъ умоляющіе взгляды на присутствующихъ.

— А! родитель пришелъ! провозгласилъ студентъ. — Поздно, родитель. Чай ужь убрали.

— Нѣтъ, я вотъ газетки почитать.

И родитель замѣтилъ лежавшій на столѣ „Городской Листокъ". Стараясь, по возможности, стушеваться, онъ сѣлъ въ углу и жадно сталъ читать всѣ отдѣлъ оффиціальный и неоффиціальный, распоряженія правительства, извѣстія о кражахъ, пожа-

Digitized by Google

рахъ и самоубійствахъ и проч. Старикъ читалъ все съ одинаковымъ вниманіемъ, причмокивая губами всякій разъ, какъ объявлялось о томъ, что дадутъ приличное вознагражденіе за доставку пропавшаго сетера или левретки, кличка такая-то.

„Вѣдь вотъ канальство", размышлялъ онъ: „есть же такіе счастливцы, что и находятъ".

— Вотъ-съ, барышня, рекомендую вамъ, началъ Дмитрій Ивановичъ: — неудавшійся человѣкъ. Ищетъ славы и денегъ, и не находитъ ни того, ни другаго.

Родитель встрепенулся.

— Не сходитъ! проговорилъ онъ грустно, и опустилъ газету на колѣни.

— Это загадочное выраженіе означаетъ, что не сходитъ съ рукъ его собственное произведеніе съ весьма интереснымъ содержаніемъ и не менѣе интереснымъ заглавіемъ: „Спеціалистъ". Это великое твореніе откроетъ ему путь къ безсмертію, какъ только будетъ найденъ первый читатель. Все дѣло стало за этимъ. Мы никакъ не можемъ найти перваго читателя.

— Да, смѣйтесь! А я говорю: наши издатели сдѣлаютъ большую ошибку. Они своей выгоды не понимаютъ. Вотъ за границей бы этого не случилось.

— Да поѣзжай, родитель, къ нѣмцамъ. Германія тебя обниметъ и угоститъ пивомъ. И напечатаетъ твоего „Спеціалиста" во ста тысячахъ экземпляровъ.

— Мнѣ бы вотъ только съ деньгами собраться. Я пошлю объявленія во всѣ большія газеты: въ „Московскія Вѣдомости", въ „Петербургскія", въ „Биржевыя", въ „Голосъ". Иначе нельзя. Только вотъ надо рублей двадцать. А тамъ, когда публика узнаетъ, такъ я ихъ... я этихъ издателей! Я имъ носъ утру.

И старикъ весело засмѣялся.

— А ты вотъ что, родитель. Затопи-ка ты лучше своимъ „Спеціалистомъ" печку. А то я къ вамъ нынче заходилъ, у васъ тамъ ужей морозить, такъ въ ту жь пору.

VII.

Когда Клавдія на другое утро, въ спальной Любочки, пила вмѣстѣ съ нею чай, въ передней раздался звонокъ.

— Мейнъ герръ Даниловъ! вскочила Любочка.

Клавдія спокойно допивала свою чашку.

— Что же ты, достойная ученица, бѣг[illegible] его объятія! Боже,

Digitized by Google

какая безнравственность! Хоть бы пальцемъ пошевельнула, хоть бы обожгла себѣ ротъ впопыхахъ!

Мейнъ герръ Даниловъ былъ сконфуженъ. Онъ вошелъ и не зналъ, куда дѣвать свою особу. А особа была такая крошечная, мизерная, что ей нужно было очень немного мѣста. Владѣтель ея, казалось, не сообразилъ этого. Онъ ужасно боялся занять слишкомъ много пространства. Онъ пряталъ свои руки и спряталъ бы, если можно, ноги. Волосы на головѣ были тщательно приглажены, вѣроятно тоже съ тою цѣлью, чтобы занимать какъ можно меньше пространства. Вся физіономія оставляла такое впечатлѣніе, что сколько бы вы ее послѣ ни припоминали, ни за что бы не припомнили. У васъ оставалось только воспоминаніе о томъ, что вы видѣли воплощеніе кротости и смиренія.

Клавдія ласково протянула ему руку, а Любочка, слѣдуя неизмѣнной привычкѣ, энергически потрясла суставы всѣхъ пяти его пальцевъ, какъ будто желая вытрясти изъ гостя душу.

— Вы получили мое письмо? спросила Клавдія.

— Какъ же-съ, какъ же-съ. Получилъ-съ.

Даниловъ отвѣчалъ такъ стремительно, какъ будто боялся, что ему не дадутъ досказать послѣдняго слова.

— Давно ужь мы съ вами не видались.

Даниловъ согласился, потому что въ его природѣ было тотчасъ же со всѣмъ соглашаться. Наступило молчаніе. Гость вдругъ замѣтилъ, что онъ одинъ только занятъ кофеемъ, и какъ будто заставляетъ другихъ дожидаться. На минуту онъ совсѣмъ оторопѣлъ, потомъ конфузливо отодвинулъ чашку и всталъ съ мѣста.

— Если позволите, я сейчасъ... Мы можемъ начать.

— Сдѣлайте одолженіе. Клавдія тоже поднялась.

— У меня портфель тамъ въ передней. Я сію секунду.

Даниловъ какъ-то бокомъ проскользнулъ въ дверь и исчезъ.

— Я удивляюсь, замѣтила Любочка: — чему можетъ научить этотъ человѣкъ. Глупъ непроходимо.

— Нѣтъ, онъ совсѣмъ не глупъ, а застѣнчивъ. Доказательство, что когда мы съ нимъ остаемся одни и онъ начинаетъ что-нибудь объяснять, онъ говоритъ очень толково. Я себѣ лучшаго учителя и не желаю.

— Счастливъ тотъ, кто своею судьбою доволенъ. А я при вашихъ поучительныхъ бесѣдахъ присутствовать ста рублей бы не взяла. Одно удовольствіе просидѣть съ эдакой красной дѣвицей три часа сряду — прошу покорно!

Она съ гримасой вышла въ другую комнату, а затѣмъ Клавдія имѣла удовольствіе видѣть, какъ Алексѣй Ѳомичъ роет-

Digitized by Google

ся въ своемъ портфёлѣ, вытаскиваетъ оттуда какіе-то листочки, удивляется, запихиваетъ ихъ снова и опять вытаскиваетъ. Наконецъ, онъ извлекъ нѣчто въ родѣ конторской книжицы и нѣсколько отдѣльныхъ листочковъ. Послѣдніе онъ подалъ Клавдіи, продолжая соблюдать глубокое молчаніе.

— Тутъ все? спросила та, живо пробѣгая ихъ глазами.

— Нѣтъ-съ. Потрудитесь просмотрѣть. Я сейчасъ могу вамъ объяснить.

Мейнъ герръ сѣлъ на стулъ и кашлянулъ.

Пора, наконецъ, объяснить въ чемъ тутъ дѣло.

Клавдія Васильевна очень достойная дѣвица и я ее очень уважаю. Но вы не удивитесь, если я скажу, что она далеко недовольна своей судьбой. Она того мнѣнія, что ей недостаетъ очень многаго. Большинство на ея мѣстѣ жаждетъ богатства, поклонниковъ, баловъ, поѣздки за границу, преимущественно въ Парижъ. При другихъ условіяхъ, можетъ быть, и она стала бы стремиться къ тому же. Но, вопервыхъ, мама имѣла неосторожность позволить ей читать всякія книжки (или лучше сказать, она позволенія не давала, но смотрѣла на это сквозь пальцы), а книжки, какъ извѣстно, имѣютъ странное свойство кружить голову молодымъ дѣвицамъ и внушать имъ „идеи". Вовторыхъ, Клавдія еще съ самаго дѣтства сталкивалась съ человѣкомъ, который былъ еще способнѣе подать ей первую мысль о существованіи разныхъ „идей". Человѣкъ этотъ былъ ея братъ, знакомый уже намъ Денисъ. Безъ него дѣвушка, имѣвшая съ одной стороны примѣръ мама, съ другой — примѣръ папа, очень легко могла бы втянуться въ окружающую ее жизнь и найти въ ней первое и послѣднее слово человѣческаго счастія. Стала бы она носить платья съ греческими рукавами и желать себѣ еще новыхъ; стала бы слушать краснорѣчіе своего папа и благодарить небо за то, что оно послало ей такого папеньку; стала бы упражняться въ искусствѣ влюблять въ себя кавалеровъ, преимущественно выгодныхъ. Все это говорится въ условномъ наклоненіи по той причинѣ, что на самомъ дѣлѣ этого не случилось. Костюмы греческіе и всякіе другіе составляли въ ея удовольствіяхъ очень незначительный процентъ. Разъ въ мѣсяцъ у ней появлялось желаніе расфрантиться, что называется, въ пухъ и въ прахъ (женщина непремѣнно скажется), но въ обыкновенное время она съ досадой, почти съ ненавистью нацѣпляла на себя, по требованію мама, всевозможные турнюры, корсажи и шемизетки, проклиная того, кто выдумалъ носить разомъ по пятнадцати юбокъ. О краснорѣчіи папа она была то[illegible]нѣнія, что оно хоть и хорошо, но крайне утомительно и слишкомъ цвѣтисто.

Digitized by Google

Изо всей молодежи, встрѣчавшейся ей до сихъ поръ, смѣло можно сказать, что она ухаживала только за однимъ—за своимъ братомъ. Это былъ для нея другъ, лучше котораго, думала она, нѣтъ и никогда не будетъ у нея. Онъ имѣлъ на нее громадное вліяніе, но не въ томъ смыслѣ, чтобы она заражалась его мыслями и его стремленіями — нѣтъ! многое въ его характерѣ ей было положительно не по душѣ. Но Денисъ далъ первый толчокъ ея развитію. Онъ дѣйствовалъ на сестру больше дѣломъ. Поэтому, отчасти и она привыкла уважать только людей дѣла, а не слова. Если мысль однажды поразила ее, то она уже неотступно ее преслѣдовала. Эта мысль заключалась въ томъ, что она можетъ найти себѣ дѣло и быть полезной, но полезной совсѣмъ на новый манеръ. Она не мечтала, какъ Любочка, сдѣлаться мученицей труда и для этого хоть пойти доить коровъ. Напротивъ, она искала себѣ такого занятія, которое пришлось бы ей по душѣ и по возможности доставило бы ей наслажденіе. Она, какъ видите, была эпикурейка, тогда какъ Любочка представляла изъ себя стоика.

Клавдія не была изъ числа непонятыхъ натуръ. Такія натуры обыкновенно осуждены всю жизнь свою томиться, страдать, искать призванія, находить его, снова терять и т. д., вплоть до могилы. Она, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, призваніе свое поняла очень скоро. Программа общества, въ которомъ отецъ ея числился директоромъ, была ей хорошо знакома, конечно, не черезъ отца, а черезъ брата. Всякое общественное дѣло получало для нея особенную привлекательность. Она сейчасъ же представляла себѣ въ умѣ массы, интересы массъ и ихъ руководителей. Она старалась проникнуться тѣмъ, что общество преслѣдуетъ высшія цѣли. У Клавдиньки разгарались глаза, когда она думала о томъ, какъ бы хорошо и ей быть, выражаясь слогомъ папа, колесомъ въ этой сложной машинѣ. Не женскія мечты о кипучей дѣятельности, о блестящихъ рѣчахъ на собраніяхъ тревожили эту страшную головку. Часто съ тоской думала она о томъ, что ей нѣтъ впереди надежды, что выходъ одинъ: замужество, да и тотъ никуда не приведетъ, по крайней мѣрѣ не туда, куда бы она желала. Ей хотѣлось забыть, что она женщина, и жить вмѣстѣ со всѣми, окунуться въ самую глубину житейской борьбы.

Такъ-какъ я разъ имѣла неосторожность сказать, что уважаю Клавдію Васильевну, то я дѣлаюсь въ нѣкоторомъ родѣ отвѣтственна за ея поступки. Какъ? ей тѣсно въ семьѣ? Она отрицаетъ семейную жизнь? Позвольте, никто не говорилъ, что она отрицаетъ ее. У нея только есть странность въ характерѣ: для

Digitized by Google

нея общественная жизнь немыслима безъ семейной и обратно. Она была бы самая несчастная женщина, еслибы ее заставили постоянно произносить рѣчи, искать популярности, блистать въ толпѣ и лишили бы ее людей близкихъ, своего домашняго уголка. Но едва-ли она была бы счастливѣе, еслибы ее засадили въ четырехъ стѣнахъ съ кухней, дѣтской, спальней и пріятными развлеченіями въ родѣ занятій изящными искусствами. Это была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя требуютъ непремѣнно простора, и на этихъ условіяхъ удовлетворяются самой простой дѣятельностью. Чѣмъ она виновата, что пришла къ убѣжденію, будто всѣ бѣдствія наши оттого и происходятъ, что мы изъ-за семейныхъ интересовъ не видимъ общественныхъ и не хотимъ удѣлить имъ ни капельки времени. Не могутъ же люди всегда дѣйствовать въ разбродъ, думала Клавдинька; бываютъ же минуты, когда имъ нужно непремѣнно работать съобща. Что̀ буквально невозможно одному лицу, дѣлается шутя многими. Здравый смыслъ говоритъ, что кому-нибудь непремѣнно придется заниматься общественными дѣлами. Если скажутъ на это, что эта работа мужчины, а не женщины, то Клавдія заткнетъ себѣ уши и объявитъ, что женскій вопросъ для нея не существуетъ, что онъ ее такъ же мало интересуетъ, какъ какой-нибудь шлезвигъ-гольштейнскій, по той простой причинѣ, что тутъ и вопроса-то совсѣмъ нѣтъ, а есть давно готовый отвѣтъ: я женщина, стало быть, я человѣкъ; стало быть, я и хочу жить, какъ люди, а не какъ нѣчто среднее между людьми, ангелами и животными. Я буду сама кормить и воспитывать вашихъ дѣтей, и не посажу васъ около люльки своего сына. Но когда я свободна, я выберу себѣ занятіе по душѣ и не подумаю справляться въ вашемъ календарѣ, позволено оно мнѣ или запрещено. Но Клавдія нашла пока только идею. До исполненія еще было далеко. Дѣло вотъ въ чемъ. Знаменитое общество, въ числѣ прочихъ благодѣтельныхъ учрежденій, предполагало устройство народныхъ кухонь. Эти кухни существовали до сихъ поръ только на бумагѣ, а москвичи ихъ и не понюхали. Клавдіи пришла несчастная мысль предложить брату устроить ихъ на свой собственный счетъ. Я говорю: несчастная, потому что съ этой минуты для нея начался рядъ неудачъ и несчастій, которымъ суждено было окончиться очень печально.

Начало было хорошее. Братъ не только согласился на ея предложеніе, но даже самъ увлекся имъ при всей своей наружной грубости и шероховатости. Онъ, работавшій постоянно изъ-за денегъ и только изъ-за денегъ, и хорошо сознававшій всю силу ихъ, теперь, почти не задумываясь, рѣшился пожертвовать ча-

Digitized by Google

стью своего небольшого капитала. Этого мало: такъ-какъ самъ онъ не имѣлъ времени посвятить себя новому учрежденію, то и задумалъ передать его окончательно въ руки сестры.

Но Клавдія Васильевна, въ числѣ своихъ добродѣтелей, не досчитывалась двухъ: скромности и умѣренности. Удовольствоваться частнымъ заведеніемъ, устроеннымъ на небольшія средства, ей никакъ не хотѣлось. Сколько она ни толковала о томъ, что великія затѣи надо предоставить исключительно великимъ людямъ, но кончила тѣмъ, что сама уподобилась тому ребенку, который кричалъ: „donnez m'en trop". Мало ей показалось братниной помощи; къ тому же она знала, что капиталы его хватятъ не надолго: развѣ только на первое обзаведеніе, много-много, если на годъ. „Другое дѣло", фантазировала Клавдія, „еслибы составилось общество. Тогда, рядомъ съ народными кухнями, можно бы было начать другое, болѣе выгодное производство, и такимъ образомъ, дѣлая прибыльныя операціи на сторонѣ, покрывать убытокъ, который, по всей вѣроятности, получится въ результатѣ дешевыхъ кухмистерскихъ". Вообще, эти фантазіи были такого рода, что мнѣ совѣстно раскрывать ихъ передъ вами во всей полнотѣ, и такимъ образомъ выдавать тайну моей героини. По слабости человѣческой, она улетѣла прямо на седьмое небо, минуя всѣ промежуточныя станціи. Рано или поздно она сдѣлается учредительницей новаго общества — это несомнѣнно. Но диллетантизмъ въ дѣлѣ торговомъ и промышленномъ — вещь немыслимая. Есть диллетанты-художники, литераторы, музыканты — и все люди, можно сказать, пользующіеся уваженіемъ. Но нѣтъ человѣка, болѣе жалкаго, какъ диллетантъ-промышленникъ. Онъ получаетъ щелчки со всѣхъ сторонъ: страдаетъ его самолюбіе, страдаетъ карманъ, и вдобавокъ, вся его жизнь есть непрерывная цѣль страданій.

Клавдіи никакъ не хотѣлось попасть въ пріятное положеніе такого диллетанта. Она поняла, что одной страсти и любви къ искусству еще слишкомъ мало для того, чтобы справиться съ такимъ труднымъ дѣломъ, какъ учрежденіе общества. Чтобы не играть въ немъ совершенно пассивной роли, чтобы принять въ его дѣлахъ не воображаемое только, а дѣйствительное участіе, она порѣшила пріобрѣсти кой-какія понятія о торговлѣ, о хозяйствѣ, и главное, умѣнье вести счетоводство.

Понимаете теперь, для чего ей понадобился бухгалтеръ изъ думы? Вотъ уже два года, какъ мейнъ герръ давалъ ей уроки бухгалтеріи и все это тайкомъ отъ родителей. Онъ приносилъ ей изъ думы смѣты городскихъ доходовъ и расходовъ, отчеты подрядовъ, сданныхъ съ торговъ, и частныхъ сдѣлокъ съ подряд-

Digitized by Google

чиками. Все это быстро поглощала талантливая ученица и даже г. Даниловъ не переставалъ удивляться ея способностямъ. Чувствовали ли гласные московской думы, что ихъ великія дѣла изучаетъ 18-тилѣтняя дѣвушка и знаетъ многое никакъ не хуже, если не лучше ихъ. Даниловъ былъ совсѣмъ не такая тупица, какъ можно бы предположить по его манерамъ и разговору. Крайняя бѣдность, семья на плечахъ и вѣчное опасеніе потерять мѣсто, сдѣлали изъ него какое-то пресмыкающееся существо. Но отъ природы очень не глупый, онъ послужилъ Клавдіи хорошимъ помощникомъ.

Тѣмъ не менѣе, заниматься одной бухгалтеріей тоже не было разсчета. Милліонные бюджеты нашей столицы не научили бы Клавдію узнавать затхлую и гнилую муку, или отличать свѣжую говядину отъ несвѣжей. Пришлось бы положиться на какую-нибудь помощницу, а этого не хотѣлось: она думала быть полной хозяйкой въ своемъ заведеніи. Съ этой цѣлью она очень усердно посѣщала кухню и входила во всѣ мелочные, домашніе расходы, чѣмъ несказанно радовала мама, которая надѣялась увидать въ дочкѣ современемъ экономную мать семейства.

Посматривая на домашнюю суетню, Клавдія съ тайнымъ удовольствіемъ думала о томъ времени, когда откроются ея кухни, которыя предполагалось сдѣлать доступными для самыхъ бѣдныхъ классовъ и, между прочимъ, для недостаточныхъ студентовъ, о которыхъ она слышала очень много грустнаго отъ Лизаветы Ивановны. Современемъ не теряли надежды открыть тутъ же дешевыя квартиры, женскіе базары и даже мастерскія. Все это рисовалось еще вдалекѣ, какъ обѣтованная земля, къ которой Клавдинька стремилась, конечно, не менѣе, чѣмъ во время оно израильтяне. Сколько она мечтала, Боже мой, сколько она мечтала! Впрочемъ, поставьте себя на ея мѣсто, и если природа не отказала вамъ въ воображеніи, попробуйте настроить воздушныхъ замковъ. Много будетъ хрустальныхъ стѣнъ и мостовъ, но вѣдь хрусталь вещь хрупкая.

Большую ошибку сдѣлала Клавдія Васильевна, что не прониклась этой истиной и повѣрила сама въ существованіе этихъ замковъ. Бывали, впрочемъ, минуты, когда и она приходила въ ужасъ при видѣ препятствій, которыя ей придется еще преодолѣть. Первое и самое главное—какъ примутъ это ея родные? Захотятъ ли они, и въ особенности мама, чтобъ дочь сдѣлалась содержательницею какихъ-то народныхъ кухонь, чуть-чуть не трактира? Клавдія хорошо знала своихъ родителей и понимала, что безъ брата она погибла. На ея заявленіе не обратятъ даже вниманія, а сочтутъ просто бредомъ сумасшедшей. Не будь Де-

Digitized by Google

ниса—оставалось только покориться, да, по возможности, направить всѣ свои мысли на одну точку: на замужество, по всей вѣроятности, улыбавшееся впереди. Но съ Денисомъ она смѣло смотрѣла въ лицо будущему. Съ его помощью не такъ трудно будетъ убѣдить мама, которая чувствуетъ къ своему сыну большое уваженіе. Было время, когда Клавдія Васильевна опасалась всего болѣе не матери, а другой женщины. Братецъ ея влюбился до безумія въ одну дѣвушку, далеко непользовавшуюся хорошей репутаціей; а у многихъ влюбиться и жениться—одно и то же, въ томъ числѣ и у Дениса Васильевича. Рыженькая красавица живо окрутила его и, въ одинъ прекрасный день, повлекла въ церковь. Къ счастію для Клавдіи, миръ и любовь недолго царствовали въ этомъ новомъ союзѣ. Къ счастію, потому что Эмма Андреевна и она стали врагами почти съ первой же минуты. Гордая дѣвушка не могла выносить надменной дамы, а надменная дама не могла выносить гордую дѣвушку. Онѣ были во всѣхъ отношеніяхъ двѣ крайности и, хотя говорятъ, что крайности сходятся, про нихъ этого нельзя сказать безъ особенной натяжки. Клавдія, конечно, прошла бы равнодушно мимо изящной, великолѣпной Эммы, еслибы та не была женой ея брата. Но могла ли она простить женщинѣ, которая была причиной охлажденія, почти разрыва, съ ея неоцѣненнымъ Денисомъ? Да и потомъ, когда эта женщина сошла съ дороги, могла ли она не видѣть, какъ страдаетъ ея братъ; какъ онъ измученъ, разбитъ и униженъ измѣнами своего рыженькаго божества? Клавдія гораздо раньше его увидала всю мерзость поведенія m-me Ракитиной, которая довольно открыто вела счетъ своимъ поклонникамъ, съ отмѣтками, кто имѣлъ успѣхъ и кто даромъ потратилъ заряды. Послѣднихъ было, впрочемъ, значительно меньше. Самолюбивая дѣвушка не могла не видѣть, на кого ее промѣняли, и проглотила пилюлю молча. Она поняла, что никакое краснорѣчіе и негодованіе тутъ не помогутъ. Она ждала, что будетъ, и дождалась, наконецъ, той минуты, когда братъ объявилъ, что у него нѣтъ больше жены.

Почему бы сразу не устроить народной кухни на началахъ ассоціаціи? Тогда можно было бы расширить обороты, пріобрѣсти сочувствіе общества, устроить артельныя мастерскія, гдѣ находили бы себѣ работу люди, бѣдствующіе единственно по недостатку работы. Мысль эта не разъ мелькнула у Клавдіи. Но есть ли какая возможность сразу привлечь къ себѣ общество? Кто пойдетъ за нею, эксцентричной, сумасбродной дѣвушкой? Кто послушаетъ ея воззваній?

Клавдія, при всей своей способности увлекаться, поняла, что

Digitized by Google

на первое время ей нечего ждать поддержки отъ общества. Но потомъ, когда новое учрежденіе станетъ на ноги, когда видны будутъ результаты, она твердо вѣрила, что найдутся люди, которые захотятъ послѣдовать за ней. А пока Клавдинька нашла себѣ двухъ послѣдовательницъ и удовольствовалась этой скромной цифрой. Первою была Любочка, которая своею особою равнялась нулю, но какъ дѣвушка со средствами, могла быть полезна въ матеріальномъ отношеніи. Второй помощницей числилась Лизавета Ивановна. На нее возлагались большія надежды, какъ на женщину практичную, умѣвшую при случаѣ и сшить, и купить, и присмотрѣть за прислугой. При томъ же, Клавдія думала вырвать ее изъ омута семейной жизни, оторвать отъ мужа, который не внушалъ ей ничего, кромѣ отвращенія. Лизавета Ивановна стояла лучшей участи. Почему бы ей не жить самостоятельно? Это была такая славная, любящая натура.

Клавдія думала дать средства къ существованію и ей и ея роднымъ. Она думала еще многое другое. Не могла она знать только одного, что впереди готовятся самыя неожиданныя событія.

О. Смирнова.

Digitized by Google

ВЪ ДОРОГУ!

(Изъ Гейне).

Коль женщина тебѣ измѣнитъ — ты влюбился
Въ другую и о той, измѣнницѣ, забудь!
Еще вѣрнѣй! — оставь ихъ всѣхъ, — вооружися
Дорожной сумкою и отправляйся въ путь.

Найдешь тамъ озеро ты голубое вскорѣ
И здѣсь, подъ сѣнію плакучихъ ивъ, въ тиши,
Все горе выплачешь, все маленькое горе,
Всю крохотную скорбь твоей души.

Всходя съ усиліемъ на горную стремнину,
Въ пути заохаешь не разъ ты, самъ не свой;
Но на скалистую взобравшися вершину,
Услышавъ громкій крикъ орловъ надъ головой —

Ты словно вдругъ и самъ орломъ крылатымъ станешь,
Какъ будто жизнь въ себя вторую воспріялъ,
Вздохнешь легко, и если внизъ оттуда глянешь —
Почувствуешь, какъ тамъ немного потерялъ!

И.—Г.—М.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ ЕВРЕЯ.

IX.

Первая побѣда мысли.

Я опять очутился въ томъ же густомъ, тѣнистомъ лѣсу, окруженномъ сочными рощами, въ которомъ провелъ свое раннее дѣтство, относительно счастливое и поэтическое въ сравненіи съ послѣдовавшимъ затѣмъ временемъ. Опять увидѣлъ я знакомый родной ландшафтъ съ винокурней на первомъ планѣ, и съ избушками въ перспективѣ. Но ландшафтъ этотъ не жилъ уже прежнею жизнью: мужики и бабы не суетились какъ трудолюбивыя пчелы, снуя взадъ и впередъ; винокурня не выбрасывала въ небо своей копоти и чернаго дыма; жирные, бражные кабаны не приманивали уже своимъ хрюканіемъ голодныхъ лѣсныхъ волковъ. Все кругомъ было мертво, запущено и пустынно. Мрачная тѣнь, лежавшая на всей окрестности нашего уединеннаго жилья, отражалась и на лицѣ моей матери. Она очень обрадовалась моему появленію, какъ и подросшая старшая сестра моя Сара, но въ глазахъ ихъ поминутно появлялись слезы. По самообольщенію, присущему человѣческой натурѣ, я относилъ эти слезы къ чрезмѣрной радости лицезрѣть меня, красу и гордость семейства (я слишкомъ мечталъ о себѣ), и хотѣлъ отплатить имъ такой же наглядной нѣжностью, но при всемъ моемъ желаніи— не могъ...

— Гдѣ отецъ? спросилъ я мать послѣ первыхъ изліяній.

Она вздохнула и опустила глаза.

— Отецъ уѣхалъ. Когда пріѣдетъ—не знаю.

Мать заплакала, и Сара тоже.

Digitized by Google

816613

— Что такое случилось? объясните, не мучьте меня.

— Съ нами случилось большое несчастіе. Отецъ, кромѣ этой винокурни, завѣдывалъ еще одной, за сто верстъ отсюда, у помѣщика Д. Такъ-какъ ему приходилось часто отлучаться, то онъ принялъ себѣ въ помощь дальняго родственника З., которому и передалъ наблюденіе за здѣшней винокурней. Этотъ родственникъ оказался отъявленнымъ лѣнтяемъ и бездѣльникомъ. Благодаря его бездѣйствію, выходы начали съ каждымъ днемъ уменьшаться; то перекисало, то недокисало; ничтожныя въ началѣ поврежденія не исправлялись, и все росли и увеличивались. Дошло до того, что когда владѣлецъ завода однажды вечеромъ явился лично для присутствія при выходѣ, то вмѣсто ста ведеръ спирта нацѣдилось въ кубъ около ведра какой-то кислятины. Помѣщикъ взбѣсился и самъ растолкалъ полухмѣльнаго З. „Какой выходъ у тебя?“ „Какой выходъ? а вотъ какой. Я, пане, выпилъ, а вы купите себѣ“. Эта дерзость и насмѣшка окончательно вывели владѣльца изъ себя. Онъ разсчиталъ отца, а винокурню до будущаго года совсѣмъ закрылъ. Объ этой исторіи узналъ въ скорости и помѣщикъ Д. и также отказалъ отцу. Мы остались безъ средствъ къ жизни. Капиталовъ у насъ никогда не было, а тутъ пришлось закладывать все, что только у насъ было, чтобъ не умереть съ голода. Отецъ поѣхалъ искать какихъ-нибудь занятій, и уже болѣе мѣсяца ничего не пишетъ.

Мать и Сара совершенно уже расплакались.

— А тутъ еще новая бѣда, продолжала мать, стараясь сдержать свои рыданія:—помѣщикъ гонитъ насъ съ квартиры. Я наняла въ деревнѣ избу у мужика, но она до того похожа на погребъ, что я боюсь туда перебираться. Недостаетъ еще, чтобы все семейство заболѣло. Какъ и чѣмъ я его лечить буду?

Въ прахъ разлетѣлись всѣ мои мечты отдохнуть и пороскошничать дома. Я не нашелъ даже фасольной похлебки; кругомъ меня все было бѣдно, мрачно и почти голодно. Каждый день являлись мужики, посланные помѣщикомъ, чтобы вывести насъ изъ квартиры, каждый день мы переносили грубости, брань и кулачныя угрозы. Дошло до того, что изъ нашей квартиры повынимали окна, сняли двери и приступили наконецъ къ разборкѣ печей. Явилась окончательная необходимость переѣхать въ деревню хоть въ избу, хоть прямо въ погребъ.

Деревня отстояла въ десяти верстахъ отъ винокурни. Подводы наши, нагроможденныя до самаго верху, тронулись въ путь уже поздно вечеромъ. Я и сестра возсѣдали на какихъ-то кадушкахъ и боченкахъ; вечеръ былъ замѣчательно прекрасный.

Digitized by Google

Хотя луны и не видно было на небосклонѣ, но за то миріады звѣздъ мерцали и блестѣли на немъ до того ярко, что ночь можно было скорѣе назвать свѣтлою, чѣмъ темною. Воздухъ былъ только болѣе, чѣмъ прохладенъ, такъ-какъ время приближалось уже къ осени. Сара, болѣзненная отъ природы, дрожала отъ вечерней прохлады и прижималась ко мнѣ. Я обнялъ ее одной рукою, а другою—вцѣпился за веревку, которою были увязаны различныя хозяйственныя вещи, и старался сохранить равновѣсіе на шаткомъ нашемъ сѣдалищѣ. Проселочная дорога, по которой плелся нашъ караванъ, была усѣяна холмами, ухабами и косогорами. Волы вяло и флегматично передвигали свои толстыя ноги; фурщики медленно шагали возлѣ возовъ, повременамъ поплевывая и вскрикивая „цобъ цабе! цобъ цобъ!" На одномъ изъ косогоровъ, возъ, на которомъ мы сидѣли, получилъ на ухабѣ такой сильной толчокъ и такъ нагнулся въ сторону, что я съ сестрою чуть не слетѣли. Я кое-какъ удержался, но вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалъ, что изъ-подъ меня что-то выдвинулось и скатилось. Въ то же время, я увидѣлъ небольшой боченокъ, стремившійся по косогору, куда-то внизъ.

— Иванъ, Иванъ, стой! Упалъ бочонокъ. Смотри, вонъ покатился. Лови! крикнулъ я фурщику.

— Самъ лови коли хошь, отвѣтилъ онъ грубо.

— Остановись, я самъ подниму его. Прру... Волы остановились. Я и сестра соскочили. Я бросился искать бочонка, но его уже нигдѣ не видать было. Между тѣмъ, остановился весь караванъ. Мужики обступили Ивана.

— Что̀ такое случилось? Что̀ тамъ унало? Иванъ крестился, ничего не отвѣчая.

— Вѣдьма! прошепталъ онъ наконецъ, указавъ кнутомъ на какой-то предметъ, катившійся съ горы. Всѣ мужики сняли шапки и начали набожно креститься. Я былъ увѣренъ, что это катится именно тотъ самый бочонокъ, который выдвинулся изъ-подъ моего сидѣнья. Я пустился бѣжать за нимъ.

— Тю-тю,—дурню! куда тебе чортяка несé? задавитъ! назадъ! заорали мужики. Сара расплакалась, и кричала, чтобы я возвратился. Мы опять вскарабкались на наше сѣдалище. Обозъ тронулся. Мужики гурьбой шли возлѣ нашего воза. Дорога пошла ровнѣе. Между фурщиками завязался живой разговоръ на малороссійскомъ нарѣчіи, котораго придерживаться я не считаю нужнымъ.

— Что-жь, ты *ее* видѣлъ?

— Кого? Вѣдьму-то?

Digitized by Google

— Ну да, вѣдьму.

— Еще бы!

— Да какъ же она показалась тебѣ?

— Да вѣдьмой и показалась.

— А какова она съ виду?

— Сказано вѣдьма, вѣдьма и есть.

— А хвостъ видѣлъ?

— Увидишь тутъ хвостъ, когда она не ходитъ почеловѣчески, а колесомъ кувыркается.

— Такъ оно, можетъ быть, и не вѣдьма?

— Да нѣшто я ослѣпъ? сказано вѣдьма!

— Спаси насъ Господи и помилуй!

Хохлацкая аргументація меня не убѣждала: я привыкъ уже сомнѣваться въ бредняхъ даже вполнѣ систематизированныхъ. Но бѣдная Сара дрожала отъ испуга и все болѣе и болѣе прижималась ко мнѣ. Она инстинктивно чувствовала, что ея хилый братишка, относительно вѣдьмъ и прочихъ сверхъестественныхъ выдумокъ, гораздо храбрѣе и сильнѣе всѣхъ этихъ грубыхъ колоссовъ, изъ которыхъ каждый могъ поспорить съ медвѣдемъ въ физической силѣ.

— А знаешь, Иване, кто это была?

— Кто?

— Аксинька Тупогузая, прости Господи!

— Надоть—она.

— Ну, и напакостила же она вдоволь! Сколько коровъ и парней перепортила она на своемъ поганомъ вѣку!

— А Хайкѣ, шинкаркѣ на слободѣ, какъ искривила жидовскій ротъ, а?

— Ну, за это дай Богъ ей здоровье. Эта проклятая Хайка, хоть тресни въ долгъ не даетъ. И крестишься и божишься — не вѣритъ да и только! А человѣкъ съ похмѣлья, хоть помирай.

— Сказано, жидовская душа!

— Да развѣ у нехристей бываетъ душа?

— Хоть поганенькая—а все же есть.

Я мысленно былъ благодаренъ мужикамъ за то, что они оставили въ моемъ распоряженіи хоть какую ни на есть душенку.

— А вѣдь Аксинька уже подохла, хлощы!

— Ой ли?

— Право-слово, подохла. Холера задавила.

— Туда ей и дорога!

Digitized by Google

— Такъ она это, стало быть, послѣ смерти мандруетъ?

— Обыкновенно, послѣ смерти.

— То-то послушалась бы меня громада (общество), она бы теперь не шмыгала по бѣлу свѣту.

— А что?

— А вотъ что. Какъ только холера ее скрутила, она какъ будто примерла, но была еще теплехонька совсѣмъ. Наши парни схватили ее, да прямо въ яму, какъ бѣшеную собаку и бросили, только кой-какъ присыпали землею. Ночью, мужики пришли въ кабакъ переполошенные и баютъ: шли это они мимо кладбища, и наткнулись на свѣжую яму. Одинъ изъ нихъ, возьми да и спроси „чья эта могила?" а въ отвѣтъ ему изъ самой могилы: „Охъ, охъ!" да такъ громко, какъ будто живой человѣкъ стонетъ. Мужики до смерти испугались. Хотѣли бѣжать, да ноги ни съ мѣста, какъ будто кто за пятки вцѣпился, а охи и ахи все громче да громче. Какъ вдругъ надоумило Степку Кавуна перекреститься и крикнуть: „Бѣги, ребята, тутъ Аксинька!" Степка бросился во всѣ лопатки, а за нимъ—и другіе мужики. Я какъ разъ былъ тутъ въ кабакѣ. Судили и рядили долго, да и рѣшили: отрыть на утро проклятую вѣдьму, да и вбить ей въ спину осиновый колъ. Это я имъ посовѣтовалъ. Но при томъ и осталось: мужики побоялись начальства.

Разсказъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Сару. Она все тѣснѣе и сильнѣе прижималась ко мнѣ и дрожала. Мое воображеніе тоже разыгралось не на шутку. Память оказала мнѣ при этомъ медвѣжью услугу: вся чертовщина и колдовщина, вычитанная мною изъ книгъ и талмуда, выплыла при этомъ случаѣ наружу и подтверждала возможность подобныхъ явленій. Если не было вѣдьмъ, то для чего же Моисей повелѣлъ не оставлять ихъ въ живыхъ? Кто, и какимъ образомъ, вызывалъ тѣнь царя Саула? Талмудъ даетъ даже средство убѣдиться наглядно въ существованіи чорта: стоитъ только достать черную кошку, родившуюся отъ матери такой же шерсти, убить ее, сжечь, и пеплъ этотъ разсыпать вокругъ кровати экспериментатора, на утро, на этомъ пеплѣ, видны будутъ ясные слѣды куриныхъ ножекъ тѣхъ чертей, которые имѣютъ привычку посѣщать людей во время ихъ сна. Я вспомнилъ и владыку чертей Асмодея, и соблазнительную, ночную Лилисъ [1] съ ея чер-

---

[1] Это—ночная красавица преисподней, закрадывающаяся въ еврейскія спальни и возбуждающая самые непозволительные соблазнительные помыслы. Лилисъ эта опасна также и для родильницъ.

Digitized by Google

товской свитой. Нервы мои все больше и больше возбуждались. Предъ глазами носились какіе-то фантастическіе образы, приводившіе меня въ трепетъ.

— Сруликъ, я боюсь! прошептала сестра.

— Не бойся, Сара, всѣ они врутъ, отвѣтилъ я сестрѣ, чтобы успокоить ее. Наступило долгое молчаніе. Мужики разбрелись къ своимъ возамъ. Меня ничто не развлекало. Суевѣріе и мысль затѣяли борьбу между собою. Вѣрить ли на слово, или нѣтъ? Столько людей вѣритъ всему, что имъ ни говорятъ; какое право я имѣю не вѣрить? Вопросы pro и contra кишѣли въ моей головѣ, мысль копошилась долго, и нечаянно попала на логичный путь.

Для чего вѣдьма, Аксинька, искривила шинкаркѣ Хайкѣ ротъ? Вѣдь не для одного же удовольствія, иначе она могла бы, силою своего всемогущаго колдовства, искривить цѣлую дюжину ртовъ у другихъ евреекъ. Почему вѣдьма избрала въ жертву именно Хайку? Вѣроятно, она мстила шинкаркѣ за то, что та не даетъ водки въ долгъ. Нужно предполагать, что Аксинька просила водки въ кредитъ, а Хайка была неумолима. По какой же причинѣ вѣдьма вынуждена была унижаться предъ шинкаркой и просить водки въ кредитъ? Вѣроятно, потому, что у ней наличныхъ денегъ не оказалось. Но вѣдь Аксинька могла принимать на себя какой угодно образъ. Доказательство предъ глазами: она недавно обратилась въ бочонокъ. Владѣя такимъ искусствомъ, спрашивается, что̀ стоило бы Аксинькѣ обратиться въ штофъ, положимъ, и, находясь возлѣ бочки, напиваться сколько душѣ угодно, не испрашивая на то согласія шинкарки? Наконецъ, если Аксинькѣ нужны деньги, то она можетъ принять форму одного изъ мѣшечковъ, лежащихъ у мѣняльныхъ столиковъ, и невидимо загребать со стола деньги, сколько нужно. Это было бы гораздо удобнѣе и проще, чѣмъ прибѣгать къ милости безсердечной кабачницы. Если же вѣдьма этого не дѣлаетъ, то, значитъ, она не въ состояніи этого сдѣлать. Что же она за вѣдьма послѣ этого? Гдѣ же ея сверхъестественная сила, которою она творитъ чудеса для другихъ, а не для самой себя? Додумавшись до этого пункта, я твердо поднялъ голову, смѣло посмотрѣлъ въ ночную даль и невольно прошепталъ: „вздоръ, чепуха!“.

Ну, а охи и ахи, раздававшіеся изъ могилы? И это натурально. Мужикъ сказалъ, что парни, обрадовавшись смерти ненавистной Аксиньки, похоронили ее тогда, когда она была совершенно теплая, и присыпали кой-какъ землею. Но, можетъ быть,

Digitized by Google

ее похоронили преждевременно, и она въ могилѣ очнулась и звала на помощь тѣхъ, которые въ своей премудрости рѣшили успокоить ее осиновымъ коломъ.

— Да, повторилъ я шопотомъ, и на этотъ разъ еще болѣе рѣшительно:—все это вздоръ, чепуха и ложь!

— Что ты тамъ шепчешь? спросила испуганно сестра.

— Я вздремнулъ немного. Ничего.

— Ну, а Талмудъ, а тѣнь Саула, а вѣдьмы библейскія? принялся я опять разсуждать. Но прежде, чѣмъ я могъ серьёзно подумать о разумномъ отвѣтѣ, мы въѣхали въ деревню. Все спало уже мертвымъ сномъ. Бодрствовали одни только косматыя, громадныя собаки, выбѣгавшія изъ каждаго двора проводить нашъ обозъ своимъ лаемъ. Нашъ возъ, какъ-то неистово скрыпнувъ, остановился. Мы пріѣхали.

Наша новая квартира находилась на самомъ противоположномъ концѣ деревни. Это была какая-то жалкая, полуразвалившаяся изба, съ покосившимися, маленькими окошечками, расположенными безъ всякой симметріи. Дворъ былъ совершенно пустой, безъ службъ, и мѣстами обнесенный разрушившимся и повалившимся плетнемъ. Въ избѣ, повидимому, давно уже никто не жилъ. Въ цѣломъ дворѣ даже ни одной собаки.

Я и Сара направились къ избѣ. Сара, продрогшая, добѣжала первая и сильно постучала въ дверь.

— Татьяна, отворяй! прокричала она нѣсколько разъ. Я отсталъ нѣсколько, чтобы приказать подводчикамъ подкатить возы ближе къ избѣ. Я слышалъ, какъ съ визгомъ отодвинулась внутренняя задвижка дверей и какъ сестра, входя въ избу, съ кѣмъ-то разговаривала. Я тоже вошелъ въ сѣни, вслѣдъ за сестрою. Ощупью, я пробирался въ незнакомомъ мнѣ, темномъ пространствѣ сѣней. Издали я слышалъ голосъ сестры, и осторожно направлялся на этотъ голосъ, протянувъ передъ собою руки.

— Отчего ты не подаешь свѣчи? спрашивала Сара, плохо выговаривая малороссійскія слова.

— А гдѣ я ее возьму? отвѣчаетъ какой-то сиплый голосъ.

— Какъ! Неужели у тебя свѣчи нѣтъ?

Отвѣта не послѣдовало,

— Развѣ у тебя свѣчи нѣтъ? повторила Сара.

Молчаніе продолжалось.

— Татьяна! что-жь ты молчишь? спросила съ досадой сестра.

Опять молчаніе.

Я, между тѣмъ, ощупью добрался до какихъ-то дверей, ве-

Digitized by Google

дущикъ въ жилую хату, но споткнулся о высокій порогъ и упалъ. Поднявшись на колѣни, я опять услышалъ голосъ сестры.

— Татьяна...

Но вслѣдъ за этимъ раздался страшный, душу раздирающій крикъ Сары. Я вспрыгнулъ на ноги, и весь дрожа, устремилъ свои испуганные взоры во внутренность хаты.

Сквозь тусклыя стекла окошечекъ едва пробивался какой-то сумрачный, колеблющійся полусвѣтъ отъ мерцающихъ на дворѣ звѣздъ. Полусвѣтъ этотъ до того былъ слабъ, что стѣны хаты, и вообще внутренность ея, совсѣмъ не были видны. Но недалеко отъ одного изъ оконъ, въ которыя едва пробивалось звѣздное мерцаніе, я замѣтилъ кричащую сестру. Ее обнимало какое-то привидѣніе, высокаго роста, обвитое бѣлымъ саваномъ, и съ распущенными длинными космами. Привидѣніе это, какъ видно, ухватилось за горло сестры и все больше и больше душило, потому что крики сестры дѣлались все глуше и хриплѣе. При видѣ этой страшной картины, кровь застыла въ моихъ жилахъ, сердце перестало биться, и я почувствовалъ, какъ каждый волосокъ на моей головѣ поднимается. Я не могъ ни тронуться съ мѣста, ни сдѣлать малѣйшее движеніе. Наконецъ, нѣсколько мужиковъ ввалились въ хату и остановились возлѣ меня.

— Хлопцы! смотрите, опять Аксинька! крикнулъ одинъ изъ нихъ. Всѣ стремглавъ выбѣжали на дворъ. Я остался одинъ.

Слово „Аксинька" привело меня къ сознанію. Я твердо проникнулся убѣжденіемъ, что подобныхъ Аксинекъ быть не можетъ. Я рванулся впередъ, и въ одинъ мигъ ухватился за мнимую колдунью. Сестра, увидя меня, нѣсколько ободрилась, и обѣими руками, изо всей мочи, оттолкнула отъ себя призракъ. Что-то грохнулось о земляной полъ, и настало мертвое молчаніе. У ногъ моихъ лежало существо въ саванѣ, а нѣсколько поодаль растянулась и упавшая въ обморокъ Сара.

Я бросился къ ней, пытался ее поднять, но она была безъ чувствъ, и поднять ее было выше моихъ силъ. Видя сестру мою мертвою, я совсѣмъ забылъ о страшномъ существѣ, лежавшемъ тутъ же. Я выбѣжалъ на дворъ и началъ кричать: „Сара умерла, Сару задушили!" Но мужики, вмѣсто того, чтобы подать помощь сестрѣ, разбѣжались, завидя меня.

— Бѣги! кричали они мнѣ издали: — а то и тебя задушитъ.

Я вбѣжалъ обратно къ сестрѣ. Она лежала, попрежнему,

Digitized by Google

безъ движенія, и невдалекѣ отъ нее лежало существо въ бѣломъ.

Я нагнулся къ сестрѣ и толкнулъ ее. Она сдѣлала слабое движеніе.

— Сара! Сара! позвалъ я ее.

Она начала подниматься. Я обрадовался и помогъ ей встать на ноги.

— Пойдемъ, Сара; пойдемъ скорѣе отсюда. Я ее обнялъ обѣими руками. Она шаталась на ногахъ. Сара нечаянно повернула голову, увидѣла на полу существо въ бѣломъ, и опять начала кричать не своимъ голосомъ. Мнѣ едва удалось вытащить ее на дворъ. Тамъ она опять упала въ обморокъ, но скоро пришла въ чувство и сѣла на землѣ. Я стоялъ возлѣ нее, не зная, что дѣлать и что предпринять. Изъ подводчиковъ не было ни одного.

Прошло болѣе получаса. Наконецъ, до насъ донеслись голоса бѣгущихъ людей. Я съ сестрой побѣжали имъ на встрѣчу.

— Гдѣ она? гдѣ Аксинька? спрашивали насъ какіе-то деревенскіе, полунагіе мужики. Позади всѣхъ слонялись наши трусливые подводчики. При видѣ Сары, они ободрились, достали огниво и зажгли лучину. Освѣщая себѣ путь, цѣлая гурьба мужиковъ, съ большою осторожностью, медленно шагая и поминутно крестясь, зашла въ избу. Я хотѣлъ идти съ ними, но сестра вцѣпилась за меня и не дала тронуться съ мѣста. Черезъ нѣсколько минутъ, мужики выволокли на дворъ женщину, въ бѣлой длинной рубахѣ, съ распущенными длинными волосами, и бросили на землю, причемъ голова этой женщины сильно стукнулась. Она вздохнула и начала поднимать голову.

— Бей ее! бей вѣдьму! закричало нѣсколько мужиковъ.

— Стой, братцы! не трошь! это Танька Ничипуренкова.

— Ишь, и впрямъ Танька!

— Встань, бісова дочка!

— Хіба жь и ты въ відьмы пустылась, шкура ты барабанная?

Между тѣмъ, одинъ изъ мужиковъ побѣжалъ въ избу, вынесъ оттуда ведро воды и разомъ обдалъ лежавшую еще на землѣ женщину. Она очнулась, поднялась и сѣла, дико озираясь кругомъ.

— Что съ тобою приключилось, Танька? спросилъ ее одинъ изъ мужиковъ, съ видимымъ участіемъ.

— Ой, головонька моя! Ой, головонька моя бідная! завопила Татьяна.

Digitized by Google

Сара ее узнала. Это была наша служанка, которую я видѣлъ только въ первый разъ.

За день до моего пріѣзда домой, ее отправили на новую квартиру выбѣлить комнаты и смазать полъ, и она на этой квартирѣ возилась уже больше недѣли. Мало-по-малу, служанка пришла въ себя, и разсказала слѣдующее:

Зная, что мы на ночь должны переѣхать на новую квартиру, и видя, что комнаты, вслѣдствіе бѣленія, отсырѣли ужь черезчуръ, она вздумала протопить печи. Протопивши, она немедленно закрыла трубу и завалилась спать. Во снѣ она чувствовала, какъ будто ее что-то душитъ и не даетъ дышать; въ вискахъ у ней сильно стучало, она пыталась поднять голову, но не могла. Въ это самое время, сестра моя начала стучать въ дверь и громко звать ее по имени. Она собралась съ силами, съ трудомъ встала, пошла и отворила дверь. Когда она возвратилась съ сестрою въ хату, то почувствовала сильное головокруженіе. Сестра ее разспрашивала. Она сначала отвѣчала, но вдругъ пошатнулась на ногахъ. Чтобы не упасть, она инстинктивно ухватилась за сестру. Но какимъ образомъ ухватилась и что затѣмъ было, она не помнитъ. Она лишилась чувствъ.

— А кто тебя душилъ во снѣ? спросилъ ее тотъ мужикъ, который совѣтовалъ угостить мертвую Аксинью осиновымъ коломъ.

— Кто жь его знаетъ, что меня душило?

— То-то, кто его знаетъ! Я-то знаю: все проклятая Аксинька!

Мужики начали выгружать изъ возовъ. Татьяна, стоная, помогала имъ, но они отъ нея сторонились какъ отъ зачумленной.

Я въ душѣ гордился, что я, слабый, хилый мальчишка, храбрѣе этихъ здоровяковъ. Я тогда уже убѣдился, что мысль храбрѣе всякой физической силы, но что физическая сила сильнѣе всякой храброй мысли. А изъ этого слѣдуетъ, что истинная храбрость, творящая чудеса, соткана изъ того и другаго вмѣстѣ.

„Евреи—трусы!...“ Это такой фактъ, спорить противъ котораго было бы совершенно напрасно и безполезно. Заикнитесь только однимъ словомъ въ защиту еврейской храбрости, и васъ осыпятъ остроумными и плоскими анекдотами о еврейской баснословной трусости. Это не разъ случалось со мною въ жизни. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одно утро, посѣтило меня нѣсколько русскихъ, хорошихъ моихъ знакомыхъ, принадлежавшихъ къ военному, такъ сказать патентованному на храбрость, элементу. Они зашли ко мнѣ въ кабинетъ, и къ крайнему изумленію, замѣтили

Digitized by Google

хорошую пару пистолетовъ и двухстволку съ принадлежностями. Они знали, что я не занимаюсь перепродажею старыхъ вещей, и не даю денегъ въ ростъ *за умѣренные* проценты, подъ закладъ какого бы то ни было имущества.

— Неужели вы любитель оружія? спросилъ меня одинъ молодой марсъ.

— Да, я люблю оружіе,

— И вы... началъ другой офицерикъ, но заикнулся, покраснѣлъ и замолчалъ.

— Не боитесь пистолета, хотѣли вы спросить? Пожалуйста, не стѣсняйтесь. Храбрость не моя профессія, и притомъ я не обидчивъ.

— Извините, пожалуйста, сказалъ онъ чрезвычайно вѣжливо: — я хотѣлъ сказать, что вы — исключеніе.

— Вы очень любезны.

— Церемоніи въ сторону, прибавилъ развязно третій офицеръ, защищавшій усердно Севастополь, но, по особенному велѣнію судебъ, неполучившій и царапины.—Церемоніи въ сторону. По правдѣ сказать, мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы еврей, самый развитый, не боялся огнестрѣльнаго оружія.

— Почему же это вамъ не вѣрится?

— Не знаю, какъ вамъ это сказать, но трусость еврейская вошла въ пословицу.

— Пословица не фактъ.

— Это правда, но такъ сложилось уже общественное мнѣніе.

— Общественное мнѣніе такой же вѣрный фактъ, какъ и пословица. Если вѣрить общественному мнѣнію, то всякій шпагоносецъ храбръ какъ левъ, а вѣдь, согласитесь, господа, мало ли трусовъ и въ военной средѣ? мало ли такихъ вѣжливыхъ героевъ, которые кланяются всякой пулѣ?

Севастопольскій герой посмотрѣлъ въ окно и похвалилъ погоду.

— Конечно, тутъ не безъ предразсудковъ. Но чрезвычайно интересные анекдоты разсказываются по этому случаю.

— Ахъ! пусть онъ вамъ разскажетъ анекдотъ о „еврейскомъ разбойникѣ“.

— Я охотникъ до всего интереснаго. Пожалуйста, разскажите, попросилъ я его.

— Вы не обидитесь?

— Ни мало.

— Разсказываютъ, что у одного бѣднаго еврея была жена презлющая...

Digitized by Google

— Да. Это часто случается даже съ небѣдными евреями, согласился я.

— Ну, вотъ, взъѣлась она однажды на своего смиреннаго сожителя, зачѣмъ другія жены живутъ въ довольствѣ и роскоши, а она съ дѣтьми чуть ли не дохнетъ съ голода. „Лѣнтяй ты, да и только! кричитъ она на мужа, по мнѣ, хоть разбойничай, да корми семью! Вонъ съ моихъ глазъ!“ И затѣмъ, безъ околичностей, вытолкала мужа за дверь. Долго бродилъ несчастный мужъ по улицамъ, убитый и унылый, думалъ, думалъ, и, конечно, ничего путнаго не выдумалъ. Наконецъ рѣшился: что будетъ, то будетъ, а попытаюсь сдѣлаться разбойникомъ... Вышелъ онъ за городъ, на большую дорогу, спрятался въ лѣсу и сталъ выжидать добычу. Протащился по дорогѣ мужикъ. „Нѣтъ, этого трогать не слѣдъ“, подумалъ еврей, „пожалуй побьетъ, и еще послѣдній кафтанишка сниметъ. Самъ похожъ на разбойника!“ Прошла по дорогѣ баба, навьюченная какими-то узлами. Еврей выглянулъ. „До чужихъ женъ дотрогиваться, да еще до христіанскихъ—грѣшно“, сказалъ онъ самому себѣ. Прокатилъ какой-то франтъ, на перекладной. Еврей опять взглянулъ. „Ну, эту птицу не мѣшало бы маненько пограбить, да жаль, ямщикъ здоровый“. Наконецъ, наступилъ вечеръ и часъ вечерней молитвы. Еврей сталъ усердно молиться. Въ самомъ разгарѣ молитвы, онъ замѣчаетъ, что по дорогѣ, шагомъ, плетется проѣзжій еврей, на изнуренной клячонкѣ. „Ну, наконецъ, этотъ— по моимъ силамъ“, обрадовался дебютирующій головорѣзъ. Но положеніе разбойника было очень критическое: онъ не кончилъ еще молитвы, значитъ, не имѣлъ права ни сойдти съ мѣста, ни заговорить. Онъ началъ махать проѣзжему еврею руками и мычать. Проѣзжій еврей, замѣтивъ молящагося собрата, остановился и терпѣливо ожидалъ. Разбойникъ, окончивъ свою молитву, подбѣжалъ къ проѣзжему, одобряя себя внутренно.

— Добрый вечеръ! обратился онъ къ своей жертвѣ.

— Вечеръ добрый, отвѣтилъ проѣзжій.

— Шолемъ алейхемъ! Разбойникъ протянулъ проѣзжему руку.

— Алейхемъ шолемъ! Проѣзжій пожалъ руку разбойника.

— Откуда Богъ несетъ? спросилъ разбойникъ.

Проѣзжій объяснилъ, откуда, куда и зачѣмъ ѣдетъ.

— Нѣтъ ли у васъ табачку понюхать?

Проѣзжій угостилъ разбойника табачкомъ.

— А знаете ли вы, кто я таковъ есть? вскрикнулъ загробнымъ басомъ разбойникъ.

— Нѣтъ, не знаю; а кто вы такой?

Digitized by Google

Разбойникъ отступилъ на два шага и поднялъ кулакъ.

— Я... я... еврейскій... раз... раз... разбойникъ!! загремѣлъ грабитель.

Проѣзжій, ни живъ ни мертвъ, откинулся назадъ.

— Что же вамъ угодно? спросилъ дрожащимъ голосомъ проѣзжій.

— Подайте мнѣ, ради Бога, завопилъ плаксивнымъ голосомъ еврейскій разбойникъ:—жена... девять человѣкъ дѣтей...

Когда анекдотъ кончился, мои гости покатились со смѣха. Я изъ любезности смѣялся съ ними.

— Анекдотъ недуренъ, сказалъ я:—но онъ доказываетъ только физическую слабость и честность натуры того, который сгоряча взялся не за свое дѣло.

— Я знаю анекдотъ на счетъ еврейской храбрости, вызвался другой офицерикъ.

— Разсказывайте, разсказывайте!

— Какой-то нашъ братъ, офицерикъ-кутило, путешествовалъ по Польшѣ. Въ карманахъ его свободно разгуливалъ сквозной вѣтеръ. Всѣ деньги онъ давно уже пропутешествовалъ, такъ что приходилось проѣдать вещи. Послѣ всякой корчмы его тощій чемоданъ все больше и больше облегчался, а наконецъ, и исчезъ. Дошло до того, что кромѣ дорожнаго платья, у офицера оставались только пистолеты, которыми онъ очень дорожилъ. Въ одной изъ польскихъ корчемъ, гдѣ, по обыкновенію, королевствовалъ ожирѣвшій еврей, офицеру пришлось такъ круто, что онъ, наконецъ, рѣшился попрощаться и съ своимъ любимымъ оружіемъ.

— Шинкарь! денегъ у меня нѣтъ! рѣшительно объявилъ онъ, покручивая усы. — Если хочешь, повѣрь честному слову дворянина...

— Ой вей, какъ мозно? я бѣдный цоловѣкъ!

— Ну, чортъ съ тобою. Вотъ пистолеты. Спрячь ихъ. Проѣду обратно—выкуплю.

— Нехай буде по васему, вельмозный пани! Нате вамъ гвоздь, вбейте въ стѣну и повѣсьте пистоли. Я боюсь ихъ. Бозе сохрани!

Офицеръ повѣсилъ на гвоздь свое оружіе и уѣхалъ. Еврей, впродолженіе нѣсколькихъ дней, привыкъ къ оружію. Увѣрясь, что оно само не стрѣляетъ, онъ часто подходилъ къ нему довольно близко, чтобы любоваться серебряной насѣчкой, но дотрогиваться никакъ не рѣшался. Тѣмъ не менѣе, онъ гордился и своимъ оружіемъ, и своей храбростью. Однажды проѣзжаетъ

Digitized by Google

польскій панъ и заходитъ въ корчму выпить бутылку меда. Панъ удивился висѣвшимъ на стѣнѣ порядочнымъ пистолетамъ. Еврей замѣтилъ это и еще пуще возгордился.

— Эй, жидзе! кричитъ панъ.

Еврей, засунувъ руки за поясъ и шлепая туфлями, расхаживаетъ по комнатѣ, не обращая, повидимому, никакого вниманія на пана.

— Эй! пане арендарже! позвалъ его вѣжливо панъ.

Корчмарь подходитъ, гордо поднявъ голову.

— Я самъ панъ орендаръ, цто пану нузно?

— Чьи это пистолеты?

— Цьи это пистоли? Мои.

— Гдѣ взялъ?

— Гдѣ взялъ? Купилъ.

— А на что они тебѣ? продай мнѣ.

— Продать пану? не хоцу.

— Почему же?

— Поцему? самому нузно.

— Да на что же они тебѣ нужны?

— На цто? А если разбойники придутъ?

Панъ вскакиваетъ внезапно и хватаетъ корчмаря за бороду.

— Я самъ разбойникъ!

— Ну, коли ясновельмозный панъ самъ разбойникъ есть, то возьми себѣ пистоли!..

Опять раздался искренній хохотъ моихъ гостей, но на этотъ разъ я уже не смѣялся вмѣстѣ съ ними.

— Слушайте, господа, сказалъ пожилой капитанъ, довольно серьёзный человѣкъ.—Не знаю, храбры ли евреи или нѣтъ, но что они необыкновенно находчивы, въ этомъ я ручаюсь. Нашъ полкъ въ 18... году стоялъ на квартирахъ въ одной изъ губерній, лежащихъ вблизи отъ австрійской границы. Мѣстность, на которой расположился нашъ полкъ, изобиловала лѣсами и частыми болотами, тянувшимися вплоть до границы. Каждый день дезертировали солдатики, а преслѣдовать бѣглецовъ не было никакой возможности. Въ числѣ арестантовъ, находившихся на гауптвахтѣ, содержался подъ самымъ строгимъ надзоромъ дезертиръ, уличенный въ варварскомъ убійствѣ и грабежѣ. Въ одну ночь онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ караульнымъ, захвативъ съ собою солдатское оружіе и полную амуницію. Мы преслѣдовали бѣглецовъ всѣми возможными средствами, но они какъ будто въ воду канули. Чрезъ мѣсяцъ послѣ побѣга этихъ двухъ арес-

Digitized by Google

тантовъ, случилась слѣдующая исторія. Какому-то купцу, еврею, необходимо было послать срочно пятьсотъ рублей въ одно изъ мѣстечекъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ почтоваго тракта. Онъ договорилъ еврея же водовоза отвезти туда пакетъ съ деньгами. Водовозъ, довольно сильный дѣтина, осѣдлалъ свою клячу, напялилъ на себя нѣсколько курточекъ и вдобавокъ чекмень, и выѣхалъ ночью въ путь. Время было осеннее. Рѣзкій ночной вѣтеръ дулъ прямо въ лицо курьеру, онъ продрогъ, слѣзъ съ лошади, и пошелъ пѣшкомъ, чтобы отогрѣться, ведя лошадь подъ уздцы. При поворотѣ въ небольшой лѣсокъ, по которому пролегала проселочная дорога, вдругъ выскакиваетъ солдатъ въ полной аммуниціи, съ ружьемъ на перевѣсъ, и хватаетъ водовоза за воротъ. Еврей испугался до смерти, тѣмъ болѣе, что дуло ружья прямо зіяло на него.

— Деньги! прогремѣлъ дезертиръ.

— Вотъ всѣ деньги, которыя имѣю, ваше благородіе, прошепталъ еврей, потерявшій голосъ отъ волненія. Еврей вручилъ солдату пакетъ съ деньгами. Тотъ вскрылъ пакетъ, увидѣлъ кредитные билеты, и спряталъ ихъ не считая.

— Сколько тутъ? спросилъ снисходительно разбойникъ.

— Пятьсотъ.

— Маловато. Ну, а больше не имѣешь?

— Ей-богу, ни гроша не имѣю.

— Выворачивай карманы, проклятый жидъ!

Еврей вывернулъ всѣ карманы, а ихъ было не мало: въ чекменѣ два, въ каждой курткѣ по два, не считая панталонныхъ и жилетныхъ.

— Ишь дыръ-то сколько! Скидай шинель!

— Ваше высокоблагородіе...

— Смирно! Ты въ конурѣ спишь, а я на вѣтру. Шинель долой! Дезертиръ шевельнулъ ружьемъ.

— Ваше высокоблагородіе, все отдамъ, только душу оставьте. Жена больная, десять человѣкъ дѣтей, пощадите!

— Все отдашь—не убью! объявилъ разбойникъ.

— Дай вамъ Богъ здоровье, и чины, и эполеты.

Еврей скинулъ шинель и остановился.

— Скидай куртку!

Еврей скинулъ куртку и опять остановился.

— Давай и другой лайбсардакъ, на онучи пригодится.

Еврей, немного привыкшій уже къ своему положенію, пріободрился. Онъ надѣялся на свою силу, и смѣло вступилъ бы въ борьбу съ дезертиромъ, но ружье, проклятое ружье!

Digitized by Google

— Ваше благородіе, если вы ужь такъ милостивы, не убиваете меня, то не заставьте меня замерзнуть въ степи; оставьте мнѣ ужь эти тряпки.

— Ну, чортъ съ тобой, провалдивай! свеликодушничалъ воинъ.

Еврей еще больше ободрился.

— Ваше высокоблагородіе!

— Что тебѣ?

— Деньги эти не мои, меня наняли отвезти ихъ въ мѣстечко N. Вы ихъ взяли, ну и пользуйтесь ими на здоровье. Но спасите же и меня. Я возвращусь назадъ безъ денегъ. Мнѣ вѣдь не повѣрятъ, что служивый ихъ у меня взялъ, а скажутъ, что я все это выдумалъ, а деньги припряталъ; меня посадятъ въ острогъ. Жена и дѣти умрутъ съ голода.

— Ахъ, ты песъ этакій! не прикажешь ли возвратить тебѣ деньги?

— Какъ я смѣю, ваше благородіе, просить деньги?

— Что-жь тебѣ угодно?

— Видите, еслибы ваша милость дали мнѣ росписку, что вы деньги получили, тогда я могъ бы показать начальству, и меня въ острогъ не посадили бы.

Дезертиръ сначала выпучилъ глаза, потомъ захохоталъ.

— Ахъ ты шутъ гороховый! Да я отродясь пера въ руки не бралъ. Росписку ему дай!

Еврей приложилъ руку ко лбу, притворившись, что глубоко раздумываетъ.

— Знаете что, ваше благородіе? сказалъ еврей чрезъ минуту.—Я сниму свой лайбсардакъ, повѣшу его на деревѣ, вотъ тамъ, вы его прострѣлите, будетъ дырка; я покажу по крайней мѣрѣ начальству, что на меня стрѣляли.

— Чортъ съ тобой, повѣсь. Пущу пулю, куда не шла.

Еврей торопливо снялъ другую куртку, повѣсилъ ее на деревѣ, а самъ отошелъ въ сторону и закричалъ:

— Ваше благородіе! постойте, не стрѣляйте. Я зажмурю глаза и заткну уши, чтобы не видѣть огня и не слышать пифъ-пафъ.

Дезертиръ наслаждался трусостью еврея. Чтобы его больше напугать, онъ подбѣжалъ къ трусу и выстрѣлилъ надъ самымъ его ухомъ.

— Ай вай миръ! пискнулъ не своимъ голосомъ еврей. Но въ ту же минуту онъ обхватилъ солдата и стиснулъ его въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ. Онъ повалилъ его, скрутилъ и связалъ поясомъ по рукамъ и ногамъ, взвалилъ на свою клячу, и представилъ въ городъ.

Digitized by Google

Дезертиръ этотъ оказался тотъ самый арестантъ, котораго мы никакъ не могли выслѣдить.

— Умница еврей!

— Молодецъ!

— Господа! сказалъ я:—защищать еврейскую храбрость я не берусь, скажу вамъ только одно: еслибы вы принадлежали къ этой несчастной націи, которую весь міръ одѣлъ въ шутовской кафтанъ, и сдѣлалъ цѣлью своихъ насмѣшекъ, и еслибы вы имѣли такой же интересъ, какъ я, вдуматься въ смыслъ анекдотовъ, вами разсказанныхъ, то вы не сочли бы евреевъ такими отъявленными природными трусами.

Я счелъ, однакожь, лишнимъ развить свою мысль предъ моими военными знакомыми, но въ душѣ не могъ не удивляться слѣпому пристрастію цѣлаго міра, до такой степени враждебнаго изгнанникамъ Іерусалима.

Припоминаю теперь довольно характеристическій случай изъ моей жизни, нелишенный, впрочемъ, интереса и для моихъ читателей. Онъ ясно покажетъ тѣмъ лицамъ, которыя хоть сколько-нибудь интересуются вопросомъ о цѣлой націи, на сколько основательны рутинныя, повальныя мнѣнія, освященныя вѣковою, враждебною нетерпимостью. Я вполнѣ увѣренъ, что если мои записки попадутся въ руки того лица, которое играло первую роль въ разсказываемомъ мною случаѣ, то лицо это будетъ на столько добросовѣстно, чтобы не отрицать истины. Я разсказываю быль, а не анекдотъ для краснаго словца.

Это случилось года четыре тому назадъ, въ половинѣ декабря. Я возвращался изъ Петербурга. Верстъ девяносто или больше за Москвою оканчивалась линія желѣзной дороги. До Харькова, гдѣ я оставилъ свой экипажъ, приходилось доѣхать или на перекладныхъ, или же въ дилижансѣ. Оба средства передвиженія не представляли ничего пріятнаго. На дворѣ стояли уже холода и вьюги. Дорога была ненадежная какъ для покозьевъ, такъ и для колесъ. Я рѣшился изъ двухъ золъ выбрать меньшее, и взять изъ конторы дилижансовъ отдѣльный возокъ, чтобы страдать, по крайней мѣрѣ, на свободѣ. Я обратился къ управляющему конторою.

— Можете ли вы мнѣ дать до Харькова отдѣльный возокъ?

— У насъ, къ сожалѣнію, на лицо только одинъ.

— Я у васъ только одного и прошу.

— Дѣло въ томъ, что пассажиръ, пришедшій за минуту до васъ, заявилъ тоже желаніе на особый возокъ. Хотя онъ еще

Digitized by Google

не договорился, но все-таки, по первенству, онъ имѣетъ преимущество.

— Конечно, согласился я.

— Позвольте васъ спросить, обратился управляющій чрезвычайно вѣжливо къ молодому, очень красивому человѣку въ военной формѣ:—оставляете ли вы за собою возокъ или нѣтъ? Есть желающіе...

— Оставьте за мной! объявилъ офицеръ рѣшительно:—и отправьте меня чрезъ часъ. Я только позавтракаю и—въ путь.

— Вы желаете непремѣнно отдѣльный возокъ? обратился ко мнѣ управляющій.

— Да, я бы васъ покорнѣйше просилъ объ этомъ.

— Къ сожалѣнію, вамъ придется дожидаться цѣлыя сутки, пока возвратятся возки.

— Жаль, да дѣлать нечего. Обожду.

Офицеръ подошелъ.

— Позвольте! обратился онъ ко мнѣ, слегка поклонившись:— куда вы желаете доѣхать?

— До Харькова.

— Я тоже. Не поѣдемъ ли вмѣстѣ? Цѣлый возокъ для одного слишкомъ ужь просторенъ.

— Пожалуй.

Мы вмѣстѣ сѣли за завтракъ, вмѣстѣ потребовали бутылку вина, и познакомились. Офицеръ, съ особой гордостью, объявилъ себя княземъ Н., состоящимъ на службѣ гдѣ-то въ Лифляндіи и ѣдущимъ въ Е., чтобы провести рождественскіе праздники у родителей, живущихъ въ имѣніи, Е... губерніи. Мой титулъ, по его незвучности, я счелъ лишнимъ объявлять; я назвалъ ему только мою фамилію. Тѣмъ не менѣе, князь любезно пожалъ мою руку. Я имѣю предубѣжденіе противъ тѣхъ, которые, кстати и некстати, хвастаютъ своими громкими отцовскими титулами; но этотъ молодой князекъ своимъ красивымъ, открытымъ, нѣсколько женственнымъ лицомъ, мнѣ съ перваго взгляда очень понравился. Я, однакожь, далъ себѣ слово вести себя съ нимъ въ пути какъ можно сдержаннѣе.

Сначала, я и мой спутникъ ограничивались одними вѣжливостями. Но заключенные въ одной клѣткѣ сутокъ на четыре или на пять, мы отъ скуки дѣлались съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе сообщительны, особенно юный князь, который любилъ-таки поболтать. Русскія почтовыя дороги чрезвычайно способствуютъ скорому сближенію пассажировъ между собою: часто приходишь съ своимъ сосѣдомъ въ соприкосновеніе и даже въ

Digitized by Google

столкновеніе, то боками, то лбами. Падая и толкая другъ друга на каждомъ ухабѣ, мы сначала извинялись одинъ предъ другимъ, а потомъ начали смѣяться и разговорились о всякой всячинѣ. Между этой всячиной теченіе идей наводило нашу мысль и на довольно серьёзные предметы.

Мы остановились въ Курскѣ пообѣдать. Въ общей залѣ, кромѣ насъ, обѣдало за сосѣднимъ столомъ нѣсколько пассажировъ, ѣхавшихъ въ Москву. Пассажиры эти разсуждали между собою о непріятномъ приключеніи, случившемся съ ними ночью: дилижансъ опрокинулся и нѣкоторые изъ нихъ порядкомъ ушиблись. Какъ водится, ругали содержателей дилижансоваго сообщенія и порицали непростительную грубость и небрежность кондукторовъ. Между порицателями и недовольными болѣе всѣхъ пѣтушился какой-то франтъ. По акценту, оборотамъ рѣчи и нѣкоторымъ манерамъ нельзя было не узнать сразу его іерусалимскаго происхожденія. Его хвастливыя угрозы и комичныя выраженія заставляли меня подергиваться пренепріятнымъ образомъ. Я уткнулъ голову въ тарелку, притворясь неслушающимъ его и незамѣчающимъ насмѣшливыхъ и презрительныхъ взглядовъ, бросаемыхъ ежеминутно княземъ на кричащаго еврея.

— Каковъ гусь? обратился ко мнѣ шопотомъ князь къ концу обѣда, указывая глазами на франта.

— Жаркое — неудачное, отвѣтилъ я съ притворною наивностью, посмотрѣвъ на остатки гусинаго жесткаго жаркаго, неприбраннаго еще со стола. Спутникъ мой искренно засмѣялся.

Въ дорогѣ князь, неожиданно засмѣявшись, обратился ко мнѣ:

— Что вы котѣли сказать вашимъ отвѣтомъ на мой вопросъ во время обѣда: „каковъ гусь“?

— Вы спросили мое мнѣніе о поданномъ намъ гусѣ, я отвѣтилъ, что жаркое—очень неудачно. Я, право, не понимаю, какъ вы успѣли управиться со своей порціей?

— Ха, ха, ха! я обратилъ ваше вниманіе не на жаренаго гуся, а на живого.

— На какого живого?

— Видно, вы усердно трудились надъ своей порціей, если не замѣтили за сосѣднимъ столомъ франта-жида, презабавно гримасничавшаго и храбрившагося.

— Я ничего не замѣтилъ.

— Жаль, преумѣрительная птица. Что за народъ!

— Кто?

Digitized by Google

— Жиды.

— А что?

— Пренепріятные, прескверные люди.

— Да, говорятъ.

— Какъ говорятъ? неужели вы лично никогда не сталкивались съ ними?

— Хранилъ Богъ какъ-то.

— Завидна ваша участь!

— А вы?

— О, меня они надували, по крайней мѣрѣ, сто разъ.

— На чемъ же?

— Мало ли на чемъ? и на товарахъ, и на займахъ, и даже на клубничкѣ.

— Благоразумный человѣкъ не долженъ себя давать въ обманъ болѣе двухъ разъ.

— Обстоятельства заставляютъ иногда; что̀ прикажете дѣлать?

— Напримѣръ?

— Ну, проиграешься, прокутишься, денегъ ни гроша, куда обратиться прикажете? Конечно, къ жиду. Ну, и лупитъ жидъ, что есть мочи.

— Изволите видѣть: жидъ считаетъ проигравшагося или прокутившагося человѣка не слишкомъ надежнымъ плательщикомъ. Онъ разсчитываетъ, что изъ трехъ подобныхъ должниковъ уплатитъ, можетъ быть, только одинъ, а потому и требуетъ, чтобы этотъ одинъ заплатилъ за троихъ.

— А между тѣмъ платятъ всѣ трое.

— А иногда не платитъ и ни одинъ. Шансы ровные.

— Но какъ же заниматься подобнымъ ремесломъ?

— Конечно, не похвально. Но въ томъ обществѣ, гдѣ люди проигрываются и прокучиваются, должны, по натуральному ходу вещей, явиться и подобные ростовщики: иначе нельзя было бы отыграться, и нельзя было бы протереть глаза наслѣдственнымъ денежкамъ преждевременно.

Князь улыбнулся.

— Но почему именно жиды избрали себѣ это гнусное ремесло?

— Ну, съ этимъ я не согласенъ. Въ столицахъ вы встрѣтите десятки ростовщиковъ чисто россійскаго происхожденія, которые еще почище жидовъ будутъ.

— Нѣтъ, что ни говорите, а такой падкой на деньги націи, какъ еврейская, и въ мірѣ нѣтъ. Въ деньгахъ концентрирова-

Digitized by Google

ны всѣ ихъ помыслы, всѣ ихъ страсти, всѣ ихъ стремленія. Степени аристократизма у нихъ опредѣляются количествомъ рублей. Тысяча — первый чинъ, десять тысячъ — второй, а сто тысячъ—чуть ли не генералъ у нихъ.

Князь засмѣялся надъ собственной остротой.

— Да вѣдь у нихъ, кажется, другихъ генеральскихъ чиновъ и быть не можетъ?

— Пустяки, это лѣнтяи, шахеръ-махеры и...

— Трусы?

— Ну, о трусости и говорить нечего. Я въ Польшѣ одного фактора такъ перепугалъ холостымъ зарядомъ, что онъ, кажется, и ремесло свое бросилъ.

— Неужели вся еврейская нація состоитъ изъ однихъ только факторовъ?

— Почти. Знаете-ли, что жидъ во фракѣ гораздо вреднѣе, чѣмъ жидъ въ капотѣ?

— Почему такъ?

— Этотъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ свое мѣсто, а тотъ еще раздувается какъ царь лягушекъ и чортъ ему не братъ.

— Можетъ быть, потому, что онъ уже сознаетъ свое человѣческое достоинство?

— Какое тамъ достоинство, и какое тамъ человѣческое! У нихъ нѣтъ ни достоинства, ни сердца человѣческаго. Умирай предъ глазами жида десять человѣкъ — онъ ихъ не спасетъ, если для этого потребуется хоть одинъ рубль.

— Такую характеристику я въ первый разъ слышу; мнѣ говорили наоборотъ, что жиды — мягкосердны и сострадательны, какъ вообще всѣ робкіе люди.

— Не вѣрьте ничему хорошему, что о нихъ говорятъ. Мнѣ, напримѣръ, говорили, что жидовки очень нравственны.

— И что-жь?

— И это ложь. Я неоднократно убѣждался въ этомъ собственнымъ опытомъ.

— Неужели же вы унизились, князь, до того, чтобы бывать въ еврейскихъ обществахъ?

— Сохрани Богъ!

— Но гдѣ же и какъ вы пожинали лавры своихъ амурныхъ побѣдъ?

— Знаете ли, что въ Польшѣ вообще, а въ Бердичевѣ въ особенности, ко мнѣ приходили съ визитами жены и дочери самыхъ богатыхъ, почетныхъ въ своей средѣ жидковъ?

— Какъ же вы знакомились съ ними?

Digitized by Google

— Чрезъ посредниковъ и посредницъ.

— А не надували ли васъ эти благородные дѣятели?

— Нѣтъ! Въ этомъ отношеніи факторы добросовѣстны.

— А! По крайней мѣрѣ хоть въ одномъ.

Я притворился уснувшимъ, чтобы прекратить этотъ непріятный разговоръ.

Въ Харьковѣ я долженъ былъ по одному дѣлу простоять нѣсколько дней. Князь долженъ былъ уѣхать на перекладныхъ. Не знаю, понравился ли я на самомъ дѣлѣ моему спутнику, или же онъ предпочелъ доѣхать со мною до Е. въ спокойномъ экипажѣ, чѣмъ трястись на почтовой тележкѣ, но онъ остался въ Харьковѣ и терпѣливо дожидался меня. Мы выѣхали ночью. Часовъ въ шесть утра мы остановились на станціи напиться чаю. Впродолженіе всего пути князь занимался нашимъ общимъ хозяйствомъ и разливалъ чай. Самоваръ давно ужь былъ поданъ и нетерпѣливо шипѣлъ на столѣ, а князь, озабоченный и блѣдный, то выбѣгалъ на дворъ, то вбѣгалъ въ комнату, не замѣчая ни меня, ни самовара.

— Что съ вами, князь? Вы нездоровы?

— Еще хуже этого.

— Что-жь съ вами случилось?

— Представьте ужасъ моего положенія, я потерялъ свой бумажникъ. Не знаю, въ Харьковѣ ли я его уронилъ, или въ пути, ночью, когда я не однажды выходилъ изъ экипажа.

— Развѣ въ бумажникѣ была крупная сумма?

— Сумма, положимъ, не крупная, да вѣдь я остался безъ гроша.

— Цѣль вашего путешествія—близка. Со мной вѣдь доѣдете. Перестаньте же суетиться, да будемъ чаевать.

— Воображаю, какъ былъ бы я хорошъ, еслибы я ѣхалъ одинъ и еслибы случилась со мною подобная исторія. Всю дорогу вы разсчитывались за обоихъ, я на послѣдней станціи предъ Е. думалъ разсчитаться съ вами. Вотъ и разсчитался.

— Все равно. Пожалуйста, не безпокойтесь.

Подъѣхавъ къ переправѣ чрезъ Днѣпръ, мы узнали отъ паромщиковъ, что переправиться нѣтъ никакой возможности: рѣка не стала еще, вѣтеръ сильно бушевалъ, а по рѣкѣ неслись цѣлыя ледяныя горы.

— Что дѣлать? спросилъ князь.

— Переправиться.

— Но какъ?

— Паромомъ.

Digitized by Google

— Да вѣдь опасно?

— Опасность эта устраняется десятью рублями.

— Какъ такъ?

Я обратился къ лоцманамъ и посулилъ имъ за немедленную переправу красненькую. Лоцмана долго не рѣшались, но деньги одолѣли.

— Перевеземъ, что Богъ дастъ! объявили они, почесывая затылки.

— А опасно очень? спросилъ дрожащимъ голосомъ князь.

— Нешто не видите, ваше благородіе, какіе звѣри по рѣкѣ разгуливаютъ? отвѣтилъ атаманъ.

— А бываютъ несчастные случаи? спросилъ князь.

— Какъ не бываютъ!

— Ну, и что-жь можетъ случиться?

— Мало ли что,—всяко случается! Этакъ тебя толкнетъ—ну, и паромъ пополамъ. Все бываетъ, ваше благородіе!

— Я не переправлюсь, рѣшительно объявилъ князь.

— Въ такомъ случаѣ, здорово оставаться, князь!

— Неужели вы рѣшаетесь подвергнуться такой опасности?

— Какъ видите.

— Неужели вы не боитесь?

— Ни мало.

— Почему же?

— Потому что опасность является большею частью тамъ, гдѣ наименьше ее ожидаешь. Тутъ мы ее ожидаемъ, слѣдовательно она не явится.

— Съ вашей теоріей я не согласенъ.

— На войнѣ вы бывали, князь?

— Это другое дѣло, тамъ необходимость заставляетъ: не показать же себя трусомъ!

— Ружья и пистолеты иногда взрываются, а между тѣмъ вы стрѣляете же безъ боязни?

— Къ этому я привыкъ.

— Такъ вы *струсили*, князь? спросилъ я моего спутника не безъ ироніи.

Онъ прошелся по песчаному берегу раза два, и остановился возлѣ меня.

— Переправляюсь съ вами, объявилъ онъ мнѣ, стараясь улыбнуться, но ему это удалось только въ половину.

— Очень радъ.

— Но знаете, почему я измѣнилъ свое намѣреніе?

— Нѣтъ, не знаю.

Digitized by Google

— Я вспомнилъ, что я вашъ должникъ.

— Пустяки, я въ Е. остаюсь нѣсколько дней. Успѣете еще поквитаться.

— У меня гроша денегъ нѣтъ; какъ тутъ оставаться?

— Я вамъ оставлю денегъ. Сколько вамъ нужно?

Князь опять прошелся нѣсколько разъ по берегу, и опять остановился возлѣ меня.

— Переправляюсь съ вами! рѣшилъ онъ.

Паромъ нашъ двинулся на лоцманскихъ баграхъ. Сначала все шло хорошо, но въ серединѣ рѣки, гдѣ теченіе было самое бѣшеное, начали налетать на насъ громадныя льдины, угощавшія нашъ ковчегъ такими неистовыми толчками, что паромъ дрожалъ, скрипѣлъ и стоналъ самымъ роковымъ образомъ. Лоцманы суетились и крестились. Наконецъ, насъ затерло льдинами. Паромъ, увлекаемый силою теченія и окруженный цѣлыми горами льда, устремился внизъ по теченію съ ужасной быстротою. Въ довершеніе бѣды, въ догонку за нами налетала новая ледяная гора, которая должна была неминуемо настичь насъ и обрушиться на нашъ паромъ всей своей тяжестью. Лоцмана опустили руки, и съ явнымъ ужасомъ на лицѣ ожидали крушенія. Я самъ въ этомъ не сомнѣвался. Я быстро сбросилъ съ себя тяжелую шубу и мѣховые сапоги и ухватился за канатъ, имѣя въ виду не пойти сразу ко дну, и держаться на поверхности до послѣдней возможности.

— Князь, послѣдуйте моему примѣру! крикнулъ я, не смотря въ ту сторону, гдѣ находился князь.

Отвѣта не послѣдовало. Я оглянулся. Мой храбрый князь, съ лицомъ, искаженнымъ ужасомъ, блѣдный какъ мертвецъ, ломалъ себѣ руки отъ отчаянія, а крупныя слезы катились по лицу.

— Князь, крикнулъ я еще громче:—сбросьте шубу, идите ко мнѣ, и сильно держитесь за канатъ. Ручаюсь вамъ, что во всякомъ случаѣ, ко дну не пойдемъ. Если паромъ разобьетъ, то будемъ плавать на одной изъ его частей, пока подадутъ намъ помощь съ другого берега. Идите же, не пугайтесь и не теряйте времени.

Но князь меня не слышалъ. Обезумѣвшій отъ страха, онъ сначала молчалъ, но какъ только гора льда, гнавшаяся за нами, была отъ насъ на нѣсколько шаговъ и заслонила собою одну сторону горизонта и видѣвшагося города, онъ окончательно помѣшался.

— Назадъ! назадъ! караулъ! спасайте! закричалъ онъ какимъ-то дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ.

Digitized by Google

Вся тревога оказалась напрасною. Гора обрушилась, паромъ нашъ дрогнулъ, нагнулся на бокъ, зачерпнулъ воды, но уцѣлѣлъ. Толчокъ былъ сильный. Всѣ находившіеся на паромѣ устояли, однакожъ, на ногахъ; упалъ одинъ только князь. Главная опасность миновалась. Лоцмана ободрились, принялись энергично за дѣло, и чрезъ четверть часа мы достигли другого берега. Князя, лежавшаго безъ сознанія, мы общими силами привели въ чувство. Пріѣхавъ въ гостиницу, я напоилъ трусливаго спутника моего чаемъ, и когда онъ пришелъ совсѣмъ въ нормальное состояніе, я послалъ за дрожками, чтобы отправить его къ роднымъ, ожидавшимъ его въ городѣ.

— Большое спасибо вамъ, любезный спутникъ, за дружескую заботу вашу обо мнѣ. Я никогда вамъ этого не забуду.

— Вы, какъ видно, очень боитесь воды, князь?

— Да, отъ непривычки.

— Всякая *трусость* вытекаетъ отъ непривычки, князь.

Отъ слова „трусость", произнесеннаго мною съ особеннымъ удареніемъ, его покоробило. Онъ покраснѣлъ.

— Я удивлялся вашей твердости, сказалъ онъ мнѣ.

— Моя твердость есть слѣдствіе той теоріи, съ которой вы не соглашались, князь: ожидаемая опасность менѣе опасна, чѣмъ внезапная. По крайней мѣрѣ, приготовляешься къ отраженію ея.

— А все-таки рискуешь жизнью.

— Жизнь такая штука, надъ которой дрожать не стоитъ. Во всякомъ случаѣ, или она уже потеряна, или ее скоро потеряешь.

Князь съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня. Нумерной доложилъ, что извощикъ ждетъ. Князь собралъ свои вещи и уѣхалъ, обѣщаясь заѣхать ко мнѣ на другое утро для окончанія разсчетовъ.

Я собрался уже лечь и запереть дверь, какъ ко мнѣ въ нумеръ торопливо и сильно постучались. Я отворилъ. Вбѣжалъ князь, сконфуженный и блѣдный.

— Что съ вами, князь?

— Ну, фатальна же моя поѣздка!

— Что такое?

— Представьте вы себѣ, отецъ и мать ожидали меня здѣсь до вчерашняго дня. Видя, что я не пріѣзжаю и не телеграфирую, когда пріѣду, они возвратились въ имѣніе.

— Ну, что за бѣда, поѣзжайте туда одни.

— Да вѣдь я съ вами не разсчитался, и доѣхать-то до имѣнія, какъ вамъ извѣстно, нечѣмъ.

Digitized by Google

— Какъ вы, однакожъ, озабочены такой мелочью!

— Что за мелочь? Безъ денегъ просто погибать приходится.

— Сколько мнѣ причтется, вы мнѣ пришлете по адресу, а для дороги берите сколько нужно.

Я подалъ ему свой бумажникъ.

— Мнѣ, право, совѣстно.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь такими пустяками.

Онъ взялъ.

— Позвольте мнѣ вашъ адресъ.

Я написалъ ему карандашемъ на клочкѣ бумаги свое имя, отчество, фамилію и городъ, гдѣ я постоянно живу. Онъ долго вертѣлъ въ рукѣ бумажку, желая, но не рѣшаясь, меня о чемъ-то спросить. Наконецъ, онъ обратился ко мнѣ.

— Я всегда сохраню о васъ самое пріятное воспоминаніе, но я имѣю до васъ еще просьбу, которую, надѣюсь, вы не найдете нескромною.

— Какую просьбу, князь?

— Въ адресѣ вашемъ не обозначенъ чинъ, званіе, или титулъ если хотите. Мнѣ хотѣлось бы имѣть вашъ цѣльный адресъ безъ недомолвокъ.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ, князь. Мой чинъ — стотысячный.

— Вы шутите...

— Позвольте, князь, не перебивайте меня. Мой чинъ—стотысячный... мое званіе—купецъ или шахеръ-махеръ... Мой титулъ—жидъ!

Князь покраснѣлъ до ушей.

— Я, право, не нахожу выраженій, какъ извиниться предъ вами за мою глупѣйшую болтовню. Даю вамъ честное слово, что отнынѣ я измѣняю свое мнѣніе.

— О жидахъ, князь?

— О евреяхъ.

Онъ обнялъ меня, пожалъ мою руку и ушелъ. Чрезъ нѣкоторое время я получилъ отъ него самое дружеское письмо, полное искренности. О деньгахъ и говорить нечего: онъ ихъ прислалъ съ первою почтою.

Человѣкъ, прежде всего—животное привычки; его можно пріучить къ трусости и къ храбрости. Все дѣло въ воспитаніи и навыкѣ. Дайте человѣку въ руки съ ранняго дѣтства огнестрѣльное оружіе, пріучите его владѣть имъ и обращаться, и онъ его бояться не будетъ: человѣкъ боится только того, что ему незнакомо, что онъ не понимаетъ, но знаетъ, что оно можетъ ему повредить, что оно

Digitized by Google

угрожаетъ опасностью его жизни. Вы встрѣтите много записныхъ храбрецовъ, пугающихся чорта, именно потому, что они вѣрятъ въ его существованіе, а между тѣмъ не встрѣчали его лицомъ къ лицу, не узнали его свойствъ и его ахиллесовой пятки. Какъ бороться съ незнакомой силой? Подведите самаго храбраго мужика къ громоотводу, объясните ему, что самъ изобрѣтатель, не зная, какъ съ нимъ обращаться, былъ пораженъ на смерть электричествомъ, и посмотрите, струситъ ли мужикъ предъ этой незнакомой ему силой, или нѣтъ? Что̀ удивительнаго послѣ этого, если еврей, недотрогивавшійся во всю свою жизнь до пистолета, незнающій его механизма, а между тѣмъ увѣренный, что это—орудіе смерти, пугается при одномъ видѣ этой незнакомой, пагубной силы? Если что-нибудь достойно осмѣянія, то это не мнимая, природная трусость евреевъ, а глупое, несообразное воспитаніе. Трусость евреевъ, трусость привитая, а не природная, проистекаетъ еще и отъ другихъ причинъ: евреевъ душили, евреевъ угнетали, на нихъ охотились, какъ на зайцевъ, и кто же? масса, въ тысячу кратъ сильнѣйшая и многочисленнѣйшая, покровительствуемая сверхъ того мнимымъ законнымъ и религіознымъ правомъ. Какъ тутъ храбриться? Можно ли назвать тигра трусомъ за то, что онъ бѣжитъ отъ удава? Онъ бѣжитъ отъ силы, превосходящей его силы, и умно дѣлаетъ. Самые умные, добросовѣстные люди, относительно евреевъ, дѣлаются непослѣдовательными въ своихъ сужденіяхъ. Они говорятъ: евреи — трусы. Евреи цѣнятъ деньги выше своей жизни. Евреи—самые отчаянные спекуляторы и аферисты. Если евреи ставятъ деньги выше жизни, если они эти деньги пускаютъ въ рискованныя спекуляціи, нерѣдко лопающіяся, то евреи уже не трусы. Дайте еврею другое, болѣе разумное и здоровое воспитаніе, развейте его мускулы и мышцы физическими упражненіями, кормите его питательной пищей, дайте ему чистаго воздуха вдоволь, и не мучьте его дѣтскую голову сухими, безполезными предметами талмуда,— и, конечно, изъ него выйдетъ и здоровый работникъ, и смѣлый воинъ, и славный боксеръ.

Прошу извиненія. Я увлекся. Я люблю свою націю при всѣхъ ея недостаткахъ. Люблю я ее еще больше потому, что въ этихъ недостаткахъ виновата собственно не она, а тотъ жестокій рокъ, который ее преслѣдовалъ и преслѣдуетъ понынѣ; та среда, которая не желаетъ ее радикально перевоспитать, чтобы не лишиться забавнаго, безвозмезднаго шута; то еврейское духовенство, которое для своихъ матеріальныхъ интересовъ и мелкаго честолюбія изуродовало, исковеркало своимъ вреднымъ вліяніемъ

Digitized by Google

тѣхъ, которые ему смѣло ввѣрились; виноваты тѣ вліятельные, денежные, еврейскіе мѣшки, которые, обладая мильйонами, не перестаютъ суетиться до гроба объ умноженіи своихъ мильйоновъ, упуская изъ вида несчастныхъ, нравственно изувѣченныхъ своихъ собратьевъ, которыхъ направить на прямой путь разумной жизни вовсе не такъ трудно, какъ кажется.

Трудно только любить своего ближняго и заботиться о его благѣ.

Г. Богровъ.

Digitized by Google

УНИТАРИЗМЪ И ФЕДЕРАЛИЗМЪ.

(Proudhon. Théorie du mouvement constitutionnel au XIX siècle).

Революція 1789 г., наполеоновскія войны и вѣнскій конгрессъ открыли въ Европѣ новый фазисъ политическаго развитія,—фазисъ конституціонный. Вопросъ о конституціи—это тотъ пунктъ, около котораго вращается политическая исторія Европы въ XIX столѣтіи. Этотъ вопросъ поднимается непрерывно то во Франціи, то въ Испаніи, то въ Италіи, то въ Австріи, то въ Пруссіи и т. д. Но, не говоря уже о тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ конституціонный вопросъ прорывается въ своей прямой и непосредственной формѣ, во все продолженіе XIX ст. не было въ Европѣ ни одного болѣе или менѣе крупнаго событія, на которомъ бы не отразилось его дѣйствіе, которое не было бы съ нимъ связано, хотя и косвеннымъ, но тѣмъ не менѣе самымъ существеннымъ образомъ. Всѣ войны, которыя поднимались въ Европѣ изъ-за причинъ, повидимому, совершенно постороннихъ, въ существѣ дѣла—войны конституціонныя. Наполеонъ III поднялъ крымскую войну ради утвержденія конституціи, выросшей изъ государственнаго переворота. Мексиканская экспедиція снаряжена была ради того, чтобы противопоставить императорскую конституцію Франціи республиканской и демократической конституціи Соединенныхъ Штатовъ. А только что пережитая война франко-прусская? Со стороны Франціи, она есть прямое слѣдствіе того положенія, въ которомъ очутилась императорская конституція послѣ выборовъ 1869 г. Эта война только ускорила паденіе того порядка вещей, ради поддержанія котораго ее подняли, и поставила вопросъ о новой конституціи. Со стороны же Германіи... Здѣсь вопросъ оказывается болѣе сложнымъ, въ силу стремленія нѣмцевъ къ національному объединенію. Но тѣмъ не менѣе, конституціонный характеръ тѣхъ войнъ, въ которыя ударилась Пруссія и въ которыя увлекла за собой всю Германію, обнаруживается совершенно ясно. Почему война австро-

Digitized by Google

прусская возникла въ тотъ самый моментъ, когда вопросъ о конституціи въ Пруссіи достигъ высшей степени напряженія въ борьбѣ между палатой и министерствомъ? Кто поднялъ шлезвигъ-голштинскій вопросъ? Наконецъ, что̀ такое единство Германіи, если это не вопросъ о конституціи цѣлой Германіи? Стремленія нѣмцевъ къ національному объединенію вопроса не рѣшаютъ, а только ставятъ его. Въ Германіи, въ особенности теперь, когда война вызвала къ жизни всѣ заснувшіе-было средневѣковые инстинкты, не мало есть, конечно, такихъ ретроградныхъ мечтателей, которые подъ „единствомъ" разумѣютъ не какую либо новую конституцію, а просто возстановленіе средневѣковой германской имперіи. Но средневѣковая имперія существовала съ цѣлой сѣтью аттрибутовъ, которые давнымъ давно утратили свое существованіе. Прежде, нежели возстановить ее, нужно уничтожить современныя промышленныя стремленія и наклонности, желѣзныя дороги, телеграфы и каналы, а на мѣсто ихъ воздвигнуть средневѣковые германскіе лѣса, феодальныхъ бароновъ и князей. Можно возстановить пустую форму германской имперіи, но жизни въ ней уже не будетъ никогда. Германское населеніе, пришедшее въ состояніе такого сильнаго возбужденія подъ вліяніемъ идеи національнаго единства, идеи, служившей доселѣ знаменемъ революціи, жаждало, очевидно, не средневѣковой ветоши, а чего-то инаго, что̀, по крайней мѣрѣ, хоть сколько нибудь гармонировало бы съ современными потребностями и условіями общественной жизни. Вотъ что̀ нѣсколько лѣтъ тому назадъ писалъ Прудонъ по поводу датской войны: „Шесть недѣль тому назадъ, по поводу какого-то трактата между Даніей и Германскимъ Союзомъ, Европа едва не была вовлечена во всеобщую войну. Шесть великихъ державъ:—Англія, Франція, Россія, Австрія, Пруссія, Швеція, подписавшія упомянутый трактатъ, сами, казалось, дипломатическими тонкостями подвели эту мину. Европейское равновѣсіе, принципъ національностей, естественныя границы, династическое право, феодальное право, конституціи, автономіи и пр.—все это такъ смѣшалось и перепуталось, что̀, послѣ двадцатилѣтняго писанія протоколовъ, Пруссія и Австрія, съ тѣмъ философскимъ умомъ, который отличаетъ нѣмцевъ, разсудили, что только сабля можетъ рѣшить дѣло. Благодаря ей, если немного и погорячились, дѣло окончилось все-таки какъ приличествуетъ націямъ образованнымъ и которыя другъ друга уважаютъ. Такъ, гдѣ политика оказалась безсильной, сила рѣшила дѣло. Пушки прогремѣли, кровь пролилась, чѣсть удовлетворена. Датчане и германцы храбро сражались при Идштедтѣ, Оверзе, на Даневиркѣ:

Digitized by Google

французы, повѣсьтесь, васъ тамъ не было... Теперь рѣшено, что Шлезвигъ-Голштейнъ, кто бы ни былъ его государь — датчанинъ, пруссакъ или туземецъ, будетъ составлять часть германской федераціи. Теперь ясно, что самая природа вещей того требовала, что исторія со временъ Карла Великаго стремилась къ тому, что потребности народовъ вызывали этотъ фактъ, что даже сама Данія не слишкомъ ему противилась: мѣшали разныя усложненія — феодальныя, да меркантильныя привиллегіи. Дай Богъ, чтобы не нашлось болѣе ни императора, ни конгресса, ни Донъ-Кихотовъ, которые вздумали бы разъединить то, что̀ Провидѣнію угодно было соединить!...".

Въ сущности, что̀ означаетъ это датско-германское столкновеніе? Смыслъ его заключается въ томъ, что, вопреки трактатамъ вестфальскимъ, трактатамъ 1815 г., Европа не организована, что она *ищетъ свою конституцію*; государства, изъ которыхъ она состоитъ, и которыя, съ 1815 г., начали свои конституціонные дебюты, сами находятся въ переходномъ состояніи. Германія ищетъ свою федерацію: *горе міру, если она ударится въ унитарную систему!* [1] Пруссія бьется между своей демократіей и династіей; Австрія осторожно подвигается по пути въ одно и то же время императорскому и федеральному; Италія до смерти жаждетъ соединенія своихъ провинцій; Бельгія, въ результатѣ своего парламентаризма, проклинаетъ клерикаловъ и либераловъ, и стремится къ своимъ древнимъ общиннымъ учрежденіямъ; Россія едва родилась для свободы и порядка; Англія имѣетъ здоровый видъ до тѣхъ поръ, пока она эксплуатируетъ вселенную; но измѣните экономическія условія ея существованія, и весь ея политическій строй провалится. Что касается до насъ, французовъ, двинувшихся далѣе всѣхъ, то мы въ полнѣйшемъ разложеніи. Что же мудренаго послѣ всего этого, что то Венгрія, то Польша, то Италія, то Голштейнъ, то восточный вопросъ, то папа, то іюльская революція, то февральская внезапно потрясаютъ міръ? (Théorie du mouvement constitutionnel au XIX siècle).

Изо всѣхъ европейскихъ государствъ, Франція достигла высшей степени конституціоннаго развитія. Вся ея исторія въ XIX столѣтіи есть не что иное, какъ рядъ послѣдовательной смѣны конституцій. Въ одномъ изъ посмертныхъ своихъ сочиненій: „Теорія конституціоннаго движенія въ XIX ст.", Прудонъ собирался изслѣдовать законы и построить теорію этого движенія, осуще-

[1] Эти слова Прудона, исполненныя глубокаго пониманія человѣческихъ дѣлъ и учрежденій, какъ всѣмъ теперь извѣстно, оправдались.

Digitized by Google

ствленіе котораго представляетъ собою Франція, но признаки котораго обнаруживаютъ и всѣ остальныя европейскія государства. Сочиненіе это осталось далеко неоконченнымъ, но высказанное имъ, само по себѣ, независимо отъ цѣли всего сочиненія, проливаетъ обильный свѣтъ на конституціонную исторію Франціи и на тѣ событія, сценою которыхъ она теперь сдѣлалась. Никто никогда не умѣлъ такъ быстро и вѣрно оцѣнивать текущія ежедневно общественныя событія, какъ Прудонъ. Характеристическая черта его, какъ писателя, заключается въ томъ, что, живя постоянно душою и тѣломъ въ самомъ водоворотѣ политической жизни, отзываясь на каждое событіе, какъ живой человѣкъ и горячій публицистъ, онъ, въ то же время, никогда не переставалъ быть философомъ. Какъ бы живо ни затрогивало его какое либо событіе, онъ никогда не выпускалъ изъ виду его историческаго смысла и значенія. Поэтому, всѣ его сочиненія, представляя публицистическій характеръ по формѣ изложенія, горячности и одушевленію слога, въ то же время имѣютъ высокія научныя достоинства. Всѣ они представляютъ философію современной общественной и политической жизни во Франціи. Упрекъ, который ему обыкновенно дѣлаютъ, заключается въ томъ, что онъ очень часто облекаетъ свои аргументы въ формы гегелевской діалектики. Но эти формы до такой степени неопредѣленны и растяжимы, что въ нихъ можно вложить какое угодно содержаніе. Принципъ идеальной философіи состоитъ въ томъ, что человѣкъ ставитъ мѣриломъ вселенной свой собственный разумъ, познаетъ внѣшній міръ не путемъ наблюденія и опыта, а путемъ развитія своихъ собственныхъ идей. Этотъ принципъ, самъ по себѣ ложный, можетъ привести человѣка къ выводамъ самымъ нелѣпымъ, которыхъ достигъ, напримѣръ, Гегель. Но въ то же время, онъ можетъ остаться безо всякаго вліянія на строгость ихъ и научный характеръ. Въ томъ случаѣ, если человѣкъ обладаетъ достаточно обширными фактическими свѣдѣніями, если онъ, при этомъ, обладаетъ геніальною способностью анализа, субъективное развитіе его собственныхъ идей будетъ непремѣнно совпадать съ самымъ строгимъ, научнымъ анализомъ явленій. По своему міросозерцанію, Прудонъ принадлежитъ къ школѣ идеалистовъ; но, въ своихъ выводахъ, онъ повсюду является самымъ строгимъ, положительнымъ мыслителемъ. Сочиненіе, о которомъ мы говоримъ, было начато по поводу тѣхъ конституціонныхъ измѣненій, которыя стала претерпѣвать Франція послѣ ноябрьскихъ декретовъ 1860 г. Декреты эти возвращали законодательному корпусу долю парламентской свободы — право обсуждать и вотировать адресъ, и послужили

Digitized by Google

первымъ шагомъ къ повороту отъ императорскаго самовластія къ режиму парламентскому временъ Луи-Филиппа. „Никогда еще,—говоритъ французскій издатель этой книги,—Прудонъ не проникалъ въ будущее взглядомъ столь проницательнымъ и вѣрнымъ. Онъ предвидѣлъ то, что̀ теперь осуществляется: новое прославленіе золотой середины, Францію 1848 г. и 2-го декабря, отрекающуюся отъ самой себя, и привѣтствующую Францію іюльскую; возвратъ къ учрежденіямъ 1830 г., къ доктринерскому режиму, къ людямъ улицы Пуатье...“ и т. д. На самомъ дѣлѣ, въ январѣ 1870 г. императорская автократія уже исчезла и на мѣстѣ ея стояла парламентская имперія. Но дни этой имперіи, какой бы обликъ она ни принимала, были уже сочтены. Внезапный военный погромъ положилъ конецъ этой комедіи конституціоннаго переодѣванья и обнаружилъ, что Франція — это не автократія, не парламентская монархія, даже не республика, а нація внѣ всякой политической организаціи. Но, несмотря на это, несмотря на всѣ бѣдствія, которыя обрушила война на Францію, то стремленіе къ парламентскому режиму, къ учрежденіямъ 1830 г., которое обозначилось въ ней за послѣдніе годы ея существованія, проснулось снова, лишь только она почувствовала себя свободной отъ нашествія. Нынѣшнее національное собраніе, лишь только оно получило возможность располагать судьбою Франціи, провозгласило Тьера главою исполнительной власти; никогда еще этотъ государственный человѣкъ не пользовался такою популярностью, какою онъ пользуется теперь. А между тѣмъ, что̀ такое Тьеръ? Это послѣдній изъ Могиканъ временъ Луи-Филиппа, одна изъ балокъ парламентскаго зданія, рушившагося двадцать лѣтъ тому назадъ. Говорятъ, что Тьеръ измѣнилъ свои убѣжденія, что онъ забылъ о парламентской монархіи и сдѣлался республиканцемъ. Онъ самъ клянется въ этомъ на всѣ стороны, встрѣчнаго и поперечнаго увѣряетъ въ искренности своихъ новыхъ республиканскихъ убѣжденій. Сомнѣваться въ его искренности нѣтъ никакихъ причинъ, тѣмъ болѣе, что буржуазная республика отличается отъ парламентской монархіи только въ подробностяхъ и во внѣшности, а не въ существѣ дѣла. Что̀ такое буржуазная республика? Это республика *унитарная*, республика, которая краеугольнымъ камнемъ политическаго зданія кладетъ *единство* власти, метафизическую идею народнаго самодержавія, назначаетъ повсюду префектовъ и меровъ,—однимъ словомъ, охватываетъ общественную жизнь страны тою самою сѣтью централизаціи, которую развиваетъ изъ себя всякая унитарная система, независимо отъ того, называется она монархіей или республикой. Образ-

Digitized by Google

чикъ подобныхъ республиканскихъ учрежденій представляетъ конституція 1848 г. Извѣстно, что конституція эта создала такія учрежденія, которыя преобразовались въ имперію такъ легко и свободно, какъ сподвижники этой имперіи сами того не ожидали. „И никому въ голову не придетъ — говоритъ Прудонъ, — что составители этой конституціи ни о чемъ такъ не заботились, какъ о томъ, чтобы оградить Францію не отъ государственнаго переворота, а отъ республиканскихъ учрежденій".

Рядомъ съ этимъ стремленіемъ парламентской жизни, доставившимъ Тьеру власть, возникла идея децентрализаціи. О децентрализаціи хлопочетъ теперь національное собраніе въ Версали и о ней же хлопочутъ въ Парижѣ. Но національное собраніе и парижская коммуна понимаютъ эту идею совершенно различно, до такой степени различно, что ихъ несогласія по этому поводу могутъ быть рѣшены только силою. Тьеръ, соединившій около себя всѣ партіи свободы и порядка, всѣхъ унитаристовъ, окруженный обломками Наполеоновской арміи, приводитъ къ покорности парижскихъ мятежниковъ. Эти мятежники, успѣвшіе сбросить съ себя власть центральнаго правительства, возвели въ принципъ независимость и самостоятельность парижской общины. Парижъ не хочетъ властвовать надъ остальною Франціей, но и не признаетъ надъ собою ея власти. Въ то же время, онъ не хочетъ отдѣлиться отъ Франціи, а предлагаетъ остальнымъ общинамъ и городамъ федеративный союзъ. Политическую программу парижской общины въ ея отношеніяхъ къ остальной Франціи представляетъ слѣдующій проектъ договора, составленный наиболѣе вліятельными изъ приверженцевъ коммуны: „Ст. I. Парижъ отнынѣ объявляется вольнымъ городомъ; французское правительство признаетъ законность коммунальной революціи, совершенной 18-го марта 1871 г. Оно отказывается на будущее время отъ всякаго самовольнаго вмѣшательства въ дѣла этого города, и въ настоящее время отъ всякаго разслѣдованія фактовъ, слѣдовавшихъ за этой революціей. Ст. 2. Округъ Парижа вмѣщаетъ въ себѣ департаментъ Сены, за исключеніемъ тѣхъ общинъ этого департамента, которыя большинствомъ голосовъ откажутся воспользоваться коммунальною свободой. Этотъ округъ можетъ увеличиться на счетъ общинъ смежныхъ департаментовъ, которыя заявятъ о желаніи своемъ присоединиться къ парижской коммунѣ и воспользоваться ея преимуществами. Парижская коммуна отказывается отъ всякаго возбужденія революціи въ остальной части Франціи, но предоставляетъ себѣ право проповѣдывать идею коммунальной самостоятельности собственнымъ примѣромъ и средствами гласности. Правительство, съ своей стороны, воз-

Digitized by Google

держится отъ стѣсненія этой пропаганды; оно обязуется признать автономію коммунъ, которыя того потребуютъ, и вступять въ союзъ съ парижской коммуной. Ст. 3. Парижъ и союзныя коммуны остаются французскими на условіяхъ, изложенныхъ въ настоящемъ договорѣ. Парижъ уплачиваетъ свою долю въ общихъ расходахъ Франціи, но лишь насколько эти расходы идутъ на покрытіе издержекъ по вооруженію крѣпостей, по сооруженію желѣзныхъ дорогъ, шоссе и водяныхъ путей сообщенія, на народное просвѣщеніе, публичныя работы; но Парижъ не принимаетъ никакого участія въ бюджетѣ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, вѣроисповѣданій и въ расходахъ на содержаніе постоянной арміи. Парижъ поставляетъ, въ случаѣ войны, контингентъ мобилизованной національной гвардіи, организованной для военныхъ цѣлей и снабженной своей собственной артиллеріей. Ст. 4. Парижъ посылаетъ депутатовъ въ законодательныя собранія. Парижъ признаетъ рѣшенія этихъ собраній настолько, насколько они не противорѣчатъ коммунальной конституціи. Парижъ признаетъ общія начала гражданскаго кодекса, предоставляя себѣ право измѣнить статьи его, сообразно интересамъ и нуждамъ населенія, выражаемымъ всеобщей подачей голосовъ. Ст. 5. Парижъ управляется самъ собою чрезъ посредство коммунальнаго правленія, безъ какого бы то ни было вмѣшательства со стороны французскаго правительства. Парижъ избираетъ своихъ чиновниковъ всѣхъ разрядовъ. Парижъ одинъ располагаетъ своимъ бюджетомъ. Въ Парижѣ не будетъ иной арміи, кромѣ національной гвардіи, которой поручается защита города и городская полиція. Ст. 8. Французское правительство не будетъ оказывать никакихъ стѣсненій дѣйствію кредитныхъ учрежденій, какія могутъ быть учреждены и гарантированы городомъ Парижемъ, и оно никоимъ образомъ не будетъ препятствовать обращенію билетовъ, имъ выпущенныхъ. Ст. 10. Такъ-какъ Парижъ вольный городъ и самъ управляетъ собою, то въ настоящій договоръ не должна войти коммунальная его конституція. Французское правительство никоимъ образомъ не будетъ вмѣшиваться ни въ эту конституцію, ни въ управленіе города Парижа или парижской федераціи. Правительство будетъ имѣть своего представителя въ коммунѣ въ лицѣ делегата". Мы привели тѣ статьи этого проекта, которыя обнаруживаютъ, что стремленія парижскаго населенія къ мѣстной свободѣ и независимости не составляютъ простой реакціи императорской централизаціи, подобно тому движенію, которое обнаружилось среди версальскаго національнаго собранія, а заключаютъ въ себѣ цѣлый принципъ. Этотъ принципъ — федерація, или, что то же самое, взаимность,

Digitized by Google

система взаимнаго страхованія, взаимныхъ обязательствъ и гарантій. Этотъ же самый принципъ, который проектъ вводитъ, какъ органическое начало политической конституціи цѣлой Франціи, долженъ лечь и въ основаніе внутренней коммунальной конституціи. Этотъ же самый проектъ управленіе и администрацію города Парижа называетъ парижской федераціей. Мы не знаемъ, насколько парижское населеніе способно осуществить этотъ новый политическій принципъ, но внѣ сомнѣнія остается тотъ фактъ, что въ сознаніе французскаго народа проникла новая идея, что въ средѣ его образовалась новая партія, партія федералистовъ. До сихъ поръ принципъ унитаризма представлялъ такой пунктъ, около котораго сосредоточивались всѣ политическія партіи во Франціи. Начиная съ бонапартистовъ и кончая Луи-Бланомъ, всѣ сходились между собою въ томъ, что какія бы учрежденія ни были установлены во Франціи, всѣ они должны быть повсюду одинаковы и имѣть свой источникъ въ единой и нераздѣльной власти, въ самодержавіи французскаго народа. Идея народнаго самодержавія, въ томъ смыслѣ, какъ ее до сихъ поръ понимали составители французскихъ конституцій, есть идея метафизическаго свойства. Республиканскія и демократическія конституціи 1793 и 1848 гг. опредѣляютъ эту идею совершенно одинаково. „Верховная власть, гласитъ первая ст. конституціи 1848 г., присуща цѣлой массѣ французскихъ гражданъ (réside dans l'universalité des citoyens français)... Никакая часть народа не можетъ присвоить себѣ ея отправленій". Какой смыслъ заключается въ этомъ опредѣленіи? Значитъ ли это только то, что никакая часть народа не имѣетъ права располагать судьбою цѣлой Франціи? Противъ этого нечего было бы и возражать; но дѣло въ томъ, что смыслъ этого опредѣленія вовсе не тотъ. Въ основу политическаго зданія статья эта кладетъ тотъ принципъ, что никакая часть французскаго народа — община, городъ, департаментъ не имѣютъ права, самостоятельно и независимо, распоряжаться своими собственными дѣлами, что всѣ онѣ подчинены чему-то, стоящему надъ ними, власти, источникъ которой заключается въ цѣлой массѣ французскаго народа. Масса французскаго народа не составляетъ ничего цѣлаго, ничего такого, что̀ имѣло бы одинъ умъ, одну волю, могло бы понимать и дѣйствовать. Облекая эту массу самодержавіемъ, французскія конституціи создаютъ фиктивнаго государя, такого, котораго въ дѣйствительности не существуетъ. Во имя этой конституціонной фикціи создается реальная власть, въ рукахъ которой сосредоточивается вся политическая жизнь и сила страны. Въ этомъ состоитъ принципъ унитаризма. Практическій же положительный

Digitized by Google

смыслъ идеи народнаго самодержавія состоитъ въ томъ, что тѣ люди, изъ которыхъ состоитъ общество, имѣютъ право сами управлять своими собственными дѣлами. Парижскіе федералисты, очевидно, поняли идею народнаго самодержавія именно съ этой положительной ея стороны, и такимъ образомъ возвели въ принципъ общинную свободу. Книга Прудона, съ содержаніемъ которой мы намѣрены познакомить читателя, мыслителя, который всегда былъ вѣрнымъ выразителемъ идей и стремленій рабочихъ, даетъ возможность понять, какимъ образомъ возникли и развились эти новыя стремленія во Франціи.

Если не считать тѣхъ конституціонныхъ измѣненій, которыя совершились въ послѣднее время императорскаго правленія, Франція пережила пятнадцать конституцій. Изъ этихъ пятнадцати конституцій, двѣнадцать были подвергнуты голосованію и утверждены, а десять приведены въ исполненіе. Вотъ эти конституціи, расположенныя не въ порядкѣ ихъ историческаго возникновенія, а въ порядкѣ ихъ внутренняго содержанія:

Конституція 1804: императорская; полнѣйшая автократія.

Конституція 1802: пожизненное консульство; диктаторская.

Конституція 1852, 7 ноября: императорская; автократія слегка умѣренная.

Коституція 1852, 14 января: диктатура на десять лѣтъ.

Конституція 1799: диктаторскій тріумвиратъ на десять лѣтъ.

Конституція 1860 г., 24-го ноября: императорская съ парламентскими тенденціями.

Конституція 1815 г.: императорская конституціонная.

Конституція 1789 г. 27-го іюля—31-го авг., существовала только въ проектѣ: монархія конституціонная съ остатками феодализма.

Конституція 1815 г.: императорская конституціонная и quasi-парламентская.

Конституція 1814: монархія конституціонная, представительная и парламентская; законная династія, возвышенный выборный цензъ.

Конституція 1830: то же самое, съ пониженнымъ цензомъ, болѣе строгимъ опредѣленіемъ королевской прерогативы и выборной династіей.

Конституція 1791: монархія конституціонная и представительная, но не парламентская, такъ-какъ королевская власть подчинена собранію.

Конституція 1795: республиканская, но выборы проходятъ черезъ нѣсколько степеней; двѣ палаты, пять директоровъ.

Конституція 1848: республиканская и демократическая; все-

Digitized by Google

общая и прямая подача голосовъ; одна палата, одинъ президентъ.

Конституція 1793: представительная демократія, одно собраніе; всѣ общественныя должности замѣщаются народомъ. Составлена подъ редакціей Робеспьера; принята и одобрена народомъ, но по случаю войны, положена подъ сукно, впредь до заключенія мира.

Всѣ эти конституціи, говоритъ Прудонъ, представляютъ эмпирическія формулы, въ которыхъ страна пытается осуществить свою политическую организацію. При самомъ поверхностномъ обзорѣ этого ряда, не трудно замѣтить, что хотя число его членовъ можетъ быть увеличено по произволу, всѣ они заключаются между двумя предѣлами, которые здѣсь представляютъ конституціи 1804 и 1793 гг., между автократіей и демократіей. Можно вставить сколько угодно промежуточныхъ звѣньевъ между этими конституціями, можно придумать конституціи еще болѣе автократическія и демократическія, нежели конституціи 1804 и 1794 г., но, во всякомъ случаѣ, выйти изъ этихъ предѣловъ нельзя. Кромѣ того, всѣ эти конституціи представляютъ развитіе одного и того же принципа и вслѣдствіе этого представляютъ изъ себя одно цѣлое, или лучше сказать обломки цѣлаго, недостроеннаго зданія. Всѣ онѣ образуютъ изъ себя то, что можно было бы назвать *конституціоннымъ циклом*, или кругомъ, въ которомъ Франціи суждено вращаться неизбѣжно впредь до окончательной своей организаціи. Прудонъ называетъ этотъ рядъ цикломъ потому, что каждая изъ этихъ конституцій имѣетъ тенденцію перейти въ слѣдующую, и когда это движеніе достигаетъ предѣла, то оно не прекращается, а начинается снова: наиболѣе демократическая конституція переходитъ въ наиболѣе автократическую. На дѣлѣ эта программа не осуществляется, конечно, во всей ея полнотѣ и строгости, но происходитъ нѣчто къ ней весьма близкое. Тотчасъ вслѣдъ за революціей 1789 г. Франція начинаетъ свое замкнутое конституціонное движеніе. Въ небольшой промежутокъ времени она пробѣгаетъ цѣлый рядъ конституціонныхъ измѣненій, въ прогрессивномъ смыслѣ, и достигаетъ конституціи 1793 г. Изъ этой же конституціи почти внезапно выростаетъ конституція 1804 г. Затѣмъ начинается снова какъ-бы прогрессивное движеніе—появляются парламентскія и республиканскія учрежденія, а въ концѣ концовъ опять-таки переворотъ и на сцену является императорская автократія. Прудонъ объясняетъ свойства этого цикла и причины этого движенія, опираясь на метафизическіе принципы гегелевской логики. Такъ-какъ мы не признаемъ

Digitized by Google

состоятельности этихъ принциповъ, то оставимъ здѣсь безъ вниманія построенныя на нихъ трансцендентальныя умозрѣнія автора, хотя эти умозрѣнія далеко не лишены всякаго значенія. Если читатель интересуется ими, то можетъ ихъ найти въ недавно вышедшемъ русскомъ переводѣ разбираемой книги. Въ другомъ мѣстѣ, не имѣя еще въ виду этого сочиненія Прудона, мы указывали на періодическій характеръ конституціоннаго движенія во Франціи, и старались объяснить это явленіе борьбою политическихъ партій. Ни одна изъ тѣхъ партій, въ рукахъ которыхъ сосредоточена политическая жизнь Франціи, не владѣетъ органическими началами, т.-е. такими, которыя могли бы соединить въ одно цѣлое разрозненные элементы французской жизни. Каждая изъ нихъ стремится прежде всего къ тому, чтобы захватить въ свои руки власть, и, во взаимной борьбѣ между собою изъ-за власти, онѣ увлекаютъ страну въ кругъ конституціонныхъ превращеній. Это объясненіе, конечно, не ново. Задача Прудона состоитъ въ томъ, чтобы дать объясненіе несравненно болѣе широкое, такое, которое объяснило бы самое происхожденіе партій, охватило бы общество въ цѣломъ его составѣ, и сдѣлало бы понятнымъ, какимъ образомъ это общество увлекается въ конституціонномъ вихрѣ. Но для этого, говоритъ самъ Прудонъ, нужно было бы „разсмотрѣть и сравнить между собою всѣ конституціи этого цикла, по отношенію къ свободѣ общинной, провинціальной, корпоративной и индивидуальной; по отношенію къ праву гражданскому, государственному и народному; по отношенію къ философіи, искусствамъ, цивилизаціи, нравамъ, и т. д." Подобный трудъ потребовалъ бы цѣлыхъ томовъ, которыхъ никто не сталъ бы читать. Но, къ счастію, говоритъ онъ, логика даетъ способы анализа несравненно болѣе краткіе и удобные, и въ силу этого облекаетъ свои умозрѣнія въ формы идеальной философіи. Но, въ слѣдующихъ главахъ, въ которыхъ онъ подвергаетъ общей критикѣ всѣ эти конституціи, и разбираетъ въ отдѣльности конституціи 1804 г и 1793 гг., всѣ его аргументы остаются на почвѣ самаго строгаго реализма.

Мы сказали, что всѣ возникавшія до сихъ поръ французскія конституціи представляютъ развитіе одного и того же принципа. Этотъ принципъ—унитаризмъ, или, что то же самое, централизація. Каждая изъ нихъ стремится создать имперію, монархію или единую или нераздѣльную республику, въ которой общественная жизнь тысячи городовъ, округовъ, общинъ и департаментовъ имѣла бы свой источникъ и контроль въ центральной власти. Демократическая конституція 1793 г. точно также заражена централизаціей, какъ и автократическая конституція

Digitized by Google

1894 г. Конституція 1793 г. имѣла предъ собой двойную задачу: осуществить идею народнаго представительства съ одной стороны, съ другой—сохранить органическое единство и нераздѣльность французскихъ учрежденій. Для того, чтобы выполнить первую задачу, эта конституція раздѣляетъ французскихъ гражданъ на такъ-называемыя первичныя собранія (assemblées primaires). Эти первичныя собранія выбираютъ изъ среды своей избирателей, изъ которыхъ въ общинахъ, округахъ и департаментахъ составляются избирательныя собранія. Эти избирательныя собранія назначаютъ мировыхъ судей, замѣщаютъ общественныя должности, однимъ словомъ создаютъ управленіе общественными дѣлами. Въ каждой общинѣ, въ каждомъ округѣ, въ каждомъ департаментѣ возникаютъ такимъ образомъ центры народнаго управленія и представительства. Группы первичныхъ собраній, заключающія въ себѣ отъ 39 до 41 тысячи гражданъ, избираютъ депутата въ законодательный корпусъ. Возлѣ него учреждается исполнительный совѣтъ, членовъ котораго законодательный корпусъ выбираетъ изъ кандидатовъ, на которыхъ ему укажутъ департаментскія избирательныя собранія. Такимъ образомъ, хотя далеко не вполнѣ, осуществляется идея народнаго представительства. Казалось бы, во имя этой идеи, всѣмъ возникающимъ такимъ образомъ мѣстнымъ органамъ политической жизни должна быть предоставлена полная свобода и независимость. Казалось бы, что всѣ мѣстныя общественныя должностныя лица должны бы быть подчинены отвѣтственности и контролю только передъ тѣми избирательными и первичными собраніями, отъ которыхъ они получили свои полномочія. Но, въ такомъ случаѣ, въ чемъ же заключались бы гарантіи того, что всѣ французскіе общины, города и департаменты будутъ представлять изъ себя одно цѣлое, неразрывное государственное тѣло? А потому, для того, чтобы сохранить единство и нераздѣльность политической жизни Франціи, между всѣми возникающими органами народнаго представительства, конституція 1793 г. учреждаетъ систему іерархіи. Управленіе общины подчиняется управленію округа, управленіе округа—департаментской администраціи, и всѣ общины, округа, департаменты и города ставятся подъ верховную власть законодательнаго корпуса. Законодательный корпусъ издаетъ законы, наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ, опредѣляетъ права и обязанности чиновниковъ, кругъ ихъ власти, правила субординаціи, однимъ словомъ, вмѣсто того, чтобы ограничиться общими государственными дѣлами, вмѣшивается повсюду, во всѣ мѣстныя отправленія общественной жизни. Конституція 1793 г. никогда не была приведена въ

Digitized by Google

исполненіе, но слѣдовавшая за ней конституція 1795 г. развиваетъ принципъ унитаризма на счетъ идеи представительства, вводитъ повсемѣстное назначеніе правительственныхъ коммисаровъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи конституціонныхъ учрежденій Франціи, этотъ принципъ достигаетъ крайнихъ своихъ предѣловъ, воплощая всю политическую жизнь и силу страны въ лицѣ императора и органовъ его власти. Автократія сосредоточиваетъ центральную власть въ одномъ лицѣ, въ лицѣ императора; демократія вручаетъ ее собранію народныхъ представителей. Конституціи 1814 и 1830 гг., равно отстоящія, какъ отъ демократіи, такъ и отъ автократіи, раздѣляютъ эту власть между королемъ и двумя палатами. Можно было бы думать, что это-то раздѣленіе власти и составляетъ гарантію свободы и противовѣсъ централизаціи. Но, въ сущности, дѣло черезъ это ничуть не измѣняется. Это раздѣленіе властей, съ точки зрѣнія централизаціи, есть не что иное, какъ только примѣненіе къ дѣлу управленія государствомъ того самаго принципа, который въ политической экономіи извѣстенъ подъ именемъ раздѣленія труда, сложнаго сотрудничества. Еслибы палаты и король, въ дѣлѣ законодательства и управленія, могли дѣйствовать независимо другъ отъ друга, то въ такомъ случаѣ въ политической жизни произошло бы дѣйствительное распаденіе. А такъ-какъ это есть дѣло невозможное и вполнѣ несообразное, — такъ-какъ обѣ палаты и король, въ своихъ правительственныхъ отправленіяхъ, взаимно связаны между собою точно такъ, какъ связаны между собой работники, занятые различнаго рода операціями въ дѣлопроизводствѣ одного и того же продукта, — то централизація и тутъ остается въ полной своей силѣ. Обыкновенно думаютъ, что члены представительныхъ палатъ, какъ люди, которые родились, жили и воспитались въ городахъ и департаментахъ, какъ люди вышедшіе изъ среды населенія, представляютъ собою мѣстныя идеи, интересы и стремленія, и такимъ образомъ составляютъ противовѣсъ централизаціи. Но для того, чтобы убѣдиться, что члены французскихъ законодательныхъ собраній не только никогда не служили, но и не могутъ служить представителями мѣстныхъ идей, интересовъ и стремленій, стоитъ только дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что̀ такое представительство. Если я, въ какомъ либо дѣлѣ, не могу лично защищать свои интересы, я облекаю полномочіемъ другое лицо, даю ему довѣренность, въ силу которой это лицо становится представителемъ моихъ интересовъ. Понятно, что для того, чтобы это лицо на самомъ дѣлѣ осталось моимъ представителемъ, я долженъ имѣть право повѣрять и контролировать его дѣйствія,

Digitized by Google

я долженъ имѣть право во всякое время уничтожить свою довѣренность и передать ее другому лицу. Это условіе, въ дѣлѣ личнаго представительства, признается всѣми какъ необходимое. Какимъ же образомъ, можно было бы обойти его въ дѣлѣ представительства коллективнаго? Депутатъ, въ томъ случаѣ, если онъ есть представитель идей, интересовъ и стремленій своихъ избирателей, долженъ подлежать отвѣтственности передъ ними. Избиратели должны имѣть право контролировать и повѣрять его дѣйствія, и уничтожить его полномочія въ томъ случаѣ, если онъ перестаетъ быть вѣрнымъ выразителемъ ихъ идей, интересовъ и стремленій. Существовавшія до сихъ поръ во Франціи системы выборовъ нетолько не даютъ населенію права контроля надъ своими депутатами, но, напротивъ, строжайше воспрещаютъ его. Ст. 35-я конституціи 1848 г. воспрещаетъ депутатамъ принимать обязательныя инструкціи. Съ точки зрѣнія представительства это нелѣпо, но въ силу ст. 34-й необходимо. Эта же статья заключается въ слѣдующемъ: „Члены національнаго собранія суть *представители*, но не департамента, который ихъ выбираетъ, а *цѣлой Франціи*". Понятно, что невозможно допустить населеніе контролировать и повѣрять дѣйствія выбранныхъ имъ депутатовъ, если въ то время, какъ избиратели того или другаго департамента составляютъ только часть Франціи, каждый депутатъ есть представитель цѣлаго. Въ силу этой статьи, которая не составляетъ исключительной принадлежности конституціи 1848 г., каждый депутатъ есть нетолько представитель тѣхъ, которые вотировали за него, но и тѣхъ, которые вотировали противъ него, а также и тѣхъ, которые не вотировали вовсе, однимъ словомъ, онъ есть въ одно и то же время представитель всѣхъ идей, интересовъ и стремленій французскаго народа, хотя бы эти интересы и стремленія были нетолько разнообразны, а взаимно исключали другъ друга. Во Франціи, какъ и во всякомъ обществѣ, существуютъ рабочіе всевозможныхъ категорій, мелкіе и крупные собственники, существуютъ департаменты, общины, округа, производители и потребители, домохозяева и жильцы, арендаторы, ученые, артисты и т. д. Всѣ эти люди образуютъ изъ себя тысячи группъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои собственныя идеи, интересы, стремленія, потребности и нужды. Нація, существующая, какъ политическое тѣло, не иначе, какъ черезъ представительство, говоритъ Прудонъ, должна имѣть представительство для всѣхъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается ея жизнь. Промышленность земледѣльческая и мануфактурная, торговля, со всѣми ихъ многочисленными подраздѣленіями, общины, кантоны, де-

Digitized by Google

партаменты, все это представляетъ тысячи группъ, интересовъ и стремленій, изъ которыхъ каждая нуждается въ представителѣ. Французскій депутатъ — это лицо, уполномоченное засѣдать въ палатѣ, говорить, что ему угодно, и о чемъ ему вздумается, подавать свой голосъ совершенно произвольно, и въ то же время долженствующее представлять собою всѣ эти идеи, интересы и стремленія. Понятно, что при такихъ условіяхъ, подобное лицо не будетъ представлять собою ровно ничего, кромѣ той или другой партіи. Но, спрашивается, во имя чего же нужна такая преднамѣренная путаница, такое извращеніе идей представительства? Во имя унитаризма, во имя того, что національныя собранія во Франціи, по самому назначенію своему, суть вовсе не представительныя собранія, а коллективный органъ единой и нераздѣльной власти французскаго народа. Унитаризмъ служитъ фундаментомъ всѣхъ французскихъ конституцій, и онъ-то составляетъ ихъ больное мѣсто. „Коренной порокъ современной политической системы, говоритъ Прудонъ, который можно назвать конституціоннымъ, состоитъ въ томъ, что провинціи и города, изъ которыхъ слагается государство, и которые, всѣ, какъ естественныя группы, должны пользоваться полной и безграничной автономіей, подчинены, и управляются не сами собой, какъ слѣдуетъ союзнымъ городамъ и провинціямъ, а центральной властію, какъ завоеванное населеніе“.

Но, спрашивается, какимъ же образомъ Франція могла бы избѣгнуть этого унитаризма? Вѣдь самая задача политическихъ учрежденій всякой страны заключается именно въ томъ, чтобы внести духъ единства и нераздѣльности въ разбросанныя группы ея населенія? Тамъ, гдѣ политическія учрежденія не достигаютъ этой цѣли, тамъ населеніе представляетъ разрозненныя группы обывателей, не образующихъ изъ себя никакого политическаго организма. Версальская офиціальная газета, осыпая современныхъ федералистовъ упреками, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Вторая имперія уже уничтожила въ иностранной политикѣ дѣла Франциска I, Генриха IV, Ришельё и Мазарини. Европа, которой это было на руку, не мѣшала Наполеону III и охотно позволяла ему такою цѣною побѣды. Конечно, коммуна 1871 г. не преминетъ послѣдовать еще съ большимъ усердіемъ этой анти-французской политикѣ. Она не удовольствуется тѣмъ, что возникновеніе у нашихъ границъ двухъ сильныхъ объединенныхъ государствъ возвращаетъ Францію къ тому же положенію, въ которомъ она находилась въ XVI вѣкѣ, и тѣмъ, что вынужденный мирный договоръ съузилъ наши границы не только противъ того, что опредѣлено вестфальскимъ

Digitized by Google

миромъ, но даже сравнительно съ договоромъ въ Като-Камбрези. Коммуна 1871 г. находитъ, что и такая Франція еще слишкомъ сильна и идетъ далѣе въ глубь вѣковъ, чтобы найти для себя достойный унизительный образецъ. Идеалъ ея—Франція одиннадцатаго вѣка: чѣмъ она будетъ раздробленнѣе, тѣмъ болѣе будетъ въ ней коммунъ. И такъ, въ ту самую минуту, когда Италія и Германія отреклись отъ федераціи, Франціи смѣютъ предлагать принятіе этой пагубной политической формы; Францію понуждаютъ отречься отъ всей своей исторіи и возвратиться къ точкѣ исхода!" Имѣютъ ли за себя какое-нибудь основаніе эти защитники унитаризма, съ яростью опрокидывающіеся на парижскихъ федералистовъ? Достойно замѣчанія, что Франція, изо всѣхъ европейскихъ государствъ отличающаяся наиболѣе однороднымъ составомъ населенія, проникнутая централизаціей насквозь, какъ то обнаружила современная война, представляетъ изъ себя именно такую группу разрозненныхъ обывателей, не образующихъ изъ себя никакого политическаго организма. Эти группы, во все продолженіе XIX столѣтія, были связаны между собою тѣми искусственными конституціями, которыя для нихъ придумывались, но въ которыя масса французскаго населенія вѣрила только въ первые дни ихъ существованія, а затѣмъ заботилась только о томъ, чтобы стряхнуть ихъ съ себя. Какой смыслъ и значеніе для французовъ имѣли тѣ пятнадцать конституцій, которыя они пережили? Вѣровали ли французы хоть въ одну изъ этихъ конституцій, подобно тому, какъ англичане вѣруютъ въ свою воображаемую конституцію, а нынѣшніе нѣмцы въ свое единство? А между тѣмъ эти конституціи представляютъ всю сумму того, что обращало Францію въ государство. Внѣ этихъ конституцій, Франція, какъ политическое тѣло, не существовала. Послѣдняя война обнаружила, что Германія, проникнутая духомъ партикуляризма, разбитая на цѣлую группу независимыхъ государствъ, въ сущности, заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе дука единства, нежели Франція. Франція, единая и нераздѣльная, оказалась разбитою на партіи и группы, между которыми стоятъ такія границы, которыя раздѣляютъ людей прочнѣе всякихъ таможенъ и пограничныхъ столбовъ. Конечно, легче всего приписать все это легкомыслію французскаго характера, пагубному примѣру первой революціи, развращающему вліянію критической философіи и т. д. и т. д. Но дѣла этимъ объяснить нельзя. Всякій понимаетъ необходимость прочныхъ политическихъ учрежденій. Никому непріятно жить въ состояніи вѣчной тревоги и опасенія, періодически попадая изъ революціонныхъ волненій подъ наполеоновскіе кастеты, изъ-подъ наполеоновскихъ

Digitized by Google

кастетовъ на прусскіе штыки, или подъ междоусобный огонь. Причины подобныхъ явленій надобно искать въ самомъ строѣ учрежденій, въ неспособности ихъ воспроизвести органическое единство націи. Конституціонная исторія Франціи доказываетъ только то, что единство націи, дающее такую силу государству, не можетъ быть создано искусственными конституціями. Тотъ унитаризмъ, который послѣдовательно развивается во Франціи въ теченіе послѣднихъ восьмидесяти лѣтъ, есть дѣло искусственное, дѣло ея законодателей и государственныхъ людей, а не результатъ живаго стремленія народной жизни. Всѣ результаты французскихъ конституцій сводятся къ тому, что онѣ создавали единство и нераздѣльность власти, но охватить этой властью жизнь всего населенія, населенія, взросшаго подъ вліяніемъ идей свободы и равенства—это утопія, за которою гонялись эмпирики-конституціонисты, составители французскихъ конституцій, утопія, которая всѣ эти конституціи обратила въ нуль. Въ общественной жизни Франціи, въ идеяхъ, стремленіяхъ и интересахъ населенія нѣтъ единства. Фиктивный унитаризмъ, повсемѣстная одинаковость и централизація ея учрежденій этому дѣлу не въ силахъ помочь. Напротивъ, навязывая населенію искусственное единство учрежденій, искусственную организацію, онъ подкапываетъ то естественное единство, которое существуетъ въ группахъ ея населенія.

Внѣ единства невозможно существованіе никакого организма, какъ физическаго, такъ и общественнаго. Какъ въ человѣкѣ дыханіе, питаніе, кровообращеніе, мускульныя и нервныя отправленія, въ каждый моментъ взаимно связаны между собой и образуютъ одно цѣлое, такъ и въ обществѣ господствующія въ немъ взгляды и убѣжденія, его нравы, привычки, стремленія и наклонности, господствующія занятія—трудъ и промышленность, политическія учрежденія—все это должно быть органически связано между собой, представлять одно цѣлое. Разорвите эту связь физіологическихъ отправленій въ живомъ организмѣ, и въ результатѣ явятся болѣзнь или смерть. Въ обществѣ то же самое—отсутствіе цѣлостности и неразрывности въ его отправленіяхъ влечетъ за собою его политическое безсиліе и разложеніе. Но, говоритъ Прудонъ, всякій общественный организмъ, который возникаетъ и развивается свободно, а не путемъ военныхъ присоединеній и военнаго господства, имѣетъ свои предѣлы. Эти предѣлы заключаются не во времени, а въ объемѣ. Простѣйшая форма общественнаго организма, возникающаго непосредственно, и притомъ наиболѣе прочнаго — это семейство. По мѣрѣ того, какъ семейство расширяется въ объемѣ, внут-

Digitized by Google

ренняя солидарность между его членами ослабѣваетъ. Когда сыновья женятся, а дочери выходятъ замужъ, изъ семейства возникаетъ родъ. Внутренняя солидарность между членами одного и того же рода несравненно слабѣе, нежели связь между членами одного и того же семейства. Чѣмъ дальше распространяется этотъ родъ, тѣмъ слабѣе становится внутренняя зависимость между его членами, такъ что, въ концѣ концовъ, родъ, какъ общественный организмъ, утрачиваетъ вовсе свое существованіе. То же самое явленіе представляютъ и политическія общества. Что̀ такое община? Это люди, живущіе въ одной и той же мѣстности; занятія этихъ людей—земледѣліе и промышленность—до такой степени связаны между собой, что образуютъ изъ себя одно цѣлое. Въ своихъ интересахъ и стремленіяхъ, въ своихъ ежедневныхъ заботахъ и потребностяхъ, эти люди постоянно сталкиваются между собой, помогаютъ другъ другу, а если между ними возникаютъ несогласія, то эти несогласія разрѣшаются тутъ же, потому что ни одинъ изъ членовъ общины не видитъ возможности существовать независимо и отдѣльно отъ другихъ. Все это приводитъ къ тому, что между членами одной и той же общины возникаютъ постоянныя и неразрывныя отношенія, дѣлающія ихъ, волей-неволей, солидарными между собой. Въ такомъ состояніи люди образуютъ изъ себя то, что̀ Прудонъ называетъ *естественной группой*. Какъ велики предѣлы подобной группы, напередъ сказать этого, конечно, нельзя; но, во всякомъ случаѣ, предѣлы эти существуютъ. Очевидно, что солидарность между собою членовъ одной и той же крестьянской общины гораздо прочнѣе, нежели солидарность между собою всѣхъ жителей одного и того же уѣзда, и еще прочнѣе, нежели жителей цѣлой губерніи, или области, включающей нѣсколько губерній. Извѣстная степень солидарности существуетъ, конечно, между всѣми жителями одного и того же государства, какъ бы послѣднее ни было обширно, точно такъ, какъ существуетъ солидарность между всѣми людьми, хотя бы они были разнаго цвѣта и обитали на противоположныхъ концахъ земнаго шара. Но, по мѣрѣ того, какъ люди выходятъ изъ предѣловъ естественной группы, солидарность между ними становится все слабѣе и слабѣе. Отсюда Прудонъ выводитъ слѣдующій соціальный законъ: „*Во всякой общественной группѣ органическая сила ея, т.-е. сила единства и солидарности между людьми, ровно столько теряетъ въ напряженіи, сколько выигрываетъ въ объемѣ, и на оборотъ*“. Поэтому общественная группа въ полмилліона обитателей, съ точки зрѣнія внутренней солидарности, представляетъ нѣчто гораздо болѣе прочное, нежели группа въ сорокъ

Digitized by Google

милліоновъ. Какія бы усилія ни прилагали государственные люди Франціи, чтобы создать изо всего ея населенія одну однородную и сплошную политическую единицу, въ силу только что приведеннаго закона, органическая сила подобной единицы всегда будетъ равняться приблизительно нулю. Подобная единица можетъ образоваться путемъ завоеваній, какъ образовалась французская монархія, а не путемъ свободнаго развитія внутренней жизни общества.

Подобная естественная группа, будучи предоставлена сама себѣ, будетъ непосредственно стремиться выразить, въ тѣхъ или другихъ учрежденіяхъ, внутреннюю солидарность, существующую между ея членами. Она будетъ стремиться обосноваться, какъ независимый и самостоятельный политическій организмъ. Какого рода политическій организмъ можетъ образовать изъ себя естественная группа, этого напередъ сказать нельзя. Она можетъ обратиться въ монархію неограниченную или парламентскую, въ республику, можетъ выработать какія-либо вовсе неизвѣстныя намъ учрежденія, но во всякомъ случаѣ эти учрежденія, если только они не будутъ поддерживаемы внѣшнею силою, фиктивною властью цѣлой массы французскихъ гражданъ, будутъ вѣрно выражать внутреннюю жизнь ея населенія. „Община, по самому существу своему, говоритъ Прудонъ, какъ человѣкъ, какъ семейство, какъ всякій организмъ, разумный и нравственный, единоличный или коллективный, есть существо самодержавное. Она имѣетъ право сама управлять своими собственными дѣлами, налагать на себя подати, располагать своею собственностью и своими доходами, учреждать у себя школы, назначать профессоровъ, имѣть свою собственную полицію, жандармерію, городскую стражу, своихъ собственныхъ судей, свои журналы, свои частныя общества, свои склады, свой банкъ и т. д. Община постановляетъ рѣшенія, издаетъ декреты. Почему бы, спрашивается, не предоставить ее самой себѣ и въ дѣлѣ законодательства? Община имѣетъ свою церковь, свой культъ, свое духовенство, свободно избранное; она обсуждаетъ гласно, въ общинномъ совѣтѣ, въ журналахъ, въ кружкахъ, все, что совершается внѣ и внутри ея самой, все, что касается ея интересовъ и возбуждаетъ въ ней умы. Вотъ что такое община; потому что въ этомъ, а не въ чемъ иномъ, заключается общественная жизнь. Но жизнь вѣдь это есть нѣчто цѣлое и неразрывное; она избѣгаетъ всякой помѣхи, не знаетъ другихъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя заключаются внутри ея самой; всякое давленіе извнѣ для нея вредно и, въ концѣ концовъ, смертельно“.

Естественныя группы, будучи разсѣяны на одномъ и томъ же

Digitized by Google

пространствѣ, по необходимости, приходятъ въ соприкосновеніе одна съ другой; между ними завязываются тѣ или другія постоянныя отношенія. Онѣ обмѣниваютъ свои товары, ищутъ другъ у друга помощи противъ внѣшней опасности, осуществляютъ, общими силами, такія предпріятія, которыя превышаютъ средства каждой изъ нихъ въ отдѣльности, и т. д. Однимъ словомъ, между ними возникаетъ постоянный и неразрывный союзъ, новая политическая единица высшаго порядка. Какія формы приметъ эта новая политическая единица—образуетъ ли она изъ себя монархію или республику—это все равно, лишь бы она служила выраженіемъ федеративной связи между естественными группами, и не посягала на внутреннюю жизнь которой либо изъ нихъ въ отдѣльности. Въ противномъ случаѣ, государство, эта обширная политическая единица, состоящая изъ тысячи мелкихъ и независимыхъ единицъ, грозитъ разрушить единство болѣе прочное ради единства менѣе прочнаго, и ввергнуть, такимъ образомъ, страну въ состояніе анархіи. Въ этомъ заключается политическій смыслъ и значеніе федераціи. Спрашивается теперь, которое же единство обѣщаетъ быть болѣе прочнымъ: федеративное, опирающееся на реальныя условія общественной солидарности, или унитарное, опирающееся на однообразіе учрежденій, да на метафизическій принципъ народнаго самодержавія?

Если мы обратимъ вниманіе на то, какимъ образомъ возникла во Франціи и развилась централизація, то увидимъ, что главное участіе въ этомъ дѣлѣ всегда принимала буржуазія. Среднее сословіе, въ союзѣ съ королями, сокрушило феодальныя права графовъ, бароновъ и маркизовъ, сокрушило средневѣковое рабство, и съ тѣхъ поръ централизація во Франціи, во всѣхъ фазисахъ своего развитія, совпадаетъ съ исторіей этого сословія. Поставленная когда-то, задолго до революціи, между нижнимъ классомъ народа, относительно котораго она стремилась удержать свое привиллегированное положеніе, и высшимъ классомъ дворянства, буржуазія не видѣла инаго средства закрѣпить свое положеніе, какъ прочный союзъ съ центральной властью. Въ то время, когда дворянство, утратившее уже всѣ свои феодальныя верховныя права, свысока смотрѣло на вновь возникающія бюрократическія власти, буржуазія съ жадностью бросалась на коронную службу. „Весьма ошибочно полагаютъ,— говоритъ Токвиль, что эта страсть къ казенной службѣ, свойственная почти всѣмъ французамъ нашего времени, а особенно среднему сословію, явилась послѣ революціи. Она родилась за многія столѣтія передъ тѣмъ и впродолженіе всего этого вре-

Digitized by Google

мени не переставала возрастать, благодаря тысячѣ средствъ, которыми ее въ насъ поддерживали.

„Служебныя мѣста, при старомъ порядкѣ, не всегда походили на нынѣшнія; но ихъ было, я полагаю, еще больше. Число маленькихъ должностей почти не имѣло конца. Съ 1693 по 1709 годъ ихъ по счету было создано сорокъ тысячъ, и всѣ они были по плечу для низшей буржуазіи. Въ 1710 г. я насчиталъ въ одномъ провинціальномъ городѣ, средней величины, до 109 судей, и 126 человѣкъ, которые приводили въ исполненіе ихъ приговоры. Все это были горожане.

„Страсть буржуа занимать эти мѣста была, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрна. Какъ только кто-нибудь изъ нихъ дѣлался владѣльцемъ маленькаго капитала, то первымъ дѣломъ спѣшилъ, вмѣсто того, чтобы употребить его въ торговлю, купить себѣ мѣсто“ („Старый порядокъ и революція“, стр. 62). Послѣ революціи 1789 г. во Франціи исчезли ея феодально-монархическія учрежденія. Но централизація не только не исчезла, а вмѣстѣ съ буржуазіей получила новыя силы. Не встрѣчая сопротивленія ни среди дворянства, ни въ городахъ, ни въ общинахъ, которыя давнымъ давно утратили политическій смыслъ своего существованія, она достигла такихъ размѣровъ, какихъ далеко не достигала даже во времена Людовика XIV, утверждавшаго, что „государство—это онъ“. Судьба буржуазіи не связана съ какой-нибудь династіей, съ тою или другою формой политическихъ учрежденій; она дорожитъ только сущностью дѣла—централизаціей. Буржуазія держитъ въ своихъ рукахъ промышленность, она наполняетъ палаты, сидитъ на министерскихъ скамьяхъ, засѣдаетъ въ судахъ, управляетъ департаментами, вѣдаетъ финансы, иностранныя дѣла, а затѣмъ, какъ все это называется — Наполеонъ, Луи-Филиппъ или республика — это для нея совершенно безразлично. Поэтому-то унитаризмъ есть принципъ по преимуществу буржуазный. Еслибы еще буржуазія держалась этого принципа съ строгою послѣдовательностью, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, а то этого-то и нѣтъ, да и быть не можетъ. По характеру своего происхожденія, по роду своихъ занятій, буржуазія принадлежитъ къ обществу рабочему и промышленному. Въ подобномъ обществѣ экономическія его отправленія преобладаютъ надъ всѣми остальными. Экономическія же отправленія, согласно ученію всѣхъ буржуазныхъ экономистовъ и политическихъ писателей, не терпятъ посторонняго вмѣшательства, чуждаются всякаго давленія и принужденія извнѣ. Принципъ невмѣшательства есть точно также принципъ буржуазіи, какъ и принципъ унитаризма, а между тѣмъ эти два принципа взаимно

Digitized by Google

исключаютъ другъ друга. Создать такую власть, которая, во имя принципа невмѣшательства, была бы чужда внутренней жизни общества, а во имя унитаризма была бы достаточно сильна, чтобы объединить и контролировать эту жизнь, и при всемъ томъ отличалась бы прочностью,—это такая утопія, подобная которой не возникала въ головѣ ни одного соціалиста. Дѣло въ томъ, что буржуазія, исповѣдующая въ теоріи принципъ свободы экономической и политической, жаждущая порядка, не понимаетъ тѣхъ органическихъ началъ, которыя, въ скрытомъ состояніи, заключаютъ въ себѣ всякое промышленное общество, и которыя однѣ способны осуществить, какъ свободу, такъ и порядокъ. Если мы отвлечемся отъ тѣхъ сложныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ живутъ современныя общества, и представимъ себѣ тѣ отношенія, которыя порождаютъ между людьми всевозможныя отрасли труда, то тотчасъ увидимъ, въ чемъ заключаются эти органическія начала. Земледѣльцы обработываютъ почву, сѣютъ хлѣбъ, жнутъ его и т. д. для того, чтобы каменьщики, плотники, столяры, портные, сапожники, и т. д. имѣли готовую пищу. Портные шьютъ платье для того, чтобы земледѣльцамъ, сапожникамъ, каменьщикамъ и т. д. была обезпечена одежда. Сапожники снабжаютъ сапогами рабочихъ всѣхъ остальныхъ разрядовъ, и т. д. Однимъ словомъ, въ каждой отрасли труда, рабочій поставленъ такъ, что ради своихъ собственныхъ интересовъ, онъ производитъ что либо, чѣмъ могли бы воспользоваться другіе. Всѣ люди, въ промышленномъ состояніи общества, связаны между собою системою взаимныхъ услугъ. Поэтому идея взаимности, система взаимныхъ гарантій и обязательствъ, есть органическая идея промышленнаго общества. Если мы обратимъ вниманіе на тѣ немногочисленныя, частныя общества, которыя въ современной жизни представляютъ характеръ исключительно промышленный — общества кредита, акціонерныя компаніи, страхованія, производительныя ассоціаціи и т. д., то увидимъ, что всѣ подобныя общества опираются на идею взаимности, на систему взаимныхъ обязательствъ и гарантій. Федерація же есть только другое названіе той же самой идеи; она есть не что иное, какъ система взаимныхъ обязательствъ и гарантій. Нынѣшняя борьба между Парижемъ и Версалемъ—это вѣчная борьба между трудомъ и капиталомъ, но только на этотъ разъ эта борьба является въ новомъ своемъ фазисѣ. Трудъ является съ сознаніемъ своихъ собственныхъ политическихъ идей.

Послѣ этихъ отвлеченныхъ разсужденій о централизаціи и федераціи, мы обратимся опять къ современнымъ событіямъ для того только, чтобы сказать нѣсколько словъ. Революція 18 мар-

Digitized by Google

та совершилась тогда, когда въ бордосскомъ собраніи обнаружились реакціонныя тенденціи, и когда, во имя этихъ тенденцій, центральное правительство вздумало обезпечить себѣ повиновеніе со стороны парижскаго населенія, обезоруживъ національную гвардію. Ни во время осады, ни тотчасъ вслѣдъ за нею, Парижъ не обнаруживалъ федеративныхъ стремленій. Партія федералистовъ, несомнѣнно, тамъ существовала, но не ей принадлежитъ инціатива въ дѣлѣ революціи. Послѣдняя была вызвана, какъ то всегда бываетъ, безтактными поступками центральнаго правительства. Когда революція совершилась и возникла коммуна, аналогія событій и названій напомнила времена 1793 г. Но эти времена давнымъ давно прошли и никогда не возвратятся. Федеративныя идеи парижской коммуны въ скоромъ времени обозначились. Мы не знаемъ, насколько эти идеи свободны отъ постороннихъ стремленій, насколько парижское населеніе и его руководители способны ихъ осуществить. Еще менѣе можемъ мы судить о томъ—удастся ли федералистамъ отстоять свои идеи отъ унитарныхъ стремленій версальскаго правительства, за которымъ стоятъ еще пруссаки. Національное собраніе, отвергающее въ принципѣ независимость парижской федераціи, взирающее на нее, какъ на шайку мятежниковъ, въ то же время хлопочетъ о томъ, чтобы ввести децентрализацію по всей Франціи. Парижъ стремится къ коммунальной свободѣ и самоуправленію. Національное собраніе хлопочетъ о томъ же. Разногласіе между ними, повидимому, заключается единственно въ абстрактномъ принципѣ; для практическаго же рѣшенія вопроса, быть можетъ, имъ возможно было бы согласиться, не прибѣгая къ междоусобной войнѣ. „Сепаратизмъ невозможенъ, пишетъ въ одну изъ парижскихъ газетъ французскій историкъ Анри Мартенъ. Что же касается до свободы, то она обезпечена. Духомъ децентрализаціи проникнуто все собраніе, какъ правая, такъ и лѣвая стороны его. Временный муниципальный законъ, обсужденіе котораго приближается къ концу, является неоспоримымъ шагомъ впередъ. Несмотря на возраженія, которыя вызываетъ этотъ законъ, Парижъ будетъ имѣть право на дняхъ избрать муниципальный совѣтъ, который будетъ охранять интересы великой столицы. Остается вопросъ объ исключительныхъ преимуществахъ, которыми Парижъ хочетъ обставить свое городское самоуправленіе. Можно будетъ добиться закона, который гарантируетъ ему преимущества, достаточно широкія для того, чтобы удовлетворить всѣ интересы и всѣ желанія благоразумныхъ гражданъ. Гдѣ же та пропасть, которая отдѣляетъ Парижъ отъ Версаля? Гдѣ же причина и оправданіе для брато-

Digitized by Google

убійственной войны, въ которой проливаются потоки французской крови, въ присутствіи иноземнаго врага, пораженнаго нашимъ неслыханнымъ безуміемъ?" Можно было бы, пожалуй, думать въ силу такихъ разсужденій, что междоусобная война эта вызвана тайными происками партій, или возникла просто изъ-за недоразумѣній. Мы не станемъ искать неискренности въ децентрализаціонныхъ стремленіяхъ національнаго собранія. Быть можетъ, оно выжидаетъ только благопріятной минуты, чтобы возстановить во Франціи монархію; а можетъ быть большинство его пришло совершенно искренно къ убѣжденію въ необходимости для Франціи республиканскихъ учрежденій. Въ существѣ дѣла это не такъ важно, какъ обыкновенно думаютъ. Національное собраніе, несмотря на то, что по теоріи оно представляетъ цѣлую Францію, на дѣлѣ представляетъ только идеи, интересы и стремленія нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, изъ которыхъ оно состоитъ, да тѣхъ партій, которыя около него группируются. Французское населеніе, имѣющее въ XIX столѣтіи громадное вліяніе на ходъ политическихъ событій, не принадлежитъ ни къ одной партіи, уже по одному тому, что кромѣ труда и ежедневныхъ заботъ оно ничего не знаетъ. Но такова историческая судьба Франціи, что сила принциповъ въ ней имѣла всегда громадное практическое значеніе. Что̀ станется съ политическими учрежденіями Франціи въ томъ случаѣ, если одержатъ верхъ федералисты—этого мы не знаемъ. Но что̀ будетъ съ нею въ томъ случаѣ, если Парижъ будетъ побѣжденъ — представить себѣ не трудно. Идея децентрализаціи скоро будетъ приведена въ исполненіе; муниципальные выборы назначены уже по всей Франціи, за исключеніемъ Парижа. Члены національнаго собранія ломаютъ себѣ головы теперь надъ тѣмъ, какимъ образомъ устроить городское самоуправленіе въ Парижѣ. Въ этомъ городѣ существуетъ партія федералистовъ, партія, отрицающая въ принципѣ центральную власть собранія. Партія эта на столько сильна, что около нея группируется большинство парижскаго населенія. Заблуждается это населеніе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, нельзя у него отнять право всеобщей подачи голосовъ, нельзя отстранить его отъ участія въ муниципальныхъ выборахъ. А при этомъ условіи всегда есть возможность, что эта партія федералистовъ, враждебная правительству, очутится во главѣ городскаго управленія. Имѣя въ своихъ рукахъ власть и средства, она, очевидно, будетъ подстерегать всякій благопріятный случай для того, чтобы провести въ жизнь свои идеи и стремленія. Нѣчто подобное можетъ произойти и въ другихъ большихъ городахъ Франціи. Ясно, что если предоставить этой партіи свободно разви-

Digitized by Google

ваться, дать ей въ руки власть и средства, то дѣло можетъ придти къ тому же положенію, въ какомъ оно находится теперь. Мы не говоримъ уже о томъ, что какое бы ни было установлено правительство во Франціи, оно всегда будетъ имѣть противъ себя нѣсколько партій не федералистовъ. Какимъ же образомъ предупредить могущія возникнуть изъ подобнаго положенія дѣлъ безпокойства, волненія и новыя потрясенія? Ясное дѣло, что при первомъ столкновеніи центральной власти съ мѣстной, въ томъ случаѣ, если нельзя будетъ заставить молчать представителей послѣдней, нужно будетъ, хотя на время, пріостановить дѣйствіе муниципальнаго закона. Но имѣетъ ли право національное собраніе поступить такимъ образомъ, нарушить ту конституцію, которую оно само вотировало? Конечно, имѣетъ право, потому что національное собраніе представляетъ самодержавную власть народа, цѣлую Францію, тогда какъ города и общины, со своими представителями—это только подчиненныя части цѣлаго. Франція даруетъ Ліону, Марсели, Парижу и пр. городское самоуправленіе; при измѣнившихся обстоятельствахъ, эта же самая Франція имѣетъ право и отнять его у нихъ, такъ-какъ она всегда, по произволу, можетъ располагать своею собственною судьбой. Такимъ образомъ муниципальный законъ этотъ не имѣетъ за собой никакихъ гарантій. Далѣе, городское самоуправленіе не есть та единственная лазейка, черезъ которую могутъ вырваться на свѣтъ федеративныя идеи. Онѣ найдутъ себѣ мѣсто въ печати, въ публичныхъ собраніяхъ; да, наконецъ, что же мѣшаетъ имъ очутиться въ самой средѣ своихъ побѣдителей, засѣсть на скамьяхъ законодательнаго корпуса? Что̀ произойдетъ въ такомъ случаѣ? Унитаризмъ долженъ будетъ уступить, или произойдетъ то, что̀ произошло 2-го декабря и 18-го брюмера. Мы вовсе не предсказываемъ дальнѣйшую судьбу Франціи, а только соображаемъ на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя имѣемъ, и, быть можетъ, ошибаемся. Но вѣдь если одинъ и тотъ же фактъ повторился въ странѣ два раза, то, стало быть, были же на то какія-либо общія причины. Государственный переворотъ 2-го декабря и двадцатилѣтнее разъѣданіе общественныхъ силъ Франціи—это такое событіе, которое не могло совершиться по волѣ седанскаго труса, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Наполеонъ сталъ мертвою буквой во Франціи — это правда, но что же изъ этого? Быть можетъ, возможны тамъ генералъ Виноа или Дюкро въ качествѣ диктаторовъ, уполномоченныхъ Собраніемъ. Тьеръ ручается за республику, пишутъ газеты. Но что̀ такое Тьеръ? Мы думаемъ, что еслибы Тьеръ попалъ въ положеніе Наполеона III,—а онъ теперь приблизительно попалъ

Digitized by Google

въ него,—то и онъ поступалъ бы точно такъ же, какъ поступалъ Наполеонъ III. Едва-ли разница въ ихъ личныхъ взглядахъ и характерахъ отозвалась бы въ положеніи дѣлъ европейскаго континента. Тьеръ ничѣмъ не хуже тысячи другихъ людей. Онъ, быть можетъ, даже лучше ихъ, въ томъ смыслѣ лучше, что таланты его обширнѣе и разнообразнѣе, умъ изобрѣтательнѣе и лучше развитъ: онъ знаменитый писатель и государственный человѣкъ. Мы признаемъ за Тьеромъ всѣ его личныя достоинства и заслуги, но тѣмъ не менѣе все-таки думаемъ, что дозволительно усомниться въ прочности зданія, опирающагося на эту балку.

Изо всѣхъ французскихъ конституцій республиканскія всегда отличались наименьшей долговѣчностью. Онѣ умирали чуть-ли не на другой день своего рожденія. Чтобы заткнуть ротъ доктринерамъ и абсолютистамъ, которые видятъ въ этомъ преобладаніе монархическихъ идей въ странѣ, Прудонъ даетъ этому явленію слѣдующее объясненіе. Республика, какъ ее понимаютъ во Франціи, демократическая, единая и нераздѣльная, есть осуществленіе идеи народнаго самодержавія. Въ республикѣ государь—это народъ. Такъ позаботьтесь же о томъ, чтобы этотъ государь былъ заинтересованъ хоть сколько-нибудь въ томъ, чтобы поддерживать свое фиктивное владычество. При монархическомъ устройствѣ, государь имѣетъ свое содержаніе, свои замки, помѣстья; сенаторы и сановники имѣютъ оклады и пенсіи; буржуазія занимаетъ казенныя мѣста и получаетъ жалованье. Такимъ образомъ возникаетъ цѣлая масса интересовъ, связанныхъ съ монархіей или имперіей. Въ республикѣ ничего подобнаго нѣтъ. Придумайте же и для республики такія связи, которыя бы прочно и крѣпко привязывали къ ней народъ.

Политическій идеалъ Прудона состоитъ въ томъ, чтобы народъ уже самымъ трудомъ своимъ былъ заинтересованъ въ сохраненіи и защитѣ тѣхъ учрежденій, которыми онъ живетъ. Онъ надѣялся приблизить Францію къ осуществленію этого идеала, пропагандируя и развивая идею взаимности (la Mutualité) во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ — политическихъ, экономическихъ, нравственныхъ и философскихъ.

Н. Павловскій.

Digitized by Google

НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ ЭРКМАНА-ШАТРІАНА.

I.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ОРАТОРЫ.

Въ половинѣ послѣдняго ноября, когда все осеннее хозяйство по уборкѣ зерна и винодѣлію было уже окончено, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, лица, составляющія нашъ деревенскій муниципальный совѣтъ, порѣшили между собою собраться на общее совѣщаніе, для совмѣстнаго обсужденія нуждъ и потребностей нашей общины.

Всѣ, кто только пользуется въ мѣстечкѣ какимъ-либо значеніемъ, были тутъ на лицо. Мѣдникъ Дамидо, продавецъ метелъ Николай Жакель, братья Адамъ и Шарль Бенеротъ—дровянники, Жоржъ Машетъ—хозяинъ лавки, огородникъ Франсуа Матисъ, не говоря уже о многихъ другихъ, не менѣе почтенныхъ представителей мѣстной администраціи,—сочли своею обязанностью находиться въ этомъ собраніи.

Всѣ по этому случаю принарядились въ свое лучшее платье и каждый, кто только имѣлъ какую-нибудь форменную одежду, явился во всѣхъ своихъ регаліяхъ. Одинъ только Дамидо, непридающій внѣшностямъ особеннаго значенія и твердо убѣжденный, что человѣкъ, подобный ему, имѣетъ право бывать повсюду, не озабочиваясь о своемъ нарядѣ или о чистотѣ своихъ рукъ, пришелъ въ своемъ плисовомъ кафтанѣ, съ протертыми локтями, въ старой, износившейся шляпѣ и затасканномъ галстухѣ.

Призывный звонъ колокола еще не успѣлъ смолкнуть, какъ вся высокопочтенная компанія уже размѣстилась вокругъ большаго стола. Нѣкоторые уже совершенно приготовились слушать, облокотившись на столъ, другіе стали уже вполголоса заявлять нѣчто въ родѣ крохотныхъ протестовъ.

— Право, это ни на что не похоже, говорили эти послѣдніе:—

Digitized by Google

что господинъ меръ нашъ всегда и всюду опаздываетъ, заставляетъ себя ждать и является постоянно послѣднимъ.

Полевой стражникъ Кюни озабоченно ходилъ взадъ и впередъ по корридору, отгоняя дѣтей и женщинъ, которыя не прочь были бы подслушивать у дверей, а старикъ, школьный учитель Антуанъ Денье, состоящій съ тѣмъ вмѣстѣ секретаремъ меріи, съ особенною заботливостью углубился въ очинку перьевъ.

Довольно было одного взгляда на это лицо, чтобы понять, какъ по его задумчивому виду, худобѣ и потухшему взору, такъ и по покрою, и истасканности его стародавняго камзола, что наука въ Вальтинѣ (названіе нашей деревни) не имѣетъ особенно много сторонниковъ и почитателей, и что едва-ли ему не приходится вести у насъ жизни, подобной той, какую нѣкогда велъ Іоаннъ Креститель въ пустынѣ, питавшійся, какъ извѣстно, одними акридами и дикимъ медомъ.

Но вотъ торжественно отворилась дверь и въ средѣ собранія появился и самъ господинъ меръ, достопочтенный Жакъ Ромари. Красное и надутое лицо его блистало наглымъ самодовольствомъ, а на толстомъ пузѣ эффектно колебался дорогой, ярко-пунцовый жилетъ. Онъ медленнымъ шагомъ прошелъ по залѣ и, дойдя до своего кресла, картинно опустился въ него, среди общаго молчанія и испустилъ глубокій и выразительный вздохъ.

Почтенный Жакъ Ромари, человѣкъ ума ловкаго и изворотливаго, умѣвшій благопріобрѣсти основательную собственность. Пахатной земли, виноградниковъ и тучныхъ луговъ — у него одного едва-ли не больше, чѣмъ у половины членовъ совѣта вмѣстѣ. Чтобы имѣть возможность перевозить свой строевой лѣсъ на лѣсопильный заводъ, онъ съумѣлъ убѣдить совѣтъ въ необходимости для блага края въ проведеніи большой дороги именно въ этомъ направленіи; чтобы не нуждаться въ орошеніи своихъ обширныхъ полей, онъ съумѣлъ присвоить себѣ именно тотъ обширный участокъ, гдѣ находились колодцы прѣсной воды и пруды. Для того, чтобы скотъ его могъ тучнѣть безпрепятственно, онъ доказалъ всѣмъ, какъ дважды два, необходимость отвести для общественнаго пастбища самую удобную мѣстность; а для того, чтобы его свиньи не тощали, онъ уговорилъ мѣстныя власти возстановить для жителей общины обязательную уборку желудей.

Разумѣется, какъ меръ, онъ служитъ обществу даромъ, но едва-ли самая образцовая ферма могла бы ему принести столько доходовъ, сколько доставляетъ ихъ ему его безвозмездное служеніе. Онъ любитъ выставлять на видъ свои заслуги передъ общиной; если онъ при вашихъ глазахъ вдругъ сталъ бы себя

Digitized by Google

трепать по подбородку, то это означало бы, что онъ собирается произнести свою любимую фразу:

— Я только и хлопочу, что о благосостояніи общины... и я добьюсь до ея благосостоянія.

— Еще бы не добиться, замѣтилъ ему однажды на это старый Грегуаръ: — развѣ вамъ это трудно, когда вы можете дѣлать съ общиной все, что̀ вы только захотите...

Такъ думаютъ и многіе, но такъ-какъ на выборахъ, слѣдовавшихъ за этимъ замѣчаніемъ Грегуара, старикъ почему-то не былъ выбранъ снова на занимаемую имъ до того должность, то думающіе такъ считаютъ удобнѣе для себя о такомъ щекотливомъ обстоятельствѣ помалчивать.

Послѣ своего выразительнаго вздоха, о которомъ мы уже говорили, и нѣкоторой паузы, послѣдовавшей за этимъ вздохомъ, господинъ меръ счелъ возможнымъ открыть засѣданіе.

— На этотъ разъ, господа совѣтники, намъ предстоитъ обсужденіе весьма важнаго вопроса о содержаніи нашего школьнаго учителя. Вамъ извѣстно, что онъ получаетъ отъ правительства ежегодно пятьсотъ франковъ и отъ общины, въ качествѣ секретаря меріи, еще шестьдесятъ. Итого это составляетъ въ совокупности пятьсотъ-шестьдесятъ франковъ, не считая того, что и за обязанности церковнаго сторожа ему еще кое-что перепадаетъ. Между тѣмъ, я только что получилъ письмо отъ господина подъ-префекта, которымъ онъ уполномочиваетъ насъ усилить его содержаніе, буде это необходимо, предлагая ему по сорока су съ каждаго учащагося, все равно, дѣвочки или мальчика, неоставляющихъ ученія въ зимнее время. Итакъ, господа, если вы считаете, что въ нашей мѣстности за труды г. учителя вознагражденіе въ пятьсотъ-шестьдесятъ франковъ не-до-стато-чно, то...

— Эдакая-то сумма, да еще недостаточна! слышатся прерывающіе голоса совѣтниковъ.

Одновременно съ ними раздается громовой голосъ Дамидо, поднявшагося съ мѣста и обводящаго все собраніе гнѣвнымъ взглядомъ.

— Вы спрашиваете, извѣстно ли намъ, что Антуанъ Деньe получаетъ отъ правительства пятьсотъ франковъ? Еще бы неизвѣстно, хотя этому никто не хотѣлъ вѣрить, когда объ этомъ разсказывалъ нашъ сборщикъ податей, Жоржель, въ гостиницѣ „Сосны", гдѣ онъ останавливался въ послѣдній разъ. Пятьсотъ франковъ за то только, чтобы учить дѣтей нашихъ азамъ и букамъ!... Недурно это, хотя, повторяю, и трудно повѣрить... Но чего не бываетъ на свѣтѣ. Очевидно, что г. Антуанъ еще не-

Digitized by Google

доволенъ своимъ положеніемъ, иначе онъ не утруждалъ бы господина подъ-префекта своей просьбой о поборѣ въ свою пользу по сорока су за каждую дѣвочку и мальчика, въ зимнее время. Недоволенъ! Недоволенъ тѣмъ, что за пятьсотъ франковъ въ годъ на его долю приходится только прогуливаться по школьной залѣ, съ розгой подъ мышкой, въ то время, когда всѣ мы, несмотря на погоду, трудимся подъ открытымъ небомъ до поту лица. Мы мѣсимъ ногами своими снѣгъ и грязь, и одни изъ насъ копаютъ твердую землю, пашутъ, сѣютъ, жнутъ, косятъ, другіе—рубятъ деревья, пилятъ дрова, корченятъ корни, а онъ себѣ сидитъ зимой у горящаго камина, а лѣтомъ отворитъ себѣ окошечко, чтобы, вишь, душно ему не было, и весь-то трудъ его въ томъ только и состоитъ, чтобы время отъ времени выкрикивать: „ба, ба, бе, бе...", и онъ еще жалуется, и ему-то именно вознагражденія и недостаточно!.. Вотъ тебѣ, значитъ, и здравствуй!...

Грозная рѣчь оратора производитъ въ собраніи серьёзное впечатлѣніе.

Бѣдный учитель въ замѣшательствѣ подымается съ мѣста, показывая знакомъ, что желаетъ на нее отвѣтить.

Жесты его приводятъ въ негодованіе господина мера.

— Молчите! прикрикиваетъ онъ на него. — Вамъ сказать въ свое оправданіе нечего. Мы и безъ васъ съумѣемъ все разсудить.

— Сорокъ су! продолжаетъ ораторствовать Дамидо, бросая на несчастнаго презрительный и уничтожающій взглядъ. — Сорокъ су! Извѣстно ли господину учителю, что̀ должно сдѣлать для заполученія такихъ денегъ даже лицо такое, какъ, напримѣръ, я самъ? Я долженъ подняться съ постели чуть свѣтъ, запречь осла въ тележонку, наложить въ нее посуды, а порою еще и себѣ взвалить на плечи кое-что, когда клади очень много, да такимъ манеромъ, по всякой дорогѣ, съ рискомъ десять разъ сломать себѣ шею, я долженъ дотащиться или до Мармутье, или до Саверна, или до Ширмека. Ну, добредешь до которой нибудь деревушки и садись гдѣ-нибудь на виду, несмотря ни на вѣтеръ, ни на дождь, ни на снѣгъ... А ужь сѣлъ разъ, такъ перепаяй всѣ сломанныя ложки, перелуди всѣ кастрюли, перечини всю сломанную посуду...

— Но что же во всемъ этомъ общаго съ наукой... пытается произнести робко учитель.

— Вамъ ли я ужь сказалъ, чтобы молчать! повторяетъ меръ, побагровѣвшій отъ злости.—Молчите же, или я позову Кюни, чтобы онъ васъ вывелъ отсюда.

Digitized by Google

— Потомъ, продолжаетъ Дамидо: — ворочайся домой, съ сухою коркою въ карманѣ, да и то еще не всегда добьешься, чтобы заработокъ равнялся сорока су. Вѣдь дорогой-то невольно поиздержишься... тамъ рюмку, тамъ другую необходимо пропустить для бодрости. Такъ какъ бы вы думали, господинъ учитель? Такъ вотъ я взялъ, да и далъ вамъ сорокъ су, за то, что вы ничѣмъ недовольны...

И онъ, пожавъ плечами, сѣлъ на свое мѣсто; на лицѣ его образовалась презрительная улыбка.

— И отъ насъ едва-ли дождетесь вы сорока су, на которыя заритесь, проговорило нѣсколько голосовъ.

— Сорокъ су! продолжалъ развивать тему, поднятую Дамидо, дровяникъ Шарль Бенероттъ.—Мнѣ тоже они нелегко достаются. Поди-на, сосчитай сколько деревьевъ за нихъ надо срубить, сколько корней выворотить, сколько дровъ наготовить...

— Ди и намъ съ неба не валится по сорока су, произнесло нѣсколько человѣкъ. — Право, господинъ учитель принимаетъ насъ за сумасшедшихъ...

— Еслибы еще дѣти хоть чему-нибудь да выучивались, сказалъ Франсуа Матисъ.

— Зачѣмъ? отвѣчалъ на это замѣчаніе долговязый Жакель.— Я, слава богу, ни читать, ни писать не умѣю, и это мнѣ нисколько не мѣшаетъ приготовлять самыя лучшія метла.

Бѣдный учитель былъ блѣденъ какъ смерть, съ лица его капалъ холодный потъ.

Умоляющимъ взглядомъ смотрѣлъ онъ на мера и, казалось, искалъ встрѣтить хотя въ комъ-нибудь изъ присутствовавшихъ состраданіе. Но членамъ совѣта, казалось, мученія его доставляли особое удовольствіе.

Лавочникъ Жоржъ Машетъ поднялся съ мѣста и въ свою очередь загнусилъ:

— Вы совершенно правы, господа совѣтники, что отказали нашему ученому въ добавочныхъ сорока су... все-то это ученье только на погибель людей... оно и портитъ, и развращаетъ дѣтей... и дѣлаетъ ихъ ослами! Помните ли вы моего сына Жоржа, шесть лѣтъ тому назадъ? Былъ онъ парнемъ хоть куда, здоровымъ и сильнымъ. Волосы у него сами собой вились. Жена не нарадовалась на него, да пришла мнѣ глупая блажь отправить его въ школу, и теперь отъ парня и тѣни прежняго не осталось. Каждую субботу господинъ Антуанъ напѣвалъ мнѣ одно и то же: „сынъ вашъ, господинъ Машетъ, принесетъ честь вамъ, онъ необыкновенно способенъ и прилеженъ, изъ него выйдетъ все, что вы захотите,

Digitized by Google

хорошій оптовый торговецъ, нотаріусъ, адвокатъ, онъ составитъ гордость и славу вашей семьи". Я, какъ дуракъ, все это слушалъ и покупалъ сыну всякія разныя книжки. Жоржъ съ ними и засыпалъ, да и ночью просыпался, чтобы ихъ читать. Мало того, я покупалъ ему свѣчи и масло для ночниковъ,—чего не сдѣлаешь для своей крови? Ну-съ, и началъ онъ худѣть да худѣть. „Это къ лучшему! опять запѣлъ господинъ учитель:—умные люди всѣ худощавы, отъ науки не потолстѣешь, какъ отъ обыкновенной пищи... взгляните, напримѣръ, хоть на меня".

Въ залѣ при этихъ словахъ раздается дружный хохотъ.

— Послѣдняго я никогда не говорилъ вамъ, произноситъ учитель.

— Господинъ Антуанъ сталъ уже богъ-знаетъ чему учить моего сына, продолжаетъ, не обращая вниманія на опроверженіе учителя, лавочникъ:—и ариѳметикѣ-то, и правописанію, и землемѣрію. Жена, какъ нарочно, была въ то время больна, у меня дѣла было погорло, и слѣдить за сыномъ самъ я не могъ. Только вотъ однажды мнѣ все-таки пришло въ голову: дай-кось я да испробую, на что годенъ малецъ. И зову я его къ себѣ. Жоржъ, говорю, вотъ тебѣ сто франковъ, купи-ка мнѣ муки въ Саверне. Что-жь бы, вы думали, онъ отвѣчалъ мнѣ? „Я, говоритъ, папенька, никогда муки не покупалъ". Какъ! ты не знаешь даже, почемъ мука продается! вскричалъ я на него:—когда я въ твои лѣта уже коммерцію велъ, да наживалъ деньги. Хорошо же, братъ, я уже всю штуку смѣкнулъ. Съ этихъ поръ не смѣй впередъ и носу совать въ школу. Господинъ Денье-то васъ, видно, учитъ мечтать, да баклуши бить, вмѣсто того, чтобы поучить, какъ наживать деньги, чтобы всѣ уважали! Выходитъ-то, господа, вотъ что. Наука-то вся эта не для насъ. Учиться-то, видно, могутъ только господчики, да богатые. Имъ что! У нихъ есть повара, которые за нихъ знаютъ цѣну говядины, булочники, которые знаютъ по чемъ хлѣбъ, и нотаріусы—чтобы цѣнить ихъ деньги.

Эта послѣдняя рѣчь производитъ эффектъ неописанный. Отказъ въ сорока су вотируется общимъ единодушнымъ крикомъ.

Тогда Жакъ Ромари снова расцвѣтаетъ. Съ довольною улыбкою онъ лѣзетъ въ карманъ своего жилета за своими тяжеловѣсными часами и говоритъ:

— Господа совѣтники, уже два часа, пора идти къ вечернѣ.

И собраніе съ важнымъ видомъ оставляетъ залу.

Послѣднимъ остается въ комнатѣ, по обыкновенію, учитель. На его обязанности лежитъ запереть дверь.

Запирая двери, онъ думаетъ:

Digitized by Google

„И зачѣмъ это отецъ мой не сдѣлалъ изъ меня дровяника? Доставалъ бы я себѣ хлѣбъ, какъ другіе... И вмѣсто тридцати-шести хозяевъ зналъ бы я только одного. Не долженъ былъ бы я тогда заботиться о томъ, чтобы всѣмъ угождать и всѣмъ нравиться, и господину подъ-префекту, и господину инспектору, и господину священнику, и господину меру, и всему свѣту!“.

Ему было невесело.

Что же касается до г. мера, который, благодаря покровительству префекта, былъ полновластнымъ хозяиномъ и распорядителемъ Вальтина, то онъ въ это самое время находился въ наилучшемъ настроеніи духа.

Проходя торжественно главною улицею деревни, въ сопровожденіи всѣхъ членовъ совѣта, онъ мысленно занимался слѣдующими соображеніями:

„Ну! дѣло уладилось! Жоржъ Маннетъ говорилъ просто какъ адвокатъ. Конечно, подъ-префектъ будетъ недоволенъ, пожалуй, даже немножко и покричитъ, но зато священникъ обрадуется. А это главное: кто съумѣетъ ублаготворить у насъ священника, да держать его въ рукахъ, тому ни оглядываться, ни опасаться нечего!“.

II.

ДОБРОЕ, СТАРОЕ ВРЕМЯ.

I.

Въ Дозенгеймѣ, въ Вогезскихъ горахъ, въ концѣ той равнины, съ которой Зинзель переходитъ въ Эльзасъ, въ 1750 году существовало значительное населеніе дровосѣковъ, угольщиковъ и сплавщиковъ лѣсу. Большинство этихъ людей находились въ крѣпостной зависимости у мѣстной знати, и работало не на себя. Они рубили лѣсъ, пилили бревна и сплавляли ихъ по рѣкѣ. Сплавы эти шли на Рейнъ, по которому ихъ переправляли въ Голландію, гдѣ они и покупались. Мѣстные владѣльцы, которыхъ въ то время называли „нѣмцами французскаго короля“, получали за нихъ весьма хорошія деньги, позволявшія имъ утопать въ роскоши въ Версалѣ; въ случаѣ же, когда кому-нибудь изъ нихъ денегъ почему-нибудь не хватало, то они прибѣгали къ другому подспорью, и именно продавали своихъ лѣсниковъ въ колоніи.

Въ то же самое время въ Вогезахъ процвѣтали Нейвиллерскій, Грауфтальскій и Пфальцбургскій монастыри. Капуцины, францис-

Digitized by Google

канцы и доминиканцы бродили по всѣмъ горнымъ поселкамъ. Вездѣ и повсюду можно было видѣть ихъ длинныя рыжія бороды, грязныя рясы изъ грубой шерсти и рваную обувь. Они систематически переходили изъ деревни въ деревню, отъ дома къ дому, и перебирая четки, при чтеніи положенныхъ молитвъ и благословляя дѣтей и женщинъ, умѣли выклянчивать ото всѣхъ жителей деньги, хлѣбъ, масло и яйца, въ такомъ количествѣ, что когда по звону Angelus'а имъ приходилось возвращаться въ монастыри, имъ было трудно вести подъ уздцы по крутымъ горнымъ тропинкамъ своихъ перегруженныхъ ословъ.

Все населеніе Дозенгейма вело одинаково жалкое существованіе. Общая нищета, всеобщее отягощеніе непомѣрными налогами, непосильный трудъ въ водѣ, грязи и снѣгу впродолженіе трехъ четвертей года — таковы были неизбѣжныя условія этого существованія. Ни о какихъ иныхъ условіяхъ жизни они не имѣли даже понятія. Войлочныя шляпы и балахоны изъ грубой сѣрой парусины составляли ихъ рабочую одежду, которой они впрочемъ никогда никакой другой, по неимѣнію, не замѣняли, и самую обувь надѣвали только по воскресеньямъ, когда шли слушать обѣдню въ Нейвиллерскій монастырь.

За обѣдней священникъ этого монастыря, Бартольдъ, обыкновенно проповѣдывалъ имъ смиреніе и простоту образа жизни, и весьма краснорѣчиво предостерегалъ отъ честолюбія, алчности, зависти, жадности и лѣни. Если случайно на которой-нибудь изъ женщинъ замѣчалъ онъ новое платье, или даже яркую ленту или чистый чепчикъ, то тогда онъ особенно воодушевлялся и изрыгалъ цѣлые громы негодованія противъ пагубнаго и развращающаго вліянія непомѣрной роскоши. Прихожане съ сердечнымъ сокрушеніемъ выслушивали направляемые къ нимъ упреки и возвращались обыкновенно въ Дозенгеймъ съ раскаяніемъ и твердою рѣшимостью исправиться.

Ихъ жилища, сложенныя изъ толстыхъ бревенъ, представлялись какими-то логовищами. Въ одной половинѣ ихъ тѣснились люди, въ другой помѣщался домашній скотъ. Курамъ отводилось помѣщеніе подъ самою крышей. Но грубая роскошь и въ то время тяготѣла надъ людями, и именно около этого времени нѣкоторые изъ жителей Дозенгейма стали носить только что изобрѣтенную деревянную обувь—сабо.

Въ средѣ этихъ-то счастливцевъ жилъ нѣкто Симонъ Брюатъ, дровосѣкъ. Домъ его, одинъ изъ самыхъ лучшихъ и большихъ въ Дозенгеймѣ, существуетъ еще до сихъ поръ. Его можно тотчасъ же увидать при входѣ на равнину: онъ первый изъ тѣхъ, которые идутъ вдоль рѣки. Онъ одноэтажный и крытъ дранью,

Digitized by Google

вывѣтрившеюся отъ времени; лицомъ обращенъ онъ къ площади, гдѣ находится фонтанъ. Надъ входною дверью находится выдающаяся доска, на которой помѣщаются улья, и весь фасадъ прикрытъ высоко разросшейся виноградною лозою.

Симонъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и матерью, дряхлыми стариками, ужь нѣсколько лѣтъ потерявшими возможность работать, съ женою, тремя сыновьями и двумя дочерьми. Всѣмъ членамъ семьи, за исключеніемъ стариковъ, приходилось на свою долю немало труда для возможности существованія, но въ семьѣ Симона не было недостатка ни въ энергіи, ни въ силахъ. Въ описываемое нами время самому Симону было около сорока лѣтъ. Это былъ широкоплечій и коренастый человѣкъ съ большимъ лбомъ, орлинымъ носомъ, небольшими, но живыми глазами, съ развитыми скулами и густою рыжею бородою. Довольно было взглянуть на него, когда онъ, по окончаніи работъ, съ короткой трубкой въ зубахъ стоялъ у дверей, сложивъ свои мозолистыя руки и скрестивъ сильныя ноги, чтобы видѣть, что это былъ настоящій дровосѣкъ, незнающій устали въ работѣ, которому нипочемъ срубать самыя толстыя деревья и отпихивать шестомъ отъ берега самые грузные плоты.

Заключеніе это было бы вполнѣ справедливо. Сила, энергія и терпѣливость Симона были извѣстны всей странѣ. На работѣ онъ не выносилъ подчиненія, дѣлалъ все всегда по своему — и работалъ всегда болѣе другихъ. Только дома онъ измѣнялъ свой образъ дѣйствій и вполнѣ подчинялся всѣмъ распоряженіямъ старыхъ Жана и Анны, также, какъ и вся его семья.

Старики эти на своемъ вѣку поработали тоже не мало. Съ страшными пожертвованіями они съумѣли нѣкогда выкупиться на волю со всѣми своими дѣтьми. Для этого они воспользовались минутой, когда молодой господинъ ихъ въ Версали значительно запутался въ деньгахъ въ такое время, когда всѣ подати имъ были уже собраны. Они наскоро продали весь свой скотъ, поля и луга—все, что только имѣли до послѣдней рубашки, такъ что имъ пришлось нѣкоторое время самимъ кормиться милостынею, но денегъ на выкупъ, къ счастію, хватило, семья Брюатъ сдѣлалась вольною, и тогда уже мало по малу, при неустанномъ и настойчивомъ трудѣ, имъ удалось снова пріобрѣсти и земельный участокъ и коноплянникъ.

Симону вся эта исторія была коротко извѣстна, и онъ смотрѣлъ на своихъ стариковъ, какъ на святыхъ, почему однажды навсегда и рѣшилъ про себя во всемъ имъ безпрекословно повиноваться. Каждый понедѣльникъ въ теченіе всего года, и лѣтомъ и зимою уходилъ онъ на работу въ лѣсъ, гдѣ и оставал-

Digitized by Google

ся всю недѣлю, ночуя въ досчатомъ шалашѣ, обмазанномъ глиной, гдѣ находились всѣ его топоры и молоты, а также и недѣльная провизія: хлѣбъ, соль, нѣсколько луковицъ и немного масла.

Обыкновенно звукъ его топора раздавался въ лѣсу каждое утро первымъ. Симонъ и начиналъ работу прежде другихъ, и кончалъ ее послѣ всѣхъ, почему и получалъ самую высшую для того времени поденную плату въ пятнадцать су!

По субботамъ онъ возвращался вечеромъ въ семью, съ ношею дровъ. Обыкновенно увидавъ еще съ моста мелькающій огонекъ, обозначавшій мѣсто его дома, онъ представлялъ себѣ знакомую картину, долженствовавшую происходить въ это время въ его семьѣ. И старики и дѣти его помѣщаются всѣ около очага, жена его Катерина собирается накрывать на столъ, старшая сестра Тереза моетъ большую миску для простокваши и вытираетъ оловянныя ложки. Ему слышится, какъ говоритъ Тереза: „да придетъ ли онъ еще сегодня?“ При этихъ словахъ, ему представляется, что старикъ отецъ въ кафтанѣ изъ грубаго сукна, съ протертыми локтями качаетъ своею сѣдою и лысою головою и начинаетъ заботливо мѣшать уголья, а старушка мать, въ своемъ большомъ чепцѣ изъ грубаго полотна, подходитъ торопливо къ окну и глядитъ на улицу. Вслѣдъ затѣмъ большая и старая его собака Мансфельдъ, лежавшая до того времени спокойно подъ столомъ, уткнувъ мохнатую морду между лапами, начинаетъ подыматься, чесаться и безпокоиться, до тѣхъ поръ, пока наконецъ общій хоръ не скажетъ: „а наконецъ, вотъ и онъ самъ“.

Все это совершенно такъ обыкновенно и происходило въ дѣйствительности. Только, бывало, начнетъ онъ отпирать входную дверь, какъ среди сѣроватаго дыма, идущаго отъ кастрюли съ варящимися бобами—знакомая картина—на лицо.

„Поздненько ты однако сегодня“, говоритъ обыкновенно отецъ, радостно къ нему оборачиваясь.

Онъ отъ усталости не въ состояніи ничего отвѣтить на это и торопится сбросить свою ношу дровъ въ уголъ у очага. Жена подходитъ къ нему здороваться, дѣти бросаются для того же, старшій сынъ беретъ его руку, младшій хватается за ноги, а старушка мать, съ видимымъ удовольствіемъ, начинаетъ покрикивать.

— Тише, тише, дѣтки! Садитесь-ка за столъ, пора ужинать!

Иногда послѣ ужина общество увеличивается. Двоюродный братъ Симона, Батистъ Тибо со своею женою Аннетою являются дружески поболтать. Тибо живетъ за нѣсколько только до-

Digitized by Google

мовъ, повыше. У него своя рига, конюшня и сарай, нѣсколько пахатной земли, поемный лугъ у самой рѣки и четыре чорныхъ бычка. Онъ занимается земледѣліемъ и сухопутной перевозкой.

Тибо сухощавъ и длиненъ, какъ жердь. У него прямой носъ, впавшіе каріе глаза. Онъ въ бумажномъ колпакѣ, верхушка котораго виситъ надъ правымъ ухомъ. Расположеніе его духа почти постоянно дурное.

Онъ, впрочемъ, тоже откупившійся на волю, иначе ему не видать бы какъ ушей своихъ согласія Жана на бракъ его съ своею дочерью,—такъ страшна старику казалась самая мысль, что кто-нибудь изъ его потомковъ можетъ быть господскою собственностью... Батистъ Тибо былъ свободенъ и даже дѣла его были бы недурны, еслибы не тяжелые подати и налоги всякихъ наименованій того времени не мѣшали ему и не разоряли его безпрестанно.

Обыкновенно по приходѣ онъ садился къ огню съ недовольною миною и скорчившись всѣмъ тѣломъ. Усѣвшись онъ обыкновенно обводилъ всѣхъ, старыхъ и малыхъ, выразительными глазами и начиналъ непремѣнно на что-либо, смотря по обстоятельствамъ, жаловаться.

— Дождь не перестаетъ, да не перестаетъ, начиналъ онъ:— дурной годъ, тяжелый годъ.

Или:

— Ну, ужь эта сушь — все загубитъ. Сѣно пропадаетъ, овсы погибнутъ, конопля не выростетъ... три недѣли ни одного дождя! Быть худу!.. Налоги все увеличиваются... Сборщикъ податей вчера показался... набьетъ онъ-таки свой кошель... Подати такъ и ростутъ... просто даже смотрѣть на это смѣшно!

Все это онъ обыкновенно произносилъ лѣниво-протяжнымъ и ровнымъ голосомъ, монотонно выбивая каждое слово. Старикъ Жанъ вслушивался въ его жалобы, и становясь все болѣе и болѣе задумчивымъ и серьёзнымъ, тоже начиналъ невеселые разсказы: онъ припоминалъ обыкновенно, что лѣтъ тридцать или сорокъ назадъ даже крѣпостные платили своимъ господамъ менѣе, чѣмъ теперь приходилось платить свободнымъ. Онъ вспоминалъ время введенія той или другой подати и обложенія налогомъ того или другого продукта труда. Кончится тѣмъ, обыкновенно произносилъ онъ подъ конецъ свои рѣчи, что намъ придется завидовать самымъ рабамъ.

Дѣти съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивались въ эти обычные разговоры, и самымъ младшимъ изъ нихъ становилось понятно, что существованіе на свѣтѣ — бѣда нелегкая. Женщины обыкновенно молчаливо вязали или пряли, и только старуха

Digitized by Google

Анна, нерѣдко чѣмъ-либо особенно заинтересовавшись, оборачивалась, и, заправляя свои сѣдые волосы подъ чепецъ, говорила:

— Да, это было въ годъ наводненія, когда сѣно было такъ дорого, что мы не могли прокормить коровы и продали ее на убой, оставивъ только двухъ козочекъ.

Или:

— Я помню, что въ этотъ годъ зима была очень лютою, рубка въ лѣсу совсѣмъ тогда остановилась, никто не выносилъ стужи. Эту подать тогда вводили на время, а вотъ она и до сихъ поръ осталась!

Симонъ обыкновенно молчалъ и слушалъ, нахмуривъ брови. Онъ при этомъ или плелъ корзину, или приготовлялъ обувь, для продажи на саверпскую ярмарку.

Когда, къ десяти часамъ, разговаривавшіе о своихъ невзгодахъ начинали чувствовать утомленіе, когда каждая бѣда была вдосталь обсужена, зять медленно поднимался и говорилъ, обращаясь къ женѣ:

— Аннета, пора домой. Прощайте всѣ, доброй вамъ ночи. Много намъ придется еще горевать, всего не перескажешь. Не хочу я кощунствовать, а поневолѣ скажешь, что Богъ не слишкомъ-то заботится о бѣдныхъ людяхъ.

И онъ, зѣвая до ушей и расправляя свои длинныя руки, исчезалъ за дверями.

Женщины оставляли свои прялки и Аннета, наскоро простясь съ присутствующими, уходила за мужемъ.

Старикъ Жанъ провожалъ ихъ до улицы, и когда они исчезали у него изъ виду, онъ поднималъ свои взоры къ небу, сіявшему звѣздами, и произносилъ:

— Будь что будетъ! Создатель не можетъ же всего этого не видѣть!

Женщины поднимались наверхъ по ветхой лѣстницѣ, расшатанной, какъ качели; дѣти шли за ними, борясь съ дремотой. Сзади всѣхъ, придерживаясь за перила, поднимался Жанъ.

— Бодрѣе, бодрѣе, дѣтки, говорилъ онъ:—сейчасъ ляжемъ въ постель. Смотри-ка, Симонъ, они уже на ходу спятъ. Прощай, мой дорогой.

— Прощайте, батюшка, отвѣчалъ обыкновенно дровосѣкъ, складывая свою работу.

Потомъ онъ тушилъ огонь, набрасывая на уголья толстый слой золы, запиралъ входную дверь желѣзнымъ болтомъ и, въ свою очередь, задумчиво поднимался на лѣстницу.

Digitized by Google

II.

Въ 1750 году, старшей дочери Симона, Маріанѣ, было четырнадцать лѣтъ, старшему сыну — двѣнадцать, младшая дочь его только-что родилась и Катерина ее еще кормила грудью.

Цѣлый рядъ годовъ, одинъ другого тяжелѣе, предшествовали этому году. Приходилось испытывать всякія лишенія. Несмотря на свою безустанную работу, Симонъ, возвращаясь домой, замѣчалъ, что дорогія ему лица становятся все блѣднѣе и худощавѣе. Старый закопченный потолокъ нависалъ все какъ-то мрачнѣе и мрачнѣе; Жанъ и его старуха смотрѣли дряхлѣе, жена была постоянно печальна. Тибо дѣлался всѣ унылѣе, да унылѣе, и слова его становились всѣ рѣзче и рѣзче. Онъ уже говорилъ въ такомъ родѣ:

„Право, всѣ эти капуцины и францисканцы, которые шляются здѣсь со своими колокольцами и ослами, также какъ и различные сборщики податей—цѣлая стая плутовъ—точно козы, которыхъ выпустили въ молодой лѣсокъ... они все губятъ и истребляютъ, грызутъ кору, глотаютъ листочки и уничтожаютъ даже молодые побѣги, внося раззоренье повсюду. Скоро придется продавать земли для уплаты поземельной подати. Нѣтъ! такъ долго продолжаться не можетъ!“

Когда онъ говорилъ это при всеобщемъ молчаніи, то Жанъ и Симонъ встрѣчались глазами и одновременно думали:

„Да! такъ продолжаться долго не можетъ... мы погибаемъ... ни работа, ни экономія ни къ чему не ведутъ. Тягости становятся никому не подъ силу—мы снова становимся какими-то закрѣпощенными. Дѣти выростаютъ неучами, мы не имѣемъ возможности выучить ихъ даже простой грамотѣ; ихъ надо принуждать работать въ лѣсу, и они должны доставать сами себѣ хлѣбъ раньше, чѣмъ силы ихъ это имъ позволяютъ. Но, что же тутъ станешь дѣлать? какъ помочь горю?“

И ни тотъ, ни другой не умѣли для себя разрѣшить роковаго недоумѣнія. Разумѣется, имъ и въ голову никогда не приходило все бросить и куда-нибудь переселиться. Такая мысль не можетъ родиться у семьи, которая въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ велась на одномъ мѣстѣ, члены которой рождались и умирали подъ одною и тою же крышею, и когда своимъ поселкомъ ограничиваются всѣ свѣдѣнія, все знаніе о внѣшнемъ мірѣ. И вотъ Симонъ, подавляя въ себѣ глухое негодованіе, продолжалъ попрежнему работать, и положенію его, казалось, не предвидѣлось

Digitized by Google

конца, еслибы не стряслось надъ нимъ обстоятельствъ еще болѣе затруднительныхъ и непереносимыхъ.

Однажды — это было въ самую знойную іюльскую пору — вся семья Симона была въ полѣ на жатвѣ. Жанъ Брюатъ одинъ оставался дома — стеречь его. На небѣ собиралась гроза. Онъ задумчиво сидѣлъ въ нижней комнатѣ, прислушиваясь то къ звукамъ маятника, то къ стрекотанію сверчка, то къ шуму рѣки, или къ мычанью коровъ, несшемуся съ долины, или къ шуму, сопровождавшему ссыпку зерна на телегѣ. Вдругъ онъ услыхалъ крики сборщика податей.

— Эй! пріятели! не забывайте десятины, я начну сейчасъ собирать.

„А", подумалъ старикъ: „подать-то ужь тутъ какъ тутъ, сейчасъ обираться будетъ".

И онъ подошелъ къ окну и высунулся изъ него, опершись на локти. Съ невольною злобою увидалъ онъ, какъ сборщикъ сталъ дѣлать свой объѣздъ, сваливая на свой огромный возъ все, что ни захватывалъ въ пользу церкви. Много горькихъ и безотрадныхъ мыслей вызвало это зрѣлище въ мысли у старика, и онъ печально просидѣлъ у окна, пока не стало смеркаться.

Но вотъ уже и совсѣмъ стемнѣло; на улицѣ стали показываться возвращавшіяся по домамъ дѣти; заскрипѣли возы по грязной улицѣ, бросая свою тѣнь на узенькія оконца домовъ, но семья Жана все еще не возвращалась, и онъ уже задремалъ у очага, утомленный ожиданіемъ, какъ вдругъ его вывели изъ забытья тяжелые шаги, внезапно раздавшіеся въ комнатѣ. Онъ вздрогнулъ и обернулся. Это былъ Симонъ, сбросившій съ себя кафтанъ, и съ мрачнымъ видомъ, заложивъ назадъ руки, ходившій взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Это ты, Симонъ? спросилъ старикъ.

— Да, батюшка.

— Что же это ты одинъ и раньше другихъ?

— Я нарочно поторопился васъ увидѣть.

Только при этихъ словахъ старикъ замѣтилъ, что сынъ его на себя не похожъ и лицо его блѣдно, какъ полотно.

— Что съ тобою? испуганно спросилъ онъ.—Не случилось ли какой бѣды?

— Да! бѣда стряслась, глухо произнесъ Симонъ. — Наша поденная плата уменьшена. Новые владѣльцы лѣсовъ и водъ нашли, что платить намъ по пятнадцати су въ день слишкомъ щедро. Теперь болѣе двѣнадцати платить не будутъ. Кто недоволенъ, можетъ отказываться отъ работы... владѣльцы говорятъ, что одни ихъ крѣпостные все успѣютъ сдѣлать.

Digitized by Google

Потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ прибавилъ:

— Теперь все уже рѣшено. Съ завтрашняго дня я стану получать только по двѣнадцати су.

Старикъ просто растерялся; ему было, казалось, страшно повѣрить правдѣ.

— Ну, а другіе какъ? дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ.— Что̀ они думаютъ?

— Что думаютъ!—ничего не думаютъ!

— И никто ничего не говоритъ?

— Что же говорить? Владѣлецъ—хозяинъ всѣхъ и всего. Найдетъ онъ, что вмѣсто двѣнадцати су съ насъ будетъ довольно по восьми, назначитъ и по восьми.

Въ это время на улицѣ послышались голоса возвращавшейся семьи, и старикъ, поднявшись съ мѣста, поспѣшно сказалъ:

— Не говори объ этомъ пока ничего ни матери, ни женѣ, ни дѣтямъ. Это можетъ убить ихъ!... надо что-нибудь придумать, какъ-нибудь извернуться; мы обсудимъ это завтра, а пока, Симонъ, голубчикъ, помолчимъ.

Симонъ сѣлъ у очага.

Голоса приближались и уже можно было слышать слова женщинъ.

— Что же мы будемъ дѣлать? съ отчаяніемъ кричала старуха Анна, чепчикъ которой скривился на сторону, поднимая свои жилистыя сухія руки на воздухъ въ знакъ скорби:—это, значитъ, теперь просто приходится умирать съ голоду!

Катерина, Маріана и маленькая Луиза тоже плакали и голосили. Жанъ ясно понялъ, что имъ все уже было извѣстно и что ужасная новость успѣла уже распространиться по всей деревнѣ.

Женщины вошли въ комнату, побросавъ свои грабли и косы у входа и срывая съ совершеннымъ отчаяніемъ свои долгополыя соломенныя шляпы.

— Это уже конецъ всего, кричала Анна: — это ужь значитъ живымъ въ могилу ложись!

Въ эту минуту она увидала Жана и Симона, неподвижно сидѣвшихъ у очага.

— Что же вы-то ничего не скажете? обратилась она къ нимъ.— Развѣ же это возможное дѣло? На что же мы будемъ кормить дѣтей? Да развѣ имѣетъ право владѣлецъ отнимать у насъ послѣдній кусокъ хлѣба? Или это не значитъ — идти противъ Бога?

Старый Жанъ никогда еще не видѣлъ жены своей въ такомъ раздраженіи. Онъ не зналъ, что̀ отвѣчать. Въ эту минуту въ окно показалось лицо Тибо, глазки котораго блистали невыра-

Digitized by Google

зимою злобою. Онъ былъ раздраженъ и взволнованъ еще болѣе женщинъ.

— А, слышали? слышали новость? задыхаясь отъ гнѣва шипѣлъ онъ: — нашъ-то добродѣтельный господинъ надѣлалъ въ Версали долговъ. Разумѣется, мы, какъ всегда, обязаны заплатить ихъ за него: наши плату обрѣзали. Вотъ-то неслыханныя мерзости!

Вслѣдъ за этими словами онъ вошелъ въ комнату, жена его Аннета и двое дѣтей, Клодъ и Николай, показались за ними.

Отчаяніе овладѣло всѣми. Женщины просто рыдали навзрыдъ. Дѣти испуганно и молчаливо слушали. По всей деревнѣ повторялись тѣ же сцены. Плачъ и крики слышались то справа, то слѣва. Толпы приходили одна за другой, у каждаго дома останавливались и кричали:

„Рабочій день въ лѣсу—оцѣненъ въ двѣнадцать су!“

Дровосѣки, угольщики, сплавщики — всѣ понурили головами. О жатвѣ никто не думалъ. Бѣда была страшнѣе града, который побиваетъ одну только жатву, тутъ же бѣдствію конца не предвидѣлось. Если уменьшается поденная плата, то уменьшается она надолго, на цѣлые годы, особливо, когда это уменьшеніе зависитъ отъ произвола одного человѣка, которому принадлежитъ безраздѣльно все въ цѣлой мѣстности.

Старый Жанъ, молча потупивъ голову, сидѣлъ на своей скамейкѣ. Только тогда, когда рыданія сдѣлались непрерывными и матери, цалуя своихъ дѣтей, стали говорить имъ:

— Отнимутъ они васъ у меня, захирѣете вы, съ голоду пропадете...

Онъ поднялъ голову и произнесъ съ разстановкою:

— Къ чему ведетъ весь этотъ плачъ и взвизгиванія? Все, что ты разсказывалъ, Тибо, дѣло не новое. Кто же не знаетъ, что когда господинъ проигрывается въ карты, мы платимъ своимъ трудомъ за него, платимъ также и тогда, какъ ему приходитъ охота строить себѣ дворцы и разводить сады, какъ у короля, и тогда, когда онъ таскается съ развратницами—за все платимъ мы, за все платитъ бѣдный народъ. Это мы всѣ знаемъ, но что намъ дѣлать? Заявить о нашемъ положеніи владѣльцу водъ и лѣсовъ? Это не поведетъ ни къ чему. Мы всѣ знаемъ, что всѣ мы ничего не значимъ, что насъ не станутъ слушать, что насъ считаютъ нестоющими никакого вниманія. Я увѣренъ, что еслибы мы только осмѣлились сдѣлать наше заявленіе, то господинъ просто отказалъ бы намъ во всякой работѣ и прогналъ насъ отсюда — не такъ ли?

Digitized by Google

Тибо ничего не отвѣчалъ и раздраженно шагалъ вдоль и поперегъ комнаты.

— Не уйти ли намъ искать работы въ другое мѣсто? продолжалъ старикъ печально: — но куда идти? да и гдѣ мы найдемъ достаточно для себя работы? за десять или за пятнадцать льё отсюда, въ другую мѣстность, къ другому владѣльцу? Но развѣ и тамъ не ждутъ насъ тѣ же тягости, тѣ же поборы и переборы, тѣ же несправедливости, которыя, конечно, вездѣ одинаковы? Почему мы знаемъ, что графы Сальмъ, Дабо и другіе платятъ не хуже, чѣмъ нашъ владѣлецъ? И развѣ слухъ, что въ Дозенгеймѣ уменьшена плата рабочаго дня, не послужитъ къ тому, что въ другихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ не введутъ также этого уменьшенія?

Онъ ждалъ отвѣта и возраженія, но никто ничего не могъ отвѣтить.

— Когда сознаешь себя, дѣти мои, лишеннымъ крова и безсильнымъ, когда нельзя ничего требовать, ничего измѣнить, остается одно: покориться своей участи. Намъ надо будетъ уменьшить свои издержки.

— Но что же мы станемъ уменьшать, на чемъ хочешь ты дѣлать уменьшенія? съ отчаяніемъ произнесла Анна.

— Я не хочу, Анна, пойми меня, разстроганно продолжалъ старикъ:—я говорю только: *надобно* дѣлать уменьшенія—надобно, потому, что никакого другого способа нѣтъ выйти изъ бѣды; если кто знаетъ такой способъ, пусть говоритъ.

Онъ обратился съ вопросительнымъ взоромъ къ Тибо, но тотъ, понуривъ голову, опустился молча на скамейку, и глядѣлъ безцѣльно впередъ.

Старая Тереза поставила, между тѣмъ, на столъ большую миску съ бобами. Изъ сосѣдняго дома доносился плачь.

— Сядемте же за столъ, печально сказалъ старикъ:—и станемъ ужинать. Надо будетъ подумать, посмотрѣть, и главное, потерпѣть. Можетъ быть, въ концѣ-концовъ Богъ еще и не совсѣмъ насъ оставилъ.

И онъ, чтобы подать примѣръ, первый сѣлъ къ столу, вокругъ котораго вслѣдъ за нимъ помѣстились старые и малые и стали ѣсть, хотя ѣда никому не шла на умъ. Женщины время отъ времени оборачивались, чтобы утереть слезы, набѣгавшія имъ на глаза. Мало по малу дѣти становились пооживленнѣе. Только Тибо съ женою не подходили къ столу. Онъ задумчиво сидѣлъ у огня и на сжатыхъ его губахъ бродила неопредѣленная улыбка.

Такъ бывало въ „доброе, старое время". Монахи и господа

Digitized by Google

наслаждались всѣмъ, народъ не имѣлъ ничего, кромѣ надежды на Бога.

Революція все это измѣнила! она разрушила привиллегіи, основала гражданскую равноправность и отдала крестьянамъ въ собственность земли, которыя они въ теченіе двѣнадцати столѣтій обработывали для дворянства. Отчего же въ наши дни крестьяне не подаютъ, подобно горожанамъ, своихъ голосовъ для упроченія правъ человѣка и за республику? Развѣ они сожалѣютъ о своемъ минувшемъ рабствѣ, о всѣхъ прежнихъ безчисленныхъ податяхъ и налогахъ, десятинныхъ сборахъ, заставныхъ пошлинахъ, подушныхъ и т. д., раздавливавшихъ ихъ дѣдовъ до 89 года? Нѣтъ! Но бѣдняги не знаютъ исторіи великой французской революціи. Ихъ учатъ только священной исторіи и катихизису. Вотъ все, что они знаютъ! Между тѣмъ для Франціи все спасенье въ одномъ: просвѣтить народъ, разсказать ему исторію его предковъ и основать демократію на національныхъ основаніяхъ.

Пусть же принимаются за дѣло всѣ люди, желающіе народу блага! Станемъ говорить и писать для деревенскаго населенія языкомъ простымъ, сильнымъ и понятнымъ для народа. Откажемся на время отъ громкихъ фразъ и красивыхъ словъ, изящества рѣчи и академическихъ тонкостей изложенія. По правдѣ приходится сказать, что изъ всѣхъ книгъ, появляющихся во Франціи, нѣтъ ни одной, которая была бы понятна простолюдину. Производятся изысканія, пишутся книги—и все идетъ на пользу угнетателей, а народъ, который оставляютъ въ невѣжествѣ, подаетъ свои голоса въ пользу честолюбцевъ и интригановъ, эксплуатирующихъ его. Вотъ тайна всѣхъ нашихъ бѣдствій за цѣлые семьдесятъ лѣтъ!

III.

СТАРЫЯ БУМАГИ.

Когда я былъ ребенкомъ, то каждый вечеръ, по окончаніи школы, бывалъ у токаря Жанъ-Пьера-Кустеля, домикъ котораго находился въ концѣ деревни. Кустель былъ старичокъ въ пресмѣшномъ парикѣ, съ крысьимъ хвостикомъ, болтавшимся у у него на затылкѣ, и въ разорванныхъ и чрезвычайно широкихъ башмакахъ. Онъ любилъ разсказывать о своихъ походахъ на Рейнъ и Луару, въ Ванде. Разсказывая, онъ смотрѣлъ вамъ прямо въ глаза и тихонько посмѣивался. За нимъ, въ тѣни,

Digitized by Google

обыкновенно за прялкою, помѣщалась его жена, госпожа Жанетта. У ней были большіе черные глаза и волосы такіе бѣлые, что казалось, будто они изо льна. Она вслушивалась въ его разсказы, и едва онъ упоминалъ къ слову о Нантѣ, она оставляла прясть и удваивала свое вниманіе. Въ этомъ городѣ она вышла замужъ за Кустеля въ 93 году.

Все это я помню такъ отчетливо, какъ будто бы видѣлъ только вчера: вотъ два оконца домика Кустеля, обвитыя свѣжимъ плющемъ, вотъ полочка надъ входною и источенною червями дверью, а на ней три улья: вотъ пчелы, которыя, обрадовавшись солнечному дню, вьются и жужжатъ надъ соломенной крышей; а вотъ и самъ согнувшійся Кустель, вытачивающій ножки къ стульямъ. А стружки причудливыми завитками такъ и падаютъ, такъ и падаютъ изъ-подъ его станка.

И вижу я еще, какъ вечеромъ приходитъ къ Кустелю лѣсопромышленникъ Жакъ Шатильонъ съ своими длинными, рыжими бакенбардами и складною саженью подъ мышкой, а вслѣдъ за нимъ идетъ и лѣсничій Бенаси съ патронташемъ на бедрѣ и въ фуражкѣ, съ изображеніемъ охотничьяго рога, на бекрень. А вотъ и Надази, судебный приставъ, разыгрывающій изъ себя сердцеѣда, въ очкахъ, съ гордо поднятымъ носомъ и съ руками, заложенными въ заднихъ карманахъ. Вся его внѣшность какъ будто говоритъ: „я тотъ самый Надази, который приноситъ судебныя повѣстки неисправнымъ должникамъ“. А вотъ и мой дядя Евстафій, котораго всѣ величаютъ „бригадиромъ“, потому что онъ когда-то былъ въ военной службѣ. И многіе другіе еще подходятъ, не говоря уже о женѣ низенькаго портнаго Ригодина, которая всегда къ 9 часамъ приходитъ прямо сюда за мужемъ, чтобы помѣшать ему выпить лишнюю чарку, такъ-какъ Жанъ-Пьеръ-Кустель, кромѣ того, что былъ токаремъ по ремеслу, содержалъ еще маленькую распивочную, которая помѣщалась тутъ же, въ его баракѣ, фасадъ котораго почему и былъ украшенъ сосновою вѣткою. Въ зимніе вечера, когда шли дожди или снѣгъ, въ домикѣ Кустеля, гдѣ зажигался большой огонь, было очень весело и пріютно. Дрова потрескивали, прялка Жанеты производила легкій шумокъ, и самое завываніе вѣтра вдоль деревни просто ласкало слухъ.

Я, бывало, весь вечеръ сижу, не шевелясь, въ уголкѣ, и мнѣ и пріятно и весело, и сижу до тѣхъ поръ, пока дядя Евстафій, выколотивъ пепелъ изъ своей трубки, не произнесетъ, обращаясь ко мнѣ, своей обычной фразы:

— Ну, Франсуа, намъ съ тобой, братъ, и по домамъ пора... пошевеливайся... спокойной ночи всей компаніи.

Digitized by Google

Вслѣдъ за этимъ онъ обыкновенно поднимался и мы выходили на улицу, вѣчно покрытую или снѣгомъ или грязью, и возвращались ночевать домой къ дѣдушкѣ, который, не дождавшись насъ, никогда самъ не ложился спать.

Все это, минувшее такъ давно, снова оживляется передо мною, едва только я объ немъ вспомню.

Но особенно живо я помню разсказы старой Жанетты объ ея земляхъ, которыхъ у нея нѣкогда было такъ много въ Вандеѣ на морскомъ берегу. Еслибы она съ мужемъ во время съумѣла бы доказать свои права на эту собственность, то они были бы, по ея словамъ, очень и очень богаты.

Должно быть, въ Нантѣ въ 93 году потопили очень много народу, а особенно лицъ, принадлежавшихъ къ значительнымъ аристократическимъ родамъ. По ея словамъ, ихъ сажали по нѣскольку человѣкъ связанными въ лодку, которую спускали на Луару, и тамъ потопляли. Это происходило во время террора, когда и крестьяне Вандеи не давали, съ своей стороны, спуску республиканскимъ солдатамъ и разстрѣливали всѣхъ, кого только имъ удавалось захватить. Истребительная борьба велась съ равнымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ и жалости, повидимому, не существовало. Только если къ потопленію назначали молодыхъ дѣвушекъ и которая-нибудь изъ нихъ приглядывалась кому-либо изъ республиканскихъ солдатъ, то стоило ему заявить о томъ, что онъ хочетъ на ней жениться, а несчастной дать на бракъ свое согласіе, то ее тотчасъ же освобождали. Такимъ порядкомъ и Жанетта сдѣлалась женою Кустеля. Она попала въ роковую лодку, когда ей всего на все было 16 лѣтъ; а дѣвушки въ шестнадцать лѣтъ едва-ли охотно умираютъ. Она была блѣдна, какъ смерть, когда лодка готовилась къ отплытію, и глядѣла вокругъ растерянными глазами, опасаясь, что надъ нею никто не сжалится. Въ это время къ пристани случайно подошелъ Жанъ-Пьеръ-Кустель, съ ружьемъ на плечѣ, и увидавъ отплывающую лодку и блѣдную дѣвушку, закричалъ:

— Эй! пріятели! не отчаливать! подождите съ минутку! Гражданка, нравлюсь ли я тебѣ?... Я возвращу тебѣ жизнь.

Жанетта, разумѣется, обрадовалась до нельзя; полумертвою отъ страха, бросилась она на грудь Кустеля и они тотчасъ же отправились вмѣстѣ къ меру.

Разсказывала эту исторію Жанетта не всякому, не часто и не охотно. Изрѣдка только проговаривалась она, что въ ранней молодости она была очень счастлива, что у ней было много прислуги и горничныхъ, лошади и кареты. Что было объ этомъ говорить, когда пришлось сдѣлаться женою солдата-республи-

Digitized by Google

канца, самой готовить обѣдъ, чинить рубище, мыть бѣлье! Позабудешь при этомъ о замкахъ великолѣпныхъ, да прогулкахъ, да о почетѣ вандейскихъ крестьянъ. Нахалъ Надази, съ своимъ обыкновеннымъ безстыдствомъ, еще, бывало, подтруниваетъ надъ ней:

— Госпожа помѣщица, крикнетъ, бывало, онъ: — пошевеливайся, кружку пива, рюмочку водки!

Иногда онъ спрашивалъ ее, не получаетъ ли она новостей изъ своихъ помѣстій; при этомъ она взглядывала на него стиснувъ губы, на блѣдныя, впалыя щеки ея приступала краска негодованія; всѣмъ тогда казалось, что вотъ, вотъ она его срѣжетъ, но, вмѣсто этого, она опускала уныло голову и наливала и подавала молча то, что онъ требовалъ.

Еслибы Надази не покучивалъ въ роспивочной, Кустель давно бы его вытолкалъ за дверь; но онъ всегда расплачивался чистоганомъ, а когда гнететъ нужда, то на многое приходится смотрѣть сквозь пальцы. Негодяи это знаютъ и умѣютъ этимъ пользоваться. Они никогда не позволяютъ себѣ насмѣшки надъ тѣми, отъ кого могли бы, какъ, напримѣръ, отъ дяди Евстафія, получить за это по уху: они для этого весьма благоразумны. Злость беретъ, что такихъ людей иногда приходится выносить противъ воли; но люди этого разбора всѣмъ извѣстны, почему я и продолжаю свой разсказъ, не вдаваясь объ нихъ въ дальнѣйшія разсужденія.

Однажды, въ концѣ осени 1830 года, во время страшнаго ливня, когда всѣ мы были въ сборѣ въ роспивочной, часовъ около восьми, Бенаси зашелъ туда же и сказалъ:

— Господи, что за погода! Если этотъ ливень не перестанетъ, то всѣ три пруда переполнятся и затопятъ деревню.

И онъ снялъ свою мокрую фуражку и стащилъ съ себя блузу, чтобы повѣсить ее къ огню просушиться. Потомъ самъ сѣлъ къ огню на край скамейки, сказавъ Надази:

— Подвигайся, полупочтенный, чтобы я могъ сѣсть поближе къ бригадиру.

Надази не осмѣлился возражать и молча подвинулся.

Бенаси, несмотря на адскую погоду, былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ сталъ разсказывать, что видѣлъ въ это утро стаю дикихъ гусей, прилетѣвшихъ съ сѣвера, что крики ихъ гулко разносились въ воздухѣ, и что они сѣли на прудѣ Трехъ Пильницъ, что онъ разглядѣлъ ихъ тамъ издалека и что, слѣдовательно, прибрежная охота скоро начнется.

Все это онъ весело разсказывалъ, посмѣиваясь, потирая руки и прихлебывая вино. Дядя Евстафій замѣтилъ, что онъ охотно

Digitized by Google

отправился бы на эту охоту на конѣ, но что вязнуть въ болотѣ по уши, хотя бы и въ высокихъ сапогахъ, ему не представляется особенно привлекательнымъ. Каждый при этомъ замолвилъ и свое слово. Вдругъ Жаннета особенно задумчиво произнесла:

— И у меня были нѣкогда свои болота и пруды!

— Вотъ оно что! насмѣшливо вскричалъ Надази, заносчивымъ тономъ:—у госпожи Жаннеты, слушайте же господа, были свои пруды.

— Что же дѣлать мнѣ, когда они дѣйствительно у меня были?

— Гдѣ же бы это—интересно было бы знать?

— Въ Вандеѣ, на морскомъ берегу.

И такъ-какъ Надази пожалъ при этомъ плечами съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ этимъ жестомъ сказать: „старуха просто помѣшана!", то Жанетта поспѣшно поднялась куда-то по небольшой лѣстницѣ, находившейся въ глубокой комнатѣ, и тотчасъ же возвратилась съ корзинкою, гдѣ, среди множества тряпокъ, нитокъ, иголокъ и катушекъ отъ бумаги, лежали и какіе-то закарузлые листы пергамента. Она важно поставила корзинку на столъ.

— Вотъ всѣ наши бумаги, сказала она:—на право владѣнія замкомъ, прудами и парками. Мы хлопотали потомъ при Людовикѣ XVIII, но родственники не соглашались ничего возвратить намъ, такъ-какъ я обезчестила ихъ родъ, выйдя замужъ за санкюлота. Надобно было начинать процессъ, а у насъ не на что было нанять адвоката. Правду ли я говорю, Кустель, ты вѣдь долженъ все это помнить?

— Да, отвѣтилъ ей токарь безучастно.

Никто изъ общества не обратилъ вниманія на эти старые пергаменты, какъ не обратилъ бы вниманія на пачки ассигнацій временъ первой республики, которыя не рѣдкость было увидѣть въ тѣ времена въ иной старушечьей корзинѣ. Но Надази, желая подсмѣяться на счетъ Жанетты, съ важнымъ видомъ развернулъ одинъ изъ пергаментовъ. Вдругъ все лицо его измѣнилось, и стало серьёзнымъ, какъ никогда. Онъ протеръ очки свои, пробѣжалъ написанное на пергаментѣ и обратился къ бѣдной старушонкѣ, усѣвшейся снова за прялку.

— И это дѣйствительно ваши бумаги, госпожа Жанетта? спросилъ онъ.

— А то чьи же еще?

— А вы не дадите ли мнѣ ихъ хорошенько разсмотрѣть?

— Бери съ богомъ и дѣлай съ ними что знаешь, они намъ

Digitized by Google

никуда уже не понадобятся; мы же съ Кустелемъ и читать не умѣемъ.

Тогда Надази, вдругъ отчего-то поблѣднѣвшій, выбралъ изъ корзинки всѣ бумаги, тщательно сложилъ ихъ и спряталъ себѣ въ боковой карманъ.

— Я ихъ дома еще просмотрю.. кстати же, уже девять часовъ и пора и на боковую, сказалъ онъ, поспѣшно подымаясь съ мѣста.

Ровно черезъ недѣлю послѣ этого Надази поѣхалъ въ Вандею. Передъ отъѣздомъ онъ заставилъ Кустеля и Жанетту выдать ему формальную довѣренность на право иска, отчужденія и продажи всѣхъ ихъ имуществъ, принимая на себя всѣ предварительныя издержки, которыя Кустели обязывались ему уплатить, въ случаѣ, если онъ вернетъ имъ ихъ наслѣдство.

Съ этихъ поръ по всей деревнѣ прошли толки о томъ, что у госпожи Жанетты есть свой замокъ въ Вандеѣ, что Кустелямъ придется получить огромную ренту и т. д. Толкамъ этимъ положило конецъ письмо отъ Надази, гдѣ онъ извѣщалъ токаря, что къ несчастію онъ опоздалъ шестью недѣлями, что родной братъ Жанетты уже успѣлъ запастись документомъ, въ которомъ было ясно, какъ дважды два, прописано, что онъ владѣетъ помѣстьемъ ровно тридцать лѣтъ. Владѣніе же въ теченіе тридцати лѣтъ по закону считается равносильнымъ полному праву собственности, почему Кустели и потеряли всякое право искать съ него, пользовавшагося имѣніемъ тридцать лѣтъ сряду.

Новость эта очень огорчила бѣдныхъ людей—она отнимала отъ нихъ всякую надежду поправиться, что̀ было особенно горько въ ту минуту, когда они стали считать возможнымъ возвращеніе богатства Жанетты, и всѣ жители уже начинали смотрѣть на нихъ съ нѣкоторою завистью и почтеніемъ, какъ на людей, которые должны непремѣнно вскорѣ разбогатѣть. Убогая доля ихъ показалась имъ съ этихъ поръ какъ-то особенно тяжелой, и вскорѣ оба они, одинъ за другой умерли. Передъ смертью они раскаявались въ своемъ увлеченіи надеждою обладанія земными благами, и закрыли глаза съ полнѣйшею вѣрою въ вѣчную жизнь и блаженство.

Надази продалъ свою должность пристава, и никогда болѣе не возвращался уже на родину. Вѣроятно, онъ снискалъ себѣ какое нибудь занятіе болѣе выгодное, чѣмъ разноска судебныхъ рѣшеній.

Много лѣтъ прошло со времени мною разсказаннаго. Правительство Луи-Филиппа прошло, прошла и республика. Супруги Кустель мирно покоились на погостѣ, и я думаю, что отъ самыхъ

Digitized by Google

костей ихъ не оставалось уже и праха. Я исполнялъ уже на почтѣ должность моего давно умершаго дѣда, дядя Евстафій тоже успѣлъ давно отправиться, по его выраженію, „въ вѣчный и безсрочный отпускъ“, только однажды, во время открытія водянаго сезона въ Баденѣ и Гомбургѣ, мнѣ случилось видѣть нѣчто весьма странное, заставляющее порою меня даже и теперь задумываться. Въ одно утро, когда почтовая гонка была какъ нарочно очень сильная, на почту прискакалъ домашній курьеръ какого-то барона де-Розельера, чтобы предварить меня объ его скоромъ пріѣздѣ. Я обѣдалъ и бросилъ ѣду, чтобы посмотрѣть, есть ли годныя къ ѣздѣ запасныя лошади. Къ счастію, ихъ можно было сейчасъ впрягать, а времени терять было нѣкогда. Экипажъ барона уже приближался. Стали запрягать, и я хотѣлъ удалиться, какъ вдругъ изъ окна кареты выглянула старая фигура, приведшая меня въ невольное изумленіе. Сухой морщинистый старикъ въ золотыхъ очкахъ—былъ ни дать ни взять Надази, столько истасканный, усталый, болѣзненный. Изъ-за него выглянуло свѣтлое личико дѣвушки. Я просто въ себя не могъ придти отъ такого невѣроятнаго сходства.

— Какъ называется эта деревня? обратился ко мнѣ старикъ, зѣвая.

— Ланевиль, сударь, отвѣчалъ я.

Старикъ меня очевидно не узналъ, но его какъ-то подернуло назадъ. Тогда я замѣтилъ, что въ каретѣ сидѣла еще какая-то старая дама.

Лошади были впряжены, экипажъ умчался.

Удивленію моему просто не было границъ. Разныя мысли такъ и зароились у меня въ головѣ. Этотъ баронъ де-Розельеръ былъ положительно Надази! Пусть накажетъ меня Богъ, если я ошибаюсь, но я до сихъ поръ увѣренъ, что это былъ онъ самый. Я полагаю теперь, что онъ продалъ бумаги бѣдной Жанетты, и залѣзъ въ новую шкуру, какъ дѣлаютъ многіе негодяи, измѣнивъ самую фамилію, чтобы скрыть всякіе слѣды своего прошлаго. Что много бы помѣшать такой его продѣлкѣ? Развѣ довѣренность не была сдѣлана по формѣ, если только всѣ документы были въ порядкѣ? Теперь же онъ поди, уже тридцать лѣтъ владѣетъ имѣньемъ—и стало быть оно сдѣлалось его полною собственностью. Сколько однакожь гадостей бываетъ въ жизни!.. И какъ это только Богъ позволяетъ всему такому происходить!

Digitized by Google

СОМНѢВАЮЩІЙСЯ.

Lui! toujours lui!
Victor Hugo.

Онъ началъ задумываться почти внезапно.

Видъ задумывающагося человѣка вообще производитъ тягостное впечатлѣніе, но когда видишь задумывающагося помпадура, то дѣлается не только тяжело, но даже неловко. И тутъ, и тамъ—тайна, но въ первомъ случаѣ—тайна, до которой никому нѣтъ дѣла, во второмъ — тайна, къ которой всякій невольнымъ образомъ чувствуетъ себя прикосновеннымъ. Эта послѣдняя тайна очень мучительна, ибо неизвѣстно, что̀ именно она означаетъ: сомнѣніе, или рѣшимость?

Если задумчивость имѣетъ источникомъ сомнѣніе, то она для обывателей выгодна. Сомнѣніе (на помпадурскомъ языкѣ)—это не что иное, какъ разбродъ мыслей. Мысли бродятъ, какъ въ лѣтнее время мухи по столу; побродятъ, побродятъ и улетятъ. Сомнѣвающійся помпадуръ—это простой смертный, предпринявшій ревизію своей души, а такъ-какъ мѣстопребываніе послѣдней неизвѣстно, то и выходитъ пустое дѣло.

Совсѣмъ другого рода задумчивость, предшествующая рѣшимости: это задумчивость, полная содержанія, но содержанія неизвѣстнаго, угрожающаго. А такъ-какъ исторія слишкомъ рѣдко представляетъ примѣры помпадуровъ сомнѣвающихся, то и обыватели охотнѣе истолковываютъ помпадурскую задумчивость рѣшимостью, нежели сомнѣніемъ. Задумался — значитъ вознамѣрился нѣчто предпринять. Что̀ именно?

На этотъ разъ, однакожъ, содержаніе задумчивости составляло сомнѣніе. Вчера еще онъ былъ полонъ силъ и вѣры—и вдругъ усомнился.

Изъ объясненій съ письмоводителемъ, онъ совершенно случайно узналъ, что существуетъ законъ, который въ извѣстныхъ

Digitized by Google

случахъ разрѣшаетъ, въ другихъ — связываетъ. И до того времени, ему, конечно, было не безъизвѣстно, что законъ есть, но онъ представлялъ его себѣ въ видѣ переплетенныхъ книгъ, стоящихъ въ шкафу въ городническомъ правленіи. Когда эти книги валялись по столамъ и имѣли разорванный и замасляный видъ, то онъ называлъ это безпорядкомъ; когда онѣ стояли чинно на полкѣ, онъ былъ убѣжденъ, что порядокъ у него въ лучшемъ видѣ. Но разрѣшающей или связывающей силы закона онъ не зналъ, и даже скорѣе предполагалъ, что законъ есть не что иное, какъ диѳирамбъ, сочиненный на пользу и въ поощреніе помпадурамъ. И такъ-какъ онъ былъ человѣкъ скромный, и всегда краснѣлъ, когда его въ глаза хвалили, то понятно, что онъ не особенно любилъ заглядывать въ законы.

И вотъ, въ одно прекрасное утро, когда онъ предположилъ окончательно размахнуться, письмоводитель объявилъ ему о существованіи закона, который маханію руками поставляетъ извѣстные предѣлы.

— Возьмемъ хоть бы эту самую лозу, сказалъ онъ: — есть случаи, въ которыхъ дѣйствіе ея признается полезнымъ, и есть другіе, въ которыхъ дѣйствіе сіе совсѣмъ не допущается-съ.

— Что-жь, вы, что-ли, будете указывать мнѣ, когда можно и когда нельзя? спросилъ онъ нѣсколько иронически.

— Не я-съ, а законъ-съ.

— Весьма любопытно.

На этотъ разъ разговоръ исчерпался; но въ то же утро, придя въ правленіе и проходя мимо шкафа съ законами, помпадуръ почувствовалъ, что его нѣчто какъ бы обожгло. Подозрѣніе, что въ шкафу скрывается змій, уже запало въ его душу, и породило какое-то страстное любопытство.

Что̀ заключается въ этихъ томахъ, глядящихъ корешками наружу? Какимъ слогомъ написано то, что̀ тамъ заключается? Употребляются ли слова, въ родѣ „закатить“, „влѣпить“, которыя онъ считалъ совершенно достаточными для отправленія своего несложнаго правосудія? или, быть можетъ, тамъ стоятъ совершенно другія слова? И точно ли тамъ заключается это странное слово „нельзя“, которое, съ самой минуты своего вступленія въ помпадуры, онъ считалъ упраздненнымъ, и о которомъ такъ не въ пору напомнилъ ему письмоводитель?

Все это было до такой степени любопытно, что несмотря на то, что онъ всячески старался не выказать своего безпокойства, подъ конецъ не выдержалъ-таки, и какъ-то боязливо улыбаясь обратился къ письмоводителю:

— А, ну-те-съ; желаю я, напримѣръ, подвергнуть тѣлесному

Digitized by Google

наказанію мѣщанина Прохорова... какъ-съ? разрѣшите вы мнѣ, или нѣтъ?

— Мнѣ что же-съ; не я, а законъ-съ.

— Ну, положимъ, хоть бы и законъ-съ?

Письмоводитель направился-было къ шкапу, но на полдорогѣ остановился.

— Келейно-съ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не келейно, а какъ слѣдуетъ... по закону-съ!

Письмоводитель раскрылъ томъ, и показалъ статью о лицахъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія.

Онъ прочиталъ однажды; потомъ какъ-то механически повторилъ прочитанное по складамъ. На него вдругъ пахнуло чѣмъ-то совершенно новымъ и неожиданнымъ.

— А въ указѣ, который по сему предмету изданъ былъ, даже прямо истолковано, объяснялъ между тѣмъ письмоводитель:—что мѣщане потому отъ тѣлеснаго наказанія изъемлются, что они, какъ образованные, имѣютъ больше чувствительности...

— А въ какомъ университетѣ Прохоровъ образованіе получилъ?

— Какое образованіе-съ... просто дикій человѣкъ-съ!

— Влѣпить ему!

Никогда онъ не былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи духа. Опасность, казалось, придала ему крылья, и превратила предназначенную Прохорову казнь въ какую-то личную противъ него месть. При обыкновенномъ ходѣ вещей, Прохоровъ, быть можетъ, былъ бы отпущенъ съ однимъ внушеніемъ, теперь же онъ представлялъ собою врага, на которомъ должна была найти себѣ примѣненіе первая изъ помпадурскихъ доблестей: презрѣніе къ опасностямъ. До сихъ поръ, не сомнѣваясь въ диопрамбическомъ содержаніи закона, помпадуръ руководился исключительно инстинктомъ, и потому размахивался лишь въ такихъ случаяхъ, когда того требовала его широкая натура. Теперь, эта самая широкая натура, разожженная непредвидѣннымъ препятствіемъ, выступила разомъ со всѣми своими правами, и какъ бы подсказывала ему: да докажи ты ему, милый человѣкъ, каково-таково существуетъ въ пользу его изъятіе!

— Не позволите ли келейно-съ? докладывалъ встревоженный письмоводитель:—все одно свою порцію получитъ-съ?

Но онъ уже не слушалъ, а съ какою-то дурной ироніей повторялъ:

— Нѣтъ, по закону-съ! Я — по закону-съ! Не отступая-съ... ни на шагъ-съ... ни на волосъ-съ!

И затѣмъ, приготовился выйти изъ присутствія, но въ дверяхъ,

Digitized by Google

какъ бы вспомнивъ нѣчто, опять повернулся всѣмъ корпусомъ къ письмоводителю и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Влѣпить-съ!

Очевидно было, однакожь, что это былъ послѣдній, почти насильственный взрывъ темперамента, не вѣдавшаго узды. Мысль была ужь возбуждена, и ежели не осадила человѣка сразу, то въ скорѣйшемъ будущемъ должна была выйти побѣдительницей.

Мучимый любопытствомъ, онъ напрасно старался подавить тревожное чувство, овладѣвшее всѣмъ существомъ его. Онъ дурно обѣдалъ, дурно спалъ послѣ обѣда. Работа разложенія дѣлала свое дѣло, и прежнее прочное и цѣльное міросозерцаніе терпѣло видимые ущербы. До сихъ поръ, онъ относился къ встрѣчающимся въ природѣ разновидностямъ почти безсознательно, какъ къ созданію своего внутренняго *я*. Одномастность была единственнымъ регуляторомъ привиллегированности, и какъ только кончалась первая, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, сама собой прекращалась и вторая. И вдругъ оказывается, что разновидности существуютъ въ природѣ вполнѣ независимо отъ личныхъ его вкусовъ и даже предъявляютъ претензію на обязательное ихъ признаніе.

„Изъ сего изъемлются"... Эти слова онъ видѣлъ самъ, собственными глазами, и чѣмъ больше вдумывался въ нихъ, тѣмъ больше они его поражали. Первая степень изумленія формулировалась такъ: отчего же я этого не зналъ? Во второй степени формула уже усложнялась и представлялась въ такомъ видѣ: отчего же, несмотря на несомнѣнность изъятій, я всегда дѣйствовалъ такъ, какъ бы ихъ не существовало, и никакого ущерба отъ того для себя не получалъ?

Это былъ вопросъ на столько для него существенный, что онъ даже предложилъ его письмоводителю.

— До поры, до времени-съ, уклончиво отвѣчалъ послѣдній:— вонъ Филиппъ Филиппычъ (предмѣстникъ помпадура) тоже блаженствовали, да пріѣхалъ ревизоръ-съ...

— Позвольте! не объ этомъ васъ спрашиваютъ. Ревизоръ — это само собою. Это, коли и я захочу: пріѣду и прекращу. Но вѣдь вы говорите, что они, эти изъятія-то, всегда существуютъ и существовали?

— Всегда-съ.

— Не въ ревизорѣ, а въ законѣ... вотъ здѣсь, у насъ въ шкапу?

— Точно такъ-съ.

Digitized by Google

— Почему же?!

Онъ выпрямился во весь ростъ, какъ бы говоря: ты видишь, однако, что я до сихъ поръ живехонекъ!

— То-то, все до поры, до времени-съ.

Отвѣтъ этотъ, однакожь, не удовлетворилъ его, потому что письмоводитель только переставлялъ центры тяжести: отъ помпадура къ ревизору. А ему хотѣлось знать, какимъ образомъ этотъ центръ тяжести, будучи первоначально заключенъ въ шкапу съ законами, вдругъ оттуда исчезъ, а теперь, въ роли непомнящаго родства, перебѣгаетъ отъ помпадура къ ревизору, а отъ ревизора опять къ помпадуру.

— Дуракъ! сказалъ онъ рѣзко.

Письмоводитель слегка зарумянился и уткнулся въ бумагу.

Онъ это замѣтилъ и поспѣшилъ поправиться.

— Извините, пожалуйста: я погорячился. Постараемтесь привести это дѣло въ ясность. Итакъ, вы утверждаете, что изъятія существуютъ?

— Существуютъ-съ.

— Что они не могутъ быть ни отмѣнены, ни измѣнены? Что и я, и ревизоръ, и чортъ, и дьяволъ — всѣ одинаково обязаны имѣть ихъ въ виду и соображаться съ ними? Такъ, что ли?

— Точно такъ-съ.

— Почему-жь?!

Онъ опять выпрямился во весь ростъ, какъ бы спрашивая: да почему-жь я до сихъ поръ живъ-живёхонекъ?

— Все до поры до времени-съ...

— Садитесь!

Загадка не давалась какъ кладъ. На всѣ лады перевертывалъ онъ ее и все оказывалось, что онъ кружится, какъ бѣлка въ колесѣ. Съ одной стороны, складывалось такъ: ежели эти изъятія, о которыхъ говоритъ письмоводитель,—изъятія солидныя, то, стало быть, мнѣ матъ. Съ другой стороны, выходило и такъ: ежели я никакихъ изъятій никогда не зналъ и не знаю, и за всѣмъ тѣмъ чувствую себя совершенно хорошо, то, стало быть, матъ изъятіямъ.

Что письмоводитель смѣшалъ тутъ два предмета совершенно разнородныхъ: ревизора и шкапъ съ законами, это было для него ясно. Что̀ такое ревизоръ? Это человѣкъ, сложенный изъ такого же матеріала, какъ и онъ, помпадуръ. Это помпадуръ въ квадратѣ — и ничего больше. Онъ приступаетъ къ дѣлу съ такими же голыми руками, какъ и самый послѣдній изъ помпадуровъ. Онъ можетъ знать, что̀ происходитъ въ шкапу съ законами, но можетъ и не знать — дѣло отъ того отнюдь не по-

Digitized by Google

страдаетъ. Онъ тоже ограниченъ словами „до поры, до времени“, и, стало быть, въ свою очередь, долженъ состоять въ непрерывномъ опасеніи ревизора. Этотъ послѣдній будетъ уже помпадуръ въ кубѣ, но все-таки не болѣе какъ помпадуръ, имѣющій въ виду грядущаго вдали помпадура четвертой степени. Какое же отношеніе во всему этому можетъ имѣть шкапъ съ законами?

Но, быть можетъ, въ этомъ шкапу заключался не самый источникъ „поры“ и „времени“, а только тотъ матеріалъ, который давалъ возможность, въ удобный, по усмотрѣнію, моментъ, опредѣлить „пору“ и „время“? Это ли хотѣлъ сказать письмоводитель?

Вѣроятнѣе всего, письмоводитель именно такъ и разумѣлъ это дѣло. Онъ былъ слишкомъ опытенъ въ обращеніи съ шкапами, чтобы видѣть въ нихъ что-нибудь больше, нежели простые шкапы. За бытность его въ этой должности, передъ глазами его преемственно прошло до десятка помпадуровъ, и всѣ они исчезли, какъ дымъ, именно въ силу правила: до поры, до времени. Въ этомъ правилѣ заключалась, по мнѣнію его, вся жизнь. Онъ распространялъ его не только на помпадуровъ, но и на всю природу, на все окружающее. Видѣлъ ли онъ безсвѣтное ликованіе, или осторожность, доходящую до трепета, онъ говорилъ: до поры, до времени, и всегда оказывался пророкомъ. На ликующаго человѣка набѣгалъ помпадуръ и съ словами: „ты что горло-то распустилъ?“ приказывалъ взять его въ часть. Тотъ же помпадуръ набѣгалъ и на осторожнаго человѣка, и съ словами: „прятаться, что ли, ты отъ меня хочешь?“ тоже приказывалъ взять его въ часть. Даже и самого себя письмоводитель не исключалъ изъ этого правила, и зналъ, что и для него придетъ пора и время.

Но здѣсь онъ былъ непослѣдователенъ, и вмѣсто того, чтобы ждать бодро и твердо наступленія своего часа, уклонялся, лавировалъ и всячески старался объ его отдаленіи. Инстинктъ самосохраненія былъ слишкомъ силенъ, именно тотъ инстинктъ, который заставляетъ осужденнаго на казнь питать надежды, которымъ никогда не суждено сбыться. Подстрекаемый этимъ инстинктомъ, онъ обращалъ тоскливые взоры къ шкапу съ законами, и какъ бы ждалъ выжидая отъ него защиты. Онъ зналъ, что ожиданія его тщетны — и все-таки ждалъ. Это была слабая сторона его философіи, почти отрицаніе ея, и нельзя сказать, чтобъ онъ не понималъ этого. Иногда отгораживаніе себя отъ преждевременнаго наступленія „часа“ требовало отъ него такихъ усилій, что онъ даже помышлялъ

Digitized by Google

бросить это дѣло. „Брошусь, да и поплыву по всему раздолью, какъ прочіе!“ раздумывалъ онъ, но инстинктъ самосохраненія такъ и зудилъ, такъ и напоминалъ: погоди! Можетъ быть, и завтра живъ будешь! И такимъ образомъ онъ жилъ, питая, съ одной стороны, твердое упованіе, что „часъ“ неизбѣженъ, съ другой—одобряя себя смутною надеждою, не придетъ ли къ нему въ этотъ страшный моментъ на выручку шкапъ съ завѣтами.

Помпадуръ понялъ это противорѣчіе, и, для начала, признавъ безусловно вѣрною только первую половину письмоводителевой философіи, то-есть, что на свѣтѣ нѣтъ ничего безусловно-обезпеченнаго, ничего такого, что̀ не подчинялось бы закону норы и времени. Онъ обнялъ совокупность явленій, лежавшихъ въ районѣ его духовнаго ока, и вынужденъ былъ согласиться, что весь міръ стоитъ на этомъ краеугольномъ камнѣ. „Все тутъ-съ“. Прійдя къ этому заключенію, и примѣнивъ его спеціально къ обывателю, онъ даже разчувствовался.

— Вѣдь вотъ, говорилъ онъ самъ съ собою: — у него даже минуты такой нѣтъ... совсѣмъ безопасной! Возьмемъ, напримѣръ, хоть меня. Ну, ревизоръ, ну, тамъ чортъ-дьяволъ... конечно, это въ своемъ родѣ моментъ! Но вѣдь не свалится же онъ во мнѣ, какъ камень на голову. Все же предупредятъ какъ нибудь; шидулочку, по секрету, добрый человѣкъ напишетъ: ѣдетъ, молъ. Ну, вотъ хоть бы этого самаго Прохорова на время и убрать можно, чтобъ ревизору въ глаза не кинулся. Да и самый этотъ ревизоръ, — вѣдь онъ тоже помпадуръ! развѣ ему эти чувства неизвѣстны! Стало быть, можно и разговоръ съ нимъ повести. А обыватель? кто его предупредитъ? и что онъ предпринять можетъ?.. Н-да-съ! для него всегда „пора“ и всегда „время“. Завсегда онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ. Онъ думаетъ кусокъ до рта донести — анъ тутъ пришла „пора“ — и полетѣлъ кусокъ на полъ. Вотъ-съ.

Богъ-вѣсть, куда привело бы его это грустное настроеніе мыслей, еслибъ онъ не сознавалъ, что вопросъ, возбужденный письмоводителемъ, долженъ быть разрѣшенъ, помимо сантиментальныхъ соображеній, лично для него самаго. И онъ приступилъ къ этому разрѣшенію прямо, безъ колебаній.

— Если пора и время неизбѣжны, размышлялъ онъ:—то, стало быть, нечего объ нихъ и думать. Существованіе ихъ равняется ихъ несуществованію, ибо необезпеченность, возведенная въ принципъ, вполнѣ равняется обезпеченности. Omnia mea mecum porto — что съ меня возьмешь! Если я совсѣмъ-совсѣмъ не обезпеченъ, то это значитъ, что я обезпеченъ вполнѣ. *Гдѣ столъ былъ ястъ—тамъ гробъ стоитъ* — и ничего больше. Се-

Digitized by Google

годня я помпадуръ, стою прямо и бодро; завтра явился помпадуръ въ квадратѣ — прилетѣлъ и переломилъ. *Гдѣ пиршества раздавались клики, надгробные тамъ воютъ лики* — вотъ и все.

— Да-съ, все-съ, повторилъ онъ уже вслухъ, и это теченіе мыслей было бы крайне для него благопріятно, еслибъ оно не было разстроено однимъ, совершенно случайнымъ обстоятельствомъ.

Дѣло въ томъ, что, разгуливая безпокойно по комнатѣ, онъ нечаянно налетѣлъ на шкапъ съ законами.

— Вотъ гдѣ „пора" и „время"! шепнулъ ему какой-то таинственный голосъ.

— Вздоръ-съ! заревѣлъ онъ во все горло въ отвѣтъ этому предостереженію, но тутъ же сконфузился и поблѣднѣлъ.

Инстинктъ самосохраненія, уже испортившій цѣльность міросозерцанія письмоводителя, вспыхнулъ и въ немъ.

Онъ судорожно схватилъ въ руки томъ, и началъ его перелистывать. Что онъ тамъ увидѣлъ! Боже! что онъ увидѣлъ!

Онъ увидѣлъ, что вся жизнь человѣческая предусмотрѣна и опредѣлена. Вся, начиная съ питанія, и кончая просвѣщеніемъ и обязанностью устраивать фабрики и заводы, и содержать въ исправности мосты и перевозы. На все — подробное правило, и за неисполненіе каждаго правила — угроза. Ему, ему... угроза! Да, и ему. И его жизнь предусмотрѣна и опредѣлена, и она обставлена многосложнѣйшими обязанностями и отношеніями. Онъ былъ центромъ, около котораго группировались: и обывательское продовольствіе, и обывательская нравственность, и просвѣщеніе, и торговля. И всему этому присвоялось названіе „обязанностей", но отнюдь не „правъ". Правда, что для выполненія этихъ обязанностей онъ былъ вооруженъ угрозою, но размѣры этой угрозы также были опредѣлены заранѣе, и выходить изъ этихъ размѣровъ представлялось не безопаснымъ.

„Воспрещается", „вмѣняется въ обязанность" — вотъ выраженія, съ которыми онъ совершенно неожиданно вынужденъ былъ познакомиться. Ни „закатить", ни „влѣпить" — ничего подобнаго. Прохоровъ былъ „изъятъ" несомнѣнно.

Онъ былъ подавленъ, уничтоженъ. Тѣмъ не менѣе, капризная мысль его и тутъ не измѣнила своему обычному характеру. Онъ не сказалъ себѣ: „вотъ какое бремя лежитъ на мнѣ, безвѣстномъ кадетѣ, выбравшемся въ помпадуры! вотъ съ чѣмъ надлежало мнѣ познакомиться, прежде, чѣмъ расточать направо и налѣво: „влѣпить", да „закатить"! но вскочилъ, какъ ужаленный и съ какимъ-то горькимъ, нервнымъ смѣхомъ воскликнулъ

Digitized by Google

— Послѣ этого... послѣ этого... зачѣмъ же мы, помпадуры, нужны!

„Нужны ли помпадуры?“ Неотразимая ясность этого вопроса оскорбляла нашего помпадура до крови. И всего больнѣе при этомъ было то, что оскорбленіе шло изнутри, что онъ самъ, своею неумѣренною пытливостью, вызвалъ его.

Съ этой минуты, горькое чувство окрасило все его существованіе. Прямого врага не было, но чувствовалось по всему, что врагъ этотъ существуетъ, что онъ невидимо сопутствуетъ всюду, во всякое время. Явилась страстная потребность полемизировать, но когда полемика воспріяла начало, то оказалось, что она имѣетъ характеръ косвенный, робкій. Въ ея ироніи не сказывалось свободы; ея дерзость проявлялась порывами и свидѣтельствовала о напряженномъ состояніи душевныхъ силъ. Проходя мимо шкапа, онъ улыбался и дѣлалъ головой ироническій жестъ, но даже мало проницательный человѣкъ могъ догадаться, что и улыбкой и жестомъ онъ только обманываетъ самого себя. Съ такою неувѣренностью улыбается человѣкъ передъ врагомъ, котораго имѣетъ причины опасаться, но предъ которымъ считаетъ, однакожъ, нужнымъ слегка похорохориться. Какъ сойдетъ ему съ рукъ эта улыбка? Пройдетъ ли врагъ мимо, не замѣтивъ ея, или же замѣтитъ и тутъ же за нее покараетъ?

Онъ начиналъ полемизировать съ утра. Когда онъ приходилъ въ правленіе, первое лицо, съ которымъ онъ встрѣчался въ передней, былъ неизмѣнный мѣщанинъ Прохоровъ, подобранный въ безчувственномъ видѣ на улицѣ, и посаженный въ часть. Въ прежнее время, свиданіе это имѣло, въ глазахъ помпадура, характеръ обычая, и заканчивалось словомъ „влѣпить!“ Теперь— на первый планъ выступала полемика, то-есть терзаніе, отражающееся не столько на Прохоровѣ, сколько на самомъ помпадурѣ.

— Ну-съ, господинъ Прохоровъ, что̀ скажете? начинаетъ онъ, останавливаясь передъ безобразнымъ малымъ съ отекшимъ лицомъ и налитыми кровью глазами.

— Виноватъ, ваше благородіе!

Горькая улыбка появляется на лицѣ помпадура.

— Что же-съ... съ Богомъ! Будто вы не знаете, что вы изъятые!... Да-съ, изъятые. Это не я говорю, а законъ-съ. По случаю вашей образованности-съ...

— Ваше высокоблагородіе! помилосердствуйте! съ нынѣшняго дня даже зарокъ себѣ положилъ.

Digitized by Google

— Зачѣмъ же зарокъ-съ? кушайте! Въ прежнее время, я васъ за это по спинѣ глаживалъ, а теперь... законъ-съ! Да что же вы стоите, образованный молодой человѣкъ? Стулъ господину Прохорову! Покрайности, посмотрю я, какъ ты, к-к-каналья, сидѣть передо мной будешь!

Онъ не выдерживаетъ роли, и хлопнувъ дверью, весь пылящій и колышущійся, входитъ въ канцелярскую камору. Но тамъ ожидаютъ его новые поводы для полемики: журналы, исходящія бумаги, нераспечатанная почта и проч.

— Зачѣмъ вы всю эту чепуху на столъ ко мнѣ навалили? обращается онъ къ письмоводителю, указывая на ворохъ.

— Бумаги-съ...

— Знаю, что бумаги. Да вѣдь вы говорили, что есть законъ?

— Точно такъ-съ.

— Слѣдственно, и докладывайте ихъ господину закону, а меня отъ каверзъ увольте!

Письмоводитель безпокойно слѣдитъ за его тѣлодвиженіями.

— Я теперь такъ поступать буду, продолжаетъ ораторствовать помпадуръ:—что бы тамъ ни случилось—законъ! Пѣшкомъ человѣкъ идетъ—покажи законъ! въ телегѣ ѣдетъ—законъ! Я васъ дойму, милостивый государь, этимъ закономъ! Вонъ онъ! вонъ онъ! восклицаетъ онъ, завидѣвъ изъ окна мужика, ѣдущаго на базаръ:—съ огурцами на базаръ ѣдетъ! гдѣ законъ? остановить его!

— Не возбраняется-съ...

— Гдѣ сказано „не возбраняется"? Покажите!

Письмоводитель краснѣетъ и извивается, какъ вьюнъ на сковородѣ. Къ счастью, помпадуръ, исчерпавъ одинъ предметъ, уже чувствуетъ потребность перейти къ другому.

— Вонъ у меня на пожарномъ дворѣ всѣ рукава у трубъ ссохлись, говоритъ онъ:—посмотримъ, какъ-то починитъ ихъ господинъ законъ!

Водворяется временное молчаніе. Письмоводитель садится на мѣсто и тихо поскрипываетъ перомъ. Самъ помпадуръ, нѣсколько успокоенный, останавливается передъ зерцаломъ и вглядывается въ вклеенные по бокамъ его указы. Но, увы! онъ не только не извлекаетъ изъ нихъ никакихъ поученій, но напротивъ того, съ какимъ-то безконечно-горькимъ упрекомъ произноситъ:

— Ты!!

Бумаги, однакожъ, не ждутъ. Какъ ни постылы кажутся ему онѣ въ настоящую минуту, но онъ волей-неволей садится къ столу и начинаетъ съ ожесточеніемъ распечатывать одинъ пакетъ за другимъ.

Digitized by Google

— И зачѣмъ они мнѣ предписываютъ! восклицаетъ онъ: — знаютъ, что есть законъ, ну, и предписывали бы ему! Анъ нѣтъ, все ко мнѣ, да ко мнѣ!

Слышится шелестъ бумаги и бормотаніе: „предписывается вамъ", „велѣть ему, помпадуру", „неотложно", „немедленно", „подъ опасеніемъ взысканія по законамъ".

— Я вамъ говорю! придирается онъ къ письмоводителю.

— Что изволите приказать-съ?

— Я не приказываю, а говорю. Приказываетъ законъ, а я только говорю. Я спрашиваю васъ, зачѣмъ они мнѣ предписываютъ, коли законъ есть?

— Потому собственно... оправдывается письмоводитель, но оправданіе его выходитъ неловкое, спутанное.

Письмоводитель самъ чувствуетъ эту неловкость. Случайно затѣявши кутерьму, онъ всталъ въ тупикъ, при видѣ бездны противорѣчій, въ которую ввергло его совмѣстное существованіе закона и помпадура.

— Садитесь.

Помпадуръ подмахиваетъ одну бумагу за другой, но однажды начатая работа мысли не уже покидаетъ его. Онъ смутно сознаетъ, что объясненія ему ждать неоткуда. По крайней мѣрѣ, онъ найдетъ его не здѣсь, не въ стѣнахъ канцелярской каморы. Эти стѣны положительно начинаютъ давить его. Пространство, окруженное ими, кажется ему заколдованнымъ кругомъ, въ который не можетъ пробраться ни одинъ простой и ясный отвѣтъ. Здѣсь все заколочено наглухо, все смотритъ упрекомъ, все допрашиваетъ, язвитъ, загадываетъ загадки и тутъ же бросаетъ эти загадки безъ всякой попытки на ихъ разрѣшеніе. Гдѣ взять это разрѣшеніе? гдѣ искать его?

Онъ еще въ кадетскомъ корпусѣ слышалъ, что есть на свѣтѣ явленіе, именующееся „борьбою съ закономъ". Что многіе боролись успѣшно, но многіе же и изнемогали въ этой борьбѣ. Такъ, напримѣръ, одинъ губернаторъ болѣе двухъ десятилѣтій боролся, и даже чуть-было не побѣдилъ, но пріѣхалъ ревизоръ и сразу заставилъ побѣдителя положить оружіе. Минута этого плѣненія губернаторскаго была страшною минутой для многихъ. Помпадуры гибли десятками; зеркальная поверхность административнаго моря возмутилась почти мгновенно; униженные и оскорбленные подняли голову, ликующіе и творящіе расправу опустили ее долу; такъ-называемые ябедники выползли изъ своихъ норъ, и предерзостно называли себя представителями общественной совѣсти. Крушеніе было общее.

Роль борющагося съ законами человѣка имѣла свою привле-

Digitized by Google

кательность, и очень можетъ быть, что въ другое время онъ охотно остановился бы на ней. Но, вопервыхъ, онъ понималъ, что бороться (успѣшно или неуспѣшно) могутъ только очень сильные люди, и что ему, безвѣстному помпадуру богъ-вѣсть которой степени, предоставлена въ этомъ случаѣ лишь мелкая полемика, которая ни къ чему другому не можетъ привести, кромѣ изнуренія. Вовторыхъ, онъ зашелъ уже слишкомъ въ глубь вопроса, чтобы увлечься какою-нибудь эпизодическою подробностью, какъ бы блестяща она ни была. Его занимало совсѣмъ не то, что борьба возможна, а то, *въ силу чего она возможна*, и почему для однихъ оканчивается лаврами, а для другихъ—постыднымъ бѣгствомъ въ отставку и даже подъ судъ. Что-нибудь изъ двухъ: либо законъ, либо онъ—такъ, по крайней-мѣрѣ, представлялось это дѣло его пониманію. Если законъ можетъ умиротворить мѣщанина Прохорова — пускай и умиротворитъ; если законъ можетъ исправить ссохшіеся рукава у пожарныхъ трубъ—пускай и исправитъ!

— Пускай-съ! восклицалъ онъ мысленно.

Но если законъ не можетъ ни исправить, ни умиротворить, то пусть же онъ не мѣшаетъ ему, помпадуру, пусть не становится поперегъ его предначертаній!

Неуязвимость этой логики была ясна, какъ день.

Но вотъ, нить его размышленій прерывается криками, несущимися съ пожарнаго двора. То бунтуетъ Прохоровъ, требуя, чтобъ его рѣшили немедленно. Полемика возобновляется.

— Какъ прикажете? спрашиваетъ письмоводитель.

— Зачѣмъ вы спрашиваете? вѣдь вы знаете, что я ничего не могу! Что теперь. — Законъ! Какъ тамъ написано, такъ тому и быть. Ежели написано господину Прохорову награду дать — я радъ-съ; ежели написано: влѣпить! — я и противъ этого возраженій не имѣю!

Въ такихъ безрезультатныхъ рѣшеніяхъ проходитъ все утро. Наконецъ, присутственные часы истекаютъ; бумаги и журналы подписаны и сданы; дѣло Прохорова разрѣшается само собою, то-есть изморомъ. Но даже въ этотъ вожделенный моментъ, когда вся природа свидѣтельствуетъ о наступленіи адмиральскаго часа, чело его не разглаживается. Въ бывалое время, онъ зашелъ бы передъ обѣдомъ на пожарный дворъ; осмотрѣлъ бы рукава, ящики, насосы; при своихъ глазахъ велѣлъ бы все зачинить и заклепать... Теперь, онъ думаетъ: пускай все это сдѣлаетъ законъ.

Онъ положительно озлобленъ, и даже домой идетъ какою-то нервною, оскорбленною походкой.

Digitized by Google

Къ обѣду является стряпчій, бездомный малый, давно ужь пріобрѣвшій привычку питаться на счетъ помпадура, но разговоръ какъ-то не клеится. Первое кушанье съѣдается молча; передъ вторымъ, помпадуръ рѣшается пустить въ ходъ мучащую его загадку.

— Давича мнѣ письмоводитель цѣлую предику на счетъ законовъ прочиталъ, произноситъ онъ.

— Что же такое?

— Да все на счетъ этой... обязательной силы, что-ли...

Стряпчій выпиваетъ рюмку водки, и совершенно флегматично отвѣчаетъ:

— Давненько ужь эти слухи-то ходятъ!

— А по твоему какъ?

— По моему: все до поры до времени.

— Фу! опять это слово! Да пойми же, братецъ, что ежели есть законъ, и можетъ этотъ законъ все сдѣлать, такъ при чемъ же я-то тутъ въ помпадурахъ состою?

— Надоѣло, видно, тебѣ жалованье-то получать!

Помпадуръ пробуетъ продолжать споръ, но оказывается, что почва, на которой стоитъ стряпчій, та самая, на которой держится и письмоводитель; что, слѣдовательно, тутъ можно найти только обходъ, и отнюдь не рѣшеніе вопроса по существу. „Либо законъ, либо я“ — вотъ какую дилемму поставилъ себѣ помпадуръ, и требовалъ, чтобъ она разрѣшена была прямо, не норовя ни въ ту, ни въ другую сторону.

— Нѣтъ, это все не то! думалось ему. — Еслибъ я собственными глазами не видѣлъ: „законъ“ — ну, тогда точно! И я бы могъ жалованье получать, и законъ бы своимъ порядкомъ въ шкапу стоялъ. Но теперь вѣдь я видѣлъ, стало быть знаю, стало быть даже невѣденіемъ отговариваться не могу. Какъ ни поверни, а соблюдать долженъ. А попробуй-ка я соблюдать — да тутъ одинъ Прохоровъ такую задачу задастъ, что ногъ не унесешь.

Въ такихъ колебаніяхъ и сомнѣніяхъ проходятъ дни за днями. Очень возможно, что онъ и совсѣмъ не добился бы отвѣта на мучившіе его вопросы, еслибъ внезапно не осѣнила его героическая рѣшимость, которую онъ и привелъ немедленно въ исполненіе.

Рѣшимость эта заключалась въ томъ, чтобы изслѣдовать въ самомъ источникѣ, узнать отъ чистыхъ сердцемъ и нищихъ духомъ (сіи суть столпы), нужны ли помпадуры. Въ какихъ отношеніяхъ находится къ этому источнику практика помпадур-

Digitized by Google

ская, и въ какихъ—практика законовъ? которая изъ нихъ имѣетъ перевѣсъ? въ какомъ смыслѣ—въ смыслѣ ли творческомъ, или просто въ смыслѣ реактива, производящаго баламутъ?

Чтобы осуществить эту мысль, онъ прибѣгнулъ къ самому первоначальному способу, то-есть переодѣлся въ партикулярное платье, и въ первый воскресный день incognito отправился на базарную площадь.

День былъ веселый и базаръ многолюдный; площадь была загромождена возами съ осенними продуктами; говоръ несся отовсюду. Въ воздухѣ пахло капустой, грибами и овощями. Звякали мѣдные гроши, слышалось хлопанье по рукамъ, пробное щелканье глиняной посуды, ржаніе лошадей. Въ одномъ мѣстѣ пѣли пѣсни, въ другомъ ругались; тамъ и сямъ кричали: караулъ! Бабы торговались съ такой энергіей, что, казалось, готовы были перервать другъ другу горло. Были и случаи неповиновенія властямъ: будочникъ просилъ у торговки пять грибовъ на щи, а она давала два, и будочникъ качалъ головой, какъ бы обдумывая, не разстрѣлять ли бабу за упорство...

Но помпадуръ ничего не замѣчалъ. Онъ былъ отъ природы не сантименталенъ, и потому вопросъ, счастливы ли подвѣдомственные ему обыватели, интересовалъ его мало. Быть можетъ, онъ даже думалъ, что они не смѣютъ не быть счастливыми. Поэтому, проявленія народной жизни, проходившія передъ его глазами, казались не болѣе, какъ фантасмагоріей, ключъ къ объясненію которой, быть можетъ, когда-то существовалъ, но уже въ давнее время однимъ изъ наѣзжихъ помпадуровъ былъ закинутъ въ колодезь, и съ тѣхъ поръ никто оттуда достать его не можетъ.

Тѣмъ не менѣе кое-что изъ происходившаго даже ему бросилось въ глаза.

Прежде всего, его поразило слѣдующее обстоятельство. Какъ только онъ сбросилъ съ себя помпадурскій образъ, такъ тотчасъ же всѣ перестали оказывать ему знаки уваженія. Стало быть, того особаго помпадурскаго вещества, которымъ онъ предполагалъ себя пропитаннымъ, вовсе не существовало, а если и можно было указать на что-нибудь въ этомъ родѣ, то очевидно, что это „что-нибудь“ скорѣе принадлежало мундиру помпадура, нежели ему самому.

Второе, поразившее его обстоятельство было такого рода. Шелъ по базару полицейскій унтеръ-офицеръ (даже не квартальный)—и всѣ передъ нимъ разступались, снимали шапки. Вскорѣ, вслѣдъ за унтеръ-офицеромъ, прошелъ по тому же базару такъ-называемый ябедникъ съ томомъ законовъ подъ мы-

Digitized by Google

шкой—и никто передъ нимъ даже пальцемъ не пошевелитъ. Стало быть, и въ законѣ нѣтъ того особливаго вещества, которое заставляетъ держать руки по швамъ, ибо еслибъ это вещество было, то оно, конечно, дало бы почувствовать себя и подъ мышкой у ябедника.

Стало быть, вещество заключено собственно въ мундирѣ; взятые же независимо отъ мундира, и онъ, помпадуръ, и законъ — равны.

Заключеніе это вскорѣ было самымъ блистательнымъ образомъ подтверждено и другими изслѣдованіями.

Какъ ни старательно онъ прислушивался къ говору толпы, но слова: „помпадуръ", „законъ" ни разу не долетѣли до его слуха. Либо эти люди были счастливы сами по себѣ, либо они просто дикіе, неимѣющіе даже элементарныхъ понятій о томъ, что во всемъ образованномъ мірѣ извѣстно подъ именемъ общественнаго благоустройства и благочинія. Долго онъ не рѣшался заговорить съ кѣмъ нибудь, но, наконецъ, замѣтилъ довольно благообразнаго старика, стоявшаго у воза съ кожами, и подошелъ къ нему.

— Вотъ что, почтеннѣйшій, началъ онъ:—человѣкъ я пріѣзжій, и нужно мнѣ до вашего градоначальника дойти. Каковъ онъ у васъ?

— Это какой же начальникъ?

— Да вонъ тотъ... главный... что на пожарномъ дворѣ живетъ.

— А кто его знаетъ! надобности намъ въ немъ не видится.

Помпадура даже передернуло при этомъ отвѣтѣ.

— Какъ же это, почтеннѣйшій, до градоначальника — да надобности нѣтъ? А ну, ежели, напримѣръ... что бы, напримѣръ...

Онъ сталъ отыскивать подходящій примѣръ, но какъ ни усиливался, могъ отыскать только слѣдующій:

— А ну, напримѣръ, ежели въ часть попадешь?

— До сихъ поръ, Богъ миловалъ. А вотъ, ежели когда попадемъ, тогда и узнаемъ.

— Но, можетъ быть, слухи какіе нибудь ходятъ... вѣдь это градоначальникъ, почтеннѣйшій! говорятъ же о немъ что нибудь.

— И слуховъ не знаемъ. Потому, ничего намъ этого не надобно.

— Гм... Стало быть, такъ и живете? и ничего не опасаетесь?

— Опасаться какъ не опасаться; завсегда опасаемся, потому что все до поры до времени.

— Можетъ, закона боишься?

— Говорю тебѣ: до поры до времени. Выѣдешь этто изъ дому

Digitized by Google

хоть бы на базаръ, а воротишься ли домой — впередъ сказать не можешь. Вотъ тебѣ и сказъ. Можетъ быть, законъ тебѣ прошмутъ, али-бы что...

— Странно это. Если ты ведешь себя хорошо, если ты ничего не дѣлаешь... я надѣюсь, что господинъ градоначальникъ настолько справедливъ...

— Ты и надѣйся, а мы надежды не имѣемъ. Никакихъ мы ни градоначальниковъ, ни законовъ твоихъ не знаемъ, а знаемъ, что у каждаго человѣка своя планида. И ежели, примѣрно, сидѣть тебѣ, милый человѣкъ, сегодня въ части, такъ ты хоть за сто верстъ отъ ней убѣги, все къ ней же воротишься!

Таково было содержаніе перваго разговора. Покончивъ съ кожевникомъ, помпадуръ устремился къ старичку-мѣщанину, стоявшему у палатки, увѣшанной лубочными картинками. Старикъ былъ обритъ и одѣтъ въ нѣмецкое платье, и сквозь круглыя очки читалъ одну изъ книгъ московскаго издѣлія, которыми тоже, повидимому, производилъ торгъ.

— Почтеннѣйшій! обратился онъ къ мѣщанину:—я человѣкъ пріѣзжій, и имѣю надобность до вашего градоначальника. Каковъ онъ?

— А какъ вамъ, сударь, сказать. Нужды-то мы до сихъ поръ въ господинѣ градоначальникѣ не видѣли.

— Однакожь?

— Такъ точно-съ. Отъ съѣзжей покуда Богъ миловалъ, а о прочемъ о чемъ же намъ съ господиномъ градоначальникомъ разговоръ имѣть?

— Стало быть, такъ живете, что и опасаться вамъ нечего?

— Ну, тоже не безъ опаски живемъ. И въ писаніи сказано: блюдите да опасно ходите. По нашему званію, каждую минуту опасаться должно.

— Чего же вы боитесь? О градоначальникѣ, какъ вы сами сейчасъ сказали, даже понятія не имѣете—законъ что-ли вамъ страшенъ?

— И о законѣ доложу вамъ, сударь: законъ для вельможъ да для дворянъ дѣйствіе имѣетъ, а простой народъ ему не подвластенъ!

— Не понимаю.

— Да и нелегко понять-съ, а только дѣйствительно оно такъ точно. Потому, народъ—онъ больше натуральными правами руководствуется. Повѣрите ли, сударь, даже податей понять не можетъ!

— Однако, чего же нибудь да боитесь вы?

— Планиды-съ. Все до поры до времени. У всякаго своя пла-

Digitized by Google

нида, все-равно, какъ камень съ неба. Выйдешь утромъ изъ дому, а воротишься ли—не знаешь. Въ темномъ страхѣ—такъ и проводишь всю жизнь.

— Но я надѣюсь, что господинъ градоначальникъ на столько справедливъ, что ежели вы ничего не сдѣлали...

Въ это время къ бесѣдующимъ подошелъ сельскій священникъ и дружески поздоровался съ продавцемъ картинъ.

— Вотъ, отецъ Трофимъ, господинъ пріѣзжій свѣдѣніе о господинѣ градоначальникѣ получить желаютъ.

— Надобность имѣете? вопросилъ отецъ Трофимъ.

— Да-съ, надобность.

— Личнаго знакомства съ господиномъ градоначальникомъ не имѣю, да и надобности до сихъ поръ, признаться, не видѣлось; но, по слухамъ, рекомендовать могу. Къ храму божьему прилеженъ, и мзду пріемлетъ безъ затрудненія... Только вотъ съ закономъ, повидимому, въ ссорѣ находится.

— А они вотъ и насчетъ законовъ тоже разговорились, вставилъ свое слово продавецъ картинъ: — спрашиваютъ, боится ли простой народъ закона?

— Законъ, я вамъ доложу, наверху начертанъ. Все равно, какъ планета...

Но онъ уже не слушалъ дальше. Завидѣвъ пошатывающагося вдали, съ гармоніей въ рукахъ, мастероваго, онъ правильно заключилъ, что этотъ человѣкъ несомнѣнно сиживалъ на съѣзжей, а слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, имѣетъ понятіе о степени и предѣлахъ власти градоначальника.

— Эй, почтенный, слышь!

Но не успѣлъ онъ формулировать свой вопросъ, какъ мастеровой сразу огорошилъ его восклицаніемъ:

— Вашему благородію! господину прррахвосту!

Онъ шарахнулся, какъ обожженный, и скрылся въ толпу. Тамъ, чтобы не быть узнаннымъ, подсѣлъ онъ на скамеечку къ торговкѣ, продававшей сусло и гречневики.

— А позволь, голубушка, узнать, сказалъ онъ: — каковъ таковъ здѣшній градоначальникъ?

Но торговка даже не взглянула на него, а просто сказала краткое, но сильное слово:

— А что? видно, давно ты на съѣзжей не сиживалъ?

Онъ былъ удовлетворенъ, и уже хотѣлъ возвратиться во свояси, но по дорогѣ завидѣлъ юродивую Устюшу и не вытерпѣлъ, чтобы не подойти къ ней.

— Устюша! скажи ты мнѣ, сдѣлай милость...

Digitized by Google

Но блаженная, даже не давъ ему кончить, не своимъ голосомъ закричала:

— Воняетъ! воняетъ!

Въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, очевидно, не предстояло никакой надобности.

Результатъ перешелъ за предѣлы всѣхъ его ожиданій. Ни помпадуры, ни законъ — ничто не настигаетъ полудикую массу. Ее настигаетъ только „планида"—и дорого бы онъ далъ въ эту минуту, чтобы имѣть эту „планиду" въ своихъ рукахъ.

Что такое „законъ", что такое „помпадуръ" въ глазахъ толпы? — это не что иное, какъ страдательные агенты „планиды", и притомъ, не *всей* „планиды", а только той ея части, которая осуществляетъ собой карательный элементъ. Они не могутъ ни оплодотворить земли, ни послать дождь или вёдро, ни предотвратить наводненіе, — однимъ словомъ, не могутъ принять творческаго участія во всемъ томъ кругѣ явленій, среди которыхъ движется толпа, и вліяніе которыхъ она исключительно на себѣ ощущаетъ. Они могутъ воспрепятствовать, возбранить, покарать; но творчество никогда имъ принадлежать не будетъ, а будетъ принадлежать „планидѣ". Даже самая кара ихъ имѣетъ свойство чисто „планидное", ибо настигая однихъ, она не замѣчаетъ, что тутъ же рядомъ стоятъ десятки и сотни другихъ, которыхъ тоже не мѣшаетъ подобрать и посадить на съѣзжую. А потому, толпа даже и въ карѣ видитъ не кару, а несчастіе, или много-много возмездіе за грѣхъ отдаленный, забытый, а отнюдь не послѣдствіе сейчасъ совершоннаго дѣянія.

Въ хаотическомъ видѣ, всѣ эти мысли мелькали и въ головѣ помпадура. Одну минуту, ему даже померещилось, что онъ какъ будто совсѣмъ лишній человѣкъ, въ родѣ пятаго колеса въ колесницѣ; но въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе, эта мысль представилась ему до того обидною и дикою, что онъ даже весь покраснѣлъ отъ негодованія. А такъ-какъ онъ вообще не могъ порядкомъ разобраться съ своими мыслями, то выходили какія-то душевныя сумерки, въ которыхъ свѣтъ хотя и борется съ тьмою, но въ концѣ-концовъ тьма все-таки должна остаться побѣдительницею.

Впрочемъ, во всемъ этомъ была и утѣшительная для его самолюбія сторона, та именно, что ни помпадуру, ни закону никакихъ преимуществъ другъ передъ другомъ не отдавалось. Эту сторону онъ понялъ сразу и ухватился за нее съ жадностью.

Digitized by Google

Конечно, изслѣдованіе раскрыло ему не одно это, а гораздо больше: оно доказало, что онъ не что иное, какъ микроскопическій агентъ великой силы, называемой „планидою“, и что, затѣмъ, самая полезность его существованія вовсе не такъ несомнѣнна, какъ это казалось ему самому. Но онъ поспѣшилъ скомкать этотъ главный результатъ, и проглотилъ заключавшуюся въ немъ обиду, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ ея. За то, тѣмъ съ бо̀льшимъ жаромъ онъ привязался къ другому, частному результату, гласившему объ упраздненіи привиллегій и преимуществъ. Онъ даже шелъ дальше этого результата; онъ провидѣлъ перспективы и надѣялся оттягать частичку въ свою пользу.

— Да-съ; мы еще потягаемся! бормоталъ онъ въ забвеніи чувствъ:—посмотрямъ еще, кто кого!

Но первоначальный толчокъ, возбудившій потребность изслѣдованія, былъ такъ силенъ, что собственными средствами отъ него отдѣлаться было невозможно. Такъ-какъ вопросъ пришелъ извнѣ (отъ письмоводителя), то надобно было, чтобы и найденное теперь рѣшеніе вопроса было провѣрено въ горнилѣ чьего-нибудь посторонняго убѣжденія.

Съ этою цѣлью, онъ отправился вечеромъ въ клубъ, это надежнѣйшее и вѣрнѣйшее горнило, въ которомъ провѣряются и крѣпнутъ всевозможныя помпадурскія убѣжденія. Обычная картина высшаго провинціальнаго увеселительнаго заведенія представилась глазамъ его. Кухонный чадъ, смѣшанный съ табачнымъ дымомъ, облаками ходилъ по комнатамъ; помѣщики сидѣли за карточными столами; въ столовой предводитель одолѣвалъ ростбифъ; издали доносилось щелканье билліардныхъ шаровъ; стряпчій стоялъ у буфета, и, какъ онъ выражался, принималъ внутрь.

— А я, братъ, пятнадцатую! зазѣвалъ онъ, увидѣвъ приближающагося помпадура:—примемъ, что-ли?

Но помпадуръ былъ серьёзенъ, и не хотѣлъ, чтобы по милости водки, плоды его давнишнихъ изнуреній пропали даромъ.

— Ты вотъ пятнадцатую пропускаешь, сказалъ онъ: — а я, между тѣмъ, успокоиться не могу.

— Что такое?

— Да все по поводу того разговора... за обѣдомъ? помнишь?

— Брось!

— Какъ тутъ бросишь! законъ, братецъ!

— Ну, и пущай его! законъ въ шкапу стоитъ, а ты напирай!

— Но вѣдь ты же самъ говорилъ: до поры до времени?

Digitized by Google

— А это именно и значитъ: напирай плотнѣй!

— Чудакъ! а подъ судъ?

— Вотъ потому-то и напирай!

Стряпчій выпилъ шестнадцатую, поморщился, и прибавилъ:

— А тѣ пусть въ шкапу стоятъ!

Очень возможно, что помпадуръ удовлетворился бы этимъ подтвержденіемъ, потому что оно соотвѣтствовало направленію его собственныхъ мыслей. Но „шестнадцатая" смутила его и онъ рѣшился продолжать провѣрку. Съ этой цѣлью, онъ подсѣлъ къ предводителю, который въ это время уже побѣдилъ ростбифъ, и хлопая глазами обдумывалъ планъ компаніи противъ осетра.

Но настоящимъ образомъ онъ могъ изложить только введеніе; ибо едва онъ выговорилъ слово „законъ", какъ предводитель вскричалъ:

— Брось!

— Законъ-съ... повторилъ помпадуръ.

— Оставь!

Въ тотъ же вечеръ, за ужиномъ, стряпчій, подъ веселую руку, разсказывалъ посѣтителямъ клуба о необыкновенномъ казусѣ, случившемся съ помпадуромъ. Помпадуръ сидѣлъ тутъ же, краснѣлъ и изрѣдка бормоталъ: законъ-съ.

— Брось! раздавалось со всѣхъ сторонъ.

— Напирай плотнѣе!

— На другой день утромъ, помпадуръ, по обыкновенію, пришелъ въ правленіе. По обыкновенію же, въ передней первое лицо, съ которымъ онъ встрѣтился, былъ Прохоровъ.

Но время полемики уже миновало.

— Влѣпитъ! сказалъ онъ твердымъ и яснымъ голосомъ, и съ этимъ словомъ благополучно прослѣдовалъ въ канцелярскую камору.

Н. Щедринъ.

Digitized by Google

ЛИСТКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

(Гейне):

I.

Зорокъ глазъ твой? ты глядишь
Въ эти пѣсни... Въ нихъ, сіяя,
Чуть земли ногой касаясь,
Ходитъ дѣва молодая,
Вешней розой распускаясь...

Чутокъ слухъ твой? слышишь ты?
Чудный голосъ! голосъ нѣжный!...
Какъ чаруетъ, переливный,
Вешней прелестью безбрежной...
Какъ чаруетъ нѣгой дивной!...

Чу! сребристый, звонкій смѣхъ?
Вздохъ?... Бѣги, бѣги скорѣе!
Я извѣдалъ эти грезы —
Прихотливой этой феи
Звонкій смѣхъ и — слезы, слезы!...

II.

Внизъ катится звѣздочка съ неба,
Съ мерцающей выси своей...
Звѣзда то любви золотая!
Погаснуть приходится ей...

Цвѣтъ яблонь трепещетъ, кружася,
Уборъ свой роняютъ сады,
И вдаль его вѣтеръ уноситъ,
Надъ гладью уснувшей воды.

А тамъ допѣваетъ пѣснь лебедь,
Кружа то назадъ, то впередъ;
Потомъ, съ замирающей пѣснью,
Уходитъ въ глубь темную водъ.

Digitized by Google

И все потемнѣло, потускло!
Свѣтъ вешній пропалъ безъ слѣда,
Разсыпалась звѣздочка въ искрахъ,
Умолкнула пѣснь навсегда...

III.

Реветъ непогода, озлилась —
Вой вѣтра и всплески дождя —
Ахъ, гдѣ-то теперь пріютилась
Бѣдняжка, голубка моя!

— Стоитъ, съ накипѣвшей слезою,
Навѣрно теперь у окна,
И смотритъ, и смотритъ съ тоскою,
А ночь — непроглядно темна!

IV.

Качаются вѣтви по вѣтру,
Ночь дышетъ холодною мглой;
Закутанъ въ свой плащъ, одиноко
Несусь я по чащѣ лѣсной.

Несусь — предо мною несутся
Мечты мои пестрой толпой;
Играя влечетъ меня къ милой
Ихъ легкій, кружащійся рой.

Чу! слышится лай! — со свѣчами
Идутъ ко мнѣ слуги гурьбой;
Бренчатъ мои шпоры — влетаю
Съ крыльца я въ передній покой.

Изъ комнатъ, коврами обитыхъ,
Свѣтъ льется душистой волной,
Тамъ ждетъ меня милая! прямо
Лечу я къ моей дорогой —

Свиститъ между вѣтвями вѣтеръ,
Гудитъ среди чащи лѣсной:
Что мчишься, безумный ты всадникъ,
Съ безумной своею мечтой?...

V.

Какъ только еще я съ ума не сошелъ!
Я съ ужасомъ думалъ: не вынесть никакъ!

Digitized by Google

Но вынесъ, и... битой дорогой пошелъ...
Ахъ, только оставьте разспросы: что? какъ?. ..

VI.

И знай лишь цвѣточки-малютки,
Въ какой я кручинѣ живу,
Заплакали бъ горько со мною
И скорбь облегчили мою.

И знай про то пташки-пѣвуньи,
Какая на сердцѣ печаль,
Ихъ звонкой, чарующей пѣсней
Кругомъ огласилась бы даль.

А еслибы звѣздочки знали
Про то въ небесахъ голубыхъ,
Ко мнѣ, съ утѣшеньемъ въ печали,
Сошли бъ онѣ съ высей ночныхъ.

Да какъ имъ узнать ту причину,
Что вѣдаетъ только одна!
Она сокрушила мнѣ сердце, —
Одна лишь, одна лишь она...

VII.

Ты вся въ жемчугахъ и алмазахъ,
Твое, чего жаждетъ весь свѣтъ!
Прозрачнѣй небесъ твои очи —
Чего же, чего жь еще нѣтъ?

Я пѣсней про чудныя очи
Широкій наполнилъ весь свѣтъ!
Въ той пѣснѣ ты вѣчно жить будешь —
Чего же, чего жь еще нѣтъ?

Забыть тѣ любимыя очи
Заставить не могъ меня свѣтъ!
Меня погубила ты ими —
Чего же, чего жь еще нѣтъ?

VIII.

Во снѣ тебя вижу ночь каждую,
И грежу любовью былою —

Digitized by Google

И съ плачемъ къ ногамъ твоимъ падаю, —
И катятся слезы рѣкою!

Качаешь ты свѣтлой головкою.
Объятая грустною думой —
И очи жемчужною слезкою
Блестятъ среди ночи угрюмой.

Даешь ты мнѣ вѣтвь кипарисную,
И что-то мнѣ шепчешь, горюя...
Проснусь я — нѣтъ вѣтки!... и словъ твоихъ
Припомнить никакъ не могу я...

IX.

Когда я о мукахъ своихъ говорилъ,
Лишь скуку съ зѣвотой я въ васъ находилъ;
Когда же въ стихи ихъ я складывать сталъ,
Вы всѣ меня встрѣтили хоромъ похвалъ.

X.

Какъ сквозитъ лучемъ отраднымъ
Изъ-за темныхъ тучъ луна,
Такъ изъ тьмы давно былого
Быль мнѣ чудная видна.

Гордо внизъ несясь рѣкою,
Челнъ нашъ празднично летѣлъ;
Синій валъ, широкобѣжный,
Яркимъ пурпуромъ горѣлъ.

Близокъ къ женщинѣ любимой,
Я у ногъ ея мечталъ;
Взглядъ ея невыразимой
Глубиной любви сіялъ.

Лютней звонъ, и пѣнье хора —
И — блаженство безъ конца!
Глубь небесъ все въ высь летѣла —
Раздавались въ миръ сердца!

Точно въ сказкѣ вдаль бѣжали
Горы, нивы, лугъ, лѣса —
Всей той роскошью сіяли
Чудной женщины глаза.

М. Праховъ.

Digitized by Google

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

(НАБЛЮДЕНІЯ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ ПРИСЯЖНАГО ЗАСѢДАТЕЛЯ).

«Да правда и милость — царствуютъ въ судахъ». Манифестъ 19 марта 1856 г., указъ сенату 20 ноябр. 1864 г. и надпись на зданіи судебныхъ мѣстъ.

I.

Вотъ ужь пять лѣтъ минуло со дня открытія, въ Петербургѣ, гласнаго суда, съ участіемъ, по большинству уголовныхъ дѣлъ, присяжныхъ засѣдателей. Тѣмъ не менѣе въ *печати*, до сихъ поръ, сколько намъ помнится, не появилось *еще ровно ничего* о томъ, какое производятъ на засѣдателей впечатлѣніе, вліяніе, извѣстныя преступленія, тѣ или другія обвинительныя и защитительныя рѣчи, какъ они вообще относятся къ своему праву «творить милостивый, справедливый и для всѣхъ равный судъ», и проч. и проч. Относить этотъ пробѣлъ къ тому, что некому было повѣдать читающей публикѣ о своихъ дѣйствіяхъ, въ качествѣ засѣдателей, мы, разумѣется, не рѣшимся: въ теченіе этого долгаго періода времени обязанности засѣдателей исполняли, по крайней мѣрѣ, 2,500 гражданъ изъ всѣхъ слоевъ столичнаго народонаселенія. [1] Слѣдовательно, немыслимо, чтобы среди такой массы народа не нашлось хотя нѣсколькихъ человѣкъ, умѣющихъ владѣть перомъ *для печати*. Не станемъ, впрочемъ, доискиваться причины упорнаго молчанія всѣхъ бывшихъ присяжныхъ засѣдателей, а лишь замѣтимъ, что самое ихъ молчаніе все сильнѣе и сильнѣе возбуждало въ насъ желаніе попасть въ число творителей правосу-

---

[1] Полагая законный комплектъ 36 въ мѣсяцъ, 432 въ годъ, въ пять лѣтъ перебывало въ одномъ только отдѣленіи 2,160 человѣкъ; кромѣ того, около 2-хъ лѣтъ уже существуетъ другое уголовное, съ участіемъ присяжныхъ же засѣдателей, отдѣленіе, на которое, если считать хоть за $1^1/_2$ года 648 чел.— выходитъ общій итогъ въ 2,808 человѣкъ.

Digitized by Google

дія, на что, по закону, мы располагали неотъемлемымъ правомъ. Тщетно, однако, прождавъ, — съ 1866 по 1870 годъ,— повѣстки о призывѣ насъ въ засѣдатели, мы, увлекаемые любознательностію, отправились, однажды, въ концѣ 1870 года, въ городскую думу, розыскали тамъ чиновника, который занимается составленіемъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, и приблизились къ нему, но онъ мгновенно вскочилъ съ своего мѣста и намѣревался удалиться отъ насъ. Мы его остановили.

— Вы вѣдь пришли отпрашиваться отъ засѣдательства, да? Не могу, никакъ не могу, лучше отстаньте, скороговоркою молвилъ онъ.

— Ошибаетесь: напрашиваться явился я.

— Такъ извините: я былъ увѣренъ, что *именно* отпрашиваться и потому хотѣлъ ужь, откровенно скажу, уйти отъ васъ: проходу, вѣрите ли, не даютъ, всѣ отказываются, никто не хочетъ въ засѣдатели, а вѣдь кому нибудь да надо же идти? ну, поневолѣ и лавируешь и бѣгаешь отъ всѣхъ, чтобы только отвязаться.

— Неужели-жь вамъ не приходилось видѣть такихъ людей, которые *желаютъ* идти участвовать въ отправленіи правосудія?

— Случалось-то, правда, случалось, но чрезвычайно рѣдко; да это и понятно: кому охота отрываться отъ собственныхъ, ради чужихъ дѣлъ, да таскаться на край города, проводить въ судѣ дни, а пожалуй и ночи насквозь?

— Охоту тѣшить—не бѣда и платить.

Онъ любезно раскрылъ предъ нами списки. Я заявилъ ему, что кромѣ меня и мой пріятель тоже желаетъ попасть къ засѣдатели и потому, если можно, включить и его. Онъ охотно обѣщалъ и мы удалились.

Въ январѣ текущаго года, я и пріятель получили предварительныя повѣстки объ избраніи насъ въ присяжные засѣдатели на первую четверть года. Прошло, потомъ, еще немного времени. Вдругъ, однажды, въ 7 часовъ утра, къ намъ является городовой.

— Вотъ вамъ двѣ повѣстки изъ окружнаго, произнесъ онъ:— на одной росписитесь и отдайте ее мнѣ: она пойдетъ назадъ, а другую оставьте себѣ, да не потеряйте и не разорвите, смотрите, ее: за это худо будетъ.

— Отчегожъ худу-то быть? Повѣстка сама по себѣ, ничего, вѣдь, не значитъ, если я только явлюсь въ судъ къ назначенному сроку?

— Этого не говорите: повѣстка важная штука и изъ-за нея человѣкъ пропасть можетъ. И мнѣ приставъ, вонъ, наказалъ:

Digitized by Google

не оброни, говоритъ, повѣстки-то, не то подъ судъ, да и въ Сибирь угодишь. Вотъ она, повѣстка-то, какую силу имѣетъ.

— Все это вздоръ: приставъ напрасно на васъ страху только нагналъ.

— На то онъ, значитъ, и начальство, чтобы мы исполняли его приказъ, а тамъ такъ ли это, или иначе, не наше дѣло.

Я взялъ обѣ повѣстки и на одной изъ нихъ росписался въ полученіи другого экземпляра и подалъ ее городовому.

— Такерича помните, сударь, что получили отъ меня *законную* повѣстку и другой ужь не ждите, а 1-го числа, это придется въ понедѣльникъ, чуть свѣтъ поѣзжайте въ окружной, а то оборони Богъ запоздаете, бѣда...

— Какая-жь можетъ быть бѣда, если я явлюсь въ судъ не чуть свѣтъ, а къ $10^1/_2$ часамъ утра (такъ значилось въ повѣсткѣ).

— Да засудятъ, въ тюрьму отправятъ. Такъ и приставъ велѣлъ упреждать всѣхъ: особливо, говоритъ онъ, передай это гг. купцамъ, а то ихъ ничѣмъ вѣдь не проймешь: все станутъ отнѣкиваться, да торговать по лавкамъ; извѣстно торговое дѣло, время дорого. Имъ говоришь вонъ «запирай трактиръ—пора», а они тебѣ: «дай хоть еще четверть часа, хоть 5 минутъ поторговать». Пристанутъ, пристанутъ, ну и плюнешь, да отойдешь отъ грѣха. Такъ вы ужь, пожалуйста, не забудьте понедѣльникъ, да не замешкайтесь, а то и мнѣ попадетъ изъ-за васъ.

— Явлюсь непремѣнно къ сроку; явлюсь, и вы будьте спокойны за себя.

— Просимъ прощенья. А все будетъ лучше, ежели отправитесь въ судъ пораньше, потому покойнѣй будетъ, добавилъ онъ, ужь за дверью.

Приведя, въ теченіе 3-хъ дней, въ совершенный порядокъ всѣ свои занятія, мы посвятили остальное время на перечитываніе законовъ и нѣкоторыхъ ученыхъ сочиненій, къ предмету нашихъ будущихъ занятій относящихся. А въ назначенный день, въ началѣ 10-го часа утра, отправились въ трескучій, 25-тиградусный, морозъ, въ окружной судъ, съ совершенно спокойною, ничѣмъ несмущенною совѣстію и съ горячимъ, искреннимъ желаніемъ встрѣтиться съ дѣльными людьми и оказаться достойными своего назначенія.

Digitized by Google

II.

Прежде, чѣмъ приступить къ описанію всего того, что мы *вдвоемъ, въ разныхъ отдѣленіяхъ* суда, слышали, видѣли и перечувствовали, считаемъ долгомъ сдѣлать необходимую, для нѣкоторыхъ людей, оговорку. Въ нижеслѣдующихъ замѣткахъ читатели встрѣтятъ не мало такихъ казусовъ, которые показываютъ, что множество гражданъ далеко еще не дозрѣли до самостоятельной дѣятельности, въ качествѣ засѣдателей; что многіе изъ обвинителей и защитниковъ не проникнись убѣжденіемъ о своемъ высокомъ назначеніи; что въ судѣ водятся неизвинительныя погрѣшности, а въ законахъ противорѣчія, недомолвки и проч. Тѣмъ не менѣе мы рѣшились представить все это вниманію читателей въ самомъ безпристрастномъ, правдивомъ видѣ, не съ цѣлію, конечно, умалить значеніе благодѣтельной судебной реформы (нѣтъ, этого мы не дерзаемъ даже и подумать), а на тотъ исключительно конецъ, дабы замѣтками способствовать устраненію изъ свѣтлаго фона суда темныхъ патенъ, ярко бросающихся въ глаза всякому свѣжему, мыслящему человѣку. И если замѣтки наши примутся, какъ слѣдуетъ, за настоящую монету, а желаніе наше — улучшенія суда — осуществится, мы сочтемъ себя вполнѣ счастливыми. Теперь перейдемъ смѣло къ выполненію нашей задачи.

Ровно въ 10 часовъ утра мы вошли въ отведенную для присяжныхъ засѣдателей комнату, гдѣ увидѣли на столѣ *бутыль* отъ *четверти ведра водки*, наполненную, какъ послѣ обнаружилось, водою, для питья засѣдателей. Въ судѣ нѣтъ, какъ видите, даже приличнаго графина — т.-е. первый блинъ да комомъ. Возлѣ бутыли лежалъ печатный списокъ назначенныхъ на сессію 36 присяжныхъ засѣдателей, съ означеніемъ ихъ фамилій, именъ, отчествъ, чиновъ, или званій и вѣроисповѣданій [1]. Далѣе, по комнатѣ ходили уже группами человѣкъ 13—17 будущихъ засѣдателей, преимущественно купцы, мѣщане и проч. простой людъ, сошедшійся именно чуть ли не съ разсвѣтомъ, какъ совѣтовалъ и намъ городовой, разносившій повѣстки. Остановившись нарочно возлѣ дверей, мы минутъ пять молча наблюдали за людьми, которые не обратили

[1] Всякій, входившій въ комнату, засѣдатель, хватался прежде всего за списокъ, какъ за якорь спасенія, т.-е. искалъ въ немъ общеизвѣстныхъ фамилій, за которыми можно было бы, такъ-сказать, спрятаться, въ случаѣ надобности.

Digitized by Google

на насъ никакого вниманія: одни глядѣли въ окна, а другіе тихо разговаривали; физіономіи всѣхъ были скучныя, либо озабоченныя, но ни одного, замѣчательно, веселаго лица не имѣлось. Картина эта и насъ было, признаться, смутила. Желая развѣять и себя и ихъ, мы громко проговорили: «здравствуйте, господа», да спросили: о чемъ они видимо грустятъ.

— Да веселиться-то не отчего: не на пиръ собрались, монотонно отвѣтилъ чиновникъ, въ вицъ-мундирѣ.—Шутка ли дѣло, цѣлый мѣсяцъ придется просидѣть здѣсь? Да это одурь возьметъ! Впрочемъ, въ настоящій моментъ всѣхъ насъ занимаетъ одинъ вопросъ: какъ и что мы тутъ такое будемъ дѣлать, когда ничего не знаемъ.

— Собственно объ этомъ сокрушаться не стоитъ: предсѣдатель суда предъ началомъ каждаго дѣла объяснитъ намъ всѣ наши права, обязанности; потомъ изъ судебнаго слѣдствія, обвинительной и защитительной рѣчей, сущность которыхъ предсѣдатель же намъ, потомъ, повторитъ—узнаемъ все, т.-е. заслуживаетъ ли подсудимый оправданія, или обвиненія со снисхожденіемъ, либо безъ снисхожденія. Все, какъ увидите, очень просто, намъ только необходимо будетъ внимательно вслушиваться въ суть дѣлъ и добросовѣстно, потомъ, обсуждать ихъ.

— Ну, а ежели мы не потрафимъ въ тактъ — самихъ насъ за это не потянутъ на цугундеръ, примѣрно въ коптѣлку, или штрафъ? спросилъ купецъ.

— Нѣтъ, какъ бы мы ни рѣшили — мы никакой, за это, отвѣтственности не подвергаемся; но всякая съ нашей стороны несправедливость падетъ на нашу совѣсть.

— Слышишь, Иванъ Ивановичъ? обратился онъ къ товарищу.—Значитъ, Фроловъ-то вралъ.

— Да вы, сударь, все это сами по себѣ знаете, али только слышали отъ кого нибудь? спросилъ другой.

— Знаю достовѣрно изъ закона и ручаюсь за вашу безопасность.

— Стало быть вы, т.-е. сами, лично, читали эти законы?

— Да, читалъ, да еще не одинъ, а нѣсколько разъ, читалъ.

— А не можете ли, коли такъ, разсказать намъ толкомъ: что и какъ тутъ будетъ твориться? пристали къ намъ нѣсколько человѣкъ изъ разныхъ группъ.

Мы охотно удовлетворили ихъ желаніе. Они повеселѣли.

— Такъ мы ужѣ васъ въ старшины попросимъ, заключили они:—будьте нашимъ начальникомъ, заправляйте какъ знаете.

— При выборѣ, господа, въ старшины, слѣдуетъ держаться

Digitized by Google

старшинства въ чинахъ, недовольно замѣтилъ значительный чиновникъ:—а не зря, кого попало, выставлять впередъ.

— Встарину, осмѣлюсь доложить, точно выбирали повсюду все по чинамъ, а нынѣ, какъ я разумѣю, вышло такъ: кто чего больше знаетъ, тому и книги въ руки. Потому, кого захотимъ, того и выберемъ старостой.

— Ну, а вы-то что же все еще скучные?

— Намъ это засѣдательство убыточно: у насъ 4 заведенія, а безъ хозяйскаго глаза Богъ-вѣсть что̀ тамъ случится.

— Вамъ что? а вотъ мнѣ такъ скверно: живу я за лѣснымъ корпусомъ (харчевню тамъ содержу) и торгую самъ съ парнишкой — сыномъ, а таперь принужденъ былъ на мѣсяцъ взять приказчика и заплатить ему за это время 10 рублей чистаганомъ, а сколько онъ, окромя того, хапнетъ, это ужь его дѣло.

— Я, значитъ, господа, лучше васъ обоихъ распорядился, вмѣшался мѣщанинъ.—Моя лавчонка у Митрофанія, торговля нонѣ вобче скудная, а тутъ еще, трахъ, въ засѣдатели тянутъ. Думалъ я, думалъ, какъ быть, да не говоря худаго слова, заперъ ее лавчонку-то на этотъ мѣсяцъ, потому рабочаго нанять невыгодно, да и опасно: капиталецъ мой, пожалуй, еще фукнетъ, али растранжиритъ въ долгъ.

— У всѣхъ у васъ, какъ я вижу, капиталы есть, и то вы сокрушаетесь, а вотъ я такъ нѣтъ, даромъ, что у меня залишнихъ денегъ ни гроша, семья самъ-пятъ, да мальчишки въ ученьи; всѣхъ кормить-поить надо, а добытчикъ-то я одинъ. Мы, сапожники, что̀ наработаемъ, тѣмъ и кормимся. Уходя сюда, я наладилъ свою фабрику, женѣ велѣлъ приглядѣть, да кажется напрасно: малыя ребята у ней на рукахъ, надо съ ними, да по хозяйству возжаться, такъ гдѣ-жь ей справиться съ эдакою-то обузою? Ну, работа и будетъ, извѣстно, стоять: ученики рады погулять; такъ пусть ужь, вѣрно, мѣсяцъ-то отдыхаютъ, а зубы всѣ положимъ на полку, а ежели этого не случится, залѣзу, значитъ, рублевъ на 30 на 40 въ долгъ навѣрняка̀. Впрочемъ, никто какъ Богъ, авось поправлюсь послѣ. Видите, каковъ я есть человѣкъ.

— А какъ мнѣ, сударь ты мой, быть? не слышу почти ничего: сперва въ ухѣ болѣло, а потомъ, вотъ ужь 4 года, какъ вдосталь оглохъ. А вѣдь, судъ меня, можетъ, пожалуй, что нибудь да спроситъ, я не разслышу, а за это того и гляди запрячутъ, говорятъ, пеньку щипать.

Мы посовѣтовали ему заявить о своей глухотѣ суду, который, согласно 5 п. 82 ст. учр. суд. уст., уводитъ его отъ засѣдательства.

Digitized by Google

— Ви каршо, ошень каршо каврить и мой блядрить васъ, заговорилъ пожилой нѣмецъ съ крупнымъ, русскимъ чиномъ.— Ви насъ научайтъ, научайтъ, научайтъ. Та!.. Это—прескотно.

Число присяжныхъ постепенно увеличивалось, а говоръ усиливался и вертѣлся преимущественно на одномъ пунктѣ: нельзя ли освободиться отъ предстоящей обязанности, при чемъ мотивировали свое нежеланіе засѣдательствовать: чиновники—служебными занятіями, нездоровьемъ, а отчасти и лѣнью; купцы—непониманіемъ судебныхъ дѣлъ и главное подрывомъ ихъ торговли; двое же мѣщанъ сѣтовали на думу за то, что она постоянно посылаетъ въ засѣдатели будто бы только мелочь; крупныхъ же коммерсантовъ увольняетъ; оттого претенденты и попадаютъ ежегодно въ судъ; но дабы отъ этого избавиться,—они, здѣшніе, рѣшились переписаться въ царскосельскіе ремесленники. Мы имъ замѣтили, что если они въ 1870 году точно были засѣдателями, то въ 1871 году вправѣ были, по 104 ст. учрежд. судеб. установл., отказаться. На это они возразили, что не знаютъ закона, отчего и попадаютъ вездѣ въ просакъ. *Охотно*, наконецъ, явившихся засѣдательствовать набралось только 6[1] изъ 33-хъ человѣкъ (3-хъ крупныхъ чиновъ судъ раньше освободилъ). Изъ всего наличнаго состава были: 19 чиновниковъ, 6 купцовъ, 7 мѣщанъ и ремесленниковъ и 1 крестьянинъ.

Въ началѣ 12-го часа въ нашу комнату вошелъ судебный приставъ, перекликалъ насъ и ушелъ, а вслѣдъ за тѣмъ, съ одной стороны насъ заперли на замокъ снаружи, а за притворенною дверью другой, ведущей въ залъ суда, поставили жандарма, такъ что мы очутились подъ арестомъ. Это событіе дало новый разговоръ на полчаса, если еще не больше.

III.

Въ 12 часовъ насъ, присяжныхъ засѣдателей, вызвали въ залъ засѣданія, куда вскорѣ же вошелъ судъ и вновь насъ перекликалъ. Тогда многіе изъ засѣдателей стали цугомъ подходить къ предсѣдателю отпрашиваться отъ засѣдательства: кто по болѣзни (чиновники, какъ люди опытные, со свидѣтельствами), кто по глухотѣ, кто по недосугу и т. д., но судъ освободилъ только четырехъ человѣкъ.

Ввели подсудимаго, забитаго, истощеннаго молодаго крестья-

[1] Мы, профессоръ ботаники, докторъ, горный инженеръ, правовѣдъ и студентъ духовной академіи.

Digitized by Google

нина. Избрали по жребію составъ засѣдателей и привели ихъ къ присягѣ. Предсѣдатель А. Д. Батуринъ произнесъ намъ, засѣдателямъ, въ *простыхъ* выраженіяхъ прекрасную, вступительную рѣчь о нашихъ правахъ и обязанностяхъ. За симъ приступили, наконецъ, къ разсмотрѣнію самаго дѣла по обвиненію подсудимаго въ кражѣ со взломомъ 62 руб., въ чемъ онъ сознался еще на предварительномъ слѣдствіи, а потому судебное слѣдствіе оказалось лишнимъ. Обвинительнымъ актомъ подсудимый обвинялся въ кражѣ 62 руб.; а въ актѣ осмотра на мѣстѣ значилось, что у него, неуспѣвшаго никуда отлучиться ни на шагъ отъ мѣста преступленія, нашли за голенищею сапога 58 руб. Мы спросили судъ: отчего акты противорѣчатъ другъ другу? Намъ отвѣтили, что судъ не имѣетъ никакихъ объ этомъ свѣдѣній. Это всѣхъ насъ, засѣдателей, удивило: мы думали, что судъ долженъ знать все, до дѣлъ относящееся, но, къ сожалѣнію, сильно въ томъ, какъ читатель усмотритъ ниже, ошиблись. Тогда мы спросили подсудимаго, что̀ именно побудило его совершить приписываемое ему преступленіе. «Грѣхъ попуталъ», отвѣтилъ онъ, утирая кулакомъ катившіяся по лицу его слезы. «Не терпѣли ли вы нужду въ деньгахъ, повторили мы, полагая, что онъ насъ не понялъ:—напримѣръ, на уплату податей, на помощь роднымъ и т. п.?» «Нѣтъ: у меня было своихъ 8 р. 50 к. Такая ужь знать судьба моя, горемычная...».

— Зачѣмъ вы разспрашиваете? сказалъ намъ на ухо сидѣвшій сзади насъ чиновникъ.—Перестаньте, а то васъ, смотрите, оштрафуютъ.

Предостереженіе это покоробило насъ: не дальше какъ за четверть часа передъ тѣмъ, предсѣдатель громко, внятно толковалъ засѣдателямъ, что они могутъ, сколько и какіе имъ вздумается дѣлать вопросы, и вдругъ все это улетучилось изъ головы *не простомодина*, *а чиновника*, человѣка болѣе или менѣе развитаго.

Едва товарищъ прокурора поднялся для произнесенія обвинительной рѣчи, какъ почти половина засѣдателей (купцы, мѣщане и проч.) вскочили на ноги, полагая, что коль-скоро прокуроръ—*въ мундирѣ*, *сидящій за судейскимъ столомъ*, *всталъ*, *то* имъ, людямъ подначальнымъ, и подавно надо встать. Ихъ, разумѣется, тотчасъ же усадили по мѣстамъ, что̀ повергло иныхъ въ немалое недоумѣніе.

И обвинитель и защитникъ, желая, вѣроятно, думалось намъ, щегольнуть предъ *новенькими* засѣдателями своимъ краснорѣчіемъ, говорили, по меньшей мѣрѣ, по получасу сряду каждый.

Digitized by Google

Мало того, унесшись въ заоблачное, такъ-сказать, царство, оба непремѣнно третировали, всякій по своему, злосчастнаго подсудимаго: первый — превратилъ его въ какое-то гнусное исчадіе, а послѣдній — въ фатальную жертву общественныхъ неурядицъ. Хорошо еще, что предсѣдатель, резюмируя все, ими трактованное, свелъ итоги напрасной болтовнѣ обоихъ, а то засѣдатели, по новизнѣ занятія и неумѣнью большинствомъ изъ нихъ разграничить факты отъ трескучихъ фразъ, вѣроятно, долго, долго, какъ впослѣдствіи оказалось, не разрѣшили бы вопроса о виновности парня: столь сильно они были наэлектризированы надменнымъ фразерствомъ.

IV.

Прійдя съ вопросными пунктами въ свою комнату, двѣ трети засѣдателей были совершенно ошалѣвши отъ всего слышаннаго.

— Что же такое намъ теперь дѣлать? раздались со всѣхъ сторонъ вопросы.

— Обсуждать все слышанное по собственному разумѣнію, а чего кто не понялъ, не разслышалъ—разузнавать отъ другихъ. Участь подсудимаго въ вашихъ, помните, рукахъ, и вы поэтому должны строго смотрѣть на свое призваніе; въ противномъ случаѣ мы согрѣшимъ противъ совѣсти, присяги, причинимъ вредъ правосудію, либо подсудимому.

— Мало ли что они тамъ такое толковали, и намъ все это помнить? Нѣтъ-съ, это черезчуръ мудрено. Я первый больше половины ужь перезабылъ.

— А я такъ ровно ничего и не помню, окромя кражи денегъ.

— Ну, и взлома тоже: слышали, чай, какъ одинъ хлопочетъ, чтобы былъ взломъ, а другой настаиваетъ противъ взлома.

— Вотъ объ этихъ-то двухъ обстоятельствахъ, то-есть совершилъ ли онъ взломъ и укралъ деньги, или укралъ ничего не ломая, и слѣдуетъ, не стѣсняясь, хорошенько разсудить и потомъ отвѣтить на вопросы.

Поднялся споръ, шумъ, которые производили исключительно, впрочемъ, чиновники; купцы же и мѣщане вздыхали, стирали потъ съ лицъ и съ любопытствомъ слушали молча, какъ бы выжидая, что будетъ дальше. Прошло минутъ 15, и безмолвствовавшіе стали робко проявлять свои взгляды. Всѣ усѣлись кругомъ стола. Старшина прочелъ вопросъ: «Виновенъ ли под-

Digitized by Google

судимый въ томъ, что похитилъ деньги, для чего выдернулъ пробой, то-есть совершилъ взломъ», и спросилъ перваго, какого онъ мнѣнія.

— Та, нисхожтенье, отвѣтилъ онъ.

— Это не отвѣтъ: вы должны сказать такъ, какъ вы *по совѣсти* полагаете, виновенъ ли онъ въ кражѣ со взломомъ, или безъ взлома.

— Я и говорить нисхожтенье. Та, нисхожтенье, нисхожтенье.

Видя, что нѣмецъ порусски не понимаетъ разницы между словами: «виноватъ» и снисхожденье» (это слово онъ запомнилъ изъ предсѣдательскаго резюме), ему растолковали ихъ по-нѣмецки и онъ потомъ отвѣтилъ [1].

— Потрудитесь сказать ваше мнѣніе.

— Коли прокуроръ винитъ его — значитъ онъ и виноватъ: прокуроръ на то и сидитъ вмѣстѣ съ судьями, а намъ, неучамъ, объ этомъ нечего и толковать.

— Напротивъ, вамъ нѣтъ *ровно никакой надобности* держаться мнѣнія прокурора, или защитника, а вы обязаны по закону и по совѣсти выразить ваше *собственное* мнѣніе, выведенное изъ всего того, что̀ вы слышали въ судѣ.

— Рабочіе, позвольте вамъ сказать, дерутъ съ насъ въ три дорога̀, да еще не доищешься ихъ работать: все по кабакамъ, да по тюрьмамъ обрѣтаются. Никуда, доложу вамъ, не годятся нонѣшніе рабочіе, а отчего? Все отъ воли; эта воля, охъ какъ много бѣдъ натворила: прежде бы выдрали и шабашъ, а теперь возьми вонъ его...

— Ваше разсужденіе тутъ не кстати. Говорите мнѣніе собственно о дѣлѣ, а не о рабочихъ.

Онъ помялся, помялся, покряхтѣлъ и отвѣтилъ:

— Взлома никакого не нахожу, а просто выдернутъ пробой.

— Это по закону тоже вѣдь взломъ.

— Ну, нѣтъ: сломать что-нибудь, или выдернуть, два дѣйствія совершенно различныя и за выдернутіе плохо вбитаго пробоя гораздо легчайшее должно быть наказаніе, нежели за сломаніе, напримѣръ, досокъ, шкафа, дверей и т. п.

Многіе присоединились къ этому мнѣнію. Поднялся новый

[1] Съ этимъ засѣдателемъ вообще было много хлопотъ. Разъ онъ былъ, напримѣръ, въ запасныхъ; но когда дѣйствовавшіе пошли совѣщаться, и онъ очутился среди нихъ въ комнатѣ. Между тѣмъ приходилось оправдать подсудимаго. И вотъ, чтобы вердиктъ не кассировали, если его тотчасъ выпустить въ зало засѣданія—его вывели въ отхожее мѣсто, заперли тамъ на ключь, рѣшили дѣло, вернулись въ судъ, прочли отвѣтъ, попросили отдыха на 5 минутъ, всѣ вернулись въ совѣщательную комнату и присоединили его къ себѣ.

Digitized by Google

споръ, котораго никакъ не могли разрѣшить, потому въ особенности, что въ заголовкѣ листа было сказано: по обвиненію «въ кражѣ *со взломомъ*», а въ текстѣ вопроса употребленія слова: «выдернулъ ли пробой». Большинство потребовало разъясненія этого недоразумѣнія чрезъ судъ, по выходѣ куда предсѣдатель объявилъ, что отъ воли засѣдателей зависитъ признать или отвергнуть «выдернулъ» и въ соотвѣтствующемъ тому смыслѣ отвѣтить. Вернулись назадъ и опять подняли горячія препирательства о томъ, есть ли «выдернулъ» взломъ или нѣтъ, при чемъ многіе толковали отрицательно, признавая въ то же время фактъ «выдернулъ».

— Вы какъ полагаете?

— Да богъ-вѣсть...

— Вы обязаны отвѣтить: выдернулъ или нѣтъ, а не богъ-вѣсть.

— Можетъ, выдернулъ, а можетъ—и нѣтъ, я при той оказіи не былъ, такъ почемъ же я это знаю?

— Вамъ непремѣнно надо сказать: выдернулъ или нѣтъ, т.-е. то, что̀ по вашей совѣсти могло вѣрнѣе случиться.

— Я живу шестой десятокъ на свѣтѣ, на мнѣ безъ того грѣховъ много и я не хочу брать на душу еще лишній, новый грѣхъ.

— А вы?

— Пробой, сдается мнѣ, и вбитъ не былъ, а просто воткнутъ для острастки, стало быть, что̀ же это такое? Да и парень-то къ тому-жъ еще дураковатъ: гдѣ бы, сберегая свою шкуру, отвѣтить: «на подати, молъ, кралъ», а онъ—«грѣхъ попуталъ, свои деньги имѣлъ». Вѣстимо дѣло, ошалѣлъ и самъ въ петлю лѣзетъ. Вотъ бы ему за его дурость...

— За вами очередь.

— Охъ, ужь мнѣ эта очередь. Не разберу...

— Какъ же вы такъ долго слушали дѣло въ судѣ, здѣсь, и не обдумали своего мнѣнія?

— Какъ не думать? Думать-то мы думали, да думали-то, признаться, не объ этомъ плевомъ дѣлѣ, а объ своихъ лавкахъ...

— Стыдитесь говорить вздоръ... Это непростительно.

— Забудьте объ своихъ лавкахъ, Бога-то побойтесь, да помните, гдѣ вы; вѣдь ежели предсѣдателю доложитъ объ вашихъ рѣчахъ—онъ вамъ такого жару задастъ, что и не опомнитесь.

Купецъ уничтожился, но далъ мнѣніе.

— Теперь вопросъ о томъ, заслуживаетъ ли подсудимый снисхожденія?

Digitized by Google

— Эка, что еще видумали, снисхожденья?! Ужь не за то ли дать ему, канальѣ, снисхожденія, что сворнмъ, конфузимъ тутъ другъ друга?

— Вопросъ о снисхожденіи поставленъ судомъ, и потому мы *обязаны* его обсудить и отвѣтить на него сообразно результату нашего совѣщанія.

— Нонѣ въ тюрьмахъ, говорятъ, лучше жить, чѣмъ на волѣ; въ теплѣ, сытъ, одѣтъ и ничего не дѣлай, стало быть тамъ лафа.

— Оттого, значитъ, и много этикъ взломовъ проявилось, что въ тюрьмѣ вольготно. Пусть же и онъ туда проваливаетъ.

— Поблажки, господа, давать нельзя; всѣ рабочіе по тюрмамъ разсядутся, а кто же работать-то станетъ?

— Толкованіе ваше, господа, совершенно неправильное, ни на чемъ не основанное. Я самъ коротко знаю тюремный бытъ (во всѣхъ здѣшнихъ тюрьмахъ перебывалъ недавно, разъ по пятидесяти) и скажу вамъ, что тамъ кормятъ простолюдиновъ впроголодь, одѣваютъ часто въ отрепьяхъ; ничего не дѣлаютъ они—только въ тюремномъ замкѣ; но и это ничего недѣланіе хуже всякой работы: скука, тоска; сидѣть, сложа привычныя къ труду руки, съ утра до вечера—страшно раздражаетъ заключенныхъ, порождаетъ между ними цынготную болѣзнь, сухотку. Въ рабочемъ домѣ и срочной тюрьмѣ съ 5 часовъ утра и до 9 часовъ вечера всѣ заключенные, за исключеніемъ какихъ нибудь двухъ часовъ на обѣдъ и отдыхъ — какъ въ котлѣ кипятъ за занятіями. Слѣдовательно житье тамошнее очень тяжелое. Деньги отъ подсудимаго отобрали всѣ въ цѣлости; сидитъ онъ ужь 5 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, и это время ему въ счетъ будущаго заключенія не зачтется; сознался онъ откровенно; а все это вмѣстѣ даетъ ему право на полное съ нашей стороны снисхожденіе, тѣмъ болѣе, что судя по рѣшенному нами вопросу, онъ пойдетъ въ арестантскія роты, а не въ тюрьму. Вопросъ же о недостаткѣ и негодности рабочихъ рукъ къ *настоящему нашему* занятію вовсе не относится.

— То-есть вы желаете прощать всѣхъ воровъ и мошенниковъ, чтобы они потомъ снова насъ обкрадывали, а мы чтобы сами за нихъ панели подметали? Мерси.

— Мошенникъ мошеннику и воръ вору — рознь, а потому намъ, судьямъ, по совѣсти надо стараться различать вора по призванію отъ вора по неразумію и къ первому относиться строго, а къ послѣднему снисходительно.

— Вѣрно. Какіе вонъ, поглядишь, завзятые мошенники катаются, развалясь, по Невскому, да ихъ не судятъ, а отчего?

Digitized by Google

оттого, что они умѣютъ ловко вывернуться изъ всякой бѣды, а этакій воръ, плутъ, и мытарится «не судамъ, но острогамъ...». Вспомните, наконецъ, изрѣченіе Спасителя о намѣреніи народа побить камнями блудницу, и примѣняя это изрѣченіе къ себѣ, кидайте, если смѣете, каменьями во всѣхъ подсудимыхъ.

— Обратитесь, господа, къ порядку, перестаньте забѣгать за предѣлы нашей дѣятельности.

Снисхожденія подсудимый однако не получилъ.

Мы взялись въ качествѣ старшины за перо, чтобы написать противъ вопросовъ отвѣты и подписаться подъ ними; но вспомнивъ, что двумя строками безповоротно рѣшаемъ участь человѣка, вздрогнули отъ этой мысли, голова закружилась, въ глазахъ зарябило, правая рука не повиновалась—неимовѣрно дрожала, такъ что мы принуждены были сперва остановиться, а потомъ поддерживать ее лѣвою рукою. Кончивъ кое-какъ писаніе, мы позвонили въ нарочно для того устроенный колокольчикъ и минутъ черезъ пять засѣдатели вышли въ зало засѣданія. Тутъ намъ жутко было взглянуть на подсудимаго, на публику и мы съ усиліемъ прочли дребезжащимъ голосомъ вердиктъ. И парень дѣйствительно отправился на полтора года въ арестантскія роты... Приговоръ этотъ произвелъ очень грустное впечатлѣніе почти на весь комплектъ засѣдателей, которые, впослѣдствіи, когда освоились съ дѣлами, часто упрекали себя за этотъ суровѣйшій приговоръ. Испытанныя нами въ первый разъ страшныя ощущенія постепенно потомъ улетучивались и мы дошли, наконецъ, до того, что совершенно спокойно подписывали и объявляли *всякіе* приговоры. Правду, значитъ, говорятъ, что привычка—вторая натура.

Такъ оригинально началась дѣятельность присяжныхъ засѣдателей нашей сессіи.

V.

Спустя три дня дѣятельности засѣдателей, ихъ осталось уже только 24 человѣка, остальные же были уволены [1] судомъ по медицинскимъ свидѣтельствамъ разныхъ врачей, да по бумагамъ присутственныхъ мѣстъ, которыя излагали, что слу-

[1] Изъ уволенныхъ былъ студентъ духовной академіи, который ходилъ въ судъ въ вицъ-мундирѣ, а въ послѣдній разъ явился въ священническомъ облаченіи: онъ, посвященный наканунѣ въ священники, назначался въ русскую миссію въ Пекинъ.

Digitized by Google

лающіе въ опытъ и очутившіеся въ засѣдателяхъ чиновники имѣютъ по службѣ не терпящія отлагательства порученія (1 п. 650 ст. уст. угол. суд.). Правомъ, этимъ пунктомъ предоставленнымъ, пользуются, впрочемъ, лишь крупные, кстати замѣтимъ, чиновники, да и то часто неправильно: иные ровно ничего не дѣлая въ должности—по полученіи повѣстки на явку въ засѣдатели, *выпрашиваютъ* у своего начальства бумаги объ освобожденіи ихъ, по этому пункту, отъ засѣдательства. Такихъ случаевъ мы знаемъ множество, а потому нельзя, конечно, нельзя не пожалѣть о томъ, что въ образованныхъ людяхъ сильно проявляется только страсть къ жалованью...

Къ четвертому засѣданію засѣдатели понемногу отрѣшились отъ обуявшаго вначалѣ многихъ изъ нихъ страха за свою персону и кошелекъ. Тѣмъ не менѣе кромѣ 3—5 изъ 24 человѣкъ ни въ данное время, ни до самаго конца сессіи, никто никакихъ по дѣламъ вопросовъ не предлагалъ. Далѣе они освоились съ мыслію о полезности разсуждать, при совѣщаніяхъ, и ознакомившись отсюда со взглядами другъ друга—раздѣлились даже на отдѣльныя партіи. Одни, прозванные жестокими, безусловно обвиняли всѣхъ безъ различія подсудимыхъ. «Коль скоро человѣкъ попалъ подъ новый, *милостивый* судъ—значитъ, онъ виновенъ». Вотъ ихъ руководящее правило. Другіе, напротивъ, подвергая безпощадному анализу всякій фактъ, опирались на доводахъ защитниковъ о томъ, что «всякое сомнѣніе толкуется по закону въ пользу подсудимыхъ» [1], а отсюда вытекало ихъ стараніе смягчать участь достойныхъ того подсудимыхъ, не то и оправдывать ихъ. Третьи—ремесленники, сперва молча выслушивали споры, потомъ давали преимущественно дѣльные, мѣткіе отвѣты. Четвертые—купцы, торговцы, или примыкали туда, куда, какъ говорится, вѣтеръ дунетъ; или же, если имъ только удавалось сѣсть рядомъ—то какъ первый скажетъ, такъ ужь и всѣ вторятъ ему. Впрочемъ, преобладающее вліяніе принадлежало второй партіи—людямъ образованнымъ: имъ часто, несмотря на ихъ малочисленность, удавалось преодолѣвать всѣ остальныя партіи разомъ, въ томъ лишь, однако, случаѣ, когда изъ жестокихъ попадало, напримѣръ, въ составъ присутствія не болѣе трехъ человѣкъ; ежели ихъ набиралось 4—5 человѣкъ, тогда

[1] Слова эти присяжные засѣдатели слышатъ одинъ, два раза ежедневно отъ адвокатовъ, которые вѣроятно толкуютъ это опираясь на комментаріяхъ государственной канцеляріи по 2-му изд. уголов. судопр. стр. 271, да примѣняясь къ 754 ст. того же уст. и общему духу закона, такъ-какъ спеціальной объ этомъ статьи въ уставѣ не оказывается.

Digitized by Google

горе подсудимому: они, примѣшивая въ совѣщаніяхъ всевозможныя житейскія ненормальныя явленія, всегда перетягивали на свою сторону 2—3 изъ безмолвствовавшихъ и тѣмъ самымъ брали верхъ: большинство изъ 12 голосовъ, на точномъ основаніи 813-й ст. уст. уголов. суд., рѣшаетъ участь подсудимаго. Такъ-какъ присяжные знали убѣжденія всѣхъ, то едва, бывало, выкликнутъ 4-хъ изъ жестокихъ — остальные еще до начала разсмотрѣнія дѣла ужь знаютъ, что подсудимому жутко придется.

Изъ общаго комплекта 24-хъ засѣдателей были, между прочимъ, воспитывавшіеся: въ училищѣ правовѣдѣнія—1, въ университетѣ—4, въ медико-хирургической академіи—2, въ горномъ институтѣ—2 и въ инженерной академіи—1. Тѣмъ не менѣе, въ числѣ и этихъ людей были чрезвычайно странныя личности. Такъ, напримѣръ, одинъ, лѣтъ 35-ти, по воспитанію кандидатъ юридическаго факультета, служащій по счетной части, хорошо зналъ паспортную систему, а въ юриспруденціи не обладалъ даже элементарными свѣдѣніями. Другой, академистъ, сильно нападалъ на рабочихъ и на теорію, проповѣдываемую В. Д. Спасовичемъ, въ его учебникѣ уголовнаго права, которую признавалъ несостоятельною, никуда и ни на что не годною. Третій, преподающій гдѣ-то много лѣтъ сряду законовѣдѣніе, былъ на столько слабъ въ этомъ предметѣ, что будучи старшиною, написалъ: «виновенъ въ кражѣ *и во взломѣ*», тогда какъ взломъ, самъ по себѣ, влечетъ одну лишь гражданскую, со стороны совершившаго это дѣяніе, отвѣтственность — за причиненіе владѣльцу изломанной вещи убытковъ. Судъ не принялъ, понятно, этого отвѣта и законовѣдъ принужденъ былъ отправиться обратно въ совѣщательную комнату, написать тамъ новый отвѣтъ, который судъ счелъ тоже неправильнымъ и опять погналъ засѣдателей, съ юристомъ во главѣ, въ третій разъ назадъ. А и весь-то отвѣтъ долженъ былъ заключаться много въ полуторыхъ строкахъ! Мало того: этотъ же спеціалистъ горячо доказывалъ засѣдателямъ, что при признаніи обвиняемаго совершившимъ преступленіе вслѣдствіе крайности и неимѣнія средствъ къ пропитанію и работѣ, судъ непремѣнно освободитъ его отъ всякаго наказанія, тогда какъ на дѣлѣ вышло, что, несмотря на признаніе засѣдателями крайности и проч., судъ, по дѣйствующему закону, уменьшилъ ему только наказаніе на три степени. Четвертый, будучи старшиною же по одному дѣлу, написалъ, согласно вердикту засѣдателей противъ перваго вопроса: «нѣтъ, не виновенъ», и затѣмъ настаивалъ обсудить второй вопросъ: «если виновенъ въ пер-

Digitized by Google

вомъ, то дѣйствовалъ ли съ полнымъ разумѣніемъ». Между тѣмъ, коль скоро первый вопросъ разрѣшился отрицательно, то второй, само собою разумѣется, падаетъ. И вѣдь едва разубѣдили его въ нелѣпости его предложенія!... Онъ же вслухъ суду заявилъ, что рѣшеніе засѣдателей *единогласное*, что возбранется дѣлать въ судѣ 677 ст. уст. угол. судопр. Пятый, человѣкъ тоже развитой, находилъ вреднымъ *словесно* совѣщаться. Людямъ, владѣющимъ способностью красно выражаться и по своему истолковывать слышанное, ничего, по его словамъ, не стоитъ вліять своими односторонними доводами на другихъ, не одаренныхъ твердою памятью, характеромъ и оттого смиренно подчиняющихся краснобаямъ, которые, пользуясь своимъ преимуществомъ, насилуютъ совѣсть и волю остальныхъ. «Опытъ доказываетъ,—толковалъ онъ,—что иные засѣдатели, составивъ себѣ, въ самомъ засѣданіи, ясное понятіе о дѣлѣ и свое по оному, рѣшеніе — вслѣдствіе долгаго, потомъ устнаго совѣщанія — мѣняли усвоенное ими убѣжденіе на другое, совершенно противоположное». Дабы устранить эту несообразность, протестантъ требовалъ перестать, разъ навсегда, разубѣждать другъ друга, а пусть тотчасъ по приходѣ въ совѣщательную комнату каждый засѣдатель на бумажечкѣ напишетъ, сообразно вопросамъ, какіе ему угодно отвѣты, вручитъ ихъ старшинѣ, а сей послѣдній прочтетъ билетики въ присутствіи другихъ, и то, что обнаружится большинствомъ голосовъ, изложитъ противъ вопросовъ суда. Вотъ этотъ-то способъ и даетъ именно тѣ,—заявлялъ онъ,—результаты, какіе сложились, по совѣсти, въ головахъ засѣдателей. Шестой поддерживалъ эту мысль, только, впрочемъ, условно: онъ считалъ полезнымъ употреблять ее въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда въ составѣ засѣдателей участвуютъ 4 жестокихъ, дабы этимъ оригинальнымъ способомъ парализировать ихъ наклонности къ обвиненію. Такъ-какъ 806 и 807 ст. уст. угол. судопр. предписываютъ засѣдателямъ *совѣщаться*, а согласно 808 ст. они обязаны подавать голоса *изустно*, то обѣ приведенныя комбинаціи были рѣшительно отвергнуты большинствомъ, независимо сказаннаго и потому еще, что простолюдины крайне нуждались, какъ читатель усмотритъ ниже, въ разъясненіи имъ *простыми словами* какъ существа дѣлъ, такъ и вопросовъ, подлежащихъ ихъ разрѣшенію.

VI.

Предварительныя слѣдствія, возбуждаемыя противъ различныхъ закононарушителей, производятся, въ Петербургѣ, судя по

Digitized by Google

80—100 дѣламъ; разсмотрѣннымъ въ одну сессію, въ 2-хъ уголовныхъ отдѣленіяхъ здѣшняго окружного суда чрезвычайно эрь, небрежно, плохо: не было почти ни одного, напримѣръ, изъ означеннаго числа дѣлъ, въ которомъ бы не обнаружилось значительныхъ промаховъ, существенныхъ недостатковъ, въ необходимыхъ, для ясности, полноты предмета, свѣдѣніяхъ. Чтобы наши слова не показались голословными, подкрѣпимъ ихъ, на выдержку взятыми, фактами. Чуть ли не *всѣ* акты осмотра на мѣстѣ взломанныхъ хранилищъ составлялись производившими первоначальныя о семъ дознанія околодочными надзирателями (250, 252—255 ст. уст. угол. судопр.), причемъ слѣдователи, вопреки 256, 260, 265, 269, 315, 318 угол. суд., лично не провѣряли этихъ актовъ, а принимали ихъ просто на вѣру, несмотря на то, что произведенія большинства околодочныхъ представляли смѣсь безграмотности съ белибердою, сплошь да рядомъ страдали отсутствіемъ самыхъ элементарныхъ правилъ правописанія, не только судопроизводства; несмотря, наконецъ, даже и на то, что эти безтолковѣйшіе акты служили главнымъ основаніемъ къ опредѣленію свойства, признаковъ преступнаго дѣянія, за которое (принятое за достовѣрное) люди затачались подъ стражу, томились подолгу въ тюрьмѣ, а иные потомъ и тяжко платились ссылкою въ арестантскія роты, рабочій домъ, да въ тюрьмы на цѣлые годы.

Человѣкъ, напримѣръ, обвинялся въ кражѣ изъ запертой дворницкой армяка, со взломомъ замка. Подсудимый показалъ, что, подойдя къ дворницкой, онъ увидѣлъ замокъ висѣвшимъ безъ ключа, на проволочной веревкѣ, незаложенной на пробой. Эта неосмотрительность хозяевъ и соблазнила его; онъ вошелъ, среди дня, въ дворницкую, схватилъ тамъ армякъ, съ цѣлію похитить его, но, выходя назадъ, былъ задержанъ. Актъ осмотра, составленный околодочнымъ, кратко гласилъ, что дворницкая была заперта на замокъ, который подсудимый сломалъ и т. д., но дѣйствительно ли онъ сломалъ, и если да, то какъ и чѣмъ именно — объ этомъ умалчивалось. Дворникъ заявилъ, что дверь была заперта накладывавшеюся на пробой проволочною веревкою (она осталась въ цѣлости), а на ней замкомъ, найденнымъ имъ послѣ поимки вора на землѣ, возлѣ дверей, но замокъ взятъ былъ полиціею вмѣстѣ съ ключомъ. Находившаяся во время происшествія запертою внутри дворницкой женщина отозвалась, что стука отъ ломанія замка она *никакого* не слыхала, а увидѣвъ подсудимаго тогда, когда онъ схватилъ армякъ и поспѣшно бросился вонъ изъ дворницкой, она закричала, выбѣжала за нимъ и проч. Мало того: въ утро происше-

Digitized by Google

сѣнія она *разговаривала*, *многократно слышала*, какъ снаружи дергали за замокъ, но это дерганіе производилось, по ея и самаго дворника словамъ, ежедневно, безпрерывно, разными людьми, приходившими справиться о № квартиры многочисленныхъ жильцовъ дома. Между тѣмъ, до слѣдователя, а отъ него въ судъ, дошелъ замокъ *безъ* ключа; внутренняя сторона дуги замка оказалась въ углахъ немножко оцарапанною. Теперь спрашивается: если замокъ точно былъ запертъ, то, ломая его внутреннюю защелку, подсудимый неизбѣжно ее попортилъ; а чтобы въ этомъ убѣдиться—для узнанія: точно ли обвиняемый совершилъ взломъ—слѣдователю необходимо было попробовать ключемъ отпереть или запереть замокъ, или же спросить заключенія свѣдущаго человѣка, слесаря (315 и 325 ст. уст. угол. судопр.); но въ данномъ случаѣ ни показанія эксперта не было, ни слѣдователь лично пробы не дѣлалъ по неимѣнію ключа. Слѣдовательно является неразрѣшенный вопросъ: былъ ли замокъ запертъ, или нѣтъ? Принимая же во вниманіе, что: а) женщина, сидѣвшая въ заперти, *не слыхала* какъ злоумышленникъ ломалъ замокъ, тогда какъ она, напротивъ, слышала, какъ за него многократно дергали; что стукъ при ломаніи желѣзной вещи во всякомъ разѣ бываетъ гораздо сильнѣе, нежели при передергиваніи за нее, — становится ясно, что обвиняемый не ломалъ; б) такъ-какъ замокъ ежедневно хоть по 10 положимъ разъ, дергали впродолженіе, допустимъ, хоть только мѣсяца,—то внутренніе бока дуги замка, понятно, терлись о пробой, а отсюда и оцарапанные бока дуги представляются совершенно естественнымъ явленіемъ; наконецъ в) замокъ висѣлъ *на проволочной веревкѣ;* подсудимому желалось елико возможно тише, скорѣе проникнуть въ дворницкую, совершить преступленіе и благополучно оттуда скрыться съ добычею, стало быть для достиженія этой цѣли ему было несравненно легче и удобнѣе оборвать (валявшуюся возлѣ дворницкой и тоже найденною въ палецъ толщиною и въ два длиною) желѣзною проволочную веревочку, которая не издавала бы ни малѣйшаго при томъ звука, нежели ломать замокъ, произвести стукъ и чрезъ то попасть въ просакъ.

Другой обвинялся также въ кражѣ со взломомъ изъ сундука товарища денегъ. Актъ осмотра сундука, замка и проч. составилъ тоже околодочный, котораго слѣдователь лично равнымъ образомъ не провѣрилъ. Подсудимый, стремясь смягчить свою виновность, говорилъ, что онъ ни замка не ломалъ, ни ключа, для отпора онаго, не употреблялъ, ни пробоя, наконецъ, изъ сундука не выдергивалъ, а просто вынулъ воткну-

Digitized by Google

тій въ дѣрочку доски сундука пробой, вмѣстѣ съ висѣвшимъ на немъ замкомъ, отворилъ сундукъ и вынулъ изъ него деньги. Показаній, которыя бы хоть сколько-нибудь ослабили его доводы, слѣдователь никакихъ не собралъ; ключа къ замку также, въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, нигдѣ не имѣлось; были ли концы пробоя съ внутренней стороны сундука плотно прибиты къ дереву, а равно остались ли на сторонахъ дерева какіе-нибудь слѣды загнутости пробойныхъ концовъ— ничего этого ни въ актѣ осмотра сундука, ни при дальнѣйшихъ, предварительномъ и судебномъ слѣдствіи ни на волосъ не разъяснилось; напротивъ, концы пробоя при осмотрѣ ихъ засѣдателями торчали прямо, ровно, какъ новые гвозди, и на нихъ не обнаружилось ни малѣйшихъ признаковъ того, что они когда-нибудь загибались на внѣшнія стороны.

Третій обвинялся въ кражѣ бѣлья съ чердака, для чего разломалъ будто бы цѣлую досчатую стѣну. Обвиняемый увѣрялъ, наоборотъ, что прійдя на чердакъ, онъ нашелъ 3—4 доски вывалившимися изъ своихъ мѣстъ и лежавшими на землѣ; но такъ ли это дѣйствительно было, или иначе—какъ на предварительномъ, такъ и на судебномъ слѣдствіяхъ, осталось покрытымъ мракомъ неизвѣстности.

Четвертому приписывали кражу изъ комода билета внутренняго займа и наличныхъ денегъ всего «*до* 350 рублей» (такъ неопредѣленно гласилъ и обвинительный актъ), а также золотыхъ колецъ и портмоне. Спустя часа 3—4 послѣ совершенія имъ этого преступленія онъ былъ пойманъ, обысканъ, при чемъ у него нашли, кажется, 66 руб. Не отрицая своей виновности, онъ объяснилъ, что сколько именно похитилъ онъ денегъ—не знаетъ; билетъ продалъ мѣнялѣ (отъ котораго слѣдователь отобралъ оный и возвратилъ законному владѣльцу) и съ полученными, да похищенными деньгами отправился въ домъ терпимости, гдѣ у него отняли 130 руб., а самаго выгнали оттуда; идя, засимъ, вечеромъ же, по задержаніи его, съ городовымъ въ полицію, онъ умолялъ послѣдняго научить его: какъ вывернуться изъ бѣды; на это городовой посовѣтовалъ ему бросить лучше краденыя вещи, если онѣ при немъ находятся, и потомъ отпереться отъ всего; тогда онъ вынулъ изъ кармана портмоне съ оставшеюся частію изъ похищенныхъ денегъ и бросилъ оное съ Аничкина моста въ Фонтанку. Претерпѣвшіе отъ преступленія фактически не доказали, сколькихъ именно лишились они наличныхъ денегъ. По основнымъ правиламъ уголовнаго судопроизводства, всѣ показанія подсудимаго подлежатъ тщательной провѣркѣ, вопервыхъ, для пра-

Digitized by Google

вильнаго опредѣленія подсудности: за кражу, напримѣръ, предметовъ, цѣнностью меньше 300 р. — мировому, а больше — окружному суду, согласно 33,200 ст. уст. угол. суд. и 2 п. 181 ст. уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями; вовторыхъ, чтобы отыскать похищенное имущество, а въ данномъ случаѣ деньги. Несмотря однакожь на это правило, ни полиція, ни слѣдователь ни городоваго не допросили, ни въ домъ терпимости подсудимаго не водили, для указанія грабителей, ни обыска въ означеннемъ домѣ не произвели, хотя обвиняемый и указывалъ мѣсторасположеніе дома; ни наконецъ и колецъ, чрезъ экспертовъ, не оцѣнили (ст. 325 уст. угол. суд.), такъ что деньги двухъ бѣдныхъ тружениковъ погибли, благодаря преимущественно игнорированію полиціею и слѣдователемъ закона.

Пятый обвинялся въ кражѣ изъ частнаго кредитнаго учрежденія разныхъ высокоцѣнныхъ вещей на сумму «*болѣе* 1,000 руб.», а сознался въ похищеніи только 3—4 часовъ, оцѣненныхъ въ 275 руб., причемъ для узнанія, чье показаніе правдивѣе: обвиняемаго, или обвинителей—ради правильнаго установленія, покрайней мѣрѣ хоть подсудимости, — не было заблаговременно собрано ровно никакихъ свѣдѣній, хотя труда на это нужно было очень мало: учрежденіе, обязанное, по закону, вести торговыя книги, могло доказать свою претензію записями въ книгахъ цѣнности принятыхъ въ залогъ часовъ, или даже спросомъ залогодателей.

Шестой обвинялся въ томъ, что выманилъ у чиновника росписку государственнаго банка, на отданные туда послѣднимъ на храненіе билеты внутренняго займа на 7,000 руб., подписалъ на роспискѣ его чинъ и фамилію, изготовилъ отъ его же имени въ банкъ фальшивое объявленіе о продажѣ будто бы имъ самимъ банкиру своихъ билетовъ и продалъ росписку и объявленіе банкиру, а этотъ получилъ по названнымъ, *такимъ незасвидѣтельствованнымъ* документамъ самые билеты изъ банка. Банкиръ оправдывалъ свою покупку у подсудимаго незасвидѣтельствованныхъ документовъ тѣмъ, что онъ *зналъ* подсудимаго и довѣрился его словамъ—что онъ вправѣ продать непринадлежащую ему росписку, а банкъ въ свою очередь тоже повѣрилъ его, банкира, авторитету. Но вѣдь коль скоро банкиръ зналъ фамилію *подсудимаго*, то тѣмъ болѣе онъ не долженъ былъ принимать отъ него *чужіе*, *незасвидѣтельствованные* документы за его *собственные*, ибо всякая сдѣлка опытными, какъ банкиръ, людьми всегда обставляется всѣми существующими формальностями. Почеркъ руки законнаго вла-

Digitized by Google

дѣльца билетовъ такой, по его словамъ, дрожащій, старческій и своеобразный, что подделать оный рѣшительно немыслимо; объявленіе же и росписка подписаны за него подсудимымъ бойкимъ, самымъ обыкновеннымъ, короче собственнымъ, говорилъ защитникъ, ничуть неизмѣненнымъ его почеркомъ. Въ банкѣ для всѣхъ безъ различія вкладчиковъ господствуетъ неизмѣнное, какъ извѣстно, правило: при выдачѣ вкладчику обратно его вклада—сличать тождество его подписи на предъявленной роспискѣ съ почеркомъ на томъ объявленіи, которое онъ подалъ при отдачѣ въ банкъ билетовъ на храненіе и которое все время лежитъ въ одномъ съ билетами конвертѣ. Кромѣ того чиновники, выдающіе вклады, всегда спрашиваютъ вкладчика: гдѣ онъ живетъ, сколько ему лѣтъ, и т. п., т.-е. повѣряютъ всѣ тѣ свѣдѣнія, какія онъ о себѣ написалъ на первомъ, въ банкѣ, повторяемъ, лежавшемъ объявленіи, дабы не выдать другому, напримѣръ нашедшему или укравшему росписку. Предосторожности сіи совершенно понятны, разумны. Росписку и объявленіе съ фальшивыми подписями слѣдователь пріобщилъ къ дѣлу, а объявленіе съ подписью *самаго* претерпѣвшаго отъ преступленія—оставилъ въ банкѣ. Оттого присяжнымъ засѣдателямъ не изъ чего было заключить: а) дѣйствительно ли нельзя поддѣлать почеркъ хозяина билетовъ и б) измѣнилъ ли подсудимый хоть нѣсколько свой-то почеркъ, или нѣтъ. Слѣдователь точно также не истребовалъ отъ банка никакого отвѣта о томъ, что̀ именно послужило для него основаніемъ къ выдачѣ банкиру чужихъ денегъ по неоформленнымъ документамъ.

По седьмому дѣлу, лакея (обвинившагося въ кражѣ у своего господина, генерала, денегъ и столоваго серебра), между прочимъ обнаружилось, что полицейскій чиновникъ вручилъ генералу, на пополненіе причиненнаго ему дѣяніемъ лакея убытка, 2 билета внутренняго займа, бывшіе заложенными лакеемъ; но гдѣ досталъ эти билеты чиновникъ, какимъ способомъ, точно ли они принадлежали лакею, и если да,—когда именно онъ ихъ купилъ, т.-е. раньше ли кражи имъ серебра и денегъ, или послѣ,—слѣдователь оставилъ безъ вниманія, тогда какъ въ данномъ случаѣ это было весьма важно: если раньше—значитъ билеты его собственные, а позже — они пріобрѣтены имъ, отрицавшимъ свою виновность, очевидно на краденыя, либо на вырученныя отъ продажи серебра деньги. Не спрошена, наконецъ, слѣдователемъ для точнаго опредѣленія количества похищеннаго серебра — женщина, ключница генерала, которая, уѣзжая съ его семействомъ на дачу, отдала

Digitized by Google

ему, генералу; только ключъ отъ запертаго буфета, въ коемъ хранилось серебро; сколько же *именно* оставила она тамъ серебра, генералъ не повѣрялъ, а лакей счетомъ не принималъ, да и буфетъ, потомъ, ни разу не отворялъ. Такимъ образомъ понятно, кажется, что слѣдователю надлежало обратить серьёзное вниманіе на самую женщину: быть можетъ, она сама, пользуясь полнымъ довѣріемъ генерала, употребила оное во зло—похитила часть серебра, въ увѣренности, что на *нее* подозрѣніе не взведутъ.

Въ восьмомъ дѣлѣ — по обвиненію простолюдина въ кражѣ у другаго разныхъ мелкихъ вещей и отсрочки, данной ему на проживаніе здѣсь взамѣнъ утеряннаго паспорта,—мировымъ судьею, упущено слѣдователемъ изъ виду то: дѣйствительно ли человѣкъ этотъ былъ снабженъ отъ мироваго судьи этою отсрочкою, и, если да — по какому случаю и гдѣ именно пропалъ паспортъ: у судьи ли, или у самаго крестьянина. Разъясненіе это было полезно потому, что мировыми судьями отбираются паспорты у тѣхъ лишь людей, которыхъ ждутъ, за ихъ запрещенныя дѣянія, наказанія, предусмотрѣнныя 76 и 77 ст. уст. угол. судопр.; отъ остальныхъ же людей судьи никакихъ паспортовъ *никогда* не отбираютъ, а слѣдовательно они у нихъ теряться не могутъ и взамѣнъ ихъ судьи не вправѣ выдавать отсрочекъ, т.-е. вторгаться въ сферу дѣятельности управы благочинія, которая снабжаетъ отсрочками тѣхъ, кому нужно выписать съ мѣста родины новый паспортъ, или же кто подалъ явочное прошеніе о потерѣ правильныхъ паспортовъ.

Девятый подсудимый (обвинявшійся въ кражѣ денегъ), противъ котораго *главною* уликою представлялись найденныя при немъ, вскорѣ послѣ преступленія, векселя на значительную сумму, оправдывался тѣмъ, что онъ еще до привлеченія его къ слѣдствію располагалъ большими деньгами, которыя получалъ отъ своего дяди—богача, да за веденіе многихъ частныхъ дѣлъ, а отсюда-то дескать и происходили векселя. Но слѣдователь ни дядю не спросилъ, ни свѣдѣній не собралъ о томъ, кто изъ его довѣрителей по скольку *именно* платилъ ему вознагражденія, тогда какъ эти данныя служили бы твердымъ опроверженіемъ голословныхъ доводовъ подсудимаго.

Въ иныхъ дѣлахъ очевидцы происшествій не были о томъ допрошены единственно вслѣдствіе выбытія ихъ на родину, какъ будто бы тамъ, куда они переселились, не было никакихъ властей, чрезъ посредство коихъ можно было бы спросомъ свидѣтелей возстановить истину. Мало того: рецидивисты явля-

Digitized by Google

лиз на обвинительную скамью за первую кражу, вслѣдствіе небрежной группировки слѣдователями фактовъ.

Всѣ приведенныя и многія имъ подобныя неурядицы ставили присяжныхъ засѣдателей положительно въ тупикъ: не зная какъ рѣшать дѣло, они спорили, нѣкоторые даже до ругани между собою, и въ концѣ концовъ ухватывались за «всякое сомнѣніе служитъ въ пользу подсудимаго» и поневолѣ оправдывали, либо снисходительно относились къ подсудимымъ, не желая брать на свою совѣсть обвиненій. Немудрено, конечно, что и воры выходили изъ суда правыми, благодаря темнотѣ предварительныхъ слѣдствій. До какихъ, наконецъ, иногда, колоссальныхъ неправильностей бываютъ предварительныя слѣдствія—это рельефно рисуетъ слѣдующій фактъ. Мальчикъ, находившійся въ ученіи у ремесленника, попалъ за что-то подъ слѣдствіе. Слѣдователь посадилъ его подъ стражу, гдѣ онъ пробылъ шесть мѣсяцевъ; потомъ обвиненіе оказалось столь несостоятельнымъ, что судебная палата отвергла представленный оной на утвержденіе обвинительный о немъ актъ, и его поэтому выпустили на свободу. Прежній хозяинъ не взялъ его обратно къ себѣ, другіе тоже послѣдовали его примѣру, и мальчику дѣться стало некуда. И вотъ онъ, прошлявшись голоднымъ 2—3 сутокъ, вошелъ, среди дня, во дворъ одного дома, и въ пылу отчаянія, началъ ломать замокъ. Его тотчасъ же, разумѣется, схватили, помѣстили опять на *казенныя харчи*—мѣсяцевъ на 5 въ тюрьму, затѣмъ онъ очутился на обвинительной скамьѣ. Присяжные засѣдатели, выслушавъ дѣло, оправдали его, сложившись дали ему на первое время существованія 26 рублей, съ которыми передали его на попеченіе пастора. За что же, спрашивается, выстрадалъ онъ около года въ заточеніи?

Короче говоря, изъ всѣхъ слышанныхъ нами предварительныхъ слѣдствій насъ пріятно поразило одно лишь дѣло о солдатскомъ сынѣ, обвиняемомъ *въ третьей кражѣ*. Въ этомъ дѣлѣ слѣдователь г. Егоровъ прекрасно прослѣдилъ, шагъ за шагомъ, всю біографію подсудимаго: онъ началъ отъ времени поступленія его, въ ранней еще юности, въ школу кантонистовъ Павловскаго полка, потомъ послѣдовательно изложилъ его поведеніе тамъ, до увольненія въ податное состояніе, за неблаговидные поступки; за что, гдѣ и когда именно судился, будучи ужь на волѣ, какое постигало его наказаніе, куда, по освобожденіи изъ заключенія, онъ поступалъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ впалъ послѣдній разъ въ преступленіе; словомъ, въ этомъ предварительномъ слѣдствіи ни самый ярый

Digitized by Google

издаетъ, ни спеціалистъ — не нашли бы, мы увѣрены, даже и тѣни какого либо недостатка, неясности, или пробѣла.

Однако въ чемъ же, спросятъ читатели, кроются причины столь неудовлетворительнаго состоянія персонала слѣдователей? На это мы, не обинуясь, отвѣтимъ: да въ томъ, что въ Петербургѣ *дѣйствительные* слѣдователи—гг. Макалинскій, Ламанскій и Гераковъ; всѣ же остальные (болѣе 20 человѣкъ) считаются причисленными къ департаменту министерства юстиціи и командированы исправлять должности слѣдователей. Вотъ это-то ненормальное ихъ положеніе и дѣлаетъ, на практикѣ, то, что всякій *исправляющій должность* домогается, елико возможно, скорѣе добыть себѣ самостоятельную должность — товарища прокурора въ новыхъ, или члена хоть въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ. Оттого исправляющіе должность черезчуръ ужь часто мѣняются; новые, по неопытности, да неознакомленію съ народонаселеніемъ — нерѣдко парализируютъ дѣйствія своихъ предмѣстниковъ; принимаясь за продолженіе начатыхъ дѣлъ, они принуждены перечитывать всѣ ихъ подробности, на это требуется много времени, а тутъ безпрерывно поступаютъ новыя дѣла и они ихъ пекутъ, поневолѣ, какъ блины, не имѣя возможности сосредоточить своего вниманія на порядочное обслѣдованіе производимыхъ ими дѣлъ. Все это столь плохо и потому еще, что всякій исправляющій должность разсчитываетъ такъ: сегодня я здѣсь, а завтра Богъ-вѣсть гдѣ, такъ изъ-за чего-жь я буду тутъ распинаться? Вотъ источникъ всѣхъ погрѣшностей, серьёзно отражающихся на правосудіи. Въ печати неразъ, правда, ужь заявлялось мимоходомъ о плохомъ положеніи исправляющихъ должности слѣдователей, но такъ-какъ министерство юстиціи не внемлетъ этимъ заявленіямъ, то мы рѣшились фактами подкрѣпить ихъ, на тотъ конецъ,—не убѣдится ли министерство хоть фактами въ настоятельной необходимости утвердить, по крайней-мѣрѣ, хоть тѣхъ изъ слѣдователей, которые, подобно г. Егорову, отлично ведутъ порученныя имъ дѣла.

Digitized by Google

224 a

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЭМИЛЬ ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

(«Эмиль девятнадцатаго столѣтія», соч. *А. Эскироса*, перев. подъ редакціей г. Цебриковой).

> Noch sind nirgends alle Hauptforderungen der Pädagogik gesetzlich anerkannt, und noch steht manche als nothwendig anerkannte Reform blos auf dem Papiere. Aber vergleichen wir die Gegenwart mit der Vergangenheit, so dürfen wir uns der errungenen Fortschritte von Herzen freuen. Wenn erst noch die beiden Hauptschäden des öffentlichen Lebens: der alte reactionäre Bund zwischen Staat und Kirche und der moderne, die Wohlfahrt und freie Bewegung des Volkes lähmende Militärdespotismus beseitigt sein werden, so wird manches gute als reife Frucht uns von selbst zufallen. Die pädagogische Wissenschaft und Kunst ist genügend fortgeschritten, nicht um ausruhen, wohl aber um ihre Mission erfüllen zu können.
>
> *E. Dittes:* Geschichte der Erziehung und des Unterrichtes. 2 te Aufl. S. 216.

Извѣстный нѣмецкій педагогъ Вихардъ Ланге, въ рѣчи, произнесенной имъ на учительскомъ съѣздѣ въ Касселѣ, весьма удачно привелъ всѣ существующія въ воспитательныхъ теоріяхъ направленія къ двумъ родамъ: общечеловѣческому, съ природою сообразному, и воспитанію ad hoc. Первое имѣетъ цѣлью выработать въ воспитываемомъ человѣка помощью средствъ, сообразныхъ съ его природою; основаніемъ оно избираетъ данныя, черпаемыя изъ единственнаго источника, могущаго доставлять непреложныя истины—изъ науки. Что касается второго, то оно ищетъ цѣль не въ самомъ человѣкѣ, а внѣ его; оно подходитъ къ нему съ цѣлью предвзятою, внѣшнею. Цѣль эта внушается эгоизмомъ, обманомъ, традиціей, заблужденіями и разными другими силами, но только не самимъ человѣкомъ. Это воспитаніе имѣло свой апогей въ кастовомъ воспитаніи въ Индіи. Оно стремится выработать человѣка сообразно съ требованіями касты, нисколько не заботясь о томъ, будетъ ли человѣкъ оттого изуродованъ, обезсиленъ, испорченъ... найдетъ

Digitized by Google

ли онъ миръ и покой или нѣтъ. Для воспитанія ad hoc все это безразлично.

Врядъ-ли есть въ Европѣ такая счастливая страна, которая могла бы считать себя совершенно избавленной отъ язвы воспитанія ad hoc. Во Франціи, съ педагогической системой которой (господствовавшей до послѣдняго времени) знакомитъ насъ выписанное въ заголовкѣ этой статьи сочиненіе Эскироса, воспитаніе ad hoc стояло на высочайшей степени своего развитіе. Бонапартизмъ, съ безсовѣстностью, рѣдко встрѣчающеюся въ исторіи, извращалъ нравственныя силы молодого поколѣнія, пріурочивая ихъ къ своимъ цѣлямъ. Всѣ воспитательныя и учебныя заведенія во Франціи держались на чрезвычайно послѣдовательной и строго примѣненной системѣ. Систему эту, по словамъ Эскироса, можно бы назвать странною, до такой степени чуждъ ей характеръ воспитательный; но, всматриваясь въ нее ближе, приходится признать ее глубокою, такъ-какъ никакая другая не могла бы отвѣчать въ такой степени видамъ бывшихъ правителей Франціи и установленному ими политическому режиму.

«Воспитанники нашихъ училищъ, говоритъ Эскиросъ, не что иное, какъ гражданскіе рекруты государства, которое заранѣе подготовляетъ ихъ къ той роли, которую имъ предстоитъ играть, посредствомъ искусной нравственной дисциплины. Имъ съ чисто военною акуратностью распредѣляютъ тотъ запасъ мнѣній и свѣдѣній, съ которыми имъ впослѣдствіи надлежитъ вступить въ свѣтъ. Смотрите же, молодые люди, идите ровнымъ шагомъ и главное остерегайтесь выступать за предѣлы начертаннаго вамъ пути. Попадаются, правда, и дезертиры, многіе, несмотря ни на что, уходятъ и становятся подъ знамена свободной мысли, — и число такихъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ; но какъ же они за это и платятся! Можно навѣрное поручиться, что не въ ихъ средѣ университетъ будетъ избирать своихъ профессоровъ, а администрація — своихъ чиновниковъ. Въ случаѣ, еслибы они вздумали вести себя неблагоразумно, французское правительство беретъ на себя трудъ исправлять ихъ судебными приговорами и государственными переворотами, въ родѣ знаменитаго coup d'état. Это ли еще не хорошая школа, и не сами ли они виноваты, если до сихъ поръ не научились тому, что имъ давно бы слѣдовало знать?» (стр. 181). Во французскихъ коллегіяхъ и лицеяхъ, по словамъ Эскироса, было сдѣлано все для того, чтобы наложить на молодое поколѣніе казарменное однообразіе. «Однообразіе громадныхъ построекъ, однообразіе методы, дисциплины, все разсчитано на то, чтобы загонять и тѣло и умъ въ казармы. Египтяне, какъ говоритъ преданіе, изобрѣли печи для высиживанія цыплятъ, мы изобрѣли такія же печи для воспитанниковъ. Способности, которыя всего болѣе развиваются отъ этой искусственной теплоты — память и подражательность — далеко не высшія способности

Digitized by Google

ума. Въ этихъ школахъ повидимому задались цѣлью обезличить человѣка и сдѣлать его похожаго на всѣхъ какъ стертыя монеты. И еще находятся люди, которые утверждаютъ, что это неизбѣжное слѣдствіе нашихъ демократическихъ тенденцій. Какимъ нелѣпымъ силлогизмомъ приравниваютъ однообразіе познаній, талантовъ, умовъ къ равенству правъ всѣхъ гражданъ? Граждане Соединенныхъ Штатовъ, которые гораздо дальше насъ ушли на пути демократіи, въ то же время довели до высшей степени энергическое развитіе личности—этотъ коренъ свободы» (стр. 31).

Изъ этихъ отрывковъ видно, до какой степени еще недавно процвѣтало во Франціи воспитаніе ad hoc. Какихъ же личностей давало оно несчастной странѣ? Очерки ихъ даетъ намъ опять Эскиросъ. Онъ изображаетъ питомцевъ бонапартовскихъ училищъ равнодушными къ истинѣ и лжи, къ праву и безправію и помышляющими только объ одномъ — карьерѣ. Таковы эти гражданскіе рекруты государства. Они существуютъ на свѣтѣ не для того, чтобы принимать къ сердцу интересы другихъ. «Вполнѣ довольные своей посредственностью, которую они прикрываютъ самоувѣреннымъ видомъ, они издѣваются надъ побѣжденными, надъ самоотверженіемъ, надъ совѣстью вѣрной себѣ. Легковѣсные, съ дешевенькимъ остроуміемъ, тщеславные и изворотливые, они какъ нельзя лучше умѣютъ примѣняться къ существующему порядку. Съ скуднымъ запасомъ поверхностныхъ познаній, они кажутся людьми всезнающими. Общество для нихъ обширное поприще, на которомъ они стараются наперерывъ добиться перваго приза, или по крайней мѣрѣ похвальнаго листа. На этой сценѣ личное достоинсто играетъ одну изъ послѣднихъ ролей. Произволъ раздаетъ награды, интрига удостоивается ихъ. Нечего удивляться тому рвенію, съ какимъ наша образованная молодежь переходитъ изъ школьной дисциплины подъ опеку правительства» (стр. 34).

Внѣшность быта этихъ питомцевъ бонапартовскихъ школъ удивительно соотвѣтствуетъ характеристикѣ, сдѣланной Эскиросомъ, и дорисовываетъ ее. Дополнительную картину эту даетъ Легувэ въ своихъ «Отцахъ и дѣтяхъ». Онъ представляетъ намъ комнату богатаго молодаго человѣка... Явилось ли его богатство благодаря благосклонности какого-нибудь Піетри, Гаусмана, Флери или Дарбуа — объ этомъ умалчивается. Да и не все ли равно? Вѣдь молодой человѣкъ, какимъ онъ представленъ намъ въ очеркѣ Эскироса, обладаетъ, конечно, всѣми разнообразными свойствами, которыми можно снискать милость у каждаго изъ поименованныхъ лицъ отдѣльно или, даже, пожалуй, у всѣхъ вмѣстѣ. Итакъ, войдемъ въ комнату этого молодого человѣка: «въ ней не на чемъ сидѣть—въ ней можно только лежать. И чего тутъ только нѣтъ! кресла съ откидными спинками, кресла качалки, широкіе диваны съ большими подушками, пышныя драпировки, камины, пушистые ковры! А

Digitized by Google

что за уборная! Точно у какой-нибудь принцессы квартала Бреда, или у дочери какого-нибудь президента суда. Вы тутъ найдете столько инструментовъ для однихъ ногтей, какъ на выставкѣ магазина стальныхъ издѣлій; двадцать стклянокъ различныхъ духовъ; цѣлую сложную и замысловатую систему щетокъ, и выгнутыхъ, и длинныхъ, и широкихъ, и мягкихъ, и жесткихъ!... У молодежи комфортъ обратился въ диллетантизмъ. Что же въ этомъ дурнаго? спросятъ иные. А то дурно, что въ креслѣ съ откидною спинкою нельзя работать; то дурно, что человѣкъ дѣлается рабомъ мягкаго ковра и тонкихъ блюдъ... То худо, что для милаго комфорта приходится жертвовать даже своею совѣстью, и что во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, въ женитьбѣ, въ выборѣ карьеры или должности, т.-е. въ вопросахъ будущности, любви, уваженія, достоинства, иногда и чести, стремленіе къ комфорту, къ этому строгому деспоту, вступаетъ въ борьбу съ священнѣйшими обязанностями и торжествуетъ надъ ними» (II т., стр. 6 русск. перевода).

На эту-то нравственно-растлѣнную среду имѣлъ въ виду дѣйствовать своею книгою Эскиросъ. Одно заглавіе этой книги — «Эмиль» переноситъ насъ къ типу, противополагающемуся тому, который только что мелькнулъ передъ нами въ живыхъ очеркахъ Эскироса и Легувэ, какъ полнѣйшій его антитезисъ. Типъ Эмиля, сдвинутый на задній планъ бонапартовскимъ воспитаніемъ, снова является передъ молодымъ поколѣніемъ и призываетъ его къ иной жизни, къ инымъ цѣлямъ. Появленіе этого вѣстника лучшаго будущаго счастливо пополняло собою рядъ фактовъ, возникновеніе которыхъ ознаменовало послѣдніе годы наполеоновскаго правленія, фактовъ, краснорѣчиво доказывающихъ, что число «дезертировъ» было не мало и что свѣжая струя жизни начинала мощно пробиваться среди такъ недавно еще безвыходнаго повидимому болота. Эти счастливыя надежды, бывшія конечно не чуждыми всякому, понимающему значеніе этой страны въ историческихъ судьбахъ европейскихъ народовъ, смѣнились такою ужасною дѣйствительностью, которая далеко отодвинула вопросы, недавно еще столь важные, и заставила Францію тратить свои силы совершенно въ другомъ направленіи. Но то, что совершается теперь, не можетъ долго продолжаться и, конечно, недалеко опять то время, когда именно эти же самые вопросы встанутъ снова, еще съ большею силою, чѣмъ прежде. По заключеніи міра, Франціи придется поставить, какъ главный жизненный вопросъ, — вопросъ о томъ, возможно ли еще разъ допустить большинству цѣлаго поколѣнія образованныхъ людей выработаться въ такія ничтожества, которыя могутъ втянуться въ режимъ, подобный бонапартовскому, и служить ему, забывъ объ интересахъ страны. Но если для Франціи вопросъ этотъ еще впереди, то онъ остается *«вопросомъ жизни»* для всякой страны, пользующейся такъ-называемыми благами мира, и имѣющей еще время и возможность разсудить о томъ:

Digitized by Google

какая мораль слѣдуетъ изъ всего того, что̀ совершилось въ послѣднее время во Франціи.

Книга Эскироса, сказалъ я, поражаетъ самую основу зла, царствовавшаго во Франціи — воспитаніе ad hoc. Изображая въ настоящемъ свѣтѣ это пагубное воспитаніе, Эскиросъ представилъ своего Эмиля, какъ обновленный жанъ-жаковскій идеалъ, и сдѣлалъ очеркъ той педагогической системы, которую онъ считаетъ въ настоящемъ случаѣ наиболѣе цѣлесообразною. Итакъ, отрицательное отношеніе къ педагогической системѣ, существовавшей еще во время выхода книги въ свѣтъ, и положительныя данныя для новой, лучшей системы, — вотъ сущность содержанія новаго сочиненія Эскироса.

Мысль связать свой трудъ о воспитаніи съ педагогической теоріей Руссо и ея идеаломъ нельзя не считать очень счастливою. Появленіе «Эмиля» Руссо представляетъ именно тотъ моментъ въ ходѣ развитія педагогическихъ идей, съ котораго беретъ начало система діаметрально противоположная системѣ воспитанія ad hoc. Появленіе жанъ-жаковскаго Эмиля было истиннымъ лучемъ свѣта въ почти темномъ царствѣ педагогики и истиннымъ благовѣстіемъ природы въ мірѣ глубокой испорченности. Такимъ образомъ, Эскиросъ обращался къ той традиціи, въ которой нельзя не видѣть корня всего хорошаго, что̀ выработалось въ области педагогики.

Вспомните общія черты, характеризующія нравственный идеалъ Руссо. Всего прежде человѣчность. Руссо глубоко убѣжденъ, что къ чему бы ни предназначался его воспитанникъ, ему прежде всего надо быть человѣкомъ. «Выходя изъ моихъ рукъ, говоритъ Руссо, Эмиль будетъ не чиновникомъ, не солдатомъ, не священникомъ — онъ будетъ человѣкомъ: онъ съумѣетъ быть всѣмъ, чѣмъ человѣкъ долженъ быть; и сколько бы мѣстъ ни заставляла его перемѣнять судьба, онъ всегда будетъ на своемъ». Если человѣчность прежде всего, то различеніе состояній, чиновъ, положеній, какъ искусственныхъ подраздѣленій, излишне. «Я не различалъ ихъ, говоритъ авторъ «Эмиля», и впредь различать не буду, потому что человѣкъ остается неизмѣннымъ во всѣхъ состояніяхъ; богатый не обладаетъ желудкомъ болѣе обширнымъ, чѣмъ желудокъ бѣднаго; хозяинъ не обладаетъ руками болѣе крѣпкими, чѣмъ руки его рабовъ; сильные міра не превышаютъ ростомъ обыкновенныхъ людей и, наконецъ, вслѣдствіе одинаковости естественныхъ потребностей, средства ихъ удовлетворенія должны быть одинаковы. Приспособляйте же воспитаніе человѣка къ человѣку, а не къ тому, что̀ ошибочно за него принимаютъ» (Emile ou de l'éducation. Edit. Didot. Paris. 1867, p. 11 et 217). Въ связи съ вопросомъ о человѣчности стоитъ вопросъ о трудѣ. Человѣкъ, съумѣвшій отрѣшиться отъ предразсудковъ, мѣшавшихъ ему всего прежде сознавать въ себѣ человѣка, не можетъ не понимать, само собою разумѣется, что онъ не дол-

Digitized by Google

женъ жить трудами другихъ людей. Человѣкъ, поставленный внѣ общества, ничѣмъ никому не обязанный, можетъ жить какъ ему вздумается; но въ обществѣ, гдѣ онъ неизбѣжно живетъ насчетъ другихъ, онъ обязанъ отплачивать работою за свое содержаніе; исключенія здѣсь нѣтъ. Работа, слѣдовательно, составляетъ непремѣнный долгъ человѣка, живущаго въ обществѣ. Руссо требуетъ, чтобы всякій работалъ какъ мужикъ и мыслилъ какъ философъ. Великая тайна воспитанія, говоритъ онъ, заключается въ томъ, чтобы умственныя и тѣлесныя упражненія служили отдохновеніемъ одни отъ другихъ (p. 229). Прибавимъ къ этому еще требованіе всегда и во всѣхъ случаяхъ руководствоваться однимъ только собственнымъ разумомъ, презирать всякій авторитетъ, быть свободнымъ отъ всякаго навязаннаго извнѣ міросозерцанія, умѣть оставаться неизмѣннымъ въ счастьѣ и несчастьѣ и обладать такимъ закаленнымъ здоровьемъ, которое было бы въ состояніи бороться со всѣми случайностями жизни, и мы получимъ полный сводъ главныхъ требованій, которымъ долженъ удовлетворять типъ жанъ-жаковскаго Эмиля.

Но педагогическое значеніе «Эмиля» не ограничивается одними этическими вопросами, и потому, приноминивъ себѣ Эмиля какъ нравственный идеалъ, намъ еще необходимо освѣжить въ своей памяти основныя черты той воспитательной системы, которая должна была вести къ этому идеалу и которая собственно и составляетъ антитезисъ системы ad hoc. Какъ бы ни судили педагогическую систему Руссо, несомнѣнно то, что она имѣла громадное вліяніе на успѣхи развитія педагогики и, что только благодаря ей, возникла дѣятельность филантропистовъ и самого Песталлоци. Вліяніемъ этимъ трактатъ Руссо о воспитаніи обязанъ тому, что въ немъ въ первый разъ съ полною опредѣленностью былъ введенъ принципъ, безъ котораго немыслимо правильное общечеловѣческое воспитаніе. «Мы не знаемъ дѣтства, говоритъ авторъ «Эмиля»; чѣмъ болѣе основываемъ мы свои сужденія о немъ на ходячихъ ложныхъ понятіяхъ, тѣмъ болѣе заблуждаемся. Самые мудрые хлопочутъ о томъ, что̀ слѣдуетъ знать взрослымъ, не соображая о томъ, что̀ слѣдуетъ знать дѣтямъ. Они ищутъ всегда взрослаго человѣка въ ребенкѣ, не думая о томъ, чѣмъ онъ бываетъ прежде, чѣмъ придетъ въ возрастъ. Вотъ предметъ, на который я обратилъ особенное вниманіе съ тою цѣлью, чтобы и въ томъ случаѣ, если весь мой методъ химеричeнъ и ошибоченъ, можно было бы все-таки пользоваться моими наблюденіями. Я могъ плохо видѣть то, что̀ слѣдуетъ дѣлать, но я хорошо видѣлъ предметъ, которымъ слѣдуетъ заняться. Начинайте же съ изученія вашихъ учениковъ, такъ-какъ нѣтъ сомнѣнія, что вы ихъ не знаете» (id. p. 2). Дитгесъ находитъ весьма вѣрно, что эта мысль Руссо установляетъ единственный правильный педагогическій принципъ, принципъ антропо-

Digitized by Google

логическій. (Dittes: Geschichte der Erziehuug und d. Unterrichts. 2 Aufl. s. 171). Итакъ, антропологическій, *научный* принципъ, введенный въ теорію Руссо, составляетъ ея цѣну и даетъ ей такое важное значеніе въ ходѣ развитія педагогическихъ идей. Въ самомъ дѣлѣ Руссо, установляя научный принципъ въ такой области, въ которой до него безраздѣльно царствовала метафизика, указывалъ единственный для педагогики выходъ на путь правильнаго органическаго развитія. Самъ Руссо, вопреки своему принципу, могъ еще оставаться метафизикомъ во многихъ отношеніяхъ; но это не мѣшало идти дальше тѣмъ, которые стали прилагать принципъ этотъ и полнѣе и послѣдовательнѣе чѣмъ Руссо. И у Руссо уже всѣ части теоріи, согласованныя съ этимъ принципомъ, составляютъ драгоцѣнный вкладъ въ педагогику и до настоящаго времени остаются достояніемъ лучшихъ педагоговъ Европы. Къ этой категоріи относится требованіе самостоятельности какъ въ нравственной, такъ и въ умственной жизни питомца, необходимость органической послѣдовательности въ переходѣ отъ простыхъ понятій къ сложнымъ, польза наглядности при сообщеніи всякаго рода знаній, благодѣтельное вліяніе постояннаго возбужденія интереса къ тому, что̀ имѣетъ въ виду передать воспитатель, потребность въ удаленіи изъ воспитанія и обученія всякаго механизма, мнимаго знанія, словъ безъ мыслей, знаковъ безъ предметовъ, поверхности, торопливости и пр. Сюда же слѣдуетъ отнести удачныя указанія Руссо въ изложеніи имъ способовъ обученія географіи, естественной исторіи и нѣкоторыхъ другихъ наукъ и т. д.

Такимъ образомъ, и нравственный идеалъ Руссо, и, частію, предложенныя имъ средства для его достиженія, такъ соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ, какъ того времени, въ которое жилъ Руссо, такъ и того, въ которое вышло сочиненіе Эскироса, что мы не можемъ не благодарить послѣдняго за его мысль воскресить въ общественномъ сознаніи нѣкоторыя изъ идей Руссо.

«Эмиль» Руссо представляетъ собою такой важный антецедентъ «Эмиля» Эскироса, что я поступилъ бы ошибочно, не показавъ читателю оборотной стороны знаменитаго трактата Руссо. Односторонность взгляда въ этомъ случаѣ могла бы дать поводъ думать, что слѣдованіе по стопамъ Руссо не представляетъ большой задачи, такъ-какъ это руководитель вполнѣ надежный и всегда вѣрный. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ.

Дѣло въ томъ, что установивъ антропологическій принципъ, Руссо не остался ему строго послѣдователенъ. Онъ самъ, можно думать, далеко не придавалъ принципу этому того значенія, которое было признано за нимъ послѣдующими педагогами. Теорія Руссо въ цѣломъ не имѣетъ по этой причинѣ значенія научной теоріи: отдѣльныя правила ея, основанныя на наблюденіи, суть только эмпирическія положенія, лишенныя общей

Digitized by Google

прочной связи, и представляютъ скорѣе драгоцѣнныя указанія и намеки, а не систематическую теорію или даже достаточный матеріалъ для нея. Теорія Руссо въ цѣломъ гораздо болѣе метафизична, чѣмъ научна: метафизическая сторона ея заслоняетъ собою сторону научную. Отдѣльныя правила, опирающіяся на стоящій внѣ общаго строя теоріи научный принципъ, встрѣчаются въ ней какъ какія-то отступленія; ихъ можно сравнить съ зернами посторонняго минерала, лежащаго въ однообразной массѣ какой-нибудь горной породы. Зерна эти зато въ достаточной степени сдавлены и сплюснуты окружающей ихъ породой и рѣдко имѣютъ тотъ видъ, который имъ свойственъ независимо отъ претерпѣваемаго ими гнета. Метафизическій принципъ Руссо извѣстенъ: «все хорошо, что̀ выходитъ изъ рукъ природы, все искажается въ рукахъ человѣка». Умозрительный и абсолютный характеръ этого принципа врядъ ли требуетъ комментаріевъ. Гдѣ тѣ опыты и наблюденія, которые привели къ нему? Гдѣ точныя доказательства его правильности? Ихъ нѣтъ. Что̀ значитъ: «все исходящее изъ рукъ природы хорошо»? — Хорошо само по себѣ, an sich und für sich? Объ относительныхъ качествахъ предметовъ не можетъ быть и рѣчи: для опредѣленія этихъ качествъ существуютъ науки съ ихъ точными методами. Но у Руссо объ этомъ вы не найдете ни слова. Далѣе, принципъ установленъ произвольно: какъ и всѣ метафизическіе принципы, и эта произвольность лежитъ тяжелымъ бременемъ на всей теоріи Руссо: всѣ тѣ правила воспитанія, которыя основаны на этомъ принципѣ, несостоятельны и совсѣмъ не ведутъ къ цѣлямъ, поставленнымъ самимъ Руссо.

Но, кромѣ своей метафизичности, принципъ Руссо представляетъ еще одну сторону, которая вредитъ ему столько же, какъ и метафизичность. Дѣло въ томъ, что принципъ, если оставить въ сторонѣ его бездоказательность, отрицаетъ воспитаніе, такъ-какъ всякое воспитаніе не можетъ не быть дѣломъ рукъ человѣческихъ. Гдѣ выходъ изъ этого затрудненія?

Руссо нашелъ выходъ этотъ въ самомъ опредѣленіи характера воспитанія. Это опредѣленіе, послѣдовательно вытекая изъ основнаго принципа, есть вмѣстѣ съ тѣмъ *resumé* всей теоріи Руссо. Характеръ воспитанія, по идеѣ автора «Эмиля», долженъ быть отрицательный, т.-е. воспитателю необходимо всегда препятствовать, чтобы что-либо было сдѣлано (empecher que rien ne soit fait. Id., p. 11). Это значитъ, что воспитатель долженъ предоставить природѣ работать свободно, ибо все, что̀ она производитъ, хорошо. Главнѣйшіе пункты теоріи Руссо представляютъ приложеніе этой мысли къ разнымъ моментамъ развитія питомца; такъ въ обученіи ученику предоставляется до *всего безъ исключенія* доходить самому, онъ окружается искусственно-организованной обстановкой, которая выдѣляетъ его изъ общества и не допускаетъ вліянію этого обще-

Digitized by Google

ства мѣшать хорошей работѣ природы; далѣе, Эмиль не читаетъ другихъ книгъ, кромѣ Робинзона, и такимъ образомъ выдѣляется изъ книжнаго міра точно также, какъ и изъ дѣйствительнаго и т. д. Цѣлый рядъ крайностей, которыми Руссо думалъ выработать загадочнаго l'homme de la nature и которыя, спутывая *понятіе* о природѣ съ *представленіемъ* о ней, давно уже утратили въ педагогикѣ всякое значеніе.

На этомъ мы остановимся, такъ-какъ, я думаю, читателю достаточно выяснился уже мой взглядъ на общій характеръ произведенія Руссо и ясны вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ требованія, которыя я могу имѣть въ виду по отношенію къ автору, связывающему свое произведеніе съ теоріей и идеаломъ Руссо.

Связь между новымъ сочиненіемъ Эскироса «L'Emile du XIX siècle» и знаменитымъ «Emile ou de l'éducation» есть связь весьма существенная, такъ-какъ она касается основныхъ чертъ двухъ типовъ, выведенныхъ въ этихъ произведеніяхъ. Внѣ этой связи у Эскироса и Руссо мало или ничего нѣтъ общаго. Эскиросъ въ этомъ отношеніи вполнѣ независимъ отъ своего предшественника и далекъ отъ мысли вливать въ старыя формы обновленное содержаніе. «Эмиль» Руссо, какъ извѣстно, представляетъ педагогическій трактатъ, въ которомъ, въ качествѣ конкретнаго примѣра, является личность Эмиля, которой Руссо и не думаетъ давать реальнаго значенія. Что касается самого трактата, то, по словамъ Руссо, трактатъ этотъ представляетъ «собраніе размышленій и наблюденій, безъ порядка и почти безъ связи» (Id. p. 1), полонъ длинныхъ отступленій и не лишенъ противорѣчій. Правда, что разсужденія и наблюденія Руссо часто блестятъ геніальными мыслями, полны искренняго горячаго увлеченія и нерѣдко представляютъ образцы изложенія и языка; тѣмъ не менѣе всѣ эти достоинства не въ состояніи сдѣлать чтеніе трактата Руссо легкимъ и пріятнымъ для той части читателей, которую нѣмцы называютъ большою публикою, въ особенности же теперь, когда трактатъ Руссо имѣетъ почти исключительно одно историческое значеніе. Эскиросъ, отказавшись отъ формы трактата, имѣлъ въ виду именно большую публику. «Эмиль» Эскироса есть талантливо и живо написанная педагогическая повѣсть, въ которой бельлетристическая форма облекаетъ весьма серьёзное и дѣльное содержаніе.

Знакомство съ этою повѣстью мы начнемъ съ внѣшней стороны ея, т.-е. собственно съ повѣсти, взятой отдѣльно отъ излагаемыхъ въ ней педагогическихъ воззрѣній. Пройти молчаніемъ характеристику дѣйствующихъ лицъ, не сказать ни слова ни о мѣстѣ дѣйствія, ни о ходѣ переживаемыхъ дѣйствующими лицами событій, невозможно, нетолько потому, что поступивъ такимъ образомъ пришлось бы дать неполное понятіе о разбираемой книгѣ, но еще и по той причинѣ, что лица, мѣста, событія, составляя обстановку дитяти, неизбѣжно имѣютъ важное педагогическое значеніе.

Digitized by Google

Повѣсть Эскироса небогата дѣйствующими лицами и ходъ событій въ ней крайне несложенъ. Эта простота не разсчитана конечно на вкусы, требующіе эффектовъ и сильныхъ ощущеній; но тѣмъ-то повѣсть эта, по моему мнѣнію, и хороша. Я передамъ ее въ общихъ чертахъ.

Отецъ Эмиля, д-ръ Эразмъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ дезертировъ изъ арміи гражданскихъ рекрутовъ бонапартизма, о которыхъ было уже говорено. Извѣстно, что участь этихъ людей—страданіе. Въ одно прекрасное утро, или вѣрнѣе, въ одну прекрасную ночь онъ былъ взятъ и, безъ суда, отправленъ въ крѣпость, изъ которой вскорѣ затѣмъ, безъ объясненія причинъ, разумѣется, переведенъ въ другую. «Положеніе мое, пишетъ онъ оттуда тайно женѣ, не то же, что положеніе осужденнаго. Осужденіе принадлежитъ закону; я принадлежу силѣ. Кто меня судилъ? Не знаю. Кто обвинилъ? Тайна. Что сдѣлаютъ со мною? Когда окончатся мои страданія? Въ послѣдній ли разъ переводятъ меня съ мѣста на мѣсто? На всѣ эти вопросы нѣтъ отвѣта». Несчастный д-ръ Эразмъ попалъ въ казематъ очень скоро послѣ женитьбы, заключеніе поэтому особенно ему томительно.

«Цѣлую долгую недѣлю я не былъ въ состояніи писать тебѣ,—такъ начинаетъ онъ свое первое письмо изъ тюрьмы,—милая Елена. Не нахожу словъ выразить тебѣ все, что я выстрадалъ въ это время. Ужасъ тюремнаго заключенія не въ лишеніи свободы идти куда вздумается, а въ томъ унынiи, которое подавляетъ душу. Глазъ устаетъ видѣть все тѣ же своды, тѣ же столбы, тѣ же корридоры; голова кружится въ этой живой могилѣ, среди этихъ камней становишься камнемъ и самъ. Безъ голоса, почти безъ движенія, безъ мыслей я сидѣлъ истуканомъ въ своей тюрьмѣ. Мнѣ казалось, что у меня отняли мою собственную личность; что не я жилъ, а жила эта тюрьма, которая захватила меня какъ добычу и заключила меня въ кругъ безвыходнаго и механическаго существованія. Нужно много работать надъ собой, увѣряю тебя милая Елена, для того, чтобы снова стать самимъ собой. Я пережилъ дни этой работы, и теперь я снова тотъ же, чѣмъ былъ» (стр. 1).

Это самообладаніе, достигнутое имъ конечно въ силу глубокаго убѣжденія въ правотѣ своего дѣла, спасло несчастнаго д-ра Эразма отъ дальнѣйшихъ страданій и позволило ему пользоваться благопріятными обстоятельствами для постоянной переписки съ женой. Вскорѣ онъ узналъ, что она беременна, и сознаніе новаго долга и новыхъ обязанностей, предстоявшихъ ему, послужило ему подкрѣпленіемъ. Жена его нуждалась въ совѣтахъ. Онъ—«посвятившій двадцать лѣтъ своей жизни положительнымъ наукамъ»—имѣлъ, конечно, полную возможность быть ей полезнымъ въ этомъ случаѣ. И вотъ въ перепискѣ ихъ на первый планъ выдвигаются вопросы педагогическіе. Теперь никакія стѣны и затворы не въ состояніи ошеломить

Digitized by Google

Эразма, сознающаго, что вопреки держащимъ его каменнымъ лапамъ, онъ можетъ работать, можетъ приносить пользу. Его уже не тревожатъ прежнія страданія, на душѣ у него легко и свѣтло, и онъ пишетъ женѣ: «я надѣюсь исполнить мой долгъ вопреки всѣмъ препятствіямъ». И дѣйствительно, онъ не перестаетъ работать вмѣстѣ съ женой надъ воспитаніемъ сына во все время своего заключенія, т.-е. до тѣхъ поръ, пока какая-то амнистія открываетъ наконецъ передъ нимъ двери тюрьмы.

Однимъ изъ первыхъ совѣтовъ, данныхъ имъ изъ крѣпости женѣ, былъ: уѣхать въ Англію и тамъ поселиться. Д-ръ Эразмъ въ Англіи не чужой: у него есть друзья, которые и принимаютъ участіе въ Еленѣ. Одинъ изъ нихъ—д-ръ Уаррингтонъ отклоняетъ ее отъ намѣренія избрать мѣстомъ постояннаго пребыванія—Лондонъ; онъ указываетъ на Корнуэльсъ, какъ на такую страну, климатъ которой былъ бы ей особенно полезенъ. Здѣсь же, въ одной изъ деревень, на морскомъ берегу живетъ и семейство д-ра Уаррингтона. Елена находитъ такимъ образомъ прелестный уголокъ и хорошее общество. Обстановка, въ которой предстоитъ провести дѣтство сыну французскаго узника—маленькому Эмилю, родившемуся вскорѣ по пріѣздѣ матери его въ Корнуэльсъ, соединяла въ себѣ такимъ образомъ всѣ условія, необходимыя для благопріятнаго физическаго и нравственнаго развитія.

Переселеніе Елены въ среду англійскаго общества сообщаетъ письмамъ ея большой интересъ: тѣ практическія свѣдѣнія, которыя она пріобрѣтаетъ въ семействѣ д-ра Уаррингтона, служатъ прекраснымъ дополненіемъ теоретическихъ размышленій ея мужа. Идеи, обмѣниваемыя этими двумя лицами, представляютъ цѣлый рядъ раціональныхъ и дѣльныхъ педагогическихъ наблюденій, замѣчаній, правилъ и совѣтовъ. Сама Елена принадлежитъ къ числу женщинъ, довольно подготовленныхъ къ исполненію обязанностей воспитательницы. Это женщина, обладающая знаніями и развившая себя размышленіемъ. Живя въ Англіи, она тщательно слѣдитъ за явленіями домашняго быта тамошняго общества и, передавая въ письмахъ къ мужу видѣнное и слышанное, сообщаетъ ему и свои критическія замѣчанія, часто доказывающія ея знакомство съ педагогикой нашего времени. Наконецъ, для болѣе полной характеристики ея, надо прибавить, что она стоитъ почти въ уровень съ мужемъ по своему политическому развитію. Въ письмѣ, предшествовавшемъ единственному ихъ свиданію въ тюрьмѣ, она говоритъ:

«Не бойся нашего свиданія. Я ѣду не для того, чтобы просить тебѣ помилованіе. Какъ мнѣ ни мучительна разлука съ тобой, я уважаю твои убѣжденія, хотя не вполнѣ понимаю ихъ. Я могу имѣть слабости жены, но не подлость любовницы. Честь твоя—часть моей любви. Гордый и неподкупный—ты все-таки мой, несмотря на то, что стѣны тюрьмы скрываютъ

Digitized by Google

тебя отъ моихъ глазъ, и сталъ бы мнѣ чужимъ, измѣнивъ принципамъ и убѣжденіямъ твоей жизни, даже еслибы я могла попрежнему обнять тебя. Сдѣлавшись твоей женой, я связала себя съ лучшею частью тебя—твоей совѣстью. Оставайся ей вѣрнымъ, и я клянусь быть для тебя тѣмъ, чѣмъ ты для нея, вѣрной до смерти» (стр. 5).

Амнистія, какъ я сказалъ, положила конецъ заключенію д-ра Эразма. Это случилось уже тогда, когда Эмилю было лѣтъ семь. По освобожденіи, д-ръ Эразмъ поспѣшилъ къ своимъ въ Корнуэльсъ. Послѣ первыхъ счастливыхъ дней, слѣдовавшихъ за свиданіемъ, у него мелькнула мысль объ обратномъ переселеніи во Францію, но скоро онъ раздумалъ и остался. «Что удержало меня? пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ. Тысяча предразсудковъ, если хотите, могутъ помѣшать человѣку жить на родинѣ. Какъ знать! быть можетъ, тутъ замѣшана жгучая, несказанная боль увидѣть порабощеннымъ тотъ великій народъ, который я зналъ когда-то свободнымъ. Но сердце и умъ тѣмъ не менѣе съ участіемъ слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ на родинѣ.

«Во всѣ эпохи исторіи были люди, которые считали своимъ долгомъ передъ самими собою и передъ отчизной служить ей издалека, и едва-ли не эти люди любили всего пламеннѣе свою отчизну. Вдали отъ нея, какъ и вблизи они живутъ ея интересами, страданіями и надеждами. Въ глубинѣ своей души они болѣютъ всѣми ранами своего народа, которыя самъ народъ, повидимому, не чувствуетъ, какъ будто время и привычки могутъ заживить всевозможные рубцы.

«Такіе добровольные изгнанники служатъ знаменіемъ времени...» (стр. 149). Итакъ, д-ръ Эразмъ остался въ Англіи и посвятилъ себя воспитанію сына, котораго онъ нашелъ прекрасно подготовленнымъ. Такъ проходилъ годъ за годомъ, не внося въ жизнь семейства д-ра Эразма никакихъ внѣшнихъ измѣненій. Развитіе Эмиля шло успѣшно; онъ занимался съ отцомъ, читалъ, ходилъ по заводамъ, фабрикамъ и мастерскимъ, видѣлъ часть Корнуэльса; но Эразмъ находилъ, что всего этого еще недостаточно. «Видъ мѣстности въ Корнуэльсѣ величественъ, но однообразенъ, разсуждалъ онъ: — юноша, видѣвшій одну только сторону природы, какъ, напримѣръ, скалы и море, страдаетъ такимъ же лишеніемъ, какъ тотъ, который читалъ одну только книгу». Эти соображенія заставляютъ его призадуматься надъ вопросомъ о необходимости предпринять какое-нибудь путешествіе. Случай для такого путешествія скоро представился.

Еще ранѣе возвращенія д-ра Эразма изъ тюрьмы, у береговъ Корнуэльса разбило одинъ перуанскій корабль. Въ числѣ спасшихся пассажировъ была какая-то дѣвочка-сирота, о которой сначала ничего нельзя было узнать и которую Елена приняла въ свою семью и воспитывала вмѣстѣ съ Эмилемъ. Д-ру Эразму удалось собрать свѣдѣнія объ этой дѣвочкѣ: оказалось,

Digitized by Google

что она была дочерью капитана затонувшаго корабля и владѣла въ Перу порядочнымъ состояніемъ, которое родственники, послѣ гибели ея отца, присвоили себѣ. Попытка склонить ихъ къ возвращенію имущества законной наслѣдницѣ не приводила путемъ переписки ни къ какому положительному результату, и становилось очевидно, что безъ энергическаго непосредственнаго вмѣшательства д-ра Эразма дѣло не обойдется. Онъ рѣшается на путешествіе въ Перу въ надеждѣ не только спасти состояніе воспитанницы, но еще примѣнить къ Эмилю и къ ней воспитательное значеніе такого отдаленнаго и разнообразнаго путешествія. Онъ беретъ мѣсто медика на одномъ кораблѣ, Эмиль опредѣляется на этотъ-же корабль юнгой, и они отправляются въ путь. Путешествіе совершилось безъ особенныхъ приключеній; состояніе Лолы было болѣе или менѣе возстановлено и возвращеніе ихъ въ Англію послѣдовало совершенно благополучно. Въ результатѣ получилось то, что Эмиль сталъ богатъ впечатлѣніями, воспоминаніями; жизненный опытъ выработалъ его характеръ; наблюденіе надъ видѣннымъ открыло глаза его для науки.

Скоро настаетъ для него время завершить образованіе систематическимъ университетскимъ курсомъ. Съ этою цѣлью онъ отправляется въ Германію и слушаетъ лекціи, сначала въ Боннѣ, потомъ въ Гейдельбергѣ. Здѣсь онъ съ живымъ интересомъ слѣдитъ за преподаваніемъ профессоровъ и знакомится съ ихъ научными и философскими воззрѣніями. Что же касается до университетской молодежи, то она производитъ на него отрицательное впечатлѣніе и онъ держится отъ нее далеко. Да и могло ли быть иначе? Могъ ли свѣжій, развитой человѣкъ отнестись съ симпатіей ко всѣмъ этимъ кнейпамъ, коммершамъ, биръ-комментамъ и всей дико-безсмысленной формалистикѣ корпорацій? Радикализмъ нѣкоторыхъ кружковъ буршей также не могъ увлечь его, такъ-какъ отъ его вниманія не скрылся быстрый переходъ радикализма буршей въ карьеризмъ и филистерство послѣ окончанія университетскаго курса. Внѣ этихъ впечатлѣній и навѣваемыхъ ими размышленій, жизнь его въ Боннѣ и Гейдельбергѣ прошла тихо среди занятій и не представляетъ никакихъ приключеній, если исключить эпизодъ любви къ какой-то молоденькой актрисѣ, которую онъ забываетъ, не успѣвъ даже съ ней познакомиться. Онъ оставляетъ Германію, унося уваженіе къ ея наукѣ и антипатіи къ ея обществу. По возвращеніи домой онъ женится на воспитанницѣ своихъ родителей—перуанкѣ Лолѣ, которая, во время его отсутствія, успѣла приготовиться къ экзамену на доктора медицины. Этимъ событіемъ заканчивается повѣсть.

Разсмотрѣнная мною формальная сторона сочиненія Эскироса не лишена достоинствъ. Всего прежде нельзя не отдать справедливости автору въ талантливости, съ которою составленъ общій планъ повѣсти и задуманы главныя дѣйствующія

Digitized by Google

лица. Планъ повѣсти представляетъ такія комбинаціи, которыя даютъ полный просторъ проведенію опредѣленнаго политическаго направленія рядомъ съ идеями теоретической педагогики и картинами, живо схваченными изъ педагогической практики. При извѣстной степени искусства въ изложеніи, такія условія общаго замысла даютъ полную возможность облечь въ легкую форму весьма серьёзное содержаніе и такимъ образомъ подготовляютъ всѣ данныя для хорошаго популярнаго сочиненія. Но это еще не все: планъ этотъ даетъ возможность, минуя всякія натяжки и утрировки, вести Эмиля черезъ длинный рядъ впечатлѣній, вытекающихъ изъ непосредственнаго знакомства его съ природою и жизнью во всемъ ихъ широкомъ разнообразіи. Такимъ образомъ внѣшнія условія жизни Эмиля комбинируются такъ, что его міросозерцаніе не можетъ ни съузиться, ни измѣниться къ худшему въ какомъ бы то ни было отношеніи вопреки воспитанію. Жизнь ведетъ его именно къ тому, чтобы быть прежде всего человѣкомъ, и ничто человѣческое не считать себѣ чуждымъ.

Эти достоинства внѣшняго хода повѣсти Эскироса не исключаютъ однакоже нѣкоторыхъ недостатковъ, избѣжать которые было бы очень легко. Я укажу на два. Всего прежде нельзя не пожалѣть, что Эскиросъ не обратилъ вниманія на то неизбѣжное слѣдствіе, которое не можетъ не вытекать изъ разнообразія событій въ жизни Эмиля. Онъ жилъ въ Корнуэльсѣ, былъ юнгой на кораблѣ, переплывшемъ океанъ, посѣтилъ Перу и Бразилію, былъ студентомъ въ двухъ нѣмецкихъ университетахъ, и никогда въ жизни его не происходило никакихъ компликацій, никакой серьёзной борьбы. Жизнь Мориса, въ «Отцахъ и дѣтяхъ» Легуве несравненно однообразнѣе жизни Эмиля съ внѣшней стороны; но Легуве искусно влилъ въ нее множество компликацій, разрѣшеніе которыхъ имѣетъ не только педагогическое значеніе, но придаетъ еще личности главнаго дѣйствующаго много жизни и движенія. Такъ у Легуве я нахожу главы, посвященныя этимъ компликаціямъ: трудъ и болѣзнь, отношенія къ отцу, отношенія къ друзьямъ, денежныя дѣла. Вторымъ недостаткомъ, отчасти находящимся въ связи съ первымъ, какъ его слѣдствіе, я считаю отрывочность въ изложеніи нѣкоторыхъ періодовъ жизни Эмиля. Избѣжать такую отрывочность было бы очень легко, замѣстивъ пробѣлы разработкой упомянутыхъ выше вопросовъ. Книга, по моему убѣжденію, много бы выиграла отъ устраненія обоихъ этихъ недостатковъ.

Обратимся теперь къ собственно-педагогической части сочиненія Эскироса.

Мы уже знаемъ, что Эскиросъ принадлежитъ къ числу непримиримѣйшихъ противниковъ воспитанія ad hoc. Приведенныя мною мнѣнія, въ которыхъ столь энергично осуждается это воспитаніе, высказаны имъ отъ лица д-ра Эразма. Отецъ

Digitized by Google

Эмиля, какъ представитель направленія прямо-противоположнаго направленію ad hoc, цѣлью воспитанія ставитъ, такъ же какъ и Руссо, человѣчность. Онъ, такъ же какъ и Руссо, не готовитъ своего Эмиля ни къ какой спеціальности, но только старается о развитіи въ немъ качествъ, необходимыхъ для всякаго человѣка. (См. между прочимъ стр. 31 и 81). Этою мыслью проникнуто все сочиненіе, она составляетъ его смыслъ, его духъ. Эмиль всего прежде человѣкъ, и притомъ, какъ говоритъ Эскиросъ, свободный человѣкъ, что, впрочемъ, разумѣется и само собою.

Остановимся на минуту на этомъ капитальномъ вопросѣ и припомнимъ, что въ нашей литературѣ рѣшеніе его въ смыслѣ Руссо и Эскироса имѣетъ уже свою традицію. Бѣлинскій ставилъ цѣлью воспитанія человѣчность. Подъ человѣчностью онъ разумѣлъ «живое соединеніе въ одномъ лицѣ тѣхъ общихъ элементовъ духа, которое равно необходимо для всякаго человѣка, какой бы онъ ни былъ націи, состоянія, въ какомъ бы возрастѣ жизни и при какихъ обстоятельствахъ ни находился,— тѣхъ общихъ элементовъ, которые должны составлять его внутреннюю жизнь, его драгоцѣннѣйшее сокровище, и безъ которыхъ онъ не человѣкъ. Подъ этими общими элементами духа мы разумѣемъ—доступность всякому человѣческому чувству, всякой человѣческой мысли, смотря по глубокости натуры и степени образованія каждаго». Пироговъ на вопросъ: къ чему онъ готовитъ своего сына, отвѣчалъ: «быть человѣкомъ», и развилъ эту мысль въ своихъ знаменитыхъ «Вопросахъ жизни». Здѣсь онъ доказывалъ необходимость общечеловѣческаго воспитанія для всякаго, кто хочетъ заслужить имя человѣка. Воспитаніе это онъ считаетъ самымъ удобнымъ, самымъ непринужденнымъ, самымъ естественнымъ.

Добролюбовъ, въ статьѣ «О значеніи авторитета въ воспитаніи», дополняетъ мысль, приведенную Пироговымъ въ «Вопросахъ жизни». Пироговъ показалъ обществу причину господствовавшаго въ немъ зла—преобладаніе внѣшности въ воспитаніи, пренебреженіе внутренняго человѣка; Добролюбовъ разъяснилъ, *какимъ образомъ* именно убивается при воспитаніи внутренній человѣкъ. Послѣ Бѣлинскаго, Пирогова, Добролюбова, мысли, высказанныя ими, повторялись несчетное число разъ. Мысли эти живутъ, конечно, въ нѣкоторыхъ группахъ честныхъ людей и будутъ жить вопреки всему, что ни совершалось бы внѣ этихъ группъ; но можно ли, тѣмъ не менѣе, безъ грусти думать о томъ, сколько послѣ горячей проповѣди Бѣлинскаго легло нечеловѣческаго на нашу общественную совѣсть. Чѣмъ успѣли за этотъ промежутокъ времени заявить себя тѣ, въ которыхъ былъ убитъ внутренній человѣкъ!...

Но возвратимся къ нашему Эмилю.

Эмиль, какъ свободный человѣкъ, не можетъ, подобно своимъ искалеченнымъ воспитаніемъ сверстникамъ, быть инди-

Digitized by Google

ферентистомъ въ политическихъ вопросахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ ихъ быть склоннымъ къ уступкамъ и компромисамъ. Эмиль имѣетъ твердыя политическія убѣжденія и готовъ стоять за нихъ грудью. Воспитанный политическимъ изгнанникомъ, онъ унаслѣдовалъ отъ него увѣренность въ томъ, что оставаться безъ политическихъ убѣжденій онъ не имѣетъ права. «Всякій, кто, живя въ обществѣ, говоритъ д-ръ Эразмъ, остается чуждымъ борьбѣ интересовъ и формѣ и образу дѣйствій правительства, ученіямъ волнующимъ и раздѣляющимъ всѣ умы—тотъ чудовищное олицетвореніе ничтожества и рожденъ жить въ средѣ дикарей» (стр. 252).

Столь же здраво смотритъ Эмиль и на трудъ.

Уже въ первые годы дѣтства, когда онъ воспитывался подъ наблюденіемъ одной только матери, ему была внушена любовь къ труду какъ умственному, такъ и физическому. Съ пріѣздомъ отца любовь эта получила болѣе широкое развитіе. Докторъ Эразмъ водилъ своего сына по мастерскимъ, гдѣ Эмилю часто самому приходилось браться за молотъ и вообще принимать живое участіе въ трудахъ рабочихъ. Эмиль не изучаетъ спеціально никакого ремесла, но онъ получаетъ обстоятельное понятіе о многихъ изъ нихъ. Кромѣ того, посѣщая мастерскія, онъ входитъ въ сношенія съ рабочими, научается отъ нихъ многому, чего нельзя узнать изъ книгъ и, что̀ всего важнѣе, научается любить и уважать самого рабочаго. Докторъ Эразмъ находитъ однакоже, что и такое близкое знакомство съ трудовою жизнью еще недостаточно: мало знать ее, — надо ее испытать. Съ этою цѣлью онъ пользуется плаваніемъ въ Перу, устроивъ дѣло такъ, что Эмиль зарабатываетъ издержки путешествія своею службою въ качествѣ корабельнаго юнги. Такимъ образомъ, въ плоть и кровь Эмиля входитъ такое отношеніе къ труду, о которомъ и идеи не имѣютъ несчастныя жертвы воспитанія ad hoc.

Правильная постановка вопроса о трудѣ имѣетъ для Эмиля еще и то благодѣтельное слѣдствіе, что здоровье его закаляется и онъ становится способнымъ къ перенесенію всевозможныхъ лишеній. Докторъ Эразмъ предоставляетъ кому угодно восхищаться юношами тщедушными и болѣзненными, юношами, которыхъ, какъ говорятъ у насъ, «*заучили*»; и самъ докторъ и жена его далеки отъ преслѣдованія такого идеала. Эразмъ дѣлаетъ чрезвычайно удачное сравненіе такого «заученнаго» юноши съ извѣстнаго рода раковиной, производящей жемчугъ вслѣдствіе искусственнаго изуродованія живаго существа, обитающаго въ ней. Дѣтей изсушаютъ ученіемъ и для чего? Какъ будто нѣтъ путей для выработки здороваго и развитаго человѣка? По мнѣнію доктора Эразма, здоровый складъ умственныхъ способностей столько же обусловленъ работою рукъ, какъ и головы; поэтому не слѣдуетъ презирать ни одинъ изъ даровъ природы, а необходимо развивать ихъ всѣ.

Digitized by Google

Свободный человѣкъ, твердый въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, любящій и уважающій трудъ, богатый положительными знаніями, почерпнутыми изъ книгъ, изъ опыта, изъ наблюденій, обладающій крѣпкимъ здоровьемъ, Эмиль отличается еще отъ массы своихъ сверстниковъ тѣмъ, что не несетъ бремени никакого навязаннаго ему міросозерцанія; онъ его вырабатываетъ самъ, въ свое время. Да и могъ ли бы онъ называться свободнымъ человѣкомъ, еслибы дикое насиліе наложило цѣпи на его разумъ? Міросозерцаніе, какъ понятно всякому непредубѣжденному читателю, можетъ сложиться только тогда, когда въ распоряженіи человѣка имѣются достаточныя для того данныя. Преждевременное вдалбливаніе идей, недоступныхъ дитяти, или притупляетъ его и лишаетъ энергіи и умственной самодѣятельности, или приготовляетъ ему въ будущемъ необходимость и неизбѣжность такой ломки стараго и такихъ усилій для возведенія новаго, на которыя совершенно напрасно тратятся силы, работа которыхъ могла бы получить при иныхъ условіяхъ гораздо болѣе счастливое направленіе. Эмиль избавленъ и отъ притупленія своихъ способностей посредствомъ усвоенія вещей непонятныхъ и темныхъ, и отъ тяжелаго процесса внутренней перестройки, т.-е. отъ несчастій, неизбѣжныхъ для людей, не получившихъ такого воспитанія, какъ Эмиль.

Вотъ очеркъ того типа, осуществленіе котораго д-ръ Эразмъ желалъ въ своемъ сынѣ. Посмотримъ теперь на то воспитаніе, которымъ онъ думалъ достичь этой цѣли.

Діаметральная противоположность воспитанія ad hoc есть воспитаніе, основанное на законахъ человѣческой природы, воспитаніе естественное; но такъ-какъ законы человѣческой природы раскрываетъ намъ наука, то основаніемъ теоріи естественнаго воспитанія можетъ быть только наука. Такой наукой Эскиросъ считаетъ физіологію; но одной физіологіи еще недостаточно: необходима та широкая и разнообразная совокупность данныхъ, которыя можетъ намъ доставить только наука о человѣкѣ — антропологія, область которой охватываетъ не одни только физіологическіе, но и вообще біологическіе, а также и соціологическіе вопросы.

Эскиросъ указываетъ на науку какъ на единственное основаніе педагогики; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы мы имѣли право ожидать найти въ его книгѣ готовую педагогическую теорію, основанную на наукѣ. Такой теоріи еще не существуетъ и Эскиросъ создать ее не могъ по той причинѣ, что разработка наукъ, по которой должна воздвигнуться новая педагогика, еще не ушла такъ далеко, чтобы могла доставить достаточныя данныя для всей совокупности педагогическихъ вопросовъ. Изъ этого видно, что эмпирическій характеръ многихъ педагогическихъ положеній неизбѣженъ, какъ для Эскироса, такъ и для всякаго современнаго педагога. Эмпиризмъ

этотъ ясно сознается, однакоже и педагогика выйдетъ изъ него какъ только возможность, зависящая не отъ нея, ей представится. Для настоящаго же важно то, что путь, по которому предстоитъ поступательное движеніе педагогики, ясно опредѣленъ. Эта опредѣленность обезпечиваетъ всю будущность педагогики, спасая ее отъ всякой порчи со стороны теологіи и метафизики.

Мысль, что педагогика должна искать себѣ основаніе только въ наукѣ, конечно, новова. Она была высказываема и въ нашей литературѣ съ большимъ знаніемъ дѣла и талантомъ; но нельзя не радоваться тѣмъ не менѣе, встрѣчая ее въ популярной книгѣ, которая прочтется вѣроятно многими. Вѣдь пора и очень пора взглянуть на воспитаніе какъ на такое дѣло, которое нельзя дѣлать по вдохновенію и за которое нельзя браться всякому неучу, всякому проходимцу, какъ это доселѣ бываетъ сплошь и рядомъ. Читайте объявленія: «Нѣмецъ изъ Берлина, знающій всѣ науки, ищетъ мѣсто учителя и воспитателя въ богатомъ домѣ». Этотъ нѣмецъ не пропадетъ у насъ, il connait son monde. Справедливо было замѣчено однимъ изъ нашихъ писателей, что у насъ просьба дать совѣтъ о постройкѣ моста, прорытіи канала и т. п. весьма часто можетъ встрѣтить отказъ, мотивированный незнакомствомъ съ тою спеціальностью, которая необходима въ данномъ случаѣ; но что такой отказъ никогда не встрѣчается, если дѣло идетъ о воспитаніи; всякій и всякая имѣетъ въ этой области свою готовую теорію. А взгляните на результаты этихъ теорій, заговорите о печальныхъ послѣдствіяхъ этихъ первобытныхъ понятій... въ отвѣтъ вы услышите, что во всѣхъ неудачахъ виноваты—кто̀ бы вы думали? — сами жертвы воспитанія.

Въ числѣ данныхъ, добытыхъ наукою, на первомъ планѣ стоитъ идея развитія, какъ результатъ изученія всего живущаго. Эскиросъ не упускаетъ изъ виду этой идеи и весьма справедливо вооружается противъ пріурочиванія воспитанія къ той или другой изъ метафизическихъ теорій, по самой сущности своей всегда чуждыхъ научному взгляду на человѣка. Такія теоріи, по мнѣнію Эскироса, годились бы только тогда, еслибы человѣкъ представлялъ нѣчто абсолютное. Въ дѣйствительности, напротивъ того, это нѣчто, постоянно измѣняющееся, непрестанно переходящее изъ одного состоянія въ другое, начиная съ момента зачатія и оканчивая смертью. Согласно съ этимъ и воспитаніе есть дѣло всей жизни. Эскиросъ говоритъ, что воспитаніе начинается тогда, когда начинается развитіе, т.-е. до рожденія, и потомъ идетъ далѣе и далѣе, сообразуясь съ различными фазисами развитія. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь матери имѣетъ громадное вліяніе на условія развитія зародыша: она или предохраняетъ зародышъ отъ болѣзней и проистекающихъ изъ нихъ аномалій, или сообщаетъ ему ихъ. Многіе вопросы будущаго предрѣшаются въ этомъ

Digitized by Google

эмбріональномъ періодѣ жизни. Итакъ и зародышъ, слѣдовательно, требуетъ правильнаго ухода. Далѣе, послѣ рожденія, годъ за годомъ сфера воспитанія расширяется, старые вопросы частью смѣняются новыми, частью видоизмѣняются; являются вопросы новые, особенно послѣ періода, съ котораго начинается обученіе, число ихъ возрастаетъ, они усложняются и такъ дѣло идетъ до тѣхъ поръ, пока человѣкъ становится настолько самостоятельнымъ, что получаетъ возможность продолжать свое воспитаніе безъ посторонняго наблюденія и указанія.

Я не имѣю никакой возможности, само собою разумѣется, представить здѣсь полную картину воспитанія Эмиля. Желающіе ознакомиться съ нею могутъ обратиться къ книгѣ Эскироса. Я скажу нѣсколько словъ только о нѣкоторыхъ главнѣйшихъ вопросахъ воспитанія, и при томъ на столько, на сколько это будетъ достаточно для знакомства съ характеромъ педагогической теоріи нашего автора.

Эскиросъ избѣжалъ ошибки Руссò, смѣшивавшаго понятіе о природѣ съ представленіемъ о ней. Онъ не имѣлъ въ виду сдѣлать изъ своего Эмиля естественнаго человѣка (l'homme de la nature); но онъ старается только о томъ, чтобы развитіе Эмиля совершалось естественно. Основныя положенія его теоріи, съ которыми мы уже познакомились, служатъ ему прекраснымъ руководствомъ къ отысканію вѣрнаго пути въ этомъ направленіи.

Начнемъ со взгляда Эскироса на вопросы, связанные съ развитіемъ характера.

Дѣти, разсуждаетъ онъ, служатъ часто куклами въ рукахъ взрослыхъ. Въ куклѣ этой не допускается ничего своего; она существуетъ для утѣхи старшихъ и должна сообразоваться съ ихъ вкусами, она должна всего прежде стараться нравиться. Такое положеніе дѣтей въ семействѣ убиваетъ въ нихъ всякую самобытность и его вліяніемъ объясняется отсутствіе твердыхъ и стойкихъ характеровъ.

Родителямъ и воспитателямъ необходимо вдуматься въ этотъ важный вопросъ, имъ необходимо дать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ называемъ мы въ человѣкѣ характеромъ и какимъ образомъ онъ вырабатывается. «Характеромъ—говоритъ Эскиросъ—принято называть результатъ сочетанія въ человѣкѣ силъ, корень которыхъ лежитъ въ природѣ, но которыя безпрестанно измѣняются и преобразовываются подъ вліяніемъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ. Воля, до извѣстной степени, управляетъ нашими склонностями, желаніями и чувствами. Есть ли эта воля элементъ первобытный или пріобрѣтенный? По моему, и то и другое. Въ ребенкѣ воля проявляется вмѣстѣ съ его рожденіемъ на свѣтъ; но съ лѣтами, благодаря упражненію именно этой способности, она усиливается въ человѣкѣ и сосредоточивается на опредѣленной цѣли; что касается до внѣшнихъ причинъ, вліяющихъ на характеръ, то достаточно указать на

Digitized by Google

воспитаніе и общество. Человѣкъ, родившійся въ Китаѣ отъ одного изъ послѣдователей Конфуція, не былъ бы способенъ смотрѣть на вещи и поступать такъ, какъ смотрятъ и поступаютъ люди, родившіеся во Франціи отъ христіанскихъ родителей» (стр. 64). Итакъ, въ то время, когда, независимо отъ насъ, совершается въ ребенкѣ процессъ развитія его нравственныхъ силъ, мы въ состояніи посредствомъ внѣшнихъ вліяній давать этому развитію то или другое направленіе, руководствуясь конечно естественными законами этого развитія, и потому и ставя всегда цѣли достижимыя. Направлять развитіе характера мы, слѣдовательно, въ извѣстныхъ предѣлахъ можемъ. Но какъ направлять? Если мы станемъ направлять, прилагая власть, то очевидно будемъ направлять несообразно съ законами природы, а съ своими собственными субъективными воззрѣніями. Власть здѣсь неумѣстна и вредна. Власть, напримѣръ, можетъ подавить въ ребенкѣ проявленіе вспыльчивости, злости, заносчивости, но она никогда не въ силахъ уничтожить этихъ пороковъ; она только вгонитъ ихъ внутрь. Она образуетъ самый скверный и низкій характеръ — скрытый, лицемѣрный, маскирующій затаенныя чувства ложною внѣшностью. Придетъ время, когда дитя пойметъ, что достоинство требуетъ самообладанія; оно научится, подобно нѣкоторымъ локомотивамъ, сожигать свой собственный дымъ; но чтобы оно могло научиться этому—надо дождаться развитія его разума и воли. Пока это время не наступило, нужно вліять на дитя не властью, а отвлекая его отъ того, что̀ портитъ его характеръ. Чтобы эта система отвлеканій шла успѣшно, нужно конечно знать дитя и умѣть отвлекать его тѣмъ, на что оно поддается: музыкой, картинами, разсказами... Такимъ образомъ можно пользоваться естественными данными и избѣгать насилій. Но это еще не все. Такая система есть еще система отрицательная. По мѣрѣ того, какъ дитя растетъ, необходимо вліять на него и положительно.

Средства вліять на ребенка положительно весьма разнообразны. Система воспитанія ad hoc пользовалась нѣкоторыми изъ нихъ весьма широко. Главнѣйшими ея средствами или мѣрами всегда были: безусловное повиновеніе и нравственныя поученія. Намъ необходимо разсмотрѣть эти мѣры, прежде чѣмъ займемся положительными средствами естественнаго воспитанія.

Пока дѣти еще очень малы, отъ нихъ нельзя не требовать, въ ихъ же интересѣ, безусловнаго повиновенія; но чѣмъ ранѣе ребенокъ можетъ быть освобожденъ отъ него, тѣмъ лучше. Когда вынужденное повиновеніе переходитъ извѣстный предѣлъ, оно неизбѣжно усыпляетъ въ дитяти чувство нравственной отвѣтственности. Дитя, привыкшее къ безусловному повиновенію, не нуждается въ обращеніи къ своей совѣсти: оно привыкаетъ полагаться не на себя въ рѣшеніи вопроса о хорошемъ и дурномъ, справедливомъ и несправедливомъ. Какъ

только ребенокъ начинаетъ разсуждать, онъ долженъ дѣйствовать свободно; воспитатель же обязанъ только руководить его свободой, не стѣсняя ее. Говорить дитятѣ: «поступай такъ, какъ тебѣ сказано; а почему слѣдуетъ такъ поступать, о томъ узнаешь послѣ»—значитъ дрессировать его, а не воспитывать. Для воспитанія необходимъ умъ, тактъ; оно должно умѣть сдѣлать послушаніе свободнымъ. Только такое послушаніе морализуетъ воспитываемаго; безусловное же повиновеніе отнимаетъ у человѣка всякое достоинство, унижаетъ его. Не надо забывать при томъ же, что страхъ, на которомъ всегда основывается безусловное повиновеніе, въ большей части случаевъ безсиленъ; — онъ побуждаетъ всего чаще къ обману, на который ребенокъ тратитъ бездну изобрѣтательности. Но страхъ причиняетъ не одно только это зло; онъ разрываетъ узы между нами и дитятею, подрываетъ нашъ нравственный авторитетъ. Что̀ можетъ быть легче, какъ держать дитя въ страхѣ; но что̀ можетъ быть труднѣе, какъ возстановить потрасенный авторитетъ? Ребенокъ, убѣдившійся въ томъ, что обращеніе съ нимъ основано на капризѣ и произволѣ, подчиняется обыкновенно только одной силѣ. Такой ребенокъ вступаетъ обыкновенно съ воспитателемъ въ затаенную, но упорную борьбу и всегда бываетъ неистощимъ въ изобрѣтеніяхъ, внушаемыхъ быстро развивающимися въ немъ хитростію и лукавствомъ. Другое важное слѣдствіе принудительной системы — отсутствіе радостныхъ и веселыхъ минутъ въ годы дѣтства. Такое лишеніе всегда сказывается въ жизни. Люди рабочіе, угрюмые, мрачные навѣрно перенесли печальную пору дѣтства.

Обратимся теперь къ нравственнымъ поученіямъ.

И теперь еще часто случается слышать о важномъ значеніи ихъ въ воспитаніи, хотя мнѣніе это давно поколеблено весьма вѣскими аргументами. Эскиросъ, такъ же какъ и Руссо, далекъ отъ того, чтобы придавать имъ рутинное значеніе; онъ утверждаетъ, что никакія поученія не въ состояніи оказывать серьёзнаго вліянія на выработку характера. Еслибы нравственныя сентенціи могли имѣть какое-либо жизненное значеніе, то индусы, китайцы, персіяне и т. д. были бы идеалами нравственности, такъ-какъ книги ихъ полны высокихъ нравственныхъ правилъ. Изъ этого не слѣдуетъ, впрочемъ, что всякая теоретическая мораль лишена значенія. Но значеніе ея не должно быть преувеличиваемо, какъ это безпрестанно дѣлается: такое преувеличиваніе прививаетъ дитяти вмѣсто нравственности лицемѣріе. Успѣхъ нравственнаго воспитанія возможенъ только тогда, когда нравственность выработывается жизнью и подкрѣпляется примѣрами, представляемыми дитяти окружающею его средой. Безъ этого условія нравственныя поученія не имѣютъ никакой роли въ воспитаніи.

Итакъ, по мнѣнію Эскироса, безусловное повиновеніе и нравственныя поученія не достигаютъ цѣли. Какъ же совѣтуетъ онъ

поступать воспитателю, какія положительныя средства онъ предлагаетъ?

Всего прежде онъ обращаетъ вниманіе на то, что въ первые годы дѣтства ребенокъ всегда бываетъ эгоистомъ. Причина эгоизма заключается въ слабости. Дѣло воспитателя — освѣтить его естественные инстинкты чувствами болѣе благородными, чувствами, могущими служить связью отдѣльной личности съ другими ей подобными. Чтобы дѣло это шло успѣшно, воспитателю необходимо понимать отношенія, существующія между этими чувствами и извѣстными фактами. Такъ, напримѣръ, соболѣзнованіе возникаетъ при видѣ страданій, благодарность связывается съ полученными услугами, любовь къ отечеству нераздѣльна отъ привязанности къ окружающей человѣка мѣстности, дружба раждается и возростаетъ подъ вліяніемъ добрыхъ отношеній и согласія. Всѣ эти факты могутъ возбуждать соотвѣтствующія имъ чувства, и въ этомъ смыслѣ воспитатель долженъ пользоваться тѣмъ, что̀ даетъ жизнь, не прибѣгая къ пустой риторической болтовнѣ. Умѣніе пользоваться обстоятельствами не должно однакоже увлекать педагога слишкомъ далеко: Эскиросъ допускаетъ нѣкоторую искусственность въ веденіи этого дѣла, но напоминаетъ въ то же время, что неумѣлость и безтактность могутъ совершенно погубить дѣло.

Если воспитаніе было ведено правильно, то совершенствованіе характера ребенка выразится возростаніемъ подчиненія эгоистическихъ его наклонностей наклонностямъ, направляющимъ его къ общей пользѣ. Это подчиненіе совершается непосредственно, вполнѣ независимо отъ какой бы то ни было теоріи. Воспитатель, наблюдая за этой внутренней работой, долженъ помогать ей, направляя ее цѣлесообразно. Не слѣдуетъ забывать только, что помощь воспитателя никогда не должна стѣснять воли дитяти. Стѣсненіе можетъ сдѣлать изъ него личность, неспособную къ борьбѣ, приготовленіе къ которой резюмируетъ собою всю суть воспитанія характера.

Таковъ въ общихъ чертахъ взглядъ Эскироса на воспитаніе характера. Взглядъ этотъ вполнѣ отвѣчаетъ извѣстной общей цѣли, и въ то же время находится въ совершенномъ согласіи съ лежащей въ основѣ его идеей развитія. Взгляду этому нельзя отказать также въ опредѣленности и ясности, дающимъ полную возможность прилагать его къ дѣлу безъ недоразумѣній и затрудненій, хотя и не безъ труда. Тѣмъ, которые въ воспитаніи привыкли видѣть дѣло легкое, это, конечно, не понравится. Но если на дѣло, въ самомъ дѣлѣ, трудное весь вѣкъ смотрѣть какъ на легкое, то дѣло врядъ ли пойдетъ на ладъ. Надо же, наконецъ, понять всю трудность задачи воспитанія и привыкнуть къ мысли, что воспитатель ничего не добьется безъ самаго упорнаго труда. Люди, такъ часто свысока толкующіе о воспитаніи, но ровно ничего непонимающіевъ

Digitized by Google

немъ,—люди, недостатка въ которыхъ у насъ нѣтъ, станутъ, конечно, въ тупикъ передъ принципомъ Эскироса. Въ самомъ дѣлѣ, принципъ этотъ требуетъ знаній, терпѣнія, такта, сметливости, изученія воспитуемаго ребенка, и чего онъ только не требуетъ! а имъ, педагогамъ по вдохновенію и педантамъ-буквоѣдамъ, такъ сильно напоминающимъ «docteur au front pauvre, au maintien solennel» Гюго, — или ровно ничего не нужно, или нужны рецепты, указанія, объясненія на всякій отдѣльный случай. Эти господа назовутъ Эскироса теоретикомъ и будутъ продолжать портить и развращать своихъ питомцевъ. Найдутся же, однако, и такіе люди, которые скажутъ имъ, что время педагогическихъ теорій, создаваемыхъ вдохновеніемъ, также какъ и педагогическихъ рецептовъ, миновало и что воспитатель, неумѣющій сообразоваться съ индивидуальными условіями развитія своего питомца, берется не за свое дѣло и недостоинъ называться педагогомъ.

Жена Эскироса не принадлежала къ числу натуръ, привязанныхъ къ рутинѣ и неспособныхъ къ самодѣятельности. Вдумавшись въ изложенный выше взглядъ на значеніе педагогики, на ея цѣли, на ея средства при воспитаніи, она поняла всю трудность предстоявшаго ей дѣла и энергично принялась работать для того, чтобы стать въ уровень съ своимъ положеніемъ. Благодаря такой твердой рѣшимости, она съумѣла примѣнить теорію д-ра Эразма къ воспитанію Эмиля съ полнымъ успѣхомъ. Ея умѣнье, тактъ, сметливость представляютъ цѣлый рядъ прекрасныхъ иллюстрацій къ теоретическимъ размышленіямъ ея мужа. Приключеніе на плантаціи, случай съ маленькимъ слѣпымъ, исторія пойманныхъ птицъ и мн. др. случаи изъ жизни Эмиля служатъ тому подтвержденіемъ. Читатели не оставятъ ихъ, конечно, безъ вниманія.

Перейдемъ теперь къ обученію.

Въ педагогической теоріи Эскироса обученіе проникнуто воспитательнымъ характеромъ и наглядностью. Суровая и сухая обстановка школы.

Ces bancs de chêne noirs, ces longs dortoirs moroses,
Ces salles qu'on verrouille et qu'a tous leurs pilliers
Sculpte avec un vieux clou l'ennui des écoliers...

Все это пугаетъ д-ра Эразма; педанты-учителя, бездушная строгость которыхъ не знаетъ ничего другого кромѣ авторитета книгъ, ему противны. По его мнѣнію «le livre de l'enfant c'est la bible des choses», т.-е. то, что въ школахъ еще рѣдкость.

Не только книга, но и устная рѣчь принадлежитъ, по мнѣнію Эскироса, къ числу очень слабыхъ проводниковъ знанія въ дѣтскіе умы. Давайте ребенку прежде всего самыя вещи; ему надо ихъ видѣть, осязать, надо непосредственно съ ними ознакомиться. Прежде чѣмъ онъ выучится читать, слѣдуетъ обратить его вниманіе на множество фактовъ, вполнѣ ему доступ-

Digitized by Google

нихъ. Объ этомъ часто не заботятся, и вслѣдствіе того извращаютъ тотъ естественный порядокъ, которому необходимо было бы слѣдовать при обученіи: съ однѣми вещами знакомятъ слишкомъ рано, съ другими—слишкомъ поздно. Руководствомъ въ этомъ случаѣ можетъ служить только наука, открывающая намъ законы органическаго, умственнаго и нравственнаго развитія человѣка.

Но, кромѣ естественной постепенности въ переходѣ отъ одного предмета къ другому, необходимо еще соблюдать другую важную постепенность, именно постепенность перехода отъ одной стороны одного и того же предмета къ другой. Возьмемъ для примѣра—розу. Всего прежде дитя видитъ въ ней не болѣе какъ только ту розу, которую ему показываютъ. Далѣе, форма, цвѣтъ и запахъ этой розы дадутъ ему возможность составить общее понятіе о типѣ, подъ который онъ всегда съумѣетъ подвести всякую розу, какая ему попадется. Но онъ остается еще весьма равнодушнымъ къ вопросу о томъ, какое мѣсто занимаетъ разсматриваемый имъ цвѣтокъ въ ботанической классификаціи, и очень далекъ отъ того, чтобы интересоваться морфологіей или физіологіей розы какъ растенія. Извращеніе порядка, на который указываетъ этотъ примѣръ, можетъ имѣть очень вредныя вліянія на дѣтскій умъ. Воспитатели, однако же, не всегда понимаютъ это и, повредивъ способности ученика, никогда не думаютъ о томъ, какъ виновато въ этомъ ихъ незнаніе дѣла. У нихъ всегда одинъ вѣчный виновникъ—ученикъ.

Для соблюденія, напримѣръ, въ геологіи, той постепенности, о которой шла рѣчь, Эскиросъ находитъ нужнымъ всего прежде знакомить ребенка съ внѣшнимъ видомъ горныхъ породъ и окаменѣлостей. Возможность классификаціи пріобрѣтеннаго такимъ образомъ матеріала является гораздо позже. Еще позже можно перейти къ очерку жизни земли. Затѣмъ можно открыть ученику смыслъ и значеніе этой жизни, жизни, изученіе которой Эскиросъ справедливо называетъ une révélation, une genèse. Наконецъ, въ 18, 19 лѣтъ можно воспользоваться геологіей, какъ прекраснымъ введеніемъ въ философію исторіи.

Всѣ эти соображенія приводятъ Эскироса къ тому заключенію, что всѣ существующіе учебники и классныя руководства никуда негодны. Въ нихъ наука сведена до дѣтскаго пониманія посредствомъ упрощенія формы, и это упрощеніе считается вполнѣ достаточнымъ для цѣлей преподаванія. Но дѣло не въ одной только формѣ. При составленіи учебныхъ руководствъ не слѣдуетъ упускать изъ виду именно содержанія доступнаго ребенку. Обыкновенно забываютъ, что опредѣленія, классификаціи, формулы, явились не одновременно съ наблюденіями и опытами, а позже, какъ результаты ихъ. Слѣдовательно, группы знаній установились вовсе не такъ, какъ ихъ обыкновенно преподаютъ. Обычное преподаваніе извращаетъ

Digitized by Google

естественный порядокъ: ученику сообщаются результаты и заключенія тогда, когда у него нѣтъ еще никакого понятія объ основаніи этихъ результатовъ и заключеній. Между моментомъ высочайшаго развитія науки, выработывавшагося въ теченіе вѣковъ, и невѣжествомъ ученика оно не ставитъ никакой промежуточной степени, не даетъ никакого посредствующаго звена. Это важная ошибка.

Эта, подмѣченная Эскиросомъ ошибка рутиннаго обученія наводитъ меня на не менѣе важный его недостатокъ, указанный докторомъ Робеномъ. Дѣло въ томъ, что какъ бы ни было упрощено содержаніе учебниковъ, но истины, въ нихъ излагаемыя, никогда не должны терять своего научнаго характера, никогда не должны входить въ связь съ теологическими и метафизическими воззрѣніями. Къ сожалѣнію, какъ замѣтилъ докторъ Робенъ, этимъ недостаткомъ страдаютъ многіе учебники по наукамъ соціологическимъ и біологическимъ, а также и учебники химіи и физики; онъ никогда не встрѣчается, разумѣется, только въ курсахъ наукъ математическихъ. Здравомыслящій — и слѣдовательно, неизбѣжно свободномыслящій преподаватель, благодаря тому состоянію, въ которомъ нынѣ находятся астрономія, физика, химія и геологія, можетъ безъ особеннаго труда исправить учебникъ, очистивъ его отъ всякаго посторонняго ненаучнаго наноса и обскурантныхъ нечистотъ, и возстановить науку во всей его чистотѣ. Совершенно иначе представится задача эта такому преподавателю, когда дѣло коснется біологіи и соціологіи. Многіе факты здѣсь еще недостаточно обслѣдованы, на многіе вопросы нѣтъ иныхъ отвѣтовъ кромѣ гипотезъ, ненаучныя вліянія здѣсь обширны и сложны и, кромѣ того, здѣсь неизвѣстны такъ-называемыя независящія отъ автора обстоятельства, такъ что трудъ преподавателя не всегда обѣщаетъ такой же успѣхъ, какъ въ первомъ случаѣ, и недостатки учебниковъ легко могутъ ввести въ голову ученика нѣкоторыя темныя и спутанныя понятія, отдѣлаться отъ которыхъ удается потомъ не всѣмъ.

Изъ этихъ двухъ недостатковъ рутиннаго преподаванія, Эмиля миновалъ первый вполнѣ, и второй только отчасти, такъ мы будемъ еще имѣть случай видѣть въ воззрѣніяхъ д-ра Эразма нѣкоторые остатки метафизическихъ предубѣжденій. Метафизическое вліяніе міросозерцанія отца могло, впрочемъ, повліять на Эмиля только въ юности; дѣтство его было отъ этого избавлено: первоначальное развитіе его совершалось подъ наблюденіемъ матери. Она была настолько подготовлена къ исполненію обязанностей учительницы и воспитательницы, что могла замѣнить собою недостатокъ въ книгахъ и учебныхъ пособіяхъ. Сколько выигралъ отъ этого Эмиль!.. Нельзя не привести себѣ на память при этомъ случаѣ грустную исторію нашего женскаго образованія, въ которой только въ послѣднее время являются залоги на лучшее будущее. Усилія женщинъ въ

этомъ смыслѣ извѣстны; но извѣстно также и то, сколько препятствій надо преодолѣть имъ, чтобы получить только возможность учиться!

Чтобы дать читателю понятіе о томъ, какимъ образомъ Эскиросъ прилагаетъ къ дѣлу свою мысль о необходимости знакомить дѣтей только съ одною доступною пониманію ихъ стороною предмета, я приведу небольшой эпизодическій разсказъ изъ 3-й части книги. Дѣти спросили однажды у доктора Эразма:—почему на свѣтѣ есть богатые и бѣдные? Онъ не могъ, разумѣется, дать имъ полнаго и точнаго объясненія и не хотѣлъ устранить вопросъ уклончивымъ, пустымъ отвѣтомъ. Изъ затрудненія вышелъ онъ, разсказавъ дѣтямъ маленькую повѣсть, приспособленную къ ихъ пониманію.

«Въ старину, сказалъ онъ:—посреди одного моря, названіе котораго я и самъ не помню, былъ островъ, на которомъ богатые построили себѣ мраморные дворцы, развели сады, полные самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ, и вырыли озера для своего удовольствія. Ничто не могло сравниться съ роскошью ихъ стола: имъ подавались на золотыхъ блюдахъ огромныя рыбы съ соусомъ изъ омаровъ (это любимый соусъ Эмиля). Туалеты мужчинъ и въ особенности дамъ отличались неслыханнымъ богатствомъ. Дѣти, играя въ кегли на площадяхъ, употребляли вмѣсто шаровъ огромные круглые брильянты.

«Бѣдные же, напротивъ, ходили босикомъ; дѣвочки, одѣтыя въ лохмотьяхъ, рылись въ кучахъ нечистотъ у домовъ богатыхъ, подбирая выброшенные остатки отъ пировъ. На бѣдныхъ не только лежали самыя тягостныя и самыя непріятныя работы, но на нихъ еще всѣ смотрѣли съ презрѣніемъ. Дѣло дошло до того, что людямъ, плохо одѣтымъ, запрещалось показываться въ мѣстахъ общественныхъ гуляній, изъ опасенія, конечно, чтобы они своими лохмотьями не загрязнили зеленые ковры газона, или, еще вѣроятнѣе, чтобы жалкій видъ ихъ не оскорблялъ зрѣніе богатыхъ.

«Однажды ночью бѣдняки удалились на гору и стали совѣтоваться между собою. Наиболѣе молодые между ними стояли за то, чтобы всѣмъ взяться за оружіе, напасть на богатыхъ во время сна, и отнявъ у нихъ имущество, раздѣлить его между бѣдными.

«Но тутъ всталъ одинъ старый мудрецъ и, выждавъ, когда всѣ замолкли, заговорилъ такъ: «Не дѣлайте этого, вопервыхъ, потому что ихъ замки оберегаются слугами, еще болѣе злобными, чѣмъ господа, и собаками еще болѣе алчными чѣмъ самые слуги; а вовторыхъ, потому что подобная борьба была бы несправедлива. То, что̀ вы сегодня похитите у вашихъ враговъ, только благодаря тому обстоятельству, что сила будетъ на вашей сторонѣ, можетъ быть завтра же отнято у васъ другими, если вы окажетесь слабѣйшими. Пріищемте же вмѣстѣ другое средство. Вы, конечно, слыхали, что на нашемъ морѣ

Digitized by Google

есть и другіе острова, кромѣ того, на которомъ мы имѣли несчастье родиться. Наши братья, бѣдные матросы, которые привозятъ сюда на кораблѣ припасы и предметы роскоши для богатыхъ, не разъ видали во время плаванія земли, поднимавшіяся посреди волнъ и увѣнчанныя зеленью и плодовыми деревьями. По ихъ разсказамъ, одинъ изъ этихъ островов необитаемъ, и отъ васъ зависитъ превратить его въ плодоноснѣйшій садъ. У насъ есть руки. Я первый, несмотря на свою старость, готовъ работать на сколько хватитъ моихъ силъ, а въ случаѣ надобности помогу вамъ и совѣтомъ. Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать».

«Они отправились. Одинъ за другимъ садились они на утлыя суда, которыя сами смастерили изъ досокъ, прикрывавшихъ ихъ хижины. Богатые обитатели острова были въ восторгѣ, что эта сволочь удаляется и радостно хлопали руками. «Наконецъ-то избавились мы отъ напасти!» восклицали они.

«Такъ-какъ у эмигрантовъ не было никакого имущества, то и весь грузъ корабля состоялъ только изъ нихъ самихъ. Впрочемъ, нѣтъ, я ошибаюсь: они захватили съ собой свои орудія для работы.

«Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ объ нихъ не было ни слуху, ни духу.—Должно быть, они всѣ потонули, говорили одни. Они всѣ перерѣзали другъ друга, утверждали другіе.

«Но вотъ однажды въ гавань вошелъ корабль, нагруженный хлѣбомъ и другими товарами. По языку матросовъ и по нѣкоторымъ чертамъ лицъ не трудно было узнать въ нихъ прежнихъ обитателей острова. Они разсказали, что пріѣхали съ того острова, на который переселились, и гдѣ все родится какъ нельзя лучше. Земля, обработанная ихъ руками, покрывается жатвами, фермами и стадами. Богатые приняли эти разсказы за басню и хохотали надъ ними до упаду.

«А между тѣмъ матросы ничего не преувеличили въ своихъ разсказахъ. Роскошно обработанныя поля, селенія, города, дороги, каналы, точно волшебствомъ какимъ выростали изъ этой еще недавно невоздѣланной почвы. Граждане жили между собой въ мирѣ и согласіи, потому что чувствовали себя счастливыми. Миръ и согласіе господствовали и въ семьяхъ, на дѣтей смотрѣли какъ на залогъ еще бо́льшаго благосостоянія въ будущемъ, а потому съ раннихъ лѣтъ пріучали ихъ къ труду.

«Совсѣмъ иначе шли дѣла на островѣ богатыхъ, благосостояніе котораго день ото дня приходило въ упадокъ. Такъ-какъ жители этого острова считали слишкомъ унизительнымъ для себя, или были слишкомъ лѣнивы, чтобы самимъ взяться за соху, то пашни въ скоромъ времени поросли бурьяномъ. Всѣ производства прекратились за недостаткомъ рабочихъ рукъ, а съ ними вмѣстѣ исчезли и предметы роскоши. Замки стали разрушаться, а починить ихъ было некому.

Digitized by Google

«Вначалѣ богатые обратились къ ремесленникамъ сосѣднихъ островов; но эти послѣдніе знали, какъ было поступлено съ ихъ собратами, и не захотѣли подвергаться тѣмъ же притѣсненіямъ.

«Такъ-какъ у жителей, оставшихся на островѣ, было много золота и серебра, то они вначалѣ накупили все, что̀ имъ было нужно, у иностранныхъ купцовъ. Но нѣтъ такой казны, которая рано или поздно не истощилась бы, если проникать въ нее новымъ богатствамъ не откуда. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, у нихъ не стало больше ни золота, ни серебра, и они пожалѣли, но уже слишкомъ поздно, что такъ жестоко и несправедливо поступали съ бѣдными.

«Положеніе ихъ было самое жалкое. Слуги, которыми они окружили себя въ былыя времена, не получая болѣе жалованья, отказались служить имъ. Лошади, за которыми некому было ходить въ конюшнѣ, равнымъ образомъ отказывались возить экипажи. На улицѣ попадались женщины въ стоптанныхъ атласныхъ башмакахъ и въ разорванныхъ парчевыхъ платьяхъ, такъ-какъ эти бѣлоручки сочли бы для себя стыдомъ самимъ заняться починкою своей одежды. Глядя на эти лохмотья, въ которыхъ они такъ важно расхаживали, иному пришла бы охота посмѣяться, еслибы не было жестоко и гнусно смѣяться надъ несчастіемъ, хотя бы и заслуженнымъ.

«Однимъ словомъ, островъ богатыхъ сдѣлался островомъ бѣдняковъ.

«Нужда годъ отъ году увеличивалась. Необработанная земля ничего болѣе не производила. Прежніе богачи умирали съ голоду въ своихъ развалившихся за̀мкахъ, и погибли бы до послѣдняго человѣка, еслибы жители другаго острова, которыхъ они когда-то изгнали своимъ дурнымъ обращеніемъ, не явились имъ на помощь и не привезли имъ тотъ излишекъ припасовъ, въ которыхъ они не нуждались сами.

«Изъ этого не слѣдуетъ, впрочемъ, прибавилъ въ заключеніе д-ръ Эразмъ, что трудъ обогащаетъ всегда. Онъ обогащаетъ только тѣ народы, которые умѣютъ быть справедливыми» (стр. 155—158).

Характеристика системы обученія Эскироса была бы неполна, еслибы мы не прослѣдили за его взглядами на отдѣльныя отрасли преподаванія и на нѣкоторые связанные съ ними частные вопросы; но разсмотрѣніе всѣхъ этихъ подробностей завело бы насъ слишкомъ далеко и не соотвѣтствовало бы цѣли этого очерка. Обращая поэтому вниманіе читателя на неполноту представленной мною характеристики методики и дидактики нашего автора, я остановлюсь только надъ двумя вопросами: надъ значеніемъ облегчительныхъ пріемовъ при первоначальномъ обученіи грамотѣ и надъ вліяніемъ фантастическаго элемента на умственное развитіе дитяти.

Переходъ отъ непосредственнаго разсматриванія предметовъ

Google

къ обозначенію ихъ посредствомъ условныхъ знаковъ азбуки, Эскиросъ считаетъ дѣломъ труднымъ для дѣтей. Онъ увѣряетъ, что дѣти имѣютъ отвращеніе къ книгамъ и что кромѣ этого отвращенія существуютъ еще и другія обстоятельства, останавливающія ихъ на самомъ порогѣ грамотности. По этой причинѣ, прежде чѣмъ приступить къ А, В, С, онъ старается развить въ своемъ воспитанникѣ желаніе умѣть читать, возбудить въ немъ надежду узнать прямо изъ книги тѣ прекрасныя исторіи, при чтеніи которыхъ взрослыми онъ такъ часто заслушивался. Чтобы сдѣлать однакоже переходъ отъ нагляднаго обученія и предметныхъ уроковъ къ азбукѣ какъ можно легче, Эскиросъ считаетъ нужнымъ соединить рисованіе, писаніе и чтеніе и переходить отъ одного къ другому постепенно. Онъ останавливается на способѣ обученія англичанина Бэлля, заимствовавшаго свою основную идею у дѣтей индусовъ, дѣтей—болѣе чѣмъ наши близкихъ къ природѣ и потому болѣе логичныхъ; и ее, однакожь, онъ считаетъ не вполнѣ удовлетворительною и оканчиваетъ свое разсужденіе о методахъ первоначальнаго обученія тѣмъ, что осуждаетъ ихъ огуломъ. «Изобрѣтатели методовъ обученія разсуждаютъ часто отлично, говоритъ онъ:—нѣкоторые изъ нихъ отличаются изобрѣтательностью, но *всѣ они* упускаютъ изъ виду одно, бездѣлицу, форму, въ которой выражается человѣческій умъ въ различные возрасты жизни» (стр. 132). По его мнѣнію, лучшій изъ всѣхъ методовъ—здравый смыслъ учителя.

Разсужденіе это страдаетъ прежде всего неопредѣленностью. Читатель не узнаетъ изъ него ни того, какія именно явленія обнаруживаютъ трудности начала обученія грамотѣ, ни причинъ, поселяющихъ въ ребенкѣ отвращеніе къ книгамъ, ни, наконецъ, о какихъ именно методахъ идетъ рѣчь, такъ-какъ, кромѣ плохаго метода Бэлля, ни одинъ авторомъ не указывается по имени изобрѣтателя. Все это заставляетъ меня думать, что Эскиросъ весьма мало знакомъ съ очень важною частью педагогики и что звуковой способъ обученія, также какъ и одновременное обученіе чтенію и письму, ему совершенно неизвѣстны. Очень можетъ быть, что тѣ методы, которые случалось ему прилагать къ дѣлу, никуда не годятся, что они несообразны со складомъ дѣтскаго ума, искусственны и проч. Очень можетъ быть, что поэтому именно дѣтямъ, которыхъ онъ училъ, трудно досталась грамота и книги стали противны. Все это очень возможно, конечно, но изъ всего этого нисколько не слѣдуетъ еще, что вовсе нѣтъ методовъ, лишенныхъ такихъ капитальныхъ недостатковъ, что нѣтъ методовъ, по которымъ тысячи и тысячи дѣтей обучились чтенію и письму легко, скоро, часто почти шутя, и притомъ не только безъ пріобрѣтенія отвращенія къ книгѣ, но съ полученіемъ любви къ ней. Здравый смыслъ учителя имѣетъ, конечно, очень и очень важное значеніе; учитель, лишенный этого блага, измучитъ дѣ-

Digitized by Google

тей самымъ лучшимъ методомъ и ничему не выучитъ; но, въ свою очередь, самый лучшій учитель жестоко ошибется, если вообразитъ, что здравый смыслъ его можетъ выполнить все. Опытъ другихъ тоже на что-нибудь здѣсь—какъ и вездѣ—годится и пренебрегать имъ нельзя.

Вопросъ первоначальнаго обученія на столько разработанъ въ нашей литературѣ, что всякому интересующемуся имъ открытъ путь къ знакомству съ тѣми данными, которыхъ очевидно недоставало Эскиросу. Это знакомство тѣмъ болѣе важно, что методы первоначальнаго обученія имѣютъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ думаетъ Эскиросъ. Онъ вслѣдъ за Руссо увѣряетъ, что достаточно возбудить охоту къ чтенію и что все затѣмъ пойдетъ какъ нельзя лучше безъ всякихъ методовъ. Это совершенно невѣрно: ничто не пойдетъ какъ нельзя лучше, если методъ обученія чтенію и письму былъ нераціоналенъ, и не пойдетъ такъ именно потому, что дитя потратитъ бездну силъ и времени именно на то, что̀, какъ я уже сказалъ, можетъ быть сдѣлано легко и скоро. Уже со временъ нѣмецкаго педагога Стефани, т.-е. съ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія, необходимость простаго, цѣлесообразнаго, естественнаго и, вслѣдствіе всего этого, скораго способа обученія грамотѣ стала общимъ мѣстомъ въ педагогикѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ: грамотность вѣдь только средство, а не цѣль; — тратить на нее лишнія силы и лишнее время было бы крайне неразумно. Возбуждайте же охоту къ чтенію, но не дѣлайте изъ удовлетворенія вами же возбужденнаго желанія какую-то скачку съ препятствіями, которая можетъ охладить самое горячее рвеніе.

Перейдемъ теперь къ другому вопросу: чѣмъ занять ребенка въ часы досуга? Вопросъ этотъ существуетъ, конечно, не для массы родителей. Бо̀льшая часть чадолюбивыхъ папенекъ и маменекъ, наохавшись вдосталь при совершеніи договора съ учителемъ или при опредѣленіи ребенка въ школу, не затрудняютъ себя заботами о томъ, чѣмъ занимается дитя въ досужее время. Они, или предоставляютъ ему полную волю скучать, или покупаютъ ему какую-нибудь книжку—нерѣдко издѣліе безсовѣстнаго торгашества — и рады-радешеньки, если дитя сидитъ за книжкой и не блажитъ. Если ребенокъ любитъ, чтобы его занимали разсказами, ему нерѣдко предоставляется слушать разговоры взрослыхъ между собой и ихъ анекдоты, т.-е. въ большинствѣ случаевъ повѣствованіе о такихъ вещахъ, знать которыя ему по меньшей мѣрѣ рано. На все это еще смотрятъ какъ на мелочи; еще рѣдко кто понимаетъ воспитаніе какъ такой рядъ вліяній, непрерывность которыхъ не допускаетъ считать извѣстные часы дня или даже дни недѣли какъ бы изъятыми изъ общаго хода развитія дитяти.

Какъ смотрѣли на этотъ вопросъ родители Эмиля?

Всего прежде онъ представлялся имъ не легкимъ. Эмиль,

Digitized by Google

напримѣръ, любитъ, чтобы въ свободное время его занимали разсказами. По мнѣнію его матери, такіе разсказы должны соединять въ себѣ пріятное, занимательное съ полезнымъ, поучительнымъ; а это очень трудно. Для этого необходима извѣстная степень умственнаго самоотверженія, извѣстная степень умѣнья жертвовать своею точкою зрѣнія и становиться на точку зрѣнія ребенка. Какъ хорошо было бы придумать что-нибудь такое, что̀ могло бы восполнить въ разсказахъ недостаточную приспособленность ихъ къ дѣтскому пониманію. Картины, конечно: еще лучше, если картины эти будутъ являться въ томъ яркомъ и блестящемъ видѣ, какой придается имъ посредствомъ волшебнаго фонаря. Какая пища для дѣтскаго вниманія и дѣтской наблюдательности! Сколько свѣдѣній можно сообщить! И она устроила фонарь и добыла для него коллекціи картинъ. Благодаря имъ, разсказамъ ея сообщилась такая занимательность, такая прелесть, что ей не пришлось жалѣть о потерянныхъ деньгахъ и заботахъ. Виды отдаленныхъ странъ, невиданныхъ людей, необыкновенныхъ животныхъ, сохраняя вполнѣ свой реальный характеръ, получали въ то же время въ глазахъ дѣтей какой-то оттѣнокъ фантастичности и, удовлетворяя начинающуюся дѣятельность воображенія, не придавали ей ложнаго направленія, не внушали дѣтямъ вкуса къ далеко не дѣтскимъ вымысламъ, порожденнымъ фантазіей иныхъ временъ или, что̀ гораздо хуже, выжатымъ изъ недальнаго ума какого-нибудь безсмысленнаго сказочника.

Оканчивая разборъ педагогической повѣсти Эскироса, я долженъ сказать, что повѣсть эта, задуманная съ цѣлью популяризаціи здравыхъ педагогическихъ понятій, вообще говоря, удовлетворяетъ этой цѣли, поэтому нельзя не радоваться появленію ея въ русскомъ переводѣ. Недостатки, на которые я указалъ при разборѣ, касаются частностей и не умалятъ, конечно, пользы, которую можетъ принести книга. Остается желать только, чтобы она нашла обширный кругъ читателей и чтобы на нее обратили вниманіе особенно тѣ родители и воспитатели, которые еще недостаточно подготовлены къ чтенію педагогическихъ трактатовъ. Книга Эскироса замѣнитъ имъ, сколько то возможно, эти трактаты и, кромѣ того, послужитъ хорошей подготовкой къ систематическому изученію педагогики.

Русскій переводъ книги и внѣшность изданія вполнѣ удовлетворительны.

В. Лесевичъ.

Digitized by Google

ТЕМНЫЯ И СВѢТЛЫЯ СТОРОНЫ НАШЕГО ОБЩЕСТВА.

I.

Давно уже умными людьми замѣчено, что мы, русскіе, то-есть, конечно, образованные русскіе, привыкли обращать вниманіе больше на чужія, чѣмъ на свои собственныя дѣла, почему эти злосчастныя дѣла и подвигаются у насъ впередъ очень туго, по черепашьи, а иной разъ даже порачьи. Обычай этотъ не нами придуманъ, а еще нашими предками, нами же тщательно поддерживается и охраняется до послѣдняго времени, вмѣстѣ со старинными русскими жбанами, седмисвѣщниками и крашеными деревянными стульями, которые замѣтно начинаютъ входить въ моду.

Только лишь въ концѣ пятидесятыхъ годовъ многимъ могло показаться, будто интересъ къ общественнымъ дѣламъ у насъ вдругъ возбудился съ неимовѣрною силою, но это такъ только показалось: шумѣли только петербургскіе журналы съ газетами, да еще нѣкоторая частица нашей провинціальной интеллигенціи, которая, не вникнувъ въ смыслъ предстоящихъ реформъ, думала, что всѣ ея привиллегіи разрушатся окончательно. Въ какіе-нибудь два-три года все уладилось какъ нельзя лучше: недовольные господа получили выгодныя мѣста членовъ губернскихъ присутствій, мировыхъ посредниковъ, кандидатовъ и т. п.; всѣ недовольные господа сдѣлались до крайности довольными, и шумъ тотчасъ же прекратился. Наступила тишь да гладь—Божья благодать, и эту тишь да гладь не въ состояніи уже были возмутить всѣ послѣдующія реформы, которыя сулили оставшимся за штатомъ недовольнымъ въ близкомъ будущемъ опять-таки новыя выгодныя мѣста, въ чемъ оставшіеся за штатомъ недовольные и не ошиблись. Кому не удалось попасть въ мировые посредники или въ члены присутствій, тотъ угодилъ въ предсѣдатели или члены земской управы на жалованье, которое будетъ почище посредничьяго; кто не угодилъ ни въ предсѣдатели, ни въ члены, тотъ согласился быть мировымъ судьей, съ жалованьемъ еще болѣе крупнымъ и съ отвѣтственностью еще болѣе ничтожною; остальные же счастливые недовольные пошли въ члены судовъ, въ прокуроры и проч. и проч.

Digitized by Google

Такимъ-то способомъ, въ соединеніи съ другими способами, достигли, наконецъ, того, что въ Россійской имперіи грамотные, образованные, недовольные почти *всѣ вышли*, какъ выходитъ, напримѣръ, весь керосинъ, или все масло въ лампѣ. Огромное большинство прежнихъ строгихъ, ничѣмъ недовольныхъ, слѣдовательно, очень придирчивыхъ критиковъ вдругъ превратилось въ дѣятелей, т.-е. въ авторовъ и издателей тѣхъ самыхъ статей, которыя ими прежде критиковались, вслѣдствіе чего и критики не стало. Вмѣсто того, чтобъ самимъ критиковать, какъ было прежде, гг. отставные критики искоса и даже не безъ злобы начали посматривать и на тѣхъ, неуспѣвшихъ пристроиться, своихъ товарищей, у которыхъ языкъ и до сей поры продолжаетъ чесаться. «Стоитъ-ли, говорятъ эти пристроившіеся господа, толковать о какомъ-нибудь крестьянскомъ или земскомъ дѣлѣ? Неужели не надоѣло еще, оскомины не набило? Доказательства, кажется, на лицо: нынче и тѣхъ рѣдкостныхъ гласныхъ, которые удостоили собраніе своимъ посѣщеніемъ, не худо привязывать, какъ осрамившагося Юма, за ногу къ ножкѣ стола, чтобъ не утекли раньше срока, а о сторонней публикѣ и толковать нечего! Въ прежнее время собранія одну двадцатую часть назначеннаго имъ срока употребляли на составленіе правилъ «о порядкѣ, каковаго обязана придерживаться въ залѣ засѣданія сторонняя публика», которой предполагалось множество, а въ числѣ этого множества предполагалось множество озорниковъ и озорницъ. Иные предлагали даже крайнюю мѣру: выводить озорниковъ изъ залы съ помощію сторожей, или вовсе не впускать публику въ залу, а отвести ей хоры, съ которыхъ ничего не слышно, а нынче? Нынче стороннюю публику даже силой, при посредствѣ тѣхъ же сторожей, не затащишь въ залу съ улицы, а на хорахъ много-много если увидишь одного какого-нибудь сильно выпившаго, громко икающаго чиновника, который и самъ хорошенько не знаетъ, гдѣ онъ. Ясно, что земское дѣло всѣмъ опостылѣло и никто въ него больше не вѣритъ, никто не интересуется, кромѣ членовъ да предсѣдателей, которымъ такое равнодушіе подчасъ очень и очень-таки съ руки. Вотъ судебныя учрежденія—это совсѣмъ особаго рода статья: тамъ сидишь иной разъ какъ въ балетѣ, въ особенности, если присяжный повѣренный и прокуроръ оба ребята ловкіе. Притомъ же у насъ каждый разсчитываетъ и самъ когда-нибудь попасть подъ судъ, слѣдовательно, учится!»

Всѣ подобнаго рода разсужденія, съ фактической ихъ стороны, безспорно, справедливы, но причины охлажденія, будто бы, къ земскому дѣлу, лежатъ нѣсколько глубже. На первыхъ двухъ петербургскихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ въ огромной залѣ мѣстъ не хватало, а на послѣднихъ, изъ семисотъ-тысячнаго населенія города едва отыскивалось пять-шесть охотниковъ слушать сухіе, какъ выжатый и высохшій лимонъ,

Digitized by Google

отчеты управы, которые желающій можетъ прочитать и послѣ. Предсѣдательское право—изгонять публику по произволу, тоже въ состояніи отбить у многихъ охоту подвергаться лишній разъ риску. Лекціи г. Сѣченова нисколько не напоминали балета и веселаго въ нихъ ровно ничего не было, а зала постоянно была полна, такъ-какъ многіе разсчитывали кое-что узнать, а что̀ такое узнаешь и услышишь на нашихъ пустынныхъ земскихъ собраніяхъ съ половиннымъ количествомъ членовъ, которые всѣ отдѣльные, сколько-нибудь интересные вопросы разрѣшаютъ обыкновенно въ закрытыхъ коммисіяхъ?

Равнодушіе къ засѣданіямъ гласныхъ, мнѣ кажется, еще не доказываетъ равнодушія къ самому дѣлу. Отъ времени до времени періодическая печать даже обязана знакомить съ общимъ ходомъ этого дѣла читателей, которые не имѣютъ ни охоты, ни досуга слѣдить за нимъ по отрывочнымъ газетнымъ извѣстіямъ, хотя заставить читателя не пропускать этого рода статьи, я знаю, задача не легкая. О земствѣ у насъ такъ ужь много писали и притомъ иной разъ зря, безъ всякаго толку, что прежде чѣмъ начать объ немъ рѣчь, необходимо, такъ-сказать, оріентироваться, отыскать какую нибудь рѣзкую, характеристическую черту, которой прежде не было замѣтно; иначе и читать не станутъ, а прямо махнутъ рукой, хотя у насъ и бѣда-то вся въ томъ, что на все слишкомъ ужь рано машутъ рукой.

Всѣмъ и каждому давно уже извѣстно, что земство наше, съ самаго своего рожденія на свѣтъ, страдаетъ обычной болѣзнью большинства нетербургскихъ барышень—малокровіемъ, то-есть безденежьемъ. Въ этомъ ничего новаго, конечно, нѣтъ; но вотъ въ чемъ новое: при страшномъ, хроническомъ безденежьѣ, земство наше поступаетъ точно такъ же, какъ поступали въ старые годы богатые, но раззорившіеся въ Петербургѣ помѣщики, переѣхавшіе изъ столицы въ деревню подъ предлогомъ устройства своихъ дѣлъ. Въ карманѣ у богатаго помѣщика давно уже, какъ говорится, *вѣтеръ свищетъ*, долговъ и даже процентовъ онъ давно ужь никому, бывало, не платитъ, но за то аккуратно выдаетъ отъ себя постоянное жалованье исправнику и становымъ, чтобы задерживали всѣми мѣрами опись имѣнія, а самъ въ то же время задаетъ въ деревнѣ балы и обѣды съ музыкой для сотни гостей и постоянно изобрѣтаетъ какія-нибудь новыя издержки, на совершенно новыя, разумѣется, высшія потребности, о которыхъ никому другому даже въ голову-то прійти не можетъ.

Точно такъ же, по той же системѣ, дѣйствуетъ и земство, въ особенности въ послѣдніе два, три года. Постоянно плачется оно, какъ помѣщица Коробочка, на скудость свою и недостатки. Изъ своихъ домашнихъ расходовъ *обязательными*, то-есть неизбѣжными, признаетъ только лишь жалованье управскимъ членамъ, предоставляя все прочее—какъ-то: народное

Digitized by Google

здравіе, продовольствіе и проч.—на волю Божію; а между тѣмъ, въ то же время, придумываетъ новые расходы, иной разъ очень крупные, просто такъ себѣ, зря, здорово живешь: я де такъ хочу—здраву моему не препятствуй!

Если неопытный человѣкъ заглянетъ въ журналы управъ и земскихъ собраній, то ему эти самодурные расходы могутъ показаться съ перваго раза вовсе нелишними. Въ постановленіяхъ постоянно пишется, что они (ненужные расходы) утверждаются «съ отнесеніемъ ихъ на счетъ *свободныхъ остатковъ* земскаго сбора», на счетъ «*совершенно свободныхъ рессурсовъ*»; но стоитъ только немножко подумать: какіе же могутъ быть совершенно свободные остатки или рессурсы у нищаго? Видимое дѣло, что земство въ этомъ случаѣ просто обезьянничаетъ: оно буквально подражаетъ нашему финансовому вѣдомству, у котораго постоянно по счетамъ оказывается множество какихъ-то «совершенно свободныхъ остатковъ» и «совершенно свободныхъ рессурсовъ», хотя каждому извѣстно, что̀ значитъ эта совершенная свобода! «Совершенно свободные остатки» всего удобнѣе пояснить примѣромъ опять-таки изъ старо-помѣщичьяго быта. Бывало, помѣщикъ собирается ѣхать въ Парижъ или Ниццу, съ этой цѣлью продаетъ хлѣбъ на корню и закладываетъ одно изъ имѣній, или, кстати, всѣ. На поѣздку ему требуется всего 10 тысячъ, а онъ получаетъ въ заемъ подъ закладъ 40; вотъ у него, такимъ образомъ, и образуется 30 тысячъ «*совершенно свободныхъ рессурсовъ*», которые не грѣхъ и промотать, потому что—«все равно ужь»!

Какъ видите, у насъ покуда еще все основано на подражаніи старымъ помѣщичьимъ обычаямъ.

Ростовскому земскому собранію (Ярославск. губ., см. «Ярослав. Вѣд.») очень жаль стало своихъ присяжныхъ засѣдателей, и вотъ оно приняло къ разсмотрѣнію докладъ управы, въ которомъ предполагалось каждому засѣдателю выдавать въ сутки по полтиннику, или по три четвертака [1]. Уѣздные гласные, не отвергая этой мѣры, *поставлены были только въ нѣкоторое затрудненіе при опредѣленіи цифры вознагражденія*. Наконецъ большинствомъ 17-ти голосовъ противъ 8-ми постановлено выдавать присяжнымъ засѣдателямъ по 50 к. въ сутки, *съ отнесеніемъ этого расхода на счетъ свободныхъ остатковъ земскаго сбора*.

---

[1] Разумѣется, въ виду имѣлись только бѣдные засѣдатели, но у насъ это все равно: если положатъ бѣднымъ, то возьмутъ и богатые подъ видомъ бѣдности, съ тою только разницею, что богатый возьметъ деньги и куда нибудь ихъ пожертвуетъ, чтобы не дорогимъ способомъ прослыть благодѣтелемъ. Подобный случай былъ въ одномъ изъ уѣздовъ Казанской губ. въ первомъ году существованія земства. Положили небогатымъ губернскимъ гласнымъ выдать по 60 руб. на поѣздку въ Казань, но отъ пособія не отказался никто: въ томъ числѣ два богатые купца—хлѣботорговцы и одинъ князь, далеко не совсѣмъ еще разорившійся.

Digitized by Google

Въ чемъ не могло быть никакого затрудненія (сколько дать: *два* или *три* четвертака? Да развѣ это не все равно!)—въ томъ оно встрѣтилось, а гдѣ дѣйствительно было громадное затрудненіе, тамъ его никто и не замѣтилъ! Ну, какіе это «свободные остатки земскаго сбора»? спросилъ бы кто-нибудь у глубокомысленныхъ членовъ управы. Вѣдь больницъ въ Ростовскомъ уѣздѣ навѣрное нѣтъ, кромѣ, разумѣется, городской, лекарей тоже, кромѣ, вѣроятно, одного, городского или двоихъ, изъ которыхъ одинъ собственно никого и не лечитъ, а только потрошитъ по уѣзду опившихся и удавившихся, а если и есть, то такіе фельдшера-операторы, которые въ нетрезвомъ видѣ рѣжутъ изъ озорства ступни ногъ у бабъ, какъ это было въ Наровчатскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи. Школъ порядочныхъ тоже вѣдь нѣтъ? Дорогъ сносныхъ конечно нѣтъ; хлѣба въ запасныхъ магазинахъ, вѣроятно, тоже; какіе же это «свободные остатки»?

Въ Серпуховскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, земство придумало тоже новый, очень остроумный расходъ, который не всякому пришелъ бы въ голову: нужна особенная способность. По закону, судебнымъ приставамъ при съѣздахъ идетъ вознагражденіе отъ частныхъ лицъ, преимущественно отъ неисправныхъ плательщиковъ по рѣшеніямъ суда. Собраніе пожалѣло неисправныхъ плательщиковъ, освободило ихъ отъ непріятныхъ расходовъ, а прибавило, взамѣнъ этихъ денегъ, изъ земскаго сбора, тоже конечно «изъ свободныхъ остатковъ», по 300 руб. каждому приставу. Результатъ этой мѣры былъ такой (см. «Русск. Вѣд.»): «Теперь у насъ, пишетъ корреспондентъ, по каждому пустѣйшему дѣлу приставу приходится почти всегда производить опись имущества и назначать продажу. Отвѣтчикъ, зная, что ему не придется платить приставу за его дѣйствія, преспокойно выжидаетъ, пока тотъ выполнитъ всю процедуру, и только въ назначенный для продажи день представляетъ взыскиваемыя съ него деньги. Изъ этого выходитъ, что наше земство предоставило отвѣтчикамъ просто на просто возможность безнаказанно издѣваться надъ безполезнымъ трудомъ приставовъ и заставлять ихъ попусту тратить время, которое имъ теперь особенно дорого».

То же мягкосердечное къ лѣнивымъ плательщикамъ, но не совсѣмъ разсчетливое серпуховское земство устроило еще такую аферу: задумало оно вдругъ открыть въ городѣ свою земскую аптеку (хотя въ Серпуховѣ съ незапамятныхъ временъ существовало уже двѣ частныя, очень хорошія аптеки и одна изъ нихъ отпускала земству лекарства со скидкою 50%). Съ этою цѣлью нанятъ немедленно провизоръ съ жалованьемъ 75 руб. въ мѣсяцъ; это жалованье аккуратно и выдается ему управою съ февраля; между тѣмъ только въ сентябрѣ появилась надъ помѣщеніемъ аптеки вывѣска съ золотымъ орломъ и съ над-

Digitized by Google

письмо: «Земская аптека», и только 27-го числа послѣдовало открытіе самой аптеки.

Зачѣмъ серпуховскіе земцы открыли свою собственную аптеку въ такомъ городѣ, въ которомъ существуетъ ихъ уже двѣ и одна отпускала по половинной цѣнѣ—рѣшить это дѣйствительно нелегко; но само собраніе, какъ видно, было очень довольно своими необъяснимыми поступками. Корреспондентъ пишетъ: «Бо́льшая часть дѣйствій собранія на этотъ разъ состояла въ изъявленіи благодарности своимъ сочленамъ за ихъ какіе-то неусыпные труды и невидимую пользу, принесенную земству; въ постановленіи собранія опредѣлено даже ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ о наградѣ одного изъ гласныхъ за его безпримѣрныя заслуги земству».

Замѣчательно, что собраніе это состояло всего изъ *троихъ* гласныхъ отъ *землевладѣльцевъ*, а остальные всѣ были изъ *священниковъ* и *крестьянъ*: первыхъ 5 и вторыхъ 8.

Въ придумываніи новыхъ, ненужныхъ расходовъ между управами и собраніями конкуренція возникла страшная, но мы упомянемъ только о нѣкоторыхъ, такъ-какъ на всѣхъ не хватило бы мѣста.

Балахнинскій предсѣдатель (Нижегородск. губ.) предложилъ увеличить количество мировыхъ судей въ уѣздѣ. Судья-докладчикъ, разъясняя подробности, объявилъ гг. гласнымъ, что однимъ судьей Балахнинскаго уѣзда рѣшено въ годъ 900 дѣлъ, другимъ 400, а третьимъ всего 200 съ чѣмъ-то. Повидимому, докладчикъ клонилъ въ ту сторону, чтобы убавить количество судей, которымъ нечего совсѣмъ дѣлать (ну, не смѣшно-ли: 200 дѣлъ въ годъ, да еще какихъ? «Вы выбили ему зубъ?» вѣжливо спрашиваетъ судья плечистаго отвѣтчика. «Точно такъ-съ!» «Совѣтую вамъ помириться»... «Слушаю, ваше вер-діе!»—вотъ и все *дѣло*!) Предсѣдатель, напротивъ, предложилъ увеличить ихъ число, съ чѣмъ собраніе вполнѣ съ нимъ согласилось.

Но когда дѣло дошло до содержанія новому судьѣ, вышло маленькое недоразумѣніе: большинство гласныхъ, узнавъ, что изъ отпускаемыхъ на жалованье судьямъ 6 т. руб. нечего взять на долю четвертаго, — начало пятиться назадъ и объявило, что лишняго судьи не нужно, достаточно и существующихъ. Предсѣдатель возразилъ, что постановленіе, разъ состоявшееся, можетъ быть отмѣнено лишь единогласно. «Стало быть отступать не велятъ. Дѣлать было нечего; скрѣпя сердце балахнинское земство должно будетъ на лишняго судью *прибавить еще двѣ тысячи изъ кармана*. Изъ какихъ источниковъ вытекала надобность въ четвертомъ судьѣ, осталось впрочемъ все-таки въ сущности не разгаданнымъ. Ясно было, что *гласнымъ его было не нужно*; *нуждались въ немъ только судьи*, подписавшіе постановленіе, внесенное на собраніе. Но для чего понадобился новый товарищъ и имъ—тоже вопросъ. Должно быть, судьи че-

Digitized by Google

резчуръ глубокомысленны или мало способны, что имъ троимъ тягостно рѣшить въ годъ около двухъ тысячъ дѣлъ».

Такъ разсуждаетъ балахнинскій корреспондентъ («Соврем. Изв.»), но разсуждаетъ совершенно напрасно. Совсѣмъ не въ томъ дѣло, нуженъ или не нуженъ четвертый судья. Изъ статистическихъ данныхъ ясно было, что даже трехъ судей слишкомъ много; здѣсь просто на просто шла рѣчь объ изобрѣтеніи во что бы то ни стало *новыхъ источниковъ расходовъ*, такъ-какъ бо́льшая часть земскихъ управъ помѣшана на томъ, что у нихъ есть какіе-то неистощимые, совершенно свободные остатки и рессурсы, которые нужно куда бы то ни было, но непремѣнно истратить.

То же стремленіе замѣчается не только въ уѣздныхъ, но и на губернскихъ собраніяхъ; только тамъ напрасныя эти траты прикрываются цѣлями болѣе благовидными и крупными, такъ что издали всѣ такого рода постановленія кажутся какъ будто совсѣмъ приличными. Тамъ все больше заботятся о народномъ образованіи, о желѣзныхъ путяхъ сообщенія, о монументахъ разнымъ великимъ людямъ, которые всѣ подрядъ зовутся *земскими*, хотя бы въ сущности они были просто музыканты или пѣвцы придворнаго вѣдомства, каковъ былъ, напримѣръ, Гаврила Романовичъ Державинъ. На губернскихъ собраніяхъ вопросы о ненужныхъ издержкахъ ставятся несравненно искуснѣе чѣмъ на уѣздныхъ, гдѣ предсѣдатели нерѣдко пользуются просто неловкостью мужиковъ-гласныхъ. Иной разъ предсѣдатель, безъ предварительныхъ разъясненій, вдругъ заявляетъ: «*нежелающіе пусть встанутъ, а желающіе пусть сидятъ*!» Неопытные мужики думаютъ, что рѣчь идетъ лишь о желаніи стоять или сидѣть, а потому сидятъ спокойно, потому что сидѣть все-таки удобнѣе, нежели стоять; но послѣ оказывается, что они этимъ самымъ сидѣньемъ окончательно и безвозвратно ужь присоединились къ предсѣдательской партіи.

На губернскихъ собраніяхъ всѣ гг. гласные на столько образованы, что ихъ однимъ только сидѣньемъ ужь не надуешь, а потому тамъ требуются рѣчи, болѣе или менѣе хитрыя и уклончивыя.

Захотѣлось, напримѣръ, предводительской партіи завести въ губернскомъ городѣ женскую гимназію, или классическую прогимназію, чтобы получить за отмѣнную дѣятельность благодарность высшаго начальства, — вотъ и приступаютъ они къ выполненію этого плана по слѣдующей, давно уже готовой, программѣ. Предсѣдатель начинаетъ на земскомъ собраніи рѣчь — вовсе не о народномъ образованіи, которое мало кого занимаетъ, а о какомъ-нибудь другомъ предметѣ, общеинтересномъ, напр., о частыхъ пожарахъ по деревнямъ, причемъ и помѣщичьи усадьбы подвергаются не малой опасности. «При скученныхъ постройкахъ съ соломенными крышами и глубокомъ невѣжествѣ нашихъ крестьянъ — говоритъ

Digitized by Google

предсѣдатель—невозможно, милостивые государи, ожидать, чтобы земское страхованіе двигалось слишкомъ быстрыми шагами по пути къ прогрессу. Наблюденіе за подробностями и деталями относится уже къ обязанностямъ администраціи, а намъ, мм. гг., должна принадлежать лишь инициатива, такъ-сказать, принципъ: по моему мнѣнію земство обязано прежде всего неотлагательно озаботиться образованіемъ населенія!»

Почти въ этой формѣ выражено было подобное предложеніе на пензенскомъ земскомъ собраніи въ 1869 году и, вѣроятно, благодаря такому предложенію, въ городѣ Пензѣ основалась на земскій счетъ женская гимназія, разумѣется, для дочерей и племянницъ не очень богатыхъ дворянъ, чиновниковъ и пр., на которую невѣжественные пензенскіе крестьяне принуждены и въ настоящее время платить бо́льшую часть 4 тысячъ 500 рублей, внесенныхъ въ земскую смѣту на гимназію.

Какимъ именно манеромъ могутъ угомониться пожары въ соломенныхъ мужицкихъ деревняхъ, если пензенскіе чиновничьи барышни начнутъ бѣгать съ книжками въ гимназію—объ этомъ на собраніи, разумѣется, рѣчи не подымали, какъ о предметѣ неподходящемъ; но, тѣмъ не менѣе, желаніе извѣстной партіи увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, точно также, какъ увѣнчалось оно успѣхомъ и въ другихъ мѣстахъ нашей обширной имперіи. Такъ, напримѣръ, уже въ нынѣшнемъ году изюмское уѣздное (Харьковской губерніи) земское собраніе постановило ходатайствовать объ учрежденіи въ г. Изюмѣ полуклассической гимназіи. На содержаніе этой гимназіи предложено установить налогъ по 2 копейки съ десятины земли, вѣроятно, съ двумя древними языками, потому что на одинъ заглаза достаточно было бы и одной копейки, съ соотвѣтственнымъ обложеніемъ и другихъ предметовъ, причемъ уѣздной управѣ поручено составить проектъ педагогическихъ при гимназіи курсовъ. Для полнаго же обезпеченія гимназіи, земское собраніе признало необходимымъ расходъ на этотъ предметъ *отнести къ числу обязательныхъ расходовъ*, съ тѣмъ чтобы закрытіе гимназіи могло состояться не иначе, какъ по распоряженію правительства.

Читателю самому очень хорошо извѣстно, что мы подбираемъ не отдѣльные какіе-нибудь, рѣдкіе случаи, которые могли бы назваться исключительными. О полныхъ классическихъ и полуклассическихъ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ хлопотали уже очень многія земства (напр. въ Екатеринославской, Смоленской и мн. др. губерніяхъ), и если до сей поры хлопотали еще не всѣ, то въ этомъ нужно видѣть просто какое-то недоразумѣніе. Вѣроятно въ нѣкоторыхъ губерніяхъ народъ буквально ужь издыхалъ съ голоду и не совсѣмъ искусные земскіе ораторы не съумѣли наглядно разъяснить довѣрчивымъ гласнымъ, какимъ образомъ классическія гимназіи, про-

Digitized by Google

гимназіи и всѣ эти распрогимназіи могутъ спасти мужиковъ отъ голодной смерти.

За то въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не хватаетъ еще смѣлости озорничать надъ мужиками классическими прогимназіями—тамъ мужицкія денежки все-таки идутъ въ изрядномъ количествѣ опять-таки на школы, по названію народныя, но въ сущности такія, которыхъ вовсе и нѣтъ. Школы эти, именуемыя приходскими, существуютъ только въ отчетахъ духовенства и нѣкоторую пользу приносятъ лишь попамъ да дьяконамъ, изображая собою «малую бородавку—небольшую къ носу прибавку». Положимъ, приходскія школы доходъ духовенству приносятъ не особенно крупный, но такъ-какъ онѣ и времени отнимаютъ очень немного (потому что ихъ нѣтъ), то праздные педагоги довольны и малымъ, выражая свое довольство поговоркой: «небольшой каменный домъ все-таки лучше, чѣмъ большая каменная болѣзнь». И они правы: безъ сомнѣнія—лучше!

Впрочемъ, не всегда и не вездѣ школы эти обходятся очень дешево: въ Самарской губерніи, въ Новоузенскомъ уѣздѣ, наприм., тратится на нихъ до 40 тысячъ рублей въ годъ, хотя, къ сожалѣнію, о блестящихъ результатахъ ничего какъ-то не слышно. Въ 1870 году объ этихъ школахъ докладывалъ собранію самъ членъ училищнаго совѣта, священникъ Востоковъ и, по его словамъ, учителя въ школахъ тамъ сдѣлались всѣ безъ исключенія превосходными съ той поры, какъ имъ прибавили жалованье, но за то ученики плохи—очень лѣниво посѣщаютъ прекрасныя школы.

По объясненію отца Востокова, школы въ Новоузенскомъ уѣздѣ особенно быстро стали улучшаться со времени назначенія земствомъ обезпеченнаго содержанія учителямъ по 300 р. въ годъ. «*Составъ учителей въ уѣздѣ, за немногими исключеніями, не оставляетъ ничего желать. Между тѣмъ, дѣло народнаго образованія встрѣчаетъ большія препятствія въ средѣ самихъ крестьянъ, къ которымъ еще не проникло сознаніе пользы и необходимости образованія дѣтей*, отчего дѣти очень часто отвлекаются родителями отъ ученья для домашнихъ и полевыхъ работъ и вообще посѣщаютъ школы неаккуратно».

Мы до сихъ поръ думали, что лучшей и даже единственной рекомендаціей школы можетъ служить лишь то обстоятельство, когда ученики охотно ее посѣщаютъ, а отцы, прозрѣвшіе нѣкій толкъ въ школѣ, охотно въ нее посылаютъ дѣтей,—но по отчету отца Востокова выходитъ совсѣмъ наоборотъ. Ему лично новоузенскія школы очень нравятся; жалованье, отпущенное земствомъ учителямъ и законоучителямъ, тоже, какъ видно, нравится этимъ послѣднимъ, но за то онѣ не нравятся ни родителямъ, ни ученикамъ, такъ что собраніе, по настоянію отца Востокова, принуждено было предпринять слѣдующія энергическія мѣры: 1) *просить мировыхъ посредниковъ* внушать крестьянамъ пользу обученія дѣтей, неудобства отвлеченія ихъ

Digitized by Google

отъ школы для домашнихъ работъ и необходимость одновременнаго поступленія ихъ въ школы; 2) по возможности, *поощрять усердіе и успѣхи учителей и законоучителей наградами* и т. п. Всего 8 мѣръ, и изъ нихъ послѣднія: 7) *просить мировыхъ посредниковъ* оказать содѣйствіе къ устройству обществами помѣщеній для школъ, и 8) принять нѣкоторыя церковно-приходскія школы въ вѣдѣніе земства, *и обезпечить ихъ наравнѣ съ земскими школами.*

Мы не имѣемъ никакихъ основаній не вѣрить почтенному отцу Востокову, члену училищнаго совѣта, но онъ самъ составилъ свой отчетъ такимъ образомъ, что невольно въ людяхъ, незнакомыхъ съ Новоузенскимъ уѣздомъ, возникаетъ сомнѣніе. 1) Если школы дѣйствительно хороши, то почему же родители учениковъ и ученики бѣгутъ отъ нихъ? Въ Новоузенскомъ уѣздѣ на школы могутъ, если желаютъ, тратить денегъ больше, нежели въ другихъ мѣстностяхъ. Въ условіяхъ этого рода можетъ быть допущено большое разнообразіе; но вѣдь *общія*-то условія неизбѣжно должны быть одинаковы для всей Россіи. Общее для всей Россіи правило: мужики ненавидятъ негодныя школы, какъ ненавидятъ и всякое другое бѣдствіе, какъ напримѣръ, хлѣбныхъ червей, мышей, волковъ, рекрутскіе наборы, воинскіе постои и проч. и проч.; но, какъ скоро замѣчаютъ отъ школы толкъ, то охотно начинаютъ ею пользоваться, потому что русскій мужикъ совсѣмъ не врагъ грамотности. Изъ этого ясно, что въ Новоузенскомъ уѣздѣ школы еще не годны, хотя онѣ и могутъ нравиться отцу Востокову, учителямъ и законоучителямъ, получающимъ хорошее жалованье. Впрочемъ, опять таки сомнительно: хорошее-ли, полно? Отецъ Востоковъ на собраніи усердно хлопоталъ объ его увеличеніи различными наградами и «поощреніями»; а зачѣмъ же было и увеличивать, если оно достаточно велико? 2) Если школы въ Новоузенскомъ уѣздѣ находятся въ блестящемъ положеніи и уѣздное земство въ состояніи на нихъ тратить до 40 тысячъ рублей въ годъ, то зачѣмъ же было, для поддержанія этихъ прочныхъ, блестящихъ школъ обращаться къ такимъ сомнительнымъ, дряннымъ мѣрамъ, каковы напр.: 1) «*просить мировыхъ посредниковъ внушать крестьянамъ*»... и 7.я «*просить мировыхъ посредниковъ оказать содѣйствіе?*»... Такія нищенскія, ни къ чему не пригодныя мѣры позволительно примѣнять къ дѣлу, для очищенія совѣсти, не богачамъ-новоузенцамъ, хладнокровно растрачивающимъ на жалованье учителямъ по сорока тысячъ, а какому-нибудь нищенскому же уѣзду, въ родѣ напр. Симбирскаго, который года два тому назадъ на образованіе всего-то на все отвалилъ только рублей сорокъ, помнится!, или бѣдненькой Владимірской губерніи, которая на просвѣщеніе полутора-милліоннаго населенія тратитъ по 600 рублей въ годъ, т.-е. *по четверти мордочки въ годъ на человѣка.* Просить мировыхъ посредни-

Digitized by Google

ковъ совсѣмъ не къ чему. Эту мѣру могутъ примѣнять только лишь тѣ, которые ровно ничего не сдѣлали, а между тѣмъ хотятъ показать, будто и они что-то такое сдѣлали: мы де распорядились «*просить мировыхъ посредниковъ внушать*» и т. п. Подобныя дрянненькія мѣры служатъ только къ поддержкѣ мировыхъ посредниковъ, которые во многихъ мѣстахъ (напр. въ Сапожковскомъ уѣздѣ, Рязанской губ.) сами уже считаютъ себя людьми совсѣмъ ненужными и ходатайствовали даже (хотя и безъ успѣха) о самоистребленіи.

Наконецъ еще, послѣднее сомнѣніе въ доброкачественности драгоцѣнныхъ новоузенскихъ школъ: о положеніи ихъ сообщаетъ членъ училищнаго совѣта, а между тѣмъ, къ сожалѣнію, большинство уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ успѣло себя зарекомендовать не совсѣмъ-таки выгодно. Не вѣрить члену училищнаго совѣта, разумѣется, нѣтъ никакого основанія, но вѣдь точно также нѣтъ никакихъ основаній не вѣрить и предсѣдателю земской управы, когда онъ читаетъ отчетъ объ израсходованныхъ суммахъ на мосты, гати, наемъ лошадей и проч. Обоимъ имъ нужно вѣрить, но предварительно все-таки обоихъ не худо *провѣрить:* не увлекаются ли они? Вотъ, наприм., какія свѣдѣнія мы получили о дѣятельности гг. членовъ елецкаго училищнаго совѣта Орловской гтберніи [1]:

«Надзоръ за народными школами—говорится въ журналѣ—по распоряженію правительства, принадлежитъ училищному совѣту, но несмотря на то, что онъ существуетъ уже два года, дѣятельность гг. членовъ онаго ничѣмъ не отозвалась на училищахъ, кромѣ только распредѣленія между членами всѣхъ училищъ на участки для обзора, *но обзора этого въ дѣйствительности*, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ году, *никто изъ гг. членовъ не дѣлалъ*, исключая одного члена отъ земства, священника Алексѣя Звягинцева.—Впрочемъ, управѣ извѣстно, что и протоіерей Шубинъ обозрѣвалъ училища однихъ государственныхъ крестьянъ, и то не по предложенію совѣта, а по особому предписанію епархіальнаго архіерея, но какъ обзоръ этотъ произведенъ былъ имъ въ лѣтнее, не учебное время и во многихъ мѣстахъ *ограничивался однимъ только взглядомъ лишь на училищныя зданія, а потому и имѣлъ весьма малое отношеніе къ дѣлу народнаго образованія*. При такомъ безконтрольномъ положеніи училищъ, очевидно легко могутъ быть терпимы на должности учителей люди или неспособные, или недобросовѣстные, которые, разумѣется, болѣе вредятъ нежели помогаютъ дѣлу народнаго образованія; съ другой стороны, легко можетъ быть и то, что и добросовѣстные учителя, не видя одобренія и поощренія ихъ дѣятельности, становятся равнодушны къ своимъ обязанностямъ и бросая прежнюю энергію, не обращаютъ должнаго вниманія на учащихся». А во

[1] Журналъ елецкаго земскаго собранія за прошедшій годъ.

Digitized by Google

Владимірской губерніи даже самъ членъ совѣта, фонъ-Бахъ заявилъ, что отчеты училищныхъ совѣтовъ правды въ себѣ не заключаютъ. Считая службу членовъ совершенно безполезною, фонъ-Бахъ просился даже въ отставку, потому что стыдно служить!

На основаніи всѣхъ изложенныхъ данныхъ мы, до той поры, пока кто не убѣдитъ насъ въ противномъ, причисляемъ и сорока-тысячный новоузенскій расходъ (впрочемъ, не весь) къ разряду тѣхъ земскихъ расходовъ, о которыхъ говоримъ, т.-е. къ разряду «не совсѣмъ производительныхъ».

Къ этой категоріи земскихъ расходовъ иногда причисляются такіе ужь оригинальные, что даже невзыскательныя собранія отъ изумленія начинаютъ разводить руками и бракуютъ управскіе доклады, что̀ случается, впрочемъ, весьма рѣдко. Симбирскій корреспондентъ «Совр. Изв.» увѣряетъ, наприм., будто симбирская управа на послѣднемъ собраніи, въ числѣ многихъ статей расходовъ, показала сумму, отпущенную на прогоны одному изъ своихъ членовъ, получающему 2 т. жалованья, *употребленные будто бы имъ при разъѣздахъ по городу, для присмотра за работами, производившимися въ больницѣ и на Волжскомъ спускѣ;* но такъ-какъ городъ Симбирскъ можно изъ конца въ конецъ пройти въ какую нибудь четверть часа, то собраніе не признало этотъ расходъ правильнымъ и положило деньги эти взыскать съ охотника до почтовой ѣзды по городу.

Несравненно болѣе вредное вліяніе оказываетъ на благосостояніе народа неудержимая и неукротимая страсть нашихъ земскихъ дѣятелей къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ровно никакихъ путей не было, откуда ѣздить некому и возить нечего. Наши земскіе дѣятели убѣждены, что стоитъ только соединить два какихъ бы то ни было пункта (напр. два уѣздныхъ города, которые не производятъ ровно ничего, кромѣ дѣтей мелкихъ чиновниковъ и нищихъ-мѣщанъ) желѣзной дорогой—и пункты эти тотчасъ же обогатятся, а пустынная мѣстность вразъ оплодотворится. Какъ, бывало, послушаешь разсужденій нашихъ земскихъ дѣятелей о желѣзныхъ дорогахъ, то поневолѣ ротъ разинешь: откуда что̀ у нихъ берется только! По своей и по сосѣднимъ губерніямъ хоть шаромъ покати, мужикамъ ѣсть нечего, а они-то высчитываютъ себѣ по пальцамъ, сколько каждый мужикъ провезетъ по будущей дорогѣ въ годъ грузу, хотя никто и вообразить себѣ не можетъ, что̀ такое именно мужикъ повезетъ? «Вотъ, говорятъ, по этой степи, параллельно съ такой-то судоходной рѣкой, желѣзная дорога пройдетъ 300 верстъ; по этой трущобѣ полтораста; жителей въ этой мѣстности мало-мало 20 тысячъ душъ мужскаго пола, да столько же женскаго. Если теперь предположить, что каждый мужикъ въ теченіе года по желѣзной дорогѣ куда-нибудь и чего-нибудь свезетъ

Digitized by Google

20 пудовъ, а каждая баба по десяти, то одно только мѣстное населеніе отправитъ по дорогѣ 600 тысячъ пудовъ; въ дѣйствительности же несравненно больше». И такихъ, неосновательныхъ разсчетовъ бываетъ иной разъ вполнѣ достаточно для того, чтобы земское собраніе *единогласно* рѣшилось ассигновать изъ своихъ *совершенно свободныхъ* остатковъ и рессурсовъ тысячъ 20—30 *на изысканія*, а потомъ нѣсколько сотъ тысячъ *на гарантію*. При этомъ кстати, разумѣется, утверждаются и нѣкоторые другіе расходы: на устрицъ и шампанское земскимъ депутатамъ, отправляемымъ въ Петербургъ со спеціальной цѣлью—угощать людей нужныхъ и, такъ-какъ это угощеніе производится вразъ пятью или шестью депутатами, то устричный земскій расходъ оказывается вовсе не маленькимъ — рублей по 500 minimum въ мѣсяцъ на брата. Эти неопредѣленные устричные расходы, въ отличіе отъ другихъ необязательныхъ земскихъ расходовъ, называются «безотчетными издержками». Само собою разумѣется, что въ желѣзные депутаты стараются выбрать людей, отлично знающихъ толкъ въ устрицахъ и, вообще, въ тонкихъ блюдахъ; людей съ желѣзнымъ желудкомъ, которые могутъ съѣсть за одинъ присѣстъ, во всякое время дня и ночи, сколько угодно; однимъ словомъ, настоящихъ гастрономовъ-спеціалистовъ, которые на губернскихъ собраніяхъ всегда находятся въ достаточномъ количествѣ. Ихъ даже несравненно больше тамъ, чѣмъ лицъ, окончившихъ курсъ въ университетахъ. Эти устричные или безотчетные земскіе расходы и гарантіи составятъ сумму вовсе не ничтожную, если ихъ сложить всѣ вмѣстѣ: вѣроятно впятеро-вшестеро больше, чѣмъ расходъ на мужскія и женскія классическія прогимназіи, гимназіи, присяжныхъ засѣдателей, судебныхъ приставовъ и проч. и проч. Симбирское земское собраніе, напримѣръ, внесло въ смѣту 1870 года (разумѣется, не на устрицъ, а на изысканіе линіи желѣзной дороги) 30,015 рублей, да еще потребовалось дополненіе къ этой, единовременно назначенной суммѣ. Сумма эта, какъ замѣтно изъ журналовъ собранія, показалась и ему самому обременительною, потому что тамъ говорится слѣдующее:

«Внося, въ силу означеннаго постановленія, въ смѣту этотъ расходъ, губернская управа, *въ виду обремененія имъ смѣты, въ особенности при нехорошихъ урожаяхъ послѣднихъ лѣтъ*, обратила здѣсь вниманіе собранія на то: вопервыхъ, что затрата земства на изысканіе линіи желѣзной дороги, *въ случаѣ дарованія на эту* дорогу концессіи, будетъ возвращена земству сполна, а слѣдовательно сборъ на ея пополненіе лучше отложить до того времени, когда, *въ случаѣ отказа* въ концессіи, онъ окажется неизбѣжнымъ; вовторыхъ, что недостатокъ наличныхъ суммъ губернскаго сбора, произведенный отпускомъ 30,015 р. на изысканіе линіи желѣзной дороги, могъ бы временно быть покрытъ изъ суммы до 40,000 р., отдѣленной гу-

Digitized by Google

бернскимъ земскимъ собраніемъ въ запасный дорожный капиталъ, при томъ, конечно, условіи, что это временное позаимствованіе будетъ пополнено или возвратомъ отъ строителей желѣзной дороги, *когда будетъ дана концессія*, или, въ противномъ случаѣ, *особымъ сборомъ на это по смѣтѣ*.. Въ настоящее же время губернская управа полагала этотъ расходъ изъ смѣты исключить».

Впрочемъ, «нехорошіе урожаи послѣднихъ лѣтъ» не только не останавливаютъ земства другихъ губерній отъ желѣзнодорожныхъ изысканій, но, наоборотъ, поощряютъ даже. Такъ предсѣдатель черниговской губернской управы, въ виду бѣдственнаго положенія крестьянъ Суражскаго и Мглинскаго уѣздовъ, предложилъ-было собранію предпринять рѣшительныя мѣры и указалъ, какія именно, но предсѣдателю земскаго собранія мѣры эти до такой степени не понравились, что онъ собственною властію прекратилъ непріятныя для себя пренія. Управа съ предсѣдателемъ немедленно вышла въ отставку (впрочемъ, не всѣ члены), а для обезпеченія голодныхъ мужиковъ начали придумывать разныя мѣры и, наконецъ, съ особеннымъ удовольствіемъ остановились на «ходатайствѣ предъ правительствомъ объ уклоненіи чрезъ голодающіе уѣзды желѣзнаго пути», который, по сдѣланнымъ изысканіямъ, долженъ пройти изъ Роменъ или Конотопа чрезъ Гомель и Минскъ къ Вильно или Ландварову. Когда-то разрѣшатъ это пресловутое уклоненіе, замѣчаетъ корреспондентъ, а крестьяне жди манны земской. Къ тому же, едва-ли это уклоненіе будетъ допущено, да если и будетъ разрѣшено, то все-таки не насытитъ алчущихъ, и будетъ, слѣдовательно, безполезною потерею капиталовъ и для мѣстности, и вообще для промышленности».

Здѣсь, значитъ, совершилось именно то, что нѣсколько выше высказано у насъ въ общихъ словахъ на счетъ характера дѣятельности нашего земства. У крестьянъ деревня сгоритъ до тла и имъ голову приклонить негдѣ, а представители народныхъ интересовъ, служащіе на тысячномъ жалованьѣ, начинаютъ толковать: «Это, молъ, все отъ невѣжества! Нужно основать въ губернскомъ городѣ на земскій счетъ женскую гимназію!» и основываютъ! Крестьяне голодной смертью гибнутъ, а представители ихъ интересовъ начинаютъ «ходатайствовать» объ измѣненіи направленія только что еще проектируемой желѣзной дороги и назначаютъ изъ «совершенно свободнаго продовольственнаго капитала» тысячъ по двадцати, разумѣется «заимообразно» лучшимъ гастрономамъ изъ своей братіи «на безотчетныя издержки по желѣзной дорогѣ». Въ Смоленской губерніи, два года тому назадъ, во время свирѣпствовавшаго тамъ голода, помнится, все это было продѣлано въ точности. Крестьяне требовали хлѣба, а имъ предлагали—даже и не камень, а просто возить камни на желѣзную дорогу, не справляясь, есть-ли у нихъ лошади и въ силахъ-ли съ голодухи

Digitized by Google

тощія клячи ноги передвигать, а мужики править тощими клячами.

Пензенскіе земцы тоже пошли по стопамъ своихъ сосѣдей—симбираковъ, но съ тою только разницею, что у нихъ въ пользу ходатайства о желѣзной дорогѣ пошли тѣ самые доводы, которые въ Симбирскѣ считались какъ-бы задержкой. Симбираки назначили «на изысканія» 30 тысячъ рублей и нашли ихъ не совсѣмъ таки удобными «въ виду обремененія ими смѣты, въ особенности при нехорошихъ урожаяхъ послѣднихъ лѣтъ», а пензяки, наоборотъ, именно голодное-то время и считаютъ самымъ удобнымъ временемъ для изысканій.

При обсужденіи путей сообщенія въ Пензенской губерніи, собраніе, обращаясь къ давно уже возбужденному вопросу о моршанско-пензенской желѣзной дорогѣ, постановило: «Хотя имѣются нѣкоторыя данныя, дающія надежду на осуществленіе насущной для Пензенской губерніи потребности этого рельсоваго пути, но такъ-такъ въ настоящее время исключительное положеніе губерніи, вслѣдствіе неурожая въ 1869 году и плохой надежды на урожай въ будущемъ, обнаружило еще осязательнѣе то бѣдственное состояніе, въ которое поставлена губернія исключеніемъ своимъ изъ района сѣти желѣзныхъ дорогъ, при совершенномъ отсутствіи другихъ правильныхъ путей сообщенія, то ходатайствовать вновь предъ правительствомъ *о безотлагательномъ разрѣшеніи для Пензенской губерніи моршанско-пензенской линіи*, при чемъ скорѣйшее начатіе работъ могло бы дать возможность заработковъ массѣ сельскаго населенія губерніи, изнуренной неурожаемъ настоящаго года, и обезпечить правильность поступленія податныхъ и выкупныхъ платежей».

Изъ этихъ словъ вы, читатель, не можете не замѣтить, что земцы наши смотрятъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, стоющихъ десятки и сотни милліоновъ, какъ на какую-то временную административную мѣру противъ прошлогодняго неурожая! Если правительству удастся, за какіе бы то ни было проценты, добыть заграницей денегъ и оно приступитъ къ постройкѣ такой-то дороги—то, какъ-бы въ награду за это, «изнуренное населеніе губерніи» исправно внесетъ подати въ казну и выкупные платежи помѣщикамъ, а иначе ни казнѣ, ни помѣщикамъ—нѣтъ ничего! Ну, а если дорогу построятъ, но крестьяне все-таки окажутся «изнуренными» и не станутъ вносить ни податей, ни платежей: тогда что? Не пирамиды-ли какія начать на границѣ Киргизскихъ степей?

Что постройка желѣзныхъ дорогъ въ голодной мѣстности не обогащаетъ крестьянъ — это какъ нельзя яснѣе доказала смоленская дорога, на которую гг. смоленскіе дворяне разсчитывали, какъ на манну небесную. Народу, говорятъ, примерло дѣйствительно не мало, но чтобы какая выгода ему досталась—нѣтъ, для этого голодный народъ слишкомъ изнуренъ и бѣ-

Digitized by Google

денъ, а деньга вѣдь деньгу любитъ. Настоящую выгоду получили лишь сотни синихъ длиннополыхъ кафтановъ съ дутыми сапогами, сотни чиновниковъ со свѣтлыми пуговицами и безъ пуговицъ, да потомъ еще какой нибудь Саулъ получилъ тысячи, а Давидъ—тьмы.

Въ послѣднее время о вновь выстроенныхъ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ начали распространяться такіе дурные слухи, что дѣйствительно можно подумать, будто онѣ выстроены съ единственной цѣлью: дать хотя бы на годъ занятіе голоднымъ крестьянамъ и возможность уплатить выкупные платежи. Вотъ, напримѣръ, какъ относится къ тремъ новымъ дорогамъ одинъ провинціальный корреспондентъ: «Проведенныя дороги, отъ которыхъ такъ много ожидало правительство и общество, не только не оправдали этихъ ожданій, но совершенно уничтожили вѣру въ полезность ихъ. Я разумѣю дороги: рыбинско-бологовскую, смоленскую, новоторжскую. Первая, за неимѣніемъ товаровъ, готова прекратить свое движеніе. Второй также нечего возить, за исключеніемъ пассажировъ; да и эти послѣдніе (крестьяне) не всегда рѣшаются ѣздить по ней, такъ-какъ почти всегда рискуютъ простоять на полпути полусутки и болѣе. На послѣдней нѣтъ ни пассажировъ, ни товара, и она, надобно ожидать, въ скоромъ времени кончитъ свое существованіе».

На счетъ смоленской дороги корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣд.» говоритъ еще подробнѣе, разсказывая то, что онъ самъ видѣлъ. «На дняхъ я имѣлъ надобность побывать на торгу,— пишетъ корреспондентъ, — и, ѣдучи туда, обогналъ обозъ съ конопляннымъ масломъ и другими товарами. Зная, что это масло приготовляется большею частію въ Черниговской и Орловской губерніяхъ, и полагая, что этотъ обозъ слѣдуетъ на желѣзную дорогу, я не понималъ, зачѣмъ же они везутъ его въ Смоленскъ, тогда какъ удобнѣе было бы поставить въ Рославлѣ, или Брянскѣ и Карачевѣ, на платформу; но оказалось, что товаръ этотъ везли въ Порѣчье, для сплава въ Ригу, по рѣкамъ Касплѣ и Двинѣ. Это меня крайне удивило, а потому я вновь спросилъ: почему же торговцы не отправляютъ его по желѣзной дорогѣ, а гужомъ за 250 и болѣе верстъ? На это мнѣ отвѣчали: «видно, находятъ невыгоднымъ». Этотъ отвѣтъ, по моему мнѣнію, стоитъ чтобы на него обратили вниманіе, какъ администраціи желѣзныхъ дорогъ, такъ и общество, потому что для чего же у насъ строятся желѣзныя дороги, если товары обходятъ ихъ?»

Вопросъ, дѣйствительно, очень любопытный, но онъ, какъ оказывается, приходитъ въ голову не на одной только смоленской дорогѣ, но и на другихъ, напримѣръ, на кіево-балтской, которая уже успѣла пріобрѣсти себѣ названіе «злосчастной», точно такъ, какъ козловская дорога пріобрѣла себѣ въ самомъ началѣ своего существованія названіе «душегубки».

Digitized by Google

Разсказываютъ, что люди благоразумные предпочитаютъ ѣхать на почтовыхъ, дѣлая по сверной дорогѣ по 500 верстъ кругу, лишь бы миновать злосчастную кіево-балтскую линію, справедливо разсуждая, что лучше разбить себѣ бока въ саняхъ, чѣмъ остаться на вѣкъ калѣкою. Если крайнія обстоятельства заставятъ кого-нибудь ѣхать на югъ, то совѣтуютъ съ Курска ѣхать на Харьковъ, Полтаву, Елисаветградъ и т. д., чтобъ миновать кіево-балтскую дорогу. Случается, что поѣзды сидятъ по недѣли на станціяхъ; мѣсяцъ надо употреблять на проѣздъ отъ Балты до Кіева, такъ что движеніе по желѣзной дорогѣ людямъ съ ограниченными средствами невозможно, а остается лишь обратиться къ первобытному способу передвиженій на долгихъ. Товарнаго движенія уже около двухъ мѣсяцевъ не существуетъ. Разумѣется, главная отвѣтственность за такое положеніе пути падаетъ на строителя: полотно дороги большею частью идетъ безъ насыпи, а если и есть кое-какія, то и тѣ предстоящей весной будутъ смыты. «Не знаемъ, замѣчаетъ корреспондентъ, что̀ стало бы дѣлать правительство въ томъ случаѣ, еслибъ ему пришлось двигать массы войскъ по этой важной, въ стратегическомъ отношеніи, линіи?»

Всѣ эти отрывочныя наблюденія и соображенія очевидцевъ-корреспондентовъ я привожу вовсе не съ цѣлью возстановить кого бы то ни было противъ постройки у насъ желѣзныхъ дорогъ (хотя и убѣжденъ, что желѣзныя дороги, проведенныя по нищенской мѣстности, въ которой некому покупать и нечего продавать — дѣлу не помогаютъ). Я привожу отрывочныя корреспонденціи только лишь затѣмъ, чтобы яснѣе читателю видно было, *какъ* строятся у насъ новыя дороги, имѣющія, можетъ быть, и цѣль совсѣмъ не торговую, а чисто военную, которая съ народнымъ благосостояніемъ имѣетъ очень мало общаго. Прочитавши приведенные отрывки, становится очень понятнымъ, почему голодный народъ и послѣ желѣзно-дорожныхъ земляныхъ работъ остается попрежнему голоднымъ и почему наши обрусѣлые Саулы получаютъ тысячи, Давиды тьмы, а Соломоны самимъ себѣ воздвигаютъ трехъ и четырехъэтажные храмы по всѣмъ большимъ россійскимъ городамъ.

А представители интересовъ нашего земства суются тутъ еще со своими несчастными *гарантіями*, когда земству и самому-то-ѣсть нечего! Пора бы ужь, кажется, опомниться: мало развѣ еще ихъ надували, какъ базарную телятину? Ну, чѣмъ станутъ выплачивать гарантію, если приведется? Да чуть ли ужь и не пришлось кому-то? И какіе-такіе это нашлись свободные капиталы у нашего земства, у котораго, кромѣ гнилыхъ мостовъ, убійственныхъ дорогъ, душегубныхъ рѣчныхъ переправъ, да угарныхъ арестантскихъ помѣщеній ничего болѣе и нѣтъ?

Повидимому, скандалъ харьковскаго земства съ однимъ изъ современныхъ Соломоновъ, г. Поляковымъ (который обѣщалъ было 300 тысячъ, а потомъ наотрѣзъ сказалъ: «ни копеечки

Digitized by Google

не плачу!») огорошилъ-было очень многихъ; но, къ сожалѣнію, опять пущены слухи, по мнѣнію иныхъ «утѣшительные», но, по моему, очень грустные: они заставятъ азартнаго, но струсившаго игрока опять удариться въ игру въ банкъ. Въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ уже заявлено, будто въ Харьковѣ, 23-го января, въ земской управѣ получена телеграмма отъ присяжнаго повѣреннаго Унковскаго о томъ, что петербургская судебная палата, по выслушаніи частной жалобы его по иску земства къ Полякову о трехстахъ тысячахъ руб., постановила: отмѣнивъ рѣшеніе петербургскаго окружнаго суда, искъ земства принять къ разсмотрѣнію.

Дай Богъ, разумѣется, чтобы харьковское земство выиграло; но, съ другой стороны, нечего особенно жалѣть, если и потеряетъ: пусть это хоть другимъ земствамъ послужитъ хорошимъ урокомъ, а то вѣдь посмотрите-ка, что̀ теперь предъ глазами у насъ творится? Слыхали-ли вы хоть что-нибудь о городѣ Кашинѣ и кашинцахъ? Слыхали-ли вы, наконецъ, что̀ именно волнуетъ въ данный моментъ умъ кашинцевъ? Вѣроятно, если и слыхали, то очень немногіе, и очень немногое, а между тѣмъ въ этомъ самомъ городѣ Кашинѣ «вопросъ дня, который волнуетъ въ настоящее время умы—это вопросъ о постройкѣ желѣзно-конной дороги изъ Кашина черезъ Тверь до Ржева по проекту гг. Больмана и Виноградова, представленному въ тверское губернское земское собраніе».

Выгоды въ проектѣ представлены, разумѣется, удивительныя, но кашинцы, какъ видно, тоже себѣ на умѣ. Корреспондентъ замѣчаетъ, что «*къ сожалѣнію, весьма многіе кашинцы смотрятъ на эти выгоды очень недовѣрчиво*. Они находятъ, что количество грузовъ, перевозимыхъ между сказанными городами, *далеко менѣе половины той цифры, которая представлена въ ихъ проектѣ*».

А намъ кажется, нечего и сожалѣть, если умницы-кашинцы смотрятъ съ недовѣріемъ; напротивъ, нужно радоваться. Вотъ скоро проектъ будетъ представленъ на разсмотрѣніе экстреннаго земскаго собранія—тамъ его навѣрное примутъ съ полнѣйшимъ довѣріемъ, и, если въ чемъ-нибудь измѣнятъ, то развѣ только удвоятъ, а не уполовинятъ выставленныя въ немъ цифры. Гг. Больманъ и Виноградовъ желаютъ построить дорогу по цѣнѣ 12,800 р., а всего за 259 в. на сумму 3.315,200 р. При этомъ они предлагаютъ, чтобъ часть суммы, именно 1.700,000 р., была обращена въ облигаціи, гарантированныя земствомъ изъ 5% дохода и 1/10 погашенія, а остальная была въ видѣ негарантированныхъ акцій. При этомъ земство должно исходатайствовать концессію срокомъ на 81 годъ, послѣ утвержденія которой предприниматели, представивъ земству залогъ въ 90 т. руб., будутъ дѣйствовать въ качествѣ его довѣренныхъ. Они будутъ производить за свой счетъ изысканія, и потомъ, составивъ акціонерное общество, выстроятъ дорогу и передадутъ въ вѣдѣніе этого общества, которое будетъ управ-

Digitized by Google

лить ею подъ непосредственнымъ наблюденіемъ земства; земству предоставляется имѣть своего представителя въ числѣ лицъ, управляющихъ дорогой. За гарантію, которая требуется отъ земства, ему предоставляются, разумѣется, большія права и выгоды, но только съ той поры, когда по дорогѣ начнутъ уже ѣздить, и только въ томъ случаѣ, если кашинцы не станутъ возить свое конопляное масло и другіе товары окольными дорогами, какъ дѣлается это на только что отстроенной смоленской. Изъ свѣдѣній, добытыхъ губернскою управою, видно, что валовая прибыль отъ дороги будетъ равна 412 т. р., изъ которыхъ, за различными отчисленіями, согласно вышеприведеннымъ пунктамъ, причитается въ дивидендъ земству около 44 т. руб. сер. «Словомъ, собранныя данныя представляютъ дѣло въ самомъ наилучшемъ видѣ»—замѣчаетъ корреспондентъ; но что-же будетъ однако въ томъ случаѣ, если недовѣрчивые-то кашинцы окажутся правыми, т.-е. если количество грузовъ окажется *далеко менѣе* половины предположеннаго?

Несчастные примѣры съ земскими гарантіями дѣйствуютъ на наше земство какъ-то очень слабо: они, повидимому, все больше и больше разжигаютъ въ земствѣ страсть къ желѣзно-дорожнымъ концессіямъ, къ которымъ желѣзно-дорожные наши тузы-аристократы значительно уже охладѣли. Съ концессіями въ настоящее время совершается то же самое, что съ модами на шляпки, шиньоны и кринолины: аристократы начинаютъ ихъ бросать, но за то мѣщанки, горничныя и дьяконскія дочки перенимаютъ съ величайшимъ рвеніемъ. Мудрые Соломоны называютъ уже занятіе желѣзно-дорожными концессіями «лизаньемъ съ бритвы меду», а земскіе представители сами добровольно лѣзутъ на бритву, не разсчитывая даже на лизанье меду!

Въ самое послѣднее время въ земствѣ еще возбудилась новая страстишка — къ телеграфамъ, но однакоже сравнительно въ слабой степени, вѣроятно потому, что въ телеграфахъ даже высшія наши сословія нельзя сказать, чтобы очень нуждались, а крестьяне ихъ положительно еще боятся. Мосальское земство, напримѣръ, публично признало телеграфъ — вещью для себя очень полезной, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявило, что оно охотно согласилось бы соединить Мосальскъ съ Юхновымъ и съ мѣстечкомъ Спасо-демьянскомъ телеграфной линіей въ томъ только случаѣ, еслибы правительство приняло на свой счетъ всѣ издержки. Веневское земство (Тульской губ.) оказалось нѣсколько податливѣе, но тоже не совсѣмъ, однако. На прошлогоднемъ собраніи веневцы согласились-было отпустить, на сооруженіе телеграфа отъ Венева до Тулы, пособіе въ 3 тысячи рублей, съ чѣмъ министерство и согласилось, но въ нынѣшнемъ году, гг. веневскіе гласные, «послѣ дѣльной рѣчи князя Черкасскаго о пользѣ телеграфа для города Венева, согласились предложить министерству единовременнаго возна-

Digitized by Google

гражденія только 1,500 руб., которые едва-ли согласится принять министерство, потому что постановка однихъ столбовъ, на разстояніи 48 верстъ отъ г. Венева до г. Тулы, по меньшей мѣрѣ, будетъ стоить 2,500 руб., не говоря уже обо всемъ остальномъ».

Передавая эти мѣстныя извѣстія, корреспонденты нападаютъ на гласныхъ вообще и на крестьянскихъ въ особенности за ихъ равнодушіе къ телеграфамъ; но намъ кажутся подобныя нападенія совершенно напрасными: ну, зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, нашему мужику телеграфы? Принесло ли это дивное изобрѣтеніе новѣйшаго времени собственно нашему мужику хотя какую-нибудь пользу? Очень сомнительно! Мужики и теперь еще крестятся, когда ночью услышатъ гулъ проволоки по дорогѣ, уставленной телеграфными столбами. Понятіе о телеграфѣ они, почему-то, тѣсно соединяютъ съ понятіемъ объ Антихристѣ, который, предъ концомъ міра, опояшетъ желѣзнымъ поясомъ всю землю, а потому инстинктивно ожидаютъ отъ телеграфовъ одного лишь только зла. Телеграфы у насъ пользу приносятъ покуда одному лишь купечеству; пусть же купечество и сооружаетъ ихъ; иначе и телеграфы будутъ играть роль женскихъ гимназій и классическихъ прогимназій, сооружаемыхъ на крестьянскія деньги для дворянскихъ и купеческихъ дѣтокъ.

Но если мы станемъ выставлять только отдѣльные случаи напрасной растраты земскихъ денегъ, то никогда не придемъ къ какому-нибудь общему заключенію. Многіе изъ незнающихъ и мягкосердечныхъ могутъ подумать, что эти напрасныя траты дѣлаются изъ избытковъ. «Почему-де иной разъ не позволить себѣ маленькой роскоши: почему иной разъ не роспить дюжинку-другую холодненькаго, если средства позволяютъ?»— подумаютъ тѣ изъ гг. мягкосердечныхъ, на языкѣ которыхъ каждое преступленіе носитъ названіе ошибки или недоразумѣнія, а кража безъ взлома называется недосмотромъ.

При существованіи такого взгляда на вещи, намъ необходимо остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ. Необходимо указать, сколько у нашего земства необходимыхъ и особенно нужныхъ расходовъ, сколько доходовъ, и откуда они берутся.

Надобно замѣтить, что въ губернскихъ земскихъ смѣтахъ такъ-называемые *обязательные* или принудительные расходы постоянно составляютъ гораздо болѣе половины, а иногда даже двѣ трети необязательныхъ, изъ которыхъ опять-таки иной разъ болѣе двухъ третей идетъ лишь на жалованье членамъ управъ, да разнымъ писарямъ. Въ Вятской губерніи напримѣръ, на 1868 годъ было назначено на обязательны, губернскія земскія потребности 82 тысячи слишкомъ (изъ нихъ бо́льшая часть все на жалованье, на суточное содержаніе, на разъѣзды и проч. различнымъ чиновникамъ); на необязательныя же всего 32 тысячи. Изъ нихъ на одно только со-

Digitized by Google

держаніе губернской управы 20 тысячъ, на пособіе городской женской гимназіи 4 тысячи, на печатаніе постановленій собранія, на командировки, на канцелярію училищнаго совѣта и проч., т.-е. опять-таки на расходы, крестьянамъ прямой пользы не приносящіе, около четырехъ тысячъ, а затѣмъ, остальныя 4 тысячи—на все другое: и на училищную и на медицинскую часть собственно для народа, въ томъ числѣ 2 тысячи *«на холеру»*, которой если не будетъ, то и деньги уцѣлѣютъ. Слѣдовательно, собственно на крестьянъ изъ всего вятскаго губернскаго сбора идетъ всего съ небольшимъ *одна тридцатая часть*, а если холеры не было, то $^1/_{60}$, а между тѣмъ съ крестьянскихъ земель собирается болѣе половины всего дохода. Въ уѣздныхъ смѣтахъ, гдѣ дорожная повинность не переложена изъ натуральной въ денежную, на *обязательныя* потребности расходуется, наоборотъ, сравнительно ничтожная сумма. Такъ, напримѣръ, въ Буинскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи въ 1869 году на обязательныя назначено всего 458 руб. (изъ нихъ на выписку губернскихъ вѣдомостей для земской полиціи и церковныхъ приходовъ 111 руб.), а на *необязательныя* около 10-ти тысячъ. По незнанію можно подумать, что въ Буинскомъ уѣздѣ бо́льшая часть этихъ 10-ти тысячъ тратится собственно на народъ, такъ-какъ расходъ-то вѣдь *необязательный*, но такое предположеніе разсыпается прахомъ, какъ только взглянешь въ уѣздную смѣту. Изъ десяти-тысячной смѣтной суммы—на содержаніе буинской управы идетъ болѣе половины, а именно 5,900 рублей. Затѣмъ, на прогоны опять-таки тѣмъ же гг. членамъ 1,000 рублей; на городскую больницу 1,000 руб., на арестантскія избы около 400 руб. и, наконецъ, на наемъ одного медика для всего уѣзда 1,600 рублей и на поддержаніе приходскихъ училищъ 1,650 рублей. Всего на 1869 годъ буинцамъ пришлось собрать 9 тысячъ рублей (такъ-какъ поступили недоимки) и они собрали ее такимъ образомъ: съ крестьянскихъ земель 6,304 рубля, а остальные 3,700 со всѣхъ остальныхъ имуществъ въ уѣздѣ. Крестьяне, значитъ, опять-таки заплатили почти двѣ трети всего сбора, а выгодъ получили собственно для себя столько, что и сосчитать даже трудно! Ну, какую, напримѣръ, выгоду могъ получить обширный Буинскій уѣздъ со стотысячнымъ населеніемъ отъ того, что управа наняла одного лекаря и дала ему 1,600 рублей? Мнѣ кажется, буинскимъ мужикамъ вдвое было бы выгоднѣе, еслибы управа ухитрилась нанять врача за 800 рублей въ годъ, а это было очень возможно, потому что лечить вразъ сто тысячъ человѣкъ, раскиданныхъ на громадномъ пространствѣ, все равно что лечить троихъ членовъ управы и предсѣдателя. Отъ «поддержанія несуществующихъ приходскихъ школъ, тоже», думается, буинскіе мужики, если и получили какую выгоду, то какую-то неуловимую, недопускающую ариѳметическихъ разсчетовъ.

Digitized by Google

Однимъ словомъ, буинскіе мужики и не подозрѣвали, что гг. буинскіе благородные гласные желаютъ имъ здравія, отъискиваютъ для нихъ драгоцѣнныхъ врачей и даже деньги жертвуютъ, а между тѣмъ сентябрское собраніе 1868 года съ того именно и началось, что гласные принялись сочинять благодарственный адресъ отсутствующему своему предсѣдателю, статскому генералу Теренину за его «высокія заслуги земству». Вотъ этотъ адресъ:

«Милостивый Государь!
«Николай Михайловичъ!

«Буинское уѣздное земское собраніе четвертаго созыва, въ новомъ своемъ составѣ, глубоко скорбѣло не видавъ вашего превосходительства въ своей средѣ.

«Оцѣнивая вполнѣ важныя заслуги ваши земскому дѣлу, безвозмездно понесенные вами личные труды въ званіи члена управы и ваше теплое сочувствіе къ нему, ознаменованное значительными пожертвованіями въ пользу мѣстнаго земства, преимущественно же по предмету народнаго здравія, собраніе считало бы себя виновнымъ, если бы не выразило предъ вами письменно своей искренней благодарности. Собраніе въ настоящее время приноситъ вамъ свою глубочайшую благодарность за дѣятельность и пожертвованія ваши; но чтобы найти бо́льшее выраженіе своей признательности оно, въ то же время, постановило, по общему единогласному желанію гласныхъ всѣхъ сословій, ходатайствовать чрезъ начальника Симбирской губерніи предъ высшимъ правительствомъ о назначеніи васъ «почетнымъ своимъ членомъ». Хотя, по буквѣ закона, и нѣтъ званія почетнаго гласнаго, но земское собраніе смѣетъ надѣяться, что на присвоеніе вамъ этого званія можетъ воспослѣдовать особое Высочайшее соизволеніе, какъ признаніе способа достойнаго воздаянія достойному.

«Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣемъ пребыть
«Вашему превосходительству
«Душевно преданные».

Подписали: Присутствовавшіе гласные.

Намъ неизвѣстно, послѣдовало ли особое высочайшее соизволеніе по случаю «достойнаго воздаянія достойному», но намъ этого, впрочемъ, не нужно и знать. Для насъ имѣетъ значеніе лишь то обстоятельство, что буинскіе крестьяне платятъ на необязательныя потребности двѣ трети всего сбора, а все-таки остаются и безъ медицинской помощи (потому что—«одинъ въ полѣ не воинъ», какое бы жалованье онъ ни получалъ), и безъ всякаго образованія, потому что умнымъ отъ того не сдѣлаешься, если попамъ да дьяконамъ раздѣлятъ по рублямъ и по двухгривеннымъ твою же собственную тысячу.

Словомъ, если мы повнимательнѣе присмотримся къ земскимъ смѣтамъ и раскладкамъ, то легко замѣтимъ, что мужикъ играетъ въ земскихъ учрежденіяхъ роль весьма незавидную и невыгод-

ную, несмотря на свою равноправность. По приблизительному разсчету выходитъ такъ, что если, напримѣръ, мужикъ желаетъ получить себѣ выгоды отъ земскихъ учрежденій на 10 рублей, то онъ долженъ сначала внести въ управу или въ казначейство рублей 500, а потомъ уже и пользоваться десятирублевою выгодою. Мужикамъ, напримѣръ, нужно имѣть лекаря, котораго можно отыскать за тысячу рублей. Вмѣсто того, чтобы собрать тысячу и нанять лекаря, мужики должны сначала заплатить тысячи по двѣ жалованья предсѣдателю и членамъ управы, на отопленіе, освѣщеніе и на наемъ сторожей, на содержаніе мировыхъ посредниковъ, судей, присутствія, съѣздовъ и ихъ канцелярій, на отопленіе и освѣщеніе этаповъ, тюремныхъ помѣщеній и проч. и проч., такъ что отъ внесенной тысячи на лекаря собственно останется какихъ нибудь рублей 20, а то и меньше.

Изъ хозяйственнаго отчета пензенской губернской управы видно, напримѣръ, что изъ 18-ти тысячъ рублей, израсходованныхъ ею въ восемь мѣсяцевъ, собственно на сельское населеніе израсходовано всего 932 рубля (на заготовленіе лекарствъ противъ холеры, которыя, впрочемъ, были цѣлы). Конечно, съ нѣкоторою натяжкой, и расходъ «на постройку тюремнаго замка въ городѣ Городищахъ» можно бы отнести къ издержкамъ же на увеличеніе крестьянскаго благосостоянія, но все-таки не весь, потому что въ казаматахъ очень много сидитъ и привиллегированныхъ. Во всякомъ случаѣ, если не гнушаться натяжками, въ пользу крестьянъ можно отчислить изъ 18-ти тысячъ тысячи три, тогда какъ они заплатили отъ себя въ эту сумму, по крайней мѣрѣ, около двухъ третей [1]. Если, такимъ образомъ, сообразить, сколько платитъ мужикъ въ общую земскую кассу, и какой миверный процентъ даютъ ему эти громадные взносы, то дѣлается вполнѣ понятнымъ, почему наше просвѣщенное земство такъ таровато на учрежденіе въ уѣздныхъ городахъ классическихъ прогимназій и въ губернскихъ городахъ женскихъ гимназій. Понятнымъ также становится, какъ понимать весьма употребительныя въ нашемъ земскомъ лексиконѣ слова: «совершенно-свободные остатки и рессурсы».

Изъ всѣхъ «предметовъ вѣдомства» земскихъ собраній и управъ собственно крестьянамъ, какъ главнымъ плательщикамъ, особенную пользу могло бы доставить порядочное устройство продовольственной, медицинской и ветеринарной, да еще школьной части; но объ нихъ-то именно всего меньше и забо-

[1] Въ Пензенской губерніи всей податной земли отыскано управами 3.210,613 десятинъ. Изъ нихъ помѣщичьей—1.177,327, казенной—166,924, крестьянской—1.823,408. Такъ-какъ у крестьянъ вся земля считается въ высшей степени удобною и обложена самымъ высокимъ сборомъ, а у казны и помѣщиковъ болѣе половины лѣсовъ и земель будто-бы никуда негодныхъ, или вовсе освобожденныхъ отъ налога, то несравненно больше половины сборовъ должно падать на крестьянъ.

Digitized by Google

тятся. Изъ каждаго, уплачиваемаго мужикомъ рубля, прежде всего берется слишкомъ полтинникъ на содержаніе земскихъ управъ и судебно-мировыхъ учрежденій [1]. Изъ оставшихся сорока съ чѣмъ-то копеекъ вычитается еще копеекъ 25 на крестьянскія мировыя учрежденія (мировыхъ посредниковъ, членовъ и проч.), а затѣмъ изъ рубля остается всего копейки двадцать-двѣ, изъ которыхъ нужно ухитриться отопить и освѣтить этапныя помѣщенія, выписать никому ненужныя «Губернскія Вѣдомости» въ сотняхъ экземплярахъ, заплатить суточныя и прогонныя разнымъ чиновникамъ, а потомъ ужь, на оставшійся пятакъ, заводить для себя и школы, и медиковъ, и ветеринаровъ, и повитухъ и вообще чего хочешь. Очень-то не разгуляешься!

Но земскіе представители и послѣдняго крестьянскаго пятака не оставляютъ въ покоѣ. Копейку они утягиваютъ на женскую гимназію или на какую нибудь классическую прогимназію. Вторую копейку—на прокормъ присяжныхъ засѣдателей, которымъ будто бы ѣсть нечего, а холодное брюхо къ суду правому глухо, хотя и самимъ гласнымъ отъ крестьянъ тоже ѣсть нечего. Двѣ съ половиной копейки выдѣляютъ на содержаніе лучшимъ своимъ гласнымъ-гастрономамъ, которыхъ посылаютъ въ Петербургъ хлопотать о желѣзной дорогѣ, т.-е. угощать нужныхъ людей устрицами и шампанскимъ, да, сверхъ того, въ счетъ будущихъ благъ, хватаются за рискованныя гарантіи, думая про себя, что хитрый мужикъ притворяется: деньги, молъ, у него непремѣнно есть—въ землѣ, въ горшкѣ зарыты! Смоленское земство, во время самаго сильнаго разгара голода, рѣшается употребить продовольственный капиталъ подъ гарантію строющейся желѣзной дороги; калужское собраніе поступаетъ такъ же; симбирское ассигнуетъ на тотъ же предметъ слишкомъ 30 тысячъ, хотя и само признается, что собрать ихъ не легко, по случаю

[1] Содержаніе управъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и теперь обходится до 100 тысячъ рублей, а прежде доходило и до 113-ти, напр. въ Полтавской губерніи. На судебно-мировыя учрежденія на долю земства приходится 3.824,400 руб. и на долю Петербурга, Москвы и Одессы 418,600 р. Сумма 4.243,000 руб. распредѣляется по отдѣльнымъ статьямъ слѣдующимъ образомъ: 1) на содержаніе участковыхъ мировыхъ судей 3.016,000 р., 2) на содержаніе съѣзцовъ мировыхъ судей около 571,000 руб., 3) на содержаніе судебныхъ приставовъ при съѣздахъ и на вознагражденіе чиновъ полиціи за исполненіе обязанностей судебныхъ приставовъ около 351,000 р., и 4) на содержаніе помѣщеній для подвергаемыхъ арестамъ по приговорамъ мировыхъ судей около 304,000 руб. Средняя цифра ежегодныхъ расходовъ на губернію, со включеніемъ двухъ столицъ и Одессы, составляетъ 136,870 р., а за исключеніемъ этихъ трехъ городовъ — около 123,360 р. Больше всѣхъ другихъ губерній расходуетъ на судебно-мировыя учрежденія Курская губернія, именно 164,000 р.; меньше всѣхъ Олонецкая, ежегодный расходъ которой равняется всего 34,000 р. На уѣздъ среднимъ числомъ приходится 11,550 р., но цифра эта колеблется между maximum 22,500 р. и minimum 4,870 р.

Digitized by Google

плохихъ урожаевъ. Казанское собраніе ассигнуетъ на какіе-то *«негласные расходы* съ секретными счетами» своимъ желѣзнымъ депутатамъ 10 тысячъ рублей. Наконецъ, и послѣднюю земскую денежку не оставляютъ въ покоѣ: гласные начинаютъ нарочно придумывать, что̀ бы такое на эту денежку сдѣлать? и подчасъ рѣшаютъ трудный вопросъ очень удачно, какъ, напримѣръ, разрѣшили его опять тѣ же роскошные казанскіе представители нищенствующаго населенія губерніи. Въ то самое время, когда въ губерніи, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, недородъ хлѣба простирался до милльона четвертей, собраніе, по предложенію одного почтеннаго землевладѣльца, чуть-ли не современника поэта Державина, ассигновало полторы тысячи рублей земскихъ денегъ; на что бы вы думали? На перенесеніе памятника Гаврилы Романыча съ университетской внутренней площади на площадь предъ дворянскимъ собраніемъ! Напрасно нѣкоторые изъ гласныхъ протестовали противъ такой «непроизводительной и несвоевременной» затраты; напрасно напоминали, что самое имя «сего мужа» совершенно неизвѣстно большинству плательщиковъ, которыхъ сей, къ счастію, неизвѣстный, мужъ обругалъ когда-то «чернью непросвѣщенной и презираемою мной», большинство все-таки настояло на ассигновкѣ, да еще на послѣднемъ собраніи прибавило 600 цѣлковыхъ на рѣшетку около памятника «великаго русскаго поэта», перетащеннаго съ университетскаго двора на дворянскую площадь. И зачѣмъ, подумаешь, было тратить на такое пустое дѣло слишкомъ двѣ тысячи нищенской черни непросвѣщенной и отъ души презираемой «великимъ *русскимъ*» поэтомъ? Причина понятна: значитъ, изъ земскаго сбора сохранилась еще, въ видѣ *совершенно свободнаго рессурса*, цѣлая денежка, а наши просвѣщенные представители народныхъ интересовъ съ малолѣтства привыкли послѣднюю денежку, свою или чужую, это все равно, ставить ребромъ!

Итакъ, читатель, если мы не полѣнимся, повнимательнѣе всмотримся, какъ исполняются нашими выборными людьми главнѣйшія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыя простыя ихъ обязанности, то немедленно замѣтимъ очень много непривлекательнаго. Никому нѣтъ дѣла до того, съ кого собраны деньги, много ли ихъ и удовлетворены ли самыя насущныя потребности народа. Скопилась если вразъ куча денегъ, то раскидывай и трать ихъ безъ разбора, какъ, бывало, тратили помѣщики свои съ неба свалившіеся безгрѣшные доходы! Задавай знай пиры да балы, воздвигай для красы никому ненужные павильоны и бесѣдки на загороженныхъ пустыряхъ: какое кому дѣло до того, если послѣ нечѣмъ будетъ заплатить проценты по векселю и небольшой долгъ какому-нибудь непросвѣщенному, презираемому портному, сапожнику, или прачкѣ? Главное: не допускай за собой никакого контроля и надзора, обижайся каждый разъ, если вздумаютъ усчитывать,

Digitized by Google

держь даже, если нужно, ругайся, и всѣ тебя станутъ уважить, т.-е. трусить, потому что другой видъ уваженія у насъ никуда еще неизвѣстенъ, и двадцать трехлѣтій сряду будутъ слезно упрашивать еще остаться хоть на одно трехлѣтіе!

НОВЫЯ КНИГИ.

Повѣсти, разсказы и драматическія сочиненія Н. А. Лейкина. *2 тома. Спб. 1871.*

Г. Лейкинъ принадлежитъ къ числу писателей, знакомство съ которыми весьма полезно для лицъ, желающихъ имѣть правильное понятіе о бытовой сторонѣ русской жизни. Область наблюденій его не очень обширна (торговцы апраксина двора и мелкое петербургское купечество); но въ этой небольшой области онъ является полнымъ хозяиномъ, свидѣтельство котораго не можетъ возбудить ни малѣйшихъ сомнѣній. Въ сочиненіяхъ, нынѣ имъ изданныхъ, читатель не встрѣтится ни съ законченною драмою, ни съ характерными типами, но познакомится съ цѣлою средой, обстановка которой схвачена очень живо и ясно. Это матеріалъ, имѣющій скорѣе этнографическую, нежели беллетристическую цѣнность.

Среда, изображаемая г. Лейкинымъ, въ высшей степени оригинальна. Все въ ней своеобразно: и языкъ, и внѣшняя обстановка, и нравственныя условія, и радости, и горести, и даже религія. Это языческій міръ, лишенный своей первоначальной наивности и оставшійся при однихъ грубыхъ вѣрованіяхъ въ примѣты, при одномъ паническомъ страхѣ передъ стихійною силою. Страхъ — вотъ главный фонъ картины; затѣмъ слѣдуютъ аксессуары: преемственное дранье, безпробудное пьянство и обдѣлываніе дѣлишекъ съ полнымъ презрѣніемъ ко всему, что напоминаетъ о совѣстливости и правильности разсчетовъ. Побоями начинается здѣсь жизнь и побоями же оканчивается; примѣненіе этого принципа разнообразится только тѣмъ, что въ началѣ жизни побои принимаются, въ концѣ — раздаются. Въ свободное отъ побоевъ время, люди мошенничаютъ, устраиваютъ злостныя банкротства, пьянствуютъ, читаютъ сонники и молятся, т.-е. ставятъ пудовыя свѣчи и льютъ чудовищные колокола. Какъ ни мало замысловата такая жизнь, но она осложняется однимъ весьма важнымъ элементомъ: трепетомъ передъ таинственною угрозою, которую никто изъ этихъ подневольныхъ людей уяснить себѣ не можетъ. Отсюда, цѣлый рядъ эмпирическихъ попытокъ оградить себя отъ дѣйствія этой

Google

угрозы, — попытокъ, разрѣшающихся тѣмъ, что случайные и безсвязные внѣшніе признаки получаютъ силу незыблемаго закона, и уважаются тѣмъ охотнѣе, что поклоненіе ему не требуетъ ни пудовыхъ свѣчей, ни чудовищныхъ колоколовъ. Тѣмъ не менѣе, выполненіе всѣхъ отыскиваемыхъ такимъ путемъ примѣтъ требуетъ самой настойчивой точности. Надобно знать, когда слѣдуетъ употребить наговоренный поясъ, въ какихъ случаяхъ полезно навязать на лѣвую щиколку кожу, содранную съ угря, въ какихъ болѣзняхъ приноситъ облегченіе галка, приколоченная за крылья къ подворотнѣ дома, и т. п. Это цѣлый кодексъ, имѣющій въ виду обезпечить жизнь, и все-таки необезпечивающій ее, потому что кодексу этому нѣтъ конца, и сегодняшнія случайныя открытія могутъ быть опровергнуты завтрашними, не менѣе случайными открытіями. Понятно, что вся эта сложная процедура можетъ имѣть мѣсто только въ такой средѣ, которая только по наружности кажется дѣловою, въ дѣйствительности же изнемогаетъ подъ бременемъ праздности и невѣжественности.

И эта нравственная и умственная Патагонія существуетъ не гдѣ-нибудь въ Обояни или Наровчатѣ, а въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ. Центръ ея составляютъ: Апраксинъ дворъ и Ямская; но нельзя поручиться, чтобы въ менѣе плотномъ видѣ она не была разлита и въ другихъ кварталахъ. Этотъ фактъ очень прискорбенъ, но дѣлается еще болѣе прискорбнымъ вслѣдствіе одного обстоятельства, которое значительно осложняетъ его.

Не надо забывать, что всѣ эти язычники, льющіе колокола и вѣрующіе въ прибитую къ подворотнѣ галку, не просто грубые люди, похожіе болѣе на звѣрей, нежели на людей. Нѣтъ, это такъ-называемая каменная стѣна. Еслибы эти люди представляли собой стоящій особнякомъ общественный наростъ, неимѣющій органической связи съ остальнымъ обществомъ, можно было бы пожалѣть о нихъ; но это совсѣмъ не особнякъ, а оплотъ, относительно котораго наростомъ (и даже вреднымъ, подлежащимъ преслѣдованію) считается все, что не подходитъ къ этому типу. Мы находимся еще въ томъ періодѣ умственнаго развитія, когда правило: чѣмъ неразвитѣе человѣкъ, тѣмъ онъ надежнѣе — сохраняетъ все свое подавляющее значеніе. Это убѣжденіе носится въ воздухѣ, туманитъ всѣ головы и даже проникаетъ въ сердца самихъ патагонцевъ. Они совсѣмъ не чувствуютъ себя подонками и отребьемъ общества; напротивъ того, вполнѣ сознаютъ, что сила на ихъ сторонѣ. Они вполнѣ убѣждены, что мысль есть единственный и самый злой врагъ общества, и что безсмысліе есть его ограда. И убѣжденіе это дѣлается тѣмъ непоколебимѣе, что на каждомъ шагу оно встрѣчаетъ себѣ практическія подтвержденія. Человѣкъ, отъ зари до зари обсчитывающій и обмѣривающій, потомъ до безобразія напивающійся и въ пьяномъ видѣ отхо-

Digitized by Google

дящій во сну—вотъ идеалъ благонадежнаго гражданина, который и до сихъ поръ не перестаетъ господствовать въ уличныхъ понятіяхъ. Нужды нѣтъ, что эти люди воруютъ самымъ наглымъ образомъ — они краеугольный камень собственности; нужды нѣтъ, что они вѣрятъ въ наговоренные пояса — они краеугольный камень религіи; нужды нѣтъ, что семейная жизнь ихъ есть не что иное, какъ сплошной развратъ—они краеугольный камень семейства; нужды нѣтъ, что своими дѣйствіями они непрерывно подрываютъ основы общества—въ нихъ и въ нихъ однихъ усматривается краеугольный камень общественнаго спокойствія. Собраніе всѣхъ этихъ краеугольныхъ камней можно видѣть въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ, на Апраксиномъ дворѣ. И они ведутъ себя съ полнымъ сознаніемъ своей краеугольности, ибо и отцамъ, и дѣдамъ ихъ изстари было натолковано: вы столпы! Не даромъ же купецъ Суриковъ (въ пьесѣ г. Лейкина «Ряженые») говоритъ: «а мы такъ и безъ ариѳметики прожили; слава-богу, деньги счесть можемъ». Онъ знаетъ, что онъ краеугольный камень, и что въ этомъ чинѣ ему не только безъ ариѳметики, но и совсѣмъ безъ царя въ головѣ прожить можно.

Стало быть, патагонцы наши далеко не беззащитные сироты, какими представляетъ ихъ себѣ сантиментальничающіе народолюбцы, но люди очень зубастые и опасные. Они наполняются ненавистью точно такъ же легко, какъ и сивухой, и притомъ ненавистью, всегда направленною односторонне. Всякая попытка къ выходу изъ состоянія безсознательности преслѣдуется ими и прямо, и косвенно: прямо, когда лицо, предпринимающее попытку, находится подъ руками; косвенно, когда оно находится внѣ непосредственнаго вліянія патагонцевъ. Поэтому, нетолько нельзя относиться къ патагонцамъ съ сочувствіемъ, но нѣтъ даже надобности отыскивать точку, на которой можно было бы примириться съ ними. Если допустить, что это люди, находящіеся подъ гнетомъ исторіи, то надо допустить, что и они, въ свою очередь, гнетутъ исторію, которая, въ своихъ темныхъ чертахъ, есть не что иное, какъ дѣло рукъ патагонцевъ. Даже добрыя качества, которыми они, какъ люди, конечно, обладать могутъ, не внушаютъ ни малѣйшей симпатіи, ибо они составляютъ лишь индивидуальныя качества, инстинктивныя и неосвѣщенныя разумомъ, до которыхъ никому нѣтъ дѣла. Это—подневольная масса въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, масса, мечущаяся изъ стороны въ сторону и не отдающая себѣ ни малѣйшаго отчета въ этихъ паническихъ метаніяхъ.

Порицательное отношеніе къ подобной дѣйствительности можетъ ли быть названо глумленьемъ надъ нею? Можетъ ли, напримѣръ, г. Лейкинъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за то, что апраксинскій торговецъ является у насъ въ образѣ купца Шибалова, а не Перикла? Вопросъ этотъ въ недавнее вре-

Digitized by Google

мя былъ разрѣшенъ однимъ неизвѣстнымъ критикомъ утвердительно («Вѣстникъ Европы» въ статьѣ «Историческая сатира»). Критикъ сочинилъ даже по этому поводу особенную теорію «юмора», которая дѣлаетъ ему честь, какъ человѣку, дошедшему собственнымъ умомъ до нѣкоторыхъ общихъ соображеній, но которая едва-ли будетъ кѣмъ-нибудь принята къ свѣдѣнію. Слѣдуя этой теоріи, «юморъ» непосредственно вытекаетъ изъ христіанскаго изрѣченія: «пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и я успокою васъ», и значеніе его состоитъ въ томъ, чтобы, «не жертвуя малымъ великому, великое низводить до малаго, а малое возвышать до великаго». А отсюда, якобы, возникаютъ два непремѣнныхъ правила, которыя юмористъ обязывается принять къ исполненію: вопервыхъ, великодушіе, доброта и состраданіе, и вовторыхъ, сочувствіе во что бы то ни стало къ тому, что̀ осуществляетъ собой то малое, которое слѣдуетъ возвышать до великаго.

Какъ ни замѣчательна эта теорія, но вѣрить ей ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ, ибо она основана на двухъ очень крупныхъ недоразумѣніяхъ. Вопервыхъ, критикъ не различилъ историческаго народа отъ народа, какъ воплотителя идеи демократизма. Между тѣмъ различіе это весьма существенно. Первый, т.-е. историческій народъ всегда и вездѣ оцѣнивается и пріобрѣтаетъ сочувствіе по мѣрѣ дѣлъ своихъ; стало быть, ежели онъ производитъ героевъ, подобныхъ тѣмъ, какихъ изображаетъ г. Лейкинъ, то о сочувствіи ему не можетъ быть и рѣчи. Хороши обремененные и труждающіеся, которые всякую попытку въ смыслѣ сознательности считаютъ чуть не посягательствомъ на общественное спокойствіе! Попробуйте-ка простерѣть имъ объятія, и вы навѣрное убѣдитесь, что, вмѣсто лобзанія, они произведутъ укушеніе—и ничего больше. Что же касается до «народа», разсматриваемаго во второмъ смыслѣ, то ему дѣйствительно не сочувствовать нельзя, но не потому что онъ представляетъ нѣчто «малое», возбуждающее состраданіе, а потому, напротивъ, что въ немъ воплощается безгранично великое. Въ этомъ «народѣ» замыкается начало и конецъ всякой индивидуальной дѣятельности; слѣдовательно несочувствіе къ нему, исходящее отъ отдѣльнаго индивидуума, равносильно несочувствію самому себѣ.

Вовторыхъ, искусство, точно такъ же, какъ и наука, преслѣдуетъ одну цѣль: истину, а слѣдовательно оцѣниваетъ жизненныя явленія единственно по внутренней ихъ стоимости. Еслибъ было иначе, еслибъ къ оцѣнкѣ примѣшивалось великодушіе и состраданіе, то произошло бы нѣчто очень оригинальное. Съ одной стороны, читатель не зналъ бы, что̀ въ начертанной художникомъ картинѣ дѣйствительно вѣрно, и что̀ смягчено, скрыто или прибавлено подъ вліяніемъ состраданія. Съ другой стороны читатель, подкупленный художникомъ, могъ бы въ самомъ дѣлѣ признать за краеугольные камни такія личности, которыя

въ дѣйствительности не только ничего не подкрашиваютъ, но все подтачиваютъ.

Мы помнимъ картины изъ временъ крѣпостнаго права, написанныя à la Dickens. Какъ тамъ казалось тепло, свѣтло, уютно, гостепріимно и благодушно! а какая, на самомъ дѣлѣ, была у этого благодушія ужасная подкладка!

Но и этого еще мало. Изложенная выше теорія юмора не только фальшива, но сама содержитъ въ себѣ *глумленіе*, горшее всѣхъ глумленій. Трудно себѣ представить болѣе низменное положеніе, нежели то, которое здѣсь отводится народу, и относительно котораго никакого иного пріема не допускается, кромѣ великодушія и состраданія. Представьте себѣ на практикѣ эту гимнастику низведенія и возвышенія, и вы убѣдитесь, что тутъ идетъ рѣчь уже не о временно-великихъ и временно-малыхъ, какими вообще являются люди въ исторіи, но о консолидированіи сихъ величинъ навсегда. Это противно даже тому христіанскому ученію, на которое ссылается критикъ, и которое вразумительно объявляетъ, что всѣ люди братья. Но это нужно критику, потому что въ противномъ случаѣ не будетъ юмора, некого будетъ ни возвышать, ни низводить...

Обращаясь отъ изложенной выше теоріи къ разбираемому нами автору, мы можемъ сказать г. Лейкину: да не смущается сердце его. Пусть онъ имѣетъ въ виду одну истину, и результатъ этой истины будетъ гораздо плодотворнѣе, нежели всевозможныя гимнастическія упражненія съ низведеніями и возвышеніями.

Среди богомольцевъ. *Наблюденія и замѣтки во время путешествія по востоку.* Н. А. Благовѣщенскаго. *Спб. 1871 г.*

Всякая живая сила, разсматриваемая въ отвлеченномъ смыслѣ, представляетъ начало вполнѣ безразличное, къ которому можетъ быть примѣнимо критическое отношеніе только въ смыслѣ опредѣленія степени его энергіи. Это двигатель — и ничего болѣе. Ничто не дѣлается помимо его участія, ничто не можетъ безъ него существовать, не рискуя погибнуть преждевременнымъ увяданіемъ. Отъ этого, впечатлѣніе, производимое на умы силою, бываетъ иногда столь рѣшительно, что заставляетъ даже забывать и о тѣхъ практическихъ примѣненіяхъ, въ которыхъ она осуществляется. Отвлеченное начало становится на первый планъ и до такой степени поражаетъ впечатлительное воображеніе, что совершенно заслоняетъ собой ту практику, для которой оно служитъ исходнымъ пунктомъ, хотя бы эта практика представляла даже полнѣйшее извращеніе первоначальнаго характера живой силы. Практика давно уже замутилась подъ вліяніемъ всевозможныхъ постороннихъ примѣсей, а наивнымъ и простодушнымъ людямъ кажется, что духъ еще живъ.

Послѣдствія такого самообольщенія очень важны, ибо оно

Digitized by Google

влечетъ за собою неправильное перемѣщеніе центра человѣческихъ симпатій. Вмѣсто того, чтобы относиться къ силѣ, какъ къ двигателю, человѣкъ отождествляетъ ее со всѣми ея проявленіями, благими и злыми, и во имя ея отпускаетъ и разрѣшаетъ даже такія явленія, которыя ничего плодотворнаго въ себѣ не заключаютъ. Сознательное отношеніе къ жизни прекращается, а на мѣсто его выступаетъ впередъ безсознательный трепетъ. Для того, чтобы понять, какую страшную сумму индивидуальныхъ силъ поглощаетъ этотъ трепетъ, стоитъ припомнить подвиги инквизиціи, исторію безчисленныхъ войнъ и т. п. Но историческіе факты далеко еще не исчерпываютъ всей суммы нанесеннаго вреда, потому что послѣдній только въ крайнихъ случаяхъ сосредоточивается въ какомъ-либо отдѣльномъ, доступномъ для историческаго наблюденія, фактѣ, чаще же всего онъ уходитъ въ глубь, за предѣлы историческихъ наблюденій. Даже относительно отдѣльной человѣческой личности, вредъ не отражается исключительно на той или другой сторонѣ ея дѣятельности, но окрашиваетъ эту дѣятельность вполнѣ, во всей ея совокупности. Такъ, напримѣръ, человѣкъ, предающійся исключительно созерцательной жизни, утрачиваетъ способность принимать участіе въ общей экономіи жизненной дѣятельности, и даже управлять самимъ собою. А потому, легко себѣ представить, какія послѣдствія могло бы имѣть подобное міросозерцаніе, еслибы оно завладѣло цѣлыми массами, какъ это, впрочемъ, и было въ нѣкоторыя эпохи исторіи человѣчества.

Нельзя, конечно, не согласиться, что подобныя отожествленія силы и ея проявленій уже утрачиваютъ мало по малу свое прежнее подавляющее значеніе, тѣмъ не менѣе упраздненіе ихъ едва-ли можетъ быть сочтено совершившимся фактомъ. Массы еще далеко не свободны отъ всевозможныхъ смѣшеній, и потому готовы безсознательно преклоняться даже передъ такими явленіями, отъ которыхъ давно уже отлетѣлъ духъ, давшій имъ жизнь. Это мы видимъ на каждомъ шагу и терпимъ отъ того безчисленные ущербы, которыхъ мы очень часто не можемъ даже привести себѣ въ совершенную ясность. Всѣ неудобства, которыя опутываютъ нашу жизнь: отсутствіе свободы, необезпеченность, недостатокъ вѣры въ будущее—все это восходитъ изъ одного источника: изъ неумѣнія массъ отличать отвлеченныя начала отъ примѣненій, которыя они получили въ практикѣ, и изъ происходящаго отсюда поголовнаго трепета. Массы переносятъ этотъ трепетъ безсознательно, и потому, быть можетъ, не чувствуютъ всей его тяжести, но не слѣдуетъ забывать, что это явленіе сосредоточивается не въ однѣхъ только массахъ, но всецѣло захватываетъ *всю* жизнь. Стало быть, оно косвеннымъ образомъ тяготѣетъ и надъ тѣми ея элементами, для которыхъ уже вполнѣ ясна вся его безпричинность и безсодержательность.

Digitized by Google

Поэтому, изслѣдованія, предпринимаемыя съ цѣлью раскрытія разнообразныхъ формъ, въ которыхъ проявляется подавляющее вліяніе отвлеченнаго представленія о силѣ на человѣческіе умы, имѣютъ для насъ особенную поучительность. Это насущная наша потребность, ибо безъ раскрытія внутренней сущности подобныхъ явленій, общество рискуетъ остаться на неопредѣленное время при безсознательномъ трепетѣ, котораго основаніе заключается именно въ таинственности, облекающей эти явленія. Чѣмъ больше фактовъ, тѣмъ лучше. Если изслѣдователь сообщаетъ этимъ фактамъ правильное освѣщеніе, то это, разумѣется, очень полезно, но случается и такъ, что читатели вынуждены бываютъ довольствоваться такими указаніями, которыя даются съ очевиднымъ пристрастіемъ, и все-таки очень немного проигрываютъ отъ того. Все дѣло тутъ въ томъ, чтобы самый приводимый фактъ былъ правдивъ и вѣренъ, а затѣмъ умиляется ли или негодуетъ по его поводу изслѣдователь, и почему умиляется или негодуетъ—это ужь разобрать нетрудно.

Къ числу такихъ полезныхъ изслѣдованій принадлежитъ и разсматриваемая нами книга г. Благовѣщенскаго. Съ точки зрѣнія богатства фактовъ и правдивости, ее можно смѣло поставить рядомъ съ книгой инока Парѳенія «Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой землѣ». Та же правда описаній, та же выпуклость типовъ, хотя оба автора относятся къ своей задачѣ съ совершенно разныхъ точекъ зрѣнія. Угрюмый міръ отшельниковъ, исполненный вздоховъ и слезъ, какъ живой проходитъ передъ глазами читателя, и несмотря на различіе цѣлей, производитъ на читателя вполнѣ тождественное впечатлѣніе. Таково дѣйствіе правды, что ни умиленія, ни негодованія затемнить ее не могутъ, и часто умиляющійся изслѣдователь достигаетъ совсѣмъ иныхъ результатовъ, нежели тѣ, на которые онъ разсчитываетъ.

Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ г. Благовѣщенскій аѳонскіе общежительные монастыри (киновіи):

«Въ этихъ скромныхъ, отдаленныхъ отъ міра, общинахъ выработывается счастье жизни загробной. Ученіе Спасителя объ умертвіи удовъ и распинаніи плоти со страстями и похотьми служитъ главнымъ принципомъ аѳонскаго отшельничества,—и вся дѣятельность, вся жизнь монаха направлена къ одной этой цѣли. Тутъ всякая мірская мысль или веселое воспоминаніе считается тяжкимъ грѣхомъ, всякая потребность нашей природы считается искушеніемъ бѣсовскимъ и въ этой неестественной борьбѣ съ самимъ собою проходятъ всѣ годы отшельника, часто до глубокой старости, пока наконецъ онъ, по аѳонскому выраженію: «станетъ выше человѣческой природы и достигнетъ состоянія ангельскаго». Трудъ громадный, но за то и самоумерщвленіе бываетъ полное: физическое и нравственное, и тогда уже монахъ ждетъ только натуральной смерти, чтобы сдѣлаться членомъ царствія небеснаго.

«Чтобы довести человѣка до состоянія безстрастнаго и такимъ образомъ облегчить для него путь ко спасенію, общинный уставъ прежде всего старается обезсилить грѣшное тѣло подвижника, и лишить его тѣхъ здоровыхъ соковъ, пріобрѣтенныхъ мірскимъ раздольемъ, отъ которыхъ происходятъ

Digitized by Google

всѣ монахи искушенія аѳонскія... На этомъ основана цѣлая система физическаго истощенія, за исполненіемъ которой строго слѣдятъ духовники и игуменъ.

«Службы монастырскія увеличены до такихъ размѣровъ, какихъ не найти нигдѣ въ мірѣ, кромѣ Аѳона. Обыкновенная утреня продолжается пять часовъ, обѣдня два часа [1], вечерня два часа, повечеріе — часъ. Слѣдовательно, монаху ежедневно приходится провести въ церкви около десяти часовъ безвыходно. На спанье ему дается всего пять часовъ въ сутки, въ остальное время онъ исполняетъ разныя общественныя работы. По воскресеньямъ утреня продолжается отъ 10 до 12 часовъ, по большимъ праздникамъ отъ 12 до 14 часовъ, и въ эти дни, принимая въ разсчетъ остальныя службы, монахи проводятъ въ церкви почти что цѣлыя сутки.

«Кромѣ этихъ общественныхъ службъ, каждый монахъ имѣетъ свои келейныя правила, исполненіе которыхъ повѣряется на совѣсть отшельника. Особенно тяжелы правила схимническія. Схимникъ въ своей кельѣ ежедневно обязанъ отсчитать 1,200 поклоновъ поясныхъ и 100 земныхъ; а если изъ братіи кто-нибудь померъ, или несчастье какое предвидится, то прибавляется еще нѣсколько сотенъ поклоновъ.

«Спрашивалъ я монаховъ, хватаетъ ли у нихъ вниманія при исполненіи подобныхъ правилъ? Мнѣ отвѣчали, что я, будучи міряниномъ, не въ состояніи понять всей сладости этого труда, и что вниманіе ихъ никогда не отвлекается отъ Іисуса. Старики увѣряли меня, что это у нихъ уже вошло въ привычку, и что за каждой службой умъ ихъ невольно устремляется къ Богу и созерцаетъ славу Христову и счастье горняго блаженства»...

А вотъ о томъ же свидѣтельство инока Парѳенія:

«Теперь хощу описать общежительную Аѳонскую жизнь, — живыхъ мертвецовъ, земныхъ ангеловъ и небесныхъ человѣковъ, ангельскому житію подражателей, воиновъ Царя небеснаго. Какъ Ангелы служатъ день и нощь своему Небесному Владыкѣ: такъ и сіи, отдавши свои тѣлеса, вкупѣ и съ душами, своему предводителю, отцу игумену, и другъ другу, Господа ради и царствія ради небеснаго, добрѣ послушали словесъ Господа своего, Іисуса Христа, сказавшаго въ святомъ Евангеліи: иже хощетъ по мнѣ идти, да отвержется себе, и возьметъ крестъ свой, и по мнѣ градетъ (Мѳ. 16, 24. Марк. 8, 34. Лук. 9, 23). Сіи воины дѣломъ исполнили сіи Христовы словеса, до конца отверглись себя, и взяли крестъ свой, сирѣчь, терпѣніе, и идутъ во слѣдъ Іисуса Христа, на гору Голгоѳу, сирѣчь распяться міру, и до конца умертвить свои страсти, и погребстись во гробѣ смиренія, и воскреснуть о Христѣ безстрастіемъ. Постъ они держатъ повседневный, нощь стоятъ на молитвѣ, а день обрѣтаются на послушаніи. И они достигаютъ царствія небеснаго сими тремя добродѣтелями: постомъ укрощаютъ плоть свою и страсти, потому что чрево есть царица всѣмъ страстямъ: когда царицу умертвишь, то и рабы разбѣгутся. Послушаніемъ искореняютъ и исторгаютъ страсти, и достигаютъ смиренія, и погружаются въ смиренномудріе. Молитвою отгоняютъ всякіе мятежные помыслы, и соединяются съ самимъ Богомъ. Сіи самоизвольные страдальцы положили твердое основаніе своего спасенія «*вѣру*». И вѣруютъ своему Создателю, что не лишитъ ихъ Царь небесный вѣнца мученическаго. Мученики терпѣли отъ мучителей раны, темницы, біеніе и заточеніе, а послѣ и смерть. И сіи безкровные мученики ежедневно терпятъ мученіе отсѣченіемъ собственной своей воли; постъ иго, послушаніе, постъ, молитву, всенощное стояніе, бдѣніе, поклоны: чего не

[1] Обыкновенно утреня начинается въ часъ пополуночи. Обѣдня служится спустя полчаса послѣ утрени.

Digitized by Google

хощутъ, то имъ даютъ; чего не желаютъ, то имъ повелѣваютъ; куда просятся, туда не пускаютъ; а куда не желаютъ, туда посылаютъ. И всегда на крестѣ висятъ не отъ мучителей, но своею доброю волею. Еще же и злый мучитель діаволъ безпрестанно съ ними имѣетъ мысленную брань, и внушаетъ имъ сити со креста, и влагаетъ имъ въ умъ лукавые помыслы: жалость о мірѣ и яже въ немъ, о родителяхъ и сродникахъ, о имѣніи и всѣхъ прелестяхъ и красотахъ міра сего. Еще лукавый врагъ діаволъ внушаетъ имъ: сиди со креста, не можешь такъ поститься, не можешь вмѣстить эту пищу, не можешь понести такого послушанія, потеряешь свое здравіе, ты младъ, а жизнь твоя продолжительна, сиди со креста. Кто сего не пріиметъ, тому внушаетъ выйти изъ монастыря и удалиться на безмолвіе въ пустыню,—дабы изгнать изъ обители и отлучить отъ избраннаго и Богомъ собраннаго стада. Но сіи духовные воины сего лукаваго совѣтника побѣждаютъ, ово сами собою и молитвою; а ежели сами не могутъ, то объявляютъ своему пастырю, отцу игумену. Ибо во аѳонскихъ общежительныхъ монастыряхъ братія имѣютъ обычай ежедневно исповѣдывать свои помыслы и всѣ лукаваго прилоги своему пастырю и предводителю, отцу игумену. И имѣютъ къ нему такую вѣру, что всѣ свои помыслы и всѣ прилоги отдаютъ на его разсмотрѣніе и разсужденіе: какъ онъ скажетъ, такъ и дѣлаютъ, и принимаютъ отъ него совѣты, яко отъ самаго Бога, и бываютъ спокойны. Потому діаволъ и всѣ его коварства и козни бываютъ бездѣйственны, и никакой силы не имѣютъ на совершенныхъ послушниковъ. А хотя и пріидетъ къ нимъ какой помыслъ, то они, яко коня, возьмутъ за узду, и поведутъ къ своему пастырю, говоря: «что ты меня стужаешь? ты знаешь, что я не имѣю своей воли и своего разсужденія, и не знаю—откуда ты: отъ Бога ли, или отъ врага діавола; пойдемъ къ моему пастырю: какъ онъ разсудитъ?» И бываютъ спокойны.

«Келейное правило положено такое: въ самую полунощь, т.-е въ 12 часовъ нощи, возбуждаютъ всѣхъ на келейное правило. Прежде ударяютъ въ колоколъ, а потомъ ходятъ будильщики по корридорамъ. И каждый инокъ отправляетъ правило въ келіи своей: сто поклоновъ земныхъ съ молитвою Іисусовою; тысяча метаній, т.-е. поясныхъ—какъ рукой до земли достать, тоже съ молитвою Іисусовою, т.-е. «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго»; двѣсти метаній Пресвятой Богородицѣ, съ молитвою: «Пресвятая Владычице моя Богородице, спаси мя грѣшнаго»; пятьдесятъ поклоновъ земныхъ съ молитвою: «Богородице Дѣво, радуйся» и проч.; сто метаній Ангелу Хранителю; еще по сту метаній творятъ за новопредставленнаго брата, до четыредесяти дней; за творящихъ милостыню сто метаній: всего выходитъ пятнадцать четокъ. По окончаніи каждыхъ четокъ—трижды «аллилуіа» и три поклона земныхъ, и еще три поклона земныхъ съ молитвою: «Богородице Дѣво, радуйся«.

«Черезъ часъ по полунощи ударяютъ въ било, и собираются всѣ на соборную молитву въ церковь, и читаютъ полунощницу. Когда начнутъ псаломъ: «Помилуй мя Боже», тогда экклесіархъ обходитъ всю братію со свѣщею: кого не обрѣтается, скоро за тѣмъ посылаютъ, и когда приходитъ, то наказанъ бываетъ поклонами посреди церкви. Ежедневно на утрени по первой каѳизмѣ бываетъ великое чтеніе. Тогда паки обходятъ братію и возбуждаютъ. Наблюдается строго, чтобы стояли чинно, и поклоны творили всѣ заедино, равно и благочинно, чтобы не въ свое время никто не садился, кромѣ чтенія. И такъ каждую утреню обходятъ трижды и болѣе. Каноны обычая не имѣютъ читать, но ежедневно поютъ съ канонархомъ. Въ каждую утреню бываетъ три чтенія. Продолжается утреня четыре часа, а иногда и до пяти; а поліелейная утреня продолжается до шести часовъ. По-

Digitized by Google

слѣ утрени, пока очередной священникъ читаетъ правило, прочіе пребываютъ въ безмолвіи, не болѣе часа. Потомъ начинается ранняя литургія. Послѣ литургіи братія вкушаютъ антидору и святой воды; и ежели дважды трапеза, то идутъ въ трапезу, а потомъ на послушаніе до самой вечерни. Ежели однажды трапеза, то идутъ прямо на послушаніе, а пищу съ собою берутъ. До вечерни за полчаса сходятся всѣ въ монастырь. Потомъ идутъ къ вечерни. Вечерню читаютъ и поютъ не спѣшно. По вечерни идутъ въ трапезу, а ежели однажды трапеза, то по келіямъ.

«Въ шесть часовъ паки собираются въ церковь, и читаютъ повечеріе. На повечеріи канонъ Богородицѣ ежедневно поютъ на распѣвъ съ канонархомъ, и ежедневно читаютъ акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ. Потомъ идутъ каждый въ свою келію. И никто не имѣетъ позволенія въ келіи имѣть свѣтъ, но долженъ или почивать, или правило келейное отправлять: время все распредѣлено по часамъ».

Еще одинъ примѣръ. Г. Благовѣщенскій даетъ слѣдующее описаніе своего посѣщенія одного келіота, описаніе—прибавимъ мимоходомъ—очень художественное и дающее совершенно точное понятіе объ образѣ жизни аѳонскихъ отшельниковъ.

«Надышавшись вдоволь монашескимъ воздухомъ, мы вышли изъ кельи. Вокругъ тишина мертвая. Передъ кельей, на покатистой площадкѣ, разведенъ огородъ и на немъ растутъ тыква и огурцы. За огородомъ оврагъ, за оврагомъ рядъ овальныхъ холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ, а далѣе видно море и длинной синевой растянулись по горизонту далекіе берега Македоніи. Словомъ, одинъ изъ тѣхъ пустынныхъ, задумчивыхъ видовъ, какихъ много на Аѳонѣ.

Вотъ и самъ хозяинъ показался изъ рощи, съ кучей валежника на спинѣ, угрюмый, сгорбленный, но еще не старый. На немъ изодранная душегрѣйка и старенькая ряска, съ боку четки висятъ.

— «Благослови, отче!»—сказалъ Лукіанъ, подходя къ Сысою.

— Богъ благословитъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Мы къ тебѣ въ гости пришли.

— Пожалуйте! но угощать не буду: нечѣмъ.

Сысой отворилъ дверь въ келью, и аѳонское приличіе заставило насъ снова войти въ ту же грязную комнату съ запахомъ. Дверь осталась открытою. Сѣли мы гдѣ попало, и долго никто не говорилъ ни слова.

— Это твоя келья, отче?—спросилъ я, чтобъ начать бесѣду.

— Нѣтъ, не моя!

— А чья же?

— Божья.

— Да какъ же ты въ чужой кельѣ живешь?

— Да такъ, живу. Тутъ уже давно никто изъ людей не живетъ: боятся,—прибавилъ онъ, въ видѣ оправданія, оглядывая меня съ головы до ногъ.

— А много лѣтъ ты живешь тутъ?

— Не помню. Не считалъ.

— Тутъ должно быть опасно жить, отче! гляди какъ потолки-то нависли. Случись землетрясенье, такъ и убьетъ пожалуй.

— Землю трясетъ Богъ, а не люди. Его воля..

— А слышалъ ты, о. Сысой, про наше-то горе? спросилъ его Лукіанъ. Въ прошлое землетрясенье нашъ монастырь такъ разшатало, что братскій корпусъ еле держится.

— Слава Богу! отвѣтилъ ему Сысой.

— Чего жь ты радуешься?

Digitized by Google

— Господь посѣщаетъ васъ, такъ и радуюсь.

Мы молчали. Лукіанъ переминался, придумывая, какъ бы заговорить въ душеспасительномъ тонѣ; а я глядѣлъ въ открытую дверь, на красивую мѣстность кельи.

— Славные у васъ тутъ виды какіе! проговорилъ я:—залюбоваться можно.

Сысой холодно оглянулъ мѣстность, и не отвѣчалъ ничего. Я сталъ разсматривать угрюмую фигуру отшельника. Сидитъ онъ неподвижно и упорно въ землю смотритъ. Выраженье лица сдержанное, холодное, апатичное. Глаза и щеки глубоко ввалились и почернѣли. Въ самомъ спокойствіи его проглядываетъ что-то неестественное, нечеловѣческое; видно, что не безъ труда досталось ему это тяжелое спокойствіе.. Сидитъ Сысой какъ статуя; по клочьямъ его рубища спокойно разгуливаютъ муравьи и разныя другія насѣкомыя, но ему до этого дѣла нѣтъ. Вотъ огромный лѣсной червякъ вползъ къ нему на шею и норовитъ прогуляться по лицу сысойскому. Я поднялъ прутикъ и рѣшился помѣшать ему въ этой прогулкѣ. Сысой очнулся и поглядѣлъ на меня.

— Чего ты? спросилъ онъ.

— Да вотъ хочу червяка сбросить съ тебя. Гляди какой огромный.

— Не тронь, не тронь тварь Божію. Пустъ подзетъ куда ему надо. Ему, значитъ, такъ отъ Бога указано.

— А если укуситъ?

— Такъ меня укуситъ, а не тебя.

Мнѣ опять пришлось замолчать и подивиться спокойствію отца Сысоя. «Такъ погоди же, думаю, разшевелю я тебя!» И недобрая мысль появилась въ головѣ моей.

— А что, отче, еслибы вдругъ къ тебѣ сюда женщина пришла?—спросилъ я.

Лукіанъ вздрогнулъ отъ неожиданности подобнаго вопроса и быстро оборотился ко мнѣ. Сысой съискоса поглядѣлъ на меня и сейчасъ же отвернулся.

— Какая женщина?—спросилъ онъ, подумавъ.

— Такая, какъ и всѣ женщины бываютъ. Положимъ, молодая, красивая...

— Да откуда жь она возьмется? Мы женщинъ обыкновенно крестнымъ знаменіемъ гоняемъ.

— Не видѣнье, а настоящая женщина, съ плотью и кровью. Пришла бы, положимъ, какъ нибудь изъ Солуня, и стала именемъ Божіимъ просить у тебя совѣта...

— Охота тебѣ говорить такія вещи. Сысой сплюнулъ.

— Да нѣтъ, ты скажи, отче, что-бъ ты сдѣлалъ? Научи меня?

— Я бы тогда взялъ въ примѣръ древнихъ египетскихъ подвижниковъ. Чтобы удержать свою плоть въ послушаніи, я развелъ бы огонь въ жаровнѣ и держалъ бы въ огнѣ свою руку все время, пока говорилъ съ женщиной. Вотъ что я сдѣлалъ бы!...

Я на это ничего не могъ сказать. По силѣ и обдуманности выраженія нельзя было сомнѣваться въ искренности этихъ словъ отца Сысоя и въ громадной стойкости его характера. Лукіанъ съ торжествомъ взглянулъ на меня. Сысой поднялся.

— Простите, отцы! сказалъ онъ:—мнѣ время пойти на работу».

Съ своей стороны, инокъ Парѳеній о томъ же предметѣ повѣствуетъ слѣдующее (рѣчь идетъ о двухъ аѳонскихъ подвижникахъ: отцѣ Авелѣ и отцѣ Никандрѣ):

«Отцу Авелю далъ Господь даръ разсужденія, вкупѣ и прозорливства; отцу же Никандру—даръ слезный: ибо плакалъ день и нощь до самой смерти. Когда, послѣ смутнаго и скорбнаго времени, послалъ Господь Богъ на землю миръ, разрушились рати и войны, пропали всѣ разбойники, всюду

Digitized by Google

настала тишина и спокойствіе: тогда и братія паки стала сходиться въ св. гору Аѳонскую. Тогда и православные христіане потекли на поклоненіе въ св. гору Аѳонскую. Тогда начало продаваться и рукодѣліе. Пришелъ одинъ купецъ, и купилъ все, у кого что было. Отцы наши продали всѣ свои ложечки, и получили за нихъ двѣ тысячи левовъ, т.-е. четыреста рублей. Отецъ Никандръ много былъ радостенъ, и говорилъ: теперь, слава Богу, поправимъ свои нужды. Отецъ Авель ему сказалъ: «да, теперь поправимъ». Потомъ, въ скоромъ времени пришелъ къ нимъ одинъ міряниръ просить милостыню. Отецъ Авель спросилъ его: откуда, и какую имѣетъ нужду? Міряниръ же отвѣтилъ со слезами: «я, отче святый, съ острова Хіоса, жену и дѣтей моихъ взяли турки въ плѣнъ. Турчанинъ за нихъ проситъ пять тысячъ левовъ. И я собираю ихъ другой годъ. Набралъ, слава Богу, три тысячи; а двѣ тысячи еще надобно. Богъ дастъ, и это помаленьку соберу». Выслушавши сіе, отецъ нашъ сказалъ ему: «взойди ко мнѣ въ келію, и я что нибудь помогу тебѣ». Онъ взошелъ; отецъ же нашъ вынулъ всѣ деньги, что имѣлъ, и даетъ ему: возьми, сказалъ, иди, и выкупи жену свою съ дѣтьми. Міряниръ же ему отвѣтилъ: «Отче святый, что вы надо мной глумитесь? Мнѣ и безъ того скорбно; а дайте мнѣ одно лево, и я пойду». Отецъ же паки ему сказалъ: «нѣтъ, чадо, я не глумлюсь; я духовникъ: какъ могу глумиться? А ты возьми, да иди съ Богомъ». Міряниръ заплакалъ; отецъ же вложилъ ему деньги за пазуху, да и проводилъ его за дверь: міряниръ съ радостію пошелъ въ путь свой. Отецъ же Никандръ, видя сіе, горькими слезами заплакалъ, и сказалъ: «Отче, что ты это сдѣлалъ? Почто ты всѣ деньги отдалъ? Четыре года мы трудились, и думали нужды поправить, а теперь паки скорбѣть будемъ». Авель же сказалъ ему: «охъ, отецъ Никандръ! Когда мы будемъ совершенными монахами? Уже Господь насъ провелъ сквозь всѣхъ скорбей; а ты еще немоществуешь!» Тогда отецъ Никандръ умилился, и палъ ему въ ноги, плакалъ и просилъ прощенія. Отъ того часа отецъ Никандръ ни во что не входилъ, а только до самой смерти плакалъ.

«Вскорѣ оба постриглись въ великую схиму, и согласились удалиться во внутреннюю пустыню, на совершенное безмолвіе, чтобы никакихъ тѣлесныхъ и житейскихъ попеченій не имѣть. И взяли келію уединенную на холмѣ въ самой почти непроходимой пустынѣ, во имя Св. Іоанна Златоустаго. И положили они начало жизни своей по пустынному уставу: никакимъ попеченіемъ житейскимъ не занимались, ни садомъ, ни огородомъ; хотя и были масличныя дерева, но они за ними не смотрѣли. Уставъ въ жизни ихъ былъ таковъ: послѣ трапезы до вечерни занимались по келіямъ чтеніемъ духовныхъ писаній. Потомъ вечерню правили по уставу; читали всегда со вниманіемъ и со слезами, не борзясь, тихо и кротко; потомъ повечеріе съ канономъ Богородицѣ, и на сонъ грядущимъ молитвы. Нощь всю препровождали въ бдѣніи и молитвѣ и въ поклонахъ. Ежели сонъ ихъ преклонялъ, то сидя мало давали мѣсто сну, не болѣе часу во всю ночь, и притомъ непримѣтнымъ образомъ, а болѣе нудились; часто нощію прохаживались. Послѣ утрени предавались безмолвію, пока разсвѣтаетъ. Потомъ занимались рукодѣліемъ: работали урокомъ, по десяти ложекъ на брата, работали въ разныхъ мѣстахъ. Разговоровъ между собой отнюдь никогда не имѣли, развѣ только о нужномъ и необходимомъ, а пребывали всегда въ молчаніи, въ храненіи сердца, и въ безпрестанной умной молитвѣ; а работали ложки самой простой работы. Потомъ читали часы и молебенъ Божіей Матери; а потомъ трапезовали. И такъ препровождали дни и ночи въ безпрестанной молитвѣ и рукодѣліи. Еще старецъ любилъ часто служить литургію: когда были вино и просфоры, то почти каждый день была литургія, но великую нужду имѣли

Digitized by Google

въ винѣ и просфорахъ. Служили литургію больше только двое. Многожды мнѣ случалось взойти въ притворъ, и слушать ихъ громогласную литургію и музыкальное ихъ пѣніе слезами растворенное. Вижду двухъ старцевъ, постомъ удрученныхъ и изсушенныхъ: одинъ въ алтарѣ, предъ престоломъ Господнимъ стоитъ и плачетъ, и отъ слезъ не можетъ возгласовъ произносить, токмо едиными сердечными воздыханьями тихо произноситъ; а другой стоитъ на клиросѣ и рыдаетъ: и отъ плача и рыданія, еще же и отъ немощи тѣлесной, мало что можно слышать».

Этихъ выписокъ совершенно достаточно, чтобы судить, до какой степени воззрѣнія, даже несходственныя, могутъ достигать одинаковыхъ впечатлѣній, когда въ основаніи ихъ лежитъ не безсодержательное сантиментальничанье (какъ, напримѣръ, въ «Письмахъ Святогорца»), а правдивое отношеніе къ факту. Фактъ на лицо, и читателю самому предоставляется быть судьею того, на сколько онъ плодотворенъ. Поэтому, мы можемъ смѣло рекомендовать всѣмъ мыслящимъ людямъ книгу г. Благовѣщенскаго наравнѣ съ сочиненіемъ инока Парѳенія. Воззрѣнія обоихъ авторовъ составляютъ въ этомъ случаѣ придаточное (разумѣется, очень различной цѣнности), которое отъ читателя будетъ зависѣть принять къ свѣдѣнію, если воззрѣнія эти окажутся достаточно цѣнными, или пройти мимо, если цѣнность ихъ представится сомнительною.

Новый Египетъ. Соч. графа В. А. Соллогуба. *1871. С.-Петербургъ.*

Много лѣтъ тому назадъ (въ своемъ, нѣкогда знаменитомъ, «Тарантасѣ») гр. Соллогубъ остроумно замѣтилъ, что по Россіи, собственно говоря, никто не *путешествуетъ*, а всякій *ѣздитъ*—напр. изъ Казани въ Нижній, или изъ села Мордасы въ какую-нибудь другую, не менѣе глухую, деревушку. Замѣчаніе это вполнѣ справедливо, если мы подъ словомъ «путешествіе» будемъ разумѣть не одно лишь передвиженіе съ мѣста на мѣсто, но и соединенную съ нимъ цѣлую массу разнообразныхъ впечатлѣній, которыя не только восприняты внѣшнимъ чувствомъ, но и перешли также въ сознаніе наблюдателя. Такихъ впечатлѣній, невольно западающихъ въ память и шевелящихъ сознаніе, доставляетъ очень мало русская жизнь; но и тѣ, которыя доставляются ею, проходятъ безслѣдно въ душѣ туземнаго зрителя, не возбуждая критической работы мысли, не наталкивая на полезные выводы... Это послѣднее обстоятельство касается уже не предметовъ, окружающихъ наблюдателя, но его самого, съ его притупленными нервами, съ его малой способностью подмѣчать явленія, некидающіяся въ глаза ни рѣзкостью красокъ, ни грубой рельефностью очертаній. Такими первобытными натурами, такими дикарями, разѣвающими ротъ при видѣ всякихъ курьезовъ, и пропускающими безъ вниманія вещи наиболѣе любопытныя, являлись обыкновенно наши добродушные предки, когда какой-нибудь исключительный случай выталкивалъ ихъ изъ родимой мурьи на свѣжій воздухъ—

Digitized by Google

въ нѣмецкія, или басурманскія, земли. Инокъ Симеонъ, сопровождавшій митрополита Исидора на флорентинскій соборъ въ 1437 году, представилъ намъ замѣчательные образчики подобнаго ротозейства, которое нейдетъ далѣе уличныхъ предметовъ и диковинокъ, поразительныхъ для необразованнаго ума. Въ Любекѣ поразился онъ «палатами съ позлащенными верхами» и механически-устроеннымъ поклоненіемъ волхвовъ передъ богоматерью; въ Люнебургѣ засмотрѣлся на фонтаны, бившіе изъ бронзовыхъ статуй, и писалъ по этому поводу: «истекаютъ изъ тѣхъ людей (онъ ихъ, кажется, такъ за людей и принялъ) изъ всѣхъ воды сладки и студены: у инаго изъ устъ, а у инаго изъ уха, а у инаго изъ ока, а у инаго изъ ноздрію». Въ Феррарѣ онъ зазѣвался передъ часами съ механикой и никакъ не могъ понять, почему это ангелъ «коли приспѣетъ часъ ударити въ колоколъ, выдетъ изъ столба простѣ видѣти, яко живъ, и потрубитъ въ трубу» и пр. Общественной жизни, политическихъ событій простодушный инокъ совсѣмъ не замѣтилъ—и этого, конечно, нельзя ему поставить въ вину, если мы вспомнимъ, что онъ былъ достойнымъ сыномъ XV-го вѣка русской исторіи.

Гр. Соллогубъ, наскучивъ странствовать по Мордасамъ въ россійской землѣ, задумалъ предпринять «настоящее путешествіе» въ Египетъ съ цѣлью: другихъ посмотрѣть и себя показать—больше, впрочемъ, себя показать, какъ это видно изъ его всегдашняго желанія выдвинуть на первый планъ свою фигуру, причемъ неукоснительно упоминается: была ли эта фигура облечена въ мундиръ россійскаго чиновника или въ костюмъ обыкновеннаго европейскаго гражданина. Но тутъ-то съ нимъ и приключилось обстоятельство, упомянутое выше. Оказалось, что мы не умѣемъ путешествовать не только потому, что у насъ слишкомъ мало предметовъ для наблюденія, а также и потому, что мы наблюдать-то не выучились какъ слѣдуетъ и, если обогнали инока Симеона въ элементарномъ понятіи о физикѣ и механикѣ, то едва-ли не пребываемъ на одной съ нимъ точкѣ по части общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Живое доказательство—тѣ, лишенныя смысла и значенія, бѣглыя путевыя замѣтки, которыя гр. Соллогубъ печаталъ прежде въ газетѣ «Вѣсть», а теперь, неизвѣстно зачѣмъ и по чьему востребованію, собралъ воедино въ тощую книжку и назвалъ громкимъ именемъ: «Новый Египетъ». Ни новаго, ни стараго Египта въ этой книжкѣ совсѣмъ не имѣется, ибо гр. Соллогубъ лишенъ, въ полной мѣрѣ, того органа наблюдательности, который зовется критическимъ умомъ, и совершенно необходимъ какъ для того, чтобы умѣть остановиться на извѣстномъ впечатлѣніи, такъ и для того, чтобы опредѣлить и взвѣсить его со всѣхъ, доступныхъ оцѣнкѣ, сторонъ. За отсутствіемъ критическаго анализа, который отличаетъ истиннаго путешественника отъ фланера, пустившагося на уда-

Digitized by Google

лую искать приключеній, у гр. Соллогуба остается умѣнье поговорить «о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ», высказать мимоходомъ «взглядъ и нѣчто», — словомъ, обойтись съ тѣми дюжинными качествами газетнаго фельетониста средней руки, которыя характеризованы у французовъ непереводимымъ словомъ: blague. Благерство гр. Соллогуба свѣтитъ въ каждой его строкѣ, и онъ только тамъ на своемъ мѣстѣ, гдѣ ему есть просторъ потолковать о мелочахъ, пристегнуть какое-нибудь, хлесткое по его мнѣнію, словечко, не забыть, при этомъ, себя и своего мундира и пр. и пр. Въ началѣ книги гр. Соллогубъ притворяется философомъ; но—нужно отдать справедливость его прямодушію — притворяется очень неискусно. Въ своемъ предисловіи онъ уже предрекаетъ, что «не Франціи *суждено* даровать востоку благодѣяніе политическаго и нравственнаго освобожденія: Франція возбуждаетъ только великіе вопросы, развязку же этихъ вопросовъ передаетъ другимъ, болѣе *терпѣливымъ* народностямъ». Этимъ народомъ, вознаграждаемымъ единственно за свою «терпѣливость», призванъ быть, конечно, народъ русскій. «Рано или поздно—патетически возглашаетъ авторъ—когда часъ урочный настанетъ, русскій исполинъ подымется, сотворитъ крестное знаменіе, отъ котораго вздрогнутъ и западъ, и востокъ (западу-то отчего жь тутъ вздрагивать? вѣдь тамъ не басурманы живутъ и крестное знаменіе тоже видали!) и сорветъ съ гроба господня лежащія на немъ цѣпи». Затѣмъ, въ первой половинѣ своей книги, гр. Соллогубъ только и развиваетъ эти нехитрыя мысли о провиденціальномъ характерѣ историческихъ событій, и о великомъ призваніи русскаго исполина. Такъ напр., по его мнѣнію, компанія Бонапарта въ Египетъ не удалась потому, что—«если бы первый консулъ встрѣтилъ съ самаго начала успѣхъ, такъ долго его впослѣдствіи сопровождавшій, онъ увлекся бы побѣдою, задумалъ бы завоеваніе Цареграда и Индіи, и не исполнилъ бы такимъ образомъ *своего предназначенія* въ совокупной связи общественнаго совершенствованія» (стр. 4). Далѣе, изъ словъ самого гр. Соллогуба, оказывается, что сенъ-симонистамъ принадлежитъ счастливая мысль канализаціи Суэзскаго перешейка, что они привлекли въ край много полезныхъ дѣятелей, что двое изъ этихъ дѣятелей, а именно Ралабо и Бурдалонъ, переслѣдовавъ труды ученой наполеоновской экспедиціи, доказали ошибку Лепере, предполагавшаго большую разницу между уровнями морей Средиземнаго и Краснаго, и такое открытіе «освѣтило вопросъ новымъ свѣтомъ, отбросило въ сторону опасеніе важныхъ препятствій и можетъ почитаться точкой исхода убѣжденія въ практической исполнимости канала» (стр. 12). Но тѣмъ не менѣе, сенъ-симонисты не довели до конца своего предпріятія и не довели его по причинѣ, весьма понятной для гр. Соллогуба: «имъ, какъ всѣмъ школамъ *нетерпѣнія* (мы уже видѣли, что терпѣливость составляетъ главную національную добродѣ-

Digitized by Google

тель), *суждено* было служить живымъ примѣромъ, что человѣческое совершенствованіе не наслѣдуется, а развивается отдѣльно отъ нихъ, какъ-бы *въ наказаніе за ихъ самонадѣянность*». Соорудить нѣсколько фразъ по этому рецепту, значитъ, въ глазахъ гр. Соллогуба, разсмотрѣть суэзскій вопросъ «въ историческомъ отношеніи». Затѣмъ, подобнымъ же образомъ, вопросъ разсматривается въ отношеніи политическомъ и коммерческомъ, и хотя здѣсь гр. Соллогубъ вынужденъ сознаться, что Суэзъ для насъ—«дѣло второстепенное» (стр. 41), но все-таки глава кончается тѣмъ, что скоро-скоро «загудятъ въ Софійскомъ соборѣ колокола православные и помолится въ соборѣ бѣлый царь за своихъ освобожденныхъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ». Статистическія и этнографическія свѣдѣнія, которыя попадаются у гр. Соллогуба между этими тенденціозными возгласами, могутъ быть почерпнуты изъ перваго плохаго учебника географіи, и вообще цѣнное пріобрѣтеніе, которое сдѣлали мы, одолѣвъ 72 страницы этого водянистаго изложенія, состоитъ въ одной благочестивой мысли, что въ исторіи «суженаго конемъ не объѣдешь», и въ одномъ же практическомъ выводѣ, что Москвѣ, занимающейся нынѣ приготовленіемъ колоколовъ для Праги, слѣдуетъ позаботиться о вылитіи таковыхъ и для Софійскаго собора, гдѣ имъ предстоитъ «загудѣть» даже скорѣе, чѣмъ мечтаетъ о томъ здѣшній славянскій благотворительный комитетъ.

Во второй половинѣ своей книжки, носящей особое заглавіе «Поѣздка на Суэзъ», гр. Соллогубъ, развязавшись съ докучными историческими, политическими и иными вопросами, толкуетъ о чемъ попало и какъ попало, и здѣсь инокъ Симеонъ окончательно уступаетъ въ немъ мѣсто французскому благеру изъ какого нибудь Petit Journal, съ неутомимой способностью извергать изъ себя цѣлые каскады звонкихъ, но пустопорожнихъ словъ. Тутъ встрѣчаемъ мы и «жидовскую кормилицу, *дѣлающую* каламбуры» (стр. 77), и «своихъ людей» гр. Соллогуба («своимъ человѣкомъ» онъ называетъ, между прочимъ, драгомана, отправленнаго съ нимъ въ Египетъ), и какого-то «египтенка», который надоѣдалъ графу на пароходѣ, и пр. и пр. Съ однимъ изъ распорядителей канала, «идеаломъ чиновника» (стр. 125), гр. Соллогубъ пилъ шампанское за здоровье императрицы Евгеніи, гулялъ съ «миловидными дѣвицами», произносилъ тосты на египетскихъ пиршествахъ, привлекъ къ себѣ вниманіе Нубара-паши и аббата Вауэра — словомъ, не ударилъ въ грязь лицомъ, подобно тѣмъ неприличнымъ гостямъ хедива, которые «осрамились передъ Африкой, явившись на балъ въ сюртукахъ и пиджакахъ» (стр. 127). Удовольствіе его было бы полное, еслибы оно не отравлялось двумя обстоятельствами немаловажнаго свойства. Вопервыхъ, гр. Соллогубъ былъ сильно озабоченъ соблюденіемъ своего достоинства между гостями и, по этому поводу, вступилъ даже въ пререканія съ

Digitized by Google

своимъ другомъ, Нубаромъ-пашею. Дѣло происходило такимъ образомъ. Гр. Соллогубъ задумалъ уже выѣхать изъ Египта и, встрѣтивъ Нубара-пашу «въ щегольской колясочкѣ», подсѣлъ къ нему съ тѣмъ, чтобы сообщить свое желаніе откланяться хедиву. «Приходите,—отвѣчалъ Нубаръ-паша,—завтра утромъ, часовъ въ десять. Хедивъ васъ, вѣроятно, приметъ, такъ-какъ это его пріемный часъ. Навѣрно, впрочемъ, не ручаюсь». Этимъ отвѣтомъ гр. Соллогубъ разобидѣлся ужасно. «Г. министръ, — отвѣчалъ онъ, — мы, кажется, не понимаемъ другъ друга. Я не имѣю никакого дипломатическаго характера, но, тѣмъ не менѣе, я присланъ русскимъ правительствомъ. Къ тому же я, по русской службѣ, въ такомъ чинѣ, что мнѣ неприлично толкаться на авось въ передней его свѣтлости». При такомъ энергическомъ заявленіи, Нубаръ-паша «немного сконфузился»—и аудіенція у хедива была получена. Быть можетъ, похвальная настойчивость гр. Соллогуба покажется легкомысленнымъ людямъ нѣкоторымъ, такъ-сказать, наянствомъ, тѣмъ болѣе, что бѣдный хедивъ и безъ того истратилъ 80 мильйоновъ на угощеніе своихъ, въ полномъ смыслѣ слова, «дорогихъ» гостей; а тутъ еще милые гости не даютъ ему покоя въ собственномъ дворцѣ, терроризируя именемъ своихъ правительствъ. Но мы думаемъ, что гр. Соллогубъ дѣйствовалъ прямо въ интересахъ патріотизма, и хедиву, безъ сомнѣнія, было пріятно услышать на аудіенціи отъ русскаго сановника, что имъ «сооружена колыбель восточнаго просвѣщенія». Другое обстоятельство, нѣсколько омрачавшее горизонтъ души веселаго путешественника, состояло въ томъ, что египетскіе феллахи постоянно приставали къ нему, прося на водку; а онъ, какъ человѣкъ экономный и притомъ приберегавшій деньги для поддержанія своего достоинства, рѣшительно отказывалъ имъ въ этомъ. На этотъ разъ, впрочемъ, мы находимъ, что гр. Соллогубъ поступалъ уже слишкомъ большимъ ригористомъ: получая за свою командировку отъ русскаго правительства весьма приличное вознагражденіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проживая «на всемъ готовомъ» у хедива (на каждаго гостя отпускалось въ сутки по 65 франковъ), гр. Соллогубъ могъ бы быть пощедрѣе къ бѣднымъ феллахамъ, которые воздвигали своими руками «колыбель восточнаго просвѣщенія».

Россія и Европа. — *Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому.* Н. Я. Данилевскаго. *Спб. 1871 г.*

Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ, *изслѣдованіе* Владиміра Ламанскаго. *Спб. 1871 г.*

Слишкомъ усердные друзья опаснѣе враговъ, говоритъ пословица, и ни къ чему эту пословицу нельзя примѣнить съ такимъ успѣхомъ, какъ къ той горсти рыцарей печальнаго образа, которые слывутъ подъ названіемъ славянофиловъ. — Казалось

Digitized by Google

бы на первый взглядъ, что въ основѣ славянофильскаго ученія лежатъ такія идеи, которыя вовсе не могутъ даже и быть особеннымъ, отдѣльнымъ, ученіемъ горсти адептовъ, а должны составлять неотъемлемую стихію каждаго русскаго человѣка, какихъ бы убѣжденій онъ ни былъ. Начните съ основной пружины, на которой вертится все славянофильство, любви къ родинѣ,—это — такое естественное физіологическое чувство, которое присуще всѣмъ и каждому; я не знаю, найдется ли хоть одинъ человѣкъ, который бы не любилъ родины и не желалъ бы ей ничего хорошаго. Столь же естественно сочувствовать и своимъ единоплеменникамъ и вполнѣ гуманно желать имъ самостоятельности, свободы, процвѣтанія и пр. И въ свою очередь не абсурдъ ли предположить существованіе хоть одного человѣка, который сказалъ бы вамъ: я терпѣть не могу славянъ, мнѣ рѣшительно все равно, существуютъ они или нѣтъ и какъ существуютъ, я равнодушно смотрю на всѣ притѣсненія, какія они терпятъ, и хоть бы они совсѣмъ сгинули.—Въ то же время, кто же не желаетъ, чтобы родина не была однимъ ничтожнымъ эхомъ западной цивилизаціи, чтобы она развила свою собственную цивилизацію, вложивши свою лепту въ общую сокровищницу цивилизаціи человѣчества, чтобы она мыслила самостоятельно, перенимая съ запада только то, что̀ тамъ есть истинно хорошаго, и не повторяя ошибокъ и заблужденій Европы? Кто наконецъ сомнѣвается, что Россія имѣетъ свою индивидуальность, свои особенности, которыя во многомъ отличаютъ ее отъ европейскаго міра, и рядомъ съ многими недостатками имѣетъ и свои преимущества, которыя, въ случаѣ правильнаго и естественнаго развитія, обѣщаютъ ей свѣтлое будущее? Все это такія идеи, которыя естественно приходятъ въ голову каждому русскому человѣку, мало-мальски мыслящему. Въ такомъ случаѣ спрашивается, на какой же прахъ существованіе славянофильства, какъ особеннаго ученія, какъ партіи, если въ основѣ его лежатъ идеи, общія всему русскому обществу безъ исключенія? Вѣдь каждая партія возможна только, какъ нѣчто противоположное другой партіи... Чему же противоположно славянофильство? Западничеству? Но, еще разъ повторяемъ, найдите хоть одного западника, который не любилъ бы родины, славянъ, не желалъ бы величія и самостоятельности Россіи, не желалъ бы, чтобы она вмѣсто того, чтобы учиться и перенимать, сама передавала бы и научала? Но этого курьёза еще мало: славянофилы, которые проповѣдуютъ идеи, раздѣляемыя всѣми безъ исключенія, въ то же время рѣзко выдѣляютъ себя отъ всего русскаго общества, они сами о себѣ говорятъ, что число ихъ единомышленниковъ весьма ограничено. Въ то же время западники, имъ же имя легіонъ, по сознанію самихъ славянофиловъ, въ свою очередь смотрятъ на славянофиловъ, какъ на небольшую горсть бѣснующихся, хотя въ основныхъ началахъ, вышеупомянутыхъ нами, нисколько славянофиламъ не противорѣчатъ.

Digitized by Google

Все это такая путаница, что съ перваго раза вы тутъ ничего не разберете, пока не осмотритесь, а когда осмотритесь—вамъ представится вещь очень простая и нехитрая.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего страннаго, что славянофилы, проповѣдуя идеи, раздѣляемыя всѣми, заслужили всеобщую славу какихъ-то юродивыхъ. Вы представьте себя нѣсколько мономановъ, которымъ по какимъ-нибудь причинамъ вдругъ пригрезилось, что всѣ ихъ соотечественники перестали пить воду, употребленіе которой свойственно человѣческому организму, а вмѣсто воды дуютъ во всю ивановскую одно вино.— Ничего въ дѣйствительности подобнаго нѣтъ, всѣ пьютъ воду— и за обѣдомъ, и послѣ обѣда, было только временное уменьшеніе въ употребленіи воды вслѣдствіе засоренія колодцевъ, но наши мономаны упорствуютъ, что вода совсѣмъ изгнана изъ употребленія.—И вотъ они образуютъ изъ себя партію водофиловъ, противополагая себѣ винофиловъ. Начинается пропаганда пользы воды для организма, увѣщанія, чтобы ее пили, непремѣнно пили, чтобы всѣ кушанья приправляли водою. Но манія не ограничивается первою ступенью, она имѣетъ свое развитіе и быстро доходитъ до своей крайности: отъ проповѣдыванья пользы воды мономаны не медлятъ перейти къ мысли, что вода — универсальное средство противъ всѣхъ болѣзней, должна быть единственною пищею человѣка, вода—источникъ силы и богатства организма, одною водою живъ человѣкъ. Рядомъ съ этимъ, конечно, сыпятся громы противъ вина; сначала водофилы проповѣдывали только противъ излишняго его употребленія, но потомъ доходятъ до того, что вино представляется ядомъ, растлѣвающимъ организмъ, тлетворною заразою, отъ одного прикосновенія котораго гибнетъ все живое, и пр. Разъ утвердились на такой idée fixe наши мономаны, вы ужь ихъ не собьете съ этой точки зрѣнія. Все, что только ни дѣлается вокругъ, все будетъ пріурочиваться къ этой маніи. Умираетъ человѣкъ отъ чахотки,—это произошло оттого, объяснитъ вамъ водофилъ, что отъ пилъ вино. Да онъ не былъ пьяница, возражаете вы: онъ пилъ вино умѣренно и съ разборомъ, пилъ въ то же время и воду... Но все-таки онъ пилъ вино, продолжаетъ водофилъ, и вы видите, достаточно было нѣсколько капель этой тлетворной заразы — и благодѣтельное дѣйствіе было парализовано.—Заболѣваетъ человѣкъ, который не пилъ никакого вина, а пилъ одну воду, водофилъ начинаетъ васъ увѣрять, что онъ вовсе не боленъ, что его болѣзнь есть здоровье, а вы, воображающіе себя здоровыми, вы на краю гроба вслѣдствіе употребленія тлетворной заразы вина... Но можетъ случиться и такъ, что водофилъ и самъ соблазнится какимъ-нибудь отличнымъ виномъ... Возстать противъ употребленія подобнаго вина нѣтъ возможности, да у водофила и у самаго слюньки текутъ попробовать винца—вы думаете онъ остановится, о нѣтъ, прихлебывая изъ рюмочки и причмакивая,

Digitized by Google

онъ не замедлитъ привести вамъ цѣлый рядъ неопровержимыхъ доказательствъ, что это онъ пьетъ съ вами вовсе не вино — это вода, чистѣйшая, дисциллированная вода. Вообще относительно доказательствъ всякаго рода нашъ водофилъ въ карманъ не полѣзетъ: въ одномъ мѣстѣ онъ поддернетъ, въ другомъ передернетъ, и будучи горькимъ пьяницею, будетъ увѣрять васъ, что онъ кромѣ воды ничего и въ ротъ не беретъ.

Совершенно такого рода мономанами представляются славянофилы. Еслибы они ограничивались возбужденіемъ въ нашемъ обществѣ здороваго и разумнаго патріотизма, желанія свободнаго, естественнаго развитія всѣхъ элементовъ народной жизни, чувства собственнаго достоинства и довѣрія къ свѣтлому будущему нашей родины, кто же противъ этого возсталъ бы? Еслибы они выставляли напоказъ поистинѣ свѣтлые задатки русской народности, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, Герценъ, предохраняли отъ безсмысленной пересадки формъ западной жизни, дѣйствительно дрянныхъ, конечно они не встрѣтили бы ни одного слова возраженія. Еслибы они, не ограничиваясь возбужденіемъ одной платонической любви къ славянамъ, выражающейся такъ безплодно, еслибы вмѣсто всякихъ общихъ воздушныхъ мечтаній, они указали бы маломальски практическую осязательную возможность осуществленія единства славянъ, хотя бы въ далекомъ будущемъ, то безъ сомнѣнія ихъ рѣчь была бы встрѣчена съ общимъ сочувствіемъ. Но что мы видимъ вмѣсто всего этого? Мы видимъ горсть мономановъ, которымъ мало предостерегать насъ противъ тѣхъ или другихъ дурныхъ сторонъ западной жизни; они вотъ ужь нѣсколько десятковъ лѣтъ утѣшаютъ насъ скорбными сѣтованіями о гніеніи запада, отрицая въ западной цивилизаціи огуломъ все и дурное, и хорошее... Въ то же время все славянское, а особенно русское является для нихъ въ равно блестящемъ свѣтѣ безъ пятенъ, въ ореолѣ лучей славы... До какой степени отсутствуетъ всякая здравая человѣческая логика въ этихъ мономанахъ, трудно себѣ представить. Тѣ же самыя гнетущія, отжившія формы, въ которыхъ славянофилъ видитъ разложеніе запада, на русской почвѣ представляются ему существеннымъ элементомъ народнаго организма, въ которомъ именно и сосредоточивается все будущее русской цивилизаціи. Сегодня славянофилъ вооружается демократическими идеями, взятыми имъ напрокатъ у того-же запада, и ставитъ въ паралель сословнымъ перегородкамъ западной жизни отсутствіе замкнутыхъ сословій въ Россіи, при этомъ прославляетъ внѣсословное земство; завтра тѣ демократическія идеи онъ топчетъ въ грязь, считаетъ ихъ тлетворнымъ увлеченіемъ западными ученіями (см. Р. и Евр., стр. 305 и 306). Сегодня славянофилъ будетъ доказывать вамъ, что право свободно толковать св. писаніе, составляющее основу протестантизма, ве-

Digitized by Google

детъ къ анархіи мысли, и въ этомъ онъ будетъ видѣть одинъ изъ признаковъ разложенія западной цивилизаціи (см. Р. и Евр., стр. 212), завтра онъ, напротивъ того, разовьетъ передъ вами всѣ доводы въ пользу того, что въ русскомъ народѣ кроется гораздо болѣе задатковъ свободы совѣсти, чѣмъ въ протестантизмѣ, и на этомъ онъ будетъ основывать преимущество русской цивилизаціи предъ западной. Если славянофилу не нравится та или другая реформа, взятая съ запада, онъ сейчасъ начнетъ вопить объ обезьянствѣ, о западничаньѣ, о вредныхъ послѣдствіяхъ пересадки съ запада дурныхъ травъ и пр.; а если реформа славянофилу по душѣ, то хотя она и слишкомъ пересажена съ запада, славянофилъ ей аплодируетъ, и ему ничего не стоитъ привести вамъ тысячу доказательствъ въ томъ родѣ, что хотя, молъ, реформа взята съ запада, но она вполнѣ соотвѣтствуетъ духу народной жизни, что и въ допетровской Руси были задатки подобнаго, только не успѣли развиться, вслѣдствіе вредныхъ вліяній петровской реформы и пр. и пр. Однимъ словомъ, за доказательствами славянофилы въ карманъ не полѣзутъ, какъ тѣ водофилы, съ которыми мы ихъ выше сравнили,—и доказательства ихъ основываются не на законахъ логики, не на фактахъ, а на душевныхъ настроеніяхъ, на прихотливой игрѣ симпатій и антипатій. Но подобнаго рода мономаны, несмотря даже на то, что они берутъ на себя нерѣдко тяжкій грѣхъ защищать изъ слѣпаго пристрастія ко всему родному только потому, что это родное, а не западное, такіе принципы, въ господствѣ которыхъ всякій здравомыслящій человѣкъ можетъ предвидѣть скорѣе опасность растлѣнія народнаго организма, чѣмъ залогъ будущей цивилизаціи, подобнаго рода мономаны только цвѣточки передъ славянофилами инаго рода, у которыхъ славяноманія является уже не въ томъ переносномъ смыслѣ, въ какомъ можно назвать маніей всякое исключительное сектаторство, а въ прямомъ смыслѣ зашествія ума за разумъ. Здѣсь уже у человѣка совершенно почва выходитъ изъ-подъ ногъ и небо кажется съ овчинку; куда бы онъ ни пошелъ, что̀ бы ни увидѣлъ, ни услышалъ, повсюду ему мерещутся славяне, славянскія рожи выглядываютъ на него изъ-за каждаго куста, изъ-за каждой страницы книги. Онъ просиживаетъ въ пыльныхъ архивахъ всю жизнь, перерываетъ кипы ветхихъ рукописей—и все это въ одной платонической страсти созерцать все славянское... Ко всему остальному онъ дѣлается глухъ и слѣпъ на всю жизнь. Но этого мало, манія идетъ дальше; самому мономану начинаютъ мерещиться наконецъ славяне не въ однихъ уже славянскихъ земляхъ, а повсюду: славяне въ Англіи, славяне въ Даніи, славяне въ Пруссіи, Испаніи, Африкѣ, Малой Азіи... И онъ готовъ цѣлые годы просидѣть въ усидчивыхъ, кропотливыхъ изслѣдованіяхъ для того, чтобы найти братчика-славянчика на мысѣ Доброй Надежды... Отъ этого одинъ шагъ до того, чтобы весь родъ человѣческій представился человѣку

славянскимъ, и онъ раздѣлилъ его на два рода славянъ: поврежденныхъ, т.-е. иновѣрныхъ и неповрежденныхъ—православныхъ... Славянофильство доходило въ свое время и до такихъ геркулесовыхъ столбовъ маніи, вѣроятно не замедлитъ представить и новые образчики въ такомъ родѣ.

Книги, предстоящія нашему разбору, представляютъ два образчика славяноманіи. Г. Данилевскій въ своемъ трактатѣ является передъ нами славянофиломъ-философомъ, г. Ламанскій—славянофиломъ-публицистомъ. Г. Данилевскій показываетъ вамъ всѣ прелести славянофильской аргументаціи, г. Ламанскій—представляетъ наглядное доказательство, какія вздорныя вещи могутъ интересовать славянофиловъ и какія донъ-кихотскія кувырканья совершаютъ они по поводу этихъ вещей. Трактатъ г. Данилевскаго, въ 500 страницъ, слишкомъ занимается доказательствами необходимости племенной вражды между Европою и славянскимъ міромъ. Эта вражда, по его мнѣнію, основывается вовсе не на какихъ нибудь политическихъ и соціальныхъ началахъ, а на томъ, что Европа особая статья, Россія особая—а два особые міра непремѣнно должны вступить въ столкновеніе, по мнѣнію г. Данилевскаго, только по тому одному уже, что они не похожи другъ на друга. На этомъ основаніи г. Данилевскій, конечно, опровергаетъ, чтобы недоброжелательство запада къ Россіи основывалось на опасеніяхъ со стороны Европы въ виду завоевательной политики Россіи—по мнѣнію г. Данилевскаго основанія тутъ совсѣмъ иныя, болѣе глубокія; что же касается завоевательной политики, то это чистый миражъ, никакой завоевательной политики Россія никогда не имѣла и всегда была державою мирною. Но конечно мало голословнаго утвержденія въ такомъ родѣ—надо его доказать.. О, что касается доказательствъ, то за ними г. Данилевскій въ карманъ не полѣзетъ, и тутъ обнаруживается передъ вами вся прелесть славянофильской аргументаціи. Чтобы доказать, что Россія никогда не была державой завоевательною, г. Данилевскій, какъ тонкій софистъ, начинаетъ съ опредѣленія самаго слова «завоеваніе», и извращаетъ его значеніе въ своихъ видахъ. Казалось-бы, по общепринятому значенію этого слова, каждый захватъ чужой собственности, путемъ войны, хотя бы собственность эта состояла изъ пустопорожняго мѣста, есть завоеваніе. Нѣтъ, вы ошибаетесь: г. Данилевскій доказываетъ вамъ, что завоеваніе есть порабощеніе народности, желающей быть свободною и единою, а гдѣ такого порабощенія нѣтъ, тамъ нѣтъ и завоеванія. На этомъ основаніи покореніе Финляндіи вовсе не было завоеваніемъ: Россія не отняла отъ Швеціи ни пяди земли, занятой шведами, она отняла только Финляндію, а финны—народъ неисторическій, о самостоятельности ни о какой никогда не мечтали, имъ было все равно, принадлежать шведамъ или русскимъ—какое-же это завоеваніе? Россія побѣдила и пріобрѣла, по словамъ г. Данилевскаго, право

на вознагражденіе денежное, земельное, или другое, лишь-бы оно не простиралось на часть самой Швеціи,—ибо національная территорія неотчуждаема и никакіе договоры не могутъ освятить въ сознаніи народа такого отчужденія, пока отчужденная часть не потеряетъ своего національнаго характера... Что касается до Польши, то и это вовсе не было завоеваніемъ. Это было, по мнѣнію г. Данилевскаго, дѣломъ великодушія Александра I. «Что ослѣпило его взоръ? говоритъ г. Данилевскій: никакъ не завоевательные планы, а желаніе осуществить свою юношескую мечту,—возстановить польскую народность, и тѣмъ загладить то, что ему казалось проступкомъ его великой бабки», и пр.

На подобнаго рода софизмахъ основана вся книга. Г. Данилевскій на каждой страницѣ противорѣчитъ не только здравому смыслу, но и самому себѣ, смотря по тому, что̀ ему нужно доказать. Такъ, напримѣръ, на сотнѣ страницъ онъ проводитъ ту идею, что общечеловѣческой цивилизаціи нѣтъ и это чистая фикція, что цивилизація развивается по культурно-историческимъ типамъ (грекамъ, римлянамъ, германцамъ, славянамъ); что каждый типъ развиваетъ свою собственную цивилизацію и сходитъ затѣмъ съ исторической сцены, что пересаживанье цивилизаціи одного типа на почву другаго, не только не приноситъ пользы послѣднему, но задерживаетъ и можетъ совсѣмъ парализовать развитіе его и т. д. Но рядомъ съ этимъ г. Данилевскій не прочь, чтобы въ Россіи были телеграфы, желѣзныя дороги, фотографіи, флотъ и войско, вооруженные поевропейски..

Къ тому же онъ не можетъ не чувствовать въ душѣ своей, что вредной цивилизаціи, которую онъ гонитъ, онъ обязанъ всѣми удобствами своей жизни, всѣмъ своимъ образованіемъ, всѣми своими идеями, не исключая и славянофильскихъ. Наконецъ, и тѣ реформы, которыми ознаменовались послѣдніе годы русской жизни и которымъ г. Данилевскій видимо сочувствуетъ, были вызваны всецѣло вліяніемъ западной образованности, и г. Данилевскій не можетъ, не грѣша противъ совѣсти, отвергнуть это. Чтобы обойти подобнаго рода подводные камни внутренняго сознанія, г. Данилевскій вступаетъ въ кой-какіе компромиссы съ нимъ. Такъ онъ утверждаетъ, что только совершенное подчиненіе чуждой цивилизаціи вредно, воздѣйствіе же цивилизаціи на другую напротивъ того весьма благотворно и желательно. Но такова судьба подобнаго рода уступокъ, что разъ вы уступили на одинъ вершокъ, вы должны немедленно уступить все, иначе вы впутаетесь въ неодолимыя противорѣчія съ самимъ собою. Такъ случилось и съ г. Данилевскимъ. Разъ онъ допустилъ, что желѣзныя дороги, телеграфы, фотографіи, надо прибавить, и наука, которая является главною причиною всѣхъ этихъ хорошихъ вещей, возможны въ своемъ примѣненіи въ Европѣ и Азіи, въ Россіи и Китаѣ, этимъ самымъ уже онъ утвердилъ и существованіе общечеловѣческой

Digitized by Google

цивилизаціи, иначе какъ же назвать такіе продукты цивилизаціи, которыми вправѣ пользоваться весь человѣческій родъ? Но тогда къ чему же всѣ эти доказательства о несуществованіи общечеловѣческой цивилизаціи? Развѣ только для того, чтобы доказать невозможность пересадки на чужую почву такихъ культурныхъ формъ, каковы, напримѣръ, католичество, феодализмъ, цехи? Но развѣ эти вещи можно назвать продуктами цивилизаціи? Развѣ культурныя формы и цивилизація понятія тождественныя? Смѣшивать такія два понятія для человѣка, который на 500 страницахъ рѣшаетъ судьбы Европы и Россіи, крайне опрометчиво!

Что касается до г. Ламанскаго, то его не столько занимаютъ величавыя теоріи о судьбахъ Европы и Россіи, сколько болѣе частные вопросы о современныхъ отношеніяхъ славянъ къ нѣмцамъ; но надо замѣтить, въ этой своей области г. Ламанскій производитъ на васъ впечатлѣніе чуть-ли не въ большей степени грустное, чѣмъ г. Данилевскій. Вы представьте себѣ почтеннаго человѣка, на котораго напала бы на улицѣ толпа мальчишекъ и начала бы забрасывать его снѣжками. Мы не знаемъ, какъ бы поступилъ въ такомъ случаѣ почтенный человѣкъ, но можемъ навѣрное сказать, что онъ не послѣдовалъ бы примѣру своихъ непріятелей, т.-е. не сталъ бы забрасывать мальчишекъ, въ свою очередь, снѣжками. А между тѣмъ г. Ламанскій поступаетъ именно такимъ образомъ. Въ Европѣ существуетъ цѣлый рядъ ученыхъ и писателей, которые, вслѣдствіе причинъ, входить въ разсмотрѣніе которыхъ мы не имѣемъ здѣсь мѣста, разражаются противъ славянъ вообще, а русскихъ въ особенности—самыми презрительными отзывами: одни сравниваютъ славянъ съ неграми, другіе съ татарами, третьи съ кельтами, а есть и такіе артисты, которые, исходя изъ ветхихъ предразсудковъ объ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ, утверждаютъ, что германцы представляютъ въ себѣ мужской элементъ, а славяне—женскій. Всѣ подобные отзывы не только что несостоятельны передъ ученою критикою, но они неизмѣримо ниже ея; они совсѣмъ не могутъ войти въ предметъ критики. Наука можетъ отмѣтить ихъ, какъ факты, постараться выяснить ихъ причины, но входить въ серьёзныя опроверженія вранья какого-нибудь Духинскаго, Дитцеля такъ же курьёзно, какъ напримѣръ написать томъ въ опроверженіе несправедливаго мнѣнія турокъ о томъ, что всѣ христіане собаки. Но г. Ламанскій поступаетъ именно такимъ образомъ: отзывы нѣмцевъ о русскихъ занимаютъ его не какъ факты, а какъ самые отзывы, и онъ вооружается противъ нихъ ученою критикою, и вы думаете въ чемъ онъ вооружается? Въ журнальной статейкѣ, въ газетномъ фельетончикѣ? Нѣтъ—въ докторской диссертаціи, т.-е. въ такомъ ученомъ трудѣ, который долженъ показывать, что ученый вполнѣ усвоилъ свою науку и созрѣлъ для нея. Что же дѣлаетъ нашъ созрѣвшій

Digitized by Google

ученый въ своей диссертаціи? Онъ наполняетъ свой глубокомысленный трудъ тѣмъ, что дѣлаетъ рядъ вздорныхъ выписокъ изъ различныхъ нѣмецкихъ писателей, ругающихъ славянъ, и затѣмъ занимается серьёзнымъ опроверженіемъ этихъ порицаній! И знаете, какой чисто-школьническій пріемъ употребляетъ г. Ламанскій для этихъ опроверженій: сдѣлавши рядъ выписокъ изъ нѣмецкихъ писателей, доказывающихъ, что славяне не выше негровъ, онъ затѣмъ приводитъ длинный рядъ цитатъ изъ различныхъ авторитетныхъ европейскихъ ученыхъ, доказывающихъ, что негры такіе же люди, какъ и всѣ прочіе, и способны къ цивилизаціи не менѣе другихъ народовъ. То же самое повторяется съ кельтами, татарами; жалко только, что г. Ламанскій кстати не пустился по поводу славянъ въ столь же длинныя разсужденія о томъ, что женщины ничѣмъ не ниже мужчинъ и не мѣшало бы это положеніе въ свою очередь подтвердить рядомъ цитатъ изъ европейскихъ авторитетовъ!..

Не будемъ говорить, на сколько грустныхъ мыслей наводитъ подобнаго рода диссертація, мыслей о томъ, до какого жалкаго состоянія дошла наша наука, если полученіе докторской степени возможно за такое гимназическое сочиненіе; не будемъ говорить о злой ироніи, которая представляется вамъ въ томъ фактѣ, что до такого посмѣшища доводятъ науку люди, которые только и думаютъ, что о самостоятельности науки на русской почвѣ!.. Оставляя въ сторонѣ всѣ эти разъѣдающія мысли, если мы даже забудемъ, что трудъ г. Ламанскаго—ученая диссертація на докторскую степень, а станемъ смотрѣть на него, какъ на брошюру публициста, и въ такомъ случаѣ книга г. Ламанскаго производитъ самое грустное впечатлѣніе! Когда вы читаете ее, васъ постоянно коробитъ, при видѣ того, какъ мало чувства народнаго достоинства, народной гордости въ г. Ламанскомъ, если онъ можетъ принижаться до серьёзнаго опроверженія разныхъ нелѣпыхъ мнѣній о славянахъ Духинскихъ, Дитцелей, Гагеновъ и комп. Вамъ постоянно представляется, что если г. Ламанскій можетъ становиться на одну доску со всѣми этими господами, принимать ихъ мнѣнія за нѣчто серьёзное, то онъ какъ будто и самъ не совсѣмъ увѣренъ въ ихъ нелѣпости. А что какъ они правы и въ самомъ дѣлѣ мы нѣчто въ родѣ негровъ: надо поразмыслить объ этомъ, и въ случаѣ если тождество наше съ неграми окажется очевиднымъ, то не мѣшаетъ посмотрѣть, что говорятъ о неграхъ тѣ или другіе европейскіе авторитеты. А! они отзываются о неграхъ одобрительно,—и у насъ отъ души отлегло! Вотъ какой видъ имѣютъ возраженія г. Ламанскаго. Еслибы нѣмцы, ненавистники славянъ, прочли его диссертацію, они по всей вѣроятности сказали бы: ага! видно за живое ихъ забрало, видно они и сами думаютъ о себѣ, что они негры, кельты, татары, если считаютъ нужнымъ прибѣгать къ нашимъ

Digitized by Google

ученымъ авторитетамъ для утѣшенія себя, что негры, кельты и татары—не менѣе европейцевъ способны къ цивилизаціи.

Въ заключеніе мы еще разъ повторимъ фразу, съ которой начали нашу рецензію: слишкомъ усердные друзья опаснѣе враговъ. Въ самомъ дѣлѣ, если славянскій вопросъ, самъ по себѣ самый естественный, не пользуется популярностью, то виновниками этого отнюдь не западники, а прежде всего сами славянофилы. Что же дѣлать, если они представляютъ его въ такомъ смѣшномъ, нелѣпомъ видѣ, такъ опошливаютъ его и ставятъ постоянно на такую обскурантную почву, что масса образованныхъ людей поневолѣ заглушаетъ въ себѣ, затаиваетъ естественную симпатію къ славянамъ изъ ложнаго стыда прослыть въ числѣ тѣхъ городовыхъ, которые берутъ на себя подъ знаменемъ славянофиловъ привиллегію славянскаго вопроса.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

КОРНИ НЕВЗГОДЪ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ.

(Histoire d'un sous-maître etc., par Erckman-Chatrian. Paris. 1871).

I.

Господа Эркманъ и Шатріанъ пользуются уже около десяти лѣтъ за свои произведенія значительною и почетною извѣстностью, достигнуть какой удается весьма немногимъ писателямъ. Лучшіе ихъ романы во Франціи въ этотъ, относительно недолгій промежутокъ времени, выдержали такое число изданій, которое одно уже съ очевидностью доказываетъ, что интересъ читающей публики въ отношеніи къ нимъ не представляетъ характера случайности, и такимъ образомъ, въ свою очередь, служитъ прочнымъ ручательствомъ за достоинства ихъ произведеній. Такъ, «Воспоминанія рекрута» вышли въ прошедшемъ году двадцать-седьмымъ изданіемъ, «Ватерлоо» выдержало ихъ девятнадцать, «Тереза»—семнадцать, «Юродивый Іегофъ»—одиннадцать, первый томъ «Исторіи крестьянина» — пятнадцать, второй—десять, третій и четвертый, впродолженіе двухъ-трехъ лѣтъ, появились уже въ восьмомъ и шестомъ изданіяхъ. Съ бо́льшею частью ихъ произведеній знакома, по переводамъ, и русская публика. Знакома она и съ общимъ характеромъ и направленіемъ ихъ дѣятельности и со всѣми особенностями ихъ таланта, такъ-какъ въ русской журналистикѣ появлялись время отъ времени довольно подробные критическіе о нихъ отзывы, а нашъ журналъ въ 1868 году помѣстилъ, по

Digitized by Google

поводу «Исторіи крестьянина», статью Д. И. Писарева, въ которой нашъ покойный товарищъ весьма мѣтко очертилъ весь характеръ плодотворной и даровитой дѣятельности гг. Эркмана и Шатріана. Вообще отношеніе всей лучшей части русской журналистики къ этимъ писателямъ было самое благожелательное и сочувственное. Иначе и быть не могло. Задача, которую себѣ поставили эти писатели,—поднимать народное самосознаніе, знакомить массы, осужденныя современнымъ общественнымъ строемъ на пребываніе во мракѣ незнанія, со всею прошедшею исторіею Франціи, показывать связь различныхъ крупныхъ историческихъ событій и политическихъ переворотовъ съ насущными нуждами и потребностями обыденнаго быта простолюдина, возвышать чувство самоуваженія въ низшихъ классахъ и разъяснять имъ со всевозможною доступностью сущность современнаго движенія прогрессивной мысли, — задача, сама по себѣ до такой степени высокая и честная, что не признавать ее таковою значило бы нарушать всякое литературное приличіе и выдавало бы самый жалкій и ограниченный обскурантизмъ.

Поэтому, большинство европейскихъ и нашихъ критиковъ, искренно или лицемѣрно, смотря по личному складу ихъ воззрѣній, признало въ этомъ смыслѣ все ихъ значеніе. Что касается до внѣшней формы и выполненія, то особенности гг. Эркмана и Шатріана и въ этомъ отношеніи выдѣлились съ такою яркою опредѣленностію, что не признать за ними, какъ за разсказчиками, ясности, опредѣленности, простоты, искренности, правдивости и общедоступности—тоже оказалось невозможнымъ.

На основаніи всего нами сказаннаго, казалось бы, что, при появленіи новыхъ произведеній этихъ писателей, журналистика имѣла бы право ограничиться только однимъ заявленіемъ объ этомъ появленіи, чтобы не повторять всего, уже не однажды высказаннаго и не представлять собою или только панегирика, или же мелочнаго разбора частностей и подробностей. Но новое собраніе мелкихъ разсказовъ нашихъ авторовъ появляется при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, что все высказываемое въ нихъ гг. Эркманомъ и Шатріаномъ, не составляя само по себѣ особенной новости, получаетъ особенный характеръ и значеніе, непозволяющіе намъ пройти это литературное явленіе безъ особеннаго на него указанія и нѣкоторыхъ замѣчаній, высказать которыя мы лично считаемъ дѣломъ до послѣдней степени важнымъ и обязательнымъ для литературнаго органа.

Довольно сказать, что новые разсказы гг. Эркмана и Шатріана написаны въ Парижѣ во время неслыханной осады и бомбардированія этого города, подъ громомъ прусскихъ пушекъ и въ чаду пороховаго дыма. Если бѣдствія, выдержанныя за послѣднее время многострадальною, истекающею кровью изъ

Digitized by Google

тысячи ранъ Франціею, выносящею послѣ своего разгрома еще кровопролитное междоусобіе, во все это время находили себѣ сочувственный отголосокъ въ каждомъ честномъ сердцѣ, безъ различія національности, степени образованія и т. д., то можно себѣ представить, съ какою скорбью должны были отражаться эти событія въ мысли писателей-очевидцевъ, переживавшихъ ихъ съ минуты на минуту, съ часу на часъ, и такихъ людей, какъ господа Эркманъ и Шатріанъ, для которыхъ благо согражданъ, интересы развитой мысли, общественнаго благополучія и нравственной и матеріальной свободы низшихъ классовъ служатъ главнымъ стимуломъ сознательнаго творчества, существеннѣйшею цѣлью всей ихъ литературной дѣятельности, и дорогимъ предметомъ энергической и страстной пропаганды.

Само собою понятно, что, работая подъ такими печальными вліяніями, наши авторы не могли ни на минуту отвлекаться отъ «злобы дня», и бѣдствія, переживаемыя Франціей, приковывая все ихъ вниманіе, заставляли ихъ невольно обращаться къ основной причинѣ всѣхъ золъ, происходившихъ вокругъ нихъ. По складу своего ума, они не могли ограничиться однимъ описаніемъ всего вокругъ происходившаго, хроникою осады или передачею трагическихъ случайностей, встрѣчавшихся на каждомъ шагу. На такую работу, — они знали, — найдется много охотниковъ и безъ нихъ. Они знали, что отъ новаго ихъ произведенія вѣрющіе имъ читатели вправѣ спросить отвѣта на тѣ грозные вопросы, которые такъ сурово и безпощадно поставила Франціи жизнь. Отвѣта этого и искать долго было незачѣмъ: они знали причину всѣхъ современныхъ бѣдствій отечества; они давно на нее указывали цѣлымъ рядомъ своихъ предыдущихъ произведеній, но въ то же время понимали, что въ настоящемъ случаѣ однимъ повтореніемъ этого указанія они не имѣли права ограничиваться. Причина эта — страшное, общее невѣжество, въ какомъ съ самаго начала настоящаго столѣтія держали низшіе классы Франціи всѣ ея правительства, съ такою быстротою смѣнявшіяся одно другимъ впродолженіе семидесяти лѣтъ. Благодаря этому невѣжеству, даже самый плодотворный политическій принципъ всеобщей подачи голосовъ обратился на практикѣ въ слѣпое орудіе и игрушку деспота, раззорившаго Францію, деморализовавшаго ее и навлекшаго на нее нашествіе пруссаковъ. Благодаря тому же невѣжеству, сельчане тупо, не понимая самыхъ насущныхъ своихъ интересовъ, оставались весьма нерѣдко постыдно равнодушными къ дѣлу своей родины или даже предавались врагу во время войны, а на выборахъ, отъ которыхъ зависѣла вся ихъ судьба и будущее страны, готовы были продавать свои голоса въ пользу любаго интригана, проходимца или даже измѣнника, называйся онъ хоть Пьеромъ Бонапарте, Базеномъ, Пьерри или Гранье и Полемъ де-Кассаньякомъ, — не только за

Digitized by Google

жалкую подачку, но даже просто изъ рабскаго подобострастія передъ любимъ ничтожнымъ представителемъ мѣстной власти. Благодаря этому невѣжеству, даже всѣ бѣдствія, пережитыя и переживаемыя Франціей безъ радикальной реформы всего народнаго образованія, нисколько не предохраняютъ ее отъ повторенія такихъ же бѣдствій въ будущемъ, такъ-какъ до тѣхъ поръ, пока всеобщее голосованіе не сдѣлается дѣломъ сколько нибудь сознательнымъ, вся вѣроятность на сторонѣ того, что всякое выборное правительство неизбѣжно будетъ представлять въ себѣ ретроградное большинство представителей сельскаго населенія. Въ этомъ смыслѣ даже самое развитіе свободныхъ идей въ образованныхъ классахъ грозитъ только новыми и новыми междоусобіями, усиливая все болѣе и болѣе неизбѣжный антагонизмъ между выборными горожанъ и тѣми искателями власти, какіе навяжутъ себя сельчанамъ. Антагонизмъ этотъ, покоющійся на началахъ основной розни между горожанами и сельчанами, съ каждымъ шагомъ впередъ станетъ, понятно, усиливаться, а въ концѣ-концовъ можетъ составить удобную почву для единоличнаго произвола. Одно широкое народное образованіе можетъ при этомъ служить дѣйствительнымъ, предохранительнымъ клапаномъ. Происхожденіе настоящаго междоусобія, раздирающаго Францію, очевидно, коренится въ тѣхъ же основаніяхъ. Не существуй въ парижанахъ вполнѣ основательнаго недовѣрія къ большинству депутатовъ національнаго собранія, не будь въ послѣднихъ явнаго преобладанія завзятыхъ бонапартистовъ и орлеанистовъ, явныхъ или замаскированныхъ, избранныхъ народомъ по невѣжественному недоразумѣнію приверженцевъ, и несмотря на всѣ обвиненія коммуны въ демагогіи,—едва-ли во Франціи нашлось бы много гражданъ, которые рѣшились бы начинать смуты въ то время, когда страна переполнена еще пруссаками, стоящими съ непогашенными фитилями у затравокъ своихъ пушекъ...

Высказать все это гг. Эркманъ и Шатріанъ считали долгомъ своего литературно-гражданскаго служенія, но одно голословное высказываніе этихъ общеизвѣстныхъ взглядовъ едва-ли могло быть полезно и плодотворно. Оно произвело бы только одно раздраженіе, да и невольно приняло бы характеръ упрека сельчанамъ, подобнаго тѣмъ нареканіямъ, на которыя такой мастеръ Феликсъ Піа; наши же авторы хорошо знали, что упрекать ихъ не за что, такъ-какъ все зло, нанесенное ими Франціи, творится ими по невѣденію, въ простотѣ сердца и весьма часто даже съ самыми лучшими намѣреніями, искусно эксплуатируемыми своекорыстными интриганами. Подобные упреки въ то время, когда сельчане половины Франціи въ конецъ раззорены войной, были бы даже просто безполезною жестокостью. Необходимо было придумать такую форму, которая, обнаруживая зло и дѣлая его очевиднымъ для людей, мало знакомыхъ съ тайною махинацій для преднамѣреннаго проти-

Digitized by Google

водѣйствія народному образованію, заставила бы малосвѣдущую массу проникнуться необходимостью всеобщаго и обязательнаго его введенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, дать образчикъ такихъ книгъ, которыя были бы вполнѣ доступны самымъ неразвитымъ читателямъ. Въ такой книгѣ всѣ общіе взгляды, высказываніе которыхъ авторы считали необходимымъ, должны были быть высказаны только къ слову, между прочимъ, чтобы, связанные съ художественными образами и составляя ихъ продолженіе и объясненіе, они тѣмъ сильнѣе запечатлѣвались въ памяти читателя. Обычная форма разсказовъ гг. Эркмана и Шатріана,—форма беллетристическая, разумѣется, представляла для всего этого наибольшій просторъ; но они очень хорошо знали, что разсказы ихъ, для пріобрѣтенія возможно бо́льшаго круга читателей, должны были быть на этотъ разъ возможно сжатыми и краткими, чтобы не утомляя вниманіе людей, непривыкшихъ къ продолжительнымъ умственнымъ занятіямъ, они только наводили ихъ на плодотворное размышленіе и указывали на такіе факты, самостоятельная умственная провѣрка которыхъ облегчалась бы существованіемъ подобныхъ же явленій въ самой средѣ, гдѣ обращается простолюдинъ. Въ то же время необходимо было подѣйствовать, кромѣ воображенія читателей, и на ихъ практическій смыслъ, т.-е. доказать имъ въ живыхъ образахъ, что безсознательный образъ ихъ дѣйствій приноситъ имъ постоянные убытки и лишенія, такъ-сказать узаконяя ихъ и дѣлая такой порядокъ дѣлъ безвыходнымъ, между тѣмъ какъ, при существованіи во Франціи нѣкоторыхъ дѣйствительно либеральныхъ учрежденій, въ ихъ рукахъ все измѣнить къ лучшему. Такой пріемъ, т.-е. возбужденіе къ дѣятельной борьбѣ сельскаго населенія, дѣйствуя на эгоистическіе инстинкты выгоды, управляющіе бо́льшею частью дѣйствій крестьянъ, многимъ брюзгливымъ пуристамъ можетъ показаться безнравственнымъ; но такъ-какъ онъ составляетъ въ дѣйствительности главнѣйшій и едва-ли не единственный рычагъ, напирая на который, можно подвинуть массы на дѣйствительно благое дѣло, а всякія другія и болѣе человѣческія стремленія въ наличности въ бо́льшей части случаевъ отсутствуютъ, то не прибѣгнуть къ нему значило бы погубить въ зародышѣ всякую надежду на успѣхъ необходимѣйшей, и при страшномъ въ настоящемъ положеніи Франціи, не терпящей ни малѣйшаго отлагательства, пропаганды.

Небольшая книжка новыхъ разсказовъ гг. Эркмана и Шатріана вполнѣ осуществляетъ всѣ условія, какія только можетъ представлять литературное произведеніе, чтобы подвинуть народъ къ прочному и настойчивому отстаиванію дѣла народнаго образованія. Такое отстаиваніе, по мнѣнію авторовъ, одно только можетъ спасти современную Францію отъ всѣхъ печальныхъ послѣдствій послѣдней войны, кровавыхъ междоусобій по недоразумѣнію, и поднять какъ нравственный и ум-

ственный уровень этой страны, которую столько времени преднамѣренно развращали и держали въ мракѣ невѣжества, такъ и матеріальное ея благосостояніе, разумѣется значительно пострадавшее въ послѣднее время, благодаря ужасу истребительнаго прусскаго нашествія и чрезмѣрной контрибуціи, которую наложилъ на нее послѣ ея разгромленія — не особенно великодушный побѣдитель. Разсказы, помѣщенные въ книжкѣ, не имѣя, повидимому, никакого отношенія къ современнымъ событіямъ, представляютъ de facto такимъ образомъ разъясненіе главной ихъ сущности, и даютъ отвѣтъ на жгучій вопросъ времени: что теперь дѣлать? Отстоять во что бы то ни стало, республиканскую форму правленія, хотя бы самую буржуазную (слышится въ каждой строчкѣ ихъ), съ тѣмъ, однако, необходимымъ условіемъ, чтобы народное образованіе было освобождено отъ всякихъ стѣсненій, и знаніе, разлившись широкимъ потокомъ въ средѣ населенія, размыло хотя отчасти эту громадную рознь пониманія, которая существуетъ между образованнымъ меньшинствомъ и грубымъ невѣжествомъ массы большинства, осужденнаго на скотскую работу, не оставляющаго ей нисколько свободнаго времени, которое она могла бы отдавать развитію другихъ, болѣе человѣческихъ стремленій— чѣмъ печальная необходимость заботы о наполненіи своего желудка. «Безъ образованія», говорятъ наши авторы устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ своихъ разсказовъ, «ни до чего не достигнешь. Только одно знаніе дѣлаетъ насъ людьми, позволяетъ намъ совершенствоваться и благоденствовать. Главное дѣло — образованіе народа. Богачи въ этомъ не нуждаются. Для ихъ дѣтей во Франціи всегда было довольно университетовъ, лицеевъ, коллежей, у нихъ никогда не бывало недостатка въ деньгахъ для платы профессорамъ, въ то время, какъ бѣдные сельскіе учителя питались едва не подаяніемъ, какъ было, напримѣръ, въ «Скалахъ». Такимъ образомъ наша буржуазія все болѣе и болѣе подымалась въ теченіе семидесяти лѣтъ, но сообразно съ этимъ ея возвышеніемъ, она все болѣе расходилась съ народомъ, который погружался все болѣе и болѣе въ безъисходное невѣжество. Вотъ откуда произошло то громадное зло, которое газеты называютъ громкимъ названіемъ «антагонизма сословій». Такого «антагонизма» не существовало бы, еслибы народъ заботились просвѣщать и сельчане подавали бы свои голоса такъ же разумно, какъ и буржуазія. Къ несчастію, буржуазія захотѣла господствовать, выродиться въ какое-то новое дворянство, дворянство образованія и капитала. Она дѣйствовала эгоистично, за то теперь и пожинаетъ то, что посѣяла: раздѣленіе страны на два класса: классъ людей образованныхъ, подающихъ голоса за свободу, такъ-какъ они понимаютъ, что безъ свободы ни въ чемъ нельзя быть увѣреннымъ, и на классъ невѣждъ, подающихъ голосъ за Пьера или Жака, потому только, что Пьеръ и Жакъ—хозяева,

Digitized by Google

что за ними священники, полевые сторожа и жандармы. Теперь это уже понятно для всѣхъ, плебисциты Бонапарта и шайки его клевретовъ открыли глаза всѣмъ; всѣ стали понимать, что народное невѣжество—страшно опасное дѣло, и повсюду слышатся требованія дароваго и обязательнаго народнаго образованія. Правда, что многіе еще стоятъ противъ обязательности его, толкуютъ о свободѣ отцевъ и матерей, а когда у насъ берутъ двадцатилѣтнихъ сыновей и гонятъ ихъ на бойню, объ этой свободѣ... молчокъ! Разумѣется, толки этого рода—остатки все того же стараго эгоизма; раздаваться они долго не будутъ: они умрутъ скоро своею смертью—какъ все старое и отжившее.

Я совершенно увѣренъ, что у насъ скоро введется даровое и обязательное образованіе, и радуюсь этому заранѣе, хотя и не слѣдуетъ обольщаться надеждою, что одна эта мѣра поставитъ насъ прямо въ то положеніе, въ которое мы встали нѣкогда послѣ 1789 года. Обязать каждаго француза умѣть читать, писать и считать, открыть новыя школы, освободить учителей отъ надзора духовенства, увеличить число ихъ и обезпечить ихъ хорошимъ содержаніемъ — все это хорошо, мало того—отлично; но это далеко еще не все. Меня лично гораздо болѣе интересуетъ вопросъ, чему именно будутъ учить въ этомъ множествѣ школъ сельскіе учителя, трудъ которыхъ будетъ хорошо оплачиваемъ. Въ этомъ настоящая сущность вопроса. Если они будутъ продолжать учить тому же, чему учатъ теперь, т.-е. одному катехизису да исторіи, состоящей изъ перечисленія завоевателей, да захватовъ, то я не прочь, чтобы ихъ даже было и меньше: меньше зла выйдетъ. Образованіе образованію рознь. Можно быть очень знающимъ человѣкомъ и въ то же время великимъ осломъ, это мы видимъ каждый день. Развѣ, напримѣръ, нѣмцы, изъ которыхъ каждый умѣетъ читать и писать, не составляютъ въ то же время самаго хищнаго и жестокаго народа въ Европѣ? Развѣ они не возстановили права конфискаціи и захвата, чтобы грабить и раззорять безъ зазрѣнія совѣсти побѣжденныхъ? Отчего это происходитъ? Отъ дурнаго образованія, которое имъ даютъ. Вмѣсто того, чтобы научать ихъ любви къ человѣчеству, свободѣ и справедливости, головы ихъ начиняютъ идеями мести, грабежа и владычества. Казалось бы, что довольно было бы обладать только простымъ здравымъ смысломъ, чтобы понимать, что прокрадываться къ сосѣднимъ народамъ, *притворяясь друзьями* для того, чтобы заранѣе, на случай, все узнать, шпіонски высмотрѣть и снять слѣпки со всѣхъ замочныхъ скважинъ,—дѣло постыдное и безчестное, что такъ могли дѣлать только орды Чингисхана, и что раньше или позднѣе, но неизбѣжно вся Европа на нихъ за такія продѣлки станетъ смотрѣть, какъ на стаю волковъ. Но нѣмцы, при всей своей великой учености, страшныя тупицы. Жажда подтибрить чужое, кружитъ ихъ

Digitized by Google

слабыя головы, а это ясно доказываетъ, что смыслъ вопроса образованія заключается главнѣйше въ томъ, чему учатъ. Покройте хоть всю Францію сплошь школами, но если учителя будутъ выучивать тому, что дважды два—пять, а народы созданы для того, чтобы воевать между собою и истреблять одинъ другаго, какъ лютые звѣри,—то проку будетъ немного. Отъ такого писанья выростутъ повсюдная глупость и варварство, а не человѣческое просвѣщеніе.

«Я хочу сказать, что новое время требуетъ и новыхъ книгъ. Старыя, за ихъ негодностію, пора выбросить.

«Священная исторія и катехизисъ не касаются учителей. Пусть священники обучаютъ имъ прихожанъ въ церквахъ. Это ихъ дѣло, ихъ право и обязанность. Но наше право и обязанность также требовать, чтобы нашихъ дѣтей учили исторіи французскаго народа и правамъ и обязанностямъ французскаго гражданина. Я говорю «исторіи народа», а не завоевателей, чтобы всѣ знали, въ какихъ условіяхъ жилъ народъ нашего племени во время галловъ, римлянъ, Меровинговъ, Карловинговъ и Капетовъ, какія тягости и невзгоды онъ выносилъ, какъ онъ страдалъ и маялся и, въ концѣ-концовъ, какую роль онъ игралъ въ націи.

«Пусть передадутъ дѣтямъ исторію открытій и облегченій, развитія образованія и свободы, промышленности и торговли, чтобы въ дѣтской памяти запечатлѣлись имена тѣхъ людей, которые совершили важныя для человѣчества открытія, вызывали или осуществляли благодѣтельныя реформы. Вотъ свѣдѣнія, которыя слѣдуетъ пріобрѣтать съ дѣтства; вотъ имена, съ которыми слѣдуетъ знакомиться, чтобы пріучиться съ малолѣтства цѣнить, любить и уважать ихъ.

«Точно также и относительно гражданскихъ правъ и обязанностей. Если у насъ уже существуетъ всеобщая подача голосовъ, то необходимо, чтобы каждый, подающій голосъ, дѣлалъ это сознательно. Въ маленькой книжкѣ изъ вопросовъ и отвѣтовъ должны быть коротко изложены всѣ эти права и обязанности, которыми, по достиженіи извѣстнаго возраста, каждый учащійся станетъ пользоваться. Что̀ такое демократія, конституція, коммуна, округъ, департаментъ? Въ чемъ состоятъ права и обязанности префекта, генеральныхъ совѣтовъ, муниципальныхъ совѣтовъ, мера? Что̀ такое избирательный законъ? въ чемъ состоятъ права и обязанности избирателя? и т. д., и т. д. Все это, изложенное просто и ясно, языкомъ, понятнымъ для каждаго, можетъ умѣститься всего на какихъ-нибудь ста страницахъ, также какъ вся исторія, страницахъ на двухстахъ. Надобно тотчасъ же объявить конкурсъ для составленія подобныхъ книгъ и учить по нимъ въ первоначальныхъ, низшихъ школахъ. Черезъ десять лѣтъ, когда всѣ тѣ, кого вы теперь этому научите, сдѣлаются сами избирателями, вы будете имѣть сознательную всеобщую подачу

Digitized by Google

голосовъ, избиратели будутъ способны размышлять, отличать достойныхъ ихъ довѣрія отъ недостойныхъ, однимъ словомъ, проявлять дѣйствительно господство народа. Поддѣлывать же плебисциты станетъ невозможностью, свобода водворится на прочныхъ основахъ, и наша страна, быть можетъ, снова и на цѣлые вѣка займетъ первое мѣсто въ Европѣ.

«Наконецъ, кто бы могъ помѣшать намъ учредить родъ экзамена для молодыхъ людей, передъ занесеніемъ ихъ именъ въ избирательные списки, какъ это дѣлается у насъ передъ первымъ пріобщеніемъ. Ты хочешь пользоваться предоставленнымъ тебѣ закономъ правомъ,—докажи же сперва, что ты понимаешь смыслъ этого права, что ты способенъ имъ пользоваться, иначе ты не будешь внесенъ въ списокъ. Это будетъ требованіемъ справедливымъ, такъ-какъ тебя будутъ спрашивать о томъ, чему тебя научило въ школѣ твое отечество. Такимъ образомъ вы очистите и возвысите всеобщую подачу голосовъ.

«Вотъ что можетъ сдѣлать даровое и обязательное обученіе, хорошо и на демократическихъ основаніяхъ организованное. Оно можетъ совершенно сгладить «антагонизмъ классовъ» и поднять нашу страну. Я, слѣдовательно, вполнѣ правъ, утверждая, что это важнѣйшій вопросъ минуты, которымъ слѣдуетъ заняться прежде всего.

«Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы я считалъ и то, что называется среднимъ образованіемъ, ненужнымъ для народа, и годнымъ только для дѣтей богачей и буржуа. Совершенно напротивъ. Я утверждаю, что оно точно также намъ необходимо, и сколько бы мы ни завели высшихъ школъ, ихъ все-таки будетъ меньше, чѣмъ это нужно. Такія школы въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ уже существуютъ, но, къ несчастію, на нихъ до сихъ поръ не обращаютъ должнаго вниманія — и онѣ ни къ чему, или почти ни къ чему не служатъ. А между тѣмъ, изъ нихъ было бы весьма легко, и даже безъ большихъ издержекъ, сдѣлать весьма полезное дѣло, и вотъ именно какъ. У насъ въ каждомъ главномъ центрѣ большихъ округовъ найдется мировой судья, аптекарь, два или даже три врача. Почему бы не предложить мировымъ судьямъ — чтеніе курса практическаго права, аптекарю — курса ботаники и химіи, врачу — гигіены и изложеніе основаній практической медицины. Никто изъ нихъ, даже при самомъ незначительномъ вознагражденіи за ихъ труды, отъ этого, я увѣренъ, не откажется. Такимъ образомъ, эти школы стали бы какъ бы небольшими сельскими факультетами, куда богатые крестьяне могли бы посылать, по желанію, своихъ дѣтей, а общины—своихъ лучшихъ учениковъ, которые выказали бы больше способностей и прилежанія. Такія школы принесли бы страшно много добра, и черезъ нѣсколько лѣтъ, наши крестьяне стали бы самыми образованными въ Европѣ.

«А еслибы, да при этомъ еще устроили въ каждой деревнѣ хорошія библіотеки, гдѣ всякій находилъ бы хорошія сочиненія

Digitized by Google

по исторіи, нравственнымъ наукамъ, праву, земледѣлію, по всѣмъ отраслямъ знанія, могущимъ образовать и облагородить человѣка, еслибы наши писатели, наши таланты озаботились бы учрежденіемъ дешевыхъ журналовъ и изданіемъ дешевыхъ книгъ, еслибы они, наконецъ, поняли, что для нихъ даже въ матеріальномъ отношеніи выгоднѣе писать для народа, и потомъ продавать свои сочиненія, вмѣсто двухъ-трехъ тысячъ экземпляровъ, въ десяткахъ тысячъ, а потомъ даже и въ сотняхъ, а пожалуй, и въ мильйонѣ, не говоря уже о той радости, которую имъ должно доставлять сознаніе, что они приносятъ пользу своей странѣ, или начали новое, благое дѣло, и работаютъ для развитія цивилизаціи,—то до какой степени благоденствія могла бы въ самомъ скоромъ времени дойти наша нація!...

«Но я останавливаюсь, можетъ быть я зашелъ слишкомъ далеко; не должно злоупотреблять доброю волею хорошихъ людей, требуя отъ нихъ заразъ слишкомъ много. Но дай Богъ, чтобы всѣ эти улучшенія и весь этотъ прогрессъ осуществился у насъ какъ можно скорѣе! Таково желаніе бывшаго помощника сельскаго учителя, видѣвшаго воочію и вблизи всѣ бѣдствія, сопряженныя съ невѣжествомъ; таково мнѣніе старика-француза, любящаго всею душою свою страну».

Длинная эта выписка, которую мы себѣ позволили привести,—лучшія страницы лучшаго изъ разсказовъ сборника: «Исторія помощника сельскаго учителя». Она, какъ намъ кажется, вполнѣ подтверждаетъ высказанный нами взглядъ на сущность невзгодъ современной Франціи, какъ она понимается гг. Эркманомъ и Шатріаномъ. Весь разсказъ написанъ, по нашему мнѣнію, для того, чтобы сдѣлать значеніе этихъ словъ понятнымъ для каждаго француза. Самый разсказъ и составляетъ именно исторію тѣхъ бѣдствій, которыя воочію видѣлъ старикъ-французъ еще въ самое недавнее время. Мы позволяемъ себѣ въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи привести его въ извлеченіи, такъ-какъ въ этой простой исторіи сконцентрирована вся исторія помѣхъ народному образованію, существовавшихъ и существующихъ еще какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ. Въ правдивости приводимыхъ фактовъ не позволяетъ усумниться, какъ вся предыдущая дѣятельность гг. Эркмана и Шатріана, такъ и ихъ извѣстный литературный тактъ, сохраняющій ихъ въ книгахъ для народа отъ малѣйшаго искаженія истины или украшенія дѣйствительности, такъ-какъ они знаютъ, что простые сердцемъ читатели, лучше всякаго другого, самаго опытнаго и начитаннаго человѣка, чутьемъ отгадаютъ всякую неправду и подтасовку, и потеряютъ довѣріе ко всей книгѣ. А этимъ довѣріемъ вообще они особенно дорожатъ, такъ-какъ понимаютъ, что народъ стоитъ на той ступени развитія, когда его надо еще пріохочивать къ чтенію, благодаря знакомству съ которымъ онъ могъ бы узнать настоящее положеніе дѣлъ, и вытекающія изъ

Digitized by Google

него свои обязанности не отдѣльными только единицами, а всею своею массою. Большинство же существующихъ книгъ, написанныхъ даже прямо съ этою же цѣлью — просто недоступны его пониманію. Правда и простота изложенія — вотъ ключъ къ тому, чтобы народъ полюбилъ книги. «Во Франціи,— говорятъ наши авторы въ другомъ изъ своихъ разсказовъ, — выходитъ книгъ много, но такихъ, которыя понималъ бы народъ — нѣтъ. У насъ появляются глубочайшія изслѣдованія о всевозможныхъ предметахъ, по всѣмъ вопросамъ, и все это идетъ на пользу угнетателямъ, а народъ остается въ невѣжествѣ, во власти честолюбцевъ и интригановъ, его эксплуатирующихъ. *Вотъ тайна всѣхъ нашихъ несчастій за цѣлыя семьдесятъ лѣтъ*. Будемъ же говорить и писать для народа языкомъ простымъ, яснымъ и сильнымъ, который былъ бы для него понятенъ. Будемъ избѣгать громкихъ словъ, красивыхъ оборотовъ и академическихъ тонкостей — дѣло не въ нихъ».

Остальные три очерка въ книгѣ, переведенные нами для перваго отдѣла «Отеч. Зап.», служатъ какъ бы дополненіями основной идеи «Исторія учителя». «Доброе старое время» написано съ цѣлью показать, какъ бѣдствовалъ народъ, когда жалкіе люди, подобные тѣмъ, которые различными интригами навязываются нынѣ въ представители и покровители сельчанъ, дѣйствовали «во всю волю свою». «Деревенскіе ораторы» представляютъ ту грустную картину непониманія, до которой дошли, вслѣдствіе долгаго невѣжества, жители нѣкоторыхъ глухихъ мѣстечекъ Франціи, а «Бумаги госпожи Жанеты» написаны для нагляднаго доказательства невыгоды незнанія и безграмотства. Оцѣнивать значеніе этихъ очерковъ мы не станемъ, такъ-какъ они передъ читателемъ, которыхъ мы вкратцѣ и познакомимъ теперь съ «Исторіею помощника сельскаго учителя».

II.

Разсказъ ведется отъ имени стараго москотильщика, Жана-Батиста Рено. Время дѣйствія—начало царствованія Людовика XVII-го, именно 1816 годъ.

Разскащику въ то время едва минуло 17-ть лѣтъ. Сынъ почтальона одного мѣстечка въ Лотарингіи, существовавшаго со всею семьею своею изъ пяти душъ на 400 франковъ въ годъ, въ то время, когда вслѣдствіе двухъ только что пережитыхъ Франціею вторженій и страшныхъ неурожаевъ, цѣна хлѣба достигла неслыханныхъ размѣровъ, Рено, съ успѣхомъ окончившій свое школьное ученіе, естественно тяготится сидѣть на шеѣ у своего бѣднаго отца. Не избалованный жизнью, онъ готовъ, для заработыванія себѣ хлѣба, на всякій трудъ, но трудъ, за который слѣдовало бы вознагражденіе — въ мѣстеч-

кѣ его не представляется. Онъ можетъ только продаться раньше срока въ солдаты или поступить сидѣльцемъ въ лавочку, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ получать жалованье. Какъ разъ въ это время обнародывается знаменитый королевскій указъ объ учрежденіи во всѣхъ округахъ Франціи «даровыхъ и благотворительныхъ комитетовъ для наблюденія и поощренія народнаго образованія». Указъ этотъ увѣнчивалъ собою цѣлый рядъ постановленій, распоряженій и циркуляровъ предшествовавшихъ правительствъ, которыми цѣлые пятьдесятъ лѣтъ сряду устраивалось народное образованіе, на какой предметъ, впрочемъ, обыкновенно почти никакихъ суммъ не полагалось, такъ что даже въ большей части мѣстностей на самое жалованье сельскихъ учителей не было никакихъ средствъ. Но послѣдній указъ за то избавлялъ сельскихъ учителей отъ рекрутской повинности; почему Рено, по его неопытности и незнанію жизни, и пришла, по его собственному выраженію, «несчастная мысль» посвятить себя учительской карьерѣ. Запасшись рекомендательнымъ письмомъ благочиннаго къ священнику деревни «Разбитый Дубъ», Бернару, онъ взваливаетъ себѣ на плеча свой бѣдный скарбъ и съ тридцатью су въ карманѣ идетъ черезъ Моневилль, Бламонъ и Гемпигъ, къ мѣсту своего назначенія, искать счастія. Уже на самомъ пути въ Разбитый Дубъ его встрѣчаетъ нѣкоторое разочарованіе. Лицо, у котораго онъ въ одной изъ деревень разспрашиваетъ о дорогѣ, узнавъ, зачѣмъ онъ туда идетъ, сочувственно покачиваетъ на его отвѣтъ головой и замѣчаетъ ему, что онъ избралъ себѣ тяжелое дѣло, и что придется ему влачить жалкое существованіе. Но Рено пропускаетъ это практическое замѣчаніе мимо ушей, такъ-какъ онъ труда не боится, къ бѣдности привыкъ и весь еще находится подъ вліяніемъ радостной мысли, что, наконецъ, онъ можетъ уже не быть въ тягость своему отцу. Одолѣваетъ его другое сомнѣніе: примутъ ли только еще его, не придется ли ему прогуляться напрасно...

Поздно вечеромъ доходитъ онъ до Разбитаго Дуба, и свѣтленькій, и веселенькій домъ священника, весь въ зелени, выдается передъ нимъ изъ ряда бѣдныхъ деревенскихъ построекъ. Ставни домика однако заперты, огня не видно... съ бьющимся сердцемъ и едва преодолѣвая овладѣвшею имъ робостью, Рено, собравшись съ силами, рѣшается позвонить; на вопросъ отворившей ему служанки: «что вамъ нужно?» онъ едва можетъ пробормотать въ смущеніи, что у него есть письмо къ господину священнику; вслѣдъ затѣмъ изъ сосѣдней комнаты раздается грубый голосъ: «такъ входите, кто тамъ такой?».

Войдя въ комнату, онъ застаетъ священника оканчивающимъ ужинъ, допивающимъ вино и жующимъ грушу. Господинъ Бернаръ человѣкъ лѣтъ сорока или сорока-пяти, высокаго роста, сухощавый и смуглый, съ недовольнымъ и рѣзкимъ выраженіемъ лица.

Digitized by Google

— Ну, какое такое у васъ письмо ко мнѣ? говоритъ онъ, не глядя на вошедшаго. Рено называетъ благочиннаго, и лицо священника проясняется. Онъ приглашаетъ своего гостя сѣсть, и спросивъ о здоровьѣ г. де-Брикевилля, и прочитавъ письмо, обращается къ нему со словами, что такъ-какъ благочинный желаетъ, чтобы Рено дали мѣсто помощника сельскаго учителя Гильома, то затрудненій для этого никакихъ не можетъ быть; вслѣдъ затѣмъ предлагаетъ ему тотчасъ же идти къ учителю вслѣдъ за собой, не забывая передъ отходомъ приказать служанкѣ, чтобы она поставила на плиту кофейникъ, такъ-какъ онъ вернется тотчасъ же назадъ.

На дорогѣ священникъ небрежно спрашиваетъ Рено, умѣетъ ли онъ писать, читать и считать, и на утвердительный отвѣтъ продолжаетъ: «а церковную службу?» — «Не очень твердо, но я постараюсь узнать ее».—«То-то же, это самое главное. Вамъ тотчасъ же надо за это приняться».

Учитель Гильомъ, съ своею женою, живетъ въ домѣ школы, старой, полуразвалившейся постройкѣ, съ пятью окнами на улицу. Внизу школа, вверху—помѣщеніе Гильома, а надъ нимъ, чердакъ съ крошечными окошками, гдѣ придется жить Рено, если его примутъ.

Впрочемъ, онъ уже принятъ. Дойдя до школы, господинъ Бернаръ взошелъ наверхъ, шагая черезъ нѣсколько ступенекъ ветхой лѣстницы, и дойдя до небольшой галлереи, прямо отворилъ дверь въ комнату учителя, и входя туда, произнесъ:

— Вотъ вамъ, господинъ Гильомъ, помощникъ. Онъ поступаетъ къ вамъ по желанію благочиннаго, и во всѣхъ отношеніяхъ годенъ для этого дѣла.

При входѣ священника, учитель и его жена встали съ своихъ мѣстъ. Они собирались ужинать: передъ ними стояла большая миска съ кислымъ молокомъ, и они чистили картофель. Рено все еще сомнѣвался, не найдетъ ли учитель почему либо неудобнымъ его принять, но стоило только взглянуть на этого человѣка, огромнаго роста, въ грубой шерстяной одеждѣ, съ какимъ подобострастіемъ онъ снялъ свой бумажный колпакъ при входѣ священника, чтобы понять, что онъ уже былъ заранѣе согласенъ со всякимъ распоряженіемъ Бернара. И точно, учитель, даже не взглянувъ на Рено, поторопился отвѣтить: «какъ прикажете, господинъ священникъ», и засуетился, крича женѣ, чтобы она подала кресло г. Бернару. Но послѣдній сѣсть отказался, говоря, что онъ зашелъ только на минуту.

Пока учитель провожалъ, съ непокрытой головой, своего гостя до конца лѣстницы, жена его, госпожа Катерина, сухая и долговязая женщина, съ пожелтѣлымъ лицомъ и ввалившимися щеками, съ любопытствомъ, но молча, осмотрѣла Рено съ головы до ногъ.

Возвратившійся учитель предлагаетъ своему новому помощнику нѣсколько вопросовъ, главнѣйше, чтобы узнать, въ ка-

Digitized by Google

кой степени онъ близокъ къ благочинному. Тутъ же Рено узнаетъ свои обязанности и условія, на которыхъ онъ принятъ. Онъ будетъ получать сто су въ мѣсяцъ, при готовомъ помѣщеніи, пищѣ и стиркѣ бѣлья. За это онъ обязанъ ежедневно звонить ко всѣмъ церковнымъ службамъ, мыть по понедѣльникамъ церковь и ризничью, а школу ежедневно, помогать Гильому при урокахъ, наблюдать въ школѣ чистоту, а главное, дѣлать все, что̀ ему прикажутъ. Перспектива ежедневной сытной пищи для неизбалованнаго Рено составляетъ все, чего онъ вправѣ требовать отъ жизни за свой трудъ. Отвѣтами его на всѣ вопросы остаются довольны и Гильомъ, и его жена, потому что они видятъ, что передъ ними не опасный искатель счастія, который сталъ бы добиваться мѣста Гильома. Рено отводятъ чердачекъ, гдѣ онъ можетъ вдоволь наслаждаться созерцаніемъ природы.

Утромъ его будятъ еще до свѣта, и Гильомъ, замѣчая, что съ слѣдующаго дня ему придется вставать нѣсколько ранѣе, такъ-какъ онъ самъ звонилъ въ церкви въ послѣдній разъ, дѣлаетъ ему экзаменъ въ его знаніяхъ. Оказывается, что самое главное знаніе, котораго отъ него требуютъ, состоитъ въ умѣньи писать, но писать и курсивныя буквы, и готическія, и знаніе четырехъ правилъ ариѳметики. Недурно бы знать и дроби, но, по сознанію Гильома, эти дроби и для него самаго вещь чертовски трудная, и такъ-какъ даже не всякій учитель ихъ знаетъ, то для помощника такое знаніе необязательно. Всего важнѣе же не щадить своихъ кулаковъ во время преподаванія. Два помощника уже потеряли свое мѣсто, по своей несостоятельности въ этомъ отношеніи. «Здѣшнія дѣти», говоритъ ему Гильомъ, «такая дрянь и канальи, что съ ними добромъ ничего не подѣлаешь; ни дать, ни взять, ихъ отцы, которые ни за что и не посылали бы ихъ въ школу, еслибы не требованія религіи. Хорошо еще, что есть религія, которая требуетъ, чтобы они до перваго пріобщенія знали катихизисъ, безъ чего для нихъ недоступна никакая служба. Пока имъ года два-три вдолбляютъ его въ голову, до тѣхъ поръ они являются только и въ школу, мы ихъ въ это только время и исправляемъ, и дрессируемъ. Вонъ въ углу сколько прутьевъ орѣшника. Весь этотъ запасъ живо выйдетъ, и его два, три раза въ годъ приходится возобновлять. Не жалѣйте ломать прутьевъ, ихъ въ лѣсу растетъ много. Главное, для внушенія къ себѣ уваженія, бейте учениковъ безъ пощады, бейте за все,—за неумѣстныя улыбки, за всякій жестъ рукою, за все, за все. Но бейте такъ, чтобы мальчишки это̀ чувствовали, чтобы ревъ, который они станутъ поднимать, заставлялъ другихъ думать о васъ: а! этотъ учитель не то, что были Жакъ и Филиппъ. И тогда вамъ будетъ легко поддерживать порядокъ, при одномъ взглядѣ на васъ они станутъ дрожать всѣмъ тѣломъ. Поняли?»

Послѣ такого наставленія, Рено былъ снабженъ прутомъ, толщиною въ мизинецъ, и они стали спускаться въ школу.

Digitized by Google

Въ школѣ сидѣло множество грязныхъ, немытыхъ и нечесаныхъ ребятишекъ всѣхъ возрастовъ. Платье на нихъ было рваное, нѣкоторые были въ сабо, другіе вовсе безъ обуви. Пока Гильомъ и Рено сходили съ лѣстницы, слышался смѣхъ и шумъ неописанный; но едва Гильомъ показался на порогѣ, все стихло, такъ что полетъ мухи могъ бы быть слышенъ. Дѣти сидѣли на своихъ мѣстахъ и развернули книги и тетради. Въ кроткой и внушительной рѣчи, Гильомъ объяснилъ имъ, что съ нимъ пришелъ новый помощникъ, котораго онъ нарочно выписалъ, чтобы онъ держалъ ихъ въ страхѣ, что онъ не похожъ на прежнихъ помощниковъ, и что ослушники весьма скоро узнаютъ это на своей шкурѣ. Затѣмъ Гильомъ сѣлъ на каѳедру и ученіе началось. Съ полчаса дѣти нараспѣвъ твердили: «ба, бе, би». Потомъ Гильомъ пригласилъ Рено тоже сѣсть на каѳедру и написать двѣ прописи, каллиграфіей его онъ остался доволенъ, и велѣлъ ему спросить урокъ изъ катихизиса у младшаго класса,—каждый классъ сидѣлъ на особыхъ скамьяхъ. Одинъ мальчикъ, которому Рено велѣлъ подняться, началъ въ это время громко сморкаться, и Рено понялъ, что его обязанность его за это наказать. Онъ ударилъ его два раза прутомъ, но не очень сильно; мальчикъ сталъ кричать. Услыхавъ этотъ крикъ, Гильомъ поблѣднѣлъ отъ злости и подбѣжалъ къ нему со словами: «А! ты ревѣть, притворяться! Такъ вотъ же тебѣ, кричи теперь сколько хочешь!». И говоря это, онъ до того полосовалъ несчастнаго своимъ прутомъ, что на лицахъ другихъ дѣтей выразился ужасъ, а наказуемый, обезсиленный отъ боли, уже не могъ болѣе кричать и какъ снопъ свалился головою на столъ.

— Вотъ какъ надобно съ ними обращаться, сказалъ онъ Рено:—теперь вы знаете это, и я увѣренъ, что будете такъ же дѣйствовать.

Рено разсудилъ, что если два помощника потеряли мѣсто за свою слабость, то ему, нечего дѣлать, приходится дѣйствовать такъ, какъ ему велятъ. По молодости его, ему даже показалось, что система Гильома — система хорошая, такъ-какъ ученики уже больше не шумѣли, а по окончаніи класса вѣжливо распрощались съ учителемъ и съ нимъ, назвавъ его господиномъ Жанъ-Батистомъ.

Послѣ классовъ они поднялись на верхъ для обѣда. Замѣтивъ, что Рено остановился передъ полкой съ книгами, гдѣ находилось нѣсколько учебныхъ руководствъ, составленныхъ различными аббатами, и преимущественно аббатомъ Флёри, онъ сказалъ ему:

«Если вы хотите читать эти книги—то не стѣсняйтесь и берите ихъ къ себѣ въ комнату. Я-то, признаться, давно уже ничего не читаю, въ наше время были другія книги, не такія мудреныя. Всѣ эти книги написаны лицами изъ духовенства, и приноровлены къ потребностямъ времени. Особенно я рекомен-

Digitized by Google

дую вамъ «Исторію Франціи» отца Лораке. Наше просвѣщенное духовенство стоитъ впереди общества и отъ него на насъ постоянно изливается свѣтъ знанія».

Гильомъ говорилъ слова эти серьёзнымъ тономъ, а думалъ другое. Онъ на своемъ вѣку много видѣлъ и слышалъ, пережилъ царствованіе Людовика XVI, республику и имперію. Когда же съ воцареніемъ Людовика XVII, іезуиты и духовенство завладѣли вполнѣ образованіемъ, онъ понялъ, что всякія идеи приходится спрятать въ карманъ, чтобы не потерять мѣста, на которомъ онъ получалъ по десяти су въ мѣсяцъ съ каждаго ученика, исключая самыхъ бѣдныхъ. Однимъ словомъ, это былъ заживо умершій человѣкъ, какими жизнь дѣлаетъ при извѣстныхъ условіяхъ большинство людей извѣстнаго возраста.

Послѣ обѣда въ часъ снова начались уроки—и прошли благополучно, потому что дѣти не успѣли еще позабыть утренней экзекуціи.

Въ слѣдующіе два, три дня Рено предстояло выказать свое рвеніе въ дѣлѣ практическаго примѣненія преподанной ему системы обращенія съ учениками, и онъ, увѣренный вполнѣ, что исполняетъ свой долгъ, выказалъ такое усердіе, что самъ Гильомъ удивился его хладнокровной жестокости и сдѣлалъ ему конфиденціальное замѣчаніе, чтобы онъ опасался бить нѣкоторыхъ дѣтей, отцы которыхъ имѣли нѣкоторое значеніе въ мѣстечкѣ и знали, что существуетъ предписаніе, которымъ бить дѣтей запрещено. Въ замѣнъ этого ихъ можно было ставить на колѣни на дрова, и оставлять на сухомъ хлѣбѣ во время отдыха.

Такъ потянулось время Рено — дни за днями. Въ 5 часовъ онъ поднимался съ постели; въ четверть шестаго звонилъ къ заутрени, потомъ около часу гулялъ по деревнѣ, изучая сельскій бытъ, въ 6½ звонилъ въ школу, и школьный день проходилъ своимъ порядкомъ. На нѣсколько су онъ купилъ себѣ деревяннаго масла и завелъ ночникъ, и по вечерамъ читалъ книги Гильома. По праздникамъ, онъ во время церковной службы одѣвалъ и раздѣвалъ Бернара, зажигалъ и гасилъ свѣчи. Недѣль черезъ пять по его поступленіи, Бернаръ и другое оффиціальное лицо произвели въ качествѣ инспекторовъ ревизію, и остались всѣмъ довольны. Чтобы испытать способности Рено, лицо, явившееся съ священникомъ, лѣсопромышленникъ и содержатель гостинницы, задалъ ему глубокомысленный вопросъ: какъ звали отца четырехъ сыновей Аймона? Кромѣ того, его спросили, есть ли у него свидѣтельство о хорошемъ поведеніи изъ мѣста его рожденія. Къ счастію, оно у него оказалось подписанное меромъ мѣстечка и благочиннымъ. Тогда ему объявили, что онъ утверждается помощникомъ учителя, а позднѣе, если онъ выдержитъ установленный экзаменъ, то получитъ и свидѣтельство о своей способности — документъ, который его освободитъ отъ рекрутской повинности. Опасеніе не

Digitized by Google

выдержать этого экзамена доставило Рено не мало тревогъ, и хотя Гильомъ и утверждалъ, что при хорошемъ почеркѣ и твердомъ знаніи катехизиса и священной исторіи ему бояться этого экзамена нечего, но онъ все-таки сталъ по вечерамъ усиленно заниматься ариѳметикой и исторіею Франціи аббата Лорике.

III.

Настала зима, зима необычайно суровая въ горныхъ мѣстностяхъ этой части Франціи. Цѣлыхъ три, четыре мѣсяца Рено ничего не видалъ изъ своего оконца, кромѣ снѣга. Всѣ дороги были имъ занесены и едва проходимы. Гильомъ въ серединѣ зимы захворалъ ревматизмомъ, сложившимъ его въ постель, и кромѣ ухода за больнымъ, Рено исполнялъ всѣ его обязанности въ школѣ и церкви, гдѣ даже пѣлъ за Гильома. Хотя онъ и не обладалъ зычнымъ голосомъ Гильома для достодолжнаго выполненія обязанностей пѣвчаго, и не зналъ еще твердо всѣхъ обрядовъ церковнаго служенія, но г. Бернаръ не заявлялъ ему особеннаго недовольства. Рекомендація благочиннаго продолжала дѣйствовать.

Болѣзнь Гильома шла все хуже и хуже, такъ что учитель принужденъ былъ обратиться къ доктору, изъ Лоркэна, который, пріѣхавъ оттуда въ парныхъ саняхъ, обнадежилъ, что все поправится, но велѣлъ кого-нибудь прислать съ оказіей въ Лоркэнъ за лекарствомъ, которое онъ велѣлъ для него приготовить аптекарю Регоаню.

Въ исполненіи этого распоряженія было значительное затрудненіе. Дороги были почти непроходимы и охотника идти туда не оказывалось. Тогда Рено предложилъ свои услуги и въ первый же праздникъ отправился въ Лоркэнъ.

Пустившись въ путь раннимъ утромъ, онъ къ полудню успѣлъ кое-какъ добраться до аптеки. Аптекарь оказался тѣмъ самымъ лицомъ, которое нѣкогда указало ему дорогу въ «Разбитый Дубъ». Онъ тотчасъ узналъ Рено. Это былъ добродушный и гостепріимный человѣкъ. Онъ обласкалъ Рено, и когда приготовивъ лекарство, научилъ, какъ его принимать, то позвалъ Рено съ собою во внутреннія комнаты и заставилъ остаться у себя обѣдать. Къ обѣду собралось нѣсколько гостей изъ мѣстныхъ обывателей и промышленниковъ, пріѣхавшихъ въ Лоркэнъ, гдѣ въ то время была ярмарка. Разговоръ шелъ сначала о политикѣ и потому мало интересовалъ Рено, ничего въ ней непонимавшаго. Потомъ Регуань обратился къ Рено съ разспросами о школѣ, его свѣдѣніяхъ и о жалованьи, которое онъ получаетъ. Когда Рено отвѣчалъ, что получаетъ пять франковъ въ мѣсяцъ, то Регуань почти побагровѣлъ отъ не-

Digitized by Google

годованія и сталъ говорить такія слова, которыхъ до того Рено никогда не приходилось слышать. Онъ говорилъ о народномъ невѣжествѣ, о скудости содержанія сельскихъ учителей, о той жалкой роли, которую въ этомъ дѣлѣ играло духовенство, особенно усилившееся съ возвращеніемъ Бурбоновъ; говорилъ, что школы должны быть освобождены отъ духовной инспекціи и т. д. Рено не вѣрилъ своимъ ушамъ. Ему и нравилось то, что̀ онъ слышалъ, и было страшно, что онъ все это слушаетъ — хотя всѣ сидѣвшіе повидимому знали все то, что̀ говорилъ аптекарь, такъ-какъ заявляли на его слова свое сочувствіе словами и одобрительными жестами. Особенно врѣзались ему въ память слова Регуаня, что Рено слѣдуетъ читать и читать, такъ что по окончаніи обѣда, собираясь домой, онъ осмѣлился попросить у аптекаря книгъ и Регуань охотно при прощаніи снабдилъ его ими.

По возвращеніи домой, когда Рено могъ уйти къ себѣ въ комнату, онъ съ невольнымъ трепетомъ принялся читать принесенныя имъ книги; но едва онъ прочелъ нѣсколько страницъ, какъ къ ужасу своему увидѣлъ, что онъ въ нихъ ровно ничего не понимаетъ. Книги были «Эмиль» и «Contrat social». Съ этихъ поръ въ теченіе цѣлыхъ трехъ недѣль, книги эти составляли для него источникъ горя и тревогъ. Каждую свободную минуту онъ бралъ ихъ, читалъ, читалъ, вдумывался, старался понять... и все-таки понять ничего не могъ. Наконецъ его тревога стала выражаться и внѣшнимъ образомъ. Онъ поблѣднѣлъ и похудѣлъ такъ, что это обратило на него вниманіе Гильома. На вопросъ послѣдняго, что̀ съ нимъ, онъ откровенно разсказалъ о книгахъ. «Что же тутъ удивляться, что вы ихъ не понимаете? отвѣтилъ учитель: — я вотъ уже тридцать лѣтъ тому назадъ старался понять эту самую книгу «Contrat social», которую во время республики очень хвалили, и точно также ничего въ ней не понялъ, а теперь не пойму и подавно. Такія книги не для насъ. Чтобы понимать ихъ, надо много учиться. Для нашего брата, бѣдняковъ и крестьянъ, книгъ не пишутъ, какъ не пишутъ ихъ для быковъ, которыми мы пашемъ. Развѣ кому-нибудь нужно, чтобы они что-нибудь понимали?»

Хотя послѣ этого разговора Рено уже и не пытался читать непонятныхъ для него книгъ, но этимъ еще не ограничились всѣ бѣдствія, какія онѣ ему принесли. Когда передъ праздникомъ рождества ему пришлось исповѣдываться, то передъ отпущеніемъ грѣховъ Бернаръ обратился къ нему съ вопросомъ, не читаетъ ли онъ запрещенныхъ книгъ. Онъ отвѣтилъ отрицательно, чѣмъ привелъ священника въ страшное негодованіе. «Какъ! ты лжешь передъ престоломъ Божіимъ? закричалъ онъ на него. — Развѣ я не знаю, что ты изъ Лоркэна принесъ сюда книги, запрещенныя церковью?» Напрасно испугавшійся Рено объяснялъ, что онъ въ нихъ ничего не понялъ, и даже

Digitized by Google

не зналъ, что онѣ запрещенныя. Священникъ былъ неумолимъ, попрекнулъ его тѣмъ, что онъ обѣдалъ у аптекаря — *съ якобитцами;* говорилъ, что если благочинный объ этомъ узнаетъ, то откажетъ ему въ своемъ покровительствѣ и онъ пропадетъ, какъ червякъ, а въ заключеніе, замѣтилъ ему, что не выработавъ себѣ голоса, онъ прежде всего долженъ бы былъ заниматься въ свободное время голосовыми упражненіями, такъ-какъ безъ этого — ему свидѣтельства объ его способности по экзамену онъ, Бернаръ, не выдастъ.

Страшно запуганный этими словами, Рено сталъ безъ устали заниматься, боясь, что онъ не получитъ свидѣтельства. До самой пасхи онъ былъ въ постоянномъ раздраженіи, отъ чего конечно страдали ученики, на которыхъ онъ вымещалъ свое недовольство и опасеніе, къ удовольствію выздоровѣвшаго Гильома. Къ пасхѣ старшій классъ, готовый къ первому пріобщенію, послѣ всѣхъ выдержанныхъ истязаній, оставилъ школу.

Вскорѣ послѣ пасхи разнеслось извѣстіе, что въ округѣ начались экзамены помощниковъ учителей, и что строгій инспекторъ безъ состраданія отказывалъ имъ въ выдачѣ свидѣтельства, и что болѣе десятка ихъ какъ забракованные уже взяты въ солдаты. Рено стало не на шутку жутко. Напрасно его утѣшалъ Гильомъ тѣмъ, что всѣ забракованные навѣрное ослы, неимѣющіе никакого понятія о дробяхъ, и что такъ-какъ по смыслу королевскаго циркуляра отъ 15-го марта 1816 года, инспекторы обязаны преимущественно обращать вниманіе на религіозную сторону народнаго обученія, то ему, знающему твердо священную исторію и катихизисъ, опасаться рѣшительно нечего.

И дѣйствительно, экзаменъ ему удалось сдать отлично. Инспекторъ и два другіе окрестные священника остались довольны его почеркомъ, орѳографіей и знаніемъ священной исторіи, а когда онъ, разсказывая исторію Іосифа, проданнаго братьями, отъ нервной разстроенности зарыдалъ, то вся коммисія пришла въ умиленіе и рѣшила, что онъ вполнѣ достоинъ свидѣтельства. Только Бернаръ замѣтилъ, что онъ лѣнится пѣть, но что онъ надѣется, что впередъ этого не будетъ. «Вы можете написать благочинному, сказалъ подъ конецъ инспекторъ: — что вы удовлетворительно выдержали испытаніе и черезъ нѣсколько дней получите дипломъ преподавателя 2-го класса, который васъ освободитъ отъ рекрутчины».

Всѣ страданія Рено кончились послѣ этихъ словъ; онъ тотчасъ же написалъ восторженное письмо о своей удачѣ къ отцу и де-Брикевиллю. Онъ не чувствовалъ себя отъ восторга, что, наконецъ, онъ имѣетъ опредѣленное значеніе и имѣетъ право на заработку хлѣба. При полученіи диплома, Бернаръ взялъ съ него письменное обязательство, что онъ будетъ служить министерству просвѣщенія десять лѣтъ. Удача породила въ немъ тщеславіе; ему показалось, что, при его знаніяхъ, мѣсто, ко-

Digitized by Google

торое онъ занимаетъ, было для него слишкомъ ничтожно и уже сталъ навѣдываться, нѣтъ ли гдѣ въ окрестностяхъ вакантнаго мѣста учителя. Времени на такіе поиски у него было довольно, такъ-какъ съ Пасхи до самой осени бо́льшая часть дѣтей не ходятъ въ школу, а занимается полевыми работами; посѣщали же ее, и то не ежедневно, нѣкоторые изъ дѣтей болѣе зажиточныхъ родителей.

Гильомъ замѣчалъ эти поиски, но молчалъ, и только въ концѣ октября, передъ самымъ концомъ каникулъ, когда Рено заикнулся ему о прибавкѣ жалованья, у нихъ произошло серьёзное объясненіе. Гильомъ сообщилъ ему, что онъ давно уже видитъ, что его какъ будто тянетъ прочь, что онъ не обвиняетъ его въ неблагодарности, хотя Рено, довольный годъ тому назадъ картофелемъ и кислымъ молокомъ, получаетъ теперь сыръ, яйца, иногда блюдо капусты съ свинымъ жиромъ, а по праздникамъ супъ изъ овощей. Все это Рено, по словамъ Гильома, долженъ былъ оцѣнить, еслибы его не одолѣвало тщеславіе, какъ оцѣнилъ бы и то, что во все вакаціонное время онъ получалъ аккуратно свои пять франковъ въ мѣсяцъ, хотя Гильомъ имѣлъ право на лѣто совсѣмъ ему отказать, какъ дѣлаютъ другіе учители съ помощниками. Но, по его мнѣнію, Рено сильно заблуждался, если думалъ, что, зная хорошо даже дроби, тройныя правила и правила товарищества, онъ силою одного своего знанія можетъ получить учительское мѣсто. Всѣ мѣста эти зависятъ отъ священниковъ, а имъ никакой ариѳметики не надо, а надо учителя, твердо знающаго катихизисъ, и хорошаго пѣвчаго, чтобы онъ своимъ голосомъ повергалъ въ трепетъ и умиленіе прихожанъ. «Никакого мѣста и никогда вы не получите, заключилъ Гильомъ: — съ вашимъ мнѣніемъ, а я вотъ учитель и безъ диплома; никакой прибавки жалованья я вамъ дать не могу, хотя бы и хотѣлъ, а лучше придумаемъ-ка вмѣстѣ, какъ выдти изъ этого вопроса къ общему удовольствію. У меня даже есть на этотъ счетъ кой-какой планъ».

Планъ состоялъ въ томъ, чтобы послѣ школьныхъ уроковъ, отъ 7 до 10 час., открыть вечернюю школу для взрослыхъ, какую Гильомъ уже нѣкогда, еще при узурпаторѣ, заводилъ, такъ-какъ между фабричными было много лицъ, нуждавшихся въ умѣньи читать, писать и считать. Прежнюю школу его посѣщало 18 человѣкъ и каждый платилъ по 20 су въ мѣсяцъ, что доставляло ему хорошій прибытокъ, а закрылъ только потому, что во время двухъ послѣднихъ нашествій, всѣ мужчины, отъ 10 до 40 лѣтъ, поступили въ солдаты. Новую школу для обоего пола они должны были открыть вмѣстѣ, такъ-какъ одинъ Рено, хотя онъ и знаетъ хорошо ариѳметику и орѳографію, именно все то, въ знаніи чего такъ нуждаются мѣстные жители, еще такъ молодъ, что къ нему никто не будетъ имѣть довѣрія. Барыши пополамъ. Въ ученикахъ и ученицахъ ожидать недостатка

Digitized by Google

было нельзя, такъ-какъ съ войны возвратилось много людей, забывшихъ даже все то, что прежде знали.

Мысль эта польстила тщеславію Рено, да и возможность имѣть деньги на покупку книгъ и помощь семейству его такъ радовала, что онъ на все согласился, и въ томъ же вечерѣ было рѣшено открыть школу въ слѣдующій понедѣльникъ, а до того приказать дѣтямъ, чтобы они объявили объ этой новости по деревнѣ.

IV.

Въ началѣ ноября произошло открытіе вечернихъ классовъ. Съ перваго же дня въ школу собралось человѣкъ десять, въ числѣ которыхъ находились и люди пожилые,—кузнецъ, дровосѣкъ, земледѣлецъ и четыре дѣвушки, одна изъ которыхъ, Розалія Бокель —была дочерью мера. Мужчины были нѣсколько смущены тѣмъ, что имъ пришлось учиться въ ихъ годы, но ласковое отношеніе къ нимъ Рено ихъ ободрило. Гильомъ просто сіялъ отъ удовольствія и явился въ школу, по привычкѣ, съ прутомъ подъ мышкой. Онъ открылъ классъ простою и исполненною здраваго смысла рѣчью, что учиться никогда не поздно, что при доброй волѣ можно легко вознаградить то, что потеряно въ молодости. Читать и писать безъ ошибокъ необходимо было, говорилъ онъ, для того, чтобы не зависѣть отъ другихъ въ дѣлахъ, знать, что приходится подписывать, и умѣть сочинять всякія житейскія бумаги. Считать—затѣмъ, чтобы имѣть возможность при всякомъ дѣлѣ самому слѣдить за приходами и расходами. Прежде всего для провѣрки знаній учениковъ онъ велѣлъ Рено начать диктовать. Оказалось, что мужчины, нѣкогда бывшіе въ школѣ, хотя и бросившіе ее раньше времени, еще кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, могли записывать диктовку; дѣвушки же, первоначальное образованіе которыхъ лежало на попеченіи монахинь, не знали ровно ничего. Монахини обыкновенно ограничиваются обученіемъ пѣнью и катихизиса. Грамоты, не говоря уже объ ариѳметикѣ, онѣ сами почти никогда не знаютъ. Результатомъ такого обученія—обыкновенно крайняя бѣдность всѣхъ католическихъ деревень Эльзаса и Лотарингіи, въ то время какъ еврейскія и лютеранскія села благоденствуютъ. Монахини приготовляютъ невѣжественныхъ женъ-хапщей, проводящихъ все время въ церкви. Мужья, не встрѣчая дома никакихъ удобствъ, въ свою очередь, идутъ въ кабаки и харчевни. Семья рушится, хозяйство идетъ вверхъ дномъ.

При такомъ уровнѣ познаній учениковъ и учениць, пришедшихъ учить ихъ всѣхъ вмѣстѣ, Гильомъ началъ съ грамматики, сталъ знакомить ихъ съ частями рѣчи, склоненіями и спряже-

Digitized by Google

ніями, какъ это обыкновенно водится. Нѣсколько вечеровъ прошло сплошь въ этихъ склоненіяхъ и спряженіяхъ, но дѣло пошло дурно. Во внѣурочное время, рабочимъ людямъ нѣкогда было приготовлять своихъ уроковъ—и одной доброй воли оказывалось недостаточно. Тогда Рено пришла мысль перемѣнить систему преподаванія, и вмѣсто передачи трудныхъ для нихъ грамматическихъ правилъ ограничиваться диктовкой и логическимъ объясненіемъ каждой сдѣланной учениками ошибки. Ему съ трудомъ удалось уговорить Гильома на такое отступленіе отъ рутины; но видя, что взрослые ученики потеряли бодрость, онъ позволилъ Рено попробовать учить, какъ онъ предлагалъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ дѣтской школѣ все преподавалось попрежнему. Рено, заручившись этимъ согласіемъ, горячо принялся за дѣло. Во все время уроковъ, онъ трудился безъ устали: диктовалъ, указывалъ ошибки, объяснялъ, и съумѣлъ до того поддерживать общее вниманіе, что ученики дѣлали очевидные успѣхи, такъ что черезъ нѣсколько времени онъ могъ ввести такой порядокъ, что болѣе понятливые ученики умѣли уже сами поправлять ошибки товарищей, и давать имъ объясненія. Особенно способною оказалась Розалія Бокель. Рено, глядя на ея успѣхи, радовался, и гордился, сознавая, что развитіе этой способной дѣвушки было дѣло его рукъ. За такую гордость пришлось ему горько поплатиться!

Репутація школы росла и увеличивалась; ученики стали стекаться отовсюду; многіе отцы семействъ, забывъ ложный стыдъ, приходили въ нее учиться. Подъ видомъ ознакомленія съ новымъ способомъ обученія, пробралась въ вечерніе классы и сестра Аделаида, сѣдая и невѣжественная старушонка, ничего незнавшая, хотя на ней и лежала обязанность женскаго обученія. Она обыкновенно осыпала Рено самыми лестными комплиментами и одобрительно качала своею сѣдою головою, когда Рено вызывалъ Розалію, для объясненія другимъ того или другаго. Дѣвушка, тщеславію которой это естественно льстило, обыкновенно при этихъ вызовахъ вся разгоралась отъ удовольствія, и становилась прекраснѣе обыкновеннаго. Наступила масляница. Въ мѣстности, гдѣ происходитъ разсказъ, ее праздну́ютъ совсѣмъ особеннымъ образомъ. Въ одинъ изъ вечеровъ всѣ деревенскіе парни собираются на самый высокій утесъ, на поляну, обросшую лѣсомъ, и разводятъ изъ сучьевъ большой костеръ. Когда къ 9 часамъ костеръ значительно разгорится, то на его привѣтное пламя сходятся почти всѣ жители деревни. Всѣ дѣвушки тоже обыкновенно входятъ на утесъ и расходятся по лѣсу, деревья котораго скрываютъ ихъ отъ взоровъ любопытныхъ. Когда народу соберется довольно, на самую верхушку утеса вскарабкивается обыкновенно кто либо изъ деревенскихъ краснобаевъ, обязанный обладать громкимъ и сильнымъ голосомъ и знать всѣ деревенскія сплетни. Увидавъ его стоящимъ на вершинѣ утеса, парни бросаютъ въ огонь

Digitized by Google

кружки распиленныхъ стволовъ, въ серединѣ которыхъ просверливаютъ обыкновенно отверстія. Когда кружки загорятся, ихъ выхватываютъ изъ огня желѣзными прутьями, стараясь попасть прутомъ въ отверстіе, и зацѣпивъ кружокъ, бросаютъ его изо всей силы на воздухъ. Кружокъ летитъ по кривой, какъ яркая звѣзда. Едва кружокъ появится въ воздухѣ, краснобай начинаетъ кричать во все горло: «гора, гора—нѣтъ ли любовнаго добра?» и вслѣдъ за этимъ выкрикиваетъ или имена жениха и невѣсты, долженствующихъ вступить въ бракъ, или имена лицъ, состоящихъ въ подозрѣніи любовныхъ отношеній другъ къ другу. Крики эти раздаются обыкновенно такъ громко, что слышны въ весьма значительномъ разстояніи, и нерѣдко молодыя дѣвушки, тайну которыхъ разглашаютъ, не выдерживаютъ и отвѣчаютъ изъ лѣса отрицаніемъ: «ахъ, нѣтъ! нѣтъ, это неправда!» Но ихъ никто не слушаетъ—начинается повсюду дружный смѣхъ, ироническія восклицанія, звуки кларнета, пистолетные выстрѣлы. И гамъ смолкаетъ только при новомъ возглашеніи: гора! гора! и т. д. Иногда, за недостаткомъ сплетенъ и новостей, возглашаются извѣстія о женитьбѣ «дьявола на его бабушкѣ» или «сатаны на чортѣ».

Рено, закрывъ въ этотъ день школу, захотѣлъ тоже посмотрѣть на этотъ праздникъ, и думая о томъ, какъ живучи обычаи, начало которыхъ вѣроятно кроется въ языческихъ временахъ, незамѣтно дошелъ до утеса. Костеръ уже ярко горѣлъ. Краснобай утеса выкрикивалъ особенно громко. И Рено невольно улыбнулся, когда были произнесены имена нѣкоторыхъ изъ его учениковъ и учениць. Онъ уже хотѣлъ уходить, какъ вдругъ, вслѣдъ за словами: гора, гора! онъ услыхалъ свое собственное имя и имя богатой дочери мера—Розаліи Бовель. Свистъ и шумъ при возглашеніи этихъ именъ произошелъ неописанный. Раздались выстрѣлы и громкія восклицанія: ого! вотъ какъ! Губа-то у Рено не дура—зналъ къ кому подъѣхать! и т. д. Еслибы громъ внезапно ударилъ въ Рено, то это едва-ли бы его поразило такимъ удивленіемъ; ему никогда и въ голову не приходило, чтобы его отношенія къ дочери мера могли быть такъ перетолкованы. Ясно ему казалось одно... у него были враги... Почти безсознательно побрелъ онъ домой, твердя машинально имя Розаліи. Когда онъ уже подходилъ къ школѣ, его обогнала толпа мальчишекъ, которые со смѣхомъ и съ горящими головнями въ рукахъ, казалось, бѣжали за нимъ, чтобы еще разъ посмѣяться.

Всю ночь Рено не могъ спать и провелъ ее въ тревожной безсонницѣ. Только къ утру онъ сталъ нѣсколько приходить въ себя, и хотя въ классѣ и замѣтилъ, что ученики слегка между собою пересмѣивались, очевидно на его счетъ,—но мало по малу сталъ себя утѣшать мыслью, что дѣло это останется безъ послѣдствій, и просто дурная шутка, грубо съигранная

Digitized by Google

крестьянами, хотя и безъ злаго умысла. Изъ-за обѣда, однакоже, служанка священника потребовала его къ г. Бернару.

Бернаръ встрѣтилъ его упреками, и объявилъ ему, что онъ отъ него не ожидалъ такого скандала, что соблазнять дѣвушку, разсчитывая на богатство ея отца—безчестно, но что онъ уже ожидалъ всего недобраго, видя, что для чего-то открываются какіе-то классы для взрослыхъ обоего пола, да еще притомъ самовольно, безъ его разрѣшенія. Онъ сообщилъ ему, что отецъ дѣвушки до нельзя раздраженъ этой возмутительной исторіей, что онъ требуетъ немедленнаго удаленія изъ «Разбитаго Дуба»—Рено и не исполнить этаго желанія г. мера невозможно. «Вотъ до чего довели вы себя своею строптивостью. Вы обезчестили дѣвушку и, пожалуй, сами останетесь безъ куска хлѣба. Г. меръ хотѣлъ сначала формально жаловаться на васъ инспекціи, и вы погибли бы навсегда, такъ-какъ васъ никуда не приняли бы послѣ такого скандальнаго дѣла. Мнѣ едва удалось его уговорить не дѣлать этого. Но все-таки здѣсь мы васъ держать болѣе не можемъ, и г. меръ едва-ли согласится выдать вамъ свидѣтельство о добромъ поведеніи».

Рено былъ просто ошеломленъ; онъ все-таки не думалъ, что его будутъ обвинять въ преднамѣренномъ преступленіи, и едва Бернаръ кончилъ, энергически сталъ защищать свою невинность.

— Я готовъ вѣрить всему, что вы говорите въ свое оправданіе, отвѣтилъ Бернаръ:—но согласитесь, что все-таки дѣйствія ваши неосмотрительны и неосторожны.... Это проклятые классы.... это предпочтеніе, которое вы позволяли себѣ дѣлать г-жѣ Бель.... за что теперь страдаетъ ея репутація? Какъ быть? какъ поправить дѣло? Каждое слово священника рѣзало какъ ножомъ Рено. Онъ умолялъ Бернара сжалиться надъ нимъ и посовѣтовать ему что либо.

— Постойте, проговорилъ Бернаръ, показывая видъ, что онъ смягчился раскаяніемъ Рено:—у меня родилась мысль... Чѣмъ болѣе я въ нее вдумываюсь, тѣмъ болѣе она представляется мнѣ осуществимою, а для васъ—это единственный ресурсъ. Безъ аттестата васъ никуда не пристроишь, но у насъ же, въ нашемъ же вѣденіи, есть еще одна школа на вершинѣ горы. Деревня называется Скалы; она, правда, населена одними контрабандистами и браконьерами, и вамъ будетъ тамъ трудно. Впрочемъ, даже и на это нужно согласіе г. мера, а удастся ли мнѣ его уломать—не знаю, но я готовъ попытаться. Тамъ, по крайней мѣрѣ, вы своимъ добрымъ поведеніемъ, если захотите, будете въ состояніи загладить ваши здѣшнія ошибки. Такъ и быть, я пойду сейчасъ къ г. меру, и о результатѣ переговоровъ извѣщу васъ сегодня же вечеромъ.

Рено, разсыпаясь въ благодарностяхъ, оставилъ благодѣтельнаго священника.

Гильонъ и жена его встрѣтили его въ смущеніи: они уже

Digitized by Google

все знали отъ служанки Бернара, и когда Рено заявилъ, что его переводятъ въ «Скалы», на лицахъ ихъ изобразилось состраданіе; когда же Рено сталъ выхвалять Бернара, принявшаго въ немъ такое доброе участіе, лицо Гильома страшно исказилось; онъ уже открылъ ротъ, чтобы что-то сказать, но... ограничился только тѣмъ, что обмѣнялся съ женою выразительнымъ взглядомъ. Весь вечеръ затѣмъ и Гильомъ и жена были задумчивы, и качали головами при взглядѣ на Рено. Наконецъ, во время ихъ ужина явился и самъ Бернаръ, объявившій Рено, что ему удалось его спасти и уговорить г. мера и что все устроилось. Такъ-какъ сестра Августина, раздѣлявшая съ сестрой Аделаидой трудъ по обученію дѣвочекъ въ «Разбитомъ Дубѣ», по болѣзни своей уже объявила желаніе уѣхать въ свой монастырь для поправленія, то Рено можетъ отправиться въ «Скалы», вмѣсто завѣдующей тамошней школой сестры Элеоноры, которая займетъ мѣсто сестры Августины. При этомъ онъ далъ Рено два письма, подписанныя меромъ: одно къ муниципальному совѣтнику «Скалы», а другое къ сестрѣ Элеонорѣ, и сдѣлавъ ему нѣсколько наставленій, удалился. Уходя онъ замѣтилъ, что Рено слѣдуетъ отправиться въ «Скалы» завтра же чуть свѣтъ, такъ-какъ онъ не ручается, чтобы г. меръ не передумалъ, да и опасается всякой бѣды, если онъ встрѣтитъ случайно Рено все еще въ «Разбитомъ Дубѣ».

Гильомъ и послѣ ухода Бернара былъ угрюмъ и сосредоточенъ. На прощаніе онъ посовѣтовалъ Рено взять въ счетъ должныхъ имъ ему денегъ шерстяное одѣяло и двѣ простыни, а также взять съ собою для чтенія тѣ книги, которыя ему понравятся. «Тамъ холодно, ничего не достать», лаконически добавилъ онъ, отдавая ему остальное жалованье. Рено выбралъ себѣ книги, дружески распростился съ учителемъ и его женой, поцаловался съ ними и пошелъ къ себѣ наверхъ связывать свой дорожный узелъ. Утромъ онъ поднялся до свѣта, и проходя коридоромъ, чтобы не разбудить Гильома и жены его, услышалъ изъ-за двери ихъ недружественные голоса, съ пожеланіемъ ему всего лучшаго и, главное, терпѣнія и здоровья.

«Скалы» находились въ двухъ льё отъ «Разбитаго Дуба», на самой вершинѣ горы. Нищета ея обитателей высказывалась ярко и въ ихъ полуразвалившихся лачугахъ, и въ лохмотьяхъ ихъ одеждъ. «Разбитый Дубъ» казался въ сравненіи съ «Скалами» просто городомъ. Съ горькимъ раздумьемъ добрался Рено до единственной улицы деревушки. Встрѣчные люди боязливо сторонились отъ него. Ему едва удалось розыскать муниципальнаго совѣтника, Николая Ферре, къ которому было у него письмо. Совѣтникъ недовѣрчиво взялъ у него письмо, и внимательно осмотрѣвъ его, точно ли на немъ печать священника, передалъ его Рено назадъ, поручивъ самому ему прочесть его, за незнаніемъ имъ, Ферре, грамоты. Въ письмѣ этомъ

Digitized by Google

Бернаръ предварялъ Ферре, что Рено присланъ учителемъ вмѣсто сестры Элеоноры, и приказывалъ тотчасъ же достать сани для вещей сестры, которая въ тотъ же день должна была отправиться въ «Дубъ». Во время чтенія письма, въ лачугу Ферре входило нѣсколько лицъ, требовавшихъ водки,—Ферре былъ деревенскимъ кабачникомъ. Всѣ эти лица также подозрительно осматривали Рено. «А вотъ мы увидимъ, точно ли вы учитель», сказалъ кабачникъ, выслушавъ письмо, и велѣлъ одному изъ посѣтителей привести сестру Элеонору. Она явилась черезъ нѣсколько минутъ. Это была красивая женщина, лѣтъ 35-ти, съ открытымъ и честнымъ лицомъ. Ферре передалъ ей письмо и просилъ ее прочесть ему вслухъ. По мѣрѣ ея чтенія лицо его прояснялось; онъ убѣдился, что незнакомецъ его не обманывалъ, но за то въ чертахъ сестры Элеоноры обнаружилась тревога. Она ничего не понимала въ новомъ распоряженіи и успокоилась только тогда, когда прочитала другое письмо отъ Бернара, переданное ей Рено и адресованное на ея имя.

Попросивъ Ферре, усѣвшагося за карты, распорядиться съ санями, сестра повела Рено въ школу для передачи ее ему.

Остановясь у одной лачуги, она вошла въ темную и низенькую кухню, такъ-что Рено пришлось согнуть спину. Небольшое оконце съ рѣшоткой освѣщало неприхотливую ея обстановку, очагъ, поставецъ съ глиняной посудой и т. д. Открывъ боковую дверь, они вошли въ другую, довольно большую, комнату, въ которой стояли скамейки, а по стѣнамъ были развѣшаны прописи. Очевидно, это была школьная зала, хотя въ углу и находилась кровать. У кровати, на низкомъ табуретѣ, сидѣла какая-то старушонка, видомъ похожая на цыганку.

— Г-жа Гило, сказала сестра: — господинъ этотъ — Жанъ-Батистъ Рено, явившійся сюда, чтобы занять мое мѣсто. Онъ будетъ теперь держать школу, хотя все остается попрежнему, такъ хочетъ г. священникъ. Дѣти попрежнему будутъ приносить дрова и топить печи. Вамъ вѣдь это все равно, госпожа Гило?

Старушонка, не отрываясь отъ работы (она что-то вязала), взглянула на Рено своими рысьими глазами и отвѣчала:

— Разумѣется, все равно, были бы дрова.

Послѣ этого сестра ввела Рено, по деревянной лѣстницѣ, въ мезонинъ, въ свою собственную комнату, переходившую по наслѣдству къ Рено. Комната была низенькая, но довольно просторная, съ выбѣленными известью стѣнами. Изъ окна былъ восхитительный видъ на окрестности.

Не теряя времени, сестра стала складывать свои пожитки, передавъ на память Рено вѣтку освѣщенной вербы. «Теперь вы у себя дома», сказала она, улыбаясь. «Вотъ вамъ списокъ учениковъ,—ихъ сорокъ-два. Обратите вниманіе, вотъ на это имя, подлѣ которого стоитъ крестикъ. Въ «Сказахъ» существуетъ обвиненіе, что злодѣи или злодѣйка хотѣли обѣлать по

Digitized by Google

очереди къ каждому изъ родителей учениковъ. Крестникомъ отмѣченъ сегодня Жанъ Ларошъ — его отецъ обязанъ васъ сегодня накормить обѣдомъ и ужиномъ. Завтра очередь двѣнадцатаго по списку—Клода Фикса.

Понявъ, что учитель въ «Скалахъ» долженъ питаться подаяніемъ, Рено вспыхнулъ отъ негодованія; но вспомнивъ, что не принявъ этого мѣста, онъ останется безъ куска хлѣба съ скандальной репутаціей, онъ видѣлъ, что ему приходится смириться мѣсяца на три, когда онъ получитъ право искать для себя чего-либо лучшаго. Сестра замѣтила его смущеніе.

— Не огорчайтесь, г. Рено, сказала она: — люди здѣсь не хуже, чѣмъ въ «Дубѣ», они даже религіознѣе. Вамъ здѣсь будетъ выгоднѣе. Дѣти платятъ по восьми су въ мѣсяцъ. Это составитъ всего 17 франковъ, но вы, кромѣ того, можете имѣть еще кое-какіе барыши отъ продажи бумаги, перьевъ и катихизисовъ, которыми торговать имѣетъ право учитель. Все это, кромѣ даровой пищи, отопленія, помѣщенія. Стирка будетъ вамъ стоить бездѣлицу—дѣло это лежитъ на обязанности г-жи Гило. Кромѣ того здѣсь вы сами себѣ господинъ, что тоже имѣетъ свою цѣну. Дѣти, правда, нѣсколько дики, но за то ведены въ страхѣ божіемъ.

Затѣмъ, пожелавъ Рено всего хорошаго, она ушла. По выраженію лица ея было видно, что она безъ особеннаго сожалѣнія оставляла «Скалы» со всѣми *выгодами* мѣста учительницы.

Тяжело потянулась жизнь Рено на новомъ мѣстѣ. Переходя для обѣда изъ дома въ домъ, онъ, въ теченіе шести недѣль, когда всѣ родители были имъ обойдены, наглядѣлся самыхъ возмутительныхъ сценъ. Съ нимъ не церемонились, и мужья ругали и били при немъ своихъ женъ — нисколько не стѣсняясь. По праздникамъ мужчины и женщины собирались въ кабакѣ, гдѣ происходило повальное пьянство, картежъ и драки, кончавшіеся увѣчьемъ. Другой жизни не знали обыватели «Скалъ», хотя сестра Элеонора, говоря объ ихъ религіозности, нисколько не отступала отъ правды. Они вѣрили въ демоновъ, колдуновъ, блуждающіе огни и молились на всѣхъ перекресткахъ, хотя вѣра нисколько не препятствовала имъ контрабандировать, пьянствовать, обманывать—со всѣмъ этимъ она въ нихъ отлично уживалась. Только одна боязнь жандармовъ, да галеръ нѣсколько сдерживала полное проявленіе ихъ грубыхъ инстинктовъ. Дѣти были не злѣе и глупѣе дѣтей «Дуба», только болѣе дики и загрубѣлы. Дѣтей родилось и умирало въ «Скалахъ» безъ счета. Смерть ребенка не огорчала родителей; они скоро забывали о нихъ, радуясь, что души ихъ въ раю, и что въ семьѣ становилось менѣе лишнимъ ртомъ. Остававшіеся въ живыхъ отличались значительною выносливостью: они не знали ни простуды, ни другихъ болѣзней; босые и чуть не голые они бѣгали по морозу, и ѣли безъ всякаго для себя вреда сырыя и неспѣлыя овощи и всякую дрянь. Не даромъ, по преданію,

Digitized by Google

во время отступленія отъ Москвы никто изъ уроженцевъ «Скалъ» не пострадалъ отъ стужи. Всѣхъ этихъ дѣтей, отъ 7 до 12-ти лѣтъ, посылали въ школу въ зимнее время не для того, чтобы они чему-нибудь научились, а просто, чтобы они не торчали дома на глазахъ. Хотя нѣкоторымъ изъ нихъ предстояло первое пріобщеніе въ этомъ же году, но они ровно ничего не знали. Сестра Элеонора умѣла ихъ только выучить «Отче нашъ», который они, не понимая, болтали, какъ попугаи. Рено, видя это и желая отблагодарить Бернара за всѣ его благодѣянія, сталъ усердно обучать катихизису, не жалѣя прута, но и не достигая никакого успѣха. Обстоятельство это заставило его сильно задуматься надъ вопросомъ, дѣйствительно ли система Гильома—бить и бить безъ пощады—дѣйствительно хорошая система, и здравый смыслъ навелъ его на болѣе правильный путь. Онъ понялъ, что на дѣтей этихъ, которыхъ и безъ того били дома безпощадно—и до того, что сдѣлали для нихъ всякіе побои нечувствительными—можно взглянуть иначе, болѣе человѣчно. Честной его натурѣ стоило разъ до этого додуматься, чтобы съ разу рѣшиться перемѣнить образъ дѣйствій, что онъ тотчасъ же и привелъ въ исполненіе. Уединеніе его въ «Скалахъ» принесло ему лично существенную пользу! Во взглядахъ его совершался исподволь основный переворотъ.

Каждое воскресенье всѣ жители «Скалъ», за исключеніемъ больныхъ и стариковъ, отправлялись въ «Дубъ», гдѣ они слушали обѣдню и вечерню. Рено тоже ходилъ туда со своими учениками, — ходилъ во всякую погоду, какъ ни была велика стужа. Дѣти, на дорогѣ, для того, чтобы согрѣться, часто бѣгали взапуски, перегоняя другъ друга. При этомъ они звонко выражали свою радость и удовольствіе. Рено обратилъ вниманіе на ихъ голоса, и остановился на мысли учить по вечерамъ ихъ пѣнію. Объявленіе объ этомъ дѣти встрѣтили съ такою радостью, что Рено рѣшился воспользоваться ихъ охотой къ пѣнію, чтобы, возбудивъ въ нихъ соревнованіе, имѣть въ рукахъ средство заставить ихъ усерднѣе заниматься. Поэтому, онъ сказалъ имъ, что станетъ учить пѣть только тѣхъ, кто окажетъ успѣхи въ наукахъ, и на первый разъ отобралъ только троихъ достойнѣйшихъ. Новость распространилась по деревнѣ; родителямъ понравилось, что дѣтей ихъ станутъ учить пѣнью, и дѣти, которыя не были допущены въ вечерній классъ, вынужденныя волею-неволею сказать дома о причинахъ этого, получили порядочный нагоняй, и стали усерднѣе заниматься, такъ что, мало по малу, всякія наказанія изъ школы были выведены. Одного слова Рено: «ты сегодня, за незнаніе урока, не приходи вечеромъ» было достаточно, чтобы вызвать у любаго ученика горькія слезы, чего прежде, при системѣ битья, Рено никогда не удавалось. Хотя до времени перваго пріобщенія оставалось всего-на-все шесть недѣль, но обученіе катихи-

Digitized by Google

зису шло такъ успѣшно, что Бернаръ, послѣ экзамена, заявилъ Рено свое крайнее удовольствіе и объявилъ, что такъ-какъ ученики «Скалъ» лучше учениковъ «Дуба» приготовлены, то во время церемоніи пріобщенія, въ знакъ отличія, лучшій изъ учениковъ «Скалъ» прочитаетъ въ церкви «Вѣрую». Это подняло Рено до такой степени въ глазахъ обывателей «Скалъ», что всѣ они стали съ этихъ поръ относиться къ нему съ особеннымъ уваженіемъ и, при встрѣчахъ съ нимъ, снимать шапки. Рено же въ этотъ день удостоенъ былъ приглашеніемъ къ обѣду г. Бернара, гдѣ онъ въ первый разъ въ жизни видѣлъ вблизи удобство и сравнительную роскошь. За этимъ же обѣдомъ, на которомъ было много окрестныхъ священниковъ, удалось ему быть свидѣтелемъ той радости духовенства, съ какою они заявляли, что народное образованіе перешло совершенно въ ихъ руки и что, вмѣсто всякихъ глупыхъ наукъ, водворяется повсюду смиренномудріе и уваженіе къ церковнымъ обрядамъ.

Послѣ пасхи бо́льшая часть дѣтей по обыкновенію разбрелась на работы и школу посѣщало всего на все пять, шесть мальчиковъ болѣе достаточныхъ родителей. Матеріальное положеніе Рено вслѣдствіе этого значительно ухудшилось, и онъ увидалъ, что обѣдая все у однихъ и тѣхъ же родителей, онъ становился имъ нѣсколько въ тягость. Горе свое онъ рѣшился разсказать старому лѣсному сторожу Жерому, сынъ котораго и былъ отличившійся ученикъ, читавшій въ церкви «Вѣрую». Жеромъ былъ отставной солдатъ и человѣкъ бывалый. Онъ любилъ вспоминать о своихъ походахъ, безъ всякаго притомъ хвастовства, и отличался значительнымъ здравымъ смысломъ. Онъ велъ отлично свое небольшое хозяйство, а домикъ его — благодаря распорядительности и умѣнью его дочери Туанеты—отличался такою чистотою и порядкомъ, какихъ въ «Скалахъ» ни у кого не было. Когда Рено высказалъ ему свое горе, онъ объявилъ ему, что есть средство поправить дѣло, такъ-какъ всего въ одномъ льё отъ «Скалъ» находились три фермы, принадлежащія анабаптистамъ. «У этихъ людей, говорилъ онъ, великое уваженіе къ знанію и много дѣтей. Религіи обучаютъ ихъ дома. По воскресеньямъ имъ читаетъ библію и евангеліе самый старый изъ жителей Жакобъ, котораго всѣ называютъ дѣдушкой. И Жакобъ и всѣ другіе колонисты жаловались часто, что некому научить ихъ дѣтей ни веденью книгъ, ни землемѣрію, ни счету—что необходимо для хорошаго веденія хозяйства. Они даже какъ-то навѣдывались у меня, чему учитъ сестра Елеонора, но такъ-какъ оказалось, что она учитъ только молитвамъ, то они и разсудили не посылать своихъ дѣтей въ нашу школу». При этомъ Жеромъ предложилъ Рено сходить съ нимъ вмѣстѣ къ Жакобу, такъ-какъ изъ этого могло что нибудь и выдти.

Дня черезъ два они туда отправились. Рено поразило образцовое хозяйство, какое онъ увидалъ у анабаптистовъ. Доволь-

Digitized by Google

ство безъ роскоши такъ и сказывалось во всемъ. Старый Жакобъ, узнавъ о цѣли ихъ посѣщенія, попросилъ ихъ привѣтливо войти въ комнату, передалъ объ ихъ предложеніи женѣ своей, и они вдвоемъ рѣшили, что въ такомъ важномъ дѣлѣ слѣдуетъ сначала посовѣтоваться съ Кристеномъ и Давидомъ, обладателями сосѣднихъ фермъ, за которыми тотчасъ же и было послано. Когда совѣтъ былъ въ полномъ сборѣ, Жакобъ передалъ въ двухъ словахъ предложеніе Рено, и по лицамъ слушателей можно было видѣть, что за ихъ согласіемъ дѣло не станетъ. Жакобъ разсказалъ при этомъ, что два его старшихъ сына давно уже переселились въ Америку, и въ штатѣ Илинноа у нихъ было много земли и хорошее хозяйство, но они нуждались въ рабочихъ рукахъ. Они вызывали къ себѣ всѣхъ дѣтей съ фермы, обѣщая устроить ихъ благосостояніе, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они обладали хотя нѣкоторыми знаніями, такъ-какъ въ Америкѣ человѣкъ цѣнится по степени своихъ знаній. Поэтому онъ и другіе очень были бы рады, еслибы Рено выучилъ ихъ съемкамъ, счетамъ, веденію торговыхъ книгъ и лѣсоизмѣренію. За это, съ общаго согласія, послѣ общаго обсужденія, было положено платить Рено по сорока су въ мѣсяцъ съ каждаго мальчика, котораго къ нему отдадутъ, съ тѣмъ, чтобы онъ же ихъ и кормилъ въ дни, когда они въ школѣ. Рено на эти условія съ радостію согласился.

— Мы васъ знаемъ уже не съ сегодняшняго дня, сказалъ ласково старикъ, кладя Рено на плечо свою руку:—мы слѣдимъ за вами еще съ того времени, какъ вы открыли школу для взрослыхъ—учитель вы знающій и хорошій, но есть еще одно условіе, которое надо впередъ выговорить, чтобы послѣ не было недоразумѣній. Мы, разумѣется, не желаемъ, чтобы вы стали обращать нашихъ дѣтей...

— За кого вы меня принимаете? весь вспыхнувъ отвѣтилъ Рено.

— Все лучше сказать напередъ, отвѣтилъ Жакобъ: — а то намъ съ этими обращеніями порядкомъ таки надоѣли. Впрочемъ, въ васъ я не сомнѣваюсь.

На этомъ дѣло окончилось. Рѣшено было послать въ школу девять мальчиковъ. Рено условился съ Жеромомъ въ отношеніи пищи дѣтей, и за исключеніемъ этой затраты, Рено все-таки оказался гораздо обезпеченнѣе, чѣмъ былъ въ «Разбитомъ Дубѣ».

При первомъ же свиданіи съ Гильомомъ, Рено разсказалъ ему съ восторгомъ о своей сдѣлкѣ съ анабаптистами. Гильомъ слушалъ его молча и предложилъ ему одинъ только вопросъ:

— А спрашивали ли вы на это разрѣшенія у г-на Бернара?

Рено такой вопросъ показался страннымъ. Онъ сталъ говорить, что вѣроятно о. Бернаръ, оказавшій ему уже столько благодѣяній, не станетъ мѣшать ему въ добромъ дѣлѣ, тѣмъ

Digitized by Google

болѣе, что не можетъ же Рено питаться «въ Скалахъ» однимъ воздухомъ.

— Такъ-то оно такъ, но не забудьте, что анабаптисты— еретики, и у о. Бернара на все это можетъ быть свой взглядъ... возразилъ Гильомъ... а о. Бернаръ у насъ — лицо полновластное.

— Ахъ, Жанъ-Батистъ, вмѣшалась въ разговоръ жена Гильома:—попросите лучше сначала позволенія у о. Бернара... вѣдь еслибы мы тогда попросили его позволенія на открытіе школы для взрослыхъ, вы до сихъ поръ оставались бы нашимъ помощникомъ... и никакого скандала «горы» не произошло бы...

Слова эти удивили Рено, замѣтившаго, что поблѣднѣвшій Гильомъ вдругъ замигалъ своей женѣ.

— Я тебѣ запретилъ вѣдь говорить объ этомъ съ кѣмъ бы то ни было, сказалъ онъ съ сердцемъ, видя, что подмигиваніе не помогло... съ этими женщинами—просто нѣтъ сладу!

— Ты напрасно сердишься, продолжала жена:—надо же Рено объ этомъ узнать... вѣдь если теперь съ нимъ случится что-нибудь такое же, то уже мы будемъ виноваты, что скрыли отъ него то, что̀ знаемъ...

Это замѣчаніе повидимому поразило своею справедливостью Гильома, и онъ осмотрѣвъ, не подслушиваетъ ли кто на лѣстницѣ, и понизивъ голосъ, разсказалъ Рено, что онъ узналъ изъ вѣрнѣйшаго источника, хотя и не можетъ сказать откуда, что вся продѣлка съ «горою» была устроена сестрою Аделаидою, которая дѣйствовала, разумѣется, съ согласія Бернара, такъ-какъ одна она на это не осмѣлилась бы, что Бернаръ затѣялъ все это, чтобы сразу прихлопнуть школу для взрослыхъ, которая ему была не понутру, такъ-какъ онъ больше всего боится, чтобы крестьяне какъ нибудь не просвѣтились, не получили желанія учиться и не захотѣли бы читать газетъ и журналовъ. «Тогда ему стало бы труднѣе обдѣлывать свои дѣлишки», а теперь все сходитъ съ рукъ, что̀ онъ ни затѣетъ, сказалъ Гильомъ. Конечно, онъ могъ бы прямо закрыть школу и безъ этихъ штукъ, но тогда стали бы говорить, что онъ гонитъ просвѣщеніе—а онъ такой огласки не хотѣлъ бы. И теперь дѣло совсѣмъ не такъ просто, какъ вамъ кажется, Жанъ-Батистъ, и анабаптисты, повторяю я, еретики... Попросите же прежде всего разрѣшенія у г. Бернара, да не проговоритесь ему, избави Боже, что вы дали уже слово... Что дѣлать? въ наше время о всемъ надо спрашиваться у священниковъ, и во всемъ передъ ними исповѣдываться, такъ-какъ они представители и земной и небесной власти. Если вы станете учить дѣтей анабаптистскихъ безъ позволенія г. Бернара, онъ тотчасъ же объ этомъ узнаетъ... онъ знаетъ обо всемъ, и ему обо всемъ доносятъ.

Слова Гильома сильно подѣйствовали на Рено, хотя онъ все-таки не могъ повѣрить всему, что̀ тотъ говорилъ. Со стра-

Digitized by Google

хомъ и трепетомъ, въ первую же вечерню подошелъ онъ къ Бернару, и разсказалъ ему, что анабаптисты передавали ему (о свиданіи съ ними онъ скрылъ) свое желаніе, чтобы онъ взялся учить ихъ дѣтей, и что онъ прежде, нежели согласился на это, желалъ бы имѣть отъ него позволеніе...

Къ крайнему его удивленію, Бернаръ выслушалъ эту просьбу безъ всякаго неудовольствія и даже сказалъ, что это хорошее дѣло, а можетъ сдѣлаться даже и очень хорошимъ... и безпрекословно далъ свое согласіе.

Рено тотчасъ же передалъ объ этомъ Гильому и его женѣ.

— Однако это что-то удивительно!... отвѣтили они оба.

VI.

Заручившись позволеніемъ Бернара, Рено съ облегченнымъ сердцемъ принялся за занятія, которыя раздѣлилъ на занятія въ школѣ и практическія на чистомъ воздухѣ. Съ восьми часовъ утра всѣ ученики его, какъ остававшіеся въ школѣ на лѣто, такъ и дѣти анабаптистовъ шли съ нимъ, запасшись желѣзною цѣпью и другими необходимыми снарядами, измѣрять земли, снимать планы и т. д. Дѣти были понятливы и Рено удалось, настаивая просто исключительно на практическомъ методѣ, научить ихъ правильнымъ измѣреніямъ и вычисленіямъ. Крестьяне сначала недоумѣвали глядя на нихъ... потомъ стали смотрѣть какъ на ученыхъ и обращались съ просьбами вымѣрять то или другое поле, или лугъ и т. д., и хотя порою за глаза и посмѣивались надъ затѣями Рено, но въ глаза показывали всякое уваженіе. Обезпеченный сравнительно съ прежнимъ, Рено сверхъ того имѣлъ еще довольно свободнаго времени на прогулки въ лѣсу, бесѣды съ Жеромомъ, а по праздникамъ и на уженье, которое онъ страстно полюбилъ... Жилось ему за это время такъ хорошо, что онъ уже начиналъ благословлять свою судьбу за то, что попалъ въ «Скалы».

Такъ шло два, три мѣсяца, но бѣда была не за горами.

Однажды, въ половинѣ сентября, Бернаръ явился инспектировать школу, противъ своего обыкновенія, одинъ, безъ муниципальныхъ совѣтниковъ. Онъ нашелъ все въ порядкѣ и одобрилъ успѣхи учениковъ, дѣйствительно значительные. Особенно онъ былъ удивленъ отвѣтами анабаптистовъ, которые на самые разнообразные вопросы его отвѣчали ясно, обдуманно и серьёзно. Въ этихъ отвѣтахъ сказывался серьёзный складъ ума послѣдователей этой секты. На другихъ учениковъ, отвѣчавшихъ тоже не дурно, присутствіе Бернара производило однако нѣкоторую робость.

Все, слѣдовательно, прошло хорошо, и Бернаръ въ знакъ своего удовольствія разрѣшилъ дѣтямъ нѣсколько дней отдыха.

Digitized by Google

Когда онъ отправился домой, то Рено пошелъ его провожать и дорогой священникъ разсыпался въ похвалахъ ему и его методѣ обученія, разспрашивалъ различныя подробности о бытѣ анабаптистовъ, спрашивалъ его, видался ли онъ съ Жакобомъ и былъ ли онъ доволенъ успѣхами дѣтей. Рено отвѣчалъ, что Жакобъ нѣсколько разъ заявлялъ ему уже свое удовольствіе и приглашалъ къ себѣ обѣдать, и что ему извѣстно, что анабаптисты другихъ фермъ, болѣе отдаленныхъ, рѣшили на зиму и своихъ дѣтей помѣстить въ школу «Скалъ».

Священникъ вслушивался со вниманіемъ въ слова Рено и на прощанье произнесъ одобрительно:

— Прекрасно, прекрасно Рено... вы на хорошей дорогѣ... продолжайте и всегда вести ваше дѣло такъ же старательно...

На этомъ они разстались, но въ первое же воскресенье, когда Рено, пришедшій съ дѣтьми въ «Дубъ» въ церковь, привелъ все въ ризницѣ въ порядокъ и хотѣлъ удалиться, священникъ, окончившій разоблаченіе, подалъ ему знакъ остаться. Гильомъ вслѣдъ за этимъ вышелъ и они остались одни.

— Рено, благосклонно сказалъ Бернаръ:—я вами очень доволенъ. Само Провидѣніе, какъ я ужь говорилъ вамъ, привело васъ въ «Скалы», чтобы просвѣтить живущихъ въ нихъ дикарей. Чѣмъ болѣе я вдумываюсь въ это, тѣмъ яснѣе вижу я тутъ руку Божію. Я писалъ объ васъ высшему начальству, и вы можете разсчитывать на его благосклонность; первое хорошее мѣсто учителя—будетъ вашимъ. Но для этого надо довести до конца начатое. Надо воспользоваться пребываніемъ въ вашей школѣ маленькихъ анабаптистовъ, чтобы внѣдрить въ сердца ихъ сѣмена истинной религіи...

При этихъ словахъ Рено поблѣднѣлъ и отвѣчалъ:

— Но, г. священникъ, исполненіе вашего требованія для меня невозможно...

— Невозможно!... строго произнесъ Бернаръ... почему же это?

— Я долженъ сказать вамъ, что я обѣщалъ Жакобу не пытаться обращать ихъ...

Священника покоробило и онъ гнѣвно взглянулъ на Рено.

— Мнѣ... это извѣстно, сказалъ онъ:—хотя вы и позволили себѣ скрывать ваши условія.

Рено молчалъ въ смущеніи.

— Васъ удивляетъ, что я это знаю? продолжалъ Бернаръ... Я долженъ все знать! Конечно, анабаптистамъ удобно обучать дѣтей въ нашихъ школахъ... чуть не даромъ, и коснѣть при этомъ безпрепятственно въ своей ереси... Такъ и бывало прежде, при узурпаторѣ... Но времена, къ счастію, перемѣнились, и всему такому долженъ быть положенъ конецъ. Вы обѣщали Жакобу не пытаться обращать дѣтей... вы по своему крайнему легкомыслію могли это сдѣлать... пусть это такъ и будетъ... я не заставлю васъ нарушить вашего слова. Но вѣдь не мо-

Digitized by Google

гли же вы обѣщать этому закоснѣлому еретику, что вы, изъ угоды ему, не будете исполнять главнѣйшей вашей обязанности по отношенію къ дѣтямъ обывателей «Скалъ»—заботиться объ ихъ религіозномъ просвѣщеніи... Поэтому приказываю вамъ съ завтрашняго же дня начать преподаваніе катехизиса, по два урока въ день ученикамъ-католикамъ. Вы обязаны при этомъ особенно настаивать на необходимости нашихъ обрядовъ... обращайтесь только къ нашимъ дѣтямъ, но такъ-какъ маленькіе анабаптисты будутъ тутъ же находиться, то и они невольно будутъ слушателями вашихъ объясненій... остальное предоставимъ Богу. Поняли вы меня?

— Понялъ, чуть слышно пробормоталъ Рено.

— Смотрите же! На недѣлѣ, я и муниципальные совѣтники зайдемъ заглянуть въ вашу школу... Прошу, чтобы все было въ порядкѣ...

Съ этими словами Бернаръ вышелъ.

Еслибы надъ Рено внезапно разразился громъ, онъ не былъ бы такъ взволнованъ, какъ послѣ этого разговора. Первою мыслью его по уходѣ священника было бѣжать къ Гильому и передать ему все.

Онъ засталъ его въ палисадникѣ за газетою. Жены его не было въ «Дубѣ», она зачѣмъ-то отправилась въ городъ.

— Что съ вами, Жанъ-Батистъ? встрѣтилъ его Гильомъ, увидѣвшій, что на Рено лица нѣтъ.

Рено разсказалъ о только-что полученномъ приказаніи.

— Такъ, такъ, отвѣчалъ печально Гильомъ:—я такъ и ждалъ чего-нибудь подобнаго. Вотъ почему Бернаръ и позволилъ вамъ учить анабаптистовъ тому, чему не хотѣлъ, чтобы мы учили здѣсь; вотъ и разгадка исторіи «горы». Вотъ для чего ему понадобился тогда скандалъ. Онъ однимъ ударомъ тогда покончилъ съ ненавистной ему школой и разставилъ ловушку анабаптистамъ. Я узнаю его вполнѣ въ такой хитрой штукѣ.

Рено, совершенно растерянный, сталъ упрашивать Гильома дать ему совѣтъ, какъ ему поступить, какъ выдти ему изъ такого щекотливаго положенія, не заглушая голоса совѣсти.

Но такому требованію Рено Гильомъ удовлетворить не былъ въ состояніи.

Онъ могъ только сказать ему, что при узурпаторѣ онъ могъ бы еще найти себѣ какую-нибудь защиту отъ козней Бернара, обратясь въ меру или подпрефекту, но что со времени возвращенія Бурбоновъ, священники сдѣлались всемогущественными въ своихъ приходахъ, что ему оставалось только подчиниться требованію Бернара, или окончательно погибнуть, такъ-какъ Бернаръ не только легко подыщетъ предлогъ, чтобы его прогнать изъ «Скалъ», но непремѣнно въ свидѣтельствѣ о поведеніи пропишетъ, что онъ уволенъ изъ «Дуба» за безнравственные поступки, да и извѣститъ о немъ во всѣ другіе приходы, какъ о человѣкѣ неблагонадежномъ. «Никуда вы не скрое-

тесь отъ его мести, кончилъ онъ, а мстить вамъ онъ станетъ непремѣнно. Бернаръ—человѣкъ до нельзя честолюбивый. Ему давно надоѣло прозябать въ горной деревушкѣ, и онъ весьма не прочь отъ полученія хорошаго прихода. Отличись онъ обращеніемъ анабаптистовъ, дѣло его выгорѣло бы. Онъ уже запускалъ лапу на ферму еще при сестрѣ Елеоморѣ, но она, учившая только молитвамъ, да катехизису, не могла этимъ привлечь анабаптистовъ. Теперь онъ уже давно разсчиталъ, что загребетъ жаръ вашими руками. Судите же, какъ взбѣсится онъ, если вы все это разстроите своимъ неповиновеніемъ».

— Но вѣдь начни я поступать, какъ онъ говоритъ, то, не говоря уже о томъ, что Жакобъ будетъ имѣть право смотрѣть на меня, какъ на обманщика и лжеца, онъ тотчасъ же возьметъ своихъ дѣтей.

— Право, ужь не знаю, что̀ и сказать... но если вы не послушаетесь Бернара, вѣдь вы снова сядете на шею отцу. Это ужасно! Когда человѣкъ бѣденъ, Жанъ-Батистъ, ему приходится быть свидѣтелемъ многихъ низостей и подчиняться... богатому-то легко оставаться честнымъ, а тутъ дѣло о всей вашей будущности; я ничего не совѣтую, но подумайте, много подумайте, прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться...

Но думать было безполезно. Честный Рено понялъ, что ему ничего не остается, какъ поступить въ солдаты, и потому онъ рѣшился на слѣдующее утро бѣжать изъ «Скалъ», что̀ и сдѣлалъ, не предваривъ никого, изъ опасенія, что тогда ему не удастся привести въ исполненіе задуманнаго. Поэтому онъ въ тотъ же вечеръ, возвратясь домой, просилъ Жерома извѣстить Жакоба, что онъ на нѣсколько дней уходитъ изъ деревни по дѣлу и проситъ не присылать дѣтей въ школу, и раннимъ утромъ ушелъ изъ «Скалъ» безъ оглядки...

На этомъ собственно кончается исторія помощника сельскаго учителя.

Въ солдаты онъ, къ счастію для себя, не попалъ. Проходя Лоркэнъ, онъ задумалъ зайти проститься къ аптекарю. Регуань какъ разъ въ то время нуждался въ помощникѣ и, узнавъ исторію Рено, предложилъ ему это мѣсто, взявшись учить Рено тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя для этого были необходимы. Разумѣется, Рено отъ такого предложенія не могъ отказываться: оно спасало его. Якобинецъ-аптекарь оказался человѣкомъ отличнымъ. Рено, женившійся на дочери Жерома, не разлучался съ нимъ до самой его смерти, а потомъ сталъ торговцемъ москательныхъ товаровъ.

Digitized by Google

НАШИ НЕДОУМѢНІЯ.

Каждый изъ насъ, слѣдя болѣе или менѣе внимательно за ходомъ нашего общественнаго и государственнаго развитія, по собственному опыту легко могъ убѣдиться, и по всей вѣроятности приходилъ уже не разъ къ сознанію, что во всякомъ отдѣльномъ, поставленномъ къ разрѣшенію, вопросѣ бытовой жизни русскаго народа, обсуждающія эти вопросы лица, общества и оффиціальныя сферы слишкомъ часто приходятъ въ концѣ-концовъ къ такимъ недоумѣніямъ, удовлетворительное разрѣшеніе которыхъ представляетъ, повидимому, столько же разнообразныхъ, сколько и непреодолимыхъ затрудненій. Казалось бы, что въ такомъ положеніи слѣдовало бы прежде всего обращаться къ болѣе глубокому, болѣе многостороннему изученію и уясненію обсуждаемаго предмета, въ полной увѣренности, что тогда не можетъ не представиться и исходъ изъ какого бы то ни было отчаяннаго положенія. Но, къ сожалѣнію, именно этотъ путь рѣдко кто избираетъ; большинство обыкновенно или махнетъ рукой въ доказательство полной безнадежности, или же ударяется, такъ-сказать, очертя голову, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, на авось, — въ какую либо одну сторону, забывая что односторонность, хотя бы и благонамѣренная, всегда положительно вредна и еще нигдѣ, ни въ какія времена, прочной дѣйствительной пользы еще никому не приносила. Послѣдствіемъ такого веденія нашихъ дѣлъ являются вывихи, которые весьма не трудно прослѣдить въ каждомъ изъ вопросовъ, такъ или иначе уже разрѣшенныхъ въ недавнее время, или стоящихъ еще на очереди.

Если же отъ времени до времени и раздастся чей либо одинокій голосъ, взывающій къ разработкѣ въ этомъ смыслѣ нашихъ общественныхъ вопросовъ и требующій болѣе серьёзнаго, всесторонняго вниманія къ дѣлу, то на него спѣшатъ накинуться, постараются сбить съ позиціи и нерѣдко всѣми мѣрами заставятъ замолкнуть. Но бываетъ еще и того хуже: сдѣланное заявленіе обойдутъ совершеннымъ молчаніемъ или преградятъ даже возможность высказаться. И въ такомъ образѣ дѣйствія иные не видятъ ничего предосудительнаго, продолжая считать себя честно служащими обществу и его интересамъ.

Digitized by Google

Нѣтъ однако сомнѣнія, что первымъ, наиболѣе существеннымъ признакомъ истинно правдивыхъ, дѣйствительно честныхъ отношеній къ дѣлу можетъ служить прежде всего спокойное выслушиваніе и свободное обсужденіе мнѣній, несогласныхъ съ нашими собственными воззрѣніями; истина только тогда и остается истиною, если она побѣдоносно прошла чрезъ горнило всесторонняго критическаго анализа. Но нельзя сказать, чтобы этимъ признакомъ особенно отличались даже наши передовые органы печати, кичливо признающіе за собою однако право беззапелляціонно вершать и непогрѣшимо разрѣшать всякаго рода общественные вопросы.

При отсутствіи въ насъ вообще наклонности къ усидчивому, всестороннему изученію, огромное большинство нашихъ общественныхъ дѣятелей знакомство свое съ жизнью и волнующими общество вопросами черпаетъ главнымъ образомъ изъ газетъ, рѣже изъ книгъ и толстыхъ журналовъ, а еще рѣже путемъ самостоятельнаго спеціальнаго труда. Поэтому, мнѣ кажется, первымъ долгомъ каждой газетной редакціи является обязанность давать мѣсто на страницахъ своего органа и такимъ мнѣніямъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ собственными воззрѣніями редакціи, лишь бы мнѣнія эти имѣли болѣе или менѣе существенное основаніе и дѣйствительно освѣщали предметъ съ новой точки зрѣнія.

Но что не таково пониманіе редакціями своей задачи, въ этомъ приходилось мнѣ убѣдиться, между прочимъ, и по слѣдующему случаю.

Въ фельетонѣ № 310 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» прошлаго года появилась извѣстная статья барона Корфа: «Образованіе и благосостояніе». Статья эта, незамедлившая вызвать въ этой же газетѣ отвѣты гг. Яковлева и князя Васильчикова, показалась мнѣ весьма кстати пущеннымъ пробнымъ шаромъ, который поведетъ къ полезному обмѣну мыслей между разными общественными дѣятелями, спеціально посвятившими себя изученію нашей бытовой жизни, пропагандируя извѣстнаго рода воззрѣнія на наши общественныя задачи и предлагая тотъ или иной способъ ихъ удовлетворительнаго разрѣшенія. Имена названныхъ лицъ, къ дѣятельности которыхъ нельзя не относиться съ чувствомъ полнаго уваженія и самаго искренняго сочувствія даже при различномъ съ ними воззрѣніи на самый пріемъ въ достиженіи того или другаго результата, служили мнѣ порукою, что предложенные барономъ Корфомъ вопросы будутъ подвергнуты всестороннему, вполнѣ честному обсужденію, именно такому обсужденію, какое слишкомъ рѣдко можно встрѣтить въ нашихъ газетахъ и какое только въ состояніи оказывать возможно широкое вліяніе на общество, черпающее свои свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ газетъ.

При общности интересовъ, при безкорыстно-честномъ стремленіи къ одной общей цѣли — благу общественному, всякая

Digitized by Google

розни во взглядахъ на свою задачу такихъ дѣятелей, каковы баронъ Корфъ, Г. Яковлевъ и князь Васильчиковъ, казалась мнѣ достойною искренняго сожалѣнія, указывая или на простое недоразумѣніе, или же на существенное разногласіе. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, для пользы дѣла, представляясь мнѣ вполнѣ желательнымъ придти къ устраненію этихъ недоразумѣній и разногласій, тѣмъ болѣе, что они касались элементарнаго вопроса: на сколько, въ смыслѣ практическихъ результатовъ, дѣйствительно взаимодѣйствіе народной школы,—предмета особенныхъ заботъ барона Корфа, и народнаго кредита въ формѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, пропагандируемыхъ Г. Яковлевымъ и другими, болѣе или менѣе безусловными, поклонниками начала «самопомощи»?... Баронъ Корфъ счелъ нужнымъ поставить вопросъ, а Г. Яковлевъ—отвѣтить на него, и, что̀ заслуживаетъ особеннаго вниманія, отвѣтить не безъ явнаго раздраженія. Уже одно это обстоятельство давало поводъ доискиваться въ вопросѣ барона Корфа болѣе серьёзнаго значенія, нежели пожелали видѣть въ немъ сперва г. Яковлевъ, а затѣмъ и князь Васильчиковъ. Послѣдній, являясь между спорящими сторонами какъ бы среднимъ элементомъ, съ своей стороны объявилъ простымъ недоразумѣніемъ какъ вопросъ барона Корфа, такъ и характеръ отвѣта г. Яковлева. По мнѣнію князя Васильчикова, баронъ Корфъ въ статьѣ своей «Образованіе и благосостояніе», «ставя вопросные пункты, обращалъ ихъ собственно не къ тѣмъ лицамъ, къ которымъ они адресованы (т.-е. не къ гг. Яковлеву, Колюпанову и другимъ), и въ содѣйствія которыхъ дѣлу народнаго просвѣщенія онъ не могъ и не долженъ былъ сомнѣваться». Напротивъ, какъ слѣдуетъ заключить изъ дальнѣйшихъ словъ князя Васильчикова, баронъ Корфъ разумѣлъ здѣсь «тѣхъ глубокомысленныхъ экономистовъ», которые полагаютъ, что «русскій человѣкъ бѣденъ потому, что необразованъ, и не можетъ получить образованіе потому, что онъ бѣденъ»; что «народъ образовывается и богатѣетъ по милости Божіей, и что усилія частныхъ лицъ, обществъ, земства—дѣлу помочь не могутъ».

Такое объясненіе вопроса барона Корфа и возникшаго по поводу его «недоразумѣнія» со стороны г. Яковлева показалось мнѣ до крайности наивнымъ и несостоятельнымъ, что̀ и побудило меня обратиться съ письмомъ въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Вотъ сущность этого письма.

Не распространяясь о томъ, что въ разрядъ «глубокомысленныхъ экономистовъ» князь Васильчиковъ не совсѣмъ удачно включилъ заодно и адептовъ пресловутой «самопомощи», какъ начала безусловнаго, и тѣхъ экономистовъ, которые держатся мнѣнія, что достигаемые результаты по народному образованію и экономическому устройству народа могутъ и будутъ соотвѣтствовать дѣйствительной, правильно сознанной потребности общества и государства только въ томъ именно случаѣ,

Digitized by Google

какъ скоро «усилія частныхъ лицъ, обществъ, земства» совпадаютъ и пойдутъ рука объ руку съ усиліями государства, правительства; что заботы первыхъ всегда могутъ и будутъ имѣть характеръ болѣе или менѣе *частный*, а слѣдовательно и добьются они, и могутъ добиваться опять-таки только *частныхъ*, а не общихъ результатовъ, возможныхъ для одной лишь правительственной власти.

Я думаю, что баронъ Корфъ ставилъ свои вопросы именно тѣмъ лицамъ, къ которымъ они были адресованы. И вотъ почему.

И баронъ Корфъ, и г. Яковлевъ, какъ я нисколько не сомнѣваюсь, преданы каждый своему дѣлу вполнѣ, такъ-сказать и душой, и тѣломъ. Поэтому, только болѣе глубокій анализъ исходныхъ точекъ и самыхъ способовъ достиженія обоими одной общей для нихъ цѣли — народнаго благосостоянія, приведетъ насъ къ тому источнику, которымъ вполнѣ объясняются, съ одной стороны, побудительныя причины барона Корфа къ постановкѣ вопросовъ, а съ другой—то раздраженіе, которое, и быть можетъ даже для самаго г. Яковлева совершенно неожиданно, сказалось въ его отвѣтѣ. Оба они ведутъ каждый свое дѣло путемъ самопомощи, опираясь на средства земской кассы, неотличающейся у насъ, какъ извѣстно, особенными избытками. На эту кассу предъявляетъ свои требованія масса «обязательныхъ» и «необязательныхъ» расходовъ, при подавляющемъ дѣйствіи которыхъ дѣлу народной школы только съ крайнимъ трудомъ и тяжкими усиліями (и то не всегда успѣшно) удается получать болѣе или менѣе ничтожныя пособія. При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что всякій новый претендентъ на земскую кассу прежде всего подвергается строго-критическому допросу со стороны такихъ дѣятелей, каковъ баронъ Корфъ, который, очевидно только скрѣпя сердце и покоряясь положительной невозможности для земской кассы давать больше для школъ, довольствуется получаемыми пособіями. А тутъ неожиданно являются еще и гг. Яковлевъ, Колюпановъ и др., требуя и, быть можетъ въ прямой ущербъ школьнаго дѣла, получая довольно значительныя пособія для создаваемыхъ ими ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Смущенный баронъ Корфъ, въ подкрѣпленіе предоставленныхъ его школѣ скудныхъ земско-общественныхъ средствъ, старается сюда же привлечь *мірскія* средства сельскихъ и волостныхъ обществъ, и на эти *общественныя* суммы созидаетъ *общественныя* же школы, гарантируя eo ipso за *каждымъ* членомъ общества его право на грамотность и на свободный доступъ въ школу. Но въ то же время онъ видитъ, что г. Яковлевъ и др., почерпнувъ извѣстную сумму изъ того же земско-общественнаго источника, обращаются уже исключительно только къ той именно части общества или волости, которая въ состояніи удѣлить въ пользу ссудо-сберегательнаго товарищества часть своихъ избытковъ въ видѣ членскихъ паевъ, и

Digitized by Google

этой-то наиболѣе состоятельной части населенія передаютъ въ пособіе полученныя изъ земской кассы деньги.

И вотъ на этомъ-то поворотѣ остановился въ своемъ раздумьѣ баронъ Корфъ, а плодомъ этого раздумья (если только правильно понята мною его мысль) былъ обращенный къ г. Яковлеву и др. вопросъ: «что же вы дѣлаете?! Кажется, мы шли одной дорогой, запасались средствами изъ одного и того же общественнаго источника и должны бы употребить эти средства въ пользу однихъ и тѣхъ же лицъ, въ пользу именно того населенія, средствами котораго пополняется земская касса. Но я учреждаю школы, въ которыя доступъ свободенъ даже для бѣднѣйшихъ, а потому наиболѣе нуждающихся въ общественной помощи плательщиковъ земскихъ налоговъ; вы же, напротивъ, трудовыя крохи этихъ самыхъ бѣдняковъ употребляете въ исключительную пользу ихъ наиболѣе состоятельныхъ сообщественниковъ, поощряя послѣднихъ къ обособленію своихъ интересовъ?... Моя школа—учрежденіе дѣйствительно общественное на пользу всѣхъ и каждаго изъ сообщественниковъ; употребить иначе скудныя средства земства я считаю себя не вправѣ. Напротивъ, ваши товарищества, отрицаясь и отъ сельскаго, и отъ волостнаго, и даже отъ земскаго обществъ, т.-е. отъ тѣхъ самыхъ обществъ, пособіемъ которыхъ они воспользовались, являются учрежденіемъ вполнѣ *частнымъ*, вовсе недоступнымъ по меньшей мѣрѣ для 80% тѣхъ бѣдняковъ, средствами которыхъ вы подкрѣпляете остальные 20%, менѣе или вовсе не нуждающихся въ общественной помощи. Справедливо ли это?... Еслибы ваши товарищества были учрежденіями тоже общественными, то они, конечно, при первой же къ тому возможности, не отказали бы моимъ общественнымъ же школамъ въ дѣйствительной, осязательной помощи. Но товарищества эти, какъ учрежденія частныя, будутъ цѣпляться за свои рублевые дивиденды такъ же крѣпко, какъ берутся за нихъ акціонеры и пайщики всякаго рода иныхъ частныхъ обществъ и компаній. Отъ послѣднихъ я не видалъ, да едва-ли кто и увидитъ когда-либо, помощи школамъ. То же самое будетъ и съ вашими товариществами; а если дѣла ихъ пойдутъ хорошо, то легко можетъ быть, что члены товариществъ, разжившись, захотятъ имѣть свои школы, отдѣльныя отъ прочихъ однообщественниковъ, и такимъ образомъ, чего добраго, откажутъ моимъ общественнымъ школамъ даже въ тѣхъ средствахъ, которыя давали по сіе время. Вотъ почему я не вижу въ вашихъ товариществахъ той пользы для моего дѣла, какую я извлекъ бы, получивши въ свое распоряженіе ту сумму, которую вы столь несправедливо отдали состоятельнымъ членамъ товарищества, въ прямой ущербъ болѣе нуждающемуся большинству населенія. Или, быть можетъ, я ошибаюсь?... Такъ разрѣшите мое недоумѣніе, чтобы знать мнѣ—чего и кого держаться».

Digitized by Google

Ни г. Яковлевъ, ни князь Васильчиковъ, въ отвѣтахъ своихъ, этихъ вполнѣ основательныхъ сомнѣній барона Корфа не устранили. Поставленный вопросъ и по сіе время остается вопросомъ, хотя, казалось бы, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что *частное коммерческое* учрежденіе никогда не измѣнитъ своему общеизвѣстному своекорыстному характеру, и что на *общественную* помощь можетъ претендовать прежде всего бѣднѣйшая, но ужь никакъ не болѣе состоятельная часть общества. И съ этой-то точки зрѣнія, по моему мнѣнію, баронъ Корфъ совершенно правъ, поставивъ вопросъ прямо, честно, и потребовавъ на него такой же отвѣтъ именно отъ «гг. Яковлева, Колюпанова и др.», а не отъ какихъ-то иныхъ «глубокомысленныхъ экономистовъ»..

Не знаю, въ этомъ ли смыслѣ самъ баронъ Корфъ разумѣлъ свои вопросы; но иначе понимать его статью «Образованіе и благосостояніе» я не могъ и не могу безъ лишенія ея всякаго серьёзнаго значенія.

А какъ князь Васильчиковъ, въ концѣ своего письма, указывалъ на программу предстоявшаго въ то время съѣзда Московскаго Общества сельскихъ хозяевъ,по случаю юбилея этого общества, то съ своей стороны я предлагалъ на обсужденіе съѣзда слѣдующіе вопросы:

1) Не слѣдуетъ ли нашу сельскую общину организовать по землевладѣнію такъ, чтобы каждая усадьба, съ опредѣленнымъ количествомъ полевыхъ и сѣнокосныхъ угодій и соотвѣтствующимъ хозяйственнымъ инвентаремъ, образовала одну, по закону, нераздѣльную хозяйственную единицу, которая, состоя въ потомственномъ пользованіи семьи, могла переходить изъ рукъ въ руки, независимо отъ числа душъ или тяглъ, только въ нераздробленномъ видѣ, и такимъ образомъ сдѣлаться кредитоспособною (creditfähig) и кредито-достойною (creditwürdig)?

2) Въ виду грядущихъ общеобязательной воинской повинности и государственнаго подоходнаго налога (взамѣнъ сословныхъ подушныхъ), не представляется ли умѣстнымъ ходатайствовать объ учрежденіи у насъ территоріальныхъ волостей, какъ той *наименьшей земской единицы*, къ которой удобнѣе всего пріурочивать всякаго рода учрежденія, основанныя на началѣ взаимности, какъ-то: взаимное страхованіе, волостные банки, высшія нормальныя училища, опекунское управленіе, устройство сѣти сельскихъ дорогъ, правильно организованный (т.-е. въ двухъ инстанціяхъ) волостной судъ, сельско-хозяйственныя общества, и т. д.

3) Не слѣдуетъ ли ходатайствовать, чтобы было ускорено изданіе нормальнаго сельскаго устава, и присвоить притомъ волостнымъ старшинамъ, вмѣсто нынѣшняго полицейско-административнаго характера, значеніе административно-судебное, т.-е. выдѣливъ изъ вѣдомства старшины всѣ обязанности по-

Digitized by Google

лицейскія, оставить его предсѣдателемъ волостныхъ правленія и суда?

Письмо это, «по зрѣломъ обсужденіи» (какъ гласитъ отвѣтъ редакціи), не могло найти себѣ мѣста на страницахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», какъ идущее въ разрѣзъ съ воззрѣніемъ редакціи. Но письмо должно было появиться за моимъ подписомъ, а не отъ имени редакціи; поэтому я и до настоящаго времени недоумѣваю: въ чемъ же именно, по мнѣнію редакціи, выражается строгое служеніе истинѣ, составляющее задачу всякаго, уважающаго себя, органа печати?...

А между тѣмъ, какъ извѣстно, одно земство за другимъ стало отпускать тысячи, десятки тысячъ руб. на открытіе ссудо-сберегательныхъ товариществъ; но не видно ни малѣйшей заботы о томъ, чтобы въ сельскомъ быту нашего народа была развита и укрѣплялась вообще возможность кредита созданіемъ здѣсь тѣхъ насущныхъ, элементарныхъ гарантій, безъ которыхъ нигдѣ, никакой кредитъ немыслимъ и не достигнутъ цѣли даже создаваемыя ссудо-сберегательныя товарищества.

И сколько же, по мнѣнію редакціи, товарищества эти способны обнять русскаго сельско-земледѣльческаго люда при данныхъ условіяхъ его быта?...

Такъ бываетъ у насъ обыкновенно: съ почвы спокойнаго объективнаго анализа мы волей-неволею сбиваемся на субъективныя, личныя препирательства. И, къ сожалѣнію, подобные вывихи встрѣчаются на каждомъ шагу, въ иныхъ органахъ періодической печати еще несравненно чаще, нежели въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Поэтому приходится признать, что такова характеристическая черта отношеній къ нашимъ внутреннимъ вопросамъ русской печати вообще, и даже самаго общества въ его отдѣльныхъ, выдающихся изъ общаго уровня, представителяхъ.

Всякій охотно согласится конечно съ общей мыслью, что возможно подробное изученіе чьихъ бы то ни было бытовыхъ порядковъ, какого бы то ни было общественнаго организма, не можетъ не давать мыслящему изслѣдователю массу матеріала для выводовъ, какъ отрицательнаго, такъ и положительнаго свойства; что и тѣ, и другіе выводы одинаково полезны: одни, какъ указаніе чего слѣдуетъ избѣгать или опасаться; другіе, какъ примѣръ, которому можно слѣдовать если не слѣпо, то въ примѣненіи.

Съ другой стороны, и общество, и печать, доискиваясь полнаго уясненія и возможно правильнаго, справедливаго разрѣшенія нашихъ общественныхъ задачъ, прежде всего должны бы откровенно сознаться въ своемъ полнѣйшемъ безсиліи въ этомъ отношеніи, благодаря главнымъ образомъ ихъ совершенному незнакомству съ нравственнымъ и экономическимъ складомъ нашего народа. Казалось бы, что и печать, и общество, добиваясь честно, откровенно только честныхъ же цѣлей, должны бы ревностно воспользоваться всякимъ болѣе или ме-

Digitized by Google

чѣе серьёзнымъ трудомъ, способнымъ, въ отрицательномъ ли, или положительномъ смыслѣ, оказать хотя нѣкоторую дѣйствительную помощь при изученіи народнаго быта—этой terra incognita, именуемой Русью.

И въ этомъ-то смыслѣ я думалъ и остаюсь при убѣжденіи, что подробное изученіе внутренняго быта иностранныхъ колоній въ Россіи способно во многомъ уяснить и даже значительно облегчить намъ всѣ задачи, предлежащія къ разрѣшенію у нашихъ крестьянъ, бытовая жизнь которыхъ (какъ еще недавно торжественно заявили о томъ «С.-Петербургскія Вѣдомости») составляетъ для насъ, образованной части народа, неразрѣшенную пока загадку. Но какъ и какимъ путемъ мы приступаемъ, да и приступаемъ ли вообще серьёзно къ изученію этой таинственной загадочной среды, обнимающей массу въ 60—70 мильйоновъ?!....

Оглядываясь во всѣ стороны, я напрасно сталъ бы искать особенныхъ энергическихъ попытокъ въ этомъ направленіи. Даже многія изъ земскихъ собраній, какъ еще недавно подтвердило и с.-петербургское, и тѣ, повидимому, вовсе не хотятъ ближе знать истиннаго быта нашего народа, его дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей.

Наиболѣе осязательнымъ мѣриломъ искренности стремленій къ благу народному, по моему мнѣнію, могутъ служить, между прочимъ, тѣ или другія отношенія къ вопросу о нашей общинѣ. Въ этомъ вопросѣ, безъ всякаго сомнѣнія, заключается альфа и омега бытовой жизни нашего народа, вся будущность его специфическаго развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся сущность своеобразія русской соціальной гражданственности, и притомъ же самый надежный, наиболѣе неизмѣнный оплотъ Россіи противъ золъ, съ которыми на жизнь и на смерть идетъ соціальная борьба у передовыхъ народовъ Запада, гдѣ явно, какъ во Франціи, гдѣ подъ оболочкой парламентарныхъ формъ.

А между тѣмъ у насъ, повидимому, мало кто думаетъ ближе и вполнѣ объективно заняться именно этимъ вопросомъ, которому мною посвящена цѣлая книга и особыя спеціальныя работы въ «Вѣстникѣ Европы» (февраль и мартъ 1870 года) и въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (№№ 158 — 163 того же года). Я и до сего времени напрасно ожидаю себѣ серьёзной критики; кромѣ самыхъ обыденныхъ, библіографическихъ замѣтокъ, заслуживающаго вниманія критическаго разбора я пока еще не дождался. Правда, нѣсколько болѣе обстоятельная рецензія г. Янсона появлялась въ журналѣ «Сельское хозяйство и лѣсоводство» (мартъ, 1870 г.); но, къ сожалѣнію, эта попытка оказывается на столько несостоятельною, что я до сего времени не видѣлъ даже надобности входить въ подробный разборъ этого труда, авторъ котораго, очевидно, взялъ за перо, предварительно не ознакомившись, какъ бы слѣдо-

Digitized by Google

вало, съ разбираемою имъ книгою. Относясь къ моимъ трудамъ вообще съ точки зрѣнія учено-цѣховой, свысока, и позволяя себѣ, между прочимъ, такого рода фразы: «мы не вдаемся въ обсужденіе частностей, не беремся разъяснять автору неправильно понимаемыхъ имъ фактовъ и экономическихъ взглядовъ», г. Янсонъ, какъ мнѣ кажется, самъ изрекъ себѣ заслуженный приговоръ, такъ-какъ его задача, какъ рецензента, только и могла состоять прежде всего въ обличеніи именно «неправильнаго» пониманія мною фактовъ и экономическихъ взглядовъ, благодаря которому и анализъ мой, и окончательные выводы изъ этого анализа должны бы были привести меня и къ столь же ложнымъ и ошибочнымъ заключеніямъ. А между тѣмъ рецензентъ въ концѣ концовъ долженъ былъ сознаться, что «по отношенію къ пролетаріату община-собственникъ, какъ несовершенная (а почему именно «несовершенная» — этого-то и требовалось доказать) форма ассоціаціи, все-таки ближе къ разрѣшенію задачи, чѣмъ личное землевладѣніе», и что вопросъ «о сравнительномъ превосходствѣ личной собственности, общинно-вотчинной, участковой и обычно-общинной затронутъ г. Клаусомъ съ такой новой и существенной стороны, что, безъ сомнѣнія, наша критическая литература не пройдетъ молчаніемъ ни книги, ни статей его».

Но эта «критическая литература» продолжаетъ, попрежнему, безмолвствовать, несмотря даже на недавній прямой вызовъ, брошенный ей санктпетербургскимъ земствомъ, постановкою и... разрѣшеніемъ (?!) вопроса объ общинѣ. Совершенно обойти вопросъ при такихъ условіяхъ — печать не могла, а это-то и дало возможность оріентироваться нѣсколько въ постановкѣ нашихъ литературныхъ силъ, ихъ симпатій и антипатій.

«Вѣстникъ Европы», въ которомъ помѣщались мои статьи, говоря объ общинномъ вопросѣ по поводу коснувшагося его с.-петербургскаго земскаго собранія, ограничился совершенно безцвѣтнымъ, безсодержательнымъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее; при чемъ даже ни однимъ словомъ не упомянулъ о томъ, что печаталось по этому вопросу на его же страницахъ. Здѣсь вновь, и притомъ весьма ярко, сказалась та двойственность, которую иные ставятъ редакціи въ упрекъ, но которую, по моему мнѣнію, при невозможности у насъ имѣть каждому направленію свои спеціальные органы, слѣдуетъ признать за положительное достоинство. Если такимъ образомъ я далекъ отъ мысли упрекать почтенный журналъ въ двойственности и шатаніи, то отсюда однако еще не слѣдуетъ, чтобы редакція, трактуя во «внутреннемъ обозрѣніи» разные общественные вопросы (конечно, съ своей точки зрѣнія), была вправѣ совершенно игнорировать несогласныя съ этимъ воззрѣніемъ мнѣнія по вопросу своихъ же сотрудниковъ, которыя потому только и могли быть допущены на страницы журнала, что редакція признавала за ними извѣстное значеніе, съ кото-

рымъ необходимо посчитаться всякому, серьёзно взявшемуся за разсмотрѣніе вопроса. Но, чѣмъ же послѣ этого можно объяснить себѣ крайне неосмысленное, одностороннее пустословіе, съ которымъ трактуется общинный вопросъ во внутреннемъ обозрѣніи за мартъ? чѣмъ же инымъ, какъ главнымъ образомъ не совершеннымъ непониманіемъ сущности вопроса и даже не совсѣмъ прямымъ, не вполнѣ серьёзнымъ желаніемъ освѣтить вопросъ всесторонне и содѣйствовать его удовлетворительному разрѣшенію?...

Совершенно иныя воззрѣнія на общинный вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и на мои труды по этому предмету, я встрѣчаю со стороны «Отечественныхъ Записокъ». Въ то время, какъ критикъ журнала «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство», вопреки моимъ же многократнымъ, положительнымъ заявленіямъ, вопреки даже предисловію къ книгѣ «Наши Колоніи», нашелъ возможнымъ обвинить меня въ отрицаніи здраваго смысла у русскаго народа и, въ благородномъ негодованіи, торжественно восклицаетъ: «когда же мы, наконецъ, будемъ вѣрить въ свои собственныя силы, и когда перестанутъ насъ угощать проектами *измышленій* для разныхъ цѣлей регламентаціи?!...—въ это время, говорю я, «Отечественныя Записки» указывали уже именно на мои труды, какъ на матеріалъ, на добросовѣстномъ изученіи котораго можно ознакомиться и съ бытомъ русскаго крестьянина, и съ причинами его неустройствъ, и со средствами, способными принести ему дѣйствительную помощь. Эти указанія высказаны въ статьяхъ: по поводу брошюры г. Колюпанова «Объ устройствѣ сельскихъ банковъ» (февраль, 1870 г.), «Новое поземельное устройство государственныхъ крестьянъ» (ноябрь, 1870 г.) и во внутренней хроникѣ за февраль сего года.

Статья «Новое поземельное устройство государственныхъ крестьянъ» почти цѣликомъ могла бы быть вставлена въ мою статью «Община-собственникъ», въ замѣнъ совершенно тождественныхъ съ нею строкъ: «Повидимому нѣсколько благопріятнѣе» и т. д. (Вѣстникъ Европы 1870 г. т. I, стр. 589). Но тѣмъ не менѣе и редакція «Отечественныхъ Записокъ» очевидно еще не вполнѣ принимаетъ мои выводы по общинному вопросу. Такъ принципъ «круговой поруки» хроникеръ Д. называетъ «чисто-военною мѣрою», противъ замѣны которой «чѣмъ-нибудь инымъ, болѣе подходящимъ», никто и спорить не сталъ бы, хотя вслѣдъ затѣмъ, дѣлая выписки изъ моей книги, онъ соглашается со мною, что *благодѣтельное, при умѣренномъ податномъ обложеніи*, ассоціаціонное начало—круговая порука, сдѣлалось у насъ вопіющимъ зломъ *только вслѣдствіе его безобразнаго примѣненія*. Слѣдовательно, начало это, само по себѣ, тутъ не при чемъ. Такимъ образомъ, казалось бы, вопросъ не въ томъ вовсе, можетъ ли «круговая порука» быть замѣнена въ *нашей общинѣ* «чѣмъ нибудь инымъ, болѣе подходящимъ», такъ-какъ безъ этого начала, и обычная

Digitized by Google

община, и «русско-нѣмецкая мірская система», положительно немыслимые абсурды, pium desiderium. Ставить же вопросъ такъ— равносильно вопросу: «нельзя ли солнце замѣнить чѣмъ-нибудь инымъ, болѣе подходящимъ; солнце, благодаря которому люди подвергаются солнечнымъ ударамъ, засыхаютъ нивы и т. д., а кстати уже уничтожить и центростремительную силу, дѣлающую насъ, въ извѣстномъ смыслѣ, «крѣпкими» земному шару?»...

По моему мнѣнію, единственно правильная и дѣйствительно плодотворная постановка вопроса объ общинѣ и круговой порукѣ, какъ о понятіяхъ немыслимыхъ одно безъ другаго, заключается въ изысканіяхъ и мѣрахъ, чтобы круговая порука не производила «солнечныхъ ударовъ», не изсушала нивъ и не опустошала до тла амбаровъ и скотныхъ дворовъ крестьянъ, а сдѣлалась для нихъ тѣмъ же благодѣтельнымъ ассоціаціоннымъ началомъ, какимъ она оказывается при «русско-нѣмецкой мірской системѣ» нашихъ колоній.

Затѣмъ и эту самую систему, очевидно, мало кто уяснилъ себѣ вполнѣ правильно. Главнымъ предметомъ недоразумѣнія является фактическое, *собственно по землѣ*, неравноправіе *всѣхъ* членовъ общества, и политическое преобладаніе въ общинѣ элемента «хозяевъ-земледѣльцевъ». Но для меня, послѣ всего уже печатно высказаннаго по этому предмету («Наши колоніи», стр. 129, 130 и др., «Община-собственникъ» и въ статьѣ «Правительственнаго Вѣстника»), такое недоумѣніе кажется весьма страннымъ, оправдываясь только полнымъ незнакомствомъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ «безземельнаго класса» въ колоніяхъ, въ которомъ нынѣ сосредоточены главная интеллигенція колонистскихъ общинъ и вся сила ихъ торгово-промышленныхъ капиталовъ.

Работы ex officio лишаютъ меня пока возможности приготовить къ изданію второй томъ книги «Наши колоніи», а это-то и есть, какъ мнѣ кажется, весьма существенная причина возникновенія различныхъ недоразумѣній. Весьма значительная масса фактическихъ данныхъ, послужившая мнѣ основаніемъ для заключеній, высказанныхъ въ статьѣ «Община-собственникъ», до сего времени остается подъ спудомъ, хотя кое-что, на сколько позволяли газетныя, оффиціальныя рамки, и вошло уже въ статью о поземельномъ устройствѣ колонистовъ, появившуюся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (№№ 158—163, — 1870 года).

Поэтому, я отнюдь не сталъ бы сѣтовать ни на разнаго рода недоумѣнія, высказываемыя обращающимися къ моимъ трудамъ лицами, ни тѣмъ менѣе на совершенное молчаніе или лишь отрывочныя указанія на эти труды; но именно въ виду недоконченности моихъ изслѣдованій, я съ тѣмъ большею настойчивостью считаю себя вправѣ настаивать, чтобы люди, берущіеся за критическую оцѣнку моихъ выводовъ, обстоятельно знакомились предварительно *во всемъ объемѣ*, и *во всей по-*

Digitized by Google

дробности, по крайней мѣрѣ съ тѣмъ матеріаломъ, который сдѣлался уже достояніемъ печати. Вопросъ, предлежащій разрѣшенію, слишкомъ важенъ и къ тому-же слишкомъ сложенъ, чтобы можно было рѣшать его сплеча, прежними пріемами, дѣйствовавшими, къ сожалѣнію, и безъ того уже слишкомъ долго, въ прямой ущербъ сущности дѣла и блага народнаго.

Я признаю за собою нравственную обязанность, по мѣрѣ силъ и возможности, высказаться по общинному вопросу вполнѣ, какъ потому, что едва-ли кто другой будетъ имѣть случай собрать всю имѣющуюся у меня массу фактическихъ данныхъ, такъ и въ виду очевидной, крайней необходимости придти наконецъ по этому вопросу къ болѣе или менѣе окончательному, безспорному заключенію. Предстоящая въ близкомъ будущемъ передача колоній, на общемъ основаніи, въ вѣдѣніе общихъ учрежденій приведетъ прежде всего къ распредѣленію касающихся до этихъ поселеній дѣлъ по разнымъ министерствамъ, департаментамъ, отдѣленіямъ и т. д. Слѣдовательно, нынѣшнее удобство имѣть о колоніяхъ самыя подробныя и разносторонныя свѣдѣнія — въ будущемъ существовать не будетъ; а между тѣмъ только *всесторонній* анализъ общественной организаціи, во всей совокупности и во всѣхъ разнородныхъ специфическихъ отправленіяхъ ея, можетъ привести насъ къ желаемой цѣли. Но гдѣ-же, кромѣ нашихъ колоній, можно бы найти ту цѣльность, сравнительно меньшую осложненность и болѣе или менѣе положительную точность и достовѣрность всякаго рода статистическихъ данныхъ,—словомъ, всѣ тѣ существенныя условія, которыя, облегчая анализъ, дѣлаютъ его выводы наиболѣе вѣрными, несомнѣнными и плодотворными?...

Меня упрекаютъ, между прочимъ, въ томъ, что въ вопросѣ о причинахъ благосостоянія нашихъ колоній придаю слишкомъ мало значенія ихъ привиллегіямъ. Я охотно призналъ бы справедливость этого упрека, еслибъ мною руководила мысль возвеличить, во что̀ бы то ни стало, нашихъ колонистовъ, ихъ успѣхи и благосостояніе, въ явное униженіе, прямымъ или косвеннымъ упрекомъ для русскаго крестьянства. Но не думаю, чтобъ кто бы то ни былъ, съ какой угодно точки зрѣнія, могъ обвинить меня въ этомъ, не погрѣшая грубо противъ всего высказаннаго мною, печатно и словесно, и не обличая себя въ явномъ незнаніи моихъ печатныхъ трудовъ. Для отклоненія этого упрека, мнѣ кажется достаточнымъ указать на предисловія къ «Наши колоніи». «Будь нашъ крестьянинъ — пишу я тамъ между прочимъ геніаленъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ; будь онъ гигантъ по энергіи, настойчивости и силѣ, но связанный, опутанный по рукамъ и ногамъ, онъ могъ думать объ усвоеніи иныхъ, лучшихъ порядковъ, только порвавши эти путы. Гдѣ-же тутъ было время вдумываться въ колонистскіе порядки?... И какая же могла быть у него возможность перенимать и усвоивать эти порядки даже при самомъ

Digitized by Google

усердномъ желаніи съ его стороны?...». Отсюда, какъ и изъ общаго характера и содержанія моихъ трудовъ, для безпристрастнаго читателя должно быть ясно, что я не признавалъ и не признаю никакой возможности дѣлать аналитическія сопоставленія нашихъ колонистскихъ общинъ съ общинами русскими; а потому желая оставаться вполнѣ на объективной почвѣ, я искалъ и ищу разрѣшенія занимающаго меня вопроса *исключительно* въ изслѣдованіи и сопоставленіи разныхъ, болѣе или менѣе *одинаково привиллегированныхъ*, колонистскихъ водвореній, въ томъ сознаніи, конечно, что парализируя такимъ образомъ, на сколько возможно, условіе привиллегированности, анализъ упрощается, нисколько не теряя въ вѣрности выводовъ и дѣлая ихъ только нагляднѣе, осязательнѣе. Такого рода краткое сопоставленіе приволжскаго водворенія съ южными нѣмецкими колоніями я представилъ въ статьѣ «Правительственнаго Вѣстника», хотя, конечно, оно исчерпываетъ предметъ еще далеко не вполнѣ. Но болѣе подробное развитіе указываемаго мною пріема я отнесъ ко II-му тому моей книги, въ который имѣютъ войти необходимыя для того данныя собственно о колонистахъ-нѣмцахъ (протестантахъ и католикахъ). Такъ напримѣръ многимъ до сихъ поръ кажется, что наиболѣе образцовыми я считаю главнымъ образомъ порядки молочанскихъ *меннонитовъ*, тогда какъ, напротивъ, сопоставленіемъ именно этого водворенія со смежнымъ молочанско-*колонистскимъ*, я признаю возможнымъ доказать положительно всю ошибочность мысли, что съ одной стороны, вся суть тяготѣющаго надъ нашимъ крестьянствомъ зла заключается *въ системѣ* подушнаго обложенія и въ *круговой порукѣ*, и что съ другой стороны, успѣхи нашихъ колоній главнымъ образомъ, а по мнѣнію иныхъ—даже и исключительно, обусловлены ихъ привиллегированностью.

Молочанскіе колонисты и меннониты образуютъ, какъ извѣстно, два смежные округа, вполнѣ тожественные по общимъ почвеннымъ, климатическимъ и другимъ культурнымъ и торгово-промышленнымъ условіямъ края. Оба округа заселялись одновременно и развивались параллельно бокъ-о-бокъ, но все же при не вполнѣ одинаковой постановкѣ. Вопервыхъ, хотя порядки поземельнаго устройства въ обоихъ округахъ всегда были одни и тѣ же, но колонисты противъ меннонитовъ получили въ свое распоряженіе и меньшій посемейный надѣлъ (60 вмѣсто 65 десятинъ), и несравненно менѣе запасныхъ и излишнихъ земель. Вовторыхъ, на Молочную выходила лучшая, наиболѣе интеллигентная и состоятельная часть всей меннонитской колонизаціи. Молочанскій же колонистскій округъ, какъ и бо́льшая часть другихъ католико-протестантскихъ водвореній, заселялся совершенно обнищавшимъ, болѣе или менѣе распущеннымъ сбродомъ, явившимся изъ разныхъ закоулковъ Германіи, лишеннымъ всякой солидарности и принятымъ къ намъ, вопреки

эмиграціоннымъ правиламъ 1804 г., безъ всякаго предварительнаго разбора; притомъ же люди эти были еще разныхъ вѣръ, обычаевъ и воззрѣній. Втретьихъ, молочанскіе колонисты, какъ и всѣ остальные нѣмцы-поселяне, всегда подчинялись подушной системѣ налоговъ на одинаковомъ основаніи съ мѣстными государственными крестьянами, тогда какъ меннониты системы этой вовсе не знали, уплачивая всегда одну, относительно ничтожную и навсегда неизмѣнную подесятинную подать (по 4½ к. съ удобн. дес. надѣла), къ тому же попечительство на всѣ общинныя дѣла вліяло у нѣмцевъ-колонистовъ гораздо непосредственнѣе, шире и неуклоннѣе, нежели у меннонитовъ. Вчетвертыхъ, послѣдніе всегда и безпрепятственно пользовались своимъ обычнымъ правомъ наслѣдованія, тогда какъ нѣмцевъ-колонистовъ попечительство, въ качествѣ высшей судебной власти колоній, подчиняло миноратскому закону, наперекоръ обычаямъ поселянъ, что̀ разстроивало не мало отдѣльныхъ хозяйствъ, возбуждая ожесточенную вражду и раззорительные процессы. Впятыхъ, колонисты-нѣмцы подчинялись всегда общей откупной системѣ на общемъ основаніи; напротивъ, меннониты, какъ мы знаемъ, не только были избавлены отъ этой системы, но удерживали за собою и право, въ свою исключительную пользу курить вино, варить пиво и уксусъ, и, въ предѣлахъ отведенныхъ имъ земель, продавать эти питія, не платя никому никакихъ пошлинъ и акцизовъ. Наконецъ, вшестыхъ, при одинаковыхъ общинныхъ поземельныхъ распорядкахъ, оба названные округа накопляли и относительно равное число безземельныхъ однообщественниковъ, которые имѣли одни и тѣ же способы пропитанія, занимали одно и то же политико-гражданское и экономическое положеніе какъ внутри, такъ и внѣ своихъ общинъ. И что же?... Пусть всякій, кому угодно ближайшимъ образомъ повѣрить меня, пусть отправится на мѣсто и скажетъ намъ, который изъ двухъ округовъ во всѣхъ отношеніяхъ и благоустроеннѣе, и богаче, какъ по наружному виду, такъ и по внутреннему быту населенія. Прошлымъ лѣтомъ, проѣздомъ, я былъ на Молочнѣ, и, положа руку на сердце, долженъ былъ признать очевидное, несомнѣнное превосходство округа колонистскаго предъ его сосѣдями. Впрочемъ, одно то обстоятельство, что этотъ округъ, будучи, также какъ и меннониты, застигнутъ врасплохъ татаро-ногайскимъ выселеніемъ и быстрымъ занятіемъ освободившихся территорій осѣдлыми земледѣльцами, съумѣли, однако, безъ крайнихъ внутреннихъ раздоровъ, выйти изъ затрудненій покупкою съ 1866 г., за счетъ общинъ, земель на милл. руб., и раздачею изъ нихъ свыше 600 безземельнымъ семьямъ безвозмездно по 30-ти десятинъ на каждую, а остальнымъ—участками до 60-ти десят. съ разсрочкою выкупныхъ платежей,—одно это обстоятельство должно бы, кажется, убѣдить всякаго въ превосходствѣ этого округа предъ молочанскими меннонитами, которые только недавно, послѣ ожесто-

ченныхъ внутреннихъ передрягъ, успѣли, наконецъ, обратиться къ той же мѣрѣ, пріобрѣвъ въ Херсонской губ. имѣніе князя Кочубея Заградовку, до 23,000 десятинъ, за 530,000 руб.

Теперь спрашиваю: какую же, *въ смыслѣ достигнутыхъ обоими названными водвореніями относительныхъ результатовъ*, могли играть здѣсь роль: привиллегированность и та или иная система податнаго обложенія, не говоря уже объ ужасахъ круговой поруки, общиннаго гнета надъ личностію, самодурствахъ и злоупотребленіяхъ попечительства и т. д., и т. д.?... И примѣръ этотъ въ быту колоній далеко не единственный, ставя, такимъ образомъ, внѣ всякаго сомнѣнія, что въ успѣхѣ или неуспѣхѣ земледѣльческаго водворенія дѣйствуютъ иныя, болѣе органическія причины, которыя, по моему мнѣнію, нужно искать прежде всего и преимущественно въ тѣхъ или другихъ распорядкахъ общиннаго поземельнаго устройства и въ непомѣрномъ податно-повинномъ обложеніи.

Пріурочивая принципъ *личнаго равноправія* членовъ общины главнымъ образомъ *къ землѣ*, сторонники нашей обычной общины, сами того не вѣдая, наносятъ положительный вредъ и общинному вопросу вообще, и интересамъ самихъ общинниковъ въ частности. Въ основаніи подобнаго воззрѣнія лежитъ та вполнѣ несостоятельная мысль, что какъ скоро кто состоитъ членомъ земледѣльческой общины, то и долженъ непремѣнно пахать, сѣять и т. д. Но не явный ли это абсурдъ?! Развѣ и община въ цѣломъ, и успѣхи хлѣбопашественнаго хозяйства въ частности, — не одинаково нуждаются и въ мѣстныхъ ремесленникахъ, и въ мѣстныхъ промышленникахъ, и въ людяхъ торговыхъ, и, наконецъ, даже въ рабочихъ, поденныхъ или срочныхъ?... И развѣ нѣтъ этого послѣдняго класса, даже свыше мѣстной потребности, въ каждой изъ нашихъ обычныхъ общинъ? Или батраческая часть этихъ общинъ, несмотря на свои болѣе или менѣе микроскопическіе земельные паи, не эксплуатируется здѣсь самымъ безжалостнымъ образомъ, безъ всякой надежды, чтобы община когда либо озаботилась прочнымъ устройствомъ этихъ людей на сторонѣ? Правда, въ приволжскихъ колоніяхъ, напримѣръ, заселеніе отдаленныхъ земель надѣла происходитъ при помощи значительныхъ пожертвованій со стороны коренныхъ водвореній. Но каковъ же успѣхъ этихъ новыхъ поселеній въ сравненіи съ колоніями, вновь устроиваемыми южными безземельными колонистами на земляхъ, пріобрѣтаемыхъ для нихъ за счетъ общинъ? Вопервыхъ, нищета, безурядица, безпутство какъ въ общественномъ, такъ и въ частныхъ хозяйствахъ; въ новыхъ же водвореніяхъ на югѣ Россіи установляется *сразу* и начинаетъ быстро развиваться благоустроенный, осмысленный, зажиточный общинный бытъ и по хозяйственнымъ работамъ, и по постройкамъ, и по общественнымъ заведеніямъ. Въ поволжьѣ изъ кореннаго водворенія выселяется положительная голь, какъ при данныхъ усло-

Digitized by Google

віяхъ, иначе и быть не можетъ; на югѣ же раздаются земли, по предварительномъ разборѣ коренными общинами своихъ выселенцевъ относительно ихъ матеріальныхъ средствъ и вообще нравственной благонадежности. Такимъ образомъ, поволжскія переселенческія колоніи, слагаясь болѣе или менѣе туго, обыкновенно только въ теченіе десятковъ лѣтъ, изъ элементовъ и нравственно, и матеріально малонадежныхъ, до извѣстной степени даже развращенныхъ и испитыхъ прежнимъ батрачествомъ,— слишкомъ долго бѣдствуютъ на новыхъ мѣстахъ поселенія; напротивъ, новыя водворенія южныхъ колонистовъ, пріобрѣтая земли покупкою, т.-е. по свободному выбору, и перенося сюда всѣ порядки своихъ коренныхъ колоній, оказываются всегда въ возможности, почти вслѣдъ за водвореніемъ на новомъ мѣстѣ, приступить къ выплатѣ, по разсрочкѣ, выкупныхъ за землю суммъ, независимо отъ бездоимочнаго платежа казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборовъ и повинностей. Словомъ, если говорятъ о «батрачествѣ» и «батракахъ», то не нужно бы забывать, что термины эти на столько же приложимы къ батракамъ поволжскихъ колоній и вообще къ нашей обычной общинѣ, на сколько они далеко не вполнѣ и даже вовсе непримѣнимы къ огромному большинству безземельнаго класса южныхъ колоній.

Кромѣ того, постановка поземельныхъ условій въ обычной общинѣ такова, что тамъ за срочные передѣлы угодій стоятъ *прежде всего чистые земледѣльцы*, *вопреки* правильно сознанному общинному интересу и *положительнымъ настояніямъ ремесленнаго, промысловаго, торговаго и батрачьяго класса*. Классъ этотъ, напримѣръ, въ поволжьѣ вездѣ, гдѣ только сознаетъ за собою нѣкоторую силу, начинаетъ настаивать: *или* на выдѣлѣ своихъ паевъ *къ одному мѣсту*, чтобы можно было распорядиться ими сдачею бо́льшими, сплошными участками на болѣе выгодныхъ условіяхъ, *или* же на освобожденіи его совершенно отъ паевъ, съ условіемъ, чтобы хозяева-земледѣльцы, подѣливъ между собою уравнительно по числу семействъ всѣ полевыя угодія и даже сѣнокосы, вмѣстѣ съ тѣмъ, приняли исключительно на себя же и всѣ лежащія на землѣ подати и повинности. По настоящее время мѣра эта, сколько мнѣ извѣстно, прошла только въ одной торгово-промышленной колоніи, Екатеринштадтѣ (Баронскѣ), и то лишь съ крайнимъ трудомъ на 8-милѣтній срокъ, въ видѣ опыта, хотя здѣсь торгово-промышленный и рабочій элементы вліятельнѣе и сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другой колоніи. Подобныя же попытки въ колоніи Голомъ-Карамышѣ, Саратовской губерніи, т.-е. въ мѣстности, гдѣ сильно развиты разные промыслы, въ особенности же производство сарпинки и другихъ бумажныхъ издѣлій, остаются пока безъ всякихъ послѣдствій, такъ-какъ хозяева-земледѣльцы, увлекаясь близорукимъ разсчетомъ, признаютъ для себя выгоднѣе держаться прежнихъ срочно-подушныхъ передѣловъ, за безцѣнокъ отдающихъ въ ихъ руки паи торгово-промышленнаго и рабочаго классовъ.

Digitized by Google

Таковы логическіе выводы, имѣющіе исходнымъ началомъ, въ одномъ случаѣ,—принципъ полнаго по землѣ *фактическаго* равноправія сообщинниковъ, а въ другомъ—лишь болѣе или менѣе ограниченное, условное примѣненіе того же принципа въ лично-общинной мірской системѣ землевладѣнія.

Насколько при лично-общинной системѣ дѣятельность населенія не скажу напряженнѣе, но во всякомъ случаѣ успѣшнѣе, нежели при обычно-общинныхъ порядкахъ,—это, какъ мнѣ кажется, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ:

Къ 1-му января 1865 г. состояло колонистовъ:

	Въ Поволжьѣ:	На югѣ Россіи:
мужескаго пола душъ	120,453	119,142
семействъ	24,642	36,592
т.-е. душъ на семью	4,9	3,2

Условія раздѣла личнаго состава семьи въ обоихъ водвореніяхъ, по закону, совершенно одни и тѣ же; слѣдовательно, усиленная дробимость семей есть отличительная черта лично-общинной системы...

Къ худшему или къ лучшему?... Какъ вы думаете, г. Янсонъ?...

Населеніе это хозяйственно обработывало земель:

	Въ Поволжьѣ:	На югѣ Россіи:
	десятинъ	
данныхъ въ надѣлъ отъ казны .	817,349	1.041,851
собственныхъ, покупныхъ . . .	72,813	472,638
арендныхъ	—	386,385
Итого .	890,162	1.900,874
т.-е. на муж. пола душу по . .	7,4	15,9
Уплачивали въ годъ: податей, на управленіе, земскихъ повинностей, мірскаго сбора (не считая мірскихъ сборовъ колоній на собственныхъ и арендныхъ земляхъ).	рублей 1.150,747	рублей 865,767
За оброчныя земли по контрактамъ	—	507,158
Итого .	1.150,747	1.372,925
т.-е. на муж. пола душу . . .	9,67 к.	11,52 к.

И если принять во вниманіе еще то, что колонисты-болгары, т.-е. около $^1/_3$ всего колонистскаго водворенія южной Россіи, придерживаясь также обычно-общинной системы, довольствуются въ большинствѣ даннымъ отъ казны надѣломъ, то и усиленная дробимость семей, и обработка покупныхъ и арендныхъ земель выпадаютъ главнымъ образомъ на долю лично-общинной системы, т.-е. на долю собственно нѣмецкихъ колонистовъ и меннонитовъ, что̀ и подтверждаютъ вполнѣ имѣющіяся подробныя статистическія свѣдѣнія.

Digitized by Google

Съ другой стороны, по кадастровымъ свѣдѣніямъ, изъ числа 46,613 работниковъ поволжскихъ колоній (1855 г.):

Совершенно оставили земледѣліе, занимаясь торговлею, промысломъ, ремесломъ, или нанимаясь въ работы. 12,2%

Обработывали только часть своихъ душевыхъ паевъ, занимаясь заработкомъ. . . . . 14,3 »

Довольствовались обработкою своихъ душевыхъ паевъ . . . . . 25,8 »

Обработывали, сверхъ собственныхъ паевъ, еще наемные паи своихъ однообщественниковъ. . . . 47,7 »

Спрашиваю г. Янсона: существуетъ ли, по его мнѣнію, въ поволжскихъ общинахъ какъ преобладаніе земледѣльческаго элемента «хозяевъ», такъ и эксплуатація ими достоянія и труда весьма значительнаго процента своихъ однообщественниковъ?.. Думаю, что онъ не рѣшится отвергать ни того, ни другаго. Но какъ же выдти изъ этого положенія?... Г. Янсонъ указываетъ на здравый смыслъ народа, какъ на тотъ палладій, отъ котораго слѣдуетъ главнымъ образомъ ожидать болѣе разумное устройство бытовыхъ условій народа. Да; здравый смыслъ?!. Но сколько здравомыслящихъ людей затирается у насъ жизнью и безплодно погибаетъ среди безурядицы не въ одной только земледѣльческой средѣ! Сколько бьется какъ рыба объ ледъ личностей, вооруженныхъ и научными знаніями, и силою характера, и нравственною стойкостью?! А отъ насъ требуютъ, чтобы мы всецѣло полагались на здравый смыслъ нашего сельскаго люда, какъ будто бы рѣшится кто, не исключая г. Янсона, утверждать, что здраваго смысла у нашихъ южныхъ колонистовъ болѣе, нежели у поволжскихъ, и какъ будто бы не доставало никогда по крайней мѣрѣ такой же дозы этого смысла у всякаго инаго народа, во всѣ времена.

Отрицаніе здраваго смысла у цѣлыхъ обществъ и народовъ— абсурдъ. Но почему же этотъ смыслъ не помѣшалъ въ свое время совершаться тѣмъ роковымъ ошибкамъ, отъ послѣдствій которыхъ народы гибли, а западъ Европы, на нашихъ глазахъ, волнуется въ самыхъ основахъ своихъ, выбиваясь изъ-подъ гнета такихъ послѣдствій путемъ кровавыхъ переворотовъ?! Значитъ, одного здраваго смысла еще недостаточно для достиженія народными массами возможно справедливыхъ, а потому и вполнѣ устойчивыхъ, условій въ своемъ общественномъ быту. Ссылка же на «здравый смыслъ народа» не слишкомъ ли часто обозначаетъ у насъ, при самомъ благопріятномъ толкованіи этого аргумента, одно только собственное безсиліе помочь дѣлу, осмыслить бытовыя условія народной массы и указать тотъ путь, идя по которому масса эта можетъ достигнуть своей цѣли, сознаваемой обыкновенно только смутно, инстинктивно?...

И только въ этомъ смыслѣ я понимаю восклицаніе г. Ян-

Digitized by Google

сона: «Нѣтъ, мы напротивъ убѣждены, что не у однихъ нѣмцевъ здравый смыслъ (какъ будто бы я гдѣ либо утверждалъ подобную нелѣпость), а есть и у нашего народа (такая, право, наивность!). Удивительная смѣлость, право (не въ способности ли, собственныя бредни сваливать со своей, больной головы, да на здоровую?) думать, что смыслъ народа ничего не можетъ создать прочнаго для своего благосостоянія, а можетъ создать его попечительство, устроенное по нѣмецкому плану!» (стр. 141).—Да, г. Янсонъ, если колонистское, или, по вашему, нѣмецкое попечительство (хотя на югѣ Россіи болѣе половины колонистовъ—болгары, кошубы, греки и т. д., а попечительство составляли все тѣ же *русскіе* чиновники) по меньшей мѣрѣ не помѣшало развитію благосостоянія колоній, напротивъ попечительство у крестьянъ оказалось вполнѣ несостоятельнымъ, то что же изъ этого слѣдуетъ? Неужели *только* то, что въ колоніяхъ были большею частію попечители изъ *нѣмцевъ*, а здѣсь у крестьянъ главнымъ образомъ изъ *русскихъ?!*.. Очевидно, г. рецензентъ не сообразилъ всей неловкости своего замѣчанія.

Но мало ли курьёзовъ *выдумываетъ* г. Янсонъ и такъ-таки, нисколько не задумываясь, приписываетъ ихъ мнѣ! Всѣхъ этихъ курьёзовъ перечесть не берусь,—и скучно, и безцѣльно. Ограничусь замѣчаніями, только болѣе выдающимися изъ ряда вонъ.

Г. Янсонъ не заблагоразсудилъ разъяснить мнѣ (да кстати бы уже и читателямъ своимъ) неправильное, по его мнѣнію, пониманіе мною какихъ-то фактовъ и экономическихъ взглядовъ. «Высказанныя нами (прибавляетъ онъ) замѣчанія по поводу общихъ его (т.-е. моихъ) положеній не исчерпываютъ, конечно, всего вопроса, и мы, съ своей стороны, будемъ довольны, если помогли, хотя въ слабой степени, уясненію принциповъ». Но уяснять принципы, общія положенія, и въ то же время оставлять необъясненнымъ ложное освѣщеніе этихъ общихъ положеній со стороны фактической и научной,—это способъ новый, неслыханный, честь открытія котораго не я, конечно, стану оспаривать у нашего доктора политической экономіи, Ю. Э. Янсона. Но, да проститъ меня мой почтенный рецензентъ, если я, не будучи ни политико-экономомъ, ни вообще патентованнымъ ученымъ, осмѣлюсь однако высказать рѣшительное сомнѣніе относительно не только научности, но даже и литературнаго благоприличія подобнаго пріема. Во всякомъ случаѣ и мнѣ, и всѣмъ чающимъ просвѣта, остается только сожалѣть о несообщительности доктора Янсона, какъ потому, что эта несообщительность очевидно обрекаетъ насъ, обыкновенныхъ людей, на мучительныя сомнѣнія въ собственныхъ силахъ, такъ и потому, что подобный пріемъ какъ-то плохо вяжется съ собственнымъ достоинствомъ рецензента, очевидно разсчитывающаго здѣсь на свою научную компетент-

Digitized by Google

ность. Къ тому же пріемъ этотъ состоитъ въ такомъ рѣзкомъ разладѣ съ конечной оцѣнкой г. Янсономъ разбираемаго имъ труда, что является уже просто на просто неприличною выходкою. И въ томъ же родѣ, съ тѣмъ же оттѣнкомъ, не мало замѣчаній раскинуто въ разныхъ мѣстахъ рецензіи. Но одно изъ двухъ: *или* докторъ Янсонъ дѣйствительно придаетъ моимъ трудамъ то серьёзное значеніе, на которое самъ же указываетъ, и въ такомъ случаѣ всѣ неприличныя оговорки и ироническій тонъ всей его статьи вполнѣ недостойны ни науки, ни его самаго, какъ представителя этой науки; *или* же рецензентъ мой сдѣлалъ вообще довольно странную ошибку, потративъ и трудъ, и время свое совершенно непроизводительно, что̀ опять-таки плохо вяжется съ понятіемъ о г. Янсонѣ, какъ о молодомъ докторѣ политической экономіи, которому слишкомъ хорошо долженъ быть извѣстенъ весь вредъ подобныхъ непроизводительныхъ затратъ.

Отчасти изъ вниманія къ докторскому диплому, но главнымъ образомъ въ видахъ правильнаго разъясненія сущности дѣла, значительно затемненнаго рецензіею (пока, какъ замѣчено, единственною, которой дождался)—я рѣшился наконецъ посвятить эти строки критикѣ моего критика. Иные, быть можетъ, обвинятъ меня въ запоздалости; но «лучше поздно, чѣмъ никогда», хотя, въ сущности, непріятно поражавшій меня при первомъ же чтеніи рецензіи пренебрежительный докторальный тонъ, съ которымъ г. Янсонъ трактуетъ мои труды, долженъ бы былъ еще въ то время привести меня къ сознанію, что удостоился я вниманія не простаго смертнаго, а будущаго доктора политической экономіи. Къ тому же, какъ тоже замѣчено, окончить предпринятый мною трудъ систематически, по начертанной программѣ, я до времени лишенъ возможности. Остается одно, пользуясь урывками свободнаго времени, продолжать разработку возникающихъ по разнымъ вопросамъ недоумѣній въ видѣ настоящихъ отрывочныхъ замѣтокъ.

Достоинство всякаго критическаго разбора состоитъ въ прямой зависимости отъ собственнаго, субъективнаго воззрѣнія на предметъ самаго критика; только большая или меньшая опредѣлительность и состоятельность этого воззрѣнія даютъ критической литературѣ ту силу и то значеніе, которыми она можетъ и должна бы оказывать величайшую пользу и литературѣ вообще, и правильной разработкѣ ея отдѣльныхъ задачъ или вопросовъ, въ частности. Отсутствіе же всякаго отчетливо сознаваемаго взгляда на обсуждаемый предметъ лишаетъ критика того мѣрила, безъ котораго сколько-нибудь положительная оцѣнка съ его стороны представляется совершенно немыслимою, а выводы и заключенія его лишаются логической

Digitized by Google

осмысленности, должной связи и ясности, служа не къ уясненію, а напротивъ только къ вящшему затемнѣнію вопроса.

«Изслѣдованіе—писалъ я между прочимъ [1]—подобное предпринятому нами, должно имѣть главнѣйшею цѣлью *непосредственное воспріятіе* (перцепцію) анализируемыхъ фактовъ, ихъ *добросовѣстную установку и вѣрную классификацію*, а также возможное ихъ обиліе и разнообразіе, такъ-какъ, по тѣмъ или инымъ свойствамъ нашей индивидуальности, было бы слишкомъ рисковано, и во всякомъ случаѣ ненаучно, разсчитывать на безусловную непогрѣшимость собственныхъ выводовъ и заключеній». Вотъ, слѣдовательно, еще одно требованіе, которое я ставилъ себѣ, а потому вправѣ ставить и всякому изъ моихъ критиковъ.

И такъ, болѣе или менѣе установившійся, ясно сознаваемый взглядъ на вопросъ, съ одной стороны, а съ другой—добросовѣстность въ установкѣ и оцѣнкѣ фактовъ,—вотъ, по моему мнѣнію, тѣ основныя, существенныя условія, которымъ долженъ соотвѣтствовать критикъ, если желаетъ не впадать въ грубыя ошибки и противорѣчія съ самимъ собою, принесть дѣлу не вредъ, а пользу.

Но при всемъ желаніи моемъ отыскать оба эти условія въ статьѣ г. Янсона, я не нашелъ тамъ ни одного, ни другаго.

«Мы, повторяемъ (говоритъ г. Янсонъ на стр. 140), не становимся на сторону общиннаго землевладѣнія». И это, конечно, потому, что въ связи съ этимъ видомъ владѣнія держится «община хозяйственная, съ передѣломъ полей, съ трехпольной системой, міроѣдами и тому подобными явленіями» (стр. 123), и что «нѣтъ сомнѣнія, что и русская община дойдетъ до того предѣла, когда право каждаго на надѣлъ превратится въ одну букву, ибо дальнѣйшее дробленіе надѣловъ сдѣлаетъ невозможнымъ никакое хозяйничанье. Что будетъ тогда, къ какимъ потрясеніямъ или переворотамъ поведетъ это, необходимо долженствующее наступить, явленіе—не беремся предрѣшать» (стр. 127).

Не стоитъ г. Янсонъ и за установившееся на западѣ и юго-западѣ Россіи «участковое или подворное пользованіе землей, съ безконечнымъ дробленіемъ участковъ, чрезполосностью, батрачествомъ» и т. д. (стр. 123). Но г. Янсонъ не отстаиваетъ, да и не можетъ отстаивать, даже и «личное землевладѣніе» крестьянъ уже потому, что по его же, вышеприведеннымъ словамъ, «по отношенію къ пролетаріату община-собственникъ, какъ несовершенная форма ассоціаціи, все-таки *ближе къ разрѣшенію задачи, чѣмъ личное землевладѣніе*» (стр. 148). «Личная», т.-е. полная частная собственность, благодаря нашимъ порядкамъ наслѣдованія и инымъ прерогативамъ собственника, неизбѣжно подвергается той же «пульверизаціи», той же «через-

[1] «Вѣстн. Евр.» 1870 г. т. I, стр. 575.

Digitized by Google

полосицѣ» и т. д., которыхъ пагубность г. Янсонъ одинаково признаетъ какъ въ обычно-общинной, такъ и въ участковой системѣ нашихъ крестьянъ; слѣдовательно, онъ долженъ согласиться съ нами и въ томъ, что «община-собственникъ» имѣетъ преимущество предъ «личнымъ землевладѣніемъ» крестьянъ—мелкихъ собственниковъ по отношенію *не къ одному лишь пролетаріату*, но и въ тѣсномъ смыслѣ чисто хозяйственныхъ успѣховъ, не говоря уже объ относительныхъ удобствахъ въ осуществленіи всякаго рода учрежденій, основанныхъ на началѣ взаимности.

И дѣйствительно, «лично-общинное владѣніе землей (говоритъ онъ на стр. 126) ставитъ безспорно хозяйство отдѣльныхъ единицъ-дворовъ въ положеніе далеко болѣе выгодное, чѣмъ то, въ какомъ при обычно-общинномъ владѣніи находится хозяйство нашего крестьянина-общинника, поля котораго подлежатъ передѣлу; съ другой стороны, оно представляетъ гарантію противъ пульверизаціи, размельченія земельныхъ надѣловъ и противъ постепеннаго обезземеленія части крестьянскаго сословія путемъ соединенія мелкихъ участковъ въ крупные, черезъ скупъ болѣе крупными землевладѣльцами участковъ мелкихъ собственниковъ, слѣдовательно противъ двухъ невыгодныхъ послѣдствій».

»Здѣсь исчислены далеко еще не всѣ выгоды этой системы; но пока я довольствуюсь и этимъ.

Затѣмъ, однако, спрашивается: на сторону какой же формы крестьянскаго землевладѣнія становится, наконецъ, самъ г. Янсонъ?.. И на этотъ-то вопросъ во всей статьѣ его нѣтъ положительнаго отвѣта, а есть только нѣсколько косвенныхъ намековъ. Такого рода намеки я вижу, вопервыхъ, въ признаніи г. Янсономъ за «несовершенную форму *ассоціаціи*» той лично-общинной системы, которую я отстаиваю; и, вовторыхъ, въ увѣренности рецензента, что «ассоціаціонныя, артельныя начала безспорно успѣютъ охватить всѣ формы промышленной дѣятельности», и при томъ гораздо раньше, нежели у насъ «классъ личныхъ собственниковъ и обычно-общинниковъ потеряетъ изъ-подъ себя почву и обратится въ общую массу капитало-кабальнаго, безпріютнаго пролетаріата» (стр. 131). Охъ, г. Янсонъ, какъ вы счастливы своей «безспорной» увѣренностью, и какъ, быть можетъ, весьма многимъ желалось бы увѣровать въ вашъ розовый оптимизмъ, тѣмъ болѣе, что, по вашимъ словамъ, «въ свободной ассоціаціи, имѣющей цѣлью *совокупное потребленіе и производство*, выгоды распредѣляются согласно степени жертвы, приносимой каждымъ въ общую складчину» (стр. 143). И по мнѣнію критика, только именно такой «свободный союзъ» можетъ повести къ справедливому, правомѣрному распоряженію выгодами хозяйственными и общественными. Противъ послѣдняго положенія я особенно спорить не сталъ бы, хотя никакъ не могу взять въ толкъ, въ

Digitized by Google

силу такихъ именно условій могли бы удержаться въ «свободной ассоціаціи земледѣльцевъ справедливость, правомѣрность» и иныя блага, словомъ, безусловная равноправность всѣхъ членовъ ассоціаціи, число которыхъ будетъ нарождаться, какъ и вездѣ, производя и здѣсь все тѣ же послѣдствія, какія мы видимъ при другихъ формахъ землевладѣнія. Впрочемъ, я готовъ въ этомъ случаѣ повѣрить г. Янсону даже на слово; но практическаго смысла, все-таки, не вижу, и главнымъ образомъ потому, что положительно отвергаю всякую приложимость къ нашему забитому, обнищалому и малоразвитому крестьянству идеи «свободной ассоціаціи», требующей безусловно такой высоты нравственнаго и интеллигентнаго уровня, какимъ не могутъ похвалиться даже передовыя силы высшей интеллигенціи русскаго народа, какъ недавно еще вполнѣ подтвердила крайне неудачная попытка—соединить въ одинъ кружокъ нашихъ лучшихъ представителей литературы, художествъ, искусствъ и т. д. И здѣсь шло дѣло еще только о «свободномъ обмѣнѣ мыслей, общихъ сходкахъ ради развлеченія, общихъ обѣдовъ» и т. д., а отнюдь не о сліяніи или «общей складчинѣ» какихъ бы то ни было матеріальныхъ средствъ и интересовъ. Нужно слишкомъ много дѣтскаго простодушія и оптимистской наивности; необходимо совершенное незнаніе, какъ человѣческой природы вообще, такъ и бытовыхъ условій народа, его безпомощности матеріальной и нравственной—въ особенности, чтобы убаюкивать себя и другихъ подобными иллюзіями. Только совершенное, повальное непониманіе ни истиннаго смысла бытовой исторіи родной и другихъ цивилизованныхъ народовъ, ни передовыхъ мыслителей тѣхъ же народовъ, даетъ возможность серьёзно останавливаться на «свободной ассоціаціи», въ томъ смыслѣ, какъ считаетъ ее, повидимому, примѣнимою къ нашему крестьянскому землевладѣнію нашъ почтенный критикъ, докторъ политической экономіи Янсонъ. Ясно одно, что г. Янсонъ очевидно принадлежитъ къ той плеядѣ «экономистовъ» и поклонниковъ безусловной «самопомощи», «свободной конкуренціи», «сельско-хозяйственной ассоціаціи» и т. д., о которой я высказался такъ рѣшительно во второй части моей статьи «Община-собственникъ» («Вѣстн. Европ.» Т. II, 1870 г., стр. 107 — 118), а также отрывочно въ разныхъ мѣстахъ книги «Наши колоніи». Отсюда дѣлаются уже вполнѣ понятными и слова Янсона, когда онъ, обозрѣвая именно эту вторую часть названной статьи, говоритъ, между прочимъ: «Остальное все, *приплетенное къ примѣру* въ статьѣ «Вѣстника Европы», обстоятельства побочныя, предположеніе—не болѣе» (стр. 140). И «на то, что̀ слѣдуетъ дальше въ аргументаціи за колонистскую общину противъ русской, мы не знаемъ—стоитъ ли возражать?» (стр. 141).

И дѣйствительно; противъ «остальнаго всего, приплетеннаго», г. Янсонъ возразилъ немного, но и въ этомъ немногомъ

Digitized by Google

обнаружилъ, что ему и на самомъ дѣлѣ слѣдовало бы лучше молчать вовсе; здѣсь-то, главнымъ образомъ и сказалась вся несостоятельность его критическаго «мѣрила», малое знакомство его съ моею книгою и вообще полное непониманіе или даже совершенное незнаніе имъ сущности того фактическаго матеріала, на которомъ построены мои выводы.

Но начнемъ ab ovo, такъ-какъ не желаемъ отплачивать за недомолвки молчаніемъ или недомолвками же.

Г. Янсонъ, какъ мы видѣли, не становится на сторону обычной общины; но тѣмъ не менѣе онъ утверждаетъ, что «въ этой общинѣ гораздо болѣе задатковъ ассоціаціонныхъ, товарищескихъ и задатковъ чисто хозяйственныхъ, чѣмъ въ религіозной меннонитской общинѣ или теперешней нѣмецкой Gemeinde—*по крайней мѣрѣ въ ней есть дѣйствительная равноправность членовъ, которой нѣтъ въ колонистской общинѣ*» (стр. 141). И въ чемъ же выражается эта «дѣйствительная равноправность?» «Въ обычной, т.-е. въ нашей общинѣ, отвѣчаетъ г. Янсонъ (стр. 126), каждый крестьянинъ имѣетъ *право на надѣлъ*; онъ является собственникомъ, но собственникомъ имущества, подлежащаго ограниченіямъ; основною хозяйственною единицею является, напротивъ, община, какъ одно цѣлое». Въ чемъ именно обычная община, *преимущественно предъ колонистской*, выражаетъ свои задатки ассоціаціонные и особенно «чисто хозяйственные» — объ этомъ рецензентъ умалчиваетъ, хотя, по общему смыслу его аргументаціи, слѣдуетъ заключить, что обычная община, легче и скорѣе колонистской, можетъ усвоить «совокупное потребленіе и производство», и распредѣленіе «выгодъ согласно степени жертвы, приносимой каждымъ въ общую складчину»; словомъ, ей будто бы легче и удобнѣе образовать «свободную ассоціацію, свободный союзъ», обезпечивающій болѣе справедливое, болѣе правомѣрное «распоряженіе выгодами хозяйственными и общественными».

Сознаетъ ли, можетъ ли г. Янсонъ сознать всю безконечную путаницу понятій, всю туманность и несообразность высказанныхъ здѣсь положеній?!.

Вопервыхъ, колонистская лично-общинная система по землѣ не имѣетъ ничего общаго съ нѣмецкой Gemeinde. Колонистская община—и юридически и фактически дѣйствительный вотчинникъ-землевладѣлецъ, члены котораго на общемъ сходѣ, по большинству $^2/_3$ голосовъ, не только регулируютъ хозяйственные порядки распредѣленія и эксплуатаціи всѣхъ общинныхъ угодій по одной общей системѣ, но, въ указанныхъ положительнымъ закономъ предѣлахъ, разрѣшаютъ и передѣлы этихъ угодій, и раздѣлы земледѣльческихъ хозяйствъ, и продажи или иные переходы хозяйствъ изъ рукъ въ руки и т. д. Напротивъ, нѣмецкая Gemeinde не что иное, какъ территоріальный административно-полицейскій союзъ мелкихъ, полныхъ поземельныхъ собственниковъ, изъ которыхъ каждый со-

Digitized by Google

вершенно независимо хозяйничаетъ въ предѣлахъ своего, болѣе или менѣе обрубнаго, поземельнаго владѣнія [1], дробитъ, переуступаетъ это владѣніе по собственному личному произволу, не спросясь общества и т. д. Въ то время, какъ въ колонистской общинѣ права осѣдлости (Heimathsrecht) и гражданства пріобрѣтаются не иначе, какъ по пріемному приговору общины, эти права въ нѣмецкой Gemeinde даются фактомъ пріобрѣтенія, въ извѣстномъ административно-полицейскомъ районѣ, недвижимой собственности, хоть бы вопреки воли Gemeinde. Только выходъ члена какъ изъ колонистской общины, такъ и изъ нѣмецкой Gemeinde, одинаково свободенъ, такъ-какъ требующійся закономъ для колониста увольнительный приговоръ представляется простою формальностью, никого никогда не стѣсняющею. Интересно бы знать: какъ думаетъ г. Янсонъ обусловить вступленіе въ «свободную сельско-хозяйственную ассоціацію» отдѣльныхъ членовъ—простымъ ли фактомъ внесенія въ «общую складчину» извѣстной «жертвы» (чего, какой?) или же, сверхъ того, и согласіемъ самой ассоціаціи на пріемъ новыхъ вклада и вкладчика?.. Казалось бы, что и «ассоціація» не можетъ быть лишена права отказа, по собственному соображенію, въ пріемѣ новыхъ членовъ, а потому я не вижу еще никакихъ преимуществъ ея предъ колонистской общиной, хотя разница съ нѣмецкой Gemeinde вполнѣ ясна и осязательна, а тождество въ этомъ отношеніи двухъ общинныхъ системъ, личной и обычной—несомнѣнное.

Вовторыхъ, меннонитская *религіозная* (вѣрнѣе—*приходская*) община не имѣетъ ничего общаго съ общиной *гражданской*, хозяйственной или административно-полицейскою. Жаль, что г. Янсонъ не прочелъ стр. 115, 157, 192, 201 и др. въ «Наши колоніи». Отсюда онъ убѣдился бы, что у меннонитовъ весьма нерѣдко члены даже одной и той же семьи принадлежатъ къ *разнымъ приходскимъ* общинамъ, не говоря уже о членахъ одной и той же общины гражданской.

Втретьихъ, по объясненію г. Янсона, въ обычно-общинной системѣ «основною хозяйственной единицею является община, какъ одно цѣлое», а каждый крестьянинъ, т.-е. каждый отдѣльный членъ общины, съ правомъ на надѣлъ, представляется «собственникомъ, *но* собственникомъ имущества, подлежащаго ограниченіямъ». Этого опредѣленія, по правдѣ сказать, я не понимаю. Повидимому, рецензентъ старается здѣсь нагнать обычную общину на колодку «свободной ассоціаціи», такъ что паевой надѣлъ, или же право на этотъ надѣлъ,

[1] На стр. 127, г. Янсонъ говоритъ: «Первоначально, когда нѣмецкіе выходцы осѣлись подворными *обрубными* участками...». Гдѣ, въ какихъ колоніяхъ онъ нашелъ эти «обрубные» участки — я недоумѣваю (см. «Наши колоніи», стр. 128 и другія, а также «Общину-собств.» и «Поземельное устр.» въ «Прав. Вѣстникѣ»). Г. Янсонъ, очевидно, плохо читалъ мои печатные труды.

Digitized by Google

представляются ему тѣмъ имуществомъ, которое дѣлаетъ владѣльца его и собственникомъ «собственности, подлежащей ограниченіямъ» (съ чьей стороны, въ чемъ именно и до какихъ предѣловъ?), и какъ бы найщикомъ «ассоціаціи». Но еслибы это было такъ, т.-е. еслибы каждый крестьянинъ былъ *дѣйствительнымъ собственникомъ своего поземельнаго надѣла*, и еслибы этотъ надѣлъ былъ вложенъ членскимъ паемъ въ общину, какъ въ «основную хозяйственную единицу», то спрашивается: полагаетъ ли г. Янсонъ въ «свободной сельско-хозяйственной ассоціаціи» возможнымъ такой порядокъ вещей, при которомъ паевые вклады отдѣльныхъ членовъ систематически, неуклонно и очевидно для каждаго, таяли и уменьшались до того, что въ концѣ концовъ сдѣлается «невозможнымъ никакое хозяйничанье»? Воля ваша, г. рецензентъ, но я не вижу никакихъ задатковъ ни ассоціаціонныхъ, товарищескихъ, ни тѣмъ менѣе «чисто-хозяйственныхъ» въ такомъ порядкѣ вещей, который несомнѣнно клонитъ къ полной невозможности вести какое бы то ни было хозяйство; а слѣдовательно и обычная община, съ ея пресловутымъ равноправіемъ членовъ *по землѣ*, есть своего рода явный абсурдъ. Правда, г. Янсонъ видитъ здѣсь выходъ «въ общемъ потребленіи и производствѣ»; но осуществленіе этой надежды едва-ли удастся даже нашимъ внукамъ и правнукамъ. Успѣхъ подобной мѣры слишкомъ условенъ, а потому и крайне сомнителенъ, какъ болѣе или менѣе доказывали уже бывшія до сего времени коммунальныя попытки. Наконецъ, я не вижу, что̀ могло бы помѣшать колонистамъ-общинникамъ перейти отъ лично-общинной системы къ общему потребленію и производству. Для подобной замѣны потребуется только согласія $^2/_3$ схода, а это согласіе не заставитъ ждать себя, какъ скоро подобная хозяйственная система представится для общины вполнѣ выгодною.

Вчетвертыхъ, крайне любопытно было бы послушать ближайшее разъясненіе г. Янсономъ тѣхъ признаковъ, на основаніи которыхъ онъ считаетъ возможнымъ именовать «крестьяниномъ-*собственникомъ*» (конечно, *поземельнымъ*) члена нашей обычной общины. Различные виды «собственности» составляютъ понятія чисто юридическія, обусловленныя гражданскимъ правомъ, положительнымъ законодательствомъ. Къ какому же изъ этихъ видовъ (спрашиваю г. Янсона) принадлежитъ та, подлежащая постоянно новымъ ограниченіямъ, собственность, которая дѣлаетъ «собственникомъ» члена нашей обычной общины?.. Полагаю, что такова всякая собственность, *за исключеніемъ одного лишь земельнаго надѣла*, въ правѣ на который крестьянинъ ограничивается безусловно одною лишь хозяйственной обработкою. Но если, въ строго-юридическомъ смыслѣ, нельзя назвать полнымъ собственникомъ даже колониста-владѣльца хозяйственнаго земельнаго участка, который, по крайней мѣрѣ по количеству десятинъ, остается на всегда неиз-

Digitized by Google

мѣннымъ, продается имъ, служитъ ему ипотекой и т. д., то именованіе «поземельнымъ собственникомъ» члена нашей обычной общины есть уже очевидная фикція, вызванная лишь вполнѣ отрицательными отношеніями къ общинѣ, какъ къ вотчиннику-землевладѣльцу. И неужели г. Янсонъ даже и по сіе время еще не уяснилъ себѣ этого элементарнаго юридическаго понятія?.. Нашъ крестьянинъ-общинникъ, самъ по себѣ, есть только фиктивный собственникъ-землевладѣлецъ, а сдѣлается ли вотчинникомъ-землевладѣльцемъ наша обычная община, это вопросъ, къ сожалѣнію, пока все еще сомнительный при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ.

«Одна изъ главныхъ цѣлей установленія общины-вотчинника—замѣчаетъ г. Янсонъ (стр. 145)—заключается въ томъ, чтобы препятствовать обезземеленію сельскаго населенія, которое, при частной собственности, будто бы (?!) непремѣнно и неизбѣжно наступаетъ. Въ общинѣ каждый хозяинъ только наслѣдственный арендаторъ, *онъ продать своего участка не вправѣ*». Опять спрашиваю г. Янсона, вопервыхъ, къ чему это «будто бы», когда онъ же въ разныхъ другихъ мѣстахъ и въ заключеніи своей рецензіи вполнѣ признаетъ несомнѣнность этого факта; и, вовторыхъ, на чемъ онъ основывается, утверждая, что колонистъ-общинникъ не вправѣ продать своего участка, тогда какъ я этого нигдѣ не говорилъ и сказать не могъ, въ виду положительнаго закона и установившейся въ колоніяхъ практики, допускающихъ и продажу и залогъ «хозяйства», но только съ извѣстными ограниченіями?

«Но по нашему мнѣнію, продолжаетъ рецензентъ, весь соціальный вопросъ состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы опредѣленное число лицъ владѣло непремѣнно землей (а я-то объ чемъ говорю, какъ не *именно объ этомъ?*), *а въ томъ, чтобы богатство распредѣлялось равномѣрнѣе* (прошу г. Янсона не забывать этой фразы, къ которой возвращусь ниже). Общинный-же порядокъ (вообще?) ведетъ къ установленію извѣстнаго числа земельныхъ участковъ, которые должны принадлежать такому-же числу лицъ; значитъ, извѣстная часть населенія *должна, обязана* заниматься земледѣліемъ (точно также, какъ *извѣстная часть населенія должна, обязана* занимать профессорскія каѳедры, съ ихъ окладами и преимуществами), иначе не вся земля, необходимая для пропитанія населенія, будетъ обработана (непостижимая логика!); такъ что часть населенія всегда останется *крѣпкою землѣ* (о, несчастные владѣльцы профессорскихъ каѳедръ!), или не вся земля будетъ воздѣлана. (Безвыходное положеніе! *Или* будь крѣпокъ каѳедрѣ, *или* масса жаждущихъ просвѣтиться — останется неудовлетворенною. Ужасно!). Съ другой стороны, *нераздѣлимость* и *несливаемость* участковъ противны установленію правильной системы хозяйства (но это можетъ относиться только къ личной собственности, и отнюдь не къ общинной, которая, въ хозяйственномъ отношеніи распредѣляется, сли-

Digitized by Google

вается и т. д. всегда вполнѣ соотвѣтственно съ потребностью данной системы хозяйства); при всемъ участіи личнаго интереса въ хозяйствѣ отдѣльнаго двора, хозяйство обречено на однообразіе, главныя черты его опредѣляются міромъ (удивительная способность, игнорируя дѣйствительные, живые факты, или искажая совершенно ихъ смыслъ, проповѣдывать нелѣпость. Нашему почтенному рецензенту нужна, изволите видѣть, *не* выгодность хозяйственной системы, а ея «разнообразіе» на поляхъ каждаго хозяина!.. Значитъ, г. Янсонъ, рожденный художникъ, эстетикъ, и политико-экономистомъ сдѣлался онъ вѣроятно только по склонности къ «разнообразію»). «Чѣмъ многочисленнѣе (многолюднѣе?) и обширнѣе (территоріально?) община, тѣмъ болѣе затрудненій будетъ возникать изъ столкновенія личныхъ интересовъ хозяина и нивеллирующаго давленія общины (а гдѣ нѣтъ общинной организаціи, тамъ нѣтъ и не можетъ быть этихъ затрудненій, этой нивеллировки?! Такъ-ли, г. рецензентъ?). Наконецъ, при такихъ условіяхъ, *обогащеніе* черезъ занятіе сельской промышленностью дѣлается невозможнымъ для отдѣльныхъ лицъ, источникомъ обогащенія служатъ ремесла и торговля, такъ что одна часть населенія, управляющая, консервативная, явится бѣднѣйшею, а болѣе богатая, болѣе развитая, останется управляемою; обладаніе землею, занятіе хозяйствомъ, сдѣлается бременемъ для хозяина, и за плугъ возьмется развѣ наименѣе способный, не разсчитывающій разжиться на другомъ промышленномъ поприщѣ». И все это высказывается вопреки фактическому, живому примѣру колонистской лично-общинной системы!.. Говорится безъ сознанія, что все это можетъ относиться главнымъ образомъ только къ личной мелкой собственности, или же къ обычной общинѣ! И г. Янсонъ, *измышляя* такіе превратные выводы, находитъ возможнымъ обвинять меня въ «измышленіяхъ для разныхъ цѣлей регламентаціи»!!

Нѣтъ, г. Янсонъ, подобными избитыми доводами и измышленіями не сбить меня съ того, къ чему привелъ пытливый анализъ дѣйствительной жизни, а не кабинетная теорія.

Обычная община (пишу я, между прочимъ, на стр. 129 и 130 «Наши колоніи») дѣлитъ и передѣляетъ свои угодія на паи по числу душъ; здѣсь, по мѣрѣ увеличенія населенія, паи эти становятся меньше и меньше, такъ что поселянскій дворъ, въ хозяйственномъ отношеніи, не представляетъ ничего нормальнаго, ничего устойчиваго даже въ томъ случаѣ, еслибъ не существовало вовсе раздѣловъ семьи и колебаній въ числѣ душъ. Напротивъ, мірская или лично-общинная система, не обращая никакого вниманія на численность въ общинѣ душъ и семействъ, по отношенію къ угодьямъ надѣла знаетъ только дворъ—хозяйство и (прибавлю теперь) право нехозяевъ на усадебную осѣдлость и на долю участія въ общественномъ выгонѣ и другихъ мірскихъ статьяхъ общаго пользованія; лично-общинная

Digitized by Google

система изъ полевыхъ и сѣнокосныхъ угодій выдѣляетъ пан въ потомственное пользованіе одному лишь двору—хозяйству, независимо отъ числящихся въ немъ душъ, такъ что количественный и качественный итогъ этихъ паевъ всегда одинъ и тотъ же, а если и встрѣчаются измѣненія въ размѣрѣ каждаго отдѣльнаго пая, то исключительно только вслѣдствіе замѣны прежней системы хозяйствованія новою, улучшенною, требующею инаго распредѣленія полей. Въ порядкѣ наслѣдованія, семейныхъ раздѣловъ и т. д. обычно-общинники дѣлятъ въ натурѣ какъ постройки, такъ и движимость: скотъ, земледѣльческія орудія—словомъ, всѣ орудія производства, все хозяйственное обзаведеніе, соображаясь исключительно только съ числомъ и личными правами совладѣльцевъ. Исходя какъ бы отъ того положенія, что въ быту сельчанъ и сельской общины, кромѣ одного земледѣлія, немыслима никакая иная спеціальность, и что каждый крестьянинъ, какъ членъ общины, есть своего рода парій, обреченный на одинъ только, и именно земледѣльческій трудъ, обычная община признаетъ за каждымъ изъ своихъ членовъ безусловное право не только на надѣлъ, но и на *непосредственно-личную* обработку имъ своего надѣла. Обычной общинѣ очевидно чужда идея, что земледѣльческое хозяйство, дворъ крестьянина-хозяина, тоже своего рода промышленное заведеніе, успѣхъ котораго вполнѣ подчиняется всѣмъ экономическимъ законамъ производства, и при томъ законамъ несравненно болѣе сложнымъ, нежели дѣйствующіе въ большинствѣ производствъ другаго рода.

Съ другой стороны,—объясняю я въ иномъ мѣстѣ,—значеніе *нераздѣльной хозяйственной единицы* въ Поволжьѣ (т.-е. при обычно-общинной системѣ) имѣетъ одинъ лишь *усадебный дворъ*, съ постройками и гумномъ; даже огороды, табачныя плантаціи, фруктовые сады и т. п. *не вездѣ и не вполнѣ* гарантированы отъ срочно-уравнительныхъ передѣловъ по числу ревизскихъ душъ, хотя такой передѣлъ, особенно огородовъ и садовъ, принадлежитъ къ явленіямъ исключительнымъ и всегда крайне туго можетъ быть проведенъ на сельскомъ сходѣ. За то уже полевыя (пахотныя и сѣнокосныя) угодья и табачныя плантаціи ничего общаго съ усадебными дворами не имѣютъ. Продавши свой усадебный дворъ, владѣлецъ его *невольно* уноситъ съ собой и полевые, душевые паи, взамѣнъ которыхъ во дворъ входятъ уже личные паи новаго хозяина. Здѣсь, очевидно, для отдѣльнаго хозяина полевой надѣлъ не можетъ быть предметомъ правильнаго ипотекарнаго кредита; въ крайнемъ случаѣ надѣлъ этотъ служитъ ему въ извѣстномъ смыслѣ развѣ только такимъ обеспеченіемъ для краткосрочнаго займа, какимъ является «валюта» въ коммерческомъ векселѣ, т.-е. основаніемъ для *краткосрочнаго личнаго кредита*, основаніемъ же для *долгосрочнаго*, ипотекарнаго кредита въ мѣстныхъ волостныхъ ссудосберегательныхъ кассахъ или банкахъ, изъ угодій земельнаго

Digitized by Google

надѣла въ Поволжьѣ можетъ служить, и дѣйствительно служитъ, исключительно одна лишь *усадьба*, съ ея жилыми и хозяйственными постройками, застрахованными отъ огня по началу взаимности.

Но совершенно иное дѣло при лично-общинномъ построеніе другихъ нѣмецкихъ колоній. Здѣсь уже всѣ угодія надѣла, какъ пріуроченныя безусловно къ двору, образуютъ съ нимъ одну нераздѣльную хозяйственную единицу, вполнѣ независимую по своей внутренней связи отъ чьего-бы то ни было произвола. Хозяинъ двора-хозяйства, будучи вправѣ во всякое время реализировать полную стоимость *только цѣлаго хозяйства*, а не отдѣльныхъ, составныхъ частей его (усадьбы или полеваго надѣла), имѣетъ вслѣдствіе того и возможность пользоваться не только краткосрочнымъ кредитомъ, но главнымъ образомъ и кредитомъ долгосрочнымъ, такъ-какъ его дворъ-хозяйство служитъ для мѣстной кассы вполнѣ вѣрною и весьма цѣнною ипотекою, подъ которую легко даются значительныя ссуды, особенно тамъ, гдѣ по началу взаимности, какъ напримѣръ въ колоніяхъ Хортицкихъ, Маріупольскихъ, Молочанскихъ, Либентальскихъ, Березанскихъ и другихъ, страхуются отъ огня не только усадебныя и иныя строенія, земледѣльческія и ремесленно-промысловыя орудія и заведенія, вообще вся домашняя утварь, одежда, книги и хранящіяся въ житницахъ и анбарахъ сельско-хозяйственныя произведенія: хлѣбъ, шерсть и т. д., но, по крайней мѣрѣ частью, также рабочій и хозяйственный скотъ отъ огня и падежа, полевые посѣвы отъ саранчи, градобитія и т. п. При такихъ условіяхъ, поручительство частныхъ лицъ и круговая порука частныхъ товариществъ и цѣлыхъ обществъ, опираясь на всѣ исчисленныя предъ симъ гарантіи (въ свою очередь обеспеченныя правильной организаціею всего дѣла рука-объ-руку съ административно-полицейскимъ и судебнымъ выборнымъ самоуправленіемъ сельскихъ и волостныхъ обществъ), создали и поддерживаютъ, при лично-общинной системѣ, *личный* кредитъ весьма широкихъ размѣровъ: для отдѣльныхъ лицъ подъ поручительство, а для сельскихъ и волостныхъ обществъ—подъ ручательство круговое, почти на безграничныя суммы и на продолжительные сроки, такъ что ипотекарное обеспеченіе сберегается здѣсь уже для чрезвычайныхъ, исключительныхъ случаевъ, а поручительство и круговая порука представляются вполнѣ дѣйствительными способами страхованія, въ извѣстномъ смыслѣ, даже самой личности заемщика. Такъ, въ одномъ лишь Молочанскомъ Меннонитскомъ округѣ на 1,200 полныхъ 65-ти десятинныхъ и 322 половинныхъ хозяйствахъ числится до 1.500,000 р. однихъ долгосрочныхъ ипотекарныхъ долговъ, необходимость которыхъ обусловлена покупкою хозяйствъ, выдѣлами наслѣдниковъ, улучшеніями въ хозяйствѣ и т. п. обстоятельствами.

Время доказало полную возможность для колонистовъ-общин-

Digitized by Google

никовъ въ южныхъ колоніяхъ вести свое хозяйство раціонально, по всѣмъ правиламъ экономической науки, развивая хлѣбопашество, луговодство, огородничество и лѣсоводство, рука-объ-руку съ другими необходимыми сельскими ремеслами и промыслами, тѣсную связь которыхъ съ земледѣльческимъ хозяйствомъ и опытъ и наука признали однимъ изъ важнѣйшихъ условій для преуспѣянія не только частнаго, но и общественнаго хозяйства цѣлыхъ общинъ, волостей, водвореній и т. д. Здѣсь существуетъ къ тому не только полнѣйшая возможность, но и совершенная, даже безусловная необходимость; иначе хозяину приходится передать свой дворъ-хозяйство, ремесленнику свое ремесленное заведеніе, а промышленнику свой промыселъ—въ руки болѣе надежныя, болѣе способныя и состоятельныя. При существующемъ въ южныхъ колоніяхъ подворно-общинномъ поземельномъ устройствѣ, и сельскій сходъ, какъ распорядитель, въ указанныхъ закономъ предѣлахъ, всѣхъ общинныхъ средствъ, такъ и каждый отдѣльный хозяинъ-общины, какъ самостоятельный, въ установленной закономъ же или приговоромъ схода рамкѣ, потомственный пользователь на себя, въ свою личную собственность и пользу, извѣстнымъ неизмѣннымъ количествомъ общинныхъ средствъ и выгодъ—поставлены въ возможность и общественные, и частные хозяйственные вопросы разрѣшать, или, при нѣкоторой предусмотрительности, даже предрѣшать путемъ науки, такъ-какъ всякій изъ этихъ вопросовъ легко укладывается здѣсь въ ту или другую ея формулу. Этой возможности нѣтъ и быть не можетъ въ общинахъ, гдѣ при срочно-уравнительныхъ передѣлахъ угодій надѣла, пан послѣдняго пріурочены къ лицу, и посему нѣтъ и быть не можетъ ни двора-хозяйства, не подверженнаго колебаніямъ въ смыслѣ хозяйственной единицы, ни правильнаго разчлененія личнаго состава и общины, ни спеціализированія или вполнѣ удовлетворительнаго раздѣленія труда сообщественниковъ, т.-е. нѣтъ и не можетъ быть тѣхъ именно коренныхъ элементарныхъ условій, въ которыхъ рука-объ-руку съ наукою заключается главнымъ образомъ вся сила экономическихъ и соціальныхъ успѣховъ западнаго цивилизованнаго міра.

Правда, члены нашей обычной общины промышляютъ и заработками, и ремеслами, и промыслами, и торговлею; но всѣ эти занятія отбиваютъ ихъ отъ земледѣльческаго хозяйства, въ сторону, имѣютъ съ этимъ хозяйствомъ слишкомъ мало общаго, и тѣмъ не менѣе, въ большинствѣ случаевъ, ведутся лишь въ смыслѣ подспорья его, а не какъ занятіе спеціальное, требующее постояннаго совершенствованія. Такого ремесло-промысловаго развитія, которое обусловливалось бы главнымъ образомъ спеціальными потребностями *мѣстнаго* хозяйства, въ нашихъ обычныхъ общинахъ почти вовсе не существуетъ. Тамъ, если гдѣ развился какой-либо промыселъ, имъ занимается всецѣло вся община, вся волость или даже болѣе значительный около-

Digitized by Google

докъ. Но при такомъ направленіи, побочнымъ занятіемъ, въ свою очередь, дѣлается уже земледѣліе, которое ведется кое-какъ, безъ всякаго къ нему серьёзнаго вниманія, то-есть такъ же, какъ, при обратномъ положеніи дѣлъ, ведутся ремесла и промыслы.

Лично-общинная система землевладѣнія, какъ гарантія «противъ постепеннаго обезземеленія части крестьянскаго сословія» — вотъ, по выраженію нашего рецензента, одинъ «конекъ» этой системы. Дѣйствительность, то-есть реальную полезность этого «конька» вполнѣ признаетъ и г. Янсонъ; но все же ему гарантія эта почему-то вовсе не нравится. Такое противорѣчіе, во всякомъ случаѣ, весьма странное явленіе и я невольно надъ нимъ задумываюсь. Казалось бы, что открытіе поземельнаго строя, гарантирующаго невозможность обезземелить крестьянина, должно бы обрадовать всякаго, кто сколько-нибудь сочувствуетъ народу, и тѣмъ болѣе г. Янсона, который, защищая крестьянъ отъ моихъ «измышленій», и радуясь, что составители Положеній 19-го февраля 1861 г. «не навязали» великорусскому крестьянину организаціи нѣмецкихъ колоній, доходитъ въ этой защитѣ до умилительнаго паѳоса. «Пустите крестьянина выселяться — восклицаетъ нашъ политико-экономъ — онъ, по русской натурѣ, колонизаторъ; онъ проложитъ себѣ путь до Тихаго океана». Да, но развѣ европейская Россія до такой степени густо заселена, въ такой мѣрѣ эксплуатируется, культивирована и обработана, что для нашихъ сельчанъ здѣсь нѣтъ уже ни мѣста, ни работы, ни источниковъ «обогащенія» (по мнѣнію рецензента, конечная цѣль всякаго существованія) и нужно во что бы то ни стало «пускать» ихъ на далекій востокъ, въ необъятную Сибирь, въ почти пустынную среднюю Азію? Одно изъ двухъ: *или* г. Янсонъ не додумался еще до тѣхъ средствъ, которыя могли бы помочь нашему крестьянству, не прибѣгая къ ссылкѣ ихъ за тысячи верстъ въ пустыни; *или* же онъ искренно желаетъ еще бо̀льшаго простора въ европейской Россіи. Въ чемъ же дѣло? Что̀ же на самомъ дѣлѣ нужно г. рецензенту? Г. Янсонъ, какъ мы видѣли, любитель «разнообразія»; европейская же Русь наша и теперь еще такъ мало заселена, во многихъ мѣстностяхъ такъ дика и лѣсиста, а въ другихъ такъ оголена отъ лѣсной растительности, такъ быстро, безпощадно оголяется отъ имѣющагося лѣса, что по мѣстностямъ, по цѣлымъ территоріямъ, выходитъ даже слишкомъ однообразною. Поэтому никакъ не придумаю, чѣмъ бы можно было угодить г. Янсону, отворачивающемуся отъ лично-общинной системы вслѣдствіе ея «однообразія», и готовому еще болѣе оголить европейскую Россію отъ крестьянства, хотя этимъ очевидно достигались бы здѣсь только бо̀льшія монотонность, пустынность и одичалость, словомъ, еще большее «однообразіе», чѣмъ встрѣчается теперь. «Но—спрашиваетъ г. Янсонъ— что̀ такое крестьянская эмиграція?.. Это—отвѣчаетъ онъ—кар-

Digitized by Google

тина нищеты и бѣдствій». «Идетъ къ намъ нѣмецъ, идетъ онъ, снабженный указаніями, рекомендаціями, вездѣ видитъ онъ привѣтливую администрацію, чувствуетъ себя почти такъ же, какъ въ своемъ отечествѣ, если не лучше. Поднимается русскій крестьянинъ—чуть не бунтъ; каждую минуту ждетъ онъ, что вернутъ его назадъ. Да и какъ эмигрируетъ крестьянинъ? Безъ руководителя, безъ помощи, не зная дороги, бредетъ онъ полуодѣтый, полуголодный. Видѣли мы и выходца-нѣмца на походѣ, видѣли и крестьянина. Скажутъ, что же община? Что она не помогаетъ? Пусть устроятся кассы, комитеты, попечительства. Откуда? Гдѣ къ тому средства? Когда имъ было создаться, когда на гумнѣ пусто, въ избѣ холодно, на дворѣ слабая, измученная скотина и на полѣ недородъ...». За эти строки можно бы многое простить г. Янсону, еслибы онѣ не отзывались напускнымъ паѳосомъ и не состояли въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ предложеніемъ «пустить крестьянина выселяться до Тихаго океана», то-есть осуществить въ самыхъ широкихъ размѣрахъ только-что очерченную картину «крестьянской эмиграціи». Гдѣ же у васъ, г. Янсонъ, логика, гдѣ послѣдовательность, гдѣ, наконецъ, истинное желаніе добра народу?!..

«Другой *конекъ* лично-общиннаго устройства землевладѣнія—продолжаетъ рецензентъ—это лучшее обезпеченіе массы населенія сравнительно съ тѣмъ обезпеченіемъ, какое дается батракамъ при участковомъ владѣніи и при порядкѣ личной собственности» (стр. 146). Крѣпко не нравится мнѣ необходимость трактовать съ г. Янсономъ въ ироническомъ тонѣ; но тономъ этимъ, какъ читатель теперь уже могъ вполнѣ убѣдиться, пропитана вся рецензія. И въ самомъ дѣлѣ, все то, въ чемъ лично-общинная система, по собственному сознанію рецензента, представляетъ весьма существенныя гарантіи для общиннаго благоустройства — все это на его языкѣ «коньки»; всѣ приведенные мною дѣйствительные факты положительнаго законодательства и самой жизни — все относитъ онъ къ разряду «измышленій для разныхъ цѣлей регламентаціи»; колонистскій «дворъ-хозяйство» — это «обрубной участокъ»; «нѣмецкія общины превратились въ участки личной собственности» (стр. 141) и т. д., и т. д. Но всего этого г. Янсону еще мало. Нападая на «другой конекъ» лично-общиннаго землевладѣнія, рецензентъ какъ бы цитируетъ изъ моей статьи «Община-собственникъ» слѣдующее: «Община-собственникъ потому выше двухъ упомянутыхъ системъ землевладѣнія, что обезпечиваетъ «неимущему», то-есть не имѣющему земли, этотъ (?) minimum *общинныхъ выгодъ* (курсивъ въ рецензіи), которыя гарантируютъ minimum его гражданской и политической полноправности и *экономической обезпеченности* (курсивъ рецензіи)». Читая эту quasi-цитату, я полагалъ сначала, что слова эти попали между ковычекъ по ошибкѣ; но слушая г. Янсона далѣе, я сталъ

Digitized by Google

отвлекательно втуманъ. «Мы — продолжаетъ онъ — не беремся перевести это (то-есть цитату) на болѣе понятный для читателя языкъ; но здѣсь какъ-будто идетъ (рѣчь?) о правѣ общинника на то, чтобы община дала ему, кромѣ правъ, которыя онъ имѣетъ какъ всякій свободный гражданинъ, minimum экономической обезпеченности; *по крайней мѣрѣ таковъ буквальный смыслъ выписанной* (?) *тирады*. Какъ членъ общины-вотчинника, неимущій, если онъ превратится въ бѣдняка, имѣетъ право требовать осѣдлости, minimum'а хозяйственной обезпеченности въ видѣ, напримѣръ, исключительныхъ правъ на производство ремесла и т. д. Это ли хотѣлъ высказать авторъ? Но, въ такомъ случаѣ, еще разъ придется говорить и повторять то, что тысячу разъ говорилось противъ права на трудъ, права на существованіе, потому что здѣсь рѣчь идетъ о правахъ общихъ съ этимъ знаменитымъ правомъ. Намъ кажется, что устройство каждаго государства обезпечиваетъ каждому не только minimum, но такой maximum, какимъ каждый въ силахъ пользоваться въ политическихъ и гражданскихъ правахъ и экономической обезпеченности, давая равноправность, экономическую и гражданскую свободу, воздерживаясь отъ регламентаціи и попечительства. Всякая комбинація, измышляемая ради обезпеченія однимъ лицамъ этого minimum'а на счетъ другихъ лицъ, не имѣющимъ земли на счетъ имѣющихъ ее или пользующихся ею, есть, по нашему, комбинація антиобщественная и антихозяйственная, если только изъ міра идей перенести ее въ міръ дѣйствительной жизни». И это говоритъ г. Янсонъ, нашъ молодой, если не младшій по лѣтамъ докторъ политической экономіи; говоритъ не запинаясь, тономъ авторитета! И все это онъ основываетъ на буквальномъ смыслѣ выписанной (у меня) тирады! Посмотримъ же, на сколько эта выписка сдѣлана добросовѣстно. Въ статьѣ «Община-собственникъ», указавъ стремленіе крестьянскихъ положеній косвеннымъ путемъ уничтожить общинное землевладѣніе, подчинивъ его всецѣло праву частному, я продолжаю («Вѣстн. Евр.», 1870 г., Т. I, стр. 585): Напротивъ, уставъ о колоніяхъ подчиняетъ тому же *частному* праву *одни лишь земли*, пріобрѣтенныя колонистами *частнымъ же* порядкомъ, путемъ *частнаго же* укрѣпленія. Что же касается угодій «мірского надѣла», то опираясь на право государственное и руководствуясь политико-экономическими соображеніями, вполнѣ оправданными опытомъ, уставъ о колоніяхъ создалъ *особое мірское поземельное право*, которое оказалось на столько благопріятнымъ для сельскаго быта, что наиболѣе интеллегентныя колонистскія общества всячески хлопочутъ о томъ, чтобы тому же праву подчинить и частное землевладѣніе свое, состоящее внѣ мірскаго надѣла. Мірское поземельное право основною хозяйственною единицею признаетъ не сельское общество, а поселянскій *дворъ-хозяйство*, для котораго дѣйствительно нѣтъ никакой надобности установлять особыхъ «ближай-

шихъ управленія и суда», но въ то же время не требуется и особаго «міра съ его выборными», такъ-какъ здѣсь вступаютъ въ свое право начала семейныя и порядки наслѣдованія, опредѣляющіе правовыя по имуществу отношенія членовъ семьи. Такимъ образомъ, уставъ о кол., въ силу того же государственнаго права и въ полномъ соотвѣтствіи съ насущными интересами народныхъ массъ, призналъ возможнымъ и необходимымъ, вопервыхъ, прерогативы вотчинника на мірской надѣлъ присвоить одной только *коллективной личности*, *общинѣ равноправныхъ поселянъ*, за исключеніемъ, однако, правъ на *самопроизвольное отчужденіе* общиной своихъ вотчинныхъ прерогативъ, такъ что «мірской надѣлъ» образовалъ здѣсь своего рода *мірской майоратъ*; вовторыхъ, освободить сообщинниковъ изъ-подъ гнета «обязательной срочности», этого классическаго винта частнаго поземельнаго права, постановивъ нормальный порядокъ, на основаніи котораго право потомственнаго владѣнія или пользованія угодьями мірскаго надѣла переводится, въ частности, на отдѣльныхъ членовъ общины-собственника; втретьихъ, комбинировать эти порядки и прерогативы общины-собственника такимъ образомъ, что отдѣльный членъ общины, какъ непосредственный, на опредѣленныхъ условіяхъ, эксплуататоръ *на себя* извѣстнаго, неизмѣннаго количества мірскихъ угодій, является и полнымъ распорядителемъ — не права собственности, а лишь права потомственнаго пользованія или владѣнія его дворомъ-хозяйствомъ (который онъ только въ этомъ смыслѣ продаетъ, закладываетъ, передаетъ по завѣщанію или инымъ путемъ, и даже дробитъ, но не ниже нормальнаго maximum'а, при чемъ вообще и «неимущему» сообщиннику гарантируется тотъ minimum его политической и гражданской полноправности и экономической обезпеченности, благодаря которому въ колонистской общинѣ не могутъ возродиться ни древнее рабство, ни близнецъ его, новоевропейскій пролетаріатъ, эта выжимка изъ-подъ срочно-арендпаго пресса частнаго права), и вчетвертыхъ, вооружить общину-собственника всѣми органами самоуправленія и самосуда, завершая эти порядки въ округѣ или волости, какъ второй инстанціи общественнаго самоуправленія поселянъ и естественно посредствующаго звена между сельскимъ обществомъ и уѣзднымъ земствомъ. Такимъ образомъ, даже и въ хозяйственномъ смыслѣ, колонистская община является вполнѣ юридическимъ организмомъ, и только въ округѣ или волости собственно хозяйственные регулятивы доводятся уже до minimum'а, переходя здѣсь по преимуществу въ отправленія спеціально-ассоціаціонныя и государственныя. Наконецъ, говорю я («Вѣстн. Евр.», 1870 г., Т. II, стр. 111), рядомъ съ осѣдлыми, нормально-организованными общинами, исполняющими, каждая въ отдѣльности, обязанности соціальнаго громоотвода, намъ нужны еще и вполнѣ *осѣдлые* хозяева-землевладѣльцы (болѣе или менѣе крупные), которые, развивая

Digitized by Google

улучшенное хозяйство во всеоружіи европейской культуры, были бы способны стоять во главѣ промышленно-хозяйственнаго развитія страны, какъ образцы для нашихъ общинъ-собственниковъ и ихъ правомѣрные конкурренты. И усвоивши себѣ эту цѣль, землевладѣльцамъ нашимъ, быть можетъ, не помѣшало бы вспомнить объ указѣ Петра I, 23-го марта 1714 года, въ которомъ нельзя не видѣть попытку организовать и частное землевладѣленіе по началамъ, впослѣдствіи получившимъ свое примѣненіе въ особомъ «мірскомъ поземельномъ правѣ» колоній. Итакъ, заключаю я, примите исходною точкою *существующее* землевладѣніе крестьянъ и частныхъ собственниковъ, внесите въ *существующіе* виды поземельнаго владѣнія ту организацію и тѣ гарантіи, на которыя я указываю, а *затѣмъ уже* предоставьте дальнѣйшую работу самой жизни, свободной конкурренціи и ассоціаціи, словомъ, здравому смыслу народа. Повѣрьте, все то, о чемъ многіе такъ краснорѣчиво распространяются, все это окажется лишь малой и притомъ жалкой долею тѣхъ успѣховъ и усовершенствованій, какіе выставитъ такая поземельная организація, которая никакимъ образомъ не увлечется на путь насильственныхъ переворотовъ, канунъ которыхъ чувствуется во всякомъ соціальномъ движеніи Запада.

Все это я высказалъ, основываясь на подробномъ анализѣ бытовой жизни нашихъ колоній, на матеріалахъ, доступныхъ критикѣ каждаго. И тѣмъ не менѣе г. Янсонъ находитъ возможнымъ сказать, что «всякая комбинація (и въ томъ числѣ, по его мнѣнію, и предложенная мною община-собственникъ), *измышляемая* ради обезпеченія и т. д., есть «комбинація *анти*-общественная, *анти*-хозяйственная, *если только изъ міра идей перенести ее въ міръ дѣйствительной жизни!!*» Очевидно, г. Янсонъ считаетъ себя стоящимъ среди «дѣйствительной жизни», тогда какъ я, по его мнѣнію, ношусь въ «мірѣ идей, измышленій». Все это до того нелѣпо, что и возражать не стоитъ. Все это приводитъ меня только къ грустному сознанію въ ошибочности моей прежней увѣренности, что знаменательные факты бытовой жизни народовъ, обнаружившіеся даже лишь за послѣднее десятилѣтіе и у насъ, и на западѣ Европы, не остались совершенно безслѣдными, по крайней мѣрѣ въ отношеніи такихъ изъ нашихъ экономистовъ, которые неспособны злорадствовать въ виду неудачъ, постигающихъ наше освобожденное изъ личной крѣпости крестьянство («Вѣстн. Евр.», 1870 г., Т. I, стр. 589).

Г. Янсону *кажется*, что «устройство каждаго государства обезпечиваетъ каждому такой maximum правъ, *какимъ каждый въ силахъ пользоваться*... давая равноправность... воздерживаясь отъ регламентаціи и попечительства». Но еслибы г. Янсонъ, какъ и подобало бы молодому доктору политической экономіи, сколько-нибудь серьёзно слѣдилъ за движеніемъ своей науки на западѣ Европы; еслибъ онъ не пренебрегъ по крайней-мѣ-

Digitized by Google

рѣ второю частью моей статьи «Община-собственникъ» («В. Евр.» 1870. Т. II, стр. 107—118), и еслибы наконецъ отнесся къ моему труду вообще болѣе внимательно, объективно, научно, то предъ нимъ, конечно, вполнѣ обнаружилась бы вся недостаточность гарантируемой государствомъ, въ общемъ смыслѣ, равноправности каждаго подданнаго; онъ понялъ бы, что формула равноправія дѣлается живою силою только съ того именно момента, какъ скоро среди хаоса личныхъ домогательствъ и притязаній является высшій регулирующій факторъ, т.-е. когда законодательная власть, регламентируя и попечительствуя въ смыслѣ общаго, высшаго блага, указываетъ и установляетъ тѣ нормальныя условія бытовой жизни, съ появленіемъ которыхъ водворяются въ обществѣ порядокъ, благоустройство, личная и имущественная безопасность, ясность и опредѣлительность всѣхъ частныхъ правовыхъ соотношеній, словомъ, равноправность дѣйствительная, обусловленная minimum'омъ правъ каждаго. «До этого, говорятъ наши западые наставники, формула равноправія является только фикціею, и, ставя практическое приложеніе гарантируемыхъ правъ въ полную зависимость отъ различія индивидуальныхъ силъ, не даетъ равноправія; все же признаваемое ею въ конечныхъ выводахъ за право, есть не что иное, какъ право сильнѣйшаго. Таково было состояніе до-государственнаго человѣчества, при которомъ право индивидуума равнялось, правда, его относительной личной силѣ, но въ этой же силѣ находило и свое неизмѣнное ограниченіе, такъ что здѣсь менѣе сильный всегда являлся и менѣе правоспособнымъ, а безсильный постоянно и вполнѣ безправнымъ».

Но стоитъ ли повторять все это... для г. Янсона, который всю вторую часть статьи «Община-собственникъ» призналъ незаслуживающею даже возраженія? Люди, болѣе серьёзно относящіеся къ вопросу, конечно не скажутъ этого. Г. Янсона крѣпко смущаетъ главнымъ образомъ то обстоятельство, что «Община-собственникъ», въ числѣ различныхъ правъ гражданскихъ и политическихъ, гарантируетъ каждому изъ своихъ членовъ еще и minimum экономической обезпеченности, и въ этой именно гарантіи, по мнѣнію рецензента, заключается вся анти-общественность и анти-хозяйственность защищаемой мною комбинаціи. Здѣсь обнаруживаются вполнѣ «буржуазныя» отношенія къ народу г. Янсона: словъ, краснорѣчія сколько угодно; дѣла же, дѣйствительной помощи—ни на сколько. И чего же пугается онъ!!.. «Община-собственникъ» обезпечиваетъ своему члену: 1) возможность болѣе или менѣе удовлетворительнаго воспитанія и образованія; 2) право на участіе въ пользованіи выпасомъ и другими, состоящими въ общемъ пользованіи, угодьями и статьями; 3) право на пособія, въ случаѣ и по мѣрѣ нужды, изъ продовольственныхъ запасовъ, а также на жилое помѣщеніе и удовлетвореніе наиболѣе насущныхъ

нуждъ, и 4) право на помощь со стороны общины, въ случаѣ, если общинныя средства вообще не удовлетворяютъ нуждамъ всего населенія. Вотъ тотъ minimum экономической обезпеченности, котораго г. Янсонъ такъ ужасается. Что же касается знаменитаго «права на трудъ, на существованіе», то личный трудъ въ нашей общинѣ является уже *прямою личною обязанностію* каждаго изъ ея членовъ, которой неисполненіе влечетъ за собою различныя дисциплинарныя мѣры. Но исполненіе какой бы то ни было обязанности обусловлено, прежде всего, возможностью къ тому; чтобы «существовать», нужно питаться, по крайней мѣрѣ, физически, а чтобы отвѣтить вамъ, г. рецензентъ, какъ ни скучно это, не только нужно трудиться, но и имѣть бумагу, столъ, укрытый уголъ и т. д. Такъ вотъ въ обезпеченіи за каждымъ членомъ общины этихъ-то примитивныхъ условій существованія и возможности трудиться, заключается напугавшій васъ, г. Янсонъ, minimum экономической обезпеченности. И не слѣдуетъ ли, по вашему мнѣнію, общины наши совершенно освободить отъ этихъ обязательствъ, предоставляя имъ право выбрасывать вонъ изъ своей среды голышами, всякій излишекъ своихъ молодыхъ поколѣній, а выкидышамъ этимъ брести на обѣтованный востокъ, «полуодѣтыми, полуголодными, не зная дороги, безъ помощи, безъ руководителя»?!.. Неужели, г. Янсонъ, вамъ нужна и желательна именно эта «картина нищеты и бѣдствій?!..». Но люди эти оставили въ своей общинѣ и церковь, и школу, и разнаго рода иныя общественныя учрежденія, хлѣбные запасы, денежные капиталы и т. д., словомъ—*общественное* достояніе, накопленное цѣлымъ рядомъ поколѣній, а слѣдовательно и при участіи предковъ или даже самихъ выселенцевъ. Все это *общее* достояніе остается въ общинѣ, и неужели выходцы изъ нея, выселяющіеся по *необходимости*, вслѣдствіе переполненія общины населеніемъ, должны все это бросить вовсе, неся исключительно на однихъ себѣ всѣ трудности и издержки выселенія, предпринимаемаго въ интересахъ сколько самихъ выселенцевъ, столько же и самой общины?...

Какого вы, г. Янсонъ, мнѣнія объ этомъ? Спрашиваю васъ, какъ человѣка, обращаюсь къ вашему здравомыслію, чувству справедливости, а не какъ къ юристу, такъ-какъ юриспруденція, очевидно, не ваша пассія, иначе вы не обошли бы такъ тщательно юридической части моихъ трудовъ, основныхъ правовыхъ положеній, служащихъ фундаментомъ всѣхъ моихъ «измышленій». Поняли ли вы то положеніе, что обычная община только въ томъ случаѣ будетъ удовлетворять всѣмъ ожиданіямъ, какъ скоро она обратится въ организмъ *юридическій?* Нѣтъ, не поняли?! Ну, въ такомъ случаѣ и незачѣмъ толковать съ вами объ этой матеріи.

Но какова же добросовѣстность цитированной у меня «тирады»!!

Digitized by Google

Повидимому, г. Янсонъ не особенно силенъ и по части бытовой исторіи, которая главнымъ образомъ и нужна политико-эконому. Лично-общинную поземельную комбинацію нашихъ колоній я называю чисто-русскою. На рубежѣ двухъ послѣднихъ столѣтій, — пишу я въ «Наши колоніи» (стр. 17 и 18)—лежитъ ось гражданственнаго поворота не одной нашей иностранной колонизаціи. Приведенные нами колонизаціонные законы екатерининскаго царствованія, несомнѣнно, выражаютъ завѣтныя стремленія той, въ то время, конечно, очень немногочисленной части нашихъ государственныхъ дѣятелей, которая не мирилась съ ненавистными ей кабальными порядками, почти безусловно царившими во всемъ русскомъ обществѣ, въ его частной и государственной жизни. И если эти законы, какъ краснорѣчивый протестъ права, гуманности и политико-экономической разумности противъ режима крѣпостничества, къ исходу екатерининскаго періода были заброшены, почти забыты въ административной сферѣ и, повидимому, даже самой государынею, то все же они имѣли за собою юридическую и реальную дѣйствительность, ихъ стали повторять на всѣ лады «изнемогавшіе» колонисты, находя себѣ поддержку въ лучшей части высшей администраціи, въ выбивавшемся изъ-подъ кабалы сознаніи о настоятельной необходимости измѣнить къ лучшему, упрочить гражданскій и общественно-экономическій бытъ нашихъ сельчанъ вообще и въ частности. Успѣхъ колонистовъ, добившихся гражданскихъ свободы и полноправности, общественнаго самоуправленія, вѣротерпимости и вообще возможныхъ гарантій въ пользу самобытнаго развитія своего экономическаго и нравственнаго благосостоянія, многіе изъ насъ готовы приписать преобладанію въ высшихъ правительственныхъ сферахъ началъ, чуждыхъ будто бы интересамъ и бытовымъ условіямъ русскаго народа. Но ближайшее знакомство съ дѣломъ приводитъ къ положительному убѣжденію совершенно противоположнаго свойства, къ убѣжденію, отъ котораго мы, быть можетъ, отрѣшились бы только въ томъ случаѣ, еслибы намъ могли доказать, что истинные интересы русскаго народа и общества только и удовлетворяются вполнѣ крѣпостной кабалою, что, если не непосредственно личная кабала, то кабала экономическая, и уже чрезъ ея посредство — та же кабала лично-гражданская,—есть тотъ фатальный идеалъ, на который осужденъ нашъ народъ, по волѣ судебъ, въ силу присущихъ ему племенныхъ инстинктовъ, и что исключительно на этомъ фундаментѣ зиждется могущество, благоденствіе и слава русскаго государства. Но доказывать подобный абсурдъ немыслимо; а потому, по нашему глубокому убѣжденію, въ устроеніи нашихъ колоній дѣйствовали и дѣйствуютъ элементы ни исключительно западно-европейскіе, ни исключительно русскіе, а напротивъ, начала общечеловѣческія, міровыя, счастливо комбинированныя изъ вѣковаго опыта Европы и русской жизни. Если руководители на-

Digitized by Google

шей иностранной колонизаціи соображались съ опытами Европы при опредѣленіи гражданскихъ правъ колонистовъ лично и по состоянію; если льготы и пособія вынуждались необходимостью, силою обстоятельствъ, то, въ свою очередь, при установленіи поземельныхъ порядковъ, по праву владѣнія и пользованія, сохранили свое воздѣйствіе начала, западу Европы вовсе неизвѣстныя и не вполнѣ уясненныя даже по сіе время.

«Мы полагаемъ, — говоритъ въ этомъ отношеніи г. Янсонъ (стр. 137), — что автору нужна была мысль о чисто русскомъ характерѣ колонистской общины *для бо́льшаго эффекта*, потому что *трудно предположить*, чтобы онъ убѣжденъ былъ въ органической связи основаній закона 1764 г. съ давно забытыми (?) обычаями, существовавшими двѣсти лѣтъ тому назадъ (?), и совершенно незнакомыми полунѣмецкой петербургской бюрократіи конца XVIII вѣка». Изъ приведеннаго выше, а также изъ другихъ мѣстъ книги «Наши колоніи» и статьи «Община-собственникъ», г. Янсонъ легко могъ бы убѣдиться, на сколько серьёзно или не серьёзно мое убѣжденіе, которое, по его словамъ, придумано только ради бо́льшаго эффекта. По обыкновенію своему, г. Янсонъ вовсе не упоминаетъ о главнѣйшемъ аргументѣ, на которомъ я основываюсь въ этомъ случаѣ, именно: объ экономической инструкціи 1770 года, изданной для 910,866 монастырскихъ крестьянъ, взятыхъ еще въ 1763 году въ казну. Извѣстно, что именно у этихъ крестьянъ, болѣе чѣмъ у кого-либо на Руси, сохранялись старинные порядки поземельнаго устройства. Поэтому, какъ мнѣ сдается, г. Янсонъ иронизируетъ нѣсколько опрометчиво, замѣчая: «Очевидно, наши администраторы подвергли глубокому изученію древне-русскую жизнь, рылись въ архивахъ, отрывали отрывочные факты и, на основаніи ихъ, реставрировали, подобно новѣйшимъ изслѣдованіямъ до-петровскаго быта, картину древняго общиннаго быта». Но г. Янсонъ, *уже безспорно очевидно*, не имѣетъ вовсе понятія о бытовомъ положеніи монастырскихъ общинъ, при переходѣ ихъ въ 1763 г. въ вѣдомство казны; иначе онъ зналъ бы, что нашимъ тогдашнимъ администраторамъ оставалось только *серьёзно* отнестись къ вопросу объ устройствѣ этихъ общинъ, чтобы на *добросовѣстномъ* изслѣдованіи ихъ быта ознакомиться съ общиннымъ устройствомъ до-петровской Руси. А это, какъ доказываетъ инструкція 1770 г., они и сдѣлали.

Но пока довольно. Времени потеряно и безъ того слишкомъ много. Я о немъ не пожалѣю однако, если мой отвѣтъ побудитъ г. Янсона, на будущее время, слѣдовать доброму примѣру русскихъ или, если угодно, полунѣмецкихъ администраторовъ екатерининскаго періода, изучая бытовыя условія и русскихъ, и колонистскихъ общинъ не по одному Рилю, но и на фактѣ, въ дѣйствительности, да кстати, несмотря на докторскій дипломъ, проштудировать еще разъ и свою спеціальную науку. Только

Digitized by Google

этимъ путемъ и онъ самъ, и поучаемыя имъ личности, могутъ выдти изъ туманной сферы безконечныхъ недоумѣній, съ которыми у насъ и безъ того уже приходится не въ моготу каждой, сколько-нибудь новой, свѣжей мысли.

А. Клаусъ.

ПОСЛѢДНІЕ УСПѢХИ НАШИХЪ ХУДОЖЕСТВЪ.

По поводу: 1) работъ г. Антокольскаго — Царь Иванъ-Грозный и др., Рѣпина — Бурлаки на Волгѣ, г. Васильева — Оттепель; 2) посмертной выставки портретовъ Зарянки, и 3) нѣкоторыхъ симптомовъ пробужденія академическаго совѣта.

Извѣстно, что дерево художествъ насаждается въ почв дѣйствительности, затѣмъ, чтобы сладкими плодами своим уменьшать изжогу, которую производитъ жизнь. Отводокъ нашего художества насажденъ недавно, но ростки его пророчатъ доброе здоровье будущему дереву. Ни солнце, ни вёдро не отличаются особеннымъ вниманіемъ къ нему, а оно и безъ нихъ все тянется выше, все разстилаетъ вѣтви шире... Говоря проще, наши художники работаютъ въ потьмахъ, такъ какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ кругомъ свѣтъ и благодать. Цѣлый рядъ молодыхъ дарованій проникъ кистью и рѣзцомъ въ самую сердцевину жизни, и заговорилъ красками и образами, страстями и желаніями русскаго быта; онъ смѣется ихъ смѣхомъ, плачетъ ихъ слезами и живетъ его настоящимъ и прошедшимъ... Двѣ только-что закрывшіяся выставки (одна въ академіи, другая—въ обществѣ поощренія художниковъ), въ немногихъ экземплярахъ, выхватили изъ самой жизни и исторіи много такого, за что хваталась не разъ рука поэта и до чего ни разу не дотрогивалась рука художника... Царь Иванъ-Грозный, обдѣланный неоднократно въ стихи и прозу, дожилъ только теперь до гипса, и, надо сказать правду, ничего не потерялъ отъ долгаго ожиданія: неподвижный и сплошь-бѣлый, онъ гораздо живѣе всѣхъ прежнихъ, археологически-изукрашенныхъ Ивановъ, расточавшихъ размѣрянныя стопы, метавшихъ гнѣвно жезлъ и вообще много поднимавшихъ шуму изъ пустяковъ.

Въ европейскомъ ваяніи давно есть такія фигуры (напр. Вольтеръ), но у насъ, гдѣ люди не голые и не древніе, такъ сказать вчерашніе, одѣтые и обутые большею частію по утвержденной формѣ, составляютъ достояніе разудалыхъ монументщиковъ,—совершенная новость царь, съ коломкомъ на головѣ, въ будничной одеждѣ и спальныхъ сапогахъ, поражающій силою и жизненностью выраженія, глубиною характера и художественностью исполненія. Вотъ почему произведеніе г. Антокольскаго имѣетъ право на исключительное вниманіе. Со сто-

Digitized by Google

роны художника русскаго это дѣло не только новое, но и крайне смѣлое. Немного менѣе таланта, подготовки—и попытка могла кончиться неудачей; а положительный талантъ и основательная подготовка г. Антокольскаго привели разомъ къ счастливому достиженію: Грознымъ начатъ новый періодъ въ развитіи не только самого художника, но и русскаго ваянія. Подготовлялось это исподоволь, послѣдовательнымъ воспитаніемъ на почвѣ такъ-называемой «грязной дѣйствительности». Муза г. Антокольскаго сурова; она вскормила его не на роскошныхъ формахъ женскаго и мягкой нѣжности дѣтскаго тѣла, не на улыбкахъ и радостяхъ жизни,— нѣтъ, надъ нимъ рано

Отяготѣли узы
Другой, неласковой и нелюбимой музы—

— музы, вскормившей его на борьбѣ и трудѣ, на жгучихъ страстяхъ и горечи; на мускулистыхъ рукахъ, морщинистыхъ лицахъ и голыхъ черепахъ. Ея идеалы—измозженные, изнуренные, иструдившіеся, или испепеленные внутреннимъ огнемъ фанатизма и гнѣва люди. Самый типъ и среда, вызвавшіе въ художникѣ первыя проявленія таланта, были еврейскіе—не привлекательные, жосткіе. Какъ уроженецъ Вильны, онъ имѣлъ хорошую практику по этой части, и надо ему отдать справедливость—воспользовался ею широко. Начиная съ фигуры «Портнаго, вдѣвающаго нитку» до цѣлаго сочиненія, довольно сложнаго, какъ «Преслѣдованіе евреевъ инквизиціею, во время праздника пасхи»,—всѣ работы г. Антокольскаго носятъ на себѣ глубокую печать типа и экспрессіи. «Преслѣдованіе» отличается вдобавокъ большимъ движеніемъ, оригинальной компановкой и рѣзкимъ контрастомъ фанатическаго негодованія преслѣдуемыхъ съ монументальною неподвижностью и спокойствіемъ преслѣдователей. Въ темное подземелье, гдѣ собрались фанатики, несущій имъ погибель судья, со свитою спускается съ лѣстницы такъ же невозмутимо, неторопливо и важно, какъ начальники ходятъ обозрѣвать ввѣренныя имъ части управленія. Онъ прежде всего—чиновникъ: кого и за что ни судить—ему все равно, какъ ни осудить—тоже все равно,—лишь-бы осудить; въ этомъ его служба. Круглое, тупое лицо его и вся толстая, какъ вылитая изъ чугуна фигура, освѣщенная дневнымъ свѣтомъ изъ окна на лѣстницѣ, разительно противорѣчатъ тѣмъ сумнымъ, встревоженнымъ, перепуганнымъ и злобствующимъ людямъ, которые скучились въ дверяхъ, въ темной глубинѣ подвала, и опрокинувъ въ бѣгствѣ столъ и все, что на немъ было, ждутъ, скрежеща зубами, своей участи. Только двое самыхъ несокрушимыхъ и худыхъ остались у стола и приготовились встрѣтить бурю лицомъ къ лицу... Вся эта тревога, весь этотъ переполохъ и гнѣвъ, вся обстановка, до послѣдней подробности, выполнены поистинѣ мастерски и съ тонкостью, какъ психологическою, такъ и техническою. Сцена вылѣплена изъ воска, въ незначительную величину (художникъ намѣренъ удвоить размѣръ—для гипса),

Digitized by Google

и отсюда та необыкновенная тонкость работы, какая недостижима въ глинѣ.

Отъ своихъ суровыхъ образцовъ, г. Антокольскому естественно было перейти къ самому суровому—къ грозному царю Ивану. Сюжетъ на этотъ разъ очень простъ, но стоитъ весьма сложнаго. Трагическая фигура нашей старой исторіи вызвала всю силу мрачнаго вдохновенія художника. И что всего важнѣе, такъ это то, что онъ взялъ рельефную и благодарную для выполненія личность царя не въ одну изъ минутъ эффектно и сразу его рисующихъ, — не въ припадкѣ звѣрскаго гнѣва, съ обязательнымъ киданіемъ жезла, не приказывающимъ казни, но подавленнаго гнетомъ своихъ же собственныхъ преступленій и грызущихъ думъ, но немощнымъ и ничтожнымъ, гнуснымъ и презрѣннымъ въ собственныхъ глазахъ... Это минута общая всякому человѣку — будь онъ вѣнчанный деспотъ, или послѣдній изъ рабовъ... Такія минуты переживалъ всякій: всякій бывалъ гадокъ самому себѣ, когда передъ нимъ жизнь «свой длинный развивала свитокъ»! да нетолько гадокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ жалокъ, и кромѣ укора ничего не находилъ сказать себѣ; а вчера еще онъ высоко несъ голову... Подобныя минуты безпощадно-тяжки, но цѣлительны — для натуръ не погибшихъ: это нравственные кризисы, это тифозныя разложенія духа, за которыми слѣдуетъ возобновленіе организма, если не окончательная смерть.

И вотъ, въ такую-то минуту подстерегъ историческаго изверга художникъ и выводитъ его передъ потомствомъ — человѣкомъ, караемымъ самимъ собою, своимъ внутреннимъ судомъ. Ему такъ скверно, такъ жутко, что его даже жалко.

Въ покойныхъ историческихъ креслахъ, согбенный, исхудалый, сидитъ жестокій царь; бездѣйствующій его посохъ вонженъ въ полъ. Раскрытый псалтырь лежитъ на колѣняхъ. Его-то чтеніе и подняло, можетъ статься, тотъ горькій осадокъ воспоминаній о чорныхъ дѣлахъ, который преобразилъ отвратительнаго изверга въ жалкаго мученика. Сухіе, костлявые пальцы, какъ когти коршуна, вцѣпились въ ручку кресла—движеніе необыкновенно вѣрное въ подобномъ состояніи души: закусить губу, стиснуть зубы, сдавить, скомкать то, что подъ рукою — лишь бы заглушить этою внѣшнею болью боль, грызущую внутри... кто не прошелъ черезъ это? Въ другой рукѣ тоже скомканныя чотки. Звѣрство и набожность удивительно уживаются вмѣстѣ! Взоръ, устремленный куда-то далеко, безъ цѣли, безъ предмета, полонъ муки... Этому человѣку очень жутко! И вотъ гдѣ главное достоинство произведенія г. Антокольскаго: искусство, очеловѣчивающее даже такія личности—это высшая степень его назначенія. Отнимите обстановку: царское кресло, ужасный жезлъ, историческія черты лица у этой выразительной фигуры—и у васъ останется все-таки, почти безъ всякаго ущерба, полный, живой человѣкъ, въ припадкѣ горечи само-

Digitized by Google

познанія. А это не со всякимъ историческимъ произведеніемъ можно сдѣлать,—большею частію оно только и бываетъ сильно своею историческою стороною.

Собственно о техникѣ исполненія можно сказать одно, что она соотвѣтствуетъ достоинству замысла и экспрессіи—слѣдовательно, не оставляетъ ничего желать. Положеніе фигуры, вѣрность лѣпки, выполненіе деталей—все хорошо, и не вызываетъ рѣшительно никакого замѣчанія. Словомъ, г. Антокольскій произвелъ нѣчто мастерское.

Грозный будетъ отлитъ, какъ слышно, изъ бронзы. Это жаль: такія работы вполнѣ заслуживаютъ мрамора,—онѣ рѣдкіе плоды нашего искусства. Бронза груба—она не въ силахъ передать всей тонкости художественнаго ваянія, ни сохранить сочность лѣпки,—она суха; ея металлическіе блики непріятны. Живая работа, такъ сказать, *письмо* рѣзца, никогда не замѣнятся автоматическою отливкой, сколько-бы ее ни проходилъ потомъ художникъ. Съ мраморомъ ваятель распоряжается до послѣдней минуты: онъ его вызываетъ къ жизни, ударъ за ударомъ, онъ кладетъ на него свою руку, на немъ видѣнъ его почеркъ; готовую бронзу онъ можетъ только мѣстами подчистить... Словомъ, изваяніе мраморное—это автографъ, а бронзовое—факсимиле. Мраморы и Италія, сверхъ того, синонимы, и ваятель, побывавшій въ Италіи, получаетъ свое послѣднее помазаніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ искусству изсѣкать свои мысли въ камнѣ, что̀ бы ни говорили гонители художественной пеллигринаціи... Нашему же ваятелю Италія необходима еще и по другой причинѣ: здоровье его слишкомъ утло, чтобы долго выносить туманный холодъ Петербурга... Глядя на него, съ грустью вспоминаешь о Флавицкомъ, котораго не выручила «княжна Тараканова», и который угасъ, видя померкавшими глазами одно изъ лучшихъ произведеній кисти, никѣмъ не купленное, въ углу собственной мастерской, начинавшей уже пестрѣть иконами—изъ-за насущнаго хлѣба! [1]

Конечно, есть люди, которымъ петербургская почва представляетъ всѣ условія для процвѣтанія: г. Микѣшинъ наслаждается, какъ слышно, полнымъ здоровьемъ и благополучіемъ.

А вотъ даровитый и добросовѣстный Зарянко, неусыпнымъ труженичествомъ цѣлой жизни только того и достигъ, что осиротѣвшая семья, для снисканія средствъ къ существованію, собираетъ его работы и показываетъ за деньги! Собрала она такихъ работъ довольно, хотя далеко не всѣ; довольно ли соберетъ денегъ — не знаю; во всякомъ случаѣ, эта назидательная выставка является весьма кстати напоминаніемъ о нашей портретной живописи, конечною точкою развитія которой, въ извѣстномъ направленіи, нельзя не признать Зарянку. Онъ до-

[1] Эти строки были написаны, когда мы узнали, что г. Антокольскій выѣхалъ въ Римъ.

Digitized by Google

водитъ до крайности сознательность и кропотливость исполненія, высматриваетъ малѣйшую подробность мельчайшихъ аксесуаровъ, и, добиваясь правды, доходитъ до утонія. Какъ образецъ того, чему слѣдуетъ придерживаться, такъ и того, чего надо избѣгать, онъ долженъ быть признанъ полезнѣйшимъ изъ портретистовъ русской школы. Весьма немногія работы его могутъ назваться картинами; но всѣ онѣ—замѣчательные портреты, по необыкновенному сходству, твердости рисунка и дѣльности лепки. Зарянко, начавшій перспективой архитектурной, кончилъ примѣненіемъ ея законовъ къ практикѣ — къ человѣческому тѣлу, и отсюда та поразительная рельефность его портретовъ, какой мы почти не находимъ у другихъ. Но при сухости и забитости письма, образцы, долженствовавшіе бы выходить отъ этого живыми людьми, нерѣдко являлись восковыми куклами. И только немногія исключенія блистательно доказываютъ, что умѣй Зарянко останавливаться во время, не порти онъ собственнаго дѣла десятками и сотнею сеансовъ на портретъ — и изъ-подъ его кисти вышло бы не нѣсколько, а много превосходныхъ произведеній. Мудреная задача—умѣть остановиться впору, въ искусствѣ, какъ и во всемъ прочемъ. Настоящая выставка доказываетъ это совершенно наглядно. Два-три начатыхъ портрета свидѣтельствуютъ о совершенствѣ подмалевокъ Зарянки (способности, свойственной большинству нашихъ даровитыхъ портретистовъ), и о той порчѣ, какой онѣ подвергались при окончаніи. Поучительно пройти, справляясь съ цифрами на холстахъ (такъ-какъ работы, къ сожалѣнію, разставлены не въ хронологическомъ порядкѣ), исторію всѣхъ перипетій, исканій и идеаловъ этого исключительнаго портретиста, посвятившаго всего себя портрету, его задачамъ и требованіямъ. Зарянко отнесся къ своему роду фанатически; онъ поставилъ передъ собою цѣль, къ которой стремился сознательно, упорно и не щадя ни трудовъ, ни зрѣнія. Какъ всякій фанатикъ, онъ переступилъ цѣль, и только тогда замѣтилъ это, когда уже было поздно... можетъ быть, даже и не замѣтилъ вовсе, а просто, махнулъ съ отчаянія рукою и, самъ того не подозрѣвая, началъ производить удивительныя картины, но уже послѣднія, предсмертныя.

Первый, по времени, изъ выставленныхъ портретовъ, портретъ извѣстнаго пѣвца Петрова, еще въ молодые его лѣта, не имѣетъ ничего зарянкинскаго: онъ написанъ хорошо, широкими, красивыми и сочными мазками, какъ пишутъ вообще даровитые художники. Сходство до сихъ поръ разительное. Далѣе является знаменитый портретъ гр. Толстого, въ бархатной шубѣ. Это уже портретъ-картина въ полномъ смыслѣ, одинъ изъ вкладовъ въ сокровищницу портретовъ всѣхъ школъ. Но и на немъ еще видна *кисть*, а художнику, очевидно, этого не хотѣлось. Сознавъ свои силы, онъ рѣшился пойти далѣе. Его не удовлетворяло хорошо написанное и схожее изображеніе — онъ носилъ въ себѣ представленіе о такой живописи, гдѣ бы

живопись уже скрывалась, а выступала на холстѣ сама жизнь, безъ мазковъ кисти, которыхъ въ натурѣ нѣтъ. Отсюда начинается длинный рядъ доискиваній той правды и той степени оконченности, чтобы голова отдѣлялась отъ фона и круглилась, какъ въ стереоскопѣ, шитье мундира блестѣло и показывало тамбуръ и блестки, матъ и не знаю еще что; чтобы сукно можно было, по отливу ворса, оцѣнить на аршинъ, чтобы бархатъ переливался, паркетъ показывалъ искусство паркетера и отражалъ въ себѣ предметы и т. д., и т. д., наконецъ, чтобы можно было разсматривать все это въ упоръ и оно ничего не теряло бы оттого. Это періодъ самой большей славы Зарянки и самаго бо́льшаго числа куколъ, наводящихъ уныніе, особенно когда подумаешь, что на нихъ убито болѣе половины жизни и почти все зрѣніе художника! Даже удачнѣйшая изъ такихъ работъ, большой портретъ генерала Ростовцова, не взирая на поразительную оконченность и правду, отзывается тѣмъ почти годовымъ трудомъ, который положенъ въ него. Ярко-красный фонъ — погоня за фонами, красными, зелеными, всякими, смотря по тому, какія были обои въ комнатѣ, дополняетъ порчу этихъ работъ,—этотъ красный, кричащій фонъ только при такой окончательной выработкѣ, какъ въ названномъ портретѣ, могъ не сгубить фигуру, хотя все-таки много повредилъ ей. Благодаря ему, вы видите передъ собою какого-то опернаго Мефистофеля, освѣщаемаго краснымъ фонаремъ изъ-за кулисы. А за нѣсколько лѣтъ до смерти (шестидесятые годы), Зарянко начинаетъ словно осаживать себя, и тутъ портретъ покойнаго наслѣдника, во весь ростъ, въ сѣромъ фонѣ, и нѣкоторые другіе, опять могутъ назваться прекрасными рабочими. Усталость ли отъ непомѣрныхъ прежнихъ трудовъ и слабость зрѣнія, все усиливавшагося, или разочарованіе въ неудачныхъ попыткахъ добиться чего-то недостижимаго, можетъ быть просто малыя средства, доставляемыя такимъ малопроизводительнымъ, медленнымъ трудомъ, а можетъ и все вмѣстѣ взятое, сдѣлали то, что съ этихъ поръ произведенія кисти Зарянки являются не только лучшими среди его произведеній, но и вообще одними изъ самыхъ лучшихъ портретныхъ работъ русской школы, которая портретами богаче, нежели всѣмъ остальнымъ. Такія картины, какъ портретъ графини Шуваловой, головка дѣвочки (послѣдній трудъ художника), портреты генераловъ Мельникова и Исакова, неконченный портретъ наслѣдника Александра Александровича, портретъ кн. Голицына и другіе, дополняютъ замѣчательную портретную галлерею русской школы, съ Боровиковскимъ, Левицкимъ, Кипрѣнскимъ, Тропининымъ, Брюловымъ и работами нѣкоторыхъ изъ современныхъ художниковъ, каковы: портреты А. Г. Рубинштейна, г. Перова, кн. Горчакова, г. Келлера, портретъ недавно умершаго знаменитаго писателя нашего, работы Гед и р. Тутъ именно то, къ чему стремился Зарянко и чего достигъ, думая, что уже достигнуть этого нельзя

Digitized by Google

тупь натуры живой, безъ красокъ палитры, но съ красками тѣла и инкоссуарени, оконченныхъ какъ разъ на столько, чтобъ все это нормально правдой и реальностью, давало разсматривать себя очень близко, но не переходило въ засушенную жизнь и наклеенную правду. Словомъ, онъ достигъ сохраненія живыхъ цвѣтовъ, вмѣсто гербаріевъ, засыхавшихъ подъ бременемъ длинной вереницы сеансовъ и излишнихъ усилій отъ преслѣдованія натуры. Это преслѣдованіе довело его до того, что такое прелестное произведеніе живописи, какъ названный портретъ графини Шуваловой, могъ быть написанъ не съ натуры, а съ фотографіи, послѣ смерти оригинала! То-есть, Зарянкѣ надо было показывать какъ можно менѣе натуру, чтобъ онъ не забился надъ милліонами оттѣнковъ и подробностей, которыя онъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ поймать и закрѣпить на холстѣ. Отсюда тѣ замученныя работы, гдѣ все вѣрно, но и все некартинно. Когда же онъ видѣлъ только общее, кистъ его въ состояніи была возвыситься до поэтическаго воспроизведенія натуры. Посмотрите на эту блѣдную, съ болѣзненною, доброю улыбкою женщину, на этотъ кроткій, глядящій прямо въ душу взоръ голубыхъ, прекрасныхъ глазъ; на всю ея фигуру, тонкую и изящно-простую, въ черномъ шелковомъ платьѣ, съ бѣлыми, тонкими кистями сложенныхъ рукъ; на плоскую даль пейзажа,—и вы откажетесь вѣрить, что это живопись, а не сама жизнь, какъ она есть... и что такая поэзія сидѣла и умерла въ Зарянкѣ! Еслибы описанный портретъ не стоялъ въ числѣ его портретовъ, да еще еслибы покойникъ не обмолвился крошечными маками, тщательно выдѣланными, хотя отъ зрителя до нихъ добрая верста,—то нельзя бы даже повѣрить, что это работа Зарянки.

Какой же выводъ изъ обозрѣнія результатовъ дѣятельности нашего знаменитаго портретиста?

А вотъ какой. Человѣкъ, поставившій себѣ твердую цѣль и неуклонно идущій къ ней, сколько бы онъ ни заблуждался и ни тратилъ напрасно силъ и времени, въ концѣ концовъ всетаки придетъ къ ней, и хоть съ вершины горы, а увидитъ землю обѣтованную... Однимъ такой привалъ дается легче и раньше, другимъ только у крышки гроба; но имена и труды такихъ людей, во всякомъ случаѣ, имѣютъ право быть вписанными въ число лучшихъ именъ и трудовъ человѣческихъ. Кто мѣшалъ Зарянкѣ давнымъ-давно бросить свои безконечные сеансы и писать сразу? Сколько лишнихъ холстовъ исписалъ бы онъ и сколько лишнихъ тысячъ положилъ бы въ карманъ, тѣхъ самыхъ тысячъ, которыхъ не достаетъ его семьѣ для жизни! Но онъ помышлялъ не объ этомъ: аскетъ искусства, осаждаемый заказчиками, ожидавшими по цѣлымъ годамъ ваканціи, онъ продолжалъ высматривать каждый фибръ, каждую точку на лицахъ, каждый кантикъ и вышивку на мундирахъ, гвоздики на креслахъ — не оттого, чтобы не умѣлъ сдѣ-

Digitized by Google

даръ всего этого сразу—выставленныя подмалевки доказываютъ противное,—но потому, что его идеалъ былъ другой. И какъ знать, не рядомъ ли всѣхъ этихъ досадныхъ домалываній достигъ онъ той мощи, которая сказалась, увы, слишкомъ поздно въ его послѣднихъ трудахъ! Будь ему петербургская почва такъ же благопріятна, какъ другимъ, и новыя произведенія заставили бы благословить тѣ старыя, на которыя теперь невольно смотришь какъ на непреднамѣренныхъ убійцъ безвременно похороненнаго таланта...

Великій постъ представилъ, по обыкновенію, и ежегодную выставку состязаній на преміи по русскому быту и виду (пейзажу), въ помѣщеніи общества поощренія художниковъ. Дѣло ограничивалось на этотъ разъ нѣсколькими надеждами и обѣщаніями: таковы «Бурлаки на Волгѣ» г. Рѣпина и «Оттепель» г. Васильева. Оба художника начинающіе. Конечно, обѣщать и дать — двѣ вещи разныя, и «обѣщанія» таланта, особенно русскаго, большею частью ходятъ безъ гарантіи. Русскій талантъ силенъ по части скораго успокоенія и складыванія рукъ. Въ этомъ онъ могъ бы служить блистательнымъ примѣромъ тупому Западу, еслибы такіе примѣры ему были нужны. А тутъ еще мы, съ нашими кадилами! Дарованіе успѣло произнесть только первыя буквы азбуки—мы за него досказываемъ ее всю — до нижицы! Его надо бы вожурить, а мы его вѣнчаемъ... Смотришь, обѣщавшій и надулъ, а ходитъ все-таки увѣнчанный, и попробуйте тогда сказать ему, что это вѣнокъ, выданный авансомъ и что за него надо уплатить!

Станемъ надѣяться, что все высказанное не найдетъ приложенія къ гг. Рѣпину и Васильеву...

Едва изъ пеленокъ, увѣнчиваемая преміями кисть г. Васильева другой годъ даетъ явныя свидѣтельства истиннаго природнаго дарованія. Такія увѣнчанія заслужены, если только они *поощренія*, а не въ самомъ дѣлѣ вѣнки... Даровитый юноша видитъ и чувствуетъ природу, умѣетъ вызывать на холстъ поэтическіе ея моменты и передавать ихъ красивымъ, сочнымъ и бойкимъ письмомъ. Его виды привлекательны и изящны. Какъ лѣтній видъ прошлаго года, съ бѣгущимъ несчаною мѣстностью вихремъ, такъ и теперешнія глубокія колеи бурой слякоти, въ глубокомъ бѣломъ рыхломъ снѣгу, вѣютъ одинъ—роднымъ зноемъ, а другая—родною сыростью, родными, безхитростными прелестями родной и безхитростной природы. Выучился ли молодой художникъ рисовать и писать деревья, изъ его работъ пока не видно. Въ прошломъ году онъ еще владѣлъ этимъ талисманомъ пейзажиста; голые основы зимнихъ деревъ настоящаго года ничего не говорятъ по этой части. Если г. Васильевъ употребляетъ лѣтнее время на дѣльные этюды, на скромную, часто ученическую работу подъ руководствомъ великаго учителя — природы, то отъ его обѣ-

Digitized by Google

ничій мы вправѣ ожидать исполненія... Этюды! еще этюды, и еще немножко этюдовъ!! какъ говорилъ одинъ учитель нѣмецкаго языка: «слова! еще слова, и еще немножко словъ!»

Г. Рѣпинъ выставилъ скорѣе этюдъ, чѣмъ картину — и за то ему спасибо. Онъ былъ на Волгѣ, учился быту Волги, былъ пораженъ типами этой спины Россіи, несущей на себѣ ея грузы и богатства, ея потъ и трудъ, золотое зерно ея полей и рубище деревень—этой баснословной Волги, гдѣ съ паромъ еще могутъ соперничать человѣческія руки. Передъ нимъ онѣ тянули свою лямку, и вотъ онъ честно, точно и даровито перенесъ на холстъ напряженныя мышцы великихъ волжскихъ тружениковъ-бурлаковъ («la sainte canaille», какъ ихъ назвалъ бы Варбье), ихъ согбенныя подъ ярмомъ, крѣпкія, какъ красный кирпичъ, выжженныя солнцемъ шеи, и спаленныя лица—горячій песокъ, въ который погружаются босыя ноги, барку, на длинной бичевѣ, влекомую людьми, точно рабочимъ скотомъ. Не достаетъ тутъ, для контраста, бѣгущаго на всѣхъ парахъ парохода... Вообще, тутъ не достаетъ картины—волжской шири и дали и многаго еще кой-чего. Но отъ перваго опыта нельзя требовать больше, и надо смотрѣть на «бурлаковъ» какъ на прекрасный этюдъ. Тогда онъ вполнѣ удовлетворяетъ. Типы превосходные; положеніе людей, тянущихъ бичеву, схвачено на ходу. Пейзажъ слабѣе прочаго и барка черезчуръ чиста, аккуратна и слишкомъ лѣзетъ впередъ—ее слѣдуетъ повытереть. Впрочемъ, работа не вполнѣ кончена. Можетъ быть, художникъ еще и совладаетъ съ этими подробностями. А попалъ онъ очень счастливо на Волгу и на одинъ изъ характернѣйшихъ ея мотивовъ... Этого до сихъ поръ не умѣли,—а иные не хотѣли сдѣлать,—болѣе опытные художники, показавшіе себя мастерами по части сценъ изъ итальянской жизни! Нѣтъ, господа! Волга не даромъ называется народомъ «кормилицею»: она доставитъ пищу и искусству, какъ доставляетъ ее всему прочему. Природа и люди—пейзажъ и фигура—вотъ чего она требуетъ отъ васъ, и если вы потрудитесь отречься отъ спеціализаціи себя—кто одинмъ пейзажемъ, а кто одною фигурою, но постараетесь сдѣлаться полными художниками, которымъ равно доступно и то и другое, если хоть одинъ изъ васъ доработается до Освальда Аахенбаха—тогда мы получимъ удовольствіе дожить до полныхъ русскихъ картинъ, отъ которыхъ повѣетъ и широкою Волгою, и пустынною далью, и ея кипящими берегами и кипучею жизнью ея мутной, многотрудной волны... Первый шагъ сдѣланъ молодымъ художникомъ, какъ въ послѣднее время всѣ первые шаги начинающаго понемножку ступать собственными ногами нашего молодаго искусства... Пишущему эти строки довелось видѣть у одного изъ даровитѣйшихъ художниковъ нашихъ, г. Маковскаго (К. Е.) тоже удачныя попытки въ этомъ родѣ. Въ добрый часъ!

Да, въ міръ художествъ точно залетѣлъ какой-то весенній

Digitized by Google

вѣтерокъ и даже шатаетъ сарпинную, на фасадѣ висящую, вѣчно припертую, тяжелую дверь академіи. Заслышавъ небывалый звукъ и протирая глаза отъ сладкаго сна, академическій совѣтъ шевелится и отыщаетъ мѣста людямъ, спѣшащимъ только дома: гг. Боголюбовъ, Гунъ и баронъ Клодтъ (нейзажистъ) начинаютъ незаспанными голосами оглашать испуганныя стѣны конференцъ-залы; большинство, застигнутое въ расплохъ, соглашается на уничтоженіе крѣпостнаго права въ царствѣ художествъ: оно изрекаетъ г. Антокольскому званіе академика внѣ правилъ, устами никогда не осквернившимися нарушеніемъ формалистики; даруетъ скорый и правый судъ съ присяжными для присужденія наградъ и званій; изгоняетъ годичныя выставки изъ кромешной октябрьской тьмы и переноситъ ихъ на свѣтъ первыхъ весеннихъ мѣсяцевъ... Всѣ симптомы пробужденія!.. Добраго утра, господа!

П. К—й.

НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА.

Появленіе на родной почвѣ русскихъ спиритовъ, ни въ чемъ не уступающихъ знаменитому Юму.—Екатеринославское дѣло о капитаншѣ-спиритѣ Алымовой, которое еще неизвѣстно чѣмъ кончится, такъ-какъ «всемогущій духъ дѣдушки Василья» можетъ ее выручить въ случаѣ апелляціи, или кассаціи.—Присутствіе спиритовъ замѣчается у насъ повсюду: и въ городахъ, и въ деревняхъ, и въ общественныхъ дѣлахъ, какъ бы они важны ни были.—Люди спеціально-подготовленные къ новымъ, еще небывалымъ у насъ должностямъ «руководителей судьбами своего народа и создателей его будущаго», которое окажется, вѣроятно, очень красивымъ.—Торжество старо-помѣщичьей партіи, умѣряемое окружными и мировыми судами.—Нѣсколько словъ объ адвокатахъ вообще.

Давно уже замѣчено, что провинціи наши живутъ не самостоятельной жизнью, а лишь подражаютъ во всемъ Петербургу, то-есть, другими словами, откликаются на каждое петербургское ауканье, причемъ, по обыкновенію, ауканье это принимается за настоящій голосъ. Едва только успѣли наши петербургскіе профессора обличить шарлатанство знаменитаго спирита Юма, какъ уже и изъ отдаленныхъ провинцій мы начинаемъ получать вѣсти о томъ же предметѣ. Оказывается, что у насъ въ провинціяхъ проживаютъ свои собственные Юмы, фокусы которыхъ будутъ поважнѣе юмовскихъ: Юмъ старался лишь пламя свѣчи привести въ колебательное движеніе, да и то понапрасну, а провинціальной спиритѣ, изобличенной окружнымъ судомъ, совсѣмъ было-удалось прибрать къ своимъ рукамъ отличнѣйшее имѣніе движимое и недвижимое, о чемъ мы и поговоримъ въ настоящей статьѣ, такъ-какъ явленіе это вовсе

Digitized by Google

не дюжинное и не одиночное. Я говорю объ интересномъ дѣлѣ послѣдующихъ Корбе съ Алимовой.

Въ Екатеринославской губерніи продолжительное время мирно проживалъ нѣкто землевладѣлецъ, штабсъ-ротмистръ Корбе, съ супругой и дѣтьми, и никто объ нихъ не зналъ, не вѣдалъ, потому что у насъ человѣкъ пріобрѣтаетъ извѣстность съ той лишь поры, когда попадаетъ подъ судъ. Штабсъ-ротмистръ мирно занимался земледѣліемъ и скотоводствомъ, ничѣмъ особеннымъ замѣчателенъ не былъ, по помѣщичьему обыкновенію, разумѣется, изрѣдка изобличалъ временно-обязанныхъ своихъ крестьянъ въ излишней приверженности къ спиртнымъ напиткамъ, но собственно о томъ, что подразумѣвается подъ словомъ *спиритизмъ*, какъ видно, не имѣлъ еще никакого понятія. Вдругъ откуда-то появляется въ домѣ штабсъ-ротмистра какая-то капитанша Алимова, родомъ, какъ видно, еврейка (урожденная Самусь), по профессіи спиритка, и весь домъ вразъ перевернулся вверхъ дномъ. Началось съ того, что штабсъ-ротмистръ вдвоемъ со спиритокой заперлись въ отдѣльной комнатѣ, не впуская къ себѣ никого изъ семьи, такъ-какъ загробные духи не терпятъ присутствія постороннихъ лицъ, что вполнѣ доказали на себѣ и юмовскіе духи, которые довѣріе оказывали только лишь барону Мейендорфу, Александру Аксакову, и изъ профессоровъ — одному только Александру Михайловичу Бутлерову. Корбе въ новой наукѣ оказался очень понятнымъ мальчикомъ: за ученье принялся зимой, а въ началѣ февраля ему самому уже начали чортики показываться и сталъ онъ даже кое-что понимать, впрочемъ, не безъ помощи профессорши, при которой состоялъ въ должности стенографа. Спиритка диктовала своему стенографу, что она *любимица и избранница духовъ*—Корбе записывалъ и вѣрилъ. Спиритка диктовала, что она передаетъ свои откровенія чрезъ святѣйшаго и всемогущаго дѣдушку своего Василья, который 35 лѣтъ тому назадъ погребенъ на митрофаньевскомъ кладбищѣ и, увлекшись, какъ Собакевичъ, клялась и божилась, что онъ, дѣдушка Василій, «умница, человѣкъ высокообразованный, говоритъ на шести языкахъ, образцовый учитель, опытный агрономъ и подобнаго ему хозяина нѣтъ, ботаникъ въ совершенствѣ, хлѣбопашецъ, какихъ рѣдко встрѣтишь. Кромѣ того, врачъ, духъ безгрѣшный, всемогущій, чего хочетъ, то и творитъ, совершенство, властенъ безъ границъ, духъ милосердія, правды и свѣта, властелинъ души Корбе и т. п.» Всю эту галиматью несчастный штабсъ-ротмистръ безропотно записывалъ, какъ студентъ сороковыхъ годовъ лекцію нѣмца-профессора, который по римскому праву диктовалъ, вмѣсто «верховный римскій жрецъ — *верховой римскій жеребецъ*», или «*судъ въ высшей степени*» вмѣсто суда въ высшей степени. Дѣйствуя осторожно и систематически, спиритка все болѣе и болѣе увеличивала свои требованія и не безъ внутренняго волненія затребовала, чтобы

Digitized by Google

ешь вѣрилъ ей крѣпко, безъ повѣрки и, главное, дала ей *безъ разсужденія*, но скоро и сама замѣтила, что учинить ей къ такому требованію давно уже подготовленъ и что удивить или огорчить его этимъ невозможно. Что же касается до послѣдняго требованія духа — *жить съ нею вмѣстѣ, какъ мужъ съ женой*, то для его исполненія едва-ли даже была какая-нибудь надобность во вмѣшательствѣ загробныхъ духовъ.

Можно предположить, что спиритка Алымова въ первый періодъ своей дѣятельности у Корбе чувствовала себя не совсѣмъ еще свободно и была въ томъ именно положеніи, въ какомъ найденъ осрамившійся Юмъ профессоромъ Бутлеровымъ во время засѣданія коммисіи, то-есть «въ болѣзненномъ состояніи». Въ положеніи заграничнаго спирита и екатеринославской спиритки замѣчалось много общаго: Юмъ сидѣлъ въ сообществѣ такого строгаго до жестокости профессора, какъ г. Ціонъ, который въ Лейпцигѣ чуть-было не удавилъ невиннаго брата Девенпорта въ собственномъ его шкафчикѣ, а г-жа Алымова тоже очень хорошо сознавала, что ее, при случаѣ, легко можно было связать, такъ-называемой, мертвой петлей и тоже засадить въ особаго устройства шкафчикъ.

Чтобы вѣрнѣе достигнуть успѣха, нужно было сначала подготовить почву: не даромъ ея дѣдушка Василій былъ такимъ отличнымъ агрономомъ, какихъ рѣдко встрѣтишь! Съ этой именно подготовительной цѣлью «духъ Василій» открываетъ одурѣвшему штабсъ-ротмистру, что сынъ его, Ѳедоръ, испорченъ, что надо принять мѣры для его исправленія, что малѣйшій разговоръ мальчика съ матерью принесетъ много вреда, что мальчикъ самый несчастный юноша — постоянно лжетъ, и что надо дѣйствовать строго, а потому духъ совѣтуетъ: *будь строгъ, употреби всѣ мѣры, строго взыскивай всякую ложь и не прощай ни на волосъ*. Затѣмъ духъ, открывая въ мальчикѣ все новыя и новыя дурныя качества, говоритъ отцу, что сынъ его *еретикъ*, да, кстати прибавляетъ, что и младшая *прелестная* дочь его тоже *очень дурной нравственности*, но за то, въ утѣшеніе, Алымова родитъ ему «прелестнаго красавца и умницу Васю». Отецъ, разумѣется, утѣшается вполнѣ, начинаетъ безпощадно пороть десятилѣтняго бѣдняжку-сына, до такой степени переть, что даже подъ судъ отдали, а «святѣйшій духъ Василій» все въ одно мѣсто долбитъ, какъ дятелъ. Онъ совѣтуетъ Корбе ѣхать въ Кіевъ, гдѣ лучшіе адвокаты, и ѣхать скорѣе, ибо здоровье худо. Устами Алымовой, проситъ Корбе отказать ей маленькій капиталъ. Просьба эта выразилась въ слѣдующихъ словахъ: *Слушай и скажи прямо.*—Клянусь тебѣ престоломъ Творца, Его подножіемъ — любимымъ мѣстомъ моимъ, клянусь прахомъ моимъ, и святыхъ отцовъ, клянусь всѣмъ чистымъ и высокимъ, клянусь милостью Творца, да обратится она въ презрѣніе ко мнѣ, если скажу неистину. Отдавая все въ неотъемлемое распоряженіе дитяти моего имущество и будущ-

Digitized by Google

нашъ дѣтей, ты не ошибся, не будетъ она тратить сиротскаго, не возьметъ себѣ она ни копѣйки чужой и слѣпо ей довѣренной, не употребитъ во зло довѣрія твоего, не заставитъ духъ твой томиться и страдать. Нѣтъ, ты возрадуешься рядомъ со мною и также горячо благословишь ее, какъ теперь благословляю я, въ томъ клянусь тебѣ; дѣти твои получатъ все сполна, какъ ты оставишь, но слушай далѣе: не возьметъ она на свою душу грѣха, что жила насчетъ сиротъ, нѣтъ, чужое свято для меня, значитъ и для нея. Вотъ моя просьба въ чемъ: *отдаши ей въ собственность маленькій капиталъ* для болѣе нужныхъ потребностей, чтобы она свято могла выполнить высокое назначеніе, чтобы ни одинъ ребенокъ не могъ сказать, что она живетъ на его счетъ, чтобы она обязана была тебѣ и, въ свою очередь, обязала бы тебя тѣмъ, что то, что̀ ты сберегъ для дѣтей, отдалось бы имъ сполна—чисто и свято, чтобы ни одна копѣйка не пошла на нее, а все осталось дѣтямъ; я научу ее распоряжаться, мнѣ только подъ силу, а ей безъ меня было бы трудно, и она по кротости своей пала бы подъ гнетомъ упрековъ и невзгодъ. Вотъ моя мысль, прочти со вниманіемъ и разсуди, отвѣчай святому правду. Аминь».

Читателямъ уже извѣстно, что алимовскій духъ все для нея устроилъ, какъ нельзя лучше: имущество передано по духовному завѣщанію ей въ пожизненное пользованіе, даже несчастныя дѣти переданы ей въ кабалу по волѣ умершаго родителя, но, какъ видно, «святѣйшій духъ Василій», несмотря на свою ученость, по юридической-то части былъ плоховатъ. Самое духовное завѣщаніе онъ продиктовалъ неправильно, да еще, на бѣду, неудачно предсказалъ, что «въ судѣ будетъ засѣдать и управлять ходомъ дѣла самъ духъ». По случаю слишкомъ продолжительнаго лежанья на митрофаньевскомъ кладбищѣ, духъ Василій не зналъ даже, что старые, закрытые суды съ предсѣдателями и секретарями-спиритами успѣли ужь замѣниться новыми, гласными, которые выросли какъ-то вразъ, внезапно, словно грибы на кладбищѣ въ сырое время. Такъ-какъ вмѣсто «святѣйшаго духа Василья» въ судѣ предсѣдательствовалъ г. Карповъ, онъ же и управлялъ ходомъ дѣла, то сама спиритка нечаянно угодила подъ судъ и собственный ея адвокатъ защищалъ ее несравненно слабѣе, чѣмъ профессоръ Бутлеровъ Юма. Впрочемъ, съ оставшимися послѣ покойника деньгами, духъ Василій съумѣлъ распорядиться, какъ слѣдуетъ, по старому: изъ шестидесяти тысячъ наличныхъ осталось всего лишь 19 рублей, а всѣ остальные буквально пошли къ чорту.

Итакъ мы, русскіе, по справедливости можемъ кое-чѣмъ гордиться: наши профессора ухитрились осрамить знаменитаго спирита, который одурачилъ всѣ страны свѣта; наши судьи не затруднились заподозрить возлюбленную духами собственную свою спиритку въ мошенничествѣ; но слѣдуетъ ли изъ этого, будто у насъ теперь спиритовъ ужь больше не осталось ни

Digitized by Google

одного и что никто у насъ въ нихъ не вѣруетъ? Больше, чѣмъ сомнительно! По моему, у насъ спиритами—хоть пруди пруди, а непреклонная вѣра въ нихъ живетъ во всѣхъ сословіяхъ, начиная съ профессоровъ-натуралистовъ и кончая мелкимъ чиновничествомъ и мѣщанствомъ. Вся разница только въ томъ, что однимъ подавай непремѣнно Юма, а другіе вполнѣ довольствуются разными Иванами Яковлевичами, Митрофанушками, Никифорычами и т. п. юродивыми—людьми или отъ природы юродивыми, или себѣ на умѣ, юродивыми изъ-за денегъ. О женщинахъ высшихъ слоевъ и говорить нечего: всѣ заграничные спириты очень хорошо знаютъ о наклонности нашихъ женщинъ къ спиритизму, и потому стараются, если есть возможность, жениться непремѣнно на русской, изъ которой ничего не стоитъ сдѣлать отличнѣйшую помощницу. Про одного заграничнаго спирита разсказываютъ, что онъ нарочно съ этой цѣлью приплылъ въ Россію, отыскалъ себѣ образованную дѣвицу, но такъ-какъ духи его нѣсколько поднадули насчетъ приданаго, то онъ слишкомъ ужь круто приступилъ къ своимъ опытамъ. «Мы еще не получали благословенія на бракъ отъ моихъ умершихъ предковъ — торжественно произнесъ спиритъ своей опѣшившей супругѣ послѣ свадебнаго ужина—намъ необходимо вызвать ихъ тѣни». Разсказываютъ, что испуганная молодая сама видѣла въ темной комнатѣ какія-то страшныя харя съ бакенбардами, и тотчасъ же обратилась въ надежную помощницу спирита, но здоровья ея хватило лишь на нѣсколько мѣсяцевъ. Скоро она и сама присоединилась къ числу тѣхъ загробныхъ тѣней, которыхъ спиритъ такъ часто безпокоилъ, и если ее не безпокоилъ послѣ смерти ни разу, то единственно изъ опасенія уголовнаго слѣдствія и суда, не всегда поддающихся вліянію загробныхъ духовъ.

У насъ спиритизмъ, въ совершенно своеобразной формѣ, вошелъ въ моду еще со временъ незапамятныхъ. Люди сороковыхъ годовъ очень хорошо еще помнятъ, какъ ревизоры, присланные изъ Петербурга, разыскивали въ уѣздныхъ казначействахъ слѣды пропавшихъ десятковъ или сотенъ тысячъ рублей денегъ, выданныхъ въ пенсію давно уже умершимъ пенсіонерамъ. Тѣла пенсіонеровъ давно уже успѣли истлѣть въ сырой землѣ, души ихъ въ загробномъ мірѣ или наслаждались, или страдали, смотря по земнымъ заслугамъ, а пенсіи имъ все-таки шли постоянно и, что всего замѣчательнѣе,—покойники сами являлись въ сроки въ казначейства, получали деньги и расписывались. Во время крымской кампаніи на покойниковъ цѣлые мѣсяцы шли полныя порціи мяса и хлѣба, которые цѣнились тогда очень высоко. Спрашивается: кто же были всѣ эти гг. казначеи, предсѣдатели казенныхъ палатъ и т. п., какъ не спириты самой высшей школы, передъ которыми самъ Юмъ представляется чѣмъ-то въ родѣ бородавки? А въ послѣднее время развѣ мало у насъ продѣлывалось и продѣлывается

Digitized by Google

подобныхъ фокусовъ? Нижегородскій Бердеревскій едва только наложилъ свои спиритскія руки на соляные амбари, и изъ милліона пудовъ немедленно осталось какихъ-нибудь двѣсти-триста пудовъ: де такой огромной вѣсъ соли уменьшился по его произволу! Ну, гдѣ же Юму сдѣлать подобную штуку? Стеклянный вновсній столъ взвѣшивали сами профессора, взвѣшивалъ даже профессоръ Бутлеровъ, въ присутствіи барона Мейендорфа и Аксакова, которые изъ-за Юма, казалось, сами готовы были бы повѣситься, но все-таки измѣненій въ вѣсѣ рѣшительно никакъ не обозначилось. Относительно *постукиваній*, составляющихъ, какъ извѣстно, одно изъ необходимыхъ проявленій таинственной силы, тоже можно сказать, что они у насъ бываютъ весьма нерѣдко и притомъ несравненно сильнѣе, чѣмъ у Юма. За стеклянномъ столомъ легкій стукъ слышалъ одинъ только Юмъ, у котораго, вѣроятно, сердце сильно билось, а у насъ умъ если гдѣ застучитъ, такъ цѣлый городъ слышитъ. Въ прошлую осень въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Московской губерніи у какого-то купца М. въ домѣ нѣсколько ночей сряду слышался такой ужасный стукъ, что даже сама полиція ничего не могла сдѣлать и отъ бѣды отдѣлались только лишь молебнами съ водосвятіемъ. То же самое повторялось нѣсколько разъ въ самой Москвѣ, въ разныхъ губернскихъ городахъ и, помнится, даже разъ въ Петербургѣ, разумѣется, на Васильевскомъ островѣ. Лѣтъ шесть или семь назадъ, жители Казани были вдругъ всѣ разбужены послѣ обѣда какимъ-то неопредѣленнымъ гуломъ и стукомъ въ пространствѣ и со страху повыскакали на улицы. Военное начальство, на всякій случай, выстроило на главной улицѣ батальонъ солдатъ и подготовило пушки; пожарная команда тоже, на всякій случай, нахватилась, разумѣется, водой. Спрашивали о причинахъ мѣстныхъ профессоровъ, но такъ-какъ въ то время въ мѣстномъ университетѣ математическій факультетъ былъ слабоватъ, а нѣкоторые изъ профессоровъ спали, то непонятное явленіе и причислили къ разряду таинственныхъ, спиритическихъ, если можно такъ выразиться.

Если мы повнимательнѣе всмотримся въ нашу общественную дѣятельность и прослѣдимъ за поступками лицъ, облеченныхъ довѣріемъ общества, то и здѣсь не трудно убѣдиться, что безъ секретныхъ совѣщаній со всемогущими загробными духами дѣло не обходится. Ну, чѣмъ вы объясните, напримѣръ, подобный, очень нерѣдкій у насъ случай: предсѣдатель земской управы, предводитель дворянства или городской голова очень хорошо знаютъ, что завтра откроется собраніе и станутъ ихъ повѣрять. Они знаютъ, что изъ общественныхъ суммъ у нихъ затрачены на свои собственныя нужды значительные капиталы, которыхъ пополнить нечѣмъ. Знаютъ они все это, а между тѣмъ, наканунѣ страшнаго суда, ходятъ веселые-развеселые и въ усъ себѣ не дуютъ: кто же, какъ не всевѣдущій загробный

Digitized by Google

духъ, могъ шепнуть имъ на ухо, что ничего имъ не будетъ худаго: все какъ съ гуся вода? И вѣдь, дѣйствительно, почти всегда съ рукъ сходитъ, въ чемъ вы легко можете убѣдиться изъ отчетовъ собраній и множества корреспонденцій, изъ которыхъ мы не дѣлаемъ здѣсь выписокъ единственно потому только, что будемъ говорить объ этомъ предметѣ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. А то и вотъ какія еще вещи творятся, если корреспондентъ говоритъ правду, въ чемъ, впрочемъ, трудно сомнѣваться:

«Изъ Серпухова, Московской губерніи, сообщаютъ въ «Русскія Вѣдомости», что, по требованію московской губернской земской управы, 9-го января нынѣшняго года серпуховскою управой, частнымъ образомъ, съ кѣмъ-то изъ ревностныхъ дѣятелей земства, были отправлены, для доставленія въ губернскую управу, 10 тысячъ рублей, которые по 15-е апрѣля, по назначенію, какъ достовѣрно извѣстно, не доставлены; объ участи этихъ 10 тыс. руб., неизвѣстно гдѣ обрѣтающихся три мѣсяца, никто не заботится и не интересуется узнать».

Повидимому, рискъ большой. Можно *небезопасенъ* проспать и угодить даже подъ судъ, но спириту ничего такого трусить не приводится: у него непремѣнно есть тамъ, гдѣ-нибудь, про запасъ какой-нибудь «духъ Василій», который изъ бѣды выручитъ. Иной разъ бываетъ и такъ, что срывается, но очень рѣдко.

Вообще, во всѣхъ дѣлахъ, какого бы рода они ни были, не трудно замѣтить присутствіе какой-то необъяснимой, таинственной силы, той именно силы, которою хвалятся спириты. Общество живетъ само по себѣ, съ нимъ никто не совѣтуется, но за то по ночамъ усталые дѣятели совѣщаются, вѣроятно, съ тѣнями давно умершихъ людей, спрашиваютъ, что имъ, при ихъ обстановкѣ, требуется, и отвѣты тщательно записываютъ въ книги, для исполненія. Возьмите, напримѣръ, хотя бы вопросъ о народномъ образованіи, разсужденіями о которомъ газеты довели своихъ читателей до одуря. Газеты между собою ругаются, обозлившіяся стороны начинаютъ попрекать другъ друга въ различныхъ государственныхъ преступленіяхъ, какъ дѣлаютъ разозлившіеся мелкіе чиновники и чиновницы, а между тѣмъ, въ это самое время, вопросъ все-таки остается для насъ самымъ темнымъ вопросомъ. Глядя на азартныя газеты, каждому приходятъ въ голову пословицы: «лѣсъ рубятъ—щепки летятъ» и «паны дерутся—у хлоповъ чубы трясутся», но на счетъ ясности мы все-таки почти ничего покуда не получили. Это все равно, что во время торжественнаго обѣда стоять внизу, въ прихожей: видно, какъ лакеи кушанья таскаютъ, слышенъ шумъ, издали похожій даже на ссору—и больше ничего. Впослѣдствіи только оказывается, что ни ссоры, ни драки вовсе тамъ и не было, потому что, кто ѣстъ за однимъ столомъ, тѣ дерутся рѣдко, если исключить изъ этого общаго правила

Digitized by Google

тоже художественный клубъ. Удивительно только, что дѣйствительно была такая маленькая распри изъ-за рѣчей, но что для умиротворенія оной найдено нужнымъ предпринять мѣры среднія, никого не обижающія и никого не удовлетворяющія, свидѣтельно, въ данномъ случаѣ, самыя что ни на есть наилучшія. Правда здѣсь добиться такъ же трудно, какъ изъ сухой скибины добить масла, да негдѣ ее взять-то и самимъ корреспондентамъ. Лондонскій корреспондентъ газеты «Times» подъ Седаномъ попалъ къ королю прусскому на бугоръ въ то самое время, когда Вильгельмъ писалъ на спинѣ адъютанта записку къ храброму Наполеону, а если какому корреспонденту на счетъ совѣщаній о народномъ образованіи удастся написать что-нибудь похожее на правду, то его немедленно заѣдятъ свои же газеты. «Кто это такой? Откуда онъ? Да это не чиновникъ ли министерства; иначе откуда ему узнать?» раздаются вопросы другихъ чиновниковъ. И начинается настоящій походъ на предполагаемаго чиновника-измѣнника и происки лишить его мѣста и пенсіи, хотя бы ему оставалось всего какихъ-нибудь два-три года до пенсіи. Словомъ, куда ни посмотришь, все тотъ же Весьегонскъ, гдѣ корреспондента за самую невинную корреспонденцію отсиживаютъ съ собаками, съ цѣлью переломать ему ребра, дабы другимъ не повадно было!

Всѣмъ извѣстно, что въ настоящее время разсматриваются проекты, составленные, будто бы, министерствомъ народнаго просвѣщенія; извѣстно, что въ коммисіи составились партіи, иначе бы, разумѣется, и въ газетахъ мы не встрѣтили ни брани, ни обвиненій въ неблагонамѣренности; но каковъ выйдетъ окончательный результатъ,—это извѣстно одному только всевѣдущему «духу Василію» или какому-нибудь Михайлѣ. Мы, т.-е. публика, напоминаемъ собою въ этомъ отношеніи послушныхъ учениковъ сиротки, разсаженныхъ вокругъ стола, не стеклянного, а простаго, деревяннаго, покрытаго сверху и съ боковъ толстою скатертью. Усадивши за столъ, какъ приказали положить руки на столъ, и мы сидимъ съ растопыренными пальцами и ждемъ съ разинутыми ртами, посматривая на своего учителя, проявленій волшебной силы. Мы знаемъ только, что въ обсуждаемыхъ прессами очень строго критикуются существующія у насъ учебныя заведенія и офиціальными цифрами доказывается ихъ негодность. Изъ собранныхъ министерствомъ свѣдѣній (напечатанныхъ уже въ газетахъ), мы видимъ, напримѣръ, что наши уѣздныя училища, въ особенности старшіе ихъ классы, совсѣмъ пусты. Болѣе, чѣмъ въ половинѣ всѣхъ уѣздныхъ училищъ (въ 245) въ третьихъ классахъ числится меньше десяти учениковъ, да и въ другихъ-то немногимъ больше. То же самое повторяется и въ гимназіяхъ, въ которыхъ оканчиваетъ курсъ лишь 4,2%. Изъ этихъ цифръ ясно видно, что общество наше не очень-то расположено къ существующимъ у насъ школамъ; министерство

Digitized by Google

тоже въ нимъ не расположенію, не причинѣ нерасположенія у нихъ различны. Отцы обучающагося множества всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что дѣтей ихъ въ существующихъ у насъ школахъ только лишь мучаютъ, напихиваютъ латынью, а дѣльному ничему не выучиваютъ; министерство же, наоборотъ, полагаетъ, что недостатки нашихъ классическихъ гимназій именно въ томъ и заключаются, что на древніе языки тратится мало времени. Конечно, министерству лучше знать, чего требуется, чѣмъ родителямъ, между которыми встрѣчается всякій сбродъ; но, такъ-какъ въ учебныя заведенія должны поступать дѣти всякаго сброда, а не однихъ только чиновниковъ министерства, то необходимо было придумать и для нихъ какія-нибудь учебныя заведенія. «Московскія Вѣдомости» приняли на себя трудную обязанность процѣдить этотъ сбродъ и рассортировать его, согласно его общественному положенію, въ нарочито устроенныхъ на сей конецъ учебныхъ заведеніяхъ. Проектъ ихъ вышелъ очень хитрый; само собою разумѣется, что онъ составляетъ только теоретическую подкладку проектовъ министерства, но, не имѣя послѣднихъ въ рукахъ, трудно разобрать, въ чемъ тутъ суть дѣла. Повидимому, основная тенденція состоитъ въ томъ, чтобы черезъ техническія школы, предназначаемыя для высшихъ промышленныхъ классовъ, упрочить экономическое господство послѣднихъ надъ массами, и тѣмъ ихъ успокоить относительно будущаго,—затѣмъ, классическимъ гимназіямъ предоставить исключительную привилегію воспитывать «руководящихъ судьбами своего народа и создающихъ ему его будущее», или, что тоже, высшій классъ, для котораго это руководство и созиданіе, по выраженію «Московскихъ Вѣдомостей», составляетъ потребность.

Впрочемъ, «Московскія Вѣдомости никому не указъ: что хотятъ, то и говорятъ. Еслибы вздумали обращать вниманіе на мнѣніе каждаго спирита-редактора, то систему народнаго образованія пришлось бы измѣнять каждые пять лѣтъ и окончательно сбить весь народъ съ послѣдняго толку. Здѣсь такое же разнообразіе во взглядахъ, какое замѣчается, напримѣръ, на нашихъ земскихъ собраніяхъ: кто во что горазъ, какъ говорится. Одинъ утверждаетъ, что школы вовсе не нужны, даже вредны. Другой совѣтуетъ ввести обязательное образованіе между крестьянами и собрать съ нихъ контрибуцію по полтиннику съ души. Третьи говорятъ, что и нынѣшнія приходскія школы, съ пономарями вмѣсто учителей, вполнѣ пригодны, но только нужно ввести въ нихъ обученіе «въ народномъ духѣ». Говорилось это, напримѣръ, въ одномъ изъ уѣздовъ Владимірской губерніи, гдѣ обученіе и до сей поры постоянно производилось чисто въ народномъ духѣ и вкусѣ. Выраженія: «въ народномъ духѣ», въ «русско-единонародномъ направленіи» и т. п. въ послѣднее время случается слышать особенно часто. Вѣроятно, до провинцій дошли нѣкоторыя выраженія изъ нашихъ

Digitized by Google

проектовъ, не только не вполнѣ: слишкомъ звонъ, да не знай, въ которой сторонѣ. Въ проектахъ эта фраза выражена опредѣленнѣе. Въ нихъ говорится (на сколько о проектахъ можно судить по опубликованнымъ извѣстіямъ): новыя училища должны сообщать дѣтямъ правильное развитіе въ истинно-христіанскомъ и единомъ народномъ направленіи, пріучая ихъ къ чистотѣ и опрятности, порядку и повиновенію, и т. п. Это понятно; а изъ частныхъ проектовъ даже и того не поймешь, что именно должно подразумѣвать подъ русско-народнымъ духомъ.

Вообще, у насъ мнѣнія отдѣльныхъ общественныхъ дѣятелей и печатныхъ органовъ, относительно того или другого животрепещущаго вопроса — до крайности разнообразны. Соберите, напримѣръ, всѣ статьи Гилярова-Платонова (ред. «Совр. Изв.») относительно послѣднихъ одесскихъ происшествій: къ какому вы придете заключенію? А вотъ къ какому: чтобы въ Одессѣ и вообще на югѣ и западѣ Россіи не повторялись драки съ евреями, нужно ихъ разселить по всей Россіи равномѣрно, въ извѣстной, очень сложной пропорціи (точно о какомъ-нибудь сиропѣ рѣчь идетъ!). Или, другой способъ: взять всѣхъ евреевъ, живущихъ въ Россіи, и поселить ихъ на какомъ-нибудь островѣ, въ родѣ Сахалина, запретивши имъ выѣздъ оттуда: пусть, молъ, они тамъ торгуютъ и надуваютъ другъ друга, какъ хотятъ! Вообще, на русскій народъ эти гг. патріоты-редакторы смотрятъ, какъ на неразумныхъ дѣтей, которымъ нельзя въ руки ножа давать.

«Южный край «ожидовляется», — пишетъ почтенный патріотъ-редакторъ въ одной изъ статей своихъ, сочиненныхъ по поводу одесскихъ безпорядковъ, — вотъ что приходилось слышать намъ не разъ. Евреи въ Новороссійскомъ краѣ не только распространяются, но все захватываютъ въ свои руки; захватываютъ притомъ не только не оплодотворяя края, но высасывая сокъ изъ него, изсушая силы, истощая населеніе; они все берутъ и ничего не даютъ, ничего не приносятъ, ни капиталовъ, ни труда, ни просвѣщенія, а одну изворотливость, и притомъ направленную на одно мздачество. Вотъ причина негодованія, котораго не знаетъ средняя Россія, пока еще не засосанная *этими паразитами*, ни западная Россія, уже засосанная ими въ конецъ, такъ что и голоса подать не въ силахъ. Но южный край находится именно въ положеніи перехода: отъ возможности пользоваться благосостояніемъ въ собственную выгоду — къ полному разоренію въ исключительную пользу евреевъ.

«Правда ли, что общество пароходства и торговли успѣло стать въ сущности обществомъ еврейскимъ? Правда ли, что южныя желѣзныя дороги сплошь въ рукахъ еврейскихъ? Правда ли, что поземельное владѣніе мало по малу, но быстро, все переходитъ въ еврейскія руки? Правда ли, что весь не только крупный, но и мелкій закупъ хлѣба, перешелъ въ послѣднее

Digitized by Google

время къ тѣмъ же евреямъ? Если все это правда — а говорятъ — правда, положеніе осѣдлаго населенія горькое, и горькое именно потому, что оно есть истощеніе его силъ, ничѣмъ не вознаграждаемое и ничѣмъ не оправдываемое».

Далѣе приводится рецептъ, по которому злосчастные русскіе люди могутъ составить себѣ лекарство отъ евреевъ, какъ отъ холеры. Рецептъ этотъ заключается въ равномѣрномъ разселеніи евреевъ по губерніямъ въ такой пропорціи, въ которой они, будто бы, вредить не могутъ. «Въ Волынской губерніи, — говоритъ аптекарь — на 1.200,000 православнаго населенія приходится 200,000 евреевъ, въ Виленской губерніи на 265,000 православныхъ—100,000 евреевъ. Между тѣмъ какъ въ Кіевской губерніи, на 1.700,000 православныхъ — 5,000 евреевъ, а въ Курской губерніи на 1.800,000 православныхъ всего 430 человѣкъ. За то волынское населеніе и терпитъ отъ евреевъ, а куряне вѣрно о нихъ и не думаютъ. Пусть бы число евреевъ въ Курской губерніи дошло до 6,000 (пришлось бы 3 еврея на 900 правосл.), — разсѣянные на пространствѣ 39,600 квад. верстъ, занимаемыхъ Курскою губ., эти 6,000, право, не могли бы, кажется, оказать какое бы то ни было вредное вліяніе на населеніе. Сохраняя приблизительно эту пропорцію (полагая даже 5 евреевъ на 1,000 правосл.) для Волынской губ., въ ней осталось бы только 6,000 евреевъ, остальные должны были бы разселиться по другимъ мѣстамъ».

Итакъ, самая безвредная пропорція найдена: пять евреевъ на тысячу русскихъ не только не вредны, но даже, быть можетъ, полезны, какъ, напримѣръ, мышьякъ въ ничтожныхъ дозахъ, отъ котораго, говорятъ, толстѣютъ. Дѣло, повидимому, очень простое: взялъ всѣхъ евреевъ, да и пересадилъ ихъ, какъ капустную розсаду, куда слѣдуетъ. Можно снарядить огромные поѣзды съ евреями по желѣзнымъ дорогамъ, можно наполнить ими цѣлые отдѣльные караваны по судоходнымъ рѣкамъ, и, останавливаясь на пристаняхъ, высаживать ихъ на лодкахъ, куда сколько слѣдуетъ — все это очень удобно, если смотрѣть на евреевъ какъ на капустную розсаду, но, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, дѣло нѣсколько усложняется. Даже минеральные и органическіе яды дѣйствуютъ на различные организмы до крайности различно: что одному здорово, то другому смерть; а въ отношеніи къ этому, такъ-называемому умственному или растлѣвающему яду это правило еще болѣе примѣнимо. Достаточно было какой-нибудь сотни корабельщиковъ-англичанъ, вооруженныхъ опіумомъ, чтобы растлить милльоны индійцевъ и китайцевъ, постоянно готовыхъ нажраться и напиться до одуренія. Пропорція растлѣвающихъ къ растлѣваемымъ здѣсь такъ ужъ ничтожна, что приводится ухватиться за гомеопатію, въ которую я отъ души не вѣрю. Ясно, что чѣмъ забитѣе, чѣмъ дичѣе народъ въ извѣстной мѣстности, тѣмъ меньше должно быть смертоносныхъ евреевъ, и наоборотъ. Чтобы, напримѣръ,

Digitized by Google

растлить и разорить самого г. Гилярова, для этого, я полагаю, не хватить и двадцати-пяти самыхъ ядовитыхъ евреевъ, а чтобы съ кругу сжить и обобрать горную черемису, или смоленскихъ мужиковъ — для этого и одного на тысячу достаточно. Разумѣется, одного еврея туда не допустятъ свои собственные кулачки-русаки, которые тоже не хуже евреевъ спаиваютъ и обдираютъ земляковъ, хотя и въ народно-русскомъ духѣ; но вѣдь, все равно, и въ пропорціи пяти на тысячу евреямъ ходу не дадутъ же.

Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ никакими аптекарскими мѣрами не поможешь. Если развести по всей Россіи евреевъ по пяти человѣкъ на тысячу русскихъ, то озлобленные переселенцы (если они не убѣгутъ вовсе изъ дикой страны, которая позволяетъ себѣ обращаться съ ними, какъ съ капустной розсадой) все-таки поставятъ на своемъ и заберутъ все въ свои руки. Наши кулаки, награбивши вдоволь, начинаютъ обыкновенно пропивать награбленное и бросать свои занятія, а еврей не таковъ. Онъ всегда смотритъ въ оба, смотритъ на всѣхъ, какъ на враговъ (и не безъ основанія); евреи крѣпко поддерживаютъ другъ друга, чего у насъ нѣтъ; у евреевъ есть кредитъ, котораго у нашихъ нѣтъ, да и быть не можетъ, потому что непремѣнно надуетъ, если не по безчестности, то по безалаберности. Въ концѣ концовъ что же будетъ? Разумѣется, что: всѣ пять евреевъ и очутятся банкирами тысячнаго населенія, замѣнивъ собою русскихъ грабителей, дѣйствовавшихъ до сей поры спустя рукава, въ русско-народномъ духѣ. Одна опасность предстоитъ евреямъ: на нихъ обозлятся отставные грабители и станутъ напоминать незлобивому, несчастному народу тѣ отдаленныя времена, когда Христосъ несъ крестъ, а евреи не дали ему воды испить, хотя подобныя происшествія и въ послѣдующія времена повторялись очень нерѣдко. Могутъ начаться драки, въ родѣ одесской, только въ меньшихъ размѣрахъ, потому что процентъ меньше; причемъ, разумѣется, приведется раздѣливаться своими боками и привиллегированнымъ лицамъ, не пользующимся по закону правами тѣлеснаго наказанія.

Странные, право, у насъ эти господа патріоты, построенные какъ солдатская аммуниція, въ народно-русскомъ духѣ и вкусѣ! Повидимому, они любятъ народъ, но какъ-то по своему, по старинному обычаю, по которому любящій чадъ своихъ отецъ обязанъ бить взламывать имъ ребра и жарить по спинѣ плетью! Фактъ у всѣхъ на глазахъ: народъ обнищалъ, народъ не имѣетъ ни малѣйшаго кредита, съ него берутъ больше, чѣмъ онъ можетъ дать. Разжившіеся русскіе, по лѣности, не желаютъ давать никому въ долгъ, за исключеніемъ только одного условія: «встань внизъ головой, или пролежи два часа не мигнувъ ни разу — тогда дамъ, а иначе сто плетей!» — еврей, пользуясь невзгодой чуждаго ему народа, даетъ въ долгъ, хотя и за жидовскіе проценты, но, по крайней мѣрѣ, безъ озорства; и вы-

новать все-таки евреев, которого надобно учесть куда-нибудь подальше, насильно, чтобы не разорялъ людей, и безъ него уже давно разоренныхъ и упавшихъ духомъ!

«Глупо пѣнять на зеркало, когда рожа крива», говоритъ грубая, но за то правдивая народная пословица. Роль зеркала въ поговоркѣ играютъ, разумѣется, евреи, которые попали въ эту роль въ той или другой мѣстности совершенно случайно: не будь евреевъ, все равно, на ихъ мѣстѣ непремѣнно очутятся или греки, или нѣмцы, или, наконецъ, русскіе кулаки. Одесскія безобразія очень многими именно и объясняются не чѣмъ инымъ, какъ конкуренціею между богатыми евреями и греками, которые по части эксплуатаціи не дошли еще до евреевъ, а значеніе нѣмцевъ въ Россіи всѣмъ уже очень хорошо извѣстно. Евреи, дѣйствительно, не въ одной только Россіи, но вообще на всемъ земномъ шарѣ преобладаютъ по банкирской, желѣзнодорожной и, вообще, торговой части, а нѣмцы въ Россіи пользуются рѣшительнымъ преобладаніемъ въ администраціи нашей, преимущественно по военному вѣдомству, гдѣ почти всѣ крупныя мѣста заняты нѣмцами. Послѣ этого, значитъ, и нѣмцевъ тоже нужно взять и развезти по всей Россіи равномѣрно, по пяти на тысячу? Точно будто, въ самомъ дѣлѣ, не все равно, кто именно обираетъ народъ: нѣмцы, греки, евреи, или русскіе кулаки? Осмотритесь-но повнимательнѣе вокругъ: вѣдь евреевъ у насъ почти нѣтъ, а что, однако, творится? Одинъ купецъ-заводчикъ, чисто-русскій, кормитъ своихъ рабочихъ обрѣзками кожъ съ дохлыхъ коровъ, другой изгоняетъ 500 рабочихъ за то, что полиція приказала ихъ содержать получше, изъ опасенія холеры. Третій моритъ тысячи голодныхъ землекоповъ въ сырыхъ баракахъ, или на баржѣ, посреди Волги. Четвертый... да стоитъ ли ихъ считать-то, и можно ли сосчитать всѣхъ?

Если мы, не увлекаясь смѣшными проектами, взглянемъ на дѣло прямо съ той стороны, съ какой слѣдуетъ, то увидимъ, что русскій человѣкъ именно и поставленъ въ такое положеніе, при которомъ непремѣнно кто первый палку взялъ, тотъ надъ нимъ и капралъ. Возьмите, напримѣръ, современное положеніе крестьянъ южныхъ губерній, про которыхъ сказано, что они *ограбляются*. Они, вопервыхъ, платятъ податей и повинностей втрое больше, чѣмъ какіе бы то ни было колонисты, греки ли или нѣмцы, живущіе рядомъ съ ними. Сельскихъ банковъ для нихъ никто не заводилъ и вообще кредитомъ они вовсе не пользуются, такъ что, въ случаѣ нужды, попадаются въ лапы первому встрѣчному. Школъ у нихъ или вовсе нѣтъ, или есть негодныя: ну, можно ли при этихъ условіяхъ пѣнять на зеркало, т.-е. на евреевъ? Въ Черниговской губерніи недавно собирались земскія коммисіи, для обсужденія дѣйствительно важнаго вопроса: какое крестьянское имущество и при какихъ обстоятельствахъ можетъ быть продаваемо на пополненіе недоим-

Digitized by Google

какъ, безъ разсмотрѣнія крестьянъ, разумѣется, комиссіи, несмотря на всѣ старанія, въ концѣ концовъ пришли къ отрицательному отвѣту, т.-е. что такого крестьянскаго имущества нѣтъ. Одна только уѣздная управа указала на зеркала, мебель, чайные сервизы и т. п., но ей его просто захотѣлось вѣроятно позлить отъ скуки. Впрочемъ, какъ знать: быть можетъ, есть и такіе господа, которые серьёзно подозрѣваютъ у крестьянъ чайные сервизы и зеркала, не искривляющія рожъ у изслѣдователей крестьянскаго благосостоянія. Если такіе господа въ дѣйствительности существуютъ, то смоленская коммисія для изслѣдованія причинъ крестьянской нищеты навѣрное была составлена именно изъ нихъ. Члены этой благородной коммисіи, по разсказамъ корреспондентовъ, всю зиму скакали по голодной губерніи по волостнымъ правленіямъ, и вездѣ сердито спрашивали у волостного начальства: «сыты ли у васъ тутъ?» на что испуганные начальники отвѣчали: «точно такъ, ваше в—діе!» Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» такимъ образомъ описываетъ эту чиновничью процедуру:

«Волостное начальство, замѣтивъ недовольство, когда ему кто нибудь заикнется о безвыходномъ положеніи крестьянъ, стало смекать, что, пожалуй, все это отнесутъ въ вину ему, начальству, и потому начало поспѣшно составлять требуемыя вѣдомости. Мнѣ самому случилось слышать, какъ, на вопросъ о количествѣ запашки, крестьянинъ отвѣчалъ, что онъ было вспахалъ двѣ полосы, на которыхъ надѣялся высѣять двѣ четверти, но когда урожай и молотъ обманули его ожиданія, то онъ принужденъ былъ засѣять одну. Волостное начальство не преминуло поставить на ведомости количество запашки такого-то двѣ четверти. Не менѣе курьёзно были собираемы свѣдѣнія о скотѣ: зажиточный крестьянинъ показалъ, что у него 3 овцы; это заставило усумниться волостное начальство, послѣ чего онъ пояснилъ, что лѣтомъ у него было 12 овецъ, но когда зимой, отъ недостатка сѣна, онъ началъ ихъ кормить пыщей, т.-е. конопляной мякиной, то у него ихъ осталось показанное число; *все это было отнесено къ явному недосмотру хозяина*, а количество овецъ въ вѣдомости проставлено 12. Другой крестьянинъ, отвѣчая на вопросъ, сказалъ, что у него одна корова, да и та запродана евреямъ, которые возьмутъ ея, по договору, послѣ теля; въ вѣдомости же оказывается, что этотъ бѣднякъ—обладатель коровы и телки. Такихъ фактовъ тьма; и я ихъ рѣшился привести только для курьёза и т. д.».

Такимъ же точно образомъ собирались, а быть можетъ и собираются теперь статистическими комитетами свѣдѣнія, на основаніи которыхъ высшее правительство послѣ соображаетъ, сколько можно взять съ народа безъ малѣйшаго обремененія. Впрочемъ, петербургской коммисіи простительнѣе такъ дѣйствовать, чѣмъ мѣстнымъ комитетамъ: петербургскія коммисіи обыкновенно составляются изъ того именно классически-образован-

Digitized by Google

наго «*смешанные классы, руководящаго судьбами своего народа и создающаго ему его будущность*», о которомъ упоминаетъ г. Катковъ, а созидателямъ будущности народной какое-же можетъ быть дѣло до крестьянской коровы, или свиньи? Еще странно немножко, какъ это господа «созидатели», при собираніи статистическихъ свѣдѣній, не приступили кое-гдѣ къ тѣлеснымъ наказаніямъ за недосмотръ, напримѣръ? Вѣдь и такъ иной разъ случалось: спросить: сколько у тебя коровъ?—Одна, родимый. Какой я тебѣ родимый! отвѣчай безъ глупостей: почему-же только одна?—Было три коровушки, ваше благородіе, да какъ сѣнцо-то не уродилось, да крыша съ избенки пошла на кормъ—продалъ, за полцѣны продалъ!—Дуракъ! пьяница! кричитъ «созидатель будущности» и, смотришь, иной разъ оштрафуетъ.

Какъ бы тамъ ни было, но, по слухамъ, коммисія послѣ утомительнаго и въ сущности ненужнаго скаванья по волостнымъ правленіямъ, пришла къ такому убѣжденію: мрачная картина крестьянскихъ невзгодъ будто-бы не болѣе, какъ «вредная химера, а огромныя недоимки Смоленской губерніи—это преступный продуктъ бездѣйствія мировыхъ посредниковъ и полицейскихъ властей». Какъ, вѣроятно, возрадуется и возвеселится знаменитый Скарятинъ-смоленскій съ братіею, когда узнаетъ о результатахъ изслѣдованій коммисіи! Хотя нынѣ вообще есть чему порадоваться этого сорта господамъ патріотамъ, печатнымъ органомъ которыхъ, вмѣсто безсильной «Вѣсти», сдѣлались могущественныя «Московскія Вѣдомости», но все-таки результаты, добытые коммисіей, до такой степени, говоритъ, были неожиданны, что изумили даже мѣстное высшее начальство, которое и само очень неохотно вѣрило, будто человѣкъ можетъ просуществовать нѣсколько мѣсяцевъ безъ удобоваримой пищи.

Еслибы существовала теперь покойница «Вѣсть», то она не утерпѣла бы: многому бы порадовалась на своихъ переднихъ столбцахъ. Вопросъ о просвѣщеніи идетъ, кажется, на ладъ, несмотря на коллективныя заявленія обиженныхъ родителей, начинающія появляться въ газетахъ. Члены коммисій начинаютъ давать отвѣты, вполнѣ приличные людямъ «создающимъ народу будущее», какое-бы то ни было. Только вотъ несносные мировые и окружные суды не поддаются: допекаютъ ужъ очень! Представьте, въ одномъ Петербургѣ, кажется, четвертаго ужъ генерала судятъ—и не оправдываютъ! Перваго генерала, угодившаго подъ судъ, не выручило даже оригинальное словечко «енгилисты», сказанное имъ сгоряча, а послѣдній—штатскій генералъ, служилъ прежде даже вятскимъ губернаторомъ, а все-таки его приговорили къ тюремному заключенію на два мѣсяца съ недѣлей. Это губернатора-то!

И вѣдь за что? Сами подумайте. Генералъ хотѣлъ осчастливить одну знакомую ему старушку, у которой за долги они-

Digitized by Google

сали все имѣніе, а въ томъ числѣ и попугая, безъ котораго старушка рѣшительно не могла жить. Генералъ выкупилъ попугая, принесъ его къ старушкѣ на пустую квартиру (по закону, кажется, остается только кровать, да икона), а у нее описали птицу во второй разъ. Конечно, генералъ могъ опять выкупить птицу и повторять выкупную операцію до безконечности хотя бы въ теченіе 49-ти лѣтъ, но такъ-какъ какъ это очень бы было похоже на обманный птичій выкупъ предъ праздникомъ Благовѣщенія, то генералъ рѣшился лучше дѣйствовать по закону. Началъ онъ ѣздить къ кому слѣдовало, но толку никакого добиться не могъ. Представьте: это губернаторъ-то, къ которому, бывало, всѣ спозаранку, не безъ трепета, на цыпочкахъ шли въ мундирахъ! Потомъ послѣдовала извѣстная исторія у мироваго судьи, въ камерѣ котораго генералъ не вытерпѣлъ: наговорилъ судьѣ дерзостей. Потомъ въ банкѣ понадобилось съѣздить: и тамъ не утерпѣлъ— обругалъ дуракомъ чиновника, потому что чиновникъ былъ въ обыкновенномъ сюртукѣ, а не во фракѣ со свѣтлыми пуговицами. И за это въ тюрьму на два слишкомъ мѣсяца!

Я не имѣю ни малѣйшей надобности приводить здѣсь всего дѣла цѣликомъ, но укажу только на нѣкоторыя, особенно выдающіяся мѣста, послужившія въ пользу дѣйствительному статск. сов. Компанейщикову. Оба оскорбленія генералъ нанесъ единственно потому, что онъ не привыкъ стоять и чего либо дожидаться по очереди, по порядку. И мировому судьѣ онъ заявилъ, что «не привыкъ стоять», и въ банкѣ чиновника обругалъ изъ за-того, что тотъ не согласился для него нарушить порядка, не въ примѣръ другимъ. Хотя на судъ предстало много свидѣтелей, уличающихъ генерала, но г. Компанейщиковъ настаивалъ въ судѣ, что онъ фразы «я всегда сижу въ сенатѣ» не говорилъ, даже не могъ сказать, *потому что подобныя слова доказывали бы только хвастливость и глупость его*». Къ несчастію, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что генералъ эту фразу произнесъ, но судъ все-таки не могъ ее принять какъ доказательство хвастливости и глупости—надобности въ этомъ никакой не было. Далѣе, бывшій вятскій губернаторъ Компанейщиковъ не отвергаетъ, что онъ въ банкѣ чиновнику сказалъ: «*это можетъ нравиться такому дураку*», но на судѣ онъ утверждалъ, что слово «дуракъ» относилъ вовсе не къ чиновнику, «*а можетъ быть даже и къ самому себѣ*». Конечно, еслибы судился не бывшій вятскій губернаторъ, а тотъ попугай, котораго генералъ выкупилъ для старушки, то судъ могъ бы принять это оправданіе, потому что попугаи дѣйствительно очень часто говорятъ «попка дуракъ», но въ данномъ случаѣ судъ могъ смотрѣть на эту фразу единственно какъ на доказательство дерзости. Мнѣ кажется, что защитникъ подсудимаго, г. Шкляревичъ, защищалъ своего кліента не совсѣмъ такъ, какъ бы слѣдовало: не мѣ-

стало-бы вопроще. О чинѣ бы, напримѣръ, намекнуть, о приемахъ, пріобрѣтенныхъ въ низшихъ должностяхъ, а то, что-жъ это такое: «по его мнѣнію, центръ тяжести обвиненія, съ точки зрѣнія общественнаго значенія и спеціальнаго права, лежитъ на томъ происшествіи, которое было въ канцеріи мирового судьи 10-го участка»? Ну, зачѣмъ тутъ было упоминать о центрѣ тяжести обвиненія, съ точки зрѣнія и т. п.? Дѣло-то вѣдь очень простое: человѣкъ обругался—не витерпѣлъ, потому что занималъ мѣста хорошія,—ну, такъ и говори. Быть можетъ, и полегче было-бы? Наконецъ, мнѣ кажется, присяжному-то повѣренному никакъ-бы уже не слѣдовало настаивать на томъ, будто г-на Ѳедорова генералъ имѣлъ право назвать дуракомъ, потому что тотъ былъ не въ форменномъ фракѣ, а въ сюртукѣ. Достаточно было для этого припомнить, что и сами-то присяжные повѣренные ходятъ тоже не въ форменныхъ фракахъ, а одного маленькаго серебрянаго столбика, мнѣ кажется, еще недостаточно для надежной защиты. Вообще, думается мнѣ, что въ дѣлѣ генерала Комиссанейщикова въ защитники нужно было пригласить не кого иного, какъ г. Локвицкаго: это единственный защитникъ въ данномъ случаѣ. Этотъ знаменитый адвокатъ такъ искусно и безпощадно умѣетъ *отдѣлывать противную ему* сторону, что, вѣроятно, оскорбленный чиновникъ взялъ бы свою жалобу назадъ, еслибы узналъ, съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло въ судѣ.

Кстати рѣчь зашла о защитникахъ; нужно ими и закончить.

Къ обязанностямъ защитника невозможно относиться иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ, разумѣется; но мнѣ кажется неправильною та теорія, по которой защитники считаютъ себя обязанными оправдывать каждаго, въ какомъ бы преступленіи кто ни попался. Можно стараться смягчить по возможности приговоръ, подъискивать обстоятельства, уменьшающія вину, въ особенности когда обвинитель окажется слишкомъ ужъ ретивымъ, не стараться доказывать, что возмутительный проступокъ вовсе невозмутителенъ,—это ужъ какъ-то некрасиво, а между тѣмъ случается. Вотъ хотя бы нижегородское дѣло купца Колчина, который мчался по улицѣ сломя голову и ушибъ проходившую въ это время дѣвушку. Купцу Колчину за его проступокъ не грозила ни тюрьма, ни Сибирь; защитникъ его, нарочно выписанный изъ Петербурга, г. Передольскій, разумѣется, очень хорошо зналъ, что скакать стремглавъ по улицамъ и давить людей не позволяется, но онъ все-таки принялся оправдывать Колчина, да еще какъ оправдывать! Колчина обвиняютъ въ томъ, зачѣмъ онъ скакалъ по улицѣ, а защитникъ на это отвѣчаетъ, что «даже самъ министръ юстиціи и всѣ сановныя лица ѣздятъ тоже скоро»!—То-есть, въ сущности, вовсе не оправдываетъ Колчина, а взводитъ бездоказательное, голословное обвиненіе на министра юстиціи и на всѣхъ петербургскихъ сановниковъ, до которыхъ нижегород-

скому суду и дѣла никакого нѣтъ! Чрезъ нѣсколько минутъ, впрочемъ, г. Передольскій какъ будто вспоминаетъ, о чемъ идетъ рѣчь и говоритъ, «что еслибы Колчинъ ѣхалъ непомѣрно скоро, то экипажъ его *разлетѣлся-бы въ дребезги*». Опять-таки нелогично, невѣрно и можетъ лишь служить доказательствомъ незнакомства г. Передольскаго съ устройствомъ порядочнаго экипажа. Можно подумать, что г. Передольскому удавалось только ѣздить на какихъ-нибудь гнилыхъ экипажахъ, напр. на московскихъ *ситарахъ*, а между тѣмъ трудно это допустить: защищая гг. Колчиныхъ, можно позволить себѣ кое-какую, маленькую роскошь. Замѣтивши, что въ разбитіе экипажа въ дребезги никто не вѣритъ, г. Передольскій началъ вдругъ, ни съ того ни сего, расхваливать Колчина, который, будто-бы, «и мухи не обидитъ», хотя дѣвицу-то все таки придавилъ, о чемъ собственно шла и рѣчь. Когда, наконецъ, и муха не вывезла и прокуроръ, не взирая на доброту Колчина, настаивалъ на его виновности, такъ-какъ онъ обязанъ былъ удержать своего кучера отъ непомѣрнаго увлеченія, то г. Передольскій высказалъ слѣдующій блестящій афоризмъ: «скорость ѣзды—сказалъ онъ,—не зависитъ ни отъ кучера, ни отъ господина, а *отъ мускуловъ лошади*. Иная брыкается, другая такъ бѣжитъ, что и удержать нельзя»!

Ну, что это, спрашиваю я васъ, за защита, и стоило-ли для такой защиты г. Передольскому ѣздить за тысячу верстъ отъ Петербурга, гдѣ его никто не зналъ и не слыхивалъ? Слышно, что и въ Нижнемъ толковали: зачѣмъ-де его къ намъ привезли—развѣ у насъ здѣсь нѣтъ такихъ-то?

Да, въ очень иногда неловкое положеніе ставятъ себя, совершенно добровольно, наши гг. адвокаты; вотъ хоть бы даже и г. Передольскій. И изъ-за чего, подумаешь? Положимъ, купецъ Колчинъ мухи не обидитъ, и богатый онъ человѣкъ, и арестантскіе пароходы у него есть, но все-таки зачѣмъ же дѣвицъ-то на улицахъ давить? А, главное, защищать-то зачѣмъ, въ особенности если не умѣешь?

Д.

Digitized by Google

ПРОГРЕССИВНАЯ РУТИНА.

(Къ вопросу о классическомъ и реальномъ образованіи).

Насъ уже много разъ спрашивали нѣкоторые изъ нашихъ друзей и знакомыхъ: отчего мы не принимаемъ участія въ текущей горячей и нѣкоторымъ образомъ даже бурной полемикѣ по вопросу о классическомъ и реальномъ образованіи? Почему не выскажемъ нашего мнѣнія? Мы отвѣчали на это скромно, что «мы не разъ и не два, а много разъ, по разнымъ случаямъ, высказывали, какихъ мы по этому предмету держимся воззрѣній, и думаемъ, что этого довольно для тѣхъ, кому любопытно знать наше мнѣніе».—«Да нѣтъ, это все не то; желательно, чтобы вы не вообще только высказались за реальное образованіе; желательно, чтобы вы сказали ваше мнѣніе именно о тѣхъ проектахъ техническихъ школъ, о которыхъ теперь идетъ споръ». — «Но что-жь мы можемъ говорить объ этихъ проектахъ, отвѣчали мы:—когда ихъ у насъ нѣтъ въ рукахъ? Мы будемъ говорить о нихъ дурно, а быть можетъ, когда они будутъ обнародованы, они намъ понравятся. Тогда что мы будемъ дѣлать? Поворачивать назадъ или упираться, на чемъ стали, хотя бы это было противъ нашего убѣжденія? Вѣдь согласитесь, что то и другое было бы, по меньшей мѣрѣ, нерезонно. Конечно, нельзя не пожалѣть, что у насъ проекты, которыми занята вся публика и о которыхъ ежедневно ведетъ горячіе споры журналистика, не обнародованы, держатся почему-то въ секретѣ; но намъ все-таки ничего не остается, какъ молчать и ждать, пока они будутъ обнародованы». Недавно тотъ же самый вопросъ о нашемъ молчаніи обратилъ къ намъ почтенный обозрѣватель журналистики въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Мы были бы въ правѣ отвѣчать и ему то же самое, что отвѣчали прежнимъ нашимъ вопрошателямъ. Но онъ пошелъ далѣе. Онъ находитъ страннымъ наше равнодушіе къ такимъ живымъ общественнымъ вопросамъ, какой представляетъ собою въ данный моментъ вопросъ о классическомъ и реаль-

Digitized by Google

вомъ образованіи, и говоритъ, что игнорированіе такихъ живыхъ вопросовъ наноситъ значительный ущербъ живости содержанія нашего журнала. Вотъ этого упрека, признаться, мы никакъ не ожидали! Обходя вопросъ о классическомъ и реальномъ образованіи въ данный моментъ, мы, напротивъ, думали, что сохраняемъ живость нашего журнала, избавляемъ его отъ рухляди, ни къ чему негодной, а нашихъ читателей, конечно, тѣхъ, которые понимаютъ суть дѣла, отъ скуки и зѣвоты, неизбѣжныхъ при наболѣвшихъ спорахъ de lana caprina. Очевидно, что почтенный рецензентъ перемѣшиваетъ вопросы шумные съ вопросами живыми. По нашему мнѣнію, это далеко не одно и то же. Вопросъ можетъ быть иногда очень шумнымъ и быть вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не живымъ, а оставаться рутиннымъ, мертвымъ, и наоборотъ, очень живой вопросъ можетъ не возбуждать никакого шуму. Доказательствомъ этой истины могутъ служить всѣ средневѣковые схоластическіе споры, которые всѣ были очень шумны и вмѣстѣ съ тѣмъ въ существѣ своемъ рутинны и мертвы. Подтвержденіе той же истины мы можемъ указать и въ нашей исторіи. Назадъ тому около 200 лѣтъ въ Москвѣ происходили самые горячіе споры о двухперстномъ и трехперстномъ крестосложеніи, о хожденіи по солонь и т. д. Споры велись, какъ свидѣтельствуетъ патріархъ Іоакимъ въ своемъ «Увѣтѣ духовномъ», въ домахъ, на улицахъ, на площадяхъ; въ спорахъ принимали участіе всѣ, отъ мала до велика, даже простыя женщины. Очевидно, вопросъ былъ болѣе шумный, чѣмъ нынѣшній вопросъ о классическомъ и реальномъ образованіи, но самъ г. рецензентъ, конечно, признаетъ, что этотъ шумный вопросъ нельзя назвать живымъ вопросомъ.

Подобные шумные и вмѣстѣ съ тѣмъ мертвые вопросы служатъ вообще вѣрнымъ признакомъ сильно преобладающей или даже исключительно господствующей рутины въ извѣстномъ обществѣ. Вмѣшательство въ подобные споры неудобно тѣмъ, что оно всегда останется безплоднымъ, за неимѣніемъ въ обществѣ достаточнаго количества живыхъ элементовъ, которые могли бы сдѣлаться носителями и представителями живой мысли. По всей вѣроятности, и во время патріарха Іоакима, когда шли ожесточенные и повальные споры о крестномъ знаменіи, хожденіи по солонь, въ московскомъ обществѣ было немало людей, которые понимали всю пустоту этихъ споровъ, однакожь никто изъ нихъ не рѣшился явиться и съ лобнаго мѣста заявить спорящимъ партіямъ, что онъ думаетъ объ ихъ спорѣ. Почему? Потому что, выражаясь языкомъ XVIII вѣка, умоположеніе общества было такое, что оно неспособно было выслушать эту истину; онъ только раздражилъ бы и ту, и другую партію, и былъ бы, пожалуй, побитъ каменьями, не принеся своею проповѣдью и своею смертію никому пользы. Мы, конечно, не можемъ находиться въ такомъ положеніи, въ какомъ

Digitized by Google

находящимся возможностью высказывать свои мнѣнія лишь предшествующій XVII столѣтіе; насъ не побѣдятъ маленькими мы не предадутъ лицемѣрія, какъ бы рѣзко и безпощадно ни нападали на исключительныя мнѣнія другихъ. Одинокимъ, можетъ быть и въ нашемъ положеніи нѣтъ подобнаго. Если предположить, что господствующее умозрѣніе нашего общества въ настоящій моментъ вполнѣ исчерпывается воззрѣніями двухъ спорящихъ партій, какъ въ XVII столѣтіи оно исчерпывалось вполнѣ воззрѣніями двухъ враждующихъ партій, наше же личное мнѣніе не только не подходитъ къ воззрѣніямъ ни той ни другой изъ спорящихъ сторонъ, напротивъ, оба ихъ безъ остатка исключаетъ, то высказывать нашъ мнѣніе въ такой неблагопріятный моментъ, не значитъ ли только раздражать партіи, не принося тѣмъ никакой пользы дѣлу? А мы именно дѣйствительно въ такомъ отношеніи къ спорящимъ о классическомъ и реальномъ образованіи партіямъ. Мы не сочувствуемъ ни тенденціямъ защитниковъ министерства народнаго просвѣщенія, ни тенденціямъ ихъ противниковъ. Этого мало: мы не сочувствуемъ не только нынѣшнему министерству, но мы все равно не сочувствовали и прежнимъ, и впредь не будемъ сочувствовать ни одному министерству, которое, подобно прежнимъ, будетъ хлопотать только объ образованіи нашихъ привилегированныхъ классовъ, обращая лишь самую ничтожную долю своего вниманія на народъ. Нашимъ желаннымъ министерствомъ будетъ лишь то министерство, которое, по крайней мѣрѣ, половину своего бюджета отдѣлитъ на образованіе крестьянъ и установитъ здѣсь прочную учебную систему, а затѣмъ, чѣмъ ему заблагоразсудится начинить головы учащихся барчатъ и полубарчатъ, латинскими ли и греческими ли вокабулами, или классификаціей Линнея и химическими формулами—это для насъ почти что все равно. Въ этомъ направленіи мы идемъ очень далеко—такъ далеко, что наши нижеслѣдующія слова, по всей вѣроятности, приведутъ въ ужасъ не только всѣхъ реалистовъ, но и классиковъ, но тѣмъ не менѣе, разъ рѣшившись говорить, мы ихъ выскажемъ. Еслибы г. Катковъ, о которомъ говорятъ, что онъ хочетъ загородить дорогу въ университетъ для всѣхъ непривилегированныхъ классовъ (онъ самъ отрицаетъ это, но, положимъ, что говорятъ о немъ правду)—сказалъ: пусть дадутъ мнѣ въ управленіе министерство народнаго просвѣщенія и я вполнѣ осуществлю то, чего вы желаете; я отниму у дворянскихъ дѣтей тѣ деньги, которыя тратитъ на нихъ казна, и употреблю ихъ на народное образованіе—я устрою прочную систему этого образованія—я сдѣлаю то, что черезъ 10—15 лѣтъ не будетъ проходить въ жизнь ни одного крестьянскаго мальчика, ни одной крестьянской дѣвочки безъ предварительнаго хорошаго обученія въ школѣ, всѣ способные изъ нихъ будутъ проходить да-

Digitized by Google

же среднія реальныя или техническія школы; я исполню свое обѣщаніе добросовѣстно и честно: но только при этомъ я требую двухъ условій: 1) я не допущу ни одного крестьянскаго мальчика до университетскаго образованія и 2) такъ-какъ я убѣдился, что къ умственному развитію дворянскихъ дѣтей китайскій языкъ можетъ служить гораздо лучше греческаго, то вмѣсто 20 нынѣшнихъ еженедѣльныхъ уроковъ греческаго, я введу въ гимназіи 20 уроковъ китайскаго,—еслибы, говоритъ, г. Катковъ сказалъ намъ все это и спросилъ насъ: согласны ли мы, чтобы онъ на такихъ условіяхъ сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія,—мы, нисколько не задумываясь, отвѣчали бы: «да, вы если и не совсѣмъ нашъ желанный министръ, то все-таки лучшій всѣхъ, какіе доселѣ были».

«Кто же эти *мы*, спросятъ меня:—отъ имени которыхъ вы рѣшаетесь высказывать такія вещи? Кто можетъ быть такъ безучастенъ къ судьбамъ будущей интеллигенціи своего отечества, чтобы выказывать полное равнодушіе къ ея воспитанію, быть безразличнымъ къ тому, чему ее учатъ—учатъ ли ничему ненужнымъ вѣщамъ, даже китайскому языку, или полезнымъ наукамъ? Кто, далѣе, можетъ имѣть такъ мало уваженія и сочувствія къ народу, чтобы преграждать ему дорогу къ высшему развитію?»

Кто мы? Вы желаете знать это? Наше имя—легіонъ. И несмотря на то, что мы легіонъ—мы молчимъ, когда идетъ рѣчь о такомъ кровномъ для русскаго народа вопросѣ, какъ вопросъ народнаго образованія, и если рѣшились сказать нѣсколько словъ теперь, то единственно потому, что къ этому были вызваны. Почему мы молчимъ? Потому что, скажемъ мы словами кани въ «Живой душѣ», «на все свои полоса есть, свое время. Родилась барышня не въ свою полосу, и очутилась, какъ пѣшій соколъ между воронами...» Была и у насъ своя свѣтлая полоса, но не надолго была. Общество съ паденіемъ крѣпостнаго права было очищено отъ насѣвшей на него вѣками ржавчины; въ немъ вдругъ оказалась замѣчательная ясность пониманія и даже горячая энергія къ осуществленію высокихъ идеаловъ въ своей жизни. Но горячка быстро прошла. Началась, какъ справедливо выразился нѣкто, реставрація. Ржавчина стала снова насѣдать вездѣ и насѣла по мѣстамъ чуть ли еще не болѣе толстыми слоями, чѣмъ прежде. Видѣть предметы, покрытые ржавчиною, въ ихъ настоящемъ видѣ стало трудно даже для тѣхъ, которые зорко смотрятъ на все, не желая быть обманутыми. Остальное общество стало или во всему слѣпо, или ко всему равнодушно. И вотъ причина, почему мы, молча, должны присутствовать при разныхъ траги-комедіяхъ изъ нашей общественной жизни, и въ томъ числѣ разыгрываемой теперь по вопросу о классическомъ и реальномъ образованіи,—нижеслѣдующей:

Digitized by Google

МИЛЫЕ БРАНЯТСЯ ТОЛЬКО ТѢШАТСЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Классики, реалисты, земскіе святители.

Реалисты къ классикамъ. — Отдайте намъ ваши гимназіи.

Классики.—Нѣтъ, не отдадимъ.

Реалисты.—Наше образованіе лучше.

Классики. — Нѣтъ, наше лучше. Да что образованіе? Не въ немъ дѣло. Возьмите, если хотите, вотъ техническія школы.

Реалисты. — Хорошо, мы возьмемъ и техническія школы, но только сдѣлайте, чтобы изъ нихъ былъ доступъ въ университетъ. А то народъ будетъ роптать на насъ, что не допускаемъ дѣтей его до высшаго образованія, тогда какъ вы допускаете.

Классики.—А сколько у васъ будетъ дѣтей изъ народа?

Реалисты.—А у васъ сколько?

Классики.—Да наши гимназіи для народа и существуютъ, потому и называются народными. У насъ въ гимназіяхъ обучается дворянъ болѣе двухъ третей, изъ остальной трети болѣе половины купеческихъ дѣтей — зачѣмъ остатокъ распредѣляется почти поровну между дѣтьми иностранцевъ, духовнаго званія и сельскихъ сословій, такъ что на долю крестьянъ приходится 976 человѣкъ!

Реалисты. — 976 человѣкъ! Что-жь, купчикъ нарядный!? Богъ-даетъ, и въ нашихъ гимназіяхъ, комплектъ которыхъ будетъ состоять также изъ 96—наберется столько же, а пожалуй и цѣлая тысяча — и тогда будетъ изъ народа обучающихся въ гимназіяхъ 1,976 человѣкъ. Да еще въ земскихъ... (*Обращаясь къ земскимъ святителямъ*). — Вы сколько, господа, думаете основать всѣхъ земскихъ гимназій?

Земскіе святители. — Мы думаемъ со временемъ основать такие полный комплектъ, т.-е. 96 гимназій. И такъ-какъ мы деньги на наши гимназіи получаемъ отъ народа не черезъ государственное казначейство, а прямо изъ его рукъ, заводимъ гимназіи какъ бы въ складчину съ нимъ, то уже изъ одного благонравія намъ надобно будетъ постараться навербовать въ наши гимназіи крестьянскихъ дѣтей тысячь до двухъ.

Реалисты. — Браво! Въ классическихъ гимназіяхъ 976, въ реальныхъ 1,000, да въ земскихъ 2,000, — итого почти 4,000 дѣтей изъ народа! И всѣ они будутъ in potentia получать университетское образованіе!

Одинъ изъ земскихъ святителей. — Что это значитъ in potentia?

Одинъ изъ классиковъ.—Это значитъ, что они будутъ

Digitized by Google

имѣть право поступить въ университетъ, если съ успѣхомъ кончатъ курсъ гимназическаго ученія, если будутъ отличаться благонравіемъ, если общество выдастъ имъ увольнительное свидѣтельство изъ податнаго состоянія, если отцы ихъ будутъ въ состояніи платить за ихъ ученіе въ университетъ и ихъ содержаніе и т. д.

Одинъ изъ реалистовъ.—А что, вѣдь такимъ образомъ въ каждое десятилѣтіе будутъ изъ дѣтей народа человѣка по четыре, пожалуй, проходить университетскій курсъ. Нѣкоторымъ образомъ, каждое десятилѣтіе будетъ являться по четыре русскихъ Ломоносова! Браво!

Одинъ изъ святителей.—Да то ли еще можетъ быть впереди? Одинъ изъ членовъ суда у насъ уже третій годъ сидитъ надъ изысканіемъ средствъ для основанія гимназій судебныхъ. Теперь трудъ приходитъ уже къ концу. Онъ полагаетъ съ каждаго осужденнаго уголовнымъ порядкомъ или проигравшаго гражданскій искъ, сверхъ всѣхъ наказаній и взысканій, вносить еще извѣстный процентъ въ пользу просвѣщенія. Нѣтъ сомнѣнія, что осуществленіе этого проекта не встрѣтитъ затрудненія. Тогда, вѣроятно, еще и въ судебныя гимназіи можно будетъ пріютить дѣтей изъ народа до 1,000. Тогда во всѣхъ гимназіяхъ ихъ будетъ уже не 4,000, а 5,000 человѣкъ,—и, значитъ, въ каждое десятилѣтіе можно будетъ добывать до пяти Ломоносовыхъ.

Одинъ изъ классиковъ.—Да эта мысль объ основаніи судебныхъ гимназій превосходна! Помимо того, что съ судебными гимназіями число учащихся дѣтей изъ народа увеличится—образуется нѣкоторая гармонія. Видите: будутъ гимназіи реальныя и соотвѣтствующія имъ гимназіи земско или хозяйственно-реальныя; и затѣмъ гимназіи классическія и соотвѣтствующія имъ судебно или криминально-классическія. Чудесно!

Что далѣе послѣдуетъ въ этой комедіи, мы не знаемъ, и не можемъ сказать: исполнятся ли до точности всѣ классическо-реально-земско-судебно-дворянскія желанія, но есть нѣкоторые признаки, на основаніи которыхъ можно дѣлать кой-какія соображенія, не лишенныя вѣроятія. Земскія гимназіи помаленьку прибавляются себѣ да прибавляются и никто этому не препятствуетъ; слѣдовательно, ихъ существованіе и распространеніе признается лояльнымъ; а стало быть, у нихъ есть и будущее.—Партія классиковъ очень сильна и сомнительно, чтобы она, по крайней мѣрѣ, въ скоромъ времени уступила свои гимназіи во владѣніе реалистовъ. Но и партія реалистовъ не безъ силы; она можетъ, когда нужно, посчитаться съ арміею классиковъ и дать сдачи. Поэтому, если классики будутъ упорствовать и не сдадутъ своихъ гимназій реалистамъ, то послѣдніе въ скоромъ времени добудутъ себѣ полный комплектъ требуемыхъ ими гимназій. Это почти несомнѣнно, если всмотрѣться въ поло-

Digitized by Google

женія партій. Ни та, ни другая не захотятъ устраивать, — совершенно имъ вѣдомо нѣтъ никакихъ причинъ и даже не выгодно для нихъ нераздѣльныхъ интересовъ. Такимъ образомъ, не гимназіи классическія, реальныя, земскія, по всей видимости, безпокоиться нечего. Онѣ всѣ будутъ. Вопросъ о судебныхъ или криминальныхъ гимназіяхъ трудно сказать что-нибудь опредѣленное. Онѣ пока должны оставаться подъ сомнѣніемъ.

Послѣ всего этого можно ли къ намъ предъявлять упрекъ за то, что мы равнодушны къ судьбамъ будущей интеллигенціи нашего отечества? Положеніе, которое занимаетъ наша интеллигенція, какъ видно изъ приведенныхъ нами фактовъ, ясно показываетъ, что на нее много уже израсходовано и много теперь расходуется казенныхъ денегъ, что она давно поставлена на ноги и, къ сожалѣнію, успѣла даже пріобрѣсти такія загребистыя руки, что безъ всякаго смущенія простираетъ ихъ въ такія кассы, въ которыя она никакихъ вложеній не дѣлала. При такомъ положеніи можетъ ли наша интеллигенція нуждаться въ чьей-нибудь защитѣ, тѣмъ болѣе — въ нашей? И даже еслибы она призывала насъ помочь ей опустошать чужія кассы, то какой мелкій бы мы имѣли резонъ и оправданіе поспѣшить къ ней на помощь? Мы, напротивъ, удивляемся, что доселѣ не найдется ни одного честнаго реалиста, который объяснилъ бы своей партіи: «Господа! мы должны биться съ классиками до послѣднихъ силъ и во что бы то ни стало отстаивать нашъ принципъ и передачу въ наше владѣніе гимназій, находящихся въ рукахъ классиковъ. Еслибы борьба не удалась теперь, мы можемъ отложить ее до болѣе благопріятнаго времени; наше дѣло правое и несомнѣнно должно выиграть. Но мы не имѣемъ права требовать учрежденія второго комплекта гимназій, развѣ на свои деньги. Ибо требовать съ народа еще такое же количество денегъ, какое онъ даетъ уже на гимназіи, — на новый комплектъ гимназій, по меньшей мѣрѣ, неразсудительно и несправедливо. Какъ истинные реалисты, требующіе перемѣны системы образованія, не изъ неблаговидныхъ побужденій, личныхъ или сословныхъ, а именно въ интересахъ народныхъ, мы должны бы были отказаться отъ такого компромисса, еслибы въ удовлетвореніе намъ онъ былъ даже предложенъ. Мы обязаны протестовать даже противъ земскихъ гимназій, злоупотребляющихъ податною силою въ интересахъ сословныхъ». Но такъ не говоритъ вѣдь ни одинъ изъ спорящихъ реалистовъ. Напротивъ, всѣ они очень готовы войдти въ соглашеніе съ классиками на томъ, чтобы имъ на новые налоги устроили новый комплектъ реальныхъ гимназій. Не въ правѣ ли послѣ этого всякій, смотря на происходящую предъ его глазами борьбу классиковъ и реалистовъ, сказать, что малые бранятся, только тѣшатся?

Вотъ нашъ отвѣтъ тѣмъ, кто вздумалъ бы упрекать насъ въ равнодушіи къ судьбамъ нашей будущей интеллигенціи. Еще менѣе смутимся мы, если насъ будутъ упрекать въ недостаткѣ

Digitized by Google

любви къ народу, на томъ основаніи, что мы апоеиторированному нами министру, г. Каткову, вручаемъ судьбу народнаго образованія, на условіи недопущенія дѣтей народа до высшаго образованія. Въ нашихъ искреннихъ симпатіяхъ къ народу, въ нашемъ желаніи ему всего лучшаго, въ томъ числѣ и высшаго образованія, сомнѣваться трудно. Мы не принадлежимъ къ числу либеральничающихъ и даже либеральныхъ дворянъ, получили симпатіи къ народу не изъ книжекъ,—мы сами нѣкоторымъ образомъ только еще вчера изъ него,—ибо съ такою же гордостію, какъ и Базаровъ, можемъ сказать о себѣ, что «нашъ дѣдъ землю пахалъ». Но именно потому, что наши симпатіи къ народу вычитаны не изъ книжекъ, насъ трудно поддѣть на удочку высшаго образованія. Скажите: при вашемъ образованіи, построенномъ на цензѣ, гораздо болѣе тяжеломъ, чѣмъ цензъ выборный, при устройствѣ гимназій и университетовъ, приспособленномъ къ дворянскимъ привычкамъ и потребностямъ, на широкую ногу, кто изъ крестьянъ, исключая тѣхъ, которые, подобно бывшимъ шереметевскимъ, имѣютъ по 100 и болѣе тысячъ капиталу и состоятъ въ крестьянскомъ званіи по своимъ разсчетамъ,—кто, повторяемъ, изъ крестьянъ можетъ провести своего сына черезъ цѣлый гимназическій и университетскій курсъ? Укажите мнѣ крестьянина, который въ состояніи надерживать на своего сына ежегодно въ теченіе 11-ти лѣтъ отъ 300 рублей minimum до 500 рублей, лишаясь при этомъ дома полурабочей силы, что тоже надобно оцѣнить въ теченіе 11-ти лѣтъ хоть въ 600 рублей? И что послѣ этого значитъ, что въ уставѣ того или другого учебнаго заведенія, вы напишете, что и сынъ народа, по выдержаніи окончательнаго въ немъ экзамена, имѣетъ право на поступленіе въ университетъ? Вѣдь это насмѣшка надъ здравымъ смысломъ!—Когда-то, въ самое невѣжественное время Россіи, великій царь русскаго народа, можно сказать, безъ всякихъ средствъ, однимъ своимъ привѣтомъ ко всякому свѣту, откуда бы онъ ни исходилъ, умѣлъ вызвать изъ народа колоссъ умственной силы, который до сихъ поръ поражаетъ своимъ величіемъ. Мы говоримъ о Ломоносовѣ. Но этотъ колоссъ такъ и остается одинокимъ, и поставленъ точно въ укоръ для будущихъ образованныхъ поколѣній Россіи. Чѣмъ болѣе утверждалось и распространялось въ Россіи образованіе, тѣмъ оно дѣлалось эгоистичнѣе и замкнутѣе по кастамъ. Во время крѣпостнаго права, помѣщики приготовляли себѣ изъ своихъ крѣпостныхъ поваровъ, музыкантовъ, — далѣе образованіе не шло. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права образованіе загорожено цензомъ и стало недоступнымъ для всѣхъ бѣдныхъ людей, а слѣдовательно и для всего крестьянскаго населенія. Вмѣсто того, чтобы свалить эту преграду, загораживающую для простого народа доступъ къ образованію, пожалуй, болѣе, чѣмъ загораживало крѣпостное право, либералы хлопочутъ только о предоставленіи ему права на полученіе высшаго образованія. Авось, дескать, выудимъ Ломоносова. Нѣтъ, этимъ

Digitized by Google

не внудите. Крестьянину, если бы сынъ его оказался
ствительно доровитымъ, легче добиться исключительныхъ пр
для него на поступленіе въ университетъ изъ какого уго
училища, нежели заплатить впродолженіе 11 лѣтъ отъ 3
5 тысячъ рублей на его образованіе. А между тѣмъ мани
предоставленія правъ, никому не нужныхъ, ибо ими не мог
никакимъ образомъ воспользоваться наше крестьянство въ сво
настоящемъ положеніи, сдѣлалась такъ сильна, что невозмо
заговорить объ училищѣ даже у умирающихъ съ голоду
липовцевъ, чтобы не возникъ вопросъ о правахъ на универ
тетское образованіе. Какъ можно, говорятъ, не допускать
родъ до университетскаго образованія? Возможно ли со
шаться на среднія школы, изъ которыхъ не будетъ доступ
такому образованію? Но позвольте... рѣчь идетъ вѣдь о та
школахъ, которыхъ вовсе не существуетъ, и о такомъ нар
который теперь не получаетъ нетолько университетскаго
ровно никакого образованія, не учится даже грамотѣ. И
лица, имѣющія власть, соглашаются массы неучащагося до
народа привлечь къ ученію и открыть для нихъ среднія
денія не иначе, какъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы народ
имѣлъ доступа въ университетъ, то какой есть смыслъ о
цать подобныя школы? Далѣе, во всякомъ дѣлѣ важно уч
деніе, дающее твердую почву дѣлу, а никакъ не лицо, вре
но стоящее во главѣ учрежденія, и его личная воля. Ибо
учрежденіе вѣчно,—всякое же лицо и воля его преходящи.
проектированный нами министръ г. Катковъ согласенъ зак
въ данный моментъ училища для народа единственно съ
условіемъ, чтобы ни одинъ изъ учащихся въ этихъ заведен
не попадалъ въ университетъ, то изъ этого никакъ ещ
слѣдуетъ, чтобы эти заведенія остались на вѣкъ закры
для университетовъ. Вотъ царь Иванъ Васильевичъ Гро
допустилъ основаніе типографій въ Россіи, единственно
тѣмъ условіемъ, чтобы кромѣ богослужебныхъ книгъ онѣ
чего не печатали. А теперь изъ многихъ сотъ типографій
ществующихъ въ Россіи, едва-ли можно насчитать и д
такихъ, гдѣ бы печатались богослужебныя книги. Такъ и
нился характеръ и цѣль учрежденія. Кажется, Лассаль
рилъ, что если хотите произвести ту или другую реформу
для этого вовсе нѣтъ нужды поднимать безобразнаго газет
крику, тѣмъ болѣе не нужно дѣлать ни нравственныхъ, ни ф
ческихъ насилій, что̀ можетъ только повредить дѣлу—а н
постараться перемѣнить тѣ реальныя отношенія жизни,
рыя мѣшаютъ реформѣ—сдѣлать, чтобы онѣ были благоп
ны ей,—тогда реформа произойдетъ сама собою, безъ осо
ныхъ съ чьей-либо стороны усилій. Вы хотите дать на
доступъ къ университетскому образованію. Напрасно вы
те кричать объ этомъ, пока въ самомъ народѣ нѣтъ ника
свѣту и никакого стремленія къ высшему образованію.

Digitized by Google

не дадутъ требуемаго вами права, если не захотятъ дать, если дадутъ, то право это останется мертвымъ, ибо фактически народъ имъ не въ состояніи воспользоваться. Но протяните болѣе или менѣе значительную массу народа, положимъ, ъ только милліонъ черезъ низшія и среднія учебныя заведенія, тогда вопросъ объ университетскомъ образованіи для рода разрѣшится самъ собою. Тогда самая сила вещей потребуетъ открытія университетскихъ святилищъ для дѣтей народа и никто не замкнется этому противодѣйствовать.

о именно въ видахъ скорѣйшаго образованія какъ можно льшей массы народа, по нашему мнѣнію, надобно желать, бы въ настоящее время среднія учебныя заведенія, предназначенныя для него, были безъ права поступленія въ университетъ. Ибо всякое заведеніе, которое откроется съ этимъ правомъ, будетъ навѣрное на двѣ трети занято дворянами; за остальныя вакансіи будутъ доступны развѣ для зажиточнаго купечества. Потому что разъ сдѣлается заведеніе преимущественно дворянскимъ, оно сдѣлается неизбѣжно дороже. Для народа нужны среднія заведенія совершенно съ другимъ характеромъ, вопервыхъ, безъ платы за ученье, а вторыхъ, непремѣнно съ самыми дешевыми пансіонами. Напрасно думаютъ, что въ училищахъ съ характеромъ спеціальнымъ учащійся не можетъ получить нетолько того развитія, которое даютъ общеобразовательныя среднія заведенія,—особенно и изъ спеціальныхъ заведеній закрытъ еще доступъ въ университетъ,—но и никакого. Развивательныя идеи носятся въ духѣ, и отсюда попадаютъ въ заведенія, — а вовсе не родятся тамъ. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить всѣ наши заведенія до крестьянской реформы. Въ настоящее время закупоренъ для идей можно развѣ только училища чисто кастовыя, гдѣ люди нетолько во время своего ученія, но и во время своей послѣдующей своей службы разобщены съ остальнымъ міромъ, и почерпаютъ свое міросозерцаніе и свои воззрѣнія исключительно изъ той среды, въ которой вращаются. Такъ можетъ быть поставлены развѣ только учебныя заведенія военныя, и то невсегда.

Намъ остается сказать теперь нѣсколько словъ о проектированныхъ министерствомъ техническихъ школахъ. Повторяемъ, что мы не имѣемъ въ рукахъ программы этихъ школъ и даже приблизительнаго понятія о ней, потому мы будемъ разсуждать о нихъ только отвлеченно.

Мысль объ основаніи и распространеніи вообще техническихъ школъ въ Россіи, по нашему мнѣнію, счастливая мысль. Еслибы техническихъ школъ не было въ Европѣ, то ихъ надобно бы было изобрѣсти спеціально для Россіи. Ибо ни одна страна не бѣдна такъ культурой и не нуждается такъ настоятельно въ немедленномъ поднятіи ея, какъ Россія. Въ Европѣ

Digitized by Google

культура развивалась въ теченіе вѣковъ и такой высоты достигла уже въ средніе вѣка, что послужила даже ступенью для цивилизаціи. Основаніе независимыхъ городовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ развитію культуры, было первою твердынею, воздвигнутою противъ феодализма. Высшія идеи цивилизаціи были въ Европѣ вѣнцомъ ея культурнаго развитія. У насъ дѣло шло совсѣмъ наоборотъ. У насъ высшія идеи цивилизаціи начали усвояться тогда, когда, вѣроятно, въ цѣлой Россіи не было и сотни русскихъ ремесленниковъ-мастеровъ, когда не было понятія о среднемъ сословіи, образовавшемся въ Европѣ главнымъ образомъ изъ людей культуры, такъ что императрица Екатерина рѣшилась искусственно образовать его созданіемъ мѣщанства. Оттого въ культурномъ отношеніи мы находимся до настоящаго времени въ полномъ рабствѣ у иностранцевъ. На всѣхъ заводахъ, во всѣхъ фабрикахъ и мастерскихъ нетолько главные руководители дѣла, но и ихъ ближайшіе и второстепенные помощники, заправляющіе отдѣльными частями дѣла, требующими нѣкоторыхъ механическихъ и техническихъ знаній, сплошь и рядомъ иностранцы. Въ Петербургѣ, который, по своимъ удобствамъ и комфорту, нѣсколько похожъ на европейскіе города, все лучшее, начиная отъ подковы до бриллiантовыхъ украшеній, производится живущими здѣсь иностранцами. Еслибы всѣ работающіе и промышляющіе въ Петербургѣ нѣмцы, англичане и французы выѣхали изъ Петербурга, то на другой день по ихъ выѣздѣ, по отношенію къ удобствамъ онъ очутился бы едва-ли въ лучшемъ положеніи какого-нибудь Царевококшайска или Таращи. Какъ настоятельна у насъ нужда въ распространеніи техническихъ знаній въ рабочемъ классѣ народа, это со дня на день оказывается все болѣе и болѣе съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ. Мы слышали, что главное общество желѣзныхъ дорогъ имѣетъ собственныя училища для образованія мастеровыхъ, гдѣ учащіеся не только ничего не платятъ за ученье, но еще получаютъ на содержаніе жалованье за практическія работы, производимыя ими въ свободное отъ ученья время. Съ подобною цѣлью существуетъ въ Москвѣ школа Губонина, гдѣ обученіе также безплатное и взносъ на содержаніе дѣлается какой-то очень незначительный.

Съ нашей точки зрѣнія весь вопросъ о проектированныхъ министерствомъ школахъ состоитъ въ томъ: для кого предназначаются эти школы и на какомъ основаніи?

Если эти школы имѣютъ въ виду преимущественно бѣдный классъ людей, дѣти которыхъ въ настоящее время нигдѣ не учатся, если поэтому ученіе въ этихъ школахъ будетъ безплатное, содержаніе даровое или, по крайней мѣрѣ, приспособленное къ средствамъ бѣдныхъ людей,—то министерство дѣлаетъ хорошее дѣло.

Если же проектированныя школы такія школы, которыя наз-

Digitized by Google

начальной для богатаго или вообще зажиточнаго промышленнаго класса, съ высокой платой и даже вообще съ платой за ученье, съ дорогимъ содержаніемъ, приспособленнымъ къ привычкамъ и потребностямъ богатыхъ, — однимъ словомъ, школы, которыя чрезъ распространеніе техническихъ знаній въ однихъ богатыхъ промышленныхъ классахъ закрѣпятъ ихъ фактическое господство надъ невѣжественными и неимущими низшими классами,—то пусть лучше министерство не приступаетъ къ такому новшеству, а по старой традиціи продолжаетъ благодѣтельствовать дворянамъ и оснуетъ для нихъ хоть четыре комплекта гимназій: все-таки для народа будетъ легче, ибо однимъ господиномъ будетъ меньше, а для государства замедлится процессъ образованія буржуазнаго владычества.

ГЕРМАНІЯ.

Первый рейхстагъ Германской имперіи.—Положеніе въ немъ партій.—Пренія объ адресѣ.—Пренія объ основныхъ правахъ.—Рѣчь Зоннемана о положеніи печати въ Пруссіи.—Трейчке и Рохау.—Бебель.

Едва-ли когда-нибудь какая-нибудь страна впадала въ такое хроническое ликованіе, въ такое полное самоуслажденіе и упоеніе самой собою, въ какомъ находится теперь Германія. Вскружиться головѣ, дѣйствительно, есть отчего. Внезапное осуществленіе самаго завѣтнѣйшаго идеала для всякаго нѣмца—идеала единой Германіи, о чемъ не могли мечтать самые смѣлые нѣмецкіе умы еще не далѣе, какъ наканунѣ послѣдней войны; нравственное сознаніе своей великой силы и успѣха полнаго; переходъ изъ ряда второстепенныхъ державъ къ первенствующей роли въ дѣлахъ европейской политики; обезпеченность въ быстромъ успѣхѣ экономическаго и финансоваго развитія; государственныхъ долговъ никакихъ; надежды на близкое переустройство стараго порядка на основаніи вполнѣ свободныхъ конституцій. Могла ли о чемъ нибудь бо̀льшемъ мечтать страна, находившаяся въ положеніи Германіи, даже въ самыхъ золотыхъ своихъ мечтахъ? Ко всему этому въ нѣмцахъ присоединяется еще полная увѣренность, что они совершили не только правое, но и великое, нѣкоторымъ образомъ, даже святое дѣло, раздавивъ Францію, что они были не болѣе какъ орудіями въ рукахъ пекущагося о судьбахъ рода человѣческаго Провидѣнія, которое возложило на нихъ,

Digitized by Google

нѣмцевъ, эту миссію для того, чтобы спасти цивилизацію, Европу, и нѣкоторымъ образомъ все человѣчество отъ угрожавшихъ имъ бѣдствій. Какія же это бѣдствія? «Романскіе народы, говорятъ нѣмцы, на западѣ находятся въ состояніи соціальнаго разложенія; на ихъ возрожденіе мало надежды. Въ особенности страшно это разстройство во Франціи. Франція пожинаетъ теперь плоды своей кровавой революціи или, если углубимся далѣе въ исторію этой несчастной страны, плоды іезуитской политики старыхъ Бурбоновъ. Гугенотскія войны, варѳоломеевская ночь, преслѣдованіе всякой умственной свободы въ правленіе Людовика XIV, бездушный эгоизмъ Бурбоновъ и еще болѣе бездушный эгоизмъ господствующихъ классовъ — дворянства и духовенства — вотъ что приготовило почву для ужасовъ революціи, для анархіи и соціализма, для военной диктатуры и государственнаго переворота, для безпрерывной смѣны демагогическаго господства деспотизмомъ, деспотизма демагогическимъ господствомъ, зло, которымъ страдаетъ Франція съ 1789 года. До прошедшаго года все еще нельзя было видѣть всей глубины растлѣнія, которое охватило нѣкогда столь блестящій народъ. Лишь при пораженіяхъ его вполнѣ выяснился его характеръ... Паденіе Франціи, конечно, обезпечиваетъ миръ на многія десятилѣтія—но миръ этотъ никакъ не будетъ залогомъ счастія для Европы. Гніеніе такого крѣпкаго члена въ европейскомъ государственномъ союзѣ можетъ очень легко отразиться заразою и на другихъ народахъ. Для Швейцаріи также наступаетъ весьма серьёзный кризисъ; Бельгія тоже оказывается не въ состояніи создать свободныя институціи, потому что въ ней недостаетъ нужнихъ для этого основъ — единой народности, свободнаго, независимаго отъ вліянія клира народнаго воспитанія. Между тѣмъ въ то время, когда на западѣ европейскаго континента происходитъ разложеніе и глубокій соціальный кризисъ, на востокѣ возрастающія массы славянъ подъ давленіемъ деспотизма все болѣе и болѣе сплочиваются воедино и приготовляются къ будущей своей задачѣ—поглощенію дряхлѣющаго запада. Кромѣ нѣмцевъ нѣтъ народа на столько здороваго и сильнаго, который могъ бы положить предѣлы гніенію на западѣ и варварству на востокѣ. Мы теперь самою судьбою опредѣлены въ главные носители европейской культуры, *мы одни* нашей крѣпкою рукою можемъ спасти дѣло нынѣшней цивилизаціи и нашимъ трудолюбіемъ и нашею нравственною энергіею продолжить его. *Мы одни въ состояніи* сохранить свободу совѣсти, равноправность всѣхъ вѣроисповѣданій, не давая воли властолюбивому клиру или деспотической государственной церкви, удержать полную свободу за научнымъ изслѣдованіемъ, возростить искусство, дать, при единствѣ государства, развитіе разнообразной жизни его частей, создать самостоятельную общину, са-

Digitized by Google

раженіе округовъ и провинцій. Говоримъ мы все это не
того, чтобы превозноситься, но именно потому, что въ
требуемой отъ насъ дѣятельности и ревностнаго испол-
нашего долга, мы постоянно должны имѣть передъ своими
ами ту истину, что отъ здороваго, свободнаго и твердаго
нтія Германіи, главнымъ образомъ, зависитъ здоровье, сво-
и сила Европы».

акъ ни забавно читать и слышать подобное хвастовство,
не менѣе, оно обще всей Германіи.—Германія находится
въ поголовномъ опьяненіи своими побѣдами и славою.
тно, что, при такомъ настроеніи умовъ въ Германіи,
аркъ, этотъ новый Моисей, которому Господь поручилъ
тельство избраннаго имъ народа, и который такъ счаст-
провелъ его даже до горы Синай, гдѣ должно послѣдо-
новое законодательство избранному народу, въ на-
щій моментъ остается попрежнему героемъ дня. Всѣ
жды, желанія, мечти единой Германіи сосредоточены те-
на этомъ великомъ мужѣ; отъ него и чрезъ него Герма-
ожидаетъ всего.

се это обѣщало, что первый рейхстагъ, которымъ откры-
ся новая Германская имперія, по своему настроенію, ни-
не будетъ отличаться отъ покойныхъ сеймовъ сѣверогер-
скаго союза, что онъ пойдетъ такъ же мирно и согласно,
шли послѣдніе, держась неуклонно желаній и указаній
Бисмарка. Такого мирнаго, гармоническаго теченія рейхс-
и желали всѣ, въ виду того, что это первый рейхстагъ
й имперіи, возвѣщающій всѣмъ миръ,—и даже, какъ уви-
ниже, принимались нѣкоторыя мѣры, чтобы предупре-
всякій поводъ къ разногласіямъ, по крайней мѣрѣ къ
ымъ дебатамъ. И дѣйствительно, все сложилось, повидимо-
къ общему удовольствію. Прежнія партіи не успѣли еще рас-
ться и преобразоваться сообразно новому положенію ве-
въ Германіи; въ рейхстагъ вошли почти тѣ же самыя пар-
что были и въ сеймѣ. Милые національно-либералы, о
рыхъ одинъ нѣмецкій публицистъ справедливо замѣчаетъ,
они ходятъ за княземъ Бисмаркомъ по веревочкѣ, перешли
рейхстагъ почти всею полностью, хотя съ объединеніемъ
маніи для ихъ партіи исчезло самое raison d'être. Въ числѣ 382
новъ рейхстага, партія эта имѣетъ 140 членовъ. Кромѣ націо-
льно-либераловъ въ рейхстагъ вступило сверхъ 70 еще болѣе
тныхъ Бисмарку феодаловъ и вообще консерваторовъ. Къ этимъ
мъ партіямъ должно присоединить и вновь образовавшуюся
тію, чающую также всего отъ князя Бисмарка и занимающую
тръ рейхстага—клерикаловъ, которыхъ считается въ рейхс-
58. Изъ прежнихъ партій почти окончательно исчезла въ
стагѣ непріятная Бисмарку партія соціальныхъ демокра-
. За свое quasi-непатріотическое поведеніе во время войны

Digitized by Google

соціалисты-демократы претерпѣваютъ теперь въ Германіи повсюду и въ обществѣ, и въ прессѣ всеобщую холодность и даже презрѣніе. Положеніе ихъ такъ неловко, что Швейцеръ, издатель «Social-Democrat» и предводитель рабочихъ, почелъ за лучшее отказаться отъ предводительства, объявивъ въ своемъ журналѣ и на бывшемъ недавно (26-го марта) собраніи рабочихъ, что «онъ довольно уже потратилъ времени, денегъ и труда для дѣла рабочихъ, и что больше нельзя отъ него требовать жертвъ». Нѣмецкій публицистъ по этому поводу замѣчаетъ, что «еслибы Швейцеръ ранѣе, съ большею основательностью, изучилъ страну и людей, то онъ давно бы понялъ, что Пруссія и Германія никакъ не могутъ быть плодотворною почвою для его разрушительныхъ ученій» и проч. Однимъ словомъ, соціальные демократы всѣ провалились на выборахъ; уцѣлѣлъ единый и единственный Бебель, который, въ качествѣ представителя соціально-демократическихъ элементовъ въ Германіи, и украшаетъ теперь собою первый рейхстагъ новой имперіи, возбуждая общій смѣхъ своими рѣзкими, но, по правдѣ сказать, большею частью весьма мѣткими и вѣрными замѣчаніями. Надобно думать, что начальство, продержавшее Бебеля въ тюрьмѣ ровно сто дней безъ всякой причины и внезапно выпустившее его оттуда на 101-й день безъ всякихъ объясненій, не видѣло для себя никакой опасности отъ присутствія Бебеля въ нынѣшнемъ благонадежномъ рейхстагѣ, напротивъ, хотѣло въ его лицѣ доставить нѣкоторую забаву для остальныхъ почтенныхъ членовъ рейхстага. Кромѣ Бебеля въ рейхстагѣ еще только два демократа: *Зонтгаузъ*, редакторъ «Frankfurter-Zeitung», и адвокатъ *Шрансъ*, — но это уже просто демократы, а не демократы-соціалисты. На мѣсто исчезнувшей соціально-демократической партіи образовалась новая, такъ-называемая, либерально-имперская, которая имѣетъ пока всего только 28 членовъ. Партія эта выставила слѣдующую программу: 1) самымъ искреннимъ образомъ содѣйствовать выполненію союзнаго устройства Нѣмецкой имперіи, образовавшагося подъ вліяніемъ великихъ событій недавняго прошедшаго; 2) одинаково охранять какъ права имперской власти, такъ и союзныхъ государствъ на основаніи имперской конституціи, противодѣйствуя, съ одной стороны, всякой ненужной централизаціи, съ другой—ревностно содѣйствуя расширенію такихъ правъ или такихъ измѣненій въ конституціи, которыя кажутся необходимыми для правильнаго развитія; 3) вмѣстѣ съ органическимъ единствомъ отстаивать личную, гражданскую и политическую свободу, которой требуетъ нѣмецкій народъ, требовать настойчиво расширенія этой свободы во всѣхъ подлежащихъ отрасляхъ имперскаго законодательства, въ особенности въ законоположеніяхъ относительно печати и права ферейновъ; 4) добросовѣстно заботиться объ уменьшеніи налоговъ съ народа, когда

Digitized by Google

будетъ видно, что это можно сдѣлать безъ всякой опасности для благосостоянія имперіи; б) вопросъ о томъ: не окажется ли впослѣдствіи необходимымъ болѣе или менѣе опредѣлить въ имперскомъ законодательствѣ отношеніе церкви и государства, оставить пока открытымъ. Но, во всякомъ случаѣ, согласіе на принятіе въ имперскую конституцію закона, обезпечивающаго самостоятельность религіозныхъ обществъ, можетъ быть дано только тогда, когда одновременно послѣдуетъ имперскій законъ, подробно регулирующій этотъ предметъ и охраняющій необходимыя права государства, равно какъ и полную свободу всѣхъ подданныхъ въ дѣлахъ религіозныхъ». Князь Бисмаркъ лаконически охарактеризовалъ эту партію партіею «парламентскаго замѣшательства». Теперь всѣ ломаютъ голову надъ тѣмъ: почему князю вздумалось такъ назвать новую партію? Потому ли, что она произошла вслѣдствіе замѣшательства, то-есть вслѣдствіе того, что члены ея, не сочувствуя ни одной изъ существующихъ партій, не хотѣли, однакожь, стоять въ сторонѣ отъ дѣла и рѣшились образовать для себя новую партію, или потому, что эта партія, строгимъ преслѣдованіемъ своей программы, можетъ впослѣдствіи причинить не мало замѣшательства не только другимъ партіямъ, но и правительству? А по своей программѣ новая партія дѣйствительно рѣзко отличается отъ другихъ партій и можетъ идти въ разрѣзъ и имъ, и тенденціямъ правительства; лица же, вошедшія въ составъ этой партіи, таковы, что ихъ трудно будетъ провести или умиротворить какими-нибудь компромиссами.

Но каковы бы ни были дѣйствія либерально-имперской партіи въ будущемъ, въ нынѣшнемъ рейхстагѣ она останется въ спокойномъ, только наблюдательномъ положеніи, вопервыхъ, потому, что она находится еще только въ состояніи образованія и ей нужно еще хорошенько спѣться внутри себя, и достаточно оріентироваться среди другихъ партій; вовторыхъ, потому, что нынѣшній рейхстагъ представляетъ собою вообще рейхстагъ замѣшательства; многіе изъ вновь вступившихъ членовъ не пристали вовсе ни къ какимъ партіямъ и не образовали сами особыхъ партій, потому стоятъ внѣ всякихъ партій и получили названіе «дикихъ» (wilde); другіе пристали къ партіямъ, къ какимъ попало, которыя лишь по первому впечатлѣнію показались болѣе подходящими къ ихъ собственнымъ воззрѣніямъ; къ будущей сессіи рейхстага неизбѣжно должно послѣдовать преобразованіе партій въ рейхстагѣ, болѣе сообразное съ существующимъ положеніемъ дѣлъ и вопросовъ въ новой имперіи, и болѣе соотвѣтствующее субъективнымъ воззрѣніямъ и тенденціямъ членовъ рейхстага; втретьихъ, наконецъ, потому, что большинство нынѣшняго рейхстага, какъ мы уже видѣли, состоитъ изъ партій національно-либеральной, феодальной, клерикальной, такъ что, по мѣткому выраженію одной нѣ-

Digitized by Google

мецкой газеты, Бисмаркъ можетъ играть на немъ, какъ на старой дудкѣ. Слѣдовательно инаково-мыслящимъ партіямъ, раздробленнымъ и по числу ничтожнымъ, никакой надежды на успѣхъ въ нынѣшнемъ рейхстагѣ не предстояло.

Можетъ быть, въ силу отчасти этихъ соображеній, а главнымъ образомъ, какъ мы уже сказали выше, потому, что всѣмъ хотѣлось, чтобы первый рейхстагъ новой имперіи шелъ согласно и мирно,—различныя партіи, tatito modo какъ бы условились, чтобы въ нынѣшнюю сессію не поднимать проклятыхъ вопросовъ. И когда, по поводу сдѣланныхъ клерикалами предложеній, одинъ изъ главныхъ національно-либераловъ, Ласкеръ высказалъ, что лучше бы было въ нынѣшнюю сессію не поднимать вопросовъ о конституціи по существу, потому, дескать, что всякая нація нуждается въ отдыхѣ, а потому и намъ, дескать, долго боровшимся за конституцію, подобаетъ отдохнуть теперь и насладиться тѣмъ, чего мы достигли,—то слова эти были встрѣчены общимъ рукоплесканіемъ и удостоились привѣта со стороны князя Бисмарка, который высказался, что и онъ думаетъ точно также, какъ Ласкеръ.

Съ устраненіемъ изъ дебатовъ рейхстага вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ настоятельно важно не только для самой Германіи, ибо имъ должно опредѣлиться окончательно ея внутреннее положеніе и характеръ ея будущаго развитія, но и для всей Европы, ибо только изъ новой германской конститутціи она можетъ вполнѣ понять, чего могутъ ожидать цивилизація и прогрессъ въ будущемъ отъ совершившагося объединенія Германіи,—первый рейхстагъ новой имперіи потерялъ тотъ интересъ, котораго отъ него ожидали. Этого мало: на читателя, пробѣгающаго длинныя, предлинныя рѣчи по поводу самыхъ незначительныхъ вопросовъ, которые произносятся въ рейхстагѣ краснорѣчивыми представителями новой имперіи, онѣ производитъ неотразимое впечатлѣніе скуки и пустоты. Такъ дѣйствуетъ рейхстагъ на самихъ нѣмцевъ. Недавно въ самомъ рейхстагѣ одинъ депутатъ не выдержалъ и заявилъ во всеуслышаніе почтенныхъ членовъ его слѣдующую горькую истину: «мы не можемъ съ сознаніемъ достоинства оглянуться на то, что̀ нами сдѣлано». «Какъ ни богато наше время разными неожиданностями, замѣчаетъ по этому поводу одинъ берлинскій корреспондентъ, а все-таки нельзя не изумляться, что первое дѣйствительное и истинное представительство народа, мыслящаго par excellence, не могло подняться въ своихъ дебатахъ выше предметовъ, которые для всякаго мыслящаго человѣка давно уже составляютъ не болѣе, какъ историческій хламъ. Въ большей части членовъ рейхстага, очевидно, не достаетъ такта, когда они обращаютъ слишкомъ большое вниманіе на 60 черныхъ, помѣщающихся за министерскою скамьею (авторъ говоритъ здѣсь о продолжавшихся дѣйствительно очень долго

Digitized by Google

реціямъ съ клерикалами), или когда они по поводу самыхъ алкихъ, неважныхъ дебатовъ, по поводу, напримѣръ, ассиг-ования денегъ на новый почтамтъ, или какой-нибудь незначи-ельной пошлины, наконецъ по поводу повѣрки каждаго почти ыбора начинаютъ снова старую войну гвельфовъ съ гибелли-ами, отнимая безчисленные часы дорогаго времени отъ заня-ій необходимыхъ и полезныхъ».

Надобно, впрочемъ, сказать правду, что нынѣшній рейхстагъ ылъ бы еще скучнѣе и пустѣе, если бы католическая партія или еспода черные, какъ называютъ ее нѣмцы, не вторглась въ аповѣдную для нынѣшней сессіи область разсмотрѣнія консти-уціи по существу и не возбудила вопросовъ, вызывающихъ на азмышленіе.

Католическая партія находится въ совершенно особенномъ оложеніи въ рейхстагѣ. Другія партіи могутъ ждать. Имъ, ожетъ быть, даже нужно ждать, пока Германія отрезвится тъ своего опьяненія военными успѣхами и славою, пока она ерестанетъ сама услаждаться своимъ единствомъ и величіемъ, пока она ясно и твердо сознаетъ, что и военная слава ея и я единство имѣютъ значеніе не болѣе, какъ дѣтскихъ побря-ушекъ и могутъ сдѣлаться даже развращающими для нея, если е завершатся ея прочнымъ устройствомъ на свободныхъ осно-аніяхъ. Ибо только ясно и твердо сознавъ это, она пошлетъ ъ свой рейхстагъ не прихлебателей и воспѣвателей князя Бис-арка, а своихъ борцевъ за свободу. Католическая партія на-одится въ совершенно другомъ положеніи. Ей необходимо овать желѣзо, пока оно горячо; ей необходимо воспользоваться менно тѣмъ моментомъ, когда чадъ военной славы еще не рошелъ, когда единство и величіе кружатъ голову Германіи, огда живъ еще набожный король, видящій во всѣхъ своихъ дѣлахъ водительство Божіе, когда въ немъ не прошло еще живое впечатлѣніе о полученной свыше помощи во время войны, когда, наконецъ, въ силѣ и апогеѣ своей славы находится князь Бисмаркъ. Католическая партія понимала важность настоящаго момента ще тогда, когда война только оканчивалась и король жилъ ще въ Версали. Уже тогда она не бездѣйствовала и успѣла аручиться обѣщаніемъ короля о помощи папѣ. Именно въ от-вѣтъ на адресъ, присланный въ Версаль въ февралѣ силез-кими и рейнско-вестфальскими дворянами въ пользу свѣтской ласти папы, король сказалъ, что «его чувства по отношенію ъ папѣ, какъ церковному главѣ его католическихъ подда-ныхъ, тѣ же самыя, что и были; что онъ смотритъ на занятіе Рима, какъ на насильственное дѣйствіе и захватъ со стороны Италіи и что по окончаніи войны онъ вмѣстѣ съ другими князьями разсмотритъ, что должно противъ этого предпринять». «Крестовая Газета», не отрицая самаго факта, говоритъ теперь, что обѣщаніе не было дано въ такой опредѣленной формѣ,

Digitized by Google

а что только вообще король изъявилъ готовность въ свое время войти въ разсмотрѣніе интересовъ и отношеній по этому предмету». Если обѣщаніе было дано королемъ и дѣйствительно въ такой неопредѣленной формѣ, въ какой передаетъ его «Крестовая Газета», то католическая партія имѣла тѣмъ большій резонъ спѣшить напомнить о немъ королю, чтобы добиться какихъ-нибудь результатовъ, по крайней мѣрѣ опредѣлить свое положеніе въ новой имперіи и образъ будущихъ дѣйствій! Вотъ почему католическая партія употребила всѣ способы агитаціи, чтобы сколько возможно увеличить число своихъ членовъ въ рейхстагѣ и приступила къ немедленному дѣйствію. Благо ей не нужно было организоваться и спѣваться, подобно другимъ новымъ партіямъ. Воины ecclesia militaris—церкви воинствующей всегда готовы къ битвѣ, всегда знаютъ, что имъ дѣлать, куда идти и всегда имѣютъ искусныхъ вождей. «Chacun de nous, говорилъ одинъ кардиналъ во французскомъ сенатѣ, a son regiment a commander, et il marche». Аттака клерикальной партіи началась почти съ первыхъ засѣданій нынѣшняго рейхстага, именно по поводу дебатовъ объ адресѣ на тронную рѣчь.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, мы должны привести предварительно самый адресъ. Адресъ этотъ, составлявшійся комиссіею изъ разныхъ фракцій рейхстага, собственно говоря, былъ не что иное, какъ перифразъ тронной рѣчи императора, и гласилъ слѣдующее:

«Преславнѣйшій, всемогущнѣйшій императоръ и король. Благодаря милостивому Провидѣнію, вашему величеству и единодушной націи удалось осуществить желанія предковъ и надежды современниковъ. *На твердѣйшихъ, чѣмъ когда-либо, основахъ*, возстановлена германская имперія, и нація рѣшилась поддерживать ее въ полной силѣ, развивать ее на путяхъ свободы и мира. Соблаговолите, ваше величество, принять выраженіе благодарности, которою вся нація обязана державному полководцу, геройскимъ подвигамъ и самоотверженію германскаго войска, благодарность за мощныя дѣянія, которыми не только устранена грозившая намъ опасность, но и будущее обезпечено отъ возвращенія подобныхъ же опасностей. Еще болѣе, чѣмъ пораженія, которыя потерпѣлъ непріятель, теперешнее сильное укрѣпленіе нашихъ границъ удержитъ его въ предѣлахъ осторожности. Такія затрудненія, испытываемыя Франціей и послѣ войны, подтверждаютъ часто, но никогда безнаказанно неотвергаемую, истину, что въ семьѣ цивилизованныхъ народовъ даже самая могущественная нація будетъ застрахована отъ тяжелыхъ замѣшательствъ только тогда, когда она мудро ограничится полнымъ развитіемъ своихъ внутреннихъ силъ. *И Германія когда-то носила зародыши упадка, вслѣдствіе вмѣшательства своего въ жизнь другихъ націй.* Новая имперія ведетъ свое происхожденіе отъ самоличнаго духа всей націи, которая вооружилась только для защиты и неизмѣнно предана дѣлу мира. Въ сношеніяхъ съ иностранными народами, Германія требуетъ для своихъ гражданъ не болѣе, какъ уваженія, гарантируемаго правомъ и обычаями, и, не руководствуясь ни симпатіями, ни антипатіями, предоставляетъ каждому народу идти по путямъ единенія, каждому государству—изыскивать для себя

Digitized by Google

наилучшую форму своего устройства. *Время вмешательства со внутренней жизни других народов, надежда, не вернется ни под каким предлогом, ни в какой форме.* Съ радостнымъ согласіемъ мы вслѣдъ за вашимъ величествомъ приступаемъ къ неотлагательнымъ задачамъ, которыя оставила намъ въ наслѣдіе недавно оконченная война, и къ важнымъ реформамъ, путь къ которымъ открываетъ намъ конституція имперіи. Всѣ наши усилія прежде всего будутъ посвящены великому дѣлу излеченія ранъ, нанесенныхъ войною, и исполненію долга отечества въ отношеніи тѣхъ, кто пожертвовалъ жизнью или здоровьемъ за его охрану. Этимъ предложеніямъ мы посвятимъ полное наше вниманіе. Насъ не удивляетъ, что война замедлила подготовительныя работы правильнаго законодательства, какъ, равно, не умаляется наша надежда на то, что законодательство имперіи окажется такимъ же плодотворнымъ, какъ законодательство Сѣверо-Германскаго Союза. Полное введеніе сѣверо-германскихъ законовъ въ южныхъ государствахъ возвышаетъ наше довѣріе къ единодушному дѣйствію всѣхъ членовъ имперіи, а также тѣхъ органовъ, которые призваны служить представителями отдѣльныхъ государствъ. Съ удовольствіемъ узнали мы, что изъ военной контрибуціи первоначально будутъ удовлетворены нужды имперіи, а затѣмъ и законныя требованія ея членовъ. Германскій народъ преисполненъ самымъ теплымъ чувствомъ братскаго участія къ судьбѣ вновь пріобрѣтенныхъ для Германіи областей. Прекраснѣйшіе памятники германской культуры и германской народной жизни напоминаютъ германское прошедшее въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Долголѣтнее отчужденіе изгладило нѣкоторыя воспоминанія богатаго событіями тысячелѣтія германской исторіи. Но нашъ языкъ и наши обычаи еще сохранились у большинства народонаселенія. Пусть законодательство и администрація сообща постараются возобновить древнія отношенія, пусть они поддерживаютъ возрожденіе германскаго духа и примиреніемъ умовъ скрѣпятъ узы, которыя должны опять соединить эти прекрасныя провинціи съ остальной Германіей. Въ этомъ духѣ мы посвятимъ себя работамъ, долженствующимъ создать или подготовить новый порядокъ вещей. Ваше императорское величество! Для полнаго довольствія Германіи, для безопасности Европы, недоставало единства германской имперіи. Теперь единство достигнуто, и имперія поставлена подъ защиту императора, конституціи и законовъ. Теперь Германія не имѣетъ инаго желанія, кромѣ желанія одержать побѣду въ борьбѣ за блага свободы и мира. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій всепокорнѣйшій германскій имперскій сеймъ».

Католическая партія вооружается противъ мѣстъ адреса, въ которыхъ рекомендуется политика невмѣшательства. Она говоритъ, что подобная политика несправедлива и безнравственна въ принципѣ,—и требуетъ отъ Германіи немедленной помощи папѣ; ибо отнятіемъ свѣтской власти у папы нарушены трактаты 1815 года и нарушены интересы всѣхъ католическихъ вѣрующихъ. Вмѣстѣ съ этимъ, католическая партія защищаетъ старую германскую имперію противъ нападеній адреса.

Епископъ майнцскій Кеттелеръ кратко, въ слѣдующихъ пунктахъ, резюмируетъ свое несогласіе съ адресомъ: «Мнѣ очень жаль, говоритъ онъ, что я не могу согласиться на адресъ палаты, при всемъ желаніи моемъ быть съ нею въ этомъ дѣлѣ заодно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ адреса нѣтъ характера простоты и истины. Такихъ мѣстъ я нахожу три: въ первомъ изъ

Digitized by Google

этомъ мѣстѣ говорится, что «германская имперія вновь возс
новлена на основахъ твердыхъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь». М
кажется, что сказать этого никакъ нельзя, такъ-какъ нѣмец
имперія только еще начинается. Но такое выраженіе еще
лѣе неумѣстно, если вспомнимъ, что древняя нѣмецкая им
рія имѣетъ за собою тысячелѣтнее прошедшее. Одна осн
новой имперіи, конечно, тверда, тверже, чѣмъ была когда-
будь;—это превосходная военная организація. Но кромѣ э
основы государство имѣетъ нужду еще въ другой, рекоменд
мой въ извѣстномъ изрѣченіи: iustitia fundamentum regnor
Будетъ ли и эта основа въ числѣ основъ нѣмецкой
періи, дѣйствительно ли въ новой имперіи будутъ царст
вать справедливость, нравственность, страхъ божій, это окаже
только въ будущемъ. Далѣе, я не вижу характера просто
и истины въ томъ положеніи адреса, что «Германія нос
когда-то зародыши упадка вслѣдствіе вмѣшательства сво
въ жизнь другихъ націй». По мнѣнію оратора, оно вытекае
изъ тенденціознаго взгляда на исторію. Не стѣсняя ничьей с
боды имѣть то или другое воззрѣніе на исторію, орато
требуетъ также свободы и для себя. Наконецъ, говорить о
торъ, съ третьимъ мѣстомъ адреса, гдѣ говорится: «что вр
вмѣшательства во внутреннюю жизнь другихъ народовъ
вернется ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какой форм
невозможно никакимъ образомъ согласиться. Какъ!? Вы ос
литесь сдѣлать подобное заявленіе передъ цѣлымъ свѣтом
Вы дали свое согласіе на трактатъ съ С.-Сальвадоромъ; эт
трактатъ налагаетъ на него извѣстныя обязательства,—и ко
эти обязательства не будутъ исполнены, — вы не вмѣшаетесь?
Слѣпая ненависть къ нѣмцамъ во Франціи, положимъ, от
зится и въ французскомъ законодательствѣ, вслѣдствіе эт
нѣмцы сдѣлаются безправными во Франціи,—и вы не вмѣш
тесь? Конечно, рѣчь идетъ здѣсь о защитѣ благъ матеріа
ныхъ. Но не можетъ ли возникнуть и такая случайность, ко
окажется необходимымъ защищать и блага идеальныя?»

Нельзя не сознаться, что основанія, представляемыя католи
скою партіею, весьма резонны и во всякомъ случаѣ болѣе со
вѣтствуютъ современному настроенію германской полити
чѣмъ ихъ противниковъ. При этомъ нельзя опускать изъ в
манія и того, что католическая партія имѣетъ отличныхъ ора
ровъ въ двухъ Рейхеншпергерахъ, Виндтгорстѣ, Маллинкрод
съ которыми состязаться нелегко. Оттого возраженія ихъ прот
никовъ оказываются довольно слабы и мелочны; они стараю
скорѣе отбиться кое-какъ отъ нападеній, не дерзая сами ве
аттаки. Извѣстно, что католическая партія, отвергнувъ адр
рейхстага, составила свой контръ-адресъ. Говорятъ, что эт
контръ-адресъ такъ всѣмъ понравился, что его принялъ
весь рейхстагъ, еслибы въ католической партіи не подозрѣ

Digitized by Google

ли заднихъ мыслей. На предположеніи этихъ заднихъ мыслей и вертятся всѣ существенные доводы противниковъ католической партіи въ дебатахъ объ адресѣ. Этотъ пріемъ, который рѣдко впрочемъ избѣгается въ полемикѣ, а въ россійской полемикѣ, гдѣ люди полемизирующіе не могутъ сказать другъ другу двухъ трехъ мыслей, не обратившись *къ тезамъ*,—почти никогда,— есть въ сущности пріемъ весьма недостойный. Всякая истина должна быть разсматриваема объективно, независимо отъ того, какіе тайные виды или намѣренія имѣетъ противникъ, если только онъ самъ не высказалъ ихъ. Между тѣмъ, съ этой почвы почти не сходятъ противники католической партіи въ вопросѣ объ адресѣ. Они твердятъ имъ почти одно: «вы преслѣдуете личныя конфессіональныя цѣли».

«Вы говорите, что мы преслѣдуемъ конфессіональныя цѣли, отвѣчаетъ имъ на это Виндтгорстъ, — нѣтъ, мы нисколько не конфессіональны (*ого!*); каждому, къ какой бы религіи онъ ни принадлежалъ, свободно открытъ доступъ въ нашу фракцію, пусть только подпишется подъ ея программою (*сильный смѣхъ*). Понятно, что большинство на вашей сторонѣ, я не хочу объяснять, отчего это (*смѣхъ*); при началѣ новой имперіи неумѣстно входить въ подобное разсмотрѣніе, ибо оно могло бы вызвать непріятныя разъединяющія чувства (*крики слѣва*: они уже есть!); а если они уже есть, то не надобно рыться въ ранахъ, а постараться прикасаться къ нимъ съ возможною осторожностію. Я съ своей стороны не желалъ бы видѣть вычеркнутыми изъ нѣмецкой исторіи 13-й и 14-й годы. Правда, въ послѣднюю войну дѣти оказались достойны своихъ отцовъ, но не выше ихъ. Война тѣхъ годовъ дала намъ союзъ, который обнималъ всю націю (*шумъ*); нынѣ въ нашей имперіи мы имѣемъ только часть Германіи (*шумъ дѣлается сильнѣе*); союзъ далъ намъ 50 лѣтъ мира; будемъ надѣяться, что столько же дастъ и имперія. Даже въ отношеніи средневѣковой Германіи, я не могу согласиться съ г. депутатомъ Бетузи; я могу сожалѣть о многомъ, что̀ тогда происходило, но если въ настоящее время возстановленіе императора и имперіи нашли такъ много сочувствія, то вліяли на это, конечно, древнія незабытыя воспоминанія. Согласенъ, что Германія въ настоящее время крѣпка, что достигла своего полнаго росту, и что поэтому ей слѣдуетъ мудро сосредоточиться на развитіи самой себя, отказываясь отъ завоевательныхъ войнъ. Но этимъ мы далеко еще не отказываемся отъ вмѣшательства тамъ, гдѣ бы таковое оказалось нужнымъ. Въ самой тронной рѣчи говорится о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ посредничества нѣмецкой дипломатіи въ вопросѣ о Черномъ морѣ. Это именно тѣ маленькія вмѣшательства, которыя мы и разумѣемъ (*сильный смѣхъ*). Для возстановленія папскаго престола я требую ни чуть не бо̀льшаго и ни чуть не сильнѣйшаго вмѣшательства. (*Волненіе*). Вамъ

Digitized by Google

не нравится это — ну, тогда лучше скажите прямо: мы хотимъ быть справедливыми вездѣ, но только не въ этомъ дѣлѣ (*сильное противорѣчіе*); тутъ для насъ есть запятая (*смѣхъ*), я очень благодаренъ депутату Микелю, что онъ сказалъ это напрямикъ. Вы объясняете, что оставляете безъ всякаго вниманія жизненные интересы вашихъ католическихъ согражданъ (*сильное движеніе*). Да, для всѣхъ нѣмецкихъ католиковъ несомнѣнно жизненный интересъ — право, чтобы ихъ духовный глава былъ самостоятеленъ и независимъ, и не былъ королевскимъ подданнымъ или изъ милости содержимымъ нахлѣбникомъ. На этой самостоятельности основывается несомнѣнно принадлежащая ему суверенность: древніе основатели вашей имперіи дали ее папѣ, Карлъ Великій и его преемники (депутатъ Верениффенингъ: «онъ имѣлъ ее уже прежде»). Сегодня вечеромъ я приду къ г. депутату Верениффенингу и буду учить его исторіи (*сильный смѣхъ*). Ссылаюсь на знаменитыя историческія изображенія Гизо, прошу припомнить поведеніе Англіи, которая показала гораздо болѣе признаковъ жизненности по отношенію къ этому дѣлу, нежели нѣмецкое правительство. Говорятъ: во внутреннюю жизнь чуждыхъ народовъ не должно вмѣшиваться. Слова эти въ ушахъ національно-либераловъ и ихъ отростка, либерально-имперской партіи звучатъ для меня еще не очень странно, но въ устахъ консерваторовъ они удивляютъ меня (*ага!*) Знаютъ ли они, куда приведетъ ихъ эта теорія? Если поляки, народъ имѣющій за собою славное, полное доблестей прошедшее, захотятъ устроиться самостоятельно, они должны смотрѣть на это спокойно, потому что это вѣдь внутреннія дѣла. Наполеонъ палъ оттого, что слишкомъ увлекся принципомъ національностей (*противорѣчіе*). Изъ того только, что государство Виктора-Эммануэля и церковная область населены оба большею частію итальянцами, никакъ не слѣдуетъ, что они должны составлять одно государство; иначе намъ пришлось бы отправиться и въ Гофбургъ вѣнскій. Церковная область возстановлена трактатами 1815 года и главнымъ образомъ стараніями Фридриха-Вильгельма III и его просвѣщенныхъ государственныхъ мужей. Если мы теперь, при ея уничтоженіи, не захотимъ замолвить слова, то что тогда будетъ значить нашъ авторитетъ? Намъ необходимо, чтобы наше слово уважалось заграницею. Г. Микель говоритъ: мы можемъ говорить, но если мы не можемъ исполнить, то лучше молчать. Да, но если государство объявляетъ впередъ: я не употреблю моей силы, то само собой разумѣется, что его никто не будетъ слушать. Когда нарушается какой-нибудь торговый трактатъ, мы вмѣшиваемся; матеріальные интересы всегда находятъ сочувствіе въ наше матеріальное время. Но наша вѣра для насъ такъ же дорога, какъ для васъ ваши товары и корабли. Мы не требуемъ военнаго вмѣшательства, мы желаемъ только дипломатическихъ

Digitized by Google

ованій. Этого мы имѣемъ право требовать; — и въ всемъ, о можетъ послѣдовать изъ такихъ дебатовъ, какъ нынѣшній, дете отвѣтственны только вы».

Дебаты по адресу оканчиваются не въ пользу католиковъ. йхстагъ отвергаетъ составленный ими адресъ и большин-вомъ 243 противъ 63 голосовъ принимаетъ адресъ коммиссіи. отивъ послѣдняго вмѣстѣ съ клерикалами вотируютъ парти-ияристы и радикалы.

Но эта неудача не остановила католиковъ. Они попытались лать еще разъ аттаку съ другой стороны. Нынѣшнему рейхс-у предстояло вновь пересмотрѣть и редактировать бывшую нституцію Сѣверогерманскаго союза, иначе сказать, утвер-ть тѣ измѣненія и условія, которыя должны были войдти въ е съ присоединеніемъ южно-нѣмецкихъ государствъ. Мы уже дѣли выше, что во избѣжаніе проклятыхъ вопросовъ, кото-е необходимо повлекли бы за собою несогласія и разстроили такъ желаемое всѣми единодушіе перваго рейхстага новой періи, было предположено ограничиться чисто формальной акціей конституціи, не разсматривая ее по существу. Но для толической партіи было весьма важно утвердить свое поло-ніе въ имперіи немедленно внесеніемъ въ конституцію об-ихъ, основныхъ правъ католической церкви. Ибо помимо того, о съ внесеніемъ этихъ основныхъ правъ въ конституцію, всѣ стныя ограниченія, лежавшія на церкви въ разныхъ нѣмецкихъ сударствахъ и несогласныя съ этими правами, должны бы были ничтожиться, — и дальнѣйшее послѣдующее развитіе частныхъ авъ ея въ имперской конституціи должно бы было и могло ти не иначе, какъ на основаніи правъ общихъ. Такимъ об-зомъ положеніе католической церкви и партіи сразу сдѣла-сь бы опредѣленнымъ и твердымъ въ имперіи. Поэтому, когда нались дебаты о конституціи, одинъ изъ Рейхеншпергеровъ ньпе) внесъ съ своими товарищами слѣдующее предложеніе ъ основныхъ правахъ, для помѣщенія его вслѣдъ за 1-ю тьею конституціи:

Основныя права. Ст. 2-я. Каждый нѣмецъ имѣетъ право сво-дно выражать свои мысли посредствомъ слова, письма, пе-ти, и изображеній. Цензура не можетъ быть введена; каж-е другое ограниченіе свободы прессы можетъ быть соверше-только путемъ законодательства. Ст. 3-я. Всѣ преступленія, ершаемыя посредствомъ слова, письма, печати и изображе-, должны быть судимы по общимъ уголовнымъ законамъ. 4-я. Всѣ нѣмцы имѣютъ право, не испрашивая предвари-льно позволенія начальства, мирно и безъ оружія собираться закрытыхъ мѣстахъ. Это постановленіе не относится къ со-аніямъ подъ открытымъ небомъ, которыя должны быть пред-ительно разрѣшены начальствомъ на основаніи закона. Ст. . Всѣ нѣмцы имѣютъ право для цѣлей, которыя не воспре-

Digitized by Google

щеня уголовнымъ закономъ, соединяться въ общества. Зак
въ видахъ охраненія общественной безопасности, дастъ с
дѣленія относительно пользованія права, предоставляемаго
стоящею и предидущею 4-ю статьею. Политическіе союзы
гутъ быть подвергаемы ограниченіямъ и временнымъ запр
ніямъ путемъ законодательства. Ст. 6-я. Предоставляется в
свобода религіознаго исповѣданія, соединенія въ религіо
общества, и общаго домашняго и общественнаго отправ
своей религіи. Пользованіе гражданскими и государствен
правами не зависитъ отъ принадлежности къ той или друго
лигіи. Пользованіе религіозною свободою не можетъ соверш
въ подрывъ гражданскимъ и государственнымъ обязательст
Ст. 7-я. Евангелическая и римско-католическая церковь, р
какъ и всякое другое религіозное общество, устроиваютъ и у
вляютъ свои дѣла самостоятельно и имѣютъ право собстве
сти и пользованія на всѣ, предназначенныя для цѣлей их
гослуженія, обученія и благотворенія заведенія, учрежде
фонды.

Къ этому предложенію католической партіи присоедини
и демократы. Зоннеманъ съ товарищами присоединилъ съ с
стороны къ предложенію слѣдующіе амендементы: къ ст.
Свобода прессы не можетъ быть ни при какихъ обстоя
ствахъ и никакимъ образомъ ограничиваема, на время остан
ваема или прекращаема какими бы то ни было предуп
тельными мѣрами, какъ-то: цензурою, требованіемъ испр
ванія позволенія на изданіе (концессіею), требованіемъ
говъ, государственными налогами, ограниченіями типогр
или книжной торговли, воспрещеніемъ почтовой пересыл
другими мѣрами, затрудняющими свободное обращеніе. К
3-й: Всѣ преступленія прессы, относительно которыхъ
нается преслѣдованіе, судятся судомъ присяжныхъ. Къ ст.
Нѣмцы имѣютъ право собираться мирно и безъ оружія;
кого дозволенія на это не требуется. Народныя собранія
открытымъ небомъ могутъ быть запрещаемы, въ случаѣ
ности, угрожающей общественному порядку и безопасност
ст. 5-й: Нѣмцы имѣютъ право составлять союзы. Это
не можетъ быть ограничиваемо никакими предупредитель
мѣрами.

Немедленно по выслушаніи этого предложенія, графъ
нардъ съ товарищами, а также и Шульце-Деличъ съ чле
своей партіи предлагаютъ перейти къ очереднымъ занят
на томъ, главнымъ образомъ, основаніи, что нынѣшнему р
тагу предложена только формальная редакція конституціи,
дальнѣйшая разработка конституціи по существу отложен
будущаго времени, и что дѣло это, какъ имѣющее самое
ное государственное и національное значеніе, требуетъ
вательности и полноты, которыхъ не представляетъ предл

Digitized by Google

ніе Рейхеншпергера, неудовлетворяющее ни идеѣ права, ни потребностямъ народа.

Рейхеншпергеръ доказываетъ, что невозможно и въ нынѣшнюю сессію ограничиться одной формальной редакціей конституціи; онъ не желаетъ ничего болѣе, какъ внести въ имперскую конституцію тѣ же самыя основныя права, которыя находятся и въ прусской, но это онъ находитъ необходимымъ, потому что компетенція относительно прессы и правъ союзовъ предоставлена теперь имперскому правительству. Въ доказательство того какъ, при подобной компетенціи имперскаго правительства, можетъ быть важенъ въ имперской конституціи пробѣлъ относительно основныхъ правъ, Рейхеншпергеръ указываетъ на интерпелляцію Дункера въ декабрьской сессіи Сѣверогерманскаго сейма по поводу дѣйствій Фолькенштейна. Тогда въ рейхстагѣ было заявлено, что дѣло это не подлежитъ компетенціи рейхстага, а должно разсматриваться въ прусскомъ парламентѣ, въ парламентѣ же г. министръ отозвался, что онъ не имѣетъ власти надъ распоряженіями командующаго генерала. Резонность этого довода была очевидна для рейхстага, ибо собственно говоря, Рейхеншпергеръ только повторялъ то же самое, о чемъ сами національные либералы и прогрессисты хлопотали еще въ декабрьскую сессію сѣверогерманскаго рейхстага. Еще тогда было заявлено настоятельное требованіе о необходимости неотложной гарантіи основныхъ правъ, и когда, по поводу интерпелляціи Дункера, касавшейся огражденія правъ печати, президентъ сѣверогерманскаго рейхстага, Дельбрюкъ, просилъ оставить подобное требованіе, какъ отзывающееся недовѣріемъ къ будущему, то Ласкеръ отвѣчалъ тогда, что онъ хотя и не питаетъ недовѣрія къ будущему, но стоитъ за требованіе Дункера, потому что впослѣдствіи будетъ трудно внести это въ конституцію. Между тѣмъ, мы уже видѣли выше, что теперь тотъ же самый Ласкеръ *первый* предложилъ не входить въ разсмотрѣніе внутренняго содержанія конституціи, потому что каждая нація, послѣ великихъ пріобрѣтеній, имѣетъ нужду въ томъ, чтобы насладиться плодами своихъ трудовъ. Депутатъ Виндтгорстъ имѣлъ полное право назвать предлагаемый Ласкеромъ отдыхъ сіэстою и ѣдко замѣтить, что дѣлать подобныя предложенія могутъ только тѣ господа, которые достигли своихъ спеціальныхъ цѣлей. Однимъ словомъ, предложеніемъ Рейхеншпергера либералы и прогрессисты были пойманы въ ихъ собственныя силки: они не имѣли никакого основанія отказаться отъ разсмотрѣнія его, тѣмъ болѣе, что ими самими вопросъ объ основныхъ правахъ былъ отложенъ именно не далѣе, какъ до нынѣшняго рейхстага.

Тѣмъ не менѣе, рейхстагъ отвергъ предложеніе Рейхеншпергера, почти единственно на томъ, какъ увидимъ ниже, основаніи, что оно сдѣлано католической партіей и что, слѣдова-

Digitized by Google

тельно, здѣсь преслѣдуются чисто-конфессіональныя цѣли. Ос
ваніе, очевидно, нелѣпое уже по тому одному, что въ пред
женіи Рейхеншпергера всего двѣ статьи, 6-я и 7-я, относя
къ дѣлу религіи, остальныя же содержатъ общія основ
права; но кромѣ того, предложеніе Рейхеншпергера исход
не отъ лица только католической партіи: къ нему, въ статья
его, касающихся общихъ правъ, присоединились и демокра
которыхъ уже никакъ нельзя было заподозрѣвать въ преслѣ
ваніи конфессіональныхъ цѣлей или въ какомъ нибудь обще
заговорѣ съ католической партіею, — что̀ и не преминулъ
стоятельно разъяснить рейхстагу лично одинъ изъ трехъ
мократовъ, внесшихъ предложеніе, Зоннеманъ, въ слѣдующей
мѣчательной рѣчи, наглядно характеризующей современное
ложеніе quasi конституціонной Германіи:

«Между нами и центромъ не существуетъ никакой свя
Но намъ, ничтожному меньшинству, состоящему всего изъ тре
членовъ, не оставалось другаго пути провести здѣсь наши м
нія, какъ присоединивъ ихъ, въ видѣ амендементовъ, къ пр
ложенію господъ центра. До предложеній, относящихся къ це
ви, намъ нѣтъ никакого дѣла; мы будемъ даже вотировать п
тивъ нихъ. Но мы должны подавать здѣсь нашъ голосъ за и
противъ по вопросу о конституціи. Кто вотируетъ противъ,
объясняя, почему, о томъ принято думать, что онъ отрица
вполнѣ, — а между тѣмъ, мы желали бы содѣйствовать раз
боткѣ конституціи въ свободномъ направленіи. Такъ-какъ к
стиціи предоставлена теперь компетенція относительно пр
сы и права союзовъ, то мы нашли этотъ случай удобным
чтобы предложить вамъ истинныя основныя права нѣмецка
народа въ этомъ отношеніи, принятыя 28-го декабря 1848
въ франкфуртской церкви св. Павла. Мы сочли себя впра
сдѣлать потому, что въ статьѣ 3-й конституціи точно опредѣле
цѣлый рядъ другихъ основныхъ правъ. Основныя права отно
тельно свободы вѣры и совѣсти, какъ бы это ни желательно, —
могутъ быть внесены въ рейхстагъ, пока не будетъ расширена к
петенція союза, а этого мы, по нашей малочисленности, сдѣлать
въ состояніи. Правъ же, которыми пресса и ферейны пользую
по существующимъ законамъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ го
дарствъ,—какъ ни ограниченны эти права, — мы не намѣре
уступать имперской конституціи, не зная тѣхъ основаній, на
торыхъ будетъ созидаться имперское законодательство. Въ это
отношеніи мы не такъ довѣрчивы, какъ г. Трейчке, для ко
раго не существуетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что зако
для прессы воспослѣдуютъ наилиберальнѣйшіе. Франкфурт
основныя права содержатъ относительно прессы все, чего толь
можно желать. Хотя д-ръ Кихеръ сказалъ, что новое нѣмец
государство созидается теперь въ духѣ Фридриха Велика
однако, въ отношеніи прессы, въ Пруссіи духа Фридриха-

Digitized by Google

аго нисколько не замѣтно. За исключеніемъ Россіи, я не
ю государства, гдѣ бы пресса была въ болѣе несвободномъ
тояніи, чѣмъ въ Пруссіи. Посмотрите вы на всю Германію,
не найдете въ ней ни одного государства, гдѣ бы проис-
ило что нибудь подобное тому, что совершается въ Прус-
Я самъ имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ многими опы-
ии. Мы вносимъ въ Пруссіи залоги, и притомъ весьма значи-
льные; мы подвергаемся административнымъ секвестрамъ, ко-
рые представляютъ собою не что иное, какъ маленькія иму-
ственныя конфискаціи; но ихъ набирается такъ много, что
теченіе одной только нынѣшней зимы они причинили одной
етѣ убытку около 2,000 талеровъ. Конфискація одного ну-
ра Фоссовой газеты принесла убытокъ въ 1,000 талеровъ.
и суммы пропадаютъ полностью, ибо хотя потомъ конфисован-
е нумера, спустя 5-6 недѣль, иногда и возвращаются, но они
да имѣютъ уже цѣнность только простой, оберточной бумаги.
акъ дѣйствуютъ административныя власти при этихъ конфиска-
хъ? Моя газета во время войны подверглась 12-ти конфиска-
мъ, и прокурорскій надзоръ ни одного раза не нашелъ воз-
кности начать судебное преслѣдованіе. Какъ производятся
добныя конфискаціи? Низшій полицейскій чиновникъ, ко-
рый не всегда понимаетъ, что онъ читаетъ, беретъ га-
у въ руки и бѣжитъ къ президенту полиціи съ докладомъ,
газету надобно конфисковать, — и въ пять минутъ газета
нфискована. Что иногда изъ этого выходитъ, я вамъ
сню примѣромъ. За небольшую замѣтку, взятую изъ бель-
ской газеты, прошлою осенью была вдругъ конфискована
ранкфуртская газета». Въ замѣткѣ сообщалось извѣстіе о
рпостной стычкѣ между 30 французами и 10 пруссаками и
ло сказано, что французы одержали верхъ. Вотъ все содержаніе
мѣтки. Но это было перетолковано какъ распространеніе небла-
пріятныхъ военныхъ извѣстій, и газета была конфискована.
другой день я отправился вооруженный Nord. Allgem.
tung и Kreuzzeitung къ президенту полиціи и сказалъ ему,
эта самая замѣтка напечатана въ обоихъ этихъ оффиціаль-
хъ органахъ. «Да,—это ошибка!» сказалъ онъ мнѣ. Однакожъ
ибка не была исправлена немедленнымъ освобожденіемъ га-
ы; мы получили ее назадъ лишь послѣ нѣсколькихъ недѣль.
и подобномъ положеніи дѣла каждому позволительно спросить
я: не пора ли позаботиться о томъ, чтобы поставить прессу
твердое основаніе?—Позвольте мнѣ сказать еще нѣсколько
въ о газетной штемпельной пошлинѣ, которая кромѣ Прус-
существуетъ еще только въ Австріи. Годовой абонементъ
«Новѣйшія Извѣстія»—весьма распространенную баварскую
ету, вполовину стоитъ дешевле, нежели сколько платитъ въ
уссіи штемпельной пошлины каждая большая газета. Вотъ
оны, при содѣйствіи которыхъ приходится трудиться для обра-

Digitized by Google

зованія и просвѣщенія націи. Господинъ Трейчке съ благоду
ною самоувѣренностію сказалъ вчера, что «цензура уничтоже
какъ пытка»; вѣроятно онъ давно уже не работаетъ
ежедневной прессѣ, иначе онъ нѣсколько измѣнилъ бы с
взглядъ. Постоянные секвестры развѣ менѣе представляю
опасности для свободы прессы, чѣмъ цензура?—Позвольте м
и еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ въ послѣдн
войну обходились съ корреспондентами нѣмецкихъ газетъ. К
респондентъ Всеобщей Аугбургской Газеты, патріотизмъ к
торой не можетъ подлежать на малѣйшему сомнѣнію, вслѣ
ствіе высылки рѣшился, какъ всѣмъ извѣстно, на самоубійст
потому что почиталъ честь свою оскорбленною. Съ корре
спондентами иностранныхъ газетъ такъ не поступали.—Я д
маю, эти факты располагаютъ не къ тому, чтобы ждать, ко
рейхстагъ соберется сочинить намъ какой нибудь уставъ
печати. Напротивъ, они даютъ намъ право немедленно показа
правительству, какихъ новыхъ законовъ мы ожидаемъ для пресс
И это надобно сдѣлать именно теперь. Зимой намъ, може
быть, имѣли право говорить: договоры приняты; если вы
хотите вводить что-нибудь новое, вы затормозите дѣло. Т
перь все поставлено твердо и даже, по выраженію депутата Л
кера, при обсужденіи частныхъ вопросовъ, можно обращати
къ подлиннымъ договорамъ. Слѣдовательно, принятіемъ н
шего предложенія ничего нельзя испортить. Несомнѣнно, ч
дѣла прессы должны быть рѣшаемы судомъ присяжныхъ. Т
кой судъ и существуетъ уже въ Баваріи и составляетъ бла
получіе Баваріи; но очень можетъ быть, что имперская ко
ституція въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, похери
это учрежденіе. Несмотря на тѣ произведенія прессы, кот
рыя намъ прочтены господиномъ Микелемъ (см. объ это
ниже), въ Баваріи во время войны каждый честно исполнял
свой долгъ; тамъ не оказалось нужнымъ поступать такъ, ка
поступали въ Ганноверѣ, гдѣ къ малевькимъ имущественны
конфискаціямъ присоединили и большія—закрывали газет
редакторовъ садили въ тюрьмы, и одинъ изъ нихъ, столько и
вѣстный и уважаемый, вслѣдствіе тюремнаго заключенія ско
чался. Еслибы въ Баваріи происходила такая же конфискац
то очень можетъ быть, что и еще нѣсколькихъ патріотовъ н
не досчитались бы въ здѣшнемъ собраніи. Депутатъ Трейч
много наговорилъ намъ здѣсь о томъ, какъ мы сильно в
росли со времени нашего дѣтства въ 1848 году, и въ самы
пріятныхъ краскахъ изобразилъ превосходство нашей нынѣ
ней конституціи и законодательства въ сравненіи съ таковы
же 1848 года. Я не могу съ этимъ согласиться. Если
разсмотрите конституцію 1848 года и основныя права, о
ставлявшія неразрывную часть ея, то вы найдете, что муж
составлявшіе эту конституцію, весьма вѣрно понимали, въ чем

Digitized by Google

именно нуждается нѣмецкій народъ, и уже не ихъ была вина, что ихъ твореніе не осуществилось и что теперь снова нужно связывать съ этимъ твореніемъ то, что дано сверху. Причинъ, почему это не осуществилось, надобно искать совершенно въ другомъ мѣстѣ — и еслибы тогда правительства дѣйствовали иначе, то, вѣроятно, мы не разсуждали бы сегодня о конституціи, а давно бы уже пользовались плодами свободной имперской конституціи, и я думаю, что память объ этихъ мужахъ, дѣйствовавшихъ назадъ 23 года—вчера исполнилось ровно 23 года первому нѣмецкому парламенту въ Франкфуртѣ—мы ничѣмъ не можемъ лучше почтить, какъ принявъ ихъ основныя права относительно прессы и ферейновъ».

Среди рѣчей нынѣшняго рейхстага, большею частію безсодержательныхъ, безцвѣтныхъ, иногда пропитанныхъ лакействомъ, рѣчь Зоннемана отличается если не блескомъ, то правдивостію, достоинствомъ. Между тѣмъ она прозвучала въ рейхстагѣ при глубокомъ безмолвіи. Никакого выраженія сочувствія, ни одного знака одобренія не вызвала она ни въ одной партіи. Это достаточно характеризуетъ настроеніе нынѣшняго рейхстага. Здѣсь, гдѣ каждая плоскость, большею частію самаго возмутительнаго свойства, сказанная княземъ Бисмаркомъ, встрѣчается шумными рукоплесканіями, гдѣ каждый нѣмецкій вицъ самого посредственнаго достоинства производитъ оживленіе, честная и прямая рѣчь выслушивается съ холодностію, и даже съ неудовольствіемъ. Да, съ неудовольствіемъ: почтенное собраніе рейхстага видимо огорчилось тѣмъ, что Зоннеманъ смѣло выяснилъ возмутительныя дѣйствія администраціи и полиціи, совершающіяся у нихъ подъ носомъ, дѣйствія, которыя вмѣстѣ бросаютъ самую неблаговидную тѣнь на великаго канцлера. Вмѣсто того, чтобы немедленно подумать о защитѣ прессы отъ подобныхъ насилій, оно взяло подъ свое покровительство администрацію и полицію. Шульце, вождь прогрессивной партіи, выразившійся, какъ мы уже видѣли выше, по поводу предложенія Рейхенспергера съ амендементами, за переходъ къ очереднымъ занятіямъ, и слѣдовательно, не имѣвшій нужды вмѣшиваться въ пренія, счелъ нужнымъ прервать свое безмолвіе единственно для того, чтобы прочитать урокъ Зоннеману о мудрой постепенности. Шульце начинаетъ свою рѣчь съ комплимента франкфуртскому парламенту; онъ говоритъ, что онъ и его друзья относятся къ основнымъ правамъ 1848 года не такъ, какъ многіе другіе члены рейхстага, что они видятъ въ этихъ правахъ превосходное средство для пробужденія національнаго сознанія въ индивидуумахъ, иначе сказать, считаютъ ихъ очень полезнымъ сочиненіемъ; но, говоритъ онъ, обращаясь лично къ Зонненману и его друзьямъ, меньшинство поступаетъ непарламентски, когда оно предлагаетъ рейхстагу основныя права въ такой моментъ, когда на предложеніе кромѣ отказа ничего не можетъ послѣ-

Digitized by Google

довать. Это, дескать, можетъ повести только къ тому, что принятіе подобнаго предложенія будетъ затруднено и на будущее время. Подобный образъ дѣйствія Шульце находитъ почему-то революціоннымъ и далѣе доказываетъ, что ничто такъ не вредитъ прогрессу, какъ онъ: ибо онъ запугиваетъ всѣхъ. «Республиканизмъ — продолжаетъ Шульце — по нынѣшнему французскому образцу менѣе всего можетъ спасти идею республики, которая современемъ, быть можетъ, сдѣлается общепринятою формою правленія въ Европѣ. Революція есть проломъ народнаго духа сквозь загораживающія его преграды. Это явленіе природы, движеніе чисто стихійное. Поэтому смѣшно усиливаться сочинить революцію; подобными усиліями, можетъ быть, и можно произвести какое-нибудь ничтожное моментальное волненіе, но революціи никогда,—и ваша партія,—такъ заканчиваетъ Шульце, обращаясь къ Зоннеману,—которая именно объ этомъ хлопочетъ, не найдетъ ни малѣйшаго отклика въ нѣмецкомъ духѣ» *(самое оживленное браво!)*. Всякій разсудительный человѣкъ рѣчь Шульце можетъ назвать не иначе, какъ шутовствомъ, по меньшей мѣрѣ, пустымъ словоизверженіемъ, неимѣющимъ никакого отношенія къ дѣлу. Съ какой, въ самомъ дѣлѣ, стати заговорилъ онъ о революціи, о революціонныхъ стремленіяхъ? Что̀ было революціоннаго въ амендементахъ и въ рѣчи Зоннемана? Основныя права составляютъ всеобщую, всѣми выражаемую потребность нѣмецкаго народа; опредѣленія и внесенія основныхъ правъ въ конституцію настоятельно требовали всѣ либеральныя партіи еще на послѣднемъ сѣверогерманскомъ сеймѣ и отложили вопросъ объ этомъ не далѣе, какъ до нынѣшняго рейхстага; лично въ своемъ требованіи Зоннеманъ такъ умѣренъ, что требуетъ опредѣленія этихъ правъ только относительно прессы и ферейновъ, т.-е. относительно только тѣхъ предметовъ, по которымъ компетенція отъ частныхъ нѣмецкихъ земель перешла въ вѣденіе имперскаго правительства. Надобно же позаботиться о томъ, чтобы имперское правительство не приняло въ этомъ отношеніи попятнаго направленія и не разрушило прогрессивныхъ учрежденій, уже существующихъ въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ земляхъ. И кому же было естественнѣе заявить по этому предмету свои опасенія, какъ не Зоннеману, который, по дѣламъ печати, на своихъ бокахъ испыталъ прусскій либерализмъ,—а вѣдь прусское правительство, въ существѣ дѣла, есть въ настоящее время и имперское правительство. Несмотря на это, шутовская рѣчь Шульце встрѣчается восторженнымъ «браво» отъ рейхстага. Это поощряетъ другаго депутата, знаменитаго профессора Трейчке, приступить прямо къ обвиненію Зоннемана въ измѣнѣ отечеству. «Г. Зоннеманъ,—говоритъ Трейчке,—много разъ въ своей рѣчи возражалъ на то, что̀ я говорилъ сегодня относительно прессы; но я остаюсь вполнѣ при прежнемъ своемъ мнѣ-

Digitized by Google

віи. Натурально, я не могу судить о томъ, имѣетъ ли г. Зоннеманъ основаніе жаловаться на произвольныя мѣры франкфуртскаго полицейскаго начальства, ибо ближайшія подробности этого дѣла мнѣ неизвѣстны. Но я думаю, что г. Зоннеманъ не имѣетъ никакого основанія жаловаться на прусское начальство; напротивъ, онъ долженъ благодарить его за ту снисходительность, которую оно ему оказывало, ибо если французская газета изо дня на день...».

Президентъ. — Это выходитъ изъ предѣловъ, дозволяемыхъ для личнаго замѣчанія. *(Шумъ. Трейчке прерываетъ свою рѣчь).*

Зоннеманъ. — Насколько я понялъ рѣчь г. Трейчке, онъ обвиняетъ мою газету въ томъ, что она держала сторону французовъ. Пока онъ не представитъ доказательствъ этого, я называю его заявленіе клеветою. *(Ого! Сильный шумъ направо).*

Президентъ. — За шумомъ я не разслышалъ послѣднихъ словъ депутата Зоннемана; я желалъ бы, чтобы онъ повторилъ ихъ.

Зоннеманъ. — Я сказалъ, что Трейчке обвиняетъ мою газету въ томъ, что она держала сторону Франціи (Рохау: «это правда»). Ну, вотъ и г. Рохау повторяетъ то же самое, — потому повторяю и я, что это заявленіе, пока оно не будетъ доказано, я называю клеветою.

Президентъ.—Я не имѣю основанія такъ понимать смыслъ словъ, сказанныхъ г. Трейчке.

Зоннеманъ. — Но депутаты, которые сидятъ около и принадлежатъ къ различнымъ партіямъ, поняли г. Трейчке точно такъ же, какъ и я; то же самое говоритъ и г. Рохау, совершенно соглашаясь съ Трейчке.

Президентъ.—Депутатъ Рохау не имѣлъ вовсе и права на слово; а затѣмъ, слова оратора надобно понимать не такъ, какъ толкуютъ ихъ сидящіе около него, а какъ понимаетъ ихъ президентъ.

Этимъ объясненія не оканчиваются. Послѣ окончанія занятій, Рохау беретъ дозволеніе на слово и обращается съ слѣдующей рѣчью къ Зоннеману:

На вызовъ г. Зоннемана я отвѣчаю вотъ что: требуемыхъ отъ меня доказательствъ высказаннаго мною мнѣнія я не могу представить ни сегодня, ни завтра; но я представлю ихъ послѣ праздника и тогда потребую отъ г. Зоннемана должнаго удовлетворенія.

Зоннеманъ. — Буду ожидать документовъ отъ г. Рохау, и тогда съ своей стороны представлю г. Рохау статьи изъ еженедѣльнаго изданія національнаго ферейна за 1864 и 1865 годы.

Д-ръ Ламей *(обращаясь къ обоимъ)*. — Господа, мы здѣсь депутаты рейхстага, а вовсе не журналисты.

Digitized by Google

Президентъ. — А главное, здѣсь никто не имѣетъ право говорить, если ему не дано на то позволенія.

Пренія по поводу предложенія объ основныхъ правахъ продолжались цѣлыхъ три засѣданія. Амендементы Зоннемана заняли очень немного времени; все остальное время было посвящено борьбѣ съ католическою партіею. Но такъ-какъ рейхстатъ не могъ ничего возражать противъ основныхъ пунктовъ предложенія и этой партіи, то вся сущность преній сводится на несвоевременность предложенія и главнымъ образомъ на разоблаченіе мотивовъ, побуждающихъ католическую партію къ этой несвоевременности, иначе сказать, на обличеніе тайныхъ ультрамонтанскихъ замысловъ. По скандальной исторіи, случившейся съ Зоннеманомъ, читатель можетъ понять, что рейхстагъ тѣмъ болѣе не считалъ нужнымъ церемониться съ католиками. Пренія и здѣсь носятъ вообще болѣе или менѣе личный характеръ и въ концѣ концовъ доходятъ до обвиненія въ измѣнѣ. Главнымъ ораторомъ или точнѣе сказать направителемъ содержанія и характера преній является и здѣсь Трейчке. Такъ-какъ основныя права, поименованныя въ предложеніи Рейхенспергера, взяты цѣликомъ изъ франкфуртской конституціи, откуда перешли и въ прусскую, то Трейчке устанавливаетъ прежде всего точку зрѣнія на франкфуртскій парламентъ 1848 года. Онъ говоритъ, что парламентъ 1848 года былъ временемъ дѣтства нѣмецкой политики. Въ опредѣленіи основныхъ правъ участвовали тогда съ одной стороны соціализмъ, который думаетъ, что церковь можно устраивать на американскій манеръ, какъ какой-нибудь шахматный клубъ или какое бы то ни было обыкновенное общество, съ другой—клерикалы бельгійскаго пошиба, которые стремятся надѣлить церковь всѣми возможными привилегіями и поставить ее на одинаковыхъ правахъ съ государствомъ. Эти-то разнородныя въ существѣ своемъ тенденціи были причиною того привилегированнаго положенія, которое получила церковь въ франкфуртской конституціи, а затѣмъ и въ прусской—что никакъ не составляетъ достоинства послѣдней. Трейчке спрашиваетъ затѣмъ клерикаловъ: зачѣмъ взяли они изъ франкфуртской конституціи не *всѣ* основныя права, а только нѣкоторыя изъ нихъ? Зачѣмъ они не внесли въ свое предложеніе статьи: «Наука и ея ученіе свободны», а также статьи о гражданскомъ бракѣ. Но затѣмъ самъ же тотчасъ весьма резонно отвѣчаетъ на это, что католики не могли и не имѣли надобности брать этихъ пунктовъ въ свое предложеніе, потому что они взяли изъ основныхъ правъ только тѣ, компетенція по которымъ предоставлялась имперскому правительству, а такихъ правъ и было только два: относительно прессы и ферейновъ. Такъ-какъ католики необходимость утвержденія этихъ правъ мотивировали опасеніемъ реакціи со стороны имперскаго правительства, то Трейчке вооружается противъ

Digitized by Google

этого опасенія, говоритъ, что реакція теперь невозможна, потому, дескать, что «теперь нѣтъ князя Меттерниха, который могъ бы сказать, что партія какая-то, скрывающаяся во мракѣ, угрожаетъ гибелью тронамъ, что нѣмецкіе князья и народы стали одно въ послѣднюю войну и никакой силѣ въ мірѣ не удастся возбудить недовѣріе троновъ къ народамъ Германіи». Чудакъ этотъ Трейчке! Онъ такъ увлекается, что какъ будто совсѣмъ забываетъ и о существованіи князя Бисмарка, которому князь Меттернихъ едва-ли бы годился и въ ученики, и о существованіи призраковъ всемірной революціи, международной ассоціаціи, которыми нынѣ пугаютъ троны. При помощи этихъ страшилищъ нашего времени, князь Бисмаркъ можетъ, если то потребуется, разыграть такую музыку, которой позавидовалъ бы не только князь Меттернихъ, но и самъ Наполеонъ. Въ заключеніе Трейчке, разоблачая тайные замыслы католиковъ, говоритъ, между прочимъ, прямо, что утвержденіе основныхъ правъ, требуемыхъ католиками, дастъ возможность католическимъ епископамъ играть роль мятежниковъ противъ своихъ законныхъ государей. Всѣ послѣдующія рѣчи были развитіемъ этихъ тезисовъ, выставленныхъ Трейчке. Мы не будемъ передавать здѣсь отвѣтовъ католиковъ, ибо опровергнуть то, что̀ путалъ Трейчке, а за нимъ и другіе члены рейхстага, не стоило большаго труда. Не сила рѣчей приводила въ смущеніе католиковъ, а та грубость выходокъ относительно ихъ тайныхъ замысловъ, которой дѣйствительно нельзя было не оскорбляться. Положимъ, что предположеніе относительно тайныхъ замысловъ католической партіи, или точнѣе сказать, католическаго духовенства, вообще было справедливо, но въ рейхстагѣ было едва-ли не единственное духовное лицо—это именно Кеттелеръ, епископъ майнцскій. Изъ остальныхъ членовъ католической партіи, находившихся въ рейхстагѣ, очень легко могли быть люди, желавшіе свободы своей церкви, но вовсе не раздѣлявшіе всѣхъ тенденцій своего духовенства. Во всякомъ случаѣ, предположеніе относительно ихъ личныхъ стремленій было не болѣе, какъ подозрѣніемъ, не имѣвшимъ для себя никакого твердаго основанія. И основывать на подобныхъ доказательствахъ *отъ тещи* свою защиту или возраженія,—пріемъ никакъ не парламентскій. Но когда католики жаловались на такое недовѣріе къ нимъ, одинъ изъ депутатовъ Микель отвѣчалъ имъ, что они сами виновны въ томъ, что возбудили противъ себя недовѣріе всѣхъ партій. Они вели себя, по мнѣнію оратора, измѣннически во время войны. Они не высказали ни одного сочувственнаго слова за Германію. Передъ войною баварскія католическія газеты говорили: «мы не пойдемъ съ Пруссіею; если насъ, по нашей глупости, принудятъ къ тому силою, то это продолжится лишь до первой французской побѣды, послѣ этого мы немедленно соединимся съ французами противъ прус-

Digitized by Google

саковъ, и тогда-то, наконецъ, наступитъ время гибели этого проклятаго разбойническаго государства Гогенцоллерновъ». Ораторъ говоритъ, что въ такомъ родѣ дѣйствовали всѣ католическіе баварскіе органы журналистики, какъ-то: «Volksbote», «Vaterland», «Post-Zeitung», «Süddeutsche Post». «Я бы, продолжаетъ ораторъ, не упомянулъ объ этомъ, еслибы мы въ Сѣверной Германіи видѣли въ католической партіи другія чувства, еслибы католическая партія здѣсь рѣшительно отвергала такіе принципы своихъ единовѣрцевъ. Но я наблюдалъ за этою партіею въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и не помню ни одного подобнаго факта съ ея стороны. И вотъ эти люди, которые не работали заодно съ нами для основанія нѣмецкой имперіи, выступаютъ теперь съ такими великими требованіями, вчера относительно внѣшней, сегодня относительно внутренней политики! Есть ли у нихъ на это какое-нибудь право? И не вправѣ ли мы, напротивъ, отказывать имъ, пока они не словами только, а своими дѣлами не докажутъ намъ, что они твердо стали на нашей сторонѣ? Есть и еще причина, по которой не можетъ не возбуждаться недовѣріе къ нимъ. Какъ довѣрять церкви, которая, именуясь ecclesia una et universalis, проповѣдуетъ въ Тиролѣ единство вѣры, въ Испаніи садитъ въ тюрьмы протестантовъ, и у которой въ ея образцовомъ государствѣ, церковной области, до настоящаго времени не существуетъ свободы вѣры? Какъ хотите, я не могу имѣть довѣрія, пока мнѣ не будутъ даны доказательства!» Положимъ, что все это такъ! Положимъ, католическая партія не желала успѣховъ Пруссіи, въ Баваріи открыто агитировала противъ нея и готова была на измѣну нѣмецкому дѣлу—но вѣдь всѣхъ этихъ *измѣнниковъ* Пруссія не только съ удовольствіемъ приняла въ составъ единой Германіи, а даже ухаживала за ними, искала, чтобы они вступили въ этотъ союзъ,—а слѣдовательно забыла всѣ ихъ происки и покушенія на измѣну противъ себя, признала ихъ равноправными со всѣми другими равноправными сынами Германіи. Есть ли послѣ этого у рейхстага, не говоримъ, какое-нибудь право, а есть ли смыслъ и тактъ, когда онъ съ упрекомъ напоминаетъ представителямъ, избраннымъ этими самыми людьми, о какой-то несуществовавшей измѣнѣ и трактуетъ ихъ даже въ настоящее время, какъ носящихъ измѣну въ душѣ? Рейхстагъ забылъ, что этихъ представителей избрали тѣ самые сотни тысячъ баварцевъ и вообще южно-германцевъ, которые своею грудью отстаивали независимоттъ и единство Германіи. И если эти герои, въ патріотизмѣ которыхъ сомнѣваться нельзя, признали ихъ достойными себя представителями, то какихъ еще нужно доказательствъ ихъ вѣрности отечеству? Что значатъ мимолетныя слова газетъ, сказанныя по извѣстному случаю, подъ извѣстнымъ настроеніемъ и притомъ въ такое время, когда единство Германіи было еще вопросомъ, и когда пред-

Digitized by Google

ествовавшія дѣянія Пруссіи по отношенію къ другимъ гер-
анскимъ государствамъ были таковы, что не могли никому
лушать особаго къ ней расположенія?

Самый свѣтлый образъ въ нѣмецкомъ рейхстагѣ въ настоя-
ее время представляетъ собою, безъ сомнѣнія, Бебель. Въ
о убѣжденіяхъ, правда, много увлеченій и крайностей, ни
чѣмъ не сообразныхъ. Но онъ достоинъ уваженія уже по-
му одному, что просидѣвъ ни за что, ни про что 100 дней
тюрьмѣ, и ежедневно находясь въ опасности вновь попасть
нее, онъ ни на одну іоту не отступаетъ отъ своихъ убѣж-
ній, и, не стѣсняясь, высказываетъ ихъ съ полною откровен-
остью и даже рѣзкостью. А при этомъ и взглядъ его на без-
одныя препирательства съ католиками, на отношеніе разныхъ
артій къ самымъ существеннымъ вопросамъ Германіи,—неза-
исимо, разумѣется, отъ нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ крайностей,—
льзя не признать самымъ трезвымъ. «Съ того времени, какъ
сижу въ рейхстагѣ—такъ высказался онъ еще при концѣ вто-
аго засѣданія объ основныхъ правахъ — религіозные дебаты
оглотили всѣ другіе. Человѣку, который давно уже покон-
лъ со всѣми религіями, надобно имѣть много терпѣнія, что-
ы переносить подобныя пренія. (*Общій смѣхъ*). Когда назадъ
му 8 мѣсяцевъ, король прусскій началъ войну, онъ обѣ-
алъ народу свободу; объ этомъ обѣщаніи и долженъ былъ
ы напомнить ему рейхстагъ, вмѣсто того, чтобы проводить
ремя въ пустыхъ дебатахъ. Трейчке сказалъ правду, что му-
и 1848 года были политическими дѣтьми, потому что въ кон-
итуцію, во главѣ которой долженъ былъ стоять прусскій ко-
оль въ качествѣ нѣмецкаго императора, они внесли абсолютную
вободу прессы, широкое право ферейновъ и другія прекрасныя
ещи. Ожидать исполненія чего-нибудь подобнаго, было дѣй-
твительно дѣтствомъ, ибо интересы князей и народа всегда
ротивоположны (*шумъ*). Въ дѣйствительности и дебатировать
ъ основныхъ правахъ напрасное дѣло... Мы не будемъ
мѣть ихъ до того времени, пока Германія не скажетъ:
ли вы не дадите ихъ намъ, то мы ихъ возьмемъ. Нату-
льно, что на это не согласятся господа прогрессисты
умъ и смѣхъ). У нихъ на это есть и еще резонъ. Они бо-
ся европейской революціонной партіи, къ которой прина-
лежу я. Эта боязнь заставляетъ ихъ бросаться въ объятія
мыхъ реакціонерныхъ правительствъ. Въ началѣ 60-хъ
одовъ, когда кто-то спросилъ Бисмарка, какъ онъ думаетъ
ыпутаться изъ столкновенія съ парламентомъ — министръ от-
вѣчалъ: «ба! да прогрессъ боится революціи гораздо болѣе,
ѣмъ ненавидитъ меня». Чрезъ ваши дебаты, мы, конечно, не
обьемся основныхъ правъ, но мы будемъ имѣть ихъ еще до
онца нынѣшняго столѣтія». (*Смѣхъ*).

Микель, начавшій говорить вслѣдъ за этимъ заявленіемъ

Digitized by Google

Бебеля, замѣтилъ, что онъ не считаетъ нужнымъ возра
на слова Бебеля, потому что въ головахъ этихъ господъ
только двѣ мысли: цезаризмъ и коммунизмъ, и что въ на
щее время, въ Германіи по крайней мѣрѣ, они менѣе
опасны. На это замѣчаніе Бебель сдѣлалъ такой отзыв
Микель нынѣ что-то свысока сталъ трактовать мою па
Было время, когда онъ не былъ ни директоромъ банка
бургомистромъ, тогда онъ думалъ о ней иначе; въ сороко
годахъ онъ самъ былъ коммунистомъ. (*Громкій смѣхъ*).

Digitized by Google

БЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ.

Засѣданіе комитета 15-го марта 1871-го года.

Обсуждался возбужденный ревизіонною коммисіей вопросъ объ обра- и ежегодно отпускаемыхъ 500 р. на уплату за слушаніе лекцій бѣд- студентами с.-петербургскаго университета въ непосредственное по- наиболѣе достойнымъ и бѣднымъ студентамъ. Опредѣлили: обратить енную сумму на образованіе четырехъ стипендій, каждая въ 125 р., бѣдныхъ студентовъ 1-го курса названнаго университета. Выборъ ендіатовъ предоставить комитету, по сношенію съ университетскимъ ьствомъ. На приведеніе этого предположенія въ исполненіе испросить ѣшеніе ближайшаго общаго собранія членовъ Общества.—2) Выдано суду одному писателю 500 руб. и другому 300 руб.—3) Отклонены тайства 10-ти лицъ, *двухъ*—потому, что просители, по своимъ литера- ымъ трудамъ, не имѣютъ права на частую помощь со стороны Обще- *шести*—потому, что они не удовлетворяютъ условіямъ § 5 устава; *о*—потому, что въ виду комитета нѣтъ мѣста, которое могъ бы занять итель, и *одного* потому, что Общество учреждено съ цѣлью вспомо- зованія литераторамъ и ученымъ, или ихъ семействамъ, въ тѣхъ лишь ихъ, когда они находятся въ невозможности содержать себя собствен- трудами (§ 1 устава).—4) Докладъ Н. Н. Тютчева, что проситель- о положеніи которой ему было поручено собрать свѣдѣнія, живетъ у венниковъ, занимающихъ небольшую квартиру и отдающихъ комнату олъ какъ ей, такъ и ея двумъ несовершеннолѣтнимъ сыновьямъ. Проси- ица объяснила, что изъ небольшой, получаемой пенсіи, половина идетъ держаніе тяжко больнаго мужа ея въ богадѣльнѣ, а изъ другой поло- удерживается 6 руб. въ мѣсяцъ на уплату долговъ, и затѣмъ для нея тся 1 р. 75 к. въ мѣсяцъ. Старшій сынъ готовится къ экзамену, но нѣтъ никакихъ средствъ на уплату учителямъ. Опредѣлено: выдать тельницѣ 100 руб.—5) Докладъ П. В. Анненкова, что, навѣстивъ сына да знаменитаго профессора, онъ нашелъ его въ крайне затруднитель- положеніи. Онъ прибылъ въ Петербургъ для отысканія какого - либо , и остается безъ всякой возможности расплатиться въ бѣдной гости- тдѣ остановился. Опредѣлено: утвердивъ распоряженіе П. В. Анне- о выдачѣ просителю 50-ти руб., сверхъ такой же суммы, выданной въ лѣ мѣсяцѣ, ходатайство просителя объ увеличеніи размѣра пособія нить, такъ какъ онъ, сравнительно съ его литературными трудами, ілъ уже достаточное пособіе.—6) Отпущено 20 руб. въ уплату за слу- сыномъ одной писательницы лекцій въ гимназіи.—7) Выдано 300 руб. особіе вдовѣ одного извѣстнаго писателя, поставленой въ затрудни- ое положеніе смертью мужа.—8) Отпущено 100 руб. семейству одного но умершаго писателя и 25 р. на похороны другого.—9) Объявлена дарности Общества: А. Н. Аѳанасьеву за труды по собранію свѣдѣній

Digitized by Google

о положеніи одного лица; А. А. Потѣхину за устроенное имъ чтеніе въ пользу Общества; с.-петербургскому купеческому собранію, безвозмездно уступившему свою залу для устройства чтенія г. Потѣхина книжнымъ магазинамъ: Базунова, Звонарева, Исакова, Кожанчикова и Черкесова, за труды ихъ по продажѣ билетовъ на то же чтеніе.

Засѣданіе комитета 20-го марта 1871 г.

1) Выслано 35 р. сыну одного профессора, находящемуся въ бѣдности, и объявлена благодарность общества Н. Х. Бунге, за собраніе свѣдѣній объ этомъ просителѣ.—2) Выслано 57 руб. одному писателю, лишившемуся мѣста и крайне нуждающемся въ средствахъ къ жизни. За доставленіе свѣдѣній о немъ объявлена благодарность общества П. П. Иванову.—3) Отклонены ходатайства двухъ просителей, такъ-какъ они, по своимъ литературнымъ трудамъ, не имѣютъ права на ежегодное пособіе со стороны Общества.—4) Утверждено распоряженіе М. М. Стасюлевича, о выдачѣ 25-ти р. вдовѣ одного писателя, вынужденной работать не только для себя, но и для сестры, которая заболѣла и лишилась мѣста.—5) Утверждено распоряженіе П. М. Ковалевскаго о выдачѣ 50-ти р. семейству одного писателя, находившемуся въ самомъ крайнемъ положеніи.—6) Выдано 40 р. матери одного писателя, живущей небольшимъ пенсіономъ и тѣмъ, что успѣетъ выручить рукодѣліемъ. Въ послѣднее время просительница была больна и потому не могла работать.—7) Отклонено ходатайство одной просительницы о пособіи, такъ-какъ она получаетъ казенную пенсію; ходатайство другого просителя отклонено потому, что проситель не удовлетворяетъ условіямъ § 5 устава Общества.—3) Выдано 100 р. семейству одного писателя, умершаго въ бѣдности.

Замѣтка для членовъ Общества, жертвователей и просителей. Всѣ прошенія, дѣла и бумаги должны быть адресуемы на имя общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, въ С.-Петербургѣ, или предсѣдателя общества Якова Карловича Грота (Васильевскій Островъ 1-я линія, домъ № 50-й), а въ случаѣ его отсутствія—на имя помощника предсѣдателя, Константина Дмитріевича Кавелина (Васильевскій Островъ, 7-я линія, домъ № 60). Секретарь общества Павелъ Васильевичъ Анненковъ имѣетъ жительство на углу Итальянской и Надеждинской, домъ № 14-й, квартиры № 26-й.

Всѣ денежныя выдачи, по опредѣленію Комитета, производятся казначеемъ Общества Николаемъ Николаевичемъ Тютчевымъ (Литейной части, на углу Итальянской и Надеждинской, домъ № 14-й, квартиры № 17-й). Онъ же принимаетъ деньги, поступающія въ кассу литературнаго фонда, и выдаетъ квитанціи; на имя казначея, равнымъ образомъ, должны быть присылаемы росписки въ полученіи пенсій и пособій, высылаемыхъ иногороднымъ.

Независимо отъ того, годовые платежи членовъ общества и единовременныя пожертвованія могутъ быть вносимы: *въ С.-Петербургѣ*—въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, по Невскому проспекту, близь Казанскаго моста, съ запискою, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, вносимыхъ денегъ въ особую, заведенную для того въ магазинѣ книжку, а *въ Москвѣ*—Петру Ивановичу Бартеневу (Мясницкая, Чертковская библіотека).

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
810614
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L

ОГОНЕКЪ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

JUNE

I.

бщее собраніе было недалеко. Кто осмѣлился бы усомниться
отомъ, когда барометръ быстро падалъ и возвѣщалъ при-
ненія грозы.
ъ конторѣ правленія началась лихорадочная дѣятельность.
нили штаты служащихъ и нѣсколько новыхъ экземпляровъ,
увши голову на бокъ, какъ пристяжныя, строчили и стро-
и съ 9 часовъ утра до 9 вечера. Испитыя лица писцовъ
тно жаждали освѣженія, котораго не могли имъ дать чер-
ьницы, привинченныя къ столу. Цѣлые вороха росписей,
ъ и отчетовъ поражали зрителей своими каллиграфическими
ловками и микроскопической точностью своихъ выводовъ.
дая цифра неизмѣнно оканчивалась четвертыми долями ко-
и, а надъ заглавіями видимо работали художники,—такъ
оски, залихватски и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ артистически
аны были эти заглавія.
роснулось не одно правленіе. Пробудились отъ сна и акціо-
и. Они стали собираться поочереди то въ клубѣ, то у ди-
тора, то въ частныхъ домахъ. Составились разные кружки:
овольныхъ вообще, недовольныхъ только отчасти, отчаяв-
ся и отчаянныхъ, умѣренныхъ и непримиримыхъ. Но всѣмъ
ъ партіямъ предстояло быть соединеннымъ и поглощеннымъ
й идеей: спасать свои рубли и копейки.

Digitized by Google

II.

Однажды вечеромъ, незадолго до дня общаго собранія, Андреевна ждала гостей: всѣхъ своихъ десятерыхъ по никовъ, адвоката, Домейко и еще кой-кого. Хозяйка, о съ изящною небрежностью, ходила и отдавала прика въ одномъ мѣстѣ спустить драпри, въ другомъ придв кресла къ камину; тутъ зажечь кенкетъ, тамъ поставить почку и перемѣнить абажуръ; принести къ роялю пю для нотъ и спрыснуть букетъ свѣжихъ розъ, стоявшій на ликѣ въ гостиной. Пріятная, теплая атмосфера вся нас была пропитана какими-то тонкими духами, щекотавшими н Ровный свѣтъ разливался изъ-подъ матовыхъ колпако цвѣтныхъ абажуровъ. Въ гостиной нога тонула въ мя коврахъ, а въ залѣ зеркальные полы какъ будто любов на сверкавшіе клавиши открытаго роялино. Нѣсколько de salon Ketterer'a, Prudent и прочихъ модныхъ піанистовъ разложены на пюпитрѣ и, казалось, только ждали, чтоб нибудь, пробѣжавши рукой по клавіатурѣ, вызвалъ цѣлое звуковъ, которымъ не мало помогъ бы великолѣпный резо этой комнаты.

Окончивши распоряженія въ парадныхъ пріемныхъ, хо лѣнивой походкой поплыла въ столовую. Тамъ ждали п занія другаго рода. Каммерфрейлина объявила, что фру больше въ долгъ не отпускаютъ; да не только фрукто сливокъ никакъ не могли достать: молочница отказы открывать кредитъ на неопредѣленное время. Эмма сд нетерпѣливое движеніе,

— Ты знаешь, однако, что къ чаю сливки необходимы.

— Что же мнѣ прикажете дѣлать, барыня?

— Фрукты мнѣ также нужны. Я хочу, чтобы они б меня непремѣнно. Слышишь?

Каммерфрейлина улыбаясь вертѣла кончикъ своего фар

— У тебя вѣрно найдутся какіе-нибудь два, три А съ тобой мы послѣ сочтемся!

— Очень хорошо-съ.

— А пока можешь взять себѣ мое зеленое репсовое п Я его надѣвала разъ пять и оно мнѣ намозолило глаза.

Фрейлина кинулась поцаловать ручку. Эта сцена напом анекдотъ, пущенный про Эмму, будто она разъ предлага лочнику заплатить самоваромъ. Тотъ долго не согла

Digitized by Google

ссылаясь на то, что его хозяинъ, можетъ быть, и не захочетъ принять самовара въ уплату за свои печенья. Но когда ему объявили, что наличныхъ денегъ онъ во всякомъ случаѣ не получитъ, то онъ подхватилъ громоздкую ношу и понесъ ее въ булочную. Анекдотъ этотъ не мало увеселялъ враговъ Эммы и былъ, можетъ быть, совсѣмъ не такъ неправдоподобенъ, какъ обыкновенно думали. M-me Ракитина то и дѣло сидѣла безъ денегъ и была кругомъ должна. Кому только она не должна? извощикамъ, портнихѣ, прачкѣ, повару, молочницѣ, въ фруктовую лавку, въ мясную и мучную лавку, словомъ— всюду и всѣмъ, кромѣ своей каммерфрейлины. Послѣдняя вознаграждалась даже съ избыткомъ. Вѣроятно, этой-то тактикой Эмма только и спасалась отъ банкротства. Вмѣсто врага она сдѣлала себѣ изъ фрейлины союзницу, которая находила, что очень недурно получать платья репсовыя и нерепсовыя, зеленыя и незеленыя. Не малый запасъ хитрости и ловкости потратила она на то, чтобы вывернуться самой и выгородить свою барыню изъ разныхъ дрязгъ съ прачками и извощиками.

Тотчасъ же послѣ перваго звонка въ передней, Эмма поспѣшила надѣть маску женщины, умирающей отъ скуки, стараясь въ то же время разглядѣть въ полуотворенную дверь, поданы ли на столъ фрукты или нѣтъ.

— Ну, ужь погодка! Вотъ ужь могу сказать погодка!

Это заявляла дама, входившая въ гостиную, единственная особа женскаго пола, которой суждено украсить вечеринку своимъ присутствіемъ. Остальные гости были всѣ безъ исключенія мужескаго пола. Впрочемъ, она не могла разрушить симметріи, ибо сама имѣла бездну мужскихъ наклонностей. Природа вѣроятно, по ошибкѣ сдѣлала ее женщиной. Иначе зачѣмъ же было давать ей воинственную наружность, ростъ гренадера и самый завидный басъ, не говоря уже о душевныхъ качествахъ, которымъ до женственности было такъ же далеко, какъ намъ съ вами до луны. Несмотря на то, что ей давно перевалило за шестьдесятъ, старуха собиралась перещеголять молодыхъ: такъ она высматривала бодро и здорово. Дама эта была Дарья Петровна Домейко, мать Арсенія Филиповича, по происхожденію аристократка, но по несчастному стеченію обстоятельствъ, доведенная почти до нищенства и проживающая на десять рублей ежемѣсячной пенсіи.

— Что, матушка моя, силъ нѣтъ никакихъ. Такая погода! Дождикъ не дождикъ! снѣгъ не снѣгъ!

"Вотъ оно, подумала Эмма, начинается: погода, погоды, погоду, погодою, о погодѣ!„ И когда она подумала, что это

Google

слово просклоняютъ еще человѣкъ пятнадцать, ей стало дѣйствительно скучно.

— Двое чулокъ надѣла, шубу, подъ низъ большой платокъ— такъ насквозь и прохватываетъ. Такой пронзительный вѣтеръ. Ну что, матушка, ваши соколы еще не прилетали?

— Вонъ слышите! (въ передней звонили).

— Какъ мухи къ меду льнутъ. А что, мой Арсеній будетъ у васъ сегодня?

— Какъ же, непремѣнно. Вашъ сынъ герой дня. Вы знаете, онъ опять что-то такое пишетъ. Говорятъ, очень хорошо.

— И, матушка!.. лучше бы сдѣлалъ, кабы не писалъ. (Старуха махнула рукой). Умница онъ; знаю, что умница, а ужь писаній его читать не стану. Чего тутъ? лучше не ссориться. А то прочтешь, да и разругаешься. Какъ Богъ святъ разругаешься.

— Отчего-же? можетъ быть онъ васъ убѣдитъ.

— Кого? меня-то? Нѣтъ ужь, матушка: меня одна могила убѣдитъ. Какъ жила безтолкова, такъ безтолковая и въ гробъ лягу, а ужь у теперешнихъ, у модныхъ писателей просвѣщаться не стану. Куда намъ? У нихъ вонъ и Бога нѣту, и человѣкъ отъ обезьяны произошелъ... Да, чтобъ я на старости лѣтъ стала эти книжки читать? Тьфу ты мерзость какая!

— Ну, ужь я вамъ скажу, погода! объявлялъ вошедшій.

— Молчите! молчите! знаю: скверная, холодная, вѣтряная, сырая!

— Господи, до чего дожили. Ужь и о погодѣ нельзя поговорить.

— Ужь до чего, батюшка, дожили. Папа хочетъ соборъ созывать. Неравно кто не повѣритъ, что онъ безгрѣшный человѣкъ, такъ вотъ, чтобы увѣровать. Эдакъ я погляжу, погляжу, да на старости лѣтъ и сама стану индульгенціями торговать. Тогда, батюшка, ко мнѣ милости просимъ. Всѣ грѣхи за рубль серебра отпущу.

Съ легкой руки Дарьи Петровны, гости пріѣзжали одинъ за другимъ; едва успѣвали затворять двери за однимъ, какъ являлся слѣдующій и каждый считалъ своимъ долгомъ начать съ погоды. Хозяйка, выведенная наконецъ изъ терпѣнія, взяла листъ бумаги, написала крупными буквами: входъ воспрещается всякому, кто заикнется о походѣ, и вывѣсила это объявленіе на стѣнѣ. Эта курьёзная афишка возбудила общее веселье тѣмъ болѣе, что изъ новоприбывшихъ никто съ разу не замѣчалъ и непремѣнно попадался въ просакъ съ своимъ докладомъ о состояніи атмосферы. Скоро нашли нуж-

Digitized by Google

нымъ пришпилить къ обоямъ другой листъ, редактированный иначе: штрафъ въ пользу бѣдныхъ съ того, кто скажетъ о погодѣ болѣе десяти словъ. И это не помогло.

Какъ только входилъ новый гость, всѣ умолкали, ожидая, что̀ онъ скажетъ, и послѣ первыхъ-же словъ торжественно указывали ему на афишку! Вотъ явился господинъ вылизанной наружности, по чину кажется генералъ, но по виду бѣдный чиновникъ, у котораго жена и пятеро человѣкъ дѣтей. Однакожь у этого барина было десять тысячъ годоваго доходу и одинъ изъ первыхъ рысаковъ въ Москвѣ. Генералъ пріятно изогнулся, чтобы поцаловать ручку хозяйки, и протянулъ своимъ пѣвучимъ голоскомъ, что на дворѣ очень и очень холодно, такъ что можно надѣяться на скорое наступленіе зимы. Хозяйка молча указала своимъ хорошенькимъ пальчикомъ на объявленіе. Его превосходительство долженъ былъ во всеуслышаніе повторить свою фразу, чтобы узнать, есть ли въ ней законное число словъ или больше. Оказалось 14 словъ, и его превосходительство съ самой сладкой улыбкой бросилъ свое пожертвованіе въ стоявшую тутъ же на столѣ вазочку.

Вошелъ адвокатъ. Всѣ ждали, что̀ будетъ. Любарскій своей неторопливой походкой измѣрялъ всю залу, положилъ шляпу на подзеркальникъ, пожалъ руку Эммы и замѣтилъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности:

— Погода скверная. Надо ожидать зимы!

— Снѣгъ идетъ, не правда-ли? лукаво спросилъ сосѣдъ.

— Хуже, чѣмъ снѣгъ. Какая-то необъяснимая мерзость, которая только и встрѣчается въ нашемъ благословенномъ климатѣ.

— И считать не нужно, объявилъ сосѣдъ.—Штрафъ, милостивый государь!

Улучивши удобную минутку, Любарскій сѣлъ въ сторону съ хозяйкой.

— Совѣты даются даромъ, или за приличное вознагражденіе?

— Совѣты? адвокату? Вы шутите.

— Нимало. Послушайте. Вы не сомнѣваетесь конечно въ томъ, что я васъ считаю за умную женщину?

— Allez toujours. Je n'aime pas les préfaces. Я ихъ даже и въ книгахъ всегда пропускаю.

— Вотъ видите-ли, я поставленъ въ довольно странное положеніе. На дняхъ я получилъ предложеніе. Мнѣ поручаютъ одно очень выгодное дѣло, такъ что предстоитъ ѣхать въ Тамбовскую губернію. Не нынче, такъ завтра я долженъ выѣхать непремѣнно, или отказаться — одно изъ двухъ. Я бы

Digitized by Google

уѣхалъ, конечно, не размышляя, но меня связываетъ обѣщаніе, данное нѣкоторымъ знакомымъ. Я взялся защищать дѣло акціонеровъ этого проклятаго общества и теперь самъ не радъ, что навязалъ себѣ на плечи эту обузу. Давши разъ слово, нужно, конечно, сдержать его. Но я считаю себя разрѣшеннымъ отъ всякихъ обязательствъ, если моя помощь окажется ненужна. Положимъ, нѣкоторые желаютъ выбрать въ предсѣдатели комиссіи именно меня, но если это избраніе не состоится, то мое положеніе будетъ преглупое: я выпущу изъ рукъ выгодный процессъ, чтобы исполнить обѣщаніе, котораго въ сущности нѣтъ никакой надобности исполнять. Согласитесь, что это будетъ излишняя деликатность. Съ другой стороны, принять предложеніе и уѣхать, ни слова не говоря—опять болѣе, чѣмъ невозможно. Скажутъ, что я не оправдалъ общаго довѣрія. Да и дѣйствительно смѣшно: меня хотятъ выбирать — я изъявляю согласіе, и вдругъ въ минуту выборовъ меня не оказывается на лицо. Что̀ вы мнѣ посовѣтуете, Эмма Андревна?

— Даете обѣщаніе исполнить мой совѣтъ въ точности?

— Постараюсь.

— Хорошо. Вотъ онъ: подумайте, и потомъ сдѣлайте такъ, какъ найдете лучше.

— Merci. Вы благоразумная женщина, и я это вижу. Но что еслибы вы рискнули высказать мнѣ свое личное мнѣніе на этотъ счетъ?

— Oh, mon bourgeois, если вамъ въ Тамбовской губерніи предлагаютъ пять, десять тысячъ, а здѣсь скучную должность безъ всякаго вознагражденія, неужели вы колеблетесь?

— Но вы понимаете-ли? данное обѣщаніе. Я не хочу наконецъ прослыть въ ихъ глазахъ человѣкомъ... (онъ затруднился въ выраженіи).

— Человѣкомъ самыхъ шаткихъ правилъ. Что-жь такое? для адвоката это вещь очень обыкновенная. Это его профессія. Онъ долженъ умѣть защитить и праваго и виноватаго.

— Тутъ дѣло не въ защитѣ, а въ томъ, чтобы исполнить свое обѣщаніе. Я бы не сталъ и задумываться, еслибы не видѣлъ, что обстоятельства дѣлаютъ въ нѣкоторомъ родѣ это обѣщаніе лишнимъ.

— Ah, par exemple, mon bourgeois, vous êtes bien modeste. Вы совсѣмъ не лишній на свѣтѣ.

— Моя скромность такъ далеко не идетъ. Я считаю себя лишнимъ не въ общемъ смыслѣ, а только въ вашемъ обществѣ.

— Въ моемъ обществѣ? Это говорится для того, чтобы я стала увѣрять въ противномъ? Я на эту удочку не ловлюсь.

Digitized by Google

Нужно ли прибавлять, что вся исторія съ Тамбовской губер-
й была выдумана исключительно съ тою, цѣлью чтобы выпытать
Эммы, много ли шансовъ на то, чтобы быть выбраннымъ въ
едсѣдатели и насколько опасенъ Домейко, какъ конкурентъ
ту же должность.

— Эмма Андреевна, вы рѣшительно не понимаете своихъ вы-
ъ. У васъ просить совѣта адвокатъ, человѣкъ, который мо-
ть современемъ прославиться, и вы вдругъ отказываете. Вы
паете себя удовольствія сказать послѣ: я давала совѣты вотъ
ой-то знаменитости.

— Vous rêvez à la gloire. Je vous fais mes compliments.

— Этого мало. Я могу вамъ быть полезенъ въ чисто-мате-
льномъ отношеніи. Вотъ вашъ мужъ пріѣхалъ теперь въ
сву. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ хочетъ затѣять съ вами
оцессъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Онъ здѣсь?

— Къ вашимъ услугамъ. А въ лицѣ вашего покорнѣйшаго
ги вы видите своего будущаго защитника.

— Вотъ какъ, Денисъ Васильевичъ пріѣхалъ. Это надо при-
ть къ свѣдѣнію. Знаете что, я устрою вечеръ и позову Ра-
тиныхъ, père et mère. Vous serez de la partie?

— Извините...

— Ахъ да, я и забыла, что вы въ ссорѣ. Но это все равно,
ѣ надо будетъ пригласить ихъ.

Эмма видимо размышляла: прищурилась и приложила палецъ
губамъ, но потомъ вдругъ встрепенулась.

— Eh bien? ваша Тамбовская губернія?

На лицѣ адвоката выразилась внезапная рѣшимость.

— По всей вѣроятности, я ѣду завтра вечеромъ.

Это повидимому не входило въ разсчеты Эммы Андреевны. Она
злала ему знакъ, чтобы онъ опять сѣлъ.

— Mon bourgeois, я вижу, что въ васъ гражданскіе инстинк-
начинаютъ одолѣвать. Васъ соблазняютъ пять тысячъ. Но
ѣмъ же губить свою репутацію? Зачѣмъ же хотите вы, что-
про васъ говорили: онъ не сдержалъ своего слова?

— Я послѣ найду возможность оправдаться. Представьте
бѣ, что присутствіе мое въ ревизіонной коммисіи совсѣмъ не
ть важно, какъ предполагали сначала; что тамъ мѣсто пред-
дателя займетъ даже другой. Не забудьте, что я согласился
лотироваться только тогда, когда былъ увѣренъ, что у меня
ть конкурентовъ. Я думалъ, что меня выбираютъ едино-
асно.

— Ну, а теперь, когда...

Digitized by Google

— Когда что?

— Когда повидимому нашлась личность, достойная занять эту должность помимо меня...

— А вѣдь васъ это сердитъ?

— Мнѣ нужно, понимаете ли, чтобы этотъ господинъ заявилъ прямо, что онъ принимаетъ на себя эту обязанность. Мнѣ нужна еще увѣренность, что большинство дѣйствительно на его сторонѣ.

— Чего же вы отъ меня-то хотите?

— Эмма Андревна, скажите откровенно,—вы болѣе или менѣе знакомы съ нашимъ обществомъ, у васъ въ домѣ бываютъ главныя пружины его,—скажите откровенно, каково настроеніе этого общества, кого думаютъ выбрать: меня или этого писателя? Если его, чего я искренно желаю, то я, полагаясь на ваши слова, считаю свою совѣсть очищенной и признаюсь откровенно, тамбовскій процессъ меня привлекаетъ болѣе, чѣмъ отчеты вашего общества.

Эмма пристально посмотрѣла на него.

— Кто васъ разберетъ, врете вы, или нѣтъ. Просто вы, мнѣ кажется, досадуете на Домейко, что онъ перебиваетъ вамъ дорогу.

— Я этого господина не знаю въ лицо, но заранѣе представляю его себѣ красавцемъ.

— Онъ будетъ у меня сегодня.

— Да? Очень пріятно слышать.

— Я не знаю, что онъ такъ долго не ѣдетъ.

— Я представляю его красавцемъ, вопервыхъ, по тому портрету, который вы мнѣ сдѣлали, а вовторыхъ изъ благодарности за то, что онъ хочетъ занять мое мѣсто. Только я беру свою благодарность назадъ, если вопросъ не разрѣшится нынѣшній же день, т.-е. оставаться мнѣ, или ѣхать.

Эмма вѣрила ему меньше чѣмъ на половину. Она догадывалась, что ему хочется быть выбраннымъ самому, но далѣе ея проницательность не шла. Она сдѣлала предположеніе, что Любарскій думаетъ насолить хорошенько Ражитинымъ,—желаніе, которому она отъ души сочувствовала.

— Переговорите сами съ Домейко и попросите, чтобы онъ оправдалъ васъ въ глазахъ вашихъ знакомыхъ. Если г. Домейко и не будетъ выбранъ, то я вамъ могу сказать только одно, что его партія тоже довольно большая. Силы у васъ почти равныя! Вотъ и все, что я знаю. Теперь сами извлекайте изъ этого нравоученіе.

И хозяйка безжалостно покинула своего гостя для другихъ. Часу въ девятомъ пришелъ Арсеній Филиповичъ или герой дня, какъ удостоила его назвать Эмма Андреевна.

Digitized by Google

— А! встрѣтила его хозяйка.—Семеро одного не ждутъ.

— Какимъ же манеромъ я могъ заставить ждать себя? Развѣ зъ меня балъ не могли открыть?

— Не балъ; однако же... Вотъ господинъ, который заранѣе юбленъ въ васъ и страстно желалъ васъ видѣть.

Она указала на адвоката.

Домейко покосился на него.

— Очень пріятно слышать. Но я, какъ видите, субъектъ для ученія вовсе не особенно интересный. Мамаша, вы какими дьбами здѣсь?

Мамаша съ достоинствомъ протянула свою руку для поцалуя.

— Такъ, батюшка, и мы здѣсь. Вотъ съ молодыми людьми е спорю. Они меня на старости лѣтъ въ свою вѣру обратить тятъ.

— Вотъ какъ!

Заплативши дань сыновняго почтенія, Арсеній Филиповичъ ке видимо мало интересовался своей родительницей, и едва пѣлъ перемолвить нѣсколько словъ съ знакомыми, какъ поупилъ въ исключительное владѣніе хозяйки. Та разсыпала передъ нимъ цвѣты своего остроумія, щедро расточала ему самыя ворожительныя улыбки и самые вызывающіе взгляды. Каждую инуту она грозила потопить его въ волнахъ своего темнаго атья и каждую минуту онъ видѣлъ близко передъ собой ненную шевелюру, нѣжную бѣлизну ея щекъ и свѣтлые дерзкіе аза. Эта женщина, окружившая его атмосферою тонкихъ, разжающихъ духовъ, какъ будто задалась цѣлью вскружить у голову. Но это было, пожалуй, такъ же трудно, какъ убѣдить арью Петровну въ томъ, что человѣкъ происходитъ отъ обезьны. Обыкновенный врагъ дамскаго общества, Арсеній Филиповичъ теперь больше, чѣмъ когда либо, досадовалъ на удивительную предупредительность Евиной дочери, протягивавшей ему он позолоченныя свѣти. Свѣтъ падалъ изъ-подъ абажура на его горѣлое лицо и крѣпко сжатыя губы,—вѣрный признакъ разженія. Адвокатъ изучалъ его, не переставая разговаривать съ тѣмъ, то съ другимъ. Нѣсколько небрежно сказанныхъ овъ почти всегда сопровождались очень внимательнымъ взглямъ, брошеннымъ въ сторону Домейко. Счастливая мысль вдругъ елькнула въ головѣ послѣдняго. Изъ залы виднѣлся спасительный уголъ рояля.

„Навѣрно тутъ кто-нибудь играетъ", сообразилъ Арсеній Филиповичъ.

— Эмма Андревна, заговорилъ онъ вслухъ: — не стыдно ли

Digitized by Google

вамъ такъ долго скрывать отъ меня свой талантъ? Я слышалъ, что вы артистка.

— Ага! Я не люблю тратить сразу всѣхъ зарядовъ. А вы любите музыку?

— Столько же, какъ и вы, никакъ не меньше.

— Ну, это еще немного, потому что я ее терпѣть не могу.

— Какъ? И сами играете?

— Что же изъ этого? Родители имѣли глупость выучить въ дѣтствѣ. Теперь иногда барабаню отъ тоски.

Съ этими словами она подошла къ роялю и стала перебирать ноты.

— Вы позволите слушать васъ изъ другой комнаты? Тутъ будутъ торчать всѣ ваши обожатели. Пойдутъ заказные восторги и восхищенія. Я врагъ всѣхъ этихъ восторговъ. Я вамъ скажу послѣ откровенно, какъ вы исполнили, плохо или хорошо.

— Худо-ли, хорошо-ли, замѣтила она, сдѣлавши легкое движеніе досады:—во всякомъ случаѣ безъ ошибокъ. За это могу вамъ поручиться.

Она сдѣлала руладу и заиграла трели. Дѣйствительно, человѣкъ пять, шесть сбѣжались на эти звуки. Это все были истые меломаны. Его превосходительство весь даже распустился. Можно было подумать, что онъ слушаетъ не столько ушами, сколько глазами. Они такъ и впивались въ каждое движеніе музыкантши.

Въ гостиной оставалось только трое: Домейко и двое изъ его знакомыхъ. Дарья Петровна въ столовой разливала чай.

— Ну, началъ Домейко:—я былъ у Хмѣлева (фамилія капиталиста, который устроивалъ школы по новой методѣ съ паркетными полами). Дѣло идетъ наладъ: весною его мельница полетитъ къ чорту. Надо будетъ написать въ газетахъ статью и вклеить туда словечка два о его просвѣщенномъ сочувствіи.

— Это-то хорошо, замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ:—только насчетъ вашего избранія дѣла идутъ хуже, чѣмъ бы слѣдовало.

— Что такъ? Неужели и теперь еще находятся дураки, которые думаютъ защитить правленіе?

— Нѣтъ, не то, а все этотъ адвокатъ. Какъ хотите, а онъ тоже личность отчасти извѣстная. Его сторону тянутъ очень многіе.

— Т.-е. вы хотите сказать, что его выберутъ въ коммисію?

— Да, предсѣдателемъ.

— Послушайте, господа, да вѣдь въ сущности говоря штука не въ этомъ. Пускай выбираютъ въ президенты хоть Наполеона III. Главное въ томъ, чтобы столкнуть директоровъ. Это само собой сдѣлается, я увѣренъ. Они свои продѣлки сшили бѣлыми

Digitized by Google

ками, и ужъ разъ у публики открылись глаза, она ихъ не роетъ изъ сочувствія къ своимъ собственнымъ карманамъ. ерь и безъ меня найдутся охотники уличить правленіе. Пусть гъ же самый адвокатъ пригласитъ его покаяться. Если у него ь въ рукахъ какіе-нибудь убѣдительные документы, тѣмъ ше. Я, по правдѣ сказать, и не хлопоталъ о томъ, чтобы рать улики. Моя цѣль совсѣмъ не та, вы понимаете.

— Да, я знаю, вы хотите вывести общество на новую дорогу. ого-то я и боюсь за ревизіонную коммисію. Если она ужъ нь поусердствуетъ, какъ бы не послѣдовало ликвидаціи.

— Вотъ это-то я и беру на себя. Этому-то я и помѣшаю.

— Смотрите! Кто его знаетъ. Пожалуй, такъ ухватятся за карты, что все до копеечки опять назадъ разберутъ.

— Ну, послушайте, если ужъ вы такъ смотрите на нашу публику, то будь я не только президентъ, архи-президентъ—ничего ь не поможетъ.

— Нѣтъ, какъ знать. Будь вы предсѣдатель, можно бы какъ-удь замаскировать дѣло. Не показывать имъ сразу, до какого отраднаго положенія доведено общество бывшимъ правленіемъ. обѣщать имъ все-таки нѣкоторую выгоду отъ будущихъ операцій.

— Прямой денежной выгоды въ близкомъ будущемъ я обѣть не хочу, потому что ея не будетъ. Наша выгода громадна, она не осязательна. Это я имъ постараюсь растолковать, а заивать ихъ калачами никогда не позволю себѣ. Это шарлатанство.

— Большая ошибка, замѣтилъ третій собесѣдникъ, до сихъ ъ хранившій молчаніе.—Съ дѣтьми надо говорить подѣтски, аша публика еще до отвлеченностей не доросла; да еще ъ-дастъ не скоро и доростетъ.

— Гдѣ же вы видите отвлеченности? Все, что построено обманѣ, хоть бы на самомъ невинномъ, непрочно. Я имѣлъ льно примѣровъ передъ глазами. Вамъ надо сразу же повить дѣло такъ, чтобы никогда, ни при какихъ обстоятельахъ, никто не смѣлъ уколоть намъ глаза, и напротивъ за и бы всегда оставалось право сказать прямо подлецамъ, что поступаютъ подло.

— Однакожъ, если этого адвоката выберутъ, кто его знаетъ, онъ за господинъ.

— Да кто бы онъ ни былъ, какое намъ дѣло. Вѣдь ужъ вѣтно, онъ не станетъ держать сторону директоровъ.

— Ну, какъ знать.

Музыка въ залѣ прекратилась. Надо было идти изъявлять и восторги.

Digitized by Google

— Хоть бы я одну нотку слышалъ, размышлялъ Домейко.— Что̀ она такое играла? обратился онъ къ давишнему пріятелю.

— Мазурку Ketterer'a.

— Ну, вотъ только мнѣ и нужно. Имѣю, значитъ, полное право выразить свое неодобреніе. Салонной музыки не терплю.

Эмма выслушивала похвалы необыкновенной чистотѣ и пріятности своей игры и имѣла на это нѣкоторое право. Дѣйствительно, главное достоинство ея исполненія заключалось въ чистотѣ и отчетливости. Она какъ будто жемчугъ пересыпала пальцами по клавишамъ. За одну фальшивую нотку она позволила бы выдрать себя за уши, но излишняго пылу и увлеченія тоже не допускала. Исполняй что̀ написано и не мудрствуй лукаво!

Она дерзко взглянула на Домейко, когда тотъ объявилъ, что такія пьесы, какъ эта мазурка, слѣдуетъ побросать въ печку.

— Когда во время игры уходятъ болтать въ другую комнату, рѣзко замѣтила она:—то послѣ, по крайней мѣрѣ, воздерживаются отъ сужденій.

Ни отъ кого не ускользнула странная раздражительность хозяйки.

— Въ коротко-знакомыхъ домахъ я имѣю обыкновеніе уходить совсѣмъ изъ дому, когда барыни садятся играть мазурки. Но изъ уваженія къ вамъ я ограничился тѣмъ, что вышелъ въ другую комнату.

— Въ такомъ случаѣ не къ чему было просить меня сыграть.

Эмма не умѣла скрыть своей досады и отвернулась.

— Миръ, миръ! вступился одинъ изъ гостей.—Миръ и любовь! Эмма молчала, ожидая, что Домейко попроситъ извиненія. Пришла Дарья Петровна и тоже вступилась.

— Э, матушка, съ моего сынка не взыскивайте. Онъ иногда такъ огорошитъ, что послѣ не знаешь, что̀ и сказать, какъ и отвѣтить. Наше мѣсто свято, чѣмъ я передъ нимъ провинилась? Ну, такъ и промолчишь. Я, матушка, промолчу, а ужь я ни передъ кѣмъ не спасую, грѣхъ сказать. А молчишь, потому что шутъ ли ихъ разберетъ, нынѣшнихъ-то.

Старуха въ заключеніе достала изъ кармана простую берестовую тавлинку и понюхала табаку. Нюхала она громко на всю залу.

— Нѣтъ, рѣшительно мнѣ съ женщинами не везетъ, засмѣялся Домейко.—Двухъ словъ не могу связать безъ того, чтобы не разсердить ихъ.

Эмма думала-было покапризничать, но кончила тѣмъ, что отчаявшись услыхать извиненіе, стала очень мирно бесѣдовать съ провинившимся Домейко.

Digitized by Google

Адвокатъ спѣлъ на утѣшеніе публикѣ два, три романса и
кду прочимъ одинъ изъ нихъ такъ выразительно, что Дарья
тровна расчувствовалась и попросила его спѣть „Среди до-
ы ровныя". Будь онъ немножко поуступчивѣе, она заставила
его пропѣть весь репертуаръ 20-хъ годовъ, который, по ея
айнему разумѣнію, былъ не въ примѣръ лучше нынѣшняго.
Затѣмъ онъ поспѣшилъ отретироваться. Ему тоже нужно было
й съ кѣмъ переговорить. Особенно продолжительна была его
ѣда съ его превосходительствомъ, которому онъ объяснялъ,
кду прочимъ:

— Вы понимаете, генералъ, что я на мѣстѣ нашего общества,
принципа не допустилъ бы этого господина. Выбрать его
предсѣдатели значитъ открыто признать, что у насъ дикія
ріи остаются безнаказанными. Онъ проводникъ этихъ теорій
здругъ вмѣстѣ съ тѣмъ пользуется общественнымъ довѣріемъ!
ць это согласитесь....

— Да, да, соглашался его превосходительство, который былъ,
первыхъ, не охотникъ до туманныхъ теорій, а вовторыхъ сильно
взлюбилъ молодаго писателя за то, что хозяйка ужь больно
ровенно оказывала ему свое предпочтеніе.

— Мое дѣло сторона, конечно, настаивалъ адвокатъ:—но я бы
допустилъ этого изъ принципа. Это значитъ прямо пошат-
ть основы общественнаго...

— Молодой человѣкъ! не выдержалъ его превосходительство:—
правы. Вы тысячу разъ правы. Я первый не хочу этого из-
анія. Я чортъ возьми тоже членъ и заставлю уважать свои
ава.

Ну, этотъ готовъ„, подумалъ Любарскій, и не прошло десяти
нутъ, какъ онъ велъ уже интимную бесѣду съ другимъ.

— Сколько, вы говорите, у него акцій? спрашивалъ адвокатъ.

— Да съ сотню, я думаю. А вѣдь вы знаете, что у насъ число
цій не имѣетъ вліянія на количество голосовъ, такъ что если
здать ихъ въ разныя руки...

— Да, я понимаю, можно будетъ имѣть большинство на своей
ронѣ. Но я не знаю, что вамъ за охота прибѣгать къ такимъ
едствамъ?

— Что за охота, батенька? Нѣтъ, мое почтеніе! я вовсе не
лаю посадить себѣ на плечи какого-то прохвоста писателишку.
ану я ему довѣрять свои дѣла, свои деньги, когда онъ вонъ
мунизмъ проповѣдуетъ. Всѣхъ собственниковъ, капиталистовъ
бирается съ лица земли стереть. У Казнаковскаго сто акцій—
сто голосовъ и будетъ. А ужь пятьдесятъ вѣрныхъ.

Digitized by Google

— Конечно, съ одной стороны вы имѣете полное право это сдѣлать.

— Со всѣхъ сторонъ, Михайло Константиновичъ, со всѣхъ сторонъ.

— Насколько я замѣтилъ, здѣшняя хозяйка держитъ сторону г. Домейко.

— Ну, что̀ тутъ женщины смыслятъ!

На такое-же точно замѣчаніе адвоката, другой отвѣтилъ:

— Я у нея готовъ всѣ десять пальчиковъ перецѣловать, а ужь фавориту ея покровительствовать не стану. Это ужь какъ ей угодно.

Любарскій готовился торжествовать побѣду.

III.

Никто не упрекнетъ нашу матушку Москву въ томъ, чтобы въ ней мало было улицъ съ самыми интересными названіями въ родѣ напр. Николо-Болвановки, Вшивой горки, Живодерки и т. д. Въ центрѣ города, въ Тверской части, былъ переулокъ именно съ однимъ изъ такихъ неудобо-произносимыхъ названій. Въ этомъ переулкѣ находился домъ, съ виду похожій на казармы, а что касается до внутренняго устройства, то главное достоинство его состояло въ томъ, что оно грозило сбить съ толку всякаго посторонняго, неосторожно рискнувшаго постранствовать безъ проводника по его обширнымъ покоямъ. Къ этому заключенію пришелъ и Денисъ, когда осматривалъ съ сестрою большія, опустѣвшія комнаты этого загадочнаго строенія.

Клавдія была тутъ-же, свѣжая, счастливая, въ черной бархатной шапочкѣ, кокетливо надвинутой на распущенные волосы, и въ черномъ коротенькомъ пальто. Щеки ея раскраснѣлись отъ холода, а глаза какъ-то особенно радостно искрились. Она много болтала, смѣялась и кажется совсѣмъ не раздѣляла опасеній своего брата насчетъ неудобствъ помѣщенія.

— Вотъ тутъ, говорила она:—у насъ будетъ буфетъ и контора.

— Темная лѣстница,— это чортъ-знаетъ что̀ такое! сердился Денисъ, видимо рѣшившійся не на шутку все раскритиковать.

— Ну, что-жь такое, мы освѣтимъ ее газомъ, тотчасъ-же нашлась сестра:—и можемъ не тушить газовыхъ рожковъ даже днемъ.

— Ну, а что—это означаетъ? говорилъ Денисъ, отворяя одну

Digitized by Google

зъ боковыхъ дверей.—Что это за чуланъ? Куда онъ годенъ, прашиваю я васъ?

Клавдія было-задумалась.

— Тутъ можно устроить умывальникъ, нашлась она вдругъ.

— Умывальникъ? Братъ выразительно посмотрѣлъ на нее оку.

— Ну да, что-жь такое? я думаю, послѣ обѣда вымыть руки никогда не лишнее, въ особенности для тѣхъ, которымъ дома вкогда думать о чистотѣ.

— Да, для этихъ въ особенности. Ты, матушка, говоришь очно эта, какъ ее... Любочка-то твоя. Придетъ человѣкъ за ои копѣйки поѣсть, а она ему мыла туалетнаго предложитъ. е нужно-ли еще одеколону, духовъ; еще чего? говори заразъ.

— Денисъ, право мнѣ хочется выдрать тебя за уши. Позволь! къ, это какой-то корридоръ! Посмотри, какой длинный, вѣдь ъ, должно быть, кругомъ идетъ.

— Да, тутъ въ догонячки играть хорошо. А послѣ обѣда это къ разъ полезно. Желудокъ лучше варитъ. Ты вотъ своимъ осѣтителямъ-то предложи.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ты гляди: сюда много дверей выодитъ. Что еслибы эти отдѣльныя комнатки отдавались внаймы! ѣдь для студентовъ это было бы очень удобно. Университетъ сюда недалеко; цѣну мы назначили бы самую маленькую; даже ъ крайности можно-бы совсѣмъ уничтожить ее.

— Да ты погоди, благодѣтельница. Ты знаешь ли, что вся а квартира-то стоитъ?

— Тысячи полторы въ годъ?

— Какъ она это говоритъ: тысячи полторы? Точно полторы опейки. Да въ думу сколько надо будетъ заплатить. Я ужь ругихъ расходовъ не касаюсь. Такъ ты подумай, окупятся-ли сѣ эти затраты. Я больше года содержать это заведеніе изъ воего кармана не могу. Смотри, какъ бы не пришлось закрыть го съ великимъ скандаломъ.

— Да мнѣ только годъ и нуженъ, этого за глаза достаточно. еужели ты думаешь, и послѣ этого не найдется въ нашемъ обществѣ никого, кто бы захотѣлъ помочь намъ? Да это не въ орядкѣ вещей. Отчего у насъ сначала относятся ко всякому алу такъ недовѣрчиво? Оттого, что ужь столько разъ надували ублику, и глупа бы она была, еслибы съ разу повѣрила всякой иковинкѣ, которую ей предложатъ. Ты знаешь, пуганая ворона уста боится, а ужь ее ли не пугали и не дурачили. Нѣтъ, а ы сперва покажемъ имъ, что можно сдѣлать, а потомъ ужь и

Digitized by Google

возовемъ. И тогда, ты думаешь, никто не отзыкнется? Я Богъ-знаетъ чѣмъ отвѣчаю, что наша кухня не погибнетъ!

— Охъ, Клавдія Васильевна, когда нибудь надосугѣ надо мнѣ съ вами обо всемъ этомъ потолковать. Очень у васъ затѣи велики.

— Денисъ Васильевичъ, все это затѣвается съ вашего согласія!

— Надо идти постепенно...

— Пожалуйста, не говори ты мнѣ объ этой постепенности. И безъ насъ съ тобой столько охотниковъ двигаться почерепашьи, что, право, нѣтъ большой бѣды, если мы немножко и забѣжимъ впередъ.

— Ты умственно-то бѣги, по крайней мѣрѣ физически-то оставайся на мѣстѣ. А то вѣдь посмотри, какъ мы съ тобой промчались. Осмотрѣли ли мы порядкомъ хоть одну комнату? Это буфетъ, это контора, это зала, это читальня. Вѣдь такъ, матушка, только поминанье въ церкви читаютъ.

— Ну, пойдемте тихо, ваше степенство. Пойдемте шагъ за шагомъ, постепенно.

И она принялась выступать медленно, мѣрно, а на лицѣ ея играла каждая жилка.

Затѣмъ осмотрѣли кухню и окончили обзоръ кладовыми.. Клавдія находила, что все устроено превосходно; Денисъ ворчалъ, что все никуда не годится. Покончили тѣмъ однако, что отдали 40 рублей задатку съ условіемъ, что зимніе мѣсяцы будутъ посвящены кой-какимъ внутреннимъ передѣлкамъ, а съ 1-го марта квартира считается за Ракитиными.

Если Клавдія съ радости не обняла своего брата, такъ только потому, что тутъ присутствовалъ хозяинъ. Дорогой она стала упрашивать Дениса:

— Пожалуйства, переговори ты поскорѣй съ мама. Пусть ужь моя судьба рѣшится разомъ. Пустятъ они меня жить одну, или нѣтъ? Я думаю, пустятъ. Вѣдь да, Денисъ?

— Ты знаешь нашу матушку. Если въ ея премудрую голову что нибудь влетитъ, такъ ужь нескоро оттуда вылетитъ. Вдругъ ей покажется, что это неприлично. Неприлично, да и кончено!

— Послушай, да какой же тутъ смыслъ? Вѣдь я беру на себя такое занятіе, въ которомъ нѣтъ ровно ничего предосудительнаго...

— Да ты зачѣмъ же стараешься меня-то убѣдить? Ты краснорѣчіе побереги для своей мама. Ты объ ея согласіи хлопочи, а не объ моемъ.

Digitized by Google

— Развѣ только одно вотъ, размышляла сестра:—что она не захочетъ отпустить меня одну и предложитъ мнѣ взять съ собой гувернантку.

— Соглашайся. И не задумывайся, сейчасъ же соглашайся!

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, Денисъ. Меня вѣдь это очень безпокоитъ. Тутъ вѣдь вся моя будущность.

— Конечно; по гробъ жизни.

— Да, смѣйтесь. Вамъ этого не понять, а я вѣдь поставила все на карту. Я такъ сжилась теперь съ этой мыслью, что если мой планъ не удастся... (она взяла его за руку). Нѣтъ, Денисъ, я безъ бою не уступлю. Все мое счастіе, вся моя радость... Для васъ это странно, непонятно, смѣшно. Но вѣдь и у васъ есть свои интересы. Отчего-же я надъ ними не смѣюсь? Каждому дорого то, что онъ любитъ. А я свою мечту люблю больше всего на свѣтѣ!

— До первой встрѣчи.

— Съ кѣмъ?

— Ну, извѣстно, съ кѣмъ. Конечно, не съ барышней. А тамъ такъ втюришься, что всѣ мечты позабудешь, всѣ свои идеалы побросаешь. Позабудешь, какъ ихъ и звали. Всѣ вы на одинъ покрой.

— Да нѣтъ-же, говорятъ тебѣ, я не влюбчива. И ужъ я знаю одно такое словечко, что всѣ ваши ухаживанья мнѣ ничуть не опасны.

Она разсмѣялась самымъ искреннимъ, дѣтскимъ смѣхомъ. Но почти тотчасъ же лицо ея снова отуманилось.

— Я тебя прошу, Денисъ, начала она серьёзно:—переговорить съ мама нынче-же.

— Послушай, мнѣ это конечно никакой трудности не составитъ. Но зачѣмъ-же такъ спѣшить? По моему, надо приготовить ее къ этому неподоволь. Ничего, нѣтъ глупѣе, какъ огорошить человѣка сразу. Время терпитъ. У насъ еще и у самихъ ничего не готово. Надо просить разрѣшенія, надо достать торговый патентъ. Да мало-ли еще тутъ процедуръ?

Клавдія задумчиво молчала.

— Да и наконецъ, продолжалъ убѣждать ее братъ:—сообрази ты только одно. Теперь общее собраніе на носу, у твоихъ родителей голова кругомъ идетъ. Теперь, если къ твоей матушкѣ сунуться за разрѣшеніемъ, можно сказать, что навѣрнякъ откажетъ.

— Ну, такъ что-жь, лучше ужъ въ самомъ дѣлѣ подождать, печально согласилась сестра.

— Разумѣется. Да еще вотъ что: мы съ тобой объ мама

Digitized by Google

толкуешь, а объ отцѣ совсѣмъ и позабыли. Что онъ еще скажетъ?

— Мнѣ кажется, что онъ согласится.

— Ну, а мнѣ ничего не кажется.

— Полно, ты точно отходную мнѣ поешь. Что за панихида такая. И тутъ страхъ, и тамъ ужасъ. Вѣдь эдакъ, Денисъ, на свѣтѣ нельзя жить.

— Да нѣтъ-же. Развѣ я говорю, что нѣтъ никакой надежды? Я только на то напираю, что надо повременить. Тебѣ вотъ не нравится слово „постепенно„, а я его опять-таки повторю.

— Будь по вашему! Ты вотъ скажи извозчику, чтобы онъ ѣхалъ постепенно, а то ей-Богу всѣ зубы переломаешь по эдакой мостовой.

— Развѣ ты не видишь, что онъ лика не вижетъ? Онъ теперь счастливъ и по всей вѣроятности воображаетъ, что ѣдетъ по ковру. Ему и мягко и хорошо. И вотъ этотъ самый гнѣдой конь кажется ему теперь пегасомъ, также какъ тебѣ кажется, что твои парадныя кухни войдутъ въ моду. Все не болѣе, какъ пріятныя заблужденія!

Возвратившись домой, братъ и сестра какъ разъ попали на трогательную сцену. Илья слезно умолялъ Ульяну Максимовну принять отъ него банку варенья (нужно замѣтить, что мать его была въ это время въ Москвѣ и привезла ему изъ деревни гостинчику); мама въ порывѣ великодушія дѣлала жесты, чтобы отодвинуть отъ себя соблазнительную банку.

— Пожалуйста! упрашивалъ мальчикъ.—Возьмите ее. Ну, куда она мнѣ, право? Я не люблю варенья.

— Нѣтъ, нѣтъ. Ты самъ ребенокъ; вздумаешь полакомиться.

— Да нѣтъ, по мнѣ хоть бы совсѣмъ его не было. Я и толку-то въ немъ не знаю. Мнѣ все равно, что каша, что варенье. А маменька говоритъ, что это куманика. Вы ее любите?

— Это прелестная ягода и ее достать здѣсь очень трудно, но я все-таки не хочу отнимать у тебя твоего гостинца. Кушай самъ!

— Нѣтъ, я ни за что теперь не возьму его. Вы ужь его взяли, тетя, да? ужь вы взяли?

— Ахъ, какой ты странный Илья....

— Нѣтъ, нѣтъ! Илья закричалъ. — Душечка, голубушка, вы взяли!

— Эдакій дрянной мальчикъ. Ну, мерси. Поди, я тебя поцѣлую.

Борьба великодушія окончилась звонкой безеиной и маль-

Digitized by Google

чикъ видѣлъ уже въ себѣ нѣкотораго рода героя. Онъ возвысился до смѣлаго разговора съ теткой; онъ получилъ права на ея благодарность. Онъ! такое ничтожное существо!

Мама немножко сконфузилась, когда сынъ засталъ ее съ банкой въ рукахъ, и поспѣшила оправдаться тѣмъ, что это варенье, которое она ужасно любитъ.

— Ну, Васюкъ! что-жь со мной не здороваешься? окликнулъ Денисъ младшаго потомка въ домѣ Ракитиныхъ.

— Не хочу! строптиво отвѣтилъ тотъ, продолжая стругать какую-то палочку.

Братъ, ни слова не говоря, схватилъ его, два раза перевернулъ на мѣстѣ и потомъ подбросилъ кверху.

Вася неистово завизжалъ. Мама перепугалась.

— Ахъ, какъ можно! Ты ему что нибудь вывихнешь. Онъ у меня очень слабаго сложенія.

— На гимнастику бы вамъ его посылать, а не няньчиться съ нимъ. Посмотрите, какой молодецъ будетъ. Будь онъ мой сынъ, я бы воспитывалъ его совсѣмъ иначе.

— Вотъ погоди, будутъ свои дѣти, вздохнула мама.

Денисъ насупился и промолчалъ.

— Ахъ, ты знаешь, твоя жена у насъ недавно была, вдругъ ни того, ни съ сего вставила мама. — Какая она скучная! Я вообще замѣчаю въ ней большую перемѣну. На мои глаза она похудѣла и знаешь какъ-то опустилась. Говорятъ, ея денежныя дѣла очень плохи. Она, бѣдняжка, запуталась въ долгахъ.

Денисъ упорно молчалъ.

— Ну, къ кому бы, кажется, обратиться въ этомъ случаѣ, какъ не къ мужу? Такъ нѣтъ, видите-ли, нужно выдержать характеръ.

Клавдія взглянула на брата и испугалась. Гроза готова была разразиться. Поэтому, она поспѣшила сдѣлать диверсію. Она вытащила на сцену Леночку и вдругъ заявила:

— Помилуйте, мама, она у васъ поетъ куплеты изъ Belle Hélène. Откуда такое просвѣщеніе?

— Что за вздоръ ты говоришь.

— Увѣряю васъ, я давича слышала сама собственными ушами: „кувыркомъ, кувыркомъ, наша честь полетитъ“. И даже глаза вскидываетъ кверху. Помилуйте, какой-же это примѣръ для меня?

— Поди сюда, строго замѣтила мама.

Леночка сдѣлала два шага впередъ и одинъ назадъ.

— Ты пѣла „кувыркомъ“?

Digitized by Google

— Пѣла, отвѣчала дѣвочка и съ видомъ оскорбленной невинности опустила глаза въ землю.

— Гдѣ ты слышала эту пѣсню?

— Михайло Константиновичъ ее пѣлъ.

— Такъ развѣ ты смѣешь повторять все то, что дѣлаютъ старшіе? Слушай, если ты у меня когда нибудь впередъ...

Тутъ послѣдовало родительское внушеніе, окончившееся угрозой, что ее не пустятъ въ гостиную, если она осмѣлится подражать старшимъ. Разговоръ объ Эммѣ Андреевнѣ могъ возобновиться, но на счастіе вернулся папа, и Клавдія вздохнула свободно.

— Ну что, какъ? спросилъ папа, хотя впрочемъ трудно было рѣшить, къ чему собственно относятся его слова.

— Ничего, живемъ, отвѣтилъ Денисъ.—А вотъ какъ ваши дѣла?

— Идутъ, дружище, идутъ.

Папа ласково потрепалъ сына по плечу.

— Дѣла мои выдвинулись на хорошую дорогу и направляются къ желанной пристани. Сейчасъ объѣздилъ нѣкоторыхъ персонъ, и вездѣ встрѣтилъ самый лестный пріемъ. Князь Обольяниновъ рѣшительно на моей сторонѣ. Баронъ Боде тоже. Сахароваровъ и Перекупейко тоже. Всѣхъ ихъ пересчитывать тебѣ не стану. Довольно того, что вѣсы перетягиваютъ въ мою сторону. Качаловъ находится въ безотрадномъ положеніи путника, потерявшаго дорогу и покинутаго своими друзьями.

„Боже, какъ краснорѣчиво!“ думала Клавдія, перелистывая книгу и исподлобья поглядывая на своего родителя.

— Исходъ этого дѣла не подлежитъ сомнѣнію. Я заручился такою важною пружиною, что разсчеты съ акціонерами для *меня* ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть непріятны. (Онъ подчеркнулъ слово *меня*). Ты, Денисъ, понимаешь, конечно, о комъ я говорю?

— Не совсѣмъ. Я вѣдь, нужно вамъ сказать, о вашихъ дѣлахъ имѣю весьма смутное понятіе. Я въ своей берлогѣ совсѣмъ отсталъ отъ общественной жизни.

— Наше управленіе въ высшей степени интересное, и ужо, послѣ обѣда, я постараюсь познакомить тебя съ положеніемъ вещей. Я велъ предпріятіе на широкую ногу и тѣмъ можетъ быть заслужилъ порицаніе, но 31-го числа надѣюсь блистательно оправдать себя. Мои отчеты говорятъ сами за себя. Конечно, я не отвѣтственъ за дѣйствія своего товарища, тѣмъ болѣе, что у меня была отнята всякая инициатива. Во всѣхъ своихъ начинаніяхъ я встрѣчалъ препятствія на каждомъ шагу,

Digitized by Google

сли иногда успѣлъ преодолѣть ихъ, то единственно благо-
я своей настойчивости. Могу сказать это не хвастаясь.
Клавдія немножко удивилась. Папа не имѣлъ привычки
износить дома такихъ длинныхъ спичей: онъ берегъ ихъ
кновенно для большихъ обѣдовъ и вообще для публики.
семьѣ онъ не любилъ тратить запасовъ своего краснорѣчія
ограничивался обыкновенно краткими, но выразительными
ами. Вслѣдствіе ли долгой разлуки, или просто отъ силь-
о прилива родительскихъ чувствъ, ледяная кора растаяла
апа началъ откровенничать съ своимъ сыномъ.
олго еще говорилъ онъ и проговорилъ бы, можетъ быть, еще
ьше, еслибы не явилась горничная и не вызвала его въ
гную для объясненія съ какимъ-то акціонеромъ.
ока въ пріемной шли дѣловые переговоры, мама все время
ьно безпокоилась.
Вася разсматривалъ ее съ большимъ любопытствомъ и вдругъ
осилъ:
— Мама, чахотка—это кто много чихаетъ?
— Это болѣзнь легкихъ, отвѣтили ему раздражительно.
олжно быть, мальчикъ такимъ отвѣтомъ не удовольствовался,
ому что спросилъ въ другой разъ:
— А трудолюбивый—это кто трудно любитъ? да?
— Ахъ, поди ты съ глупостями, Вася. Какъ тебѣ не стыдно!
— Мнѣ ничуть не стыдно. Еще бы, вы меня не пускаете
зть на крышу.
Такая изумительная логика ужасно нравилась Денису, ко-
ый находилъ, что тутъ говоритъ чисто-дѣтская, неиспорчен-
натура.
— Вы посмотрите, изъ этого мальчика у васъ современемъ
йдетъ что нибудь порядочное. При всемъ безобразномъ ба-
ствѣ, вы все-таки еще не могли испортить его. Онъ у васъ
ается ребенкомъ. Но Лена... Лена... Это я не знаю. Это
ть-знаетъ что̀ такое.
— Я не понимаю, право, что̀ ты въ ней находишь! Она дер-
ть себя очень мило. И умненькая дѣвочка.
— Умъ? Нѣтъ-съ, это искаженіе ума; это юродство. Не въ
ядкѣ вещей, чтобы десятилѣтняя дѣвочка распускала себѣ
коны и спрашивала: какъ вы находите нашу столицу? Я бы
за это высѣкъ. Остригъ бы ее подъ гребенку, надѣлъ бы
остое ситцевое платье и сказалъ бы: пошла, бѣгай, о сто-
дахъ и объ обществѣ разсуждать не смѣй.
— Ну, да это ваша нынѣшняя система. Только ужь извините,
и я въ мои года вздумаю сдѣлать немножко по своему.

Digitized by Google

Я вовсе не готовлю изъ своей дочери уличную повѣсу, а порядочную дѣвушку. А заставлять ее бѣгать съ утра до вечера было бы безуміемъ. Изъ нея выйдетъ тогда кухарка, которая не съумѣетъ повернуться въ обществѣ и не свяжетъ двухъ словъ. Вы-же сами первые тогда заорете, что это рыночная торговка.

— Полноте, маменька. Чего мы требуемъ отъ взрослой дѣвушки, того нельзя требовать отъ пострѣленка въ десять лѣтъ. Успѣетъ она еще и нагримасничаться, и глазки дѣлать, и всему тому научиться, что̀ такъ мерзко въ женщинахъ.

— Ахъ, батюшка мой! да вотъ вамъ примѣръ сестрица. (Мама указала на старшую дочь). Тоже вотъ въ дѣтствѣ-то идеи разныя проводили, да по вашей методѣ воспитывали. Полюбуйтесь, что̀ вышло.

У Клавдіи болѣзненно сжалось сердце.

— О чемъ же вы толкуете? Что̀ же изъ нея такое вышло?

— Ваше произведеніе. Эмансипированная женщина, американка. (Мама злобно засмѣялась). Вотъ сколько времени ѣздитъ въ домъ порядочный человѣкъ, а до сихъ поръ и не думаетъ дѣлать предложенія, потому что мадмуазель непремѣнно хочетъ показать ему свою независимость, свои цыганскія привычки. Понятное дѣло, что человѣкъ боится. Хоть и влюбленъ, а подумаетъ прежде, чѣмъ такое сокровище на шею навязать. Онъ вотъ недавно меня спрашивалъ: „правда,—говоритъ,—что ваша дочь ѣздитъ одна по Москвѣ?". Что̀ тутъ было отвѣчать? Нечего дѣлать, солгала, по милости своей дочки. Разувѣрила его. Говорю, что это вздоръ, что это, вѣроятно, какое нибудь недоразумѣніе. „Да я,—говоритъ,—и самъ не вѣрилъ. Я былъ убѣжденъ, что вы этого не допустите". Разумѣется, Клавдія Васильевна теперь должна отложить попеченіе кататься одна по улицамъ. Я больше изъ-за нея лгать и вывертываться не намѣрена.

Клавдія вдругъ встала, вся красная. Книга выпала у нея изъ рукъ.

— Вы напрасно и тутъ, мама, придумывали цѣлую исторію. Я вовсе не желаю, чтобы кто нибудь вывертывался изъ-за меня. Если вы разъ нашли возможнымъ отпускать меня одну, вы могли смѣло признаться въ этомъ хоть десятерымъ Любарскимъ. Я не вижу, что̀ же тутъ дурного въ томъ, что вы довѣряете своей дочери?

— Да ты не горячись, строго замѣтила мама. — Я тебѣ говорю, что отнынѣ ты ѣздишь не иначе, какъ съ провожатымъ.

— Это вы напрасно дѣлаете, угрюмо сказалъ Денисъ, отходя

Digitized by Google

къ окну и забарабанить по стекламъ. — Нельзя плясать по дудочкѣ всякаго адвоката.

— Денисъ Васильичъ, я васъ попрошу приберечь свои наставленія до другаго раза. Между мной и дочерью судей нѣтъ.

— Мама, заговорила вдругъ Клавдія, и въ голосѣ ея дрожали слезы: — вы не сдѣлаете этого!

— Я это сдѣлаю, даю мое честное слово!

У дѣвушки изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ сверкнули глаза.

— Вы не можете сказать, что я была вамъ непокорной дочерью. До сихъ поръ я дѣлала все по вашему. У меня не было своей воли.

— Ахъ, скажите пожалуйста, какая кроткая овечка!

— Вы меня таскали по баламъ, по гостямъ; вы не пускали меня туда, гдѣ мнѣ хотѣлось бывать. Вы меня заставляли вязать тамбурныя салфетки, да читать нравственные романы, когда мнѣ, можетъ быть, хотѣлось заняться совсѣмъ другимъ. Вы посылали меня любезничать съ этимъ адвокатомъ и просиживать съ нимъ по нѣскольку часовъ сряду. Я вамъ не противорѣчила. Но вѣдь всему же бываетъ конецъ. Неужели же и всю жизнь такъ? Пора мнѣ опомниться. Мнѣ вѣдь ужь восемнадцать лѣтъ. За что же я загублю свои лучшіе годы? Я вѣдь тоже хочу жить!

Тутъ прорывались такія нотки, что мать, противъ обыкновенія, не пришла въ ярость, а только ядовито замѣтила:

— Да какъ же, вѣдь я заставляю васъ плясать для собственнаго удовольствія. Вѣдь это я за себя боюсь, что на мнѣ не женится ни одинъ порядочный человѣкъ. Я все о своемъ счастіи хлопочу.

— Господи! да не дадите вы мнѣ счастія, потому что я совсѣмъ не того хочу, чего вы желаете. Дайте вы мнѣ самой устроить свое счастіе. Не нужно мнѣ вашего богатства, вашихъ жениховъ. Ваши порядочные люди мнѣ противны. Могутъ ли они сдѣлать меня счастливой? Пусть я буду жить въ нуждѣ, да только чтобы я знала, что я свободна.

Недолго длилась эта вспышка. Клавдія скоро замолчала и, замолчавши разъ, не произнесла больше ни слова. Она сѣла опять къ столу, опустила голову на руку и упорно глядѣла внизъ. Глубокая дума легла на этой головкѣ. И кто могъ сказать, о чемъ думала она? Какъ сквозь сонъ, слушала она слова мама, которая теперь понеслась, въ свою очередь, и подъ конецъ перешла изъ мажорнаго тона въ минорный. Начались жалобы, предназначавшіяся исключительно для сына, который продолжалъ, молча, стоять у окна.

— Что она прикидывается смиренницей-то? Вѣдь я съ ней

Digitized by Google

едва могу справиться. Намедни, напримѣръ, пріѣхалъ Любарскій. Говорю ей: выходи. — Не хочу. Что я, на показъ, что ли, пойду? Какъ это вамъ нравится? На показъ! Что̀ тутъ есть похожаго? Порядочный человѣкъ ѣздитъ въ домъ, и вдругъ барышня не желаетъ ему на глаза показываться: это, видите ли, неприлично. А летать по улицамъ одной—это ничего, прилично. Вы, дескать, ничего не понимаете. Намъ уже самимъ восемнадцать лѣтъ. Да я, матушка, въ восемнадцать-то лѣтъ изъ комнаты въ комнату не смѣла перейти безъ позволенія. Меня, бывало, если руки на столъ положу, или сижу сгорбившись, та̀къ стукнутъ, что забуду локти на столъ класть. А теперь, видите ли, мать и выговора не смѣетъ сдѣлать. Нѣтъ, милая, тебѣ меня не переучить: пока я жива, ты у меня будешь въ повиновеніи. Умру, тогда гуляйте на свободѣ. А до тѣхъ поръ — нѣтъ!

Клавдія сдѣлала движеніе, какъ будто для того, чтобы отвѣчать, но удержалась и промолчала.

— Авдотья! Что это, ты никакъ дрова несешь? окликнула вдругъ мама проходившую по корридору горничную.

— Баринъ каминъ приказали затопить.

— Ну, такъ я и знала! такъ я и знала!

Мама всплеснула руками и въ волненіи заходила по комнатѣ. Не одна она, а всѣ догадывались, въ чемъ дѣло. Всякій мысленно представлялъ себѣ сцену, происходившую въ гостиной. Тотчасъ по уходѣ акціонера, тамъ запылалъ каминъ, а съ нимъ вмѣстѣ скатерти и книги, брошенныя туда разсерженнымъ директоромъ. Ракитинъ, молча, шагалъ изъ угла въ уголъ; потомъ вдругъ останавливался, хваталъ какую-нибудь невинную спичечницу и швырялъ ее въ огонь. Немного погодя, туда же, для компаніи, летѣла книга. Мама, молча, изъ-за двери глядѣла на гибель милой спичечницы и не менѣе милой подушки, вышитой шелками по канвѣ. А пламя безжалостно облизывало узоръ, изображавшій корзинку съ самыми невѣроятными цвѣтами.

— Картина семейнаго счастія! ѣдко замѣтила Клавдія, оставшись съ братомъ наединѣ. — Здѣсь ругаются, грозятъ согнуть въ бараній рогъ, а тамъ теперь жгутъ все, что̀ ни попадется подъ руку. Знаешь, я иногда ненавижу эту женщину, несмотря на то, что она мнѣ мать. А иногда она мнѣ дорога, потому что я знаю, что вѣдь она меня любитъ. Но, Боже мой, что̀ это за любовь! Лучше бы ужь пусть они ненавидѣли меня. Этимъ они мнѣ развязали бы руки. А теперь я все-таки чувствую, что они мнѣ родные. Вѣдь вотъ всѣ эти гроши, что̀ она копитъ, я знаю, что она копитъ ихъ для меня. Но мнѣ мерзко сознавать, что

Digitized by Google

это дѣлается ради меня. Развѣ я ихъ просила объ этомъ? Дѣти иногда ложатся безъ ужина, потому, можетъ быть, что мнѣ экономничаютъ на новое платье. А если я попрошу дать имъ кусокъ говядины, моей просьбы не исполнятъ. Мнѣ откажутъ, да еще сдѣлаютъ выговоръ. Ахъ, нѣтъ, Денисъ, кажется, что я не выдержу... Это чѣмъ нибудь да кончится.

Она нервно мяла въ рукахъ свой носовой платокъ.

— Не связывайся ты, пожалуйста, теперь, потому что иначе все полетитъ къ чорту.

— Знаю, знаю. Да и такъ, кажется, надежды-то мало.

Она раздражительно встала и вышла изъ комнаты.

Такъ весь день и расклеился. Мама, входившая-было въ праздничное настроеніе, вернулась опять въ самое будничное. О папа и говорить нечего. Онъ заперся у себя въ конторѣ и не пускалъ туда ни одной живой души. Денисъ съ тоски залегъ спать и проспалъ до самаго вечера, чего съ нимъ дома никогда не случалось.

IV.

— Терпѣть не могу остроумныхъ людей, объявлялъ мужъ Лизаветы Ивановны. (Онъ и неразлучный съ нимъ голубенькій галстухъ и сіяющая физіономія намозолили глаза гостьѣ, которая разговаривала видимо неохотно). — Остроуміе — это своего рода болѣзнь.

— Вы, кажется, ею не страдаете, небрежно замѣтила Клавдія, которая успѣла-таки урваться къ Якубовскимъ.

— Нѣтъ, я человѣкъ здоровый. Я не коверкаю свой умъ для того, чтобы вытянуть умное словечко. Что Богъ далъ, тѣмъ и довольны. Какъ умѣю, такъ и говорю. Намъ вѣдь въ книжкахъ не писать. Насъ читать не станутъ.

— Васъ читать не станутъ, да вѣдь и вы никого не читаете; стало быть, квиты.

— Вѣрно. Я вотъ Лизанькѣ и стараюсь внушить, чтобы она за пустозвонами не гонялась.

— Лизавета Ивановна, неужели вы гоняетесь за пустозвонами?

Лизавета Ивановна подняла отъ шитья свои темные глаза.

— Спроси его, Клавдія, на кого онъ намекаетъ.

— Ну, вы знаете, на кого. Вы отлично знаете.

Мужъ всталъ и пошелъ въ другую комнату.

— Говорите прямо! закричала ему вслѣдъ жена.—Я не знаю.

Digitized by Google

Немного погодя, Петръ Степановичъ вернулся и вертѣлъ въ рукахъ напироску. Все лицо его расплылось въ одной блаженной улыбкѣ.

— А вотъ ученые-то! Вѣдь я знаю, Лизанька, что онъ тебѣ гиль несетъ... Ну, да что, Богъ съ нимъ. Не опасенъ вѣдь. А? Какъ вы думаете?

Этотъ вопросъ относился къ гостьѣ.

— На большой дорогѣ не ограбитъ, отвѣчала та коротко, но ясно.

— Ученые! продолжалъ подсмѣиваться хозяинъ. — А что въ немъ есть путнаго? Ничего. Мостовую гранитъ, да чужія денежки обираетъ.

— Это вы вообще объ ученыхъ говорите, или допускаете и исключенія? поинтересовалась гостья.

— Есть, конечно; есть, да не про нашу честь.

— Охъ, ужь это что-то очень мудрено.

— Да такъ ужь, вѣрно. Послѣ сами съ этимъ согласитесь. Это вы теперь, барышня, поэзіи тамъ разныя... А поживете съ наше, да обзаведетесь хозяйствомъ, дѣтьми, тогда тоже...

— Буду всѣхъ ученыхъ наповалъ ругать? Можетъ быть; не знаю. Только какъ же, по вашему, надо всѣхъ безъ исключенія? Или кому нибудь можно любезность оказать? Ужь кого нибудь позвольте, Петръ Степановичъ. Хоть одного...

— Замужней женщинѣ не о наукахъ разсуждать, а о томъ, какъ концы съ концами свести. Очень мнѣ нужно, чтобы она (онъ указалъ на жену) гальванопластику знала. А подаетъ кухарка нелужоную кострюльку—этого она не должна допускать. Будетъ она знать, какъ кислородъ или водородъ добываютъ, мнѣ на это наплевать. А вотъ, пускай-ка она лучше за тѣмъ посмотритъ, чтобы рано печки не закрывали. Вотъ, какъ по намеднишнему, когда мы всѣ переугорѣли. Ей же виски-то послѣ снѣгомъ оттирали. А шутъ ли мнѣ въ томъ, что это, видите ли, углекислота въ голову бросилась.

Лизавета Ивановна не поднимала головы отъ работы. Она очень спокойно продолжала вдергивать нитку. Клавдія прищурилась и старалась разглядѣть на стѣнѣ какое-то пятнышко, а сама разсѣянно замѣтила:

— Отчего же? Знаніе никогда не мѣшаетъ. Поставьте въ комнату тарелки съ известковой водой, вотъ и угара не будетъ. Известка, какъ вамъ извѣстно, имѣетъ сильное сродство съ углекислотой. Она ее поглотитъ.

Она нарочно сказала ученую фразу, чтобы посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Ничего не вышло. Петръ Степановичъ за-

Digitized by Google

куривалъ папиросу и былъ такъ занятъ ею, что позабылъ тему разговора и скоро завелъ рѣчь о предметѣ, болѣе близкомъ его сердцу, чѣмъ углекислота, а именно о портъ-сигарѣ. Разсказалъ, гдѣ онъ его купилъ, когда именно, въ какое время дня, въ какой лавкѣ, какое лицо было у купца, сколько съ него запросили и за сколько уступили. Отъ портъ-сигара недалекъ переходъ и до лѣтняго пиджака, который онъ думаетъ промѣнять у татарина на платье женѣ. Кстати спрашиваетъ у нея, какой матеріи она желаетъ: клѣтчатой или гладкой. Лизавета Ивановна, удивленная такой любезностью, отвѣчаетъ, что ей въ настоящую минуту не нужно никакой. Но Петръ Степановичъ уже расходился. Его нельзя удержать. Онъ объявляетъ, что сводитъ ее въ театръ и даже возьметъ ложу втораго яруса. Уничтоженная окончательно такой щедростью, жена молчитъ. Мужъ вполнѣ счастливъ. Онъ чувствуетъ, что подавилъ ее своими благодѣяніями и сознаетъ, что не любить его нельзя.

— Вотъ бы Сашенькѣ теплые сапожки лучше купилъ. Прошлогодніе-то совсѣмъ стоптались, да и худые, замѣтила кротко жена.

Мужъ нахмурился.

— Можно отдать сапожнику починить.

— Я отдавала. Онъ не беретъ; говоритъ: никуда не годятся. Мѣста, говоритъ, живаго не осталось. Да и въ самомъ дѣлѣ, Петръ Степанычъ, ты бы посмотрѣлъ, на что они похожи.

Петръ Степановичъ чувствовалъ себя въ затрудненіи. Съ одной стороны, ему хотѣлось отказать женѣ и даже дать ей хорошую гонку; съ другой стороны, тутъ была гостья, которая могла Богъ-знаетъ что подумать. Онъ искусно выбралъ середину и отвѣчалъ, что хорошо, онъ посмотритъ, — фраза, которая его ровно ни къ чему не обязывала. Какъ-бы изъ опасенія, чтобы жена не вздумала предложить ему еще какую-нибудь раззорительную операцію, онъ поспѣшилъ удалиться, отговариваясь тѣмъ, что пора на уроки.

— Вы никакъ опять помирились съ нимъ? спросила Клавдія, останавливаясь около хозяйки и принимая самое строгое выраженіе лица.

Лизавета Ивановна пожала плечами.

— Какъ же ты хочешь? Нельзя же сдѣлать изъ дома вѣчный адъ.

— Вотъ какъ! А вы хотите опять устроить рай, эдемъ? Блаженство вдвоемъ? съ Петромъ Степанычемъ?

Клавдія сдѣлала смѣшную гримасу и выдернула работу изъ

Digitized by Google

рукъ Лизаветы Ивановны. Та вздохнула и сложила руки съ видомъ покорности.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, милостивая государыня, что̀ означаетъ этотъ миръ и любовь? Вы опять будете настаивать рябиновку? И опять за кухонную книгу приметесь? Или это только пока? Перемиріе? Да?

— Ну, да, да, конечно! Какая ты глупенькая!

— Кто, я-то? Спросите у мама; она вамъ скажетъ: дура набитая. Еслибъ было такое заведеніе, гдѣ отъ глупости лечатъ, она бы меня непремѣнно туда отдала. Да, еще бы! Они мнѣ все хотятъ подвѣнечное платье сшить, а я думаю: какъ бы поскорѣй улизнуть отъ нихъ. Знаете? Квартира ужь нанята и задатокъ отданъ! Комнатъ пропасть! чулановъ еще больше! Такъ, что я не знаю даже, куда ихъ дѣвать. А у насъ съ вами будетъ цѣлая половина. Антре какое! просто прелесть! Только съ непривычки можно сломать шею, потому что на лѣстницѣ пять поворотовъ и всѣ въ потемкахъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, удобное помѣщеніе?

— Я вамъ говорю! стѣнныхъ шкапчиковъ однихъ я насчитала семь. Сами судите объ остальномъ.

Клавдія щелкнула пальцами и сдѣлала пируэтъ. Платье ея чуть не задѣло Лизавету Ивановну по носу.

— Экая шалунья! Да ты скажи что-нибудь толкомъ-то.

— Вотъ вамъ и толкомъ; все великолѣпно! буфетъ, зала, кофейная, погреба, кухни. Поѣдемте со мной сами на той недѣлѣ.

— А какъ же мужъ-то?

Клавдія разсердилась.

— Да что это, Господи? У меня вонъ отецъ съ матерью, да я и то ихъ надуваю, а вы ужь мужа не умѣете надуть. Ну, найдите предлогъ... Что-жь это такое? То собирается совсѣмъ разойтись, а то боится изъ дому на два часа выѣхать. Что за безхарактерность такая? Если мы эдакъ всегда будемъ, мы недалеко уйдемъ.

— Ну, Богъ-дастъ какъ-нибудь...

— Вотъ опять „какъ-нибудь". Да не говорите вы этого слова. Это самое мерзкое слово.

— Ахъ, Клавдія, не будь дѣтей...

— Ну, вотъ! теперь дѣти.

Она вдругъ остановилась въ упоръ передъ хозяйкой. Глаза у нея блестѣли, рука судорожно перебирала цѣпочку.

— Скажите лучше прямо, Лизавета Ивановна. Вы боитесь; вы отступаетесь отъ своего слова. Скажите мнѣ это прямо, и

Digitized by Google

я ничего больше отъ васъ не потребую. Мнѣ нужно только знать это заранѣе. Вы берете назадъ свое обѣщаніе? да?

— Не знаю. Лизавета Ивановна нагнулась, чтобы скрыть свое смущеніе. Она была такъ жалка въ эту минуту. Но Клавдія вспыхнула. Въ голосѣ ея слышалось раздраженіе.

— Не знаю! Лизавета Ивановна, да что же вы со мной дѣлаете? Что же вы съ собой-то дѣлаете наконецъ? Гдѣ же ваше самолюбіе? Вы, умная женщина, позволяете себя исковеркать, забить человѣку, который во всѣхъ отношеніяхъ ниже васъ. Онъ васъ только что не бьетъ, а вы въ немъ своего повелителя признаете?

— Гдѣ же, Клавдинька! Онъ меня любитъ.

— Онъ васъ любитъ? Да не вы ли сами мнѣ двадцать разъ разсказывали самыя возмутительныя сцены?

— Мало-ли, что въ сердцахъ говорится. Онъ вотъ послѣднее время сталъ со мной такой ласковый. Сколько разъ предлагалъ мнѣ на платье купить. Вотъ ты сама нынче слышала, въ театръ звалъ. Да мало ли еще... Нѣтъ, я знаю, онъ меня очень любитъ. Ну, конечно, по своему. А все-таки каково ему будетъ, если я его брошу? Что-жь, въ самомъ дѣлѣ, имѣю ли я на это право?

Клавдія нервно засмѣялась.

— Нѣтъ, конечно, если ужь онъ васъ въ театръ свозитъ, такъ не имѣете права. Я вамъ только одно скажу, Лизавета Ивановна: вы вотъ тронуты его довѣріемъ, его щедростью; вы думаете, онъ ужь въ самомъ дѣлѣ и Богъ-знаетъ какую жертву приноситъ, если ложу во второмъ ярусѣ возьметъ. Вамъ представляется, что онъ это отъ своихъ трудовыхъ денегъ отрываетъ. Прекрасно. Все это такъ, положимъ. А не приходитъ вамъ въ голову, сколько онъ отнимаетъ у васъ тѣмъ, что не позволяетъ вамъ обработать своего голоса? Вы бы поступили на сцену. Вы бы получали деньги. У васъ такой сопрано, какого во всей Москвѣ нѣтъ, да пожалуй въ русской оперѣ никогда и не бывало, даже и въ Петербургѣ. Вы никогда не подумали о томъ, чего онъ васъ лишаетъ. Да не васъ однихъ, и вашихъ дѣтей. Тутъ вы считаете себя вправѣ отнимать у нихъ средства и губить даромъ свой талантъ. Вотъ послушайте-ка, что говоритъ Арсеній Филиповичъ. Онъ говоритъ, что вы имѣли бы такой громадный успѣхъ на нашей сценѣ, какого и не запомнятъ.

Лизавета Ивановна широко раскрыла свои удивленные глаза и замѣтила задумчиво:

— Я буду учиться.

— Будете?

Дѣвушка насмѣшливо поглядѣла на нее.

Digitized by Google

— Да вѣдь Петръ Степановичъ этого не желаетъ. Онъ вамъ не позволитъ, да и все тутъ. Нѣтъ, Лизавета Ивановна, для этого надо бросить мужа. А для того, чтобы бросить его, нужно имѣть характеръ.

Лизавета Ивановна сидѣла пригорюнившись и молчала. Скоро пришелъ братъ хозяйки, а потомъ и Домейко. Приходъ ихъ далъ другой оборотъ дѣлу. Онъ оживилъ всю компанію.

— Ну, что, господа, всѣ вы, надѣюсь, въ добромъ здоровьѣ? А я на дняхъ чуть было не отправился въ Елисейскія.

Сильный, удушливый кашель не далъ Домейкѣ договорить. Онъ одной рукой невольно схватился за грудь, а другой вынулъ носовой платокъ и старался задушить имъ непрошеннаго гостя.

Лизавета Ивановна съ участіемъ посмотрѣла на него.

— Не дать-ли вамъ капель? У меня есть отличныя.

— Нѣтъ-съ, я этими пустяками не занимаюсь. Вотъ если у васъ есть лекарство отъ головной боли, такъ это позвольте. Буду очень благодаренъ. А то моя голова такъ иногда надоѣдаетъ мнѣ, что просто, кажется, взялъ бы и подарилъ ее кому-нибудь. Клавдія Васильевна, Боже какъ вы величественны!

— Да вѣдь я собралась въ театръ, и попала сюда нечаянно.

— Вотъ онѣ женщины! А великими дѣлами думаютъ заниматься. Я до тѣхъ поръ не увѣрую въ ихъ искренность, пока не увижу, что онѣ отказались отъ нарядовъ. Вы извините, но я до сихъ поръ былъ объ васъ лучшаго мнѣнія, можетъ быть именно потому, что не видалъ васъ еще во всѣхъ регаліяхъ.

Клавдію удивилъ его раздражительный тонъ. Она остановила на немъ пристальный взглядъ и промолчала.

— Выпейте теплаго, предлагала Лизавета Ивановна, когда новый припадокъ кашля замучалъ ея гостя. Онъ только махнулъ рукой и не замѣтилъ, съ какой тревогой она смотрѣла на него.

— Это чорть-знаетъ что такое! разсердился Арсеній Филиповичъ. — Нужно же, чтобы на свѣтѣ существовали три зла: кашель, головная боль и барыни. Какъ будто одного или двухъ недостаточно. Нѣтъ, нужно было прибавить третье. И всѣ три обрушились на мою голову.

— Арсеній Филиповичъ, примите лавро-вишневыхъ капель, лукаво замѣтила Клавдія.

— Вы думаете, что я говорю это потому, что нахожусь въ раздраженномъ состояніи. Нѣтъ-съ, я готовъ повторить это во всякое время дня и ночи. Это глубоко прочувствовано.

— Э! ну, въ такомъ случаѣ у васъ еще неустойчивыя убѣжденія. Вы ихъ перемѣните.

Digitized by Google

— А! Кстобо! вотъ тутъ и разговаривай съ женщинами. Ты имъ свое, а онѣ свое. Давайте-ка, лучше, Дмитрій Ивановичъ, о матеріяхъ важныхъ разсуждать.

— Ну, что-жь, пожалуй, давайте. О мельницахъ, что-ли?

— Нѣтъ, о нихъ еще вся исторія молчитъ. Что мельницы? онѣ стоятъ себѣ и не чувствуютъ, что я изъ-за нихъ, можно сказать, себя уходилъ. Видно, ужь въ самомъ дѣлѣ финалъ-то приближается. Какъ бы только доиграть партію до конца. Нужно вотъ съ ними покончить, да еще кой-что дописать. Да еще вотъ это проклятое общество. Вотъ оно гдѣ у меня сидитъ.

— А что?

— Да то, что намъ мечтателямъ не слѣдуетъ и соваться туда, гдѣ нашего брата не спрашиваютъ. Наше дѣло—теорія. А какъ за практику возьмешься, такъ и попали пальцемъ въ пространство. Сколько разъ ужь я такъ обжигался. И теперь обожгусь—чувствую, а все-таки влетѣлъ.

— Да! глубокомысленно замѣтилъ Дмитрій Ивановичъ. — Ну, что-жь дальше?

— Да все то же, сначала и до конца все одно и то же. Впередъ, впередъ! и ни съ мѣста. Вотъ сколько времени я въ Москвѣ, а мое дѣло на три вершка не подвинулось. Я не знаю, гдѣ я, что я, съ кѣмъ я имѣю дѣло. Годовое собраніе будетъ черезъ три дня, а я въ настоящую минуту не знаю, кого хотятъ выбрать, да и вообще, что хотятъ дѣлать. Помирятся ли они милліономъ, или потребуютъ себѣ большихъ барышей, жидовскихъ процентовъ на капиталъ, или они еще не страдаютъ разжиженіемъ мозга...

— Я вамъ совѣтую имъ это сказать, замѣтила Клавдія.— Спросите ихъ прямо: страдаютъ они разжиженіемъ мозга или нѣтъ? Навѣрно будетъ успѣхъ.

Насмѣшливый тонъ собесѣдницы задѣлъ Домейко за живое.

— Я вѣрю еще въ то, что есть люди, которымъ можно говорить правду прямо въ глаза. Не женщинамъ конечно, а людямъ, понимаете?

— То-есть какимъ это людямъ? прислугѣ?

— Нѣтъ-съ, люди тутъ значатъ вообще человѣки.

— Да, ну такъ что-жь?

— Ну, и больше ничего. Скажу я этимъ человѣкамъ правду, и посмотрю что изъ этого выйдетъ. Если ничего, подамъ въ отставку и больше до практики не прикасаюсь, ни-ни. Весь уйду въ свое любезное сочиненіе и, коли хотите, посвящу его вамъ.

— Какъ? мнѣ, женщинѣ? созданію никуда негодному?

Digitized by Google

— Да вѣдь потому-то я вамъ и любезность оказываю никуда не годную. Что изъ этого посвященія слѣдуетъ? ровно ничего. Оно васъ ни къ чему не обязываетъ, не предполагаетъ въ васъ никакихъ особенныхъ талантовъ. Вотъ еслибы оно выдавалось въ видѣ диплома, еслибы оно служило рекомендаціей дѣльнаго человѣка, тогда другой вопросъ.

— Тогда что же?

— Я бы вамъ этого посвященія не сдѣлалъ.

— Merci. Но вѣдь и теперь, кажется, принято посвящать обыкновенно тому... Она замялась.

— Къ кому расположены? Совершенно вѣрно-съ. Это можетъ служить признакомъ авторскаго расположенія, но и только. А вѣдь автору никто не мѣшаетъ быть расположеннымъ къ самой безобразной, исковерканной личности и посвятить ей всѣ свои сочиненія съ перваго до послѣдняго.

Но теплый напитокъ успокоилъ нерви Арсенія Филипповича. Онъ началъ бесѣдовать довольно мирно и даже пустился съ Клавдіей Васильевной въ откровенности. Она не только разсказала ему всѣ свои планы, но даже чуть было не пригласила принять участіе. Онъ въ отвѣтъ на это познакомилъ ее съ положеніемъ дѣлъ въ обществѣ дешеваго продовольствія и въ заключеніе прибавилъ:

— Молите Бога, чтобы мнѣ удалось опять сдѣлаться въ этомъ обществѣ распорядителемъ или, по крайней мѣрѣ, дать ему настоящее направленіе. Тогда наше дѣло выиграно. Мои мельницы, а ваши кухни застрахованы отъ погибели. То-есть нѣтъ. Что я вру! Мельницы-то собственно пусть отправляются въ преисподнюю,—туда имъ и дорога. А вотъ ваши-то благотворительныя заведенія...

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ беретесь ихъ поддерживать?

— Я вамъ говорю, молитесь только Богу усерднѣе.

— Это было бы отлично!

У Клавдіи разгорѣлись глаза. Она жадно слушала его. Сколько новаго узнала она изъ его разсказовъ! Какъ на ладонкѣ раскрылось передъ ней все это общество, считавшееся до тѣхъ поръ заповѣднымъ краемъ. Ей, уже болѣе или менѣе знакомой съ торговыми оборотами, стали ясны всѣ его операціи и къ несчастію стала почти понятна роль, которую игралъ въ этомъ обществѣ ея отецъ. Такъ вотъ оно, это олимпійское божество! вотъ она, эта загадка, вотъ этотъ ларчикъ, который такъ просто открывался! Сколько разъ вспыхивала она, когда Домейко касался этого щекотливаго для нея вопроса. Стыдъ за отца, за

Digitized by Google

то, что она не умѣла до сихъ поръ разгадать его, заставлялъ ее краснѣть до самыхъ ушей. Хозяйка не разъ бросала взгляды въ ихъ сторону. Ихъ раздѣлялъ только маленькій столикъ. Онъ говорилъ по обыкновенію тихо, но съ увлеченіемъ, почти задыхался, наклонившись къ собесѣдницѣ и остановивши на ней въ упоръ свои взгляды. Курчавые волосы безпрестанно лѣзли ему на глаза, и онъ откидывалъ ихъ назадъ однимъ движеніемъ головы или проводилъ по лбу своей тонкой худощавой рукой.

Клавдія сидѣла, скрестивши руки на столъ, опустивши глаза и изрѣдка поднимая на него свои удивленные или обрадованные взоры. Но вообще на ея лицѣ было столько дѣтскаго изумленія и восторженности, что даже Дмитрій Ивановичъ позволилъ себѣ, въ видѣ роскоши, заглядѣться на нее. Когда Домейко кончилъ свое интересное описаніе, она улыбалась и молчала, не поднимая глазъ.

— Вы мнѣ сочувствуете? да? спросилъ онъ ее шутливо.

Онъ внимательно смотрѣлъ на нее.

— Какъ хорошо, однакожь, началъ онъ совершенно серьёзно:— что вы надѣли этотъ туалетъ.

— А что? Она была пріятно удивлена такою любезностью.

— Да вопервыхъ, онъ къ вамъ очень идетъ. А вовторыхъ, не будь этого параднаго, барскаго костюма, я бы пожалуй и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ, что вы способны увлекаться идеями и сочувствовать идеямъ.

— За что такое гоненіе на мое платье?

— Нѣтъ, платье тутъ ни при чемъ. Это вы принимайте собственно на свой счетъ. Видите ли, я составилъ себѣ такое мнѣніе: если барыня въ бархатномъ платьѣ заговоритъ объ идеяхъ — не вѣрь! Если она при этомъ да еще что нибудь затѣваетъ, — перекрестись и отойди дальше. Этого убѣжденія у меня теперь никакими манерами не выжить изъ головы. А засѣло оно туда, можетъ быть, по той причинѣ, что я въ жизни своей знавалъ только двухъ дѣльныхъ женщинъ, и обѣ онѣ ни разу не позволили себѣ надѣть, что называется, туалета, вотъ того, что на васъ теперь. Не изъ щегольства, не изъ принципа, а просто потому, что имъ некогда было, — не до того. Ихъ интересы стояли выше тряпокъ. А вы, Клавдія Васильевна, выше ихъ никогда не станете. Вы такъ ужь сроднились съ этой средой, вы приросли къ ней. Вамъ оторваться нельзя, больно будетъ.

Пренебреженіе звучало въ послѣднихъ словахъ. На лицѣ ея блеснуло негодованіе, но онъ не далъ ей возражать.

— Въ нашъ лагерь женщина не пойдетъ. У насъ весь лоскъ, всѣ красивыя фразы выкинуты. У насъ она какъ разъ столк-

Digitized by Google

нется лицомъ къ лицу съ жизнью. А когда украшенія всѣ скинутъ долой, немного останется на утѣшеніе: только собственная сила воли, да убѣжденіе въ томъ, что я таки иду къ своей цѣли. А сила воли тутъ нужна громадная. Вопервыхъ, не замѣчать, что на тебя всѣ показываютъ пальцами. Вовторыхъ, порвать всѣ прежнія связи, да такъ ихъ порвать, чтобы ужь назадъ нельзя было вернуться. А то эти полумѣры, онѣ только хуже; онѣ окончательно губятъ человѣка. Потомъ, надо отказаться отъ многихъ прежнихъ удобствъ, а пожалуй, что и отъ всѣхъ. Да! въ царствіе небесное ведутъ самыя скверныя дороги; оттого вѣдь и охотниковъ мало.

— Ну, а мнѣ туда, по вашему, не попасть? спросила Клавдія съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Нѣтъ, гдѣ-же. Вамъ нуженъ просторъ и свѣтъ. Вамъ нужны шелковые туалеты.

— Будь по вашему. Вы однако отъ слова-то не отказывайтесь. Помните, у насъ съ вами есть теперь общіе интересы.

— Какъ же-съ, какъ же-съ. Я къ вашимъ услугамъ.

— А вѣдь мое положеніе прескверное. Вѣдь я въ сущности желаю, чтобы мой отецъ потерпѣлъ пораженіе. Теперь я, пожалуй, въ семьѣ становлюсь чужая. Не могу же я желать, вмѣстѣ съ родными, чтобы отецъ сохранилъ это мѣсто. Напротивъ, всѣ мои мечты на вашей сторонѣ.

— Это вѣдь не надолго, спокойно замѣтилъ Домейко.

— Ну, а какъ вы думаете?

— Да недѣли на двѣ, пожалуй, хватитъ.

— Кладите больше.

— Неужели на три? Это было бы не похоже на васъ.

— Да что-же я такое наконецъ? вѣтряная мельница? флюгеръ? И Клавдія съ движеніемъ избалованнаго ребенка отодвинула свой стулъ.

— Ни то, ни другое. Вы — барышня.

Домейко подсмѣивался надъ ея досадой.

— Ахъ, синьоръ, что-жь дѣлать?

— Покориться судьбѣ.

— Никогда! Покорность не въ моемъ вкусѣ. Я вамъ ужь объ этомъ докладывала.

— У васъ есть капельку характера и пропастъ капризу.

— Вы наконецъ начинаете браниться.

— Нимало. Примите это съ моей стороны за величайшую любезность. Я еще ни разу въ жизни не говорилъ женщинѣ, что у нея есть характеръ.

— А какъ же тѣ двѣ, дѣльныя-то?

Digitized by Google

— О, ну, тѣ знали это и безъ меня.

— Просто вы меня доведете до того, что я заплачу и вамъ же придется меня утѣшать.

— Ну, попробуйте. Это было бы интересно посмотрѣть. Я никогда еще не утѣшалъ дѣвицъ.

— Не хочу! Она капризно посмотрѣла на него и придвинула опять свой стулъ къ столу. — Слушайте, продолжала она, опустивши голову и значительно понизивши тонъ: — какъ же намъ быть теперь? Гдѣ мы будемъ видаться? Я могу вамъ быть полезна. Можетъ быть, мнѣ понадобится что нибудь сообщить вамъ. Я теперь буду очень внимательно слѣдить за всѣмъ. И почемъ знать, можетъ статься, я что нибудь замѣчу такое, о чемъ надо будетъ предупредить васъ. Разумѣется, вы не можете требовать, чтобы я выдавала своего отца. Каковъ бы онъ ни былъ, я ужъ, конечно, не позволю себѣ передавать то, что̀ будетъ говориться у насъ дома въ семьѣ. Но все, что̀ я услышу отъ постороннихъ, и все, что̀ только не будетъ касаться лично моего отца, это ужъ мое собственное достояніе. А я надѣюсь узнать многое черезъ одного человѣка. Какъ же мы будемъ видѣться? Надѣюсь, вы станете бывать у насъ?

— Вѣроятно, нѣтъ.

— Отчего же?

— Очень легко можетъ случиться, что мнѣ сразу придется стать во враждебныя отношенія къ вашимъ роднымъ.

— Ахъ, какъ это скучно!

Она задумалась. Потомъ вдругъ встрепенулась.

— Знаете что?

— Что-съ?

— Вотъ видите ли... Если мы вздумаемъ переписываться... но это невозможно.

— Молодой человѣкъ и молодая дѣвушка! Конечно! это безнравственно. Онъ съ улыбкой смотрѣлъ на нее.

— Да нѣтъ, не то. Мои письма всегда распечатываютъ.

— Я могу адресовать ихъ на имя Лизаветы Ивановны, а отсюда вы ужъ какъ-нибудь постарайтесь устроить хоть голубиную, что ли, почту.

— Въ самомъ дѣлѣ, такъ можно. Сюда я буду присылать Любочку. Она мнѣ будетъ ихъ передавать.

— Ну, вотъ видите, у васъ есть и чиновникъ особыхъ порученій. Чего-жь вамъ еще? Угодно вамъ мой адресъ?

— Да, пожалуйста.

Онъ вынулъ изъ боковаго кармана записную книжку, вырвалъ

Digitized by Google

оттуда листокъ, написалъ нѣсколько строчекъ и передалъ ей. Клавдія немного сконфузилась.

— Что это, господа, у васъ ужь, я вижу, дѣло на ладъ пошло, крикнула имъ Лизавета Ивановна. — Никакъ ужь вы тамъ записки передаете?

— Не относитесь къ намъ такъ легкомысленно, замѣтилъ Домейко. — У насъ тутъ заговоръ составляется.

— Вижу, вижу. А бумажка-то что означаетъ?

— Это адресъ, объявила Клавдія.

Домейко закурилъ попиросу и попросилъ хозяйку спѣть что-нибудь чувствительное.

— Спойте-ка вы намъ послѣднюю арію изъ Нормы, просилъ онъ. — Знаете ту, гдѣ она проситъ за дѣтей?

Лизавета Ивановна торопливо искала ноты; нѣсколько листовъ полетѣли въ сторону и на полъ. Руки у нея тряслись, когда она развертывала ихъ и укладывала на пюпитръ. Слезы дрожали въ ея голосѣ, когда послышались первыя, робкія нотки. Но чѣмъ дальше, тѣмъ смѣлѣе и сильнѣе звучалъ ея могучій сопрано. Вотъ она гордая, но усмиренная, разбитая горемъ жрица. Это не страстная каватина, не гнѣвныя, задыхающіяся отъ бѣшенства фразы. Нѣтъ! прежней Нормы, Нормы пылкой и мстительной тутъ нѣтъ и слѣда. Тутъ слышится Норма-мать. Любящая женская натура вся вылилась въ этихъ стонахъ, надрывающихъ душу.

Чудное, томительное чувство овладѣло слушателями. Они сидѣли какъ во снѣ, и очнулись только тогда, когда замеръ послѣдній звукъ. Какой лучшей похвалы могла ожидать Лизавета Ивановна, какъ это минутное молчаніе и потомъ внезапный взрывъ восторга.

Арсеній Филиповичъ сидѣлъ глубоко задумавшись, не сводя глазъ съ импровизированной Нормы. Его смуглое, исхудалое лицо, блестящій взглядъ и порывистое дыханіе мало говорили въ пользу его цвѣтущаго здоровья. Этого не могла не замѣтить Клавдія, украдкой слѣдившая за нимъ. Внимательный наблюдатель могъ бы подмѣтить на ея лицѣ тревогу или вообще какое-то загадочное выраженіе.

Конецъ всякимъ изліяніямъ былъ положенъ вошедшей кухаркой, доложившей, что за барышней пріѣхали.

Барышня стала собираться, а студентъ затянулъ свою пѣсню.

— А! Ѳеня, ягода моя. Давай и мы съ тобой представлять Норму. Ты будешь Норма, а я Адалгиза.

И онъ пытался обнять ее одной рукой, дѣлая другой самые театральные жесты.

Клавдія хохотала, прощаясь съ хозяйкой; продолжала хохотать,

Digitized by Google

выходя въ переднюю. Тамъ случилось чудо: Арсеній Филиповичъ самъ собственноручно подалъ ей салопъ, чего онъ, конечно, не дѣлалъ во всю свою жизнь, даже для тѣхъ двухъ дѣльныхъ женщинъ, которыя никогда не носили шелковыхъ платьевъ. Самолюбіе Клавдіи было пріятно польщено, когда она почувствовала, что рука его заботливо накидываетъ ей на голову платокъ. Какими выразительными взглядами обмѣнялись они на прощаньи. Именно такими взглядами, которые могутъ выражать все и ничего.

V.

День 31-го октября былъ для акціонеровъ тѣмъ же, чѣмъ для магометанъ, напримѣръ, день бѣгства Магомета изъ Мекки въ Медину. Это была своего рода эра, событіе, отмѣтившее крутой поворотъ въ дѣлахъ правленія и всего общества. Члены имѣли удовольствіе услышать нѣсколько горькихъ истинъ и пропасть вранья въ самой изящной оправѣ. Но будемъ разсказывать все по порядку. Офиціальное открытіе собранія назначено въ 2 часа пополудни, но боковыя залы начали наполняться гораздо раньше, — явленіе, какъ разъ обратное тому, которое происходитъ иногда на нашихъ представительныхъ собраніяхъ въ родѣ земскихъ и городскихъ. Не только узаконенная треть была тутъ на лицо, но и до полнаго комплекта недоставало очень и очень немногаго.

Швейцаръ то и дѣло распахивалъ стеклянныя двери правленія, пропуская съ самымъ равнодушнымъ видомъ бобровые воротники и енотовыя шубы. Другой швейцаръ съ неменьшимъ безстрастіемъ снималъ эти шубы и выдавалъ подъ нихъ нумерованные билетики. Превосходная лѣстница, составлявшая гордость общества, лѣстница, напоминавшая антре петербургскаго эрмитажа, имѣла особенное свойство внушать посѣтителямъ благоговѣніе. Свѣтлые коридоры невольно манили дальше, туда, гдѣ ожидаютъ съ распростертыми объятіями залы и директорскіе кабинеты, составляющіе какъ бы вѣнецъ всего зданія. Большая концертная зала съ хорами и съ эстрадой нарочно была нанята для этого случая.

Посѣтители замѣтно прибывали, составляли кружки, расхаживали попарно, поодиночкѣ. Какая богатая канва для наблюдателя и сколько узоровъ можетъ вышить по ней искусная рука! Тутъ были представители всевозможныхъ направленій и типы всевозможныхъ оттѣнковъ. И на все это налегла одна об-

Digitized by Google

щая печать,—печать мелочной суетливости. Видно было, что каждому хочется пошумѣть, повздорить, однимъ словомъ, такъ или иначе заявить о себѣ, и потомъ пожалуй уйти съ облегченнымъ сердцемъ. Всякій чувствовалъ, что тутъ есть и его капиталу по меньшей мѣрѣ сто рублей, и что онъ за эти сто рублей воленъ отвести душу и вдоволь насолить правленію. Прошло уже то время, когда общество жмурилось какъ котенокъ и вездѣ усиливалось видѣть только самый ясный небесный цвѣтъ. Обстоятельства надѣли очки близорукимъ. Всѣ забили тревогу и явились съ твердымъ намѣреніемъ отстоять свое добро. Всѣ безчисленныя варіяціи во всѣхъ углахъ сводились на одну тему: „нечего имъ, мошенникамъ, потачку давать. Тутъ чуть маленько зазѣваешься—глядишь, и вылетѣлъ въ трубу“.

Жоржинька успѣлъ уже нажить себѣ бездну друзей и пріятелей и расхаживалъ отъ одного къ другому съ гордостью индѣйскаго пѣтуха. Сверкавшіе на немъ очки въ золотой оправѣ придавали ему видъ средній между художникомъ и просто человѣкомъ. Вооружившись этими очками, онъ считалъ уже лишнимъ глядѣть по близости, около себя, и устремлялъ свои взоры по большей части въ самую глубину комнаты на лица и предметы, находившіеся отъ него, по возможности, далеко. Отъ этого онъ имѣлъ еще видъ человѣка, заблудившагося въ толпѣ.

Вотъ уже болѣе часу у всѣхъ на устахъ были два слова, перелетавшія во всѣ концы и неустанно повторявшіяся на всѣ манеры. О ревизіонной коммисіи толковали въ углу, объ ней толковали у окна, ее просклоняли во всѣхъ падежахъ, не исключая даже и звательнаго.

Кто-то поинтересовался спросить у Жоржиньки:

— Вы кого думаете предложить въ предсѣдатели: Любарскаго или Домейко?

— Себя-съ.

— Какъ себя?

— А такъ, очень просто. Возьму, да и предложу себя.

Господинъ отошелъ въ недоумѣніи. Его и два-то кандидата совсѣмъ сбили съ толку, а тутъ вдругъ третій. Домейко, еще неуспѣвшій хорошенько оправиться отъ недавняго кашля, пришелъ въ самомъ раздражительномъ настроеніи. Многіе изъ его приверженцевъ и сторонниковъ ожидали отъ него чуда, или, по меньшей мѣрѣ, какого-нибудь знаменія, въ видѣ молніеносной рѣчи, сказанной въ назиданіе публики. Отъ чуда онъ наотрѣзъ отказался, но рѣчь обѣщалъ. Его спрашивали, приготовился ли онъ заранѣе, и просили сообщить вкратцѣ содержаніе будущаго спича.

Digitized by Google

— Извините, господа, но я самъ еще не знаю, о чемъ буду говорить. Его утомленное лицо говорило за него всего краснорѣчивѣе.

Явился адвокатъ, и съ самой обворожительной любезностью отвѣтилъ на всѣ рукопожатія. Все, что только было виднаго и солиднаго, сгруппировалось около него. Викторъ Андреевичъ освѣдомился объ его здоровьѣ. Семенъ Павловичъ звалъ его вечеромъ въ клубъ. Всѣ почти звѣзды первой и второй величины узнали своего собрата въ новомъ, восходящемъ свѣтилѣ. Какъ должно порадоваться сердце папа, когда онъ увидитъ своего будущаго зятя тутъ, среди самыхъ пріятныхъ особъ, вдвойнѣ пріятныхъ своимъ умомъ и капиталомъ; когда онъ услышитъ его непринужденный разговоръ, увидитъ дивную, неподражаемую манеру держать себя свободно, развязно и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени скромно и прилично. Любарскій дѣйствительно былъ мастеръ своего дѣла. Каждое слово, брошенное какъ будто на вѣтеръ, такъ или иначе непремѣнно попадало въ цѣль. Мнимая небрежность и самоувѣренность скрывали подъ собой цѣлый океанъ ловкости. Его красивая наружность, его бархатные взгляды, даже самый органъ голоса, все такъ и проникало въ душу собесѣдниковъ. Всякій считалъ своимъ долгомъ принять на свой счетъ его ласкающіе взоры и ласкающія фразы.

Собраніе рѣшительно раздѣлилось на двѣ партіи, и если представитель одной былъ такъ изященъ, другой просто наводилъ уныніе на своихъ поклонниковъ.

Эмма, великолѣпная Эмма и неразлучные съ ней огненные волосы и дерзкіе глаза, вплыла въ залу и окинула ее болѣе чѣмъ бѣглымъ взглядомъ; но увидавши, что нѣтъ того, кого она искала, сдѣлалась по обыкновенію убійственно равнодушна и утомлена.

Любочка и ея неизмѣнный чичероне отецъ тоже не заставили себя ждать. Она, какъ дѣвица совершенныхъ лѣтъ, имѣла двѣ акціи, записанныя на собственное имя. Она имѣла право голоса наравнѣ съ другими, но въ ожиданіи, пока настанетъ минута воспользоваться этимъ правомъ, она успѣла разсмотрѣть Жоржиньку и Домейко. На котораго изъ нихъ сдѣлать набѣгъ она еще не рѣшила, какъ вдругъ адвокатъ подошелъ съ самымъ любезнымъ выраженіемъ и объявилъ, что съ ней желаетъ познакомиться одна дама. Любочка не вѣрила своимъ глазамъ. Это была Эмма.

— Да развѣ мы не знакомы? удивилась Любочка.

Digitized by Google

— Мы видались у Ракитиныхъ, конечно, но я хочу формальнаго знакомства. Я даже не была вамъ представлена.

— О, Боже мой, да это все глупости. Это предразсудки. Мы смѣемся надъ англичанами, потому что они помѣшаны на представленіяхъ.

— Но я еще не помѣшана. Сошлюсь на m-r Любарскаго. Впрочемъ, я надѣюсь еще убѣдить васъ въ этомъ впослѣдствіи, когда мы сойдемся покороче. Я не на шутку хочу завербовать васъ. Я знаю, вы такіе друзья съ Клавдіей Васильевной, что я позавидовала этой дружбѣ... За что такое предпочтеніе? Нѣтъ, шутки въ сторону, я рѣшительно хочу васъ видѣть у себя и не далѣе, какъ въ воскресенье. У меня будетъ маленькій вечеръ. Если вы непремѣнно того желаете, я готова вамъ сдѣлать завтра утренній визитъ.

— Мнѣ, конечно, будетъ очень пріятно. Но вѣдь визиты, по моему, въ сущности, варварскій обычай. Гораздо лучше, пріѣзжайте ко мнѣ какъ-нибудь запросто. Я буду рада васъ видѣть, и отецъ также.

Выразительный взглядъ на отца заставилъ того немедленно согласиться.

— Кончено! Отнынѣ мы съ вами друзья. Я принимаю ваше приглашеніе, а въ воскресенье вы будете моя гостья.

И Эмма протянула юной собесѣдницѣ ручку въ палевой перчаткѣ.

Пріѣхалъ Денисъ, и увидавши свою супругу, сдѣлалъ такую мину, отъ которой киснется молоко и нервнаго человѣка покоробитъ. Эмма тоже увидала его и сдѣлала движеніе, но какое значеніе оно имѣло, я въ точности объяснить не берусь.

Ровно въ два часа (пунктуальность всегда входила въ программу общества дешеваго продовольствія) засѣданіе открылось и началось избраніемъ предсѣдателя собранія. Кто-то предложилъ Виктора Андреевича и предложеніе было принято единодушно. Все лицо президента подернулось масломъ умиленія. Онъ со свойственной ему граціей занялъ почетное кресло и сказалъ нѣсколько фразъ. Больше онъ не могъ, да больше и не требовалось. На эстраду вышелъ директоръ, красавецъ Качаловъ, проговорилъ что-то такое, къ счастію, очень коротенькое, и удалился. Рѣчь его была встрѣчена гробовымъ молчаніемъ. Слушатели видимо недоумѣвали, что̀ онъ такое сказалъ и для чего онъ вообще начиналъ говорить. Но едва только одинъ артистъ-любитель успѣлъ сойти со сцены, какъ на смѣну ему явился другой. Глазамъ собранія предстало тяжеловѣсное туловище Клавдина папа, съ сверткомъ бумагъ въ рукахъ. Папа

Digitized by Google

медленно развертывалъ эти бумаги, причемъ имѣлъ случай показать публикѣ свои удивительно бѣлыя руки. Викторъ Андреевичъ, исправлявшій должность капельмейстера, умильно покачивалъ головою въ тактъ всѣмъ движеніямъ директора. Наконецъ, тотъ откашлялся и началъ говорить. Говорилъ онъ такъ долго и такъ убѣдительно, что будь это вечеромъ, слушатели бы непремѣнно заснули. Но теперь они ограничились тѣмъ, что зѣвали до изнеможенія, чуть не до истерики. Многіе сѣли нарочно въ первыхъ рядахъ съ злостнымъ намѣреніемъ оборвать директора на первомъ же словѣ и немедленно уличить его во лжи. Но папа не даромъ занимался психологіей. Онъ изучилъ природу человѣческую до тонкости. Онъ зналъ, что съ перваго разу никакъ не слѣдуетъ приступать къ дѣлу, а прежде надо утомить хорошенько слушателей, навести на нихъ столбнякъ, взять какую-нибудь фразу и нережевывать ее до тѣхъ поръ, пока у однихъ зазвенитъ въ лѣвомъ ухѣ, а у другихъ замелькаютъ передъ глазами красные круги. Когда публика будетъ слышать вмѣсто словъ одни звуки и перестанетъ различать, гдѣ кончается одна мысль и гдѣ начинается другая, тогда и только тогда можно поднять щекотливый вопросъ. Его проглотятъ какъ устрицу, даже не разобравши хорошенько, каковъ онъ на вкусъ. Интересно было бы прослѣдить за ощущеніями публики, пока говорилъ г. Ракитинъ. Сначала всѣ недоумѣвали, что̀ они слышатъ: общедоступную ли лекцію, или вступительную рѣчь какого-нибудь профессора или, наконецъ, воззваніе къ народу русскому. Потомъ мракъ началъ разъясняться. Это хвалебный гимнъ обществу дешеваго продовольствія. Обороты его блестящіе, прошедшее безукоризненно, а будущее превзойдетъ всѣ ожиданія. Оно затмитъ своимъ блескомъ всѣ уже существующія акціонерныя компаніи. И на подкрѣпленіе цифры, цифры и цифры безъ конца. Десятки и сотни тысячъ такъ и сыпались направо и налѣво. Недоставало только десятичныхъ дробей, а простыя были. Потомъ, когда слушатели, достаточно ошеломленные этимъ каскадомъ чиселъ, хотѣли-было перевести духъ, тьма снова начала сгущаться. Опять перестали понимать, о чемъ толкуетъ ораторъ. Съ одной стороны, какъ будто о томъ же обществѣ, а съ другой стороны, какъ будто и не о немъ. Пока разрѣшали этотъ вопросъ, пробило четыре часа. Директоръ сложилъ свои бумаги, приказалъ раздать всѣмъ печатные отчеты, раскланялся и исчезъ, т.-е. исчезъ не вдругъ, а постепенно, пожимая руку знакомымъ и пріятно улыбаясь постороннимъ.

Президентъ сдѣлалъ доброе дѣло: онъ объявилъ засѣданіе пріостановленнымъ на четверть часа. Не знаю, что̀ сталось

Digitized by Google

бы съ бѣдными акціонерами безъ этой отсрочки. Во время двухчасовой рѣчи г. Ракитина, ими овладѣло такое мучительное томленіе, какого навѣрное не испытываютъ грѣшники въ аду. Но какія-нибудь 15 минутъ поправили дѣло какъ нельзя лучше. Какъ иногда говорятъ, самый непродолжительный сонъ подкрѣпляетъ человѣка и дѣлаетъ его опять молодцомъ на цѣлый день, такъ и теперь публика освѣжилась и храбро приготовилась выслушать всѣхъ ораторовъ до конца. Тайная надежда услыхать что-нибудь подходящее къ дѣлу, узнать объ истинномъ состояніи фактовъ общества, не покидала ее, но ей суждено было еще исполниться не такъ-то скоро. Прежде говорилъ адвокатъ, который давалъ очень искусные обороты своимъ фразамъ, очень пріятное выраженіе голосу и лицу, но не далъ никакихъ объясненій на счетъ того, что̀ творилось въ обществѣ за послѣдніе годы. Сущность его рѣчи, если освободить ее отъ всѣхъ прикрасъ и недомолвокъ и перевести на русскій языкъ, состояла въ слѣдующемъ:

„Милостивые государи и государыни! Всѣ мои симпатіи на сторонѣ людей солидныхъ. Я самъ, хотя по лѣтамъ и принадлежу къ молодому поколѣнію, но нравственно давно уже созрѣлъ. Во мнѣ столько добродѣтелей, что я боюсь наскучить вамъ перечисленіемъ ихъ. Во мнѣ хорошо то, что я во всякую данную минуту готовъ пожертвовать собою на благо общее, и поставляю себѣ за честь оправдать общественное довѣріе. На пользу общую я буду трудиться блистательно, великолѣпно. Я не потерплю никакихъ злоупотребленій и безпощадно разоблачу ихъ передъ лицомъ цѣлаго свѣта. Если этихъ злоупотребленій не будетъ, я отыщу ихъ на днѣ моря и покажу въ увеличительное стекло. Надѣюсь, что послѣ всего сказаннаго, вы, милостивые государи и государыни, *не задумаетесь выбрать* меня предсѣдателемъ ревизіонной коммисіи“. Прибавлять ли, что все это было сказано такъ, какъ только съумѣетъ сказать человѣкъ умный: тонко, изящно и заманчиво. Личность оратора выступила въ самомъ выгодномъ свѣтѣ и слушатели внезапно почувствовали къ нему приливъ симпатіи. Большинство будетъ на сторонѣ г. Любарскаго. Это не подвержено никакому сомнѣнію.

Блестящія очки Жоржиньки и его чудные, но растрепанные волосы заняли мѣсто на трибунѣ. Онъ заговорилъ и публика замерла отъ удовольствія. Онъ пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ. Разсказъ о неудачной операціи съ керосиномъ попалъ въ самое сердце акціонеровъ. Правленіе смошенничало—это ясно, и одинъ конецъ этого мошенничества въ ихъ рукахъ. Жоржинька съ пылкостью влюбленнаго клянется, что выведетъ все на свѣжую

Digitized by Google

воду и предлагаетъ на слѣдующее же собраніе пригласить купца Кулебякина и свидѣтелей. Нечего и говорить, что за это предложеніе ухватились обѣими руками. Какой дивной поэзіей звучали въ эту минуту слова: „керосинъ и операція". Еслибы не приличія, просто, кажется, оратора взяли бы и покачали на простынѣ. Но приличія заставили публику удовольствоваться только аплодисментами. Когда кончилась эта рѣчь, одинаково близкая сердцу всего собранія, президентъ предложилъ баллотировать членовъ и предсѣдателя будущей коммисіи. Противъ этого никто не имѣлъ ничего возразить.

Въ это время Домейко лѣниво пробирался между рядами подъ сотнею устремленныхъ на него взглядовъ. Медленно, точно въ раздумьи взошелъ онъ на мѣсто, недавно оставленное Жоржинькой.

„Господа", началъ онъ своимъ тихимъ, груднымъ голосомъ. Зала почти мгновенно притихла. Эмма подняла лорнетъ, Любочка всѣмъ корпусомъ подалась впередъ и мазнула отца по лицу лентами своей шляпки.

Домейко говорилъ сначала тихо и ровно и потомъ постепенно воодушевляясь. Въ подробной и рѣзкой картинѣ выставилъ онъ передъ слушателями всю исторію общества дешеваго продовольствія, его первоначальную высокую цѣль и, наконецъ, его послѣднюю дѣятельность, которая подорвала къ нему всякое довѣріе его членовъ. Рядомъ рѣзкихъ и юмористическихъ фактовъ доказалъ онъ, по какой нелѣпой дорогѣ идетъ теперь это общество и до какихъ безобразій дойдетъ оно, если не принять для его спасенія самыхъ радикальныхъ мѣръ. А мѣры эти состоятъ въ томъ, чтобы возстановить тѣ цѣли, во имя которыхъ общество было основано первоначально, и строго слѣдить, чтобы общество ни въ чемъ не уклонялось отъ первоначальной задачи. Затѣмъ Домейко, рядомъ примѣровъ, показалъ, чѣмъ бы могло заниматься общество, и развилъ блистательную программу этой новой дѣятельности и, между прочимъ, упомянулъ даже о проектѣ народныхъ кухонь и проч. Рѣчь свою онъ заключилъ словами:

„Вотъ, господа, я изложилъ вамъ всѣ свои проекты. Я предложилъ особый образъ правленія, особую программу для общества. Если и послѣ этой откровенной исповѣди вы почтите меня своимъ избраніемъ, я буду считать васъ въ нѣкоторомъ родѣ раздѣляющими мои убѣжденія. Всѣхъ, несочувствующихъ мнѣ, я покорнѣйше прошу подавать голоса за другихъ кандидатовъ".

Когда Домейко кончилъ, дружный аплодисментъ встрѣтилъ его послѣднія слова. Впрочемъ, наша публика всегда очень до-

Digitized by Google

бросовѣстно аплодируетъ, если только есть къ чему придраться, если есть хоть малѣйшій намекъ на что-нибудь остроумное.

Колокольчикъ президента торопилъ собраніе приступить къ выборамъ. Викторъ Андреевичъ ужь мысленно успѣлъ съѣсть рябчика и двухъ цыплятъ, а акціонеры все еще шумѣли, точно на нихъ и голодъ не дѣйствовалъ. Одинъ еще влѣзъ на эстраду и провозгласилъ, что общество желаетъ назначить вторичное собраніе и что по этому поводу слѣдуетъ отобрать голоса. Тутъ поднялась кутерьма. Одни требовали собранія чрезъ недѣлю, другіе черезъ мѣсяцъ, однимъ словомъ, кто во что горазд. Спасибо, кто-то догадался намекнуть, что можно бы, молъ, это предоставить на усмотрѣніе коммисіи. Предложеніе подхватили налету и порѣшили на томъ, что ревизіонной коммисіи дается право созвать акціонеровъ, когда найдетъ это нужнымъ, т.-е. когда ревизія ея подойдетъ къ концу. Затѣмъ началась баллотировка на американскій манеръ: каждый подавалъ свернутый бюллетень съ именемъ избираемаго. Президентъ и при немъ двое ассистентовъ принимали ихъ и откладывали въ сторону съ тѣмъ, чтобы послѣ разобрать, на чьей сторонѣ окажется большинство.

Адвокатъ весело похаживалъ между рядами, разговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ. На лицѣ его выражалось самое безмятежное счастіе, которое напрасно попробовала-было отравить Эмма, замѣтивши, что Тамбовская губернія, вѣроятно, плачетъ теперь объ его отсутствіи.

Жоржинька объявилъ рѣшительную войну стульямъ и людямъ. И тѣхъ и другихъ онъ толкалъ и задѣвалъ немилосердно.

Домейко спрашивали, кто эта женщина, которая первая подала мысль объ устройствѣ народныхъ кухонь.

— Я не имѣю права сказать вамъ ея имя.

— Отчего-же?

— Она желаетъ, чтобы оно пока оставалась неизвѣстнымъ.

Любочкѣ не понравилась эта скромность. Она была увѣрена, что Домейко подразумѣваетъ ее. Отчего-же не сказать прямо: „господа, вотъ та замѣчатлеьная особа, которая дошла до этого сама собственнымъ умомъ“! Любочка по отдаленности временъ забывала, у кого эта мысль явилась прежде: у нея или у ея пріятельницы.

Денисъ, какъ намагниченная стрѣлка, старался всегда принимать направленіе, противоположное тому, которое избрала его жена. Благодаря этимъ маневрамъ, они во все время ни разу не сошлись ближе, чѣмъ на разстояніе четырехъ саженъ.

Наконецъ въ залѣ наступила мертвая тишина, среди которой

Digitized by Google

торжественно звучалъ голосъ президента. Вотъ что оказалось послѣ баллотировки:

Предсѣдателемъ ревизіонной коммисіи избранъ Любарскій. Членами: Домейко, Басанченко-Самойленко, Полѣновъ, Бахтѣевъ и Тимирязевъ.

Общее собраніе кончилось. Миръ и любовь выражались на лицахъ акціонеровъ, выходившихъ за стеклянныя двери правленія. На душѣ было легко. Всю тяжесть они свалили на ревизіонную коммисію.

V.

Въ одинъ прекрасный день, г-жа Якубовская получила отъ Клавдіи записку такого содержанія:

„Милая Лизавета Ивановна, поздравьте меня. Это письмо вамъ присылаетъ невѣста. Вчера Любарскій сдѣлалъ мнѣ предложеніе и я приняла. Забудьте мои прежніе нелестные отзывы объ адвокатѣ. Я была влюблена, а влюбленные бываютъ иногда большіе чудаки. Мнѣ не хотѣлось, чтобы угадали мои чувства. Я говорила объ немъ дурно изъ упрямства, par esprit de contradiction. Но теперь нѣтъ причины далѣе скрываться, по крайней мѣрѣ отъ васъ. Для другихъ это тайна. Нужно ли мнѣ прибавлять, чтобы вы сохранили ее въ цѣлости? Прощайте, другъ мой. При первомъ удобномъ случаѣ невѣста явится къ вамъ сама, собственной персоной. Приготовьте ей достойный пріемъ, да не падайте въ обморокъ, прочитавши эти строчки.

„Будущая m-me Любарская, а пока Клавдія Ракитина„

И больше никакихъ объясненій. А дѣло было вотъ какъ.

Наканунѣ Денисъ объявилъ, что ему черезъ два дня нужно ѣхать въ Петербургъ. Сестра встревожилась.

— Когда-же ты переговоришь съ матерью? Вотъ сколько ужь времени ты все послѣ, да послѣ.

— Ну, вотъ все равно: вернусь, тогда...

— А какъ долго ты пробудешь въ Петербургѣ?

— Не знаю.

— Ну, приблизительно?

— И призительно не могу сказать. Можетъ быть, два дня, а можетъ быть двѣ недѣли и даже больше.

— Видишь ли: двѣ недѣли! Нѣтъ, Денисъ, я не хочу. Переговори теперь. Тѣмъ болѣе, что время теперь удобное. Собраніе кончилось благополучно. Папа въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Мама благословляетъ адвоката и даже собирается съѣз-

Digitized by Google

дить въ театръ на свой счетъ. Значитъ, наши акціи стоятъ высоко, т.-е. и мои и твои. Ты вотъ что, голубчикъ. Сыграй съ папа двѣ партіи въ шахматы, да похвали его хорошенько за краснорѣчіе. Скажи, что его рѣчи достойны быть напечатанными въ газетахъ. Прибавь пожалуй, что ты слышалъ, какъ объ немъ говорили въ клубѣ. А мама привези конфетъ отъ Эйнема. Потомъ расчувствуйся и поцалуй ей ручку... И скажи ей, въ чемъ дѣло.

— Да ужь ты-же и научи, какъ сказать.

— Ты самъ знаешь, Денисъ.

— Да я, можетъ быть, объясню ей по своему. У меня особенная манера выражаться. Ну, я пожалуй скажу ей: милая мамаша, ваша старшая дочка хочетъ содержать кухмистерскую. Позвольте ей убѣжать изъ дому. Ну, а она мнѣ сейчасъ: извольте, я съ удовольствіемъ. Не прикажете ли послать за извозчикомъ?

Сестра вдругъ сурово взглянула на него.

— Денисъ, если ты дѣйствительно сдѣлалъ изъ этого шутку, такъ лучше брось. Я поищу себѣ поддержки въ другомъ мѣстѣ.

Братъ скомкалъ въ рукахъ носовой платокъ, и отвѣтилъ сурово, глядя на полъ:

— Чтобъ покончить съ этимъ разъ навсегда, изволь, я нынче объяснюсь съ твоими родителями.

— Но этого мало. Можно объясниться такъ, что они и тебя-то турнутъ. А ужь обо мнѣ и говорить нечего.

— Не къ ручкѣ-же мнѣ въ самомъ дѣлѣ прикладываться.

— Но ты обѣщался говорить серьёзно и ужь конечно не свирѣпо, потому что это значило бы навѣрное проиграть. Я тебѣ вѣрила, Денисъ. До сихъ поръ я въ тебѣ никогда не сомнѣвалась!

— Съ какой стати тутъ восклицанія? (онъ сдѣлалъ гримасу) Ужь эти женщины вѣчно: я тебѣ вѣрила, я въ тебѣ не сомнѣвалась! Точно я символъ вѣры. Вонъ и родительница вернулась, не прикажете-ли начинать?

Клавдія слегка измѣнилась въ лицѣ и вдругъ рѣшительно обернулась къ нему.

— Да, пожалуйста. Иди, сейчасъ-же, Денисъ.

Братъ всталъ съ мѣста и направился къ двери.

— Ну! или панъ или пропалъ!

Когда дверь затворилась за братомъ, Клавдія чувствовала, какъ сердце ея начинаетъ стучать все сильнѣе и сильнѣе. Первыя минуты она старалась не слушать, что̀ говорится въ другой комнатѣ, и съ этой цѣлью стала быстро ходить взадъ и

Digitized by Google

впередъ. Но спустя нѣсколько времени, голоса стали долетать, несмотря на шумъ шаговъ. Клавдія принялась напѣвать какую-то пѣсенку. Она готова была заткнуть себѣ уши ватой, чтобы только не знать, что дѣлается рядомъ, за дверями. Она нарочно стучала каблуками и перенесла свою пѣсню выше на цѣлую октаву. Пришла Леночка показать ей, какъ дурно прачка гофрируетъ воротнички. Клавдія жадно выхватила ихъ у дѣвочки и принялась разсматривать такъ внимательно, какъ будто въ нихъ скрывалась ея будущая судьба.

А въ спальной ворковалъ басъ Дениса и разливалось сопрано мама.

— Вы меня удивляете, Денисъ Васильевичъ! вылетѣла вдругъ изъ-за дверей рѣзкая фраза.

Клавдія сунула воротнички въ руки оторопѣвшей Леночкѣ и поспѣшно отошла въ окну. На минуту въ головѣ у нея наступилъ такой хаосъ, что она должна была сдѣлать нѣкоторое усиліе, чтобы припомнить въ чемъ дѣло.

— Все пропало, вертѣлось у ней въ головѣ.—Сейчасъ онъ поссорится съ матерью. Что тогда будетъ со мной?

Но не слышно было еще, чтобы Денисъ дошелъ до той точки, съ которой начинается скандалъ. До сихъ поръ онъ говорилъ ровно и хладнокровно, объ этомъ можно было судить по интонаціи. За-то мама въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ почти кричала.

Леночка сунула-было носъ въ спальню, но ее оттуда такъ пугнули, что она буквально со страху не нашла дверей и попала какимъ-то манеромъ за ширмы, гдѣ рѣшилась выслушать объясненіе до конца.

Клавдія все ходила по комнатѣ, останавливаясь и прислушиваясь на мгновеніе. Тревога, томленіе и внезапная рѣшимость быстро смѣнялись въ ея глазахъ. Они горѣли какимъ-то лихорадочнымъ блескомъ. На щекахъ все замѣтнѣе и замѣтнѣе выступалъ румянецъ.

— Хорошо-съ мы спросимъ Василія Ѳедоровича! долетѣло воззваніе мама.—Не угодно ли вамъ самимъ позвать его?

Отвѣтъ сына нельзя разслышать; но хладнокровіе видимо не покидаетъ его. Спустя нѣсколько минутъ выбѣгаетъ Леночка и стремглавъ несется по комнатѣ. Физіономія ея налету выражаетъ озабоченность. Она сознаетъ важность даннаго ей порученія. Клавдія слышитъ, какъ она останавливается у дверей отцовскаго кабинета и торжественно объявляетъ:

— Папа, тебя велѣла позвать мама.

— Что такое? слышится откуда-то, какъ изъ могилы.

Digitized by Google

— Мама просить тебя на минутку, поправляется дѣвочка.

Черезъ пять минутъ мѣрные шаги папа даютъ знать о его приближеніи. Вся его особа выплываетъ изъ кабинета и величественно проносится мимо дочери. Дѣвушка видѣла, какъ онъ прошелъ въ спальню, какъ затворилась за нимъ дверь, и буквально почувствовала, что у ней какъ будто что-то оборвалось въ груди. Потомъ въ вискахъ застучало съ такой силой, что она приложила руку къ головѣ и молча, неподвижно, почти безсознательно стала смотрѣть въ окно. Вдругъ другая мысль блеснула у нея въ головѣ. Вотъ этотъ самый семейный ареопагъ, собравшійся въ нѣсколькихъ шагахъ, властенъ произнести свое veto и отнять у нея то, о чемъ она мечтала два года, то, что̀ уже почти достигнуто. И главное, онъ отниметъ у нея всякія средства къ защитѣ. Она безоружна, протестъ ея будетъ безсмысленный. Такъ или иначе, ее заставятъ покориться. Что же дѣлать въ самомъ дѣлѣ? Не бѣжать же. Бѣглыхъ нынче преслѣдуютъ такъ же усердно, какъ и двѣсти лѣтъ тому назадъ. Ахъ, отчего ей не 21 годъ? Отчего ей еще три года жить безъ всякихъ правъ, какъ существу непризнанному закономъ и безполезному для общества? Еще три года томиться подъ игомъ родительской любви и ласковаго деспотизма! Да, она ужь знала, что̀ значитъ этотъ деспотизмъ любви, самый скверный изо всѣхъ деспотизмовъ, потому что онъ прикрытъ сочувствіемъ. Какъ въ былое время фанатики религіи жгли и вѣшали людей изъ желанія спасти ихъ душу, такъ и тутъ дѣлаютъ несчастною для того, чтобы сдѣлать ее счастливой. Деспотизмъ любви имѣетъ всѣ оправданія на своей сторонѣ. За нимъ всѣ симпатіи общества, а на сторонѣ жертвы весь гнетъ неблагодарности, черствости, бездушія и развращенности.

Все это промелькнуло у Клавдіи почти мгновенно. Она знала, что̀ ее ждетъ впереди. Или самая жалкая, рабская покорность, или вѣчныя угрызенія совѣсти, вѣчное преслѣдованіе общества. Выборъ не богатый. Не одно отчаяніе потерять всѣ свои золотыя мечты щемило ея сердце. Желчь накипала въ груди. Оскорбленное самолюбіе, сознаніе своего безсилія и еще тысячи скверныхъ чувствъ волновали ея душу. Крѣпко сжатыя губы и мрачные взгляды, сверкавшіе изъ-подъ сдвинутыхъ бровей, говорили, что она впрочемъ еще постоитъ за себя. Вся наслѣдственная гордость поднялась въ ней и доводила ее до вступленія, до желанія отомстить этимъ людямъ, угнетавшимъ ее, освободиться отъ нихъ во что бы то ни стало и стать на ноги самой. Въ эту минуту въ ней совсѣмъ потухла

Digitized by Google

любовь къ роднымъ. Она видѣла въ нихъ враговъ. Какъ на свиданіе съ врагами пошла она въ спальню, какъ брошенную перчатку подхватила она приглашеніе Леночки явиться туда.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять въ чемъ дѣло. Мама сидѣла на постелѣ и вглянула на дочь, какъ на личность совершенно ей незнакомую, которую она видитъ въ первый разъ. Папа стоялъ прислонившись къ комоду и по привычкѣ ничего не выражалъ на своемъ лицѣ. Но дочь привыкла угадывать его чувства по его манерѣ, по тому, какъ онъ держалъ свои руки. Денисъ сидѣлъ въ углу, исподлобья посматривая на сестру. Въ этомъ взорѣ она прочла сожалѣніе. Да, она не ошиблась: все пропало.

Папа уставилъ свои зеленые глаза и встрѣтилъ открытый, почти до дерзости смѣлый взглядъ дочери. Еслибы только его физіономія могла передавать ощущенія, она конечно не осталась бы такой безстрастной, какъ теперь.

— Повтори ту просьбу, которую Денисъ сдѣлалъ мнѣ сейчасъ отъ твоего имени.

Убійственно-холодный тонъ ни мало не смутилъ дѣвушку. Она пошла, что называется, на проломъ.

— Если вы ее слышали, такъ зачѣмъ-же я буду повторять? Я скажу все то же самое.

— Но я требую, чтобы ты ее повторила.

— Извольте. Отпустите меня жить одну. Братъ откроетъ заведеніе и я буду тамъ работать. Мое содержаніе не будетъ вамъ ничего стоить. У васъ остаются другія дѣти, а меня вы сдѣлаете этимъ счастливѣе, чѣмъ просватавши за всѣхъ адвокатовъ на свѣтѣ.

— Какъ это вамъ нравится! простонала мама (въ присутствіи мужа она изъ величественнаго тона часто переходила въ жалобный). — Она хочетъ показать, что мы ей ловили жениховъ.

— Я этого, мама, не говорю.

— Дерзкая дѣвчонка! здѣсь сидятъ не дѣти, и всѣ твои намеки...

— Постой, строго перебилъ мужъ.—Такъ вы желаете открыть кабакъ?

— Развѣ Денисъ вамъ не говорилъ настоящаго названія?

— Прекрасно. Кабакъ на началахъ ассоціаціи и эмансипаціи. И предсѣдательницей—вы, Клавдія Васильевна Ракитина. Это придумано недурно. Ну, что-же, ваше остроумное изобрѣтеніе встрѣтило сочувствіе въ обществѣ? Вы нашли себѣ помощницъ или помощниковъ?

Digitized by Google

— Да. И вотъ мой первый помощникъ (Она указала на брата).

— Это я слышалъ. Но кажется, при всемъ своемъ сочувствіи, онъ не соглашается быть цѣловальникомъ въ вашемъ кабакѣ.

— Я собственно по дѣламъ службы не имѣю возможности помогать ей лично, отозвался Денисъ изъ своего уголка:—а то я конечно не счелъ бы для себя унизительнымъ стать даже за прилавокъ въ ея конторѣ.

— Да, я знаю, вы демократъ. Въ васъ течетъ плебейская кровь и желаніе слиться съ мужиками. Я радуюсь этому. Но позвольте ужь мнѣ не отпускать мою дочку въ вашъ лагерь до тѣхъ поръ, пока я не увижу этого сліянія на дѣлѣ. А такъ-какъ ждать еще долго, да этого, по всей вѣроятности, и совсѣмъ не случится, то Клавдія Васильевна рискуетъ остаться въ своемъ семействѣ и погодитъ немножечко открывать кабаки.

Тутъ вдругъ вступилась мама.

— Какъ это ты, Василій Ѳедоровичъ, такъ называешь: кабаки! Это народныя кухни. Помилуй, что за неуваженіе! Тутъ открывается ресторанъ для кухарокъ и лакеевъ, а ты вдругъ: кабакъ!

— Это, мама, очень остроумно, только невѣрно. Въ наше заведеніе кухарки и лакеи, конечно, не пойдутъ.

Мама страшно разсердилась, папа продолжалъ все въ томъ же тонѣ.

— Въ *ваше* заведеніе. Вотъ какъ! Вы его ужь и купили. Можетъ быть, даже и помѣщеніе готово?

— Задатокъ данъ, вставилъ Денисъ.

— Превосходно. Вѣроятно, все уже покончено? Забыли только пустяки: спросить согласіе отца съ матерью.

— Изъ чего же вы видите, что мы это забыли? горячо вступилась Клавдія.—Можетъ быть, дня не приходило, чтобъ я не думала объ вашемъ согласіи. Но неужели же вы думаете, что человѣкъ легко разстается съ тѣмъ, надъ чѣмъ онъ продумалъ два года? Гдѣ вы найдете такого, кто бы уступилъ молча? Работать, работать... и вдругъ отъ одного слова все разлетѣлось. Да для чего же и жить тогда? Пошлите меня лучше въ поденщицы. Я скорѣе буду поденщицей и кухаркой, но только не барышней. Я не хочу, я не могу больше оставаться барышней. По моему, это позорное названіе...

Общій ужасъ. Даже папа начинаетъ шевелить бровями. Денисъ, и тотъ, кажется, находитъ, что сестра хватила черезъ край. Папа, однако, сохраняетъ все свое самообладаніе и спрашиваетъ гробовымъ голосомъ:

Digitized by Google

— Вотъ какъ! Вы находите унизительнымъ званіе барышни? Но что же именно тутъ унизительнаго?

— Все! вотъ это платье, которое теперь на мнѣ надѣто и котораго я, конечно, ужь не стою. Да и самыя ваши отношенія ко мнѣ. Вы не видите во мнѣ равной. А почему? Потому, что я барышня, потому, что я сижу у васъ на плечахъ. Вы мнѣ даете все. Понятно, что за это все вы и требуете отъ меня покорности. Но дайте мнѣ жить самостоятельно, и вы тогда сами станете смотрѣть на меня иначе. А теперь въ васъ говоритъ досада, что существо, совершенно для всѣхъ безполезное, осмѣливается имѣть свой голосъ!

Но вся ея стремительность и горячность разбивается объ ледяное спокойствіе папа. Онъ молчитъ, и это недоброе молчаніе. Дочь узнаетъ это по движенію его пальцевъ и все-таки не останавливается.

— Теперь представляется случай. Мнѣ помогаетъ братъ. Онъ берется мнѣ все устроить. И дѣло это такое, къ которому самые заклятые враги не могутъ придраться. Что же въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь другая такого случая во всю жизнь не дождется. Другая и рада бы вырваться, да ей некуда.

Но папа съ какимъ-то загадочнымъ видомъ крутитъ свои пальцы и, выслушавши дочь до конца, отчетливо произноситъ:

— Все это ложь, ложь, ложь!

Дѣвушка оторопѣла. Въ этихъ словахъ, сказанныхъ въ упоръ, было что-то такое, для нея непривычное. Она такой интонаціи еще не слыхала у отца. Бурный потокъ матушкиныхъ рѣчей не далъ ей возразить. Онѣ полились какъ вода, прорвавшаяся сквозь плотину. Мама изъ величественной дѣлалась надоѣдливой и даже немножко смѣшной. Въ другое время Клавдія огорчилась бы, но теперь она не сводила глазъ съ отца.

Онъ начиналъ ее пугать. Онъ видимо готовитъ какое-то coup de main. Что̀ такое? Какое обвиненіе лежитъ надъ ея головою?

„Господи, думалось ей, да кончайте вы скорѣе“.

— Такъ вы постараетесь оградить свое имя даже отъ намековъ? безжалостно растягивалъ отецъ. — Похвальная мысль! Я узнаю въ ней свою дочь. Хотя вы и отказываетесь отъ позорнаго будто бы званія барышни, но барскія замашки въ васъ есть. Вы думаете о своей репутаціи. Но для того, чтобы сохранить ее, Клавдія Васильевна, надо быть честной дѣвушкой.

— Папа!...

— Постойте. Честной не въ однихъ поступкахъ, но въ своихъ убѣжденіяхъ и въ своихъ мысляхъ. Оглянитесь хорошенько. Сохранили ли вы эту чистоту?

Digitized by Google

— Я не понимаю, чего ты отъ меня требуешь? Если безгрѣшности, такъ вѣдь такого человѣка нѣтъ на землѣ. Мало ли у меня было скверныхъ мыслей, но у кого ихъ не было. Пусть кто-нибудь осмѣлится сказать, что онъ безгрѣшенъ.

— Какъ! такъ стало быть если другіе дѣлаютъ гадости, это служитъ намъ оправданіемъ? Мы считаемъ себя вправѣ дѣлать тоже самое? Это ваши пресловутыя убѣжденія? ваши принципы? Такъ вотъ на какихъ ядовитыхъ ученіяхъ основывается ваша нравственность!

— Я сказала только то, что̀ вамъ повторитъ за мной св. писаніе. Кто изъ насъ безъ грѣха?

— Тутъ припутывать св. писаніе нечего. Это имя надо произносить съ благоговѣніемъ. Я требую отъ васъ теперь одного: чтобы вы мнѣ повторили сію минуту, что вы честная дѣвушка. И онъ выразительно ударилъ пальцемъ по комоду. Всѣ вдругъ притихли; Клавдія смутилась.

— Что̀ значитъ честная? Если это, по вашему, безгрѣшная, такъ я себя не считаю...

Отецъ замѣтилъ ея минутное колебаніе. Подозрѣнія его усиливались. Онъ вдругъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Нѣтъ! ты меня понимаешь. Честная въ буквальномъ значеніи этого слова. Честной дѣвушкой называютъ ту, на поведеніи которой не знаютъ ни одного пятна. Не опускай своихъ рѣсницъ. Гляди мнѣ прямо въ глаза.

Она подняла свой ясный взглядъ.

— Я не понимаю. Скажите мнѣ прямо, чего вы отъ меня хотите? Вы подозрѣваете меня въ чемъ нибудь?

На минуту въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Мать и сынъ оставались зрителями. Оба почти съ одинаковой тревогой слѣдили за разыгрывавшейся передъ ними сценой. Отецъ и дочь стояли близко; ихъ раздѣляли какихъ-нибудь два шага. Видно было, что готовится что-то недоброе. У папа дрожали губы,— явленіе еще до сихъ поръ невиданное. Клавдія, напротивъ, казалась какъ-то удивительно спокойною; но это спокойствіе отчаянія, спокойствіе, сквозь которое свѣтила дерзкая рѣшимость. Вдругъ среди могильной тишины, въ лицо дѣвушки полетѣла скомканная бумажка. Она молча нагнулась и подняла ее. Но тонкія ноздри ея расширились, а въ глазахъ засвѣтился такой огонекъ, что мать, налетѣвшая-было на записку, немножко оторопѣла. Однако, бумажка была вырвана и благополучно перешла въ руки мама. Написано было нѣсколько строчекъ. Вотъ что̀ онѣ гласили:

Digitized by Google

„Многоуважаемая Клавдія Васильевна!

„Съ величайшимъ прискорбіемъ имѣю честь доложить вамъ, что не могу больше видѣться съ вами въ домѣ вашей подруги. По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, я долженъ на нѣкоторое время отлучиться изъ Москвы. По возвращеніи своемъ я дамъ вамъ знать, дабы мы могли продолжать, если вы того пожелаете. А. Д...".

Фамилія была подписана съ росчерками и весьма неразборчиво. Мама прочла и схватилась руками за голову.

— Кто? успѣла она только простонать, обращаясь къ мужу.— Кто? я не могу разобрать фамиліи.

— Арсеній Домейко! отчеканилъ мужъ своимъ металлическимъ, на этотъ разъ уже рѣзкимъ голосомъ.

Денисъ вскочилъ, а сестра его какъ кошка кинулась къ матери и выхватила у нея письмо. Черезъ двѣ секунды горькая усмѣшка освѣтила ея лицо. Она медленно сложила бумажку и спросила:

— Вы даже знаете „кто?"

— Вашъ возлюбленный, отвѣтилъ отецъ, и сдавленная ярость зазвучала въ его голосѣ. У дочери вырвался какой-то вопль и она машинально схватилась за ручку двери. Денисъ подошелъ къ отцу и бросилъ ему въ упоръ эти слова:

— Мнѣ стыдно не за нее (онъ указалъ на сестру), а за васъ. Тутъ не выдержала ужь и мама и тоже кинулась къ мужу.

— Что ты дѣлаешь, Василій Ѳедоровичъ? Погоди, еще мы не знаемъ!

У нея почему-то вдругъ явилось убѣжденіе въ невинности дочери.

Но папа ни минуты не колебался.

— *Вы* не знаете, но *я* знаю. Денисъ Васильевичъ, прежде чѣмъ обращаться съ отцомъ такъ, какъ вы сейчасъ себѣ позволили, потрудитесь припомнить свои собственныя слова. Недѣли полторы тому назадъ, какъ-то между прочимъ вы проговорились, что ваша сестрица знаетъ г. Домейко, что она въ Малиновкѣ встрѣтилась съ нимъ какъ старая знакомая. Потомъ вы прибавили, что они еще раньше видались у нѣкоей Лизаветы Ивановны. Вы, конечно, сами этого не подозрѣвая, оказали очень плохую услугу вашей сестрицѣ. Да, вы съ своей медвѣжьей невинностью, по всей вѣроятности, и не знали, какія отношенія были между ней и господиномъ Домейко. Но для меня, по полученіи этого письма, все стало ясно. Я, надо вамъ сказать, получилъ его еще вчера и, какъ видите, имѣлъ время обдумать. Не забудьте, милостивый государь, что если

Google

вы братъ, такъ я—отецъ. И мои права какъ отцовскія неизмѣримо выше вашихъ!

Денисъ растерялся. Ему стало совѣстно, но не передъ отцомъ, а передъ сестрой. Можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ невольно выдалъ ея тайну. Клавдія бросила на него только одинъ выразительный взглядъ, и потомъ перевела свои глаза на отца.

— Вы ошибаетесь. Это письмо и не отъ возлюбленнаго и не отъ Домейко. Это письмо отъ бухгалтера, у котораго я брала уроки. А уроки я брала для того, чтобы содержать этотъ, какъ вы его называете, кабакъ.

— Все? спросилъ отецъ.

— Да, это все, рѣзко отвѣтила дѣвушка.

— Немного-же! Ты еще не умѣешь вывертываться.

— Полноте, папа. Погодите высказывать свой приговоръ. Прочтите повнимательнѣе это письмо, и вы увидите, пишутъ ли такъ влюбленные: „дабы вы могли знать... съ истиннымъ уваженіемъ... покорнѣйшій слуга„... Какъ это похоже на объясненіе въ любви!

Она бросила записку на комодъ. Мама опять подхватила ее и жадно прочитала.

— Гдѣ-же вы видѣлись съ этимъ *бухгалтеромъ?* ядовито обратилась она къ дочери.

— Не тамъ, гдѣ вы думаете, не у Лизаветы Ивановны, а у Любочки.

— Вотъ оно! Я говорила, что это знакомство къ добру не приведетъ. Чего можно было ожидать отъ этого сорванца, отъ этого солдата въ юбкѣ!

— Раньше слѣдовало объ этомъ подумать, строго замѣтилъ папа и потомъ снова обернулся къ дочери.—Отнынѣ безъ матери никуда! ни шагу! Предположивши, что вся исторія съ бухгалтеромъ не придумана нарочно, а вѣрна какъ двѣ капли воды, спрашивается: какъ можно осмѣлиться переписываться съ мужчиной, и переписываться безъ вѣдома отца съ матерью.

— Вы сами меня поставили въ это положеніе. Нечего требовать откровенности, когда ея никогда не было между нами. Неужели-же вы думаете, что еслибы вы поставили себя проще, человѣчнѣе въ отношеніи меня, такъ я стала бы пускаться на хитрости и на обманы? Нѣтъ, вы все сдѣлали для того, чтобы я была вамъ не дочерью, а посторонней.

Сцена. Папа приходитъ въ бѣшенство, то тихое, сосредоточенное бѣшенство, на которое способны только люди скрытные и мастерски владѣющіе собой. Мама разражается потокомъ самыхъ непоэтическихъ фразъ, забывая, что она дама величест-

Digitized by Google

венная и свѣтская по преимуществу. Сынъ уходитъ вонъ и въ дверяхъ сталкивается съ испуганными мордочками дѣтей. Леночка съ хищнымъ любопытствомъ заглядываетъ въ комнату. Вася стоитъ у притолки, затаивъ дыханіе и вытаращивъ глазенки: для него это большая диковинка. Иля закрываетъ лицо руками, кидается въ сторону и не перестаетъ повторять: Господи, Господи! Онъ боится, чтобы дядя не ударилъ Клавдиньку.

Долго еще бушевала домашняя буря. Родители никакъ не могли понять, какой демонъ сидитъ въ ихъ дочери. Клавдія стала неузнаваема. Всякая робость, всякая деликатность исчезла.

— Напрасны ваши подозрѣнія, говорила она, не унимаясь ни отъ какихъ воззваній.—У меня не было, нѣтъ и никогда не будетъ возлюбленныхъ!

Мама почувствовала раздраженіе и поспѣшила выразить его на словахъ.

— Нечего теперь приходить въ ужасъ. Вы сами дали мнѣ право говорить такъ. Съ нынѣшняго дня я больше не дѣвочка. Ужь никто не смоетъ съ меня того подозрѣнія, которымъ подарилъ меня родной отецъ. Позоръ-то былъ не въ моемъ поведеніи, а въ вашихъ намекахъ. Я знаю, что вы властны отплатить мнѣ за все. Вы можете запереть меня на замокъ. Но погодите, погодите еще радоваться.

И она, едва сдерживая рыданія, выбѣжала изъ комнаты.

Какъ послѣ войны благоразумныя государства спѣшатъ починить прорѣхи и наложить на нихъ хоть плохонькія заплаты, такъ и послѣ семейнаго сраженія начинаютъ размышлять о томъ, какъ бы уничтожить его послѣдствія и какъ бы хорошо, если-бы его и совсѣмъ не было. „Да, не дурно бы, думаетъ про себя каждый членъ семейства, не дурно бы позабыть всю эту чепуху, и начать опять по старому. Все равно, вѣдь когда нибудь, да надобно помириться“. Всѣ это сознаютъ и всѣ дѣлаютъ видъ, что о перемиріи и слышать не хотятъ. Всѣ дуются или, что называется, выдерживаютъ характеръ. Проходитъ нѣсколько дней, иногда нѣсколько недѣль. Никто не хочетъ уступить первый. За то, съ какимъ восторгомъ принимается потомъ самый отдаленный намекъ на извиненіе. Первому, подавшему руку примиренія обрадуются какъ отцу родному, а сами счастливы, что вотъ, дескать, мы тоже съ душкомъ.

Мама, напримѣръ, не замедлила почувствовать на собственномъ опытѣ, какъ неудобно ссориться съ дочерью. Вечеромъ она ждала адвоката, но спрашивается теперь: какая сила вытащитъ Клавдію Васильевну въ гостиную? А Любарскій послѣд-

Digitized by Google

нее время, чтобы не возбудить подозрѣній, сталъ бывать у нихъ очень рѣдко. Каждый визитъ надобно было подбирать, какъ жемчужину.

— А ужь эта барышня скорѣй треснетъ, а не пойдетъ. Такъ объясняла мама свои опасенія Денису, но тотъ, повидимому, вовсе не былъ расположенъ подтягивать ей.

— Что, еслибы ты какъ-нибудь стороной намекнулъ ей? ласково продолжала мама.

— Дура бы она была, еслибы пошла!

— Но ты пойми, Денисъ, что она сама потомъ будетъ жалѣть.

— О чемъ это? О томъ, что не видала г. Любарскаго? Ну, ужь это едва-ли.

— Отчего это?

— Оттого, что онъ ей претитъ. Точно также, какъ и мнѣ.

— Напрасно ты такъ думаешь. Онъ ей нравится.

— Вы изъ чего-жь это заключили?

— Ужь повѣрь мнѣ.

— Странно. А давича сами подозрѣвали, что она вѣшается на шею Домейкѣ.

— Кто? Я? Никогда. Это отецъ. Но я не сомнѣвалась ни одной минуты.

— Да. Видѣлъ я, какъ вы не сомнѣвались.

Мама вздохнула.

— Не знаю, чѣмъ я это заслужила, Денисъ, но ты относишься ко мнѣ такъ, какъ я не отношусь къ порядочной прислугѣ. Неужели за всю мою любовь, за всѣ мои заботы я въ благодарность получу только презрѣніе?

Она готовилась расчувствоваться. Сынъ пожалъ плечами.

— А вы думаете, что сестра будетъ вамъ благодарна за ваши заботы? Даже несмотря на нынѣшнюю сцену?

— Видитъ Богъ....

— Что тутъ Богъ! Оставьте Бога въ покоѣ. Знаю я все, что вы хотите сказать. Все, дескать, это изъ любви къ дѣтямъ, изъ желанія имъ всякаго счастія и всякаго благополучія! Бросьте пожалуйста ваши заботы. И вамъ будетъ легче, да и дѣти ваши не будутъ исковерканы, а пожалуй и любить васъ станутъ побольше.

— Какъ? Чтобы послѣ они упрекнули меня? Чтобы они сказали: какая жь ты намъ была мать? Ты насъ не научила ничему путному. Ты не умѣла насъ во время остановить. Нѣтъ, батюшка, спасибо.

— Полноте пожалуйста. Гдѣ это вы видѣли, чтобы дѣти упре-

Digitized by Google

кали своихъ родныхъ за то, что они имъ давали много свободы? Все это родители завѣдомо сочиняютъ, а потомъ и сами увѣруютъ въ свое сочиненіе. Ну, какой идіотъ скажетъ своему тятенькѣ: я тебя знать не хочу, потому что ты меня въ дѣтствѣ мало поролъ? Просто вамъ хочется повелѣвать, ну, вотъ вы и нашли себѣ оправданіе, что будто бы это полезно для души и тѣла!

Молчаніе. Денисъ посидѣлъ и всталъ. Родительница встрепенулась.

— Куда ты?

— Пойду на минутку къ сестрѣ. Да мнѣ еще уложиться надо. Я вѣдь завтра утромъ ѣду.

— Когда же ты вернешься?

— Не могу вамъ этого въ точности опредѣлить.

— Ты, надѣюсь, остановишься опять у насъ?

— Едва-ли. А впрочемъ постараюсь.

Мама проводила его глазами и окончательно почувствовала себя несчастной.

Денисъ прошелъ къ сестрѣ въ комнату. Та лежала на диванѣ закинувши руки за голову и закрывши глаза. Шумъ шаговъ заставилъ ее очнуться. Она приподнялась и медленно провела рукой по волосамъ, какъ бы желая стряхнуть какую-то неотвязчивую мысль. Братъ увидалъ необыкновенно странное выраженіе на ея лицѣ. Но было то не горе, не отчаяніе, не апатія. Нѣтъ, что-то иное легло въ складкахъ ея лба и на углахъ рта.

— Ты пришелъ? спросила она его какъ-то лѣниво, подвигаясь въ уголъ и давая ему мѣсто около себя. Братъ присѣлъ.

— Ну, что? спросилъ онъ съ участіемъ.

— Ничего, все благополучно.

Злая улыбка промелькнула у нея на губахъ.

— Вотъ, Клавдія, и хлопоты наши всѣ пропадаютъ даромъ.

— Да! Она какъ-то насмѣшливо протянула это слово.

— Послушай, ты однако не теряй надежды, утѣшалъ ее братъ.— Мы еще какъ нибудь дѣло сладимъ.

— *Мы?* Нѣтъ, Денисъ, т.-е. не я съ тобой. *Мы* безсильны.

— Ну, отчаяваться никогда не слѣдуетъ.

— Ты думаешь, все это перенести такъ легко? Въ томъ-то и бѣда, Денисъ, что есть характеры, которые, привязавшись разъ къ одной мысли, съ ней ужь не разстанутся.

— И у тебя такой характеръ?

— Да, и у меня такой характеръ.

Digitized by Google

Она засмѣялась какъ-то особенно развязно и неестественно. Потомъ вдругъ оборвала и встала.

— Денисъ, начала она тихо и голосъ ея дрогнулъ.—Я передъ тобой рисоваться не стану. Но вотъ тебѣ мое честное, благородное слово, что я добьюсь своего. Это не хвастовство и не минутная вспышка. Это... Она не договорила и отвернулась чтобы скрыть отъ него не слезы,—нѣтъ,—она не плакала, но что-то другое. Онъ видѣлъ только ея стройную фигуру и разсыпавшіеся волосы, но не видалъ выраженія ея лица, которое въ эту минуту было очень краснорѣчиво.

— Не унывай, Клавдія, опять пробовалъ утѣшать Денисъ:— мы еще за себя постоимъ.

Она сразу оборвала его.

— Ты пришелъ утѣшать меня? Напрасно, я ужь сама утѣшилась. Я не изъ такихъ, которыя любятъ ныть, а тѣмъ болѣе надоѣдать другимъ своимъ нытьемъ. Вопервыхъ, я терпѣть не могу, когда меня жалѣютъ. Да я и не прошу васъ соболѣзновать обо мнѣ. Если помочь не можете, не нужно мнѣ вашего состраданія.

Она раздражительно перекинула подушку съ дивана на кресло.

— Ты на меня не сердишься за то, что я имѣлъ глупость разсказать отцу объ Домейко? Мнѣ и въ голову не пришло...

— Э! Какой вздоръ. Давича я дѣйствительно немножко взбѣсилась, а потомъ разсудила: что-жъ такое? Домейко, Даниловъ— сочинитель, бухгалтеръ—не все ли равно! Какъ къ тому, такъ и къ этому мои отношенія были одинаково невинны. Но я свое дѣло выиграю, ты увидишь Денисъ!

Она положила ему руку на колѣни и продолжала тихо:

— Я дѣйствительно поведу аттаку съ другаго конца. Мнѣ ужь больше не нужно помощи. Успѣхъ будетъ несомнѣнный.

— Что ты хочешь?

— Что я хочу? Это разсказать трудно. Увидишь послѣ, а если не увидишь, такъ догадаешься. Да! твоя сестрица—отчаянная дѣвушка. Ты этого не забывай.

И она съ удалью встряхнула головкой.

— Но что такое? Ты придумала что нибудь?

— Да, я придумала.

Она расхохоталась.

— Ступай, Денисъ, не спрашивай меня больше.

Денисъ почти со страхомъ глядѣлъ на сестру. Что съ ней? Онъ раздумывалъ, остаться ему или нѣтъ. Наконецъ рѣшился и пошелъ къ двери. Только что она затворилась за нимъ, какъ

Digitized by Google

Клавдія упала на постель головой въ подушку и задушила свой первый и послѣдній стонъ.

Вечеромъ совершилось чудо. Мама сидитъ съ адвокатомъ въ гостиной и съ досады только-что не кусаетъ себѣ локти, думая, что Клавдія Васильевна теперь у себя въ комнатѣ злится и дуется на весь свѣтъ. Вдругъ эта самая Клавдія Васильевна входитъ въ гостиную. Мама глядитъ и не вѣритъ глазамъ. На ней полосатое альпага—бѣлое съ розовымъ, на головѣ розовыя ленты—словомъ, вся она необыкновенно мила и очаровательна. Свѣтлыя ботинки съ розовыми бантиками, выставившись изъ-подъ оборки, придаютъ этой прелестной фигуркѣ что-то чисто женственое или скорѣй ребяческое. Самая милая улыбка играетъ на этомъ лицѣ, еще недавно горѣвшемъ гнѣвомъ и негодованіемъ.

Да, перемѣна была такъ поразительна, что даже мама оторопѣла и не знала, что̀ сказать. А сказать что-нибудь непремѣнно было нужно. Но дочь вывела ее изъ затрудненія. Она весело кинула такую фразу:

— Ахъ, Михайло Константинычъ, скажите, пожалуйста, былъ такой царь—Архелай? Я сейчасъ ужасно поспорила съ братомъ. Онъ говоритъ, что былъ, а я говорю, что нѣтъ. Вѣдь да? Вѣдь моя правда?

И она съ дѣтской небрежностью протянула ему руку, видимо занятая еще царемъ Архелаемъ.

Адвокатъ пришелъ въ умиленіе, глядя на это блѣдное, но оживленное личико.

— Къ великому прискорбію своему я долженъ замѣтить, что такой царь дѣйствительно былъ.

— Ахъ! ну, скажите, пожалуйста. Вѣдь нужно же было родиться всѣмъ этимъ царямъ. Я опять проиграла пари.

И она капризно наклонилась надъ абажуромъ.

— Смотрите, пожалуйста, какъ огонь поднимается къ верху, когда я протяну руку. Точно онъ хочетъ лизнуть ее. Смотрите, отчего это?

— Если вы желаете слышать обстоятельное объясненіе...

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, я ровно ничего не желаю. Нѣтъ ужь, вы лучше не говорите, а то я боюсь, будетъ длинная рѣчь. Какой на васъ нынче смѣшной галстухъ!

Она расхохоталась, а онъ, кто бы повѣрилъ, сконфузился. Ему показалось, что галстухъ дѣйствительно должно быть очень смѣшной. Мама отъ изумленія сидѣла, буквально, вытараща глаза. Она никакъ не могла объяснить себѣ этого маскарада. Приходили ей въ голову разныя мысли: то ей казалось, что дочь ея

Digitized by Google

рехнулась, то—что она затѣваетъ какую-нибудь каверзу. Но съ какой стороны ожидать нападенія? Вотъ этого ужь мама рѣшительно не могла угадать. Долго истязала она себя разными соображеніями, пока, наконецъ, не заблагоразсудила уйти, оставивъ парочку наединѣ.

Клавдія тотчасъ же пригласила Любарскаго въ залу. Тамъ она заиграла вальсъ, а ему предложила танцовать.

— Какъ это? одному?

— Можете со стуломъ. Я позволяю.

— Съ вами, коли хотите, извольте.

— А кто жь будетъ играть?

— Безъ музыки.

— Ну, пожалуй. А, впрочемъ, нѣтъ, не хочу.

— Капризы?

— И любовь, добавила она со смѣхомъ, ударяя по клавишамъ.—А въ самомъ дѣлѣ, что̀ это такое, „Капризы и любовь?" я это гдѣ-то слышала.

— Можетъ быть, „Коварство и любовь"?

— Да, ну можетъ быть. Это, кажется, опера, или балетъ?

— Нѣтъ, это драма Шиллера.

— Драма? удивилась Клавдинька.—Я ее никогда не читала.

— Ничего нѣтъ мудренаго. Эта книга совсѣмъ не для молодыхъ дѣвушекъ.

— Отчего же? Развѣ для насъ сочиняютъ особенныя книги?

— Нѣтъ, но не всякія вамъ можно давать. Вы еще не знаете жизни.

— Какой вздоръ! Какъ же я живу и не знаю жизни. Конечно, это вздоръ. Вотъ дробей я не знаю, такъ это правда. Когда помножишь числителя на знаменателя... когда помножишь... ну, вотъ я и сбилась. Ну, что̀ тогда выйдетъ? скажите. Только съ разу.

— Получится цѣлое число.

— Отчего непремѣнно цѣлое? Почемъ я знаю, можетъ быть это и не такъ.

— Да вотъ возьмемъ примѣръ...

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, не надо.

Она опять заиграла вальсъ, потомъ спросила черезъ плечо:

— Михайло Константинычъ, на что нужны дроби?

— Потребуется длинное объясненіе, а вы ихъ не любите.

— Да зачѣмъ же длинное? Вы скажите въ трехъ словахъ.

— Это невозможно.

— Ахъ, какой вы скучный. То нельзя, это невозможно; книгъ

Digitized by Google

я не должна читать, жизни я не знаю. Вѣдь это, наконецъ, обидно.

— Что жь дѣлать? Кто же виноватъ, что вамъ только шестнадцать лѣтъ.

Несчастный! онъ такъ умильно смотрѣлъ на нее; онъ такъ легко ловился на удочку ея наивности. Да и какъ было не пойматься? Въ ней столько смѣси дѣтской граціи и кокетства, что устоять трудно.

Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ; Клавдія выходила изъ себя, кокетничая съ адвокатомъ и изумляя его своею наивностью и ребячествомъ. Адвокатъ млѣлъ и волновался. Онъ едва владѣлъ собою.

Но вдругъ она почувствовала, что онъ держитъ ея руку въ своей и не выпускаетъ. Она сдѣлала легкое движеніе, хотѣла что-то сказать, но онъ остановилъ ее.

— Клавдія Васильевна, началъ онъ бархатнымъ голоскомъ, впиваясь въ нее бархатными взглядами. — Угадайте, о чемъ я хочу васъ просить. Вы не догадываетесь? Да, конечно?

— Я, право, не знаю.

Она опустила глаза и сдѣлала глупую, преглупую мину. Но для влюбленнаго это была святая наивность и райское выраженіе лица.

— Будьте моей женой!

Онъ остановился, затаивъ дыханіе. Она сдѣлала мину еще глупѣе. Краска, однакожь, выступила у нея на щекахъ и рука дрожала въ его рукѣ.

— Молчаніе есть знакъ согласія, говорилъ онъ, стараясь заглянуть ей въ глаза.—Скажите же одно слово, не томите меня!

Губы ея сдѣлали чуть замѣтное движеніе, но онъ разслышалъ отвѣтъ. Жаркій поцалуй, оставленный на ея ручкѣ. засвидѣтельствовалъ о состояніи его чувствъ.

— Вы позволите мнѣ переговорить съ вашими родными?

— Только безъ меня.

— Вы позволите сію минуту?

— Сдѣлайте одолженіе.

Тонъ, которымъ были сказаны эти слова, чуть-было не выдалъ ее. Она начинала измѣнять своей роли. Сухіе, воспаленные глаза вспыхнули давишнимъ огонькомъ. Хорошо, что счастливый смертный отправился сообщать о своемъ счастьѣ пама и мама. Дѣвушка поспѣшно вышла изъ залы въ корридоръ, потомъ прошла на другую половину въ столовую и застала Дениса одного. Онъ что-то перебиралъ въ чемоданѣ.

— Вотъ, начала сестра, едва переводя духъ отъ волненія.—

Digitized by Google

Чего не сдѣлала Клавдія Ракитина, то сдѣлаетъ Клавдія Любарская.

Братъ выронилъ изъ рукъ какой-то футляръ и съ ужасомъ взглянулъ на сестру.

— Что такое? Тебѣ адвокатъ сдѣлалъ предложеніе?

— Да, и я его приняла.

Она остановилась, какъ бы наслаждаясь эффектомъ. Братъ смотрѣлъ на нее молча. Онъ понялъ теперь смыслъ ея давишнихъ словъ.

— Клавдія! заговорилъ онъ вдругъ порывисто. — Ты съ ума сошла. Ты его не любишь!

— Кто тебѣ сказалъ?

— Ты, ты сама двадцать разъ.

— Охота же тебѣ всему вѣрить.

— Да ты сумасшедшая. Ты не понимаешь, что̀ ты дѣлаешь.

— Ради-бога оставимъ теперь этотъ разговоръ. Нѣтъ такой силы въ мірѣ, которая заставила бы меня измѣнить свое слово. Дай мнѣ отдохнуть у тебя. Тамъ сейчасъ пойдутъ поздравленія, представленія, церемоніи. Надо же собраться съ силами.

Она присѣла на стулъ и стала безцѣльно смотрѣть куда-то вдаль. На лицѣ ея не выражалось ничего, кромѣ утомленія. Такъ просидѣли они молча минутъ десять. Ни одинъ не смѣлъ заговорить. Она встала первая, протянула ему руку и сказала только:

— Ну, пожелай же мнѣ счастія.

Крѣпко, крѣпко пожалъ онъ эту маленькую ручку, какъ бы благословляя сестру на дальній путь, да такъ ни слова и не сказалъ.

Потомъ пошли дѣйствительно поздравленія, представленія и церемоніи. Папа прослезился, мама прослезилась, женихъ пришелъ въ умиленіе, одна невѣста стояла, какъ каменная во время родительскихъ благословеній. Но за то потомъ, весь вечеръ она была весела до сумасшествія; наивна до того, что перенаивничала всѣхъ французскихъ ingénues, которыя бы умерли со злости, увидавши, какъ искусно она ихъ передразниваетъ. Адвокатъ, къ стыду своему, долженъ былъ сознаться, что онъ влюбленъ. Насталъ и часъ разлуки. Самый страстный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, почтительный поцалуй остался на ручкѣ невѣсты. Она прошла къ себѣ въ комнату и тамъ, какъ обожженая, сбросила свой нарядъ. Накинувши кофту на голыя плечи, она потушила лампу и сѣла къ столу. Голова опустилась на руки и, при свѣтѣ лампадки можно было разглядѣть, какъ медленно, но высоко под-

Digitized by Google

нимается ея грудь, какъ слезы катятся по ея щекамъ. Больше ничего—ни одного движенія, ни одного звука.

VII.

Удивительно, какъ выгодно быть невѣстой. Родители вдругъ становятся необыкновенно нѣжными, точно до сихъ поръ они берегли весь запасъ своей нѣжности, а теперь спѣшатъ растратить его большими кушами на томъ основаніи, что времени остается немного. Клавдія разомъ получила столько свободы, что странно, какъ она не задохнулась отъ избытка. Фразы въ родѣ „ты, матушка, ничего не смыслишь, да это все идеи, да я этого требую“ совершенно исчезли изъ лексикона мама. Глаза ея подергивались тонкой пленкой, когда она говорила съ будущей m-me Любарской. Она видѣла въ ней уже женщину самостоятельную, жену знаменитости, даму обезпеченную и имѣющую возможность щеголять рысаками и нарядами.

На дочери тоже отразилась перемѣна, только совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Она стала серьёзнѣе, сосредоточеннѣе, избѣгала родныхъ и вообще держала себя какъ-то странно. На нее легла печать не то суровости, не то холодности. Только при женихѣ она становилась внезапно наивна, рѣзва, чисто подѣтски весела или задумчива, и ни мало не думала замаскировать эти необъяснимыя метаморфозы въ глазахъ отца съ матерью. Напротивъ, она точно старалась имъ показать: смотрите, я разыгрываю съ Любарскимъ комедію и хочу, чтобы вы это видѣли. Дѣйствительно, сколько ни жмурили родители глаза, а не видѣть этого не было возможности. Много нужно было искусства, чтобы прикинуться слѣпыми и распространяться на тему о счастіи и блаженствѣ супружеской жизни.

Какъ-то разъ, уже въ исходѣ ноября, часу около двѣнадцатаго, до Клавдіи дошли слухи, что адвокатъ пріѣхалъ. А въ это время, какъ разъ около нея нылъ Иля, что его опять сажаютъ за каторжную работу подбирать дядѣ газеты. Дѣвушка вдругъ встрепенулась.

— Гдѣ онъ? у папа въ кабинетѣ? Давай я за тебя подберу.

— Да вѣдь за цѣлый годъ, Клавдія Васильевна. Тутъ работы-то вплоть до обѣда хватитъ.

— Ничего, ничего. Я подберу, а ты садись тамъ, дѣлай что нужно.

— Ахъ, слава тебѣ Господи! А я съ этими газетами просто сладить не могу. Одну найду, другая запихается...

Digitized by Google

Но сестра ужь не слушала. Она какъ вѣтеръ пролетѣла въ кабинетъ, сѣла на полу у этажерки и съ самымъ невиннымъ видомъ принялась перебирать „Московскія Вѣдомости“.

Отецъ съ своимъ гостемъ не замедлили явиться туда же. Послѣднее время адвокатъ, какъ человѣкъ домашній, получилъ доступъ въ другую, непарадную половину. Мама очень основательно разсудила, что онъ, какъ влюбленный, не осудитъ ихъ за обстановку, ибо предметъ его любви золото, а золото и въ грязи свѣтится. Клавдія, увидавши жениха, немножко обрадовалась, немножко сконфузилась, пороняла „Вѣдомости“ и остановилась въ самомъ очаровательномъ недоумѣніи, подбирать ли ихъ, или пойти на встрѣчу гостю. Послѣ пріятнаго удивленія и привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, папа заявилъ, что ему нужно переговорить о дѣлѣ, а потому попросилъ дочку удалиться.

— Нѣтъ, папа, пожалуйста; я вамъ не буду мѣшать, а мнѣ хочется перебрать эти газеты до обѣда.

Она бросила на отца и на жениха умоляющій взглядъ.

— Не мѣшайте Клавдіи Васильевнѣ! вступился адвокатъ. — Все равно, мы нагонимъ на нее такую тоску, что она сама поспѣшитъ уйти.

Папа не противорѣчилъ, хотя это ему, видимо, было непріятно, и подвинулъ гостю кресло. Они сидѣли на одномъ концѣ кабинета, а Клавдія въ другомъ углу, около этажерки, утонула въ своихъ „Вѣдомостяхъ“. Она была въ ужасныхъ хлопотахъ, какъ бы не перепутать нумера, безпрестанно наклонялась, чтобы разглядѣть выставленное на нихъ число, что̀ ей не мѣшало, однакожь, слѣдить за скучнымъ разговоромъ, происходившимъ у стола.

— Ну-съ, началъ адвокатъ съ жестомъ человѣка, довольнаго своей судьбой: — главное сдѣлано. Домейко послѣ завтра уѣзжаетъ.

Какъ жаль, что папа не умѣлъ удивляться, а то бы онъ, конечно, удивился. Теперь онъ только кивнулъ головой и спросилъ:

— Какимъ образомъ?

— Я началъ съ конца и весь эффектъ поэтому пропалъ. Но все равно, я постараюсь передать вамъ послѣдовательно результаты нашего послѣдняго засѣданія. Нужно вамъ замѣтить, что эта исторія началась еще издалека. Помните, послѣ того собранія, когда господинъ писатель сказалъ такую убійственную рѣчь, грозилъ насъ совсѣмъ уничтожить. Онъ и господинъ Басанченко или, какъ его называютъ, просто Жоржинька, такъ распѣтушились, что мы ужь не знали, на какомъ оружіи и сра-

Digitized by Google

женіе начнется. Тимирязевъ, такъ тотъ не на шутку перетрусилъ...

— А я надѣялся на него...

— Да позвольте. Онъ нашу сторону тянетъ—про это нечего и говорить. Но вѣдь штука-то въ томъ, что не у всѣхъ есть шишка храбрости. Я ужь человѣкъ привычный; я пледирую, защищаю дѣла. Правъ ли мой кліентъ или нѣтъ—это до меня не касается. Моя задача сдѣлать его правымъ. Но вѣдь имъ, всѣмъ этимъ Тимирязевымъ и Бахтѣевымъ, вещь показывается въ другомъ свѣтѣ. У нихъ являются разныя эти французскія scrupules. Однимъ словомъ, они всегда умѣютъ размѣняться на мелочи. Я тогда же поспѣшилъ укрѣпить ихъ духомъ. Я имъ говорю: господа, не все то золото, что блеститъ. Эти джентльмены окажутся чистѣйшею мишурой. И, дѣйствительно, вѣдь такъ и случилось. Первое время мы дали имъ выболтаться. Началось, разумѣется, съ керосина, и Жоржинька могъ бы очень насолить, но я, знаете, сдѣлалъ маленькую рекогносцировку: отозвался съ большимъ уваженіемъ о его способностяхъ, и, между прочимъ, предложилъ ему мѣсто управляющаго на нашихъ арендахъ.

— Охъ, это напрасно! Онъ намъ не годится.

— Въ такомъ случаѣ, есть и другой выходъ: сдѣлаемте ему маленькую ссуду безъ процентовъ. Онъ помирится на пустякахъ. Онъ тамъ думаетъ начать какую-то спекуляцію. Мы ему пожелаемъ всякихъ благъ и дадимъ въ руки тысячи полторы. Мѣсто управляющаго, вы понимаете, я предлагалъ только для пробы. Но рыбка клюетъ. Ужь если онъ на это соглашается, такъ за полторы тысячи мы можемъ выслать его хоть за границы имперіи. Вотъ я вамъ скажу, еслибы свѣтъ былъ населенъ такими людьми!

Адвокатъ говорилъ немножко пространно, можетъ быть, предполагая, что у него есть и еще одна прекрасная слушательница, въ чемъ онъ и не ошибался. Онъ заблуждался только въ томъ, что думалъ, что отъ ея пониманія ускользнутъ всѣ болѣе или менѣе спеціальные вопросы. Прекрасная слушательница именно ихъ-то и старалась уловить.

— Интересно узнать, какъ вы отдѣлались отъ другого? спросилъ папа.

— Отъ литератора? А очень просто, гораздо проще, чѣмъ я предполагалъ. Литераторы, вы знаете, большею частью живутъ на Олимпѣ, а Домейко—великолѣпнѣйшій представитель именно этого рода людей. Для нихъ въ журналахъ, знаете, отведены особыя вѣдомства. Это публицистика, голая публицистика. Онъ вамъ и въ обществѣ и въ частномъ домѣ такъ публицистомъ и

Digitized by Google

смотритъ. Въ ревизіонной коммисіи Домейко говорилъ много и, надо ему отдать справедливость, очень хорошо. Но соловьи прекрасны въ рощѣ, а въ коммисіяхъ они никуда не годятся. Этому человѣку нужно непремѣнно обширную аудиторію. Ему тутъ мало воздуха. Выбери онъ мою профессію и я, сознаюсь откровенно, нашелъ бы въ немъ опаснаго соперника. Но въ роли общественнаго дѣятеля онъ просто, что называется, никуда не годится.

— Краснобай! философски замѣтилъ папа.

— Именно краснобай.

— Какъ же вы его выжили-то, однако?

— А вотъ какъ. На послѣднемъ засѣданіи поднимается вопросъ о томъ, кто поѣдетъ ревизовать недвижимыя имущества. Я, а за мной и члены предлагаютъ эту почетную обязанность Домейко. Разумѣется, распространяются о томъ, какъ важно сдѣлать повѣрку на мѣстѣ, что тутъ нуженъ и опытный глазъ, и умѣнье, и сила характера. Нашъ сочинитель все это слушаетъ. Однимъ словомъ, такъ представили, что въ недвижимомъ имуществѣ, дескать, вся сила. Это, понимаете, въ лѣсопильныхъ-то заводахъ въ Вятской губерніи, или вотъ въ вашей фермѣ, на которой, кажется, въ самое прекрасное время года ростетъ одна осока.

— Да, это недурно. Тѣмъ болѣе, что онъ, пожалуй, чернозема отъ суглинка не отличитъ.

— Вотъ въ томъ-то и штука. Я, признаюсь, самъ по этому дѣлу не спеціалистъ, но мнѣ Качаловъ какъ-то намекнулъ, что тамъ десятинъ много, со счету собьешься. А каковы онѣ, эти десятины, покрыто мракомъ неизвѣстности. Вотъ тутъ-то мнѣ и мелькнула мысль послать туда нашего агитатора. Онъ придетъ въ младенческій восторгъ, напишетъ, можетъ быть, статью о Вятской губерніи... Какъ вы на это смотрите?

Папа съ чувствомъ пожалъ руку адвоката.

— Михайло Константинычъ, какъ мнѣ благодарить васъ. Если этотъ планъ удастся...

— Удастся ли онъ? Помилуйте, да не въ порядкѣ вещей, чтобы онъ не удался. Въ тотъ день, какъ г. Домейко выѣдетъ изъ Москвы, ревизіонная коммисія можетъ закрыть свои засѣнія: ей больше нечего дѣлать. Тамъ ужъ ваше дѣло войти въ соглашеніе съ г. Качаловымъ и привести въ порядокъ всѣ свои бумаги. Между нами будь сказано, тѣ шнуровыя книги — знаете?...

Адвокатъ прищурился и недоговорилъ.

— Да, да, это мы поправимъ, заявилъ папа. — Это все отъ небрежности кассира.

Digitized by Google

Адвокатъ будто бы повѣрилъ этому объясненію.

— Надо бы вамъ, знаете, сгладить ихъ, прибавилъ онъ. — Немножко отполировать ихъ на всякій случай. А то мы прошлый разъ просматривали, такъ тамъ приходъ и расходъ не скрѣплены подписями и, главное, безъ документовъ. Это, понимаете, не совсѣмъ удобно; могутъ придраться...

— Да, все этотъ мошенникъ кассиръ, настаивалъ папа.

— Ну, да, разумѣется, его слѣдовало бы давно смѣнить.

— Ну, а какъ же, когда же вы будете ревизовать кассу?

— О! это еще время терпитъ. Вотъ, когда г. сочинитель уѣдетъ въ Вятскую губернію, мы выберемъ минутку... да это пустяки.. вѣдь касса у васъ, конечно, въ исправности.

Любарскій проговорилъ это такъ серьёзно, что едва самъ не расхохотался. Папа задумчиво повторялъ „кассиръ" и потомъ вдругъ спросилъ:

— Однако, этотъ Домейко когда-нибудь вѣдь вернется?

— Да, разумѣется. Но не прежде, какъ по окончаніи общаго собранія.

— Возможное ли это дѣло, чтобы онъ не вернулся къ тому времени?

— Для чего же, помилуйте. Коммисіи дано право созвать собраніе, когда это ей заблагоразсудится. Мы этимъ правомъ и воспользуемся. Домейко, какъ членъ, долженъ знать объ этомъ. Мы ему и пошлемъ повѣстку. Но вѣдь почты, вы знаете, опаздываютъ, такъ что если повѣстку помѣтить и заднимъ числомъ то неправдоподобнаго ровно ничего не будетъ. Да и наконецъ, бываютъ обстоятельства, которыя вдругъ возьмутъ, да и помѣшаютъ человѣку пуститься въ путь. Напримѣръ, повозки нѣтъ или лошадей. Все это въ той трущобѣ, гдѣ стоятъ ваши заводы, вещь очень обыкновенная.

Адвокатъ, съ видимымъ наслажденіемъ, развертывалъ передъ директоромъ всю бездну своей находчивости. Директоръ дѣйствительно призналъ въ немъ талантъ. Онъ даже, при своей многолѣтней практикѣ, не научился такъ управлять умомъ и давать ему такое чисто прикладное направленіе. Да! этотъ молодой человѣкъ далеко пойдетъ. Но еслибы молодой человѣкъ могъ видѣть, какъ въ это время пылало лицо его невѣсты. Едва-ли внесла она много порядка въ „Московскія Вѣдомости".

— Я совѣтовалъ бы вамъ, скромничалъ адвокатъ, стараясь развести водою свои черезчуръ энергичныя уловки: — я совѣтовалъ бы вамъ сдѣлать вотъ что: на первомъ же общемъ собраніи выдать акціонерамъ хорошій дивидендъ, хоть этакъ, процентовъ въ пятнадцать, что-ли.

Digitized by Google

— Дивидендъ? удивился папа. — Да едва-ли это будетъ возможно. Помилуйте, какой же доходъ даютъ намъ теперь операціи общества! Нынѣшній годъ для насъ неурожайный — все въ убытокъ. Вамъ я говорю это, разумѣется, какъ человѣку домашнему.

— Позвольте, Василій Ѳедорычъ, нѣтъ такого плохого дѣла, котораго нельзя было бы поправить. Ваши операціи пойдутъ современемъ успѣшнѣе; въ этомъ даже совѣстно и сомнѣваться. Но пока, знаете ли, акціонеры народъ недовѣрчивый... Сдѣлайте вы небольшой заемъ съ тѣмъ, чтобы употребить эту сумму на выдачу дивиденда. Посмотрите, ликованье будетъ такое, что не только нашъ литераторъ, дюжина литераторовъ ничего не подѣлаютъ. Тутъ весь вопросъ въ томъ, чтобы заиграть во время на той стрункѣ, которая почувствительнѣе.

— Гм... да, размышлялъ папа.—Да, это недурно. Только надо будетъ отчислить эту сумму къ какому-нибудь другому расходу.

— Я вамъ даже могу указать фирму, гдѣ можно будетъ сдѣлать заемъ. Проценты съ васъ возьмутъ порядочные, но тутъ ужь, знаете ли, ставки не жалѣйте!

Въ тотъ же день, Клавдія объявила мама, что она хочетъ съѣздить къ Любочкѣ; именно объявила, а не просила, потому что просьбы оказывались теперь уже лишней роскошью. Мама дала сладкое согласіе съ условіемъ, впрочемъ, что дочь возьметъ себѣ провожатаго. Выхлопотать себѣ патентъ на свободный проѣздъ по столицѣ невѣстѣ еще не удалось. Предполагалось, что публика наша еще не доросла до американскихъ понятій объ уваженіи къ женщинамъ, а потому путешествіе по московскимъ улицамъ для молодой дѣвушки не безопасно. Клавдія покорилась требованію мама почти безпрекословно. Подъ прикрытіемъ горничной, она была доставлена на квартиру Любви Николаевны и благополучно сдана съ рукъ на руки самой хозяйкѣ. Любочка въ это время собиралась къ Эммѣ Андреевнѣ и сильно хлопотала за туалетомъ.

Клавдія спросила себѣ листъ почтовой бумаги. Вотъ что она писала:

„Арсеній Филиповичъ! Не претендуйте на меня за то, что я до сихъ поръ не прислала вамъ ни одного рапорта. Силою обстоятельствъ я поставлена въ такое ложное, фальшивое положеніе, что моя изобрѣтательность рѣшительно не указываетъ мнѣ никакого выхода. Право, мнѣ кажется, Господь по ошибкѣ одарилъ меня мудростью голубя и кротостью змѣи. Въ самомъ дѣлѣ, мудрость моя дальше голубиной не идетъ. Меня мучитъ то, что одна особа, не дальше, какъ нынче, назвала при мнѣ словомъ

Digitized by Google

„les scrupules“. Я знаю, вы смотрите на это нѣсколько иначе; вы и это причислите къ излишней нѣжности свѣтской барышни. Но какъ бы то ни было, я не всегда могу подавить свои чувства. На этотъ разъ я безсильна. Говорю откровенно, мнѣ извѣстны многія и многія продѣлки общества, я знаю также нѣкоторые сюрпризы, которые готовятся вамъ впереди. Но въ этихъ продѣлкахъ и въ этихъ сюрпризахъ замѣшаны лица, до которыхъ я все-таки не могу коснуться. Обвиняйте меня въ приторности, въ пошлости... я знаю, я давно привыкла къ той мысли, что вы меня считаете погибшей въ толпѣ свѣтскихъ барышень. Но, чтобы не разставаться врагами, позвольте мнѣ дать вамъ одинъ первый и послѣдній совѣтъ. Не принимайте даннаго порученія, не ѣздите въ Вятскую губернію. Васъ хотятъ удалить для того, чтобы, воспользовавшись вашимъ отсутствіемъ, покончить ревизію, созвать общее собраніе и представить дѣла правленія бѣлѣе снѣга. Останьтесь, Арсеній Филиповичъ. Вы, и только вы одни можете помѣшать этой невинной продѣлкѣ. Можетъ быть, вы и сами тогда увидите все то, о чемъ я не смѣю теперь сказать.

„Прощайте. Желаю вамъ въ будущемъ такого же успѣха, какой, говорятъ, имѣла ваша рѣчь на прошломъ собраніи.

„К. Ракитина“.

По просьбѣ Клавдіи, письмо это было отправлено на почту. Въ самомъ непродолжительномъ времени приходитъ Любочка и вдругъ объявляетъ:

— Ахъ да, знаешь, къ тебѣ есть посланіе. Я еще третьягодня взяла его у Лизаветы Ивановны.

Она достала пакетъ и подала его пріятельницѣ.

Клавдія распечатала письмо. Такъ и есть, это отъ Домейко. Кто другой осмѣлился бы писать такъ дерзко, и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ изъ рукъ вонъ оригинально.

„Многоуважаемая (я не смѣю назвать васъ иначе) Клавдія Васильевна. Не получая отъ васъ обѣщанныхъ строчекъ, я недоумѣваю, зачѣмъ вамъ былъ нуженъ мой адресъ. Вы, надѣюсь, взяли его не для того, чтобы имѣть мой автографъ. Докажите же, что ваша цѣль была благая, что вы не на шутку хотѣли подарить меня нѣсколькими строчками, пожалуй, даже съ припискою, чтобы немедленно сжечь ихъ въ каминѣ. Осторожныя барышни всегда дѣлаютъ такъ, даже тогда, когда въ ихъ письмахъ нѣтъ ровно ничего компрометирующаго. Извините, я все забываю, что вы изъ числа тѣхъ дѣтей, которыя иногда не прочь пошалить съ огнемъ. Еслибы я не былъ, по природѣ своей, врагъ рода человѣческаго вообще, а женщинъ въ особенности,

Digitized by Google

я развилъ бы эту тему подробнѣе, но изъ боязни оскорбить васъ или, что̀ еще хуже, сдѣлать какую-нибудь глупость, я ставлю тутъ точку.

„Ваше, или лучше сказать, наше предпріятіе грозитъ имѣть успѣхъ. Это для меня вещь любопытная вдвойнѣ. Вопервыхъ, мнѣ было бы пріятно сознаніе, что я съ своей безпардонной идеальностью могъ имѣть успѣхъ въ дѣйствительной жизни. До сихъ поръ, на практикѣ, мнѣ изъ девяти проектовъ, удавался только одинъ. А вовторыхъ, я имѣлъ бы случай сдѣлать интересный опытъ: на сколько барышня и дѣльная женщина могутъ ужиться въ одномъ и томъ же лицѣ. Эти экспериментальныя пробы расширятъ нѣсколько кругъ моего міровоззрѣнія и помогутъ мнѣ вывести лишній законъ.

„Дѣла мои съ любезной коммисіей идутъ хотя и не блистательно, но и не такъ скверно, какъ я ожидалъ. Люди тамъ засѣдаютъ все солидные, до того солидные, что даже и въ пренія вступать считаютъ непозволительнымъ мальчишествомъ. Они даютъ мнѣ такъ много простора, что я начинаю подозрѣвать, не хотятъ ли они меня сконфузить своимъ великодушіемъ? Предсѣдатель до того изященъ и безукоризненъ, что даже такой великолѣпной барышнѣ, какъ вы, стоитъ познакомиться съ нимъ, а мнѣ остается только радоваться, что въ нашъ реальный вѣкъ истинные денди еще не перевелись.

„Все это сводится, однакожь, къ тому, что ихъ безукоризненность ограждаетъ меня отъ всякихъ столкновеній, которыя меня, скажу вамъ откровенно, уже порядкомъ-таки измучили. Война и война — это, подъ конецъ, тяжело; захочется и перемирія. Я не говорю ужь о мирѣ. Миръ насъ ожидаетъ въ могилѣ. А до тѣхъ поръ любить людей въ массѣ и презирать ихъ по одиночкѣ, вотъ наша судьба... моя, по крайней мѣрѣ. Да-съ, многоуважаемая Клавдія Васильевна, до сихъ поръ, при всемъ моемъ сочувствіи, я не говорю къ человѣчеству, но просто къ народу, къ извѣстной мѣстности, при всемъ моемъ желаніи имъ всякихъ благъ, — я еще не научился любить человѣка для него самого. Я всегда готовъ уважать интересъ того или другого общества, той или другой мѣстности, но ни разу еще не умѣлъ уважать кого-нибудь лично. Это безобразіе, я чувствую, но виноватъ ли я въ томъ, что не могу смотрѣть близко на мелочность нашей натуры. Я отворачиваюсь невольно, а становлюсь самъ невыносимъ для другихъ. Я готовъ защищать какую угодно идею, но защитить какую-нибудь личность я едва-ли съумѣю. Вотъ гдѣ причина моихъ враждебныхъ отношеній къ людямъ. Да, на чет-

Digitized by Google

вертомъ десяткѣ я убѣдился наконецъ, что мнѣ жить не съ людьми, а съ идеями. Грустно, но тѣмъ не менѣе, вѣрно.

„Вы имѣете полное право спросить: къ чему эта откровенность? Не спрашивайте, потому что я и самъ не зналъ бы, что̀ отвѣтить. Просто, нашелъ, должно быть, припадокъ болтливости. Человѣкъ вѣдь все-таки человѣкъ. Вдругъ захочется ему выкинуть штуку, ну и выкинетъ. Примите это тоже за одну изъ такихъ штукъ. По всей вѣроятности, я буду въ ней раскаяваться. Но вѣдь письмо-то будетъ ужь отправлено.

„Надо же однако когда-нибудь покончить съ коммисіей и сообщить вамъ, что она не нашла ничего лучшаго, какъ отправить меня въ отдаленныя губерніи ревизовать недвижимыя имущества. Дѣлаютъ это, вѣроятно, потому, что предполагаютъ, будто ужь я ровно ничего не смыслю въ оцѣнкѣ имуществъ и вообще въ сельскомъ хозяйствѣ. Не берусь опредѣлить, на сколько именно они ошибаются, но во всякомъ случаѣ, они ошибаются. Тому, кто постранствовалъ на своемъ вѣку, кто изучалъ русское хозяйство con amore, изъ любви къ искусству, конечно, нельзя еще тягаться со спеціалистами, но все же позволительно имѣть малую толику здраваго смысла и не видѣть, напримѣръ, тридцати тысячъ тамъ, гдѣ ихъ затрачено только три. Наконецъ, ошибаются почтенные члены правленія, если думаютъ, что я, въ случаѣ затрудненія, не найду возможности пригласить людей знающихъ. Впрочемъ, это вопросъ уже чисто спеціальный и я вижу, что я изъ скучнаго тона перехожу въ скучнѣйшій. Все это пишется собственно для того, чтобы поддержать васъ въ надеждѣ на будущія блага и показать, что мысль ваша не забыта. За симъ имѣю честь быть и проч. А. Домейко".

Клавдія дочла до конца и задумалась. Какая странная смѣсь искренности, дерзости и недосказанныхъ мыслей! Это точно вызовъ, брошенный ей, въ надеждѣ, что она его не приметъ. У ней вдругъ явилось страстное желаніе написать ему отвѣтъ, такой же смѣлый и загадочный. Она ли не съумѣетъ забросать его фразами, намеками, которые можно растолковать и такъ, и эдакъ, и никакъ! Ея доля искренности будетъ равняться его долѣ, ни больше, ни меньше. Пусть прорвется одно откровенное слово и за нимъ цѣлый потокъ сарказмовъ надъ собой и надъ другими. Она было уже взялась за бумагу, но вдругъ рука у нея опустилась. Къ чему? Имѣетъ ли она право написать ему больше того, что̀ уже написала? Какъ молнія блеснулъ передъ ней отвѣтъ и она снова бросила листъ на столъ.

— Что, твой отецъ будетъ нынче дома? спросила она у Любочки.

Digitized by Google

— Конечно, будетъ. Куда жь ему дѣваться? Я ѣду одна. Онъ терпѣть не можетъ ѣздить туда, гдѣ не играютъ въ карты. А у Эммы Андревны все люди болѣе или менѣе серьёзные.

Чтобы какъ-нибудь не помять своего наряда, Любочка спустилась внизъ и пригласила за собой Клавдію. Тамъ, въ большой угловой комнатѣ, мѣсяцъ рисовалъ на полу узоры. Съ улицы, облитой этимъ же мѣсячнымъ сіяніемъ, доносился визгъ полозьевъ. Каждая проѣзжавшая карета оставляла причудливыя тѣни, бѣжавшія по стѣнамъ и потолку.

Любочка нашла нужнымъ восхититься. Она чувствовала теперь необыкновенную потребность восхищаться.

— Посмотри, пожалуйста, какъ снѣгъ блеститъ. Что значитъ мѣсячная-то ночь! Скоро, я думаю, долженъ и Жоржинька заѣхать.

— Кто?

— Жоржинька. Я съ нимъ поѣду къ Эммѣ Андревнѣ.

— Ну, и прекрасно. А я тѣмъ временемъ поговорю съ твоимъ отцомъ.

— Ты все объ этихъ кухняхъ?

— Да; одна была у волка пѣсенка, да и ту я переняла.

— Я удивляюсь, какъ это тебѣ не надоѣстъ.

— Надоѣстъ? удивилась въ свою очередь Клавдія. — Что съ тобой?

— Да, конечно. Кажется, ужь всѣ объ этомъ давно забыли, а ты все еще...

— Кто это всѣ? оборвала Клавдія.

— Да всѣ; и братъ твой...

— Потрудись назвать мнѣ другихъ, а брата своего я знаю лучше тебя.

— Ну, ужь, пожалуйста, не представляй мнѣ его такимъ усерднымъ.

— Оставь моего брата въ покоѣ. Возьмемъ теперь твоего отца...

— Неужели ты думаешь, что онъ согласенъ?

— А неужели онъ можетъ быть несогласенъ, если ты этого пожелаешь?

— Знаешь, Клавдія, по правдѣ тебѣ сказать, мнѣ не хочется тебя обманывать. Я не стану просить отца, чтобы онъ подписался на эти акціи.

— Ты? Клавдія вдругъ остановилась.

— Да, я. Я ему послѣднее время столько надѣлала расходовъ, что, право, ужь совѣстно. Приставать къ нему еще съ

Digitized by Google

глупостями, это значитъ ужъ прямо раззорять. Какое я имѣю на это право?

Любочка остановилась, но пріятельница ея молчала.

— Ты понимаешь, продолжала она немножко сконфуженная:— вѣдь въ сущности наше дѣло—чистая фантазія. Оно бы непремѣнно лопнуло, потому что, согласись, вѣдь все-таки капиталы твоего брата и моего отца не такъ же велики... Пока мы еще найдемъ себѣ поддержку общества, все это вылетитъ въ трубу. Мы не успѣемъ сдѣлать двухъ оборотовъ, какъ обанкрутимся. Ну, скажи пожалуйста, что-жь за удовольствіе. Конечно, я не боюсь того, что̀ обо мнѣ скажутъ, да какъ на меня посмотрятъ— все это галиматья; но надо же быть практичными, наконецъ.

— Это все? спросила Клавдія, но напрасно старалась она подавить свои чувства. Они прорвались даже въ этомъ вопросѣ.

— Всякій на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое. Смѣшно жертвовать капиталами, которые мнѣ не принадлежатъ. Я могу пустить отца по міру. Наше состояніе совсѣмъ не такъ велико. Я соглашусь лучше пойти въ гувернантки, въ телеграфистки, куда хочешь. Потому что тамъ я распоряжаюсь только своимъ собственнымъ трудомъ. Да, до сихъ поръ мы съ тобой, Клавдинька, держались ложно теоріи: мы не уважали чужую собственность.

— Окончите вашу защитительную рѣчь. Я васъ не обвиняю. (Она на минуту остановилась). Виновата я, что не поняла сразу, съ кѣмъ имѣю дѣло. Я удивляюсь только, какъ я не узнала прежде. Вѣдь вы всегда были точно такой же. Вы нимало не измѣнили своимъ принципамъ. А въ вашихъ принципахъ идти туда, куда подуетъ вѣтеръ.

— Вотъ! Я такъ и знала, что ты подымешь цѣлую бурю.

— О! гдѣ жь тутъ буря? Я только все ближе и ближе знакомлюсь съ людьми. Я научаюсь уважать ихъ.

Она ядовито подчеркнула послѣднія слова, потомъ отвернулась и стала глядѣть въ окошко.

— Ты можешь сердиться, сколько тебѣ угодно, но мои доводы, кажется, настолько основательны, что я могу считать себя, если и не совсѣмъ правой, то все-таки значительно оправданной. Какъ будто ужъ каждый изъ насъ не можетъ ошибиться? Я смотрѣла на предметъ поверхностно. Я виновата въ томъ, что слишкомъ обнадеживала тебя. Но вѣдь въ сущности, что жь такое! Какіе же между нами счеты? И ты могла, точно также, наобѣщать мнѣ пропасть и потомъ раздумать. Я бы ужъ, конечно, не сдѣлала изъ этого трагедіи. Я и теперь сознаю, что поступала глупо. Сначала мнѣ твоя мысль нравилась, конечно.

Digitized by Google

Ну, я и сказала объ этомъ откровенно. Кто жь могъ ожидать, что изъ этого выйдетъ такая сцена?

— Да не разыгрывайте вы, пожалуйста, изъ себя кающейся грѣшницы. Ваши принципы и теоріи отпускаютъ вамъ ваши прегрѣшенія! Ну, чего же еще? Чужой собственности вы себѣ еще не присвоили, отца еще не пустили по міру; стало быть о чемъ тутъ разговаривать. Но только послѣ этого не лучше ли намъ разойтись мирно...

— Какъ нужно понимать это слово? аллегорически?

— Нѣтъ-съ, въ самомъ буквальномъ смыслѣ, то-есть покончить всякія сношенія и даже перестать ѣздить другъ къ другу въ гости. Потому что визитнаго знакомства я не понимаю, да у меня его и безъ того достаточно. На мой вѣкъ хватитъ.

— Господи! Какое глупое твореніе эта Клавдія Васильевна! Ну, изъ-за чего она кипятится!

— Послушай, начала вдругъ Клавдія, взявши ее за руку.— Дѣйствительно, я глупа. Сердиться на *тебя*, въ самомъ дѣлѣ, смѣшно. Въ тебѣ я потеряла такъ мало, что, пожалуй, мы можемъ остаться друзьями!

Она съ улыбкой протянула ей руку. Любочка нисколько не обидѣлась. Можетъ быть, этому не мало способствовало ея счастливое расположеніе духа!

VIII.

Зимнее чахоточное солнце играло на стеклахъ Ракитинской конторы, задѣвая однимъ лучомъ своимъ щеку и прядь волосъ дѣвушки, работавшей у стола. Дѣвушка эта была Клавдія. Она дѣлала на бумагѣ какія-то выкладки, потомъ отложила листикъ въ сторону, справилась съ книжкой, лежавшей по правую руку, и быстро принялась что-то списывать. Почеркъ у нея былъ смѣлый и разборчивый. Долго писала она, почти не отнимая руки и изрѣдка только вскидывая глаза на оригиналъ. Давно ужь и солнце успѣло спрятаться, а она сидѣла все въ томъ же положеніи, опустивши голову и спустивши съ плечъ бархатную кофточку. Въ комнатѣ было довольно свѣжо, но ее, повидимому, согрѣвало излишнее усердіе и торопливость.

Папа съ утра до ночи метался какъ угорѣлый. Въ домѣ его все чаще и чаще стали появляться разныя подозрительныя личности въ поддевкахъ и въ сюртукахъ, съ которыми онъ имѣлъ всегда болѣе или менѣе продолжительныя объясненія. Самъ онъ неутомимо ѣздилъ по Москвѣ и даже за ея предѣлы. Однимъ

Digitized by Google

словомъ, время было хлопотливое, справиться одному съ конторскими счетами не было возможности, а довѣрить бумаги, часто очень щекотливаго свойства, постороннему не хотѣлось. Тутъ совершенно неожиданно предложила свои услуги дочь. Папа сначала было-отвергъ это предложеніе, какъ вещь ни съ чѣмъ несообразную, но потомъ съ пріятнымъ удивленіемъ увидалъ, что дочка его можетъ замѣнить не одного, а даже двухъ конторщиковъ,— такъ проворно и такъ ловко справлялась она со счетами. Два, три замѣчанія, двѣ, три поправки, и она уже не повторяла ошибки во второй разъ. Она ловила мысли налету, она угадывала желанія, привела въ порядокъ всѣ бумаги въ шкафахъ и инстинктомъ догадывалась, гдѣ какая лежитъ. Папа, кажется, больше всего удивлялся необыкновенной быстротѣ, съ которой она выхватывала тотъ или другой листочекъ съ той или другой полки. Она знала наизусть названіе и чуть ли не содержаніе каждаго клочка, и папа невольно подумалъ въ глубинѣ своего сердца, что такой изумительной памяти хватило бы на то, чтобы вызубрить отъ доски до доски пространный учебникъ всеобщей исторіи Вебера. Болѣе подходящаго сравненія онъ не съумѣлъ найти.

Но что же заставило Клавдію Васильевну обратить свою замѣчательную память на конторскія книги вмѣсто того, чтобы посвятить ее всецѣло учебнику Вебера или исторіи Соловьева? На этотъ вопросъ затруднилась бы вамъ отвѣтить сама героиня. Что-то толкало ее впередъ, туда, гдѣ есть дѣятельность. Но куда именно и какая дѣятельность — почемъ она знала? Она искала забытья въ этой лихорадочной работѣ. Она утѣшала себя тѣмъ, что это ей пригодится впослѣдствіи, что практика ей нужна для будущаго. Одна мысль о возможности полнаго покоя и отдыха пугала ее. Даже на перепутьи, какъ сама она иногда выражалась, называя такъ свою жизнь съ той поры, какъ стала невѣстой, — даже на перепутьи она не умѣла жить день за днемъ, безъ занятія. Она готова была броситься, очертя голову, куда угодно, чтобы только не просидѣть смирно цѣлую недѣлю. Прожить мѣсяцъ такъ, какъ живутъ всѣ порядочныя барышни: тихо, безцвѣтно, но пріятно, для нея равнялось тому, чтобы быть заживо зарытой въ могилу семейной жизни. Она готова погубить свою репутацію, разыграть трагедію, разрушить покой цѣлаго дома, чтобы только не помириться съ тѣмъ, съ чѣмъ ей мириться не хочется. Братъ, единственный человѣкъ, знавшій ее хорошо, далъ ей очень мѣткое прозвище: le vif argent (ртуть). Да, именно ртуть была эта натура, вѣчно готовая вырваться, блеснуть, разсыпаться и разлетѣться. Дайте ей во-

Digitized by Google

810011

лю — и она убѣжитъ у васъ изъ рукъ. И чѣмъ больше, чѣмъ усерднѣе вы будете ловить ее, тѣмъ меньше надежды поймать.

Клавдія Васильевна сама не умѣла справляться съ своимъ буйнымъ, неутомимымъ характеромъ. Не было человѣка, не было обстоятельствъ, которые бы заставили ее уступить въ извѣстныхъ случаяхъ. Теперь она захотѣла работы, и нашла себѣ эту работу тамъ, гдѣ другой бы и въ голову не пришло искать ея.

Она принялась за конторскія книги съ горя, чтобы только какъ-нибудь наполнить время, которое безъ того казалось ей невыносимо долгимъ въ ожиданіи того, чѣмъ разрѣшится вопросъ объ обществѣ дешеваго продовольствія. До сихъ поръ до нея доходили нерадостные слухи. Ревизіонная коммисія приняла правленіе подъ свои материнскія крылышки и отзывалась о дѣлахъ общества не иначе, какъ въ превосходной степени. Домейко уѣхалъ, въ этомъ не оставалось болѣе никакого сомнѣнія. Почему онъ не послушалъ ея предостереженія? Почему онъ не прислалъ ей никакого отвѣта? Было ли это деликатно съ его стороны? Но ужь тутъ рѣчь шла не о деликатности. Ее мучили другіе вопросы—и всѣ остались безъ отвѣта. Она увидала себя именно на перепутьи. Старая дорога уже оставлена, но какую выбрать теперь? что ожидаетъ ее впереди? Клавдія Васильевна поспѣшно отгоняла эти вопросы, чтобы не впасть въ грустный тонъ, какъ объясняла она брату.

Въ тотъ день, когда солнышку вздумалось приласкать ее своими блѣдными лучами, мама тоже вздумалось приласкать ее сладкой фразой о томъ, что не слѣдуетъ сидѣть такъ долго за работой.

Дочь лѣниво подняла голову, чтобы удостовѣриться въ неожиданномъ появленіи мама, которая заглядывала въ контору очень рѣдко.

— Я сейчасъ кончаю, замѣтила Клавдія сухо, и закрыла тетрадь.

— Тебѣ прислали два платья отъ m-me Виртъ. Не хочешь ли помѣрить?

— О, нѣтъ, мама, избавьте пожалуйста.

— Можетъ быть, тебѣ не понравится отдѣлка; ты вздумаешь что нибудь перемѣнить.

— Я вѣдь ужь сказала, что все предоставляю на вашъ вкусъ. Обшивайте, какъ вамъ угодно и чѣмъ вамъ угодно; мнѣ это рѣшительно все равно.

— Какимъ ты это тономъ говоришь! Точно въ моихъ словахъ было что-нибудь обидное.

— Совсѣмъ нѣтъ, такъ же сухо продолжала дочь.—Я говорю

Digitized by Google

объ этомъ, какъ о вещи, къ которой я совершенно равнодушна. Мнѣ эти платья гораздо больше надоѣдаютъ, чѣмъ доставляютъ удовольствіе.

— Съ нѣкотораго времени тебѣ, кажется, все надоѣдаетъ.

— То-есть что же именно? Я, право, не понимаю, о чемъ вы говорите.

— Да, Клавдія, мнѣ нужно сказать тебѣ одну вещь.

Мама подошла къ двери, заперла ее и потомъ вернулась опять на прежнее мѣсто.

— Ты понимаешь, что я, какъ мать, не могу пожелать тебѣ дурного. Видитъ Богъ, какъ я люблю моихъ дѣтей. Ихъ счастье ужь, конечно, для меня дороже всего на свѣтѣ. Что я? Я ужь отжила. Моя жизнь теперь въ дѣтяхъ. Пристрою я васъ, увижу васъ счастливыми, и умру тогда съ спокойнымъ сердцемъ. Но до тѣхъ поръ... О, сколько еще страдать придется до тѣхъ поръ!

Мама вынула изъ кармана платокъ, а дочь даже и бровями не повела, точно это говоритъ не ея родительница, а такъ кто-нибудь на улицѣ.

— Да, Клавдія, ты не вѣришь мнѣ. Ты научилась у брата обращаться съ матерью, какъ съ посторонней... даже хуже.

Мама тутъ ужь окончательно утерла слезу.

— Никто тебѣ не пожелаетъ такого добра, какъ мать. Вспомяни послѣ мое слово. Вотъ теперь, напримѣръ... (мама вдругъ приняла укоряющій тонъ). Какъ ты себя держишь съ женихомъ? Что, ты его хочешь оттолкнуть?

Дочь сдѣлала полъ-оборота.

— Какимъ это образомъ?

— А такъ. Ты вѣдь послѣднее время очень замѣтно перемѣнила свое обращеніе съ нимъ. Ему вѣдь это очень и очень непріятно. Я ужь это вижу.

— То-есть что же такое? Я опять не пойму васъ. Вы хотите сказать, что я больше не наивна?

— Послушай...

— Такъ мнѣ это надоѣло. Это могло быть забавно сначала, но потомъ — я удивляюсь, какъ это не надоѣло самому г. Любарскому. Не захочетъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣть жену, которая будетъ наивна до глупости. Онъ самъ первый потребуетъ отъ меня тогда, чтобы я относилась къ жизни серьёзно. Посмотрю я, какъ онъ позволитъ мнѣ наивничать, когда дѣло коснется хоть бы даже денежныхъ интересовъ. Онъ самъ первый тогда захочетъ, чтобы я ему была женой, а не куклой.

— Хорошо; но вѣдь все это будетъ послѣ, а теперь... Сна-

Digitized by Google

чала мужчины обыкновенно ищутъ въ дѣвушкѣ какъ можно больше простоты... даже дѣтскаго. Пусть она будетъ для нихъ ребенокъ... тѣмъ лучше.

— Позвольте: что̀ вы называете простотой? Глупость?

— Нисколько. Глупость такъ и есть глупость. А простота, это... это именно безъискусственность.

— А безъискусственность—это простота. Извините, мама, это непонятно.

— Да вотъ, я тебѣ сейчасъ покажу на примѣрѣ. Неужели, ты думаешь, ему нравится, что ты вотъ сидишь здѣсь, пишешь въ конторѣ? Ну, мѣсто ли молодой дѣвушкѣ въ конторѣ?

— Право, я объ этомъ не говорила и не спрашивала, нравится ли это Михаилу Константиновичу.

— Я тебѣ навѣрное скажу, что нѣтъ.

— Тѣмъ хуже для него.

— Какъ для него, Клавдія? Да вѣдь ты не забудь, что онъ будетъ тебѣ мужъ.

— А неужели же вы думаете, что я для мужа стану мѣнять свои привычки?

— Да въ умѣ ли ты, матушка?

— Я отъ него не потребую, чтобы онъ плясалъ по моей дудкѣ, но ужь пусть и меня Михайло Константиновичъ извинитъ. Коли мнѣ понравится сидѣть въ конторѣ, я буду просиживать тамъ цѣлые дни.

— Клавдія! ты собираешься сдѣлать такой важный шагъ въ жизни, и не понимаешь, что̀ ты дѣлаешь.

— Откуда это вы взяли, что я не понимаю, куда иду. Я отлично сознаю, зачѣмъ я выхожу замужъ.

Она какъ-то особенно подчеркнула это выраженіе.

— Прекрасно. Но этого не замѣтно. У тебя такія идеи...

— У меня идея только одна, мама—и другихъ нѣтъ! Только одна! Она заставляетъ меня идти замужъ. Она заставила меня выбрать именно г. Любарскаго. Больше я вамъ ничего не скажу.

Клавдія сдѣлала какое-то быстрое движеніе и отвернулась.

— Напрасно ты принимаешь это такъ близко къ сердцу. Я сама была невѣстой и сама знаю, какое чувство испытываетъ дѣвушка предъ тѣмъ, какъ отдать свою жизнь другому.

— Ну, едва-ли мы съ вами испытываемъ одинаковое чувство.

— Совершенно, моя милая. Эта исторія повторяется тысячу разъ и всегда съ однѣми и тѣми же варіаціями.

Тутъ мама немного помолчала и потомъ прибавила выразительно:

Digitized by Google

— Тебѣ непремѣнно надо сдѣлать нѣкоторыя уступки своему жениху.

— Напримѣръ?

— Если онъ любитъ, чтобы ты была наивна, отчего бы тебѣ и не сдѣлать этого, если ему это доставляетъ удовольствіе?

— Это въ мои планы не входитъ. Я была наивна, пока это было нужно. Теперь нахожу это лишнимъ.

Она говорила очень рѣзко. Мама разсердилась.

— Что̀ такое „лишнимъ?“ Это смысла никакого не имѣетъ. Сдѣлать пріятное своему жениху. Что̀ это, преступленіе какое-нибудь?

— Не то что преступленіе, а обманъ. Я не наивна. Пускай же мой будущій мужъ и видитъ, чего онъ можетъ отъ меня ожидать. Сами же вы нѣсколько разъ говорили, что всѣ несчастныя супружества оттого, что бросаются обыкновенно очертя голову. Оправдываются увлеченіемъ, неопытностью. Вотъ я этой-то ошибки и не сдѣлаю. Я очень хладнокровно обсужу дѣло, пока время еще не ушло. Я скажу: милый мой, вотъ то-то и то-то. Угодно тебѣ согласиться на эти условія—соглашайся, а не угодно—прощай. Лучше разойтись теперь, чѣмъ послѣ свадьбы. Ну, что же, развѣ я поступаю неблагоразумно?

— Что за договоры такіе! Это, матушка моя, не контрактъ и не торговая сдѣлка. Тутъ, если ты любишь человѣка, это для тебя самое лучшее ручательство.

— Вотъ какъ, мама! Мнѣ помнится, вы прежде разсуждали иначе. Ну, да, положимъ. А если я его не люблю?

Она вдругъ остановила на матери вызывающій взглядъ.

— Если ты его не любишь? повторила та машинально.

— Ну, да. Тогда что же? Тогда ужь вся надежда на этотъ, какъ вы его называете, контрактъ, потому что, согласитесь сами, что̀ же тогда у женщины остается? безъ любви-то?

Мама закашлялась. Она кашляла долго и сильно.

— Я не понимаю, начала она, когда перхота стала понемногу утихать: — къ чему мы съ тобой завели этотъ разговоръ? Онъ къ дѣлу нейдетъ. Что̀ намъ до женщинъ, которыя выходятъ замужъ по обязанности? Онѣ до насъ не касаются. Ты, надѣюсь, идешь по доброй волѣ?

— Да, конечно. Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Я собственно хотѣла на всякій случай предупредить васъ. Дѣло въ томъ, что мнѣ, по всей вѣроятности, придется имѣть съ женихомъ еще не одинъ разговоръ. И разговоры-то эти такого сорта, что̀ наивною мнѣ ужь никакъ нельзя быть. Наивность мнѣ окончательно не къ лицу.

Digitized by Google

— Да что такое, скажите пожалуйста. Чѣмъ это вы хотите удивить Михаила Константиновича? Я вамъ вотъ что̀ только посовѣтую: дѣлайте свои сюрпризы поосторожнѣе. Не дождитесь того, чтобы отъ васъ отказались.

— О, мама, я вполнѣ слѣдую этому правилу. Я такъ осторожна, что до сихъ поръ г. Любарскій видитъ во мнѣ не Клавдію Васильевну, а кого-то другого. Мы съ тобой расходимся только въ одномъ: ты мнѣ предлагаешь разыграть свою роль до конца, то-есть до самой свадьбы, а я думаю, нельзя ли кончить раньше.

Она остановила на матери свой насмѣшливый взглядъ.

— О какой это роли вы говорите, Клавдія Васильевна?

— О какой, мама?

Она вдругъ замолчала и въ нерѣшительности стала разсматривать свои пальцы. Мама торжествовала.

— Ну, что же? спрашивала она строго. — Говорите прямо: что это за роль?

Дочь вдругъ подняла голову и смѣло взглянула ей въ лицо.

— Хотите, чтобы я была откровенна? Хотите?

Мама въ свою очередь упала духомъ.

— Извольте! (Клавдія встала). Я не люблю своего жениха, и вы это знаете! Вамъ, какъ матери, я это скажу. Но помните: для другихъ это неизвѣстно. То, что̀ я вамъ сейчасъ сказала, останется между нами. Но вы должны это знать. Я хочу, чтобы вы это знали, чтобы вы знали, въ какую бездну вы меня толкнули.

Она говорила медленно, почти задыхающимся голосомъ и не сводя съ матери своего взгляда. Та совсѣмъ опустилась.

— Клавдія, если ты его не любишь... дѣйствительно... Никто тебя не заставляетъ.

— Нѣтъ, *вы, вы* меня заставляете.

Дѣвушка стремительно обратилась къ ней. Глаза у нея гнѣвно заблестѣли.

— Вы все сдѣлали, чтобы выжить меня изъ родительскаго дома — и выжили! будьте спокойны. Съ адвокатомъ у насъ дѣло не разойдется, не бойтесь. Онъ меня возьметъ даже и безъ наивности. Онъ васъ избавитъ отъ такого сокровища, какъ я!

Клавдія ушла. Звонко щелкнулъ за нею замокъ въ отпертой двери, а мать сидѣла и молча плакала. Она, кажется, поняла, что дочь ее не любитъ. Вотъ уже двое изъ ея дѣтей потеряны для нея.

Digitized by Google

Въ минуту горести Клавдія всегда отправлялась за утѣшеніемъ къ брату. Онъ же теперь какъ разъ вернулся изъ Петербурга и рѣшился пожертвовать Москвѣ недѣлю, т.-е. прожить тутъ до Рождества, провести, пожалуй, первый день праздника и укатить окончательно въ Малиновку, въ ту милую берлогу, изъ которой онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не показывался на свѣтъ божій.

— Ахъ, Денисъ, говорила сестра:—еслибъ ты зналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду января мѣсяца.

— Что это тебѣ вздумалось? Май лучше. Тамъ, по крайней мѣрѣ, розы цвѣтутъ.

— Что мнѣ розы! Не въ томъ дѣло. Хочется мнѣ вырваться поскорѣй на волю.

— А куда это, напримѣръ?

— Да на волю же, тебѣ говорятъ. Какъ это у Дюбюка есть романсъ: „Въ золотой ли клѣточкѣ птичкѣ распѣвать".

— Ну, тутъ ужь и до розъ недалеко. Пожалуй, и соловьи будутъ.

— Да! ты этого чувства не испыталъ. А я ужь эти золотыя-то клѣточки хорошо знаю. Знаю я, каково тамъ распѣвать.

— Ну, и хижины на берегу рѣки, тоже штука не дурная.

— Хижины — это глупости. Это сентиментальность. Мечты вдвоемъ, при лунѣ — я этого терпѣть не могу. Но бѣдность!... я бѣдности не боюсь.

— Немудрено; ты ея не знаешь.

— Нѣтъ, я ея не испугаюсь. Я знаю *себя*. Да и, наконецъ, вотъ что! Ты замѣть: всѣ наши лучшіе люди прошли черезъ нищету. Всѣ они съ ней знакомы. А изъ тѣхъ, кто съ дѣтства живетъ въ холѣ, да въ довольствѣ — рѣдко прокъ выходитъ.

— Что это? гражданская скорбь? подтрунивалъ братъ.

— Да, скорбь, отвѣтила она съ досадой.—А тяжела подчасъ бываетъ эта скорбь и, по настоящему, надо бы бросить ее. Вотъ хоть бы Любочка обратилась на путь истинный. Она теперь ужь думаетъ выбираться на другую дорожку,—думаетъ блистать въ свѣтѣ.

— Жениха ей нужно хорошаго.

— Да, вотъ это, пожалуй, что и такъ. Впрочемъ, что же? Мужъ у нея будетъ придачей къ идеѣ. Она станетъ проводить идею супружества на разумныхъ основаніяхъ.

— Постой, милая, да вѣдь и ты отъ нея недалеко ушла. Ты какую идею будешь проводить?

Digitized by Google

— Я? (Клавдія остановилась передъ нимъ и скрестила руки). Идею супружества на самыхъ безумныхъ основаніяхъ. Хочу попробовать. Это не ново, но интересно.

Денисъ серьёзно поглядѣлъ на нее.

— Эхъ, сестра! Гдѣ же у тебя глаза-то? А примѣръ, кажется, близко.

— Кто? ты, Денисъ?

— Да, милая, я. Я самый.

— Ну, что-жь! Вѣдь вотъ же ты вылечился. И, слава-Богу, живъ и здоровъ. Ошибка, стало быть, поправимая.

— Вылечился. (Денисъ ядовито улыбнулся). Что̀-жь тутъ похожаго? Нѣтъ, матушка, есть болѣзни неизлечимыя. Жизнь можно такъ надломить, что послѣ не склеишь.

— Я не вѣрю въ это!

И она, въ доказательство, тряхнула головой.

— Что̀ я такое? продолжалъ братъ. — Есть у меня домъ? семья? Нѣтъ, у меня есть только восемь комнатъ. Пустыхъ, Клавдія, пустыхъ. Ты вотъ до сихъ поръ живешь въ семействѣ; ты не знаешь, что̀ значитъ эта пустота. Да! Когда человѣку противно вести уличную жизнь, а домашней ему не даютъ! (тутъ голосъ у него оборвался, но онъ снова овладѣлъ собой и продолжалъ). Придешь домой — мерзость, тишина. Отдохнуть хочешь, такъ это не отдыхъ, а тоска, тоска, которая можетъ довести до сумасшествія. А прежде *она* меня встрѣчала. Мы съ *ней* цѣлые вечера просиживали. И я ее любилъ. Я бы за нее себя въ кабалу отдалъ. Я любилъ эту женщину!

Онъ съ силою стукнулъ рукой по столу. Клавдія стояла, молча, пораженная, почти уничтоженная этимъ внезапнымъ признаніемъ. Она колебалась нѣсколько секундъ, потомъ подошла и тихо сказала:

— Помирись съ нею, коли ты ее любишь.

— Что?

Денисъ поднялъ на сестру свой сухой, воспаленный взглядъ.

— Никогда! Я могу любить ее до сихъ поръ, но чтобы быть ея собачонкой, ея прихвостнемъ? никогда! Нѣтъ ужь! я для нея погибъ. Я съ чужого стола крошками пользоваться не стану. Мнѣ ея змѣиныя ласки не нужны. Не нужны онѣ мнѣ потому еще, что я бы ее задушилъ.

Сестра посмотрѣла на него и поняла, что онъ, дѣйствительно, въ эту минуту способенъ и на такое дѣло.

— Я безобразенъ. Я медвѣдь. Меня любить нельзя. Продать себя мнѣ можно. Но я продажи не хочу. Мнѣ нужна привязан-

Digitized by Google

ность, семья, а не ваши наглыя объятія. Да! порядочная женщина никогда бы не отдалась мнѣ. А вотъ такія... (онъ остановился и махнулъ рукой). Такія отдадутся! За деньги все можно купить. Я любилъ не Эмму Андревну. Я любилъ въ ней честную, хорошую женщину. Я любилъ въ ней свою жену!

Онъ стиснулъ голову руками. Клавдія видѣла, какъ страшно измѣнилось его лицо. Она поняла, что говорить тутъ нечего, утѣшать нечѣмъ, и молчала.

Долго сидѣлъ братъ неподвижно, наконецъ опомнился.

— Баба я, Клавдія, вотъ что̀! Ты этого еще не знала? Такъ вотъ узнай. А еще говоришь: я не вѣрю, чтобы жизнь могла сломать. Еще какъ отлично сломаетъ-то. Видѣла сейчасъ, на кого я былъ похожъ! Какимъ дуракомъ смотрѣлъ. А все спасибо судьбѣ. Она по головкѣ не гладитъ, а все больше противъ шерстки. Нѣтъ, ты вотъ что: ты откажись отъ своего адвоката, пока еще есть время.

Дѣвушка задумчиво смотрѣла вдаль.

— Эй, говорю, откажись! Вѣдь ты его, что называется... ну, да однимъ словомъ, не любишь. Вѣдь ужь не обманешь.

— Кто тебѣ сказалъ? Я его боготворю.

— Ну, полно, полно. Что тутъ? Для чего намъ другъ другу надувать? Будемъ говорить попріятельски. Я знаю, кто тебѣ нравится—Домейко.

Она остановила на немъ свой холодный взглядъ.

— Ты ошибаешься. Онъ мнѣ не нравится.

— Полно, такъ ли?

— Такъ, Денисъ.

— Ну, быть по сему. Васъ вѣдь, барышень, самъ чортъ не разберетъ.

— Будетъ намъ съ тобой о любви-то разговаривать. Кто кому нравится, да кто кого побѣдилъ. Я тебѣ лучше вотъ что̀ скажу. Вѣдь наши счеты, милѣйшій Денисъ Васильевичъ, еще не покончены. Наши кабаки, какъ ихъ остроумно назвалъ папа, появятся опять на сцену. Мой адвокатъ, видишь ли, прекрасный человѣкъ и вдобавокъ несовсѣмъ равнодушенъ ко мнѣ. Но... ты понимаешь, я въ вѣчную страсть не вѣрю. На матеріальную поддержку съ его стороны я не надѣюсь, да никогда и не надѣялась. Онъ, конечно, не такой человѣкъ, чтобы швырять деньги за окошко. Стало быть, m-r Любарскій моего плана, конечно, не одобритъ, и заяви я ему объ этомъ послѣ свадьбы, онъ окончательно его уничтожитъ. Но я буду практичнѣе. Я поставлю это въ условіяхъ нашего брачнаго контракта.

Digitized by Google

— Ну, а если онъ этого условія не приметъ?

— О! едва-ли. А впрочемъ, время все рѣшитъ. Я его теперь еще только подготовляю къ удару. Ты знаешь, я дипломатъ иногда. Я думаю, что его надо сначала хорошенько запутать, а потомъ ужь, когда выхода нѣтъ, тогда, тогда мы посмотримъ! Ахъ, Денисъ, отчего это я не ударилась въ свѣтскую жизнь? Я бы, кажется, эту науку живо постигла. Какъ бы я вашего брата ловила — просто мое почтенье!

— Да вѣдь кончится тѣмъ, что ты къ тому же и придешь. Всѣ вы къ одному знаменателю приходите.

— Нѣтъ, скучно. Ну что-жь, положимъ даже, что я и поймала васъ, и даже не одного. А дальше?

— А самолюбіе-то будетъ удовлетворено.

— Какъ? Да вѣдь я знаю, что на этомъ поприщѣ подвизаются съ успѣхомъ многія другія. Что же тутъ для моего-то самолюбія особенно лестнаго? Нѣтъ! мнѣ нужно такое дѣло, которое не всякому удается. Чего ты улыбаешься? Разумѣется, еслибы я захотѣла, то могла бы. Скромность тутъ лишняя. Да и нескромности-то особенной нѣтъ.

Братъ пожалъ плечами.

— Однако ты... немного о себѣ думаешь!

— А что, продолжала она: — если все это вдругъ разлетится? Да нѣтъ, не можетъ быть. У меня теперь два помощника: ты — вопервыхъ, Домейко — вовторыхъ. Не можетъ быть, чтобы измѣнили оба, все который нибудь останется.

— Да! гдѣ теперь твой Домейко-то? Въ Вологду поѣхалъ правы изучать?

— Да, вотъ это въ самомъ дѣлѣ странно. Я себѣ его отъѣзда не могу объяснить. Предположивши даже, что его заставила поѣхать необходимость, почему онъ мнѣ не прислалъ никакого отвѣта? Вѣдь это наконецъ... однимъ словомъ, это странно.

Она въ раздумьи покачала головой.

— Знаешь, что я тебѣ скажу, Клавдія? ты на этого литератора сильно не надѣйся. Онъ отъ адвоката недалеко ушелъ. Въ немъ есть что-то такое непризнанное, Чайльдъ-Гарольдъ на московскій ладъ, смѣсь всевозможныхъ направленій: и все это съ сильнымъ букетомъ задорливости. Такіе господа женщинамъ обыкновенно нравятся.

— Напротивъ, на сколько я замѣтила, онъ на нихъ производитъ не особенно выгодное впечатлѣніе.

Digitized by Google

— Разсказывай. Моя бывшая супруга на него вотъ чуть Богу не помолится.

— Ты почемъ знаешь? живо спросила сестра.

— А такъ: слухи дошли. Объ моей бывшей супругѣ вѣдь очень часто распространяется твой будущій супругъ. Онъ у нея тоже, кажется, домашнимъ человѣкомъ, чиновникъ особыхъ порученій.

— Ну, ужь это ты сочиняешь, Денисъ.

— А! оскорбилась! Самолюбіе-то заговорило. Ну, да успокойся, я не въ томъ смыслѣ говорю. Я знаю, что твой адвокатъ тебѣ будетъ вѣренъ. Онъ тамъ бываетъ, потому что... какъ тебѣ сказать?... ну, тамъ воспоминанія холостой жизни.

Влетаетъ Леночка и объявляетъ, что она сейчасъ играла на фортепіано и у нея стала западать одна косточка и, чтобы Денисъ пожалуйста, пожалуйста поправилъ ее. Сколько братъ ни заявлялъ, что онъ не настройщикъ и съ музыкальными инструментами сроду не обращался, дѣвочка просила такъ настоятельно, что нельзя было не согласиться. Мимоходомъ Леночка успѣла шепнуть сестрѣ:

— Знаешь, Эмма Андревна тамъ. Вотъ сейчасъ будетъ потѣха!

— Кто? переспросила Клавдія.

— Эмма Андревна. Мама ихъ будетъ мирить. Ахъ! это такъ смѣшно!

И дѣвочка галопомъ отправилась по коридору, стараясь опередить брата, чтобы поспѣть къ началу представленія.

Денисъ, сверхъ ожиданія, прошелъ въ залу не черезъ гостиную, а коридоромъ и потомъ черезъ переднюю. Такимъ образомъ онъ миновалъ благополучно разставленную ему западню. Съ глубокомысліемъ принялся онъ изучать механизмъ рояли, тщетно стараясь выдавить изъ себя какую-нибудь счастливую мысль. Ни мысль, ни косточка не подавались. Въ самую критическую минуту, когда не слушался какой-то винтъ, онъ поднялъ голову и увидалъ... свою жену. Она стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. На лицѣ выраженіе ласки и кротости; черное платье съ высокимъ, даже очень высокимъ лифомъ, бѣленькій воротничокъ, гладко зачесанные волосы, однимъ словомъ кающаяся Магдалина, но только Магдалина XIX столѣтія. Денисъ на минуту остолбенѣлъ: онъ не могъ оторвать глазъ отъ этого, когда-то столь милаго для него созданія. Въ головѣ его съ быстротой молніи промелькнули всѣ минуты прежняго счастія. Именно такъ, въ такомъ костюмѣ

Digitized by Google

видалъ онъ ее часто еще невѣстой. Передъ нимъ стояла не Эмма Андреевна, а дорогой для него образъ его собственной мечты. Онъ почувствовалъ вдругъ что-то похожее на радость. Еще секунда—и онъ первый бросится къ этой женщинѣ; онъ предложитъ ей забыть прошлое и быть опять его женой. Эта мысль мгновенно освѣтила все его лицо. Эмма поняла ее и опустила глаза. Она поняла, что этого требуютъ обстоятельства; что опустить глаза въ такую минуту необходимо. Это признакъ раскаянія, скромности и всѣхъ ея синонимовъ.

Денисъ однако не поддался первому чувству. Какъ? уступить такъ скоро? ему? но вѣдь обиженная-то сторона именно онъ. Да и наконецъ искренне ли это раскаяніе? Полно нѣтъ ли тутъ притворства? И вдругъ передъ нимъ поднимается страшный образъ притворства. Онъ спѣшитъ прогнать его, пускается въ психологическія тонкости; голова работаетъ въ одномъ направленіи, чувства въ другомъ, а въ результатѣ получается такой сумбуръ, что онъ останавливаетъ на женѣ безсмысленный взглядъ. Она начинаетъ давить его, какъ кошмаръ. Онъ съ нетерпѣніемъ, почти со злостью дожидается, что̀ она скажетъ. Но она молчитъ, и даже не поднимаетъ глазъ. Эта нѣмая сцена прерывается появленіемъ мама, которая ужасно боится, что безъ нея дѣло не пойдетъ на ладъ.

— Денисъ! летитъ торжественное воззваніе къ сыну.

— Что̀ вамъ угодно? рѣзко отвѣчаетъ сынъ.—Я бы вамъ совѣтовалъ послать за настройщикомъ, потому что я тутъ ровно ничего не смыслю. А тебѣ, Лена, совѣтую меньше колотить по клавишамъ: цѣлѣй будутъ.

Онъ сдѣлалъ два шага къ двери. Эмма Андреевна сдѣлала два шага къ нему.

— Позвольте, начала она:—позвольте мнѣ пробыть съ вами хоть полчаса.

Онъ вдругъ остановился и круто повернулся къ ней.

— Что это? комедія? или драма? или трагедія?

— Неужели вы оттолкнете меня? Я прошу только одного: видѣть васъ, говорить съ вами, хотя бы даже какъ съ посторонним.

— Прости ее! вставила мама свое словечко.

— Вы, маменька, не понимаете сами, что̀ говорите. Прощаютъ дѣтей, провинившихся ребятъ. Я Эмму Андревну въ уголъ не ставилъ, и вообще не знаю, чего ей отъ меня нужно. Можетъ быть денегъ?

— Боже мой! простонала Эмма и схватилась за голову. Она

Digitized by Google

думала-было упасть въ обморокъ, но кресла не оказалось, а по близости были только стулья. Она имѣла ровно на столько времени, чтобы сообразить это, и продолжала уже другимъ тономъ, въ которомъ отчаяніе смѣшивалось съ негодованіемъ.

— Кто же изъ насъ больше виноватъ въ эту минуту? Я пришла съ тѣмъ, чтобы просить, если не прощенья, то хоть того, чтобы вы забыли прошлое, чтобы вы перестали меня ненавидѣть. А вы? вы бросили въ меня все, что только есть оскорбительнаго. Вы постарались сыскать такое выраженіе, котораго не захочетъ, можетъ быть, выслушать самая скверная, самая презрѣнная женщина.

— Да вы спросите сначала, какъ я на васъ смотрю. Не вижу ли я въ васъ именно этой презрѣнной женщины?

— Да! я знала, что меня ожидаетъ. Я не должна была приходить сюда. Денисъ Васильичъ! я жалкая женщина. Вотъ чего вы не поняли, да и никогда не поймете.

— Вы это маменькѣ объясняйте, а я ужь, извините, составивши разъ свое мнѣніе, его не измѣняю. Я рѣдко произношу приговоръ надъ человѣкомъ, но ужь когда онъ произнесенъ— возврату нѣтъ! Вы для меня—Эмма Андревна, и больше ничего! понимаете? Жену свою я похоронилъ. Ея у меня нѣтъ! (у него опять голосъ дрогнулъ по давишнему).

— За что вы меня ненавидите?

— Кого это? Васъ-то ненавидѣть? Полноте! да за какого же дурака вы меня считаете? Такихъ женщинъ, какъ вы, обыкновенно забываютъ; вотъ и все.

— Какой же мужчина будетъ такъ мелоченъ, чтобы не забыть пустой обиды?

— Это пустая обида (онъ стукнулъ по рояли нотною тетрадкою)! А какъ же на вашемъ языкѣ называютъ важныя обиды?

— Да полно вамъ! не вытерпѣла мама.—Что тутъ еще? ну, пошумѣли, посердились, ну и будетъ.

— Вы, Эмма Андревна, не обиду мнѣ сдѣлали, продолжалъ Денисъ, ударяя въ тактъ тетрадью по доскѣ.—Нѣтъ! Вы мнѣ жизнь всю разбили. Понимаете, что значитъ разбить человѣку жизнь? Не васъ мнѣ жалко: вы для меня давно не существуете. Мнѣ жалко того счастія, которое я потерялъ изъ-за васъ, которое я бросилъ къ вашимъ ногамъ. Вы его растоптали. А можетъ быть нашлась бы дѣвушка, которая и не кинула бы его отъ себя съ такимъ презрѣніемъ. Она раздѣлила бы его со мною и я боготворилъ бы эту женщину, я молился бы на нее! Теперь мнѣ не осталось даже и этой надежды. Я бобыль, не-

Digitized by Google

людимъ. И не совѣтовалъ бы я вамъ вернуться къ этому нелюдиму. Вы встрѣтили бы худой пріемъ.

— Мнѣ все-равно. Жить такъ, какъ я живу теперь...

— А что? скверно небось. Обожателей, что-ли, мало? Обочлись: одного не хватаетъ. Или, можетъ быть, капиталы всѣ вышли?

— Да, я сумасшедшая. Мнѣ не слѣдовало, не слѣдовало приходить сюда.

— Ахъ, да будетъ вамъ! волновалась мама.—Ну, протяните другъ другу руку, и все кончено! Ну, что-за счеты между мужемъ и женой. Кого Богъ соединилъ, того человѣку не разлучить. Эмма Андревна, ну подойдите къ нему, душечка, первая. Вы видите, онъ у меня какой... Охъ! это упрямство! Это ракитинское упрямство! Весь въ отца.

На этотъ разъ возваніе было услышано. Эмма Андреевна сдѣлала еще нѣсколько шаговъ впередъ. Платье ея почти касалось Дениса. Онъ страдалъ невыразимо. Какъ устоять противъ этой женщины, какъ отказать ей, когда она, она первая протягиваетъ ему руку? Что̀ кромѣ искренняго раскаянія заставитъ проглотить молча всѣ обиды, которыя онъ ей нанесъ? Но съ другой стороны, какъ забыть то, что между ними давно уже лежитъ бездна? Какъ простить то, что она промѣняла его на другихъ и съ наглостью хвалилась этимъ въ былыя времена? Въ недоумѣніи Денисъ отвернулся и встрѣтилъ взглядъ сестры, стоявшей въ дверяхъ. Должно быть, взглядъ этотъ былъ выразителенъ, потому что братъ мгновенно измѣнился въ лицѣ. Такъ замѣтна была эта перемѣна, что Эмма невольно обернулась въ ту же сторону, куда глядѣлъ ея мужъ. Клавдія стояла у притолка, опустивши руки, но не опуская глазъ, пристально устремленныхъ на брата. Вообще поза ея не выражала ничего, кромѣ спокойствія, но Эмма Андреевна поймала ея взглядъ и поняла его значеніе. Ее ожидало теперь полнѣйшее фіаско. Зловѣщія пятна выступили у нея на щекахъ. Она закусила губы и поспѣшила поднести къ лицу платокъ. Денисъ, между тѣмъ, успѣлъ совершенно оправиться. Нравственная поддержка есть, точка опоры найдена, и Эмма Андреевна неопасна.

Какъ обожженная отдернула Эмма протянутую руку, когда Денисъ замѣтилъ ей сухимъ, злымъ тономъ:

— Извините, мы съ вами проиграли комедію до конца. Начинать ее съизнова мнѣ бы не хотѣлось.

— Вы окончательно отталкиваете меня?

Глаза ея уже пылали гнѣвомъ.

Digitized by Google

— Вы желали, кажется, встрѣтиться со мною, какъ съ посторонним: посмотрѣть, поговорить, и разойтись. Ваше желаніе исполнилось. Если вамъ нужно непремѣнно, чтобы наше свиданіе продолжалось полчаса—я къ вашимъ услугамъ.

Тонъ его дѣлался все ровнѣй и спокойнѣй, но чего ему стоило это спокойствіе, объ этомъ догадывалась только одна сестра.

— Хорошо же! помните это! Помните, что вы отвернулись отъ меня тогда, когда я готова была просить у васъ прощенія, молить васъ о томъ, чтобы вы забыли прошлое. Я тоже не имѣю прощать человѣку, который смотритъ на меня какъ на гадину. Я хотѣла вамъ вернуть то счастіе, о которомъ вы ноете другой годъ. Напрасно же вы отказались отъ него теперь. Послѣ будетъ поздно. Послѣ мы еще посмотримъ, кто восторжествуетъ. Вѣдь я знаю, что вы меня не забыли. Вы меня не могли забыть. Припомните-ка то, что̀ вы сейчасъ говорили. Говоритъ ли такъ человѣкъ съ женщиной, къ которой онъ равнодушенъ? Если я для васъ въ самомъ дѣлѣ не существую, нечего стонать о томъ, что похоронили свою жену. Ваша жена жива и вы еще вспомните ее. И даже не разъ!

Денисъ оторопѣлъ. Онъ не ожидалъ такой выходки со стостороны раскаявшейся Магдалины. Мама тоже, повидимому, не предвидѣла такого оборота дѣлъ. Поэтому, она заговорила что-то такое, весьма мало понятное.

— Эмма Андревна, началъ Денисъ, изо всѣхъ силъ стараясь быть спокойнымъ:—припомните одно правило и постарайтесь хорошенько замѣтить его... Волкъ въ овечьей шкурѣ всегда кончитъ тѣмъ, что заѣдитъ себя. Или ужь надо носить эту шкуру мастерски. Поучитесь же сначала владѣть собою.

— Не бросайте на меня такихъ свирѣпыхъ взглядовъ. Я знаю, что вы дали бы много, чтобы поцаловать кончикъ вотъ этого платья (она съ царственнымъ жестомъ указала на свой шлейфъ).

Мама заволновалась. Она находила, что невѣстка забывается.

— Денисъ Васильевичъ! продолжала Эмма Андреевна съ самой великолѣпной небрежностью.—Когда же мы, наконецъ, поймемъ другъ друга? Оба мы уступать не любимъ. Будемъ же пользоваться малѣйшимъ намекомъ на уступку. Я нынче сдѣлала много, можетъ быть даже слишкомъ много для нашего примиренія. Вы его не захотѣли. Опять-таки говорю: напрасно!

Она стала надѣвать перчатку.

Digitized by Google

Денисъ сѣлъ на стулъ и закрылъ глаза руками. Онъ боялся заговорить. Слезы душили его. Лучъ надежды снова мелькнулъ для Эммы. Она встрепенулась.

— Послѣдній разъ, Денисъ, хочешь ты мнѣ протянуть руку или нѣтъ?

Молчаніе.

— Я люблю тебя, Денисъ. Прости мнѣ мою прежнюю глупость. Неужели же ты не видишь, какъ я страдаю? Развѣ мнѣ легче, чѣмъ тебѣ? Развѣ вся эта шумная, распущенная жизнь не ведется только для того, чтобы какъ-нибудь утопить, заглушить свое горе? Да полно же; ну, посмотри на меня. Миръ? да?

Мягкость въ ея голосѣ была поразительная. Денисъ сдѣлалъ движеніе. Клавдія ловила глазами каждый его жестъ.

— Не хотите ли кофе, Эмма Андревна? спросила она какимъ-то особенно рѣзкимъ, металлическимъ голосомъ. Мама даже всѣмъ корпусомъ повернулась отъ удивленія. А братъ вдругъ всталъ.

— Мое почтеніе! проговорилъ онъ быстро и на этотъ разъ выразилъ уже серьёзное желаніе удалиться. Жена нагнала его въ дверяхъ и схватила за руку.

— Постойте, начала она, не выпуская его пальцевъ.—Теперь я знаю, кто стоитъ между вами и мной. Стыдитесь! Вы оттолкнули жену, потому что боитесь вотъ этой дѣвчонки.

Денисъ близко наклонился къ ней.

— Я не совѣтовалъ бы тебѣ повторять это во второй разъ.

Она оттолкнула его и упала на стулъ.

— Идите, идите. Обнимайтесь съ вашей сестрицей. Она достойная барышня. Она вамъ не приказала сходиться со мною.

— Эмма Андревна! начала мама съ негодованіемъ...

Но Эмма уже никого и ничего не слушала.

— Конечно, мнѣ не нужно мужа-тряпку. Мнѣ не надо мужа, который будетъ находиться подъ страхомъ у своей сестрицы. Какъ мало надо имѣть самолюбія, чтобы позволить вертѣть собой, своими привязанностями... И все изъ боязни того, что скажетъ мадемуазель! Какъ она отнесется къ этому съ своимъ просвѣщеннымъ воззрѣніемъ! Ха, ха, ха! Вамъ, можетъ быть, ставятъ баллы за поведеніе. Вы, я знаю, философъ. Интересно, какъ этого философа водитъ на ниточкѣ эмансипированная барышня. Ха, ха, ха!

— Да что-жь это такое! выходила изъ себя мама.

— Васъ, Ульяна Максимовна, позвольте поблагодарить за

Digitized by Google

несчастную попытку примирить насъ. Право, я согласилась на ваше предложеніе только изъ любопытства.

— Это, наконецъ, безстыдство...

— Милая Ульяна Максимовна, мы сдѣлали только одну ошибку, что не пригласили въ заговоръ вашу дочку. Безъ ея согласія, вашъ сынъ, конечно, не смѣетъ распоряжаться собою. И я ему вполнѣ сочувствую. Такая достойная дѣвица: она устроиваетъ народныя кухни. Она ищетъ себѣ по всей Москвѣ помощниковъ. Стало быть, велика ея страсть къ идеѣ. Стало быть, ее нужно уважать. А я что̀ такое? Презрѣнное созданіе? Продажная женщина. Боже! Какъ же я могла попасть въ такое великолѣпное семейство? Тутъ кругомъ все добродѣтели. Я чувствую, какъ сама постепенно становлюсь добродѣтельна до того, что даже желала бы устроить народныя кухни!

Мама тутъ ужь окончательно не выдержала.

— Послушайте, если вы будете такъ продолжать, я васъ попрошу выдти вонъ.

— Неужели? А я на вашемъ мѣстѣ уже давно бы это сдѣлала. Развѣ вы не видите, что я забавляюсь надъ вами уже цѣлые полчаса? Не заступничество же ваше мнѣ было, въ самомъ дѣлѣ, нужно. Мнѣ просто хотѣлось посмотрѣть, какъ можно разозлить добродѣтельныхъ людей.

— Маменька, я извинился бы передъ вами за эту сумасшедшую, еслибы не ваша же собственная фантазія была пригласить ее сюда. Я вамъ двадцать разъ повторялъ, чтобы вы понапрасну не хлопотали о перемиріи. Вы сдѣлали по своему. Вотъ теперь выслушивайте ея дерзости. Я молчу.

— Adieu, mon bourgeois, кивнула Эмма, застегивая свою перчатку.—Въ случаѣ, если почувствуешь себя скверно и увидишь, что сестрица не помогаетъ, пріѣзжай ко мнѣ. Я великодушна, и приму тебя какъ хорошаго знакомаго. Адресъ мой ты знаешь. До свиданья, Ульяна Максимовна. Merci за вашу любезность. Клавдія Васильевна, sans adieux. Я надѣюсь еще пообѣдать въ вашей кухмистерской.

Жалокъ былъ Денисъ въ ту минуту, когда онъ провожалъ глазами свою жестокую красавицу. Онъ глядѣлъ такъ, какъ будто сейчасъ готовъ отдать полжизни, чтобы только вернуть ее назадъ. Его влекла къ ней даже самая дерзость ея, самый взглядъ, полный холоднаго презрѣнія. Что, еслибы усмирить этого звѣрька? Что, еслибы попрежнему приласкать его? Какая-то безвыходная тоска засвѣтилась на его лицѣ. Одна Клавдія оставалась невозмутимо спокойна, впродолженіе всей

Digitized by Google

этой сцены. Ни одна черта не дрогнула у нея; ни разу не сдѣлала она даже попытки что-нибудь возразить на замѣчанія взбѣшенной родственницы. Въ тотъ же вечеръ, сидя съ женихомъ въ гостиной, она удивила всѣхъ своей необыкновенной разсѣянностью и вообще чѣмъ-то страннымъ, до сихъ поръ еще незамѣченнымъ въ ея характерѣ. Она сдѣлалась вдругъ раздражительна, отвѣчала невпопадъ, а на нѣкоторые вопросы и совсѣмъ не отвѣчала. Или неожиданно пускалась въ длинные разговоры, которые обрывались на полуфразѣ и сопровождались странными взглядами. Говорятъ, будто въ этотъ день она какъ-то и черезъ кого-то получила дурныя вѣсти.

С. И. Смирнова.

Digitized by Google

КЛАССИФИКАЦІЯ НАУКЪ.

(*Auguste Comte:* Cours de philosophie positive).

Философія, по опредѣленію Милля, на столько широкому, что оно охватываетъ философію всѣхъ временъ и народовъ, есть наука о человѣкѣ, какъ о существѣ разумномъ, нравственномъ и соціальномъ. Сообразно этому опредѣленію, философію составляютъ высшія отрасли нашихъ знаній: психологія и соціальная наука. Но, изучая человѣка, какъ существо разумное, философія необходимо должна имѣть предметомъ изученія всю совокупность нашихъ знаній, а слѣдовательно все то, что составляетъ науку вообще. Эта отрасль философіи составляетъ то, что называется философіею наукъ. Она имѣетъ предметомъ выяснить значеніе каждой изъ отдѣльныхъ научныхъ отраслей, какъ части одного цѣлаго — науки о человѣкѣ. Для этого она должна относительно каждой науки опредѣлить ея предметъ, область и методъ изслѣдованія, показать ея мѣсто въ ряду другихъ наукъ и связь ея съ послѣдними, выяснить то вліяніе, которое она произвела и способна произвести на весь строй нашей мысли, и наконецъ связать въ цѣльную систему тѣ общія истины, которыхъ она достигла, съ истинами другихъ наукъ, и такимъ образомъ представить весь строй научнаго міросозерцанія, истиннаго пониманія человѣка и природы.

Изъ этого слѣдуетъ, что философія не отличается отъ науки ни методомъ, ни источникомъ, ни цѣлью изысканій. Вся разница между этими двумя отраслями нашихъ знаній заключается только въ характерѣ истинъ, составляющихъ содержаніе той и другой. Философія есть *общая* наука о природѣ и человѣкѣ; она заключаетъ въ себѣ общія истины, захватывающія, какъ части цѣлаго, отрывочные, научные выводы. Внѣ науки нѣтъ философіи; первая служитъ матеріаломъ послѣдней. Въ свою

Digitized by Google

очередь, различныя научныя отрасли, разсматриваемыя отдѣльно, независимо отъ ихъ философскаго смысла и связи между собою, не достигаютъ полноты своего значенія. Отдѣльныя истины, которыя заключаютъ въ себѣ математика, механика, химія, проливаютъ свѣтъ на тотъ или другой родъ явленій, совершающихся вокругъ насъ, но не даютъ намъ тѣхъ общихъ взглядовъ, которые составляютъ то, что̀ называется міросозерцаніемъ человѣка, которые могутъ и должны служить руководящими принципами въ нашей жизни. Безъ такихъ общихъ взглядовъ на жизнь люди никогда не обходятся. Взамѣнъ истинной философіи, они руководятся или предразсудками, или тѣми произвольными мнѣніями, которыя подсказываются намъ нашими чувствами и интересами. Научная философія, т.-е. такая, выводы которой были бы построены на научныхъ данныхъ, обладали бы внутренней убѣдительностью, что̀ составляетъ характеръ всякой строго-научной истины, и, слѣдовательно, имѣли бы сами по себѣ обязательную силу для каждаго, порождаетъ истинное, свободное отъ предразсудковъ міросозерцаніе, и въ то же время стремится внести единство и согласіе въ тѣ взгляды и мнѣнія, которые руководятъ нашими дѣйствіями. Знаніе порождаетъ предвидѣніе, говоритъ Огюстъ Контъ, а отъ предвидѣнія зависятъ наши стремленія дѣйствовать такъ или иначе. А такъ-какъ человѣкъ, для того, чтобы жить въ обществѣ, долженъ постоянно соглашать собственные интересы съ интересами другихъ людей, съ интересами всего человѣчества, то научная философія, одна, можетъ научить насъ, въ какія отношенія должны мы стремиться стать къ природѣ и людямъ, чтобы содѣйствовать увеличенію суммы человѣческаго счастія.

Проведенное здѣсь различіе между наукой и философіей есть единственное дѣйствительно между ними существующее и то—временное и второстепенное,—въ сущности наука и философія—одно и то же. Но есть еще различіе между ними, хотя не дѣйствительное, а только предполагаемое, но несравненно болѣе глубокое и коренное. Общее мнѣніе о философіи таково, что она отличается отъ науки не только характеромъ общности своихъ изысканій, но также ихъ цѣлью, методомъ и источникомъ, изъ котораго она почерпаетъ свои выводы. Часто говорятъ, что философія не удовлетворяется изученіемъ явленій природы, того, что̀ намъ открываютъ наблюденіе и опытъ, что она старается проникнуть въ *сущность* вещей, понять первичную причину бытія, найти основные принципы нашего знанія, вытекающіе не изъ совокупнаго изученія отдѣльныхъ наукъ, а изъ инаго источника. Но что̀ такое сущность вещей? Какой мо-

Digitized by Google

жетъ быть иной источникъ нашего знанія? Такая философія, которая стремится познать сущность вещей и возвести свое зданіе не изъ опыта, однимъ словомъ выйти изъ границъ научныхъ изслѣдованій, обыкновенно называется метафизикой. Наиболѣе характеристическія доктрины и методъ такого рода философіи представляетъ германская идеалистическая философія, пользовавшаяся, не далѣе какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, сильнымъ вліяніемъ не только въ Германіи, но и у насъ. Современное развитіе физіологіи, психологіи и въ особенности исторіи умственнаго развитія человѣчества навсегда подорвали основы подобныхъ философскихъ системъ, и тотъ кредитъ, которымъ онѣ когда-то пользовались среди массы образованнаго общества. Въ настоящее время почти нѣтъ нужды подвергать критикѣ доктрины идеальной философіи. Она, вѣроятно, скоро станетъ фактомъ прошлой жизни человѣчества. Но какъ фактъ, она составляетъ въ высшей степени важный предметъ философскаго изслѣдованія. Еслибы мы поняли, чѣмъ обусловливается стремленіе человѣка проникнуть сущность вещей, понять тайныя причины бытія, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, поняли бы, что это стремленіе вовсе не составляетъ исключительной принадлежности философіи, а составляетъ одно изъ свойствъ нашего ума на извѣстной степени развитія, и одинаково вносилось, какъ въ философію, такъ и въ науку, до тѣхъ поръ, пока развитіе знаній не приводило человѣка къ научному міросозерцанію въ той или другой области явленій. Въ основаніи всякой метафизической философіи лежитъ тотъ фактъ, что человѣкъ судитъ о видимой природѣ по себѣ, по тому, что происходитъ въ его сознаніи, принимаетъ ходъ собственныхъ мыслей за дѣйствительное устройство вселенной, вмѣсто того, чтобы судить о самомъ себѣ по тому, къ чему приводитъ его изученіе внѣшней природы. Декартъ прямо говоритъ: „я считалъ возможнымъ принять за общее правило, что все, сознаваемое мною ясно и отчетливо, истинно“. Собственно говоря, мы всѣ слѣдуемъ приблизительно тому же правилу. Мы принимаемъ за истину то, о чемъ свидѣтельствуетъ нашъ умъ. Но разница между обыкновеннымъ ходомъ мышленія и метафизикой состоитъ въ томъ, что мы считаемъ опытъ источникомъ и повѣркой нашихъ сужденій, тогда какъ идеалистическая философія отвергала такое значеніе опыта, придавала свидѣтельству нашего сознанія безусловное значеніе, считала нашъ умъ способнымъ къ открытію истины a priori. Прогрессъ нашего міросозерцанія состоитъ въ томъ, что путемъ опыта и наблюденія, шагъ за шагомъ, мы измѣняемъ и разрушаемъ наши вѣрованія и взгляды, установившіеся въ силу

Digitized by Google

непосредственной дѣятельности нашего ума, которая заставляетъ насъ субъективную связь между понятіями о явленіяхъ природы принимать за объективную связь между самыми явленіями. Въ своемъ первобытномъ міросозерцаніи, человѣкъ ничего не знаетъ о томъ, какъ происходятъ явленія природы, онъ не знаетъ того, что всѣ они связаны между собою и одно изъ нихъ вызываетъ другое, и служитъ такимъ образомъ причиной послѣдняго. Единственная причина явленій, которую онъ знаетъ непосредственно, помощію своего внутренняго опыта, — это его собственный произволъ, его желаніе и воля. Поэтому онъ одушевляетъ предметы внѣшняго міра. Все, что способно двигаться, или вносить какія-либо иныя измѣненія въ видимую природу, кажется ему живымъ, подобнымъ ему существомъ. Но самое поверхностное знакомство съ природой обнаруживаетъ сходство въ явленіяхъ и нѣкоторый порядокъ въ ихъ существованіи. Наблюденіе показываетъ, что многіе изъ предметовъ, казавшихся отдѣльными, другъ отъ друга независимыми живыми существами, въ существенныхъ чертахъ сходны между собою, что явленія, замѣчаемыя въ нихъ, происходятъ одинаково, что, наконецъ, многіе изъ этихъ предметовъ, казавшіеся дѣятельными, оказываются пассивными и до извѣстной степени подчиненными волѣ человѣка. Все это измѣняетъ первобытное міросозерцаніе, заставляетъ человѣка ставить предметы въ сходственныя группы и признать цѣлый родъ предметовъ подчиненными волѣ и мысли одного существа. Рѣка перестаетъ быть богомъ; на мѣсто ея ставится богъ морей. Это уже не предметъ, дѣйствительно существующій въ природѣ, котораго человѣкъ одарилъ сознаніемъ, чувствами и способностью произвольно управлять своими дѣйствіями, а существо высшаго порядка,—существо, способное управлять цѣлою группою явленій, и имѣющее свое пребываніе гдѣ-то въ пространствѣ, внѣ видимой природы. Но такъ-какъ этотъ богъ созданъ по образу человѣка, и такъ-какъ человѣкъ не можетъ понять, какимъ образомъ могъ бы онъ дѣйствовать на предметы, не приходя съ ними въ непосредственное прикосновеніе, то между этимъ богомъ и предметами внѣшняго міра предполагается внутренняя связь, обусловливающая подчиненіе первыхъ послѣднему. Эта-то связь въ первобытномъ міросозерцаніи и составляетъ *сущность*, природу вещи. Богъ политеистовъ управляетъ явленіями природы черезъ посредство этой сущности, на подобіе того, какъ машинистъ управляетъ машиною чрезъ посредство приводовъ и отводовъ, или извощикъ лошадью черезъ посредство возжей. Правильность, которую обнаруживаютъ явленія природы, позволяла приписать этой сущ-

Digitized by Google

ности различныя свойства, сообразно которымъ она проявляется въ мірѣ. Дѣятельность боговъ становится такимъ образомъ все менѣе и менѣе нужной для объясненія явленій природы; ихъ воля проявляется только тогда, когда совершается видимое, непонятное уклоненіе отъ общаго хода вещей. Впослѣдствіи представленіе о богахъ, какъ не нужное, исчезаетъ вовсе. Явленія внѣшняго міра оказываются уже зависящими не отъ сверхъестественнаго произвола, а отъ дѣятельнаго состоянія вѣчныхъ, неизмѣнныхъ сущностей. Послѣдняя такимъ образомъ есть не что иное, какъ обезличенный богъ. Это объясняетъ, почему въ древніе, средніе и даже новые вѣка природа одаряется различными сущностями и скрытыми силами: растенія—растительной душой, животныя—жизненной силой, неодушевленная природа—боязнью пустоты, стремленіемъ въ совершенству и т. д. Милль предлагаетъ назвать такой строй мысли абстрактнымъ. Послѣднее названіе оправдывается тѣмъ, что значеніе сущностей придается всегда отвлеченіямъ (абстракціямъ) нашего ума—всѣмъ общимъ понятіямъ (животное, растеніе и т. д.) у Платона, „протяженности“ и „мысли“—у Декарта и проч.

Дальнѣйшее изученіе природы дѣйствительнаго хода явленій стремится окончательно разрушить субъективное міросозерцаніе. Законы природы, т.-е. тѣ единообразія, въ которыхъ одно явленіе неизмѣнно слѣдуетъ за другимъ или существуетъ съ нимъ одновременно, коль скоро они поняты, даютъ полное объясненіе явленій природы, позволяютъ намъ предсказывать ихъ, и такимъ образомъ дѣлаютъ совершенно излишнимъ предположеніе о какихъ-либо таинственныхъ дѣятеляхъ, будутъ ли то боги, или метафизическія сущности.

Такъ-какъ переходъ черезъ субъективное міросозерцаніе къ объективному составляетъ общее свойство нашего ума, то первое одинаково вносилось, какъ въ философію, такъ и въ науку; и съ этой точки зрѣнія между той и другой нѣтъ существенной разницы. Каждая наука, прежде нежели она достигла ея современнаго состоянія, проходила черезъ теологическій и метафизическій періоды. У древнихъ была только одна положительная наука — математика. Физика вступила въ положительный фазисъ только со временъ Декарта и Галилея, а физіологія еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія находилась въ области метафизики. Если есть, съ этой точки зрѣнія, разница между философіей и наукой, то только та, что первая позже всѣхъ другихъ наукъ вступаетъ въ положительный періодъ. Ниже мы увидимъ, что обусловливаетъ послѣдовательный переходъ одной науки за другой въ положительный фазисъ. Здѣсь достаточно сказать,

Digitized by Google

что философія уже потому позже всѣхъ другихъ наукъ должна стать положительною, что она имѣетъ цѣлью связать всѣ наши отдѣльныя знанія въ одно цѣлое помощію одного общаго господствующаго принципа. Этотъ принципъ состоитъ въ томъ, что всѣ явленія природы совершаются по извѣстнымъ законамъ, что среди ихъ господствуютъ неизмѣнный порядокъ и правильность. А какимъ образомъ могло это произойти, когда въ различныхъ наукахъ господствовали различные принципы? Въ то время, когда механика и физика изучали законы явленій природы, физіологія видѣла въ жизни результатъ дѣйствія различныхъ таинственныхъ силъ, а судьбы народовъ признавались подчиненными случаю и произволу. Но коль скоро между мыслителями стало распространяться убѣжденіе въ томъ, что самыя сложныя и запутанныя явленія нашей душевной жизни и общества подчиняются опредѣленнымъ законамъ, коль скоро такимъ образомъ всѣ отдѣльныя научныя отрасли вступили въ положительный періодъ, стала возможной и дѣйствительно возникла положительная философія. Она, какъ мы видѣли, не имѣетъ ничего общаго съ метафизикой, будетъ ли то идеализмъ или матеріализмъ, какъ относительно доктринъ, точно также относительно метода, источника и цѣли изысканій, и представляетъ полную солидарность съ наукой. То несовершенство, въ которомъ еще до сихъ поръ находятся отдѣльныя научныя отрасли, оставляетъ еще много работы будущимъ поколѣніямъ; мы далеко не овладѣли вполнѣ философіею природы и человѣка. Но тѣмъ не менѣе, мы знаемъ уже достаточно, чтобы не ограничиваться частностями, а возвыситься до общаго научнаго міросозерцанія. Мы владѣемъ уже общими, научными истинами на столько, чтобы въ общихъ чертахъ представить себѣ дѣйствительное устройство вселенной и человѣческой природы. Изъ всѣхъ европейскихъ мыслителей, Огюстъ Контъ, первый болѣе или менѣе полно и ясно выразилъ методъ и задачу философіи, построенной на наукѣ, и назвалъ ее *положительной,* въ противоположность господствовавшей въ его время метафизической философіи. Онъ создалъ геніальное обобщеніе, выражающее умственное развитіе человѣчества, и, подчинивъ такимъ образомъ правильности самый сложный и запутанный родъ явленій, сталъ на такую точку зрѣнія, съ которой могъ однимъ взглядомъ окинуть всю сумму нашихъ знаній, и если не построить, то положить основаніе тому, что должно составить истинную философію человѣчества. Въ основаніи его системы философіи лежитъ „классификація“, или какъ онъ ее называетъ „іерархія наукъ“. Задача классификаціи наукъ состоитъ въ томъ, чтобы найти тотъ принципъ, который

Digitized by Google

связываетъ между собою отдѣльныя науки въ одну цѣльную систему, поставить ихъ въ тотъ рядъ, въ которомъ онѣ могутъ и должны быть раціонально изучаемы, и въ которомъ онѣ, слѣдовательно, исторически развивались. Сама по себѣ классификація наукъ не составляетъ философіи, но она указываетъ на тотъ планъ, по которому послѣдняя должна быть построена, и внѣ котораго невозможна научная философія, истинное знаніе о природѣ и человѣкѣ. Эта-то „классификація наукъ" Огюста Конта и составляетъ предметъ предлагаемой статьи.

„Іерархія или классификація наукъ" Огюста Конта вызвала много возраженій со стороны англійскаго мыслителя Герберта Спенсера. Сущность этихъ возраженій вытекаетъ изъ той мысли, что Огюстъ Контъ подчиняетъ своей системѣ всѣ наши знанія, которымъ присвоено названіе науки. А между тѣмъ на дѣлѣ этого вовсе нѣтъ. Въ той массѣ фактовъ, обобщеній и теорій, которыя составляютъ содержаніе того, что̀ вообще называется наукой, можно провести весьма рѣзкую границу между двумя родами знаній: знаніемъ эмпирическимъ, и знаніемъ строго-научнымъ, или теоретическимъ. Первое представляетъ собраніе фактовъ, добытое простымъ наблюденіемъ, и служащее только матеріаломъ для науки. Научныя теоріи опираются всегда на открытые уже законы природы; онѣ объясняютъ соотвѣтственныя явленія, то-есть ставятъ ихъ въ причинную зависимость одно отъ другого и даютъ возможность предсказать, что̀ наступитъ при той или другой комбинаціи обстоятельствъ. Когда ботаникъ находитъ новое растеніе, изучаетъ его внѣшній видъ и строеніе, онъ обогащаетъ науку эмпирическимъ фактомъ, то-есть доставляетъ матеріалъ, который, впослѣдствіи, можетъ послужить къ открытію законовъ, которымъ подчиняется жизнь и строеніе растеній. Но когда физіологъ наблюдаетъ животное въ извѣстныхъ условіяхъ, въ такихъ, которыя даютъ ему возможность опредѣлить измѣненія, порождаемыя въ отправленіяхъ животнаго соотвѣтственнымъ измѣненіемъ внѣшнихъ условій, то онъ открываетъ законы жизни, ту связь между организмомъ и внѣшней средой, которая обусловливаетъ ихъ взаимное вліяніе и даетъ объясненіе наблюдаемымъ фактамъ. Но эмпирическое знаніе не ограничивается тѣмъ, что наблюдаетъ и описываетъ явленія природы: оно устанавливаетъ также обобщенія, которыя, въ отличіе отъ истинныхъ законовъ природы, называются эмпирическими.

Законы природы бываютъ двухъ родовъ: коренные и произ-

Digitized by Google

водные. Коренные законы природы указываютъ всегда на такія единообразія связи причины со слѣдствіемъ, которыя не допускаютъ никакого объясненія. Таковъ, напримѣръ, въ механикѣ законъ инерціи, который состоитъ въ томъ, что тѣло, приведенное въ движеніе, и затѣмъ предоставленное самому себѣ, стремится постоянно двигаться по одному и тому же направленію, съ неизмѣнной скоростью. Почему приведенное въ движеніе тѣло получаетъ такого рода стремленіе, мы не можемъ понять; да умъ нашъ и не требуетъ какого-либо дальнѣйшаго объясненія. Мы до такой степени освоились съ этимъ закономъ, и до такой степени увѣрены, что такъ всегда было, есть и будетъ, что коль скоро намъ удается какое-нибудь сложное движеніе свести къ этому коренному закону, то мы говоримъ, что мы поняли явленіе, что мы знаемъ, какъ оно совершается. Такъ, мы понимаемъ движеніе земли вокругъ солнца, коль скоро знаемъ, что оно составляетъ неизбѣжное слѣдствіе двоякаго стремленія земнаго шара: съ одной стороны, двигаться съ первоначальной скоростью по прямому направленію, и съ другой, въ каждый моментъ движенія, приблизиться къ солнцу съ опредѣленной скоростью. Явленіе движенія земли вокругъ солнца нами понято, коль скоро мы разложили его на два коренныхъ закона природы: законъ инерціи и законъ тяготѣнія. Производными законами природы называются такія единообразія связи причины со слѣдствіемъ, которыя составляютъ результатъ взаимнодѣйствія коренныхъ законовъ среди данныхъ условій; поэтому они допускаютъ объясненіе, то-есть могутъ быть разложены на болѣе простые, составляющіе ихъ коренные законы природы. Таковъ, напримѣръ, тотъ законъ природы, или то единообразіе, что въ ясную, безоблачную ночь роса бываетъ обильнѣе, нежели тогда, когда небо покрыто облаками. Это единообразіе разлагается на нѣсколько болѣе простыхъ: законы, отъ которыхъ зависитъ влажность воздуха и паденіе росы, и законы, отъ которыхъ зависитъ охлажденіе земной коры. Эти послѣдніе, въ свою очередь, разлагаются на еще болѣе простыя единообразія, или законы. Точно также законъ, выражающій дѣйствительное движеніе земли вокругъ солнца, есть законъ производный, такъ-какъ онъ вытекаетъ изъ совокупнаго дѣйствія коренныхъ законовъ движенія и тяготѣнія, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится наша планета. Всѣ единообразія, которыя мы видимъ въ природѣ, составляютъ производные законы. Коренныхъ законовъ немного, и они никогда не проявляютъ полнаго своего дѣйствія. Тѣла, приведенныя въ движеніе, не могутъ двигаться вѣчно по одному и тому же направленію съ неизмѣнной скоростью; точно также

Digitized by Google

тѣла не падаютъ на землю со скоростью прямо пропорціональной квадратамъ разстояній. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ сопротивленіе среды и треніе измѣняютъ то движеніе, которое послѣдовало бы, еслибы тѣла повиновались только законамъ инерціи и тяжести. Производныхъ же единообразій безчисленное множество; столько, сколько можетъ быть различныхъ сочетаній коренныхъ законовъ и различныхъ распредѣленій тѣхъ условій, среди которыхъ совершаются явленія природы. Понятно, что толчокъ, сообщающій тѣлу движеніе, можетъ произвести явленія чрезвычайно разнообразныя, смотря по тому, находилось ли тѣло передъ этимъ въ движеніи, или въ покоѣ, можетъ ли оно двигаться свободно въ пространствѣ, или притягивается какими-либо тѣлами, наконецъ, находится ли это тѣло въ жидкомъ, твердомъ состояніи, и т. д. Коренные законы природы гарантируютъ неизмѣнную правильность и порядокъ вселенной; безконечное же разнообразіе явленій вытекаетъ изъ возможности безконечнаго числа различнаго рода сочетаній и отношеній, въ которыхъ могутъ находиться различныя силы природы. Какъ скоро мы поняли, такимъ образомъ, разницу между кореннымъ и производнымъ закономъ природы, намъ должно быть ясно, что производный законъ явленія обнаружить несравненно легче, нежели свести это явленіе на коренные законы. Что зимой прекращается жизнь растеній, что земля въ это время года покрывается снѣгомъ, что у экватора растительность богаче, нежели въ сѣверныхъ широтахъ, и т. д., все это, очевидно, производные законы. Мы знаемъ множество такихъ производныхъ единообразій. Одни изъ нихъ мы можемъ объяснить, то-есть разложить на тѣ коренные законы, отъ которыхъ они зависятъ; другіе же,—и такихъ несравненно больше,—таковы, что мы ихъ не можемъ объяснить, не умѣемъ разложить на простѣйшіе законы. Въ послѣднемъ случаѣ, для объясненія эмпирическихъ единообразій природы, мы строимъ обыкновенно гипотезы. Эти гипотезы могутъ представлять характеръ строго-научный, но могутъ быть также теологическаго или метафизическаго свойства.

Во всѣ времена и во всѣхъ слояхъ общества, люди владѣли и владѣютъ цѣлой массой эмпирическихъ фактовъ и обобщеній. Но это обстоятельсто не мѣшаетъ имъ давать явленіямъ природы самыя произвольныя объясненія, видѣть причины явленій въ произволѣ сверхъестественныхъ существъ, или въ метафизическихъ абстракціяхъ. Такого рода единообразія, какъ то, что дымъ восходитъ къ верху, что желѣзо тонетъ въ водѣ, были извѣстны Аристотелю, какъ эмпирическіе законы, но это не помѣшало ему надѣлить дымъ и желѣзо, и вообще всѣ неодушев-

Digitized by Google

ленные предметы таинственнымъ стремленіемъ искать своего мѣста въ природѣ. Подобные взгляды не могутъ быть разрушены цѣлою массою эмпирическихъ обобщеній; но они должны навсегда потерять свой смыслъ, коль скоро установлены законы равновѣсія твердыхъ, газообразныхъ и жидкихъ тѣлъ. Слѣдуетъ помнить, что наука исполняетъ, относительно нашего міросозерцанія, двоякую функцію: съ одной стороны, она доставляетъ намъ истинное знаніе о дѣйствительномъ устройствѣ вселенной, и въ то же время, съ другой стороны, разрушаетъ установившіеся въ нашемъ умѣ непосредственно ложные взгляды и вѣрованія. Съ этой точки зрѣнія и важно различить эмпирическое знаніе отъ научнаго. Первое уживается съ самыми грубыми заблужденіями, послѣднее устанавливается не иначе, какъ на развалинахъ предразсудковъ. Наука переходитъ въ положительный періодъ только тогда, когда овладѣваетъ законами природы, и чрезъ это исключаетъ возможность теологическаго или метафизическаго объясненія изучаемыхъ явленій; до тѣхъ же поръ она можетъ владѣть массою эмпирическихъ фактовъ, обобщеній, которыя даютъ нѣкоторое положительное знаніе, но въ то же время находиться въ рукахъ метафизиковъ и теологовъ. Съ этой точки зрѣнія весьма возможно провести различіе между знаніемъ строго-научнымъ и эмпирическимъ. Для цѣли же настоящей статьи приведенное различіе важно и по другой причинѣ. Мы отдѣлили такимъ образомъ то, что обнимаетъ Контова классификація наукъ, отъ того, чего она не обнимаетъ. Мы уже сказали, что Огюстъ Контъ ставитъ науки въ тотъ рядъ, въ которомъ онѣ единственно могутъ быть раціонально изучаемы, и что этотъ рядъ есть именно тотъ самый, въ которомъ шло послѣдовательно развитіе наукъ. Само по себѣ эмпирическое знаніе даетъ очень мало; но для того, чтобы понять законы природы, теоретическое объясненіе явленій, необходимо знакомство съ самыми явленіями, съ эмпирическими фактами и обобщеніями. Человѣкъ, который никогда не видалъ скелета и не освоился съ фактами анатомическаго строенія тѣла, конечно, не пойметъ научнаго объясненія этихъ фактовъ и отправленій человѣческаго организма. Вслѣдствіе этого эмпирическое знаніе, какъ въ исторіи всего человѣчества, такъ и въ жизни отдѣльнаго лица, составляетъ необходимую подготовку къ научнымъ знаніямъ. Но Огюстъ Контъ въ своей классификаціи вовсе не принимаетъ въ разсчетъ этого обстоятельства. Онъ не разсматриваетъ того, въ какомъ порядкѣ человѣчество знакомилось съ эмпирическими единообразіями природы, съ отдѣльными фактами, или въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ знакомиться съ ними. Онъ указываетъ

Digitized by Google

только на то, въ какомъ порядкѣ слѣдовало одно за другимъ открытіе законовъ природы, и въ какомъ порядкѣ эти законы могутъ и должны быть изучаемы. Его классификація обнимаетъ только науку въ строгомъ смыслѣ.

Установивъ такимъ образомъ надлежащую точку зрѣнія на предметъ, мы перейдемъ къ самой классификаціи. Изучая явленія природы, мы проходимъ два пути. Сначала, путемъ наблюденія и опыта надъ отдѣльными явленіями природы, мы восходимъ къ общимъ законамъ природы, къ тѣмъ единообразіямъ, отъ которыхъ зависитъ цѣлый родъ, или даже всѣ явленія природы. Таковы законы движенія, тяжести, теплоты, питанія животныхъ и растеній, и т. д. Затѣмъ, коль скоро такіе общіе законы природы установлены, мы еще не владѣемъ полнымъ знаніемъ того, какимъ образомъ совершаются въ природѣ различныя явленія. Всякое, на самомъ дѣлѣ совершающееся, явленіе подчиняется дѣйствію не одного, а нѣсколькихъ законовъ, и притомъ эти законы дѣйствуютъ среди извѣстныхъ условій, во всякомъ частномъ случаѣ между собою различныхъ. Всѣ различные организмы животныхъ одинаково подчиняются общимъ законамъ питанія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ они представляютъ весьма различныя условія, среди которыхъ эти законы дѣйствуютъ; вслѣдствіе чего самыя явленія питанія въ различныхъ организмахъ различны. Чтобы понять, какъ они происходятъ, намъ предстоитъ выяснить дѣйствіе общихъ законовъ питанія въ каждомъ частномъ случаѣ. Для того, чтобы, на основаніи общихъ законовъ природы, объяснить конкретное, на самомъ дѣлѣ происходящее явленіе, намъ необходимо знать еще тѣ отношенія, въ которыхъ находятся между собою отдѣльные элементы, изъ которыхъ слагается явленіе, помимо тѣхъ законовъ, которые опредѣляютъ дѣйствія этихъ элементовъ. Для того, чтобы понять, напримѣръ, происходящее на самомъ дѣлѣ движеніе планетъ вокругъ солнца, намъ недостаточно знать законы тяготѣнія и движенія, которымъ подчиняется это явленіе; намъ нужно знать еще отношеніе между элементами, изъ которыхъ оно слагается: разстояніе планетъ отъ солнца и отношеніе между ихъ массами. Еслибы это разстояніе и это отношеніе между массами было бы не то, которое на самомъ дѣлѣ существуетъ, то и явленіе происходило бы иначе. Вслѣдствіе всего этого Огюстъ Контъ раздѣляетъ все наше научное знаніе на два отдѣла: *абстрактныя* науки и *конкретныя* науки. Первыя имѣютъ цѣлью установить общіе законы природы, вторыя — примѣнить эти законы къ объясненію тѣхъ частныхъ случаевъ, въ которыхъ явленія на самомъ дѣлѣ совершаются, выяснить явленіе, какъ

Digitized by Google

конкретное цѣлое, на основаніи общихъ законовъ, опредѣляющихъ дѣйствіе элементовъ, изъ которыхъ оно слагается. Геометрія, напримѣръ, наука абстрактная. Она изслѣдуетъ общіе законы, которымъ подчиняются пространственныя свойства тѣлъ: ихъ фигура, величина, положеніе. Химія, біологія точно также науки абстрактныя, такъ-какъ онѣ изучаютъ общіе законы соотвѣтственнаго рода явленій. Минералогія — наука конкретная. Она имѣетъ предметомъ, на основаніи законовъ геометріи, механики, физики и химіи, объяснить всѣ свойства каждаго изъ минераловъ. Зоологія—наука конкретная, такъ-какъ она имѣетъ цѣлью примѣнить общіе законы біологіи въ дѣйствительной исторіи живыхъ существъ, и т. д. Хотя, на дѣлѣ, вслѣдствіе низкой степени совершенства нашихъ знаній, вслѣдствіе того, что конкретное изученіе явленій нами почти еще вовсе не достигнуто — абстрактное и конкретное изученіе часто сливаются въ одной наукѣ, тѣмъ не менѣе принципъ, указанный Огюстомъ Контомъ, то-есть то обстоятельство: занимается ли наука изученіемъ элементарныхъ законовъ явленій, или объясненіемъ того, какъ эти законы проявляются среди того разнообразія и сложности явленій, которыя мы встрѣчаемъ въ природѣ, даетъ возможность провести рѣзкое и существенное различіе между этими двумя отдѣлами нашихъ знаній. Абстрактныя науки, если и не даютъ намъ полнаго объясненія явленій, то во всякомъ порождаютъ убѣжденіе въ правильности этихъ явленій, указываютъ на то, чѣмъ они обусловливаются, и избавляютъ насъ такимъ образомъ отъ коренныхъ заблужденій теологическаго или метафизическаго характера. Если, владѣя даже общими законами природы, мы не всегда можемъ объяснить ходъ явленія, то во всякомъ случаѣ мы всегда знаемъ, какого рода вообще можетъ и должно быть такое объясненіе, и какимъ путемъ мы можемъ его достигнуть. Конкретныя науки стоятъ въ логически-подчиненномъ отношеніи къ наукамъ абстрактнымъ. Вслѣдствіе этого, а также и потому еще, что, какъ замѣчаетъ Милль, конкретныхъ наукъ еще не существуетъ, Огюстъ Контъ занимается исключительно классификаціей наукъ абстрактныхъ.

Такихъ наукъ онъ принимаетъ шесть. Согласно мнѣнію Милля, мы ихъ примемъ семь, и ниже объяснимъ причины такого разногласія. Вотъ эти науки въ томъ порядкѣ, который указанъ Огюстомъ Контомъ: математика, астрономія, физика, химія, біологія, психологія, соціологія. Первыя четыре науки имѣютъ предметомъ изученіе законовъ природы неорганической, послѣднія три—законы жизни растеній, животныхъ и человѣка. Разсматривая этотъ рядъ, въ который науки поставлены Огю-

Digitized by Google

стомъ Контомъ, мы замѣчаемъ, что это тотъ самый порядокъ, который самопроизвольно установился между ними при ихъ изученіи. Въ самомъ дѣлѣ, всякій знаетъ, что нельзя изучать физику и астрономію, не зная математики; точно также, не зная физики, нельзя изучать химіи. Безъ этихъ двухъ наукъ немыслимо изученіе біологіи. Единственная наука, представляющая исключеніе изъ этого ряда—это соціологія. Историки, юристы, экономисты считаютъ свои науки стоящими отдѣльно и независимо отъ другихъ наукъ, и не находятъ нужнымъ для пониманія исторической, политической и экономической жизни народовъ—изученіе наукъ естественныхъ. Но вслѣдствіе этого самаго обстоятельства исторія и вообще наука объ обществѣ, въ томъ видѣ, въ которомъ она находится до сихъ поръ, не можетъ быть названа наукой въ строгомъ смыслѣ. Это болѣе или менѣе систематическое собраніе изслѣдованныхъ фактовъ, личныхъ мнѣній, эмпирическихъ выводовъ и обобщеній, но не изслѣдованіе законовъ соціальныхъ явленій. Исключеніе можетъ быть сдѣлано только въ пользу экономической науки, которая, вслѣдствіе совершенно особенныхъ обстоятельствъ, раньше всѣхъ отдѣловъ соціологіи получила научный характеръ. Заслуги историковъ и вообще людей, занимавшихся изученіемъ общественныхъ явленій, безъ сомнѣнія, велики, но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ сказать, что не ихъ изысканія привели насъ къ открытію законовъ, управляющихъ общественными явленіями, насколько послѣднія намъ извѣстны. Огюстъ Контъ, выдвинувшій соціальную науку изъ эмпирическаго состоянія на высоту положительной науки, по своей профессіи, былъ математикъ, а по характеру своихъ знаній былъ философъ, въ истинномъ значеніи слова, т.-е. владѣлъ всѣми отраслями нашихъ знаній, и умѣлъ слить ихъ въ одно цѣлое. Бокль, хорошо извѣстный русскимъ читателямъ, изучалъ исторію, также какъ и Контъ, въ связи съ остальными отраслями нашихъ знаній.

Что же опредѣляетъ ту послѣдовательную зависимость между науками, которая ставитъ ихъ въ вышеуказанный порядокъ? Такъ-какъ способности наши, при изученіи того или другаго рода явленій, однѣ и тѣ же, то, очевидно, что послѣдовательная зависимость между науками должна опредѣляться зависимостью, въ которой стоятъ между собою самыя явленія. Положимъ, что предметъ нашего изученія — явленія жизни. Какъ и всѣ предметы въ мірѣ, животное обладаетъ пространственными свойствами. Эти свойства подчиняются законамъ геометріи и обусловливаютъ жизненныя явленія, совершающіяся въ организмѣ. Форма и размѣръ кровеносныхъ сосудовъ оказываютъ вліяніе на

Digitized by Google

кровеобращеніе; форма сочлененія костей, смотря по тому, будетъ ли она шарообразная или цилиндрическая, и т. д., оказываетъ вліяніе на движеніе конечностей. Условія равновѣсія организма, движеніе жидкостей въ сосудахъ подчиняются законамъ механики. Физическіе и химическіе процессы, происходящіе въ организмѣ, подчиняются тѣмъ же законамъ, какимъ они подчиняются въ природѣ неорганической. Ясно, для того, чтобы понять законы жизни, надобно сначала понять законы пространства, движенія, электричества и т. д., такъ-какъ явленія жизни стоятъ въ зависимости отъ этихъ болѣе простыхъ явленій. И такъ изученіе и послѣдовательное развитіе абстрактныхъ наукъ логически подчиняется той зависимости, въ которой стоятъ между собою общія, изучаемыя ими, элементарныя явленія: пространства, движенія, тяжести, теплоты, свѣта, жизни, и т. д.

Принципъ, обусловливающій зависимость между этими, общими элементарными явленіями, есть принципъ *убывающей простоты* и *общности*, или *возрастающей сложности* явленій. Этотъ принципъ, который мы объяснимъ, разсматривая предметъ каждой отдѣльной научной отрасли, ставитъ науки въ тотъ рядъ, который указанъ Огюстомъ Контомъ. Въ этомъ ряду онѣ представляютъ слѣдующія въ высшей степени важныя, характеристическія свойства. Вопервыхъ, истины наукъ послѣдующихъ въ этомъ ряду логически зависятъ отъ истинъ наукъ предшествующихъ, и безъ знанія послѣднихъ не могутъ быть поняты. Истины же наукъ предшествующихъ не зависятъ отъ истинъ наукъ послѣдующихъ, и могутъ быть изучаемы независимо отъ послѣднихъ, вслѣдствіе чего предшествующія науки являются необходимымъ логическимъ орудіемъ для изслѣдованія законовъ болѣе сложныхъ явленій, составляющихъ предметъ наукъ послѣдующихъ. Вовторыхъ, вслѣдствіе этого обстоятельства, этотъ же самый рядъ выражаетъ историческій порядокъ развитія отдѣльныхъ наукъ. Науки, предшествующія въ этомъ ряду, достигли положительнаго состоянія, т.-е. открытія законовъ, которымъ подчиняются изучаемыя явленія раньше наукъ послѣдующихъ. Втретьихъ, вслѣдствіе постепенно увеличивающейся сложности явленій, возрастаетъ трудность ихъ изслѣдованія. Вмѣстѣ съ трудностью увеличиваются и наши средства изслѣдованія, такъ-какъ чѣмъ сложнѣе явленіе, тѣмъ съ бо̀льшихъ сторонъ становится оно намъ доступнымъ. Но такъ-какъ возрастаніе трудности, представляемой усложненіемъ явленій, и нашихъ средствъ изслѣдованія, идетъ не пропорціонально, то, въ концѣ концовъ, наукамъ послѣдующимъ въ этомъ ряду доступна вообще меньшая степень совершенства, нежели наукамъ предшествующимъ.

Digitized by Google

Вчетвертыхъ, на міросозерцаніе людей, даже необразованныхъ, наука вліяетъ двумя способами. Она порождаетъ вѣрное предсказаніе явленій, и такимъ образомъ, открываетъ всѣмъ господство въ природѣ извѣстной правильности естественныхъ законовъ. Въ то же время всякая наука порождаетъ соотвѣтственное искусство, т.-е. даетъ намъ возможность вносить въ природу измѣненія, соотвѣтствующія нашимъ собственнымъ цѣлямъ. И тѣмъ, и другимъ путемъ наука разрушаетъ предразсудки массъ, такъ-какъ сущность этихъ предразсудковъ заключается въ томъ, что явленія природы зависятъ отъ произвола сверхъестественныхъ существъ, и, слѣдовательно, не допускаютъ ни прямого воздѣйствія на нихъ человѣка, ни знанія о томъ, что̀ будетъ впередъ. Предразсудки, связанные съ появленіемъ кометъ, были разрушены вѣрнымъ предсказаніемъ этого рода явленій. Точно также Франклинъ разрушилъ предразсудки, связанные съ явленіемъ грозы, овладѣвъ направленіемъ дѣйствія молніи помощію металлическаго шеста. Въ этомъ отношеніи, по мѣрѣ того, какъ явленія усложняются, и науки становятся менѣе совершенными, наша способность предсказанія явленій все болѣе и болѣе ограничивается. Чѣмъ сложнѣе явленіе, тѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе условія, отъ которыхъ оно зависитъ, и тѣмъ труднѣе предвидѣть и взвѣсить все то, что̀ можетъ вліять на него. Но въ то же время наша способность измѣнять явленія, направлять дѣйствіе силъ природы къ достиженію нашихъ собственныхъ цѣлей, все болѣе и болѣе возрастаетъ. Это зависитъ отъ той же самой причины, потому что чѣмъ явленіе сложнѣе, тѣмъ большее число различныхъ вліяній со стороны человѣка оно допускаетъ. Въ этомъ легко убѣдиться, сравнивъ двѣ крайнія отрасли нашихъ знаній: астрономію и соціологію. Астрономія допускаетъ только предсказаніе явленій, но за то послѣднія бываютъ въ ней почти безошибочны. Соціологія же почти вовсе не допускаетъ предсказаній; зато явленія общественной жизни въ высшей степени подчинены нашему вліянію. И такъ въ этомъ ряду наукъ, по мѣрѣ того, какъ наша способность предсказывать явленія ограничивается, наша способность измѣнять ихъ, направляя къ извѣстнымъ цѣлямъ, возрастаетъ.

Краткій анализъ предмета каждой изъ наукъ, составляющихъ вышеуказанный рядъ, дастъ намъ возможность объяснить все только что сказанное.

Самое простое и общее свойство всѣхъ предметовъ, какъ дѣйствительно существующихъ, такъ и воображаемыхъ, состоитъ въ томъ, что они могутъ быть считаемы, или, что̀ то же самое, измѣряемы. Нѣтъ въ природѣ явленія, которое не подчинялось

Digitized by Google

бы числовымъ, математическимъ законамъ, не исключая самыхъ сложныхъ явленій жизни и общества, хотя, быть можетъ, математическіе законы наиболѣе сложныхъ явленій никогда нами не будутъ открыты. Въ этомъ заключается общность математическихъ истинъ; онѣ касаются всѣхъ явленій природы. Высшая же степень простоты математики заключается въ томъ, что истины касающихся чиселъ, количественныхъ отношеній, не зависятъ отъ законовъ какихъ-либо иныхъ явленій: тяжести, теплоты, и т. д., кромѣ своихъ собственныхъ, и слѣдовательно, не усложняются ими. Дважды три будетъ шесть, независимо отъ того, идетъ ли рѣчь объ измѣреніи длины, скорости, напряженіи, тяжести, или температуры тѣла. Такимъ образомъ математика, имѣющая предметомъ изученіе законовъ количественныхъ отношеній между явленіями, есть самая простая и самая общая изъ всѣхъ наукъ. Она не нуждается въ пособіи другихъ наукъ, тогда какъ ни одна изъ другихъ отраслей не можетъ быть раціонально изучаема безъ пособія математики. Математика раздѣляется на чистую и прикладную. Первая имѣетъ предметомъ изученіе абстрактныхъ величинъ. Предметъ второй составляетъ приложеніе абстрактныхъ способовъ вычисленія къ изученію тѣхъ количественныхъ отношеній, которыя представляютъ явленія природы. Первый отдѣлъ математики Контъ называетъ абстрактной математикой, а второй—конкретной.

Сказанное объ общности и простотѣ математическихъ истинъ, очевидно, касается только математическаго анализа. Но, спрашивается, какого же рода явленія природы представляютъ предметъ изученія конкретной математики? Очевидно, тѣ явленія, количественные законы которыхъ нами могутъ быть поняты и установлены путемъ наблюденія и опыта. Необходимымъ условіемъ при этомъ оказывается извѣстная степень простоты явленія, отсутствіе сложности въ обстоятельствахъ, постоянно сопровождающихъ его. По мѣрѣ того, какъ явленіе усложняется, оно становится все менѣе и менѣе доступнымъ математическимъ вычисленіямъ. Въ настоящее время только явленія природы неорганической поддаются математическимъ вычисленіямъ. Физика и отчасти химія пользуются математикой, но не составляютъ наукъ математическихъ. Только явленія пространства, движенія и тяготѣнія — геометрія, механика и астрономія — составляютъ три отдѣла конкретной математики. Но вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, на которыя мы укажемъ ниже, Огюстъ Контъ находитъ болѣе удобнымъ считать астрономію отдѣльной наукой, и не включать ее въ область математики.

Прослѣдимъ же теперь то логическое подчиненіе, въ кото-

Digitized by Google

ромъ стоятъ эти отрасли конкретной математики. Вслѣдъ за числовыми свойствами явленій, самыя простыя и общія ихъ свойства—пространственныя. Очевидно, что законы, опредѣляющіе объемъ, поверхность, фигуру и положеніе предметовъ, не зависятъ отъ законовъ какихъ бы то ни было физическихъ, или иныхъ явленій. Законъ, опредѣляющій объемъ шара или эллипсоида, будетъ одинъ и тотъ же, независимо отъ того, находится ли этотъ шаръ въ движеніи или въ покоѣ, обладаетъ ли тѣмъ или другимъ физическимъ свойствомъ или нѣтъ, и т. д. Истины геометріи зависятъ отъ своихъ собственныхъ законовъ, опредѣляющихъ отношеніе между геометрическими элементами пространства, и усложняются только числовыми законами. Вслѣдъ за геометрическими свойствами тѣлъ, самое общее явленіе, представляемое природой — есть движеніе. Коль скоро какая бы то ни была сила природы: простой толчокъ одного движущагося тѣла о другое, сила пара, или сокращеніе мышцъ, приводитъ тѣло въ движеніе, это движеніе совершается по однимъ и тѣмъ же законамъ, независимо отъ происхожденія силы, породившей его. Поэтому истины механики не зависятъ отъ законовъ физическихъ и химическихъ, такъ-какъ эта наука изучаетъ движеніе, не обращая вниманія на то, изъ какихъ источниковъ оно вообще происходитъ. Истины механики зависятъ только отъ своихъ собственныхъ законовъ, открываемыхъ путемъ опыта, и усложняются только законами геометріи и математики. Но безъ знанія законовъ пространства и законовъ чиселъ невозможно понять законы механики. И такъ, мы видимъ, что конкретные отдѣлы математики: геометрія и механика располагаются сообразно тому же принципу убывающей простоты или возростающей сложности. Теперь намъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о порядкѣ историческаго возникновенія отдѣльныхъ отраслей математики. Что касается до математики и геометріи, то крайняя простота изучаемыхъ ими явленій, высокая степень ихъ общности, а также отдаленность отъ нашихъ страстей и интересовъ, все это послужило къ тому, что математика во всѣ времена была совершеннѣйшею изъ наукъ и служила прототипомъ положительнаго вида мышленія. По всей вѣроятности въ этой наукѣ теологическій періодъ, т.-е такой, въ которомъ люди ставятъ явленія природы въ зависимость отъ произвола сверхъестественныхъ существъ, никогда не существовалъ. „Никто, конечно, никогда, говоритъ Милль, не вѣрилъ, чтобы воля Бога мѣшала параллельнымъ линіямъ встрѣтиться, или дѣлала дважды два равнымъ четыремъ; никогда не случалось, чтобы молили боговъ сдѣлать квадратъ гипотенузы боль-

Digitized by Google

ше или меньше квадратовъ катетовъ". Хотя слѣды метафизическаго или абстрактнаго періода можно замѣтить въ математикѣ еще и теперь, но тѣмъ не менѣе еще во времена древнихъ эта наука, въ своихъ выводахъ и методѣ, была строго-положительной. Она первая доставила людямъ истины научнаго характера, научила ихъ и постоянно поддерживала стремленіе человѣческаго ума искать во всей природѣ ту правильность, которую онъ находилъ въ математикѣ. Въ этомъ заключается высокое воспитательное значеніе математики для всего человѣческаго рода. Что касается до механики, то здѣсь мы уже видимъ, какимъ образомъ возростающая сложность явленій обусловливаетъ позднѣйшее происхожденіе научнаго объясненія ихъ. Механика распадается на два отдѣла: статику и динамику. Первая изучаетъ законы равновѣсія тѣлъ, т.-е. тотъ случай движенія, въ которомъ силы, стремящіяся произвести его, взаимно уравновѣшиваются; вторая изучаетъ законы движенія. Первая, очевидно, проще второй, такъ-какъ въ ней не принимается въ разсчетъ время. Сообразно этому обстоятельству, нѣкоторые общіе законы равновѣсія были извѣстны еще Архимеду, тогда какъ динамика, какъ положительная наука, возникла только со временъ Декарта и Галлилея. Что касается до тѣхъ средствъ изслѣдованія, которыми мы владѣемъ въ математикѣ, то наблюденіе и опытъ играютъ здѣсь крайне незначительную роль, до такой степени незначительную, что многіе математики считаютъ свою науку чисто умозрительной, безъ всякой примѣси опыта. Но, помимо опыта, умъ человѣческій ничего не въ состояніи выдумать; даже въ основѣ заблужденій лежитъ не отсутствіе опыта, но невѣрный или неполный опытъ. Тѣ истины, которыя принимаются въ математикѣ, какъ не требующія доказательства, аксіомы, суть истины, доставленныя путемъ наблюденія. Несмотря на то, что единственнымъ орудіемъ, такимъ образомъ, въ математикѣ, у насъ остается умозрѣніе, выводный методъ, эта наука представляетъ, вслѣдствіе простоты изучаемыхъ ею явленій, совершеннѣйшее примѣненіе его. Что касается до отношенія между нашей способностью предсказывать и измѣнять явленія, то, собственно говоря, въ математикѣ не можетъ быть рѣчи ни о томъ, ни о другомъ. Нѣтъ въ природѣ явленія, которое бы совершалось только по законамъ математическимъ; всѣ они осложняются, по крайней мѣрѣ, законами тяготѣнія. Математика, вслѣдствіе своей абстрактности, вслѣдствіе того, что она изучаетъ явленія природы, оставляя безъ вниманія многія изъ таковыхъ свойствъ послѣднихъ, безъ которыхъ они никогда не существуютъ, не столько даетъ намъ зна-

Digitized by Google

ніе объ истинномъ ходѣ явленій, сколько служитъ орудіемъ изслѣдованія природы.

Затѣмъ, мы переходимъ ко второй наукѣ въ Контовомъ ряду, къ астрономіи. Здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ явленіями настолько сложными, что изученіе ихъ объясняетъ намъ дѣйствительное устройство вселенной. Это-то важное свойство и отличаетъ астрономію отъ остальныхъ отдѣловъ конкретной математики и заставляетъ считать ее совершенно отдѣльной наукой. Астрономія — это самая простая и общая изъ всѣхъ естественныхъ наукъ. Предметъ ея составляютъ законы тѣхъ геометрическихъ и механическихъ явленій, которыя представляютъ намъ небесныя тѣла. Но такъ-какъ движеніе планетъ вокругъ солнца и спутниковъ вокругъ планетъ обусловливается тѣмъ, что всѣ эти тѣла взаимно тяготѣютъ другъ къ другу, то простые законы геометріи и механики осложняются здѣсь дѣйствіемъ закона тяготѣнія. Ясно, слѣдовательно, въ какой зависимости находится астрономія отъ математики. Что же касается до отношенія ея къ послѣдующимъ наукамъ, то достаточно указать на слѣдующее обстоятельство. Законы тяготѣнія, которымъ подчиняется земной шаръ, какъ часть солнечной системы, необходимо должны вліять на тѣ явленія, которыя совершаются на поверхности земли, между тѣмъ, какъ послѣднія не могутъ вліять и усложнять собою тѣхъ свойствъ, которыя представляетъ земля, наравнѣ съ остальными тѣлами солнечной системы. Астрономія изучаетъ законы, которымъ подчиняется вселенная; ясно, что истины ея не зависятъ отъ наукъ менѣе общихъ, изучающихъ явленія, которыя составляютъ только часть вселенной. Итакъ, явленія, зависящія отъ законовъ тяготѣнія, въ то же время зависятъ отъ законовъ геометріи и механики, пространства и движенія, но не зависятъ отъ законовъ явленій болѣе сложныхъ. Вслѣдствіе этого, та часть астрономіи, которая заключаетъ въ себѣ объясненіе механическихъ явленій, представляемыхъ небесными тѣлами, теорія тяготѣнія стала положительной наукой вслѣдъ за механикой, со времени Ньютона. Еще во времена Кеплера объясненіе движенія планетъ было метафизическое: предполагалось, что планеты сами, какъ разумныя существа, направляютъ свой путь вокругъ солнца, или говорилось, что эти движенія совершаются сообразно той гармоніи, къ которой всюду стремится природа. Геометрическая же часть астрономіи, объясненіе вида, величины и положенія свѣтилъ, такъ-какъ это объясненіе зависитъ отъ законовъ геометріи, не только во времена Кеплера, но еще во времена александрійской школы, стояла на научной почвѣ. Здѣсь, впрочемъ, намъ слѣдуетъ оста-

Digitized by Google

новиться на одномъ изъ возраженій Герберта Спенсера, кажется, единственномъ изъ всѣхъ, которое указываетъ на нѣкоторый промахъ со стороны Конта. Г. Спенсеръ говоритъ, что небесная физика, или астрономія, не могла возникнуть раньше земной физики,—что мы не могли бы понять дѣйствіе небеснаго тяготѣнія, еслибы раньше этого не поняли дѣйствія тяжести на землѣ, и что, дѣйствительно, теорія тяготѣнія была установлена Ньютономъ уже послѣ того, какъ одинъ изъ законовъ, опредѣляющихъ дѣйствіе земной тяжести (законъ ускореній), былъ открытъ Галилеемъ. Это возраженіе, какъ замѣчаетъ Милль, вызываетъ только нѣкоторую поправку въ классификаціи Огюста Конта. Сила тяжести тождественна съ силой тяготѣнія, и подъ абстрактной астрономіей, о которой здѣсь только и можетъ быть рѣчь, т.-е. подъ теоріей тяготѣнія, слѣдуетъ разумѣть и науку о тяжести — барологію. Дѣйствіе тяжести на землѣ подчиняется тѣмъ же законамъ, какимъ подчиняется дѣйствіе тяготѣнія въ солнечной системѣ. Поэтому, явленія тяжести и тяготѣнія должны быть поставлены въ одинъ и тотъ же разрядъ по своей общности и простотѣ, и составить предметъ одной и той же науки, которую въ Контовой классификаціи слѣдуетъ разумѣть подъ астрономіей. Далѣе, Г. Спенсеръ говоритъ, что астрономія, даже по опредѣленію Конта, не есть наука абстрактная. Она имѣетъ предметомъ установить не только общіе законы тяготѣнія, но также объяснить, какъ конкретное явленіе, движеніе планетъ и ихъ спутниковъ. Возраженіе это устраняется слѣдующимъ соображеніемъ Милля. Астрономія, какъ абстрактная наука, заключаетъ въ себѣ только теорію тяготѣнія. Но эта теорія, какъ и всякая другая, прежде нежели она установлена, должна быть повѣрена на опытѣ. Въ астрономіи эта повѣрка состоитъ въ примѣненіи этой теоріи къ объясненію явленій, представляемыхъ небесными тѣлами. Количество же планетъ, движущихся вокругъ солнца, такъ невелико, что повѣрка исчерпываетъ, такимъ образомъ, весь конкретный отдѣлъ науки. Вслѣдствіе этого, въ астрономіи абстрактный и конкретный отдѣлы сливаются. Но слѣдуетъ къ этому прибавить, что астрономія все-таки не заключаетъ въ себѣ объясненія всѣхъ конкретныхъ явленій тяготѣнія. Приливы и отливы, связывающія явленія, представляемыя небесными тѣлами, съ явленіями, происходящими на землѣ, составляютъ предметъ не астрономіи, а физической географіи, науки конкретнаго содержанія. Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ тѣмъ средствамъ изслѣдованія, которыми мы владѣемъ въ астрономіи, и къ нашей способности предсказывать или измѣнять явленія. Обыкновенныя средства нашего изслѣдованія при-

Digitized by Google

роды: выводный методъ или дедукція, наблюденіе и опытъ. Математика, какъ мы видѣли, пользуется только выводнымъ методомъ. Астрономія прибавляетъ къ нему только наблюденіе. Опытъ въ ней немыслимъ, да и самое наблюденіе ограничивается только однимъ изъ нашихъ пяти внѣшнихъ чувствъ — зрѣніемъ. Несмотря на такую сравнительную бѣдность нашихъ средствъ, астрономія, вслѣдствіе простоты изучаемыхъ явленій, представляетъ типъ истинно-научнаго объясненія явленій природы, и стоитъ на такой степени совершенства, отъ которой еще слишкомъ далеки всѣ остальныя науки. Что касается до отношенія между нашими способностями предсказывать и измѣнять явленія, то всякій знаетъ, что въ области явленій астрономическихъ послѣднее немыслимо. Все, что мы можемъ сдѣлать, зная законы, которымъ подчиняются небесныя тѣла, для достиженія своихъ цѣлей, — это расположить свои дѣйствія сообразно съ этими законами, примѣниться къ нимъ. Искусство считать и распредѣлять время, сообразно ходу астрономическихъ явленій, искусство мореплаванія — все это искусства, въ которыхъ мы сами подчиняемся извѣстному ходу явленій, но не подчиняемъ ихъ себѣ и не вносимъ въ природу никакихъ измѣненій. Что касается до предсказаній, то извѣстно, что въ этой наукѣ мы имѣемъ возможность дѣлать достовѣрныя и почти безошибочныя предсказанія. Итакъ, математика, включая сюда геометрію и механику, и астрономія должны стоять во главѣ истинной философіи природы и человѣка. Всѣ явленія природы совершаются подъ вліяніемъ законовъ пространства, движенія и тяготѣнія; поэтому, безъ знанія этихъ законовъ, они не могутъ быть поняты. Но, помимо этого обстоятельства, есть еще причины поставить математику и астрономію во главѣ изученія природы. Это единственныя науки, достигшія столь высокой степени совершенства, и потому только въ нихъ можемъ мы научиться тому, въ чемъ должно состоять истинное объясненіе явленій природы. Въ нихъ же только мы можемъ научиться правильному употребленію выводнаго метода, — метода, который стремится стать господствующимъ во всѣхъ отрасляхъ нашихъ знаній.

Третья наука въ Контовомъ ряду — физика. Она обнимаетъ всѣ явленія, представляемыя предметами неорганической природы, за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ происходитъ измѣненіе внутренняго состава тѣхъ. Послѣдній родъ явленій, по своей сложности, составляетъ предметъ особенной науки. Логическое подчиненіе физики геометріи и механикѣ вытекаетъ изъ того, что всѣ физическія явленія свѣта, теплоты, электричества, на столько просты, что допускаютъ возможность непосредственнаго

Digitized by Google

установленія ихъ математическихъ законовъ и, слѣдовательно, допускаютъ непосредственное примѣненіе къ изученію ихъ математическаго анализа. Логическое подчиненіе физики астрономіи вытекаетъ изъ того, что видъ, величина и положеніе земли относительно солнца необходимо должны вліять на физическія явленія, совершающіяся на земной поверхности. Поэтому физика стала развиваться, какъ положительная наука, только со временъ Галилея и Ньютона. Но и тутъ въ то время, какъ въ астрономіи не оставалось уже и тѣни метафизики, физика, хотя и избавилась отъ доктринъ метафизической философіи, но не избавилась отъ ея метода. Въ господствѣ въ физикѣ гипотезъ „истеченія" и „колебанія эѳира", продолжающемся до нашего времени, Огюстъ Контъ видитъ переходъ этой науки изъ метафизическаго состоянія къ строго-положительному. Переходъ этотъ совершился окончательно только въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, когда стали оставлять предположеніе о существованіи въ природѣ такихъ дѣятелей, присутствіе которыхъ, по самому характеру ихъ, не можетъ быть нами обнаружено. Вмѣсто невѣсомаго, непостижимо-тонкаго и прозрачнаго свѣтоваго эѳира, колебаніями котораго объясняли явленія свѣта, теплоты и т. д., стали искать причины этихъ явленій въ дѣятельномъ состояніи частицъ той самой матеріи, которую мы видимъ и осязаемъ, когда она скучена въ массы. Что частицы матеріи дѣйствительно находятся въ такомъ дѣятельномъ состояніи, т. е. въ движеніи, въ то время, когда совершаются различные физическіе и химическіе процессы, для насъ, во многихъ случаяхъ, является фактомъ несомнѣннымъ. Тѣла отъ теплоты расширяются. Такое расширеніе, увеличеніе объема, очевидно, не могло произойти безъ перемѣщенія частицъ тѣлъ. Въ химическихъ соединеніяхъ и разложеніяхъ частичное движеніе также очевидно, такъ-какъ, вопервыхъ, объемъ сложнаго тѣла не равняется суммѣ объемовъ тѣлъ, вошедшихъ въ него, какъ составныя части, и, вовторыхъ, такъ-какъ въ каждой частицѣ сложнаго тѣла мы находимъ соединенными частицы простыхъ тѣлъ, которыя прежде были раздѣлены. Кромѣ того, мы знаемъ, что различныя физическія силы природы способны видоизмѣняться и переходить одна въ другую: движеніе, будучи задержано, порождаетъ теплоту и, обратно, теплота въ паровыхъ машинахъ переходитъ въ движеніе; сила, обнаруживающаяся въ химическихъ соединеніяхъ и разложеніяхъ, переходитъ въ электричество и обратно и т. д. Все это порождаетъ мысль о томъ, что въ основѣ различныхъ явленій неорганической природы: теплоты, свѣта, химическаго сродства, электричества, лежитъ

Digitized by Google

одна и та же причина, дѣятельное состояніе частицъ матеріи, видоизмѣняющееся по обстоятельствамъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время объясненіе физическихъ и химическихъ явленій стоитъ на строго-научной почвѣ. Что касается до отдѣльныхъ отраслей физики, то онѣ не допускаютъ классификаціи на основаніи принципа простоты и общности явленій. Контъ ставитъ ихъ въ рядъ, руководствуясь только степенью ихъ совершенства. Рядъ этотъ слѣдующій: барологія — наука о тяжести, которую, какъ сказано выше, слѣдовало бы включить въ астрономію; термологія—наука о теплотѣ; акустика—наука о звукѣ; оптика—наука о свѣтѣ, и электрологія—наука объ электричествѣ и магнетизмѣ. Эти отрасли физики потому не допускаютъ логическаго подчиненія между собою, что изучаемыя ими явленія не различаются степенью общности. Теплота, какъ справедливо замѣчаетъ Спенсеръ, является столь же распространеннымъ дѣятелемъ въ природѣ, какъ и тяготѣніе; то же самое, можетъ быть, слѣдуетъ сказать и объ электричествѣ, и о химической энергіи тѣлъ. Но это обстоятельство нисколько не говоритъ противъ принципа классификаціи Огюста Конта вообще. Въ самомъ дѣлѣ, когда явленіе усложняется и становится менѣе общимъ? Положимъ, тѣло находится въ покоѣ и не подвергается вліянію другихъ тѣлъ; въ такомъ случаѣ оно представляетъ только пространственныя свойства. Но вотъ оно движется, измѣняетъ свое положеніе относительно другихъ тѣлъ, это уже новый элементъ въ явленіи, необходимо усложняющій его. Положимъ теперь, что это тѣло тяготѣетъ къ другому; это, очевидно, прибавитъ еще новый элементъ къ явленію и усложнитъ его снова. Такое разсужденіе едва-ли можно примѣнить къ физическимъ процессамъ. Тѣло обладаетъ свойствомъ, которое называется теплотой; къ этому свойству присоединяется новое — электричество. Но сообразно гипотезѣ взаимнодѣйствія физическихъ силъ природы, электричество не есть новый элементъ въ явленіи, а видоизмѣненіе прежняго (теплоты). Здѣсь частицы тѣла перешли не отъ состоянія покоя къ движенію, а отъ одного рода движенія къ другому. Но, во всякомъ случаѣ, какъ бы дѣло ни было, отдѣльныя отрасли физики должны быть изучаемы въ такомъ порядкѣ, чтобы на одномъ концѣ стояла астрономія, на другомъ электрологія. Это требуется, если не принципомъ, говоритъ Милль, то цѣлью классификаціи, такъ-какъ изученіе болѣе совершенныхъ отраслей должно облегчать изученіе отраслей менѣе совершенныхъ. Кромѣ того, астрономія тѣснѣе всѣхъ другихъ отраслей соприкасается съ механикой и математикой, а электрологія съ химіей.

Digitized by Google

Что касается до нашихъ средствъ изученія явленій въ физикѣ, то, въ дѣлѣ наблюденія явленій, къ чувству зрѣнія, которымъ мы пользуемся въ астрономіи, присоединяются чувства слуха и осязанія. Кромѣ того, въ физикѣ мы впервые встрѣчаемся съ опытомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ возможностью направлять силы природы къ достиженію нами тѣхъ или другихъ цѣлей. Нѣтъ надобности доказывать, что въ области физики наша способность предсказывать явленія несравненно ограниченнѣе, нежели въ астрономіи, а, между тѣмъ, способность подчинять себѣ силы природы очень велика. Послѣднее достаточно ясно указывается паровыми машинами и телеграфами, а первое столь несовершеннымъ состояніемъ метеорологіи, науки конкретнаго содержанія, опирающейся главнымъ образомъ на физику. И главное препятствіе къ совершенствованію этой науки заключается не въ недостаточномъ развитіи физики, а въ сложности и измѣнчивости соотвѣтственныхъ явленій.

Вслѣдъ за физикой слѣдуетъ химія. Хотя, быть можетъ, въ основѣ химическихъ явленій кроются причины, сходныя съ причинами явленій физическихъ, но во всякомъ случаѣ явленія соединенія и разложенія тѣлъ представляютъ болѣе сложный характеръ, нежели явленія свѣта, теплоты, и т. д. Вопервыхъ, физическіе процессы происходятъ не только во всѣхъ тѣлахъ, но во всякомъ состояніи тѣла: твердомъ, жидкомъ и газообразномъ. Химическіе процессы происходятъ только въ опредѣленныхъ состояніяхъ тѣлъ. Вовторыхъ, физическія явленія, совершающіяся въ различныхъ тѣлахъ, различаются только по степени, между тѣмъ, какъ химическія свойства тѣлъ специфически различаются между собой. Каждое тѣло обладаетъ особеннымъ, свойственнымъ ему химическимъ сродствомъ. Втретьихъ, физическіе процессы очень часто вовсе не сопровождаются химическими, между тѣмъ, какъ послѣдніе всегда сопровождаются физическими процессами. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ признать химическія явленія болѣе сложными, нежели физическія. Логическое подчиненіе химіи физикѣ вытекаетъ изъ указаннаго уже обстоятельства, что ни одно явленіе соединенія или разложенія не происходитъ безъ того, чтобы ему не сопутствовало какое либо физическое явленіе. Логическая связь химіи съ математикой сравнительно слаба, но во всякомъ случаѣ она существуетъ, и сверхъ того, эти науки тѣсно связаны между собою черезъ посредство физики. Логическая связь между астрономіею и химіей не такъ очевидна въ абстрактномъ отдѣлѣ этой науки, какъ въ конкретномъ, тамъ гдѣ идетъ рѣчь о химической исторіи земнаго шара. Что касается до историческаго развитія этой

Digitized by Google

науки, то положительный характеръ она пріобрѣла только съ конца прошлаго столѣтія, со времени Лавуазье, слѣдовательно гораздо позже астрономіи и раньше біологіи.

Относительно нашихъ способовъ изслѣдованія, въ химіи къ тѣмъ тремъ чувствамъ, которыми мы пользуемся въ физикѣ: зрѣнію, слуху и осязанію, прибавляются новыя два: обоняніе и вкусъ. Такимъ образомъ только въ химіи наши средства наблюденія достигаютъ всей своей полноты. Кромѣ того, опытъ здѣсь допускаетъ еще болѣе обширное примѣненіе, нежели въ физикѣ, хотя, вслѣдствіе большей сложности химическихъ явленій, мы далеко не достигаемъ въ этой наукѣ, даже при помощи опыта, который большею частію сводится здѣсь на искусственное наблюденіе, тѣхъ результатовъ, какихъ мы достигаемъ въ физикѣ. Вслѣдствіе этого химія, несмотря на богатство своихъ способовъ изслѣдованія, стоитъ на несравненно низшей степени совершенства, нежели астрономія и физика. Что касается до отношенія между нашими способностями предсказывать и измѣнять явленія, то послѣдняя, въ химіи, беретъ значительный перевѣсъ надъ первой. Задача химіи состоитъ въ томъ, чтобы предсказать, подѣйствуютъ ли химически данныя тѣла одно на другое, коль скоро они поставлены въ извѣстныя условія, а если подѣйствуютъ, то какое сложное тѣло произойдетъ изъ этого, или другими словами: по даннымъ свойствамъ простыхъ тѣлъ опредѣлить свойства могущихъ произойти изъ ихъ соединенія тѣлъ сложныхъ. До сихъ поръ, мы не знаемъ, въ какой степени такого рода предвидѣнія могутъ быть нами достигнуты, такъ-какъ въ настоящее время вся наша способность предвидѣнія въ химіи сводится къ тому, что мы знаемъ, въ какихъ количествахъ данныя тѣла должны вступить въ соединеніе, т.-е. главнаго-то мы и не знаемъ. Еслибы намъ сказали, *что* произойдетъ при данномъ химическомъ взаимнодѣйствіи двухъ тѣлъ, то мы можемъ указать одинъ изъ признаковъ того, *какъ* это произойдетъ. Но, взамѣнъ того, ни одна изъ предшествующихъ наукъ не представляетъ такихъ обширныхъ техническихъ примѣненій, такого обширнаго воздѣйствія человѣка на природу, какъ химія. Химія завершаетъ рядъ наукъ о природѣ неорганической и служитъ связывающимъ звѣномъ между науками о природѣ органической и неорганической. Явленія послѣдней, какъ мы видѣли, представляютъ пять характеристическихъ степеней убывающей простоты или общности, или возрастающей сложности: пространство, движеніе, взаимное тяготѣніе тѣлъ другъ къ другу, различныя физическія свойства, химическія свойства. Физическія свойства представляютъ общія условія существованія

Digitized by Google

матеріи, различаются отъ одного тѣла къ другому только степенью, и составляютъ результатъ измѣненія молекулярнаго строенія вещества. Химическія свойства представляютъ специфическія, особенныя, свойственныя каждому тѣму условія существованія матеріи, и составляютъ результатъ не только измѣненія молекулярнаго строенія тѣлъ, но и молекулярнаго состава ихъ.

Отъ наукъ о природѣ неорганической мы переходимъ къ наукѣ о жизни, къ природѣ органической, включая сюда всѣ явленія, представляемыя животными и растеніями. Чтобы увидать истинное мѣсто этой науки въ ряду другихъ наукъ, стоитъ только составить себѣ болѣе или менѣе ясную характеристику того, что̀ называется жизнью, опредѣлить въ чемъ состоитъ различіе и сходство между явленіями природы неорганической и явленіями, которыя намъ представляютъ животное и растительное царства. Лучшее опредѣленіе жизни, которое мы имѣемъ, кажется, есть данное Гербертомъ Спенсеромъ. Вотъ оно: „Жизнь есть опредѣленное сочетаніе разнородныхъ измѣненій, одновременныхъ и послѣдовательныхъ, соотвѣтствующихъ внѣшнимъ существованіямъ и послѣдовательностямъ". Сейчасъ мы объяснимъ, какимъ образомъ это опредѣленіе дѣйствительно характеризуетъ жизнь. Путь, которымъ Спенсеръ устанавливаетъ это опредѣленіе, состоитъ въ слѣдующемъ. Онъ беретъ два крайнихъ явленія органической природы, жизни: процессъ уподобленія или питанія,—явленіе, представляемое всѣми организмами, начиная съ простѣйшаго растенія, и кончая человѣкомъ, и процессъ умозаключенія, — явленіе самое сложное, которое намъ представляютъ только высшіе роды животныхъ. То, что̀ эти два явленія, т.-е. процессы уподобленія и умозаключенія имѣютъ общаго и отличающаго ихъ отъ явленій внѣшней природы, очевидно, можетъ служить характеристикою жизни. Кромѣ того, какъ мы увидимъ ниже, черты, общія этимъ двумъ процессамъ, и характеризующія жизнь, по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся отъ растеній къ животнымъ, и отъ низшихъ родовъ животныхъ къ высшимъ и къ человѣку, развиваются, очерчиваются рѣзче и яснѣе.

Сравнивая между собою процессы уподобленія и умозаключенія, мы видимъ, что, какъ то, такъ и другое представляютъ рядъ измѣненій. Въ первомъ случаѣ измѣняются вещества, вступающія въ организмъ, и измѣняется состояніе питательныхъ органовъ послѣдняго; во второмъ случаѣ измѣняются состоянія нашего сознанія. Но измѣненія совершаются и въ неорганической природѣ, и если есть, въ этомъ отношеніи, какое-либо различіе между той и другой, то это различіе заключается только въ степени. Не одаренный жизнію камень можетъ пролежать

Digitized by Google

въ землѣ вѣка не подвергаясь никакимъ замѣтнымъ измѣненіямъ, между тѣмъ какъ существованіе самаго простаго животнаго или растенія немыслимо, если въ немъ прекращается надолго ходъ измѣненій. Далѣе, явленія питанія и умозаключенія представляютъ не просто рядъ измѣненій, а рядъ послѣдовательныхъ измѣненій. Пища уподобляется въ ткани рядомъ послѣдовательныхъ процессовъ, связанныхъ между собою, такъ что совершеніе одного изъ нихъ обусловливаетъ совершеніе другихъ. Таковы процессы: жеванія, проглатыванія, превращенія въ пищевую кашицу, въ пищевой сокъ, всасываніе, распредѣленіе по различнымъ частямъ тѣла, и т. д., или болѣе простые процессы, совершающіеся въ нисшихъ родахъ животныхъ и растеніяхъ: всасываніе, поглощеніе, уподобленіе, выдѣленіе. Умозаключеніе всегда предполагаетъ рядъ послѣдовательно измѣненныхъ состояній сознанія. Послѣдовательныя измѣненія совершаются и въ неорганической природѣ: послѣдовательное измѣненіе температуры и влажности атмосферы въ теченіи дня, и т. п. Но, сравнивая измѣненія, совершающіяся въ органическихъ тѣлахъ, и сравнивая процессы, происходящіе въ высшихъ и нисшихъ родахъ организмовъ, мы встрѣчаемъ болѣе длинный и болѣе быстрый рядъ послѣдовательныхъ измѣненій. Затѣмъ явленія питанія и умозаключенія представляютъ намъ рядъ послѣдовательныхъ и одновременныхъ измѣненій. Акты проглатыванія пищи, всасыванія, выдѣленія, мускульной работы желудка, и распредѣленія пищи по различнымъ частямъ тѣла совершаются одновременно. Равнымъ образомъ, различныя состоянія сознанія, слѣдующія одно за другимъ, представляютъ одновременное возбужденіе различныхъ нашихъ способностей. Но такія одновременныя и послѣдовательныя измѣненія совершаются и въ неорганической природѣ: съ измѣненіемъ температуры тѣла, измѣняется и объемъ его, съ химическимъ измѣненіемъ внутренняго состава происходитъ измѣненіе въ цѣлой суммѣ различныхъ свойствъ тѣла, и т. д. Вся разница между органической и неорганической природой и послѣдовательными родами организмовъ, здѣсь, какъ и прежде, заключается только въ степени. Безъ дальнѣйшаго анализа, можемъ мы присоединить къ разобраннымъ уже признакамъ измѣненій, представляемыхъ явленіями умозаключенія и уподобленія, слѣдующіе два: разнородность этихъ измѣненій, и взаимная связь между одновременными и послѣдовательными измѣненіями. Дыханіе, кровеобращеніе, всасываніе, выдѣленіе, мускульная работа организма — всѣ эти разнородныя явленія, происходящія въ организмѣ одновременно и послѣдовательно, связаны между собою и обусловливаютъ другъ друга. То же са-

Digitized by Google

мое нужно сказать и объ отдѣльныхъ состояніяхъ сознанія, составляющихъ цѣпь умозаключенія. Эти признаки: сочетаніе разнородныхъ одновременныхъ и послѣдовательныхъ измѣненій, мы, хотя и встрѣчаемъ въ природѣ неорганической, но уже несравненно рѣже и въ несравненно меньшей степени. Въ органическихъ же явленіяхъ они существуютъ всегда во всей совокупности. Къ числу найденныхъ нами признаковъ, болѣе или менѣе общихъ всей природѣ, остается присоединить еще два, которыхъ неорганическая природа вовсе не представляетъ намъ. Указанное уже „сочетаніе разнородныхъ измѣненій, какъ одновременныхъ, такъ и послѣдовательныхъ", совершающихся въ организмѣ, носитъ характеръ опредѣленности, тогда какъ въ неорганической природѣ и даже въ низшихъ родахъ животныхъ этой опредѣленности нѣтъ. Но этотъ признакъ „опредѣленности измѣненій" не столько характеризуетъ общія явленія, представляемыя органической природой, сколько отдѣльные, высшіе роды животныхъ. Онъ выражаетъ стремленіе органическихъ тѣлъ къ индивидуализаціи. Нѣчто подобное этому явленію, замѣчаетъ самъ Спенсеръ, представляетъ и неорганическая природа, въ кристаллизаціи тѣлъ, въ которой расположеніе частицъ тѣла измѣняется опредѣленнымъ образомъ, такъ что само тѣло получаетъ свойственную только ему индивидуальную внѣшнюю форму. Послѣдній, самый важный и характеристическій признакъ явленій жизни состоитъ въ томъ, что измѣненія, происходящія въ организмѣ, соотвѣтствуютъ внѣшнимъ сосуществованіямъ и послѣдовательностямъ. Другими словами, каждый организмъ представляетъ намъ соотвѣтствіе между его собственными отправленіями, и внѣшними условіями, въ которыя онъ поставленъ. Спенсеръ слѣдующимъ образомъ объясняетъ, въ чемъ состоитъ это соотвѣтствіе, и какъ оно отличаетъ явленія органической природы отъ явленій природы неорганической. Положимъ, что во внѣшней средѣ происходитъ измѣненіе А; это измѣненіе порождаетъ въ неорганическомъ предметѣ измѣненіе В; затѣмъ во внѣшней средѣ, вслѣдъ за А, слѣдуетъ измѣненіе а, связанное съ нимъ; въ неорганическомъ же предметѣ, вслѣдъ за В, слѣдуетъ измѣненіе С, и между этими новыми измѣненіями а и с нѣтъ ровно никакого соотвѣтствія. Намочите веревку,—она станетъ короче; нагрѣйте воду,—она закипитъ. Тутъ, очевидно, нѣтъ ровно никакой связи между измѣненіями, которыя произошли въ веревкѣ и въ водѣ, и тѣми измѣненіями, которыя могутъ произойти во внѣшней средѣ тѣми условіями, отъ которыхъ зависитъ существованіе воды и веревки. Совсѣмъ не то представляютъ явленія біологіи. Если животное слышитъ шумъ, то въ немъ тотчасъ возникаютъ

Digitized by Google

измѣненія, находящіяся въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что̀ можетъ произойти внѣ его. Оно встрепенется, съежится, улетитъ или приготовится къ оборонѣ, однимъ словомъ, измѣненія, происходящія въ немъ, соотвѣтствуютъ той внѣшней опасности, которая можетъ послѣдовать за шумомъ. Здѣсь, если во внѣшней средѣ происходитъ измѣненіе А и вызываетъ въ организмѣ измѣненіе В, то вслѣдъ за В наступаетъ въ организмѣ измѣненіе *в*, находящееся въ соотвѣтствіи съ могущимъ произойти во внѣшней средѣ, вслѣдъ за А, измѣненіемъ *а*. Конечно, можетъ случиться, что измѣненіе *в* въ организмѣ и не будетъ въ соотвѣтствіи съ измѣненіемъ *а*, во внѣшней природѣ; можетъ случиться, что животное, отвѣчая на шумъ, бросится на свою гибель; но это характеристичаская черта не жизни, а несовершенства ея. „Еслибы, говоритъ Г. Спенсеръ, въ окружающей средѣ не происходило другихъ измѣненій кромѣ тѣхъ, на которыя организмъ можетъ отвѣчать приспособленными измѣненіями, и еслибы онъ вѣрно отвѣчалъ имъ, то онъ достигъ бы вѣчнаго существованія и универсальнаго знанія". Такое приспособленіе внутреннихъ измѣненій организма ко внѣшнимъ составляетъ существенный и необходимый признакъ жизни; тамъ, гдѣ его нѣтъ, тамъ нѣтъ жизни. Чѣмъ богаче и сложнѣе это приспособленіе организма ко внѣшнимъ условіямъ, тѣмъ выше и сложнѣе жизнь. Измѣненія растенія приспособлены только къ постояннымъ измѣненіямъ во внѣшней средѣ, которыя обусловливаются измѣненіемъ временъ года, смѣной дня и ночи и т. д.; наконецъ самая среда, въ которой живетъ растеніе, ограничивается тѣми силами неорганической природы, которыя дѣйствуютъ вокругъ его корней и листьевъ. Въ царствѣ животныхъ это свойство приспособленія становится явственнѣе. Различныя средства защиты и нападенія, которыми владѣютъ животныя, составляютъ не что иное, какъ приспособленіе организма ко внѣшней средѣ. Когда животное гонится за добычей, или спасается отъ преслѣдованія, всѣ его дѣйствія находятся въ строгомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что̀ происходитъ внѣ его. Весь организмъ животнаго представляетъ машину, приспособленную къ тому, чтобы пополнять происходящія въ немъ потери тканей и силъ, переносить его съ мѣста на мѣсто, однимъ словомъ постоянно приводить его въ соотвѣтствіе съ внѣшней средой, въ то состояніе, въ которомъ животное могло бы существовать. По мѣрѣ того, какъ мы переходимъ къ высшимъ родамъ животныхъ, мы встрѣчаемъ приспособленіе внутреннихъ измѣненій организма къ большему числу измѣненій, могущихъ произойти въ природѣ. Другими словами, чѣмъ выше организація животнаго, тѣмъ обширнѣе та

Digitized by Google

среда, въ которой оно живетъ, и къ которой оно приспособляетъ свои дѣйствія. Низшія животныя, подобно растеніямъ, прикрѣплены къ одному мѣсту и измѣненія, совершающіяся въ нихъ, приспособлены къ тому, чтобы поглощать и уподоблять пищу, приносимую къ нимъ внѣшней средой; другія, хотя двигаются, но приспособляютъ свои дѣйствія только къ той средѣ, съ которой они приходятъ въ непосредственное прикосновеніе. Всѣ измѣненія въ природѣ, которыя познаются высшими родами животныхъ черезъ посредство зрѣнія и слуха, для нихъ не существуютъ. Приспособительныя же дѣйствія высшихъ родовъ животныхъ отвѣчаютъ не только тѣмъ измѣненіямъ внѣшней среды, которыя могутъ вліять на нихъ самихъ, но и тѣмъ, которыя вліяютъ на ихъ дѣтенышей. Человѣкъ отвѣчаетъ своими приспособительными дѣйствіями не только тому во внѣшней средѣ, что̀ вліяетъ на него самаго и его близкихъ, но и тому, что̀ вліяетъ вообще на человѣческую породу. Если мы сравнимъ теперь наши процессы уподобленія и умозаключенія, то относительно перваго мы увидимъ, что различныя системы питанія въ различныхъ организмахъ животныхъ соотвѣтствуютъ роду пищи и образу жизни этого животнаго. Что же касается до умозаключенія, то этотъ процессъ болѣе, чѣмъ какое либо другое явленіе органической жизни, представляетъ соотвѣтствіе внутреннихъ измѣненій организма внѣшнимъ сосуществованіямъ и послѣдовательностямъ. Когда мы думаемъ, въ нашемъ сознаніи проходятъ представленія о предметахъ внѣшняго міра, событіяхъ нашей или чьей-либо жизни; ходъ нашихъ мыслей соотвѣтствуетъ дѣйствительному ходу событій. Мы стараемся установить въ умѣ своемъ такую связь между представленіями о явленіяхъ, какая дѣйствительно существуетъ въ природѣ между этими явленіями. И такъ краткое и характеристическое опредѣленіе жизни выйдетъ слѣдующее: „Жизнь есть непрерывное приспособленіе организма къ условіямъ той среды, въ которой онъ живетъ". Смерть есть разрушеніе соотвѣтствія между организмомъ и средой. Въ основѣ такого приспособленія лежитъ стремленіе организма къ самосохраненію — необходимое условіе существованія его.

Изъ этого опредѣленія жизни, изъ того обстоятельства, что органическіе процессы находятся въ соотвѣтствіи съ ходомъ явленій внѣшней природы, ясно слѣдуетъ, что истины біологіи логически подчиняются законамъ природы неорганической. Невозможно понять органическія явленія, не зная законовъ тѣхъ явленій, которыя вліяютъ на первыя и обусловливаютъ ихъ, вызывая въ нихъ приспособительныя дѣйствія и все, что̀ связано, какимъ бы то ни было образомъ, съ послѣдними. Поэтому

Digitized by Google

біологія стала положительной наукой только въ наше время, когда физика и химія сдѣлали уже значительные успѣхи. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, передовые физіологи принимали существованіе жизненныхъ силъ, дѣйствіе которыхъ не только не подчиняется законамъ внѣшней природы, но стремится предохранить организмъ отъ разрушительнаго вліянія послѣдней. Но изъ приведеннаго опредѣленія жизни ясно общее подчиненіе біологическихъ явленій законамъ внѣшней природы. Если посмотримъ на дѣло ближе, то увидимъ, что всѣ жизненныя явленія сопровождаются непрерывнымъ соединеніемъ и разложеніемъ вещества, явленіями тепловыми, и т. д. Ни одно органическое явленіе не происходитъ безъ того, чтобы оно не сопровождалось физическими и химическими процессами. Отсюда ясно логическое подчиненіе біологіи—физикѣ и химіи. Логическое подчиненіе біологіи геометріи и механикѣ вытекаетъ изъ того, что какъ растенія, такъ и животныя, существуютъ въ пространствѣ, и процессы, совершающіеся въ нихъ, сопровождаются движеніемъ, слѣдовательно всѣ біологическія явленія подчиняются законамъ пространства и движенія. Тотъ фактъ, что въ современномъ состояніи этой науки слишкомъ мало обращаютъ вниманія на зависимость явленій біологіи отъ законовъ геометріи и механики, Огюстъ Контъ объясняетъ тѣмъ, что еще слишкомъ недавно явленія жизни считались независимыми отъ этихъ законовъ, какъ и вообще отъ законовъ природы неорганической. Что касается до связи біологіи съ математическимъ анализомъ, то хотя явленія жизни, наравнѣ со всей природой, непосредственно подчиняются математическимъ законамъ, но они происходятъ среди такихъ сложныхъ и разнообразныхъ условій, безпрерывно измѣняющихся, что мы не въ состояніи открыть этихъ законовъ. Вслѣдствіе этого математическій анализъ непримѣнимъ къ изученію явленій жизни; но тѣмъ не менѣе біологія связана съ математикой черезъ посредство конкретныхъ отдѣловъ этой науки.

Что касается до логическаго подчиненія біологіи астрономіи, то оно несравненно значительнѣе, нежели можно было бы предполагать съ перваго раза. Истины физики и химіи менѣе подчинены истинамъ астрономіи, нежели истины біологіи. Явленія жизни несравненно важнѣе явленій физическихъ и химическихъ, и потому зависимость ихъ отъ общаго устройства солнечной системы полнѣе. Невозможно вполнѣ понять условій, необходимыхъ для проявленія жизни, если не принять во вниманіе сумму астрономическихъ данныхъ той планеты, на которой жизнь развивается. Масса земли и отношеніе ея къ массѣ солнца

Digitized by Google

обусловливливаетъ напряженіе тяжести, условія равновѣсія тѣлъ на поверхности земли, распредѣленіе водъ и атмосферы. Малѣйшее измѣненіе въ этихъ общихъ условіяхъ произвело бы переворотъ во всемъ царствѣ растеній и животныхъ. Вращеніе земли на своей оси, производя послѣдовательную смѣну дня и ночи, годовое вращеніе земли вокругъ солнца, обусловливаютъ тѣ періодическія измѣненія, которыя происходятъ въ царствѣ растеній и животныхъ. Еслибы земная орбита, вмѣсто того, чтобы приближаться къ кругу, походила на орбиты кометъ, то среда, въ которой мы живемъ, въ непродолжительные промежутки времени, испытывала бы такія значительныя и обширныя измѣненія, что жизнь, еслибы она могла существовать, приняла бы совершенно иной характеръ. Организмъ долженъ бы былъ измѣняться такъ внезапно, быстро и значительно, что мы ничего подобнаго представить себѣ не можемъ. Наклонность эклиптики къ экватору обусловливаетъ распредѣленіе климатовъ, а слѣдовательно и географическое распредѣленіе животныхъ и растеній. Однимъ словомъ, біологія и астрономія — эти двѣ обширныя вѣтви философіи природы, связаны между собою самымъ тѣснымъ образомъ. Астрономія открываетъ коренные законы вселенной, біологія—производные законы жизни, развивающейся во вселенной, ограничивая послѣднюю нашей солнечной системой.

Затѣмъ мы переходимъ къ нашимъ средствамъ изученія явленій въ біологіи. Мы видѣли уже, что въ химіи мы пользуемся всѣми нашими естественными средствами наблюденія. Біологія прибавляетъ къ нимъ искусственныя: микроскопъ и стетоскопъ, расширяющіе наши чувства зрѣнія и слуха. Кромѣ того, въ біологіи къ тѣмъ методамъ опытнаго изслѣдованія, которые примѣняются къ физикѣ и химіи, присоединяется сравнительный методъ. Возможность сравнивать между собою различныя видоизмѣненія одного и того же явленія жизни, представляемыя различными организмами животныхъ и растеній, сравненіе нормальныхъ явленій жизни съ патологическими, состоянія жизни организма на различныхъ стадіяхъ его развитія, наконецъ сравненіе жизненнаго состоянія отдѣльныхъ органовъ одного и того же организма—все это открываетъ новыя средства наблюденія и опыта, которыхъ мы не встрѣчаемъ въ физикѣ и химіи. Но несмотря на то, чрезвычайная сложность явленій жизни, невозможность производить прямые опыты, не разрушая жизни, обусловливаетъ нисшую степень совершенства этой науки сравнительно съ физикой и химіей. Вслѣдствіе этого наша способность предсказывать въ біологіи еще слабѣе, нежели въ химіи; мы не

Digitized by Google

можемъ ни взвѣсить, ни предвидѣть всѣхъ вліяній, которымъ подвергнется организмъ. Что касается до измѣненій, которыя мы можемъ вносить въ явленія жизни, то ихъ столько, сколькимъ различнымъ вліяніямъ мы можемъ подвергнуть организмъ, а послѣднихъ безчисленное множество. Достаточно указать на два разряда измѣненій, которыя вноситъ искусство въ явленія жизни: леченіе и физическое воспитаніе растеній и животныхъ.

Переходя отъ природы неорганической къ біологіи, мы видѣли, какимъ образомъ убывающая общность явленій совпадаетъ съ ихъ возрастающей сложностью. Явленія жизни, подчиняясь общимъ законамъ природы, присоединяютъ къ нимъ свои собственные, управляющіе явленіями, происходящими только въ животныхъ и растеніяхъ, и характеризующими ихъ. Точно также явленія душевной жизни: наши ощущенія, мысли, чувства, желанія, намѣренія, страсти, однимъ словомъ, всевозможныя состоянія сознанія, представляютъ меньшую степень общности, и бо́льшую степень сложности, нежели общія біологическія явленія. Психологическія явленія составляютъ принадлежность только животныхъ и человѣка. Животныя, одаренныя психической жизнью, и человѣкъ подчиняются общимъ законамъ природы и жизни, которые, слѣдовательно, вліяютъ на ходъ психическихъ явленій и обусловливаютъ ихъ. Поэтому изученіе психологіи должно быть подчинено изученію всѣхъ предшествующихъ наукъ. Вслѣдствіе чрезвычайной сложности психическихъ явленій, вслѣдствіе логической зависимости истинъ психологіи отъ законовъ физіологіи, наконецъ, вслѣдствіе того, что вопросы этой науки слишкомъ близко соприкасаются съ нашими чувствами и интересами, и потому находятся подъ бо́льшимъ гнетомъ традиціонныхъ заблужденій, нежели разсмотрѣнныя до сихъ поръ науки, психологія до настоящаго времени для большинства людей образованныхъ находится въ теологическомъ или метафизическомъ состояніи. Только въ умахъ немногихъ людей, знакомыхъ съ духомъ научнаго изслѣдованія природы, сложился положительный, научный взглядъ на ходъ душевныхъ явленій. Въ этой статьѣ не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы представить всѣ доказательства въ пользу научнаго взгляда на природу нашей душевной жизни, какими владѣетъ наука, и убѣдить въ закономѣрности явленій душевной жизни тѣхъ, кто въ этомъ не убѣжденъ. Но во всякомъ случаѣ, прежде нежели говорить о томъ мѣстѣ, которое должна занять психологія въ обществѣ психологической философіи, слѣдуетъ показать, въ чемъ состоитъ научный взглядъ на природу пси-

Digitized by Google

хическихъ процессовъ, и устранить тѣ возраженія, которыя напрашиваются сами собой противъ возможности научнаго изученія нашей душевной жизни. Необходимое условіе, безъ котораго наука невозможна, состоитъ въ томъ, чтобы ходъ изучаемыхъ явленій подчинялся законамъ, чтобы въ нихъ господствовала неизмѣнная связь причины съ слѣдствіемъ. Если наши мысли, желанія, намѣренія и вытекающія изъ нихъ дѣйствія, возникаютъ и опредѣляются самопроизвольно, безъ всякихъ предшествующихъ причинъ, то науки о душѣ быть не можетъ. Въ противномъ случаѣ, т.-е. если каждое изъ состояній нашего сознанія, каждое явленіе нашей душевной жизни стоитъ въ причинной связи съ другимъ изъ состояній нашего сознанія, или состояній нашего тѣла, то наука о душѣ можетъ и должна существовать. Взглядъ огромнаго большинства людей на этотъ предметъ, возникшій путемъ житейской опытности и наблюденія, какъ и всѣ эмпирическіе взгляды и мнѣнія, отличается непослѣдовательностью. Съ одной стороны, никто не станетъ отрицать, что явленія нашей душевной жизни до извѣстной степени подчинены законамъ связи причины со слѣдствіемъ. Я голоденъ и хочу ѣсть. Никто не станетъ отрицать, что здѣсь психическій актъ хотѣнія связанъ, какъ слѣдствіе съ причиной, съ физическимъ состояніемъ желудка. Я неожиданно встрѣчаюсь съ старымъ знакомымъ и вспоминаю тѣ событія моей жизни, въ которыхъ я прежде встрѣчался съ нимъ. Никто не станетъ отрицать, что тотъ фактъ, что я когда-то пережилъ эти событія, и фактъ моей встрѣчи съ товарищемъ составляютъ причины моего воспоминанія. Еслибы этихъ фактовъ не было, то не было бы и воспоминанія. Равнымъ образомъ, коль скоро эти факты существуютъ, то воспоминаніе, по всей вѣроятности, воспослѣдуетъ, лишь бы мой умъ въ минуту встрѣчи не былъ занятъ чѣмъ либо другимъ, и лишь бы событія моей прошлой жизни сохранились у меня въ памяти. Однимъ словомъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ, во всякій моментъ своей жизни, испытываетъ, вопервыхъ, вліяніе тѣхъ впечатлѣній, которыя производитъ на него окружающая среда; вовторыхъ, вліяніе своей собственной организаціи, и втретьихъ, вліяніе того, что онъ пережилъ въ предшествующіе моменты своей жизни. Состояніе сознанія человѣка, т.-е его душевное состояніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его дѣйствія, такъ-какъ послѣднія зависятъ отъ перваго, обусловливаются всѣми этими вліяніями, какъ слѣдствіе причинами. Едва-ли кто нибудь сомнѣвается въ этомъ. Еслибы мы умѣли опредѣлить и взвѣсить всѣ эти вліянія, то мы бы узнали, каково должно быть душевное состояніе чело-

Digitized by Google

вѣка въ данную минуту, каковы должны быть его дѣйствія, вытекающія изъ этого состоянія.

Съ другой стороны, соглашаясь, въ частныхъ случаяхъ, что человѣческія дѣйствія, мысли, желанія и т. д. опредѣляются законами связи причины со слѣдствіемъ, мы обыкновенно думаемъ, что въ концѣ концовъ человѣкъ все-таки существо свободное, можетъ располагать не только своими дѣйствіями, но даже подчинять своей волѣ собственныя наклонности, привычки, страсти, однимъ словомъ, можетъ управлять своей душевной жизнью. Эта способность человѣка, которая называется свободной волей, дѣйствительно существуетъ въ немъ, но только, будучи правильно понята, она вовсе не стоитъ, какъ обыкновенно думаютъ, въ противорѣчіи съ господствомъ законовъ связи причины со слѣдствіемъ въ нашей душевной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое свободная воля, какъ мы ее обыкновенно сознаемъ въ себѣ? Это такая способность, въ силу которой, коль скоро въ нашемъ сознаніи возникло какое-либо намѣреніе, то, сообразно обстоятельствамъ, мы можемъ привести это намѣреніе въ исполненіе, или не приводить его. Но вѣдь эта способность вовсе не предполагаетъ, чтобы самое намѣреніе наше возникло безъ всякой причины; точно также она не предполагаетъ, чтобы съ той минуты, какъ это намѣреніе возникло, и до той, когда оно было оставлено, или приведено въ исполненіе, не произошло во внѣшнихъ условіяхъ или въ состояніи нашего сознанія какихъ-либо измѣненій, которыя и повліяли на образъ нашихъ дѣйствій, т.-е. побудили отказаться отъ нашего намѣренія, или допустили его исполненіе. Если мы обыкновенно думаемъ, что единственно отъ нашего произвола зависитъ поступить такъ или иначе, то это еще ровно ничего не доказываетъ. Наша способность заблуждаться чрезвычайна обширна. Вопросъ долженъ быть рѣшенъ не тѣмъ, что̀ мы о немъ думаемъ, а изслѣдованіемъ того, что̀ происходитъ на самомъ дѣлѣ. Если же человѣкъ оглянется на свои дѣйствія, то онъ всегда увидитъ, что каждое его дѣйствіе вытекаетъ изъ соотвѣтствующихъ причинъ, и что при существованіи этихъ причинъ оно не могло быть инымъ, хотя ему и казалось передъ этимъ, что онъ можетъ поступить такъ или иначе. Если мы говоримъ, что наши дѣйствія и поступки зависятъ отъ насъ самихъ, то это значитъ только, что въ насъ самихъ главнымъ образомъ заключаются причины нашихъ дѣйствій, т.-е. въ тѣхъ психическихъ фактахъ, которые составляютъ состояніе нашего сознанія въ данную минуту, но вовсе не значитъ, чтобы это состояніе сознанія само не было слѣдствіемъ другихъ причинъ.

Digitized by Google

Признаніе въ человѣкѣ свободной воли, способности управлять собственными дѣйствіями, говоритъ Милль, не противорѣчитъ научному взгляду на явленія нашей душевной жизни, признанію въ нихъ связи причины со слѣдствіемъ. Оно стоитъ въ противорѣчіи съ ученіемъ о предопредѣленіи, о фатализмѣ человѣческихъ дѣйствій, желаній, страстей. Причина *непреодолимо стремится* произвести свое дѣйствіе, но нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы она дѣйствительно произвела его. Всѣ тѣла непреодолимо стремятся упасть на землю, но, будучи поддержаны, они остаются въ покоѣ, а въ другихъ условіяхъ могутъ даже удаляться отъ земли вверхъ по направленію, прямо противоположному дѣйствію тяжести. Дѣйствіе одной причины, сталкиваясь съ дѣйствіемъ другой, или нѣсколькихъ другихъ причинъ, можетъ разнообразиться до безконечности и даже вовсе уничтожиться. Чѣмъ сложнѣе та среда, въ которой происходятъ явленія, тѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе могутъ быть сочетанія различныхъ дѣйствующихъ причинъ, и тѣмъ, слѣдовательно, разнообразнѣе слѣдствія одной и той же причины. Психическія явленія совершаются именно въ такой въ высшей степени сложной средѣ. Если мы взвѣсимъ, до какой степени разнообразны могутъ быть впечатлѣнія внѣшняго міра, среди котораго живетъ человѣкъ, до какой степени разнообразно можетъ вліять на него все то, что онъ пережилъ, смотря по тому, какія изъ пережитыхъ имъ мыслей, чувствъ, мотивовъ въ данную минуту берутъ перевѣсъ, то намъ станетъ понятно, въ чемъ состоитъ кажущійся произволъ человѣческихъ дѣйствій. Онъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ дѣйствуетъ не сообразно какимъ-либо постояннымъ, общимъ законамъ, а сообразно той безпрерывно измѣняющейся комбинаціи обстоятельствъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, т.-е. фактовъ его сознанія, которые, въ минуты дѣйствія чувства или мысли, никогда ему неизвѣстны, такъ-какъ онъ не можетъ, въ одно и то же время, думать и чувствовать, хотѣть и соображать причины, вызвавшія въ немъ то или другое состояніе. Эти же непосредственныя причины человѣческихъ дѣйствій, мыслей, желаній подчиняются болѣе или менѣе общимъ законамъ. Сознаніе, которое свидѣтельствуетъ о присущей намъ свободѣ располагать нашими собственными дѣйствіями, выражаетъ не что иное, какъ только то, что въ каждую данную минуту причины нашихъ дѣйствій заключаются въ насъ самихъ, а не въ чемъ-либо лежащемъ *внѣ насъ*, и роковымъ образомъ опредѣляющемъ напередъ наши дѣйствія и поступки. Человѣческія дѣйствія въ каждый данный моментъ опредѣляются совокупностью дѣйствую-

Digitized by Google

щихъ въ немъ самомъ и вліяющихъ на него извнѣ причинъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія самаго обыкновеннаго опыта, нѣтъ возможности отрицать, въ области психическихъ явленій, закона связи причины со слѣдствіемъ. Въ бо́льшей части случаевъ нашей жизни, мы можемъ сообразить причины нашихъ дѣйствій, мыслей, чувствъ и желаній; если же онѣ иногда ускользаютъ отъ нашего вниманія, то это не значитъ, чтобы ихъ не было вовсе. Вслѣдствіе этого можетъ существовать и дѣйствительно существуетъ наука о душевной жизни. Задача ея состоитъ въ томъ, чтобы открыть тѣ законы, неизмѣнныя единообразія, отъ которыхъ зависитъ ходъ нашихъ мыслей, чувствъ, желаній, привычекъ и т. д. Теперь вопросъ еще состоитъ въ томъ, должна ли психологія составить отдѣльную науку, или это только высшая отрасль біологіи, какъ думалъ самъ Огюстъ Контъ. При современномъ состояніи физіологіи, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что каждое наше ощущеніе (актъ психическій) имѣетъ свою причину въ возбужденіи той или другой части нервной системы. Точно также люди, изучавшіе вопросъ научнымъ путемъ, утверждаютъ, что всѣ различныя состоянія нашего сознанія имѣютъ свои причины въ различныхъ состояніяхъ мозга. Вслѣдствіе этого выходитъ, что не состояніе души нашей вызываетъ другое ея состояніе, не чувство страха вызываетъ стремленіе избѣжать опасности, а то и другое вызываются состояніями нашего мозга, или вообще нервной системы, такъ что, слѣдовательно, законы нашей душевной дѣятельности слѣдуетъ искать въ законахъ дѣятельности нервной системы. Съ этой точки зрѣнія психологія составляетъ только отрасль физіологіи. Но если мы вникнемъ въ дѣло, то увидимъ, что между физіологіей и психологіей существуетъ такое же отношеніе, какъ между физикой и механикой. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что всѣ физическія явленія: теплота, свѣтъ, электричество, составляютъ результатъ частичнаго измѣненія матеріи, такъ что, если справедливо, что различныя состоянія мозга порождаютъ различныя психическія состоянія, точно также справедливо, что молекулярное движеніе порождаетъ различные физическіе процессы. Но вѣдь изъ этого не слѣдуетъ, чтобы физика составляла только отрасль механики. Молекулярной механики до сихъ поръ не существуетъ; поэтому мы должны изучать физическія явленія, устанавливая ихъ законы путемъ непосредственнаго опыта и наблюденія. То же самое слѣдуетъ сказать и о психологіи. Физіологія мозга находится еще на такой низкой степени совершенства, что не можетъ дать намъ болѣе самаго общаго и то гипотетическаго объясненія психиче-

Digitized by Google

скихъ явленій. А между тѣмъ, мы можемъ наблюдать эти явленія непосредственно и устанавливать, такимъ образомъ, путемъ опыта, тѣ законы, которымъ они подчиняются. Связь психологическихъ явленій съ физіологическими указываетъ только на то, что законы души нашей не коренные, а производные, вытекающіе изъ болѣе общихъ законовъ біологическихъ. Затѣмъ психическія явленія представляютъ всѣ тѣ признаки, которые обыкновенно отдѣляютъ одну науку отъ другой. Они менѣе общи и болѣе сложны, нежели общія явленія жизни. Къ тѣмъ средствамъ наблюденія, которыми владѣетъ біологія, психологія прибавляетъ новое средство и новый методъ изученія явленій, недоступный какой-либо другой наукѣ. Этотъ методъ состоитъ во внутреннемъ наблюденіи человѣка надъ самимъ собой, надъ ходомъ своихъ собственныхъ душевныхъ явленій. Огюстъ Контъ, какъ мы уже упомянули, не допускалъ отдѣльной научной отрасли психологіи. Мало того, что онъ сдѣлалъ изъ нея отрасль физіологіи, стараясь свести ее на принципы френологіи, науки, которая, какъ въ настоящее время доказано, покоилась на ложныхъ основаніяхъ, онъ осмѣялъ методъ самонаблюденія, относя его въ область метафизическихъ пріемовъ мысли. Но то самонаблюденіе, которымъ пользуется психологія, не имѣетъ ровно ничего общаго съ самонаблюденіемъ метафизиковъ. Метафизикъ предоставляетъ свободный полетъ своей мысли и затѣмъ слѣдитъ за ея теченіемъ, принимая это теченіе за истинный ходъ самой природы. Психологъ не предоставляетъ полета своимъ мыслямъ и не принимаетъ ихъ теченіе за что-либо иное, кромѣ, какъ за явленіе, которое подлежитъ изслѣдованію. Онъ просто развиваетъ въ себѣ привычку въ то время, или тотчасъ послѣ того, какъ прошелъ въ немъ рядъ мыслей, впечатлѣній или желаній, остановить свое вниманіе на ходѣ этихъ мыслей, или вообще состояній сознанія и прослѣдить ихъ связь между собою и отношеніе къ впечатлѣніямъ внѣшней среды. Помощію этого метода психологія уже достигла открытія общихъ законовъ, объясняющихъ намъ до извѣстной степени ходъ явленій нашей душевной жизни. Вотъ примѣры этихъ законовъ, какъ ихъ приводитъ Джонъ-Стюартъ Милль въ Логикѣ: „Первый законъ. Если какое-нибудь состояніе сознанія разъ было возбуждено въ насъ, все равно, какою бы ни было причиной, — то низшая степень того же состоянія сознанія, состоянія, подобнаго первому, но слабѣйшему по напряженію. — можетъ быть воспроизведена въ насъ въ отсутствіи всякой причины, возбудившей его въ первый разъ. Такъ, если мы видѣли и касались нѣкотораго предмета, то мы можемъ потомъ думать объ этомъ предметѣ, хотя бы онъ

Digitized by Google

былъ далекъ отъ нашего зрѣнія или осязанія. Если мы при какомъ-нибудь событіи чувствовали горе или радость, то мы можемъ думать и вспоминать о прошломъ горѣ и прошлой радости, хотя бы съ нами вновь не происходило ничего горестнаго. Когда поэтъ создалъ духовный образъ какого-нибудь воображаемаго предмета, замка праздной нѣги, или Уны, или Гамлета, то онъ можетъ потомъ думать объ идеальномъ предметѣ, имъ созданномъ, безъ всякаго новаго акта умственнаго сочетанія. Этотъ законъ выражается на языкѣ Юма такъ: каждое душевное *впечатлѣніе* имѣютъ свою *идею*.

Второй законъ. Эти идеи или вторичныя душевныя состоянія возбуждаются нашими впечатлѣніями или другими идеями по извѣстнымъ законамъ, называемымъ *законами ассоціаціи*. Первый изъ этихъ законовъ тотъ, что подобныя идеи возбуждаютъ одна другую. Второй законъ тотъ, что когда два впечатлѣнія были часто испытываемы (или даже мыслимы) или одновременно, или въ непосредственной послѣдовательности, то когда одно изъ этихъ впечатлѣній или идея его повторится, они стремятся возбудить идею другаго. Третій законъ тотъ, что большее напряженіе каждаго или обоихъ впечатлѣній, производя возбуждаемость одного посредствомъ другаго, равняется болѣе частому повторенію ихъ сочетанія. Это не гипотезы, и не простые факты,—это законы, неизмѣнныя единообразія, которымъ подчиняются явленія нашей душевной жизни; они доставляютъ объясненія этимъ явленіямъ. Физіологія можетъ нам объяснить эти законы, но не можетъ ни опровергнуть ихъ, ни прибавить къ нимъ иной достовѣрности, кромѣ той, какую вообще получаютъ производные законы, коль скоро они опираются на болѣе общіе законы природы. Убѣдиться въ справедливости приведенныхъ законовъ и въ пригодности метода самонаблюденія можетъ каждый, провѣривъ ихъ на самомъ себѣ.

Затѣмъ намъ предстоитъ еще разсмотрѣть, какъ велика наша способность, въ психологіи, предсказывать явленія и измѣнять ихъ. Способность наша вноситъ измѣненія въ область нашей собственной душевной жизни и въ область душевной жизни другихъ людей порождаетъ искусство воспитанія, которое, по своей обширности, уступаетъ развѣ только соціальному искусству. Всякій знаетъ, что огромная доля содержанія нашей душевной жизни составляетъ результатъ всѣхъ тѣхъ впечатлѣній, которыя мы пережили съ ранняго дѣтства. Видоизмѣняя эти впечатлѣнія, т.-е. подвергая человѣка тѣмъ или другимъ вліяніямъ внѣшней среды, мы можемъ до безконечности разнообразно вліять на его умъ, чувства, привычки, наклонности и направлять все это въ ту, или другую

Digitized by Google

сторону. Что касается до нашей способности предсказывать психическія явленія, то здѣсь эта способность, вслѣдствіе чрезвычайной сложности явленій, принимаетъ совершенно особенный характеръ. Чтобы понять, въ чемъ состоитъ наша способность предсказанія въ психологіи, надобно принять въ разсчетъ слѣдующія обстоятельства. Всѣ причины нашихъ дѣйствій, чувствъ или намѣреній, будутъ-ли то внѣшнія обстоятельства или факты нашей души, нашего сознанія, раздѣляются на два рода: главныя и второстепенныя. Главныя причины дѣйствуютъ болѣе или менѣе постоянно, и мы обыкновенно знаемъ тѣ дѣйствія, которыя онѣ стремятся произвести. Къ числу этихъ причинъ относятся: степень развитія человѣка, его темпераментъ, господствующія привычки и симпатіи, и т. д. Еслибы въ человѣкѣ дѣйствовали только эти причины, то, въ большей части случаевъ, мы могли бы предсказать, какъ онъ будетъ дѣйствовать, или что̀ онъ будетъ думать. Но вмѣстѣ съ этими причинами, постоянно дѣйствуютъ еще тысячи мелкихъ, второстепенныхъ причинъ: случайныя вліянія внѣшней среды, минутное расположеніе духа, и т. п., о присутствіи которыхъ мы, въ большей части случаевъ, ничего не можемъ знать, и которыхъ не можемъ взвѣсить и оцѣнить. Хотя въ общемъ ходѣ человѣческой жизни обнаруживается дѣйствіе главныхъ причинъ, но въ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ индивидуальной жизни, количество второстепенныхъ причинъ такъ велико, что дѣйствіе ихъ не только колеблетъ дѣйствіе главныхъ причинъ, но очень часто беретъ перевѣсъ надъ ними. Вслѣдствіе этого мы вовсе не можемъ предсказывать, какъ поступитъ тотъ или другой отдѣльный человѣкъ, въ данномъ случаѣ. Но коль скоро рѣчь идетъ о цѣломъ обществѣ людей, или о какой-нибудь части этого общества, то мы смѣло можемъ положиться на дѣйствіе главныхъ причинъ, и выводъ нашъ относительно того, какъ будетъ думать, чувствовать или дѣйствовать та или другая категорія людей при данныхъ обстоятельствахъ, будетъ весьма близокъ къ истинѣ. Дѣйствія мелкихъ, второстепенныхъ причинъ, будучи всегда различны для различныхъ людей, въ результатѣ стремятся уничтожить другъ друга. Такимъ образомъ, хотя психологія не даетъ намъ возможности предвидѣть дѣйствія, мысли и чувства отдѣльныхъ людей, она доставляетъ намъ основанія, большія посылки, на которыхъ можетъ быть построена наука объ обществѣ.

Теперь намъ слѣдовало-бы перейти къ этой, самой обширной и трудной отрасли человѣческихъ знаній, для которой всѣ предшествующія науки служатъ логическимъ орудіемъ. Но

Digitized by Google

соціологія, какъ положительная наука — наука, едва возникающая, о которой трудно было бы дать надлежащее понятіе въ нѣсколькихъ словахъ, которыми бы намъ пришлось здѣсь ограничиться. Мы здѣсь покажемъ только, что какова бы эта наука ни была, во всякомъ случаѣ она не можетъ быть съ успѣхомъ изучаема и не могла возникнуть раньше всѣхъ предшествующихъ отраслей знанія. Послѣ всего сказаннаго намъ нѣтъ надобности распространяться объ этомъ. Внѣшнія условія, астрономическія, физическія, химическія, среди которыхъ живетъ и развивается человѣческій родъ, біологическія и психическія свойства человѣческой натуры, въ связи съ чисто общественными элементами, вліяніемъ поколѣній одно на другое, составляютъ, въ каждый данный моментъ, причины, опредѣляющія то или другое общественное состояніе, т.-е. всю совокупность явленій общественной жизни. Правда, при современномъ состояніи общества власть человѣка надъ природой слишкомъ сильна, вліяніе предшествовавшихъ поколѣній слишкомъ велико, такъ что общественная жизнь, дѣйствія, стремленія, убѣжденія, страданія и наслажденія людей гораздо болѣе зависятъ отъ образовавшагося уже склада общественной жизни, соціальныхъ вѣрованій, нравовъ и учрежденій, нежели отъ первоначальныхъ свойствъ человѣческой натуры и явленій внѣшней природы, но тѣмъ не менѣе ни тѣ, ни другія не могутъ быть оставлены безъ вниманія. Но изучая вліяніе поколѣній одно на другое, мы должны отброситься далеко назадъ, въ первобытную исторію человѣчества, въ то первобытное состояніе человѣческаго рода, изъ котораго путемъ тысячелѣтней цивилизаціи развилось современное его состояніе. Для изученія же этой первобытной исторіи у насъ нѣтъ даже матеріала, фактовъ, кромѣ наблюденій надъ современной жизнью дикарей. Единственный способъ, при помощи этихъ фактовъ, хотя бы гипотетически воспроизвести исторію зачатія и младенчества человѣчества—это выводъ изъ психическихъ и біологическихъ законовъ человѣческой натуры и изъ географическихъ, зоологическихъ, климатическихъ, астрономическихъ, и т. д. условій, среди которыхъ развился человѣческій родъ. Кто не знаетъ, какъ важно знаніе климатическихъ и географическихъ условій Египта или Индіи для изученія исторіи цивилизаціи этихъ странъ? Кому неизвѣстно, что ходъ астрономическихъ, метеорологическихъ и другихъ явленій существеннымъ образомъ вліялъ на установленіе тѣхъ или другихъ предразсудковъ, повѣрій и обычаевъ? Возможно-ли понять вліяніе внѣшней природы на міросозерцаніе первобытнаго человѣка, если мы сами, въ иныхъ случаяхъ, раздѣляемъ его? Нашей читающей

Digitized by Google

публикѣ хорошо знакомо сочиненіе Бокля „Исторія цивилизаціи Англіи“, а слѣдовательно ей должно быть также хорошо извѣстно, какъ много можно сдѣлать въ изслѣдованіи историческихъ законовъ, опираясь на естественно-научныя знанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ какія превратныя понятія усвоиваются людьми о прошедшемъ человѣчества при отсутствіи этихъ знаній. Но если мы и оставимъ безъ вниманія первобытную исторію человѣчества и станемъ изучать только позднѣйшее его состояніе, то и тутъ мы увидимъ, что ничего нельзя сдѣлать безъ математическихъ и естественно-научныхъ знаній. Чтобы доказать это, достаточно указать на одно обстоятельство, отнимающее всякую возможность понять законы общественной жизни безъ знанія наукъ предшествующихъ. Состояніе человѣческаго общества въ данный моментъ главнымъ образомъ зависитъ отъ всего его предшествовавшаго состоянія, отъ его исторіи. Важнѣйшую часть послѣдней составляетъ исторія умственнаго развитія общества, важнѣйшую же часть исторіи умственнаго развитія составляетъ исторія наукъ. Послѣдняя же не можетъ быть понята безъ знанія теоремъ этихъ наукъ. Что же касается до наукъ математическихъ, то хотя истины этихъ наукъ и не примѣняются прямо къ изслѣдованію соціальныхъ явленій, но тѣмъ не менѣе эти двѣ крайнія отрасли человѣческихъ знаній связаны между собою посредствомъ біологіи и физико-химіи. Но, кромѣ того, въ виду чрезвычайной запутанности соціальныхъ явленій и трудности ихъ изслѣдованія, необходима предварительная математическая подготовка для усвоенія правильнаго употребленія выводнаго метода, который имѣетъ первенствующее значеніе въ соціальной наукѣ. Вотъ что говоритъ Джонъ-Стюартъ Милль въ своей Логикѣ о математическомъ образованіи, какъ подготовкѣ къ сложнымъ соціальнымъ изслѣдованіямъ: „Польза математическаго образованія, какъ подготовки къ этимъ болѣе труднымъ изслѣдованіямъ, состоитъ въ примѣнимости не аксіомъ математики, а ея метода. Математика всегда остается самымъ совершеннымъ типомъ дедуктивнаго метода вообще, и приложеніе математики къ выводнымъ отраслямъ естествознанія представляетъ единственную школу, въ которой философы могутъ дѣйствительно научиться самой трудной и важной части своего искусства: употребленію законовъ простѣйшихъ явленій для поясненія и предсказанія законовъ явленій болѣе сложныхъ. Причины эти совершенно достаточны для того, чтобы признавать математическій навыкъ необходимой основой дѣйствительнаго научнаго образованія и считать того, кто *αγεωμέτρητος* (не геометриченъ—выраженіе, старымъ преданіемъ ошибочно прини-

Digitized by Google

сываемое Платону), за лишеннаго одной изъ способностей, наиболѣе необходимыхъ для занятія высшими отраслями философіи".

Для полноты изложенія разсмотримъ еще отношенія между нашими способностями предсказывать и измѣнять явленія въ области соціологіи. Мы уже видѣли въ психологіи, что причины нашихъ дѣйствій до такой степени измѣнчивы, что мы не имѣемъ возможности съ увѣренностію предсказать, какъ человѣкъ поступитъ въ томъ или другомъ случаѣ. Зная главныя, постоянныя причины, дѣйствующія въ человѣкѣ, мы можемъ предсказать, какъ бы онъ дѣйствовалъ въ силу этихъ причинъ, но весьма возможно, что, въ силу мелкихъ, второстепенныхъ причинъ, которыхъ обыкновенно мы не можемъ предвидѣть, человѣкъ поступитъ въ данномъ случаѣ вовсе не такъ, какъ мы ожидали. То же самое слѣдуетъ сказать и о явленіяхъ общественныхъ. Здѣсь причины явленій обыкновенно бываютъ еще сложнѣе и разнообразнѣе. Каждый фактъ общественной жизни зависитъ отъ тысячи причинъ, заключающихся въ данномъ состояніи общества. То, что̀ составляетъ результатъ какого либо учрежденія, или какихъ либо качествъ людей, составляющихъ общество, можетъ быть весьма различно, смотря по тому, среди какихъ обстоятельствъ этому учрежденію или этимъ качествамъ людей приходится дѣйствовать.

Если мы хотимъ знать напередъ, каковъ будетъ результатъ дѣйствія того или другаго учрежденія, того или другаго образа мыслей людей, то мы, очевидно, должны знать всѣ обстоятельства, вліянію которыхъ можетъ подвергнуться дѣйствіе даннаго учрежденія или даннаго образа мыслей. А такъ-какъ вслѣдствіе неразрывной связи между факторами общественной жизни, въ числѣ такихъ обстоятельствъ можетъ быть всякая причина, дѣйствующая въ обществѣ, то число этихъ вліяній можетъ быть чрезвычайно велико, и мы никогда не въ состояніи всѣхъ ихъ предвидѣть и взвѣсить. Поэтому, въ области соціальныхъ явленій, наша способность предсказаній сводится не на предвидѣніе того, что̀ дѣйствительно случится, а на предвидѣніе того, что̀ стремятся произвести тѣ или другія причины, къ дѣйствію которыхъ относится наше предсказаніе. Мы всегда можемъ сказать, полезно или вредно то или другое учрежденіе, тотъ или другой образъ мыслей, и т. д., хотя не можемъ поручиться, что предсказанныя нами польза или вредъ воспослѣдуютъ въ той мѣрѣ, какъ мы того ожидали. Поэтому, хотя мы и не можемъ знать навѣрное впередъ того, что̀ случится, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, иначе, какъ съ нѣкоторою только вѣроятностью и приблизительностію, мы, во всякомъ случаѣ, можемъ знать, что̀ желательно и что̀

Digitized by Google

нежелательно въ видахъ человѣческаго блага. Но этимъ не исчерпывается наша способность предвидѣнія въ соціальной наукѣ. Въ обществѣ, какъ и въ душевной жизни человѣка въ продолжительные промежутки времени главныя причины должны брать перевѣсъ надъ мелкими и второстепенными. Зная же дѣйствія этихъ главныхъ причинъ, мы можемъ въ общихъ чертахъ предвидѣть будущую исторію человѣчества, знать къ чему оно стремится въ своемъ развитіи и, слѣдовательно, сознательно употреблять свои силы къ достиженію будущаго. Что же касается до степени измѣнчивости соціальныхъ явленій, то не думая, чтобы кто-либо могъ измѣнять условія общественной жизни внѣ всякихъ предѣловъ, слѣдуетъ сказать, что соціальныя явленія представляютъ высшую степень измѣнчивости, чѣмъ какія-либо другія. Еслибы всѣ люди, составляющіе общество, не выключая и народныя массы, обладали бы достаточнымъ знаніемъ и умѣли бы согласить свои желанія и стремленія (теоретически это невозможно), то, вѣроятно, они сознательно произвели бы то общественное состояніе, которое показалось бы имъ наилучшимъ и слѣдовательно желательнымъ.

Эта-то наша способность подчинять своимъ цѣлямъ факторы общественной жизни, въ связи съ нашею способностью предвидѣть стремленія тѣхъ или другихъ учрежденій, того или другого образа мыслей, тѣхъ или другихъ отношеній между людьми, привести къ соотвѣтственнымъ результатамъ, порождаетъ величайшее и обширнѣйшее изъ всѣхъ искусствъ. Наука открываетъ законы, которымъ подчиняются дѣйствія тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается общественная жизнь. Зная эти законы, мы можемъ найти такое сочетаніе этихъ элементовъ, которое стремилось бы постоянно вести человѣчество къ увеличенію суммы его счастія. Коль скоро такое сочетаніе найдено, задача соціальнаго искусства состоитъ въ томъ, чтобы перенести это сочетаніе изъ области науки въ область жизни. Оно должно показать, возможно ли, а если возможно, то какими практическими средствами, указанное наукой можетъ быть достигнуто въ жизни. Это-то искусство и должно намъ указать тѣ правила нравственности, и правила устройства и веденія общественныхъ дѣлъ, которыми мы должны руководствоваться въ жизни. Такимъ образомъ оно ведетъ къ достиженію задачи и конечной цѣли науки и философіи. Нечего и говорить, что при настоящемъ несовершенствѣ науки, искусство это представляетъ еще меньшую степень совершенства. Изъ сказаннаго о соціальной наукѣ видно, что она, наравнѣ съ остальными науками, подчиняется принципу контовской классификаціи. Всѣ болѣе или менѣе полныя объ-

Digitized by Google

ясненія относительно содержанія и метода этой науки мы, по необходимости, должны отложить. Замѣтимъ здѣсь еще только слѣдующее. Положительную философію нерѣдко упрекаютъ въ томъ, что она приступаетъ къ изслѣдованію соціальныхъ явленій съ объективной точки зрѣнія. Казалось бы, это-то и составляетъ силу и достоинство положительнаго метода.

Но не такъ на это смотрятъ партизаны тѣхъ или другихъ соціальныхъ доктринъ. Они говорятъ: намъ нужны не голыя, логическія истины. Мы не только изслѣдователи, но живые, чувствующіе, дѣйствующіе и страдающіе люди. Намъ нужно знать не только то, какими средствами могутъ быть достигнуты въ общественной жизни тѣ или другія цѣли, но и каковы должны быть эти самыя цѣли, чего мы должны желать и къ чему стремиться. Вотъ на эти-то вопросы, возникающіе въ душѣ каждаго человѣка, положительная философія, по мнѣнію иныхъ, и не даетъ отвѣта. Упрекъ этотъ несправедливъ, какъ относительно положительной философіи, такъ и относительно объективнаго изслѣдованія соціальныхъ явленій вообще. Разница между объективнымъ и субъективнымъ изученіемъ соціальной жизни состоитъ въ томъ, что второе ставитъ задачи общества и соціальныя обязанности человѣка въ началѣ, тогда какъ первое получаетъ ихъ въ результатѣ изслѣдованія. Къ чему стремится человѣчество въ своемъ развитіи? Въ какомъ отношеніи стоимъ мы, живые люди, къ будущимъ поколѣніямъ и къ тѣмъ, наслѣдіемъ которыхъ мы пользуемся? Наконецъ, какъ и что насъ связываетъ съ мильйонами людей, мыслящихъ, страдающихъ и стремящихся, разсѣянныхъ по земному шару? Все это вопросы соціальной науки. Но есть ли возможность научнымъ путемъ получить рѣшеніе этихъ вопросовъ? Мы думаемъ, что не только есть эта возможность, но что рѣшеніе это въ общихъ чертахъ достигнуто, и что въ нравственномъ отношеніи оно ничуть не меньше какихъ-либо иныхъ предвзятыхъ доктринъ соотвѣтствуетъ требованіямъ общечеловѣческаго счастія. Конечно, это мнѣніе ни для кого не обязательно, но пусть же прежде, нежели обвинять положительную философію въ объективности, будто бы несовмѣстной съ субъективымъ отношеніемъ къ жизни, каждый остановитъ свое вниманіе не только на исходной точкѣ, но и на результатѣ этой философіи, не только на томъ, что явленія природы управляются законами, но и на томъ, каковы законы, управляющіе общечеловѣческой жизнью. Мы бы указали сочиненія О. Конта, Милля и Прудона, котораго слѣдуетъ также отнести къ числу мыслителей съ положительнымъ, научнымъ

Digitized by Google

строемъ міросозерцанія, несмотря на метафизическую подкладку, которая сквозитъ въ его сочиненіяхъ.

Послѣ всего изложеннаго, мы можемъ слѣдующимъ образомъ формулировать теорію классификаціи наукъ Огюста Конта. Всѣ явленія внѣшняго міра, человѣческой натуры и общественной жизни подчинены законамъ, неизмѣннымъ единообразіямъ; среди видимаго разнообразія природы всюду господствуютъ правильность и порядокъ. Цѣль философіи и науки состоитъ въ томъ, чтобы открыть эти законы, изучить ихъ условія, въ которыхъ они дѣйствуютъ, и такимъ образомъ доставить намъ объясненіе того, какъ совершается все, что мы видимъ вокругъ себя. Въ результатѣ такого изученія являются наши способности предвидѣнія и измѣненія хода явленій природы, сообразно нашимъ цѣлямъ. Какъ наука о природѣ неорганической даетъ намъ средства воздѣйствовать на внѣшнюю природу, такъ же точно наука о человѣкѣ и объ обществѣ даетъ намъ средства воздѣйствовать на нашу собственную природу и на явленія общественной жизни. Приступая къ изученію предметовъ или существъ внѣшняго міра, мы открываемъ явленія, общія всѣмъ имъ, или только болѣе или менѣе обширной группѣ. Пространственныя свойства составляютъ необходимый и всеобщій элементъ всѣхъ предметовъ, такихъ, относительно которыхъ мы знаемъ, что они движутся, и такихъ, относительно которыхъ мы бы этого не знали, предметовъ міра органическаго и предметовъ міра неорганическаго. Движеніе есть фактъ, распространенный всюду, тамъ, гдѣ мы знаемъ о присутствіи иныхъ свойствъ, физическихъ, или химическихъ, и тамъ, гдѣ мы о послѣднихъ ничего не знаемъ. Физическія или химическія явленія происходятъ въ тѣлахъ міра органическаго и неорганическаго. Явленія приспособленія организма къ существованію и послѣдовательности явленій во внѣшней средѣ общи всѣмъ животнымъ и растеніямъ. Растенія къ явленіямъ природы неорганической присоединяютъ явленія питанія, размноженія, роста. Въ животныхъ къ свойствамъ, общимъ имъ съ растеніями, присоединяются явленія чувства и передвиженія съ мѣста на мѣсто, сообразно потребностямъ организма. Наконецъ, умственныя отправленія и общежитіе свойственны высшимъ родамъ животныхъ и человѣку. Высшую степень послѣднихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высшую степень приспособленія организма ко внѣшнимъ условіямъ существованія представляетъ человѣкъ, какъ существо соціальное.

Такимъ образомъ, общія явленія природы составляютъ посте-

Digitized by Google

пенно усложняющійся, восходящій рядъ убывающихъ концентрическихъ круговъ. Болѣе простыя и болѣе общія явленія служатъ какъ бы средней, въ которой совершаются явленія менѣе общія и болѣе сложныя. Законы послѣднихъ подчиняются законамъ первыхъ и дѣйствуютъ совокупно съ ними. Понятно поэтому, что не зная законовъ явленій общихъ и простыхъ, мы не можемъ понять и прослѣдить ихъ дѣйствіе въ сложной комбинаціи законовъ частныхъ и сложныхъ явленій. Такимъ образомъ принципъ убывающей простоты явленій указываетъ не на болѣе удобный порядокъ изученія этихъ явленій, а на тотъ единственный порядокъ, въ которомъ законы ихъ могутъ быть поняты. Онъ установленъ не искусственно, а естественно вытекаетъ изъ той подчиненной зависимости, въ которой стоятъ между собою явленія природы: болѣе сложныя и менѣе общія отъ болѣе простыхъ и болѣе общихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на тотъ историческій порядокъ, въ которомъ были открываемы законы природы: законы явленій болѣе сложныхъ вслѣдъ за законами явленій болѣе простыхъ. Кромѣ того, чѣмъ болѣе сложности представляютъ явленія природы, тѣмъ меньшая степень совершенства доступна изученію ихъ, тѣмъ меньше наша способность предвидѣнія относительно этихъ явленій, но за то тѣмъ больше наша способность искусственно видоизмѣнять естественный, случайный ходъ ихъ и направлять къ собственнымъ цѣлямъ. Всѣ эти въ высшей степени важные, характеристическіе признаки ставятъ наши отдѣльныя научныя отрасли въ тотъ іерархическій порядокъ, который указанъ Огюстомъ Контомъ. Но, кромѣ этихъ причинъ, совершенно достаточныхъ, существуютъ еще причины, которыя требуютъ, чтобы изученіе наукъ болѣе простыхъ предшествовало изученію наукъ болѣе сложныхъ. Эти причины заключаются въ послѣдовательномъ развитіи методовъ, нашихъ средствъ изученія явленій. Каждая наука представляетъ свой собственный характеристическій методъ, пользуясь въ то же время методами всѣхъ предшествующихъ наукъ. Поэтому употребленіе логическихъ методовъ въ наукахъ болѣе сложныхъ можетъ быть облегчено только навыкомъ, который намъ доставляетъ изученіе наукъ болѣе простыхъ. Мы не хотимъ сказать, чтобы науки болѣе простыя вовсе не пользовались методами наукъ болѣе сложныхъ. Каждая наука, въ большей или меньшей степени, пользуется методами всѣхъ другихъ наукъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она представляетъ свой собственный, господствующій въ ней методъ. Поэтому изученіе каждой науки развиваетъ въ насъ навыкъ преимущественно къ тому или другому методу, и только совокупность наукъ, въ порядкѣ, указан-

Digitized by Google

номъ Контомъ, представляетъ постепенное развитіе всѣхъ логическихъ методовъ. Такимъ образомъ Контова классификація ставитъ науки въ тотъ рядъ, въ которомъ онѣ представляютъ послѣдовательное развитіе научныхъ истинъ, того, что̀ мы знаемъ о природѣ и человѣкѣ, и послѣдовательное развитіе логическихъ методовъ, тѣхъ путей, которые ведутъ насъ къ открытію истинъ.

Прежде нежели покончить изложеніе теоріи Контовской классификаціи наукъ, мы укажемъ еще на одну мысль, непосредственно вытекающую изъ этой классификаціи. Именно, между нашими средствами изслѣдованія природы, и нашими потребностями существуетъ, если не строгое, то весьма явственное соотвѣтствіе. Въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ явленія природы усложняются и изслѣдованіе ихъ становится труднѣе, наши средства наблюденія и логическіе методы расширяются, хотя и не въ одинаковой степени. Тамъ, гдѣ наша способность предвидѣнія ослабѣваетъ, тамъ, гдѣ, не зная того, что̀ будетъ впередъ, мы не можемъ, помощію предвидѣнія, избѣжать опасности, тамъ мы можемъ прямо воздѣйствовать на ходъ явленій и подчинить его себѣ. Наконецъ, тамъ, гдѣ мы не можемъ измѣнять ходъ явленій и приноравливать его къ нашимъ потребностямъ, какъ въ астрономіи, тамъ мы, помощію предвидѣнія, имѣемъ возможность сами приноровиться къ этому ходу явленій. Эта гармонія между природой и человѣкомъ есть не что иное, какъ слѣдствіе того самаго характеристическаго признака жизни, на который мы указали въ біологіи: болѣе или менѣе полное соотвѣтствіе между организмомъ и внѣшними условіями его существованія. Въ самомъ дѣлѣ, разсмотримъ то соотвѣтствіе между нашими средствами и потребностями, которое существуетъ въ астрономіи. Эта наука раздѣляется на два отдѣла: солнечную и звѣздную астрономію. Послѣдняя изучаетъ явленія, представляемыя звѣздпымъ небомъ; первая изучаетъ явленія, происходящія только въ нашей солнечной системѣ. Въ солнечной астрономіи мы знаемъ всѣ явленія, представляемыя положеніемъ, движеніемъ и взаимнымъ тяготѣніемъ планетъ между собою и къ солнцу. Въ звѣздной астрономіи наши знанія ограничиваются относительнымъ положеніемъ звѣздъ на небѣ, и вообще нѣкоторыми ихъ геометрическими свойствами; даже о движеніи звѣздъ мы почти ничего не знаемъ. Теперь посмотрите, какое соотвѣтствіе между нашими знаніями и потребностями. Явленія движенія и тяготѣнія, представляемыя солнечной системой, существеннымъ образомъ вліяютъ, какъ уже показано въ біологіи, на всю жизнь, развивающуюся на землѣ. Звѣздное же небо, если и вліяетъ на насъ, то только указывая намъ, относительнымъ рас-

Digitized by Google

положеніемъ звѣздъ, пути на морѣ и въ необитаемой степи. Солнечная система, а вмѣстѣ съ тѣмъ и органическая жизнь, развивающаяся на землѣ, не испытываютъ, ощутительнымъ для насъ образомъ, вліянія явленій движенія и тяготѣнія, представляемыхъ звѣздами. Послѣднее доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что астрономическія вычисленія, въ которыхъ не принимается въ разсчетъ какое бы то ни было вліяніе звѣзднаго міра на нашу солнечную систему, оказываются совпадающими съ дѣйствительными фактами черезъ огромные промежутки времени. Но, не ясно ли, что только въ томъ случаѣ и могло бы существовать наше знаніе о явленіяхъ звѣзднаго міра, еслибы эти явленія производили на насъ какое-нибудь вліяніе, и чѣмъ обширнѣе было бы это вліяніе, тѣмъ болѣе мы знали бы о немъ, и тѣмъ болѣе бы мы знали о самыхъ явленіяхъ. Не ясно ли, что соотвѣтствіе между нашими потребностями и знаніями вытекаетъ изъ условій нашего существованія, изъ тѣхъ условій, подъ которыми развивается жизнь на нашей планетѣ, и что нѣтъ надобности для объясненія этого соотвѣтствія предполагать какую-либо предустановленную гармонію, независимо отъ теченія жизни, подъ вліяніемъ общихъ законовъ природы. Далѣе, современные успѣхи физики и химіи открываютъ намъ возможность до нѣкоторой степени узнать физическія и химическія свойства небесныхъ тѣлъ нашей солнечной системы; но что касается до органической жизни планетъ, то мы не знаемъ нетолько, какова эта жизнь, если она существуетъ, но даже не знаемъ, существуетъ ли она вообще. Въ то же время, если физическія или химическія свойства небесныхъ тѣлъ и вліяютъ на насъ путемъ того теплаго свѣта, который изливаетъ на насъ солнце, органическая жизнь планетъ, если и существуетъ, то не вліяетъ и не можетъ вліять на происхожденіе, развитіе и образъ существованія органической жизни на землѣ. Понятно, что, не подвергаясь вліянію органическихъ свойствъ солнца и планетъ, мы ничего не знаемъ о послѣднихъ. Понятно также, что чѣмъ болѣе вліянія оказываютъ на насъ различныя явленія неорганической и органической природы, тѣмъ обширнѣе должны быть наши средства узнать законы внѣшней среды и жизни. Эта гармонія, дѣйствительно существующая между нашими знаніями о природѣ и тѣмъ вліяніемъ, которое природа на насъ оказываетъ, вытекаетъ изъ тѣхъ условій, среди которыхъ приходится дѣйствовать нашимъ умственнымъ способностямъ, изъ условій нашего существованія. Такую гармонію, кажущуюся цѣлесообразностью, мы найдемъ во всѣхъ жизненныхъ явленіяхъ. Она составляетъ результатъ существеннаго признака жизни: приспо-

Digitized by Google

собленіе внутреннихъ измѣненій организма ко внѣшнимъ вліяніямъ, которымъ онъ подвергается. Высшую степень такого приспособленія долженъ представить человѣкъ, какъ существо соціальное. Въ средніе вѣка господствовала, да и теперь еще нерѣдко высказывается мысль о господствѣ во внѣшней природѣ цѣлесообразности. Эта мысль навѣяна дѣйствительнымъ фактомъ: соотвѣтствіемъ между потребностями организма и тѣми внѣшними условіями, среди которыхъ онъ живетъ. Но въ средніе вѣка думали, что во внѣшнемъ мірѣ все приноровлено къ цѣлямъ и потребностямъ человѣка. Положительная же біологія показываетъ, что, напротивъ, не внѣшняя природа приноровлена къ потребностямъ живыхъ существъ, а живыя существа развились сообразно внѣшнимъ условіямъ, и потому само собою установилось соотвѣтствіе между человѣкомъ и внѣшней природой, сама собою развилась кажущаяся цѣлесообразность въ устройствѣ и отправленіяхъ отдѣльныхъ частей живаго организма. Средневѣковой взглядъ на кажущуюся цѣлесообразность таковъ: вода плотнѣе льда, потому, что еслибы было наоборотъ, рѣки бы замерзали зимой массой отъ самаго дна и рыбы не могли бы сохраняться въ нихъ, а слѣдовательно и человѣкъ лишился бы возможности питаться ими. Положительный же взглядъ на эту цѣлесообразность будетъ слѣдующій: только потому рыбы и водятся въ рѣкахъ, что послѣднія представляютъ условія, допускающія развитіе соотвѣтственныхъ организмовъ. Меньшая плотность льда сравнительно съ плотностію воды есть одно изъ этихъ условій.

Н. Павловскій.

Digitized by Google

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

(НАБЛЮДЕНІЯ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ ПРИСЯЖНАГО ЗАСѢДАТЕЛЯ).

«Да правда и милость — царствуютъ въ судахъ». Манифестъ 19 марта 1856 г., указъ сенату 20 ноябр. 1864 г. и надпись на зданіи судебныхъ мѣстъ.

(*Окончаніе*).

VII.

Бо̀льшая половина всѣхъ дѣлъ, разсматривающихся въ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей—это дѣла о кражахъ со взломомъ, да посредствомъ подобранныхъ, или тайно взятыхъ ключей. Но прослушавъ множество подобныхъ дѣлъ, невольно поражаешься ихъ содержаніемъ: то взломы невообразимо шатки, бездоказательны и построены на различныхъ, иногда даже *наивныхъ догадкахъ*, то похищенные, посредствомъ взломовъ, предметы столь по цѣнѣ ничтожны, что мудрено себѣ представить, какимъ манеромъ эти пустѣйшія дѣла безпрепятственно переходятъ отъ полиціи къ слѣдователямъ, отъ слѣдователей къ товарищамъ прокурора, отъ нихъ въ судебную палату, а изъ послѣдней въ окружной судъ, на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, когда и любой мировой судья въ день отлично порѣшилъ бы 10 этихъ дѣлъ безъ малѣйшаго затрудненія. Обратимся, впрочемъ, къ нѣкоторымъ изъ этихъ дѣлъ: пусть содержаніе ихъ само говоритъ за себя.

Дворникъ дома идетъ на чердакъ, гдѣ видитъ, по его словамъ, вывалившуюся изъ сундука доску, и рядомъ съ нею на полу футлярчикъ. Онъ открываетъ послѣдній, находитъ въ немъ 4 вновь отчеканенныя мѣдныя монеты (5, 3, 2 и 1 коп.) и стальную печать, стоющія вмѣстѣ съ футляромъ много 50 коп. Соблазнившись красивостію монетъ, онъ прячетъ футлярчикъ съ ними къ себѣ въ карманъ, спускается внизъ, на дворъ, зазываетъ съ собою опять на чердакъ работавшаго на дворѣ плотника и

Digitized by Google

заставляетъ его тамъ, въ своемъ присутствіи, сколотить сундукъ, наполненный различными вещами, въ числѣ коихъ были и слишкомъ дорогія, напримѣръ, шуба, халатъ, оцѣненныя владѣльцемъ по 300 руб. каждая вещь. Далѣе, хозяинъ-плотникъ, не найдя на своемъ мѣстѣ рабочаго, поднимается тоже на чердакъ, застаетъ рабочаго за сколачиваніемъ сундука, приказываетъ ему прервать это занятіе и идти по назначенію. Тогда дворникъ, желая достигнуть цѣли, проситъ хозяина дозволить работнику кончить начатую работу, выслушиваетъ отказъ, и дабы его умилостивить—предлагаетъ ему взять штабъ-офицерскія эполеты, тоже, по его словамъ, найденныя имъ на землѣ чердака. Хозяинъ отвѣчаетъ, что „не святочная пора и ему рядиться въ эполеты не резонъ", заподозрѣваетъ въ дѣйствіяхъ дворника что-то неладное, сообщаетъ свое предположеніе домоуправляющему, а тотъ полиціи; дворникъ сознается послѣдней въ похищеніи съ полу чердака монетъ и печати. Затѣмъ убѣдясь, что находившіяся въ сундукѣ вещи, кромѣ футлярчика, всѣ на лицо и не слыша ничего такого, что̀ бы противорѣчило показанію дворника, полиція тѣмъ не менѣе составляетъ протоколъ о взломѣ дворникомъ сундука, передаетъ оный (протоколъ) судебному слѣдователю. Слѣдователь, не видавши сундука и тоже не собравши никакихъ свѣдѣній касательно взлома, отдаетъ дворника, въ видѣ милости, на поруки сестрѣ; кончаетъ слѣдствіе, представляетъ оное, въ первобытномъ же состояніи, товарищу прокурора; тотъ составляетъ обвинительный актъ, судебная палата утверждаетъ оный и возвращаетъ въ судъ. Судъ вызываетъ дворника для врученія ему копіи съ обвинительнаго акта, но его по адресу не оказывается; тянутъ поручительницу сестру; та указываетъ, гдѣ найти брата-подсудимаго, и онъ, 2 года спустя, является, наконецъ, предъ присяжными засѣдателями. И что же? Присяжные засѣдатели — эта ходячая общественная совѣсть—признаетъ его виновнымъ въ простой кражѣ предметовъ, стоющихъ менѣе 50 коп., и судъ, коллегіальное учрежденіе, приговариваетъ его, по уст. о наказ. налагаемыхъ мировыми судьями, на 2 мѣсяца въ тюрьму, тогда какъ единоличной власти мироваго судьи предоставляется наказывать годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ (170 ст. мироваго устава).

Другой похитилъ изъ сундука же четвертку чаю въ 30 к., очки въ 20 коп., и кушакъ въ 15 коп., итого на 65 коп.; что же касается того, взломалъ ли онъ для этого сундукъ или отперъ его подобраннымъ ключомъ, или же выдернулъ пробой—

Digitized by Google

владѣлецъ сундука отозвался: „сундучишка, *кажись*, былъ замкнутъ, а впрочемъ, богъ-вѣсть, можетъ я и забылъ замкнуть“.

Третій забрался въ три сундука и изъ всѣхъ ихъ едва набралъ на 2 руб. хламу.

Четвертому приписываютъ сорваніе пробоевъ съ двухъ дверей, изъ-за которыхъ онъ унесъ поддёвку, оцѣненную самимъ ея хозяиномъ въ 1 р. 60 к.; подтвердилась же только кража поддёвки.

Несмотря, однако, не очевидную маловажность совершенныхъ сими, и имъ подобными, безграмотными, простыми, до глупости, людьми, прегрѣшеній, они высиживали до рѣшенія, подъ предварительнымъ арестомъ, ради „пресѣченія имъ способовъ уклоняться отъ отвѣтственности“, по 8—10 мѣсяцевъ сряду, въ сообществѣ завзятыхъ мазуриковъ, закоренѣлыхъ преступниковъ, которые всегда сбиваютъ съ толку, вдосталь развращаютъ неопытныхъ своихъ сожителей.

— Вотъ ты за пустяки, почитай, безвинно маешься въ заточеніи столько же времени, сколько я за самую то-ись важнецкую штуку, стало быть ни законъ, ни судъ тебѣ супротивъ меня не мирволятъ, потому и законъ-то, да и эвтотъ хваленый судъ ни чуть, для нашего брата, не лучше прежняго; отъ него хорошо однимъ баранъ, тѣ и толкуютъ о немъ ни вѣсть что.

Такія разсужденія мы слышали многократно во время недавнихъ обозрѣній здѣшнихъ тюремъ.

И научаемый вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе пройдохи. А что народъ дѣйствительно долго ждетъ въ заточеніи рѣшенія своей участи за вздорные проступки — это безспорно: со дня утвержденія судебною палатою обвинительныхъ, противъ подсудимыхъ, актовъ, до дня судоговоренія проходитъ обыкновенно 4—5 мѣсяцевъ (акты утверждены были, напримѣръ, въ октябрѣ 1870 г., а дѣла разсматривались въ судѣ въ февралѣ 1871 г.), да столько же, по крайней мѣрѣ, времени подсудимые сидятъ, покуда производятся предварительныя слѣдствія. Вотъ вамъ и *годъ*. Между тѣмъ сколько бы времени подсудимый ни пробылъ подъ стражею до вступленія приговора въ окончательную силу, оно, при осужденіи его, не зачтется ему въ срокъ опредѣленнаго наказанія—заключеніемъ въ тюрьму, рабочій домъ, арестантскія роты и проч. (угол. касаціонное рѣшеніе 1868 г., № 423). Будемте, пожалуй, такъ ужь и быть, безпощадны къ *виноватымъ*, хоть впослѣдствіи да осужденнымъ: пусть ужь они до дна испиваютъ эту горькую чашу за свои прегрѣшенія. Но за что же, скажите на милость, страдаютъ въ одинаковой степени и тѣ, которые выходятъ изъ суда *оправданными?* Кто ихъ вознаградитъ

Digitized by Google

за нравственныя и физическія муки, проистекающія отъ годичнаго заключенія, за разореніе ихъ хозяйства, за потерю часто крова, семьи? Никто, никто!.. Эта тяжкая жертва приносится на алтарь правосудія, а жертвователи получаютъ въ награду за нее — *свободу*, высшее человѣческое благо!..

Насъ могутъ, конечно, спросить: какимъ же способомъ устранить эти неурядицы, уравновѣсить право попавшихъ подъ слѣдствіе и судъ? На это мы вотъ что отвѣтимъ. Дабы наказанія соотвѣтствовали важности или ничтожности преступленій, было бы справедливо, какъ по принципу возмездія, такъ и въ интересахъ самого правосудія, изъять изъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ мѣстъ всѣ дѣла о кражахъ, посредствомъ *сомнительныхъ* взломовъ, а равно и *маловажныхъ* по цѣнамъ покраденнаго дѣла *со взломомъ*, передавъ ихъ въ вѣдѣніе мировыхъ судей, т.-е. пріурочить ихъ къ 169—172 ст. уст. о наказ., налаг. мир. суд. и 33 ст. уст. уголовн. судопр. Это измѣненіе подсудности дастъ благіе плоды: вопервыхъ, обвиняемые получатъ много чрезъ 2 недѣли послѣ приведенія ихъ къ суду заслуженное наказаніе, или свободу, а вмѣстѣ съ нею сохранятъ и свои силы, матеріальное благосостояніе и живо примутся за свойственный имъ честный трудъ, тогда какъ теперь они выходятъ изъ тюремъ физически и нравственно искалеченными, и настолько возстановленными противъ общества, что прямо мѣтятъ въ кандидаты на преступленія; вовторыхъ, тюрьмы не будутъ биткомъ набиты нерѣдко напрасно страдающими людьми, а оттого быть остальныхъ заключенныхъ улучшится, а отребья общества, оставшись въ заключеніи безъ учениковъ, придутъ къ заключенію, что каждому воздается по его заслугамъ; втретьихъ, у судебныхъ слѣдователей, прокурорскаго надзора, окружного суда и судебной палаты число дѣлъ наполовину, навѣрное, сократится, отчего названныя лица и мѣста пріобрѣтутъ возможность гораздо успѣшнѣе разсматривать дѣйствительно криминальныя дѣла, въ которыхъ нѣтъ, къ сожалѣнію, недостатка, а есть, напротивъ, избытокъ.

Независимо кражъ со взломомъ, во время нашего засѣдательства были и другихъ сортовъ дѣла, по существу, выѣденнаго яйца не стоившія, а по мытарствамъ, какимъ подвергались подсудимые, да по грозившимъ имъ, въ случаѣ обвиненія, наказаніямъ — они возмущали всѣхъ до глубины души.

Такъ, два, напримѣръ, неграмотныхъ карела-односельца, Повѣнецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи, случайно сошлись, въ 1866 г., на ярмаркѣ въ г. Кошіо. Паспорты обоихъ были совершенно тождественны форматомъ, цвѣтомъ, подписями и пе-

Digitized by Google

чатями. Одинъ изъ карелъ пошелъ съ обоими паспортами въ полицію, гдѣ ихъ прописали, вернули ему, и онъ одинъ отдалъ товарищу, а съ другимъ отправился проселочною дорогою домой, куда и добрался благополучно. Товарищъ же пустился восвояси чрезъ Петербургъ; на бѣлоостровскомъ пограничномъ посту (близь Парголова) власть предержащая осмотрѣла предъявленный имъ паспортъ, да спросила: какъ его зовутъ. „Антонъ Микилевъ“ [1] отвѣтилъ онъ, ничего не подозрѣвая. „Но паспортъ-то вѣдь Андрея Минина“, возразили ему. „Э, такъ мы, значитъ, обмѣнялись, по ошибкѣ, съ Мининымъ“, оправдывался онъ, добавивъ вышеприведенное. Ему не повѣрили, а свели его къ становому, отъ котораго онъ и пошелъ „стонать по полямъ, по дорогамъ, по тюрьмамъ, по острогамъ, на желѣзной цѣпи“... И гдѣ-гдѣ только несчастный не перебывалъ!... Отъ становаго у исправника, уѣзднаго мирового судьи, въ арестантскомъ корпусѣ сухопутнаго госпиталя, въ столичныхъ: губернскомъ правленіи, тюремномъ замкѣ, управѣ благочинія, пересыльной тюрьмѣ, а изъ нея, по этапу, въ наручникахъ въ Петрозаводскъ, Повѣнецъ, такъ что еле-еле черезъ два года вернулся домой!.. Тамъ затянулось о немъ слѣдствіе, а его отдали, въ видѣ милости, на поруки его отцу, съ воспрещеніемъ, впрочемъ, куда бы то ни было отлучаться до востребованія. Олонецкая уголовная палата, разсмотрѣвъ въ 1869 г. дѣло о Никифоровѣ, пришла къ заключенію, что онъ совершилъ преступленіе въ Петербургской губерніи, а потому и переслало это дѣло, въ 1870 г., по подсудности, къ здѣшнимъ властямъ, непреминувшимъ составить и утвердить противъ Никифорова обвинительный актъ. По воспослѣдованіи послѣдняго дѣйствія, окружной судъ позвалъ Никифорова сюда, для врученія ему копіи съ обвинительнаго акта и проч. (556—558, 561, 562 и дальнѣйшія ст. уст. угол. судопр.); но повѣнецкая полиція отозвалась, со словъ Никифорова, что онъ не имѣетъ никакихъ средствъ пріѣхать сюда, а потому предоставляетъ суду судить его безъ него, заочно. Такъ какъ это противорѣчитъ 583, 592 ст. уст. угол. судопр., то судъ вытребовалъ Никифорова въ Петербургъ по этапу. И пошелъ несчастный опять „стонать по полямъ, по дорогамъ, по тюрьмамъ, по острогамъ, на желѣзной цѣпи“... Насталъ, наконецъ, для него грозный день гамлетовскаго „быть или не быть“. Въ зало суда вошелъ 24-лѣтній, тщедушный, маленькаго роста парень, полу-

[1] Настоящая его фамилія была Никифоровъ; но Микилевъ легче по деревнѣ выговаривалось, а потому дома его чаще звали Микилевъ. Такъ говорилъ онъ на судѣ, утверждая по своему невѣжеству, что Микилевъ и Никифоровъ одно и то же.

Digitized by Google

идіотъ; его заперли за рѣшотку, возлѣ дверцы которой сталъ жандармъ, съ обнаженнымъ палашомъ. Присяжные засѣдатели, вглядѣвшись въ эту забитую, многострадальную личность, живо прониклись жалостью къ ней, не зная еще даже, въ чемъ она обвиняется. „Вашему, гг. присяжные засѣдатели, вниманію подлежитъ", произнесъ предсѣдатель, „дѣло по обвиненію Никифорова въ покушеніи проживать по чужому, фальшивому паспорту". Ну, думаемъ, вздоръ. Читаютъ обвинительный актъ, изъ котораго узнаемъ все вышеизложенное. За сердце вчужѣ щемитъ отъ мученій, перенесенныхъ Никифоровымъ. Предсѣдатель предлагаетъ ему разсказать откровенно обстоятельства его дѣла. „Я ужь разсказывалъ, разсказывалъ вездѣ и кажинному про эвту оказію, ажно тошнота одолѣла", съ невыразимою горечью отвѣчаетъ онъ. „Все дѣло-то въ ошибкѣ: мы то-ись обмѣнялись съ Мининымъ паспортами и я не понимаю, какъ это меня тягаютъ, тягаютъ четыре года кряду, коли я ничего худого не сдѣлалъ, никого то-ись и словомъ не изобидѣлъ? Будьте милостивы... Господи! что за напасти за такія!". Начались рѣчи, хитросплетенныя, длинныя рѣчи, которыми обвинитель и защитникъ, точно остріемъ кинжала, съ гордостію, трижды поражали другъ друга, для собственнаго удовольствія: присяжные засѣдатели въ умѣ давнымъ давно ужь рѣшили дѣло — единогласно оправдали Никифорова, да еще дали ему на дорогу 16 руб. Мы подошли къ нему и спросили его: радъ ли онъ своему оправданію. „За деньги, что собрали мнѣ, дай вамъ Богъ добраго здоровья, потому у меня гроша нѣтъ за душой, а что оправдали — такъ я жь и невиноватъ. Стало быть, не за что̀ и винить меня. Эвтотъ анаѳемскій паспортъ и такъ ужь меня чуть въ гробъ не вогналъ. Истинный Богъ такъ"...

Наборщикъ типографіи, 35-ти-лѣтній мѣщанинъ, обвинялся *въ грабежѣ*. Но что̀ же это за грабежъ? На дворъ одного дома вошелъ разъ одинъ изъ типическихъ „дядей Власовъ", съ книжкою и началъ выкрикивать: „подайте, милостивые господа, на построеніе храма Господня". Мѣщанинъ, будучи выпивши и наслышавшись, что здѣсь бродитъ много людей съ фальшивыми книжками, присталъ къ Власу показать ему книжку; тотъ не соглашался, они начали препираться, при чемъ мѣщанинъ съ досады вырвалъ изъ рукъ „многогрѣшнаго" книжку, на которой лежали разлетѣвшіяся въ грязь 10 коп. Власъ завопилъ благимъ матомъ, явились дворники, полиція и послѣдняя составила протоколъ объ ограбленіи мѣщаниномъ Власа, передала этотъ протоколъ судебному слѣдователю, который произвелъ ровно ничего не выяснившее слѣдствіе, и чрезъ 7 мѣсяцевъ спустя,

Digitized by Google

мѣщанинъ, содержавшій своимъ трудомъ старушку мать и одобренный нѣсколькими свидѣтелями, усѣлся на обвинительную скамью за грабежъ. Присяжные засѣдатели и его, разумѣется, оправдали. Да оно совершенно понятно: грабежъ влечетъ виновнаго въ немъ на *каторгу*, а направить туда человѣка за 10 коп., никто изъ обладающихъ, хоть на грошъ, здравымъ смысломъ, безъ всякаго сомнѣнія, не дерзнетъ.

12-тилѣтній мальчикъ очутился на обвинительной скамьѣ за то, что, будучи, въ 1869 году, въ услуженіи у торговца пряностями и фруктами, однажды забрался потихоньку въ сараю, въ которомъ хранились названные предметы, вытащилъ чѣмъ-то задвижку отъ двери и тотчасъ же былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, преданъ слѣдствію и суду. Изъ показанія ребенка, дышавшаго правдою, искренностію, приведемъ лишь послѣднія три слова: „*я хотѣлъ полакомиться*". И это-то несчастное дитя цѣлыхъ два года томилось въ ожиданіи правосудія и фигурировало на судѣ, въ качествѣ „обвиняемаго въ покушеніи на кражу со взломомъ?" Не дико ли это не только для просвѣщеннаго, гуманнаго человѣка, но даже и въ глазахъ такого, который не обладаетъ ни названными качествами, ни даже хоть микроскопическою долею совѣсти? Не должна ли жестоко возмутиться общественная совѣсть подобнымъ печальнѣйшимъ явленіемъ? Да, это самый вопіющій анахронизмъ! И мальчика, утѣшимъ читателей, присяжные засѣдатели также оправдали.

Не одни, впрочемъ, добавимъ, простолюдины попадаютъ подъ судъ за самыя вздорныя, безсмысленныя дѣянія. Очень приличная, лѣтъ 30-ти, чиновница, дочь генерала, кончившая курсъ съ отличнымъ аттестатомъ въ смольномъ институтѣ и обладавшая изрядными матеріальными благами, обвинялась, въ чемъ бы вы, читатель, думали? „Въ кражѣ у знакомой *пяти мужскихъ галстуховъ*"!... Да, въ похищеніи этихъ галстуховъ, стоившихъ много, много 3 рубля! Тѣмъ не менѣе чиновницу ожидало за это *лишеніе всѣхъ правъ состоянія*, да еще заключеніе, притомъ, въ тюрьму отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ (1656 ст. улож. о наказан. и 169—172 ст. мироваго устава). Какъ, спрашивается, оставалось поступить присяжнымъ засѣдателямъ съ этимъ субъектомъ? Обвинить? (улики были порядочныя); но за пять галстуховъ столь жестоко ошельмовать *женщину*, а въ ея лицѣ нанести, на долгіе годы, скорбь, позоръ ея семьѣ, расторгнуть даже ея бракъ!... [1] Да это, полагаемъ, и дикіе алеуты, самоѣ-

[1] Лишеніе одного изъ супруговъ всѣхъ правъ состоянія предоставляетъ другому, по 2 п. 45 ст. 1 ч. X т. св. зак., просить расторгнуть его бракъ и потомъ вновь вступить въ оный съ другимъ лицемъ.

Digitized by Google

ды не сдѣлали бы, не только люди цивилизованные! Присяжные засѣдатели и ее, понятно, оправдали.

Еслибы мы захотѣли прослѣдить всѣ дѣла, разсмотрѣнныя присяжными засѣдателями въ теченіе хоть 3-хъ лишь мѣсяцевъ текущаго года, мы собрали бы такую, навѣрное, серію, которая привела бы въ ужасъ читателей. Но и описанныхъ нами дѣлъ совершенно, думаемъ, достаточно для того, чтобы всякій наглядно убѣдился въ безусловной несостоятельности множества статей нашего, столь недавно еще изданнаго уложенія о наказаніяхъ (1866 г.). А вотъ въ этой-то, между тѣмъ, несостоятельности и чрезвычайной суровости наказанія за мелкія прегрѣшенія и кроются причины оправданія иныхъ подсудимыхъ, въ числѣ коихъ бываютъ и безспорно виноватые.

Значительная, впрочемъ, доля вины за преданіе людей суду присяжныхъ, по пустяшнымъ проступкамъ и недоказаннымъ и неуловимымъ преступленіямъ падаетъ, по нашему глубокому убѣжденію, на судебный персоналъ. Такъ цѣлый рядъ статей уст. угол. судопр. (3-й пунктъ 510, 518, 523, 524, 528, 529, 532 и 534 и проч. ст.) трактуютъ о томъ, что прокурорскій надзоръ, окружной судъ и судебная палата обязаны тщательно разсматривать предварительныя слѣдствія и предлагаемые по нимъ къ утвержденію, обвинительные, противъ разныхъ лицъ, акты; въ случаѣ же несостоятельности обвиненій прокуратурѣ вмѣняется предлагать, а суду и палатѣ утверждать о прекращеніи начатыхъ дѣлъ. Подобныя дѣла проходятъ, такимъ образомъ, чрезъ три инстанціи, а содержаніе ихъ узнаютъ до мельчайшихъ подробностей 8 человѣкъ „справедливыхъ и милостивыхъ судей“ (прокуроры окружнаго суда и судебной палаты, да по 3 члена суда и палаты), которымъ законъ ввѣряетъ участь подсудимыхъ съ полною увѣренностію, что они предадутъ суду однихъ лишь *дѣйствительно,* по *„ихъ нравственному убѣжденію“*, виновныхъ. Отчего жъ, спрашивается, теперь, подъ судъ присяжныхъ засѣдателей попадаютъ такіе люди, въ дѣлахъ которыхъ нѣтъ, какъ мы выше разсказывали, и признаковъ взломовъ, а есть только виновность въ грошевыхъ кражахъ, подлежащихъ юрисдикціи мировыхъ судей (169 — 172 ст. уст. о наказ., налаг. мир. суд.); такіе люди, какъ обмѣнившійся, по ошибкѣ, паспортомъ; какъ разсыпавшій по землѣ 10 к.; какъ желавшій „полакомиться“ пряниками? Вопросы эти тѣмъ болѣе логичны; тѣмъ сильнѣе интересуютъ насъ, что личный составъ здѣшнихъ судебныхъ мѣстъ изобилуетъ, кричатъ повсюду, не только обыкновенными, но даже *учеными* криминалистами,— людьми, которымъ ровно никакого труда не стоитъ усвоить себѣ

Digitized by Google

ясное, о данномъ предметѣ, представленіе. Мало того: ихъ непремѣнный долгъ установить правильный на дѣла взглядъ и сборной братіи — присяжныхъ засѣдателей, необладающихъ, большею частію, никакими понятіями объ уголовномъ правѣ. Такъ-какъ на практикѣ мы видимъ, къ прискорбію, противное, то обдумывая всѣ поставленные нами вопросы, въ голову невольно закрадывается страшная мысль: не начинаетъ ли ужь новое вино переливаться въ старые мѣхи, не впадаютъ ли понемногу наши „справедливые и милостивые судьи" въ забытый-было черствый бюрократизмъ, педантизмъ? Не вернуться бы намъ постепенно къ тому скверному, старому времени, когда народъ стоналъ „у подъѣзда судовъ и палатъ"! Легкое отношеніе къ утвержденію *всякихъ* обвинительныхъ актовъ и потому еще непозволительно, что: а) опредѣленія объ этомъ не подлежатъ, какъ гласитъ уголовное кассаціонное рѣшеніе 1867 г. № 60, обжалованію ни въ апелляціонномъ, ни въ кассаціонномъ порядкахъ, и б) вслѣдствіе утвержденія актовъ, зиждущихся на шаткихъ, сомнительныхъ аргументахъ — вся обуза взваливается на присяжныхъ засѣдателей, которые, по невѣдѣнію причинъ преданія обвиняемыхъ суду, впадаютъ въ непроходимый лабиринтъ косвенныхъ и гадательныхъ уликъ, въ лабиринтъ, изъ котораго они часто не знаютъ какъ выбраться и рѣшаютъ дѣла такъ, какъ въ извѣстный моментъ Богъ на душу положитъ. За такой образъ дѣйствій „справедливыхъ и милостивыхъ судей" нельзя не послать имъ самый энергическій упрекъ.

VIII.

Внимательныя, въ теченіе мѣсяца, ежедневныя наблюденія надъ подсудимыми, свидѣтелями и проч., дали намъ весьма характеристическія черты нравовъ лицъ, фигурирующихъ, въ разныхъ роляхъ, предъ присяжными засѣдателями.

Простолюдины подсудимые, входя въ залъ — всѣ крестятся: одни — разъ-два, а другіе — многократно и потомъ кланяются: одни — суду, а другіе — засѣдателямъ. Засимъ одни садятся и робко озираютъ вокругъ; а другіе—все время стоятъ потупившись. Когда, при разспросахъ, что-нибудь черезчуръ ужь задѣнетъ ихъ за живое, однихъ—живо слезы прошибаютъ, а другіе—краснѣютъ, опускаютъ низко головы, либо трутъ глаза пальцами. Зная напередъ невозможность выпутаться изъ неминуемо грозящей бѣды, одни—прямо, откровенно сознаются, а другіе—оговариваютъ кого-нибудь, или за 2—3 дня до засѣданія про-

Digitized by Google

сятъ о вызовѣ новыхъ свидѣтелей, въ чемъ имъ, конечно, отказываютъ, а они на нихъ-то, отсутствующихъ, и ссылаются. Когда рѣчь заходитъ о причинѣ, побудившей подсудимыхъ совершить преимущественно—кражи, какъ мы выше замѣтили, они отзываются: одни вполголоса — „грѣхъ попутавъ", „самъ не знаю", „такъ"; другіе же „потому съ волчьимъ паспортомъ ничего не достанешь", „былъ безъ работы, хворость понудила". При рѣчахъ обвинительныхъ, одни — блѣднѣютъ, теряются, а другіе громко вздыхаютъ, морщатся, при защитительныхъ: одни—смотрятъ грустно, уныло, такъ сказать безнадежно, а другіе—веселѣютъ, питая, очевидно, добрую надежду. Сопоставляя эту характеристику съ дѣлами и вердиктами присяжныхъ засѣдателей, оказывается, что первые невинные, новички въ преступленіяхъ, либо мало виновны, а послѣдніе—опытные мазурики и, за рѣдкими исключеніями, виновны.

Благородные и состоятельные подсудимые поступаютъ иначе. Тѣ, которые не чаютъ себѣ пощады, являются одѣтыми просто, никому не кланяются, говорятъ рѣзко, отрывочно, смотрятъ высокомѣрно, въ отвѣтахъ противорѣчатъ себѣ, упорно отрицаютъ факты, стараются сбивать свидѣтелей и наконецъ запасаются различными справками, да медицинскими свидѣтельствами. Такъ двое, напримѣръ, представили въ облегченіе своей участи: одинъ—копію съ постановленія духовной консисторіи о томъ, что онъ за покушеніе на самоубійство приговоренъ къ церковному покаянію *„примѣрно на 3 года"*, и медицинское свидѣтельство о своемъ страданіи меланхоліею, а другой—обвязалъ себя бѣлыми платками, выставивъ во время судбища на показъ кисти рукъ, кромѣ того принесъ медицинское же свидѣтельство, которое гласило, что онъ въ высшей степени одержимъ нервнымъ разстройствомъ, не въ силахъ долго оставаться безъ движенія и свѣжаго воздуха. Касательно послѣдняго произошелъ, кстати замѣтимъ, слѣдующій казусъ. На другой день послѣ объявленія ему приговора одинъ изъ засѣдателей встрѣтилъ его на биржѣ совершенно здоровымъ и безъ всякихъ повязокъ. Изумившись такому быстрому выздоровленію вчерашняго отчаяннаго больнаго, засѣдатель нарочно поздоровался съ нимъ и, о ужасъ! увидалъ, что ни на веселомъ лицѣ его, ни на рукахъ не сохранилось ни малѣйшихъ слѣдовъ какихъ бы то ни было недуговъ, которые бы вынуждали его обвязываться. Фактъ этотъ предлагаемъ серьёзному вниманію окружнаго суда, дабы онъ критически относился къ *купленнымъ* медицинскимъ свидѣтельствамъ. Наконецъ маловиновныя привиллегированныя лица являются въ судъ преимущественно изящно одѣтыми, безъ всякихъ увертокъ сообщаютъ

Digitized by Google

всѣ событія, предшествовавшія преданію ихъ суду, на вопросы отвѣчаютъ почтительно, охотно, приводятъ свидѣтелей безупречной прежней ихъ жизни, несчастныхъ обстоятельствъ, вовлекшихъ ихъ въ преступленія, и въ заключеніе просятъ сострадания къ ихъ горькому положенію.

Свидѣтели подраздѣляются на разныя категоріи. Къ первой принадлежатъ—претерпѣвшіе отъ преступленій. Почти всѣ они яростно нападаютъ на подсудимыхъ, ставятъ имъ въ вину всякія бездѣлицы, даже и до существа дѣлъ не относящіяся; передаютъ всевозможные эпизоды изъ жизни своихъ враговъ въ самомъ грязномъ видѣ, стремясь симъ способомъ вдосталь очернить ихъ въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей, даже и тогда, когда они хорошо знаютъ, что отъ обвиненія противниковъ ихъ матеріальные убытки не вознаградятся, по неимѣнію у обвиняемыхъ никакихъ къ тому средствъ.

Вторая категорія—очевидцы совершившихся кражъ, взломовъ и т. п., преимущественно дворники, рабочіе, лакеи и городовые. Отъ всѣхъ этихъ лицъ приходится *силою* вытягивать объясненія каждаго недоразумѣнія; иначе они все забываютъ, отъ многаго, записаннаго съ ихъ же словъ, судебными слѣдователями, отказываются; словомъ, проникаются сожалѣніемъ къ подсудимымъ и не хотятъ имъ вредить. Къ этой же категоріи принадлежатъ чиновники касательно преступленій, содѣянныхъ въ мѣстахъ ихъ службы: о порядкахъ, тамъ, напримѣръ, господствующихъ, — они ни зачто хоть только сносно не объяснятъ, дабы „не вынести соръ изъ избы",—за что начальство ихъ можетъ разсердиться и лишить ихъ занимаемыхъ ими должностей,— очевидно въ нихъ дѣйствуетъ чувство самосохраненія.

Третья категорія, болѣе или менѣе *подготовленные* за, либо противъ подсудимыхъ, люди всегда словоохотливые, развязные, разсказываютъ все исторически съ тактомъ, бойко: „3-го, молъ, числа декабря 1870 года, шелъ я, въ два часа дня, по Глухому переулку" и т. д., и отрапортуетъ все какъ по писанному; но вздумайте, напримѣръ, прервать его, или особливо выдернуть какой-нибудь фактъ изъ середины, въ то время, когда онъ ужь кончаетъ—станетъ врать и въ заключеніе замолчитъ. А это ужь означаетъ, что онъ вызубрилъ свое показаніе *только послѣдовательно* и далеко не безпристрастный свидѣтель. Противъ иныхъ изъ этого сорта свидѣтелей нерѣдко возбуждаютъ обвиненія — во лжесвидѣтельствѣ.

Четвертая и послѣдняя категорія свидѣтелей—это коммисіонеры (сближающіе аферистовъ для совмѣстнаго надувательства, помогающіе осуществленію ихъ мошенническихъ спекуляцій —

Digitized by Google

надъ несвѣдущими, несчастными людьми, берутъ за это съ обѣихъ сторонъ вознагражденіе и потомъ говорятъ: „умываемъ руки"), да тайные и явные ростовщики, купившіе или принявшіе въ залогъ краденыя и выманенныя подсудимыми вещи. Этотъ народъ въ высшей степени ловкій, находчивый, и изъ воды всегда сухой вылѣзетъ; оно, впрочемъ, и немудрено: большинство ихъ,— этой общественной моровой язвы,—уже по нѣскольку разъ сами судились за мошенническія продѣлки и отлынивали денежнымъ штрафомъ, либо оправдывались по недостатку уликъ.

IX.

Большинство товарищей прокурора начинаютъ свои обвинительныя рѣчи съ менторскаго внушенія присяжнымъ засѣдателямъ, чтобы они, помня святость принятой ими присяги, отрѣшились отъ всякаго внѣшняго вліянія, слушали бы рѣчи съ напряженнымъ вниманіемъ, безъ всякой предвзятой идеи; а если подсудимый—рецидивистъ, чтобы отнюдь не упустили *этого* изъ виду: такой человѣкъ сугубый, дескать, грѣшникъ.

Переходя, засимъ, къ существу дѣлъ, они очень часто голословно отрицаютъ самыя серьёзныя сомнѣнія въ виновности подсудимыхъ, фразисто доказывая, что положительные промахи, недостатки предварительнаго слѣдствія представляются естественными, ясными, либо ничего, въ пользу подсудимаго не говорящими; причемъ за отсутствіемъ, во многихъ случаяхъ, данныхъ, которыя бы хоть нѣсколько подтвердили ихъ доводы — прибѣгаютъ къ натяжкамъ, софизмамъ.

Крестьянинъ, напримѣръ, обвинялся въ похищеніи, между прочимъ, отсрочки на проживаніе. „Намъ говорятъ, что не онъ ее похитилъ, выразился прокуроръ; но коль скоро ее нашли возлѣ стола, за которымъ онъ сидѣлъ,—значитъ, онъ бросилъ ее, потихоньку, на полъ". Говоря это, обвинитель точно забылъ, что тотъ же самый столъ окружали: другой заподозрѣнный въ преступленіи крестьянинъ, въ суматохѣ скрывшійся, да еще человѣкъ 10 рабочихъ, а отсрочка могла любаго изъ нихъ избавить отъ путешествія на родину въ наручникахъ.

Подсудимый увѣряетъ, что онъ совершилъ кражу по крайности и отсутствію всякихъ средствъ къ пропитанію, толковалъ другой обвинитель. Но, вспомните гг. присяжные засѣдатели, какую сильную общество ощущаетъ нужду въ исправныхъ рабочихъ, и вы придете къ логическому заключенію, что еслибы онъ захотѣлъ, легко могъ бы пріискать себѣ занятіе и жить

Digitized by Google

трудомъ. Въ этомъ меня убѣждаетъ и то еще обстоятельство, что житейскія потребности простолюдиновъ слишкомъ незатѣйливы; 20 коп. въ день совершенно достаточно подобному человѣку, а заработать эти копейки ему, человѣку здоровому, было, повторяю, очень легко. А такъ-какъ онъ предпочелъ воровать,— слѣдовательно онъ дурной членъ общества и достоинъ обвиненія.

Подсудимый, однажды ужь судился,—объяснялъ третій обвинитель,—и былъ наказанъ тюремнымъ заключеніемъ, что должно было бы вернуть его на честный путь; а такъ-какъ въ немъ не произошло этой благотворной перемѣны, то вторичное заключеніе дастъ ему время поразмыслить, раскаяться и онъ проникнется, наконецъ, сознаніемъ, что жить преступленіемъ—противоестественно природѣ человѣческой, осуждается общественною совѣстью, въ лицѣ васъ, гг. присяжные засѣдатели.

Между тѣмъ всѣ эти тирады разлетаются яко дымъ, какъ только, напримѣръ, вспомнишь, что человѣка *съ волчьимъ* паспортомъ ни на какой трудъ не берутъ, отъ него всѣ отшатываются, какъ отъ чумы, а голодъ сильнѣе благоразумія; что тюрьмы не исправляютъ, а вдосталь развращаютъ людей (это само правительство уже сознало). Этихъ же неопровержимыхъ фактовъ представители правосудія не могутъ, конечно, не знать, а слѣдовательно и игнорировать ими по меньшей мѣрѣ неприлично. Четвертый обвинитель энергически отстаивалъ нынѣшнюю паспортную систему главнымъ образомъ тѣмъ, что она приноситъ государству доходъ. „Подсудимый хоть и говоритъ, что онъ по ошибкѣ обмѣнялся съ товарищемъ паспортами, но онъ ни чѣмъ этого не доказалъ“, настаивалъ онъ на обвиненіи. Но и самъ онъ, обвинитель, ни на волосъ не могъ парализировать показанія подсудимаго и потому, на основаніи 740 ст. уст. уголов. судопр., вправѣ былъ отказаться отъ поддержанія обвиненія; это было бы съ его стороны тѣмъ болѣе разумно, что общественное мнѣніе давно ужь ратуетъ противъ паспортовъ и это многократно выражалось въ оправданіи подсудимыхъ, обвинявшихся въ проживаніи по фальшивымъ, да по чужимъ паспортамъ.

Весьма странно, и даже забавно то въ особенности, что прокуроры усиливаются обвинять: простолюдиновъ за то, они здоровы, нуждаются въ маломъ, и тѣмъ не менѣе взламываютъ различныя хранилища и крадутъ все, что имъ попадется на глаза, а привиллегированныхъ за то, что они люди образованные, развитые, хорошо понимаютъ гнусность преступленій, и все-таки совершаютъ таковыя...

Заключая свои рѣчи, тѣ обвинители, которыхъ мы разумѣемъ, обыкновенно считаютъ своимъ долгомъ вдалбливать присяжнымъ

Digitized by Google

засѣдателямъ, что ихъ обязанность только отвѣчать: „да, виновенъ“, и ничуть, при этомъ, не задаваться вопросомъ, что̀, за симъ, въ перспективѣ ждетъ подсудимаго: „вопросъ сей васъ, дескать, вовсе не касается, ибо вы касательно онаго посторонніе люди“. Это стремленіе обвинителей *заставить* присяжныхъ засѣдателей забыть о степени наказанія вытекаетъ изъ здраваго опасенія, какъ бы они, сопоставляя малость вины съ суровостью за нее наказанія, не оправдывали подсудимыхъ, за неимѣніемъ въ своемъ распоряженіи никакого иного суррогата; подобный же образъ дѣйствій засѣдателей, по словамъ обвинителей, равносиленъ помилованію, что̀ составляетъ прерогативу монаршей власти, а не ихъ, засѣдателей, судей голыхъ фактовъ. Вразумленіе это, добавимъ, раздражаетъ мыслящихъ засѣдателей: человѣкъ, облеченный высокимъ довѣріемъ добиваться „праваго и милостиваго суда“, учитъ людей, стоящихъ умственно подъ часъ ничуть не ниже его, рѣшать дѣла, какъ ему угодно, для чего требуетъ, чтобы они превратились въ автоматовъ!... Ну, не дико ли это слышать въ „правомъ и милостивомъ судѣ“?

Вообще говоря, наши прокуроры, усердно гоняясь за обвиненіемъ подсудимыхъ, бросаютъ нерѣдко въ нихъ всевозможною грязью, отыскиваемою ими не только въ существѣ дѣлъ, но даже въ утонченныхъ догадкахъ, слухахъ, выдаваемыхъ ими за истину; при скудости же и этихъ матеріаловъ, нѣкоторые перекладываютъ на множество ладовъ одни и тѣ же событія, переплетаютъ настоящее съ прошедшимъ подсудимаго; то, что̀ можно сказать въ 10 минутъ, перевевываютъ по часу сряду и всѣмъ этимъ производятъ одинъ лишь сумбуръ въ головахъ тѣхъ присяжныхъ засѣдателей, которые не въ состояніи отличить дѣла отъ пустословія. Нѣкоторые же заботятся, кромѣ того, еще и о томъ, чтобы переполнить свои рѣчи иностранными словами, учеными терминами, чтобы самыя рѣчи выходили ораторскими, а ради сего излагаютъ пустѣйшія дѣла напыщеннымъ, риторическимъ слогомъ; но отъ этого фразерства однихъ—развитыхъ засѣдателей (меньшинство) — претитъ, а другіе — малоумные — зѣваютъ, сладко дремлютъ, убаюканные пріятными рѣчами „начальства“.

Говоря объ обвинителяхъ съ указаннымъ нами характеромъ, было бы несправедливо умолчать и о тѣхъ немногихъ, которые представляютъ собою отрадное исключеніе. Они добросовѣстно группируютъ факты, не прибѣгаютъ къ натяжкамъ, мысли свои излагаютъ чрезвычайно ясно, послѣдовательно, и (что̀ всего важнѣе касательно большинства присяжныхъ засѣдателей) въ формѣ *самой простой*, доступной пониманію каждаго.

Digitized by Google

X.

Большинство защитниковъ также, какъ и обвинители, начинаютъ свои рѣчи высокопарнымъ, докторальнымъ тономъ. „Ваше, гг. присяжные засѣдатели, призваніе, гарантированное присягою, которой никто не вправѣ игнорировать,—отнестись къ настоящему дѣлу безпристрастно, не увлекаться тѣмъ, что̀ говорилъ обвинитель, забыть то, что̀ вы, быть можетъ, слышали о настоящемъ дѣлѣ внѣ присутствія суда о личныхъ качествахъ подсудимаго, не обращать никакого вниманія на то, что онъ вторично судится: все это *собственно васъ* вовсе не касается; всякое сомнѣніе истолковывать, какъ установлено закономъ, въ пользу подсудимаго и т. п.“

Далѣе, въ противовѣсъ обвинителямъ, они всячески силятся, глядя по обстоятельствамъ, смягчать обвиненіе, и оправдывать подсудимыхъ одними и тѣми же доводами: простолюдиновъ, напримѣръ,—ихъ неграмотностью, неразвитостью, а вслѣдствіе сего неумѣньемъ отличить хорошаго отъ худаго, неотысканіемъ работы по милости волчьихъ паспортовъ, дурнымъ вліяніемъ на ихъ нравственность тюремъ, въ которыхъ ихъ не исправляютъ, а развращаютъ; а чиновныхъ—отчаянными домашними обстоятельствами, въ которыхъ они находились до совершенія преступленія, обстоятельствами, которыя, не давая иного выхода, ввергли ихъ въ бездну. Тяжкія нравственныя мученія и позоръ находиться подъ судомъ, сидѣть на обвинительной скамьѣ сами по себѣ весьма достаточная, по ихъ словамъ, кара для человѣка благовоспитаннаго, образованнаго, и такая кара, за оправданіемъ, непремѣнно возвратитъ подсудимаго на честную дорогу жизни. Касательно отвѣтовъ на вопросные пункты защитники увѣряютъ присяжныхъ засѣдателей, что „вы, молъ, отвѣчаете не просто, „виновенъ ли онъ или нѣтъ“, а заслуживаетъ ли онъ наказанія, или нѣтъ, и, ради послѣдняго, верховная власть уступила вамъ, судьямъ *по совѣсти*, часть своей прерогативы, предоставивъ вамъ пользоваться ею безконтрольно, безотчетно“.

Продекламировавъ съ эффектомъ такое вступленіе, большинство защитниковъ, въ особености юноши (помощники присяжн. повѣрен., да кандидаты на судебныя должности) постепенно стушевываются, теряютъ всю свою напускную важность, превращаются, какъ говорится, въ мокрыхъ курицъ: ни подобрать пригодныхъ защитѣ фактовъ, ни возразить самому плохому изъ обвинителей, ни подѣйствовать на засѣдателей хотя бы ужь только патетиче-

Digitized by Google

скимъ воззваніемъ къ милосердію,—ничего этого они не въ силахъ. Напротивъ, путаютъ полезное съ вреднымъ, сбиваются, теряютъ нить своихъ измышленій, а иногда просто вредятъ своимъ кліентамъ. Такъ, напримѣръ, на вопросъ предсѣдателя относительно мѣры наказанія, одинъ отвѣтилъ: „не встрѣчаю препятствія къ примѣненію къ подсудимому той статьи уложенія, на которую указываетъ обвинитель". Защитникъ, котораго обязанность хлопотать объ *облегченіи* участи своего кліента, не встрѣчаетъ препятствій?!... Ну, на что это похоже? Другой по тому же предмету отозвался: „прошу примѣнить къ подсудимому такую-то статью". Судьи и прокуроръ улыбнулись. Это насъ заинтересовало; мы записали нарочно статью, взглянули послѣ въ уложеніе — и ужаснулись: защитникъ ходатайствовалъ усилить наказаніе, предложенное обвинителемъ. Въ числѣ этихъ *учащихся* защищать мы видѣли, добавимъ, человѣкъ 5 — 7 азіатцевъ, евреевъ, которые не умѣютъ правильно говорить порусски, коверкаютъ слова такъ, что они становятся непонятными. Тѣмъ не менѣе и эти (тоже во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ) защитники, которымъ сначала не худо бы было поучиться русскому словопроизношенію, тоже читаютъ присяжнымъ засѣдателямъ нотацію о ихъ обязанностяхъ, предлагаютъ запомнить ихъ рѣчи, которыя производятъ смѣхъ, тошноту. Само правосудіе вошетъ, право, объ устраненіи отъ защиты указанныхъ нами диллетантовъ, отъ которыхъ часто очень жутко достается подсудимымъ — *бѣднымъ* простолюдинамъ: только ихъ однихъ они и защищаютъ „*даромъ*" по назначенію и собственному желанію поучиться уму-разуму; довѣрять же, повторяемъ, участь человѣка и его семьи малосмыслящему человѣку по меньшей мѣрѣ неодобрительно.

Изъ 100 присяжныхъ повѣренныхъ (среди нихъ до половины насчитывается почтенныхъ, дѣльныхъ людей), въ теченіе бытности нашей присяжными засѣдателями, должны были защищать, какъ гласилъ впередъ *напечатанный* судебный указатель, многіе чрезвычайно хорошіе адвокаты, но вмѣсто ихъ, въ дѣйствительности, приходилось, къ прискорбію, лицезрѣть ихъ помощниковъ, вышеозначенныхъ учениковъ; сами же они предпочитали, какъ мы многократно убѣждались, присутствовать въ гражданскихъ отдѣленіяхъ, гдѣ за защиту дѣлъ ожидались болѣе или менѣе пріятныя матеріальныя выгоды. Мы видѣли, правда, въ обоихъ уголовныхъ отдѣленіяхъ корифеевъ адвокатуры; но, всего 10 человѣкъ, изъ которыхъ притомъ до половины являлось, какъ намъ сообщили, по добровольному *соглашенію* съ подсудимыми, т.-е., прозаически говоря, за презрѣнный металлъ.

Здѣсь кстати замѣтить, что всѣ корифеи адвокатуры, въ те-

Digitized by Google

ченіе 5-тилѣтняго существованія нынѣшняго суда, успѣли ужь скопить себѣ кой-какіе капитальцы, и потому пора бы ужь имъ перестать, хоть для поддержанія своего реноме, *наниматься* защищать завзятыхъ мошенниковъ, а употреблять это время на *даровую* помощь бѣднякамъ-простолюдинамъ, которымъ жутко, повторяемъ, достается отъ многихъ изъ ихъ пресловутыхъ учениковъ.

Впрочемъ, и корифеи эти поступаютъ иногда хуже своихъ учениковъ. Такъ, одинъ защищалъ, напримѣръ, подсудимаго, который отпирался отъ своихъ мошенническихъ поступковъ, во время засѣданія подтрунивалъ надъ нѣкоторыми свидѣтелями, да кромѣ того, неоднократно просто смѣялся. По этому дѣлу, присяжный засѣдатель предлагалъ подсудимому различные вопросы, на которые тотъ отвѣчалъ со свойственными ему наглостью и изворотливостью. Между прочимъ, засѣдатель спросилъ его: отчего онъ, ссылающійся на то, что значительныя деньги получалъ отъ дяди, не пригласилъ этого дядю въ судъ засвидѣтельствовать какъ объ этомъ, такъ и вообще о своемъ благонравномъ образѣ жизни?

— Я не имѣлъ на это права, отвѣтилъ онъ.

— Напротивъ, вы имѣли, по закону, неотъемлемое на это право.

— Я долженъ вамъ объяснить, вмѣшался защитникъ:—что законъ дѣйствительно давалъ подсудимому это право, но съ ограниченіемъ—пригласить свидѣтеля на собственный счетъ; но мой кліентъ, будучи долго подъ стражею, прожилъ все, что̀ имѣлъ, а потому и не могъ, къ сожалѣнію, воспользоваться этимъ правомъ.

— Дядя подсудимаго владѣетъ разными заводами, въ Петербургѣ домами и живетъ здѣсь. Поэтому, будучи, какъ насъ увѣряютъ, хорошаго о своемъ племянникѣ мнѣнія, и жалѣя его, онъ навѣрное безвозмездно пріѣхалъ бы въ судъ, ради облегченія участи племянника. Что̀ на это можетъ отвѣтить подсудимый?

— Извините, пожалуйста: мой кліентъ *очень конфузливъ* и потому не въ силахъ отвѣчать...

Услышавъ это, засѣдатель покраснѣлъ и сѣлъ, сконфуженный аргументаціею адвоката, славящагося звучными рѣчами и тысячными рысаками. Прочіе засѣдатели и судьи улыбнулись, а среди публики слышался едва сдерживаемый смѣхъ.

Другой, тоже знаменитый адвокатъ, поступилъ наоборотъ — вызвалъ на счетъ подсудимаго свидѣтеля, его племянника, за 1,500 верстъ, хотя самъ подсудимый во сто кратъ бѣднѣе вышепомянутаго дяди. За тоже и свидѣтель, 18-тилѣтній юноша-простолюдинъ, столь обстоятельно описалъ событіе, которому онъ былъ очевидцемъ тогда, когда ему было 12 лѣтъ, что сквозь его показанія такъ и проглядывалъ юридическій тактъ, такъ и ощущалось вліяніе опытнѣйшаго руководителя.

Digitized by Google

Независимо сего, этотъ защитникъ до входа въ судъ опасныхъ для его кліента двухъ свидѣтелей, взваливалъ всю вину на нихъ, но лишь первый появился—потребовалъ отдыха для подсудимаго, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему дурно (до этого времени подсудимый спокойно просидѣлъ 6 часовъ сряду). Послѣдовалъ переполохъ, перерывъ, послѣ чего опасный свидѣтель промолвилъ ни за, ни противъ тяжкаго больнаго два-три слова, и защитникъ же поспѣшилъ предложить суду уволить его изъ суда, ибо его ждутъ служебныя занятія. Свидѣтеля уволили, а показаніе его осталось безъ всякаго значенія. Когда же потомъ вызвали втораго свидѣтеля, защитникъ польстилъ его самолюбію, признавая его показаніе „священною правдою". Наконецъ, по удаленіи изъ суда и этого свидѣтеля, защитникъ еще энергичнѣе прежняго принялся доказывать, что виноваты именно они, претерпѣвшій отъ преступленія, да полиція.

Словомъ, оба свѣтила столичной адвокатуры пренебрегли, въ данномъ случаѣ, всѣми принципами, рисовали черное бѣлымъ, бѣлое чернымъ безъ малѣйшаго стѣсненія, руководствуясь іезуитскимъ правиломъ: „цѣль оправдываетъ средства".

Третій, хотя и менѣе извѣстный, но тоже почтенный адвокатъ, распинался, что его кліентъ, 17-тилѣтній юноша, прекраснѣйшее существо, впалъ въ преступленіе вслѣдствіе своего безродства, судился впервые, а потому и былъ оправданъ; но на другой же день обнаружилось, что юноша просто мазурикъ, *трижды* сидѣлъ за краши въ тюрьмѣ и вполнѣ былъ достоинъ суровой кары. Доискиваясь причины неправильной *даровой* защиты адвокатомъ мазурика, мы сперва рѣшили-было, что адвокатъ это дѣлалъ по принципу—защищать; но потомъ узнали, что онъ и самъ не вѣдалъ, что творилъ: онъ вовсе не бесѣдовалъ предварительно судебнаго съ подсудимымъ, какъ это принято, а ограничился лишь прочтеніемъ дѣла въ судѣ, по примѣру многихъ своихъ собратовъ, защищающихъ *даромъ*, по назначенію суда. И это явленіе достойно, конечно, также безусловнаго осужденія.

Четвертый адвокатъ, назначенный защищать *даромъ* же мальчика, вовсе не явился къ судоговоренію, и даже не извѣстилъ судъ, что и гдѣ именно задержало его; задержала же, разумѣется, оплаченная защита. Такъ-какъ законъ воспрещаетъ оставлять подсудимаго безъ защитника вообще, а мальчика въ особенности, то защищать его взялся пятый адвокатъ, который, мудрствуя лукаво, доставилъ своему кліенту обвиненіе.

Изъ рѣчей адвокатовъ особенно нравились всѣмъ засѣдателямъ, по *простотѣ* изложенія, ясности выраженій и проч., рѣчи гг. Унковскаго, Соколовскаго, Герарда, Гаевскаго и Герке.

Digitized by Google

XI.

Крайняя односторонность обвиненія и защиты, ихъ высокопарное пересыпанье иностранными словами, фразерство сильно надоѣдаютъ засѣдателямъ, нагоняютъ на нихъ скуку, утомленіе, происходящія преимущественно отъ непониманія большинствомъ засѣдателей (купцами, ремесленниками и прочими простолюдинами) вычурныхъ выраженій, ежеминутно вставляемыхъ обвинителями и защитниками въ свои импровизаціи. Очутившись при перерывахъ въ совѣщательной комнатѣ, неразвитые засѣдатели безпрерывно домогаются отъ своихъ образованныхъ товарищей по дѣятельности разъясненій слышанныхъ ими иностранныхъ словъ.

— Что̀ такое, скажите на милость, значитъ: „пиктивный" налогъ? спрашиваетъ купецъ старшину. — Прокуроръ про это говорилъ.

— Фиктивный налогъ значитъ налогъ, кажущійся правильнымъ, случайный,—словомъ, такой, который не долженъ бы былъ существовать.

— Такъ бы и говорилъ прямо, а то эко околесицу несетъ. А еще туда же начальство прозывается.

— Ну, а критумъ, какъ по вашему, по иноземному, понимать?

— Не критумъ, а критеріумъ — признакъ распознавать истину, при составленіи о чемъ либо сужденія. Поняли?

— Ладно, коли такъ. Только какъ это они вставляютъ такія мудреныя слова, какихъ мы не разумѣемъ? А судите, говорятъ, хорошенько. Какъ же тутъ судить, коли не знаешь, про что толкуютъ? Оказія, право!

— На то, братецъ, они учеными и прозываются, чтобъ оморашивать нашего брата, мужика, всякими диковинками, вмѣшивается третій.

— Ну, а протогива что?

— Прерогатива, порусски—преимущество одного противъ другаго, а въ тѣхъ случаяхъ, при которыхъ это слово поминалось — прерогатива или преимущество миловать принадлежитъ въ Россіи одному только государю.

— Эти-то всѣ слова, про которыя разсказываете, — мы почитай кажинный, вѣдь, день здѣсь слышимъ, прерываетъ четвертый купецъ. — А вотъ вчера маленькій адвокатъ молвилъ словечко, — такъ ужь я такого отродясь не слыхивалъ, даромъ что шестьдесятъ лѣтъ прожилъ на бѣломъ свѣтѣ.

— Какое-жъ это словечко?

— Да я вчера цѣлый почти вечеръ думалъ про это словеч-

Digitized by Google

ко, хотѣлъ вчера же васъ спросить, да ѣсть хотѣлось, ну и поѣхалъ скорѣй домой, потому поздно ужь было.

— Такъ какое же это слово? пристали къ нему нѣсколько человѣкъ.

— Постойте, господа, постойте, сейчасъ вспомню. Меронъ, нѣтъ, не Меронъ... какъ бишь это... Пет... дай Богъ памяти... э, да вотъ оно: я нарочно на бумажкѣ вчера его написалъ. Купецъ порылся въ жилетномъ карманѣ, досталъ кусочекъ бумажки и громко прочелъ: „Пютонъ". Вотъ оно.

— Вы невѣрно написали: надо „Ньютонъ". Это былъ англичанинъ, знаменитый ученый.

— Такъ вотъ оно что̀!... Это, стало быть, онъ вмѣстѣ съ чиновникомъ-то попался! Купецъ задумался и помолчавъ немного прибавилъ. — А я было-думалъ, что это какое-нибудь ужь больно зазорное наказанье...

Ему объяснили, въ чемъ дѣло.

— Ученье свѣтъ, а неученье тьма, съострилъ кто-то.—Вотъ мы по невѣжеству своему и не понимаемъ ихъ, этихъ ученыхъ.

— Ну, нѣтъ, это вы не дѣло говорите, обидчиво возразилъ купецъ.—Помоему, ежели ты ученъ, и встрѣлся съ такимъ же ученымъ—говори съ нимъ по ученому, хоть покитайски, а коли хочешь вразумить простаго русскаго человѣка — толкуй ему по русскому. Они видятъ, что мы русскіе, ну и говорить должны намъ попростецки. А то выходитъ—Савастьянъ не узналъ своихъ крестьянъ. Заучились, батюшка, они, право, заучились и потому тараторятъ нивѣсть какую ахинею. Вотъ я какъ это разумѣю.

Во всѣхъ дѣлахъ, рѣшающихся присяжными засѣдателями, кромѣ обвиненія въ нарушеніи паспортной системы (самые жестокіе засѣдатели за это постоянно оправдываютъ), участь подсудимыхъ зависитъ не столько отъ фактическихъ данныхъ, прямыхъ или косвенныхъ уликъ, — сколько отъ взглядовъ на предметъ и умственнаго кругозора самихъ засѣдателей, да отъ впечатлѣнія, какое произведетъ на нихъ самъ обвиняемый, свидѣтели и обвинительныя и защитительныя рѣчи. Симпатичность, напримѣръ, физіономіи, робость, плавный, правдоподобный или трагическій разсказъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ преступленію, и въ особенности слезы, взываніе къ состраданію очень часто склоняютъ присяжныхъ къ оправданію, либо къ полному снисхожденію, при очевидной даже виновности; изрядное также вліяніе на облегченіе участи принадлежитъ и молодости. 19-тилѣтній, напримѣръ, красивый лакей судился за кражу со взломомъ билетовъ: одного—внутренняго займа, двухъ

Digitized by Google

100 рублевыхъ 5%, серіи и 17 рублей наличныхъ, всего на сумму 450 р.; за это ему грозило очутиться, по меньшей мѣрѣ на годъ, въ рабочемъ домѣ, съ лишеніемъ правъ состоянія, но засѣдатели, вопервыхъ, отвергли не совсѣмъ доказанный взломъ; вовторыхъ, кражу признали на сумму не 450 р., какъ сознался обвиняемый, а менѣе 300 р., вслѣдствіе чего онъ пошелъ въ тюрьму только на 8 мѣсяцевъ, съ сохраненіемъ правъ. И на оборотъ: антипатичное, безстрастное лицо, зрѣлый возрастъ, эффектное, или сбивчивое объясненіе, да самоувѣренность обыкновенно возстановляютъ засѣдателей противъ подсудимаго. Двое, напримѣръ, обвинялись въ мошенничествѣ, которое совершили ловко, искусно и противъ нихъ были только косвенныя улики. Но одинъ при допросѣ стѣснявшихся, по своей забитости, свидѣтелей, то улыбался, то просто даже смѣялся, и отвѣчалъ съ нахальствомъ; другой же все путался, прикидывался непонимающимъ, корчилъ изъ себя, какъ говорится, казанскую сироту—и обоихъ обвинили.

Особенно жутко отъ засѣдателей рецидивистамъ: лишь только засѣдатели узнавали изъ обвинительнаго акта, что обвиняемый хоть разъ да ужь судился—никакая краснорѣчивая аргументація защитника, ни даже поддержка предсѣдателя о правѣ засѣдателей не ставить подсудимому въ упрекъ прежней его подсудности — ни чуть не помогали ему: большинство засѣдателей никакъ не могли отрѣшиться отъ предубѣжденія противъ него, и его непремѣнно обвиняли.

Такъ, однажды, въ сумеркахъ, лакей, будучи одинъ внутри запертой на замокъ и крюкъ квартирѣ, вдругъ услышалъ, что съ наружной стороны, кто-то минуты три сряду сильно дергалъ къ себѣ дверь, потомъ что-то похожее на отпиранье запертаго замка—щелкнуло. Онъ подошелъ, на цыпочкахъ, къ двери, приникъ глазомъ къ замочной скважинѣ, дабы разглядѣть, не отпираетъ ли кто снаружи дверь,—но за темнотою на лѣстницѣ ему этого не удалось. Немного погодя до ушей его донесся звукъ шаговъ удалявшагося внизъ, по лѣстницѣ, человѣка.

Будучи увѣренъ въ безопасности запора крюкомъ, онъ не вышелъ взглянуть, кто это былъ, а предпочелъ остаться въ передней. Прошло четверть часа тишины. Вдругъ онъ опять слышитъ явственное, снаружи, шареніе по двери и подергиваніе за нее; потомъ увидѣвъ, что запоръ отпертъ, вынулъ тихонько крюкъ изъ болта, мгновенно отворилъ дверь, выскочилъ на лѣстницу и возлѣ самой двери схватилъ въ потемкахъ человѣка и вскрикнулъ. Вскорѣ къ нему явились, на помощь, дворники съ огнемъ и задержали маленькаго роста щедушнаго мѣщанина, а въ за-

Digitized by Google

мочной скважинѣ обрѣли, на кольцѣ висящую, связку отмычекъ, изъ коихъ одною оказался отпертымъ замокъ. Мѣщанина свели въ полицію, гдѣ, а равно и на предварительномъ и судебномъ слѣдствіяхъ, онъ (обвиняемый въ покушеніи на кражу съ подобраннымъ ключемъ и отмычкою, т.-е. въ преступленіи, не совершенномъ по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ) показалъ, что состоя подъ судомъ и на порукахъ, пошелъ, въ вышепомянутое время, къ нѣкоему адвокату—просить взяться защищать его на судѣ, но не разглядѣвъ, въ сумеркахъ, N дома, ошибочно вошелъ во дворъ сосѣдняго, поднялся, по лѣстницѣ, въ тотъ этажъ, въ которомъ помѣщался, какъ полагалъ, адвокатъ, пошарилъ въ потемкахъ по двери, ощупалъ въ ней скобку и подергалъ за нее, въ предположеніи, что находящійся въ передней лакей услышитъ и впуститъ его; не звонилъ же въ колокольчикъ исключительно потому, что не могъ его отыскать, да и ежелибъ нашелъ—тоже врядъ ли бы рѣшился: онъ, человѣкъ бѣдный, являлся къ адвокату просить *даровой* его защиты, а господа (въ числѣ ихъ онъ считалъ адвоката) не любятъ, какъ извѣстно, когда подобные ему, обвиняемому, люди приходятъ къ нимъ съ парадной лѣстницы, да еще звонятъ. Никакихъ отмычекъ ни у себя дома не имѣлъ, ни съ собою, на мѣсто происшествія, не приносилъ и въ замкѣ ихъ также не замѣтилъ. Адвокатъ, на котораго подсудимый ссылался, по собраннымъ судебнымъ слѣдователемъ свѣдѣніямъ, дѣйствительно оказался живущимъ въ домѣ, расположенномъ рядомъ съ тѣмъ, въ которомъ задержали мѣщанина. Защитникъ, независимо всего разсказаннаго, между прочимъ произнесъ, что отперли отмычкою замокъ, судя по показанію лакея въ первый, а не въ послѣдній разъ, и кто именно отперъ—неизвѣстно; чтобы это сдѣлалъ именно подсудимый, не только ничѣмъ не подтвердилось, но по здравому смыслу нельзя даже и гадательно предположить: убѣдившись, что дверь заперта, кромѣ замка, еще чѣмъ-то, слѣдовательно крюкомъ и оттого не отворилась—этотъ опытный въ жизни здѣшній, пожилой человѣкъ благополучно ушелъ, потомъ черезъ четверть часа вернулся назадъ и опять принялся пробовать отворить дверь—держаніемъ за скобку. Нѣтъ, этого защитникъ ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ. Напротивъ: онъ думаетъ, что настоящій злоумышленникъ, видя, что его попытка напрасна, и въ то же время струсивъ вынимать изъ скважины замка отмычку,—дабы на кольцѣ висѣвшія отмычки не зазвякали (что̀ могли услышать, и поймать его)—предпочелъ уйти, пожертвовавъ отмычками. Такимъ образомъ, да принимая при томъ въ соображеніе, что всякое сомнѣніе толкуется въ пользу под-

Digitized by Google

судимаго, защитникъ былъ увѣренъ, что прис. засѣд. оправдаютъ его кліента. Но онъ жестоко ошибся: засѣдатели обвинили его, и поскупились даже на снисхожденіе.

Взгляды прис. засѣдателей касательно преступленій распадались на нѣсколько различныхъ категорій. Въ убійствахъ въ теченіе сессіи никто не обвинялся. Грабежъ, разбой, изнасилованіе, святотатство всѣ одинаково считали достойнымъ самаго суроваго наказанія. Касательно поддѣлки государственныхъ бумагъ и подлоговъ частныхъ документовъ: чиновники—преслѣдуя за фальшивыя бумаги, смягчались по частнымъ подлогамъ; торговцы же, наоборотъ, защищали святость частныхъ документовъ, а про государственныя бумаги иные говаривали „у Царя своя фабрика, можетъ выпустить ихъ сколько ему вздумается; потому пусть бы себѣ бѣдный человѣкъ разжился маленько чрезъ свою каверзу". На всякаго рода обманы, мошенничество, мелкіе коммерсанты глядѣли снисходительно, а чиновники въ этомъ преступленіи доискивались, большею частію, мотивовъ, вызывавшихъ оные, и въ то время, когда обвиняли мошенничество, содѣянное изъ корысти, они охотно бывали готовы прощать человѣка, вовлеченнаго въ преступленіе несчастно сложившимися для него, въ моментъ преступленія, обстоятельствами. За пустяшныя кражи со взломомъ и безъ взлома по крайности и неимѣнію средствъ къ пропитанію—чиновные не прочь были безразлично давать полное снисхожденіе, не то даже и оправдывать; торговцы же соглашались на снисхожденіе за *простыя* лишь кражи; взломами возмущались, „потому сами лавки имѣемъ, со всякимъ добромъ". За безпричинныя кражи чиновные всегда смягчали участь подсудимыхъ, а торгующіе и содержащіе какія либо заведенія засѣдатели обрушивали противъ этого сорта обвиняемыхъ чрезвычайный гнѣвъ, не за самую, впрочемъ, кражу, нѣтъ, а главное за то, что „нонѣ народъ пустился въ пьянство, разгулъ, и невозможно найти вѣрныхъ молодцовъ, исправныхъ рабочихъ, которые дерутъ съ тебя въ три-дорога, да и тѣ отъ рукъ отбились: вмѣсто того, чтобы стараться работать, почитать старшихъ—они грубятъ, дерзки съ хозяевами, крадутъ, таскаются по судамъ, лежебочничаютъ по острогамъ, а хозяева хоть бросай всякую коммерцію, хоть лопни изъ-за нихъ, анаѳемскихъ душъ"... Изъ ремесленниковъ, одни вели себя безукоризненно, а другіе играли довольно пассивную роль. Какъ они, такъ и купцы, питали сильное довѣріе къ обвинителямъ, какъ сидѣвшимъ за однимъ столомъ съ судьями, въ формѣ, при орденахъ и потому считавшимся начальствомъ; словамъ же защитниковъ часто не придавали никакого значенія, исключительно вслѣдствіе *часто-*

Digitized by Google

ной ихъ внѣшности; выражались иногда: „да мало ли что болтаютъ эти стряпулятники". Почти всѣ, наконецъ, засѣдатели съ трудомъ усвоивали себѣ мысль, что они, несмотря на сознаніе подсудимыхъ въ преступленіи, вправѣ, по ничтожности наприм. преступленія и жестокости за оное, по закону, наказанія, оправдывать ихъ.

Все вышеизложенное о взглядахъ присяжныхъ засѣдателей, изъ которыхъ вытекаютъ тѣ или другіе вердикты, ясно показываетъ, что *напередъ* составить себѣ хоть приблизительное понятіе о томъ, какъ отнесутся они къ извѣстному дѣлу, положительно немыслимо. Тѣмъ не менѣе насъ многократно увѣряли, что нѣкоторые адвокаты нарочно долго оттягиваютъ, подъ различными предлогами, судебное засѣданіе о ихъ кліентахъ, ради собственно того, чтобы выждать — всепрощающій составъ засѣдателей. И что же? вмѣсто достиженія цѣли они сплошь да рядомъ пріобрѣтаютъ совершенно противоположные результаты, да еще въ наказаніе за свою несообразительность томятъ, лишнее время, подсудимыхъ въ заточеніи, въ неизвѣстности о будущей ихъ участи.

XII.

Ни одной сессіи не проходитъ, чтобы 8 — 10 изъ назначенныхъ къ разсмотрѣнію дѣлъ не было отложено за неявкою подсудимыхъ, свидѣтелей. Здѣсь удивительнѣе всего то, что суду это *напередъ* часто извѣстно, и, тѣмъ не менѣе, засѣданіе все-таки назначается, персоналъ суда собирается, выслушиваетъ объ откладѣ дѣла и тотчасъ же расходится. Остановку за свидѣтелями мы еще понимаемъ: полиція, по небрежности, нерѣдко своевременно не передаетъ имъ повѣстокъ (при насъ разъ было постановлено привлечь за это полицію къ отвѣтственности), но неявка подсудимыхъ, особливо важныхъ, напримѣръ, въ грабежѣ представляется страннымъ явленіемъ: о всякомъ подсудимомъ, отданномъ до суда надъ нимъ на поруки, или освобожденномъ, вслѣдствіе отобранія у него паспорта, судебные слѣдователи сообщаютъ мѣстной полиціи, дабы она, келейнымъ манеромъ, стерегла его, не выпустила изъ города. Какимъ же, спрашивается, способомъ подобные-то люди пропадаютъ? Между тѣмъ, за несостоявшимися засѣданіями по 10 дѣламъ судъ бездѣйствуетъ 3—6 дней въ мѣсяцъ (въ день разбирается круглымъ числомъ по 2—3 дѣла), а множество подсудимыхъ томятся, лишнее время, въ тюрьмахъ, въ ожиданіи, скоро ли настанетъ день ихъ судимости. Безпорядокъ этотъ необходимо устранить—назначеніемъ

Digitized by Google

къ слушанію такихъ дѣлъ, которыя могутъ рѣшаться безпрепятственно, а о сомнительныхъ, тѣмъ временемъ, собирать свѣдѣнія.

Канцеляріи судовъ состоятъ изъ лицъ, почти всегда кончившихъ курсъ юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но что же мы видимъ на практикѣ? Нѣкоторые изъ секртарей и ихъ помощниковъ, присутствующихъ въ судебныхъ засѣданіяхъ уголовныхъ отдѣленій окружнаго суда—спеціально для веденія протоколовъ и *чтенія* обвинительныхъ актовъ и показаній—молодые люди (подъ часъ высокомѣрно держащіе себя предъ простыми смертными), дурно читаютъ вообще, и показанія въ особенности: многія русскія слова выговариваютъ такъ скверно, ударенія дѣлаютъ на буквахъ такъ неправильно, какъ будто бы они, эти юристы по *дипломамъ*, сейчасъ только приведены изъ какого-нибудь Царевококшайска, Малороссіи и Польши. Слушая, какъ одинъ изъ этихъ юристовъ коверкалъ показанія, предсѣдатель вынужденнымъ нашелся, однажды, прервать засѣданіе на время „покуда секретарь выучится читать порусски". Мало того: держа въ рукахъ подлинное дѣло, изъ какихъ нибудь 20—30 листовъ, они не знаютъ, гдѣ какое найти показаніе, несмотря на то, что имъ указывается, на какой изъ перенумерованныхъ страницъ оно записано, а иногда доходитъ до того, что предсѣдатель самъ беретъ изъ рукъ секретаря дѣло и читаетъ вмѣсто него. Необходимо установить правиломъ, чтобы секретари до открытія засѣданія внимательно перечитывали дѣла, заучивали гдѣ что найти, дабы они не оказывались точно въ дремучемъ лѣсу, откуда заблудившійся человѣкъ не въ состояніи выдти.

Какъ ни просты обязанности секретарей и ихъ помощниковъ, но они и съ ними не въ состояніи, случается, справиться, отчего причиняютъ гражданамъ непріятности. Такъ недавно, напримѣръ, судился нѣмецъ за покушеніе на растлѣніе и изнасилованіе дѣвочки, которой въ моментъ преступленія было лѣтъ 10. И вотъ секретарь распорядился напечатать въ судебномъ указателѣ ея званіе, имя и фамилію *сполна*.—Это прочло начальство училища, въ которомъ она теперь, 15 лѣтъ, воспитывалась на казенный еще, кажется, счетъ, и тотчасъ же исключило ее изъ заведенія, какъ порочную, могущую заразить и подругъ разсказомъ о случившемся съ нею событіи. Мать дѣвочки, бѣдная женщина, явилась въ судъ съ вопросомъ: по какому случаю огласили фамилію ея дочери, и получила отвѣтъ: „по ошибкѣ канцеляріи". Неужели же эти юристы не знали, что въ подобныхъ случаяхъ пишется: по обвиненію такого-то въ преступленіи, предусмотрѣнномъ такою-то статьею уложенія о наказаніяхъ?

Digitized by Google

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца нашего засѣдательства мы почти не видали въ судѣ, среди публики, простолюдиновъ. Это происходитъ, какъ мы разузнали, оттого собственно, что въ *верхнемъ* платьѣ въ залъ не пускаютъ, а простолюдины носятъ, какъ извѣстно, зимою, а иногда и лѣтомъ *одни* полушубки, слѣдовательно имъ скидывать-то и нечего; кромѣ того проходить въ залу надо мимо швейцаровъ, жандармовъ, а тѣхъ и другихъ народъ, по старой привычкѣ, все еще боится, какъ начальства. Пожалѣемте, читатель, и объ этомъ анахронизмѣ, такъ-какъ народу негдѣ поучиться о томъ, что̀ такое преступленіе, и какое за оное законъ полагаетъ наказаніе. Далѣе самый впускъ въ залъ часто зависитъ отъ *милости* сторожей. Наконецъ вотъ еще какая совершается неурядица. Во 2-мъ отдѣленіи начинается дѣло и уволенные, до рѣшенія онаго, на часъ, невошедшіе въ составъ присяжные засѣдатели желаютъ, для лучшаго разумѣнія своихъ обязанностей, послушать, какъ дѣйствуютъ засѣдатели 1-го отдѣленія, спускаются съ 3-го во 2-й этажъ—но ихъ туда не пускаютъ, говоря „и безъ васъ тѣсно", предъ всѣми же бродячими ходатаями, съ портфельками подъ мышкою,—двери суда гостепріимно растворяются. Не обидно ли подобное предпочтеніе? Да, обидно потому въ особенности, что одни стремятся запастись, для общественной пользы, опытомъ, знаніями, а другіе разнюхиваютъ, какіе обманы легче съ рукъ сходятъ [1].

Засѣданія въ судѣ часто продолжаются далеко за-полночь, не то и насквозь сутки, съ нѣсколькими перерывами, по часу, по два. На это время прис. засѣдатели удаляются въ совѣщательную комнату, гдѣ кромѣ стола и 12 жесткихъ стульевъ—ровно никакой мебели нѣтъ, такъ что засѣдателямъ не на чемъ даже сѣсть повольготнѣй. Въ 1-мъ отдѣленіи еще сносно: засѣдатели сидятъ во время засѣданія на мягкихъ, въ видѣ дивановъ,

---

[1] Намъ показывали въ судѣ, какъ диковину, одного ходатая, и въ то же время тайнаго ростовщика, про котораго разсказали слѣдующій казусъ. Два брата, юные офицеры, попросили его ссудить ихъ 1,500 руб. Онъ согласился дать только 1,000 р., съ тѣмъ, чтобы получить вексель въ 1,500 р.; тѣ дали ему вексель, а онъ имъ 500 руб.; за остальными же велѣлъ зайти чрезъ день. Въ назначенное время онъ имъ объявилъ, что наличныхъ денегъ не имѣетъ, а пусть берутъ за 500 р. рояль. Они пустились искать покупщика, нашли его, но тотъ предложилъ за рояль 300 руб.; будучи въ крайности, они и на это согласились. Тогда покупатель потребовалъ доставить ему рояль на квартиру; за разборку, переноску, сборку и настройку рояля съ нихъ содрали 25 р.; такъ что они, вмѣсто 1,500 р., получили только 775 руб. Затѣмъ, когда наступилъ срокъ платежа по векселю, ходатай-ростовщикъ потребовалъ съ нихъ 1,500 р.; тѣ упрашивали его сбавить, онъ не согласился, и они обратились къ помощи администраціи, которая пристращала ростовщика высылкою изъ столицы, тогда онъ удовольствовался и 750 руб.

Digitized by Google

скамьяхъ, а во 2-мъ—чистая бѣда: они помѣщаются на простыхъ плетеныхъ стульяхъ. Поэтому, чтобы доставить присяжнымъ засѣдателямъ хоть нѣкоторое удобство—судъ долженъ завести какъ въ совѣщательныхъ комнатахъ обоихъ отдѣленій, такъ и въ судебномъ залѣ 2-го отдѣленія мягкіе диваны.

Для доставленія судебному персоналу и прис. засѣдателямъ возможности быть сытыми при продолжительныхъ засѣданіяхъ, въ зданіе суда пущенъ какой-то торговецъ содержать буфетъ, при чемъ ему дается, въ видѣ субсидіи, *даромъ* помѣщеніе, отопленіе и газовое освѣщеніе. Народу въ буфетѣ всегда довольно: туда ходятъ закусывать разныя лица, бывающія по дѣламъ въ 7 отдѣленіяхъ суда, въ 2-хъ отдѣленіяхъ судебной палаты, въ нотаріатѣ, у судебныхъ слѣдователей, товар. прокуроровъ, а равно изъ артиллерійскаго управленія, расположеннаго противъ суда. Оттуда же довольствуются завтраками, обѣдами, чаемъ — члены суда и присяжные засѣдатели. Но цѣны предметамъ потребленія для *бѣдныхъ* засѣдателей вообще и простолюдиновъ въ особенности ужасныя: стаканъ чаю 10 к.; 4 жареныя корюшки 35 к.; кусокъ говядины 40 к.; самый скромный обѣдъ обходится въ рубль. Ропотъ на эти цѣны со стороны прис. засѣд. безусловно правиленъ: ремесленникъ, живущій съ семьею *личнымъ* трудомъ, отрывается на мѣсяцъ отъ своего занятія, несетъ, стало быть, очевидный, для него ощутительный убытокъ, вынужденъ еще потратить по меньшей мѣрѣ 5—6 руб. на харчи, которыхъ съ собою не наносишься: никто заранѣе не знаетъ, до котораго часа придется пробыть ему въ судѣ.—Обращаемъ на это обстоятельство серьёзное вниманіе предсѣдателя суда, на тотъ конецъ, дабы онъ исходатайствовалъ, откуда слѣдуетъ, прибавку къ содержанію, положимъ, зданія, на даровое продовольствіе бѣдныхъ засѣдателей, а если этого нельзя, то чтобы хоть по крайней мѣрѣ понудилъ содержателя буфета установить для прис. засѣдат. (имъ никуда нельзя изъ суда отлучаться) *дешевыя* цѣны на съѣстные припасы.

Самое, впрочемъ, плачевное положеніе относительно продовольствія—это арестантовъ, по поговоркѣ „на бѣднаго Макара всѣ шишки валятся". Ихъ привозятъ въ судъ въ 9 часовъ утра, покормленныхъ въ тюрьмѣ тамошнею скверною пищею, и за симъ держатъ сплошь да рядомъ до 6—8 вечера *голодными*. Это безобразіе слѣдуетъ непремѣнно устранить, обязавъ тюремное начальство привозить имъ хоть къ двумъ часамъ дня обѣдъ, въ тѣхъ же ящикахъ, въ какихъ пища доставляется изъ тюремнаго замка въ пересыльную тюрьму.

Въ началѣ нашихъ замѣтокъ мы мимоходомъ замѣтили, что

Digitized by Google

въ комнатахъ прис. засѣд. кладутся печатные списки избраннымъ, на сессію, засѣдателямъ, съ означеніемъ, между прочимъ, *чиновъ* противъ всѣхъ тѣхъ, которые ихъ имѣютъ. Эти чины вліяютъ на выборъ старшинъ: кто обладаетъ бо́льшимъ чинамъ,—въ томъ сплошь да рядомъ ошибочно предполагается больше и знаній. И вотъ избранный въ руководители засѣдателями крупный чиновникъ часто портитъ самыя дѣла; неудостоенныя же избранія лица съ высшими чинами ударяются за это въ амбицію, озлобляются и причиняютъ потомъ, въ теченіе всего своего засѣдательства, немалый вредъ подсудимымъ — своими упорными, непримиримыми доводами, нерѣдко просто такъ-сказать въ пику своимъ противникамъ. Чтобы устранить этотъ антагонизмъ, суду надо перестать печатать въ спискахъ чины; тѣмъ болѣе это, кажется, основательно, что въ присяж. засѣд. призываются *всѣ* безъ различія сословія и выставлять впередъ чины здѣсь едва-ли умѣстно: многіе стѣсняются спорить, а тѣмъ менѣе обрывать генерала и при самыхъ невообразимыхъ его сужденіяхъ.

XIII.

На основаніи 675, 699 и 806 уст. угол. судопр., свидѣтели и присяжн. засѣдат. запираются въ отдѣльныя комнаты: первые—до выслушанія ихъ показаній, а послѣдніе—до открытія засѣданій, во время перерывовъ и ихъ совѣщаній. Все это дѣлается для прегражденія тѣмъ и другимъ сноситься съ посторонними людьми, которые бы своими совѣтами, просьбами, могли повліять на послѣдующія ихъ дѣйствія. По теоріи это, пожалуй, основательно, но въ практикѣ это теряетъ смыслъ.

Подсудимые и близкіе имъ люди гораздо раньше знаютъ достовѣрно: какіе изъ свидѣтелей за, и какіе противъ нихъ. Оттого, захотѣвъ упросить кого-нибудь изъ свидѣтелей помочь имъ своими показаніями, они успѣваютъ это сдѣлать гораздо раньше судебнаго засѣданія: находящіеся на свободѣ — лично, а арестованные—чрезъ женъ, дѣтей, пріятелей, что̀, надо сознаться, въ дѣйствительности и бываетъ. Слѣдовательно, запирая свидѣтелей, правосудіе ни чуть не гарантировано. Напротивъ, это скорѣе, кажется намъ, вредитъ правосудію: сойдясь въ одну комнату, свидѣтели, надосугѣ, легче могутъ сговориться между собою, какъ и что̀ показывать ради устраненія разнорѣчія; въ этомъ мы много разъ убѣждались, слыша, какъ нѣсколько свидѣтелей разновременно говорили тождественно, ни на одну іоту не противорѣча своимъ предшественникамъ. Отсюда, суду необходимо,

Digitized by Google

полагаемъ, принять мѣры противъ стачекъ свидѣтелей въ самомъ судѣ, когда они въ особой комнатѣ.

Точно такъ же не мудрено иныхъ прис. засѣд. расположить въ подсудимому, или возстановить ихъ противъ него заблаговременно: дѣло, напримѣръ, назначено къ слушанію 6-го числа; надобно явиться въ судъ 3—4-го, обозрѣть присяж., и если между ними окажется знакомый — попросить его дома въ пользу или во вредъ подсудимому, а онъ, попавъ въ составъ присутствія,— легко можетъ повліять и на другихъ — сообщеніемъ имъ какого-нибудь трагическаго эпизода изъ жизни подсудимаго, его семьи; прис. же засѣдат., какъ мы убѣдились, вообще склонны разчувствоваться при подобныхъ оказіяхъ. Понятно, такимъ образомъ, что предпринимаемыя противъ нихъ предосторожности служатъ лишь къ стѣсненію ихъ свободы, безъ серьёзной надобности.

Постановленія 655 и 656 ст. устава угол. судопр. о правѣ каждаго обвинителя и защитника отводить, безъ объясненія причинъ, изъ общаго состава присяжныхъ засѣдателей до 6 чел.—созданы на весьма, правда, гуманныхъ началахъ, именно „для установленія полнаго довѣрія къ правильности приговоровъ присяжныхъ засѣдателей сторонамъ признается полезнымъ предоставить весьма широкое право отводить ихъ“. Такъ, между прочимъ, гласятъ комментаріи къ первой изъ вышеприведенныхъ статей устава во 2-мъ изд. суд. уставовъ государственной канцеляріи. Тѣмъ не менѣе, по естественной неуловимости всѣхъ жизненныхъ явленій, эта статья, въ практическомъ ея примѣненіи, порождаетъ такія неудобства и ухищренія, которыя нерѣдко способствуютъ умаленію силы правосудія.

Сессія присяжныхъ засѣдателей, представьте себѣ, читатель, сегодня только-что началась. Разсмотрѣнію ихъ подлежитъ объемистое, мошенническое дѣло, въ которомъ нѣтъ неотразимыхъ, ясныхъ уликъ, и все обвиненіе вытекаетъ исключительно изъ однѣхъ косвенныхъ уликъ, да всесторонняго, серьёзнаго обсужденія предмета. И обвинителю, и защитнику, долго трудившимся надъ этимъ дѣломъ, хочется, понятно, достигнуть всякому своей цѣли. Что за люди присяжные засѣдатели, обоимъ еще неизвѣстно. Въ предлагаемомъ имъ, для отвода присяжныхъ засѣдателей, спискѣ означены ихъ чины, званія [1]. Въ людяхъ чиновныхъ во всякомъ разѣ предполагается больше знанія законовъ и пониманія вещей въ настоящемъ ихъ видѣ, нежели въ купцахъ, мѣщанахъ и крестьянахъ. И вотъ обвинитель, опасаясь,

[1] Объ отмѣнѣ вписыванія въ списокъ чиновъ мы ужь настаивали, какъ читатель видѣлъ выше, въ XII главѣ. Здѣсь же наши доводы еще сильнѣе говорятъ въ пользу нашего мнѣнія.

Digitized by Google

что простолюдины-засѣдатели въ ловкихъ изворотахъ подсудимаго, да въ массѣ бумагъ и безтолковыхъ показаніяхъ запутаются, не съумѣютъ извлечь изъ этого значительнаго, по количеству, матеріала разбросанныхъ фактовъ къ осужденію обвиняемаго—вычеркнетъ, положимъ, трехъ купцовъ и трехъ ремесленниковъ. Въ свою очередь защитникъ, резонно предполагая, что чиновники и изъ самыхъ хитрыхъ увертокъ, несообразныхъ показаній, тонкихъ уликъ и громкихъ фразъ все-таки сгруппируютъ обвиненіе—вымарываетъ ихъ 6 человѣкъ. Проще говоря, имъ нужны: обвинителю — развитые, а защитнику — неразвитые люди, каковыхъ они и домогаются пріобрѣсть. Здѣсь намъ могутъ замѣтить, что изъ такого подбора людей и получится, закономъ желаемая, равноправность. На это мы, по опыту, возразимъ, что подобный образъ дѣйствій не болѣе, какъ лотерейная игра, и кому изъ двухъ счастье поблагопріятствуетъ, тотъ и одержитъ побѣду надъ своимъ противникомъ: въ первыхъ засѣданіяхъ засѣдатели, обыкновенно еще, такъ-сказать, пріучаются, какъ рѣшать дѣла,—и два, три человѣка, ловко или энергически настаивающихъ на своемъ, завладѣваютъ мнѣніями остальныхъ, а подобныя личности постоянно попадаются, въ одинаковой степени, какъ изъ чиновныхъ, такъ и нечиновныхъ.

Теперь перешагнемъ, читатель, прямо къ 6—8-му засѣданію. Къ этому времени присяжные засѣдатели вполнѣ ужь освоились со своею дѣятельностью, всѣ ужь по нѣскольку разъ рѣшали различныя дѣла; многіе многократно ужь до открытія засѣданій, во время постановленія судьями, въ отдѣльной комнатѣ, приговоровъ, да по закрытіи засѣданій разговаривали съ обвинителями, защитниками и въ особенности съ судебными приставами, которые имѣютъ съ ними безпрестанныя сношенія. Такимъ образомъ судебный персоналъ присмотрѣлся къ ихъ понятіямъ, взглядамъ, манерѣ отвѣтовъ и проч. Тутъ декорація совершенно видоизмѣняется. Обвинители и защитники послѣдующихъ подсудимыхъ, если пожелаютъ, освѣдомившись отъ своихъ предшественниковъ, судебныхъ приставовъ, не то и сами, если разъ ужь вели дѣло при этихъ засѣдателяхъ, либо прислушавшись къ предлагаемымъ ими вопросамъ [1], знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло и потому отводятъ ужь прямо: обвинители—малоспособныхъ, мягко-

[1] Разъ одинъ изъ корифеевъ адвокатуры сидѣлъ въ числѣ слушателей. Засѣдатель сдѣлалъ подсудимому весьма мѣткій вопросъ, на который онъ далъ скверный отвѣтъ. По осужденіи подсудимаго началось другое дѣло, и защитникомъ явился слушавшій адвокатъ и подвергъ остракизму засѣдателя собственно за его вопросъ. Той же участи подвергся, однажды, со стороны обвинителя другой засѣдатель, судя по вопросамъ котораго можно было заключить, что онъ изъ мягкосердныхъ, и т. д. въ этомъ родѣ.

Digitized by Google

сердечныхъ, не свѣдущихъ, а защитники — умныхъ, жестокосердныхъ и свѣдущихъ, либо наоборотъ, глядя, разумѣется, по надобности. Въ нашей, впрочемъ, сессіи обвинители несравненно рѣже отводили присяжныхъ засѣдателей, нежели защитники. Кромѣ того, иные изъ засѣдателей, встрѣтивъ надобность отлучиться изъ суда сами, случается, просятъ обвинителей, а чаще защитниковъ, отвести ихъ и тѣмъ самымъ освободить ихъ отъ участія въ дѣлѣ. Однажды разсмотрѣнію присяж. засѣд. подлежало черезчуръ ужь плутовское дѣло, для правильнаго разрѣшенія котораго необходимо было обладать спеціальными знаніями въ торговлѣ денежными бумагами. Среди насъ были два человѣка, вполнѣ отвѣчавшіе этой потребности и еще наканунѣ посвятившіе засѣдателей въ эту премудрость. Въ день засѣданія вдругъ видимъ, что защитникъ обоихъ ихъ похерилъ. Хорошо еще, что засѣдатели заранѣе постигли эту каверзу, а то просто бы бѣда безъ отведенныхъ. Этотъ же несообразный отводъ былъ одною изъ главныхъ причинъ оправданія нѣкоего господина (прославившагося мелкими каверзами и дошедшаго, наконецъ, до суда за обманъ женщины на 600 р.), вину котораго взялъ на себя лишенный раньше того всѣхъ правъ состоянія—свидѣтель, которому больше, все равно, ужь нечего было терять.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что *безпричинный* отводъ присяжныхъ засѣдателей не выдерживаетъ критики и производитъ именно то, противъ чего ратовали составители суд. уст., то-есть „что подсудимый можетъ устранять изъ списка присяжныхъ людей, извѣстныхъ своими строгими правилами нравственности, чтобы открыть себѣ возможность подобрать присяжныхъ по своему усмотрѣнію“ (241 стр. комментарій къ уст. угол. судопр. 2-го изд. госуд. канц.). Посему было бы полезно измѣнить редакцію 655 ст. въ томъ смыслѣ, что сторонамъ предоставляется отводить засѣдателей по тѣмъ же самымъ причинамъ, по какимъ отводятся вообще свидѣтели, заинтересованные въ томъ или другомъ исходѣ дѣла люди и проч.

„По составленіи присутствія присяжныхъ, предсѣдатель распоряжается о приводѣ ихъ къ присягѣ“, гласитъ 664 ст. уст. угол. судопр. Руководствуясь дословнымъ содержаніемъ приведенной статьи, присяжные засѣдатели присягаютъ: въ день 2—3 раза, а въ мѣсяцъ многіе болѣе 50 разъ. Столь частое присяганіе неимовѣрно утомляетъ всѣхъ, самая сила святости обряда, по мнѣнію однихъ, невольно умаляется, а по словамъ другихъ, просто третируется, превращаясь въ педантическую формальность. Почему именно, предъ начатіемъ каждаго дѣла, слѣдуетъ присягать—ни въ комментаріяхъ государственной канце-

Digitized by Google

ляріи, ни въ уголовныхъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ, въ этому предмету относящихся, мы не нашли, къ сожалѣнію, никакихъ мотивовъ. Между тѣмъ, разсуждая по здравому смыслу, неизбѣжно приходишь къ заключенію, что *честный* человѣкъ, рѣшая участь другого, и *вовсе* безъ присяги никогда не помыслитъ даже покривить душою, сознавая всю важность своего призванія, а *безчестнаго* человѣка никакая присяга не остановитъ совершить зло ближнему, какъ это и случается съ иными, напримѣръ, свидѣтелями. И самая, значитъ, присяга далеко не гарантируетъ правосудіе отъ послѣдняго сорта людей.

Поэтому, да имѣя въ виду, что отъ лицъ, принадлежащихъ къ вѣроученіямъ, непріемлющимъ присяги, 669 ст. довольствуется, въ подобныхъ случаяхъ, только „отобраніемъ торжественнаго обѣщанія, соотвѣтствующаго присягѣ", казалось бы совершенно достаточнымъ приводить къ присягѣ засѣдателей изъ православныхъ, лютеранъ, католиковъ и проч. присяжныхъ *разъ на всю сессію,* или по крайней мѣрѣ хоть *разъ въ день* на всѣ три, имѣющія разсматриваться, дѣла. Отъ замѣны настоящаго порядка предлагаемымъ нами, вопервыхъ, самый актъ присяганія не будетъ низводиться на степень, по отношенію къ святости, простой формальности, а, вовторыхъ, выигрывается время: часто приходится ждать по четверть часа священника, который цѣлый день ходитъ изъ одного отдѣленія суда въ другое и обратно приводить къ присягѣ.

То же самое замѣтимъ и о 671 ст., которая предписываетъ предсѣдателю суда предъ каждымъ дѣломъ объяснять присяжнымъ засѣдателямъ ихъ права, обязанности и отвѣтственность. Если предсѣдатель 2 — 3 раза, въ началѣ сессіи, произнесетъ присяжнымъ засѣдателямъ дѣльную, прочувствованную рѣчь, этого совершенно довольно, какъ для правосудія, такъ и для самихъ засѣдателей.

Избранные по жребію двое запасныхъ присяжныхъ засѣдателей, по точному смыслу 635, 661 и 662 ст. уст. угол. судопр. и угол. кассаціон. рѣш. 1868 г., № 954, безотлучно находятся все время разсмотрѣнія дѣла въ засѣданіи, дабы замѣнить ими кого-либо изъ дѣйствующихъ 12-ти засѣдателей, въ случаѣ внезапной болѣзни, увольненія судомъ по чрезвычайной надобности. Возникшій, однажды, вопросъ: вправѣ ли запасные засѣдатели разспрашивать подсудимыхъ и свидѣтелей, судъ разрѣшилъ, увѣряли насъ, отрицательно. Мы, напротивъ, думаемъ, что слѣдовало разрѣшить утвердительно: запасный засѣдатель, не слыша возбужденія никѣмъ изъ дѣйствующихъ того именно вопроса, который онъ намѣревался предложить, и разсчитывая отвѣтомъ на этотъ вопросъ

Digitized by Google

разъяснить зародившееся въ немъ недоумѣніе, останется при этомъ недоумѣніи и тогда, когда очутится въ дѣйствующихъ, а отсюда не въ состояніи будетъ дать категорическаго мнѣнія о степени виновности, или невинности подсудимаго.

Статьею 814 уст. угол. судопр. присяжнымъ засѣдателямъ присвоивается право къ обвинительному отвѣту прибавлять „подсудимый, по обстоятельствамъ дѣла, заслуживаетъ снисхожденія". За симъ судъ, согласно 828 ст., „обязанъ понизить полагающееся осужденному по закону наказаніе на одну или на двѣ степени, по своему усмотрѣнію". Статья эта не согласуется съ дѣйствительными дѣйствіями присяжныхъ засѣдателей, которые подсудимыхъ болѣе виновныхъ признаютъ обыкновенно заслуживающими „снисхожденія", а менѣе, по ихъ разумѣнію, виновныхъ и достойныхъ бо́льшаго сожалѣнія—„полнаго снисхожденія", въ увѣренности, что *полное* непремѣнно ослабитъ наказаніе на двѣ степени, въ чемъ очень часто, однако, ошибаются, ибо судъ ставитъ ни во что „полное". Такимъ пренебреженіемъ суда къ желанію присяжныхъ засѣдателей — больше облегчить участь подсудимыхъ, они, засѣдатели, возстановляются противъ суда и видя, что ихъ стремленіе не достигаетъ цѣли, иногда отрицаютъ всякую виновность иного подсудимаго, которому они симпатизируютъ и котораго, при внимательномъ отношеніи суда къ *полному* снисхожденію, обвинили бы, съ присовокупленіемъ сихъ двухъ словъ. Чтобы устранить этотъ антагонизмъ слѣдуетъ измѣнить редакцію 828 ст. такъ, чтобы выраженное засѣдателями „*полное* снисхожденіе" сокращало наказаніе не на одну, а именно на двѣ степени.

Для того, чтобы присяжные засѣдатели не перезабыли выслушанныхъ дѣлъ, 674 ст. разрѣшаетъ имъ, во время судебнаго засѣданія, дѣлать письменныя замѣтки. Касательно мелкихъ дѣлъ подобныхъ замѣтокъ, конечно, достаточно для освѣженія въ памяти сущности дѣлъ. Но бываютъ и такія вѣдь объемистыя, сложныя дѣла, засѣданія по которымъ тянутся сутки насквозь и болѣе и изъ которыхъ извлечь суть, въ бѣглыхъ нестенографическихъ замѣткахъ, физически немыслимо: надо исписать минимумъ 10 — 15 листовъ, чего безъ привычки писать на колѣняхъ никто не въ состояніи. Точно также невозможно и запомнить пятой доли подобныхъ дѣлъ. Поэтому, въ подобныхъ оказіяхъ, слѣдуетъ доставить присяжнымъ засѣдателямъ хоть какія-нибудь соотвѣтствующія удобства, напримѣръ, предлагать столики и т. п.

Въ совѣщательной комнатѣ присяжные засѣдатели „не должны имѣть при себѣ *никакихъ книгъ* (?), хотя бы и законовъ".

Digitized by Google

Такъ предписываетъ уголовное кассаціонное рѣшеніе 1869 г. № 959, въ разъясненіе 673 ст. уст. уголов. судопр. Почему же, спросятъ читатели, это запрещается? Да потому, отвѣчаетъ рѣшеніе, что „для рѣшенія вопроса о виновности по совѣсти, засѣдателямъ вовсе не могутъ быть нужны книги, а, напротивъ, при составѣ присяжныхъ изъ грамотныхъ и неграмотныхъ, книги могутъ быть причиною вліянія первыхъ на послѣднихъ, вопреки стремленія закона, чтобы мнѣнія присяжныхъ исходили единственно изъ внутренняго убѣжденія каждаго изъ нихъ".

Это мнѣніе сената, выраженное въ цитированномъ нами рѣшеніи, не оправдывается практикою, по крайно-мѣрѣ, въ Петербургѣ. Въ Петербургѣ присяжные *всѣ* грамотные, и среди каждаго состава всегда бываетъ 1 — 2 человѣка изъ образованныхъ, не то еще и знакомыхъ съ уголовнымъ правомъ. И вотъ, видя, напримѣръ, шаткость обвиненія и тяжесть слѣдующаго за утвердительнымъ вердиктомъ наказанія — они, въ отклоненіе подобнаго отвѣта, считаютъ себя нравственно обязанными пояснять остальнымъ: какая именно ждетъ, въ этомъ случаѣ, обвиняемаго кара. Стало быть, разсчитывать, что присяжные засѣдатели рѣшатъ дѣло не подумавши о послѣдствіяхъ ихъ рѣшенія — наивное заблужденіе, миражъ! Потомъ, вслѣдствіе неопредѣлительности, сплошь да рядомъ, свойства данныхъ преступленій по обвинительнымъ актамъ и вопроснымъ пунктамъ, между засѣдателями происходятъ безпрерывные споры, какъ, напримѣръ, отличить грабежъ отъ разбоя, какая разница между кражею со взломомъ и кражею посредствомъ подобраннаго или тайно взятаго ключа; между выломленною для кражи доскою и выдернутымъ пробоемъ и т. п., и единственно за отсутствіемъ книги, которая живо разрѣшила бы споръ, они слишкомъ подолгу не могутъ разубѣдить другъ друга; судъ же, когда къ нему обращаются за разъясненіями, обыкновенно лаконически отзывается: „отъ воли присяжныхъ засѣдателей зависитъ признать, либо отвергнуть приписываемое подсудимому дѣяніе", и потому ступайте, дескать, себѣ вспять. Отвѣты эти раздражаютъ засѣдателей,—и они, не зная, какъ выйти изъ затрудненія, впадаютъ, случается, въ крайности — обвиняютъ, не понимая въ чемъ, или же провозглашаютъ—„нѣтъ, невиновенъ".

Далѣе, терминологія преступленій перечислена исключительно въ уложеніи о наказаніяхъ, то-есть въ томъ самомъ законѣ, который караетъ. Оттого опасно, толкуютъ намъ, дать въ руки присяжнымъ засѣдателямъ эту книгу: отыскавъ статью, подъ которую обвинительный актъ подводитъ разсмотрѣнное дѣяніе, и увидѣвъ, что подсудимому грозитъ тяжелая участь,

Digitized by Google

они, по чувству человѣколюбія, сжалятся надъ нимъ и отвергнутъ обвиненіе. Но эта аргументація разбивается въ дребезги о нижеслѣдующіе, по нашему мнѣнію, неотразимые доводы. Вопервыхъ, каждый, даже простолюдинъ, хорошо, напримѣръ, знаетъ, что убійство, поджогъ, разбой, караются каторгою, а кражи — тюремнымъ заключеніемъ. Вовторыхъ, среди здѣшнихъ присяжныхъ засѣдателей, какъ выше было замѣчено, всегда бываетъ хоть одинъ человѣкъ, помнящій, что подлогъ, мошенничество наказуются лишеніемъ правъ состоянія, ссылкою на поселеніе, на житье, и т. д., а кража со взломомъ—арестантскими работами, да рабочимъ домомъ. Втретьихъ, ведутъ себя засѣдатели между собою, болѣе или менѣе, безъ церемоніи и отстаивая свои мнѣнія, поневолѣ даже старательно другъ друга наставляютъ, какъ лучше дѣйствовать; слѣдовательно вся сумма знаній и, притомъ, чрезъ 2 — 3 засѣданія непремѣнно ужь на на лицо и утаить отъ нихъ *самое мѣсто* отбыванія наказанія положительно нельзя; продолжительности же срока пребыванія на каторгѣ, въ арестантскихъ ротахъ и т. д. они и съ уложеніемъ въ рукахъ предрѣшить не могутъ: это опредѣляетъ впослѣдствіи судъ по своему „нравственному убѣжденію, основанному на совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла“ (765 и 826 ст. уст. угол. судопр.).

Итакъ, очевидно, значитъ, что опасенія напрасны, а у страха только глаза велики. Мало того: коль скоро законъ *смѣло* отдаетъ участь подсудимаго и часто цѣлаго его семейства въ безконтрольное распоряженіе присяжныхъ, то всякое недовѣріе къ нимъ въ мелочахъ (какъ заключеніе ихъ подъ стражу, запретъ имѣть книгу и проч.) является чистѣйшею аномаліею, аномаліею, недостойною нашего времени! Словомъ, въ интересахъ самаго правосудія мы, по опыту, говоримъ, что присяжнымъ засѣдателямъ крайне необходимы, для справокъ, уголовное судопроизводство и уложеніе о наказаніяхъ въ совѣщательной комнатѣ. Впрочемъ, чтобы не подвергнуться нападкамъ со стороны ярыхъ ревнителей тайнъ за расшатываніе оберегаемыхъ ими несостоятельныхъ законовъ, мы готовы, пожалуй, пойти и на компромиссъ: пусть заведутъ въ совѣщательныхъ комнатахъ хоть только по учебнику уголовнаго права, по выпискѣ изъ уложенія о томъ, какое преступленіе какъ въ немъ называется, да по уставу уголовнаго судопроизводства, и сихъ трехъ предметовъ покуда будетъ достаточно для правильнаго и скораго отправленія присяжными засѣдателями правосудія.

Digitized by Google

XIV.

Во всѣхъ предыдущихъ замѣткахъ нашихъ мы, повторяемъ, старались безпристрастно изобразить то, что видѣли, слышали, перечувствовали, будучи дѣйствующимъ лицомъ; не участвовали же мы только въ трехъ, четырехъ дѣлахъ; но задавшись, заранѣе, мыслью тщательно прослѣдить весь судебный механизмъ — и эти дѣла прослушали, ни разу не уходили изъ суда до закрытія засѣданій. Описанная нами картина, правда, довольно некрасива, но вина въ этомъ падаетъ не на насъ, а на тѣ неурядицы, какія, къ прискорбію, существуютъ въ живой дѣйствительности. Кромѣ того, нѣтъ суду одни хвалебные гимны, на нашъ взглядъ, время, право, ужь прошло, а теперь настала, полагаемъ, настоящая пора относиться къ нему прямо, критически, дабы въ судѣ дѣйствительно водворились „правда и милость", въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ ихъ слѣдуетъ понимать, согласно начертаннымъ верховнымъ законодателемъ словамъ, поставленнымъ нами эпиграфомъ къ нашей статьѣ.

Не можемъ, при этомъ, не подивиться тому, что иные корифеи адвокатуры, „защитники вдовъ и сиротъ" все еще продолжаютъ воздавать суду *печатно* панегирики, тогда какъ имъ, ближе чѣмъ всякому, *должны* быть извѣстны всѣ недостатки, устраненію которыхъ прессѣ и надо стараться помогать. Мало того, эти почтенные представители правосудія считаютъ, судя по ихъ статьямъ, криминальнымъ преступленіемъ всякое смѣлое указаніе суду на его погрѣшности. Но намъ, [не менѣе ихъ приверженцу новаго суда, кажется—наоборотъ—что указанія на несообразности, промахи могутъ только способствовать улучшенію „праваго, скораго и милостиваго суда", а потому мы и рѣшились высказать все то, что накипѣло на душѣ въ теченіе мѣсяца.

Въ заключеніе всего, намъ пріятно сообщить читателямъ, что присяжные засѣдатели нашей сессіи не отпустили ни одного оправданнаго безъ денежнаго вспомоществованія, необходимаго на первоначальную вольную жизнь, на что, да въ пользу общества для устройства земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ и безпріютныхъ дѣтей потратили, изъ своихъ средствъ, 90 руб. Здѣсь же, кстати, доводимъ до свѣдѣнія бывшихъ нашихъ товарищей по засѣдательству, что оставшіеся у насъ за окончательнымъ исчезновеніемъ изъ Петербурга оправданнаго мальчика Молчанова 9 руб. мы передали на устройство названныхъ колоній члену этого общества, бывшему засѣдателю, уважаемому нами М. С. Воронину.

В. Никитинъ.

Digitized by Google

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ИСТОРІИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ (1816—1866).

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

1848—1866.

Венгрія въ 1848 и 1849 годахъ.

Начало оппозиціи въ венгерскомъ сеймѣ. — Людвигъ Кошутъ. — Требованія сейма и уступки Фердинанда. — Первое отвѣтственное министерство въ Венгріи. — Нелады венгровъ съ славянами. — Австрійская политика. — Еллачичъ — банъ Кроаціи. — Венгрія готовится къ борьбѣ съ Австріей. — Печальная участь императорскаго намѣстника Ламберга въ Пештѣ. — Банъ Еллачичъ назначенъ преемникомъ Ламберга. — Венгерскій сеймъ протестуетъ противъ этого назначенія и не признаетъ новаго императора Франца-Іосифа своимъ королемъ. — Виндишгрецу поручено усмирить Венгрію. — Усиленныя приготовленія венгровъ къ войнѣ. — Первые успѣхи австрійцевъ. — Бемъ одерживаетъ цѣлый рядъ побѣдъ надъ австрійцами. — Успѣхи Гергея на верхней Тиссѣ. — Неудачи Дембинскаго. — Участіе русскихъ въ войнѣ. — Отступленіе Виндишгреца изъ Пешта. — Венгры недовольны всеавстрійскою конституціей 4-го марта 1849. — Революціонное рѣшеніе пештскаго сейма. — Несогласія въ венгерскомъ лагерѣ. — Ошибка Кошута. — Осада Буды. — Австрійцы выигрываютъ время. — Союзъ Австріи съ Россіей. — Силы союзниковъ. — Война въ Трансильваніи и южной Венгріи. — Причины неудачи венгровъ. — Темешварское сраженіе, 9-го августа. — Неожиданный поступокъ Гергея, 13-го августа, при Вилагошѣ. — Горе побѣжденнымъ.

Въ Венгріи съ давняго времени существовало уже внутреннее броженіе, и нуженъ былъ только внѣшній толчокъ, чтобы оно обнаружилось со всею силою. При свободной конституціи, какою пользовалась эта страна, при ея особенномъ отношеніи къ Австрійской монархіи, которой она составляла часть, не входя въ нее совершенно, въ Венгріи всегда существовала оппозиція противъ вѣнскаго правительства; въ сороконыхъ же годахъ оп-

Digitized by Google

позиція эта сдѣлалась упорнѣе, живѣе и распространилась на бо́льшую часть страны. Прежде Венгрія хлопотала единственно о сохраненіи древней конституціи своей, которая хотя по частямъ и была нарушаема австрійскимъ правительствомъ, но въ цѣломъ, со временъ Іосифа II, никогда не подвергалась опасности. Несмотря на частые споры съ венгерскимъ сеймомъ о количествѣ податей, о числѣ рекрутъ, о предѣлахъ королевства и сословныхъ правъ, правительство обыкновенно сжималось въ своихъ требованіяхъ, боясь раздражить венгерцевъ. Ни венгерскій сеймъ, ни вѣнское правительство никогда не переступали извѣстныхъ границъ. Монархическій принципъ неподвижности въ Австріи и аристократическій — въ Венгріи уравновѣшивались между собою, и не казалось вѣроятнымъ, чтобы когда-нибудь они встрѣтились непримиримыми врагами. Уже въ послѣдніе годы царствованія императора Франца началась тихая, но глубокая перемѣна въ отношеніяхъ Венгріи къ Австріи. Духъ времени и вліяніе либеральныхъ идей начали мало по малу дѣйствовать и въ Венгріи. Національная партія начала заботиться о возвышеніи матеріальнаго благосостоянія народа учрежденіемъ банковъ, введеніемъ усовершенствованныхъ способовъ обработки земли, устройствомъ мостовъ и дорогъ, мановецъ, облегченіемъ налоговъ и повинностей. Идя постепенно далѣе, она подвергла строгому разсмотрѣнію всю конституцію и рѣшилась осуществить на дѣлѣ тѣ ея постановленія, которыя приняты были только въ теоріи и оставались лишь на бумагѣ. Національная партія, державшаяся исключительно мадьярскихъ интересовъ, въ противоположность приверженцамъ общеавстрійскаго государства, рѣшилась опредѣленнѣе, нежели прежде выяснить положеніе своей страны, ея отличіе отъ Австріи по самой природѣ, ея особенныя права и учрежденія и стала стремиться къ независимости отъ Австріи. Въ этомъ смыслѣ дѣйствовала оппозиція обоихъ послѣднихъ сеймовъ, наканунѣ бурныхъ событій 1848 года, оппозиція, выдержавшая противъ правительства упорную парламентскую борьбу. Душею національной партіи былъ Людвигъ Кошутъ, дворянинъ по рожденію, но вовсе небогатый, выдвинувшійся впередъ единственно своимъ громаднымъ талантомъ. Кошутъ началъ свою общественную дѣятельность на поприщѣ журналистики. За проступокъ противъ законовъ о печати онъ былъ приговоренъ къ четырехгодичному содержанію въ тюрьмѣ, а вскорѣ по освобожденіи, въ 1846 году, былъ избранъ депутатомъ. Необыкновенный даръ краснорѣчія обнаруженъ былъ имъ на сеймѣ самымъ блестящимъ образомъ. Но въ Кошутѣ чувство преобладало надъ разсудкомъ; онъ легко

Digitized by Google

поддавался иллюзіямъ своего воображенія, которое представляло ему вещи не всегда въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Получивъ общеевропейское образованіе, знакомый со многими европейскими языками, Кошутъ былъ, однакожъ, истый мадьяръ, гордый своею націей до пренебреженія къ другимъ. Пылкій, удобоподвижный, онъ весьма часто увлекался предвзятыми мнѣніями до совершеннаго забвенія истиннаго положенія дѣлъ. Раздраженный преслѣдованіями, которыя претерпѣлъ онъ отъ приверженцевъ Австріи, побуждаемый патріотизмомъ къ введенію широкихъ реформъ, мучимый нетерпѣніемъ при видѣ медленнаго ихъ осуществленія, Кошутъ мало по малу сдѣлался отъявленнымъ врагомъ всего австрійскаго, и это свое враждебное настроеніе устно и печатно умѣлъ распространить очень далеко: всюду съумѣлъ онъ создать такихъ же горячихъ противниковъ всего австрійскаго, какимъ былъ самъ. Не занимая никакого правительственнаго поста, не имѣя ни наслѣдственнаго титула, ни имущества, Кошутъ въ короткое время сдѣлался популярнѣйшимъ и, какъ увидимъ, сильнѣйшимъ человѣкомъ въ своей странѣ.

При господствовавшемъ въ Венгріи настроеніи умовъ, февральская революція въ Парижѣ и мартовская въ Вѣнѣ должны были произвести на мадьярскій народъ сильное впечатлѣніе. Оппозиція высказалась на пештскомъ сеймѣ, въ началѣ марта 1848 года, смѣлѣе, чѣмъ когда-либо и, подъ предводительствомъ Кошута, рѣзко выразила порицаніе всей австрійской правительственной системѣ. По предложенію Кошута, на сеймѣ прошелъ адресъ на имя императора, какъ короля Венгріи, адресъ, въ которомъ выражена была просьба объ учрежденіи національнаго, свободнаго отъ Австріи, венгерскаго правительства, о преобразованіи существовавшаго дотолѣ коллегіальнаго министерства, имѣвшаго мѣстопребываніе въ Вѣнѣ, въ отвѣтственное, назначенное только для Венгріи.

16-го марта депутація пештскаго сейма вручила императору этотъ адресъ. Императоръ принялъ его благосклонно и въ рѣчи, произнесенной на венгерскомъ языкѣ, высказалъ полное свое благоволеніе къ мадьярамъ. Тутъ же утвердилъ онъ всѣ рѣшенія сейма, а именно: независимость венгерскаго министерства, общую подачу голосовъ при выборахъ въ депутаты сейма, соединеніе Венгріи съ Трансильваніей, привлеченіе дворянъ къ участію въ податяхъ и повинностяхъ, наконецъ, отмѣну крѣпостнаго права. Тотчасъ составлено было венгерское министерство, въ которомъ графъ Людвигъ Баттіани занялъ мѣсто предсѣдателя, а Людвигъ Кошутъ — министра финансовъ. Въ глазахъ національной венгерской партіи, эта уступка не заключала

Digitized by Google

въ себѣ ничего, кромѣ подтвержденія тѣхъ правъ венгерскаго народа, которыя давно уже заключались въ основныхъ законахъ страны. Мадьяры хотѣли этимъ нововведеніемъ ограничить не конституціонныя права своего государя, а только посягательства австрійскихъ министровъ на венгерскую конституцію. Но вѣнскій дворъ смотрѣлъ на учрежденіе національнаго и самостоятельнаго министерства для Венгріи какъ на шагъ къ совершенному отдѣленію этой страны отъ Австріи и опасался, не потребовали бы такой же самостоятельности другія области, какъ-то Галиція, Чехія, австрійская Италія. Подозрѣнія двора усилились, когда Кошутъ и новое венгерское министерство отказались отъ участія въ уплатѣ австрійскаго государственнаго долга, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ накопленъ былъ безъ согласія венгерскаго сейма и для цѣлей вовсе чуждыхъ Венгріи. Эта крутая мѣра, въ которой венгерское министерство скоро раскаялось, вызвала во всей Австріи, особенно же въ Вѣнѣ сильнѣйшее негодованіе, такъ-какъ осуществленіе этой мѣры должно было разорить множество семействъ.

Замкнутое національное устройство, которое получила Венгрія, возбудило зависть и недовѣріе въ южныхъ славянахъ, а именно въ сербахъ и хорватахъ, которые не хотѣли признать надъ собою власти новаго венгерскаго министерства и новаго пештскаго сейма, составленнаго на основаніи закона о всеобщей подачѣ голосовъ. Мадьяры издревле были слишкомъ горды, чтобы привлечь къ себѣ славянъ и уравнять ихъ съ собою. Даже въ эту критическую минуту, когда столкновеніе съ Австріей было весьма вѣроятно, Кошутъ не могъ освободиться отъ національнаго предразсудка, въ силу котораго венгерское племя считало себя несравненно благороднѣе всѣхъ другихъ, населяющихъ Венгрію, племенъ, и отказывало имъ въ политической полноправности. Тогда сербы (13-го мая) составили большое національное собраніе, провозгласили себя самостоятельнымъ народомъ и избрали своимъ патріархомъ архіепископа карловицкаго Раячича, предводителемъ же своей вооруженной силы—Стратимировича. Австрійскій дворъ быстро сообразилъ, какъ выгодно для него несогласіе между славянами и мадьярами и назначилъ барона Еллачича, полковника австрійской службы, баномъ и намѣстникомъ Кроаціи. Еллачичъ, не обладая особенно блестящими талантами, былъ предпріимчивый и хитрый человѣкъ, пользовался полнымъ довѣріемъ правительства, благодѣяніями котораго осыпанъ былъ съ ранней юности. Онъ преданъ былъ идеѣ австрійскаго единства, ибо только въ единой и сильной Австріи Кроація, по его воззрѣнію, могла удерживать свою не-

Digitized by Google

зависимость, могла не подчиняться мадьярамъ. Еллачичъ получилъ отъ двора тайныя инструкціи, направленныя противъ Венгріи, но явно — пока не пришло еще время открытаго разрыва съ Венгріей—ему предписано было повиноваться пештскому министерству. Для вида, журили его за неповиновеніе, даже уволили отъ должности, но впослѣдствіи, когда настала благопріятная минута, дали ему другое, еще высшее назначеніе.

Кошутъ, видя опасность, которою грозили венграмъ сербы и хорваты, предугадывая тайные замыслы двора и желая, на всякій случай, обезопасить свою страну, настоялъ на томъ, чтобы сеймъ выпустилъ на 42 мильйона гульденовъ бумажныхъ денегъ и набралъ 200,000 человѣкъ національнаго войска. Въ то время, когда венгры съ величайшимъ ожесточеніемъ ратовали противъ сербовъ въ Банатѣ, Еллачичъ напалъ на венгровъ въ ихъ собственной странѣ, но былъ разбитъ при Веленче 29-го сентября. Требованіе его относительно передачи крѣпости Коморна, осталось неисполненнымъ; венгерскіе полководцы, Баттіани и Перчель, принудили его отступить къ австрійской границѣ.

Жалобы венгерцевъ на поступки Еллачича дворъ оставилъ сначала безъ всякаго вниманія, и Кошутъ отважился, наконецъ, на рѣшительный шагъ—учредилъ особый комитетъ для защиты страны, во главѣ котораго сталъ самъ. Эрцгерцогъ Стефанъ, палатинъ Венгріи, сложилъ съ себя свой санъ и тайно выѣхалъ изъ этой неспокойной страны. Тогда императоръ назначилъ намѣстникомъ своимъ въ Пештѣ генерала Ламберга, поручивъ ему военную и гражданскую власть. Это было очевиднымъ нарушеніемъ не только обѣщаній, данныхъ императоромъ на послѣднемъ сеймѣ въ Пресбургѣ, но даже и старинной домартовской конституціи, по которой король Венгріи не имѣлъ правъ на такое назначеніе. Ламбергъ, предъ самымъ вступленіемъ своимъ въ новую должность, былъ умерщвленъ раздраженною народною толпою на дунайскомъ мосту въ Пештѣ. Сеймъ выразилъ свое отвращеніе къ совершонному преступленію и назначилъ, для его раскрытія, строгое слѣдствіе, которое, впрочемъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не могло имѣть никакихъ результатовъ. Императоръ издалъ послѣ этого манифестъ (3-го октября), въ силу котораго сеймъ былъ распущенъ и намѣстникомъ въ Венгріи назначенъ банъ Еллачичъ. Вручивъ неограниченную власть надъ Венгріей хорватскому бану, уже разъ уволенному отъ должности за возмутительныя дѣйствія, императоръ, въ глазахъ венгровъ, къ нарушенію законовъ присоединилъ еще поруганіе надъ мадьярскою націей, которое дѣ-

Digitized by Google

лало неизбѣжнымъ совершенный разрывъ. Сеймъ протестовалъ противъ императорскаго манифеста, объявилъ его, ссылаясь на венгерскую конституцію, незаконнымъ, и постановилъ: признать Еллачича, въ случаѣ его непріятельскихъ дѣйствій, государственнымъ преступникомъ.

Между тѣмъ, на тронѣ Австріи произошла перемѣна. Францъ-Іосифъ занялъ мѣсто императора Фердинанда. Покореніе Венгріи поручено было князю Виндишгрецу, который въ молодости считался способнымъ кавалерійскимъ офицеромъ, но военныхъ талантовъ никогда и нигдѣ не обнаруживалъ. Со времени усмиренія пражскихъ и вѣнскихъ революціонеровъ, онъ пользовался славою человѣка, способнаго побѣждать всякихъ бунтовщиковъ. Венгерскій сеймъ призналъ отреченіе Фердинанда отъ императорскаго престола, но племянника его, Франца-Іосифа, не желалъ признавать венгерскимъ королемъ. Продолжая дѣйствовать именемъ отрекшагося государя, сеймъ утверждалъ, что онъ въ правѣ не вручать короны тому, кто хочетъ овладѣть ею чрезъ нарушеніе законовъ страны. Венгерское министерство, во главѣ котораго стоялъ уже Кошутъ, съ величайшею ревностію занялось приготовленіями къ войнѣ, и нація содѣйствовала ему съ свойственнымъ ей жаромъ и увлеченіемъ. Но все надобно было создавать вновь, ибо если и существовали венгерскіе полки, то не было венгерской арміи. Между тѣмъ, какъ армія Виндишгреца состояла бо́льшею частію изъ опытныхъ воиновъ, вновь набранныя мадьярскія войска необходимо было сначала еще пріучить къ военной службѣ. Поэтому представлялось выгоднымъ заманить врага внутрь страны, чтобы бороться съ нимъ сколько-нибудь успѣшно. Кошутъ рѣшился оставить Пештъ и съ сеймомъ удалился въ Дебреченъ, средоточіе мадьярской земли, чтобы оттуда войти въ переговоры съ Виндишгрецомъ. Мадьярская депутація, во главѣ которой стоялъ графъ Людвигъ Баттіани, отправлена была къ Виндишгрецу съ мирными предложеніями. Сіятельный полководецъ не принялъ ея и требовалъ отъ венгровъ полнѣйшей покорности: онъ ссылался на прагматическую санкцію, противъ которой, впрочемъ, въ данномъ случаѣ, погрѣшили скорѣе австрійцы, чѣмъ венгры.

5-го января Виндишгрецъ вошелъ въ оставленный большинствомъ жителей Пештъ. Графъ Шликкъ, командовавшій армейскимъ корпусомъ подъ начальствомъ Виндишгреца, разбилъ венгерскаго генерала Мессароша при Кашау, сербы же отразили нападеніе полковника Кисса при „Римскихъ укрѣпленіяхъ". На западѣ и югѣ операціонный планъ австрійцевъ выполненъ былъ также съ успѣхомъ. Но австрійскій генералъ Пухнеръ, который

Digitized by Google

изъ Седмиградья, сообразуясь съ движеніемъ главной арміи, долженъ былъ, по направленію къ Араду, проникнуть въ марошскія земли и напасть на венгровъ съ тылу, встрѣтилъ сильнаго противника въ генералѣ Бемѣ, поступившемъ, по сдачѣ Вѣны, въ венгерскую службу. Бемъ, имѣвшій сначала въ своемъ распоряженіи очень немного войска, былъ, благодаря распорядительности Кошута, подкрѣпленъ значительнымъ отрядомъ. Подъ начальствомъ Бема, кромѣ ополченцевъ-гонведовъ, собралось все, что осталось отъ академическаго легіона по взятіи Вѣны, отрядъ польскаго легіона и секлерская конница. Съ тѣхъ поръ, какъ въ войнѣ принялъ участіе Бемъ, соединявшій мужество и военную опытность съ человѣколюбивымъ сердцемъ, война приняла болѣе правильный характеръ, венгры меньше стали совершать безполезныхъ жестокостей. Австрійцы, въ первой половинѣ января 1849 г., были разбиты въ цѣломъ рядѣ сраженій. Отрядъ Пухнера, находившійся въ Седмиградіи, былъ совершенно отрѣзанъ отъ остальныхъ австрійскихъ войскъ. Долина Тиссы и Мароша и тылъ венгерской арміи были этимъ совершенно обезопасены. Кромѣ Бема, еще другой полякъ, генералъ Дембинскій, получившій извѣстность въ 1831 году, прибылъ изъ Парижа въ Дебречинъ и принялъ отъ Кошута команду надъ многочисленнымъ отрядомъ. Присутствіе этихъ двухъ польскихъ генераловъ, многихъ польскихъ офицеровъ и цѣлаго корпуса войскъ этой націи, сдѣлалось, въ концѣ концовъ, для Венгріи гибельнымъ, несмотря на многія услуги, оказанныя мадьярамъ поляками на полѣ битвъ; ибо борьба получила чрезъ это болѣе революціонный, чѣмъ національный характеръ.

Венгры имѣли нѣсколько отличныхъ генераловъ, гораздо болѣе чѣмъ сардинцы въ 1848 и 49 годахъ; это были: Клапка, Феттеръ, Киссъ, Дамьяничъ, братья Перчели; но больше всѣхъ прославился Артуръ Гёргей. Гёргей обладалъ великимъ полководческимъ талантомъ. Бывъ дотолѣ въ австрійской службѣ только лейтенантомъ и не видавъ никогда войны, онъ въ самомъ началѣ венгерской кампаніи отличился стратегическимъ взглядомъ, глубокимъ соображеніемъ, неистощимою энергіею и хладнокровнымъ мужествомъ, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ, получилъ главное начальство надъ венгерскимъ войскомъ и обратилъ въ ничто весь военный планъ австрійцевъ. Но честолюбіе Гёргея, его непокорность къ какому бы то ни было начальству, зависть къ чужимъ заслугамъ, эгоизмъ и жестокость стали обнаруживаться уже въ началѣ его поприща. Молодаго графа Зичи, принадлежавшаго къ одной изъ первыхъ фамилій страны, онъ велѣлъ повѣсить за тайныя сношенія съ Еллачичемъ и за

Digitized by Google

распространеніе прокламацій этого хорватскаго вождя: приговоръ крайне строгій, ибо во времена революцій и гражданскихъ войнъ, понятія о правѣ и справедливости бываютъ обыкновенно помрачены, борющіяся партіи понимаютъ тогда законъ и долгъ весьма различно.

Въ жестокую зиму Гёргей, несмотря на упорное сопротивленіе австрійцевъ, прошелъ черезъ Карпаты, соединился съ Клапкою при верхней Тиссѣ и принудилъ Шлика очистить, съ огромными потерями, всѣ прежде занятыя имъ позиціи и уступить всю верхнюю Тиссу венграмъ. Послѣ того, какъ Гёргей искусными манёврами очистилъ путь къ Кашау, венгры сосредоточили здѣсь 36,000 человѣкъ, надъ которыми главное начальство поручено было Дембинскому. Но при Копольнѣ Дембинскій былъ (28-го февраля 1849 года) разбитъ австрійцами и скоро послѣ того сложилъ съ себя команду. Говорятъ, будто Гёргей, изъ зависти къ Дембинскому, не исполнилъ въ точности его приказаній во время сраженія, и будто потомъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ венгерскихъ командировъ, онъ составилъ формальный комплотъ противъ польскаго генерала. Паденіе Дембинскаго поколебало въ арміи значеніе Кошута, которымъ приглашенъ былъ этотъ польскій генералъ.

21-го января въ Седмиградіи, подлѣ самаго Германштадта, Бемъ былъ разбитъ многочисленнымъ австрійскимъ отрядомъ генерала Пухнера, но скоро оправился, стянулъ къ себѣ подкрѣпленія и сдѣлался столь страшенъ, что австрійскій генералъ долженъ былъ обратиться за помощью къ русскимъ, стоявшимъ подъ начальствомъ Лидерса, въ Валахіи. Въ первыхъ числахъ февраля, десятитысячный русскій отрядъ перешелъ трансильванскую границу и занялъ города Кронштадтъ и Германштадтъ. Бемъ соединился послѣ этого съ родственными маджарамъ и преданными ихъ дѣлу секлерами, вытѣснилъ австрійцевъ и русскихъ изъ Германштадта и принудилъ часть союзныхъ войскъ удалиться въ Валахію. Вся Седмиградія, за исключеніемъ одной небольшой крѣпости (Карлсбургъ), находилась теперь во власти венгровъ. Въ мартѣ сербы Морицомъ Перчелемъ были разбиты въ трехъ кровавыхъ сраженіяхъ: при Цомборѣ, Сиригѣ и Оргосѣ. Римскія укрѣпленія были взяты приступомъ и Петервардейнъ освобожденъ. Въ другихъ мѣстностяхъ Венгріи императорскія войска потерпѣли еще чувствительнѣйшія потери. При Чолнокѣ одна австрійская бригада была почти истреблена Дамьяничемъ (5-го марта 1849 г.); Коморнъ, важнѣйшій въ стратегическомъ отношеніи пунктъ Венгріи, осажденный австрійцами, былъ освобожденъ Гёргеемъ, которому

Digitized by Google

теперь поручено было начальство надъ верхнеисской арміей. При Мискольчѣ разбиты были двѣ австрійскія бригады. Во всѣхъ, освобожденныхъ отъ австрійцевъ мѣстностяхъ, организовалось народное ополченіе.

Послѣ многихъ, неудачныхъ для австрійцевъ сраженій, Виндишгрецъ вынужденъ былъ отступить къ Пешту, и этому успѣху венгровъ болѣе всего содѣйствовалъ Гёртей своимъ рѣдкимъ умѣньемъ соединить смѣлость съ осторожностью. Имя его, послѣ имени Кошута, было популярнѣйшимъ въ цѣлой странѣ, и всего болѣе въ арміи. Въ ночь съ 23-го на 24-е апрѣля австрійцы тайно оставили Пештъ, гдѣ венгерскія войска встрѣчены были населеніемъ съ безконечнымъ восторгомъ. Виндишгрецъ оказался ниже своей задачи и сложилъ съ себя главное начальство; но мѣсто его занялъ такой же бездарный генералъ Вельденъ. Вельденъ оставилъ въ Будѣ сильный гарнизонъ, подъ начальствомъ храбраго Генци, съ приказаніемъ защищаться до послѣдней крайности. Банъ Еллачичъ возвратился съ остатками своего войска въ Кроацію.

Въ Вѣнѣ, 4-го марта 1849 года, обнародована была конституція для всего государства. Этою конституціей уничтожались частныя права и учрежденія отдѣльныхъ коронныхъ земель, даже старинныя венгерскія вольности. Узнавъ эту новость, Кошутъ предложилъ сейму свергнуть съ престола венгролотарингскую династію и объявить государя Венгріи виновнымъ въ измѣнѣ мадьярамъ и въ нарушеніи присяги. Предложеніе Кошута единогласно принято было обѣими палатами сейма. Въ тотъ же день Кошутъ нареченъ былъ главою венгерскаго правительства и получилъ порученіе составить новое министерство. Вопросъ о формѣ правленія въ новомъ самобытномъ мадьярскомъ государствѣ, предоставленъ былъ рѣшенію сейма.

Съ этихъ поръ возстаніе Венгріи противъ Австріи перестало быть національною борьбой за старинныя, нарушенныя Австріей вольности, а сдѣлалось европейскою войною. Австрія, лишившись Венгріи, сдѣлалась бы второстепенною державою; а если-бы такая же перемѣна послѣдовала и въ другихъ коронныхъ австрійскихъ земляхъ, то имперія должна была бы прекратить свое существованіе. Чтобы произвести такую перемѣну въ политическихъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ, мадьяры должны были имѣть болѣе силъ, чѣмъ ихъ оказывалось въ наличности. На иностранную помощь трудно было надѣяться, да и въ самомъ венгерскомъ лагерѣ начались несогласія, обнаружившіяся тотчасъ же послѣ революціоннаго рѣшенія сейма 14-го апрѣля. Защищать конституцію и короля Фердинанда противъ

Digitized by Google

австрійскаго произвола и императора Франца-Іосифа, многимъ дворянамъ и офицерамъ казалось дѣломъ законнымъ, вовсе не противнымъ даже монархическому образцу мыслей. Но лишить престола династію и уничтожить королевскую власть, хотя бы только на нѣкоторое время, многимъ казалось попраніемъ всѣхъ національныхъ преданій и дѣломъ революціи, преступленіемъ, какъ предъ судомъ политики, такъ и предъ судомъ нравственности.

Кошутъ и его приверженцы, чтобы имѣть успѣхъ, должны были, по крайней мѣрѣ, дѣйствовать рѣшительно. Австрійская армія была ослаблена и упала духомъ, оставляя Пештъ; мадьяры же, напротивъ, воодушевлены были радостнымъ сознаніемъ своей побѣды. Главная венгерская сила, подъ начальствомъ Гёргея, Клапки, Дамьянича и Феттера, простиравшаяся до 70,000 человѣкъ, стояла по обоимъ берегамъ Дуная, отъ Пешта до Коморна, и могла быть собрана въ самое короткое время. Она могла бы преслѣдовать отступавшихъ австрійцевъ и броситься въ Вѣну. Радекцій не могъ остаться безъ войска въ Италіи; чуждая помощь была еще далеко. Почетныя мирныя условія могли быть предложены венграмъ только въ Вѣнѣ. Но вмѣсто того, чтобы идти на австрійскую столицу, Гёргей получилъ приказаніе, во что бы то ни стало, взять Буду, имѣвшую, въ стратегическомъ отношеніи, лишь второстепенное значеніе. Мадьяры не хотѣли далѣе оставлять въ рукахъ врага такое священное, по венгерскимъ преданіямъ, мѣсто, какъ Буда. Этому моментальному увлеченію чувства венгры пожертвовали своими интересами. Другое роковое обстоятельство заключалось въ томъ, что ни Кошутъ, ни его ближайшіе приверженцы вовсе не предполагали, чтобы оставленный Вильденомъ гарнизонъ былъ способенъ къ сильному и продолжительному сопротивленію. Осада Буды потребовала цѣлаго армейскаго корпуса и продолжалась до 21-го мая. Гёргей взялъ эту крѣпость штурмомъ.

Венгры пожелали отдохнуть отъ трудовъ продолжительной войны и отпраздновали въ Пештѣ свои побѣды. Городъ Пештъ и его окрестности превратились въ обширное гульбище; всюду слышались пѣсни и музыка. Кошутъ встрѣченъ былъ въ Пештѣ съ великимъ торжествомъ, и самъ онъ поддался впечатлѣнію минуты, почитая Венгрію вполнѣ спасенною. Сеймъ, который также перебрался изъ Дебречина въ Пештъ, полонъ былъ самыхъ свѣтлыхъ упованій.

Между тѣмъ, какъ венгерскія войска осаждали Буду, австрійцы стали оправляться отъ своихъ пораженій и стягивать со всѣхъ сторонъ подкрѣпленія. Но такъ-какъ, ограничиваясь соб-

Digitized by Google

ственными силами, они не могли одолѣть венгровъ, то австрійскій дворъ, смиривъ свою гордость, обратился за помощью къ Россіи.

2-го мая 1849 года было подписано условіе между Россіею и Австріей. Мая 21-го, императоры русскій и австрійскій видѣлись въ Варшавѣ, гдѣ заключены были окончательныя условія относительно русскаго вмѣшательства и общаго плана дѣйствій. По разсмотрѣніи зрѣлости и при хладнокровіи, венгры такой оборотъ дѣла могли предвидѣть заранѣе, ибо Россія имѣла свои причины поддерживать Австрію. Но какъ всегда, такъ и въ этомъ случаѣ, они взглянули-было на положеніе свое крайне оптимистически. Когда же невозможно было болѣе скрывать отъ себя грозную истину, они напрягли всѣ свои усилія, чтобы отразить новаго врага.

Борьба на жизнь и смерть началась въ срединѣ іюня. Побѣда была уже для венгровъ невозможна, и дѣло шло только о томъ, чтобы пасть со славою. Всѣ венгерскія силы, по исчисленію Кошута, простирались не свыше 170,000 человѣкъ, разсѣянныхъ на весьма обширномъ пространствѣ. Изъ этихъ 170,000 около 20,000 распредѣлены были по различнымъ укрѣпленнымъ пунктамъ и не могли быть употреблены въ дѣло на открытомъ полѣ. Противъ венгровъ ратовали: 85,000 австрійцевъ, подъ начальствомъ предпріимчиваго Гайнау, 25,000 хорватовъ и сербовъ, подъ предводительствомъ Еллачича, австро-русско-седмиградская армія въ 45,000 человѣкъ, наконецъ, русское восьмидесятитысячное вспомогательное войско, подъ начальствомъ Паскевича. Австрійцы и русскіе имѣли, кромѣ того, многочисленные резервы и легко могли восполнять свои потери, между тѣмъ, какъ мадьяры ограничены были въ своихъ средствахъ и выставили уже все, что можно было выставить въ поле.

Война началась въ Седмиградіи. Бемъ мужественно и искусно сопротивлялся превосходнымъ силамъ русскихъ и австрійцевъ. Съ необыкновенною быстротой являлся онъ то на одномъ, то на другомъ пунктѣ и ни на минуту не давалъ покоя непріятелю. Несмотря на все это, при Германштадтѣ онъ былъ разбитъ втрое сильнѣйшимъ Лидерсомъ. Вскорѣ послѣ этой неудачи, Бемъ отозванъ былъ Кошутомъ въ Венгрію, гдѣ его присутствіе было еще необходимѣе. По уходѣ Бема, война въ Седмиградіи велась слабо. На югѣ Венгріи храбрый, но слишкомъ поспѣшный генералъ, Морицъ Перчель, проигралъ сраженіе противъ хорватовъ и сербовъ, вслѣдствіе чего долженъ былъ сложить съ себя команду. Его преемникъ, генералъ Феттеръ, занялъ крѣпость Арадъ, напалъ на бана Еллачича при Эгіешѣ и

Digitized by Google

разбилъ его (11-го іюля). Гёргей, во главѣ сорокатысячнаго отряда, летѣлъ прорвать центръ гораздо сильнѣйшей австрійской главной арміи, чтобы потомъ имѣть возможность истребить отдѣльные корпуса ея поодиночкѣ, до прихода Паскевича, но былъ дважды разбитъ генераломъ Гайнау — при Цсигардѣ, потомъ при Коморнѣ—и раненъ. Клапка, заступившій его мѣсто, рѣшился на новое сраженіе при Коморнѣ, но опять неудачно. Смѣлыя нападенія венгровъ разбивались о превосходство австрійскихъ силъ и объ искусныя диспозиціи генерала Гайнау. Противъ Паскевича дѣйствовалъ сначала Дембинскій съ восьмнадцатитысячнымъ отрядомъ, но долженъ былъ отступить передъ напоромъ 80,000 русскихъ. Неутомимый Гёргей прибылъ на помощь къ Дембинскому, разбилъ авангардъ русскихъ при Вайценѣ, но, при появленіи Паскевича, долженъ былъ броситься въ горы, и тамъ мастерскимъ маневромъ съумѣлъ ускользнуть отъ трехъ русскихъ армейскихъ корпусовъ, пытавшихся его запереть.

Видя неудачу, Кошутъ съ сеймомъ удалился изъ Пешта въ Сегединъ, куда направилъ путь свой и Гайнау. Дембинскій долженъ былъ сдерживать Гайнау, но 9-го августа, при Темешварѣ, былъ такъ разбитъ, что армія его почти исчезла.

Съ самаго начала этого второго похода между венгерскими вождями не было необходимаго согласія, а въ ихъ дѣйствіяхъ—общаго плана. Солдаты, наконецъ, утомились безплоднымъ блужданіемъ изъ стороны въ сторону. Кошутъ былъ замѣчательная, въ своемъ родѣ рѣдкая натура, но не будучи самъ военнымъ, не имѣлъ довольно авторитета, чтобы обуздывать своевольныхъ генераловъ. Кошутъ болѣе способенъ былъ воодушевлять массы, нежели подчинять себѣ отдѣльныя личности. Какъ истинный либералъ, онъ имѣлъ отвращеніе къ деспотизму и насилію и не хотѣлъ вѣрить, что безъ употребленія насильственныхъ средствъ революціонныя движенія лишаются необходимаго единства и уступаютъ вооруженной силѣ.

Послѣ темешварскаго сраженія (9-го августа) венгерскія войска совершенно упали духомъ. Наконецъ, Гёргей порѣшилъ дѣло. Онъ давно уже отчаялся въ возможности успѣха и желалъ положить конецъ анархіи и кровопролитной войнѣ. Но онъ выбралъ для этого средство, которое было недостойно ни его славы, ни всего его прошедшаго. Гёргей вошелъ въ тайные переговоры съ Паскевичемъ, относительно капитуляціи своихъ войскъ съ цѣлью положить конецъ безполезному кровопролитію. По всей, вѣроятности, онъ не предложилъ при этомъ никакихъ условій, высказавъ лишь желаніе сдаться русскимъ, а не австрійцамъ.

Digitized by Google

Судя по послѣдствіямъ, онъ просилъ пощады только для себя. Въ силу этого предварительнаго соглашенія, Гёргей занялъ позиціи внутри непріятельскихъ линій и 13-го августа, при Вилагошѣ, положилъ оружіе передъ русскимъ генераломъ Ридигеромъ. Что Гёргей безпрепятственно могъ осуществить свой планъ, это объясняется только тѣмъ слѣпымъ довѣріемъ, которое имѣли къ нему войска, и тѣмъ чувствомъ безпомощности, которое овладѣло арміей: во всякомъ дѣлѣ, чѣмъ больше напряженіе, тѣмъ глубже бываетъ упадокъ духа, въ случаѣ совершенной неудачи. Всѣ венгерскіе корпуса были распущены, крѣпости сдались на волю побѣдителей. Только коморнскій гарнизонъ, которымъ командовалъ Клапка, удостоился почетной капитуляціи. Кошутъ, Дембинскій, Морицъ Перчель, многіе поляки и итальянцы бѣжали въ турецкія владѣнія.

При Вилагошѣ русскимъ сдались не только подчиненные Гёргея, но и многія другія лица, стоявшія въ первыхъ рядахъ революціи—министры, члены сейма, многіе высшіе сановники. Долгое время, пока всѣ они находились въ русскомъ лагерѣ, съ ними обращались человѣчно, но потомъ, въ рукахъ австрійцевъ, потерпѣли они горькую участь. Гайнау началъ съ того, что въ Пештѣ и Арадѣ учредилъ военные суды, которыми многія прославившіяся въ этой войнѣ личности приговорены были къ разстрѣлянію, многія же къ повѣшенію. Такъ печально окончилъ дни свои Людвигъ Баттіани, бывшій венгерскій министръ, назначенный на эту должность самимъ императоромъ, престарѣлый Переньи, предсѣдатель верхней палаты венгерскаго сейма, министръ Чаньи, генералъ Киссъ, Лазаръ, Десёффи, графъ Вексай, графъ Лейнингенъ, Аулихъ, Пельтенбергъ, Наги-Сандоръ, Дамьяничъ и многіе другіе. Всѣ они встрѣтили смерть мужественно. Храбрый Дамьяничъ послѣ всѣхъ приковывалъ на своей деревяшкѣ къ висѣлицѣ и хладнокровно сказалъ: „Странное дѣло! а бывало я всюду поспѣвалъ прежде всѣхъ". 6-го октября, въ годовщину убіенія Латура, Венгрія увидѣла цѣлую гекатомбу очистительныхъ жертвъ. Имѣнія казненныхъ и бѣжавшихъ, изъ которыхъ многіе были очень богаты, правительство конфисковало.

Гёргей былъ пощаженъ, потому что находился подъ русскимъ покровительствомъ. Мѣстопребываніемъ его назначенъ былъ Клагенфуртъ.

Турецкія власти приняли венгерскихъ бѣглецовъ радушно и отправили ихъ сначала въ Виддинъ, потомъ въ Шумлу. Австрія потребовала отъ султана выдачи значительнѣйшихъ изъ этихъ бѣглецовъ, но онъ благородно отказался исполнить это требо-

Digitized by Google

ваніе. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Бемъ, перешли въ исламъ, чтобы такимъ образомъ имѣть болѣе вліянія на Порту въ пользу своихъ политическихъ мнѣній. Кошутъ удалился впослѣдствіи въ Англію, а затѣмъ въ Американскіе Соединенные Штаты и былъ съ одушевленіемъ принятъ какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Нью-Йоркѣ. Устнымъ и печатнымъ словомъ онъ всюду старался дѣйствовать въ пользу своего несчастнаго отечества.

Надъ всею Венгріей распространился военный деспотизмъ. Казни, тюремное заключеніе, конфискація имуществъ стали дѣломъ обыкновеннымъ. Свыше ста тысячъ венгерцовъ пали въ войнѣ, болѣе 50,000 были взяты въ австрійскую службу. Много лѣтъ страна оставалась въ какомъ-то тупомъ усыпленіи. Нетолько старинная конституція была уничтожена, но и цѣлость государства была нарушена чрезъ отдѣленіе отъ Венгріи странъ: Кроаціи, Седмиградіи и Воеводины. Въ это печальное для Венгріи время нельзя было и думать о какомъ-либо дальнѣйшемъ сопротивленіи, и несчастный народъ съ скрытою горестію, въ сердцѣ понесъ наложенное на него иго, но не потерялъ надежды на лучшее будущее.

Италія въ 1848 и 1849 годахъ.

Положеніе Италіи въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.—Надежды итальянскихъ патріотовъ на сардинскаго короля.—Вступленіе Пія IX на папскій престолъ.—Реформы Пія IX.—Смуты въ королевствѣ обѣихъ Сицилій.—Неаполитанская конституція.—Сардинскій государственный уставъ.—Римскій основный уставъ.—Непрочность римской конституціи.—Политическое движеніе въ Миланѣ и Венеціи.—Возстаніе въ Миланѣ.—Неудачи Радецкаго.—Возстаніе въ Венеціи.—Борьба Карла-Альберта съ Австріей.—Помощь, поданная сардинцамъ папою и неаполитанцами.—Битвы при Санта-Лучіи и Гойто.—Подвиги Гарибальди. — Сардинцы овладѣваютъ Пескьерой.—Неудачи сардинцевъ при Кустоццѣ и Соммакомпаньѣ.—Радецкій въ Миланѣ.—Начало реакціи въ Неаполѣ и Римѣ.—Возстаніе въ Неаполѣ 15 мая 1848 г.—Торжество реакціи.—Сардинцы лишаются неаполитанской помощи.—Генералъ Пепе не повинуется приказанію неаполитанскаго короля.—Министерство Росси въ Римѣ.—Бѣгство папы въ Газту (25 ноября 1848).—Демократическое движеніе въ Тосканѣ.—Министерство Гверацци въ Тосканѣ.—Республика въ Римѣ и Флоренціи.—Фердинандъ II лишенъ сицилійскаго престола.—Переговоры сицилійцевъ съ Карломъ-Альбертомъ.—Засѣданія неаполитанскихъ палатъ въ началѣ іюля 1848 г.—Война Неаполя съ Сициліей.—Неаполитанцы овладѣваютъ Мессиной.—Перемиріе.—Осада Катаньи.—Неаполитанцы овладѣваютъ Катаньей (6 апрѣля 1849).—Филанджьери въ Палермо (17 мая 1849).—Возобновленіе австро-сардинской войны.—Хржановскій и Раморино.—Пораженіе сардинцевъ при Мортарѣ и Новарѣ (23 марта).—Миръ Сардиніи съ Австріей.—Печальная участь Брешіи.—Порядокъ водворяется въ Генуѣ и Флоренціи, въ Венеціи и Церковной области.—Французское вмѣшательство въ римскія дѣла.—Римляне мужественно отстаиваютъ свою свободу.—Порядокъ водворяется въ Римѣ.

Послѣ того, какъ возстаніе итальянцевъ подавлено было, въ 1831 году, австрійскими войсками, для Италіи, повидимому,

Digitized by Google

погибла всякая надежда на лучшее будущее. Судебныя и административныя реформы, обѣщанныя въ 1831 году папою Григоріемъ XVI, по настоянію пяти могущественныхъ европейскихъ державъ, не были приведены въ исполненіе. Окруживъ себя царедворцами, прелатами, негнушавшимися разыгрывать роль шутовъ, людьми ничтожными и безнравственными, папа Григорій XVI, за роскошными пирами и забавами, пренебрегалъ дѣлами государства. Пятнадцатилѣтнее царствованіе его ознаменовано частыми возстаніями, которыя подавляемы были крайне жестокими мѣрами. Всѣ провинціи находились въ осадномъ положеніи, военный судъ не прекращалъ своихъ дѣйствій, тюрьмы и мѣста ссылки были переполнены осужденными; висѣлица и эшафотъ соперничали другъ передъ другомъ. Кардиналъ Бернетти и преемникъ его по должности государственнаго секретаря, кардиналъ Ламбрускини, были неутомимы въ своихъ усиліяхъ раздавить „гидру свободы". Въ королевствѣ Неаполитанскомъ, введеные послѣ революціи 1821 года, временные законы не были отмѣнены и до самаго 1848 года оставались страшнымъ орудіемъ въ рукахъ враждебной народу администраціи. Въ правительствѣ Тосканскомъ не исчезла наслѣдственная кротость Лотарингскаго дома, но политическій застой, въ который погружена была вся Италія, давалъ себя чувствовать и здѣсь. Въ Ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ, благодаря огромной военной силѣ, которую содержала здѣсь Австрія, не было открытыхъ возстаній, но образованные классы общества чувствовали неопреодолимое отвращеніе къ австрійскому владычеству. Австрія, въ союзѣ съ мелкими итальянскими государями и неаполитанскимъ королемъ, старалась стѣснить въ Италіи всякое движеніе въ области политики и литературы, пріучить населеніе къ тупой, безсознательной покорности властямъ. Противъ такого, тяготѣвшаго надъ всѣмъ полуостровомъ, гнета твердый, настойчивый итальянскій народъ защищался единственнымъ, находившимся въ его власти, оружіемъ: составленіемъ тайныхъ обществъ и заговоровъ. Многіе даровитые итальянцы, бѣжавшіе вслѣдствіе событій 1821 и 1831 года за границу, образовали въ Швейцаріи, Франціи, Англіи и Бельгіи нѣсколько политическихъ кружковъ или обществъ и постоянно поддерживали дружескія сношенія съ своими, оставшимися въ Италіи единомышленниками. Между итальянскими эмигрантами пріобрѣлъ особенную извѣстность генуэзецъ Мадзини, избравшій средоточіемъ своей дѣятельности англійскую столицу. Основавъ тайное общество подъ именемъ „Молодой Италіи", Мадзини мало по малу успѣлъ организовать многочи-

Digitized by Google

сланную партію, члены которой по первому его слову, готовы были броситься на самыя отчаянныя предпріятія. Всѣ движенія итальянскаго либерализма не послѣ бы впрочемъ далѣе тайныхъ заговоровъ и разрозненныхъ попытокъ къ возстанію, еслибы въ Италіи не было государства, которому удалось сохранить себя до нѣкоторой степени свободнымъ отъ вліянія Австріи. Савойскій королевскій домъ и сардинская армія могли дать національной партіи матеріальную опору, безъ которой всякое движеніе, направленное противъ австрійскаго гнета, было бы безъ труда подавлено. Владѣтельный савойскій домъ спасалъ быть чуждъ итальянскимъ интересамъ, но въ теченіе четырехъ вѣковъ породнился съ ними и питалъ наслѣдственную ненависть къ австрійскому правительству. Безъ сомнѣнія, сама по себѣ Сардинія была слишкомъ слаба для борьбы съ Австріей, но она могла образовать ядро общаго національнаго возстанія, благодаря своему благопріятному географическому положенію, вступивъ въ союзъ съ Франціею, какъ и въ давнопрошедшія времена. Оба послѣдніе короля изъ старшей линіи Савойскаго дома раздѣляли съ Австріей ненависть къ либеральнымъ идеямъ, но вовсе не были расположены ставить себя подъ защиту иной державы, всегда имѣли въ виду независимость Сардиніи. Изъ дипломатическихъ актовъ и корреспонденцій, относящихся къ тридцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія, видно, что сардинскіе государственные мужи, считавшіеся реакціонерами, сопротивлялись вліянію Австріи и сближались даже съ революціонною итальянскою партіей, когда это казалось необходимымъ для отраженія Сардиніи отъ несправедливыхъ притязаній австрійцевъ. Карлъ-Альбертъ, первый король изъ младшей линіи Карлиньяновъ, по восшествіи своемъ на престолъ безпрестанно преслѣдовали революціонныя интриги, но тѣмъ не менѣ не могъ держать себя вдали отъ австрійскаго вліянія. Въ виду возможности войны съ Австріей, Карлъ-Альбертъ старался усилить свое войско, отъ цѣли возвысить свою популярность, сдѣлалъ нѣкоторыя улучшенія въ политическихъ и административныхъ учрежденіяхъ Сардиніи. Въ 1847 году онъ заключилъ таможенный союзъ съ Римомъ и Тосканою. Наконецъ конституціонствовавшій народъ, онъ тѣмъ не менѣе старался высказать свою неповоротливость, совершать реформы сообразнымъ съ духомъ времени. Либеральная партія въ Италіи была обвиняемая, при бывшихъ обстоятельствахъ, этотъ просвѣщенный деспотъ способенъ сдѣлать великія услуги итальянскому дѣлу. Подъемъ въ тридцатыхъ и сорковыхъ годахъ былъ предтечею умственной жизни Италіи. Отличнѣйшіе научные и литературные та-

Digitized by Google

ланты, которые не были терпимы въ другихъ государствахъ полуострова, находили убѣжище въ Пьемонтѣ. Бо́льшая часть знаменитыхъ писателей, боровшихся за идею единства и независимости Италіи, или родились въ Пьемонтѣ или провели въ немъ свои лучшіе годы: отсюда родомъ были и многострадальный Сильвіо Пеллико, и философъ Джоберти, и историкъ Цезарь Бальбо, своими сочиненіями воодушевлявшіе всю Италію. Такъ-какъ литература на такой даровитый народъ, какъ итальянцы, имѣла всегда сильное вліяніе, то Пьемонту весьма выгодно было сдѣлаться средоточіемъ литературной школы, отстаивавшей лучшія стремленія итальянскихъ патріотовъ.

Первый толчокъ итальянскому движенію конца сороковыхъ годовъ данъ былъ однако не въ Сардиніи, а тамъ, гдѣ наименѣе его ожидали. Въ 1846 году, іюня умеръ другъ іезуитовъ и Австріи, папа Григорій XVI. Мѣсто его занялъ кардиналъ Мастаи Ферретти, подъ именемъ Пія IX. Новый папа пріобрѣлъ популярность съ первыхъ дней своего царствованія. Онъ даровалъ амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ, расширилъ права печатнаго слова, допустилъ мірянъ къ отправленію высшихъ государственныхъ должностей, созвалъ государственный совѣтъ изъ именитыхъ людей всѣхъ провинцій, далъ городу Риму либеральное общинное управленіе, увеличилъ число первоначальныхъ народныхъ школъ и дѣтскихъ пріютовъ, возстановилъ старинный университетъ въ Болоньѣ, учредилъ національную гвардію, обнародовалъ бюджетъ государственныхъ доходовъ и расходовъ. Всѣми этими нововведеніями, особенно амнистіей, принесшей жизнь и утѣшеніе тысячамъ осиротѣлыхъ семействъ, Пій IX до того очаровалъ національную партію, что было время, когда она помышляла поставить этого либеральнаго первосвященника во главѣ будущаго итальянскаго союзнаго государства. Но такъ-какъ для объединенія Италіи нужно было выдержать борьбу съ Австріей, одолѣть которую владыка Церковной области былъ не въ состояніи, то взоры итальянскихъ патріотовъ скоро снова устремились на Туринъ, въ которомъ была готовая матеріальная сила, способная подняться на освобожденіе Италіи.

Въ королевствѣ Неаполитанскомъ царствовалъ Фердинандъ II, нисколько несочувствовавшій нововведеніямъ Пія IX и несоглашавшійся ни на какія реформы въ своей странѣ. Закономъ Фердинанда была его собственная воля, орудіемъ его воли — іезуиты, опорою престола — большая армія и инквизиторская полиція. Народъ былъ недоволенъ правленіемъ этого короля, особенно же недовольна была Сицилія, потерявшая при Фердинандѣ

Digitized by Google

всѣ свои прежнія права и низведенная на степень неаполитанской провинціи. Съ давнихъ поръ уже замѣтно было на этомъ островѣ политическое броженіе, но въ началѣ 1848 года оно превратилось въ открытое возстаніе, вспыхнувшее сначала въ Палермо. Уже въ первыхъ числахъ января палермитяне на стѣнахъ своихъ домовъ могли прочесть такое объявленіе: „если правительство къ 12 января не дастъ Сициліи тѣхъ учрежденій, на которыя она имѣетъ права, то въ этотъ день народъ возьмется за оружіе, чтобы завоевать себѣ свои права". Правительство не придало серьёзнаго значенія этой угрозѣ и ограничилось нѣсколькими арестами. Но 12-го января, дѣйствительно, толпа храброй молодежи высыпала на улицы и подала знакъ къ возстанію. Слабые отряды войска, высланные противъ инсургентовъ, были разсѣяны. Къ вечеру, королевскій дворецъ, цитадель, казармы и всѣ наиболѣе важные пункты города были въ рукахъ инсургентовъ. На другой день неаполитанскіе солдаты принялись бомбардировать Палермо, но безъ успѣха. Всѣ сословія дружно соединились между собою и, при содѣйствіи подоспѣвшихъ во время горныхъ поселянъ, отстояли городъ. Успѣхи сицилійскаго возстанія встревожили Фердинанда и побудили его къ уступкамъ: 29-го января онъ торжественно обѣщалъ сицилійцамъ конституцію. Конституціонная хартія, почти цѣликомъ списанная съ французской, обнародована была 10-го февраля, но сицилійцы ея не приняли и требовали полной независимости отъ Неаполя. Эта неуступчивость островитянъ повела впослѣдствіи къ братоубійственной войнѣ между неаполитанцами и сицилійцами, вслѣдствіе которой оба эти народа подпали подъ прежнее иго.

Событія, совершившіяся въ Неаполѣ и Палермо, произвели сильное впечатлѣніе въ Туринѣ, и король Карлъ-Альбертъ, не желая уступать въ либерализмѣ Фердинанду неаполитанскому, далъ, 8-го февраля, сардинцамъ статутъ или конституціонную хартію, содержавшую почти всѣ существенныя основы политической свободы и весьма сходную съ французскою хартіей. Примѣру Карла-Альберта послѣдовалъ герцогъ тосканскій Леопольдъ II. Тосканская конституція была провозглашена 17-го февраля при громѣ пушекъ и среди радостныхъ восклицаній народа.

Волны этого новаго, усилившагося движенія проникли и въ Римъ. Пій IX только что обнародовалъ указъ о допущеніи мірянъ къ занятію министерскихъ должностей, какъ Болонья выступила съ просьбою о конституціи. Когда же коммисія, составленная изъ кардиналовъ и прелатовъ, занялась разсмотрѣніемъ этой просьбы, въ Римъ пришло извѣстіе о парижской революціи.

Digitized by Google

Папа счелъ необходимымъ уступить общественному мнѣнію, требовавшему новыхъ, широкихъ реформъ, и 15-го марта обнародовалъ государственный статутъ, который тѣмъ лишь отличался отъ другихъ конституціонныхъ хартій, что рядомъ съ двумя законодательными палатами поставилъ коллегію кардиналовъ, какъ высшій государственный совѣтъ. Папѣ и этой святой коллегіи предоставлено было статутомъ право отвергать всякое предложеніе палатъ. Инквизиція и доминиканскіе суды остались. Папа удержалъ за собою неограниченную власть въ дѣлахъ духовныхъ. Къ занятію государственныхъ должностей допущены были одни католики. Все свѣтское дозволено было печатать независимо отъ цензуры, но рѣшеніе вопроса: что̀ слѣдуетъ считать свѣтскимъ и что̀ духовнымъ, предоставлено было самой цензурѣ. Внутреннія противорѣчія, которыми страдала эта римская конституція, стремившаяся умѣстить подъ одною кровлею теократію и свободу, могли быть устранены развѣ только величайшею взаимною уступчивостію и миролюбіемъ противоположныхъ политическихъ партій; но объ этомъ нельзя было и думать при тогдашнемъ неспокойномъ состояніи умовъ. Каковы бы ни были однако недостатки этой конституціи, все же она представляла собою значительный шагъ впередъ и дозволяла подданнымъ папы надѣяться на еще болѣе широкія реформы.

Миланъ и Венеція не остались равнодушными къ перемѣнамъ, совершившимся въ средней и южной Италіи, и обнаружили крайнее недовольство австрійскимъ владычествомъ. Напрасно оффиціальныя и полуоффиціальныя австрійскія газеты доказывали, что миланцы и венеціанцы благоденствуютъ подъ отеческимъ управленіемъ Габсбурговъ, — никто не вѣрилъ имъ. На всѣ оптимистскіе возгласы оффиціальныхъ газетъ наиболѣе смѣлые итальянскіе подданные Австріи отвѣчали: „Въ 1815 году намъ обѣщано, патентомъ 7-го апрѣля, полное самоуправленіе, обѣщаны всѣ конституціонныя вольности, но ни одно̀ изъ обѣщаній не выполнено. До сихъ поръ мы платимъ больше налоговъ, чѣмъ остальныя провинціи Австріи (въ пропорціи 28: 16), общинное же самоуправленіе наше не имѣетъ никакой силы предъ безусловнымъ правительственнымъ *veto*. Школы наши профанируются антинаціональнымъ воспитаніемъ. Наши дѣти, благодаря рекрутскимъ наборамъ, постоянно высылаются въ Богемію, Австрію, Моравію, Венгрію; молодые же люди, увлекающіеся горячею любовію къ родинѣ и свободѣ, платятся за свое увлеченіе изгнаніемъ. Свобода печати подавлена. Таможни покровительствуютъ только австрійскимъ производителямъ и разоряютъ нашу промышленность. Самыя высокія и выгодныя должности сдѣла-

Digitized by Google

лись добычею иностранцевъ. Судебные процессы безконечны; судопроизводство совершается тайно, въ непроницаемомъ мракѣ. Шпіонство и доносы внѣдряются въ наши семейства; братъ, недонесшій на брата, наказывается какъ преступникъ. Но всего этого вамъ мало, австрійцы! Недовольные нашимъ порабощеніемъ, вы давите всю Италію, вы побуждаете государей Италіи къ деспотизму и тиранніи, чтобы ослабить контрастъ между ихъ управленіемъ и вашимъ. Солдаты и шпіоны—вотъ пружины вашего управленія—вашъ политическій принципъ; бѣдствія ссылки, муки тюремнаго заключенія—наша постоянная перспектива. Вы обращаетесь съ нами не какъ съ гражданами, а какъ съ побѣжденнымъ народомъ".

Еще въ сентябрѣ 1847 года въ Миланѣ произошло столкновеніе народа съ австрійскими солдатами, по поводу празднества, устроеннаго миланцами въ честь новаго архіепископа. Солдаты разогнали ликующую толпу съ площади и при этомъ убили и ранили нѣсколько человѣкъ. За такую жестокость народъ рѣшился отмстить австрійцамъ. Зная бѣдность австрійской казны, миланцы положили воздерживаться отъ всѣхъ продуктовъ, обложенныхъ таможенною пошлиной: дамы отказались отъ роскошныхъ нарядовъ, мужчины—отъ куренія табаку и сигаръ; подписка на лоттереи, приносившія правительству болѣе 8 мильйоновъ лиръ годоваго дохода, прекратилась, театры опустѣли. Когда переодѣтые солдаты и полицейскіе агенты появились (2 января 1848 г.), съ сигарами въ зубахъ, на общественномъ гуляньѣ, толпа осыпала ихъ насмѣшками. Дѣло дошло до драки, до арестовъ, а 3-го января и до кровопролитія. Съ саблями наголо, солдаты бросились на безоружную толпу миланцевъ и положили на мѣстѣ 20 человѣкъ убитыми и 60 ранеными. Въ этомъ числѣ были старики, женщины и дѣти. Пользовавшійся общимъ уваженіемъ 85-тилѣтній старецъ Опицони, священникъ миланскаго собора, явился, послѣ этого кровопролитія, къ вицекоролю и сказалъ ему: „Ваше высочество! на своемъ вѣку видѣлъ я много чужеземныхъ нашествій: русское, французское, австрійское; но никогда еще не видалъ, какъ убиваютъ безоружныхъ гражданъ. Какъ христіанинъ, какъ братъ, какъ служитель алтаря, я протестую противъ этихъ убійствъ". Эрцгерцогъ Райнеръ старался успокоить миланцевъ ласковыми словами, но австрійское правительство готовилось къ серьёзной борьбѣ. Маршалъ Радецкій, въ приказѣ своимъ, расположеннымъ въ Верхней Италіи, войскамъ, сказалъ (15-го января), между прочимъ, слѣдующее: „его величество императоръ рѣшился защищать Венеціанское королевство отъ всѣхъ нападеній, будутъ ли они из-

Digitized by Google

внутри или извнѣ. Солдаты съ гордостію повторяли замѣчательныя слова императора. О! вашу вѣрность и вашу храбрость разобьются всѣ преступныя усилія фанатизма, какъ грудь о твердый панцирь.

Вѣсть о революціи, совершившейся въ Вѣнѣ 13-го марта, взволновала всю Ломбардію. Въ Миланѣ вспыхнуло возстаніе, въ которомъ приняли участіе всѣ классы народонаселенія, духовные и міряне. Въ нѣсколько часовъ воздвигнуты были по всему городу баррикады. Маршалъ Радецкій едва успѣлъ выбѣжать изъ своего дворца, чтобы скрыться въ цитадели, господствующей надъ городомъ, и второпяхъ забылъ даже свою шпагу. Два милліона лиръ, хранившіяся въ различныхъ общественныхъ кассахъ, захвачены были инсургентами.

Но одолѣть Радецкаго было труднѣе, тѣмъ казалось это съ перваго раза. Въ рукахъ у него была цитадель; его солдаты занимали соборъ, нѣкоторые дворцы и ратушу. Австрійское войско, въ числѣ 14,000 человѣкъ, обложило городъ. Артиллерія у австрійцевъ была въ отличномъ состояніи, между тѣмъ какъ инсургенты могли располагать всего четырьмя стами ружей. Положеніе возставшихъ было крайне затруднительно. Заключенные въ городскихъ стѣнахъ, они не могли разсчитывать на бѣгство въ случаѣ неудачи. Отъ иноплеменныхъ солдатъ трудно было ждать пощады. Самъ полководецъ обѣщалъ разграбить городъ, въ случаѣ его дальнѣйшаго сопротивленія,—а Радецкій умѣлъ держать слово. Итакъ, миланцы могли разсчитывать только на свое мужество.

Жажда свободы придала миланцамъ не только мужества, но и находчивости. Все, что можно было превратить въ средство обороны, было отыскано и употреблено въ дѣло. Старинное оружіе было выкопано изъ музеевъ, ножи превращены въ кинжалы, зажигательныхъ снарядовъ, какъ-то: пороха, масла, купороса, оказалось достаточно, чтобы вредить австрійцамъ. Число баррикадъ умножалось быстро, и солдаты Радецкаго, находившіеся внутри города, были отрѣзаны отъ своихъ товарищей, осаждавшихъ городъ, и, частію, взяты въ плѣнъ. Съ плѣнниками миланцы обращались дружелюбно. Хотѣли-было они казнить графа Вольцу, бывшаго полицейскаго начальника, отличавшагося особенною жестокостію, но и того пожиловали. Марта 20-го Радецкій прислалъ въ городъ парламентера съ мирными предложеніями, но всѣ предложенія его были отвергнуты.

На третій день осады миланцы получили подкрѣпленіе изъ сосѣднихъ городовъ. Кромѣ того, многіе солдаты-итальянцы изъ

Digitized by Google

арміи Радецкаго перебѣжали къ осажденнымъ. На четвертый день побѣда начала склоняться на сторону миланцевъ, но городъ страдалъ уже отъ недостатка жизненныхъ припасовъ. Радецкій снова предложилъ мирныя условія, и нѣкоторые изъ вождей народа хотѣли согласиться на нихъ, но Каттинео возразилъ: „лучше умереть отъ голода, чѣмъ на висѣлицѣ". Рѣшившись защищаться до послѣдней крайности, миланцы образовали временное правительство, президентомъ котораго избранъ былъ Казатти, и военный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Литты.

22-го марта осажденнымъ удалось оттѣснить австрійцевъ отъ Тозскихъ и отъ Комскихъ воротъ. Обрадованные этимъ двойнымъ успѣхомъ, миланцы начали дѣйствовать наступательно. Радецкій вынужденъ былъ отступить. Можетъ быть, впрочемъ, австрійцы продержались бы предъ Миланомъ и долѣе, еслибъ не разнесся слухъ, что возстаніе распространилось по всей Ломбардіи и что сардинское войско готовится перейдти ломбардскую границу.

Ночью 22-го марта Радецкій приказалъ войскамъ своимъ готовиться къ отступленію; но чтобы скрыть это отъ миланцевъ, онъ велѣлъ усилить огонь по городу: 60 орудій, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, громили древнюю столицу Ломбардіи, распространяя въ ней разрушеніе и смерть. Отступленіе Радецкаго было замѣчено осажденными, и граждане Милана сдѣлали съ своей стороны все возможное, чтобы затруднить шествіе арміи, оставившей на пути много убитыхъ и раненыхъ.

Радость, испытанная миланцами послѣ этой блистательной побѣды, омрачена была печальными разсказами освобожденныхъ миланскихъ плѣнниковъ о страданіяхъ, испытанныхъ ими въ австрійскомъ лагерѣ. Самъ Радецкій подавалъ своимъ солдатамъ примѣръ жестокости. Многихъ плѣнниковъ онъ предалъ военному суду и велѣлъ разстрѣлять, а обезображенные трупы ихъ выставить напоказъ всѣмъ остальнымъ военноплѣннымъ миланцамъ, призваннымъ на мѣсто казни. О жестокости австрійскихъ солдатъ итальянскіе историки разсказываютъ почти невѣроятные ужасы. „Миланцы,—говоритъ Канту, основываясь на авторитетѣ генерала Пепе,—нашли группу восьмерыхъ дѣтей, изъ которыхъ одни были разбиты объ стѣну, другіе растоптаны ногами. Двое дѣтей сожжены были скипидаромъ. Одинъ ребенокъ, пронзенный штыкомъ, привязанъ былъ къ дереву и медленно умиралъ передъ глазами своей матери, другой брошенъ былъ на трупъ матери, кормившей его грудью... Возлѣ умирающихъ плѣнниковъ разбросаны были головы ихъ убитыхъ дѣтей. Велико было число

Digitized by Google

несчастныхъ женщинъ, у которыхъ австрійскіе солдаты вырвали глаза, отрѣзали языкъ, руки, ноги. Чудовища насиловали женщинъ и потомъ убивали. Нѣкоторые изъ плѣнниковъ были сожжены живьемъ въ извести, другіе погребены заживо въ помойныхъ ямахъ и колодцахъ. Другіе, покрытые смолою, испытывали огненныя пытки. Восемь труповъ были найдены сожженными близь Тозскихъ воротъ... Десять обезображенныхъ труповъ найдены въ рощѣ у Тичинскихъ воротъ. Видны были еще слѣды неимовѣрныхъ усилій, которыя употребляла одна женщина, чтобы спастись въ каминѣ одного дома. Умалчиваю обо всѣхъ убійствахъ, совершенныхъ въ домахъ, въ тайныхъ убѣжищахъ". (Garnier Pagès, I, 92 и 92; Канту: „Исторія итальянскихъ революцій и войнъ").

Миланцы, воодушевленные любовью къ отечеству и желаніемъ завоевать ему свободу, были далеки отъ подобныхъ жестокостей. Великодушіе миланцевъ, по отзыву французскаго консула, бывшаго очевидцемъ осады, равнялось ихъ мужеству. (Moniteur 30 mars 1848; Garnier Pagès. I, 94).

Слухъ о возстаніи ломбардскихъ городовъ оказался справедливымъ. Въ городѣ Комо провозглашена была республика, организована національная гвардія, граждане Комо отправили въ Миланъ отрядъ безстрашныхъ волонтеровъ. Городъ Лекко послѣдовалъ этому примѣру, за нимъ Бергамо, Монца, Брешіа, Кремона, Верона. Но не вездѣ возстаніе имѣло полный успѣхъ. Брешіанцы не съумѣли захватить и удержать у себя, въ качествѣ заложника, эрцгерцога Сигизмунда, веронцы выпустили изъ своихъ рукъ эрцгерцога Райнера, бѣжавшаго къ нимъ изъ Милана. Радецкій успѣлъ занять крѣпкую позицію между Мантуей, Пескьерой и Вероной.

Въ Венеціи дѣло освобожденія отъ австрійскаго ига давно уже подготовлялось Маниномъ, Томазео и ихъ многочисленными политическими друзьями. Избѣгая всякихъ революціонныхъ дѣйствій, люди этой партіи прибѣгали ко всевозможнымъ мирнымъ и безобиднымъ для Австріи средствамъ, чтобы поднять матеріальное и нравственное благосостояніе Венеціанской области. Такими средствами служили: основаніе ученыхъ, благотворительныхъ и промышленныхъ обществъ, учрежденіе народныхъ школъ, изданіе полезныхъ для народа книгъ и журналовъ. При каждомъ удобномъ случаѣ представители этой, такъ-называемой легальной партіи старались разъяснить народу ту или другую важную экономическую истину, затронуть вопросъ о трудѣ, о свободѣ торговли, о свободѣ печати, о народномъ самоуправленіи. Манинъ старался доказать своимъ согражданамъ, что всѣ важ-

Digitized by Google

нѣйшія конституціонныя вольности давнымъ давно (еще въ 1815 году) были обѣщаны венеціанцамъ, но австрійскіе администраторы умѣли усыпить общественное мнѣніе и отнять тѣ немногія вольности, которыя были дарованы императоромъ Францемъ I.

21-го декабря 1847 года Манинъ, незанимавшій въ то время никакой государственной должности, но уже извѣстный своею честною адвокатскою дѣятельностію и своею всегдашнею готовностію помогать бѣднымъ и обиженнымъ, явился въ центральное венеціанское собраніе и представилъ президенту, отъ собственнаго имени, докладную записку о нуждахъ венеціанскаго народа. „Вотъ уже тридцать-два года,—говорилось въ этой запискѣ — какъ въ Ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ существуетъ народное представительство, ибо 32 года существуютъ уже центральныя собранія, учрежденныя съ цѣлію доводить до свѣдѣнія правительства нужды и желанія страны. Но эти собранія (миланское и венеціанское) ни разу не воспользовались своимъ правомъ, ни разу не были истолкователями нашихъ нуждъ и желаній передъ правительствомъ и тѣмъ ввели правительство въ ошибку. Оно думаетъ, что мы живемъ среди полнаго благополучія и совершеннаго довольства, между тѣмъ какъ у насъ нѣтъ ни благополучія, ни довольства, а напротивъ, мы имѣемъ много истинныхъ нуждъ и справедливыхъ желаній. Нашъ долгъ уважать правительство. Кто уважаетъ его, тотъ вѣритъ, что оно ищетъ истины, что оно цѣнитъ тѣхъ, кои открываютъ, и порицаетъ тѣхъ, кои прячутъ ее. Пора центральнымъ собраніямъ убѣдиться въ этомъ, пробудиться отъ долгаго сна, нарушить свое долгое молчаніе и показать на дѣлѣ, что они понимаютъ святость и важность своего назначенія.

Ломбардское собраніе уже выступило на стезю долга. Одинъ изъ членовъ его (Назари) совершилъ подвигъ добраго подданнаго и добраго гражданина, представивъ собранію записку, въ которой, отправляясь отъ неопровержимаго факта народнаго неудовольствія, предлагаетъ созвать коммисію, чтобы открыть его причины и изучить средства для исправленія зла. Если предложеніе это будетъ принято, оно можетъ принести спасительные результаты и отвратить гибельныя столкновенія. Примѣръ этотъ заслуживаетъ подражанія и, я надѣюсь, наше собраніе не замедлитъ послѣдовать ему. Я умоляю его объ этомъ въ интересѣ его чести, народнаго благосостоянія и общественнаго спокойствія“ [1].

---

[1] «Вѣстникъ Европы» 1866 г., т. II: «Борьба Венеціи съ Австріей», статья Авсѣенко.

Digitized by Google

Убѣдившись, что венеціанское центральное собраніе сочувствуетъ его заявленію, Манинъ подалъ ему другую записку, въ которой высказалъ желаніе венеціанскаго народа и всѣхъ итальянскихъ подданныхъ Австріи: „Чтобы Ломбардо-венеціанская провинція составляла совершенно отдѣльное королевство; чтобы вице-король его повиновался только императору Австріи, а не верховному вѣнскому тайному совѣту; 2) чтобы войско и флотъ состояли изъ однихъ итальянцевъ; 3) чтобы финансы королевства не смѣшивались съ императорскими; чтобы для общегосударственныхъ потребностей взималась опредѣленная ежегодная подать, а всѣ остальные доходы употреблялись бы на надобности королевства; чтобы государственный долгъ королевства былъ приведенъ къ размѣрамъ, указаннымъ трактатами и патентомъ 27-го августа 1820 г.; 4) чтобы кругъ вѣдѣнія провинціальныхъ собраній былъ расширенъ; чтобы изъ двухъ центральныхъ собраній былъ составленъ одинъ, общій для королевства, сеймъ, который повѣрялъ бы ежегодный бюджетъ и вотировалъ бы налоги, займы и новые законы; 5) чтобы избирательные законы были преобразованы, въ видахъ расширенія избирательныхъ правъ; чтобы всѣ засѣданія земскихъ собраній были публичны; 6) чтобы гибельная опека, тяготѣющая надъ общиннымъ самоуправленіемъ, была уничтожена или существенно ослаблена; 7) чтобы печать была свободна, предварительная цензура уничтожена и замѣнена карательной". Нѣсколько дней спустя, Николо Томасео, одинъ изъ популярнѣйшихъ литераторовъ того времени, сказалъ въ венеціанскомъ Атенеѣ рѣчь, въ которой объяснилъ изумленнымъ слушателямъ, что писанные законы о книгопечатаніи въ королевствѣ Ломбардо-венеціанскомъ несравненно либеральнѣе, чѣмъ гдѣ-либо и что всѣ притѣсненія австрійской цензуры суть не что иное, какъ формальное нарушеніе закона.

Несмотря на то, что Манинъ и Томасео въ своихъ требованіяхъ и заявленіяхъ стояли на законной почвѣ и опирались на точный смыслъ патента 1815 года, эти патріоты не только не достигли желаемаго отъ вѣнскаго правительства, но еще и подверглись преслѣдованію: 18-го января Манинъ и Томасео заключены были въ государственную тюрьму.

Слухи о вѣнской революціи проникли въ Венецію 16-го марта. Какъ только слухи эти подтвердились точными и подробными свѣдѣніями, толпы венеціанскаго народа устремились къ государственной тюрьмѣ, гдѣ томились еще въ заключеніи Манинъ и Томасео, и освободили ихъ. Не было границъ народному веселью по поводу этого освобожденія. Толпа вынесла своихъ

Digitized by Google

любимцевъ на площадь св. Марка, и тамъ услышала отъ Манина нѣсколько восторженныхъ, теплыхъ словъ о прежней славѣ Венеціи, о необходимости возстановить, поддержать эту славу. „Но, прибавилъ Манинъ въ заключеніе своей рѣчи—истинной свободы нѣтъ безъ порядка и безъ уваженія къ законамъ, хотя и бываютъ великіе моменты, когда возстаніе есть не только право, но и обязанность“.

17-го марта національныя трехцвѣтныя знамена развѣвались уже на площади св. Марка. Отрядъ войска, въ боевомъ порядкѣ, явился на площадь и принялся срывать знамена и разгонять толпу, оказывавшую сопротивленіе. Двое раненыхъ остались на мѣстѣ. На другой день, 18-го марта, столкновеніе народа съ солдатами повторилось на площади св. Марка, ранено еще пять человѣкъ. Манинъ, чтобы водворить порядокъ, предложилъ согражданамъ учредить національную гвардію, и уже 18-го марта организованъ былъ отрядъ ея въ 4,000 человѣкъ. Лучшіе граждане отнеслись къ этому предпріятію съ полнымъ сочувствіемъ, и 20-го марта національная гвардія была вполнѣ сформирована. Графъ Пальфи, венеціанскій губернаторъ, зная о паденіи Меттерниха и убѣдившись въ слабости вѣнскаго кабинета, явно не сопротивлялся движенію, но втайнѣ готовился подавить его. Убѣдившись въ двуличности этого администратора, Манинъ отважился на рѣшительный шагъ: ставъ во главѣ одного отряда національной гвардіи, онъ овладѣлъ, 22-го марта, арсеналомъ, съ согласія муниципальныхъ властей Венеціи. Когда разнесся по городу слухъ о взятіи арсенала, народъ былъ внѣ себя отъ радости, и долго въ этотъ день площадь св. Марка оглашалась криками: „да здравствуетъ Венеція! слава святому Марку!“ Въ этотъ же день Пальфи съ австрійскимъ гарнизономъ долженъ былъ оставить Венецію. Тотчасъ же по его удаленіи составилось временное правительство и провозглашена была республика. Въ число членовъ временнаго правительства вошли Манинъ и Томасео.

Въ виду двухъ возставшихъ итальянскихъ провинцій имперіи, Радецкій чувствовалъ себя крайне неловко. Къ довершенію горя, Карлъ-Альбертъ грозилъ вторгнуться съ большимъ войскомъ въ Ломбардію. Изъ Вѣны же, погруженной въ анархію, не получалось ни денегъ, ни подкрѣпленій, ни даже инструкцій. На счастье Радецкаго, Карлъ-Альбертъ былъ человѣкъ хотя и храб-

---

[1] «Вѣстн. Европы» 1866, т. IV, ст. г. Аксѣенко: «Борьба Венеціи съ Австріей».

Digitized by Google

рый, но лишенный военныхъ талантовъ. Считая себя отмѣннымъ полководцемъ, сардинскій король принялъ на себя главное управленіе арміей. Способнѣйшимъ генераламъ онъ не давалъ простора, да ими и не была богата сардинская армія: большинство генераловъ ея состарѣлось не въ военныхъ подвигахъ, а въ полицейскихъ. Еслибы Карлъ-Альбертъ со всѣми войсками своими быстро напалъ на Радецкаго, то, по всей вѣроятности, принудилъ бы его оставить Италію; но сардинскій король надѣялся завладѣть Ломбардіею путемъ однихъ лишь переговоровъ, боевыя же силы свои—сохранить для дальнѣйшихъ предпріятій. Ломбардцы собрали въ подкрѣпленіе сардинской арміи 8,000 волонтеровъ. Это число показалось Карлу-Альберту недостаточнымъ, всеобщаго же народнаго вооруженія онъ не хотѣлъ дозволить, боясь республиканской агитаціи, распространившейся, подъ вліяніемъ Мадзини, по всей Италіи. Долгое время стояло сардинское войско на берегу Адидже, противъ австрійской арміи, въ совершенномъ бездѣйствіи. Радецкій ожидалъ подкрѣпленій, а Карлъ-Альбертъ, въ раздумьи, не зналъ, на что ему рѣшиться.

Въ Сициліи между тѣмъ образовалось временное правительство и созванъ былъ парламентъ, на основаніи конституціи 1812 года. Парламентъ этотъ былъ признанъ Фердинандомъ, обнаружившимъ необыкновенную уступчивость послѣ французской февральской революціи. Но руководители сицилійскаго движенія пошли еще далѣе: они потребовали, чтобы Сицилія имѣла не только собственное министерство, но и отдѣльное войско, чтобы Сицилія связана была съ Неаполемъ только лишь личностію государя, подобно тому какъ Норвегія соединена съ Швеціей. Это требованіе было отвергнуто неаполитанскимъ королемъ, и англійское посредничество, чрезъ лорда Минто, не было въ состояніи предотвратить кровопролитную борьбу между Сициліей и Неаполемъ.

Въ Римѣ вѣсть о вѣнской революціи произвела сильное впечатлѣніе на массу народа. Австрійскіе гербы были сорваны съ дома австрійскаго посольства, и Пій IX вынужденъ былъ отправить, подъ начальствомъ либерала Дурандо, корпусъ войскъ и отрядъ волонтеровъ на сѣверъ, противъ австрійцевъ. Семь тысячъ тосканцевъ также присоединились къ сардинской арміи и даже неаполитанскій король вынужденъ былъ объявить (7-го апрѣля) австрійцамъ войну и отправить въ сѣверную Италію тринадцатитысячный отрядъ, подъ начальствомъ Вильгельма Пепе.

Digitized by Google

Между тѣмъ войска Радецкаго подкрѣплены были свѣжимъ отрядомъ изъ внутренней Австріи, подъ начальствомъ Нюгента. Карлъ-Альбертъ пропустилъ лучшее время. Правда, онъ остался побѣдителемъ при Пастренго (28-го апрѣля), но при Санта-Лючіи ничего не могъ сдѣлать противъ австрійцевъ, воспользовавшихся выгодною позиціей. Тосканская дивизія, подъ начальствомъ Лаужьера, была совершенно уничтожена, при чемъ отрядъ волонтеровъ, изъ пизанскихъ студентовъ, погибъ славною смертію. Напротивъ, при Гойто (30-го мая) австрійцы были побѣждены сардинцами. Во главѣ отборнаго корпуса волонтеровъ, назвавшихся альпійскими охотниками, отличился въ эту войну Іосифъ Гарибальди. Ставъ при подошвѣ Альповъ, онъ затруднялъ каждый шагъ австрійцевъ, безпрестанно безпокоилъ ихъ съ тылу, неожиданно нападалъ на ихъ отдѣльные отряды и внезапно исчезалъ, когда появлялись слишкомъ значительныя массы непріятелей. Своими смѣлыми переходами, своею личною храбростію, своимъ громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ на подчиненныхъ и на товарищей Гарибальди положилъ въ эту пору первыя основы той великой славѣ, которую пріобрѣлъ впослѣдствіи.

Австрійскій дворъ, находившійся въ Иннсбрукѣ, склонялся уже къ начатію мирныхъ переговоровъ съ Карломъ-Альбертомъ и къ уступкѣ Ломбардіи, но фельдмаршалъ Радецкій настаивалъ на продолженіи войны. Военное счастіе колебалось то въ ту, то въ другую сторону, но въ цѣломъ болѣе улыбалось австрійцамъ. Пескьера вынуждена была сдаться сардинцамъ, за то Дурандо, командовавшій папскими войсками, долженъ былъ сдать австрійцамъ Виченцу. Наконецъ, 25-го іюля, Радецкій нанесъ итальянцамъ рѣшительный ударъ при Кустоццѣ. Двадцатитысячная пьемонтская армія въ теченіе двухъ сутокъ мужественно боролась съ непріятелемъ, втрое сильнѣйшимъ, и была побѣждена. Въ то же время генералъ Гайнау вышелъ съ австрійскимъ резервомъ изъ Вероны, ударилъ на сардинцевъ при Соммакомпаньѣ и одержалъ побѣду. Карлъ Альбертъ хотѣлъ утвердиться (27-го іюля) при Вольтѣ, но былъ вынужденъ отступить. Сардинскія войска сражались, особенно въ іюльскіе дни, съ отчаянною храбростію и во многихъ битвахъ нанесли австрійцамъ чувствительныя потери, но въ ихъ движеніяхъ не было связи, не было одновременности въ нападеніяхъ, и чрезъ это, въ концѣ концовъ, они всегда находились въ невыгодномъ положеніи. Карлъ-Альбертъ былъ неспособенъ руководить ходомъ войны, а между тѣмъ вмѣшивался во всѣ дѣйствія арміи и никому не

Digitized by Google

хотѣлъ предоставить власти надъ нею. Во время битвъ онъ безпощадно выставлялъ себя подъ непріятельскіе выстрѣлы и искалъ смерти. Вокругъ него падали его приближенные, поражаемые ядрами и картечью, но самъ король оставался невредимъ. Радецкій шелъ по слѣдамъ отступавшихъ сардинцевъ и оттѣснилъ ихъ, 3-го августа, къ Милану. Положеніе Карла-Альберта было крайне плачевно: въ усталомъ, нравственно униженномъ войскѣ его насчитывалось уже не 70,000, а всего 25,000 человѣкъ; припасовъ въ Миланѣ было весьма мало, между тѣмъ какъ армія Радецкаго находилась въ отличномъ состояніи и была снабжена всѣмъ необходимымъ. Несмотря на все это, пьемонтцы, вмѣстѣ съ жителями Милана, приняли (4-го августа) вызовъ австрійцевъ и сразились съ ними подъ стѣнами города. Съ той и другой стороны дрались отчаянно; несмотря на свою храбрость, пьемонтцы и миланцы должны были отступить и укрыться за городскими стѣнами.

Убѣдившись въ безполезности дальнѣйшаго кровопролитія и желая спасти Миланъ отъ разграбленія, Карлъ-Альбертъ вступилъ съ Радецкимъ въ переговоры, результатомъ которыхъ была сдача города на капитуляцію. Ночью 5-го августа Карлъ-Альбертъ оставилъ Миланъ; утромъ 6-го августа массы миланскаго народа спѣшили, убитыя горемъ, оставить родной городъ до прибытія австрійцевъ.

9-го августа австрійскими и сардинскими уполномоченными заключено было перемиріе на шесть недѣль. По этому перемирію Модена и Парма очищены были отъ сардинскихъ войскъ; сардинскій же флотъ долженъ былъ удалиться изъ венеціанскихъ гаваней. Ломбардія снова подчинилась австрійцамъ; Венеція же, гдѣ Карлъ-Альбертъ только что провозглашенъ былъ королемъ, снова возстановила у себя республику. Во главѣ Венеціанской республики снова сталъ Маниръ, надѣявшійся отстоять независимость родины съ помощію французской республики.

Успѣхи австрійскаго оружія въ Верхней Италіи оказали рѣшительное вліяніе на судьбы Неаполя и Папской Области. Выборы въ неаполитанскій парламентъ были произведены въ апрѣлѣ безъ живаго участія народа. Духовенство и дворянство были противъ конституціонной системы, которая грозила ограничить выгоды ихъ положенія. Низшіе классы городскаго населенія, привыкшіе къ праздности, а также и поселяне, погруженные въ суевѣріе и невѣжество, противились всякой политической реформѣ, ибо духовенство представляло имъ реформы,

Digitized by Google

какъ нѣчто опасное для религіи. Образованное и свободомыслящее среднее сословіе существовало только въ Неаполѣ и другихъ большихъ городахъ. Оно горячо сочувствовало идеѣ политической свободы и внутренно возмущалось, господствовавшимъ до 1848 года въ Неаполѣ, деспотизмомъ, но не имѣло достаточно политической зрѣлости. Обнародованная Фердинандомъ (10-го февраля) конституція была съ восторгомъ принята среднимъ классомъ неаполитанскаго населенія; особенно же юношество видѣло въ ней врачество противъ всѣхъ общественныхъ недуговъ и съ нетерпѣніемъ ждало ея окончательнаго утвержденія. Немногочисленная республиканская партія была недовольна сдѣланными Фердинандомъ уступками, но не чувствовала себя достаточно сильною, чтобы ниспровергнуть монархію. Тѣмъ не менѣе, приверженцы стараго порядка вещей успѣли убѣдить Фердинанда, что трону его грозитъ великая опасность. Король, давно уже сокрушавшійся объ уступкахъ, сдѣланныхъ имъ общественному мнѣнію, рѣшился воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы взять назадъ данныя народу конституціонныя обѣщанія. Случай этотъ представился въ половинѣ мая, когда населеніе неаполитанской столицы нѣсколько оживилось по поводу предстоявшаго открытія парламента. Утромъ 14-го мая разнеслась по столицѣ вѣсть, что король назначилъ въ верхнюю палату пятьдесятъ новыхъ перовъ; народъ обнаружилъ свое недовольство этимъ королевскимъ распоряженіемъ, равно какъ и объявленнымъ наканунѣ намѣреніемъ короля—не допускать никакихъ измѣненій въ октроированной имъ 10-го февраля конституціи. На улицахъ столицы образовалось нѣсколько политическихъ сходокъ, и переодѣтые жандармы старались произвесть искусственное возстаніе. Вечеромъ 14-го мая построено было нѣсколько баррикадъ; 15-го же, около полудня, раздался первый выстрѣлъ, послужившій сигналомъ къ кровопролитной борьбѣ, въ которой король одержалъ верхъ только благодаря храбрости находившихся въ его службѣ швейцарцевъ. Лаццарони, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, пристали на сторону сильнѣйшаго. Солдаты разбойничали, чернь предавалась грабежу, и много злодѣйствъ совершено было даже надъ безоружными. Первые сорокъ плѣнниковъ были разстрѣляны, по королевскому повелѣнію, въ подвалахъ дворца, остальные заключены въ тюрьмы. Демократическая партія поставила 15-го мая на карту все, что было пріобрѣтено ею съ января — и проиграла. Король велѣлъ обезоружить національную гвардію, которой едвали и десятая часть показывалась на баррикадахъ. Оставшись

Digitized by Google

побѣдителемъ въ уличной борьбѣ 16-го мая, Фердинандъ не считалъ уже себя связаннымъ прежними обѣщаніями и началъ управлять страною еще съ большимъ произволомъ и съ большею жестокостію, чѣмъ прежде. Неаполитанскій вспомогательный корпусъ, отправленный, подъ начальствомъ Пепе, въ Сѣверную Италію, получилъ приказъ немедленно возвратиться въ отечество. Пепе не исполнилъ этого приказа и, съ 3,000 приверженцевъ, поворотилъ въ Венецію, защитою которой впослѣдствіи прославилъ себя. Но остальные 12,000 неаполитанскихъ солдатъ покорились волѣ своего короля. Фердинандъ не могъ нанести дѣлу итальянской независимости болѣе тяжкаго удара.

Въ Римѣ, данная Піемъ IX, конституція не принесла благихъ плодовъ. Противорѣчіе между конституціонными и теократическими началами было слишкомъ явно, и враждебныя партіи не хотѣли уступать другъ другу. Долго Пій IX искалъ около себя надежнаго и способнаго человѣка, которому могъ бы поручить управленіе свѣтскими дѣлами Церковной области, и, наконецъ, нашелъ такого человѣка въ Пелегрино-Росси. Оставивъ, вслѣдствіе своихъ либеральныхъ политическихъ убѣжденій, Италію въ 1815 году, Росси жилъ нѣсколько лѣтъ въ Женевѣ, въ качествѣ профессора, адвоката и писателя, потомъ, благодаря протекціи Гизо и другихъ вліятельныхъ друзей своихъ, призванъ былъ въ Парижъ на каѳедру конституціоннаго права. Здѣсь Росси пріобрѣлъ громкую славу, такъ что скоро сдѣлался членомъ института, перомъ Франціи и, наконецъ, посланникомъ при папскомъ дворѣ. Послѣ февральской революціи онъ остался въ Римѣ и въ сентябрѣ 1848 г. объявленъ былъ первымъ министромъ Церковной области. Нельзя не признать въ Росси тонкаго ума, блистательной эрудиціи, практическаго знакомства съ административнымъ искусствомъ; но онъ имѣлъ одинъ недостатокъ, котораго не могло ему простить тогдашнее общественное мнѣніе. Росси не раздѣлялъ съ патріотами убѣжденія въ возможности освободить и объединить всю Италію. Идея итальянской національности была, въ глазахъ этого стараго политическаго эмигранта, лишь мечтою юности, несбыточною иллюзіею. Росси могъ бы быть полезнымъ министромъ папы во всякій другой моментъ, но при данныхъ условіяхъ онъ могъ только возбудить противъ себя неудовольствіе народнаго большинства. Да и самъ папа не совсѣмъ былъ доволенъ министромъ, не въ мѣру старавшимся ограничить его свѣтскую власть.

Программа новаго министра гласила, прежде всего, объ ува-

Digitized by Google

женія къ конституціи. Росси обѣщалъ внести силу въ правительство, законность въ его дѣйствія, контроль въ администрацію, независимость въ судопроизводство, равновѣсіе въ финансы, дисциплину въ армію, бдительность въ полицію, энергію въ приказы, живость въ ихъ исполненіе и требовалъ обороны предѣловъ государства[1]. Росси, прежде всего, желалъ упрочить порядокъ и спокойствіе, чтобы имѣть почву для осуществленія своихъ дальнѣйшихъ конституціонныхъ предначертаній. Онъ сосредоточилъ въ Римѣ значительную массу войскъ; итальянцамъ, не подданнымъ папы, приказалъ удалиться за границу, либеральную печать подвергъ крайнимъ стѣсненіямъ, изъ сосѣднихъ городовъ призвалъ въ столицу два полка жандармовъ. Всѣми этими распоряженіями Росси окончательно вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе. 15-го ноября назначено было открытіе законодательнаго собранія. Росси, несмотря на предостереженія друзей, пожелалъ присутствовать при его засѣданіяхъ. Толпа народа, стоявшая предъ входомъ въ палату, встрѣтила Росси ропотомъ. Министръ имѣлъ неосторожность отвѣчать на этотъ ропотъ иронической улыбкой и презрительнымъ взглядомъ. Тогда изъ народа выскочилъ неизвѣстный человѣкъ, нанесъ министру кинжаломъ смертельный ударъ въ горло и скрылся. Росси не успѣлъ выговорить ни одного слова и чрезъ нѣсколько минутъ умеръ. Пій IX, лишенный своей главной поддержки, напуганный слухами о готовившемся, будто бы, возстаніи, тайно оставилъ Римъ (25-го ноября) и отправился въ Гаэту, гдѣ король неаполитанскій далъ ему почетное убѣжище.

Великій герцогъ тосканскій, при бо́льшемъ удобствѣ своего положенія, выразилъ еще бо́льшую, нежели папа, готовность утвердить въ своей странѣ конституціонныя учрежденія, но и онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны крайнихъ демократовъ. Послѣ того, какъ тосканскіе демократы низвергли умѣренно-либеральнаго министра Ридольфи и его товарищей, Леопольдъ II вынужденъ былъ принять министерство Гверацци, которое открыто направлялось къ республикѣ. Въ Римѣ, послѣ бѣгства Пія IX, также пріобрѣла силу республиканская партія, во главѣ которой стоялъ Мадзини. Учредительное собраніе, созванное въ Римъ 5-го февраля 1849 г., объявило свѣтскую власть папы уничтоженною и ввело республиканскую форму правленія. Это событіе не осталось безъ вліянія на Тоскану. Великій герцогъ оставилъ свою страну (21-го февраля 1849 г.),

[1] См. ст. «Пій IX и революція». «Вѣстникъ Европы», 1867 г., сентябрь.

Digitized by Google

гдѣ также провозглашена была республика. Гверацци сталъ во главѣ ея. Въ Гаэтѣ Леопольдъ II нашелъ Пія IX, и оба они на долгое время сдѣлались нахлѣбниками неаполитанскаго короля.

Фердинандъ II отвергъ рѣшеніе сицилійскаго парламента, требовавшее, чтобы между Неаполемъ и Сициліей было только „личное соединеніе". На этотъ разъ короля поддерживало огромное большинство его неаполитанскихъ подданныхъ, которые ставили себя въ такое же отношеніе къ Сициліи, въ какомъ находятся англичане къ ирландцамъ. 13-го апрѣля 1849 г. обѣ сицилійскія палаты объявили Фердинанда II лишеннымъ сицилійской короны и положили выбрать какого-нибудь итальянскаго князя или герцога на упразднившійся тронъ. Это рѣшеніе было съ восторгомъ принято на всемъ островѣ. 11-го іюня, въ короли Сициліи выбранъ былъ герцогъ генуэзскій, второй сынъ Карла-Альберта. Англія съ самаго начала сицилійскаго движенія принимала въ немъ тайное участіе: она хотѣла отдѣленія Сициліи отъ Неаполя, чтобы опять получить то вліяніе на островѣ, которымъ она пользовалась до 1815 года. Но потому-то именно противъ отдѣленія была Франція, боявшаяся, чтобы Сицилія не сдѣлалась для Англіи второю Португаліей. Рѣшеніе сицилійскаго парламента было также непріятно распространенной по всему полуострову партіи, которая желала, чтобы вся Италія соединилась въ одно государство. Карлъ-Альбертъ съ большою сдержанностію принялъ депутацію, прибывшую къ нему съ извѣстіемъ объ избраніи сына его въ сицилійскіе короли.

1-го іюля были открыты неаполитанскія палаты, такъ-какъ Фердинандъ не чувствовалъ себя еще довольно сильнымъ, чтобы совершенно ихъ уничтожить. Но когда пришли вѣсти о блистательныхъ побѣдахъ Радецкаго и объ окончательномъ пораженіи Карла-Альберта, неаполитанскій король пересталъ скрывать свое отвращеніе къ конституціи и парламенту. Враждебныя выходки войска и черни противъ членовъ парламента были не только терпимы королемъ, даже, какъ говорила молва, были имъ возбуждаемы. Засѣданія палатъ были прерваны 5-го сентября и отложены до 3-го ноября. Министерство, состоявшее изъ либераловъ-отступниковъ, не дало парламенту возможности совершить что-либо полезное, хотя для этого не было недостатка ни въ честныхъ, ни въ талантливыхъ депутатахъ. Министерство не сдѣлало палатамъ никакихъ серьёзныхъ предложеній, изъ обсужденія которыхъ общественное мнѣніе могло бы наглядно убѣдиться въ пользѣ и необходимости парламента. Министры

Digitized by Google

усердно хлопотали только о подавленіи сицилійскаго возстанія. Порабощеніемъ этого острова должно было завершиться торжество произвола въ Неаполѣ.

6-го сентября корпусъ изъ 8,000 неаполитанцевъ, подъ начальствомъ генерала Филанджьери, высадился у Мессины. У неаполитанцевъ было то преимущество предъ сицилійцами, что они имѣли, хотя небольшой, флотъ, и могли неожиданно нападать на каждый береговой пунктъ. Филанджьери, сынъ извѣстнаго публициста Гаэтано Филанджьери, умершаго, незадолго до французской революціи, въ Неаполѣ, получилъ военное образованіе подъ начальствомъ Мюрата и участвовалъ въ походѣ Наполеона въ Россію. Не держась никакихъ политическихъ принциповъ, Филанджьери всегда готовъ былъ принять сторону сильнѣйшаго, а сильнѣйшимъ былъ на этотъ разъ, очевидно, Фердинандъ, тѣмъ болѣе, что Англія не рѣшалась открыто помогать сицилійцамъ. Французскіе и англійскіе военные корабли, стоявшіе предъ Мессиной, хотя и принимали сицилійскихъ бѣглецовъ, но держались совершенно нейтрально. День и ночь неаполитанцы бомбардировали Мессину съ моря и съ цитадели; лучшая часть города скоро превращена была въ груду развалинъ, взята штурмомъ и разграблена. Чрезъ посредство французскаго и англійскаго адмираловъ сицилійцы заключили перемиріе съ Филанджьери, чтобы спасти Палермо отъ участи Мессины. Сицилійцы, единодушные въ своей ненависти къ неаполитанскому королю, распадались въ другихъ отношеніяхъ на партіи. Въ надеждѣ на чужую помощь, они медлили организовать регулярное войско; національные же гвардейцы и корпуса волонтеровъ, несмотря на все свое мужество, были неспособны къ продолжительному сопротивленію. Кромѣ того, Сицилія не имѣла ни одного военнаго корабля. Желая имѣть, по крайней мѣрѣ, хорошаго полководца, сицилійское министерство вызвало изъ Франціи Мѣрославскаго, дѣйствовавшаго въ возстаніи познанскихъ поляковъ, и поручило ему военную команду на островѣ.

29-го марта перемиріе окончилось. Неаполитанцы напали на Таормину, взяли и сожгли ее. Затѣмъ неаполитанскій флотъ началъ бомбардировать Катанью, въ то время, какъ Филанджьери напалъ на нее съ сухаго пути. Мѣрославскій, выказавшій и на этотъ разъ, какъ и всегда, неустрашимость, былъ раненъ и отнесенъ безъ чувствъ съ мѣста битвы. Неаполитанцы были уже отброшены, какъ на помощь имъ подоспѣли швейцарцы. Послѣ упорной борьбы, городъ взятъ былъ штурмомъ (6-го апрѣля

Digitized by Google

1849 г.). Палермскія власти потеряли мужество и готовы уже были согласиться на предложенія Филанджьери, вообще довольно умѣренныя. Нѣкоторые корпуса волонтеровъ и многіе простолюдины не хотѣли и слышать о капитуляціи, думая, что неаполитанцы, по взятіи города, не выполнятъ ея условій. Но Филанджьери своею артиллеріей сокрушилъ послѣднее сопротивленіе палермитянъ и 17-го мая вошелъ въ столицу Сициліи. Впродолженіе всей этой войны неаполитанцы отличались великимъ безчеловѣчіемъ. Многія женщины и дѣти погибли отъ ярости солдатъ, которые путь свой всюду обозначали грабежемъ и сожженіемъ селеній. Филанджьери нареченъ былъ герцогомъ Таорминскимъ и намѣстникомъ Сициліи. Онъ предписалъ всеобщее разоруженіе и за нарушеніе этого повелѣнія опредѣлилъ смертную казнь. Могильная тишина распространилась надъ несчастнымъ островомъ.

Австрійцы воспользовались пораженіемъ сардинцевъ и перемиріемъ съ ними для распространенія своей власти въ Средней Италіи и для возвращенія троновъ изгнаннымъ государямъ. Карлъ-Альбертъ, все еще не желавшій отказаться отъ надежды овладѣть Верхнею Италіей, объявилъ (16-го марта 1849 года) перемиріе оконченнымъ. Радецкій, несмотря на свою глубокую старость, снова отправился на войну и снова началъ одерживать побѣды. Онъ былъ окруженъ испытанными генералами; его солдаты имѣли къ нему такое довѣріе, какимъ, со времени эрцгерцога Карла, не пользовался ни одинъ австрійскій полководецъ. Радецкій имѣлъ въ своихъ рукахъ превосходные военные запасы и многочисленную артиллерію. Сардинское войско было гораздо слабѣе. Карлъ-Альбертъ хотя и имѣлъ много храбрыхъ офицеровъ, но никому изъ нихъ не могъ поручить команды надъ цѣлымъ войскомъ. Поэтому онъ обратился къ иностранцу, поляку Хржановскому, съ предложеніемъ принять главное начальство надъ сардинскимъ войскомъ. Выборъ короля не былъ вполнѣ удаченъ, ибо Хржановскій если и былъ замѣтенъ въ возстаніи поляковъ (1831 г.), то только лишь на второстепенныхъ постахъ. Извѣстный уже намъ Раморино также обратилъ на себя вниманіе Карла-Альберта и получилъ начальство надъ одною сильною дивизіей. Въ Сардиніи бо́льшая часть населенія была противъ возобновленія войны, особенно дворянство и духовенство, даже часть арміи. Консерваторы боялись, что, въ случаѣ удачи, побѣдой воспользуются мадзинисты и республиканцы. Хржановскій обнаружилъ мало военныхъ талантовъ и далъ себя провести Радецкому. Раморино не исполнялъ возло-

Digitized by Google

женныхъ на него порученій и, какъ полагаютъ, сдѣлался измѣнникомъ. Сардинцы, 21-го марта, были при Мортарѣ отброшены, а 23-го марта, при Новарѣ, совершенно разбиты. Они дрались съ великою храбростію, но потерпѣли пораженіе, благодаря плохимъ предводителямъ. Карлъ-Альбертъ, тотчасъ же послѣ новарскаго сраженія, сложилъ съ себя корону и объявилъ королемъ Сардиніи старшаго своего сына. При Новарѣ, когда побѣда стала склоняться на сторону австрійцевъ, Карлъ-Альбертъ искалъ смерти и, повидимому, удивленъ былъ тѣмъ, что пули пощадили его. Сердце короля было разбито, гордость не позволила ему, когда миръ сталъ необходимостью, искать этого мира у противника, котораго онъ дважды вызывалъ на бой. Карлъ-Альбертъ удалился въ Португалію, въ сопровожденіи только двухъ служителей. Жилъ онъ въ одиночествѣ, даже королевѣ не дозволилъ слѣдовать за собою въ добровольное изгнаніе. 26-го іюля 1849 г. Карлъ-Альбертъ умеръ въ Опорто, на 51 году жизни, отъ втораго апоплексическаго удара.

24-го марта Викторъ-Эммануилъ, новый король Сардиніи, имѣлъ свиданіе съ Радецкимъ, недалеко отъ Новары, и заключилъ съ нимъ перемиріе, которое должно было послужить основаніемъ миру. Викторъ-Эммануилъ обѣщалъ распустить корпуса, составленные изъ ломбардскихъ, венгерскихъ и польскихъ подданныхъ императора Франца-Іосифа, подъ условіемъ полной амнистіи со стороны австрійскаго правительства. Сардинское войско должно было перейти съ военнаго на мирное положеніе, между тѣмъ, какъ 17,000 австрійцевъ должны были занять Пьемонтскую область и 3,000 австрійцевъ, съ такимъ же числомъ сардинцевъ — городъ и крѣпость Алессандрію. Мирные переговоры, въ Миланѣ, обставлены были большими трудностями и много разъ были близки къ прекращенію. Наконецъ, Австрія, изъ уваженія къ Франціи и Англіи, должна была отказаться отъ своихъ, сначала слишкомъ нескромныхъ, требованій, и удовольствоваться военною контрибуціей въ 75 милльйоновъ франковъ. Сардинскія палаты утвердили этотъ миръ только молчаніемъ.

Сраженіе при Новарѣ имѣло кровавый эпилогъ въ Брешіи. Жители этого города, давно тяготившіеся безчеловѣчнымъ австрійскимъ игомъ, получили ложное извѣстіе, что при Новарѣ остались побѣдителями сардинцы. Обрадованные этимъ извѣстіемъ, брешіанцы бросились на австрійскій гарнизонъ и отбили нападенія генерала Нугента, который былъ при этомъ

Digitized by Google

тяжело раненъ. Тогда подошелъ къ Брешіи Гайнау съ 4,000 человѣкъ свѣжаго войска и многочисленною артиллеріей, началъ бомбардировать городъ и взялъ его, послѣ упорной уличной борьбы, въ которой приняли участіе даже женщины (1-го апрѣля 1849 г.). Около 300 домовъ было сожжено или разрушено бомбами. Съ плѣнными Гайнау поступилъ крайне жестоко.

Крайне демократическая партія, безпрестанно работавшая надъ возбужденіемъ массъ, не обращала вниманія на то, что чрезъ эту постоянную тревогу все болѣе и болѣе приносилось вреда дѣлу возрожденія Италіи. Послѣ сраженія при Новарѣ, эта партія возбудила въ Генуѣ возстаніе противъ сардинскаго правительства, но это возстаніе усмирилъ генералъ Ламармора силою оружія (5-го апрѣля). Во Флоренціи, напротивъ, умѣренное большинство населенія само, безъ всякой внѣшней помощи, положило конецъ политическому преобладанію крайнихъ демократовъ. Флорентинцы (11-го апрѣля) возстали противъ министерства Гверацци и учрежденнаго имъ правленія и призвали къ себѣ изъ Гаэты великаго герцога Леопольда. Въ Ливорно радикалы, благопріятствуемые положеніемъ города, держались еще нѣсколько недѣль, пока городъ, послѣ упорнаго сопротивленія, занятъ былъ (11-го мая) австрійскими войсками. Австрійскій генералъ Вимпфенъ водворилъ монархію и порядокъ, 18-го мая, въ Болоньѣ, а 18-го іюня въ Анконѣ. Леопольдъ II возвратился въ свое государство 29-го іюля и данную имъ конституцію оставилъ сначала безъ всякаго дѣйствія, а потомъ и совершенно уничтожилъ.

Дольше другихъ городовъ Италіи австрійцамъ сопротивлялась Венеція. Республиканское правительство ея, руководимое Маниномъ, съ октября 1848 г. по августъ 1849 г. употребляло всѣ усилія, чтобы спасти свободу отечества. Уже въ октябрѣ 1848 г., благодаря стараніямъ военнаго министра Каведалиса, Венеція имѣла 20,000 мужественнаго войска. Семьдесятъ укрѣпленій защищали городъ съ суши; служба во всѣхъ частяхъ войскъ была упрощена до послѣдней возможности, чтобы не обременять солдатъ ненужными тягостями; для наблюденія за безопасностью города, учрежденъ былъ комитетъ обороны, подъ предсѣдательствомъ генерала Пепе. Національная гвардія, постоянно упражнявшаяся въ воинскомъ искусствѣ, научилась владѣть оружіемъ и ревностно исполняла всѣ обязанности военной службы. Но трудно было бороться съ Австріей, выставившей для завоеванія Венеціи болѣе 80,000 войска. Напрасно Манинъ и

Digitized by Google

его друзья ждали помощи изъ Франціи. Французское республиканское правительство, подававшее венеціанцамъ слабую надежду на свою поддержку, не сдержало своихъ обѣщаній. Къ этому разочарованію присоединились внутреннія смуты въ самой Венеціи и соперничество партій. Когда Манину удалось примирить несогласныя между собою политическія партіи, военное счастіе на нѣкоторое время улыбнулось венеціанцамъ. Въ мартѣ 1849 года они одержали нѣсколько побѣдъ надъ осаждавшими городъ австрійцами, но за этими побѣдами быстро послѣдовало разочарованіе. 27-го марта австрійскій парламентеръ вручилъ Манину ноту маршала Гайнау, съ извѣстіемъ о роковомъ пораженіи сардинской арміи при Новарѣ и съ требованіемъ покорности австрійцамъ. Народъ сначала не вѣрилъ извѣстію о пораженіи сардинцевъ, но 1-го апрѣля не оставалось болѣе сомнѣнія въ дѣйствительности печальнаго факта. Въ обычномъ порядкѣ открылось въ этотъ день засѣданіе учредительнаго собранія; но ни министры, ни депутаты не находили словъ, чтобы говорить, и, по предложенію Манина, засѣданіе отложено было до слѣдующаго дня. 2-го апрѣля собраніе единогласно положило сопротивляться австрійцамъ до послѣдней крайности и облекло, съ этою цѣлію, президента Манина неограниченною властью.

Принявъ на себя трудную обязанность диктатора, Манинъ прежде всего обратился къ великодушію французской республики и Англіи. „Во имя человѣчности и справедливости,—писалъ онъ въ Парижъ и Лондонъ,—во имя великодушія и справедливости, венеціанскій народъ умоляетъ о благодѣтельномъ посредничествѣ, которымъ обнадеживаютъ его уже нѣсколько мѣсяцевъ правительства самыхъ могущественныхъ и свободныхъ европейскихъ народовъ. Венеція домогается только лишь освобожденія изъ-подъ ига вѣнскаго двора; она желаетъ возвратить то, что отнялъ у нея кампо-формійскій миръ; она проситъ только, чтобы ей дали имя и лишь самое необходимое для ея политическаго существованія. Она поручаетъ себя покровительству Франціи и Англіи, предоставляя имъ на выборъ средства для ея спасенія. Для дипломаціи все это не слишкомъ трудно, ибо наше освобожденіе—не революція, а только возстановленіе историческихъ правъ“ [1]. На этотъ разъ отвѣтъ отъ Пальмерстона и Друэна-де-Луи послѣдовалъ прямой и откровенный. Венеція пре-

[1] «Вѣстникъ Европы», 1866 г., т. IV, «Борьба Венеціи съ Австріей», стр. 268 и 269.

Digitized by Google

доставлена была самой себѣ, другими словами: отдана въ добычу Австріи.

Между тѣмъ, австрійцы сосредоточивали силы свои около фортовъ Местре и Мальгеры. Венеціанское правительство, въ концѣ апрѣля, тщательно укрѣпило эти пункты, и генералъ Пепе отразилъ страшное нападеніе австрійцевъ на Мальгеру 7-го мая. Раздраженные неудачей первой бомбардировки и отказомъ венеціанцевъ безусловно покориться императору, австрійцы принялись за продолженіе осадныхъ работъ. 24-го мая, рано утромъ, открылась жестокая пальба съ австрійскихъ баттарей, направленная противъ Мальгеры. Въ лѣтописяхъ военной исторіи еще не было примѣра, чтобы такое количество разрушительныхъ силъ было сосредоточено на столь маломъ пространствѣ. Два огненныя полукружія охватили Мальгеру; сто-двадцать жерлъ непрерывно изрыгали массу раскаленныхъ ядеръ, бомбъ и гранатъ; стѣны рушились и взлетали на воздухъ, люди падали кругомъ во множествѣ. Несмотря на мужество осажденныхъ, двухдневная бомбардировка вынудила республиканское правительство очистить фортъ. Это было исполнено въ ночь съ 26-го на 27-е мая, незамѣтно для австрійцевъ. Ничего не зная объ очищеніи форта, непріятель всю ночь продолжалъ канонаду и, когда вступилъ въ Мальгеру, нашелъ въ ней лишь груду развалинъ.

Овладѣвъ Мальгерой, австрійцы могли уже воздвигать баттареи противъ самой Венеціи и осыпать ее градомъ ядеръ. Непрерывная канонада, начавшаяся съ 27-го мая, продолжалась до половины іюня. Венеціанцы храбро отстрѣливались, несмотря на недостатокъ военныхъ припасовъ. Съ особенною силою и мужествомъ сопротивлялись австрійцамъ защитники форта Сан-Антоніо, во главѣ которыхъ стоялъ Розароль, родомъ неаполитанецъ, выстрадавшій за свои политическія убѣжденія пятнадцать лѣтъ заключенія въ смрадной тюрьмѣ и освобожденный только въ 1848 году.

Съ первыхъ чиселъ іюля ярость непріятельскихъ баттарей удвоилась. Нѣсколько дней сряду огонь не прекращался ни днемъ, ни ночью, особенно же страшныя опустошенія произвела канонада, разбудившая Венецію въ полночь съ 29-го на 30-е іюля. Видъ разрушенныхъ этою канонадой зданій, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ, холера, свирѣпствовавшая на островахъ лагунъ, внутреннія несогласія между политическими партіями въ городѣ,—все это побуждало правителей Венеціи начать переговоры съ непріятелемъ, но мно-

Digitized by Google

гіе изъ гражданъ еще надѣялись на благопріятный исходъ борьбы. Нелегко было Манину увѣрить этихъ людей въ невозможности продолжать ее. 11-го августа Манинъ отправилъ австрійскому министру торговли, фонъ-Бруку, письмо, съ предложеніемъ начать мирные переговоры на условіяхъ, не унизительныхъ для Венеціи. Долго не получая отвѣта на это письмо, диктаторъ въ послѣдній разъ сдѣлалъ смотръ національной гвардіи. По окончаніи смотра, онъ обратился къ ней съ рѣчью, въ которой высказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Солдаты-граждане! Во все продолженіе нашей революціи, въ теченіе семнадцати мѣсяцевъ, мы сохранили чистымъ имя Венеціи, нѣкогда презираемой, а теперь уважаемой не только друзьями, но даже и непріятелями. Главная заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ національной гвардіи, постоянной, бодрой, неутомимой. Народъ, который столько выстрадалъ и столько совершилъ, сколько совершили и выстрадали вы, не можетъ погибнуть. Придетъ день, когда блистательныя судьбы этого народа будутъ наградою вашимъ подвигамъ. Когда придетъ этотъ день — о томъ вѣдаетъ одинъ Господь. Мы посѣяли доброе сѣмя; вложенное въ эту плодородную почву, оно принесетъ свой плодъ. Великія несчастія могутъ насъ постигнуть, но среди этихъ несчастій великимъ утѣшеніемъ для насъ будетъ сказать: они пришли не по нашей винѣ. Если мы не въ силахъ отвратить эти несчастія, то отъ насъ зависитъ сохранить незапятнанною честь нашего города. Вамъ предстоитъ беречь для дѣтей вашихъ это наслѣдіе. Умоляю національную гвардію оставаться непоколебимою въ своемъ великомъ и отважномъ подвигѣ и продолжать его, если это возможно, еще съ бо̀льшею ревностію, чѣмъ когда-либо. Я откровенно спрашиваю національную гвардію: имѣетъ ли она полное довѣріе къ правотѣ моей?“ — Да! да! отвѣтили тронутые слушатели. „Эта любовь, это несокрушимое довѣріе ко мнѣ,—продолжалъ Манинъ,—глубоко трогаютъ меня и въ то же время печалятъ меня... да, печалятъ меня, потому что они воскрешаютъ предъ моими глазами, яснѣе чѣмъ когда-нибудь, все, что̀ вытерпѣлъ этотъ народъ. Вы не можете, къ сожалѣнію моему, всегда разсчитывать на мои физическія и нравственныя силы; но на мою любовь къ вамъ, глубокую, пламенную, неизмѣнную, полагайтесь всегда, каковы бы ни были испытанія уготованныя для васъ Провидѣніемъ. Никогда я никого не обманывалъ, никогда не старался порождать въ комъ-нибудь иллюзій, которыхъ не раздѣлялъ самъ; никогда я не говорилъ: надѣйтесь, когда самъ не надѣялся...“. Внезапный при-

Digitized by Google

падокъ прервалъ рѣчь президента: расширеніе сердца сразило его такъ быстро и сильно, что онъ упалъ, заливаясь горячими слезами. Народъ, глубоко тронутый, также зарыдалъ; вопль его наполнилъ всю площадь. „И съ такимъ народомъ быть вынуждену сдаться!“ воскликнулъ Манинъ въ сильномъ волненіи.

16-го августа полученъ былъ отвѣтъ фонъ-Брука съ прокламаціей Радецкаго, въ которой высказаны были условія капитуляціи, а именно: полная покорность города, сдача всѣхъ фортовъ и оружія, амнистія солдатамъ и унтеръ-офицерамъ дозволеніе лицамъ, которыя захотятъ оставить Венецію, удалиться. Въ теченіе нѣсколькихъ дней между президентомъ республики и австрійскими властями происходили переговоры, результатомъ которыхъ было измѣненіе и дополненіе первоначальныхъ условій капитуляціи. 24-го августа временное правительство, съ Маниномъ во главѣ, подписало декретъ такого содержанія: „Принимая въ соображеніе, что необходимость принуждаетъ насъ къ дѣйствіямъ, въ которыхъ не могутъ принять участія ни собраніе народныхъ представителей, ни лицо, облеченное имъ исполнительною властію, временное правительство объявляетъ: 1) дѣйствіе временнаго правительства прекращается; 2) власть переходитъ въ руки венеціанскаго муниципалитета, распространяясь на всю территорію, подвластную до настоящаго времени республиканскому правительству; 3) общественный порядокъ и спокойствіе ввѣряются покровительству гражданъ, патріотизму національной гвардіи и чести войска. Президентъ Манинъ“.

24-го августа, чрезъ четыре дня послѣ паденія Венгріи, Венеція подчинилась снова австрійскому владычеству. Лучшіе граждане ея, въ числѣ сорока человѣкъ, принуждены были удалиться въ изгнаніе. Старикъ Пене, прожившій въ изгнаніи 26 лѣтъ, долженъ былъ снова оставить Италію, чтобы никогда уже въ нее не возвращаться. Манинъ, дѣятельный вождь недолговѣчной республики, любимецъ всего венеціанскаго народа удалился въ Парижъ. Предъ отъѣздомъ онъ получилъ отъ городскаго муниципалитета Венеціи слѣдующее письмо: „Венеція не можетъ потерпѣть, чтобы безкорыстіе, съ которымъ вы рѣшились на великія пожертвованія, съ цѣлію посвятить себя исключительно общественному дѣлу, стало для васъ новымъ источникомъ страданій во время изгнанія изъ отечества, такъ много вами любимаго. Муниципалитетъ надѣятся быть

Digitized by Google

истолкователемъ единодушнаго чувства своихъ согражданъ, стараясь уменьшить, хотя отчасти, эти жертвы, предложивъ вамъ скромную сумму въ 24 тысячи франковъ. Когда, чтобы смягчить тоску изгнанія, вы вспомните дни, въ которые ваша неустрашимость и мужество предохранили Венецію отъ величайшихъ бѣдствій, и поддержали общественный порядокъ среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, вы вспомните въ то же время, что Венеція неизмѣнно сохраняетъ къ вамъ благодарную и глубокую признательность". Процентами подаренной ему суммы и уроками итальянскаго языка Манинъ поддерживалъ себя и свое семейство въ Парижѣ, гдѣ пользовался общимъ уваженіемъ. Въ 1857 году онъ умеръ отъ тяжкой болѣзни, на пятьдесятъ-третьемъ году отроду.

Положеніе папы и Церковной области обратило на себя вниманіе державъ. Луи-Наполеонъ, президентъ французской республики (съ 10 декабря 1848), находилъ нужнымъ расположить въ свою пользу французское духовенство; достигнуть же этой цѣли онъ лучше всего могъ вмѣшательствомъ въ римскія дѣла. Чтобы поддержать свѣтскую власть папы, Наполеону нужно было вооружить французскую республику противъ республики римской, неподавшей, съ своей стороны, никакого повода къ обидѣ. Но Наполеонъ не обращалъ вниманія на требованія справедливости, ибо рѣшился каждый, неподдававшійся мирному рѣшенію, вопросъ разсѣкать мечомъ.

Скрывая истинный смыслъ римской экспедиціи, Наполеонъ увѣрилъ французовъ, что папѣ необходимо помочь для того, чтобы ослабить въ Италіи австрійское вліяніе. Притомъ же, увѣрялъ онъ, святѣйшій отецъ совершитъ въ своемъ государствѣ всѣ необходимыя реформы. Испанія присоединилась къ этому предпріятію, на которое благочестивый, хоть и не строго нравственный, испанскій дворъ смотрѣлъ какъ на новый крестовый походъ. Фердинандъ II, Неаполитанскій, также принялъ участіе въ экспедиціи, такъ-какъ сосѣдство римской республики казалось ему небезопаснымъ. Французскій корпусъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Удино, высадился въ Чивитавекіи (29 апрѣля 1849) и двинулся къ Риму. Реакція надѣялась расположить римскій народъ въ пользу Пія IX, но римляне въ эту минуту всего менѣе обнаруживали расположенія къ папѣ и рѣшились отражать нападенія французовъ. Къ тому же въ Римъ собралось много храбрецовъ изъ сѣверной Италіи, изъ Франціи и Швейцаріи. Удино, подступившій слишкомъ близко

Digitized by Google

къ городу, потерпѣлъ чувствительное пораженіе, вслѣдствіе чего удалился въ Чивитавекію ожидать подкрѣпленій. Французскихъ солдатъ увѣрили, что римляне не вынесутъ даже ихъ грознаго взгляда, а потому они были очень изумлены храброю стойкостію защитниковъ вѣчнаго города.

Іюня 3-го Удино напалъ на осажденныхъ со стороны новаго Рима, имѣя на этотъ разъ огромный перевѣсъ въ силахъ. Противъ 35,000 французскихъ солдатъ должны были ратовать только 19,000 итальянцевъ, большею частію волонтеровъ и національныхъ гвардейцевъ, которые впрочемъ въ рукопашныхъ схваткахъ нисколько не уступали французамъ. Гарибальди, командовавшій отборнымъ отрядомъ волонтеровъ, увлекалъ отрядъ свой на самые смѣлые подвиги. Онъ всегда бралъ на себя самую трудную работу, въ каждой битвѣ находился въ первомъ ряду и своимъ презрѣніемъ къ смерти удивлялъ какъ друзей, такъ и непріятелей. Многіе знаменитые итальянцы пали при защитѣ Порто Санъ-Панкраціо и древняго Яникула. Классическая почва, на которой происходила борьба, героизмъ защитниковъ Рима при громадномъ численномъ превосходствѣ ихъ противниковъ, все это придавало событіямъ особенное очарованіе. Воспоминанія о нихъ сохраняются въ Римѣ какъ національная святыня. Дѣло шло не о томъ, чтобы побѣдить (это было невозможно), но чтобъ доказать міру, что итальянцы умѣютъ умирать въ борьбѣ за свободу и за убѣжденія. Наконецъ французы, благодаря своей превосходной артиллеріи, взяли верхъ; брешь была пробита, и все было готово къ штурму. Тогда даже отважнѣйшіе изъ защитниковъ Рима нашли, что дальнѣйшее сопротивленіе безцѣльно. Муниципальный совѣтъ заключилъ съ Удино капитуляцію. Всѣ, игравшіе особенно дѣятельную роль въ республиканскомъ движеніи, оставили Римъ. Въ то время какъ французы (4 іюля) входили среди могильной тишины въ вѣчный городъ, Гарибальди съ 4,000 своихъ волонтеровъ выходилъ изъ него въ противоположныя ворота. Онъ хотѣлъ подать руку помощи венеціанцамъ, но австрійцы принудили его распустить свой корпусъ. Въ Равеннѣ умерла отъ изнеможенія силъ жена Гарибальди, урожденная бразиліанка, которая до послѣдней минуты раздѣляла съ нимъ всѣ лишенія и опасности. Самъ Гарибальди удалился сначала въ Туниесъ, потомъ въ Америку, гдѣ жилъ до 1854 года, не покидая надежды на освобожденіе Италіи.

Римъ долженъ былъ снова подчиниться духовной власти;

Digitized by Google

4 апрѣля 1850 года, Пій IX возвратился въ свою столицу, но нашелъ въ ней далеко не ту довѣрчивую народную массу, которая возлагала на него въ 1848 году такія святыя надежды. Пій IX окончательно утратилъ свою популярность и въ слѣдующіе годы могъ держаться только подъ защитою французскихъ солдатъ—положеніе, какъ для свѣтскаго владыки, такъ и для главы католицизма, унизительное и опасное!

Digitized by Google

ИЗЪ В. ГЮГО.

Когда позоръ и угнетенье
Царятъ надъ Франціей моей
И съ укоризною презрѣнья
Повсюду говорятъ о ней;

Когда, республика святая,
Дѣянія твоихъ сыновъ
Поноситъ, дерзко осуждая,
Толпа лакеевъ и рабовъ;

Когда свобода въ тьмѣ могилы
Погребена, и низкій страхъ
Предъ самовластьемъ дикой силы
Повергнулъ души всѣ во прахъ;

Когда, подъявши мечъ кровавый,
Безчеловѣчная вражда
Своихъ убійствъ гордится славой —
Гдѣ миръ душѣ найдти тогда?

Въ моемъ изгнаньи одинокомъ
Брожу, съ печалію въ груди,
На этомъ островѣ далекомъ,
И жду лишь бѣдствій впереди.

Лежитъ на небѣ мгла тумана,
Катясь къ подножью сѣрыхъ скалъ,
Бушуютъ волны океана
И вѣтеръ воетъ, какъ шакалъ.

Съ тоской внимаю бури звуки,
И, мнится мнѣ, стихій въ борьбѣ
Я слышу голосъ тайной муки
О человѣческой судьбѣ.

Digitized by Google

О, міръ проклятій, міръ страданій,
Міръ властелиновъ и рабовъ!
Когда ты отдохнешь отъ браней,
Когда ты сбросишь гнетъ оковъ?

Иль вѣчно, полны непріязни,
Презрѣвъ свободу и любовь,
Осуждены всѣ люди казни —
Лить человѣческую кровь?

Увы, въ грядущемъ, полный горя,
Не вижу я предѣловъ зла;
А въ настоящемъ... Волны моря!
Шумите громче, съ вѣтромъ споря,
Ложись темнѣе бури мгла!

В. Буренинъ.

Digitized by Google

НЕ СОВСѢМЪ ОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

Ивана Пасмурнаго.

I.

Изъ Нижняго въ Казань.

Я занимался составленіемъ апелляціонной жалобы для одного изъ моихъ кліентовъ; возлѣ меня сидѣлъ господинъ, ожидавшій совѣта по исковому дѣлу; вошли нѣсколько крестьянъ за полученіемъ написанныхъ прошеній, частныхъ, аппелляціонныхъ и кассаціонныхъ жалобъ; затѣмъ вошелъ полицейскій чиновникъ, не разъ уже обращавшійся за совѣтомъ по служебнымъ своимъ дѣламъ.

— Садитесь, пожалуйста. Что опять мировой судья недоволенъ вами?

— Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ мой знакомый: — я по дѣлу другому, экстренному.

Въ тонѣ и осанкѣ полицейскаго чиновника чуялось что-то недоброе.

— Говорите.

— Пойдемте въ другую комнату,

Полицейскій чиновникъ показалъ мнѣ слѣдующее: „Имѣю честь покорнѣйше просить полицейское управленіе немедленно арестовать проживающаго въ Н. коллежскаго секретаря Ивана Пасмурнаго, обвиняемаго въ двоеженствѣ, то-есть преступленіи, подвергающемъ его, на основаніи 1554 ст. ул. о нак., лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, и препроводить его къ слѣдствію въ городъ Уфу. Исправляющій должность судебнаго слѣдователя А.“

Digitized by Google

Тысячи мыслей озарили мою бѣдную голову... Я имѣлъ несчастіе жениться на дѣвушкѣ, объявившей мнѣ сейчасъ же послѣ брака о своихъ вовсе несемейныхъ цѣляхъ замужства; разумѣется, произошла размолвка; я уѣхалъ, она съ своимъ Ловеласомъ продолжали меня оскорблять, я обнаружилъ дѣло во всей его наготѣ; казалось бы, конецъ всему; но бѣда въ томъ, что я имѣлъ неосторожность передать своей нареченной супругѣ о старой ошибкѣ моего формулярнаго списка, въ которомъ было записано имя одной особы, никогда, впрочемъ, не бывшей моей женою. Ошибка давно ужь исправлена, но, вѣроятно, есть поводъ къ слѣдствію... Однакожь, какъ арестовать, не объявивъ постановленія, поводовъ, не предъявивъ повѣстки?

Судили, рядили, и порѣшили, что все-таки ѣхать необходимо.

— Какъ же вы поѣдете? спрашивалъ меня NN черезъ нѣсколько времени.

— Какъ обыкновенно ѣздятъ въ этихъ случаяхъ порядочные люди.

— Поѣзжайте по этапу.

— Что вы!

— Право, поѣзжайте, не будете раскаяваться: вопервыхъ, дешевле; вовторыхъ, объясненіе, какое вы ужь послали, потребуетъ мѣсяца на два справокъ,—вотъ время-то, употребленное для справокъ, вы и проведете въ дорогѣ.

— А что вы думаете? совѣтъ хорошъ, тѣмъ болѣе, что и денегъ у меня теперь мало.

Такъ рѣшили, и меня, Ивана Вуколовича Пасмурнаго, препроводили въ губернское правленіе для отправки по этапу.

— Иванъ Вуколовичъ! встрѣтилъ меня знакомый канцелярскій чиновникъ:—по этапу?

— Да!

— Это ужасно! вы не знаете этого пути... это крестный путь, путь преступниковъ. И все это отъ бабъ! воистину, не рыба въ рыбѣхъ ракъ, а не человѣкъ въ человѣцѣхъ жена!

На это я ужь не зналъ, что̀ отвѣчать.

— Вамъ подводу дадутъ, какъ бы въ утѣшеніе прибавилъ онъ:—надѣетесь оправдаться?

— Да, я не двоеженецъ.

— Одежда на васъ своя? спросилъ меня чиновникъ, писавшій списки отправляемыхъ.

— Своя.

— Елена Понурова! закричалъ онъ, и къ нему подошла дѣвушка.

Digitized by Google

— Одежда? показывай ноги, чулки суконные... коты нужно? нужно, что-ли?

— Все нужно-съ, ничего нѣтъ, отвѣчала дѣвушка, повертываясь.

— Епистимій Скакуновъ! сюда!

— У меня ничего нѣтути, все какъ ни на есть давайте!

— Не больно прытко; ты знаешь, гдѣ находишься!

Настало молчаніе, перья скрипѣли.

— Штана и рубаха! кончалъ! говорилъ татаринъ.

— Ладно.

Теперь вамъ нужно будетъ отправиться въ пересыльную тюрьму. Это ужь у насъ такой порядокъ. Пересыльная тюрьма препровождаетъ въ пересыльную часть, а изъ пересыльной части уже начинается церемоніалъ этапа.

— Но если этапъ по какимъ-нибудь причинамъ теперь не отправится?

— Тогда вамъ придется посидѣть въ тюрьмѣ.

— Это ужасно!

— Имѣйте также въ виду, что вамъ съ собою нельзя брать болѣе тридцати фунтовъ.

— И это неладно:—у меня клади пудовъ пять.

— Нельзя, возьмите только тридцать фунтовъ.

Мнѣ не удалось, впрочемъ, быть въ пересыльной тюрьмѣ; устройство поклажи задержало меня и я засталъ уже перекличку.

— У меня украли вариги! отозвался одинъ арестантъ при перекличкѣ.

— Не до разбирательства — выходи!

Арестанты поочередно выходили на дворъ пересыльной тюрьмы. Меня сочли за личность, непринадлежавшую къ этапу, и пригласили въ канцелярію.

— А! воскликнулъ письмоводитель:—такъ вы тотъ самый, котораго недоставало. Коллежскій секретарь Пасмурный?

— Да.

— Есть, есть, ваше имя въ спискѣ; можете воспользоваться, и подвода будетъ.

Меня показали смотрителю.

— А! и вы по этапу? Тяжеловато вамъ будетъ... а что же не на свой счетъ? Много бы лучше было, приличнѣе, говорилъ смотритель.

— Еще бы! средствъ нѣтъ.

— Да вѣдь вы чиновникъ и, кажется, адвокатъ?

— Да.

Digitized by Google

— Слышалъ, батюшка, по бабьей части тамъ что-то. Душевно жалѣю.

Меня показали старшему унтеръ-офицеру, назначенному для препровожденія партіи. Партія двинулась по направленію къ пересыльной части. Старшій унтеръ-офицеръ взялъ на себя мой саквояжъ, предупредивъ, что подвода ожидаетъ у пересыльной части.

— Мы пришли сюда доказать, что у тебя есть друзья, говорила мнѣ, входя въ пересыльную часть съ сыномъ своимъ, мать моей первой покойной жены.

На глазахъ ея были слезы; средства существованія этой женщины заключались въ моихъ трудахъ, которые теперь прекращались.

Между тѣмъ, на дворѣ пересыльной части построились двѣ партіи: одна подъ названіемъ „не въ родѣ арестантовъ" — это были солдаты, до пятидесяти человѣкъ, слѣдующіе по казанскому и вятскому тракту въ безсрочные и временные отпуски; другая партія состояла изъ тридцати арестантовъ. У солдатъ были на плечахъ котомки, одежда ихъ далеко не соотвѣтствовала стоящимъ морозамъ (былъ декабрь), но бо́льшая часть ихъ были бодры, нѣкоторые шутили. Арестанты были тоже бодры, кандальщики побрякивали своими кандалами; одинъ изъ нихъ, низенькій, плотный, казался особенно веселымъ; наручники (арестанты въ наручняхъ) представляли менѣе бодрый видъ и два-три арестанта, свободные и отъ кандаловъ и отъ наручней, были грустны. При осмотрѣ арестантовъ, выступилъ человѣкъ лѣтъ сорока, средняго роста, брюнетъ, съ черною бородою.

— Ваше благородіе, моей жинци подводу пожалуите!

— Тебѣ не слѣдуетъ, отвѣчалъ офицеръ.

— Якъ не слидуіе? У мене жинка беременна, пожалуите подводу...

Возлѣ него стояла молодая женщина, пытавшаяся остановить его.

— Якъ угодно! Онъ бросилъ на землю огромную, лежавшую на немъ, котомку.—По закону подвода моей жинци полагается!

Начальство переглянулось, и жену Леонтія Саврина, Катерину посадили къ больнымъ. Мнѣ пришлось сѣсть на подводу съ коллежскимъ регистраторомъ Иваномъ Николаевичемъ, довольно веселымъ и очень обрадованнымъ тѣмъ, что съ нимъ имѣется дворянская компанія, то-есть я.

Впереди солдаты, не въ родѣ арестантовъ, толпою, затѣмъ попарно арестанты, имѣя по сторонамъ солдатъ съ ружьями,

Digitized by Google

далѣе подвода съ больными, и при ней два солдата съ ружьями по бокамъ, далѣе подвода съ дворянами (мною и Иваномъ Николаевичемъ), и при ней солдатъ съ ружьемъ, позади молодой унтеръ-офицеръ съ тесакомъ и удалыми ухватками. Таковъ былъ церемоніалъ этапа при движеніи его изъ губернскаго города. Медленно, шагъ за шагомъ, тянулась процессія.

Иванъ Николаевичъ разсказалъ мнѣ о причинахъ своего слѣдованія этапомъ: въ пьяномъ видѣ, онъ толкнулъ старшаго по службѣ товарища; было слѣдствіе, прокурорскимъ надзоромъ дѣло прекращено, но административнымъ порядкомъ онъ высылается въ Вятку. Далѣе разговоръ его сильно клонился къ тому, чтобы выпить. Мнѣ было не до того. Онъ передалъ мнѣ, что въ партіи есть личность нѣкто Тарасевичъ, имѣющій притязаніе на дворянство, но такъ-какъ его притязаніе начальствомъ не уважено, то онъ идетъ пѣшкомъ, что̀ его очень отягощаетъ. Переговорили съ старшимъ унтеръ-офицеромъ, и Флоріанъ Тарасевичъ, въ арестантскомъ костюмѣ, очень довольный вниманіемъ къ нему, усѣлся съ нами.

— Вотъ, какъ видите, говорилъ Тарасевичъ: — не знаю просто, за что мнѣ бѣда такая; вопервыхъ, за дворянина не считаютъ; вовторыхъ, меня хотѣли сами поляки повѣсить, я бѣжалъ, а меня поймали, да въ Сибирь сослали; политики я никакой не знаю и не знаю, что̀ за политика тамъ какая, а меня назвали въ бумагахъ „политическій ссыльный". Жилъ въ Сибири я порядочно, потомъ захотѣлъ во внутреннія губерніи — вотъ и пересылаютъ изъ губерніи въ губернію...

Ночлегъ предназначался въ деревнѣ Ликѣевой, но на половинѣ дороги мѣняются подводы, въ сторонѣ отъ этапнаго пути, въ селѣ Котовѣ, между тѣмъ, какъ пѣшая партія идетъ своимъ шагомъ, не заходя въ это село. Это обстоятельство доставило намъ возможность, вопервыхъ, познакомиться ближе съ старшимъ унтеръ-офицеромъ, отъ котораго болѣе или менѣе зависѣла легкость или трудность нашего пути, а вовторыхъ, по перемѣнѣ подводъ, слѣдовать къ деревнѣ Ликѣевой не шагомъ, но легкой рысью.

Иванъ Николаевичъ завелъ разговоръ съ старшимъ о возможности выпить и послѣ нѣкоторыхъ недоумѣній заключено было условіе сдѣлать складчину, угостить конвойныхъ и старшаго, больныхъ или сидящихъ на подводѣ арестантокъ, которыя кромѣ того должны были уплатить за право выпивки по пяти копѣекъ. Условіе было выполнено въ точности и Иванъ Николаевичъ былъ очень доволенъ.

Digitized by Google

Старшій унтеръ-офицеръ чувствовалъ потребность высказаться о способахъ дальнѣйшаго путешествія; разговоръ не вязался, такъ-какъ ему непремѣнно хотѣлось сохранить тонъ человѣка, желающаго сдѣлать намъ нѣкоторыя одолженія, между тѣмъ, какъ суть дѣла заключалась въ нашихъ одолженіяхъ для него.

— Вы ничего не безпокойтесь, говорилъ старшій унтеръ-офицеръ:—для васъ можно сдѣлать всякое снисхожденіе.

— А какое бы это снисхожденіе? Снисхожденіе! Ничего я тебѣ не дамъ за это снисхожденіе; я коллежскій регистраторъ, говорилъ Иванъ Николаевичъ, у котораго начинали дѣйствовать винные пары.

— Помилуйте-съ! развѣ мы вымогательства дѣлаемъ? да и не вамъ я говорю, потому что вы выпивши очень, а вотъ барину...

— Барину... а я развѣ не баринъ? Да я... да я... ты знаешь что!

— Какъ не знать! откинулъ старшій и продолжалъ обращаться ко мнѣ:—для васъ все можно сдѣлать: первое—пища, чтобы была хорошая, потомъ помѣщеніе чтобы отдѣльное. А то вѣдь просто бѣда. Вотъ хоть бы недавно препровождали одного поручика, тоже взъерошился: я, говоритъ, самъ ротнымъ былъ, сталъ ругать конвойныхъ, тоже былъ выпивши, пыль намъ хотѣлъ пустить, да пыль-то вышла изъ грязи, мы ему тоже пыль пустили, заключили на запоръ съ арестантами, бьется нашъ офицеръ, просится, двери ломаетъ, арестантовъ ругаетъ: я, говоритъ, не такой, какъ вы!

Мы поняли другъ друга,—и я просилъ старшаго принять отъ меня, назначаемыя мнѣ посуточно, кормовыя (по 15 коп. сер.) и кромѣ того довольствоваться моею пищею. Лошади шли рысью. Иванъ Николаевичъ спалъ, Флоріанъ уткнулъ носъ въ свой полушубокъ; старшій, присѣдая изрѣдка то на одну, то на другую подводу, бѣжалъ рядомъ съ подводами. Къ вечеру становилось холоднѣе, по небу ходили тучки.

— Морозу не будетъ, дойдемъ до Василя безъ морозу, говорилъ старшій.

— Почему вы думаете?

— Темныя тучки ходятъ; мнѣ такое ужь счастье: какъ только моя командировка, непремѣнно потеплѣетъ.

— Этапъ!

Передъ нами, въ сторонѣ отъ дороги, выросло длинное сѣрое деревянное зданіе; его окружали деревянныя развалины, остатки прежнихъ построекъ; въ крыльцѣ зданія недоставало досокъ, перила были изломаны.

— Туда, туда! показалъ мнѣ путь въ корридоръ конвойный.

Digitized by Google

— Не тронь, не твое дѣло, они со мною! отвѣчалъ старшій, и мы вошли въ помѣщеніе этапнаго сторожа, состоявшее изъ просторной кухни.

— Пища, самоваръ?

— Есть, апатичнымъ голосомъ отвѣчалъ старикъ сторожъ.

Старуха засуетилась.

— Угарно вездѣ, сообщалъ ефрейторъ старшему: — топятъ только передъ приходомъ партіи, а цѣлую недѣлю морозятъ этапъ. Дворянъ куда? Ивана Николаевича я къ бабамъ вмѣстѣ съ конвоемъ...

— Ладно.

— А энтаго, третьяго дворянина, Тарасевича, куда?

— Его въ общую арестантскую на запоръ. Какой онъ дворянинъ! ему и подводы не полагается.

— Онъ просится съ Иваномъ Николаевичемъ остаться.

— Ну, какъ знаешь!

Меня давили первыя впечатлѣнія этапнаго пути. Выпивши чашки двѣ чаю, я поспѣшилъ расположиться для ночлега.

„Вы не знаете этого пути: это путь преступниковъ“, слышались мнѣ слова чиновника губернскаго правленія. „Длинный это путь! Преступники? Да развѣ не было между преступниками честныхъ, хорошихъ людей? И развѣ подъ маскою честныхъ людей не живутъ истинные преступники?

Хиба люды знаютъ, кого треба лаять,
Кого катовать?...

слышались мнѣ слова Тараса Шевченко. Грезы становились смутнѣе, наставалъ сонъ, возставали образы и лица, начиналась жизнь какого-то страннаго, чуднаго міра; то былъ міръ сновидѣній. Но вотъ долетаютъ ругательства, страшныя ругательства. Это ужь на яву конвойные ругаются.

— Играли они въ карты ночью! кричалъ одинъ:—ты съ нихъ взятку взялъ, ты самъ игралъ съ ними!

— Врешь, такой сякой, ты вчера съ нихъ полштофа выпилъ!

Старшій вздумалъ остановить ихъ.

— Ты, старшій, не мѣшайся, ты вчера взялъ по три копѣйки за наручники (чтобы снять ихъ съ арестантовъ) и въ наше дѣло не мѣшайся.

Самоваръ былъ готовъ, потомъ подводы, и снова въ путь.

Былъ легкій морозецъ, свѣтило солнце, подорожныя березы сверкали инеемъ. Звучатъ кандалы, высятся ружейные штыки, тянутся подводы.

Digitized by Google

— Стой, привалъ!

Съ приваломъ пробуждается у Ивана Николаевича мысль о выпивкѣ.

Нѣкоторые арестанты садятся на снѣгу, вынимаютъ изъ котомки хлѣбъ для завтрака, другіе похаживаютъ; на пригоркѣ виднѣется „питейное заведеніе", конвойные жалуются на холодъ, намекаютъ на плохое житье, арестанты пересматриваются, староста начинаетъ хлопотать возлѣ нихъ: съ однимъ совѣщается, съ другимъ споритъ.

— Нѣтъ, дѣло неладно... говоритъ онъ:—послѣ, послѣ, еще не разбогатѣли!

Партія поднимается; Иванъ Николаевичъ очень недоволенъ: выпивка не состоялась.

— Дураки! говоритъ онъ, заключая свои томительныя ожиданія.

Виднѣется село Слободское, совѣщаются арестанты съ конвойными о томъ, какой стороной села идти; это обстоятельство вообще при проходѣ этапа селами и городами имѣетъ важное значеніе, потому что избраннымъ путемъ обусловливается количество и качество подаянія.

— Стой, стой! кричитъ женскій голосъ.—Старшаго, старшаго!

Этапъ останавливается.

— Старшій, батюшка, надѣнь ты мнѣ наручники, да желѣзами окуй, какъ хочешь — вонъ Слободское видно.

— Нельзя! отвѣчаетъ старшій. — Ты, баба; для бабъ ни кандаловъ, ни наручниковъ не полагается.

— Ну, пожалуйста, я тебѣ четвертакъ отдамъ.

— Нельзя... конвойные.

— Я и конвойнымъ...

— Убирайся! это меня не касается. Тамъ у васъ ефрейторъ, я при подводахъ.

— Батюшка, ефрейторъ!

Слышенъ хохотъ конвойныхъ.

— Вы смотрите, ведите меня, какъ на разстрѣлъ! командуетъ женщина.

— Что это значитъ? спрашиваю я у Ивана Николаевича.

— Это значитъ, отвѣчаетъ Иванъ Николаевичъ:—будетъ выпивка! Вѣдь чѣмъ торжественнѣе церемонія этапа и кандаловъ, тѣмъ болѣе состраданія у жителей, тѣмъ больше подаяній.

Началось движеніе партіи по Слободскому. Изъ переулковъ выбѣгаютъ женщины съ подаяніемъ: пироги, хлѣбъ, деньги, съ деньгами преимущественно бѣгутъ къ тяжкой преступницѣ Вѣрѣ

Digitized by Google

Ивановой. „Сердечная ты моя!“ слышится старушечій голосъ.— „Занапрасно!“ слышится голосъ изъ арестантской партіи. Подаянія валитъ арестантскій староста въ складъ на подводы. За Слободскимъ привалъ; освобожденіе отъ желѣзъ Вѣры, дѣлежъ подаянія и денегъ, дворяне къ дѣлежу не допускаются. Иванъ Николаевичъ выводитъ изъ этого заключеніе, что дворяне не арестанты, и внушаетъ это ефрейтору. Подводы остановились въ Слободскомъ для перемѣны лошадей, партія шла впередъ, выпивка совершилась тихо, незамѣтно. Иванъ Николаевичъ протестуетъ:

— Ка̀къ, арестанты-кандальщики и тѣ выпили, а я, а я?

— Не полагается, объяснительно отвѣтствуетъ старшій.

— Что ты? Да ты въ своемъ ли умѣ? Какъ не полагается! тамъ купили полведра, а мнѣ и косушки нельзя!

— Да вы, Иванъ Николаевичъ, какъ выпьете, сейчасъ всю губернію хотите уничтожить!

— Ну, я не буду... я только косушку...

Получается разрѣшеніе.

Лошади идутъ легкой рысью. Старшій дѣлается разговорчивѣе.

— Вотъ теперь и шутите съ арестантами! разсуждаетъ старшій: — ихъ дѣло лучше солдатскаго: солдатъ получаетъ шесть копѣекъ, а арестантъ—десять; солдатъ не смѣй просить подаянія, а арестантъ сытъ отъ подаянія; арестантъ приходитъ на этапъ для покоя, а солдатъ — для безпокойства. Онъ долженъ помѣстить арестантовъ, успокоить, стеречь ихъ, политику держать между ними, чтобы жалобъ и дракъ не было. У арестантовъ другой разъ раздолье, картишки, а солдатъ смотри, да облизывайся. Что̀ подадутъ арестанты изъ милости, тѣмъ и будь доволенъ. Другой солдатикъ не знаетъ еще ихняго порядка, возьметъ его досада, повелѣвать начнетъ, прикладами начнетъ ихъ душить за карты, да за прочее, а потомъ раскается: арестанты тоже найдутъ, чѣмъ отплатить ему. Не одинъ солдатикъ пропалъ, за то, что не умѣлъ водиться съ арестантами. И вѣдь притча какая!.. Выйдутъ арестанты съ мѣста голь-голью, смотрѣть не на что, два-три села пошли—и богаты стали. Да еще я вамъ скажу: другіе, ходя по этапу, состояніе наживали... иной нарочно проберется въ Питеръ, объявитъ, что паспортъ потерялъ, ну и валяй по этапу! да еще кандаловъ проситъ...

— Будто ужь и кандаловъ? спросилъ Иванъ Николаевичъ.

— А конечно всякому арестанту охотнѣе надѣть кандалы, чѣмъ наручники: кандалы на ногахъ, а ноги въ теплѣ... а наручники не въ примѣръ хуже кандаловъ. Кандалами арестантъ знай себѣ

Digitized by Google

побрякиваетъ, а въ наручникахъ медвѣдемъ смотритъ; другому арестанту такъ скрутятъ наручниками руки, что пальца не двинетъ!.. Насмотрѣлся я! Да что толковать! У насъ только и доходъ отъ наручниковъ, послѣднюю копѣйку арестантъ отдастъ, чтобъ не вязали ему руки желѣзами.

Мы проѣзжали деревню Поляны, за нею виднѣлось длинное зданіе этапа.

Было 15-го декабря, вечерѣло, темныя тучки выходили съ запада, снѣгъ былъ мягкій; близилось къ оттепели, на этапномъ крыльцѣ высматривали насъ конвойные солдаты, прежде насъ пришедшіе съ партіею.

— Встрѣчная партія изъ Василя скоро будетъ, докладывали конвойные.

— Ну, смотрите не зѣвать! отдалъ приказаніе старшій.

Встрѣча двухъ арестантскихъ партій въ этапныхъ помѣщеніяхъ сопровождается всегда непріятностями. Въ длинныхъ этапныхъ зданіяхъ Нижегородской губерніи двѣ камеры: одна большая, — это общая арестантская съ нарами человѣкъ на 30; другая, меньшая, для конвоя, гдѣ большею частію помѣщаютъ и арестантокъ, а ежели и случится, то тутъ же слѣдующихъ по этапу дворянъ, или чиновниковъ. Затѣмъ параллельно къ этимъ камерамъ расположенъ широкій коридоръ съ нарами, но какъ холодный, зимою онъ для помѣщенія совершенно неудобенъ. Наконецъ у сторожа этапа есть уголокъ для лицъ, исходатайствовавшихъ себѣ право не мѣшаться съ арестантами.

При столкновеніи въ такомъ помѣщеніи двухъ партій, каждая силится занять лучшія мѣста. Преимущество, разумѣется, остается за тою, которая прежде пришла; но бываютъ случаи, что избѣгая неудобствъ помѣщенія холоднаго коридора, конвойные вступаютъ между собою въ борьбу, которая и рѣшаетъ выборъ мѣста. На наше счастье, вскорѣ пришедшая партія изъ Василя состояла, считая съ конвойными, изъ восьми человѣкъ, которые нисколько не стѣснили насъ. Въ Полянскомъ этапѣ назначается дневка, которой должны подвергаться и слѣдующіе на подводахъ. Дневка въ хорошемъ этажѣ для большой партіи — праздникъ. Но полянскій этапъ нельзя назвать хорошимъ: зданіе разваливающееся, боковыя пристройки этапа полуразрушены. Арестантки занялись на дневкѣ мытьемъ кое-какого бѣлья; арестанты съ полянскаго этапа начинали свою жизнь, свое арестантское хозяйство.

Староста ужь былъ выбранъ. Ежели вы взглянете на входящую въ общую камеру партію, вамъ представится неутѣшительная

Digitized by Google

картина. Усталость у нѣкоторыхъ доходитъ до изнеможенія; адская музыка кандаловъ, досада на безутѣшность положенія, выражаемая страшными ругательствами, толкотня, пинки болѣе слабымъ, ожесточеніе, отталкивающее всякую потребность дружбы, утѣшенія и состраданія... Зайдите въ общую камеру арестантовъ, когда они уложились и расположились каждый на избранныхъ ими двухъ-трехъ доскахъ широкихъ наръ, и вы увидите другую картину: вамъ покажется, что арестанты расположились въ этой камерѣ для того, чтобы никогда изъ нея не выходить: такъ устроились они уютно, покойно, у каждаго свое мѣсто, имѣющее характеръ отдѣльнаго помѣщенія. Кто лежитъ сибаритомъ, затягиваясь запрещенной папироской; вотъ нѣсколько арестантовъ сидятъ за самоваромъ, пьютъ чай со сливками и бѣлымъ хлѣбомъ; подаяній довольно; у каждаго есть лакомый кусокъ и пирога и бѣлаго хлѣба, да и на дневку несутъ подаянія—лицами, молокомъ, творогомъ.

Поднимается вопросъ между арестантами „о майданѣ".

— Кто хочетъ быть майданщикомъ, кто открываетъ майданъ? раздается голосъ.

Идутъ по уголкамъ втихомолку совѣщанія.

Солдаты не мѣшаютъ арестантамъ; они заперли ихъ въ общей камерѣ на огромный замокъ и входятъ въ сношеніе при переговорахъ, касающихся какихъ-либо новыхъ льготъ и улучшеній; кромѣ того, солдаты же распоряжаются о доставленіи арестантамъ требуемой ими пищи, запасаемой обыкновенно сторожемъ этапа. Майданщикъ—это личность, обязанная внести въ артель извѣстную сумму за право торговли, примѣняясь къ нуждамъ арестантовъ, предметамъ арестантскихъ потребностей и преимущественно удовольствій; карты, табакъ, если можно водка, чай, сахаръ, должны составлять основную торговлю майдана. По объявленному вызову, одинъ изъ арестантовъ изъявилъ желаніе держать майданъ вплоть до Казани, за что и предложилъ въ артель 50 к. сер. Дѣло сдѣлано, майданъ открытъ, свѣчи куплены. Вечеромъ общая камера имѣетъ видъ клуба. Въ майданѣ неумолкаемо кипитъ самоваръ, идетъ карточная игра, иногда въ нѣсколькихъ кружкахъ; оборотъ игры съ каждымъ этапомъ, смотря по качеству и количеству подаянія, постепенно расширяется; въ этотъ оборотъ, между прочимъ, входятъ деньги, выручаемыя за утаенныя арестантскія вещи, за вещи, попавшія въ подаяніе — холстъ, иногда бѣлье, чулки и проч., наконецъ, самыя кормовыя деньги (10 коп. въ сутки), безъ которыхъ, при хорошемъ подаяніи, арестантъ легко обходится.

Digitized by Google

Малая камера, помѣщеніе солдатъ и женщинъ, имѣетъ совершенно другой характеръ. Женщины, потрудившись на дневкѣ за бѣльемъ, вечеромъ или разсказываютъ подробности своей жизни, или гадаютъ желающимъ въ карты, ежели таковыя попадутъ имъ въ руки. Солдаты на дневкахъ являются большею частью покровителями женщинъ, хотя послѣднія, кромѣ робости, никогда ничѣмъ имъ не отвѣчаютъ. Арестантка всегда скорѣе окажетъ вниманіе арестанту, нежели солдату.

Вѣра Иванова, дебютировавшая въ роли тяжкой преступницы, для усиленія подаянія, оказалась ворожеею. Она не любила много разсказывать о своей жизни и разсказывала о себѣ разно. Иногда, примѣняясь къ тону солдатскаго разговора и убѣжденію солдатъ, что ежели кто слѣдуетъ по этапу, то непремѣнно долженъ быть въ чемъ-нибудь виновнымъ, — она выдавала себя за воровку, которой удалось избѣжать суда, и слѣдуетъ, дескать, она теперь на жительство къ мужу. Иногда, примѣняясь къ убѣжденіямъ арестантокъ, слѣдовавшихъ для водворенія въ жительство въ мѣстахъ ихъ родины, она разсказывала, что воровкой никогда бы не была, еслибы не мужъ ея, который, у барина укравши деньги, ушелъ, а на ней осталось подозрѣніе. При ворожьбѣ, Вѣра Иванова никогда никому не говорила предсказаній, но въ словахъ ея проглядывало знаніе жизни. Старшему унтеръ-офицеру она разсказала о его отношеніяхъ къ особѣ, которая не можетъ быть вполнѣ ему предана, потому что у него не хватаетъ средствъ на ея содержаніе, и на этомъ мотивѣ построила по картамъ цѣлый романъ его любви, борьбы, ожесточенія противъ обстоятельствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, нетерпѣливыхъ надеждъ на счастіе.

Жена малороссіянина, протестовавшая за недачу ей подводы, была изъ Красноярска; родившись въ Красноярскѣ, она вышла замужъ за ссыльнаго поселенца Леонтія Савчука, при чемъ ей выдано, по принятому тамъ обычаю, 50 р. сер. Жили они порядочно, въ довольствѣ, но мужу мерещилась все родина. „Покоя не было ему“, разсказывала Катерина: „спитъ и видитъ во снѣ, что онъ въ Черниговской губерніи, на прежнемъ хуторѣ, его вѣдь сослали на поселеніе за грубыя слова барину... Жили мы въ Красноярскѣ хорошо, лошадь была у Леонтія, коровы, хозяйство. Занимался Леонтій извозомъ, а все, бывало, разсказываетъ про Черниговскую губернію: и люди-то тамъ добрѣе, и поле не такое, какъ здѣсь, и лѣсъ другой совсѣмъ, и овощи всякой больше. Сталъ онъ меня уговаривать, чтобы ѣхать въ Черниговскую губернію; выхлопотали мы бидетъ на три года и

Digitized by Google

поѣхали; дорогою продали лошадь и все лишнее, хорошо продали и поѣхали на пароходѣ, а потомъ поѣхали по желѣзной дорогѣ; очень весело было! Пріѣхали мы въ самую Черниговскую губернію, въ самый хуторъ. Леонтій сейчасъ узналъ и хуторъ и домъ отца своего, прямо на дворъ въѣхали... Тутъ выбѣжала старуха, какъ закричитъ на насъ: „Чого вы идьте собі... тутъ нема вамъ міста... идить собі... тутъ не можно, не туды попали; ге, чуете що вы за люды таки! Кажу іидьте собі!“ А Леонтій будто не слышитъ, лошадь выпрягаетъ. „Вставай—говоритъ — жинко, до дому прыіихали?“ А старуха все кричитъ: „Що вы за люды таки?...“ „Да ось скажемъ що за люды!“ отвѣчаетъ Леонтій и ведетъ меня въ избу, а изба хорошая, бѣлая и снаружи и внутри. „Здорові теперь булы матусю, чи пизналы?“ сказалъ Леонтій. Какъ закричитъ старуха, какъ ударится въ слезы, бросилась на Леонтія, цалуетъ его, въ губы цаловала, потомъ въ голову, потомъ въ руки стала цаловать. „Сыночку мій, любый мій, чи сежь ты?...“ „Я мамо, я мамо!“ говоритъ Леонтій; обнялись они со старухой и припалъ къ ней на колѣняхъ Леонтій... ноги матери цаловалъ... „А се жинка моя изъ самаго Красноярска!“ „Якажъ гарна!“ сказала старуха, да и ну цаловать меня. Отца дома не было, послали за отцомъ, радости было много! Было намъ хорошее житье, лучше чѣмъ въ Красноярскѣ. Леонтій въ поле ходилъ работать, вмѣсто стараго отца, все самъ сталъ дѣлать... Прожили мы два года, не видѣли какъ время прошло. На третій годъ, какъ оканчивался срокъ нашего билета, стали мы хлопотать о припискѣ къ обществу. А барыня въ хуторѣ живетъ прежняя, вдова; вотъ она призываетъ къ себѣ отца Леонтія, разспрашиваетъ о насъ и говоритъ: „Я не хочу, чтобы они здѣсь жили, чтобы они близко здѣсь были, они изъ Сибири, они меня сожгутъ, чего имъ тутъ нужно, пусть идутъ назадъ въ Сибирь...“. „Бога бойтесь, барынька!“ просилъ отецъ Леонтія... Ничего не помогло!... Не успѣли мы еще кончить хлопотъ о припискѣ въ общество, а она ужь бумагу написала становому, потомъ другую. Какъ ни просили, погнали насъ по этапу, вотъ и идемъ теперь въ Красноярскъ...“.

Затѣмъ въ малой камерѣ помѣщалась еще одна арестантка 19-ти лѣтъ, Елена, которую и прозвали въ партіи „прекрасною Еленою“. Это была просто „бродяжка“. Вышла она на семнадцатомъ году замужъ за пьяницу-мастероваго, бросила его, живала какъ попало, не справляясь съ улож. о наказаніяхъ, съ письменнымъ видомъ и безъ письменнаго вида, и въ горнич-

Digitized by Google

ныхъ, и въ экономкахъ; у холостыхъ людей, и въ нумерѣ гостиницы; то барыней, платившей ежедневно за уборку своей головы по 50 к. сер., то слугой, разсчитывающей выйти въ барыни, то въ парадныхъ кринолинахъ, украшенная буклями, золотыми булавками, браслетами, кольцами, то въ одной дырявой юбчонкѣ, нищенкой, продающей на толкучемъ рынкѣ остатки недавней роскоши. Теперь ее пересылали за неимѣніе письменнаго вида, по наведеннымъ справкамъ, къ мужу въ Казань.

Елена была здорова и весела, этапный путь нисколько не огорчалъ ее, онъ былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ей выгоденъ; взяли ее за безпись менность въ грязной трущобѣ, живущею на остатки прежней одежды, которую она успѣла почти всю сбыть за четверть цѣны; въ замѣнъ рубищъ, выдали ей на дорогу казенную обувь и одежду, кормили, поили, и бодро шла Елена, нисколько не подозрѣвая, что этой бодростью и веселостью совершалась ея побѣда надъ обстоятельствами жизни. Она никогда не просила о подводѣ, никогда не жаловалась на утомленіе, въ стиркѣ бѣлья она превосходила другихъ своею силою; ей полюбилось общество арестантовъ, и часто забывая о конвойныхъ и о подругахъ-арестанткахъ, она торчала у окошечка общей арестантской камеры, переговариваясь съ молодыми арестантами.

— Посмотрите-ка, что тутъ? говорилъ мнѣ старшій унтеръ-офицеръ.—Я грамотѣ знаю, да не больно.

— Открытый листъ на двѣ лошади за прогоны...

— Ну, вы не громко... мы беремъ вѣдь одну лошадь только...

— Стало быть, лошадь Ивана Николаевича въ карманѣ?

— Не говорите ему. Контромарки... разъ, двѣ, три, четыре... Эге... стало быть, одну можно спустить здѣсь хозяину!

— Какъ спустить?

— Такъ, ничего-съ, это наше дѣло...

По сдѣланіи старшимъ соображеній и распоряженій, мы снова отправились въ путь. Иванъ Николаевичъ былъ недоволенъ.

— Старшій нашъ—мошенникъ, говорилъ онъ: — мои деньги крадетъ, вѣдь мнѣ слѣдуетъ отдѣльная подвода, а онъ меня съ вами сажаетъ; онъ крадетъ мои деньги; стой, стой. Старшій, а старшій!...

Подходитъ старшій.

— Мнѣ слѣдуетъ подвода, а гдѣ-жь она?

— А ѣдете на чемъ? И старшій отходитъ.

— Стой, стой! старшій! я ѣду на ихней подводѣ, а деньги на мою подводу?... А?...

Digitized by Google

Старшій притворяется, что не слышитъ.

— Послушай, старшій, по крайней мѣрѣ, мои прогоны пополамъ.

— Холодно что-то, отвѣчаетъ старшій.

— То-то холодно, слѣдуетъ косушку, сочувствуетъ Иванъ Николаевичъ.

— Я развѣ запрещаю кому пить? утѣшаетъ старшій:—пейте на свои деньги, лишь бы конвойные не видали...

— Вотъ молодецъ!... Какой у насъ старшій славный! обращается ко мнѣ Иванъ Николаевичъ, и взоръ его устремляется въ даль, спѣша узрѣть издалека „питейное заведеніе".

А вдали березы и березы стройными аллеями по дорогѣ, слышится звукъ цѣпей: это арестанты за горой,—они вышли прежде подводъ; вотъ два солдатика помчались на дровняхъ, это—безсрочные, идущіе за этапомъ свободнымъ путемъ, не подчиняясь арестантскимъ этапнымъ условіямъ. Мы догнали арестантовъ. Старшій идетъ по березовой аллеѣ.

— Ну, ты, мордва, поѣзжай скорѣе! обращается Иванъ Николаевичъ къ ямщику. Старшій подсѣлъ къ намъ, бѣжавшій сзади конвойный подсѣлъ на подводу съ женщинами.

— Подводы впередъ! скомандовалъ старшій, перегоняя партію арестантовъ.

Поѣхали скорою рысью.

— Стой! стой! возопилъ Иванъ Николаевичъ, и въ одинъ мигъ очутился на крылечкѣ притаившагося въ сугробахъ питейнаго.

— Стой, стой! закричалъ въ свою очередь конвойный:—Иванъ Николаевичъ въ питейный хватилъ!

— Старшій позволилъ! объяснился Иванъ Николаевичъ и исчезъ въ питейномъ.

— Я самъ старшій! отвѣчалъ конвойный, и послѣдовалъ за Иваномъ Николаевичемъ. Подводы пошли шагомъ.

— Садитесь, баринъ, поѣдемъ, говорилъ конвойный Ивану Николаевичу.

— Какое это село показалось?

— Работки на Волгѣ, харчевня есть, и питейные, и все, замѣтилъ старшій, дремавшій во время выпивки Ивана Николаевича.

Въ Работкахъ мы застали привалъ партіи; старшій замѣтилъ конвойнымъ: „смотрите, приваловъ въ селахъ не полагается".

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ конвойный: — съ нами не бойтесь, намъ партію не первый разъ водить; знаемъ все, гдѣ, что и какъ.

Digitized by Google

Во время этого разговора, Иванъ Николаевичъ успѣлъ примкнуть къ общей партіи для винтовки.

— Что, вы пьете? спросилъ онъ меня.

— Природа не позволяетъ.

— Глупая ваша природа.

Въ арестантской партіи шли совѣщанія.

— Какъ же, сколько? спрашивалъ арестантъ конвойнаго.

— Сказалъ — цѣлковый.

— Дорого, партія небольшая, подаянія мало.

— Большія-то партіи платятъ по четыре цѣлковыхъ за колоду, а вы старыми обойдитесь...

— Охота бы новыхъ купить, въ старыхъ шестерки крестовой, да туза винноваго нѣтъ...

— Какъ знаете... балясы точить нѣкогда съ вами, еще въ селѣ привалъ сдѣлали... безчувственные!...

— Ну, не сердись, бери корбованецъ... скорѣе только, да смотри, чтобы на чести, карты были новыя...

— Ладно!

Мы отправились на подводахъ, оставивъ партію оканчивать свой привалъ. Проѣхали расположенное по взгорью село Осташиху. Съ горки бѣжалъ къ намъ человѣкъ въ суконномъ зипунѣ, съ котомкою на плечахъ.

— Здорово, други! велика ли партія?

— Не больно.

— Ну, у меня и запаса немного, говядинки купилъ, молочка есть. Э, да у васъ и дворяне есть... пожалуйте!

Это былъ сторожъ этапа, къ нему подошелъ старшій и начались переговоры, слышались слова: „не больно“, „не разъѣдешься“, „только что шуба“, „контромарки можно“, „полтинникъ“... Разговоръ становился таинственнѣе и тише.

Поднялись на горку, съ дороги свернули на проселокъ, ѣхали полемъ, раза два окунулись въ сугробахъ. Наконецъ, передъ нами явилось полуразрушенное зданіе.

— Неужели это этапъ?

— Пожалуйте.

Крыльцо изломано, боковыя зданія полуразрушены, самый этапъ едва держался, сыро, холодно, угарно... „Трубы открывать, печки топить!“ послышались распоряженія.

— Что намъ? слышался отвѣтъ сторожа: — этапа не жалко, имъ же его же и топимъ! Вотъ желѣзную печку свою ужь поставилъ... Жертвую, значитъ.

Открыли трубы для уничтоженія угара, затопили печки, стали

Digitized by Google

грѣть разомъ три самовара: одинъ для большой, другой для малой камеры, третій для конвоя... Вѣра Ивановна казалась очень веселою, разложила карты, и вышла ефрейтору „любовь", Ивану Николаевичу вышло огорченіе, за что онъ назвалъ ее „дурою". Черезъ нѣсколько времени ефрейторъ докладывалъ старшему:

— Какъ хотите, а Ивана Николаевича надобно запереть!

— Ну, что-же? можно! отвѣчалъ старшій.

— Непремѣнно надобно, уваженія въ немъ никакого нѣтъ, все пьетъ, да ругается!

Я замѣтилъ, что онъ дворянинъ.

— Это дѣло не наше, слѣдуетъ его запереть и дѣлу конецъ, а не захочетъ, такъ и штыка попробуетъ: не напивайся. Вотъ про васъ нечего говорить, баринъ вы простой, смирный, уважительный, всякое уваженіе вамъ можно... а Иванъ Николаевичъ— съ нимъ бѣда!... Ефрейторъ ушелъ.

Я навѣдался въ малую камеру, чтобы убѣдиться въ распоряженіяхъ ефрейтора, и не нашелъ уже тамъ Ивана Николаевича; онъ былъ въ большой камерѣ, у которой висѣлъ огромный замокъ.

— А какъ просился онъ, чтобы не запирали, говорила мнѣ Вѣра Ивановна:—такъ нѣтъ, ефрейторъ, жидъ этакой, заперъ, а все эта шкуренка Елена!... Она съ ефрейторомъ...

Между бабами вспыхнула война. Каждая заступалась за свою честь... Елена упрекала Вѣру; Вѣра ссылалась на то, что она была въ кухаркахъ у какого-то князя; конвойные смѣялись и подзадоривали бабъ. Катерина плакала; она, кажется, была увѣрена, что и до нее дѣло дойдетъ. Ефрейторъ угомонилъ всѣхъ и покончилъ гаданьемъ о бубновой кралѣ. На другое утро я навѣстилъ Ивана Николаевича въ большой камерѣ: онъ былъ грустенъ, самовары уже кипѣли.

— Вотъ подлецъ-то! жаловался Иванъ Николаевичъ.

— А что?

— Объиграли меня!

— Вы развѣ играли?

— Да что же будете дѣлать, скучно! Этотъ подлецъ ефрейторъ заперъ, смотрю,—вездѣ играютъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ, да и присѣлъ самъ... Что̀, вы думаете, со мною сдѣлали?.. Карты подмѣняли, одинъ другому подсовывали: у него одни карты, очутятся другія; я кричу, а они смѣются да деньги тащутъ, ограбили совсѣмъ, за ночь двадцать рублей стащили; конвойный

Digitized by Google

здѣсь ночевалъ, я къ нему, разбудилъ его, а онъ у меня же утащилъ рублевую бумажку.

— Никакъ нѣтъ-съ, послышался голосъ конвойнаго.

Въ это время подошелъ къ намъ ефрейторъ.

— Вотъ этотъ подлецъ — это его штуки!

— Ругаться нельзя, я ефрейторъ есть.

— Разскажите старшему.

— Да старшій-то и есть первый мошенникъ!

Моя попытка подвинуть старшаго къ разбирательству дѣла не имѣла успѣха. „Вѣдь онъ пьетъ", объяснялъ старшій.

— Притомъ же дебоширитъ, какъ же мнѣ за него заступиться, опять тогда противъ меня ужь пойдетъ и партія... дѣло выйдетъ дрянь!..

И снова въ путь.

Партія замѣтно оживилась, всѣ арестанты ѣхали на подводахъ, нанятыхъ на свой счетъ; на привалѣ состоялась попойка.

Арестантскій староста угощалъ Ивана Николаевича:

— Выпейте,судырь; вы, значитъ, пять полагали проиграть, покорно благодаримъ; вѣдь не выигрывать же съ насъ садились вы: мы народъ нищій, отпѣтый, умершій; жизнь наша — паръ... А вашему благородію жить да дѣйствовать еще нужно. И рѣчь эта заставила Ивана Николаевича забыть и обиды, и проигрышъ, и выпилъ онъ за здоровье арестантовъ цѣлую косушку.

Ефрейторъ извинялся предъ Иваномъ Николаевичемъ:

— Вы не сердитесь, что я по закону; сегодня ужь запирать васъ не буду.

— Ну, братъ, врешь; теперь запирай, потому что мнѣ отыграться надобно; только конвойнаго дай хорошаго, чтобы мою руку держалъ.

— Можно-съ.

Пріѣхали къ этапу въ село Чугуны. Иванъ Николаевичъ не отъигрался и сталъ продавать арестантамъ свои вещи.

Подъ городомъ Василемъ встрѣтилась съ нами большая партія въ курткахъ арестантскихъ ротъ; всѣ были въ кандалахъ.

— Будетъ доходъ чугунскому сторожу! замѣтилъ нашъ старшій.

— Вонъ у нихъ какіе арестанты! дворянчики!

— Въ нашу бы ихъ партію!

— Познакомились бы!

Слышались голоса кандальщиковъ.

— Это про насъ! замѣтилъ Иванъ Николаевичъ.

— Чувствую, отвѣчалъ я.

Мы въѣзжали въ городъ Василь, расположенный на правомъ

Digitized by Google

гористомъ берегу Волги, построенный довольно бѣдно; партія шла впередъ, за нею подводы, дорога поднималась по горѣ все выше и выше; мы выѣхали за городъ.

— Куда же это?

— Въ тюремный замокъ.

Страшное слово, въ особенности для непривычнаго слуха. Я высказалъ непріятное впечатлѣніе.

— Эхъ, что вы! отвѣтилъ Иванъ Николаевичъ: — здѣсь намъ будетъ прекрасно; вопервыхъ, днемъ камеры не запираютъ; вовторыхъ—тепло и неугарно; втретьихъ—общество.

— Я походатайствую, замѣтилъ мнѣ старшій: — чтобъ вамъ отвели квартиру у смотрителя замка.

Мы подъѣхали къ высокой каменной оградѣ, за которою высилось надъ окрестностями двухъ-этажное зданіе тюремнаго замка.

— Ефрейтора! раздался голосъ.

Отворили двери.

На дворѣ острога выстроилась партія и арестанты стали поодиночкѣ всходить по ступенямъ тюремной лѣстницы; смотритель радушно предложилъ мнѣ у себя помѣщеніе.

Въ Василѣ была дневка.

Въ этомъ замкѣ всегда бываетъ очень тѣсно, какъ отъ накопленія мѣстныхъ и пересыльныхъ арестантовъ, такъ и арестантовъ сосѣднихъ уѣздовъ, ожидающихъ весенней отправки и пересылаемыхъ сюда, по еще большей тѣснотѣ сосѣднихъ замковъ. Замокъ имѣетъ значеніе центральнаго, помѣщеніе этому значенію далеко не удовлетворяетъ.

Иванъ Николаевичъ сообщилъ нѣкоторымъ о томъ, что съ нимъ вмѣстѣ ѣдетъ повѣренный по дѣламъ Пасмурный, и мнѣ пришлось провести дневку въ объясненіяхъ, для желающихъ, новаго порядка судопроизводства. „Ты разскажи мнѣ“, говорилъ одинъ арестантъ, „какъ меня будутъ судить: при публикѣ то-есть?“.

Я разсказалъ порядокъ судебнаго слѣдствія.

— Стало быть, первое дѣло въ судѣ для меня будетъ „защитникъ“, а гдѣ я его возьму, коли денегъ нѣтъ?

— Назначутъ безъ денегъ.

— А просить можно?

— О чемъ?

— Чтобы судили не тяжко... вѣдь моя вина вся по малограмотности: росписку долговую въ сердцахъ изорвалъ, ну, подвели къ тому, что я уничтожилъ росписку изъ-за своей выгоды (1,657 ст. ул. о нак.). Росписка-то всего на пятнадцать рублей,

Digitized by Google

а ужь я за прошенія разныя переплатилъ двадцать рублей, противнику готовъ отдать тридцать рублей. Дѣло при старыхъ судахъ началось. Вотъ второй годъ сижу въ тюрьмѣ, свидѣтеля одного цѣлый годъ разыскивали. Теперь скажите мнѣ одно: судить меня будутъ присяжные?

— Да.

— По вопросамъ?

— Да, судъ предложитъ имъ вопросы о вашей виновности.

— Зачѣмъ же вопросы? развѣ безъ вопросовъ они не съумѣютъ сказать?

— Да, но вопросы предлагаются для облегченія при разсужденіяхъ...

— Такъ-съ, это, значитъ, присяжнымъ тонъ задать нужно, они ужь по тону и...

— Онъ лишнее все говоритъ, ужь такой человѣкъ! и страдаетъ больше за то... Ступай въ свою камеру! скомандовалъ надзиратель.

Арестантъ удалился.

Нѣсколько арестантовъ просили писать имъ прошенія о смягченіи мѣры, принятой для пресѣченія имъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда.

— Съ этими „способами" слѣдователи дѣлаютъ, что̀ имъ только угодно, говоритъ бойкій арестантъ:—не судъ намъ страшенъ, а эти способы. Пока осудятъ, да накажутъ, эти способы всю кровь высосутъ; меня за 800 верстъ вытребовали по этапу, вели въ наручникахъ, привели. Способъ слѣдователь назначилъ—тюрьму. Полгода сижу, а теперь, говоритъ, можно на поруки отдать: гдѣ же я тутъ возьму порукъ? Меня никто не знаетъ, просто хоть умирай!

Изъ дальней камеры неслась пѣснь арестанта:

Ахъ, кукушечка, кукушечка моя,
Кукушечка ли ты завѣтная,
Прокукуй ты мнѣ лѣто красное
Лѣто красное, лѣса зелены,
Лѣса зелены, боры темные,
Боры темные да веселые!

— Это бѣгло-каторжный, вотъ третій разъ ужь сидитъ; прійдетъ, переночуетъ дома, да и въ тюрьму, благо мѣсто знакомое. Его накажутъ, сошлютъ, онъ опять прійдетъ, опять переночуетъ и опять въ тюрьму,—да вотъ ужь третій разъ. А вся причина, почему каторжные бѣгаютъ, происходитъ оттого, что имъ даютъ свиданія съ родными.

Я спросилъ о бродягахъ.

Digitized by Google

— Бродяги,—это первый народъ у насъ: здоровые, опытные, всякую нужду знающіе; другой цѣлую жизнь шатается, надоѣстъ ему—онъ и объявитъ себя бродягой, въ тюрьмѣ отдохнетъ, а живутъ они въ тюрьмѣ преспокойно, какъ дома. Гони, такъ не убѣгитъ. Права тюремныя всякія знаетъ, знаетъ, куда пойдетъ изъ тюрьмы и знаетъ, что до самаго поселенія будетъ ѣсть казенный хлѣбъ. Я полагаю, ежели бы бродягъ водворять на мѣстахъ ихъ поимки, подъ полицейскимъ надзоромъ, совсѣмъ бы ихъ не было, потому что разгуляться ему тутъ некуда! Бродяга—великое дѣло теперь. Вы знаете, что въ Сибири они бродятъ толпами, держатъ жителей въ страхѣ, они имѣютъ свои пункты, условливаются, гдѣ, какъ и когда сойтись и свидѣться, въ какомъ тюремномъ замкѣ.

За г. Василемъ, на этапѣ въ деревнѣ Емангашъ, я разстался съ Иваномъ Николаевичемъ, онъ отправился по вятскому пути.

— Скверное дѣло—пьянство! говорилъ Иванъ Николаевичъ:— перестану пить не только водку, но даже чай; водка страшная мерзость, вонище отъ нее — это разъ, а вовторыхъ, въ голову сильно ударяетъ, втретьихъ—человѣка свиньей дѣлаетъ! Вѣдь я тоже былъ человѣкъ, да пропадаю черезъ сивуху.

Къ намъ подошелъ унтеръ-офицеръ; это была другая уже личность. Вообще, въ каждомъ уѣздномъ городѣ конвоиры перемѣняются и личность старшаго унтеръ-офицера имѣетъ всегда свою важность для арестантской партіи: отъ характера и поведенія этой личности зависитъ положеніе значительнаго числа людей. Унтеръ-офицеръ сообщилъ, что подводы готовы. Это былъ трезвый и тихій послѣдователь ислама.

Этапы потянулись: одинъ, съ небольшою партіей человѣкъ изъ пяти, по направленію въ Вяткѣ; другой, съ партіею человѣкъ въ двадцать-пять, кромѣ конвойныхъ, по направленію къ Казани. Былъ морозъ въ 32°, морозъ сильно подгонялъ партію, въ воздухѣ слышались кандальные звуки, солнечный лучъ игралъ въ бриллiантахъ инея; на березахъ столбовой дороги, въ дальней синевѣ неба на сѣверѣ поднимались по горизонту красноогненнаго цвѣта столбы; кое-гдѣ виднѣлся высоко-поднимающійся дымъ изъ курныхъ избъ чувашей.

Попытка моя узнать что-либо о чувашахъ изъ ихъ преданій и событій народныхъ, осталась безуспѣшна. Не только теперешніе чуваши, но и предки ихъ, какъ видно, этими преданіями не дорожили. Чуваши неохотно пускаются въ разговоръ о религіи и обычаяхъ своихъ, боясь уличенія въ отступленіи отъ православія, къ которому они большею частію обратились. Всѣ поселенія ихъ расположены въ Чебоксарскомъ уѣздѣ и городъ Че-

Digitized by Google

боксары—предѣлъ ихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Далѣе его они рѣдко заѣзжаютъ; это важнѣйшій въ ихъ глазахъ пунктъ или фокусъ жизни человѣчества, и уваженіе къ этому городу доходитъ до религіозности, могущей навести сомнѣніе въ томъ, не соединяютъ ли чуваши какихъ-либо священныхъ воспоминаній объ этомъ городѣ. Такое же точно имѣетъ значеніе для черемисъ городъ Козьмодемьянскъ.

Было 24-го декабря. Чувашинъ подвозилъ насъ къ этапу, расположенному за деревней Ишлеей.

— Вамъ на этапѣ неудобно будетъ у сторожа, а вы позвольте васъ помѣстить у лѣснаго объѣздчика, онъ живетъ въ этапномъ зданіи и самъ былъ когда-то, говорятъ, бариномъ, объяснялъ мнѣ унтеръ-офицеръ.

— Сдѣлайте одолженіе, помѣщайте.

— Вы полякъ? спрашивалъ меня объѣздчикъ Грудзина.

— Нѣтъ, русскій.

— Ну, да это все равно, вы тоже страдаете. Милости просимъ!

Грудзина былъ польскій шляхтичъ, поплатившійся за вспыльчивость (онъ ударилъ начальника) несчастіями цѣлой жизни. За вину свою, онъ, по собственному выраженію, носилъ когда-то браслеты (кандалы); но время и милостивые манифесты привели его къ тихому пристанищу. Онъ шорникъ, служитъ объѣздчикомъ, по страсти къ лѣсу и охотѣ.

— За то, что я не скрываю своего полячества, мнѣ недавно порядочно досталось, разсказывалъ Грудзина:—прелюбопытная исторія. Ѣду я, знаете, вечеромъ какъ-то лѣсъ осматривать, вдругъ встрѣчаюсь съ духовной особою, пойманною на увозѣ казеннаго лѣса... Что дѣлать?.. Уважили батюшку... сталъ батюшка нашъ другъ и пріятель, пьемъ-ѣдимъ вмѣстѣ. Только смотримъ, батюшка ужь очень часто пользуется нашимъ снисхожденіемъ... летятъ къ нему изъ лѣса и бревна и жерди... Поссорились мы съ батюшкою... А черезъ недѣльки двѣ на Грудзину написанъ былъ и посланъ доносъ... „что яко бы онъ, Грудзина, есть настоящій полякъ и кромѣ того чувашамъ внушаетъ неуваженіе къ духовенству, чѣмъ содѣйствуетъ распространенію чувашской вѣры, что Грудзину надобно удалить, ибо пока Грудзина на мѣстѣ, то чуваши никогда не примутъ искренно христіанства.“ Да въ этакомъ родѣ доносъ на двухъ листахъ. Пришлось объясняться — хотя дѣла, слава богу, и не возникло!

Я поблагодарилъ Грудзину за гостепріимство и 25-го декабря мы двинулись къ Чебоксарамъ.

Существующее въ этомъ городѣ этапное помѣщеніе было крайне

Digitized by Google

неудобно. Несмотря на внѣшнюю порядочность его, внутри оно было неудобо-обитаемо, топленными оказались только двѣ камеры, изъ которыхъ въ одной былъ угаръ, а въ другой угаръ и холодъ. Сторожъ этапа лежалъ больной съ перепою; замѣнить его было некому; инвалидный начальникъ, по случаю праздника, при пріемѣ партіи не былъ. Послѣ переговоровъ и докладовъ заочныхъ инвалидному начальнику меня помѣстили къ вечеру въ караульномъ домѣ, находящемся неподалеку отъ этапнаго помѣщенія въ тюремномъ замкѣ. Это былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ широкій корридоръ, расположенный вдоль тюремныхъ камеръ; въ корридорѣ стояли два длинныхъ дивана, на концахъ каждаго изъ нихъ стояло по столику, на которыхъ горѣло по сальному огарку; на диванахъ сидѣло солдатское общество, заключавшее въ себѣ составъ караула; я расположился въ уголкѣ одного изъ дивановъ. Разговоръ шелъ какой-то отрывочный; мотивомъ его былъ праздникъ и исходъ всѣхъ исходовъ — „вышивка.“ Поговорили о томъ, не придетъ ли инвалидный начальникъ, и рѣшили, что не придетъ. Стали курить табачокъ. Два молодыхъ солдатика, воспользовавшись замасленными картами, сѣли въ дурачки.

Въ арестантскихъ камерахъ, запертыхъ уже на замки, кипѣла арестантская жизнь; въ женской камерѣ слышался смѣхъ. Я никогда не слышалъ такого мелодическаго смѣха; онъ, какъ оказалось, принадлежалъ пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Въ той же камерѣ другой голосъ напѣвалъ казачка. Я заглянулъ въ окошечко камеры: дѣти отъ 4 до 6 лѣтъ танцовали на нарахъ, одна женщина била тактъ въ ладоши, другая пѣла, дѣвушка изрѣдка смѣялась, мальчикъ лѣтъ 6-ти въ углу нары лакомился ватрушкой. Послѣ меня подошелъ къ окошечку женской камеры одинъ изъ солдатъ.

— Ну-ка ты, Сашурка, попляши, чѣмъ зубы скалить-то.

Сашурка не слушалась и ругалась.

— Ахъ ты такая сякая. Сашурка отвѣчала такой пантоминой, что солдатъ изъ себя вышелъ и погрозилъ карцеромъ.

Я заглянулъ въ окошечко мужской камеры; въ уголкахъ теплились сальныя свѣчки, арестанты играли въ карты; изрѣдка полузлая, полулюбезная руготня нарушала игорную тишину.

— „Чортъ возьми!“ слышалось въ другой камерѣ: — не пофортило, идетъ на коты?

— Ты ихъ вчера еще проигралъ.

— Анъ вотъ они!

— Ахъ, ты, такой-сякой, валяй, снимай коты!

И здѣсь, какъ въ другой несчастной общественной жизни

Digitized by Google

картежная игра являлась потребностью задушенной энергіи разума. Съ утра мужскія камеры отворяются, арестанты выходятъ въ корридоръ, прохаживаются по двору; но женскія камеры остаются запертыми и днемъ. Только стирка бѣлья, да мытье половъ отворяютъ имъ запоры.

Въ камерѣ, арестантовъ человѣкъ на двадцать, тѣснится человѣкъ двадцать-пять. Бродяги, убійцы, взятые за безпись-менность, писарь за взятки, помощникъ писаря за подлогъ, воръ обыкновенный, воръ со взломомъ, отравитель, святотатецъ, состоящій подъ слѣдствіемъ за разныя преступленія, ловеласъ, не пренебрегавшій нищенками, буйный пьяница, кровосмѣситель,— все это утромъ поднимается для того, чтобы высидѣть на своемъ логовищѣ скучный, долгій день, перемежаемый ѣдою, руготнею, и закончить его безсонною карточною ночью; все это изрѣдка выходитъ на дворъ и возвращается торчать у своей нары. Разговоры о прошломъ слышатся рѣдко; руготня раздается, какъ правильный пульсъ тюремной жизни; занять воображеніе общества такого можетъ только что-либо адское, но мудрость ада рѣдко посѣщаетъ умы арестантовъ; дикіе взгляды, суровыя лица, проклятія и треклятія сталкиваются, отталкиваются, какъ маятники дребезжащихъ часовъ. Любовь и утѣшеніе въ такой тюрьмѣ показались бы страшною насмѣшкою, на которую камера отвѣчала бы дружнымъ дикимъ хохотомъ. И такъ приходится жить не день и не два, мѣсяцы, годы, десятилѣтія!... Я знаю случай, гдѣ арестантъ содержался въ тюрьмѣ 12 лѣтъ и приговоромъ уголовной палаты оставленъ въ подозрѣніи. А сколько такихъ арестантовъ, которые по мѣсяцамъ и годамъ сидятъ по недоумѣнію, — такихъ, противъ которыхъ нѣтъ юридическихъ доказательствъ, такихъ, которые выходятъ за прекращеніемъ дѣлъ по совершенной невмѣняемости преступленія. Но, несмотря на весь ужасъ, весь адъ тюрьмы, превышающій въ милліонъ разъ всевозможныя каторжныя работы, въ арестантѣ никогда не умираетъ человѣкъ. Да, любезные читатели, въ числѣ арестантовъ были убійцы, воры, никого не убившіе и ничего не укравшіе; ихъ выпустили изъ тюрьмы по причинѣ невиновности, не выразивъ даже сожалѣнія, въ которомъ бы не отказали собакѣ. Грустно, что у насъ есть слѣдователи и судьи, которымъ право посадить человѣка въ тюрьму даютъ одни подозрѣнія; есть слѣдователи, сами дающіе направленіе виновности и невинности обвиняемаго по своему произволу. Наша статистика въ отношеніи оправданныхъ и обвиненныхъ представила бы поражающіе факты; у насъ, къ великому горю, тюрьма, какъ способъ пресѣченія къ уклоненію отъ слѣдствія, не считается

Digitized by Google

наказаніемъ, между тѣмъ, какъ тюрьма хуже каторги! Мы знаемъ, впрочемъ, что есть лучшія тюрьмы, гдѣ арестанты раздѣлены по категоріямъ, гдѣ не только допускается, но и поощряется трудъ; но эти лучшія тюрьмы не дѣлаютъ лучшимъ положеніе худшихъ тюремъ. Мы знаемъ, что есть тюремные комитеты, есть прокурорскій надзоръ, но знаемъ и то, что первые не имѣютъ права обращать вниманіе на существо арестантскихъ дѣлъ, а второй обращаетъ вниманіе на арестантскія дѣла слѣдователей только по жалобамъ арестантовъ. Но есть арестанты, не умѣющіе ни протестовать, ни жаловаться, не умѣющіе понять, что̀ о нихъ пишутъ, какъ о нихъ разсуждаютъ! Зато мы знаемъ, что у насъ есть общество покровительства животнымъ, ограждающее собакъ, козловъ, лошадей отъ звѣрства людей!... Да процвѣтаетъ оно, и да не вспомнитъ съ упрекомъ объ этомъ обществѣ слѣдственный арестантъ, посаженный въ тюрьму прихотью слѣдователя Уфимской губерніи!

— Дворянинъ здѣсь есть? раздался 27-го декабря голосъ конвоира.

— Есть, есть, давно ожидаю.

— Пожалуйте.

Партія была во дворѣ у инвалиднаго начальника. „Ось бачыте, якъ мене скрутылы!“ обратился ко мнѣ Леонтій. Дѣйствительно, руки его чрезвычайно тѣсно соединялись съ наручниками. Въ Чебоксарахъ первый разъ обнаружились результаты скорбнаго шествія партіи, безсонныя ночи за картами, путь въ кандалахъ и наручникахъ и безъ того изнуренныхъ людей, угарныя, холодныя и порою тѣсныя помѣщенія,—все это отразилось на здоровьѣ четырехъ кандальщиковъ, которые и остались на излеченіи въ чебоксарской тюремной больницѣ. Было морозное солнечное утро; за городомъ, по предварительнымъ переговорамъ, съ арестантовъ сняли наручники. За Чебоксарами слѣдовали селенія чувашскія, да однообразныя этапныя помѣщенія; затѣмъ, миновавши селенія Пихчурино, Акозино, мы подъѣзжали по замерзшимъ заливамъ Волги къ городу Свіяжску. Это очень бѣдный городокъ, построенный на берегахъ заливовъ Волги; по берегу постоялые дворы, по взгорью лѣпятся домики, вмѣсто шлагбаума гостиница „Владиміръ“, съ музыкантомъ, невѣрно играющимъ на скрипкѣ десять лѣтъ одну и ту же польку; далѣе площадь, соборъ, монастырь, полицейское управленіе, во дворѣ котораго пересыльная тюрьма, караульный домъ и тюремный замокъ.

Въ моемъ пути, я не видѣлъ ничего ужаснѣе свіяжской пересыльной камеры. Не говоря о холодѣ и угарѣ, происходя-

Digitized by Google

щемъ отъ непостоянной топки камеры, въ ней не на чѣмъ ни сѣсть, ни лечь. Это—камера безъ наръ; сыро, тѣсно; свободно могутъ помѣститься не болѣе десяти человѣкъ. Инвалиднаго начальника не было въ городѣ; его обязанности исполнялъ фельдфебель, выкрещенный изъ евреевъ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, меня помѣстили въ караульномъ домѣ.

— Куда же помѣстить бабъ? Въ пересыльной камерѣ тѣсно; да хоть бы протопить еще—арестанты жалуются, докладывалъ солдатъ фельдфебелю.

— Да, протопить немного, а бабъ въ тюремный замокъ, отвѣчалъ фельдфебель.

Привели Вѣру и Елену; Катерину оставили съ мужемъ.

— Обыщите ихъ! распорядился фельдфебель.

Начали съ Елены.

— Ну, а ты не больно: что щиплешься? протестовала Елена.

— Знай поворачивайся.

— Да что же ты это? продолжала Елена.

— Очень ты съ амбиціей, барышня; не такихъ видали.

Приступили къ Вѣрѣ. Она распростерла руки.

— Чего хотите отъ насъ? объяснялась Вѣра.—Женщина, какъ есть женщина, а кромѣ того, ничего нѣтъ...

— Знаемъ мы васъ... Обыскивай ее...

У Вѣры отобрали коробочку спичекъ.

Смотритель къ обыску приглашенъ не былъ.

Я ночевалъ въ караульномъ домѣ.

Караульный домъ—это фокусъ служебной дѣятельности мѣстной внутренней стражи. Здѣсь вы узнаете жизнь каждаго солдата команды до мельчайшихъ подробностей; здѣсь услышите о грѣшкахъ каптенармуса, фельдфебеля и даже самого инвалиднаго начальника; здѣсь насмотритесь на солдатскія невзгоды, здѣсь увидите всѣ фазисы воинской дисциплины. Въ нѣкоторыхъ командахъ, въ особенности зимой, караулы смѣняются такъ часто, что каждому солдату приходится каждый день ходить въ караулъ.

— Идутъ смѣнять, слышенъ голосъ.

И вотъ, въ караульный домъ стройно входятъ солдаты съ ефрейторомъ и капраломъ или старшимъ. Они выстроились во фронтъ; начинается повѣрка людей; затѣмъ, идетъ раздача ружей, патроновъ, снова повторяется повѣрка людей, затѣмъ начинается служба; назначаются солдатики караулить зданія казначейства, тюремнаго замка, пересыльной тюрьмы, сообразно расположенію и обширности этихъ зданій.

Ходи и ходи, взадъ и впередъ ходи, не смѣй присѣсть, при-

Digitized by Google

лечь, прислониться; время идетъ медленно; прошелъ часъ, другой; скоро ли придутъ на смѣну, солдатика клонитъ ко сну, на дворѣ ночь темная, что-то затрещало... Господи, не побѣгъ ли арестанта? Встрепенулся солдатикъ... Ходи, и ходи, и ходи! Тишина вокругъ... „Поди, чай, теперь всѣ спятъ...“ думаетъ солдатикъ. И разныя другія мысли идутъ ему въ голову... Смѣна... Слава Богу!

Вваливается смѣненный съ караула солдатикъ въ караульню. Ухъ! спать, спать!... Лечь негдѣ... На полу? Нельзя: воду изъ ушата пролили... на скамьяхъ спятъ. Эхъ, жизнь ты этакая! Въ ногахъ перваго попавшагося товарища свертывается солдатикъ, сунулъ что-то въ голову вмѣсто подушки... Спитъ... А черезъ три часа опять толкаютъ его... „Ей, али до сна дорвался... въ караулъ къ казначейству!...“. Готовъ солдатикъ... И снова: разъ, два, разъ, два!... Пѣтухи поютъ, заря... Солнышко... выходи, красное, исполняй свою службу вѣрную... свѣти и грѣй міру божьему!...

Порою тяжело приходится солдатику. Но знаетъ солдатикъ, что за стѣною въ двухъ-трехъ шагахъ отъ него живетъ другой человѣкъ, поставленный въ положеніе худшее его, это—арестантъ, и онъ надъ нимъ имѣетъ власть, имѣетъ право закричать, въ карцеръ его посадить, съ согласія смотрителя замка, и вотъ онъ, какъ бы желая себя утѣшить, пользуется этимъ правомъ: то попрекнетъ онъ арестанта крупнымъ словомъ за то, что тотъ выходитъ изъ камеры; то погрозитъ, чтобы не смѣялся громко арестантъ; то толкнетъ его при входѣ арестанта изъ двора въ камеру. Онъ стражъ тюрьмы, онъ сознаетъ это, и исполняетъ свой долгъ подъ часъ черезчуръ исправно.

Къ арестанту пришли родные, вызываютъ на свиданіе арестанта въ караульню, но татаринъ, пришедшій къ сыну арестанту, сидитъ въ шапкѣ. Солдатъ подходитъ къ гостю и татарская шапка отъ движенія руки солдатской летитъ на полъ; молча, какъ будто дѣло сдѣлалъ, садится солдатъ на свое мѣсто.

Ночью иной арестантъ спитъ, солдатъ его караулитъ, арестанту есть на что въ карты играть, солдату и не на что и некогда. Въ антрактахъ ночною порою между промежутками караулъ солдатъ любитъ слушать сказки; это сказки о томъ, какъ одинъ работникъ буду варилъ и какъ поповскія дочки да наконецъ и самая попадья пробовали этой буды (браги); часто разсказываются анекдотцы цинически-эротическаго свойства, другой разъ выдастся плоская шутка, а иногда среди глубокаго молчанія нежданно, негаданно раздастся чтеніе по складамъ: „И бѣ той Ді-о-скоръ жи-до-винъ“.

Digitized by Google

Солдатъ и арестантъ — это два отдѣльные міра, рѣдко очень въ чемъ либо другу сочувствующіе. Сочувствіе солдата къ арестанту проявляется впрочемъ въ мрачныхъ сторонахъ ихъ жизни.

„И арестанты вѣдь, другой разъ, бываютъ честные", говорилъ мнѣ солдатикъ: „вотъ недавно Абсалямовъ укралъ кушакъ у Каменева, а черезъ недѣлю и отъискали кушакъ этотъ въ онучахъ Абсалямова... Ну, страсти что̀ тогда у нихъ было! Вся камера бросилась на Абсалямова, давай его пузырить и въ спину и въ бока и по головѣ... важно дули! Дули, дули, да за бродягами еще послали, а бродяги изъ другой камеры какъ пилаты бросились на Абсалямова, да еще его дули... а старшій нашъ только тряхнулъ головой да сказалъ: „не тронь... бьютъ — ума даютъ!"

Изъ Свіяжска мы направились къ Казани; несмотря на близость разстоянія этихъ мѣстностей (35 верстъ), подъ Казанью для арестантскихъ партій полагается ночлегъ въ селѣ Услонѣ. Село это находится въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ торговой и промышленной дѣятельности, но пожары очень часто разоряютъ жителей. Этапное помѣщеніе находится въ одномъ изъ домиковъ услонскихъ жителей; задняя изба, очень небольшая, опредѣлена для арестантовъ, въ передней живутъ хозяева-раскольники и пришествія партіи всегда ожидаютъ яко нашествія иноплеменныхъ.

Третьяго января мы пріѣхали къ казанской пересыльной тюрьмѣ, гдѣ я долженъ былъ подвергнуться дневкѣ съ назначеніемъ мнѣ помѣщенія въ дворянской пересыльной камерѣ.

Я вошелъ въ мрачную маленькую камеру съ одною нарою, на которой расположены были четыре благородныхъ арестанта; это были пересыльные поляки-каторжане; я отрекомендовался, мнѣ очистили пятое мѣсто и предложили чай.

Узнавши, что я адвокатъ, они обратились ко мнѣ за совѣтами, какъ горю помочь, и разсказывали дѣла свои.

Въ камерахъ пересыльнаго замка помѣщалось до шестисотъ человѣкъ; изъ нихъ бо̀льшая часть поляки-каторжане, остальные—русскіе простолюдины, большею частью приговоренные къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Путешествіе наше, ради развлеченія, по камерамъ началось съ семейной пересыльной камеры.

Это длинная камера съ нарами; крики, плачъ и смѣхъ дѣтей, веселыя, беззаботныя лица нѣкоторыхъ женщинъ, циническія шуточки арестантовъ, хлопоты о пищѣ, проходъ между нами, составляющій какъ бы проспектъ для прогулокъ, на которомъ всегда было многолюдное гулянье, сопровождаемое толкотнею. На нарахъ совершалась семейная жизнь: мать лѣпитъ изъ тѣ-

Digitized by Google

ста пироги, дѣти помогаютъ ей, дѣвочка баюкаетъ младенца; тамъ женщина чинитъ одежду мужа, тамъ за излишнюю рѣзвость мальчикъ получаетъ отъ матери подзатыльникъ и реветъ; подъ нарами тоже совершается жизнь: тамъ, говорили мнѣ, своего рода салоны и будуары. Въ углу гадальщица на три копѣйки судьбы разсказываетъ; въ воздухѣ душно, въ камерѣ тѣсно, много миловидныхъ физіономій... Что это за красавица? Мужа стараго убила.

Я уже хотѣлъ выйти изъ семейной камеры, какъ меня остановили устремленные на меня изъ-подъ наръ черные глаза... То были глаза Леонтія.

— Бачыте куды насъ приперли! говорилъ онъ, улыбаясь:—и жинка тутъ... да обижаютъ насъ! Кажутъ, що вона мыні не жинка! Катерина смѣялась.

Я присѣлъ у логовища моихъ спутниковъ. Поговорили о впечатлѣніяхъ, вспомнили родину; я уроженецъ Полтавской губерніи и Леонтій въ дѣтствѣ зналъ моего отца.

— Идемъ, идемъ! торопили меня товарищи.

Мы вошли въ верхнія камеры. Двѣ огромныя камеры рядомъ! Что за чудныя лица, сколько выраженія, мысли, какія юноши! Чу, французскій языкъ, и какой чистый А это брюнетъ? Еврей изъ Варшавы, переводилъ фальшивые кредитные билеты. А этотъ юноша? Ему хотѣлось играть роль организатора, а теперь онъ играетъ роль политическаго преступника.

Вечеромъ всѣ эти камеры получаютъ видъ клуба, несмотря на мѣры, принимаемыя противъ этого начальствомъ; въ клубѣ этомъ, хотя рѣдко, но бываютъ скандалы, превосходящіе скандалы обыкновенныхъ клубовъ, и въ особенности отличаются ими камера поселенцевъ и каторжанъ уголовныхъ. Случаются тайные и явные грабежи.

Моя дневка оканчивалась и я, пожелавъ всего лучшаго случайнымъ моимъ знакомымъ, выходилъ изъ замка, для продолженія дальнѣйшаго пути.

— Васъ желаютъ видѣть, сказалъ мнѣ солдатъ.

Я оглянулся. Возлѣ меня были Леонтій и Катерина.

— Мы жь не разбойники, пришли вамъ подяковать за ласку, говорилъ Леонтій:—ось возьміть рушнікъ... се мати дала.

Я поблагодарилъ и простился.

Вечерѣло, на улицахъ Казани затихало движеніе; мы двинулись.

Digitized by Google

КНЯЖНА НА ГОРОШИНКѢ.

(Изъ Андерсена).

Жилъ да былъ князекъ надменный,
И желалъ онъ непремѣнно
Взять себѣ жену.
Не богатую дворянку,
Не смазливую крестьянку,
Кровную княжну.

Хоть невѣстъ на свѣтѣ много,
Но женихъ ужасно строго
Всѣхъ судилъ-рядилъ,
И принцессы подходящей,
Чистокровной, настоящей
Онъ не находилъ.

Долго рыскалъ князь по свѣту,
Никакого толку нѣту!
Наконецъ, озлясь,
Холостымъ домой вернулся,
И наморщился, надулся
Благородный князь.

Какъ-то, ночью, буря злилась;
Въ небѣ молнія носилась
Прямо надъ дворцомъ...
Вдругъ (о, дерзость!) сильно кто-то
Въ королевскія ворота
Постучалъ кольцомъ.

И король, кончая ужинъ,
Заворчалъ:—„Кому я нуженъ?"
Но звонокъ дрожитъ,

Digitized by Google

Снова стукъ,—и безъ оглядки
Самъ король во всѣ лопатки
Отворять бѣжитъ.

Не какой-нибудь повѣса,
А красавица-принцесса
Передъ нимъ была.
Мокрой курицей стояла,
И вода ручьемъ стекала
Съ блѣднаго чела.

Говоритъ она: — „Впустите!
Подъ дождемъ не простудите,
Я слаба, нѣжна;
Башмаки мои безъ пятокъ,
Вся одежда изъ заплатокъ...
Впрочемъ, я княжна“.

И король впустилъ безъ гнѣва;
Но старуха королева
Думаетъ: „Постой,
Дай узнать, что ты за птица:
И взаправдуль ты дѣвица
Крови не простой?“

Въ спальню быстро удалилась,
Гдѣ постеля возносилась,
Чудо—не альковъ:
Сто матрасовъ самыхъ нѣжныхъ,
Сто подушекъ бѣлоснѣжныхъ,
Сто пуховиковъ.

И горошинку, подъ складкой
Простыни, вложивъ, украдкой
Ласково—она
Возвращаясь къ гостьѣ снова,
Говоритъ: — „Постель готова,
Спать пора, княжна!“

Поутру ее спросили:
— „Какъ вы ночку проводили?“
— „Вовсе не спала,
Всѣ бока мнѣ изломало...
Чуть не умерла.

Digitized by Google

Иль вы мягче, въ самомъ дѣлѣ
Не могли мнѣ дать постели?
Я совсѣмъ больна...
Что-то жесткое такое
Не давало мнѣ покоя
И лишало сна...“

И воскликнули всѣ разомъ,
Пораженные разсказомъ:
— „Чудо изъ чудесъ,
Удивительное дѣло!
Вотъ что значитъ нѣжность тѣла
Истинныхъ принцессъ!

Вотъ дѣла какого рода!
Чистокровную породу
Трудно превозмочь!
Отъ горошинки томиться
Можетъ только лишь дѣвица —
Княжеская дочь“.

И князекъ былъ радъ ужасно.
Онъ тогда увидѣлъ ясно,
Что беретъ жену
Не богатую дворянку,
Не смазливую крестьянку —
Кровную княжну.

Л. Тре—левъ.

Digitized by Google

480

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТЕМНЫЯ И СВѢТЛЫЯ СТОРОНЫ НАШЕГО ОБЩЕСТВА.

Статья вторая.

Недавно одинъ петербургскій публицистъ, въ порывѣ откровенности, сказалъ, что еслибы парижской коммунѣ дать точно такую же самостоятельность, какою пользуются наши города (кромѣ столицъ—Одесса, напримѣръ, и другіе) по новому городовому положенію, то коммуна, въ настоящемъ ея видѣ, немедленно бы распалась сама собою и федералисты сдали бы свои пушки Тьеру, а если же бы догадались всей Франціи дать наше земское положеніе, то и Франція вся немедленно бы усмирилась и безропотно, какъ подобаетъ честному и благопристойному обществу при круговой порукѣ, заплатила бы пруссакамъ контрибуцію. Правда — прибавляетъ публицистъ, — во Франціи къ вопросу о коммунальной свободѣ присоединяется вопросъ о національной гвардіи, которой въ нашемъ городовомъ положеніи не существуетъ; *но мое сравненіе все-таки вѣрно*, потому что куда-жъ еще намъ? Рано еще намъ... и т. п.

Почти то же самое высказалъ и графъ Бисмаркъ въ своей знаменитой рѣчи, произнесенной имъ 20-го апрѣля въ берлинскомъ рейхстагѣ, причемъ онъ бралъ въ образецъ, разумѣется, не русское, а прусское городовое положеніе, въ которомъ вопроса о національной гвардіи тоже не существуетъ. Кому первому принадлежитъ такая мысль: графу ли Бисмарку, или нашему глубокомысленному публицисту—это еще не доказано; но, соображая по числамъ, принадлежитъ она скорѣе Бисмарку, чѣмъ нашему публицисту. Бисмарковская рѣчь произнесена 20-го апрѣля, а наши публицисты начали болтать о томъ же предметѣ съ 25-го, слѣдовательно уже заручившись готовой рѣчью.

О примѣненіи къ дѣлу нашего новаго городоваго положенія рѣчь у насъ еще впереди, потому теперь мы о немъ распространяться не будемъ. Судя по нѣкоторымъ примѣрамъ, у насъ дѣйствительно національной гвардіи еще не требуется, потому

Digitized by Google

что граждане городовъ, снабженныхъ муниципальными правами, не только ихъ не отстаиваютъ, но даже бѣгутъ и скрываются отъ выборовъ, по старому обычаю; слѣдовательно сравненіе публициста и на самомъ дѣлѣ оказывается «вѣрнымъ»; но остались ли бы парижане довольными нашимъ или даже прусскимъ городовымъ положеніемъ—этого вопроса мы рѣшить не беремся, потому что онъ весь основанъ на однихъ только предположеніяхъ, на частицахъ *бы*, да *если бы*: ежели бы у бабушки выросла бы борода, что бы тогда? и т. п. О такихъ вещахъ и говорить-то даже стыдно. Слышали мы, что нѣкоторые москвичи очень недовольны своими новыми муниципальными правами, но недовольство это выразилось вовсе не по поводу какихъ либо стороннихъ притѣсненій, а противъ своего же собственнаго выборнаго «начальства», которое дѣйствительно начинаетъ поступать со своими избирателями какъ-то странно. Граждане Лефортовской части, напримѣръ, лѣтъ пятьдесятъ сряду платятъ въ думу такъ-называемыя «водопроводныя деньги» и ровно двадцать-пять лѣтъ ходатайствуютъ, чтобы дума провела къ нимъ мытищенскую воду. При дарованіи новыхъ муниципальныхъ правъ, многіе изъ понимающихъ лефортовцевъ обрадовались и думали, что теперь имъ наконецъ дадутъ пить, но дума все-таки пить имъ не дала: за то она отослала изъ водопроводныхъ денегъ шесть тысячъ рублей въ Прагу, на какой-то *красный звонъ*, т.-е. на колоколъ такой величины, какого братья-чехи никогда и не видывали. Возмущенные лефортовцы стали, разумѣется, роптать, но очень, впрочемъ, скромно и прилично. «Трудно повѣрить—пишутъ лефортовскіе протестанты въ одной мѣстной газеткѣ, — чтобы въ думѣ не нашлось капитала въ 15 тысячъ рублей, необходимыхъ для проведенія воды, когда имѣется возможность отправлять тысячи на красный звонъ въ Прагу; какъ нельзя вѣрить также и тому, что недостаетъ воды для города, когда на всѣхъ почти баняхъ красуется на вывѣскахъ, что въ нихъ проведена мытищинская вода. Если въ другихъ частяхъ города моются мытищинской водой, то за что же мы, бѣдные братья лефортовцы, лишены удовольствія пить чистую и свѣжую мытищинскую воду? Мы покорнѣйше просимъ московскую думу не лишить насъ такого же вниманія, какимъ пользуются со стороны ея жители города Праги».

Одного такого протеста вполнѣ уже достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ мы далеки отъ требованій, заявляемыхъ безпокойными французами, и какъ мало бы удовлетворило ихъ— не только наше, но даже прусское городовое положеніе. Легкомысленные французы—безъ національной гвардіи всякія новыя права, какъ бы они обширны ни были, — считаютъ пустяками, а у насъ, дѣйствительно, еслибы даже допустить существованіе такой гвардіи, то она, вмѣсто пользы, принесла бы громадный вредъ: дума бы навѣрное строго запретила даже такіе

Digitized by Google

скромные протесты, какой мы привели выше. Потому-то, намъ кажется, и нечего удивляться, если мы иной разъ видимъ, что въ одной странѣ граждане не щадятъ жизни для пріобрѣтенія правъ—и имъ все-таки правъ не даютъ, а въ другой, наоборотъ, граждане ни о чемъ не просятъ, ничего повидимому не желаютъ, а имъ все даютъ. Сами по себѣ законы, какъ бы хорошо ни были они составлены, не могутъ имѣть особеннаго значенія, если общество, для котораго они составлены, не умѣетъ ихъ читать и не понимаетъ ихъ смысла. Если судить по печатному своду законовъ съ его безчисленными добавленіями и приложеніями, то можно подумать, что общество наше, сверху до низу, все сплошь благоденствуетъ; что всѣ безъ исключенія вѣрноподданные, «отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ» — пользуются совершенно одинаковыми правами, какъ лично, такъ и по имуществу; но на практикѣ все это оказывается нѣсколько иначе. По закону, напримѣръ, личныя права какого-нибудь фабричнаго рабочаго такъ же неприкосновенны, какъ и права самаго фабриканта; но на практикѣ однако же мы видимъ примѣры, вовсе къ этому закону не подходящіе. Московскіе купцы Носовы вдругъ выгоняютъ со своей фабрики 500 человѣкъ рабочихъ за то только, что полиція, опасаясь распространенія холеры, посовѣтовала содержать ихъ почище и не кормить неудобоваримымъ кушаньемъ въ родѣ обрѣзковъ отъ шкуръ доклой скотины, которыми кормилъ своихъ терпѣливыхъ рабочихъ одинъ петербургскій заводчикъ. По закону—личной свободой пользуется у насъ каждый гражданинъ въ одинаковой степени, а на практикѣ мы видимъ, что у насъ бѣдное, полноправное мѣщанство и крестьянство сидитъ по цѣлымъ годамъ въ казематахъ по одному только подозрѣнію въ такомъ ничтожномъ проступкѣ, за который даже на сутки на гауптвахту не посадятъ человѣка, обладающаго чиномъ коллежскаго регистратора, котораго тоже иногда, въ экстренныхъ случаяхъ (напримѣръ, въ родѣ послѣднихъ одесскихъ происшествій), сѣкутъ на площади, хотя онъ, по закону, избавленъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Бывали у насъ и такіе законы, которые вовсе не исполнялись, не взирая на всѣ усилія законодателя: напримѣръ, законъ о маіоратствѣ, составленный Петромъ-Великимъ, не отличавшимся особенною мягкостію характера. Многіе другіе законы, хотя, повидимому, и вводились въ дѣйствіе, но въ примѣненіи къ жизни ихъ невозможно было узнать, словно человѣка, у котораго откушенъ носъ. Такая, или почти такая судьба постигла у насъ законъ о крестьянскомъ самоуправленіи, о волостныхъ сходахъ, крестьянскихъ судахъ и т. п. Нѣмцы-колонисты, напримѣръ, отлично умѣютъ пользоваться этими законами. Поселенные въ юго-западныхъ губерніяхъ чехи нахвалиться не могутъ нашимъ крестьянскимъ самоуправленіемъ со своими выборными судьями и стар-

Digitized by Google

шинами, а у насъ только и слышишь жалобы да вопли: «избавьте насъ отъ нашихъ міроѣдовъ проклятыхъ! Пусть ужь насъ лучше господа судятъ!» И, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ, отъ нашего крестьянскаго самоуправленія, въ настоящемъ его видѣ, никакого толку ожидать нельзя. Старшины и судьи избираются обыкновенно подъ непосредственнымъ вліяніемъ мировыхъ посредниковъ, т.-е., вѣрнѣе, просто или *назначаются*, и тотчасъ же становятся въ положеніе барскихъ камердинеровъ, возведенныхъ барономъ въ санъ безсмѣннаго управителя имѣніемъ. Они начинаютъ въ точности во всемъ подражать своему барину — посреднику: пишутъ циркуляры къ лицамъ, себѣ не подчиненнымъ, казнятъ и милуютъ и, вообще, дѣлаютъ изъ крестьянскаго самоуправленія чортъ-знаетъ что такое!

Къ несчастію, то же самое творится и въ земскомъ и во всякомъ другомъ нашемъ самоуправленіи, что уже мы отчасти видѣли изъ предъидущей статьи, и о чемъ будемъ говорить въ настоящей и въ слѣдующихъ. До сей поры мы говорили о земствѣ только лишь вообще, а теперь вступимъ въ нѣкоторыя частности, разсматривая его дѣятельность по «предметамъ вѣдомства»: это единственный способъ, посредствомъ котораго можно познакомиться съ темными и свѣтлыми его сторонами.

Который изъ «предметовъ вѣдомства земства» важнѣе, который ничтожнѣе, — это вопросъ неразрѣшимый и, въ сущности дикій, потому что всѣ «предметы» одинаково важны и находятся въ самой тѣсной связи между собою; безъ положительнаго разрѣшенія одного, нужно махнуть рукой и на другой и на третій, что у насъ и дѣлается иногда. Безъ знанія ариѳметики и начальныхъ основаній алгебры невозможно рѣшить уравненія третьей степени съ двумя неизвѣстными; точно такъ же и съ предметами вѣдомства. Къ несчастію, у насъ иной разъ смѣлые земцы берутся и за такое дѣло: ну, и выходитъ, разумѣется, уравненіе никуда негоднымъ, а неизвѣстныя такъ и остаются неизвѣстными.

До какой степени тѣсна эта связь — всего лучше видно изъ постоянно скудныхъ, ни къ чему обыкновенно непригодныхъ результатовъ, добываемыхъ нашими безчисленными коммисіями, назначаемыми тѣмъ или другимъ «вѣдомствомъ» по разнымъ, отдѣльнымъ вопросамъ общественной жизни. Сколько именно въ послѣднее десятилѣтіе назначалось у насъ коммисій, — я считаю здѣсь и земскія, которыхъ каждое собраніе назначаетъ штукъ по шести — и сосчитать нельзя, а, между тѣмъ, что онѣ выработали? Да ровно ничего — хоть шаромъ покати! Работаетъ иная коммисія нѣсколько лѣтъ сряду, тратитъ много труда и денегъ, а въ результатѣ — нуль. Изъ многословнаго описанія трудовъ коммисіи, только и поймешь послѣ: «такъ-какъ... само собою разумѣется, но, однако... слѣдовательно — ни къ какому окончательному выводу прійдти еще невозможно...» и т. д.

Digitized by Google

Недавно владимірское епархіальное начальство послало къ духовенству запросъ: «почему въ народѣ господствуетъ пьянство и какъ его уничтожить?» Собрались, разумѣется, по уѣздамъ коммисіи, т.-е. съѣзды духовенства — и вотъ одинъ изъ этихъ съѣздовъ, едва-ли не лучшій во всей губерніи, приступилъ къ вопросу такъ: «наибольшая часть преступленій происходитъ отъ пьянства, пьянство отъ невѣжества, невѣжество отъ бѣдности, а бѣдность — частію отъ неблагопріятныхъ условій сѣверной природы и, главнѣйше, отъ разныхъ экономическихъ, административныхъ и другихъ причинъ, слѣдовательно корень зла здѣсь. Но такъ-какъ на этотъ корень съѣздъ не могъ вліять, то онъ...» и т. д.

Дальнѣйшія выписки изъ корреспонденціи были бы излишними; каждому и безъ того извѣстно, что нашелъ съѣздъ. «Надобно водку продавать дороже» — рѣшаютъ шуйскіе «отцы», которые приступили къ дѣлу такъ умно и логично. Отвѣтъ вышелъ—чисто чиновничій: просто спусканье бумаги съ плечъ долой; да иначе, впрочемъ, и невозможно.

Точно такъ расправляются и съ предметами вѣдомства земства, къ которымъ собственно нужно бы отнести и пьянство, хотя оно и присвоивается, почему-то, спеціально духовенству; вѣроятно потому, что у насъ каждый индивидуумъ, т.-е. каждое недѣлимое, предполагается какъ бы разрубленнымъ на двѣ не совсѣмъ ровныя части, или раздѣленнымъ на два вѣдомства, а иногда и больше.

Такъ-какъ еще и сами земскія собранія не успѣли порѣшить окончательно, какіе изъ предметовъ вѣдомства земства нужно считать самыми главными и какіе не очень важными, то и я, съ своей стороны, не считаю нужнымъ особенно стѣсняться въ этомъ отношеніи. Начну съ земскихъ путей сообщенія, которые считаю однимъ изъ самыхъ главныхъ предметовъ: положимъ, съ перваго раза можетъ показаться, что, напримѣръ, народное продовольствіе и просвѣщеніе будутъ поважнѣе, но это такъ только показаться можетъ. Иногда и голодъ-то бываетъ въ извѣстной мѣстности потому именно, что въ ней проѣзда нѣтъ, а, съ другой стороны—постройте сколько угодно отличнѣйшихъ училищъ въ такой мѣстности, къ которой ни подойти, ни подъѣхать нельзя,—опять-таки толку не будетъ никакого.

Земскіе пути сообщеній до такой степени успѣли прославиться своею негодностью, что вошли даже въ поговорку. Если путешественникъ озлобится на какую-нибудь дорогу, положимъ хоть на желѣзную изъ вновь построенныхъ, по которой, вмѣсто узаконенныхъ пяти часовъ, ѣхалъ двое сутокъ, то онъ про эту ненавистную дорогу говоритъ: «скверна, какъ земская!» Поговорка эта начинаетъ входить въ такое же всеобщее употребленіе, въ какомъ находятся разныя старинныя, напримѣръ: «пьянъ, какъ сапожникъ», «лѣнивъ какъ оселъ» и т. п. Если путешественникъ по натурѣ завистливъ и не можетъ хладно-

Digitized by Google

кровно смотрѣть на скачущаго въ своей собственной коляскѣ одинокаго франта со стеклышкомъ въ глазу, то онъ шепчетъ ему вслѣдъ: «пустилъ бы я тебя, другъ любезный, по земской дорожкѣ! небойсь, рессоры-то-бы переломалъ!» Почти ни одна провинціальная газетная корреспонденція не обходится нынче безъ описанія мѣстныхъ земскихъ дорогъ, и въ этихъ краснорѣчивыхъ описаніяхъ сейчасъ же замѣтно, что корреспондентъ пишетъ не пустыя фразы, а о предметѣ глубоко имъ прочувствованномъ, такъ сказать, выстраданномъ: словно республиканецъ-французъ разсказываетъ о тяжкихъ временахъ наполеоновскаго произвола, или патріотъ-итальянецъ объ австрійскомъ гнетѣ. Иная корреспонденція начинается очень вяло и несладно, такъ что ничего не обѣщаетъ интереснаго; но лишь только корреспондентъ попадетъ на единственно живой предметъ— земскую дорогу—онъ немедленно оживляется и заключаетъ свою корреспонденцію даже стихами, напримѣръ такими:

«Земство! Съ насъ налоги
Ты деретъ безбожно;
Почини-жъ дороги:
Ѣздить невозможно...»

Сами видите, что это уже не шутка, не простое желаніе блеснуть своимъ остроуміемъ въ стихотворной формѣ, а неподдѣльный вопль, вырвавшійся прямо откуда слѣдуетъ: ясно, что дорожный вопросъ въ провинціяхъ стоитъ на первомъ планѣ.

Чтобы поосновательнѣе ознакомиться съ положеніемъ дорожнаго дѣла въ провинціяхъ и понять причину той страстности, которую оно возбуждаетъ, приведемъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ корреспонденцій и журналовъ земскихъ собраній, въ которыхъ дѣло это излагается иной разъ въ не менѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ въ частныхъ корреспонденціяхъ.

До введенія въ дѣйствіе земскаго положенія, дороги наши, за исключеніемъ шоссейныхъ, исправлялись только лишь въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ, напримѣръ, по случаю проваловъ по необъяснимымъ причинамъ, именуемымъ «озорствомъ подземныхъ силъ», въ случаѣ наводненій или проѣзда какого-нибудь очень важнаго петербургскаго чиновника. Дороги были, разумѣется, никуда не годны, но, такъ-какъ къ негодности ихъ каждый уже привыкъ и подводилъ подъ свой экипажъ, вмѣсто рессоръ, толстыя жерди, и такъ-какъ дороги тогда ничего не стоили лицамъ, разъѣзжающимъ въ тарантасахъ, то и жалобъ на дороги тогда еще не было. Со введеніемъ въ дѣйствіе земскаго положенія, многое изъ стараго измѣнилось, хотя и не всегда къ лучшему. Земство принялось собирать деньги на починку дорогъ со всѣхъ сословій, принялось тратить значительныя суммы, но до сихъ поръ успѣло достигнуть лишь одного хорошаго результата: оно, при взиманіи платы на починку, сословія дѣйствительно уравняло, но дороги по-

Digitized by Google

чинить все, таки ему не удалось. Такъ, напримѣръ, Новоторжская управа (Тверской губ.) истратила на поправку дороги до Осташковской желѣзно-дорожной станціи 8,000 рублей земскихъ денегъ, а между тѣмъ одинъ изъ мѣстныхъ корреспондентовъ отзывается объ этой исправленной вѣтви слѣдующимъ образомъ: «прежняя дорога хотя и плоха была, но ѣздить по ней было можно; послѣ же земскаго исправленія, она стала непроѣздною и непроходимою. Много разъ намъ приходилось путешествовать по этой вполнѣ замѣчательной въ своемъ родѣ дорогѣ. Ямщикъ ни въ какомъ случаѣ не поѣдетъ по этой дорогѣ, а все наровитъ, гдѣ только возможно, сторонкою. На вопросъ же вашъ—что же ты не ѣдешь дорогою? отвѣчаетъ: «Нельзя, купецъ, здѣсь земство было!» Но Боже васъ сохрани ѣхать по этой дорогѣ ночью! Васъ ямщикъ же станетъ убѣждать повременить до свѣта. Поэтому здѣшніе жители развѣ въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ рѣшаются рискнуть своими боками не въ урочное время и т. д.». Могло-бы показаться страннымъ и даже невѣроятнымъ, какъ это управа ухитрилась истратить восемь тысячъ земскихъ денегъ на такое дѣло, которое просто можетъ назваться озорствомъ, но, вопервыхъ, корреспонденцію, передавшую намъ это извѣстіе, управа и не думала опровергать, а, вовторыхъ, есть множество и другихъ корреспонденцій изъ другихъ мѣстъ, въ такомъ-же родѣ, напримѣръ, изъ Луги («Судебн. Вѣстн.»). «Въ иныхъ, извѣстныхъ намъ мѣстахъ уѣзда—пишетъ корреспондентъ—дороги не только не улучшались, но пришли еще въ худшее состояніе и—повѣритъ ли читатель?—*испортились отъ починки ихъ*.

«Приведемъ для примѣра одну изъ самыхъ торныхъ дорогъ Лужскаго уѣзда, соединяющую г. Лугу съ густонаселеннымъ краемъ сосѣдней Новгородской губерніи: съ бывшимъ округомъ пакотныхъ солдатъ, и селомъ Медвѣдь—пунктомъ многочисленнаго расположенія войскъ.

«Эту-то дорогу управа съ прошлаго года стала чинить и вышло слѣдующее: тамъ, гдѣ она была *плоха*, ее сдѣлали еще хуже; тамъ, гдѣ она была очень худа, но гдѣ можно еще было, хотя съ трудомъ, проѣхать, объѣзжая ямы и колеи, тамъ ее сдѣлали *непроѣзжею*».

Опять озорство!—воскликнетъ читатель; но, въ сущности, озорства здѣсь никакого не было, потому что члены управы—не школьники ужь, да, притомъ, народъ все петербургскій. Причину земскихъ невзгодъ пойметъ каждый, если прочитаетъ нравоученіе къ одной крыловской баснѣ:

«Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ»...

Управы наши покуда только кое-какъ изловчились собирать недоимки, а самую починку дорогъ производятъ слѣдующимъ,

Digitized by Google

очень оригинальнымъ способомъ: рубится растущій по сторонамъ дороги лѣсъ (ивникъ, кривыя березы и ольшини) и, не отсѣкая сучьевъ, все это кладется или продольно въ колеи, или валится поперегъ дороги какъ попало, въ плотную, или рѣдко толстый кожель съ вершиною, не уравняв предварительно грунта и не выкапывая камней. Затѣмъ, для окончанія сооруженія, наши земскіе инженеры копаютъ ямы по бокамъ дороги, преимущественно въ заросшихъ травою канавахъ' бросаютъ этотъ дернъ, землю, глину, камни, грязь, словомъ все, что ни попадется на лопату и какъ попало, большими или малыми комьями поверхъ хвороста, и—дорога готова.

«Наружный видъ исправленнаго такимъ образомъ пути сообщенія похожъ на только что поднятую сохою пашню, изъ которой тамъ и сямъ торчатъ сучья и комли деревъ. Если ѣдешь днемъ и ямщикъ знаетъ дорогу, то здѣсь одно спасеніе: *объѣздъ*. Починенная дорога долго остается въ своемъ дѣвственномъ, взбудараженномъ видѣ. Но, наконецъ, ночною порою, какая-нибудь, незнакомая съ мѣстностью лошадь, запряженная въ телѣгу, гдѣ непробуднимъ сномъ спитъ хозяинъ, добредетъ до новой дороги и съ трудомъ проложитъ по ней первую колею. Понятно, что вскорѣ верхній пластъ земли будетъ продавленъ, колесо пойдетъ по сучьямъ и деревьямъ, проломитъ ихъ надъ ямами, а первый дождикъ смоетъ землю или глину, какимъ-нибудь чудомъ уцѣлѣвшую еще на хворостѣ, называемомъ управою (о самообольщеніе!) *фашинникомъ*. Горе тому, у кого лошадь не сильна, колесо плохо или шкворень поистерся! Дорога пришла въ первобытное свое до исправленія состояніе: тѣ же ямы и камни, но колеи сдѣлались глубже, прибавились только толчки отъ сучьевъ, а свернуть въ сторону уже нельзя.

«Въ нынѣшнемъ году, для довершенія бѣдствій описываемой нами дороги, придумано еще новое средство: по улицамъ деревень, и безъ того узкихъ, отступя сажени на двѣ отъ домовъ, копаютъ канавы, а чтобъ обывателямъ возможно было проѣзжать со дворовъ на улицу, то устроиваютъ кой-гдѣ или узенькіе мостики, или оставляютъ канаву непрорытою. Землю выбрасываютъ, разумѣется, на улицу, которая отъ того сдѣлалась также непроѣздною тамъ, гдѣ грунтъ не песчаный (деревни: Заполье, Подберезье, Рѣзька и другія). Ночью нельзя ни свернуть въ сторону, ни разъѣхаться съ встрѣчникомъ, не рискуя опрокинуться въ канаву».

Такъ-какъ большинство дворянъ Петербургской губерніи—нѣмецкаго происхожденія, а между тѣмъ патріотизмъ у насъ нынче въ большой модѣ, то многіе могутъ подумать: ужь не скрывается-ли, полно, у нѣмцевъ какой нибудь задней мысли—иначе зачѣмъ-же-бы устроивать такія баррикады на проѣзжихъ мѣстахъ? Конечно, мнительному человѣку все можетъ прійдти въ голову, особенно на первыхъ порахъ; но, такъ-

Digitized by Google

какъ я внимательно читалъ очень многія изъ постановленій земства Петербургской губерніи, то могу чѣмъ угодно ручаться, что при устройствѣ своихъ непроницаемыхъ путей сообщенія, оно никакой — ни задней, ни передней мыслью не руководствовалась. Скорѣе даже можно предположить, что если проектъ исправленія дорогъ сочиняли дѣйствительно нѣмцы, то нѣмцы эти достаточно уже обрусѣли, такъ-какъ проектъ составленъ въ чисто русскомъ духѣ: свалилъ въ оврагъ три воза навозу—вотъ тебѣ и мостъ готовъ! Точно такое же нехитрое исправленіе земскихъ дорогъ мы видимъ и въ тѣхъ губерніяхъ, которыя никакъ нельзя заподозрить въ особенномъ изобиліи нѣмцевъ, напримѣръ, въ Харьковской, откуда недавно въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ писали: «наконецъ случилось у насъ то, *чего давно можно было ожидать во многихъ мѣстахъ нашей губерніи*». Что-же это такое случилось-то?—въ нетерпѣніи спрашиваетъ читатель. А вотъ что: «въ одинъ изъ многихъ неогороженныхъ овраговъ попала тройка съ сѣдоками. Затѣмъ въ оврагъ свалились два землемѣра и ямщикъ; *послѣдній заплатилъ жизнію за упущеніе, недосмотръ земской управы*. Болѣе года тому назадъ здѣсь въ уѣздѣ, верстахъ въ 4 отъ Волчанска, по большой дорогѣ въ Бѣлгородъ, надъ самой дорогой, существуетъ оврагъ, *и удивительно, какъ еще туда никто не свалился*. Съ тѣхъ поръ прошло почти $1^4/_5$ года, но оврагъ все еще безъ перилъ и грозитъ кому-нибудь той же участью, какая постигла ямщика и проѣзжихъ вблизи Валокъ».

Ужь видно такая горькая участь непривиллегированныхъ людей на Руси: платить за все и за вся, даже *за упущенія* земской управы! И деньгами-то на починку дороги, вѣроятно, заплатилъ не мало, да еще, вдобавокъ, расплатился жизнью, тогда какъ два землемѣра, какъ ни въ чемъ не бывало: чего, могъ, съ насъ возьмешь?

Выписокъ изъ провинціальныхъ корреспонденцій о земскихъ дорогахъ мы больше дѣлать не станемъ, потому что въ этомъ отношеніи замѣчается удивительное однообразіе по всей имперіи: вездѣ земскія дороги никуда не годятся. Это еще хорошій признакъ, когда о провалѣ ямщика и землемѣровъ въ оврагъ говорятъ, какъ о чемъ-то очень замѣчательномъ; начинаютъ корреспонденцію фразой изъ Смарагдовскаго учебника всеобщей исторіи: «наконецъ-то случилось у насъ то, чего одни ждали со страхомъ, другіе съ нетерпѣніемъ... и т. д.». Въ иныхъ мѣстахъ на дорогѣ въ оврагъ проваливаются и по десяти человѣкъ вразъ, и тонутъ на перевозахъ человѣкъ по пятидесяти и больше, а никто объ этомъ—ни гугу; словно и быть тому такъ слѣдуетъ! Развѣ случайно какой-нибудь заѣзжій корреспондентъ заявитъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», да и того послѣ — ищутъ-ищутъ... чтобъ бока обломать за непрошенную выноску мягкаго сора изъ избы...

Digitized by Google

«Привычка, говорится, вторая натура»—а у насъ къ провалам на дорогахъ очень уже привыкли, да и нельзя было не привыкнуть, потому что обозначались они не вдругъ, не отъ «подземнаго озорства», т.-е. научно выражаясь,—не вулканически, а плутонически, вслѣдствіе непохвальнаго и убыточнаго свойства водяной капли—долбить даже камень, а не только ничѣмъ не укрѣпленную, рыхлую почву. Всѣмъ и каждому извѣстно, что и до введенія въ дѣйствіе земскаго положенія, дороги у насъ были такія-же, и если онѣ успѣли кое-гдѣ сдѣлаться нѣсколько похуже, то единственно потому, что чѣмъ дольше капля долбитъ камень, тѣмъ дыра въ камнѣ дѣлается обширнѣе. Мы не беремъ во вниманіе тѣ, все, таки не очень частые случаи, въ которыхъ земство за свои собственныя деньги проѣзжія дороги превратило въ непроѣзжія.

Въ теченіе перваго года по введеніи земства, по поводу исправленія дорогъ, не мало было случаевъ, нелишенныхъ комизма. Еще губернскія строительныя и дорожныя коммисіи, дѣйствовавшія, какъ извѣстно, подъ непосредственнымъ надзоромъ губернаторовъ, не успѣли сдать своихъ дѣлъ земскимъ управамъ, а управы уже начали получать изъ губернаторскихъ канцелярій строжайшіе запросы: почему тамъ-то по дорогѣ невозможно проѣхать, и почему мостъ на такой-то рѣкѣ «не заключаетъ въ себѣ половицъ, кои бы способствовали удобнѣйшему переѣзду чрезъ оную рѣку?» На такіе запросы, управы, съ своей стороны, отвѣчали тоже запросами и покорнѣйшими просьбами «разъяснить обстоятельства дѣла, ибо всѣ документы находятся еще въ канцеляріяхъ строительныхъ и дорожныхъ коммисій». Отсюда проистекло множество такъ-называемыхъ «пререканій между властями», которыми такъ богато было первое время по введеніи земскаго положенія. Обѣ стороны спрашивали другъ друга, и ни одна не могла отвѣтить удовлетворительно. Началась ожесточенная, совсѣмъ газетная полемика, но только не въ газетахъ, а въ оффиціальныхъ отношеніяхъ, сообщеніяхъ и т. п. формальныхъ бумагахъ. Полемика эта жестоко повредила, разумѣется, сторонѣ слабѣйшей, т.-е. земству, которое при иныхъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, по мнѣнію людей опытныхъ и дальновидныхъ, сразу бы могло себя поставить на твердую, надежную почву, не имѣя никакой надобности въ своей собственной національной гвардіи, о которой наяву грезятъ увлекающіеся, легкомысленные французы, по справедливости казнимые за свое легкомысліе нашими разумными фельетонистами и заграничными корреспондентами. Съ особеннымъ ожесточеніемъ велась эта оффиціальная полемика въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ въ предсѣдатели губернскихъ управъ согласились идти лица, обладающія крупными чинами, «сами генералы», какъ говорится. Тамъ, въ самолюбію представителя и охранителя земскихъ интересовъ, поми-

Digitized by Google

маемыхъ въ теченіе перваго года въ самомъ обширномъ смыслѣ, присоединилось еще «сознаніе собственнаго своего чина»: въ этихъ губерніяхъ оффиціальная полемика въ рѣзкости и безцеремонности ничѣмъ не уступала журнальной полемикѣ начала шестидесятыхъ годовъ, которая дошла, наконецъ, до того, что подписчиковъ полемизирующихъ журналовъ начало съ нее тошнить. Въ настоящую минуту у меня подъ рукою очень мало образцовъ этой оффиціальной полемики, но въ концѣ статей я надѣюсь привести ихъ нѣсколько: дѣло уже прошлое, давнишнее. Теперь уже въ числѣ предсѣдателей управъ, едвали гдѣ встрѣтишь настоящаго генерала, если только должность предсѣдателя управы не соединена съ должностью предсѣдателя собранія, т.-е. дворянскаго предводителя, которые почти всѣ генералы, хотя бы въ сущности были корнетами, или подпоручиками.

Въ то время, когда губернскія управы полемизировали съ высшими губернскими властями, уѣздныя тоже отъ нихъ не отставали, потому что уѣздные исправники въ уѣздныхъ городахъ во всемъ старались подражать высшему губернскому начальству. «Во время слѣдованія моего по уѣзду, по дѣламъ службы—сообщалъ исправникъ управѣ—я замѣтилъ на такой-то рѣкѣ мостъ безъ свай, безъ перилъ и съ весьма незначительнымъ количествомъ половицъ, и то достаточно уже сгнившихъ, а около самаго моста, при въѣздѣ на оный, усмотрѣлъ весьма значительной величины промоину, которая, не далѣе какъ въ слѣдующемъ году, можетъ превратиться въ оврагъ, отдѣляющій мостъ отъ дороги. Сообщая о семъ управѣ, имѣю честь покорнѣйше просить... и т. д. На такое отношеніе, отъ такого-то числа, за нумеромъ, управа отвѣчала: «Такъ-какъ изъ соображеній по сему дѣлу съ сопоставленіемъ подлежащихъ случаю законовъ, усматривается, что дорожныя коммисіи не сданы еще въ вѣдомство земства, а съ другой стороны, и по новымъ законамъ, наблюденіе за порядкомъ исполненія натуральныхъ повинностей подлежитъ вѣдѣнію уѣздной полицейской власти, то управа удивляется, почему г. исправникъ...» и т. д. А потомъ, смотришь, и пошли себѣ «пререканія». Уѣздный исправникъ съ предсѣдателемъ земской управы перестаютъ даже кланяться другъ другу на улицѣ, и въ мѣстномъ клубѣ, при выпитіи рюмки водки въ буфетѣ, избѣгаютъ, поэтически выражаясь, «признанья и встрѣчи» и становятся

«Пусты и глупы ихъ краткія рѣчи».

А между тѣмъ, всѣ эти, повидимому, ничтожныя уѣздныя дрязги вредъ дѣлу наносили громадный, въ особенности когда нѣкоторыя уѣздныя управы, сгоряча, энергически принялись за улучшенія по подводной и дорожной повинностямъ, въ особенности по подводной. До открытія управъ, законъ о количествѣ отпускаемыхъ лошадей на земскихъ форпостныхъ стан-

Digitized by Google

діяхъ никогда не исполнялся и даже едва ли кому-нибудь былъ извѣстенъ. Становые пристава, вмѣсто узаконенной «*пары*», брали иногда по три, по четыре лошади и больше, а нерѣдко требовали лошадей и не для себя лично, а для своихъ женъ, которыя отправлялись въ городъ покупать себѣ наряды къ празднику. Съ появленіемъ на свѣтъ божій земскихъ управъ, все это, если не уничтожилось совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, замѣтно было стѣснено. Члены управъ (не вездѣ, конечно) сами ѣздили по земскимъ станціямъ, сами разъясняли, сколько кому слѣдуетъ давать лошадей безплатно, на стѣнахъ станцій вывѣсили печатныя объявленія и завели разноцвѣтные открытые листы, которые въ первое время выдавали сами же, съ точнымъ обозначеніемъ: кому, куда, сколько лошадей и на сколько времени. Хотя все это такъ и по закону слѣдовало, но, тѣмъ не менѣе, гвалтъ между чиновнымъ людомъ поднялся страшный. «Крестьяне насъ теперь бояться не будутъ!» завопили чиновники, начиная съ исправника, судебныхъ слѣдователей, пользующихся въ лошадиномъ отношеніи правами становыхъ, и кончая разсыльными, которые въ прежнія времена тоже скакали по уѣзду на тройкахъ и наводили не малый страхъ на окружающихъ. «Это просто бунтъ! горячился исправникъ. Въ случаѣ чего-нибудь такого — я не считаю себя отвѣтственнымъ!» Крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣйствительно начали пользоваться измѣнившимися обстоятельствами, хотя въ этомъ пользованіи не было ничего противозаконнаго въ тѣсномъ смыслѣ слова. Разъ въ большое село, въ одномъ изъ прикамскихъ уѣздовъ, пріѣхали на земскую станцію становой приставъ съ судебнымъ слѣдователемъ и письмоводителями и принялись съ дороги требовать себѣ разныхъ закусокъ: курицъ, яицъ и т. п., которыя, по старымъ обычаямъ, тоже изображали собою, какъ бы натуральную повинность. Крестьяне дѣйствительно дали имъ всего, что требовалось, но предъ отъѣздомъ потребовали за съѣденныя двѣ курицы и десятокъ яицъ, кажется, пять рублей, иначе грозили донести управѣ. Замѣчательно, что чиновники, въ первое время, пока еще не успѣли приглядѣться къ управамъ, почему-то сильно ихъ трусили: «до управы дойдетъ—скандалъ выйдетъ!» говорили чиновники, а извѣстно вѣдь, что скандалъ у насъ силу большую имѣетъ. Было, напримѣръ, время, когда попасть въ карикатуру «Искры» считалось событіемъ болѣе страшнымъ, чѣмъ выговоръ мѣстнаго начальства.

Теперь уже ничего подобнаго давно не существуетъ. Чиновники приглядѣлись къ управамъ и убѣдились, что онѣ вовсе не страшны. Статьи земскаго положенія, которыя давали поводъ такъ дѣйствовать, разъяснены и дополнены, такъ что получили даже совсѣмъ другой смыслъ. Управы поняли, что онѣ были обязаны выдавать чиновникамъ, по старому, чистыя бланки въ неограниченномъ количествѣ, а сами могутъ только

Digitized by Google

слѣдить и получать обратно старые, негодные уже открытые листы. Положимъ, что статья 37-я «врем. правилъ», въ которой говорится: «не допускается выдача бланковыхъ билетовъ, безъ обозначенія кому, гдѣ, въ какомъ размѣрѣ должны быть даны подводы»—сохранилась въ цѣлости; но, послѣ разъясненія, ее уже нельзя было понимать буквально, какъ и многія другія статьи. Если всѣ эти «разъясненія и дополненія», для красоты слога, мы сравнимъ, напримѣръ, съ пожаромъ, то статьи земскаго положенія до разъясненій и послѣ разъясненій, будутъ изображать собою дома до пожара и послѣ пожара.

Послѣ надлежащихъ разъясненій, прекратились, разумѣется, и пререканія между властями; безъ вѣсти куда-то пропалъ возрождающійся сословный антагонизмъ, замѣчаемый многими изъ тѣхъ господъ, которые смѣшивали его съ нигилизмомъ. Поѣхало дѣло по старой, давно уже проторенной колеѣ, и распространилась повсюду тишь да гладь—божья благодать, т.-е. пошло дѣло по старому.

А старые порядки были такіе:

Въ иномъ изъ уѣздовъ почтовая дорога тянулась верстъ на сто слишкомъ, на этомъ участкѣ числилось мостовъ 20—30 и пролегалъ дорожный участокъ иной разъ по одному краю уѣзда, или вдоль уѣзда, такъ что не мало оказывалось такихъ деревень, которыя отъ почтовой дороги отстояли тоже верстъ на сто, или около того. Всѣ деревни въ уѣздѣ были приписаны къ участкамъ, на которые раздѣлялась дорога, такъ что, въ случаѣ надобности, напримѣръ, въ случаѣ ожидаемаго проѣзда какого-нибудь крупнаго чиновника, крестьяне поголовно *выгонялись* съ лопатами верстъ за сто отъ своей деревни—чинить участокъ, хотя съ ихъ домашними инструментами это было такъ же удобно, какъ тушить пожаръ голыми руками. Кому случалось ѣздить по почтовымъ дорогамъ во время ихъ чинки по описанному древнему способу, тотъ, вѣроятно, и самъ не разъ недоумѣвалъ: зачѣмъ это въ рабочую пору, когда въ другихъ мѣстахъ спѣшатъ пашней, или сѣнокосомъ—народъ въ большомъ количествѣ разлегся по сторонамъ дороги и крѣпко спитъ? Очень немудрено, что многимъ изъ проѣзжающихъ приходили въ голову ходячія фразы о неимовѣрной лѣни русскаго народа, о его пьянствѣ и т. п., потому что иначе зачѣмъ же спать по сторонамъ дороги, цѣлыми массами, въ самую рабочую пору? Но все это могло придти въ голову только человѣку, неимѣющему ни малѣйшаго понятія о натуральныхъ повинностяхъ. Смыслъ этого рода повинностей въ томъ именно и заключался, что онѣ пользы никому никакой не приносили, а между тѣмъ отнимали у крестьянина дорогое время, принуждая его въ рабочую пору спать, какъ арестанта, запертаго въ казематѣ.

Долго крестьяне терпѣли такія неудобства, но, наконецъ,

Digitized by Google

придумали откупаться отъ обязательнаго сна на почтовой дорогѣ извѣстнымъ денежнымъ взносомъ, и такъ-какъ мѣстное начальство тоже очень хорошо поняло, что денежные взносы для него небезвыгодны, то крестьянамъ такая замѣна была разрѣшена, разумѣется, не гласно. Этотъ новый, улучшенный порядокъ заключался въ слѣдующемъ: при каждомъ полицейскомъ управленіи заведенъ былъ особый подрядчикъ, близко извѣстный начальству, а иногда и два подрядчика, которые обдѣлывали дѣла на чистоту, не обижая ни себя, ни начальство. Лишь только исправникъ усматривалъ, что нужно гдѣ-нибудь чинить дорогу или мостъ, онъ немедленно посылалъ въ деревни, приписанныя къ испорченному участку, подрядчика, который самъ уже заключалъ съ крестьянами условіе о выкупѣ. Чѣмъ деревня отстояла дальше отъ дорожнаго участка, тѣмъ выкупъ взимался значительнѣе, и наоборотъ, потому что ближайшіе къ дорогѣ крестьяне предпочитали иногда обязательное спанье, если выкупъ имъ казался слишкомъ крупнымъ; что же касается до починки мостовъ, то эта натуральная повинность повсемѣстно давно уже обратилась въ денежную, потому что по испорченной и неисправленной дорогѣ все-таки проѣхать кое-какъ можно, а если мостъ провалится, то тутъ ужь однимъ спаньемъ дѣлу не поможешь.

Съ 1861 года палаты государственныхъ имуществъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вздумали ввести новые порядки въ отправленіи мостовой повинности между крестьянами своего вѣдомства—и эта попытка оказалась очень удачною: жаль только, что придумана была она слишкомъ поздно, наканунѣ смерти палатъ. Въ одномъ изъ уѣздовъ Казанской губерніи, въ которомъ на почтовой дорогѣ числилось 40 мостовъ, съ государственныхъ крестьянъ, вмѣсто прежней, неопредѣленной платы, начали собирать по 2 коп. съ души, и изъ этой платы, въ какіе-нибудь два-три года, образовался уже остатокъ рублей въ 900. Такъ-какъ временно-обязанные крестьяне въ томъ же уѣздѣ платили на починку мостовъ вчетверо, а именно по 8 коп. съ души и больше, а остатковъ отъ этого сбора не оказывалось никакихъ, то мѣстный дворянскій предводитель задумалъ ввести и у нихъ такіе же порядки. Крестьяне, разумѣется, согласились на это предложеніе предводителя съ радостью, составили приговоры, которые были представлены въ строительную коммисію, но тамъ эти приговоры такъ и засѣли на три года, а черезъ три года приговоры возвратились обратно къ удивленнымъ крестьянамъ, предполагавшимъ, что все дѣло уже покончено. Волостныя правленія, получивши свои приговоры назадъ, обратились къ становымъ приставамъ съ просьбою: разъяснить, для чего приговоры эти, составленные, повидимому, правильно и законно, возвращены имъ? Но получили въ отвѣтъ, что онъ, становой приставъ, «и самъ не знаетъ, зачѣмъ онъ ихъ возвратилъ». Дѣлать нечего: опять приве-

Digitized by Google

лось довольствоваться неопредѣленное время старыми порядками. Опять появились въ волостныхъ правленіяхъ старые полицейскіе подрядчики съ приказами отъ исправника въ такомъ родѣ: «Предписываю волостнымъ правленіямъ объявить подвѣдомственнымъ онымъ правленіямъ крестьянамъ, *заключить условіе съ крестьяниномъ* (такимъ-то), *на законномъ основаніи*».

«Конечно, трудно при подобныхъ обстоятельствахъ заключать условія *на законномъ основаніи*, говорится въ докладѣ одной уѣздной управы собранію—потому что по закону, подрядъ остается вовсе не за тѣмъ лицомъ, на которое указалъ исправникъ, а за тѣмъ, кто даетъ самую низшую цѣну, но волостныя правленія, по незнанію, соглашались и платили сколько приведется, копѣекъ по 8 по 10 и больше съ души, чтобы, по крайней мѣрѣ, не требовали ихъ верстъ за 60 отъ деревень, для сгребанія снѣга. Впрочемъ, нашлось одно волостное правленіе въ уѣздѣ, которое не согласилось съ предписаніемъ исправника и отвѣчало:

«Такъ-какъ, по мнѣнію волостнаго правленія, вышепрописанныя сооруженія предварительно должны быть осмотрѣны членами или повѣренными тѣхъ волостей, которыя къ нимъ приписаны, и найденныя ветхости подробно описаны и составлена смѣта о томъ, сколько необходимо лѣснаго и другаго матеріала и на какую сумму, разсчитавъ расходъ этотъ на всѣ души, приписанныя къ сооруженію, и тогда уже долженъ быть произведенъ сборъ, и по распоряженію мѣстнаго начальства, назначены торги — то сіе правленіе крестьянину Ашалову въ заключеніе условія *на безгласныя* исправленія сооруженій и произвольный сборъ денегъ—отказало».

Но, до вмѣшательства въ дѣло земскихъ управъ, волостныя правленія, разумѣется, не въ силахъ были бороться съ исправникомъ: писарь, сочинившій рѣзкій отвѣтъ, безъ сомнѣнія, слетѣлъ съ мѣста за неповиновеніе властямъ, а крестьяне все-таки принуждены были собрать въ пользу привиллегированнаго Ашалова по 8, или по 10 копѣекъ съ души. Сколько вытягивали отъ крестьянъ денегъ на одну только мостовую повинность (а это еще самая легкая)—видно изъ слѣдующаго разсчета: въ описываемомъ мною уѣздѣ временно-обязанныхъ крестьянъ числилось до 14,000 душъ, которые были приписаны къ тремъ небольшимъ мостамъ (всего 86 саженъ). Если считать среднимъ числомъ по 8 коп. съ души, то выходитъ, что крестьяне на починку этихъ 86-ти саженъ простыхъ деревянныхъ мостовъ, каждый годъ принуждены были платить 1,120 рублей. Деньги эти каждый годъ тратились всѣ безъ остатка, такъ что, въ случаѣ разрушенія моста, сумма собиралась вновь со всей уже губерніи. Починки—если предположить, что онѣ дѣлались—поглощали никакъ не болѣе 200 руб., а остальные всѣ шли подрядчику, разумѣется, не одному, а

Digitized by Google

съ выдѣленіемъ нѣкоторой доли, потому что нужно еще было ухитриться попасть въ подрядчики.

Разумѣется, земскія управы, лишь только получили подъ росписку дѣла изъ упраздненныхъ дорожныхъ коммисій, обязаны были немедленно прекратить такой открытый грабежъ, тѣмъ болѣе, что дѣло это не представляло ни малѣйшей трудности. Члены вновь открытыхъ уѣздныхъ управъ не могли не сознавать, что обходятся они вмѣстѣ съ канцеляріями земству очень не дешево (тысячъ по восьми въ годъ), а толку отъ нихъ въ первое время ожидать нельзя; слѣдовательно, нужно было, по крайней мѣрѣ, немедленно прекратить это безумное мотовство крестьянскихъ денегъ, которое допускалось при старыхъ порядкахъ. Дѣйствительно, они и занялись этимъ предметомъ, придумали новые порядки—но на сколько придуманные ими новые порядки лучше старыхъ,—это всего удобнѣе прослѣдить именно теперь, на седьмомъ году существованія управъ, когда онѣ успѣли уже достаточно осмотрѣться и одуматься.

Кромѣ частныхъ свѣдѣній о дѣятельности земскихъ управъ, на которыя я уже указывалъ, имѣются еще свѣдѣнія оффиціальныя: отчеты управъ, журналы земскихъ собраній, разные протесты гласныхъ и т. п. На нихъ-то я теперь и остановлюсь. Возьмемъ, для примѣра, земское управленіе Вятской губерніи, которое по достоинству считается вторымъ въ Россіи послѣ новгородскаго, всѣми уже признаннаго самымъ лучшимъ, т.-е. такъ-сказать, первымъ сортомъ.

Изъ журналовъ вятскаго губернскаго собранія 1870 года вовсе, однакожь, не видно, чтобы дѣйствія мѣстнаго земства были безукоризненны, хотя оно и считается однимъ изъ лучшихъ: хороши должны быть остальныя-то, считающіяся худшими! Изъ отчетовъ губернской управы, которые не были своевременно напечатаны и разосланы гласнымъ, видно, напримѣръ, что на исправленіе почтовыхъ дорогъ затрачено всего 111,956 рублей; но до какой степени затрата была производительна, достаточно бросить взглядъ лишь на Сарапульскій и Котельническій уѣзды. По Котельническому уѣзду израсходовано 20,253 руб., а между тѣмъ, какъ оказалось по свидѣтельству члена губернской управы Короваева и архитектора Дружинина, дороги въ самое лучшее время, въ іюнѣ мѣсяцѣ, находились въ дурномъ состояніи, а дорожныя сооруженія построены изъ стараго лѣса, и до того дурно, что тумбы не вбиты какъ слѣдуетъ и легко вынимались рукою. По Сарапульскому уѣзду израсходовано всего 10,363 р. 79½ коп., а между тѣмъ, по изслѣдованію ревизіонной коммисіи на мѣстѣ, оказалось, что дороги нисколько исправляемы не были, и что на нихъ опрокидывались экипажи, вязли и тонули лошади, и, наконецъ, дороги сдѣлались вовсе неудобными для проѣзда. Подобнаго не случалось даже и тогда, когда дороги содержа-

Digitized by Google

лись натурою, на болѣе скудныя средства крестьянъ. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, куда израсходованы и на какія исправленія дорогъ употреблены выданныя деньги, остается безъ отвѣта.

«*Всѣмъ уже извѣстно*, говорится въ докладѣ — *что дороги съ переходомъ въ вѣдѣніе земства, содержатся хуже, несмотря на огромныя затраты денегъ*. Одно уже это прямо указываетъ на отсутствіе надзора».

И дѣйствительно, образцовое вятское земство зарекомендовало себя по дорожной части очень нехорошо, такъ что лучше бы ему и не считаться ужь образцовымъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, другія не вздумали подражать. При губернской управѣ находятся постоянные техники и архитекторы, на которыхъ тратится болѣе 4-хъ тысячъ рублей, а между тѣмъ оказалось, что всѣ работы по дорожнымъ сооруженіямъ производились по распоряженію уѣздныхъ управъ, «члены которыхъ бо́льшую часть ихъ приняли на себя *хозяйственнымъ образомъ*, и работъ ихъ никто изъ членовъ губернской управы не осматривалъ».

Чѣмъ занимались въ это самое время земскіе техники и архитекторы—такъ и осталось покрытымъ мракомъ неизвѣстности, точно такъ же, какъ покрыто мракомъ неизвѣстности и то, чѣмъ занимаются толпы писарей и письмоводителей, которыми переполнены у насъ канцеляріи нѣкоторыхъ управъ, вотъ хотя бы ардатовская, Симбирской губерніи, откуда сообщаютъ нижеслѣдующее: «Земскія учрежденія отъ разныхъ причинъ отцвѣтаютъ, не успѣвъ расцвѣсть: главная причина—недостатокъ людей. Управа въ рукахъ людей стараго закала; канцелярское письмоводство не хуже департамента любаго министерства: человѣкъ 15 сидятъ въ управѣ и пишутъ, пишутъ, цѣлые дни пишутъ, а дороги, между тѣмъ, непроѣздныя. Такъ, отъ Ардатова до Алатыря зимой ѣздятъ по рѣкѣ Алатыри; дорога прекрасная, только спускъ на рѣку безобразно крутъ. Казалось бы, 3 или 4 руб. не разворили бы земства — берегъ былъ бы срытъ и всѣ были бы благодарны. Мосты по всѣмъ дорогамъ чуть лишнутъ. Всякій годъ управа проситъ большихъ денегъ на устройство новыхъ мостовъ, но земское собраніе всякій годъ упрямо отказывается».

Вообще у нашего земства замѣчается какая-то совершенно особенная старушечья экономія, которая побуждаетъ выжившую изъ ума старушку жечь цѣлый день и ночь деревянное масло въ лампадкѣ, изъ желанія сохранить спички, хотя спички обошлись бы несравненно дешевле. Особеннымъ техникамъ и архитекторамъ платятъ тысячи рублей, и въ то же время мосты строятъ *хозяйственнымъ образомъ* и осматриваютъ постройки тѣ же самыя лица, которыя *хозяйничали*! Это напоминаетъ того петербургскаго мироваго судью, который самъ любовался въ театрѣ-буфъ слишкомъ легкими костюмами егаревскихъ актрисъ,

Digitized by Google

самъ на нихъ пожаловался самому себѣ, и самъ производилъ надъ ними слѣдствіе и судилъ. Губернскія управы выдаютъ земскія деньги горстью, безъ счета, по первому требованію лицъ, желающихъ приступить *къ хозяйственнымъ* поправкамъ, и въ то же время жалѣютъ пяти цѣлковыхъ, чтобы срыть какой-нибудь, слишкомъ крутой спускъ, на которомъ колеса у экипажей разлетаются въ дребезги! Съ одной стороны не хотятъ провѣрять того, что̀ само по себѣ очень и очень подозрительно, а съ другой—становятся вдругъ такими придирчивыми, что отбиваютъ всякую охоту у стороннихъ людей съ ними связываться. Годъ тому назадъ, въ одномъ изъ уѣздовъ Казанской губерніи, подрядчикъ взялся выстроить земству два моста на почтовомъ трактѣ, чрезъ овраги въ лѣсистой мѣстности. Мосты онъ выстроилъ, о чемъ и извѣстилъ мѣстную управу, чтобы она приняла постройки и выдала ему деньги. 10-го августа пріѣхали на мѣсто членъ управы и земскій техникъ, но при самомъ пріемѣ у нихъ произошло разногласіе. Техникъ предполагалъ принять мосты, оказавшіеся годными, но членъ уперся: онъ замѣтилъ около моста неубранную кучу щепъ, и на основаніи этого ничтожнаго обстоятельства, наотрѣзъ отказалъ въ пріемѣ. Напрасно техникъ и подрядчикъ убѣждали обязать подрядчика подпиской убрать щепы послѣ пріема: членъ все настаивалъ на своемъ, потому что у него были разсчеты особаго рода. Въ то самое время, когда производился осмотръ мостовъ, по близости былъ громадный лѣсной пожаръ и огонь гнало вѣтромъ прямо на мосты, слѣдовательно, разсчетливый членъ тотчасъ же сообразилъ, что принимать мосты въ настоящее время очень опасно: пусть ужь они, молъ, остаются лучше на шеѣ у подрядчика, а тутъ, кстати, попалась на глаза куча щепъ, къ которой можно было придраться. Такъ все и случилось, какъ предполагалось. Чрезъ шесть дней послѣ несостоявшагося пріема, мосты дѣйствительно сгорѣли до тла, и жестоко поплатился одинъ только злополучный подрядчикъ, ходатайство котораго не было уважено и на губернскомъ собраніи.

Или вотъ еще другой, подобный случай, въ той же губерніи.

Подрядчикъ взялся исправить верхнюю часть моста, т.-е. перемѣнить половицы и перила. Работу онъ окончилъ, но моста еще сдать не успѣлъ, а между тѣмъ весною несущимся льдомъ жестоко повредило устарѣвшія нижнія части моста, поправка которыхъ въ контрактъ не входила: мостъ съ новыми половицами и перилами висѣлъ на воздухѣ. Казалось бы, чѣмъ же тутъ виноватъ подрядчикъ? а между тѣмъ и онъ пострадалъ все-таки. Земство порѣшило возвратить ему деньги только за матеріалъ, по оцѣнкѣ, такъ-какъ доски годятся, а работу такъ и оставило безъ оплаты. Немного, послѣ такихъ примѣровъ, найдешь охотниковъ связываться съ придирчивымъ

Digitized by Google

земствомъ, которое на перетаскиваніе съ мѣста на мѣсто памятника Державину не щадитъ тысячъ, а убытки отъ лѣсныхъ пожаровъ и весенняго ледохода навязываетъ на шею подрядчикамъ! Конечно, подрядчики могутъ начать искъ въ судѣ, но, вопервыхъ, пріятно ли судиться въ то время, когда нужно получать деньги, а вовторыхъ, судъ можетъ отказать, и вѣроятно, даже откажетъ, потому что въ обоихъ случаяхъ мосты еще не были сданы земству. Но вотъ почему земство не приняло ихъ, и какъ будто нарочно медлило? Это вопросъ иной и можетъ самъ собою вызвать новое дѣло, такъ что по каждому мосту привелось бы начинать два или три дѣла вразъ, и уголовныхъ и гражданскихъ. Не худо бы по этому случаю содержать еще при управахъ особенныхъ адвокатовъ и внести въ смѣту, разумѣется, новый расходъ тысячи въ четыре, въ пять.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ способовъ исправленія дорогъ и мостовъ — самымъ лучшимъ, самымъ любимымъ способомъ считается у земства такъ-называемый *хозяйственный* способъ, недопускающій никакого надзора и контроля. Здѣсь все дѣлается по соображенію и благоусмотрѣнію членовъ управы, а потому, еслибы кто вздумалъ не совсѣмъ довѣрчиво отнестись къ истраченнымъ суммамъ, то онъ остался бы только самъ въ дуракахъ, а узнать бы ничего не узналъ. Малѣйшее недовѣріе со стороны гласныхъ къ домашнимъ распоряженіямъ управы преслѣдуется безъ всякой пощады: по большей части недовѣрчивые гласные изгоняются изъ собранія вонъ, чему было не мало уже примѣровъ. Устроивается все это очень просто и повторяется такъ часто, что управская безконтрольность почти всѣми считается явленіемъ вполнѣ нормальнымъ, обычаемъ крѣпко укоренившимся. Если кто изъ гласныхъ намекнетъ насчетъ контроля, предсѣдатель и члены управы начинаютъ волноваться, встаютъ со своихъ мѣстъ, а предсѣдатель собранія (часто онъ же и предсѣдатель управы) призываетъ гласныхъ къ порядку, а иногда на время закрываетъ даже собраніе. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда партія недовѣрчивыхъ гласныхъ беретъ перевѣсъ, и въ этихъ случаяхъ дѣло кончается пустяками, какъ, напримѣръ, случилось на послѣднемъ земскомъ собраніи въ Старой-Руссѣ, знаменитой своими цѣлебными грязями.

Старорусская ревизіонная коммисія, принявшись за дѣло, открыла множество безпорядковъ въ управѣ, очень серьёзныхъ. Открыла она, что управою на выдачу денегъ принимаемы были довѣренности незасвидѣтельствованныя; что деньги выдавались и вовсе безъ довѣренности разсыльному управы для передачи кредиторамъ земства и росписокъ этихъ кредиторовъ нигдѣ нѣтъ; что предсѣдатель управы и членъ принимали на себя довѣренности для полученія денегъ, между тѣмъ, какъ они сами обязаны контролировать довѣренности; что одного

Digitized by Google

дорожнаго подрядчика несостоятельнаго управа допустила получить изъ волостнаго правленія за исправленіе дорогъ деньги около 1,000 рублей, между тѣмъ, какъ этотъ подрядчикъ дорогъ не исправилъ и дороги сдѣлались непроѣздными; что тотъ же подрядчикъ получилъ изъ управы 1,667 руб. на покупку дома, безъ всякаго залога и обезпеченія, съ разсрочкою на пять лѣтъ; спустя же два мѣсяца, взяла, въ видѣ залога, только-что совершонную имъ купчую крѣпостную выпись безъ совершенія закладной, и, притомъ, на такой предметъ, на который собраніемъ управа не уполномочена. Такимъ образомъ, управою неправильно израсходовано болѣе 7,000 руб. Въ виду такихъ дѣйствій управы, *представляющихъ основаніе предполагать растрату земскихъ суммъ*, собраніе пришло къ заключенію, что «управа дѣйствовала съ превышеніемъ власти, не заботясь о земскихъ интересахъ, и небрежно хранила и расходовала ввѣренныя ей деньги, да и по всѣмъ прочимъ предметамъ дѣйствія управы не одобрены земскимъ собраніемъ».

Ну, чего бы, кажется, еще нужно? Рѣчь зашла о растратѣ земскихъ суммъ; управа погибла безвозвратно, вы думаете? Ничуть не бывало! «На другой же день послѣ состоявшихся суровыхъ постановленій — пишетъ корреспондентъ, — гласные изъ крестьянъ, которыхъ у насъ значительное большинство, вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ побужденій, завели рѣчь «о помилованіи», послѣдствіемъ чего состоялось новое постановленіе: «дѣйствія управы признать неподлежащими преслѣдованію» и, такимъ образомъ, противорѣчащія одно другому постановленію отправлены въ губернскую управу и губернатору».

И такъ вездѣ и во всемъ; земскія собранія, какъ видно, подражаютъ дворянскимъ собраніямъ, которыя единогласными постановленіями освобождаютъ провороваившихся своихъ предводителей отъ суда и слѣдствія. Въ городѣ Нижнемъ Ломовѣ, Пензенской губерніи, оскорбившійся чѣмъ-то предсѣдатель управы тоже хотѣлъ-было оставить должность, но повторилось и тамъ то же самое, что въ Старой Руссѣ. «Всѣ переполошились—пишетъ корреспондентъ—гласные со *слезами на глазахъ* обступили предсѣдателя управы и просили остаться; *слышны были всхлипыванья* и возгласы, въ родѣ слѣдующихъ: «на кого же дѣтенышъ-то нашъ (т.-е. земское дѣло) останется; онъ еще вѣдь маленькій, не возросъ, не окрѣпъ»... или: «кто же послѣ васъ пойдетъ на ваше мѣсто»... Крестьяне, тѣ еще рѣшительнѣе дѣйствовали; собрались въ передней комнатѣ: «не разойдемся, говорили они, до тѣхъ поръ, пока не упросимъ». Ого! подумали мы, «долгій сеймъ» никакъ сегодня повторится; но ожиданія наши не сбылись; предсѣдатель уступилъ такимъ просьбамъ и остался».

Заручившись такими прочными гарантіями, управы, разумѣется, безопасно могутъ бросаться въ самыя крупныя предпріятія, приводимыя въ исполненіе хозяйственнымъ образомъ—

Digitized by Google

и онѣ дѣйствительно пользуются этой возможностью. Въ одной изъ смежныхъ съ Московской губерніи уѣздная управа придумала замѣнить старый трактъ новымъ, на что и истратила хозяйственнымъ образомъ 20 тысячъ рублей; но такъ-какъ новый путь оказался длиннѣе и несравненно хуже стараго, то онъ такъ и остался безъ проѣзжающихъ: только лишь земскія деньги пропали, а толку никакого никому не было отъ устроеннаго новаго пути.

Очень не мудрено, что впослѣдствіи все перемелется—мука будетъ и многое измѣнится къ лучшему, но теперь, по крайней мѣрѣ, можно откровенно сказать, что наши новыя коллегіальныя учрежденія очень еще плохи и напоминаютъ собою старыя коллегіальныя учрежденія, въ которыхъ дѣйствовалъ только одинъ секретарь, а члены лишь подписывали что подсунутъ. Положимъ, что въ нынѣшнихъ управахъ и городскихъ думахъ орудуютъ уже не секретари, а предсѣдатель, или одинъ изъ членовъ, который поумнѣе и похитрѣе, но сущность дѣла отъ этого ничуть не измѣняется: все-таки у насъ и теперь, какъ встарину, «одинъ составляетъ коллегію», тогда какъ, по настоящему, коллегія должна бы состоять не менѣе, какъ изъ трехъ членовъ. Каждый, выбранный въ какую бы то ни было видную должность: городскаго ли головы, предсѣдателя управы или дворянскаго предводителя—считаетъ уже себя несравненно выше какого нибудь президента сѣверо-американскихъ штатовъ—и сами избиратели, на другой же день послѣ выборовъ, начинаютъ сильно побаиваться вновь избраннаго, хотя бы онъ выбранъ былъ просто по безлюдью, или по безрыбью, при которомъ и ракъ идетъ за рыбу. Богодуховскій предводитель дворянства г. Кованько, послѣ вторичнаго избранія, пишетъ прокламацію къ своимъ «согражданамъ», въ которой заявляетъ всенародно: «Я цѣню свое высокое званіе, благодарю за вторичное избраніе меня въ должность, и считаю долгомъ выразить вамъ мое намѣреніе: водворить порядокъ и благосостояніе во *ввѣренномъ мнѣ уѣздѣ*», «будучи облеченъ въ настоящее время, по желанію дворянства, земства, представителей правосудія и другихъ учрежденій Богодуховскаго уѣзда, въ званіи высшаго представительства, по всѣмъ отдѣламъ общественнаго уѣзднаго управленія, душевно радъ, что *этимъ имѣю возможность постоянно доказывать*, что общественные интересы всѣхъ жителей уѣзда, неразрывно связанные между собой, могутъ соблюдаться *вполнѣ*, безъ столкновеній между различными уѣздными учрежденіями, безъ нарушенія *разумныхъ правъ* и *разумныхъ сословныхъ влеченій*, стремящихся къ единымъ, *достойнымъ* цѣлямъ: мира и смягченія нравовъ, образованія и матеріальнаго обезпеченія».

Съ легкой руки предводителей, и волостные старшины начинаютъ тоже произносить наполеоновскія тронныя рѣчи къ согражданамъ, въ которыхъ повторяютъ нѣсколько разъ слово

Digitized by Google

«благодарю», обѣщаются смягчить нравы (хорошо-бы еще, если свои, а то вѣдь чужіе!), разлить просвѣщеніе и т. п.—и избиратели рады, разумѣется, что такого выбрали: при немъ, молъ, житье-то намъ будетъ, какъ у Христа за пазухой—какъ выражаются крестьяне, если имъ хочется изобразить высшую степень человѣческаго благополучія. И дѣйствительно, если мы просмотримъ корреспонденціи изъ разныхъ городовъ, написанныя по случаю выборовъ, то убѣдимся, что вся надежда гражданъ даже большихъ городовъ полагается лишь на одну голову, на одного лишь предсѣдателя, а должность гласныхъ только и ограничивается тѣмъ, чтобы класть разъ въ три года шары направо и налѣво, а потомъ опустить руки и заткнуть уши ватой. Вотъ, просмотрите сами нѣсколько такихъ корреспонденцій, изъ которыхъ я привожу строчки по двѣ, по три. «Изъ новостей нашей городской жизни—пишетъ корреспондентъ «Русск. Вѣд.» изъ города Опочни—можно отмѣтить то, что нашъ городской голова Т. подалъ въ отставку, а съ увольненіемъ его, можно полагать, всѣ важные для города вопросы, напр. объ организаціи у насъ пожарной команды и проч.,—отодвинутся еще на нѣсколько лѣтъ». Въ Астрахани, «по общему мнѣнію всѣхъ гражданъ», новый голова, статскій совѣтникъ Ключаревъ (онъ же и управляющій таможнею) «разовьетъ для города источники доходовъ, которые до сихъ поръ оставались безгласными». Въ Кіевѣ отъ новаго головы Демидова «ожившіе» граждане ждутъ «*строя, правды, милости и вниманія*». Однимъ словомъ, куда ни посмотришь, вездѣ отъ одной головы ждутъ чего-то несравненно бо́льшаго, чѣмъ отъ совокупности всѣхъ остальныхъ головъ въ городѣ, и ждутъ, надо правду сказать, не бездѣлицы. Отъ одного ожидаютъ правды, милости и какого-то, не совсѣмъ понятнаго «строя» (ужь не солдатскаго-ли?), а другой долженъ «развить источники доходовъ»: задачи, какъ видите, нелегкія, несмотря даже на то, что г. Демидовъ богатъ, а г. Ключаревъ—статскій совѣтникъ и состоитъ управляющимъ таможнею.

При такомъ возвышенномъ взглядѣ на головъ и, вообще на предсѣдателей, само собою разумѣется, что гг. головы могутъ дѣлать рѣшительно все, что̀ только имъ взбредетъ въ голову, и единственная гарантія отъ злоупотребленій властью можетъ только заключаться въ личныхъ качествахъ вновь избраннаго, который, иной разъ, лишенный поддержки и не слыша возраженій, можетъ просто ошибиться и вовлечь согражданъ въ убытки, вмѣсто того, чтобы «развить источники доходовъ».

На одну изъ такихъ оригинальныхъ ошибокъ я укажу здѣсь, въ заключеніе своей статьи о дѣятельности земства по дорожной повинности.

Года три тому назадъ одному изъ вліятельнѣйшихъ гласныхъ Крапивенскаго уѣзда (Тульской губерніи) захотѣлось вдругъ ради оригинальности и значительныхъ удобствъ (разумѣется, не

себѣ только, а всему земству) перенести уѣздную управу изъ уѣзднаго города Крапивны за 30 верстъ, въ село Сергіевское, принадлежащее чуть-ли не тому-же вліятельному гласному, который такъ заботился о земскихъ удобствахъ. Такъ-какъ тогда еще никто хорошенько не зналъ, какія дѣла будутъ въ управахъ, а главное, вліятельному лицу никто перечить не посмѣлъ, то согласились на переселеніе управы почти единогласно и въ ходатайство свое о необходимости перенесенія включили слѣдующіе доводы: 1) городъ Крапивна расположенъ на самомъ краю уѣзда, въ сторонѣ отъ проѣзжихъ дорогъ, а въ весеннее время будто-бы въ него можно проникнуть только на аэростатѣ, тогда какъ село Сергіевское стоитъ на орловскомъ шоссе и въ немъ находится станція желѣзной дороги. 2) Управѣ уѣздный городъ вовсе не нуженъ, потому что съ полицейскимъ управленіемъ она не думаетъ связываться, а изъ казначейства лишь получаетъ себѣ жалованье. 3) Одинъ изъ членовъ управы, въ случаѣ перенесенія ея въ село Сергіевское, согласился получать жалованья, вмѣсто двухъ тысячъ рублей, всего только полторы, потому что въ селѣ Сергіевскомъ, по причинѣ близости желѣзной дороги, дѣла въ управѣ будетъ еще меньше, чѣмъ въ Крапивнѣ и, наконецъ, 4) нѣкоторые изъ гласныхъ *«высказали надежду*, въ случаѣ перемѣщенія управы въ Сергіевское, принять безвозмездное служеніе земству, изъ желанія быть полезными общему дѣлу».

Если кто изъ читателей призадумается надъ послѣднимъ пунктомъ и спроситъ: почему же гг. гласные въ Крапивнѣ не подавали никакой надежды къ принятію на себя безвозмезднаго служенія, изъ желанія быть полезными общему дѣлу?— то на это мы должны отвѣтить слѣдующее: къ Крапивнѣ подъѣзжать было грязно, а грязь охлаждаетъ рвеніе, тогда какъ прокатиться по желѣзной дорогѣ—очень даже пріятно и недорого.

Ходатайство было составлено такъ убѣдительно, что управу дѣйствительно перенесли, но чуть-ли не съ самаго дня перенесенія началось и разочарованіе, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

На третій и на четвертый годъ своего существованія Сергіевская управа узнала, что изъ казначейства ей приходится вовсе не одно только жалованье получать, а еще многое и другое. По обыкновенію, денежный сундукъ управы хранится въ казначействѣ и требуется въ случаяхъ надобности, которыхъ довольно много, а теперь уже сундучокъ отстоялъ отъ управы на 30 верстъ и, притомъ, не по желѣзной дорогѣ, а по проселочной. По новымъ правиламъ о порядкѣ взиманія, храненія и расходованія земскихъ суммъ, управы обязаны сообщать казначейству окладныя книги, производить перечисленіе земель отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ, свѣрять счеты и два раза въ мѣсяцъ принимать отъ казначейства и городской

Digitized by Google

думы денежныя суммы земства и проч. и проч. Такія-же, даже еще большія неудобства должны были претерпѣвать и всѣ, имѣющіе какія бы то ни было дѣла съ управой, напр. подряды и т. п. Положимъ, подрядчику приводилось получить съ управы за какую-нибудь починку рублей 40 съ копейками. Для этого онъ сначала принужденъ ѣхать въ село Сергіевское, получить тамъ *отношеніе*, а потомъ уже прокатиться по ужасной дорогѣ въ Крапивну, въ особенности весной. Ту же самую двойную операцію принуждены были совершать и всѣ остальные граждане, имѣющіе надобность въ управѣ, а надобность имѣетъ въ ней каждый, потому что каждый что нибудь да платитъ и иной разъ лишнее по ошибкѣ, слѣдовательно необходимы справки. Дѣйствительно, Крапивна стоитъ на боку, а Сергіевское почти что на серединѣ, на желѣзной дорогѣ, но двухлѣтній опытъ показалъ, что по желѣзной дорогѣ ѣдутъ все люди дальніе, которымъ Крапивенскій уѣздъ вовсе и не нуженъ, а сами крапивенцы принуждены все-таки тащиться по проселочнымъ дорогамъ, по грязи. Приблизительно сосчитано, что по желѣзной дорогѣ въ село Сергіевское пріѣзжаетъ только 10 человѣкъ, а по грязи тащится человѣкъ 500. Особенно тяжко отозвалось это перенесеніе управы на бѣднякахъ-погорѣльцахъ, для которыхъ чрезвычайно важно получить свои ничтожныя преміи тотчасъ послѣ пожара, а между тѣмъ управа этого сдѣлать не можетъ, потому что бываетъ въ городѣ всего два раза въ мѣсяцъ, тогда какъ пожары по деревнямъ нерѣдко случаются вовсе не въ эти сроки. Наконецъ и послѣдняя надежда—на безвозмездное служеніе—разнеслась какъ дымъ по вѣтру. Желающихъ служить земству безвозмездно—*никого не оказалось*, а, напротивъ, съ переводомъ управы въ Сергіевское, служащимъ въ канцеляріи прибавлено на отопленіе дома болѣе 500 рублей, потому что жизненныя потребности, а въ особенности дрова, въ Сергіевскомъ почти вдвое дороже, чѣмъ въ благодатной Крапивнѣ, удаленной отъ желѣзной дороги. Даже сокращеніе жалованья одному члену на 500 рублей нѣкоторые гласные объясняютъ вовсе не такъ, какъ объяснилъ членъ, а несравненно проще. Если сами члены признались, что въ Крапивнѣ имъ никакихъ присутственныхъ мѣстъ не нужно, кромѣ казначейства, да и то затѣмъ только, чтобы получать изъ него жалованье, то за что-же, въ самомъ дѣлѣ, платить имъ по двѣ тысячи? И полторы-то тысячи за глаза довольно, даже черезчуръ много, еслибы не существовало мировыхъ посредниковъ, которые уже привыкли получать не менѣе тысячи пятисотъ рублей.

Попробовали-было одумавшіеся гг. гласные перенести опять свою управу обратно, съ желѣзной дороги въ грязную Крапивну, гдѣ дрова дешевы, но получить разрѣшеніе оказалось уже дѣломъ не совсѣмъ легкимъ, и основательно: нельзя-же въ годъ по нѣскольку разъ перетаскивать управу съ мѣста на

Digitized by Google

мѣсто, какъ будто какой-нибудь легкій музыкальный инструментъ, въ родѣ гитары? Вѣдь желѣзная дорога пересѣкаетъ весь уѣздъ поперегъ, слѣдовательно на ней удобныхъ пунктовъ для быстрой ѣзды много: какъ-же знать, что, послѣ перенесенія управы изъ Сергіевскаго въ Крапивну, которая все-таки остается на боку, кто-нибудь не потребуетъ опять новаго ея перенесенія въ какое-нибудь сельцо Васильевское, или въ Благодатное? Мнѣ кажется, что теперь всего легче ожидать постановленія крапивенскаго собранія о постройкѣ на счетъ земства особенной вѣтви желѣзной дороги отъ села Сергіевскаго въ Крапивну, всего около тридцати верстъ. Можно построить на первый случай узкоколейную: обойдется она недорого, а между тѣмъ сокращеніе земскихъ расходовъ уже предвидится. Можно отнять у канцеляріи тѣ 500 рублей, которые она получаетъ на дрова, да, вдобавокъ, можно еще «питать надежду», что, въ случаѣ постройки желѣзной дороги, многіе изъ гласныхъ рѣшатся наконецъ «принять на себя безвозмездное служеніе земству, изъ желанія быть полезными общему дѣлу.

НОВЫЯ КНИГИ.

Данте Алигьери. *Божественная комедія. Адъ. Перев. съ итальянскаго.* В. А. Петрова, *стихотворной формой подлинника — терцинами. Съ приложеніемъ примѣчаній и вступительной статьи о Дантѣ. С.-Петербургъ. 1871.*

Въ области литературы происходятъ порою явленія, положительно невозможныя и немыслимыя ни въ одной сферѣ человѣческой дѣятельности. Всякій родъ занятій требуетъ отъ человѣка извѣстнаго рода способностей, знанія, технической подготовки и цѣлаго ряда постепенныхъ работъ, для того, чтобы, наконецъ, посвящающій себя этому роду занятій, имѣлъ право взяться за произведеніе чего-либо сложнаго и требующаго особеннаго мастерства—по своей спеціальности. Во всѣхъ наукахъ и искусствахъ, во всѣхъ ремеслахъ и промыслахъ—это составляетъ безспорную аксіому, хорошо извѣстную каждому, посвящающему себя тому или другому занятію, и едва-ли возможно существованіе, напримѣръ, такого плотника, который, взглянувъ, напримѣръ, на Аю-Софью въ Константинополѣ, возмечталъ бы построить въ иной мѣстности совершенно такое же зданіе изъ своего подручнаго матеріала и при пособіи своихъ несложныхъ инструментовъ. Еслибы подобный плотникъ-мечтатель и появился, то постройка его, очевидно, не перешла бы никогда на почву дѣйствительности. Никто не повѣрилъ бы воз-

Digitized by Google

можности ея осуществленія, никто не довѣрилъ бы ему матеріаловъ для завѣдомой порчи, и мечтательный плотникъ оставался бы только при одной своей отвагѣ и дерзновеніи. Конечно, отвага и дерзновеніе—качества иногда и почтенныя, но едва-ли не тогда только, когда они существуютъ въ человѣкѣ не одиноко, а совмѣстно съ извѣстною степенью даровитости и знанія. Смѣлость, берущая по пословицѣ города, едва-ли въ наше время не анахронизмъ, если не сопровождается извѣстною степенью распорядительности, находчивости, умѣнья и т. д. Но невозможное во всѣхъ другихъ сферахъ, иногда возможно въ литературѣ. Комедія геніальнаго флорентійскаго изгнанника, окрещенная потомками его *божественной*, составляя собою величайшее созданіе итальянской литературы, замѣчательнѣйшій христіанскій эпосъ, само собою разумѣется, безъ всякой натяжки, можетъ быть сравнена по своей грандіозности съ Софійскимъ соборомъ. Г. Петровъ, піита, доселѣ пребывавшій во мракѣ полнѣйшей неизвѣстности и, какъ мы надѣемся, съ очевидною ясностью доказать дальше, на дѣлѣ, приведя нѣкоторыя изъ его виршей, неумѣющій размѣстить въ предложеніи двухъ словъ такъ, чтобы въ нихъ соприсутствовалъ грамматическій и логическій смыслъ, изъясняющійся стихами самой грубой, топорной работы, разумѣется, въ области поэтическаго творчества нисколько не выше плотника, да еще самаго плохаго, а между тѣмъ, онъ, не задумываясь, отваживается и дерзаетъ—дерзаетъ и осуществляетъ свое дерзновеніе переводомъ поэмы Данте *стихотворной формой подлинника*—терцинами. Полагая, что въ терцинахъ все дѣло въ очередномъ тройномъ созвучіи, что для писанія стиховъ не требуется ни эстетической чуткости, ни чувства мѣры и гармоніи, ни умѣнья образно и сильно расположить звуковыми средствами языка и т. д., онъ, нисколько не стѣсняясь, портитъ и свой, и чужой матеріалъ, искажаетъ божественную комедію, лишая ее человѣческаго смысла и ломаетъ, и коверкаетъ русскій языкъ, измѣняя въ словахъ ударенія, размѣщая ихъ какъ ни попало, чтобы какъ-нибудь ихъ только затиснуть въ колодки своихъ терцинъ. Все сіе онъ производитъ съ крайнею беззастѣнчивостью, благо матеріалъ даровой, некупленый, да еще вдобавокъ претендуетъ на «сохраненіе поэтическаго колорита подлинника» и на такую «подстрочность перевода, которая не исключала бы поэтической прелести оригинала» (стр. 265. Примѣчаніе къ 5-му стиху двадцать-четвертой пѣсни). Такая отвага самомнѣнія и самовосхищенія поистинѣ изумительна и до того комична, что мы увѣрены, что каждый читатель, понимающій хотя какой-нибудь толкъ въ стихахъ—невольно придетъ при чтеніи этого примѣчанія, разумѣется, намучившись предварительно вдосталь надъ переводомъ г. Петрова—въ самое веселое настроеніе духа.

Но прежде ознакомленія читателей хотя съ нѣкоторыми изъ красотъ поэтическаго труда г. Петрова, считаемъ нелишнимъ

Digitized by Google

высказать нашъ взглядъ на то, возможенъ ли въ наше время вообще поэтическій переводъ творенія Данте и слѣдуетъ ли россійскимъ поэтамъ даже на него въ наши дни покушаться. Само собою разумѣется, что Божественная Комедія такой важный литературный памятникъ, что толковый и осмысленный объясненіями переводъ его обязателенъ для всякой литературы, Но должна ли поэма эта быть переведена прозой или стихами, да еще съ попыткою сохраненія формы подлинника? Мы думаемъ, что послѣднее вовсе не необходимо, а между тѣмъ для своего осуществленія, принявъ во вниманіе, что безъ глубокаго изученія политической исторіи и состоянія культуры весьма отдаленнаго и чуждаго намъ времени, колоссальная политико-мистическая аллегорія останется для насъ мало понятною и темною, и недоступною для наслажденія ею,—такой опытъ потребовалъ бы затраты столько труда и времени, что, еслибы какой-либо первостепенный поэтъ на него и рѣшился, то это могло бы произойти не иначе, какъ въ ущербъ его всякой иной дѣятельности, могущей быть несравненно плодотворнѣе и полезнѣе для его современниковъ и потомства. Мы говоримъ: поэтъ первостепенный, потому, что признаемъ, что комедія Данте мѣстами представляетъ такія красоты, передача которыхъ положительно не подъ силу обыденнымъ стихотворцамъ. Доказательствомъ можетъ служить г. Минъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ положившій въ свою попытку весьма солидный запасъ изученія и добросовѣстности, несмотря на что̀ переводъ его сухъ, черствъ и прозаиченъ до того, что не только не можетъ доставить никакого наслажденія при своемъ чтеніи, но положительно трудно при этомъ процессѣ одолѣваемъ. Впрочемъ, красоты, непотерявшія своихъ красокъ и до нашихъ дней, встрѣчаются въ твореніи Данте только мѣстами и эпизодами, какъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстные эпизоды объ Уголино, Франческѣ-де-Римини и т. д.,—въ цѣломъ поэма его для насъ тяжела и просто неудобочитаема. Чтобы такое мнѣніе наше не показалось читателямъ черезчуръ легкомысленнымъ, приведемъ мнѣніе о томъ же предметѣ хоть І. Шерра, стоящаго, очевидно, внѣ подобныхъ подозрѣній. «Намъ, людямъ новаго времени,—говоритъ онъ въ своей «Всеобщей исторіи литературы», — что̀ бы тамъ ни говорили безусловные поклонники Данте, — все-таки нужно сдѣлать большое принужденіе надъ собою, чтобы исходить весь схоластическій лабиринтъ Божественной Комедіи. Если даже не говорить о частностяхъ, возмущающихъ наше чувство, какъ, напримѣръ, когда поэтъ заставляетъ жариться въ аду императора Фридриха II, или помѣщаетъ Брута и Кассія въ трехзвѣздной пасти владыки ада на ряду съ Іудою Искаріотскимъ, то и тогда міросозерцаніе Данте такъ далеко отъ насъ, что исходящее изъ него созданіе представляетъ для насъ въ цѣломъ гораздо болѣе историческаго, чѣмъ поэтическаго достоинства». Кромѣ того, удачная передача поэмы цѣликомъ требо-

вала бы отъ первостепеннаго автора такого хроническаго вдохновенія, на которое люди, даже и самые высокоодаренные, въ наши дни просто неспособны, такъ что они должны были бы производить надъ собою опыты творческаго насилія. Другое дѣло отрывки, какъ, напримѣръ, хоть отрывокъ Пушкина, гдѣ схваченъ какъ весь духъ подлинника, такъ и самая прелесть поэтическаго изложенія. Что же касается до поэтовъ второстепенныхъ, poeta minores, и обыденныхъ стихотворцевъ, не говоря уже о жалкихъ риѳмоплетахъ, то единственный совѣтъ для нихъ, который мы могли бы дать, заключался бы въ томъ, чтобы они оставили всякія заигрыванія съ тѣнью Данте и не тщились затрогивать его терцинъ, для передачи ихъ порусски ни оптомъ, ни въ разстрочку, ибо, какъ было извѣстно еще до времени Данте, что карлики, рядящіеся въ маску и котурны Геркулеса, бываютъ только смѣшны и жалки. Зато мы съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ отнеслись бы къ хорошему прозаическому переводу «Божественной Комедіи», хотя, разумѣется, за такое дѣло долженъ былъ бы взяться человѣкъ съ серьёзной исторической эрудиціей, знакомый вполнѣ хотя съ главными изъ произведеній такъ-называемой итальянцами—literatura dantesca, такъ-какъ трудъ возстановленія нѣкоторыхъ мѣстъ комедіи, совершенно затемненныхъ безчисленными коментаторами въ настоящемъ ихъ смыслѣ и значеніи—дѣло нелегкое. Мало того, прозаикъ-переводчикъ этого труда, кромѣ обязательнаго для того широкаго умѣнья владѣть русскимъ языкомъ, долженъ бы былъ, по нашему мнѣнію, быть нелишеннымъ и чувства гармоніи въ языкѣ, что̀, выражаясь въ его изложеніи плавностью и текучестію его рѣчи, замѣняло бы отчасти впечатлѣнія гармоническаго благозвучія подлинника. Въ этомъ смыслѣ извѣстный старый переводъ «Ада» женщины-писательницы, скрывавшейся подъ псевдонимомъ Ѳ. фанъ-Дима, еслибы онъ былъ повѣрнѣе, да посолиднѣе, могъ бы считаться образцомъ. Эпизодъ, напримѣръ, о Франческѣ де-Римини, сколько мы помнимъ, переданъ былъ г-жою фанъ-Димъ чрезвычайно поэтично и уже несравненно поэтичнѣе, напримѣръ, чѣмъ въ стихотворной прозѣ г. Мина. Для доказательства этого, довольно привести хотя заключительный стихъ этого изящнаго эпизода «Qvel giorno più non vi legemo avante». «Съ тѣхъ поръ мы уже больше не читали!» говоритъ выразительно Франческо-де-Римини у г-жи фанъ-Димъ, и передъ читателемъ рисуется въ этихъ простыхъ словахъ, сообразно мысли Данте, весь ужасъ, послѣдовавшій въ судьбѣ Паоло-Малатесты и его возлюбленной отъ насильственнаго и кроваваго перерыва ихъ невольной любви, а г. Минъ съумѣлъ лишить его всякой поэзіи и значенія, назвавъ предварительно книгу Галеотти, для риѳмы, *гнусной*, и изразившись затѣмъ такимъ qvaisi-стихомъ:

Въ тотъ день мы дальше не читали тамъ!..

Digitized by Google

Теперь, для того, чтобы мнѣніе наше о переводѣ г. Петрова не показалось читателямъ голословнымъ, приведемъ отрывки изъ «Ада» въ его переводѣ объ этомъ эпизодѣ. Его Беатриче начинаетъ такъ:

Тамъ я взросла, развившись слишкомъ рано
Куда, межъ рѣкъ, но издали течетъ,
Чтобъ отдохнуть на донѣ океана.
Любовь сердца въ сѣть нѣжнуя влечетъ;
Вотъ и его моимъ лицомъ плѣнила
Какъ *жестоко* лишилась я красотъ!
...сильнѣе нѣтъ мученья
Какъ въ горести разсказъ о счастья дняхъ;
Ученый твой то знаетъ, безъ сомнѣнья,
Но хочешь ты—и я, въ простыхъ словахъ,
Скажу любви невинное начало;
Что пропущу,—найдешь въ моихъ слезахъ.
Однажды съ нимъ я въ повѣсти читала,
Какъ Ланчилотъ любилъ и былъ любимъ
Я чувствъ своихъ тогда еще не знала.
Не разъ въ лицѣ *я измѣнялась съ нимъ*,
Не разъ глаза (чьи?) отъ книги отрывались.
Рѣшилося все мѣстомъ въ ней однимъ!
Читаемъ мы, какъ *губки улыбались*,
Какъ пламенный любовникъ къ нимъ припалъ,
И тотъ, съ кѣмъ *мы* (!!) и въ гробѣ не разстались,
Свои уста къ моимъ устамъ прижалъ!
Нашъ (?) Галеотъ былъ авторъ сочиненья
Въ тотъ день мой другъ со мной ужъ не читалъ!

Такими стихами выражается Франческо г. Петрова, повидимому, и неподозрѣвающаго, что его *ученый твой* и *мы* придаетъ ей характеръ кухарки. Эпизодъ объ Уголино переданъ имъ еще изящнѣе. Такъ, продолженіе этого эпизода, которымъ начинается пѣснь тридцать-третья, передается имъ такъ:

Отведши ротъ отъ *зверскаго обѣда*
Осужденный (!) о волосы отеръ
Изгрызенной въ тылъ головы сосѣда.
Потомъ сказалъ: ты хочешь мнѣ въ укоръ
Возобновить той страшной грусти бремя,
Что сердце жметъ, чуть вспомню съ давнихъ поръ.
Но если есть въ словахъ позора сѣмя
Для этого злодѣя, что я имъ
То съ ними вотъ и слезы въ одно время и т. д., и т. д.

Такъ передаетъ г. Петровъ лучшія мѣста подлинника. Мы нарочно привели эти два отрывка сплошь, чтобы насъ не вздумали обвинять въ преднамѣренномъ выборѣ особенно безсмысленныхъ стиховъ (нашелся же вѣдь какой-то рецензентъ, расточающій г. Петрову похвалы въ «Петерб. Вѣдомостяхъ»). Если-бы мы вздумали указывать на особенно плохія мѣста книги, то намъ пришлось бы чуть ли не переписать ее всю. На раз-

Digitized by Google

личные промахи, въ родѣ, напримѣръ, несоблюденія размѣра, г. Петровъ такой мастеръ, что за нимъ не угоняешься. Вотъ, напримѣръ, передъ нами случайно открылась страница 35-я и на ней одной три стиха (71, 90, 96), положительно безъ всякаго размѣра —

Кто побѣжденъ, тѣмъ и стыдъ, и раззоренье...
Нѣтъ силъ уже ни говорить, ни отвѣчать.
Не придетъ тотъ гнусный, кто грѣхъ покралъ...

На той же страницѣ онъ угощаетъ читателя и такимъ гармоническимъ стихомъ:

Гдѣ ихъ искать—*я бъ такъ* желалъ того

А на предыдущей (чтобы не искать далѣе) выказываетъ вполнѣ свое грамматическое знаніе русскаго языка—въ такихъ виршахъ:

Чіако я былъ прозванъ *чрезъ друзей*
За гнусное въ то время (?) объяденье

Та же страница начинается слѣдующими строками, смыслъ которыхъ мы положительно отказываемся понимать.

И я ему: какъ видно, ты въ кручинѣ
Такъ измѣненъ, что не могу сказать,
Встрѣчалъ ли я тебя не въ этой тинѣ.

И полагаемъ, что къ нимъ, какъ и къ большей части терцинъ г. Петрова, можно примѣнить совершенно то же замѣчаніе, какимъ сопровождаетъ самъ переводчикъ знаменитый (67) стихъ первой пѣсни «Ада».

Raphel mai amech izabialmi!

Всѣ усилія коментаторовъ проникнуть въ настоящій смыслъ этой непонятной тарабарщины оказываются напрасными.

Впрочемъ, примѣнять къ г. Петрову подобныхъ замѣчаній будетъ некому, такъ-какъ для растолкованія произведеній этого новаго поэта, разумѣется, не появиться ни Шира, ни Ланчи, ни Филалетеса.

Еврейская библіотека. Историко-литературный сборникъ. *Томъ I. Изданіе* А. Е. Ландау. *Спб. 1871.*

Въ числѣ всѣхъ вопросовъ, возникшихъ въ знаменитое *наше время*, *когда*, всплылъ на поверхность русской жизни и еврейскій вопросъ. Въ послѣднее время образовалась цѣлая литература по этому вопросу. Предстоящій нашей рецензіи сборникъ есть одинъ изъ плодовъ этой литературы. Мы не будемъ говорить о томъ, что вопросъ этотъ, коренящійся въ глубинѣ отдаленныхъ вѣковъ, имѣетъ свое глубокое значеніе и не послѣднюю важность; не будемъ говорить о томъ, что безъ рѣ-

Digitized by Google

шенія этого вопроса, особенно у насъ, въ Россіи, невозможно правильное развитіе прогресса. Объ этомъ обо всемъ было уже говорено много и премного и намъ пришлось бы повторять одни общія мѣста. Мы лучше укажемъ читателю на тѣ особенности, которыя имѣетъ этотъ вопросъ въ ряду другихъ эманципаціонныхъ вопросовъ; затѣмъ постараемся опредѣлить, какова должна быть правильная постановка его на основаніи этихъ особенностей, и въ заключеніе укажемъ, какъ относится къ этому вопросу разбираемый нами сборникъ.

Хотя, повидимому, еврейскій вопросъ есть вопросъ національный, но онъ не только отличается рѣзко отъ другихъ національныхъ вопросовъ, каковы были въ свое время вопросы греческій, итальянскій, каковъ нынѣ славянскій вопросъ,— онъ прямо имъ противоположенъ. Во всѣхъ другихъ національныхъ вопросахъ дѣло касается вовсе не до уравненія правъ подчиненнаго народа съ правами господствующаго племени, а до полнаго освобожденія подчиненной народности, самобытнаго, независимаго существованія ея. Евреи же, разселенные въ средѣ различныхъ народностей, начиная съ Испаніи и кончая Азіею, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, успѣли не только обжиться въ мѣстахъ, занимаемыхъ ими, но и глубоко укорениться въ нихъ, успѣли утратить даже свой самобытный языкъ до такой степени, что испанскій и русскій евреи такъ же мало могутъ понять другъ друга, какъ и россіянинъ испанца. Очевидно, что здѣсь не можетъ быть и вопроса о національной независимости; только крайніе религіозные фанатики и утописты въ средѣ евреевъ могутъ еще мечтать о возвращеніи къ библейскимъ временамъ и о соединеніи всего еврейскаго племени въ землѣ Ханаанской вокругъ древняго Іерусалима. Для большинства же маломальски образованныхъ евреевъ, еврейскій вопросъ есть вопросъ объ уравненіи евреевъ въ гражданскихъ и политическихъ правахъ съ тѣми народами, въ средѣ которыхъ они живутъ, и объ уничтоженіи тѣхъ вѣковыхъ предразсудковъ, которые отдѣляютъ стѣною еврейское общество отъ христіанскаго, дѣлая изъ евреевъ что-то въ родѣ индѣйскихъ паріевъ. Но поставленный на такую почву, еврейскій вопросъ въ конечномъ своемъ результатѣ есть вопросъ не о сохраненіи еврейской народности, а о полномъ уничтоженіи ея, раствореніи въ массѣ европейскихъ народовъ—вопросъ не жизни, а смерти. Въ самомъ дѣлѣ, таковъ законъ природы, вполнѣ естественный и простой, что двѣ народности, живущія на одной территоріи, вполнѣ уравненныя по своимъ правамъ, стоящія на одномъ уровнѣ образованія и утратившія какую-либо враждебность между собою, должны слиться въ одну общую народность и потерять всякія особенности, раздѣлявшія ихъ другъ отъ друга. Такъ франки слились съ галлами, англо-саксы слились съ норманами, финскія и татарскія племена съ русскими. Если евреи до сихъ поръ не слились съ тѣми народами, въ средѣ которыхъ

Digitized by Google

они живутъ, то этому виною только политическая и гражданская неравноправность, возникшая вслѣдствіе вѣковой религіозной вражды, раздутой средневѣковыми предразсудками. Весьма естественно, что люди, къ которымъ впродолженіе долгихъ вѣковъ считали нечестіемъ прикасаться, сложились въ тѣсныя корпораціи и въ оппозицію гоненіямъ, претерпѣваемымъ ими, въ свою очередь считали нечестіемъ входить въ близкія сношенія съ притѣснителями. Принимая въ соображеніе подобныя историческія условія, такъ же смѣшно приписывать отчужденность евреевъ и сохраненіе ихъ національной особенности въ теченіе стольких вѣковъ, когда всѣ ихъ народы — ровесники, давно утратили существованіе — особеннымъ свойствамъ народности, какъ и полагать, что это произошло вслѣдствіе, будто бы, особеннаго проклятія, тяготѣющаго надъ евреями. Евреи не слились съ европейцами потому же, почему ирландцы не сливаются съ англичанами, въ то время, какъ шотландцы успѣли утратить всякую самостоятельность. Къ этому надо прибавить, что образованность должна производить еще бо́льшее вліяніе на уничтоженіе еврейской національности, чѣмъ равноправность во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Если вообще образованность сглаживаетъ всякую національную вражду, нивеллируетъ и сближаетъ людей различныхъ народностей, то на евреевъ подобное вліяніе образованности должно дѣйствовать еще сильнѣе. Образованный нѣмецъ все-таки останется нѣмцемъ, имѣя свое отечество, свои общественные интересы, свой языкъ, свою науку и литературу, изъ которыхъ онъ почерпаетъ образованіе, между тѣмъ еврей можетъ получить образованность только изъ той чуждой среды, въ которой онъ находится: разъ онъ сдѣлался образованнымъ человѣкомъ, онъ выдѣляется изъ своей среды, онъ дѣлается образованнымъ европейцемъ и перестаетъ быть евреемъ. Имена Мейербера, Мендельсона принадлежатъ еврейской цивилизаціи, и кому какая нужда въ томъ, что они были евреи; Гейне представляетъ блестящую страницу нѣмецкой литературы, а не еврейской. Но этого еще мало, что вопросъ о еврейской эманципаціи противоположенъ вопросу о еврейской національности въ томъ отношеніи, что результатомъ своимъ имѣетъ не развитіе еврейской народности, а ея уничтоженіе; если мы поставимъ это положеніе наоборотъ, то мы найдемъ то же противорѣчіе: всякое стремленіе къ сохраненію во что бы ни стало еврейской національности и самобытности не только не можетъ повести за собою равноправности съ христіанами, но, напротивъ того, всегда будетъ стоять поперегъ дороги къ этой равноправности, всегда будетъ усложнять вражду евреевъ съ христіанами. Въ самомъ дѣлѣ, мы не будемъ возвращаться къ тому вышеразвитому нами положенію, что все сохраненіе еврейской самобытности единственно только и держится, что на религіозной враждѣ, не имѣя никакихъ другихъ основаній; мы положимъ, что вслѣдствіе развитія образованно-

Digitized by Google

сти вражда эта потухнетъ, права евреевъ вполнѣ сравнены съ правами христіанъ, какія же средства должны будутъ тогда употреблять евреи для удержанія во что бы ни стало своей самобытности, то-есть для того, чтобы быть не просто только религіозною сектою, но особеннымъ народомъ? Единственное только развѣ средство, искусственнаго поддержанія народности корпоративною замкнутостью? Но такая корпоративная замкнутость, отдѣляя стѣною евреевъ отъ всего образованнаго міра, прямо противорѣчитъ стремленію евреевъ къ воспринятію европейской образованности, да и мало еще этого: становясь на политико-экономическую почву, она ведетъ прямо къ антагонизму со всѣмъ, что находится за этою стѣною: всякой отдѣльной промышленной силѣ нѣтъ возможности противостоять корпоративной силѣ, замкнутой въ себѣ самой, откуда естественно, что вражда, перенесясь съ средневѣковой почвы на политико-экономическую, должна не уменьшаться, а еще болѣе увеличиться въ отношеніи христіанъ къ евреямъ, а гдѣ вражда, тамъ не можетъ быть и равноправности, тамъ побѣжденные всегда будутъ во власти побѣдителей, все равно, какая бы сторона не оказалась вверху, христіанская или еврейская. Нагляднымъ образцомъ такого положенія дѣлъ могутъ быть одесскія смуты, и было бы крайне близоруко смуты эти объяснять одною религіозною враждою. При такомъ положеніи дѣлъ еврейскій вопросъ представляется намъ въ такомъ только случаѣ стоящимъ на истинной почвѣ, когда онъ, совершенно отстраняя вопросъ о національной самобытности евреевъ, на первый планъ ставитъ уничтоженіе вѣковыхъ предразсудковъ въ отношеніи христіанъ къ евреямъ и полную равноправность евреевъ съ христіанами. Мы не боимся прослыть врагами еврейскаго вопроса, говоря, что для насъ нѣтъ никакой важности въ вопросѣ, должна ли сохраниться еврейская народность или исчезнуть, такъ-какъ съ точки зрѣнія высшей образованности важно только, чтобы всѣ люди были образованы и равноправны, чтобы не было притѣснителей и притѣсненныхъ, высокомѣрныхъ и презираемыхъ, а къ какой народности или сектѣ будетъ имѣть честь себя причислять нашъ братъ по образованію, будетъ ли онъ еврей, турокъ или татаринъ, это намъ кажется столь же маловажнымъ, какъ и то, какіе у него на головѣ волосы, бѣлокурые или черные.

Какъ смотритъ на еврейскій вопросъ разбираемый нами сборникъ, опредѣлить трудно; повидимому, онъ не успѣлъ еще опредѣлить ясно своихъ взглядовъ, а можетъ быть не успѣлъ еще высказаться. Вы найдете въ сборникѣ нѣсколько статей, весьма интересныхъ въ томъ отношеніи, что онѣ знакомятъ васъ съ еврейскимъ бытомъ, религіозными движеніями, и попытками улучшенія положенія евреевъ. Таковы «Мысли о хаситизмѣ» И. Г. Оршанскаго, «Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ» М. Маргулиса, «Изъ автобіографіи Соломона Май-

Digitized by Google

мона». Но рядомъ съ этимъ встрѣчаются и крайне неудачныя статьи, проникнутыя весьма горячимъ еврейскимъ патріотизмомъ, но слишкомъ наивно-дѣтскимъ и національно-слѣпымъ, поэтому на основаніи всего вышесказаннаго нами вовсе не идущимъ къ дѣлу. Такова, напримѣръ, статья г. Мандельштама—«Библейское государство», доказывающая, на основаніи нѣсколькихъ выдержекъ изъ ветхаго завѣта, что еврейское государство стояло по своему законодательству не только выше всѣхъ древнихъ обществъ, но и новѣйшихъ европейскихъ. Еще большею наивностью отличается небольшая статейка Гутмана «Что такое еврей?». Это прозаическое пѣснопѣніе на трехъ страницахъ ставитъ еврея выше всего рода человѣческаго. «Еврей—по мнѣнію г. Гутмана—это Прометей, добывшій вѣчный огонь изъ самыхъ небесъ и озарившій имъ весь міръ; еврей первый постигъ божественную идею и сдѣлалъ ее достояніемъ цѣлаго свѣта. Еврей, бывшій долгое время единственнымъ хранителемъ этой божественной идеи, есть источникъ вѣры, изъ котораго черпали всѣ прочія религіи; не будь еврея, и всѣ народы до сихъ поръ были бы еще идолопоклонниками. Еврей — это эмблема вѣчности. Тотъ, котораго тысячелѣтнія истязанія и избіенія не могли истребить; тотъ, котораго огонь, мечъ, костры и пытка не могли сгладить съ лица земли; тотъ, который первый удостоился откровенія божественной идеи, былъ долгое время единственнымъ ея хранителемъ и впослѣдствіи сдѣлалъ ее достояніемъ всего міра, тотъ неистребимъ, тотъ не можетъ и не долженъ быть истребимъ, тотъ вѣченъ, какъ сама вѣчность. Еврей былъ и будетъ вѣчнымъ поборникомъ и распространителемъ свободы, равенства, цивилизаціи и вѣротерпимости».

Совершенную противоположность съ подобнымъ гимномъ по своей тенденціи имѣетъ повѣсть Г. Леванды—«Горячее время». Здѣсь вопросъ идетъ не о вѣчности евреевъ, а, напротивъ того, о томъ, съ какимъ народомъ должно слиться евреямъ — съ нѣмцами, поляками или русскими. Повѣсть еще не кончена, но клонится, очевидно, къ тому отвѣту, что евреямъ слѣдуетъ слиться съ русскими. Одинъ изъ героевъ повѣсти ведетъ по этому поводу съ одною изъ героинь слѣдующій разговоръ:

«— Намъ нѣтъ никакого дѣла до того, чья цивилизація выше; рѣчь идетъ пока у насъ не о цивилизаціи, а о народности, то-есть о духѣ и языкѣ. Мы живемъ въ Россіи, а потому мы должны быть русскими.

— Что же на это скажутъ поляки?

— Поляки свое слово уже сказали. Всею своею прошлою политикою въ отношеніи къ намъ они доказали, что имъ нежелательно, чтобы мы были поляками.

— Но теперь они вѣдь поютъ совсѣмъ другое.

— То, что̀ они поютъ теперь, имъ слѣдовало запѣть, по крайней мѣрѣ, сто лѣтъ тому назадъ. Тогда былъ бы прокъ.

Digitized by Google

Теперь же намъ до ихъ лебединой пѣсни нѣтъ никакого дѣла; она насъ трогаетъ, какъ голосъ умирающаго, но она не обязываетъ насъ лечь въ гробъ вмѣстѣ съ отходящею въ вѣчность Польшей. Судьба предписала намъ жить, а потому мы должны и будемъ жить. Будемъ жить и пѣть — хотимъ быть русскими...»

Въ этомъ отношеніи мы можемъ успокоить Г. Леванду. Онъ превзошелъ далеко свое желаніе быть русскимъ: онъ не только русскій, но и руссификаторъ.

Мы не беремся предрѣшать вопроса, кѣмъ сдѣлаться евреямъ— русскими, поляками или нѣмцами; мы уже выразили наше желаніе видѣть евреевъ людьми образованными и равноправными, и намъ все равно, хотя бы эти люди преобразовались, пожалуй, хоть и въ татаръ. Мы только замѣтимъ, что болѣе деликатный публицистъ, можетъ быть, и не рѣшился бы въ видахъ своей пропаганды пользоваться вѣковымъ споромъ двухъ одинаково чуждыхъ ему народностей. Въ этомъ отношеніи мы лучше ужь предпочтемъ прославленіе евреевъ г. Гутмана. Оно хоть и наивно, но, по крайней мѣрѣ, искреннѣе и независимѣе.

Жизнь заключенныхъ. Обзоръ петербургскихъ тюремъ и относящихся до нихъ узаконеній. В. Н. Никитина. *Санктпетербургъ. 1871.*

Книга г. В. Н. Никитина—книга весьма любопытная, такъ-какъ она цѣлымъ рядомъ живыхъ и правдивыхъ очерковъ знакомитъ читателей съ бытомъ петербургскихъ тюремъ разныхъ наименованій, начиная съ арестантскихъ казематовъ при полицейскихъ частяхъ и кончая такъ-называемымъ литовскимъ замкомъ, пересыльною тюрьмою, смирительнымъ домомъ, новою городскою тюрьмою для срочныхъ арестантовъ, заключаемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей, и военно-исправительною тюрьмою морскаго вѣдомства. До сихъ поръ подобнаго рода описанія петербургскихъ тюремъ, при которомъ дѣло не ограничивалось бы только одною формальною стороною описанія тюремнаго устройства, но захватывалась бы хотя нѣсколько и тюремная дѣйствительность въ сопоставленіи (по выраженію автора) съ существующими о ней законами — въ русской печати еще не существовало. Всѣ свѣдѣнія, какія имѣла о нихъ читающая публика, носили характеръ отрывочности и неопредѣленности, такъ-какъ они основывались только на весьма скудныхъ правительственныхъ извѣщеніяхъ, да на оффиціальныхъ описаніяхъ, въ родѣ разобранной нами въ свое время книги г. Галкина. Поэтому, книга г. Никитина представляетъ собою весьма цѣнный матеріалъ для сужденія о незавидномъ состояніи тюремнаго дѣла въ Россіи, да и кромѣ того, представляя хотя нѣкоторыя статистическія данныя о родѣ и числѣ преступленій, рецидивизмѣ и т. д., даетъ отчасти фактическую основу для рѣшенія весьма разнообразныхъ и многоразличныхъ вопросовъ, то или другое рѣ-

Digitized by Google

шеніе которыхъ въ жизни народовъ образованныхъ имѣетъ первостепенное значеніе... Мы говоримъ отчасти, такъ-какъ трудъ г. Никитина страдаетъ прежде всего неполнотою, что составляетъ, по нашему мнѣнію, главнѣйшій его недостатокъ. Въ недостаткѣ этомъ было бы, однако, также несправедливо упрекать г. Никитина, какъ несправедливо было бы еще недавно обвинять русскую печать почти въ совершенномъ ея молчаніи о нашемъ тюремномъ дѣлѣ, когда таковое молчаніе было явленіемъ вынужденнымъ и литература томилась отъ гнета давившихъ ея ограниченій. Ограниченія эти, какъ извѣстно, далеко еще не всѣ отстранены, да и самое собираніе матеріаловъ по предмету, подобному избранному г. Никитинымъ, дѣло не легкое. «Всѣмъ извѣстно», говоритъ онъ, «что двери нашихъ тюремъ широко растворяются только передъ впавшими въ преступленія, да передъ высокопоставленнымъ начальствомъ; *частный* же человѣкъ (какимъ мы были касательно тюремъ) ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ туда проникнуть, хотя бы желаніе его было и самое благонамѣренное. Обстоятельство это поставило намъ весьма серьёзную преграду, для устраненія которой намъ пришлось вынести немалыя затрудненія, даже непріятности». Только благодаря содѣйствію какихъ-то *трехъ лицъ*, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ здѣшнія тюрьмы, г. Никитину удалось въ нихъ проникнуть, и посвятить на изученіе ихъ около пяти мѣсяцевъ, чтобы хотя нѣсколько выполнить свою задачу. Для болѣе полнаго ея выполненія данныхъ не оказалось. «Ни въ одной, напримѣръ, гражданской тюрьмѣ—говоритъ авторъ—не ведется даже сколько-нибудь сносной статистики преступленій [1]; оттого, желая выбрать вѣрныя, о содержавшихся въ данный періодъ, цифры—мы въ исправительномъ, напримѣръ, заведеніи, перечитывали множество дѣлъ, рылись въ нихъ по цѣлымъ недѣлямъ. Разсмотрѣть *денежную* отчетность и промышленные *обороты* тюремъ—эти самыя больныя ихъ мѣста, намъ, несмотря на дозволеніе свыше во все вникать, или рѣшительно не дозволили, какъ въ тюремномъ замкѣ, или, если и давали, какъ въ срочной тюрьмѣ, цифры, то такимъ манеромъ, что не станемъ ручаться за безусловную ихъ вѣрность. Кое-что, черезчуръ ужь печальное, отъ насъ, можетъ статься, и скрывали (это сомнѣніе зародилось въ авторѣ касательно срочной тюрьмы), исключительно потому, что знали о цѣли нашей работы, состоявшей въ *опубликованіи* со-

[1] Какъ мало у насъ сознается еще необходимость статистики этого рода, подтверждаетъ весьма замѣчательный фактъ, приведенный авторомъ на стр. 225, гдѣ упоминая о томъ, что многіе мировые судьи не означаютъ въ посылаемыхъ въ тюрьму съ осужденными бумагахъ родъ ихъ виновности, онъ разсказываетъ объ одномъ изъ нихъ, что онъ, присудивъ къ тюремному заключенію *въ теченіе 3-хъ лѣтъ 500 человѣкъ, ни въ одной бумагѣ* не потрудился объяснить, за что кого содержать!

Digitized by Google

бранныхъ свѣдѣній, а *гласность* для нѣкоторыхъ служитъ пугаломъ, ибо, по ихъ мнѣнію, «грѣшно выносить изъ избы соръ». Намъ передавали, наконецъ, изъ быта тюремъ и такіе эпизоды, которые не вошли въ нашу книгу единственно изъ основательнаго опасенія очутиться самому временно на жительствѣ въ тюрьмѣ за пресловутую диффамацію, такъ-какъ обвиняемый въ диффамаціи, какъ доказано судебною практикою, никогда не въ силахъ оправдаться...».

Описаніе г. Никитина, близко знакомаго со всѣми темными сторонами тюремнаго быта, станетъ весьма понятно, послѣ прочтенія его книги, и даже поверхностнаго ознакомленія съ существовавшими тамъ еще недавно порядками, кое-что отъ которыхъ, какъ оказывается изъ этого прочтенія, сохраняется рачительно и до сихъ поръ. Для уясненія нашей мысли приведемъ хотя слѣдующій эпизодъ, какимъ характеризуетъ авторъ минувшія времена петербургскихъ тюремъ. Дѣло происходило въ исправительномъ заведеніи, открытомъ всего на все, около тридцати лѣтъ тому назадъ (въ 1839 году). «Однажды, арестанты, доведенные до отчаянія скверным продовольствіемъ, взяли чашку съ бурдою, въ которой плавали *черви*, попросили караульнаго офицера запечатать эту чашку и вызвать для принесенія жалобы, попечителя. Попечитель, выслушавъ претензію, отвѣтилъ имъ: «хотя бы васъ г—номъ кормили, вы и то должны ѣсть, а если не хотите — молчать! на то вы арестанты!»—и тутъ же пересѣкъ человѣкъ 50». Подобный фактъ не былъ дѣломъ одиночнымъ. «Человѣка, покусившагося бѣжать изъ заведенія, продерживали, послѣ наказанія розгами, *полтора года въ темномъ* карцерѣ безвыходно, чуть не на пищѣ св. Антонія; иныхъ «выдранныхъ» сажали зимою въ *холодные* карцеры совершенно *голыхъ* на трое—пятеро сутокъ; сажать на хлѣбъ и на воду на 7 — 10 сутокъ, было явленіемъ самымъ обыкновеннымъ».

«Поступилъ въ число вліятельнаго начальства заведенія *честный* человѣкъ—и все въ исправительномъ заведеніи измѣнилось—говоритъ далѣе авторъ—мало того, все прежнее начальство тюрьмы предано въ 1870 году формальному слѣдствію гражданской судебной власти за казнокрадство»; но впечатлѣніе, произведенное его разсказомъ, едва-ли вполнѣ изглаживается этими словами въ душѣ читателя, которому изъ предыдущаго изложенія г. Никитина стало извѣстно, напримѣръ, хоть то обстоятельство, что при полицейскихъ домахъ *холодные* карцеры существуютъ и до нашего времени, представляя собою совершенно ненужную жестокость, которой законъ, конечно, не имѣлъ и въ виду. Вотъ какъ эти карцеры описаны у автора (стр. 10): «Провинившихся сажаютъ въ карцеры за маловажные проступки—въ не теплые и не холодные, а за значительные—*въ холодные*. Карцеры—это крошечныя *конурки*, гдѣ нѣтъ ровно ничего, и попавшій туда можетъ какъ хочетъ — стоять.

Digitized by Google

сидѣть или лежать *на полу; холодные карцеры во многихъ частяхъ со щелями въ стѣнахъ, черезъ которыя свободно проходятъ со двора не только морозъ, но и снѣгъ и дождь...*». Карцеры тюремнаго зàмка тоже въ своемъ родѣ не лишены характера кой-какой оригинальности. «Какъ въ камерахъ, такъ и на лѣстницахъ тюремнаго зàмка (говоритъ авторъ на стр. 61), воздухъ чрезвычайно тяжелый, вездѣ пахнетъ сильною гнилостью, отъ непривычки захватываетъ даже дыханіе; ждановская жидкость, заглушая зловоніе, сама распространяетъ повсюду свое весьма непріятное благоуханіе, а корридоры нижняго этажа, выходящіе окнами на Тюремный переулокъ, и особливо карцеры—наводятъ паническій страхъ, производятъ потрясающее впечатлѣніе; они мрачны, совершенно почти лишены свѣта, а дорога въ нихъ черезъ какіе-то темные лабиринты; площадка передъ карцерами мокрая и какъ тутъ, такъ и въ самыхъ карцерахъ сыро, стѣны пропитаны насквозь изрядною вонью; ни наръ, ни пастильниковъ въ карцерахъ мы не видали, такъ что провинившіеся и сидятъ и лежатъ на голомъ полу, причемъ на ночь имъ и раздѣться нельзя — холодно. *Спеціалисты увѣряли насъ, что самый здоровый человѣкъ непремѣнно умретъ, если его запереть въ карцеръ на 3—4 недѣли: столь разрушительно* дѣйствуютъ они на организмъ. Въ пересыльной тюрьмѣ такихъ карцеровъ не оказывается, но за то вся она порою, въ гигіеническомъ смыслѣ, цѣликомъ обращается въ сплошной холодильникъ. Зданіе тюрьмы (стр. 98) приспособлено по казенному разсчету для содержанія 160 человѣкъ, но вмѣщаетъ въ себѣ свободно до 200 человѣкъ; *бываетъ же въ нихъ нерѣдко до 800, а иногда и до 1,000 человѣкъ*. Тогда люди не только дни проводятъ въ корридорахъ, но и спятъ тамъ: подъ нарами, въ проходахъ между наръ, словомъ вездѣ, гдѣ представляется хоть самомалѣйшая возможность приткнуться. Такая вопіющая тѣснота лѣтомъ еще сносна бываетъ: въ это время всѣ содержащіеся за маловажные проступки люди, на которыхъ не хватаетъ мѣста, находятся съ утра до вечера на дворѣ; за то весною, осенью и зимою положеніе арестантовъ, какъ мы видѣли, ужасно: морозъ, холодъ, вѣтеръ свободно проникаютъ внутрь корридоровъ и камеръ отъ ежеминутно отворяющихся и затворяющихся дверей со двора; народъ, пребывая, отъ снѣга и дождя, въ мокрой одеждѣ, лишенъ, по многолюдству, всякой возможности обсушиться, отчего вещи на нихъ прѣютъ и производятъ испарину, вонь... Тѣснота же способствуетъ развитію промежъ арестантовъ болѣзней, озлобленія, кражи имущества и т. п.; а мѣръ къ устраненію перечисленныхъ неурядицъ ни откуда и дождаться невозможно...».

Приведенныя нами небольшія выписки характеризуютъ гигіеническую сторону тюремъ нашей столицы не съ особенно блестящей стороны. Но едва-ли не довольно даже и одной этой

Digitized by Google

стороны, чтобы у каждаго читателя неизбѣжно возродился вопросъ: какъ можетъ все такое существовать, когда за тюрьмами у насъ наблюдаютъ столько лицъ и учрежденій, что, напримѣръ, надъ пересыльною тюрьмою, кромѣ смотрителя, инспектора пересылки арестантовъ и попечительнаго тюремнаго комитета, начальствуютъ какъ полицейскія власти, такъ и губернско-административныя и прокурорскій надзоръ?... Мало того, съ 1869 года при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ существуетъ особая коммисія для разработки тюремнаго вопроса. Г. Никитинъ рѣшаетъ этотъ вопросъ именно этимъ обиліемъ начальства, причемъ дѣятельность каждой изъ перечисленныхъ властей парализуется дѣятельностью другихъ, и такимъ образомъ выходитъ, какъ всегда, что у семи нянекъ дитя безъ глазу. Но если столичнымъ тюрьмамъ приходится быть дитятей безглазымъ, то чѣмъ же должны представляться у насъ тюрьмы губернскія и уѣздныя, въ которыхъ, напримѣръ (за исключеніемъ сибирскихъ), содержалось народу въ одномъ 1864 году (по свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ концѣ 1868 г. въ «Сѣверной Почтѣ») 45 тысячъ человѣкъ обоего пола?... Само собою разумѣется, что участь такого числа людей, хотя бы и впавшихъ въ преступленія, должна была бы, наконецъ, вызвать серьёзное вниманіе лицъ и учрежденій, отъ которыхъ она находится въ зависимости, такъ-какъ въ наше время врядъ ли найдется много, откровенныхъ, по крайней мѣрѣ, сторонниковъ теоріи того тюремнаго попечителя, о которомъ мы упомянули выше, и если поднятый уже правительствомъ вопросъ объ общей тюремной реформѣ силою обстоятельствъ (по оффиціальнымъ источникамъ, для приданія нашимъ тюрьмамъ болѣе состоятельной организаціи, потребуется пятьдесятъ мильйоновъ) откладывается въ долгій ящикъ, то неужели введеніе хотя нѣкоторыхъ возможныхъ улучшеній, не требующихъ значительныхъ денежныхъ затратъ, не должно бы было составлять главнѣйшей заботы и первой обязанности, напримѣръ, хоть попечительнаго о тюрьмахъ комитета?... Указаній на подобныя улучшенія въ книгѣ г. Никитина множество, и въ этомъ смыслѣ книга его, если только на нее будетъ обращено достодолжное вниманіе, можетъ принести значительную практическую пользу. Законъ не отказываетъ подсудимымъ и осужденнымъ въ главнѣйшихъ факторахъ, помимо которыхъ самая физическая жизнь становится невозможною, въ достаточной и здоровой пищѣ, въ одеждѣ, которая служила бы дѣйствительною защитою отъ вредныхъ атмосферическихъ и климатическихъ вліяній, и конечно, лишая людей свободы, не оспариваетъ у нихъ въ то же время того количества чистаго воздуха, которое необходимо каждому человѣку для дыханія. Отнимать, урѣзывать или ограничивать какимъ-либо способомъ преднамѣренно или по небрежности у заключенниковъ что-либо изъ этихъ необходимыхъ условій для продолженія жизни и сохра-

Digitized by Google

ненія здоровья—дѣло чудовищное, и пора бы начать хотя съ искорененія всего подобнаго. Въ этомъ смыслѣ было бы весьма желательно, напримѣръ, хотя скорѣйшее и подробнѣйшее опубликованіе злоупотребленій, открытыхъ по слѣдствію о начальствѣ исправительнаго заведенія, о которомъ мы уже упоминали...

Ограниченные размѣромъ библіографическаго очерка, мы, разумѣется, не имѣемъ возможности не только остановиться на разсмотрѣніи важнѣйшихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ въ насъ книгою г. Никитина, и состояніемъ въ Россіи тюремнаго дѣла вообще, но даже указать на все ихъ разнообразіе и всю степень ихъ значенія. Отсылаемъ, поэтому, всѣхъ и каждаго къ прочтенію самой книги. Намъ кажется, что во всякомъ благоустроенномъ мозгу, по ея прочтеніи, должно родиться сочувствіе къ участи арестантовъ, а подобное сочувствіе — дѣло весьма нелишнее въ томъ обществѣ, гдѣ существуютъ зачастую самыя нелѣпыя ходячія мнѣнія о томъ, напримѣръ, что число преступленій увеличивается оттого, что арестантамъ въ тюрьмахъ жить хорошо, или что по отношенію къ преступнику всякое снисхожденіе—дѣло излишней сантиментальности...

Просвѣтительная и безпощадная борьба съ такими и подобными мнѣніями должна была бы, по нашему мнѣнію, быть одной изъ главнѣйшихъ обязанностей уважающей себя журналистики, хотя въ наши дни и первенствуетъ въ ней тонъ совершенно иного рода и казенная мораль, напускное пуританство и безстрастныя, глупыя и эгоистическія заигрыванія съ идеею абсолютной справедливости, имѣютъ для себя въ нашей печати цѣлыя полчища представителей... Подобные публицисты обыкновенно относятся къ тюрьмѣ и ея жителямъ свысока, съ тою казовой гадливостью къ самимъ понятіямъ преступленія и проступка, которая вполнѣ выясняетъ всю степень ихъ личной непогрѣшимости и высоты нравственнаго достоинства... Застрахованные своими доблестями навсегда отъ опасенія попасть въ тюрьму, они забываютъ, что не всѣмъ въ мірѣ выпадаетъ такая доля, что случайности жизни порою слагаются весьма странно и народъ не даромъ сложилъ, исполненную глубокаго смысла и грустную пословицу: «отъ тюрьмы, да отъ сумы—не отнѣкивайся». Въ бытѣ простолюдиновъ тюрьма дѣйствительно у насъ играла еще очень недавно роль весьма видную, когда въ нее могли сажать всѣ и каждый изъ начальства, иногда даже по одному подозрѣнію, — порою на цѣлые годы. Да и въ настоящее время цифра, напримѣръ, 6,512 человѣка, пересидѣвшихъ въ теченіе 8 лѣтъ въ Литовскомъ замкѣ за преступленія противъ паспортной системы, наводитъ на кое-какія размышленія. Иногда даже и лицамъ привиллегированнаго сословія случается у насъ попадать въ тюрьму *здорово-живешь*. Въ доказательство этого приведемъ хотя слѣдующій разсказъ изъ книги г. Никитина.

Digitized by Google

«Однажды, по случаю какого-то торжественнаго дня, лицо, принадлежавшее къ составу полиціи, раздавало *даровые* билеты на спектакль. Народу у его квартиры набралось, естественно, много. Проходившій мимо чиновникъ остановился поглазѣть, изъ любопытства, на толпу. Вдругъ люди хлынули впередъ и выдавили стекло въ дверяхъ лѣстницы, причемъ чиновникъ какъ-то очутился впереди. Его тотчасъ же схватили, свели въ часть и (несмотря на то, что онъ былъ трезвый, не признавалъ себя виновнымъ, предлагалъ, во избѣжаніе непріятностей, заплатить за стекло рубль-два, указывалъ свой адресъ) втиснули въ казематъ головорѣзовъ, которые кинулись на него и принялись снимать: кто пальто, кто сюртукъ, кто часы, сапоги и т. д. Онъ затѣялъ со своими грабителями борьбу, но не только былъ побѣжденъ, а еще весь изломанъ и потомъ затиснутъ подъ нары. На разсвѣтѣ у него, изнеможеннаго физически и нравственно, кто-то замѣтилъ перстень на пальцѣ и, безъ дальнѣйшихъ околичностей, началъ его снимать; такъ-какъ чиновникъ добровольно не отдавалъ его, а сжалъ руку въ кулакъ, то одинъ держалъ его, а другой кусалъ ему пальцы до тѣхъ поръ, покуда онъ разжалъ кулакъ и остался безъ перстня. Въ пылу отчаянія, онъ закричалъ во всю мочь «караулъ», взбудоражилъ начальство, и дежурный офицеръ, явясь на крикъ, сжалился надъ нимъ, вывелъ его изъ вертепа и помѣстилъ въ пріемной комнатѣ, откуда, по наступленіи дня, для водворенія на мѣсто жительства. Побои, чиновнику нанесенные, были столь сильные, что онъ двѣ недѣли пролежалъ въ постели и за симъ прохворалъ два мѣсяца» (стр. 24-я).

Герой этого разсказа, очевидно, раздѣлался съ своей бѣдой еще дешево. Иногда лицамъ, *впадающимъ въ преступленія*, приходится нести за это несравненно значительнѣйшую тяготу, за вины не особенно тяжкія. Вотъ, напримѣръ, какіе случаи изъ петербургской судебно-мировой практики занесены г. Никитинымъ въ разбираемую нами книгу (219 стр.):

«Мальчикъ, лѣтъ 14-ти, жилъ въ услуженіи у содержателя колбасной лавки, гдѣ его скверно кормили. Будучи однажды голоденъ, онъ съѣлъ полфунта колбасы, отрѣзанной хозяиномъ для себя. За это хозяинъ возбудилъ противъ него обвиненіе въ кражѣ помянутой колбасы. Судья отдалъ предпочтеніе показанію хозяина, призналъ мальчика виновнымъ въ похищеніи колбасы и прислалъ его въ тюрьму на $3^1/_2$ мѣсяца».

«Мужичокъ-извощикъ поднялъ на улицѣ, возлѣ сосѣдняго дома, въ которомъ онъ жилъ, доску, принесъ ее домой и положилъ на дворѣ своего жилища. Немного погодя, къ нему пришелъ сосѣдній дворникъ, обозналъ доску своею, получилъ ее, да еще пожаловался судьѣ на извощика, котораго судья обвинилъ въ кражѣ доски и приговорилъ въ тюрьму на $3^1/_2$ мѣсяца. Оставшаяся на свободѣ жена извощика, съ тремя малыми ребятами, не имѣла никакихъ средствъ, чѣмъ кормить

Digitized by Google

лошадь и семейство, а потому вынужденною нашлась продать лошадь, и, покуда мужъ сидѣлъ, прожила всѣ деньги, вырученныя за проданную лошадь. Такимъ образомъ, извощикъ былъ разворенъ до тла изъ-за доски, стоившей какихъ-нибудь 5 копеекъ».

«Мѣщанинъ за кражу курицы пробылъ въ тюрьмѣ 6 мѣсяцевъ. Мѣщанинъ же, за кражу изъ кабака полштофа водки, очутился въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ».

Впрочемъ, все нами до сихъ поръ сказанное, блѣднѣетъ передъ слѣдующимъ фактомъ, вычитаннымъ нами у г. Никитина, и которому просто отказываешься вѣрить. На страницѣ 155 своей книги, онъ утверждаетъ, что простолюдины, высылающіеся «для занятія мірскихъ должностей по крестьянскому самоуправленію», отправляются изъ пересыльной тюрьмы по этапу, *въ желѣзныхъ наручникахъ*, съ приковываніемъ ихъ къ пруту.

О самыхъ наручникахъ г. Никитинъ (стр. 158 и 157) говоритъ слѣдующее:

«Наручники несравненно мучительнѣе для идущаго по этапу, чѣмъ кандалы, между тѣмъ законъ подвергаетъ наручникамъ всѣхъ мелкихъ нарушителей, но сознавая эту несправедливость,—законъ въ то же время предоставляетъ имъ право просить о перемѣнѣ ихъ, этихъ страшно неудобныхъ браслетъ (такъ арестанты называютъ наручники) на кандалы. Какъ ни странна эта привиллегія быть сравненнымъ съ тягчайшими преступниками,—этой привиллегіи добиваются почти всѣ мелкіе закононарушители. Но принимая во вниманіе, что вслѣдствіе удовлетворенія всякой такой просьбы, некого будетъ вести въ наручникахъ, что вся партія сдѣлается, по кандаламъ, огромною толпою каторжныхъ и что отъ этого еще болѣе придется усилить число конвойныхъ—такія просьбы обыкновенно не исполняются, а освобождать отъ наручниковъ людей, «не требующихъ особыхъ мѣръ предосторожности», гражданское начальство не считаетъ себя вправѣ, за силою примѣчаній къ 220 ст. уст. содер. подъ стражею и къ 371 ст. уст. о сл. внутр. стр.».

«Дабы читатели могли составить себѣ понятіе о томъ, какъ тяжелы эти наручники, дѣлающіе людей новыми сіамскими близнецами, скажемъ, что въ теченіи всего пути, если одинъ захочетъ лечь на полу спать, другому приходится дѣлать то же; вздумаетъ спящій повернуться на другой бокъ, онъ будитъ уснувшаго товарища по наручнику, оба встаютъ и перекладываются одинъ на мѣсто другаго: одинъ хлѣбаетъ щи правою рукою, другой въ то же время принужденъ свою лѣвую руку поминутно поднимать и подносить вмѣстѣ съ правою рукою товарища къ его рту», и т. д.

«Въ числѣ мелкихъ закононарушителей, въ рѣдкой партіи, не идутъ въ наручникахъ 15—16-тилѣтніе мальчики... Мы видѣли горько плакавшихъ отъ боли, страха и униженія 3 мальчиковъ, отправлявшихся на прутѣ, за просрочку паспортовъ,

Digitized by Google

въ Ярославскую губернію. Здѣсь кстати отмѣтить, что по статистикѣ пересыльной тюрьмы большинство мальчиковъ, высылаемыхъ за неимѣніе и просрочку паспортовъ, уроженцы Пошехонскаго уѣзда Ярославской губерніи, откуда они прибываютъ въ Петербургъ въ услуженіе въ мелочныя лавки, въ трактиры, причемъ пошехонская крестьянская администрація настолько непростительно безпечна, что или не снабжаетъ ихъ вовсе паспортами, или не мѣняетъ имъ своевременно таковые и тѣмъ самымъ подвергаетъ ихъ несчастію возвращаться во свояси въ наручникахъ».

Руководство для сельскихъ учительницъ и учителей. *Составилъ* Н. П. Столпянскій. (Тетрадь первая, 42 первыхъ учебныхъ дня). С.-Петербургъ. Изданіе товарищества «Общественная Польза». 1870 г. Цѣна 1 рубль.

«Руководство для сельскихъ учительницъ и учителей», составленное г. Столпянскимъ, не есть простая азбука, которую мы могли бы встрѣтить съ пріятнымъ упованіемъ и довѣріемъ къ практическому авторитету ея составителя; оно не ограничивается изложеніемъ только тѣхъ пріемовъ обученія грамотности, которыми—если опять таки вѣрить одностороннему свидѣтельству самого учителя—достигался неимовѣрно быстрый и надежный результатъ. Цѣль автора гораздо сложнѣе, а его претензіи—шире и настойчивѣе. Прежде всего г. Столпянскій возвѣщаетъ въ своемъ «объясненіи», что его «трудъ, въ данной формѣ, является первымъ въ *нашей русской* литературѣ», а потомъ прибавляетъ: «своимъ трудомъ я желалъ достигнуть того, чтобы возбудить въ каждомъ сельскомъ учителѣ сознательное отношеніе къ подробностямъ и мелочамъ сельской школы и *дать возможность критически взглянуть на все дѣло*. Если это желаніе исполнится, то дѣло начальнаго обученія перестанетъ быть искусствомъ исключительныхъ только личностей, а *получитъ значеніе науки* и чрезъ это сдѣлается доступнымъ каждому желающему». Но этого мало. Въ «предисловіи», слѣдующемъ за объясненіемъ, г. Столпянскій доказываетъ на четырехъ страницахъ, что «вопросъ народнаго образованія, для настоящаго времени, есть вопросъ громадной важности», что къ нему «прилагаетъ свою особенную заботу министерство народнаго просвѣщенія» (тутъ, впрочемъ, не разберешь: шутитъ или серьёзно говоритъ г. Столпянскій, такъ-какъ дальше изъ его же словъ оказывается, что особенная заботливость этого вѣдомства выразилась покуда только въ устройствѣ двухъ, трехъ учительскихъ семинарій для 76 милліоннаго населенія), что «учительская дѣятельность весьма важна и знаменательна, и что браться за нее можно только послѣ значительной и серьёзной подготовки къ этому святому и великому дѣлу». Возвысивъ такимъ образомъ значеніе предмета, которому посвящена книга, г. Столпянскій, не задумываясь, рекомендуетъ ее всѣмъ,

Digitized by Google

получившимъ общее образованіе, сельскимъ учителямъ, которые, вдобавокъ, должны—«*прочтя и изуча эти уроки*, изложить для себя, по потребности своей школы, предварительно на бумагѣ какъ содержаніе урока, *такъ образовательное и воспитательное значеніе его*». Чтобы учитель могъ удобнѣе переработать этотъ дневникъ уроковъ въ свои собственные уроки, авторъ предпослалъ своей книгѣ: 1) краткій историческій очеркъ воспитанія и обученія и 2) указаніе того, что̀ учитель обязанъ заготовить для себя, чтобы правильно вести свои уроки съ дѣтьми. Изъ этихъ цитатъ читатель ясно увидитъ, что передъ нимъ стоитъ не скромный элементарный учитель, скоротавшій свой вѣкъ на обученіи письму и чтенію, но человѣкъ, имѣющій претензію думать, что его руководство можетъ служить залогомъ всѣхъ будущихъ успѣховъ народнаго образованія въ Россіи, что оно должно быть изучено отъ доски до доски всѣми нашими сельскими учителями, и что только послѣ этого дѣло народнаго обученія получитъ у насъ «значеніе науки», ясно-формулированной и отчетливо обработанной, въ противоположность прежнему безсвязному сброду эмпирическихъ правилъ. Но содержаніе и достоинства книги мало соотвѣтствуютъ такимъ громаднымъ притязаніямъ авторскаго самолюбія.

Очеркъ воспитанія и обученія, имѣющій цѣлью — ввести исподоволь народныхъ учителей въ храмину премудрости г. Столпянскаго, на нашъ взглядъ, есть не болѣе, какъ простая компиляція, сдѣланная по книгѣ г. Мадзолевскаго и по статьямъ г. Хмырова, печатавшимся съ годъ тому назадъ въ «Народной Школѣ». Надобно полагать, что даже учителя, «получившіе общее образованіе», поймутъ въ этой компиляціи очень мало, или — что̀ еще хуже — вынесутъ совершенно превратное понятіе о тѣхъ преметахъ, о которыхъ въ ней толкуется. Что̀ уразумѣетъ, напримѣръ, народный учитель изъ слѣдующихъ строкъ: «Аристотель съ особенною любовью обращаетъ свой взглядъ на разнообразіе явленій и ищетъ идеи только въ ея частномъ предметномъ (конкретномъ) представленіи. Для развитія высшихъ, болѣе общихъ идей, онъ всегда нуждается въ фактахъ и тщательно изучаетъ ихъ, относятся ли они къ области природы, исторіи или внутренней жизни человѣка. Вся его философія основывается на данныхъ, исходитъ изъ опыта и приходитъ къ общему (синтезу) осторожнымъ путемъ наведенія (индукціи)» и пр. и пр. Г. Столпянскій думалъ облегчить трудность пониманія этой тирады, поставивъ рядомъ съ иностранными словами свой русскій переводъ (этимъ ограничилась его передѣлка подлинника); но нужно быть ужь очень наивнымъ, чтобы вѣровать въ пользу такой нехитрой интерпретаціи. Свѣдѣнія о Ж. Ж. Руссо, пріобрѣтенныя народнымъ учителемъ, будутъ еще полнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ объ Аристотелѣ. «Ненависть Руссо — вычитаетъ народный учитель изъ книги Столпянскаго,—къ современной ему цивилизаціи вы

Digitized by Google

разилась такъ полно и односторонне, что Вольтеръ, прочитавъ его сочиненіе, возъимѣлъ, по его остроумному выраженію, сильное желаніе ходить на четвериньках». Дальше оказывается, впрочемъ, что основныя положенія сочиненія Руссо *на столько справедливы* (что за диковина! спроситъ себя народный учитель, только что прочитавшій о ходьбѣ на четвериньках), что приняты въ основаніе всей новѣйшей педагогики»; а еще дальше, но на той же страницѣ, встрѣчается категорическое утвержденіе, что «сельскому учителю не представляется надобности читать педагогическія сочиненія Руссо»... И эта капитель тянется не двѣ-три, даже не десятокъ — другой страницъ, а занимаетъ собой цѣлую треть книги, предназначенной водворить строгую науку въ Россіи.

За этою компиляціею, сдѣланной небрежно и безъ всякаго присутствія какой-нибудь опредѣленной мысли, слѣдуютъ не менѣе любопытныя главы о томъ: что̀ долженъ заготовить для себя учитель прежде, чѣмъ приступить къ отправленію своихъ обязанностей, какіе порядки нужно ему ввести въ школѣ и въ какія стать отношенія къ дѣтямъ и ко всему крестьянскому обществу? Въ этомъ отдѣлѣ, между разными совѣтами и замѣчаніями, нелишенными основательности, хотя и непредставляющими особенной новизны для учителей, «получившихъ общее образованіе» (напримѣръ, совѣтъ—стричь покороче волосы, дабы въ нихъ не заводились насѣкомыя) снова попадаются, чуть не на каждой страницѣ, и такого рода курьёзы: «во время занятія *ни въ какомъ случаѣ* не дозволять входить или выходить ученикамъ» (стр. 144). Г. Столпянскій, будьте милосерды! Имѣйте снисхожденіе къ слабому человѣческому естеству. Но всего замѣчательнѣе совѣты, которые подаются народному учителю насчетъ его домашняго обихода и обращенія съ крестьянами. «Вообще—говоритъ г. Столпянскій—учитель не долженъ ходить ни на именины, крестины, свадьбу или поминки, гдѣ все общество предается пьянству, и ни въ какомъ случаѣ не позволять (себѣ?) заходить въ трактиръ или постоялый дворъ. Въ выборѣ знакомства учитель вообще долженъ быть крайне остороженъ и въ выраженіяхъ своихъ крайне сдержанъ. Особенно онъ не долженъ явно и въ обществѣ рѣзко порицать суевѣрія и обычаи, потому что такое порицаніе перетолковываютъ совершенно превратно. Вообще учитель долженъ поставить себѣ за правило говорить только тогда, когда увѣренъ, что рѣчь его будутъ слушать со вниманіемъ; въ противномъ случаѣ гораздо выгоднѣе и полезнѣе молчать. *Умѣть во время смолчать—дѣло великой важности*». Умѣть во время смолчать — дѣло, конечно, хорошее; но на нашъ взглядъ, лучше такого искусника въ молчаніи будетъ тотъ учитель, рѣчь котораго всегда будетъ выслушиваться со вниманіемъ въ крестьянскомъ обществѣ. И если для пріобрѣтенія такого авторитета себѣ учителю потребуется быть иногда и на крестьянскихъ свадьбахъ, крестинахъ,

поминкахъ и т. п., то предосудительнаго тутъ мы ничего не видимъ.

Что касается до «дневника уроковъ», въ которомъ г. Столпянскій изложилъ всю свою учительскую премудрость, пріобрѣтенную во время многолѣтней практики, то, осиливъ этотъ дневникъ до послѣдней страницы, мы имѣемъ право сказать, что онъ, составляя сравнительно лучшую часть книги, не представляетъ однако нетолько ни одной новой и свѣжей мысли, но и ни одного, сколько нибудь удачнаго и выдающагося, примѣненія къ народной школѣ уже выработанныхъ педагогическихъ правилъ и пріемовъ. Тѣ же непозволительныя разжевыванія самыхъ пустыхъ вопросовъ, тѣ же несносныя обращенія къ Ванѣ, Петѣ и Гришѣ, которыя мозолятъ намъ глаза во всѣхъ новѣйшихъ учебныхъ книжкахъ, злоупотребляющихъ такъ-называемою эвристическою методою. Ни съ того, ни съ сего задается вопросъ и ни къ селу, ни къ городу сообщаются свѣдѣнія о токаньи тетеровъ, о нравахъ журавля и т. п.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БУДУЩНОСТЬ ЮГА РОССІИ

и

СОВРЕМЕННАЯ ЕГО ОТСТАЛОСТЬ [1].

Мы живемъ въ эпоху важнаго переворота въ экономической жизни южной Россіи [2]. Совершающіяся на глазахъ нашихъ событія должны замѣнить вялое экономическое движеніе этой мѣстности, оживленной дѣятельностью. Донынѣ югъ Россіи представлялъ страну, очень щедро одаренную отъ природы, но лишенную всякихъ усовершенствованій цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ ниже даже нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей Россіи, не говоря уже о западной Европѣ. До сихъ поръ экономическій прогрессъ гораздо замѣтнѣе обнаруживался въ сѣверной Россіи. Тамъ еще со временъ Петра-Великаго принимались многія энергическія мѣры для экономическаго развитія: проводились каналы, улучшались сухопутныя сообщенія, устраивались кредитныя учрежденія, оказывались поощренія и

---

[1] Въ статьѣ этой мы будемъ разсматривать главнѣйшимъ образомъ экономическія условія фабричной и заводской промышленности въ южной Россіи, преимущественно въ мѣстности донецкаго каменноугольнаго бассейна.

[2] Подъ этимъ именемъ мы разумѣемъ не только однѣ степи юга Россіи, но и другія южныя губерніи, густо населенныя, съ преобладающимъ земледѣльческимъ характеромъ; подъ сѣверомъ же—вообще сѣверную половину имперіи, а въ особенности—центральныя промышленныя губерніи.

Digitized by Google

пособія частной предпріимчивости, наконецъ, 1822-й годъ положилъ начало непрерывному распространенію фабрикъ, однимъ словомъ, дѣлалось очень много такого, что не могло не повліять сильно на судьбы сѣвера. Бѣдный отъ природы, покрытый преимущественно лѣсами, болотами и песками, съ неблагодарной почвою, въ настоящее время онъ сдѣлался фабрикою обширной Россійской имперіи, а потому, при покровительственномъ тарифѣ, къ нему стали стекаться капиталы почти со всѣхъ частей Россіи въ видѣ переплаты на тѣхъ произведеніяхъ туземныхъ фабрикъ, которыя изъ-за границы могли бы быть доставлены гораздо дешевле. И такое положеніе продолжается уже почти полъ-вѣка! Нынѣ 80-тимильйонный рынокъ ограждается таможенными постановленіями для нашего фабричнаго округа, и послѣдній, можно сказать, развился на счетъ остальной Россіи. Въ этомъ же округѣ находятся и наши столицы, которыя, какъ всякія столицы, при сильной централизаціи, стягиваютъ къ себѣ богатства обширнѣйшаго въ мірѣ государства. И это, конечно, очень и очень помогло экономическому развитію подстоличныхъ промышленныхъ губерній. Впрочемъ, это экономическое развитіе нашей фабричной области нужно принимать условно. Если дѣйствительно справедливо, что въ нашихъ подмосковныхъ губерніяхъ и на сѣверо-западѣ Россіи болѣе желѣзныхъ дорогъ, шоссе, каналовъ, фабрикъ, правильнаго торговаго движенія и вообще всего того, что обыкновенно считается признаками экономическаго прогресса, то этимъ еще нисколько не доказывается, что и матеріальное состояніе массы тамошняго населенія выше, нежели въ нашихъ плодородныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ. Правда, въ нашихъ промышленныхъ губерніяхъ нѣкоторая часть народонаселенія обогатилась торговлею и промышленностью, другая, болѣе значительная, находитъ довольно выгодные заработки на фабрикахъ, впрочемъ, не всегда вѣрные, но вся остальная масса народа, самая огромная по своему матеріальному благосостоянію, сравнительно съ населеніемъ юга Россіи, едва-ли стоитъ выше, а можетъ быть даже и ниже. Выгода же отъ всего этого экономическаго прогресса на сѣверѣ выпадаетъ главнымъ образомъ на долю только нѣкоторыхъ слоевъ населенія; остальная же масса недалеко ушла. Но и этими успѣхами наши промышленныя губерніи обязаны въ значительной степени остальнымъ частямъ обширной Россіи. Земледѣльческая половина нашего государства служила и до сихъ поръ служитъ питателемъ промышленнаго округа съ обѣими нашими столицами; сама же платится за это отсталостью въ экономическомъ отношеніи. Ея пути сообщенія находились до послѣдняго времени въ самомъ первобытномъ состояніи; въ капиталахъ она нуждалась еще болѣе, чѣмъ многія другія мѣстности остальной Россіи; кредитныхъ учрежденій было здѣсь чрезвычайно недостаточно; фабрики и заводы

Digitized by Google

тоже принадлежали главнѣйшимъ образомъ сѣверу; а на югѣ все носило отпечатокъ земледѣльческаго характера страны, даже заводы, напримѣръ, винокуренные. Но теперь совершаются такія многозначительныя событія, вслѣдствіе которыхъ должны оказаться очень важные результаты для юга Россіи. Какъ конецъ XVIII вѣка окончательнымъ покореніемъ восточныхъ ордъ на югѣ Россіи открылъ обширныя земли южно-русской колонизаціи и далъ возможность мирнаго развитія для южнаго края, такъ и настоящее время составитъ не менѣе важную эпоху въ экономической жизни юга: нынѣшнее очень распространенное стремленіе воспользоваться могучими орудіями цивилизаціи для разработки природныхъ богатствъ страны дастъ обильные плоды въ будущемъ. Внѣшнія событія помогаютъ этому стремленію юга выйти изъ своего вѣковаго усыпленія. Въ концѣ 1869 года совершилось открытіе Суэзскаго канала, который произведетъ большую перемѣну въ отношеніяхъ сѣвера и юга не только Россіи, но и всей Европы. Почти одновременно съ этимъ важнымъ событіемъ, оканчивается сѣть главнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ юга. Теперь также производятся улучшенія южно-русскихъ портовъ и очищеніе руслъ рѣкъ. Окончательное замиреніе Кавказа въ 1864 году открыло русской колонизаціи и мирному развитію богатое поле въ Кубанской области, щедро одаренной природою. Вообще въ послѣдніе годы часто обнаруживаются новыя богатства громадной Россіи, и югъ въ этомъ отношеніи занимаетъ едва-ли не первое мѣсто. Обширныя залежи донецкаго каменнаго угля, желѣзныхъ рудъ и другихъ минеральныхъ богатствъ той же мѣстности сдѣлались наиболѣе извѣстными только въ послѣдніе годы. Богатства западнаго Кавказа обратили на себя вниманіе тоже только въ послѣднее время. Въ началѣ 1866 года окончательно рѣшенъ вопросъ о возможности желѣзной промышленности на югѣ изъ мѣстныхъ рудъ. А донецкій каменноугольный промыселъ именно только въ настоящее время можетъ доставлять такую массу топлива, которая дѣйствительно могла бы имѣть очень серьёзное значеніе. Всегда и вездѣ изобиліе дешеваго каменноугольнаго топлива имѣло огромное значеніе для фабрикъ и заводовъ, а потому, естественно, возникаетъ вопросъ: не воспользоваться ли теперь же югу этимъ минеральнымъ богатствомъ, и не лучше ли на мѣстѣ обработывать то туземное сырье, которое нынѣ онъ отправляетъ за тысячи верстъ? И почему южная Россія, несмотря на полувѣковой покровительственный тарифъ, осталась до сихъ поръ земледѣльческою страною, а фабричная промышленность преимущественно распространилась на сѣверѣ? Вотъ вопросы, попытаться разрѣшить которые кажется намъ теперь совершенно своевременнымъ, а потому и займемся ими въ этой статьѣ. Предстоящее созданіе нашего черноморскаго флота, для котораго южно-русская желѣзная и каменноугольная промышлен-

Digitized by Google

ность будетъ имѣть очень важное значеніе, придастъ разсматриваемому нами предмету интересъ текущаго вопроса.

I.

Прежде всего обратимся къ тѣмъ задаткамъ обработывающей промышленности, которые встрѣчаемъ мы на югѣ.

Минеральныя богатства донецкаго кряжа уже на столько изслѣдованы въ настоящее время, что могутъ считаться вѣрнымъ залогомъ будущаго промышленнаго развитія южной Россіи. Вопросъ о желѣзной промышленности на югѣ, какъ мы уже сказали, тоже рѣшенъ въ послѣдніе годы. 22-го января 1866 года, въ первый разъ, послѣ 33-лѣтнихъ безплодныхъ усилій, выплавленъ совершенно доброкачественный чугунъ, изъ котораго выдѣланное желѣзо показало всѣ признаки хорошаго достоинства [1]. Но кромѣ донецкаго кряжа бассейнъ Кубани и Крымъ представляютъ довольно богатые запасы минеральнаго царства, имѣющіе значеніе для промышленности. Но все-таки донецкій каменный уголь и желѣзо заслуживаютъ преимущественнаго вниманія. И потому мы постараемся прежде всего опредѣлить размѣры этого богатства, служащаго главнымъ основаніемъ надеждамъ на промышленную будущность юга. Коммисія, составленная изъ представителей разныхъ вѣдомствъ и компаній на Дону для распространенія донецкаго антрацита, опредѣляетъ весь запасъ изслѣдованныхъ только донынѣ залежей каменнаго угля въ Землѣ Войска Донскаго въ 44.097,000,000 [2] пуд. Кромѣ того, западная часть донецкаго каменноугольнаго бассейна въ губерніяхъ Екатеринославской, отчасти Харьковской и даже Таврической, по изслѣдованіямъ инженеровъ братьевъ Носовыхъ, заключаетъ 1.243,947,375,000 пуд. (только въ пластахъ до глубины въ 300 саж.). По этимъ разсчетамъ вся предполагаемая въ донецкомъ каменноугольномъ бассейнѣ масса угля (за исключеніемъ крайнихъ сѣверо-западныхъ мѣсторожденій въ Харьковской губерніи) достигаетъ до 1.288,044,375,000 пуд. [3] А этого количества хватило бы болѣе, чѣмъ на 200 лѣтъ, полагая такую ежегодную добычу, какова въ настоящее время въ Англіи [4]). По протяженію своему, донецкій бассейнъ принадлежитъ къ самымъ обширнымъ каменноугольнымъ форма-

---

[1] Одесскій Вѣстникъ 1868 г. № 24.

[2] Только въ изслѣдованныхъ донынѣ мѣсторожденіяхъ, на глубину 50 саж. въ слояхъ толщиною не менѣе аршина; но каменный уголь здѣсь простирается и глубже, а слои есть и потолще. Голосъ, 1868 г. 30 мая.

[3] О геогностико-топографической съемкѣ въ западной части Донецкаго кряжа. Статья Н. Борисяка. Харьковъ, 1868 г. стр. 26.

[4] Именно 6½ милліардовъ пудовъ. Военно-статистическій сборникъ 1868 г. Выпускъ I, стр. 11 и L'Europe politique et sociale par Maurice Block, p. 424.

Digitized by Google

ціямъ: онъ занимаетъ площадь въ 247 кв. верстъ и, такимъ образомъ, превышаетъ собою площадь европейскихъ каменноугольныхъ бассейновъ, вмѣстѣ взятыхъ, и уступаетъ только формаціямъ сѣверной Америки [1]. Не нужно, впрочемъ, слишкомъ преувеличивать значеніе донецкаго бассейна: онъ всетаки уступаетъ нѣкоторымъ изъ иностранныхъ, хотя въ Россіи, безспорно, имѣетъ первостепенное значеніе. Такъ, полагаютъ, что южно-валисскій каменноугольный бассейнъ въ Великобританіи заключаетъ 2.196,000,000,000 пуд. (изъ которыхъ, впрочемъ, только половину полагаютъ годными для разработки); сѣверо-англійскій большой бассейнъ заключаетъ 277.550,000,000. А вообще сѣверо-американскіе каменноугольные бассейны, по предположенію, заключаютъ массу угля въ 248.000,000,000,000 пуд. [2]. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ рукою подобныхъ опредѣленій массы топлива въ другихъ европейскихъ странахъ; укажемъ только на толщину пластовъ нѣкоторыхъ европейскихъ бассейновъ. Тогда какъ въ донецкомъ бассейнѣ общая толщина пластовъ не превышаетъ 30 фут. [3], во Франціи, напримѣръ, въ сен-этьенскомъ бассейнѣ (въ Луарскомъ департаментѣ) она простирается до 115 ф., а въ Бельгіи, въ монскомъ бассейнѣ, не менѣе 165 ф. Толщина отдѣльныхъ слоевъ иногда достигаетъ поразительныхъ размѣровъ. Такъ одинъ изъ многочисленныхъ слоевъ обинскаго бассейна (въ Айверонскомъ департаментѣ) имѣетъ толщину до 130 ф. въ томъ мѣстѣ, гдѣ производится главная разработка, а въ бассейнѣ Крезо и Бланзи (въ департаментѣ Саоны и Луары) найдены слои, которые мѣстами имѣютъ до 200 и 350 ф. толщины [4]. Но нужно замѣтить, что бассейны Франціи и Бельгіи далеко уступаютъ донецкому по протяженію: мы видѣли уже, что площадь послѣдняго равняется всѣмъ европейскимъ бассейнамъ, вмѣстѣ взятымъ. Кромѣ того, разработка каменнаго угля въ донецкомъ краѣ не представляетъ тѣхъ трудностей, какія встрѣчаются, напримѣръ, въ бассейнахъ Бельгіи и сѣверной Франціи, гдѣ, чтобы достигнуть каменноугольныхъ пластовъ, приходится проходить огромную толщу такъ-называемыхъ пустыхъ породъ.

Что же касается сравненія донецкаго бассейна съ запасами топлива въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, то объ этомъ мы по-

---

[1] Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи. II стр. 97. А горный инженеръ г. Мевіусъ опредѣляетъ площадь донецкаго бассейна въ 40,000 кв. вер., въ своей брошюрѣ «Будущность горнозаводскаго промысла на югѣ Россіи», стр. 4.

[2] Гартвигъ: «Чудеса подземнаго міра», стр. 271 и 280.

[3] Матеріалы для географіи и статистики, собранные офицерами генеральнаго штаба Войска Земли Донскаго, стр. 81.

[4] «Разборъ изслѣдованія каменноугольнаго донецкаго бассейна». Ле-Пле при пособіи Маленва, Лалона и Эйро, помѣщенный въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1855 г. Мартъ, стр. 5 и 6.

Digitized by Google

говоримъ въ IV главѣ, когда будемъ подробно опредѣлять вліяніе топлива на издержки производства. Качество донецкаго угля тоже вполнѣ удовлетворительно. По химическому разложенію лучшіе сорта донскаго антрацита заключаютъ не болѣе 0,01 части сѣры; относительный вѣсъ его—1,590, тогда какъ лучшій американскій антрацитъ по относительному вѣсу—1,494.

Углерода въ грушевскомъ антрацитѣ	93,785%	золы	1,543%
Углерода въ харьков. камен. углѣ. .	72,249%	»	3,16%
Углерода въ бахмут. камен. углѣ. .	71,173%	»	3,348%
Углерода въ калужск. камен. углѣ.	63,943%	»	19,38% [1]
Въ тульскомъ углѣ золы.	25%		

Въ Соликамскомъ уѣздѣ Пермской губерніи уголь имѣетъ золы 15%. (Три послѣдніе не годятся для плавки желѣзныхъ рудъ) [2]. По изслѣдованіямъ г. Гельмерсена, нашъ антрацитъ въ Землѣ Войска Донскаго и Екатеринославской губерніи даетъ теплороду на 20% болѣе, нежели англійскій каменный уголь [3]. Въ Міусскомъ округѣ З. В. Донскаго добывается антрацитъ, очень схожій съ тѣмъ, который употребляется въ Пенсильваніи для выплавки чугуна, ничѣмъ не уступающаго древесноугольному [4]. Кромѣ донецкаго бассейна, уголь въ южномъ краѣ найденъ еще на Кубани. У верховьевъ этой рѣки, каменно-угольная разработка началась еще въ 1864 г. Также, въ 40 вер. отъ Ставрополя, на лѣвомъ берегу Кубани, началась добыча каменнаго угля съ 1866 г. Толщина пластовъ этого мѣсторожденія опредѣляется въ 3/4 аршина [5]. Потомъ, подозрѣвается существованіе каменнаго угля на Тамани [6]. Далѣе найденъ каменный уголь на восточномъ побережьѣ Чернаго моря, въ мѣстности, оставленной черкесами, въ 25-ти в. отъ Туапсе [7]. Но несмотря на то, что югъ Россіи такъ богатъ каменнымъ углемъ, настоящая добыча его далеко не соотвѣтствуетъ этому богатству. Такъ, изъ 14.330,000 пуд. каменнаго угля и антрацита, добытаго во всей Россіи въ 1866 и 1868 гг., на донецкій бассейнъ приходится 10.488,500 п., на подмосковный — немного болѣе 2 мил. пуд., на приуральскій—600,000 п., а на кубанскую копь—не болѣе 150,000 п. (1866) [8]. Въ другихъ же странахъ добыча каменнаго угля гораздо значительнѣе. Именно:

---

[1] Матеріалы для географіи и статистики З. В. Донскаго, стр. 342.

[2] Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи. II, стр. 109 и 111.

[3] Газета «Москва» 1867 г. августъ.

[4] Будущность горнозаводскаго промысла на югѣ Россіи Мевіуса, стр. 14.

[5] «Вѣстникъ Европы» 1868 г. Іюнь. Статья Кретовича, стр. 725, и газета «Москва» 1867 г. № 97.

[6] Попка: Черноморскіе казаки, стр. 32.

[7] Газета «Москва» 1867 г. Августъ или сентябрь.

[8] «Ежегодникъ Министерства финансовъ» на 1869 г. Выпускъ. I. Отдѣлъ III, стр. 33—4 и «Вѣстникъ Европы» 1870 г. Октябрь, ст. Вешнякова, стр. 527.

Digitized by Google

въ Великобританіи она простирается до 6.510.000,000 п. (1867), въ Пруссіи—1.618.200,000 п., изъ которыхъ 335½ мил. пуд. лигнита (1867), во Франціи — 774,5 мил. п. (1866—68), въ Бельгіи—638,6 мил. п. (1867), въ Соединенныхъ Сѣверо-американскихъ Штатахъ—2.745.000,000 п.; во всей же Европѣ добывается нынѣ болѣе 10⅓ мильярдовъ пуд. Значитъ, на одну Великобританію приходится почти ⅔ ежегодной добычи минеральнаго топлива (собственно камен. угля, антрацита и лигнита) во всей Европѣ [1].

Что же касается желѣзныхъ рудъ юга Россіи, то едва-ли онѣ еще не менѣе изслѣдованы, чѣмъ каменный уголь. Изъ множества открытыхъ и частію изслѣдованныхъ мѣсторожденій можно указать на 34, которыя важны для промышленности. Одна изъ болѣе изслѣдованныхъ группъ этихъ мѣсторожденій, при самомъ уменьшенномъ исчисленіи, заключаетъ 204 мил. пудовъ рудъ. Но при этомъ опредѣленіи глубина валовой добычи принималась только въ 25 саженъ, а количество руды полагалось только въ половину всей массы пласта; а если принять въ соображеніе, что руды простираются здѣсь и на большую глубину, то, при существованіи въ странѣ организованнаго желѣзнаго производства, навѣрное окажется рудъ въ 10 разъ болѣе [2].

Если справедливо это послѣднее предположеніе, то одна эта группа можетъ давать въ теченіе 61 года столько же чугуна, сколько производитъ теперь весь Уралъ, сосредоточивающій ⅘ всѣхъ желѣзнорудныхъ средствъ Россіи. Именно, по вышеприведенному неполному опредѣленію, запасъ рудъ упомянутой группы въ 204 мил. дастъ при 35% содержаніи желѣза—76 мил. пуд. чугуна, а если, согласно увѣренію г. Мевіуса, увеличить эту цифру въ 10 разъ, то получится 760 мил. пуд.; Уралъ же производитъ въ настоящее время около 12½ мил. пуд. чугуна ежегодно [3]. Въ другой группѣ опредѣлены 4 пласта, и нѣкоторые изъ нихъ прослѣжены на протяженіи 60 вер. Общая толщина ихъ 3—4 аршина. Сверхъ этихъ 4 пластовъ въ этой же группѣ попадаются большіе куски желѣзныхъ рудъ, чрезвычайно богатыхъ содержаніемъ (50—60%) и видимо принадлежащихъ другимъ мѣсторожденіямъ, еще не отысканнымъ; тамъ же находили слѣды сиродутныхъ горновъ и признаки

---

[1] L'Europe politique et sociale par Maurice Block. 1869 p. 424 p. 373, 321—2, p. 525, 103.

[2] Будущность горнозаводскаго промысла на югѣ Россіи, Мевіуса, стр. 8.

[3] Будущность горнозаводскаго промысла на югѣ Россіи Мевіуса, стр. 8 и 9. «Ежегодникъ Минист. Финансовъ». Вып. I, отд. III, стр. 13—17 (данныя объ уральскомъ чугунѣ среднія за 1864, 65 и 66 годы) и Матеріалы къ пересмотру общаго таможеннаго тарифа. III, стр. 47—52. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ рукой данныхъ о производствѣ чугуна на Уралѣ за послѣдующіе годы, но количество уральскаго чугуна за это время не слишкомъ измѣнилось.

Digitized by Google

древней обработки желѣза, что все вмѣстѣ доказываетъ, что тутъ гдѣ-нибудь залегаютъ пласты очень богатыхъ желѣзныхъ рудъ, которыя однѣ только и годились для обработки въ сыродутныхъ горнахъ [1]. Въ одной изъ группъ мѣсторожденій желѣзныхъ рудъ послѣднія залегаютъ огромными гнѣздами отъ 10 до 300 тыс. пуд. [2].

Содержаніемъ руды южнаго края вообще небѣдны. Онѣ заключаютъ отъ 30 до 60% желѣза. Въ этомъ отношеніи руды одной изъ болѣе изслѣдованныхъ группъ очень сходны съ бельгійскими и сѣверо-англійскими, а по совершенному отсутствію въ нихъ сѣры, а вѣроятно, и фосфора, равно какъ по малому количеству свободнаго кварца, ихъ слѣдуетъ причислить къ рудамъ наиболѣе чистымъ и легкоплавкимъ [3]. Въ этой же группѣ мѣсторожденій полагается, что ниже горизонта почвенныхъ водъ желѣзныя руды превращаются въ такъ-называемый black-land, то-есть черный углистый шпатовый желѣзнякъ, высоко цѣнимый въ Англіи [4]. Кромѣ донецкаго кряжа, желѣзныя руды отысканы еще около Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ [5]. Въ 9-ти верстахъ на юго-западъ отъ Керчи, близь Камышъ-Буруна, еще въ 50-хъ годахъ открытъ бурый желѣзнякъ, пластъ толщиною въ двѣ сажени, который обнажается на береговыхъ обрывахъ Чернаго моря болѣе, чѣмъ на версту. При разработкѣ керченскихъ рудъ опредѣлено приблизительно, что пудъ желѣза обойдется въ 65½ коп., а пудъ рельсовъ въ 86 коп. [6]. Теперь же въ Крыму желѣзо стоитъ 2 руб. и дороже за пудъ [7]. Хотя опыты надъ керченскою рудою, прерванные крымскою войною, и не были вполнѣ удачны, но все-таки она считается пригодною для производства желѣза [8]. Въ З. В. Донскаго на рѣкѣ Хопрѣ тоже была отыскана изрядной доброты желѣзная руда, которая содержала до 30% желѣза [9].

Кромѣ каменнаго угля и желѣза, въ донецкомъ кряжѣ еще найдена фарфоровая глина, поваренная соль, разнообразные строительные матеріалы, литографическій камень, трепелъ, мѣлъ, цинковыя и серебро-свинцовыя руды [10]. Замѣтимъ здѣсь

---

[1] Будущность горнозаводскаго промысла на югѣ Россіи, стр. 9 и 10.

[2] Тамъ же, стр. 5.

[3] Будущность горнозаводскаго промысла на югѣ Россіи, стр. 8.

[4] Тамъ же, стр. 7.

[5] О таманскихъ рудахъ у Попки: «Черноморскіе казаки», стр. 31 и 32.

[6] Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи. Таврическая губернія. Примѣч. къ стр. VI и «Отечествовѣдѣніе» Семенова. II. Южный край, стр. 38.

[7] Дополненіе къ своду замѣчаній на Матеріалы по пересмотру общаго таможеннаго тарифа. II, стр. 48.

[8] Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи. Таврическая губ. Примѣч. къ стр. VI и «Одесскій Вѣстникъ» 1869 г. № 24.

[9] Матеріалы для географіи и статистики З. В. Донскаго, стр. 8.

[10] Будущность горнозаводскаго промысла на югѣ Россіи, Мезіуса, стр. 4.

Digitized by Google

кстати, что серебряныя, свинцовыя и мѣдныя руды открыты въ послѣднее время и въ другомъ мѣстѣ южнаго края — въ Подольской губ.: по произведеннымъ опытамъ, серебряныя руды оказались довольно хорошими. Такъ, въ пудѣ этой руды заключается 2 золотника серебра [1], тогда какъ въ алтайскихъ рудахъ содержаніе на пудъ простирается отъ 72 долей до 2½ золотниковъ [2].

Въ Землѣ же Войска Донского, кромѣ всѣхъ тѣхъ минераловъ, о которыхъ мы упомянули, еще находится сѣрный колчеданъ, желѣзный купоросъ, карандашная земля, пластъ которой имѣетъ толщину въ ¾ аршина, и количество которой такъ велико, что полагаютъ его достаточнымъ для удовлетворенія потребности всей Россіи; кромѣ того, здѣсь попадается аспидъ [3]. Тамань же и вообще Кубанская земля тоже заключаетъ большія минеральныя богатства. Тамъ открыты огромные запасы нефти; кромѣ того, найдены еще сѣрный колчеданъ и желѣзный колчеданъ, сѣрно-кислый и солено-кислый натръ, магнезія, много строительныхъ матеріаловъ, торфъ, поваренная соль и друг. [4].

Но, конечно, пока наиболѣе заслуживаетъ вниманія нефть, которая представляетъ очень дешевый освѣтительный матеріалъ. Главные источники нефти на Кавказѣ находятся около Баку и по рѣкѣ Кудако, въ 60 верст. отъ Анапы. Изъ источниковъ около Баку получается теперь ежегодно 700,000 пуд. [5]. Въ Кубанской мѣстности ежедневная производительность нефтяныхъ источниковъ простирается до 250 ведеръ. Но одно время эти источники давали до 4½ тыс. ведеръ въ сутки. Кромѣ того, полмильйона ведеръ нефти погибло здѣсь вслѣдствіе неустройства надлежащихъ резервуаровъ [6]. По другимъ же даннымъ у г. Новосильцева, арендатора кубанскихъ нефтяныхъ источниковъ, съ 3-го февраля по 5-е апрѣля 1866 г. получалось ежедневно среднимъ числомъ по 3,000 ведеръ; значитъ, всего за это время добыто нефти 195,000 вед. [7]. Въ Крыму, на Керченскомъ полуостровѣ, ежедневная добыча нефти простирается до 170 ведеръ, и этотъ промыселъ быстро здѣсь распространяется [8]. По нѣкоторымъ признакамъ предполагаютъ, что нефтяные источники въ Крыму имѣютъ подземную связь съ кав-

---

[1] «Одесскій Вѣстникъ» 1869 г. 30 іюля.

[2] «Ежегодникъ министерства финансовъ» Выпускъ I на 1869 г. Отдѣлъ III, стр. 6 и 7.

[3] Матеріалы для географіи и статистики. Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба З. В. Донскаго, стр. 82 и 83.

[4] Попка: «Черноморскіе казаки», стр. 16—32.

[5] «Вѣстникъ Европы» іюнь 1868 г., стр. 764.

[6] Сводъ замѣчаній на «Матеріалы по пересмотру таможеннаго тарифа». I, 1867 г., стр. 87.

[7] «Вѣстникъ Европы». 1867 г. Декабрь, стр. 587, статья Вешнякова.

[8] Сводъ замѣчаній на «Матеріалы по пересмотру таможеннаго тарифа». I, стр. 88.

Digitized by Google

казскими, и вообще полагаютъ, что склоны Кавказскаго хребта и Керченскій полуостровъ заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ богатѣйшіе запасы этого горючаго матеріала. Какое будетъ имѣть современемъ значеніе кавказская нефть для Россіи, видно изъ того, что керосинъ на заводахъ Керчи, Тамани и Анапы можетъ продаваться отъ 2½ до 3 руб. за пудъ, а доставленный по московско-азовской желѣзной дорогѣ въ Москву, онъ обойдется тамъ никакъ не дороже 3 и 3½ руб. сер. за пудъ.

Теперь же американскій керосинъ продается въ Москвѣ дороже 4½ руб. за пудъ, а въ раздробительной продажѣ по 5 р. 60 коп. Вообще цѣна петролеума въ Россіи, даже въ портахъ, не дешевле 4 и 4½ руб., а такъ-какъ таманскій керосинъ съ доставкою въ Петербургъ можетъ стоить значительно дешевле 4 руб., то поэтому русскій керосинъ современемъ по желѣзнымъ дорогамъ проникнетъ даже въ эту нашу столицу. Въ Одессѣ же американскій петроль почти вытѣсненъ теперь изъ торговли, и его нельзя имѣть дешевле 5 руб. 40 коп. за ведро, а керосинъ мѣстнаго приготовленія продается по 3 руб. за ведро на заводахъ [1]. Все ежегодное производство керосина въ Россіи достигло въ 1868 г. 1.753,984 п., которые почти всѣ потребляются внутри государства; изъ-за границы же привезено въ томъ же году 729,000 пуд. [2] Но современемъ, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и удешевленіемъ продукта, потребленіе его должно значительно возрасти. Изъ этого видно, какой обширный рынокъ представляется для богатыхъ источниковъ кавказской нефти.

Ко всѣмъ этимъ минеральнымъ богатствамъ южнаго края нужно присоединить еще соль, преимущественно въ Крыму, но кромѣ того, еще около Одессы, въ З. В. Донского, въ Кубанской области и даже въ Харьковской губерніи [3].

Поваренная соль, кромѣ значенія ея для здоровья человѣка, земледѣлія и скотоводства, имѣетъ большое приложеніе въ промышленности. Отъ развитія соляного промысла зависитъ выдѣлка кожи, мыла, стекла, бѣленіе писчей бумаги, бѣленіе бумажныхъ, льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій, окрашеніе металлическихъ издѣлій, бронзы и вообще многія химическія производства [4]. А какъ богатъ югъ солью, можно видѣть уже изъ того, что въ 1865—66 гг. получалось соли во всей Россіи сред-

---

[1] Сводъ замѣчаній на «Матеріалы по пересмотру таможеннаго тарифа». I, стр. 86 и 90.

[2] Кромѣ того мѣсторожденія соли находятся еще на юго-востокѣ Россіи: въ Ставропольской губерніи, Астраханской, Самарской и Оренбургской, но мы ограничиваемся указаніемъ источниковъ, ближайшихъ къ донецкому минеральному бассейну и потому могущихъ имѣть значеніе для промышленности въ этой экономической области.

[3] «Вѣстникъ Европы» 1870 г. Декабрь, ст. Вешнякова, стр. 588.

[4] «Современникъ» 1866 г. Апрѣль, ст. Чернаева: «Значеніе соли въ народномъ хозяйствѣ».

Digitized by Google

нимъ числомъ 39½ мил. пуд., а въ Крыму и около Одессы болѣе 18 мил. пуд. [1], т.-е. почти 40%. Но эта добыча далеко ниже возможной. Изъ четырехъ только главныхъ крымскихъ озеръ (Краснаго, Стараго, Кіяшскаго и Керлеутскаго) можно получать ежегодно 33 мил. пуд. соли, да еще нѣсколько мильйоновъ изъ Сиваша, а всѣхъ озеръ въ Крыму, кромѣ мелкихъ «засухъ», болѣе 100 [2]. По качествамъ своимъ, крымская соль очень хороша: она заключаетъ отъ 82,972 до 98,16 хлористаго натрія, отъ 0 до 6,2 горькихъ солей и отъ 0,41 до 5,1 воды [3].

Изъ этого краткаго очерка минеральныхъ богатствъ юга Россіи, можно видѣть уже, на сколько основательны надежды на великую его будущность. Но южно-русскіе фабрики и заводы, которые воспользовались бы мѣстнымъ каменнымъ углемъ, кромѣ того, имѣютъ еще и другіе важные задатки въ южной Россіи.

Вся половина Европейской Россіи на югъ отъ Припети, Десны, Оки, Средней Волги и Камы, отъ Карпатъ и до Урала, представляетъ страну, очень богатую произведеніями земледѣлія и скотоводства. Населеніе этой полосы простирается до 40 мил., а остальная Европейская Россія (безъ Ц. Польскаго), лѣсная и промышленная, имѣетъ не болѣе 20 мил. Въ первой приходится 885 чел. на 1 кв. милю, а во второй 500 чел. [4]. Населеніе юга растетъ быстро, въ особенности въ степныхъ мѣстахъ, а на сѣверѣ гораздо медленнѣе; въ иныхъ же мѣстахъ послѣдней полосы даже убываетъ. Въ губерніяхъ сѣверной полосы процентъ увеличенія народонаселенія по большей части не превышаетъ 1 и понижается даже до 0,25%, а на югѣ почти нигдѣ не упадаетъ до 1%, а во многихъ губерніяхъ превышаетъ 2% и достигаетъ даже до 2, 78 [5]. Для сравненія приведемъ процентъ увеличенія населенія въ другихъ странахъ.

Во всей Европѣ въ періодъ 1858—62 г. народонаселеніе увеличилось среднимъ числомъ на 1%, а въ отдѣльныхъ государствахъ, даже въ значительныхъ провинціяхъ, нигдѣ это возрастаніе не превышало 1,91% [6]. Въ Сѣверо-американскихъ же Соединенныхъ Штатахъ среднее ежегодное увеличеніе народонаселенія въ періодъ 1850—60 гг. было немного болѣе 2%, исключая переселенцевъ, а съ послѣдними достигало 3%. Въ отдѣльныхъ же штатахъ процентъ возрастанія народонаселенія иногда значительно превышаетъ средній для цѣлаго государства [7]. Изъ всего этого мы видимъ, что на югѣ Россіи

---

[1] «Ежегодникъ Министерства Финансовъ». Выпускъ I, на 1869 г. Отдѣлъ III, стр. 36.

[2] «Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству Министерства Финансовъ». 1867 г. іюль, стр. 421—450.

[3] Тамъ же, стр. 451.

[4] «Статистическій Временникъ». Отдѣлъ I. Глава I, стр. 4 и 5.

[5] A v. Buschen: Russlands Bevölkerung, s. 76—77.

[6] Hausner: Vergleichende Statistik von Europa. I, s. 268—70.

[7] «Военно-Статистическій Сборникъ». Выпускъ III, стр. 273—4.

Digitized by Google

населеніе очень быстро возрастаетъ; на сѣверѣ же гораздо медленнѣе, а въ иныхъ мѣстахъ даже убываетъ. Такъ, въ теченіе послѣдняго столѣтія населеніе береговъ южной Волги и Новороссіи упятерилось [1], а напримѣръ, въ Ярославской губ. въ 1863 г. населеніе уменьшилось на 870 человѣкъ, въ 1866 г. болѣе чѣмъ на 4,300; въ Тверской губ. за 1866 г. населеніе уменьшилось на 3,200 душъ [2]. Такія противоположныя явленія на сѣверѣ и югѣ Россіи объясняются изобиліемъ средствъ существованія въ плодородной, земледѣльческой Россіи и сравнительною бѣдностію природы сѣверной полосы, чего не можетъ вознаградить для нея ни развитіе фабричной промышленности, ни сосредоточеніе тамъ государственной жизни. Что же будетъ современемъ, когда югъ воспользуется тѣми природными богатствами, которыя теперь не тронуты еще? Народонаселеніе его должно возрасти до громадныхъ размѣровъ. Вѣдь въ степной полосѣ южной и юго-восточной Россіи приходится всего 485 чел. на 1 кв. милю, а въ собственно земледѣльческой — 1,722 чел. [3]. Конечно, эта населенность можетъ еще въ нѣсколько разъ увеличиться, и тогда не 40 мил. будутъ жить въ земледѣльческой Россіи, а 100 мил.! На сколько народонаселеніе степей Россіи далеко еще не вполнѣ воспользовалось всей своей землею, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ.

На 100 десятинъ общаго пространства приходится луговой земли:

въ Землѣ Войска Донского. .	62, 2%
— Таврической губерніи. . .	50, 2%
— Екатеринославской . . .	47, 0%
— Херсонской	38, 4%
— Полтавской	32, 5%
— Бессарабіи.	34, 4%

На 100 десятинъ общаго пространства приходится луговой:

въ Витебской губерніи . . .	4, 0%
— Вятской.	4, 1%
— Костромской	4, 2%
— Нижегородской	6, 0%
— Владимірской.	6, 5%
— Могилевской	7, 7%
— Казанской.	8, 0%
— Орловской.	9, 1%
— Рязанской.	9, 3%
— Курской.	9, 5% [4]

[1] Aperçu statistique des forces productives de la Russie. M. de Bouschen. Annexé au catalogue special de la section Russe de l'exposition universelle de Paris en 1867, p. 63.

[2] Очерки нынѣшней общественной жизни въ Россіи, кн. Мещерскаго. Выпускъ I, стр. 242.

[3] «Статистическій Временникъ». Отдѣлъ I, Глава I, стр. 4 и 5.

[4] «Статистическій Временникъ». Отдѣлъ I, Глава I, стр. 158.

Digitized by Google

А луговую землю при увеличеніи народонаселенія можно будетъ обратить подъ хлѣбопашество. Но и та земля, которая теперь занята посѣвами хлѣбовъ, можетъ давать гораздо болѣе настоящаго. Справедливость этого можно видѣть изъ слѣдующей таблицы. На одну десятину всего количества пахатныхъ полей приходится ежегоднаго сбора хлѣба:

въ Бельгіи болѣе	$7^3/_4$	четвертей
— Англіи и Саксоніи	7	—
во всей Россіи	$3^1/_2$ [1]	—

а въ Херсонской, Екатеринославской губерніяхъ и въ Землѣ Войска Донскаго нѣсколько менѣе $1^1/_2$ четверти [2]. Такая малая пропорція, приходящаяся на долю степной Россіи, объясняется переложной системой. Наконецъ можно указать еще на то, что кукуруза способна давать въ южной Россіи гораздо бо́льшіе урожаи, чѣмъ другіе хлѣба, а между тѣмъ она не менѣе питательна, чѣмъ и пшеница (клейковины, отъ которой зависитъ питательность, въ пшеничной мукѣ—10%, а въ кукурузной—12% [3]. Теперь же она на югѣ распространена довольно немного, тогда какъ всѣ южныя губерніи способны производить ее въ большихъ размѣрахъ. Въ Херсонской губерніи урожай кукурузы простирается отъ самъ 25 до самъ 40, но въ иные годы возвышается до самъ 60-ти, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже до самъ 80-ти. Между тѣмъ средній урожай пшеницы въ той же губерніи простирается отъ самъ 5 до самъ 7 и почти не возвышается сверхъ самъ 13-ти [4]. Если распространится воздѣлываніе кукурузы, то югъ Россіи будетъ въ состояніи прокормить еще большее народонаселеніе, чѣмъ при посѣвѣ другихъ хлѣбовъ. А если южная половина Россіи можетъ прокормить такое огромное населеніе, то слѣдовательно какой обширный рынокъ представляетъ она для промышленности? Извѣстно, на сколько Индія вмѣстѣ съ другими большими рынками содѣйствовала развитію англійской промышленности.

---

[1] Hausner Vergleichende Statistik von Europa. II, s. 127, 128.

[2] Разсчетъ для З. В. Донскаго сдѣланъ слѣдующимъ образомъ. Изъ 30 десятинъ поля обыкновенно обращается здѣсь въ толоку 16 десятинъ, да 6 десятинъ подъ покосъ, а съ остальныхъ 8 десятинъ получается въ годъ $47^1/_2$ четвертей всякаго хлѣба; почему изъ этого всего количества на каждую изъ 30 десятинъ прійдется немного болѣе $1^1/_2$ четверти (Матеріалы для Географіи и Статистики Россіи. З. В. Донскаго, стр. 270). Въ Херсонской губ. средній ежегодный сборъ всего хлѣба простирается до 3.656,128 четвертей, а все пространство пахатныхъ полей — 2.988,684 д., значитъ на 1 десятину прійдется немного болѣе $1^1/_5$ четв. хлѣба. Приблизительно то же можно сказать и о Екатеринославской губ. (Матеріалы для Географіи и Статистики Россіи. З. В. Донскаго, стр. 270. Тамъ же II т. Херсонская губ., стр. 74, тамъ же I т. таблица стр. 94).

[3] Джонсъ: Химическія свѣдѣнія о предметахъ вседневной жизни. I, стр. 77.

[4]. Матеріалы для Географіи и Статистики Россіи. Херсонская губернія. II, стр. 65.

Digitized by Google

Подобное же значеніе имѣетъ для русской промышленности югъ, могущій вмѣстить огромное населеніе. Одна только часть его — украинскій рынокъ уже давно имѣетъ большую важность для русскихъ мануфактуръ. Еще въ 1850-хъ годахъ, по изслѣдованіямъ г. Аксакова, на украинскихъ ярмаркахъ сбывалось русскихъ мануфактурныхъ произведеній на сумму до 22 милліоновъ рублей, что составляло около трети общей стоимости тогдашняго производства всѣхъ русскихъ мануфактуръ и превышало вдвое тогдашній сбытъ красныхъ товаровъ на Нижегородской ярмаркѣ [1]). Но украинскій рынокъ захватываетъ слѣдующія губерніи: Харьковскую, Полтавскую, Херсонскую, Екатеринославскую, Азовское побережье даже до кавказской линіи, Таврическую губернію, Бессарабію и Курскую губернію — вотъ мѣста главнѣйшаго сбыта товаровъ, привозимыхъ на Украйну изъ Россіи; въ нѣкоторой степени товары отсюда идутъ въ другія сосѣднія мѣстности [2]). Но все-таки украинскій рынокъ далеко не заключаетъ всей южной Россіи. — И въ срединѣ этого благодатнаго земледѣльческаго юга Россіи именно находится донецкій кряжъ съ его минеральными богатствами. Съ одной стороны Донъ при посредствѣ желѣзной дороги соединяетъ его съ Волгою, а слѣдовательно съ При-Уральскимъ краемъ и даже отдаленною Сибирью; съ другой почти 150-ти верстная желѣзная дорога можетъ сблизить его съ обширнымъ днѣпровскимъ бассейномъ; Азовское море даетъ для донецкаго бассейна возможность удобнаго сообщенія со всѣмъ побережьемъ Чернаго моря, Кавказомъ и открываетъ путь въ океанъ, а съ окончаніемъ Суэзскаго канала значительно приближаетъ его къ Индіи и Китаю; наконецъ, черезъ донецкій бассейнъ проходитъ московско-азовская желѣзная дорога, направляющаяся по главной артеріи торговаго движенія въ настоящее время между сѣверомъ и югомъ Россіи.

Таково положеніе той мѣстности юга, которая обладаетъ огромнымъ запасомъ топлива и другими минеральными богатствами, имѣющими важное значеніе для промышленности.

Но положеніе каменно-угольныхъ и желѣзныхъ мѣсторожденій выгодно не только для сбыта на обширномъ рынкѣ произведеній фабрикъ и заводовъ, которые могли бы здѣсь основаться: оно удобно также въ отношеніи полученія всякихъ фабричныхъ матеріаловъ и для торговли.

Въ настоящее время югъ Россіи отправляетъ заграницу, а также на сѣверъ и сѣверо-западъ Россіи довольно большое количество шерсти, кожъ и другихъ предметовъ, служащихъ для обработывающей промышленности. Такъ изъ всего производи-

---

[1] Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ. Н. Аксакова, стр. 14.

[2] Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ. Н. Аксакова, стр. 26 и 27.

Digitized by Google

маго въ Россіи количества шпанской шерсти — 600,000 пуд. (въ мытомъ видѣ) на долю юга приходится 415,000 пудовъ [1]. А все количество русской шпанской шерсти слѣдующимъ образомъ распредѣляется по различнымъ мѣстностямъ [2]: заграницу идетъ около 100,000 пуд., въ Петербургъ и Москву 288,000 пуд., на бѣлостокскія фабрики 105,000 пуд., въ Ригу 55,000 пуд., въ Черниговскую губернію 53,000 п., Подольскую—20,000 пуд., Кіевскую—18,000 п., Минскую—18,000 п., Волынскую—7,000 пудовъ. Вообще заграницу отправлено шерсти (шпанской и простой, преимущественно послѣдней) въ 1867 г. изъ азовскихъ и черноморскихъ портовъ 446,143 пуда, а изъ балтійскихъ 136,798 пудовъ [3]. Между тѣмъ изъ заграницы привезено для русскихъ фабрикъ въ 1859—1866 г. среднимъ числомъ 14—15 тысячъ пудовъ [4]; такъ что главнѣйшимъ образомъ югъ питаетъ русскую шерстяную фабрикацію сырымъ матеріаломъ. Также южнорусскія кожи, кромѣ отпуска заграницу, направляются на кожевенные заводы Москвы и центральныхъ губерній, а возвращаются оттуда обратно уже выдѣланными и въ видѣ различныхъ кожаныхъ товаровъ. Такъ, еще въ 1850-хъ годахъ съ однѣхъ украинскихъ ярмарокъ отпускалось къ сѣверу на 1.200,000 р. кожъ, а привозилось оттуда преимущественно выдѣланныхъ кожъ, а также различныхъ издѣлій изъ нихъ и шорнаго товара на 1.100,000 р. сер. [5]. Кромѣ того, кожи съ юга Россіи отпускаются и заграницу. Такъ, въ 1866 году отпущено кожъ изъ южнорусскихъ портовъ на 550,632 р. [6]. Впрочемъ, нужно замѣтить, что значительное количество кожъ, шерсти и сала и нѣкоторыхъ другихъ товаровъ, отпускаемыхъ заграницу изъ балтійскихъ портовъ, принадлежитъ по происхожденію южной половинѣ Россіи, такъ что отпускъ южныхъ портовъ далеко не показываетъ всего количества этихъ продуктовъ, отпускаемыхъ съ юга заграницу, тѣмъ болѣе, что и чрезъ западную сухопутную границу отчасти направляются южныя произведенія.

Не только шерсть и кожи идутъ изъ южнаго края на русскія фабрики и заводы сѣвера, но туда направляется даже нѣкоторое количество сахарнаго песку для рафинировки. Еще въ

---

[1] Записка московскихъ отдѣленій мануфактурнаго и коммерческаго совѣтовъ и московскаго биржеваго комитета по поводу предположеній объ измѣненіи европейскаго тарифа въ 1867 г., стр. 95, 96.

[2] «Москва» 1867 г. августъ. Здѣсь общее количество шпанской шерсти, производимой въ Россіи, показано нѣсколько болѣе, нежели приведено выше нами, именно—664,700 пудовъ.

[3] Виды внѣшней торговли Россіи за 1867 г.

[4] Труды коммисіи, высочайше учрежденной для пересмотра таможеннаго тарифа въ 1867 г. II. Докладъ экспертной коммисіи о шерсти и шерстяной пряжѣ, стр. 35.

[5] Аксаковъ. Изслѣдованіе объ украинскихъ ярмаркахъ, стр. 256.

[6] Виды внѣшней торговли Россіи за 1866 годъ.

Digitized by Google

1850-хъ годахъ съ одной Сумской ярмарки отправлялось до 15 тысячъ пудовъ сахарнаго песку, преимущественно на сѣверъ [1]). И теперь съ сахарныхъ заводовъ, расположенныхъ въ полосѣ курско-кіевской желѣзной дороги, песокъ отправляется на рафинадные заводы въ Москву [2]. Туда же доставляется 50 тысячъ пудовъ превосходной глуховской фарфоровой глины, изъ которой приготовляется $^{9}/_{10}$ всѣхъ фарфоровыхъ и фаянсовыхъ издѣлій Россіи [3]. Кромѣ того, изъ сала, принадлежащаго по происхожденію югу, выдѣлываются, между прочимъ, стеариновыя свѣчи на сѣверѣ, которыя отправляются потомъ въ южную же Россію отчасти. Конечно, такое направленіе сырыхъ матеріаловъ на сѣверъ объясняется крайнимъ недостаткомъ фабрикъ и заводовъ на югѣ. А когда разовьется южная промышленность, преимущественно въ донецкомъ бассейнѣ, то южное сырье будетъ перерабатываться на мѣстѣ. Но въ будущемъ можно ожидать, что распространится разведеніе еще новыхъ произведеній на югѣ, представляющихъ отличный матеріалъ для промышленности, напримѣръ, шелкъ. Въ настоящее же время производство его въ южно-русскихъ губерніяхъ ничтожно: въ 1869 г. оно простиралось только до 500 руб. Но совсѣмъ не того можно ожидать со временемъ [4]. Принявши въ соображеніе не только одни климатическія, но и сельско-хозяйственныя условія, предѣлъ совершенно свободнаго произрастанія тутоваго дерева и выгоднаго во всѣхъ отношеніяхъ разведенія шелковичныхъ червей опредѣляется линіей, проведенной чрезъ губерніи: Волынскую, Подольскую, Кіевскую (исключая изъ нея Радомысльскій уѣздъ), южную половину Черниговской, Полтавской, Харьковской, южную часть Курской и Воронежской, Землю Войска Донскаго, Екатеринославскую, Таврическую, Херсонскую и Бессарабію. Кромѣ того, Азовское и Черное море доставляютъ для донецкаго бассейна удобное сообщеніе съ недалекимъ Кавказомъ, гдѣ въ 1860-хъ годахъ производилось 60,000 пудовъ шелку [5]. Вообще Россія имѣетъ болѣе 60.000,000 десятинъ земли (не считая неудобной и лѣсовъ), имѣющей всѣ климатическія и почвенныя условія, необходимыя для разведенія шелковичныхъ червей [6]. Кромѣ того, Закавказье имѣетъ болѣе 400,000 тысячъ десятинъ, годныхъ для разведенія хлопка, а третьей части этого пространства было бы достаточно, чтобы обезпечить всю потребность въ хлопкѣ настоящей промышленности Россіи. На берегахъ Ріона въ иныхъ мѣстахъ уже производится хлопокъ, ничѣмъ неуступающій лучшему египет-

---

[1] Аксаковъ. Изслѣдованіе объ украинскихъ ярмаркахъ, стр. 316.

[2] Газета «Москва» 1867 г. іюнь.

[3] Тамъ же.

[4] «Вѣстникъ Европы» 1870 г. ноябрь, статья Вешнякова, стр. 4.

[5] Тамъ же.

[6] Мнѣніе постоянной депутаціи московскихъ купеческихъ съѣздовъ стр. 304 и 305.

Digitized by Google

скому [1]. Кромѣ изобилія сырыхъ матеріаловъ, югъ Россіи имѣетъ, какъ мы сказали, выгодное положеніе для обширной торговли. Берега Чернаго и Азовскаго морей представляютъ замѣчательныя удобства для выгоднаго сбыта: съ одной стороны экстенсивность хозяйства съ ея дешевизною произведеній, съ другой—дешевое морское сообщеніе съ странами высоко развитыми и отличающимися дороговизною сырыхъ продуктовъ. Донынѣ выгодами этого положенія пользовались мѣстности, ближайшія къ морямъ, но съ проведеніемъ южныхъ желѣзныхъ дорогъ, польза отъ этихъ удобствъ распространится на большое пространство. Въ этомъ отношеніи южная Россія дѣйствительно напоминаетъ Сѣверо-Американскіе Штаты: какъ въ послѣдней странѣ, такъ и на югѣ Россіи, природныя богатства и дешевый морской путь въ западную Европу дѣлаютъ земледѣліе, торговлю и нѣкоторые промыслы чрезвычайно прибыльными.

Южно-русскіе порты имѣютъ отъ природы такой обширный районъ, что внѣшняя торговля можетъ сосредоточить въ нихъ значительные капиталы; а отъ этого, конечно, выиграетъ и промышленность окрестныхъ мѣстностей. Какъ великъ районъ Чернаго и Азовскаго морей, можно видѣть уже изъ того, что даже далекій Приуральскій край и Сибирь, по природнымъ условіямъ, удобнѣе могли бы отпускать водными путями свои произведенія за границу чрезъ азовскіе порты, нежели чрезъ балтійскіе, по той собственно причинѣ, что произведенія эти доставляются сплавнымъ судоходствомъ къ ростовской пристани тремя мѣсяцами ранѣе, нежели въ Петербургъ, а именно: въ Ростовъ они приходятъ къ концу мая и никакъ не позже начала іюня, а къ берегамъ Балтійскаго моря, по водному пути, не ранѣе конца августа, а иногда только въ началѣ сентября [2]. Какъ приближаетъ нашъ Уралъ къ Азовскому морю сплавное судоходство, можно видѣть уже изъ того, что доставка оттуда желѣза до Ростова-на-Дону стоитъ то же самое, что и въ Нижній Новгородъ [3]. Такой обширный районъ нашихъ южныхъ морей еще увеличится, когда понизится морской фрахтъ отъ южно-русскихъ портовъ въ западную Европу, который теперь непомѣрно высокъ вслѣдствіе крайняго неравновѣсія между привозомъ и отпускомъ. Даже изъ Нью-Йорка въ Лондонъ фрахтъ дешевле,

---

[1] Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи. II, стр. 489 и 490. По другимъ же свѣдѣніямъ на Кавказѣ земли, способной къ произрастанію лучшаго американскаго хлопчатника, 3.320.000 десят., а нынѣшнее производство его—70.000 пуд. «Вѣстникъ Европы» 1870 г. Ноябрь, статья Вешнякова, стр. 95.

[2] «Отечественныя Записки 1862 г. Ноябрь. Статья Джурича: «О значеніи южнаго края для Россіи», стр. 250.

[3] Труды коммисіи, высочайше учрежденной для пересмотра таможеннаго тарифа въ 1867 году. II. Докладъ экспертной коммисіи о пошлинахъ на желѣзо, стр. 36.

Digitized by Google

нежели изъ Одессы. Такъ изъ Америки платятъ за фрахтъ и страховку четверти хлѣба въ Лондонъ 1 руб. 63 коп., а изъ Одессы 2 р. 40 к., изъ балтійскихъ же русскихъ портовъ— всего 1 р. 30 коп.[1]. И не мудрено, если послѣдніе имѣютъ въ настоящее время такое преимущество передъ южными портами. Изъ судовъ, приходящихъ въ черноморскіе и азовскіе порты, только третья часть (по вмѣстимости) является съ товарами, а въ балтійскіе 3/4 приходятъ нагруженными, остальныя же идутъ съ баластомъ[2]. Поэтому нашимъ товарамъ, отпускаемымъ съ юга моремъ, приходится платить почти двойной фрахтъ судамъ, приходящимъ изъ-за границы безъ товарнаго груза за нашимъ хлѣбомъ. Но въ будущемъ, можно надѣяться, положеніе это измѣнится. Кромѣ увеличенія привоза къ намъ на югъ европейскихъ товаровъ, при пониженіи пошлинъ на иностранныя издѣлія, можно также нѣсколько разсчитывать еще на то, что съ прорытіемъ Суэзскаго канала индійскіе и другіе южно-азіатскіе товары направятся въ Россію чрезъ южные порты; все это вмѣстѣ значительно уменьшитъ настоящую разницу между привозомъ и отпускомъ, а слѣдовательно понизитъ и фрахтъ. Направленіе южно-азіатской торговли съ Россіею чрезъ азовскіе и черноморскіе порты, конечно, будетъ содѣйствовать обогащенію послѣднихъ. Въ одинъ Петербургъ привозится (1866 г.) 4 мильйона пудовъ остъиндскихъ товаровъ[3].

Вообще недалеко то время, когда положеніе южной Россіи должно совершенно перемѣниться. Донынѣ она была въ сторонѣ отъ главныхъ торговыхъ путей земнаго шара, и вдали отъ театра оживленнаго экономическаго движенія западной Европы и Америки. Но великія предпріятія XIX вѣка на Востокѣ совмѣстно съ внутренними перемѣнами въ этомъ краѣ совершенно измѣнятъ экономическое состояніе юга Россіи. Прорытіе Суэзскаго канала не мало послужитъ къ осуществленію этой перемѣны. Суэзскій каналъ сокращаетъ водный путь въ Индію для различныхъ странъ Европы среднимъ числомъ на 6,000 морскихъ миль, а для Одессы на 7,000 морскихъ миль[4]. Хотя одна длина пути еще не опредѣляетъ вполнѣ выгодность его для торговли, но все-таки Суэзскій каналъ, въ окончательномъ результатѣ, доставитъ во многихъ случаяхъ значительную выгоду. Такъ, хотя неудобства паруснаго плаванія по Красному морю и заставляютъ предпочитать для суэзскаго транзита болѣе дорогую доставку на пароходахъ, но переплата на фрахтѣ, чрезъ это послѣднее обстоятельство, съ излишкомъ вознаграждается для сколько-нибудь цѣнныхъ товаровъ

---

[1] Кольбъ: Руководство къ сравнительной статистикѣ. I, стр. 266.
[2] «Мѣсяцесловъ Императорской Академіи Наукъ» 1868 г., ст. 180—81.
[3] Газета «Москва» 1867, № 86.
[4] Суэзскій каналъ. К. Скальковскаго, стр. 72—80.

Digitized by Google

скоростью доставки. А экономію времени при провозѣ чрезъ Суэзскій каналъ сравнительно съ прежнимъ путемъ мимо мыса Доброй-Надежды — опредѣляютъ въ $2^1/_2$ мѣсяца для сѣверно-европейскихъ портовъ, а для южныхъ — она гораздо болѣе. Такъ для Одессы непосредственная торговля по прежнему пути съ южно-азіатскими странами—была недоступна, а теперь продолжительность пути къ ней изъ Бомбея напр. на 7 сутокъ менѣе, чѣмъ въ Англію [1] (на пароходѣ). А сокращеніе времени при доставкѣ чрезъ Суэзскій каналъ дастъ возможность сбереженія процентовъ на капиталъ, заключающійся въ товарахъ, которые $2^1/_2$ и болѣе мѣсяцами ранѣе могутъ поступать въ продажу; при этомъ также удешевится страховка товара и ускорятся торговые обороты. Важность же пути въ Индію видна уже изъ того, что преобладаніе на морѣ принадлежало послѣдовательно тѣмъ націямъ, которымъ принадлежалъ донынѣ ключъ этого морскаго пути — мысъ Доброй-Надежды. Такимъ образомъ Португалія, Голландія и Англія послѣдовательно были владычицами морей. Въ настоящее время изъ всѣхъ странъ, съ которыми Англія ведетъ свою обширнѣйшую въ мірѣ торговлю, на Остъ-Индію приходится самая бо́льшая доля [2].

Вообще же оборотъ Индустана въ 1865 г. достигалъ 833 мильйоновъ руб. сер. [3]. Но кромѣ Индіи тотъ же самый путь чрезъ Суэзъ приближаетъ къ Европѣ Китай, Японію, Австралію и остъ-индскій архипелагъ — все рынки, имѣющіе очень важное значеніе. Такъ обороты китайско-европейской торговли достигали въ 1865 г. $358^1/_2$ мильйоновъ, а японской, несмотря на недавнее открытіе европейцамъ свободнаго доступа въ японскія гавани, — увеличились съ 1859 по 1868 г. въ 13 разъ, и достигли въ послѣднемъ изъ этихъ годовъ 88 мильйоновъ руб. сер. [4]. Австралійскія англійскія колоніи въ 1864 г. производили торговый оборотъ въ 431.650,000 руб. сер. [5], а изъ голландскаго остъ-индскаго архипелага одна только Ява и Мадура въ 1864—65 годахъ имѣли торговый оборотъ въ 100 мильйоновъ р. сер. [6]. Но настоящіе размѣры торговыхъ сношеній Европы съ этими странами далеко ниже того, чѣмъ они могли бы быть. Въ Китаѣ, Индіи, Японіи и другихъ только что исчисленныхъ нами земляхъ живетъ половина населенія всего земнаго шара, слѣдовательно, какой обширный рынокъ

---

[1] Суэзскій каналъ. Скальковскаго, ст. 72—80.

[2] Hausner. Vergleichende Statistik von Europa. II, s. 829.

[3]. О сѣти Кавказскихъ желѣзныхъ дорогъ. Чтеніе въ Кавказскомъ отдѣленіи Русскаго техническаго общества въ засѣданіи 1-го февраля 1869 г., стр. 13.

[4] «Военно-Статистическій Сборникъ». Выпускъ III, стр. 168 и 257. Суэзскій каналъ. К. Скальковскаго, стр. 218.

[5] «Военно-Статистическій Сборникъ». Выпускъ I, стр. 83.

[6] «Военно-Статистическій Сборникъ». Выпускъ II, ст. 112. Суэзскій каналъ. Скальковскаго, стр. 199.

Digitized by Google

представляютъ онѣ для европейскихъ товаровъ! Съ другой стороны, при чрезвычайномъ богатствѣ произведеній этихъ жаркихъ странъ, онѣ многое могутъ доставлять какъ для продовольствія населенія, такъ и для промышленности Европы. Въ настоящее время изъ Индіи, Китая и Японіи привозятся чай, шелкъ, хлопокъ, табакъ, красильныя вещества, пряности и другія произведенія жаркихъ странъ. И этотъ-то столь важный для Европы путь, открытіе котораго произведетъ переворотъ въ торговомъ значеніи различныхъ европейскихъ странъ, гораздо болѣе приближаетъ къ отдаленному Востоку южную Россію, нежели многія другія страны Европы. Неужели отъ этого не ожидать важныхъ послѣдствій для южнаго края нашего отечества?!

Но еще гораздо большее вліяніе на судьбы южной Россіи будетъ имѣть исполненіе другаго важнаго проекта, который, раньше или позже, но непремѣнно осуществится. Мы говоримъ о проведеніи желѣзной дороги чрезъ Кавказъ и Персію въ Индію. Эта дорога, по мнѣніямъ, высказываемымъ въ кавказскомъ отдѣленіи русскаго техническаго общества [1], доставитъ возможность пріѣхать изъ Парижа въ Индію въ 8 сутокъ, тогда какъ въ настоящее время переѣздъ изъ Англіи въ Индію чрезъ Суэзъ совершается съ лишеніями и опасностями, неизбѣжными въ морѣ, въ теченіе 30-ти дней [2]. Хотя такой короткій восьмидневный срокъ переѣзда по индо-кавказской желѣзной дорогѣ изъ Парижа въ Индію не можетъ быть приложимъ къ товарамъ, однако, все-таки есть полное основаніе надѣяться, что дорога эта можетъ имѣть важное значеніе для болѣе цѣнныхъ товаровъ европейско-восточной торговли, а въ особенности для Средней и Восточной Европы. А по мнѣніямъ членовъ кавказскаго отдѣленія русскаго техническаго общества, переворотъ, который тогда произойдетъ въ бытовыхъ отношеніяхъ Европы и Азіи, превзойдетъ результаты, ожидаемые отъ прорытія Суэзскаго канала, и даже тотъ переворотъ, который произведенъ былъ открытіемъ Васко-де-Гамою пути въ Индію мимо мыса Доброй Надежды [3]. (Едва-ли это послѣднее не преувеличеніе).

Сознаніе важности индійской дороги чрезъ кавказскій перешеекъ вызвало еще въ 1868 г. появленіе французскаго общества, желавшаго произвести изысканія для этой дороги. Полагаютъ, что отъ Ростова-на-Дону чрезъ Кавказъ, Персію, Авганистанъ до Пешаура (крайняго западнаго пункта сѣти индійскихъ желѣзныхъ дорогъ) будетъ менѣе 4,000 верстъ, а отъ Парижа до Калькутты по этой дорогѣ будетъ 9,000 верстъ, изъ которыхъ 3,300 верстъ пройдутъ въ предѣлахъ Россіи че-

---

[1] О сѣти Кавказскихъ желѣзныхъ дорогъ. Чтеніе въ Кавказскомъ отдѣленіи Русскаго Техническаго Общество 1869 г.

[2] Тамъ же, стр. 3.

[3] Тамъ же, стр. 3 и 19.

Digitized by Google

резъ Кіевъ, Курскъ, Харьковъ, Ростовъ, Пятигорскъ, Петровскъ и Баку [1]; конечно, это послѣднее важное обстоятельство не можетъ остаться безъ очень полезнаго вліянія на Россію. По этой индійской дорогѣ изъ всѣхъ европейскихъ странъ южная Россія будетъ ближе всѣхъ къ Персіи и Индіи; эта же желѣзно-дорожная линія приблизитъ Европу, а въ особенности югъ Россіи, къ Китаю, Японіи и Австраліи, и Зондскому архипелагу. Тогда часть обширныхъ торговыхъ сношеній всѣхъ этихъ странъ съ Европой должна направиться по этой дорогѣ чрезъ южную Россію, что̀ будетъ имѣть сильное вліяніе на ея торговлю и промышленность.

Для фабрикъ Европы имѣютъ значеніе многіе сырые матеріалы, доставляемые восточными странами. Ужь одинъ остъ-индскій хлопокъ заслуживаетъ большого вниманія. Вслѣдствіе американскаго кризиса, Индостанъ пріобрѣлъ въ настоящее время значеніе главнѣйшаго, послѣ Америки, хлопчато-бумажнаго рынка. Такъ, до американской войны, изъ 53.125,000 п. хлопка, потреблявшагося Европой, $44^3/_4$ мил. п. доставлялись Сѣверо-американскими Соединенными Штатами, а Остъ-Индіей (1867) только $5^3/_4$ мил. [2]. А въ послѣдніе годы (1868—69 гг.) даже все производство хлопка въ Американскихъ Штатахъ не превышало 30—38 мил. пуд. [3], то-есть не достигало даже количества прежняго вывоза въ Европу, между тѣмъ, какъ въ Остъ-Индіи теперь производится до 23 мил. п. хлопка, изъ которыхъ до 20 мил. п. вывозится за границу [4]. Съ распространеніемъ же хлопчато-бумажной фабрикаціи въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ, въ особенности же послѣ энергическихъ мѣръ, принятыхъ съ этою цѣлью въ послѣдніе годы, можно ожидать, что въ настоящее время національныя фабрики будутъ болѣе отвлекать туземный хлопокъ отъ европейскаго рынка, чѣмъ это было до американской войны.

Но кромѣ Индіи многія другія восточныя страны снабжаютъ Европу хлопкомъ. Такъ, изъ Китая въ 1863 г. вывезено 1.666,666 пудовъ хлопка на 15.500,000 р., изъ Японіи въ 1864 г. на 2.705,000 р. с., изъ Египта въ 1863 г. на $247^1/_2$ милліоновъ руб. сер., да собственно изъ Турціи—на 51.758,250 р. с. [5]. Конечно, должно ожидать, что современемъ Европа еще болѣе будетъ получать хлопка изъ этихъ странъ. Но кромѣ этого продукта промышленность европейская снабжается съ Востока еще шелкомъ и красильными

---

[1] О сѣти Кавказскихъ желѣзныхъ дорогъ. Чтеніе въ кавказскомъ отдѣленіи Русскаго Техническаго Общества 1869 г. 1 февраля, стр. 20.

[2] Дѣло. Апрѣль 1869 г. Односторонность промышленнаго прогресса. Шелгуновъ стр. 282.

[3] «Вѣстникъ Европы». Ноябрь 1870 г., ст. Вешнякова, стр. 94.

[4] Суэзскій каналъ. Скальковскаго, стр. 227.

[5] «Очеркъ статистики по Кольбу и другимъ» В. Покровскаго, стр. 191, 192 и 170.

Digitized by Google

веществами. Такъ, въ 1865 г. вывезено изъ Китая шелка 6.099,792 русск. фунта на 32.631,254 р. с., а изъ Японіи въ 1866 г. 1.399,862 русск. фунта на 9.638,901 р. сер. [1]. Намъ кажется, что достаточно уже и этихъ данныхъ, чтобы увидѣть, какое важное значеніе для Европы и Южной Россіи имѣетъ сближеніе желѣзною дорогой съ отдаленнымъ Востокомъ. Индо-европейская желѣзная дорога должна непремѣнно проходить по южной Россіи, чрезъ Кавказъ, сѣверныя провинціи Персіи и Афганистанъ. Техническія препятствія сооруженія этой линіи можно или преодолѣть или обойти. Что же касается небезопасности этого пути отъ набѣговъ кочующихъ племенъ, то вѣроятно недалеко уже то время, когда съ одной стороны Англія, а съ другой Россія наложатъ свою мощную руку на независимость этихъ враждебныхъ цивилизаціи народовъ. И въ виду большой важности индо - европейской желѣзной дороги, нельзя не желать, чтобы это поскорѣе осуществилось; тѣмъ болѣе, что страны, занимаемыя этими племенами, богаты природными произведеніями. Передъ другими путями, могущими связывать Европу съ Индіей, дорога чрезъ Кавказъ имѣетъ кромѣ своего прямаго направленія и то важное преимущество, что повсемѣстно просѣкаетъ страны, богатыя произведеніями и густо населенныя. Этимъ она отличается передъ дорогою чрезъ Туркестанъ, или передъ какою-нибудь линіею по Анатоліи и Евфрату (какъ о томъ давно помышляютъ англичане). Продолженіе подобной англійской линіи проходило бы чрезъ южную Персію, далеко уступающую въ богатствѣ сѣверной части этого государства, и прорѣзало бы безплодный и дикій Белуджистанъ. А дорога чрезъ Туркестанъ въ Индію встрѣтила бы огромныя трудности въ переходѣ чрезъ Гинду-Ку. Направленіе же чрезъ Кавказъ имѣетъ значительныя преимущества. Кромѣ богатаго природными произведеніями Кавказа, разсматриваемая нами линія проходила бы чрезъ Персію, имѣющую внѣшнюю торговлю въ 40 милліоновъ руб. [2] годоваго оборота и направляющую свои произведенія въ Европу чрезъ Закавказье, а также она прорѣзала бы Афганистанъ, торговый оборотъ котораго опредѣляется въ 17 милліоновъ руб. сер. [3]. Направленіе же индо-европейской желѣзной дороги чрезъ Турецкую Имперію, потребовавшее бы моста чрезъ Босфоръ (котораго наименьшая ширина до 260 сажень, а глубина посрединѣ отъ 150 до 330 футовъ), едва-ли можетъ осуществиться по неустройству Малой Азіи и необыкновенно гористой и пересѣченной рѣками

---

[1] «Военно-Статистическій Сборникъ» Обручева. Выпускъ III, стр. 172 и 257

[2] «Военно-Статистическій Сборникъ» Обручева. Выпускъ III, стр. 16.

[3] «О сѣти Кавказскихъ желѣзныхъ дорогъ. Чтеніе въ Кавказскомъ отдѣленіи Русскаго техническаго общества въ засѣданіи 1-го февраля 1869 г.», стр. 13.

Digitized by Google

мѣстности, вслѣдствіе чего до сихъ поръ не могли даже построить шоссе изъ Эрзерума въ Требизондъ [1]. Поэтому-то мы думаемъ, что индо-европейская желѣзная дорога скорѣе всего должна направиться чрезъ Кавказъ, а тогда одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ торговыхъ путей будетъ проходить чрезъ южную Россію и донецкій каменноугольный бассейнъ. И осуществленіе этого предпріятія приближается: въ началѣ 1870 года желѣзная дорога отъ Ростова-на-Дону на Кавказъ поставлена нашимъ правительствомъ въ число главнѣйшихъ дорогъ Россіи, назначенныхъ къ исполненію въ ближайшіе годы, а русская кавказская линія послужитъ началомъ индо-европейской желѣзной дороги.

Изъ всѣхъ данныхъ, приведенныхъ нами здѣсь, видно, какъ много задатковъ представляетъ югъ Россіи для развитія обширнѣйшей торговли, что̀ очень много обѣщаетъ и для обработывающей южно-русской промышленности.

II.

Изъ только что представленнаго нами въ предъидущей главѣ, далеко еще неполнаго описанія обстоятельствъ, благопріятствующихъ развитію обработывающей промышленности на югѣ Россіи, можно видѣть, какая блестящая роль предстоитъ ему въ будущемъ. Но, несмотря на все это, до сихъ поръ онъ не воспользовался этими богатыми задатками: обработывающая промышленность все-таки принадлежитъ преимущественно сѣверу Россіи. Въ особенности же развились въ послѣдней мѣстности тѣ отрасли, которыя покровительствуются нашимъ таможеннымъ тарифомъ. Изъ послѣднихъ только одно свекло-сахарное производство достигло большихъ размѣровъ въ земледѣльческой Россіи. Вообще, русская фабричная промышленность отличается большою централизаціею; тогда какъ фабрики сгруппировались преимущественно въ подстоличныхъ губерніяхъ, обширныя пространства Россіи представляютъ мѣстности, не перешедшія еще земледѣльческой ступени экономическаго развитія. Это обстоятельство тѣмъ болѣе невыгодно, что громадными разстояніями и плохими путями сообщенія Россія отличается отъ всѣхъ почти европейскихъ государствъ. Не только русскія фабричныя произведенія, отправляемыя на отдаленные рынки имперіи, чрезвычайно поднимаются отъ этого въ цѣнѣ [2], но въ особенности терпятъ громоздскіе земледѣльческіе продукты. Потому дороговизна

[1] Тамъ же, стр. 20.

[2] Такъ въ 1865 году, напримѣръ, въ Иркутскѣ одинъ пудъ желѣза стоилъ 6 руб. сер., доставка пуда съ Урала въ Восточную Сибирь—4 руб. сер. «Сѣверная Почта» 1868 г. № 22.

Digitized by Google

хлѣба въ промышленномъ русскомъ округѣ не имѣла до сихъ поръ вліянія на цѣны въ южныхъ губерніяхъ, сбывающихъ свои произведенія преимущественно заграницу чрезъ черноморскіе и азовскіе порты. Вслѣдствіе всего этого развитіе обработывающей промышленности на одномъ концѣ Россіи не доставляетъ всегда выгоды другому земледѣльческому ея концу, который не можетъ туда сбывать своихъ произведеній. Поэтому тѣ выгоды, которыя извлекаютъ земледѣльческія мѣстности государства отъ развитія вблизи туземной обработывающей промышленности подъ защитою покровительственнаго таможеннаго тарифа, не имѣютъ такого значенія для большей части Россіи, какое встрѣчаемъ въ западно-европейскихъ государствахъ. Для доказательства сосредоточенія русской фабричной и заводской промышленности мы приведемъ слѣдующія цифры. Въ 1856 году все фабричное и заводское производство Россіи простиралось до 224.332,000 руб. сер. Изъ этого количества 116.769,000 руб. сер., т.-е. болѣе половины приходится на четыре губерніи: Московскую, Петербургскую, Владимірскую и Пермскую [1]. Хотя съ этого времени промышленность значительно развилась, но сосредоточеніе ея не измѣнилось. Такъ по оффиціальнымъ даннымъ за 1865 и 1866 г. изъ 72.104,000 руб. сер. [2]—цѣнности хлопчато-бумажнаго производства Россіи—приходилось на губерніи: Рязанскую, Московскую, Лифляндскую, Петербургскую, Владимірскую, Калужскую, Костромскую, Тверскую, Ярославскую и Эстляндскую—70.800,000 руб. сер. или болѣе 98% всего производства Россіи.

Сверхъ фабричнаго производства въ подмосковныхъ же губерніяхъ распространена еще домашняя хлопчато-бумажная промышленность. Ею занято 350,000 рабочихъ, тогда какъ на фабрикахъ только 80.000 [3]. Изъ 28.517,000 — цѣнности произведеній красильныхъ, отдѣлочныхъ и ситцевыхъ заведеній приходится на губерніи Владимірскую, Московскую, Рязанскую, Петербургскую, и Тверскую—28.036,000 руб. сер., или болѣе 98% всего производства. Изъ 46.137,000 руб. сер.—цѣнности шерстянаго производства (безъ шерстомоень и шерстосортировалень, которыя чаще соединены съ торговлей, нежели съ фабрикаціей шерсти) приходится на губерніи: Московскую, Гродненскую, Симбирскую, Черниговскую, Лифляндскую, Калужскую, Петербургскую, Пензенскую и Тамбовскую—39.700,000 руб. сер. или 88% общей цѣнности и около 53% приходится на одну Московскую губернію. Изъ 13.815,000 руб.

[1] Статистическія таблицы Россійской Имперіи за 1856 г., стр. 275.

[2] «Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству Министерства Финансовъ» 1867 г. Іюнь, стр. 381—398 и «Ежегодникъ Министерства Финансовъ на 1869 г. Выпускъ I, Отдѣлъ III. Дальнѣйшія данныя взяты изъ этихъ двухъ источниковъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ мы сдѣлаемъ особыя ссылки.»

[3] Aperçu statistique des forces productives de la Russie. A. v. Bouschen, p. 199.

Digitized by Google

сер. — цѣнности пеньковой и льняной фабрикаціи (безъ льнотрепалень и пенькотрепалень) приходится на губерніи: Петербургскую, Владимірскую, Костромскую, Ярославскую, Тверскую и Вологодскую — 11.956,000 р. с. или 86½% всего производства. Сверхъ того внѣ фабрикъ обработкою льна заняты три милліона прядильщиковъ и полмилліона ткачей, а обработкою пеньки — полмилліона человѣкъ. И это рабочее народонаселеніе принадлежитъ сѣвернымъ, и центральнымъ губерніямъ [1]. Изъ 3.736,000 р. с.—цѣнности шелковой фабрикаціи (безъ шелкомоталень и шелкосортировалень) приходится на губерніи Московскую и Петербургскую—3.645,000 руб. сер. или 97½% всего производства. Изъ 2.090,000 р. с.—цѣнности золототкацкихъ произведеній—на одну Московскую губернію приходится 2.039,000 р. с. или 97½% [2] всего производства. Изъ 3.267,000 р. с.—цѣнности производства химическихъ и красильныхъ продуктовъ на Петербургскую и Московскую губерніи приходится 1.957,000 р. с. или 60% всего производства. Изъ 16.571,000 р. с.—цѣнности машинно-строительныхъ произведеній на долю одного Петербурга приходится 13.292,000 р. с., т.-е. 80% всего производства Россіи [3]. Четыре пятыхъ желѣзно-рудныхъ средствъ нашихъ сосредоточено на Уралѣ и съ небольшимъ одна пятая на замосковныхъ заводахъ. И потому желѣзо, предметъ первой необходимости, для большей части имперіи обходился чрезвычайно дорого. Такъ 44 милліона жителей Россіи платятъ 50% дороже заводской стоимости и въ томъ числѣ 11 милліоновъ покупаютъ его по цѣнѣ, почти вдвое превышающей уральскую цѣну, и наконецъ въ 6-ти губерніяхъ съ населеніемъ болѣе 6-ти милліоновъ человѣкъ желѣзо продается дороже 2 руб. за пудъ, т.-е. въ два съ половиною раза выше стоимости его на Уралѣ. Заводская и домашняя обработка металловъ также распространена преимущественно въ сѣверной полосѣ Имперіи [4]. Такъ болѣе, чѣмъ половина всѣхъ мѣдныхъ издѣлій приготовлялись въ Московской, Петербургской, Тульской и Владимірской (1866 г.) [5]. Даже такія производства, какъ обработка табаку и пивовареніе, развиты болѣе на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ. Такъ изъ 14½ милліоновъ руб.—цѣнности табачнаго производства—приходится на Лифляндскую, Петербургскую и Московскую губерніи 9 милліоновъ руб. или 62%. А изъ 6.771,394 ведеръ пива, произведеннаго во всей Россіи въ

[1] Aperçu statistique des forces productives de la Russie. A. v. Bouschen. Annexé du catalogue special de la section Russe de l'exposition universelle ae Paris en 1867. p. 194 и 196.

[2] «Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ въ 1867 г.». Іюнь, стр. 381—398.

[3] «Матеріалы къ пересмотру общаго таможеннаго тарифа». III, стр.47—52.

[4] «Статистическій Временникъ». Отдѣлъ II. глава II, стр. 50, 41—44.

[5] «Вѣстникъ Европы» 1870 г. Ноябрь, стр. 138.

Digitized by Google

1862—3 и 63—4 годахъ, приходится на губерніи: Петербургскую, Московскую, Виленскую, Гродненскую и Ковенскую—4.045,000 ведеръ или около 60% всего производства [1]. Хотя производство свекло-сахарнаго песку распространено преимущественно въ земледѣльческой Россіи, но рафинировка сахару принадлежитъ болѣе столицамъ, нежели остальной Россіи. Такъ, изъ 23.025,000 руб. сер.—цѣнности этого производства приходится на губерніи Московскую и Петербургскую около 14 милліоновъ руб. сер., или 61% всего производства.

Мы указали только главнѣйшія отрасли обработывающей промышленности, но полагаемъ, что и этого достаточно для доказательства сосредоточенія русской промышленности. Намъ, пожалуй, могутъ возразить, что если приведенныя нами производства распространены преимущественно въ сѣверной Россіи, то за то обширное винокуреніе и развитое сахароваріеніе принадлежитъ главнѣйшимъ образомъ земледѣльческой Россіи. Хотя дѣйствительно послѣднее справедливо, но это нисколько не опровергаетъ высказаннаго нами мнѣнія о сосредоточеніи русской промышленности, потому что по цѣнности своихъ произведеній винокуреніе значительно ниже тѣхъ отраслей промышленности, которыя распространены въ нашей мануфактурной полосѣ. Такъ изъ 21½ милліона ведеръ (въ круглыхъ цифрахъ) безводнаго спирта, выкуреннаго въ 1865 — 6 годахъ во всей Европейской Россіи, на подстоличныя промышленныя и на крайнія сѣверныя губерніи приходится болѣе 2¾ милліона ведеръ безводнаго спирта или 13% всего производства. [2]. А общую цѣнность всего винокуренія въ (1863—7 гг.) можно принять никакъ не болѣе 61¼ милліона р. с. [2]. Свекло-сахарное же производство оцѣнивается по оффиціальнымъ даннымъ въ 22 милліона руб. сер. Такъ что эти двѣ отрасли промышленности, принадлежащія главнѣйшимъ образомъ земледѣльческой Россіи, производятъ на 86½ милліоновъ руб. сер. Между тѣмъ одно производство тканей, распространенное въ сѣверной полосѣ имперіи, оцѣниваютъ въ 270 милліоновъ руб. сер. А если присоединить сюда металлическую и химическую отрасли промышленности, также принадлежащія сѣверу Росіи, то выйдетъ огромная сумма въ 345 милліоновъ руб. сер. [4]. Мы уже не говоримъ о другихъ меньшихъ промыслахъ сѣвера.

---

[1] «Ежегодникъ Министерства Финансовъ» на 1869 г. Выпускъ I. Отдѣлъ III.

[2] Въ 1863—7 гг. произведено среднимъ числомъ 24½ милліона ведеръ спирта, а цѣну ведра мы принимаемъ въ 2½ р., т.-е. по 2½ к. за 1 градусъ, между тѣмъ обыкновенныя цѣны (кромѣ неурожайныхъ годовъ) 1½ и 2 к. за 1°. Статистическій атласъ Тимирязева, выпускъ II, и «Вѣстникъ Европы» 1870 г. Декабрь, стр. 602.

[3] Aperçu statistique des forces productives de la Russie A. v. Bouschen. Paris. 1867 г., стр. 212.

[4] Матеріалы къ пересмотру общаго таможеннаго тарифа. III, стр. 67—72.

Digitized by Google

Но если собственно земледѣльческія губерніи Россіи уступаютъ центральнымъ въ промышленности, то все-таки, говоря вообще, онѣ стоятъ въ этомъ отношеніи гораздо выше южныхъ степей Россіи и въ особенности той мѣстности, которая имѣетъ такъ много задатковъ къ развитію въ будущемъ фабричной и заводской промышленности. До какой степени мѣстность эта бѣдна фабриками и заводами, можно видѣть изъ того, что въ З. В. Донскаго въ 1860 г. приходилось на каждаго жителя всѣхъ произведеній обработывающей промышленности только на 48 коп. сер. [1], а въ Екатеринославской губерніи въ 1866 — 2 руб. 71 коп. на 1-го человѣка [2]. Между тѣмъ въ 1856 г. въ Петербургской губерніи на каждаго жителя приходилось 34 руб. 95 коп., въ Московской — 24 руб. 66 коп. и во Владимірской 17 руб. [3]. Съ того же времени фабричная и заводская промышленность въ З. В. Донскаго и Екатеринославской губерніи остались почти въ томъ же состояніи (винокуреніе даже упало), а на сѣверѣ значительно развились. Такъ въ С.-Петербургской губерніи въ 1863 — 1865 годахъ приходилось произведеній обработанныхъ на 1-го человѣка (впрочемъ, безъ спирта и меду) около 51 руб., въ Московской 41 руб. 47 коп., а во Владимірской 25 руб. 25 коп. [4].

III.

Отчего же югъ Россіи, имѣя столько задатковъ къ развитію обработывающей промышленности, до сихъ поръ не воспользовался ими?

По нашему мнѣнію, это происходитъ оттого, что онъ не достигъ еще той степени экономическаго развитія, когда существуютъ всѣ необходимыя условія для появленія и развитія фабрикъ. До сихъ поръ земледѣліе, скотоводство и другія отрасли добывающей промышленности, распространенныя въ южной Россіи, представляютъ болѣе выгодъ, нежели заведеніе фабрикъ. А развѣ возможно безъ искусственныхъ мѣръ направить трудъ и капиталъ туда, гдѣ они найдутъ менѣе выгоды? Для доказательства только-что высказаннаго нами, мы попытаемся показать, на сколько выгодно въ настоящее время земледѣліе и нѣкоторые другіе промыслы на югѣ Россіи, нынѣ здѣсь господствующіе, и наконецъ вѣроятную прибыльность фабричной промышленности и тѣхъ отраслей заводской, которыя еще не развились до сихъ поръ въ южномъ краѣ. Созна-

[1] Матеріалы для Географіи и Статистики. З. В. Донскаго, стр. 392.

[2] Екатеринославская губ. Памятная книжка на 1867 г.

[3] Статистическія таблицы Россійской Имперіи за 1856 г., стр. 276.

[4] «Статистическій Временникъ». Отдѣлъ II. Глава III, стр. 55—9. Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству Министерства Финансовъ 1866 г. Апрѣль, стр. 411, и 1867 г. Іюнь, стр. 381—98.

Digitized by Google

вая всю трудность этой задачи, мы все-таки осмѣливаемся взяться за нее, такъ-какъ всѣ имѣющіяся данныя свидѣтельствуютъ объ одномъ: южнорусское земледѣліе и торговля еще на столько выгодны въ настоящее время, что ихъ неразсчетливо промѣнять на фабричныя предпріятія; поэтому капиталъ и трудъ предпочитаютъ нынѣ первыя занятія послѣднему. Для нашей цѣли совершенно достаточно будетъ доказать только это общее положеніе, нисколько не претендуя на точное опредѣленіе выгодности той или другой отрасли хозяйства въ южной Россіи. Для опредѣленія выгодъ, получаемыхъ отъ земледѣлія въ мѣстности, богатой каменнымъ углемъ и желѣзомъ, для которой, слѣдовательно, вопросъ о развитіи промышленности имѣетъ наиболѣе значенія, — мы воспользуемся данными, находящимися въ матеріалахъ для географіи и статистики, собранныхъ офицерами генеральнаго штаба и относящимися къ З. В. Донскаго и Екатеринославской губерніи.

Такъ, для первой области мы встрѣчаемъ разсчетъ, по которому всего расхода безъ арендной платы на 30 десятинъ (пахоти и соотвѣтственнаго количества толоки и сѣнокоса) составляетъ—28 руб., а весь чистый доходъ съ этого пространства достигаетъ 83 руб. Что же касается средней арендной платы въ З. В. Донскаго, то ея никакъ нельзя опредѣлить выше 1 руб. съ десятины [1]. А слѣдовательно за 30 десятинъ

[1] Матеріалы для Географіи и Статистики, собранные офицерами генеральнаго штаба. З. В. Донскаго, стр. 270.

Разсчетъ обработки и уборки 30-ти десятинъ.

Роды хлѣба, покосъ и толока.	Число посѣяннаго зерна съ 1 д.	РАЗСЧЕТЪ ОБРАБОТКИ И УБОРКИ 30 ДЕСЯТИНЪ.								Чистый доходъ.		Число десятинъ.	Всего чистаго дохода.	
		Число собранн. го зерна съ 1 д.	Цѣна 1 четверт.		Общая цѣна всего зерна.		Цѣна посѣяннаго.		Расходъ обработки.					
	Четв.	Четверт.	Р.	К.	Руб.	Коп.	Р.	К.	Р.	К.	Р	К.		Р.	К.
Пшеница.	1	4	6	—	24	—	6	—	10	—	8	—	3	24	—
Рожь....	1	5	3	—	15	—	3	—	7	—	5	—	2	10	—
Овесъ....	1½	10	2	—	20	—	3	—	7	—	10	—	2	20	—
Ячмень. .	1	5	2	—	10	—	2	—	6	50	1	50	½	—	75
Просо . .	1½	6	3	—	18	—	4	50	7	—	6	50	½	3	25
			За 1 дес.												
Толока...	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	1	—	16	16	—
Покосъ .	—	—	1	50	1	50	—	—	—	—	1	—	6	2	—
					3 дес. пшенич.		18	—	30	—	Всего чистаго дохода 30 десят		стаканъ	83 руб.	
					2 » ржи...		6	—	14	—					
					2 » овса...		6	—	14	—					
					½ » ячменя.		1	—	3	25					
					½ » проса..		2	25	3	50					
					Всего расхода на 30 десятинъ безъ арендной платы.		33	25	64	75					
							98 руб.								

Digitized by Google

придется заплатить 30 руб. Всего же расхода на 30 десятинъ придется, значитъ, 128 руб. А для опредѣленія дѣйствительнаго чистаго дохода съ арендуемой земли нужно изъ приведенной нами выше цифры чистаго дохода вычесть еще арендную плату, которая также входитъ въ расходъ предпринимателя. Тогда мы получимъ слѣдующее: 83—30=53 руб., что̀ и будетъ настоящимъ чистымъ доходомъ съ 30 десятинъ пространства. Этотъ послѣдній представляетъ около 42% на оборотный капиталъ (т.-е. весь расходъ предпринимателя — 128 руб.). При этомъ разсчетѣ приняты въ соображеніе, какъ урожайные, такъ и неурожайные годы, а также взяты умѣренныя цифры для опредѣленія урожайности; цѣны на хлѣбъ тоже приняты наименьшія изъ существующихъ, между тѣмъ цѣнность хорошей пшеницы можно положить не 6 руб. (какъ показано въ таблицѣ), а 8 руб., ржи не 3 руб., а 3 руб. 50 к., овса не 2 руб., а 2 руб. 50 к. Поэтому въ хорошемъ хозяйствѣ З. В. Донскаго доходность принимаютъ вдвое бо̀льшую [1]. Для Екатеринославской губ. доходность земледѣлія опредѣляется слѣдующимъ разсчетомъ:

Вспашка, посѣвъ и бороньба одной десятины	5 р.	[2]
Семена (одна четверть)	6 »	
Скосить и свозить хлѣбъ домой съ одной десят.	10 »	
Вымолотить и вывѣять около	2 »	
Арендная плата не болѣе	2 »	[3]
	25 р. с.	

При среднемъ урожаѣ можно продать 6 четвертей съ десятины [4] по 6 р. за четверть, и получимъ валовой доходъ въ 36 р., а чистый—въ 11 р., что̀ составитъ на оборотный капиталъ 44% [5]. Здѣсь принята въ соображеніе только одна пшеница, которая, впрочемъ, составляетъ 3/4 засѣваемыхъ полей у

[1] Матеріалы для Географіи и Статистики, собранные офицерами генеральнаго штаба. З. В. Донскаго, стр. 74 и 284.

[2] Тамъ же, Екатеринославская губ., стр. 135.

[3] Тамъ же, стр. 186.

[4] Здѣсь принимается при разсчетѣ посѣвъ пшеницы; рожь и другіе хлѣба дадутъ болѣе 5 четвертей, но за то цѣны на нихъ ниже.

[5] Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ Матеріалахъ для географіи и статистики Екатеринославской губ. разсчета о доходности земледѣлія вообще всей земли какъ пахотной, такъ и сѣнокосной и толоки. Но если принять въ соображеніе и послѣднюю, то все-таки выводъ нашъ мало измѣнится отъ этого. Такъ если положить приблизительно, что пятая (Матер. для геогр. и стат. Екатер. губ., стр. 132) часть полей занята посѣвами хлѣба, а остальная толокою и сѣнокосомъ, а также, что послѣдняго рода земля даже не даетъ никакого чистаго дохода арендатору, а только возвращаетъ аренду, то при размѣрѣ послѣдней въ 2 р. за десятину, все-таки получимъ слѣдующее: на 1 десятину пахотной земли расхода всего 25 р., а на остальныя 4 десятины 8 р. (аренда), то весь расходъ на 5 десятинъ 33 р., а чистый доходъ, какъ мы видѣли, съ 1 десятины пахотной земли даетъ 11 р., что̀ и составитъ 33 1/3%. Но аренда за толоку и сѣнокосъ принята нами высокая, а чистаго дохода съ нихъ мы совсѣмъ не ввели въ разсчетъ.

Digitized by Google

екатеринославскихъ землевладѣльцевъ. Нужно замѣтить, что разсчетъ этотъ относится преимущественно къ восточной части губерніи, богатой каменнымъ углемъ и желѣзомъ [1]. Въ Херсонской губерніи земледѣліе не менѣе выгодно. Дача въ 1,000 десятинъ земли, находясь подъ хлѣбопашествомъ (850 десятинъ засѣяно, а 150 десятинъ постояннаго выгона), даетъ ежегодно чистаго дохода (не принимая въ разсчетъ аренды) отъ 2,909½ до 4,857 руб. Арендная же плата за такое пространство земли, нанятой подъ хлѣбопашество, простирается отъ 1,000 до 2,500 руб. И потому дѣйствительнаго чистаго дохода будетъ, среднимъ числомъ, 2,128 руб. Для устройства хлѣбопашества на этихъ 1,000 десятинахъ земли необходимо имѣть 8 плуговъ, изъ которыхъ каждый, съ соотвѣтствующею рабочею животною силою, то-есть четырьмя парами воловъ, стоитъ 200 руб.; если къ этому прибавить еще стоимость обзаведенія прочими земледѣльческими орудіями, возами, мѣстами для храненія продуктовъ и укрытія животныхъ, оборотный капиталъ, необходимый для производства полевыхъ работъ, то всѣ расходы вмѣстѣ составятъ сумму отъ 6 до 7 тысячъ рублей [2]. Такъ-какъ въ эту цифру входитъ не только оборотный капиталъ, но въ значительной степени и нѣкоторыя статьи основнаго (орудія, рабочій скотъ, возы, строенія), тогда какъ только проценты за пользованіе послѣднимъ и погашеніе его должны принадлежать къ ежегодному расходу, то поэтому отношеніе чистаго дохода къ выведенной выше суммѣ необходимаго оборотнаго капитала не будутъ показывать настоящей выгодности земледѣлія. Эта послѣдняя будетъ значительно больше. Но такъ-какъ мы не имѣемъ подъ рукой всѣхъ данныхъ для точнаго опредѣленія оборотнаго капитала, то должны привести и этотъ неточный процентъ прибыли. Именно, 2,128 р., выражающіе чистый доходъ, составятъ только около 26% со всего капитала, необходимаго для устройства хлѣбопашества на 1,000 десятинахъ.

Теперь попытаемся опредѣлить доходность тонкоруннаго овцеводства на югѣ, которое, вмѣстѣ съ хлѣбопашествомъ, составляютъ важнѣйшіе здѣсь промыслы. Оборотнаго капитала, необходимаго для овцеводства, приходится на одну овцу, среднимъ числомъ, около 1 р. 10 к., то-есть

1) арендной платы за землю	18 к. [3]
2) издержки на сборъ сѣна и уходъ за овцами	62 » [4]
3) проценты на капиталъ, заключающійся въ стадахъ, среднимъ числомъ, на одну овцу	30 » [5]
Всего.	1 р. 10 к.

[1] Матеріалы для географіи и статистики. Екатеринославская губ., стр. 138.

[2] Матеріалы для географіи и статистики. Херсонская губернія. II, стр. 291—8.

[3] Матеріалы для географіи и статистики. Херсонская губ. II, стр. 246.

[4] Матеріалы для географіи и статистики. Екатеринославская губ., стр. 160.

[5] Въ Екатеринославской губ. при заведеніи стадъ тонкорунныхъ овецъ

Digitized by Google

А чистаго дохода получается съ одной овцы около 40 к. [1] (принимая въ разсчетъ аренду за землю и вознагражденіе за стадо овецъ) или 36% на оборотный капиталъ [2].

Укажемъ еще на доходность нѣкоторыхъ другихъ промысловъ въ южномъ краѣ.

Салотопни даютъ чистой прибыли 47% [3]. Отъ рѣзничества скота получается выручки отъ 30 до 40% [4]. Нужно замѣтить, что скотопромышленность составляетъ одно изъ самыхъ обширныхъ занятій въ Новороссіи. Отъ лѣсной промышленности въ Новороссійскомъ краѣ получается отъ 20 до 60% [5]. Чумачество тоже даетъ иногда, по крайней мѣрѣ, 25% на затраченный капиталъ [6]. Добыча соли на югѣ тоже представляетъ огромные барыши. Выволочка пуда соли обходится въ Крыму отъ 1½ до 2½ к. [7]. Между тѣмъ цѣны на чистую соль, безъ акциза и попудной платы, существуютъ тамъ слѣдующія: на Пе-

---

рѣдко покупаются на чистыя деньги стада, а по большей части берутъ на четырехлѣтнее содержаніе чужихъ овецъ. Владѣлецъ послѣднихъ получаетъ при этомъ половину дохода отъ шерсти, а содержатель другую половину и приплодъ (Матер. для геогр. и стат. Екатеринослав. губ., стр. 161). На этомъ основаніи вознагражденіе за основный капиталъ, заключающійся въ стадахъ, мы опредѣляемъ половиною ежегоднаго дохода отъ шерсти, который можно положить среднимъ числомъ около 4 ф. въ немытомъ видѣ (Матеріалы для геогр. и стат. Херсонская губ. II, стр. 241 и З. В. Донскаго, стр. 304. Аксаковъ: Изслѣдованія объ украинскихъ ярмаркахъ, стр. 200); полагая по 15 коп. за фунтъ (6 р. пудъ). (Матер. для геогр. и стат. Херсонская губ. II, стр. 246 и З. В. Донскаго, стр. 304), весь доходъ съ шерсти будетъ равняться 60 коп., а на долю владѣльца, значитъ, придется 30 коп.

[1] Чистый доходъ съ тонкорунной овцы полагается для Херсонской губ. въ 81 к. (Матер. для геогр. и стат. Херсонская губ. II, стр. 246), для Екатеринославской въ 87½ к. (Матеріалы для геогр. и стат. Екатеринославская губ., стр. 160) и для З. В. Донскаго 1 р. (Матер. для геогр. и стат. З. В. Донскаго, стр. 303)). Примемъ среднимъ числомъ около 88 коп. Отнимая отсюда аренду за землю (18 к.) и вознагражденіе за стада (30 коп.), получимъ 40 коп.

[2] Всѣ приведенные нами здѣсь разсчеты барышей отъ земледѣлія въ южныхъ губерніяхъ, хотя и не даютъ вполнѣ вѣрныхъ цифръ по отсутствію у насъ земледѣльческой статистики, но все-таки позволяютъ намъ сдѣлать то общее заключеніе, что барыши эти очень значительны, гораздо значительнѣе, чѣмъ тѣ, какіе можно ожидать отъ обработывающей промышленности въ настоящее время на югѣ.

[3] Правда, отсюда должно вычесть процентъ погашенія капитала, употребленнаго на постройку салотопень, но расходы на эти постройки, сравнительно со всѣмъ оборотомъ, такъ невелики, что отъ этого не можетъ значительно измѣниться вся прибыль промысла. Матер. для геогр. и стат. Россіи. Херсонская губ. II, стр. 416.

[4] Тамъ же, стр. 546.

[5] Тамъ же, стр. 552—3.

[6] Матер. для геогр. и стат. Екатеринославская губ., стр. 240.

[7] «Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству Министерства Финансовъ». 1867 г. Іюнь, стр. 453.

Digitized by Google

ренопскихъ озерахъ отъ 2 до 5 к., а на прочихъ источникахъ отъ 4 до 6 к. [1]. Перекопскія озера доставляютъ половину всей крымской соли [2], а потому можно опредѣлить вообще среднюю продажную цѣну пуда соли въ 4½ к., среднюю же стоимость выволочки почти въ 2 к. съ пуда. Значитъ, прибыль достигаетъ 100 и болѣе процентовъ на оборотный капиталъ. Вотъ какіе огромные барыши даетъ солепромышленность! Подобные же факты намъ извѣстны насчетъ соли Куяльникскаго и Хаджибейскаго лимановъ возлѣ Одессы. Такъ, стоимость выволочки въ послѣдней мѣстности обходится отъ 2 до 3 к., а средняя продажная цѣна, безъ акциза и попудной платы за сооруженія на озерахъ, простирается до 6 к. и болѣе [3]. Правда, что часто не вся добытая соль можетъ быть продана въ теченіе года, и потому годовая прибыль на оборотный капиталъ солянаго промысла должна быть менѣе противъ указанной.

Торговля на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, въ особенности же заграничная, также доставляетъ большія выгоды. По отзывамъ людей компетентныхъ, въ Одессѣ она даетъ нѣсколько десятковъ процентовъ въ годъ [4]. Въ Екатеринославской губерніи отъ торговыхъ оборотовъ тоже выручается иногда 25% въ годъ [5]. Въ Землѣ Войска Донскаго торговлей наживаютъ также отъ 50 до 100% [6].

Прибыльность заграничной торговли въ южныхъ портахъ можно видѣть уже изъ того, что иностранцы, въ рукахъ которыхъ находится эта торговля, явились къ намъ не такъ-то давно почти безъ всякихъ средствъ, а теперь располагаютъ огромными капиталами, которые они нажили въ южной Россіи. Еще полвѣка тому назадъ Новороссія была почти пустыней, а теперь въ приморскихъ городахъ ея сосредоточены большія богатства. Обороты заграничной торговли только главнѣйшихъ негоціантовъ Одессы еще въ 1857 году простирались свыше 30 мильйоновъ рублей сер. [7]. Про Екатеринославскую губернію можно сказать то же. Всѣ почти таганрогскіе и ростовскіе негоціанты, у которыхъ теперь огромные капиталы въ оборотѣ, лѣтъ 30 или 40 тому назадъ были люди или безъ всякихъ средствъ, или вели незначительные торговые обороты [8].

---

[1] «Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству Министерства Финансовъ» 1867 г., стр. 470.

[2] Тамъ же, стр. 422.

[3] Свѣдѣнія, сообщенныя однимъ изъ солепромышленниковъ на Куяльникскомъ лиманѣ—г. Петерсомъ.

[4] Мнѣніе одесскаго эксперта въ коммисіи по пересмотру таможеннаго тарифа въ 1867 г., г. Гольденберга и нынѣшняго головы г. Одессы Н. А. Новосельскаго.

[5] Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Екатеринославская губ., стр. 242.

[6] Тамъ же; З. В. Донскаго, стр. 235—6.

[7] Тамъ же, Херсонская губ. II, стр. 583.

[8] Тамъ же. Екатеринославская губ., стр. 237.

Digitized by Google

На сколько выгодность нынѣшней южнорусской торговли препятствуетъ заводскому дѣлу на югѣ, извѣстный знатокъ экономической жизни Новороссіи, А. Скальковскій, говоритъ слѣдующее: «Ростовъ-на-Дону въ противоположность Одессѣ имѣетъ всѣ главнѣйшіе элементы для преуспѣянія въ чугунолитейномъ дѣлѣ: гидравлическія силы, то-есть рѣку Донъ, паровые двигатели, то-есть свой антрацитъ и каменный уголь весьма дешевою цѣною и такое количество желѣза и чугуна, какое бы потребовалось въ сибирскихъ заводахъ. Но, безъ сомнѣнія, выгоды, получаемыя купечествомъ отъ прямой торговли, слишкомъ вѣрны и велики, чтобы ростовскіе жители рѣшались затрачивать на заводскія учрежденія на долгое время свои капиталы и важнѣйшій изъ нихъ—усидчивый трудъ» [1].

Предстоящее улучшеніе путей сообщенія на югѣ еще болѣе усилитъ прибыльность южнорусской торговли и другихъ промысловъ, сбытъ сырыхъ произведеній облегчится, торговые обороты сдѣлаются быстрѣе, хотя впослѣдствіи, съ развитіемъ конкурренціи, должны понизиться эти барыши.

До сихъ поръ мы здѣсь разсматривали барыши, получаемые на капиталы, затрачиваемые въ различныя отрасли хозяйства, потому что именно эта часть народнаго богатства могла бы направиться на фабричныя предпріятія, еслибы послѣднія были по крайней мѣрѣ на столько же выгодны, какъ и остальные промыслы, господствующіе нынѣ въ краѣ. Поземельная же собственность здѣсь даетъ хотя меньшій доходъ, но все-таки значительно выше, чѣмъ въ неплодородныхъ губерніяхъ сѣвера Россіи. Напримѣръ, полагается, что въ Екатеринославской губерніи всякаго рода недвижимая собственность приноситъ ежегодно, среднимъ числомъ, 8—12% (если владѣлецъ, конечно, умѣетъ надлежащимъ образомъ пользоваться ею), собственно же земля даетъ 6—9% и до 11½ [2]. Въ Херсонской губерніи поземельная собственность даетъ до 20% [3]. Между тѣмъ, въ Костромской губерніи наемная цѣна пахотной земли составляетъ 5, 4—6, 5% продажной, а лучшая луговая отдается въ наемъ за 10 — 12% продажной цѣны [4], хорошій лугъ за 8%, а худой даже за 6%. Мы видимъ отсюда, что не только оборотный капиталъ въ южномъ краѣ Россіи даетъ большія прибыли, но

---

[1] Новороссійскій календарь на 1868 г. Статья А. Скальковскаго: «Настоящее состояніе Ростова на Дону въ 1860 году», стр. 88.

[2] Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Екатеринославская губ., стр. 242.

[3] Тамъ же. Херсонская губ. II, стр. 83 и 293. Эта высота поземельнаго дохода въ Херсон. губ., по всей вѣроятности, относится къ тѣмъ случаямъ, когда земля была куплена еще во время большой дешевизны, между тѣмъ какъ теперь цѣны на продукты земли высоки тамъ, и потому поземельный доходъ тоже оказывается особенно высокъ. Но обыкновенно же доходъ этотъ развѣ немного превышаетъ Екатеринославскій.

[4] Тамъ же, Костромская губ., стр. 296.

Digitized by Google

и поземельный доходъ въ немъ выше, чѣмъ въ неплодородныхъ промышленныхъ губерніяхъ. А если все-таки послѣдній много уступаетъ прибыли съ оборотнаго капитала, то за то доходность недвижимой собственности постояннѣе, вѣрнѣе, а потому никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ фабричными предпріятіями, тѣмъ болѣе, что послѣднія составляютъ дѣло новое для юга.

Тогда-какъ южнорусское земледѣліе и торговля даютъ такіе барыши, посмотримъ, на что можно надѣяться отъ фабричной промышленности. Вопросъ о желѣзномъ производствѣ стоитъ, такъ сказать, на очереди. Горный инженеръ г. Мевіусъ опредѣляетъ вѣроятную прибыль отъ желѣзнаго дѣла въ мѣстности донецкаго бассейна около 15% [1]. Да вообще фабричныя предпріятія безъ покровительства не дадутъ такой прибыли, какую доставляютъ теперь земледѣліе и торговля на югѣ Россіи. Даже въ Англіи, гдѣ фабричныя условія благопріятнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, и тамъ нельзя разсчитывать на подобные барыши. Такъ нѣкоторые русскіе фабриканты указываютъ на 6%, какъ на весьма хорошую, въ настоящее время, прибыль для англійскаго промышленнаго предпріятія. Прибыль эта почти вдвое болѣе дивиденда на англійскіе консоли и втрое противъ существующаго обыкновенно въ Лондонѣ двухпроцентнаго дисконта [2]. Изъ приведенныхъ данныхъ можно вывести то заключеніе, что проценты, доставляемые англійскими фабриками, гораздо ниже прибыльности земледѣлія и другихъ промысловъ, господствующихъ нынѣ въ южномъ краѣ Россіи. Южнорусскія же фабрики, хотя цѣны на ихъ произведенія и безъ покровительственныхъ пошлинъ, были бы нѣсколько выше, чѣмъ въ Англіи, однако, все-таки встрѣтили бы въ настоящее время, конечно, гораздо менѣе благопріятныя условія, чѣмъ англійскія, а потому при опасной конкурренціи извнѣ не давали бы и тѣхъ процентовъ на капиталъ, какіе доставляются послѣдними, а во многихъ отрасляхъ давали бы положительные убытки. Вообще вздорожаніе англійскихъ товаровъ, вслѣдствіе доставки ихъ въ южную Россію, значительно перевѣшивалось бы увеличеніемъ стоимости производства на южнорусскихъ фабрикахъ при нынѣшнихъ неблагопріятныхъ ихъ условіяхъ. Это мы постараемся подробно доказать въ концѣ этой статьи.

При такомъ же положеніи дѣлъ безъ искусственной поддержки немыслимо привлеченіе капиталовъ на югѣ къ фабричнымъ предпріятіямъ, несравненно менѣе прибыльнымъ, чѣмъ земледѣліе, торговля и другіе промыслы.

---

[1] «Будущность горнозаводскаго промысла на югѣ Россіи», стр. 29.

[2] Сводъ замѣчаній на «Матеріалы къ пересмотру общаго таможеннаго тарифа» въ 1867 г. I, стр. 63.

Digitized by Google

ПО ВОПРОСУ О КАЛМЫКАХЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I.

Въ Астраханской губерніи, какъ извѣстно, до сего времени еще не вступили въ дѣйствіе ни земскія учрежденія, ни судебные уставы 1864 г. Одна изъ самыхъ существенныхъ тому причинъ, безъ сомнѣнія, заключается въ кочевомъ населеніи, имѣющемъ въ своемъ исключительномъ пользованіи около $^3/_4$ всей территоріи этой губерніи. Одинъ калмыцкій народъ занимаетъ подъ свои кочевья до 7.391,000 десятинъ по обѣ стороны, но главнымъ образомъ по сю сторону рѣки Волги. Сверхъ того, до 445,000 десятинъ одной калмыцкой земли на луговой сторонѣ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ состоятъ, изъ оброка, въ пользованіи киргизовъ Букеевской орды. Наконецъ, на той же луговой сторонѣ имѣютъ свои кочевья кундровскіе татары и иные малочисленные, впрочемъ, инородцы [1]. Кочевой бытъ, патріархально-родовые порядки управленія, а сверхъ того, у калмыковъ еще и своего рода крѣпостная зависимость простолюдиновъ (хара-іоста — черной кости, хара-кюнъ — черный человѣкъ, хара-улусъ — черный народъ) отъ привиллегированнаго класса нойоновъ и зайсанговъ (цаганъ-іоста — бѣлой кости), — вотъ въ главныхъ чертахъ тѣ затрудненія, которыя противостоятъ со стороны инородцевъ-кочевниковъ введенію въ губерніи общедѣйствующихъ по имперіи земскаго самоуправленія и новаго судоустройства.

Повидимому, въ настоящее время приступлено къ устраненію указанныхъ нами препятствій. Извѣстно, что при министерствѣ государственныхъ имуществъ образовалась коммисія изъ членовъ отъ разныхъ министерствъ собственно по вопросу объ устройствѣ калмыковъ; въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, какъ слышно, разсматриваются предположенія астраханскаго губернскаго начальства о введеніи въ губернію земскихъ учрежденій, и готовится особое положеніе о киргизахъ Букеевской

[1] Вся Астраханская губ. занимаетъ пространство до 171,752 кв. верстъ, и въ томъ числѣ калмыки 81,057, астраханское казачье войско — 3,902, киргизы — 57,600 верстъ.

Digitized by Google

орды. Наконецъ, по министерству юстиціи составляются предположенія о введеніи въ Астраханской губерніи новыхъ судебныхъ учрежденій. Мы не знаемъ, на сколько солидарны работы въ этомъ случаѣ трехъ министерствъ, но было бы желательно, чтобы, какъ коммисія о калмыкахъ, такъ и составители положенія о Букеевскихъ киргизахъ, приняли главнѣйшимъ образомъ въ руководство одну мысль — проложить путь въ Астраханскую губернію общимъ земскимъ учрежденіямъ и судебнымъ уставамъ 1864 г.

Для достиженія этой цѣли, у калмыковъ необходимо прежде всего устранить всѣ условія крѣпостной зависимости, а затѣмъ, подчинивъ инородцевъ общей системѣ податей и повинностей, и завѣдыванію общихъ же органовъ губернскаго управленія, установить управленіе мѣстное или уѣздное, а также общественное самоуправленіе, на такихъ основаніяхъ, которыя, съ одной стороны, согласовались бы съ общими основными началами сельскаго устройства, а съ другой—вполнѣ соотвѣтствовали бы кочевому быту народа и несомнѣнной потребности у кочевниковъ въ сильной мѣстной власти.

Указывая на общую систему податей и повинностей, мы, конечно, не имѣли въ виду облагодѣтельствовать инородцевъ ни пресловутыми *подушными* налогами, ни вообще сословною исключительностью, отъ которой такъ трудно отрѣшиться нашей податной системѣ. Напротивъ, мы разумѣемъ здѣсь ту систему налоговъ, которая достаточно ясно намѣчена уже нашимъ финансовымъ законодательствомъ, какъ система нормальная, имѣющая рано или поздно вступить въ силу во всей имперіи. Но къ этому вопросу мы возвратимся впослѣдствіи; теперь же намѣрены высказать только нѣсколько соображеній собственно относительно устройства мѣстнаго управленія калмыковъ.

Вся калмыцкая степь, въ территоріальномъ отношеніи, и калмыцкій народъ, по своему личному составу, дѣлятся издавна на «улусы»; затѣмъ населеніе улуса распадается уже на «аймаки» и «хотоны», которые, однако, никакого территоріальнаго значенія не имѣютъ, такъ что болѣе или менѣе устойчивою единицею и въ смыслѣ территоріальномъ, и по личному составу населенія, является одинъ лишь улусъ. Такое дѣленіе народа основано на родовомъ началѣ, изъ котораго, благодаря содѣйствію русскаго законодательства, выродились постепенно крѣпостныя зависимыя отношенія. Прежній нойонъ — *управитель* улуса, мало по малу обратился въ нойона-*владѣльца*, и, соотвѣтственно тому, аймаки дѣлались наслѣдственнымъ достояніемъ аймачныхъ зайсанговъ. Улусы и аймаки стали переходить изъ рода въ родъ по маіоратскому праву, выморочные же улусы поступали въ казенное управленіе. Такимъ образомъ, въ настоящее время имѣется калмыцкихъ улусовъ — три «владѣльческихъ» и четыре такъ-называемыхъ «казенныхъ»; всего

Digitized by Google

же въ Астраканской губ. [1] считается калмыковъ мужского пола душъ: нойоновъ 17, аймачныхъ зайсанговъ 421, зайсанговъ безъаймачныхъ 1,494, ламаитскаго духовенства (живущаго «хурулами», безбрачно, на монастырскомъ положеніи) 1,201 и простолюдиновъ 65,196. Каждый улусъ со своими нойонами (если есть), зайсангами и хуруломъ, кочуетъ поаймачно и похотонно только въ извѣстныхъ предѣлахъ степи; причемъ отличаютъ мѣста лѣтнихъ кочевокъ (лѣтовки) отъ зимнихъ (зимнихъ стойбищъ). Улусная ставка и при ней хурулъ занимаютъ нынѣ уже болѣе или менѣе окончательно установившіяся мѣста, лѣтомъ— среди лѣтнихъ кочевокъ, а зимою — въ центрѣ зимнихъ стойбищъ.

Въ прежнее время, когда въ пользованіи калмыцкаго народа состояли несравненно бо́льшія пространства степи, съ избыткомъ удовлетворявшія потребностямъ его скотоводства, родовое дѣленіе народа на улусы и аймаки могло держаться во всей чистотѣ. Но по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны отводились болѣе или менѣе значительныя пространства лучшихъ степныхъ и займищныхъ угодій подъ осѣдлыя водворенія не калмыковъ, а съ другой—росла численность самаго народа и его скота, родовому началу приходилось дѣлать все бо́льшія уступки въ пользу дѣленія территоріальнаго. Такимъ образомъ установились мало по малу болѣе или менѣе твердыя границы между улусами, а въ настоящее время есть уже и нѣсколько человѣкъ зайсанговъ, которые со своими аймаками заняли въ границахъ своего улуса особые, отведенные въ ихъ исключительное пользованіе участки; чисто же родовое распредѣленіе народа въ аймакахъ уже давно нарушено и роздача по аймакамъ, какъ лѣтнихъ кочевокъ, такъ и зимнихъ стойбищъ обусловливается главнымъ образомъ уже не родовымъ началомъ, а достаточностью въ данной мѣстности подножнаго корма для того или другого количества скота.

При такихъ условіяхъ буквальное примѣненіе къ калмыкамъ общаго крестьянскаго положенія 19-го февраля 1861 г. немыслимо и могло бы привести въ быту кочевниковъ лишь къ такимъ затрудненіямъ и замѣшательствамъ, которыхъ ближайшія и отдаленнѣйшія послѣдствія даже трудно предугадать во всемъ объемѣ. Положеніе это разсчитано на вполнѣ осѣдлое, земледѣльческое населеніе, обособленное, притомъ, въ сословномъ смыслѣ. Нынѣшнее крестьянское волостное дѣленіе въ тѣхъ условіяхъ, которыя были приняты Положеніемъ 1861 г. по необходимости, нынѣ уже вообще не удовлетворяетъ потребности ни съ теоретической, ни съ практической точки зрѣнія. Родо-

[1] Часть калмыцкаго народа встрѣчается еще въ Ставропольской губ. (Большедербетевскій улусъ до 2,000 кибит.) и въ Области Донскаго войска. Наконецъ, въ нашемъ же подданствѣ состоятъ еще калмыки алтайскіе—въ средней Азіи, такъ-называемые «двоеданцы».

Digitized by Google

вое начало у кочевниковъ, какъ и начало сословное у осѣдлаго населенія, въ механическомъ распредѣленіи населенія на отдѣльныя группы по управленію, полиціи и суду, должно окончательно уступить свое мѣсто началу территоріальному, которое одно лишь вполнѣ соотвѣтствуетъ достигаемому въ общественномъ организмѣ уравненію гражданъ по правамъ политическимъ и гражданскимъ, по обязанностямъ каждаго въ отношеніи общества и государства. Отсюда само собою вытекаетъ необходимость замѣнить нынѣшнюю сословную волость — волостью всесословною, или, вѣрнѣе, безсословною, территоріальною; но мѣра эта обусловлена прежде всего полнымъ уравненіемъ сословій въ несеніи всякаго рода налоговъ и повинностей, а потому осуществленіе ея внутри имперіи — дѣло будущаго, находясь здѣсь въ болѣе или менѣе прямой зависимости отъ введенія у насъ государственнаго подоходнаго налога (взамѣнъ, конечно, хотя частью сословно-подушнаго или подворнаго) и общеобязательной военной повинности.

Размѣръ крестьянской волости установленъ въ 300 душъ minimum и 2,000 душъ maximum. Напротивъ, нынѣшній калмыцкій улусъ, не считая нойоновъ, содержитъ муж. пол. душъ: отъ 16 до 172 аймачныхъ зайсанговъ, отъ 13 до 657 зайсанговъ безъаймачныхъ, отъ 123 до 328 духовныхъ лицъ и отъ 4,500 до 24,000 простолюдиновъ; кочевки же каждаго улуса, не принимая въ разсчетъ пространствъ *общаго* пользованія *всѣхъ* улусовъ (калмыцкаго базара и мочаговъ), занимаютъ minimum до 454,000 и maximum до 2.395,000 десятинъ. Но кромѣ улуса, здѣсь нѣтъ иной территоріальной единицы, а при кочевомъ бытѣ народа искусственнымъ путемъ ее создать невозможно (она должна сложиться сама собою въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ). Поэтому, казалось бы, что здѣсь по необходимости слѣдуетъ остановиться на территоріальной волости, каковою вполнѣ можетъ служить нынѣшній улусъ. Къ тому же, кочевники наши вовсе чужды вотчинно-*поземельнаго* начала и установившихся на немъ сословныхъ различій, а поддерживать *родовыя* сословныя понятія было бы равносильно сохраненію у нихъ настоящихъ крѣпостныхъ отношеній, которыя должны быть упразднены. Отсюда, по нашему мнѣнію, прямо вытекаетъ необходимость, одновременно съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости у калмыковъ и съ подчиненіемъ ихъ общей системѣ сборовъ и повинностей, привлечь къ несенію послѣднихъ *весь народъ*, безъ всякихъ сословныхъ изъятій, тѣмъ болѣе, что и калмыки-простолюдины, кромѣ однихъ вотчинныхъ налоговъ и повинностей, упраздняемыхъ вмѣстѣ съ крѣпостною зависимостью, не несутъ донынѣ въ пользу государства никакой повинности, ни денежной, ни натуральной.

Но создавая у калмыковъ волость территоріальную, въ составъ которой должны будутъ войти всѣ нынѣшнія сословія народа, какъ граждане равноправные, въ смыслѣ политиче-

Digitized by Google

скомъ, гражданскомъ и повинно-податномъ, слѣдуетъ дать этой волости и внутреннюю организацію, вполнѣ соотвѣтствующую, съ одной стороны, ея безсословному, территоріальному характеру, а съ другой—мѣстнымъ бытовымъ условіямъ. Очевидно, что организація сословной крестьянской волости по Положенію 1861 года не удовлетворяетъ ни одному изъ этихъ коренныхъ отличій. Гораздо ближе и во всѣхъ отношеніяхъ правильнѣе примѣнить у калмыковъ гминное устройство привислянскихъ губерній. И въ какомъ бы направленіи ни совершилась предпринятая реформа у калмыковъ, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что привиллегированные классы народа отнесутся къ ней крайне враждебно; но и независимо отъ этого обстоятельства, патріархально-родовой бытъ народа и тѣсно связанныя съ этимъ бытомъ своеобразныя понятія кочевниковъ вообще о власти таковы, что ближайшіе къ народу органы власти должны быть организованы съ сознаніемъ необходимости здѣсь власти сильной, концентрированной. Принципъ разчлененія власти на органы хозяйственно—или административно-полицейскіе и судебные съ пользою не можетъ найти здѣсь того примѣненія, какое онъ нашелъ себѣ въ общемъ Положеніи 1861 г. Потому-то именно мы и думаемъ, что привислянское гминное устройство, съ выборнымъ войтомъ во главѣ, какъ органомъ полицейско-административно-судебнымъ, несравненно болѣе удовлетворяетъ потребностямъ калмыцкой степи и ея населенія, хотя примѣненіе здѣсь этого устройства, какъ само собою разумѣется, можетъ заключаться только въ распространеніи на калмыковъ главныхъ коренныхъ основаній его, съ тѣми видоизмѣненіями въ развитіи подробностей и въ опредѣленіи порядковъ исполненія общихъ постановленій, какихъ требуютъ особыя мѣстныя условія. По нашему мнѣнію, управленіе калмыцкаго улуса должно быть организовано на началѣ выборнаго самоуправленія, съ порученіемъ завѣдыванія общественными дѣлами въ улусѣ и его аймакахъ общественнымъ сходамъ и лицамъ, отъ этихъ сходовъ избраннымъ. Соотвѣтственно тому, улусное управленіе могутъ составлять: а) улусный сходъ; б) улусный старшина, какъ представитель единоличной административно-полицейской власти и какъ предсѣдатель в) улуснаго правленія, вѣдающаго судебными дѣлами на правахъ суда волостнаго, а также опеками и тѣми административно-хозяйственными дѣлами, которыя, по существу своему, подлежатъ разсмотрѣнію и разрѣшенію въ порядкѣ коллегіальномъ; г) аймачный сходъ; д) аймачный староста, съ помощниками (хотонными старостами) и е) разъѣздная, быть можетъ вооруженная, полицейская стража, состоящая въ ближайшемъ подчиненіи улуснаго старшины и общей земской полиціи.

Но еслибъ, вопреки нашему убѣжденію, признано было положительно невозможнымъ присвоить улусному старшинѣ значеніе органа полицейско-административно-судебнаго, то въ та-

Digitized by Google

комъ случаѣ мы посовѣтовали бы выдѣлить изъ его вѣдѣнія опять-таки не судебную власть, какъ это допущено въ великороссійскомъ Положеніи 1861 г., а власть полицейскую. Въ пользу этого мнѣнія говорятъ слѣдующія, частью теоретическія, частью практическія соображенія.

Въ одномъ и томъ же лицѣ, безъ положительнаго вреда для граждански и экономически развитаго общества, могутъ и должны быть соединяемы только власти, по существу, наиболѣе сродныя между собою. Поэтому спрашивается: гдѣ болѣе сродства—между полиціею ли и администраціею, или же между администраціею и судомъ?.. Вопросомъ о сродствѣ полиціи и суда—мы не считаемъ даже нужнымъ задаваться. Вообще говоря, дѣло полиціи—наблюдать исключительно за *наружнымъ* порядкомъ, за наружнымъ «благоустройствомъ» и «благочиніемъ», вовсе не касаясь внутренней жизни общества и его членовъ, ихъ взаимныхъ гражданскихъ отношеній; напротивъ, компетенція суда обнимаетъ всѣ правонарушенія въ смыслѣ не одной только наружной, формальной стороны общественной и частной жизни, но и самую сущность этой жизни. Полиція дѣйствуетъ исключительно въ порядкѣ единолично-исполнительномъ; судъ — исключительно въ порядкѣ коллегіальномъ. Между названными двумя органами власти, администрація является органомъ среднимъ; но какъ вѣдѣнію ея подлежатъ, главнымъ образомъ, такія хозяйственныя и гражданскія условія общества, которыя должны быть обсуждаемы и разрѣшаемы равнымъ образомъ только коллегіально, единолично-распорядительная же власть администраціи сводится, по преимуществу, лишь къ приведенію въ исполненіе окончательно состоявшихся постановленій общественныхъ или коллегіально-распорядительныхъ учрежденій или собраній (сходовъ) и на иниціативу по возбужденію разныхъ законодательныхъ вопросовъ, касающихся сколько формальной, столько же и внутренней жизни общества, то администрація, въ особенности чисто хозяйственная, и по сущности, и по порядкамъ веденія своихъ дѣлъ, несравненно болѣе родственна суду, нежели полиціи. Вслѣдствіе именно этого кореннаго различія названныхъ властей, мы нигдѣ, ни въ Европѣ, ни у насъ (за исключеніемъ развѣ селъ и деревень) не встрѣчаемъ *чисто* полицейскія должности, замѣщаемыя по выбору сословій, а не отъ правительства. Но мало этого; чины мѣстной полиціи, по закону, положительно и совершенно правильно лишены у насъ права на дѣйствительное участіе какъ въ земскомъ, такъ и въ городскомъ самоуправленіи (по новому положенію). Напротивъ, весьма нерѣдки примѣры соединенія въ одномъ и томъ же *выборномъ* лицѣ власти административно-судебной. Такъ, между прочимъ, у насъ мировой посредникъ, какъ органъ не земско-выборный, не всесословный, а потому лишь временный, соотвѣтственно тому, пользуется властью судебно-*административною*, то-есть административныя обязанности имѣютъ здѣсь

Digitized by Google

первенствующее значеніе, какъ того и требовали исключительныя обстоятельства, вызвавшія къ жизни эту должность. Нынѣ же, съ устраненіемъ этихъ исключительныхъ обстоятельствъ, временному судебно-административному институту мировыхъ посредниковъ предстоитъ окончательно уступить мѣсто нормальному всесословно-выборному, т.-е. земскому институту мировыхъ судей, власть которыхъ явится такимъ образомъ уже административно-*судебною*. Въ виду сказаннаго, принятое въ нашей великороссійской крестьянской волости разчлененіе сословно-выборной власти на отдѣльные, совершенно самостоятельные органы: полицейско-административные (волостной старшина и волостное правленіе) и судебный (волостной судъ), представляется на столько же ненормальнымъ, на сколько неестественнымъ и непрактичнымъ должно бы признать, напримѣръ, соединеніе въ лицѣ уѣзднаго исправника—и предсѣдательства въ уѣздныхъ земскихъ управѣ или собраніи, тогда какъ возможность соединенія этого предсѣдательства, въ одномъ лицѣ, съ должностью мироваго судьи или предсѣдателя судебно-мироваго съѣзда, уже положительно признана. Достаточно вдуматься въ различіе такихъ комбинацій: въ уѣздѣ—исправникъ, онъ же предсѣдатель земской управы или собранія, или же судья, онъ же земскій предсѣдатель, а въ городѣ—полиціймейстеръ, онъ же городской голова, или же мировой судья—городской голова, чтобы вполнѣ осязательно уяснить себѣ всю глубину различій, присущихъ отдѣльнымъ органамъ власти, и большее или меньшее сродство ихъ между собою, а также сразу понять всю неловкость, невозможность одного положенія,—естественность, почетъ и высокое значеніе въ обществѣ, связанные неразрывно съ другимъ. Но развѣ не то же самое справедливо и въ отношеніи волостной организаціи, въ особенности всесословной или безсословной, территоріальной? Мы допускаемъ соединеніе въ лицѣ калмыцкаго улуснаго старшины власти полицейской, административной и судебной, уступая патріархально-родовымъ понятіямъ кочевниковъ и вообще исключительнымъ условіямъ кочеваго степнаго быта; но еслибы, вопреки нашему мнѣнію, могла быть доказана возможность уже теперь допустить и здѣсь разчлененіе власти, то мы подали бы свой голосъ, конечно, за снятіе со старшины, прежде всего, отнюдь не предсѣдательства въ улусномъ судѣ, а напротивъ, за изъятіе изъ его вѣдѣнія обязанностей полицейскихъ, низводящихъ нынѣшняго крестьянскаго волостного старшину на степень полицейскаго сотника, котораго общественное значеніе и лично-унизительная постановка по отношенію къ традиціонно-преемственому пошибу нашихъ полицейскихъ чиновъ, слишкомъ извѣстны, чтобы стоило распространяться объ этомъ. Къ тому же, мы знаемъ, что несмотря даже на ненормальное, военное положеніе, дѣла привислинскихъ гминъ, не исключая и гминнаго суда, идутъ несравненно успѣшнѣе нашего великорусскаго волостного управ-

Digitized by Google

ленія, гдѣ почетное положеніе старшины — миѳъ, а независимость волостного суда—фикція; перваго гнутъ по своему посредникъ и становой, а второй—въ рукахъ волостного писаря, который, въ свою очередь, въ рукахъ у всѣхъ и каждаго. И не вполнѣ ли подтверждается все сказанное опубликованнымъ 5-го января сего 1871 года указомъ правительствующаго сената о томъ, что должность почетнаго мироваго судьи не можетъ быть соединена въ одномъ лицѣ съ должностью волостного старшины?.. «Должность почетнаго мироваго судьи—сказано въ указѣ — не можетъ быть соединяема съ должностями мѣстныхъ чиновниковъ полиціи, а по ст. 83 общ. полож. о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, на волостныхъ старшинъ возложены нѣкоторыя обязанности по дѣламъ полицейскимъ». Но въ этомъ-то и дѣло, что со старшины слѣдовало бы снять обязанности полицейскія, и тогда не было бы причины лишать его права быть почетнымъ мировымъ судьей.

Настоящее попечительство надъ калмыками составляютъ, вопервыхъ, главный попечитель (онъ же управляющій государственными имуществами Астраханской губерніи) съ особымъ калмыцкимъ отдѣленіемъ въ городѣ Астрахани; и вовторыхъ, улусные попечители и ихъ помощники, проживающіе на мѣстахъ и находящіеся въ непосредственной административной зависимости отъ главнаго попечителя. Мѣстные попечители и ихъ помощники соединяютъ въ своемъ лицѣ не только власть административно-хозяйственнаго надзора за ходомъ общественныхъ дѣлъ въ улусѣ, но также всѣ права и обязанности общей полиціи (исправника и становыхъ приставовъ), а сверхъ того, и власть судебно-слѣдственную, и суда, въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ калмыцкаго зарго, состоящаго подъ предсѣдательствомъ нойона-владѣльца или правителя улуса и вѣдающаго дѣлами опекунскими и судебными, на правахъ судовъ уѣзднаго и сиротскаго. Такое устройство, основанное на вотчинно-родовомъ началѣ, должно пасть вмѣстѣ съ упраздненіемъ крѣпостной зависимости калмыковъ отъ привиллегированныхъ классовъ, такъ-какъ затѣмъ и само правительство не можетъ не отрѣшиться отъ прежнихъ вотчинно-попечительныхъ отношеній къ народу, лежащихъ въ основаніи нынѣшняго управленія.

Выше мы указали на тотъ путь, идя по которому, улусная общественная полиція можетъ и, по нашему мнѣнію, должна будетъ войти въ составъ общей полиціи. На необходимость этой мѣры указываетъ и опытъ. Карта Астраханской губерніи показываетъ, что кочевья калмыковъ или совершенно окружаютъ существующія въ степи селенія бывшихъ государственныхъ крестьянъ (по царицынско-ставропольскаму и линейному тракту), или же обнимаютъ, по крайней мѣрѣ, съ трехъ сторонъ земельныя дачи остальныхъ, прилежащихъ къ р. Волгѣ селеній и городовъ. Главнѣйшая часть осѣдлаго русскаго населенія, зани-

Digitized by Google

мая побережье р. Волги, пользуется правомъ въѣзда въ калмыцкую степь на 10-тиверстное разстояніе отъ рѣки, выпасая на этой полосѣ свой скотъ, совмѣстно съ калмыцкимъ, и дѣлая, по своему усмотрѣнію, запашки. Взамѣнъ того, калмыки сохраняютъ за собою право вкочевки со своимъ скотомъ на зимнее время въ займищныя дачи прибрежныхъ городовъ и селеній. Порядки эти обусловливаются мѣстными потребностями, и противъ отмѣны ихъ одинаково возстали бы и калмыки, спасающіе въ займищахъ свой скотъ отъ степныхъ шургановъ и безкормицы, и осѣдлое населеніе, нуждающееся въ степи во время вешнихъ разливовъ рѣки Волги и отчасти для хлѣбопашества. Такая постановка взаимныхъ по угодіямъ отношеній осѣдлыхъ жителей и кочевниковъ, несомнѣнно указываетъ на существующую у нихъ весьма тѣсную, взаимно-хозяйственную связь; но въ то же время она же, какъ само собою понятно, не можетъ не имѣть послѣдствіемъ многоразличныя столкновенія, требующія постоянно бдительнаго, и притомъ одного общаго полицейскаго надзора. Разъединенность этого надзора, существующая въ настоящее время, когда полицейская власть на калмыцкой территоріи присвоена чинамъ особаго калмыцкаго управленія, а территорія русскихъ селъ и городовъ подчинена общей полиціи, неоднократно выражалась уже весьма существенными неудобствами, столкновеніями и пререканіями какъ между населеніемъ двухъ различныхъ полицейскихъ вѣдомствъ, такъ и между чинами двухъ полицій. Послѣдствія такихъ порядковъ не ведутъ ни къ безопасности, ни къ благоустройству, вліяя на населеніе деморализующимъ образомъ. Напротивъ, подчиняя всю калмыцкую степь одной общей въ губерніи полиціи, правительство получитъ и поводъ, и возможность окончательно организовать здѣсь полицейскій надзоръ на основаніяхъ, на которыя указываютъ исключительныя мѣстныя условія.

Въ то же время выборный улусный старшина, будучи вооруженъ указанной нами концентрированной властью, окажется вполнѣ соотвѣтствующимъ тому народному понятію о власти, которое свойственно вообще патріархально-родовому кочевому быту.

За симъ предстояло бы, повидимому, только назначить взамѣнъ нынѣшнихъ мѣстныхъ улусныхъ попечителей, потребное для калмыцкой степи число судебныхъ слѣдователей и мировыхъ посредниковъ, а дѣла улусныхъ зарго передать: опекунскія — улусному правленію, а судебныя—въ уѣздные суды, по принадлежности. Но здѣсь-то, по нашему мнѣнію, и слѣдовало бы дать первенствующее значеніе мысли о проложеніи пути въ Астраханскую губернію для земскихъ учрежденій и судебно-мироваго института. Къ тому же, по всей вѣроятности, еще до окончанія преобразовательныхъ работъ о калмыкахъ и киргизахъ, мировые посредники и ихъ съѣзды, а также губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія сойдутъ со сцены; слѣ-

Digitized by Google

довательно, держаться этихъ учрежденій для инородцевъ нѣтъ никакого основанія. Съ другой стороны, суду зарго предоставлено дѣла тяжебныя между калмыками разбирать и рѣшать «по древнимъ калмыцкимъ постановленіямъ», т.-е. по обычаю, который никакимъ образомъ не можетъ служить руководствомъ для уѣздныхъ судовъ; къ тому же и въ Астраханской губерніи эти суды должны будутъ уступить мѣсто новому судоустройству. Поэтому казалось бы неумѣстнымъ усиливать занятія и личный составъ этихъ «отпѣтыхъ» уже учрежденій, тѣмъ болѣе, что никакихъ обязательныхъ *по землѣ* отношеній у калмыковъ не существуетъ, а обычное право калмыковъ уѣзднымъ судамъ вовсе неизвѣстно и вообще примѣняемо ими быть не можетъ. По нашему мнѣнію, единственный правильный исходъ изъ этихъ затрудненій заключается во введеніи у калмыковъ теперь же судебно-мироваго института, съ судьями отъ правительства, на которыхъ, согласно ст.9 учрежд. суд. уст. 1864 г., сверхъ спеціально-судебныхъ дѣлъ по новымъ уставамъ, могутъ быть возложены: а) контроль общественнаго самоуправленія калмыковъ, т.-е. всѣ обязанности мировыхъ посредниковъ, которыя, по самому существу своему, несравненно болѣе свойственны судебному органу, нежели полицейскому, и б) нотаріальныя права и обязанности, согласно ст. 2-й Положенія 14-го апрѣля 1866 г. Съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости, наиболѣе обширные многолюдные улусы, соображаясь съ границами постоянныхъ кочевокъ ихъ отдѣльныхъ частей, могутъ быть раздѣлены на самостоятельные улусы (Малодербетевскій даже на три) и войти такимъ образомъ въ составъ образуемыхъ общихъ судебно-мировыхъ участковъ, именно въ томъ порядкѣ и составѣ, какъ это предположено по министерству юстиціи (Судебно-статистическія свѣдѣнія и соображенія о введеніи судебной реформы по Астраханской губерніи).

Съѣздъ улусныхъ мировыхъ судей (въ числѣ не менѣе трехъ) составилъ бы: а) кассаціонную инстанцію для разбора жалобъ на судебныя рѣшенія улусныхъ правленій, а также по тѣмъ дѣламъ общественнаго самоуправленія, которыя разрѣшаются нынѣ съѣздомъ мировыхъ посредниковъ, и б) вторую судебно-мировую инстанцію согласно уставамъ 1864 года.

Къ улуснымъ судьямъ и ихъ съѣзду, въ качествѣ судебно-мироваго учрежденія, имѣли бы отойти всѣ тѣ судебныя дѣла, которыя, входя нынѣ въ вѣдомство улусныхъ зарго, не подлежатъ вѣдомству новыхъ выборныхъ улусныхъ органовъ. Такимъ образомъ улусный зарго, въ нынѣшнемъ составѣ, окажется излишнимъ и можетъ быть упраздненъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду разбросанности степнаго населенія и для облегченія его въ разборѣ исковъ и имущественныхъ споровъ, казалось бы желательнымъ предоставить улусному мировому судьѣ окончательно рѣшать всѣ иски и споры до

Digitized by Google

100 рублей включительно [1], то-есть въ томъ же размѣрѣ, какъ это предоставлено крестьянскому волостному суду, и, по всей вѣроятности, будетъ присвоено суду улусному (ст. 96 общаго положенія 1861 года), и согласовать мѣру и родъ наказаній, налагаемыхъ за проступки, съ одной стороны, волостнымъ или улуснымъ судомъ, согласно общему положенію 1861 года (ст. 102), а съ другой—судебно-мировымъ институтомъ на основаніи устава 1864 года о наказаніяхъ. Затѣмъ, исковыя дѣла калмыковъ на сумму свыше 500 рублей, а также дѣла о проступкахъ и преступленіяхъ ихъ, не подлежащія по уставамъ 1864 года вѣдомству мироваго суда, должны бы вѣдаться общими судебными учрежденіями, на общемъ основаніи.

Рѣшенія улуснаго мироваго съѣзда, въ качествѣ кассаціонной инстанціи, по жалобамъ на судебные приговоры улусныхъ судовъ, окончательны и *обжалованію* подлежать не могутъ. Затѣмъ уже улусные мировые судьи и съѣзды ихъ подчинялись бы: а) въ качествѣ второй судебной инстанціи кассаціонному департаменту правительствующаго сената, и б) по всѣмъ остальнымъ дѣламъ: или губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію (если оно не будетъ упразднено вмѣстѣ съ посредниками), или губернскому правленію, въ которое, по дѣламъ инородцевъ, можно бы или приглашать съ правомъ голоса одного изъ улусныхъ мировыхъ судей, или же назначить особаго постояннаго члена отъ правительства.

Допуская возможность подобнаго же устройства и для остальныхъ кочевниковъ Астраханской губерніи, мы затѣмъ не видѣли бы дальнѣйшихъ существенныхъ препятствій со стороны кочеваго населенія къ введенію и во всей губерніи общихъ земскаго положенія и судебныхъ уставовъ, но съ назначеніемъ мировыхъ судей отъ правительства и съ допущеніемъ еще лишь нѣкоторыхъ второстепенныхъ измѣненій въ означенномъ положеніи и уставахъ.

II.

Ничто такъ не вредитъ успѣшному разрѣшенію вопросовъ о благоустройствѣ сельскаго состоянія, какъ преобладаніе въ этомъ случаѣ фискальнаго взгляда. Забота обезпечить прежде всего поступленіе съ народа во что бы то ни стало извѣстной суммы налоговъ—извращаетъ обыкновенно ясное воззрѣніе на сущность дѣла, приводитъ нерѣдко къ заключеніямъ крайне одностороннимъ и даже положительно вреднымъ для благосостоянія плательщиковъ въ отношеніи какъ нравственномъ, такъ особенно

[1] Согласно ст. 134 уст. гражд. судопр. 1864 г. мировой судья рѣшаетъ окончательно только дѣла на сумму не свыше 30 рублей.

Digitized by Google

и экономическомъ. Примѣровъ тому можно бы представить безчисленное множество, еслибы они и безъ нашего напоминанія не были уже слишкомъ извѣстны всѣмъ и каждому въ той или иной сферѣ государственной жизни. Въ этомъ отношеніи калмыцкій народъ представляется, повидимому, счастливымъ исключеніемъ. Соль онъ получаетъ или добываетъ себѣ изъ степныхъ озеръ даромъ; табакъ употребляется имъ исключительно листовой, то-есть безбандерольный; ввозъ въ калмыцкіе улусы и продажа тамъ крѣпкихъ напитковъ строжайше воспрещены; никакихъ прямыхъ налоговъ и повинностей въ пользу собственно казны народъ не знаетъ; рекрутская и военно-постойная повинности ему неизвѣстны; продукты его — скотъ, шерсть, войлоки, шерстяныя веревки, чулки (валяные), кожаныя ведра и т. п. принадлежатъ къ предметамъ свободной торговли.

Наконецъ, въ пользованіи калмыковъ, не считая мочаговъ, калмыцкаго базара и очереднаго кочевья (до 1.080,000 дес.), состоитъ земли, поулусно, отъ 146 до 596 десятинъ на вибитку или отъ 3,5 до 24,8 десят. на голову мелкаго скота (считая крупный скотъ за 4 головы); сами же калмыки, по удостовѣренію генералъ-майора Костенкова [1], до такой степени неприхотливы къ пищѣ и удобствахъ жизни, терпѣливы и неутомимы въ работѣ, что имъ отдаютъ положительное преимущество предъ другими рабочими на рыболовныхъ ватагахъ, на лодкахъ и морскихъ рыболовныхъ судахъ, при ломкѣ озерной соли и другихъ наиболѣе трудныхъ работахъ. Въ виду всѣхъ этихъ льготъ и благопріятныхъ личныхъ качествъ калмыковъ, невольно относишься съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ словамъ того же г. Костенкова, когда онъ увѣряетъ [2], что «благосостояніе калмыцкаго народа, въ настоящемъ его положеніи, самое непрочное и невѣрное». Но знакомясь ближе съ хозяйственными условіями калмыцкой степи и ея кочеваго населенія, мы должны будемъ вполнѣ согласиться съ этимъ отзывомъ. Калмыкъ прежде всего, такъ-сказать, рожденный скотоводъ; любимый, привычный промыселъ свой онъ бросаетъ только вслѣдствіе совершенной невозможности продолжать его, то-есть лишившись своего скота. И тѣмъ не менѣе изъ 65,196 мужск. пола душъ калмыковъ, по переписи 1868 года, скотоводствомъ занимались не болѣе 0,3, всѣ же остальные промышляли заработками (0,5), хлѣбопашествомъ (0,003), разными ремеслами (0,002) и т. д. Отсюда прямой выводъ тотъ, что калмыцкая степь, послѣ допущенныхъ изъ нея урѣзокъ въ пользу осѣдлаго населенія, нынѣ уже далеко не вполнѣ удовлетворяетъ ни потребностямъ калмыцкаго скотоводства, ни окладу опредѣленнаго закономъ сбора съ калмыковъ на управленіе и въ пользу нойоновъ и зайсанговъ.

---

[1] Ист. и стат. свѣд. о калмыкахъ. Спб. 1870 года, стр. 130 и слѣд.

[2] Тамъ же, стр. 124.

Digitized by Google

Калмыки, по среднему разсчету, каждогодно продаютъ $^1/_9$ своего крупнаго скота и $^1/_5$ мелкаго, заработки же даютъ въ общей сложности работнику отъ 20 до 60 лѣтъ по 30 руб. въ годъ. По этому разсчету, валовой доходъ калмыцкаго народа въ Астраханской губерніи можетъ быть принятъ до 624,937 руб. отъ скота и до 534,420 руб. отъ заработковъ, всего до 1.200,000 руб. Установленный же закономъ сборъ по 8 р. 15 к. съ кибитки составляетъ 188,265 р. или *болѣе 15% валоваго дохода со скота и заработковъ*. Крайняя разорительность такой суммы налога, не говоря уже объ иныхъ усиливающихъ эту тягость условіяхъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, въ особенности, если принять въ соображеніе, что новое городовое положеніе (ст. 130) размѣръ оцѣночнаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ въ пользу городской кассы установляетъ не свыше 10% *чистаго* дохода. Отсюда вполнѣ объясняется причина того явленія, что означеннаго сбора въ дѣйствительности поступало съ калмыковъ едва $^2/_3$, а неуклонное взысканіе недоимокъ повело бы народъ къ окончательному раззоренію. Съ однихъ казенныхъ улусовъ (10,914 кибитокъ) — въ 1859 году было сложено недоимки 79,016$^1/_2$ рублей, но въ 1870 году ея вновь накопилось до 107,900 руб. Не лучше, конечно, поступалъ сборъ и во владѣльческихъ улусахъ въ пользу нойоновъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что даже подоходные прямые налоги признаются наукою справедливыми только въ такомъ случаѣ, если процентъ обложенія прогрессируетъ соразмѣрно съ увеличеніемъ доходности облагаемаго сборомъ имущества. Такъ, напримѣръ, наука находитъ крайне отяготительнымъ такое обложеніе, при которомъ изъ дохода, едва достаточнаго для поддержанія жалкаго существованія калмыцкой семьи или кибитки, приходится уступать фиску тѣ же 10%, которые уплачиваетъ калмыкъ-богачъ изъ своего дохода съ громадныхъ табуновъ и гуртовъ.

Положеніемъ 10-го марта 1825 года, нойоны впервые стали именоваться «владѣльцами», а новое положеніе 24-го ноября 1834 года обратило и зайсанговъ окончательно въ наслѣдственныхъ правителей народа, установивъ въ то же время вышеозначенный налогъ. Наконецъ, нынѣ дѣйствующее положеніе 1847 года, сокративъ значительно личный составъ калмыцкаго управленія, оставило, однако, безъ измѣненія какъ права нойоновъ и зайсанговъ, такъ и установленный съ народа сборъ, изъ котораго поступаютъ: 1) на содержаніе калмыцкаго управленія— въ казенныхъ улусахъ по 7 р. 58 к., а во владѣльческихъ по 44 к. съ кибитки (весьма значительные остатки отъ сего сбора, а также доходы съ разныхъ оброчныхъ статей, образовали особый общественный капиталъ калмыцкаго народа, достигшій нынѣ суммы болѣе 600 тысячъ рублей); 2) въ пользу того же общественнаго капитала въ аймакахъ, неимѣющихъ родовыхъ зайсанговъ, по 57 к.; 3) въ пользу нойоновъ во владѣльче-

Digitized by Google

скихъ улусахъ—по 7 р. 14 к., и 4) въ пользу зайсанговъ, въ управляемыхъ ими аймакахъ, по 57 к. съ кибитки.

«Желая — говоритъ генералъ-майоръ Костенковъ — собрать точныя свѣдѣнія, на какомъ именно основаніи была опредѣлена эта цифра сбора съ каждой кибитки, я обращался къ дѣламъ архива калмыцкаго управленія, но нигдѣ не нашелъ точныхъ по этому предмету указаній. По нѣкоторымъ же даннымъ и соображеніямъ, я пришелъ къ тому заключенію, что при опредѣленіи этой цифры сбора имѣлись въ виду, съ одной стороны, необходимость большей суммы сбора на содержаніе того громаднаго управленія, которое было создано положеніемъ 1834 года, а съ другой — показанія владѣльцевъ-нойоновъ о собираемой ими, будто бы, подати съ подвластныхъ имъ калмыковъ, показанія, принятыя *на вѣру*, или сказать вѣрнѣе, *въ угоду* владѣльцамъ, *безъ всякой повѣрки*».

По происхожденію своему, сборъ этотъ ближе всего можетъ быть названъ *вотчиннымъ*, хотя и не имѣетъ въ основаніи своемъ ни частнаго права нойоновъ и зайсанговъ на землю, которая указами русскихъ царей и жалованными граматами императоровъ Павла, Александра I и Николая I предоставлена въ *безплатное пользованіе цѣлаго народа*, ни права государственнаго, такъ-какъ казна ни съ калмыцкой земли, ни съ самихъ калмыковъ еще никогда никакимъ доходомъ не пользовалась. Изъ исторіи же этого народа видно, что названный сборъ составляетъ не что иное, какъ прежній «нутугинъ-гарудъ», т.-е. сборъ, поступавшій съ народа въ распорядженіе его правителей (зайсанговъ, нойоновъ и тайши или хана) на нужды народа, его управленіе и защиту, а частью и на вознагражденіе самихъ управителей. Такимъ образомъ «нутугинъ-гарудъ», по его первоначальному значенію, является по преимуществу съ характеромъ *общественнаго сбора*; впослѣдствіи же, по мѣрѣ установленія по закону крѣпостныхъ зависимыхъ отношеній калмыковъ-простолюдиновъ къ нойонамъ и зайсангамъ, сбору этому мало по малу былъ усвоенъ характеръ *частный*, *вотчинный*. Въ этомъ смыслѣ мы съ своей стороны не видимъ никакого различія между улусами «владѣльческими» и «казенными»; по послѣднимъ правительство, въ лицѣ своихъ органовъ мѣстнаго попечительства, вступало лишь въ частныя права вымершихъ нойоновъ-владѣльцевъ, но распоряжалось вотчинными сборами какъ бы на правахъ опекуна, такъ-какъ оно обращало эти сборы не въ свою пользу, а на нужды цѣлаго народа, т.-е. въ общественный калмыцкій капиталъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что упраздняя нынѣ частныя зависимыя отношенія калмыковъ-простолюдиновъ отъ ихъ нойоновъ и зайсанговъ, съ выдачею послѣднимъ, то-есть *наличнымъ* нойонамъ и зайсангамъ, извѣстнаго вознагражденія, должны быть, какъ въ примѣненіе къ общедѣйствующимъ въ имперіи началамъ само собою разумѣется, упразднены и прежнія опекунскія отношенія къ народу

Digitized by Google

правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство, вступая по казеннымъ улусамъ въ права владѣльца по выморочному праву (ст. 1162—1167 Т. X зак. гражд.), на этомъ основаніи можетъ воспользоваться лишь такимъ же вознагражденіемъ, какое присуждено будетъ наличнымъ нойонамъ и зайсангамъ.

Съ другой стороны, предпринятое преобразованіе общественнаго и мѣстнаго управленія калмыками, въ конечномъ своемъ результатѣ, должно имѣть послѣдствіемъ распространеніе на этотъ народъ общихъ по имперіи началъ и порядковъ мірскаго, земскаго и административно-полицейско-судебнаго управленія, а слѣдовательно и такой системы сборовъ и повинностей, которая, по возможности, совпадала бы съ той же системою, какая существуетъ у прочихъ сельскихъ обывателей.

Такимъ образомъ на будущее время въ основаніе сборовъ съ калмыковъ исключительно должны бы быть положены, съ одной стороны, право государственное, а съ другой—начало обложенія имуществъ, по степени ихъ доходности, такъ-какъ исключительно эти начала предполагается примѣнять, или примѣняются уже нынѣ и казною въ отношеніи прямыхъ податныхъ налоговъ и государственной денежной повинности, и земствомъ въ отношеніи губернскихъ и уѣздныхъ денежныхъ повинностей. Только въ отношеніи собственно мірскихъ сборовъ, устанавливаемыхъ на свои нужды сельскими и волостными обществами, въ законѣ нѣтъ никакихъ ближайшихъ указаній; общества эти могутъ взыскивать мірскіе сборы, по ихъ собственному усмотрѣнію, раскладкою ли на предметы обложенія, или и на лицо, то-есть на личные заработки поселянъ.

Главнѣйшимъ предметомъ прямаго податнаго, земскаго и даже мірскаго обложенія представляется въ имперіи земля, или точнѣе, доходность земель. Но и по сіе время у насъ не существуетъ еще *общаго государственнаго поземельнаго налога*, такъ-какъ всѣ земли, составляющія полную частную собственность, независимо отъ сословныхъ правъ, по древне-русскому выраженію, принадлежатъ къ «обѣльнымъ» землямъ, то-есть не облагаются никакимъ въ пользу казны сборомъ. Только на трехлѣтіе, съ 1872 года, указано: четвертую часть всей общей смѣтной суммы государственныхъ земскихъ повинностей обратить на сборъ съ *удобныхъ земель, подлежащихъ обложенію на мѣстныя земскія повинности* (высоч. утвержд. 1-го іюня 1870 года мнѣніе государственнаго совѣта). Въ этой мѣрѣ, а также въ передачѣ на обсужденіе мѣстныхъ земскихъ учрежденій извѣстнаго проекта реформы подушной подати, съ тѣмъ, чтобы земства, «при составленіи заключеній о томъ, какая часть общей суммы подушныхъ сборовъ можетъ быть переложена на земли и какая на дворы», ни мало не стѣснялись указаннымъ предположеніемъ податной коммисіи «объ обращеніи въ общихъ итогахъ по имперіи подушной подати на дворы, а государственнаго земскаго сбора на земли», нельзя не видѣть первую рѣшительную по-

Digitized by Google

пытку къ установленію у насъ правильной государственной подати. Вслѣдствіе того, и государственной *оброчной* подати бывшихъ государственныхъ крестьянъ, образовавшейся переложеніемъ на *земли исключительно тѣхъ же крестьянъ*, поступавшей съ нихъ прежде *подушно*-оброчной подати, не могло быть присвоено наименованіе государственной *поземельной* подати; но, съ другой стороны, явилась и возможность предоставить этимъ крестьянамъ право откупаться отъ означенной подати, чѣмъ уже окончательно признанъ за нею ея *частный* характеръ, такъ-какъ никакой *дѣйствительно* государственный налогъ, или, говоря иначе, право государства на обложеніе извѣстнаго имущества, по самому существу дѣла, выкупу подлежать не можетъ.

Такимъ образомъ, оставаясь неуклонно на почвѣ права и строгой послѣдовательности, мы не видимъ достаточныхъ основаній къ установленію для калмыковъ въ пользу казны такого прямаго налога, который соотвѣтствовалъ бы значенію государственной *поземельной* подати, такъ-какъ этой подати пока еще не существуетъ и въ имперіи. Точно также нѣтъ никакихъ основаній для обложенія калмыковъ, по примѣру государственныхъ крестьянъ, государственною (?) *оброчною* податью. Калмыцкая степь предоставлена цѣлому народу въ *безплатное* пользованіе по жалованнымъ граматамъ, и право его на эту территорію является своего рода правомъ эмфитевтичнаго владѣнія, которое всегда и повсюду ограждалось наравнѣ съ полной, частной собственностью.

«Но это абсурдъ!», скажетъ иной читатель. Совершенно согласны; но въ то же время просимъ согласиться и съ нами, что причина абсурда лежитъ не въ нашей аргументаціи и не въ условіяхъ калмыцкой степи и ея населенія, а въ совершенно иномъ мѣстѣ. Не калмыки, конечно, виноваты, что у насъ существуетъ пока масса «обѣльныхъ» земель и нѣтъ государственнаго подоходнаго налога. Но мало ли абсурдовъ представляетъ наша бытовая жизнь! Такъ, напримѣръ, всячески и сильно хлопочутъ иные о поднятіи благосостоянія *народной массы*, и въ томъ числѣ, конечно, десятковъ мильйоновъ нашихъ крестьянъ, посредствомъ созданія дешеваго, удободоступнаго кредита. А между тѣмъ, рѣдко кому приходитъ на умъ, что первымъ, необходимѣйшимъ основаніемъ для кредита является взаимное страхованіе, во всѣхъ видахъ его; что какъ общества страхованія, такъ и кредитныя общества, будучи основаны на началѣ взаимности, должны, по возможности, территоріально совпадать, но не терпятъ слишкомъ большой территоріальной шири, хотя все же нуждаются въ возможно широкомъ просторѣ; что для подобныхъ учрежденій губернія и даже уѣздъ нашъ слишкомъ велики, а крестьянская волость и мала, и бѣдна интеллигентными силами, и что поэтому слѣдовало бы добиваться прежде всего устройства территоріальныхъ, всесо-

словныхъ волостей, къ которымъ легко, удобно пріурочатся и школы, и всякаго рода страховыя и кредитныя учрежденія, основанныя по началу взаимности. Слишкомъ многіе, занимаясь вопросомъ даже спеціально, упускаютъ, однако, изъ виду то обстоятельство, что возможность кредита вообще, и прочность всякаго рода кредитныхъ операцій въ частности, состоитъ въ неразрывно-тѣсной связи съ экономическою, гражданскою и политическою организаціею данной среды; что создать удободоступный, дешевый кредитъ весьма трудно или даже вовсе немыслимо тамъ, гдѣ населеніе вообще, и каждое лицо въ отдѣльности обременены, сверхъ силы, всякаго рода налогами, прямыми и косвенными; гдѣ одни послѣдніе, т.-е. косвенные налоги, составляютъ важнѣйшую статью доходовъ государственнаго бюджета, тогда какъ, по словамъ политико-экономической науки, эти именно налоги на предметы всеобщаго потребленія, т.-е. первой необходимости, дѣйствуютъ на массу, какъ «неблагодарная почва или дурной климатъ», представляются «такимъ же ужаснымъ бѣдствіемъ, какъ безплодіе почвы, суровый климатъ или тяжкая болѣзнь», «потрясаютъ до самыхъ коренныхъ основаній не только равенство распредѣленія общественныхъ податей, но и всѣ начала общественнаго благосостоянія»; препятствуютъ «почти безусловно развитію промышленности и благосостоянія низшихъ и бѣднѣйшихъ классовъ», и т. д. и т. д.; гдѣ, далѣе, самъ законъ совершенно чуждъ правильнаго сознанія той неразрывной связи, которая должна существовать между усадьбою поселянина, съ одной стороны, и его же полевыми паями — съ другой; гдѣ до сего времени почти безъ всякаго разбора и навсегда отбирались отъ «хозяйства» его неотъемлемыя принадлежности: способнѣйшіе работники — въ солдаты, а скотъ и вообще хозяйственный инвентарь (пріобрѣтенный, быть можетъ, ссудою изъ земской кассы или отъ частнаго товарищества) въ продажу съ молотка на погашеніе недоимокъ; гдѣ безконтрольнымъ вершителемъ политико-экономическаго вопроса: какая именно часть изъ инвентарнаго имущества недоимщика можетъ быть продана безъ вреда для хозяйства?... является, въ лицѣ становаго пристава, своего рода римскій «шейлохъ», заинтересованный лично только въ непремѣнномъ взысканіи недоимки во что бы то ни стало,—приставъ, для котораго рѣшительно безразличенъ вопросъ—можетъ ли хозяйство продолжать съ успѣхомъ свое существованіе, или оно должно разстроиться; гдѣ крестьянинъ, во всякомъ случаѣ, можетъ продать свою усадьбу, но съ полевыми паями вправѣ развязаться не иначе, какъ переходя въ городское общество и бросая пай свои за-даромъ, хотя бы оставлять свое сельское общество вовсе не желалъ, а паями лично пользоваться и не могъ, и не хотѣлъ; гдѣ, такимъ образомъ, хозяйственному инвентарю во всякое время грозятъ удары аукціоннаго молотка, а полевыя угодія обрабо-

Digitized by Google

тываются хищническимъ способомъ, въ смыслѣ же кредита, и инвентарь, и поле представляются совершенно мертвымъ капиталомъ, такъ-какъ нѣтъ ни хозяйства, какъ единицы по закону нераздѣльной, ни страхованія движимости, а страховая норма усадебныхъ построекъ крайне далека отъ ихъ дѣйствительной стоимости. Съ неменьшимъ, конечно, удовольствіемъ, какъ и ревнители дѣла «ссудо-сберегательныхъ товариществъ», мы привѣтствовали рѣчь министра финансовъ, сказанную въ засѣданіи совѣта государствен. кредитн. учрежденій («Правит. Вѣстн.», № 228, 1870 г.). Но еслибы содѣйствію правительства суждено было остановиться на одномъ только *ускоренномъ* утвержденіи уставовъ подобныхъ товариществъ, то удовольствіе это равнялось бы едва-ли не одинокому солнечному лучу, нечаянно пробившемуся къ намъ, чаящимъ просвѣта, чрезъ густыя тучи финансоваго міра. Вѣдь, главнымъ образомъ, отсюда-то мы давнымъ-давно и ждемъ самыхъ насущныхъ, самыхъ элементарныхъ преобразованій. И не своего ли рода абсурдъ — мечтать о возможности развить болѣе или менѣе *широкій*, *дешевый* кредитъ, не добившись предварительно указываемыхъ нами элементарныхъ гарантій, безъ которыхъ нигдѣ, никакой кредитъ невозможенъ. Мы того мнѣнія, что и кредитъ, и необходимые для его развитія капиталы явятся сами собой повсюду, гдѣ нормальны прежде всего экономическая, фискальная и гражданская организація, а затѣмъ и политическое устройство общества; создавать же кредитъ и капиталы для экономическаго хаоса и фискальной неурядицы, по нашему мнѣнію, трудъ крайне неблагодарный или даже весьма сомнительной пользы, такъ-какъ такія хлопоты обыкновенно кончаются или полнѣйшимъ fiasco, или крайне-ничтожными результатами. Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ отказать въ нашемъ полномъ, искреннѣйшемъ сочувствіи тѣмъ побужденіямъ, которыя руководятъ и частными лицами, и разными учрежденіями въ заботахъ объ организаціи народнаго кредита; но опасаемся одного, весьма обыкновеннаго въ нашихъ кооперативныхъ предпріятіяхъ явленія: ничтожность результатовъ въ одномъ случаѣ, полная неудача—въ другомъ, уронятъ довѣріе къ подобнымъ учрежденіямъ; явившееся-было увлеченіе уступитъ мѣсто полной апатіи и... благое начало кооперацiи будетъ скомпрометировано, и именно потому, что вниманіе общества было отвлечено отъ вопросовъ наиболѣе существенныхъ, благодаря исключительно ошибочности воззрѣній на *дѣйствительныя* средства къ поправленію разстроеннаго народнаго хозяйства. Словомъ, усердно хлопоча о поднятіи народнаго благосостоянія и объ организаціи народныхъ труда и кредита, мы совершенно упускаемъ изъ виду самыя элементарныя условія, признанныя давнымъ-давно политико-экономическою наукою; забываемъ слова Форбоне, высказанныя еще въ 1758 г., что «отмѣна косвенныхъ налоговъ и удовлетвореніе государствен-

Digitized by Google

ныхъ потребностей посредствомъ прямаго налога на доходы должны быть цѣлью всѣхъ финансистовъ ради справедливости, ради общественнаго благосостоянія и увеличенія государственнаго могущества». Но возвратимся къ нашему вопросу.

Хотя до сего времени калмыки и были освобождены отъ всякаго рода податей и повинностей въ пользу казны, но тѣмъ не менѣе, они несли, какъ сказано, такіе сборы, размѣръ которыхъ далеко превышаетъ maximum нормальнаго обложенія, не говоря уже о томъ, что, подъ видомъ кибиточнаго сбора, обложены не только скотъ (или земля, доходность которой у калмыковъ обусловлена единственно скотоводствомъ), но и личные заработки. Вмѣстѣ съ упраздненіемъ крѣпостныхъ зависимыхъ отношеній, должны сами собою прекратиться и основанные на этихъ отношеніяхъ вотчинные сборы; *калмыцкій народъ окажется совершенно свободнымъ отъ всякаго рода частныхъ и казенныхъ платежей и повинностей*, такъ-какъ нойоны и зайсанги за отходящія отъ нихъ выгоды могутъ быть удовлетворены на счетъ общественнаго калмыцкаго капитала. И здѣсь-то именно мы усматриваемъ возможность установить съ калмыцкаго народа такой въ пользу казны прямой поземельный налогъ, который вполнѣ соотвѣтствуетъ государственной оброчной подати бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Выше мы сказали, что правительство, въ качествѣ владѣльца такъ-называемыхъ казенныхъ улусовъ, по праву выморочному, должно воспользоваться съ этихъ улусовъ тѣмъ же самымъ вознагражденіемъ, какое въ улусахъ и аймакахъ владѣльческихъ будетъ выдано наличнымъ нойонамъ и зайсангамъ. Эту сумму вознагражденія правительство можетъ оставить на всей калмыцкой землѣ, въ видѣ 5% ипотекарнаго безсрочнаго долга; ежегодная уплата народомъ процентовъ съ этого долга составитъ искомую государственную оброчную подать съ калмыковъ, которая, какъ и подать эта у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, можетъ подлежать погашенію или выкупу, нисколько не стѣсняя ни права казны въ свое время обложить калмыцкую степь, на общемъ основаніи, государственнымъ поземельнымъ налогомъ, ни права земства (коль скоро оно будетъ введено въ Астраханской губерніи) привлечь калмыковъ, на общемъ же основаніи, къ несенію мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ повинностей, по предметамъ обложенія. И установленіе, въ указанномъ порядкѣ, оброчной подати съ калмыковъ представляется мѣрою тѣмъ болѣе справедливою, что опредѣляемое въ пользу нойоновъ и зайсанговъ вознагражденіе, по всей вѣроятности, будетъ выдано изъ калмыцкаго общественнаго капитала, образовавшагося, главнымъ образомъ, изъ остатковъ отъ сбора съ казенныхъ, а не съ владѣльческихъ улусовъ.

Если вознагражденіе наличныхъ нойоновъ и зайсанговъ, взамѣнъ отходящаго отъ нихъ покибиточнаго сбора, опредѣлить, по примѣненію къ положенію 19-го февраля 1861 года объ

Digitized by Google

устройствѣ дворовыхъ людей (ст. 9-я и 25-я), въ размѣрѣ двухгодичнаго албана, т.-е. съ каждой владѣльческой кибитки выплатить нойону по 14 руб. 28 коп., а аймачному зайсангу по 1 руб. 14 коп., съ надбавкою, по примѣненію къ ст. 590 т. X закон. гражд., одной пятой части валовой суммы сего вознагражденія, то, примѣняя тѣ же основанія къ казеннымъ улусамъ, вознагражденіе казны составитъ:

Съ 2,710	кибитокъ	Багацохуровскаго	улуса.	41,788 р.	20 к.
» 2,845	»	Эркетеневскаго	»	43,868 »	90 »
» 3,111	»	Яндыковскаго	»	47,971 »	62 »
» 2,248	»	Икицохуровскаго	»	34,664 »	16 »
			Итого.	168,292 »	88 »

А прибавивъ сюда $^1/_5$ часть показанныхъ суммъ, полное вознагражденіе казны составитъ:

По Багацохуровскому улусу	50,146 р.
» Эркетеневскому	52,643 »
» Яндыковскому	57,566 »
» Икицохуровскому	41,597 »
Итого. .	201,952 р.

Съ этой-то суммы 5%, т.-е. 10,098 р. въ годъ, составляетъ тотъ доходъ казны, который, въ строгомъ согласіи съ дѣйствующей по имперіи системой налоговъ, можетъ быть взимаемъ съ калмыцкаго народа въ видѣ «государственной оброчной подати за предоставленныя въ пользованіе сего народа земли и угодья». И по нашему мнѣнію, на этой цифрѣ «оброчной подати» слѣдуетъ остановиться. По разверсткѣ же этой подати на улусы по числу кибитокъ калмыковъ-простолюдиновъ, причиталось бы оной къ поступленію:

Съ 7,907	кибит.	Малодербетевскаго улуса.	3,456 р.
» 2,176	»	Фарахусо-Эрденіевскаго .	950 »
» 1,855	»	Хошоутовскаго	810 »
» 3,111	»	Яндыковскаго	1,359 »
» 2,248	»	Икицохуровскаго . . .	981 »
» 2,845	»	Эркетеневскаго	1,252 »
» 2,710	»	Багацохуровскаго . . .	1,183 »
» 248	»	Нынѣшнихъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ . .	108 [1] »

Итого 10,099 рублей, что составитъ до 3,5% валоваго дохода, получаемаго калмыцкимъ народомъ отъ скота или, что здѣсь то же, отъ состоящей въ его пользованіи земли.

[1] Въ «Историческихъ и стат. свѣдѣніяхъ» генералъ-майора Костенкова мы не находимъ, въ какому именно улусу, въ какомъ числѣ кибитокъ принадлежатъ 248 кибитокъ, подвластныхъ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ; но на основаніи вновь проектируемаго Положенія, кибитки эти, какъ само собою разумѣется, войдутъ въ составъ улусовъ, на земли которыхъ и предстояло бы тогда разверстать исчисленные 103 руб. оброчной подати.

Digitized by Google

Далѣе, подчиняясь по новому положенію общимъ учрежденіямъ, калмыки, по всей справедливости, должны будутъ доставлять государственному казначейству, независимо отъ государственной оброчной подати, еще и извѣстную долю средствъ на содержаніе этихъ учрежденій, т.-е. калмыковъ слѣдуетъ обложить: а) подушной податью; б) государственнымъ зѣмскимъ сборомъ, и в) сборомъ на содержаніе губернскихъ и мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій.

Окладъ подушной подати, для состоящихъ на общемъ окладѣ поселянъ, составляетъ по мѣстностямъ отъ 1 р. 30¾ к. до 2 р. 14 к. съ души. Если принять для калмыковъ окладъ въ 1 р. 31 к., то съ нихъ, по числу 65,196 душъ, подлежало бы къ поступленію 85,406 р. 76 к.

Государственнаго земскаго сбора, по высочайше утвержденной 26-го іюня 1866 года смѣтѣ, въ послѣднее трехлѣтіе поступало съ поселянъ Астраханской губерніи по мѣстностямъ отъ 20 до 61 к. съ души. Слѣдовательно, съ калмыковъ должно поступать этого сбора по меньшей мѣрѣ по 20 к. съ души, т.-е. до 13,039 руб. 20 коп. въ годъ.

Наконецъ, сумма сбора на содержаніе мировыхъ учрежденій находится въ прямой зависимости отъ вопроса о порядкѣ управленія калмыцкимъ народомъ.

Такимъ образомъ, опредѣляя сумму сбора на мировыя учрежденія приблизительно въ 9 тысячъ рублей, съ калмыцкаго народа подлежало бы къ поступленію въ казну:

Государственной оброчной подати.	10,099 р.
Подушной подати.	85,407 »
Государственнаго земскаго сбора.	13,039 »
На учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ до . .	9,000 »
Итого. .	117,545 р.

Такимъ образомъ общая сумма налоговъ, по уравнительному разсчету, составила бы: до 5 р. 4 к. *на кибитку*, *или* до 3 р. 87 к. *на рабочаго* отъ 20 до 60 лѣтъ; *или* безъ малаго по 9 к. съ головы мелкаго скота (слѣдовательно съ крупной головы до 35 к.); *или*, наконецъ, считая и 445,000 десятинъ общаго кочевья, до 1²з к. съ валовой десятины калмыцкаго владѣнія.

Но 117,545 р. налоговъ составляетъ по меньшей мѣрѣ ¹/₆ часть, или около 17% валоваго дохода калмыковъ, получаемаго ими отъ скота, т.-е. отъ земли, какъ единственнаго у нихъ предмета податнаго и земскаго обложенія. Очевидно, что земля калмыцкой степи, по крайней мѣрѣ при данныхъ условіяхъ ея хозяйственной эксплуатаціи, не въ силахъ выносить подобный высокій процентъ налога. Необходимо принять еще въ соображеніе и доходы калмыковъ отъ заработковъ; и только въ этомъ случаѣ исчисленная сумма налоговъ окажется неотяготительною для народа, если притомъ: а) валовая сумма сборовъ будетъ разверстана по-улусно и взыскиваема, по внутренней

Digitized by Google

раскладкѣ, — *одна часть* съ земли по удобствамъ угодій или доходности ея, а *другая часть* (подушная подать), какъ очевидно оплачиваемая изъ личныхъ заработковъ, — покибиточно, соображаясь съ числомъ рабочихъ душъ; и б) для внутренней на этихъ основаніяхъ раскладки сборовъ по аймакамъ, хуруламъ и участкамъ исключительнаго пользованія, улуснымъ сходамъ будутъ преподаны закономъ, въ главныхъ основаніяхъ, соотвѣтствующія цѣли ближайшія указанія.

По дѣйствующей въ имперіи податной системѣ, на счетъ обязательнаго земскаго сбора отнесены расходы на содержаніе мировыхъ учрежденій. Со введеніемъ въ Астраханской губерніи общаго земскаго положенія и судебно-мироваго института, калмыки должны будутъ подчиниться этимъ учрежденіямъ на общемъ основаніи, а слѣдовательно и нести на содержаніе оныхъ свою часть налога съ предметовъ земскаго обложенія, т.-е. въ настоящемъ случаѣ исключительно съ земли. Но несомнѣнно, что всякое болѣе или менѣе значительное увеличеніе вышеисчисленной валовой суммы налоговъ на калмыковъ, представляется совершенно невозможнымъ безъ крайняго отягощенія платежныхъ средствъ народа. Поэтому казалось бы справедливымъ — къ указаннымъ выше 9 тыс. рублей на мировыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ причислить еще 25 тыс. рублей на содержаніе собственно судебно-мироваго института, уменьшивъ на такую же сумму подушную подать, такъ чтобы у калмыковъ составилось всего 34 тыс. руб. на мировыя учрежденія, подушная же подать понизилась до 65,191 руб., т.-е. до 1 рубля съ души.

Затѣмъ уже между улусами подлежали бы разверсткѣ:

а) По удобствамъ и доходности земель ихъ угодій —	
государственная оброчная подать	10,099 р.
Государственный земскій сборъ	13,039 »
На мировыя учрежденія у калмыковъ. . . .	34.000 »
Итого. .	57,138 р.
б) Подушная подать, исчисленная въ размѣрѣ 1 рубля съ души	65,196 р.
Всего. .	122,334 р.

Хозяйственной съемки калмыцкой степи еще не сдѣлано, а потому относительныя хозяйственныя удобства какъ этой степи вообще, такъ въ частности и земель, входящихъ въ составъ каждаго улуса, точно вовсе неизвѣстны, но они близко выражаются численностью скота у калмыковъ, а еще точнѣе цифрою получаемаго каждымъ улусомъ дохода со скота, такъ-какъ хозяйственными удобствами каждой мѣстности обусловлено производство: или преимущественно крупнаго скота, или же главнымъ образомъ мелкаго, доходность же того и другаго скота относительно неодинакова.

Digitized by Google

Выше приведены нами цифры дохода отъ скота. Если распредѣлить пропорціонально этому доходу оброчную подать, земскій сборъ и сборъ на мировыя учрежденія, подушную же подать по числу душъ, то причтется сборовъ съ улусовъ:

	Подушной по 1 рублю съ души.	Оброчной подати.	Земскаго сбора.	На крестьянскія и судебно-мировыя учрежденія.	Итого.
	рубли.	рубли.	рубли.	рубли.	рубли.
Малодербетевскаго. .	23,952	5,348	6,377	18,007	53,684
Харахусо-Эрденіевскаго.	6,085	1,045	1,348	3,524	12,902
Хошоутовскаго. . .	4,467	316	575	1,058	6,416
Яндыковскаго. . .	8,351	313	572	1,053	10,289
Икицохуровскаго. .	6,717	1,430	1,805	4,815	14,767
Эркетеневскаго . .	7,921	947	1,329	3,189	14,386
Багацохуровскаго. .	7,044	648	972	2,180	10,844
Мелкопомѣстныхъ. .	659	52	61	174	946
Итого. .	65,196	10,099	13,039	34,000	122,334

Но одна земля или скотоводство, какъ уже замѣчено, не въ силахъ нести этотъ налогъ. Калмыки получаютъ валоваго дохода въ улусахъ:

	На кибитку.						
	Отъ скота.		Отъ заработ.		Въ сложн.		Итого.
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	рубли.
Малодербетевскомъ	41	88	13	17	55	05	434,141
Харахусо-Эрденіевскомъ . . .	29	78	20	36	50	14	109,091
Хошоутовскомъ	10	49	25	98	36	47	67,630
Яндыковскомъ	6	21	35	24	41	45	128,925
Икицохуровскомъ	39	37	22	45	61	82	138,971
Эркетеневскомъ	20	61	30	45	51	06	144,959
Багацохуровскомъ	14	78	14	78	29	56	125,712
У мелкопомѣстныхъ.	12	90	27	09	39	99	9,919

Въ виду этихъ данныхъ и предпринимаемаго въ имперіи переложенія подушной подати въ налогъ—вѣроятно лично-подоходный, намъ кажется наиболѣе справедливымъ произвести у калмыковъ поулусную разверстку валовой суммы сборовъ: а) подушнаго—по числу кибитокъ, и б) всѣхъ остальныхъ—пропорціонально валовому доходу народа отъ земли или скота и отъ заработковъ. Подушная подать 65,196 рублей, по числу 23,100 кибитокъ, даетъ окладъ въ 2 рубля 82 копѣйки съ каждой. Итакъ:

Digitized by Google

Въ доходъ государственнаго казначейства вносятъ:	Кибиточная подать по 2 р. 82 к. съ кибитки.		Оброчной подати.	Государственнаго земскаго сбора.	На мировыя учрежденія.	Итого.	
Улусы:	руб.	к.	р	у	б	р.	к.
Малодербетевскій .	22,297	74	3,128	4,791	13,565	43,781	74
Харахусо-Эрденіев.	6,136	32	894	1,217	3,422	11,669	32
Хошоутовскій . . .	5,131	10	494	893	1,414	8,032	10
Яндыковскій	8,773	02	1,015	1,670	2,457	13,915	02
Икицохуровскій . .	6,339	36	1,509	1,343	5,075	14,266	36
Эркетеневскій . . .	8,022	90	1,724	1,584	4,242	15,572	90
Багацохуровскій . .	6,642	20	1,273	1,409	3,630	12,954	20
Мелкопом. кибитки.	699	36	62	132	195	1,088	36
Всего . .	64,142		10,099	13,039	34,000	121,280	

Но изъ этихъ налоговъ, сборъ на мировыя учрежденія (34,000), впослѣдствіи, со дня введенія въ Астраханской губерніи общаго земскаго положенія, долженъ бы быть переданъ мѣстному земству, которое приметъ на себя обязанность содержать мировыя учрежденія у калмыковъ.

Затѣмъ уже мы полагали бы постановить закономъ:

1) Установленные для калмыковъ налоги могутъ быть увеличены не иначе, какъ въ порядкѣ законодательномъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: а) окладъ покибиточной подати, въ размѣрѣ 2 р. 82 к., не можетъ быть увеличенъ ни въ какомъ случаѣ; общая же валовая сумма этой подати остается неизмѣнною только отъ одной переписи калмыцкаго народа до другой; соотвѣтственно результатамъ каждой новой переписи эта сумма исчисляется вновь и разверстывается между улусами по числу кибитокъ; б) опредѣленный нынѣ размѣръ государственной оброчной подати не можетъ быть увеличенъ ранѣе 24-го ноября 1886 года; тѣмъ временемъ должна быть произведена хозяйственная съемка калмыцкой степи и, если возможно, оцѣнка ея угодій; в) сумма государственнаго земскаго сбора устанавливается на будущее время на основаніи общедѣйствующихъ относительно сего сбора законоположеній, и г) сборъ на мировыя учрежденія обусловливается штатами сихъ учрежденій.

2) Улусный и аймачные сходы, дѣлая раскладку сихъ налоговъ, обязаны руководствоваться слѣдующими правилами:

а) Между аймаками, хурулами и такими отдѣльными семьями, которыя владѣютъ участками земли, но въ составъ аймака почему-либо не вошли, причитающаяся съ улуса валовая сумма налоговъ распредѣляется вообще по числу кибитокъ или семействъ; а именно, при раскладкѣ покибиточной подати принимается въ соображеніе исключительно число состоящихъ въ кибиткѣ или семьѣ рабочихъ душъ, причемъ на одну и ту же кибитку не можетъ быть наложено болѣе двойнаго оклада, то-

Digitized by Google

есть болѣе 5 р. 64 к.; всѣ же остальные сборы раскладываются по числу кибитокъ, принимая въ разсчетъ количество скота и другія хозяйственныя выгоды.

б) При внутренней раскладкѣ сборовъ, каждыя два лица, состоящія въ хурулѣ, а также каждый изъ числящихся въ улусѣ бобылей отъ 20-ти до 60-тилѣтняго возраста, принимаются за *одну* окладную кибитку; и

в) кибитки или семьи, въ составѣ которыхъ нѣтъ взрослыхъ работниковъ отъ 20-ти до 60-тилѣтняго возраста, или же таковые неспособны къ работѣ по увѣчью, неизлечимой болѣзни и т. д., освобождаются отъ покибиточнаго оклада вовсе, но несутъ всѣ остальные налоги соотвѣтственно тому имуществу (землѣ и скоту), которымъ семья владѣетъ.

3) За исправное поступленіе въ казну подлежащей съ улуса суммы налоговъ отвѣтствуетъ прежде всего аймакъ, хурулъ или отдѣльная семья, каждый или каждая въ той суммѣ налога, какая причитается съ аймака, хурула или семьи по внутренней раскладкѣ; въ случаѣ же несостоятельности къ платежу аймака, хурула или отдѣльной семьи взысканіе недобора обращается на улусное общество.

4) Жалобы на неправильность внутренней раскладки подаются улусному мировому судьѣ. Рѣшеніе судьи, въ двухнедѣльный срокъ со дня объявленія, недовольная сторона можетъ обжаловать въ просьбѣ, подаваемой тому же судьѣ на имя губернскаго правленія (или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, если оно не будетъ упразднено). Постановленія послѣдняго по сего рода дѣламъ окончательны и обжалованію не подлежатъ.

Начертанный нами планъ податнаго обложенія калмыковъ достигаетъ, между прочимъ, слѣдующихъ цѣлей:

вопервыхъ, прежніе вотчинные сборы, оказавшіеся крайне разорительными для народа, будутъ замѣнены налогами, валовая сумма которыхъ не превышаетъ суммы дѣйствительно поступавшихъ до сего времени сборовъ съ народа;

вовторыхъ, оплата этой суммы налоговъ будетъ еще облегчена: а) привлеченіемъ къ платежамъ, по внутренней раскладкѣ, всѣхъ сословій народа; б) уравнительною разверсткою валовой суммы налоговъ между улусами частью пропорціонально рабочей силѣ, частью же пропорціонально дѣйствительному доходу, и в) внутренними раскладками сборовъ по кибиткамъ на тѣхъ же основаніяхъ, а именно: около 0,53 валовой суммы налоговъ, то-есть 64,142 р. на личные заработки, а остальныхъ 0,47 или 57,138 р. на доходъ съ земли или скота, что составляетъ около 10% валоваго дохода калмыковъ отъ земли или скота и заработковъ;

втретьихъ, калмыки будутъ выведены изъ прежняго, въ податномъ смыслѣ, мнимо-льготнаго положенія и войдутъ въ общую по имперіи повинно-податную систему.

Digitized by Google

Намъ могутъ возразить, что обложеніе рабочей силы и промысловыхъ заработковъ грѣшитъ противъ финансовой науки. Но—отвѣчаемъ мы—пусть намъ докажутъ, что подушныя подати крестьянъ оплачиваются ими не изъ личныхъ заработковъ, а изъ имущественныхъ доходовъ, и что валовая сумма сборовъ съ калмыковъ можетъ быть понижена до 10% валоваго (о «чистомъ» уже и не говоримъ) дохода съ земли или скота, то-есть до 62,493 р. Если же это не можетъ быть допущено, то, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ откровенно обратиться къ сбору съ работниковъ, въ видѣ проектированной нами покибиточной подати, а не создавать фиктивный подоходно-имущественный налогъ, который, какъ и вообще всякая фикція въ серьёзномъ дѣлѣ, долженъ бы отозваться на благосостояніи народа крайне вредными послѣдствіями и, во всякомъ случаѣ, вогналъ бы весь народъ въ мочаги. Но дадутъ ли мочаги средства къ обезпеченію всего калмыцкаго народа и что мы предпримемъ съ калмыцкою степью, въ которой только калмыкъ и калмыцкій скотъ могутъ находить свое скудное пропитаніе?! Опустѣніе Крыма совершилось на нашихъ глазахъ, а между тѣмъ его почвенныя и вообще хозяйственныя условія несравненно лучше тѣхъ же условій калмыцкой степи. Къ тому же едва-ли желательно, чтобы наше осѣдлое земледѣльческое населеніе, далеко еще недостаточное для культивированія массы несравненно болѣе благодарныхъ угодій имперіи, было направлено на занятіе калмыцкой территоріи для того только, чтобы здѣсь сойти на ступень полудикаго, полукочеваго народа.

А. К.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЯ ПРАВА ЖЕНЩИНЪ ВЪ АНГЛІИ.

I.

Четыре года тому назадъ во время преній о реформѣ, въ англійской палатѣ общинъ былъ поднятъ вопросъ о дарованіи избирательныхъ правъ женщинамъ. Джонъ-Стюартъ Милль, внесшій этотъ проектъ, мотивировалъ его тѣмъ, что женщины трудятся для своего пропитанія и платятъ такіе же налоги, какъ и мужчины, а потому должны пользоваться одинакими съ ними правами въ управленіи, на содержаніе котораго идутъ ихъ трудъ и деньги. Прошенія, внесенныя Миллемъ, были подписаны 5,000 женщинъ. Предложеніе его возбудило общую веселость въ палатѣ; многіе члены остались присутствовать при преніяхъ въ надеждѣ вдоволь позабавиться; другимъ оно показалось до того курьёзнымъ, что англичане, любители всякихъ рѣдкостей, не могли пропустить безъ вниманія такого необычайнаго собы-

Digitized by Google

тія. И дѣйствительно, на всѣ серьёзные доводы Милля, возраженія дѣлались въ шуточномъ тонѣ, насмѣшки и тонкости пересыпались разсказами и анекдотами. Въ примѣръ того, какъ *всѣ* женщины относятся къ предлагаемой реформѣ, одинъ ораторъ привелъ отвѣтъ молодой лэди, спрошенной имъ, за кого бы она подала свой голосъ при выборахъ: «за того, сказала она, кто далъ бы мнѣ лучшую пару бриллiантовыхъ серегъ». Въ концѣ-концовъ предложеніе Милля было отвергнуто большинствомъ 196-ти голосовъ противъ 83-хъ.

Какъ ни велико это было большинство, но и 83 голоса, поданные за проектъ, показали женщинамъ что ихъ дѣло имѣетъ шансы на успѣхъ. Лѣтъ за 20 или за 10 самые радикальные члены палаты не только не поддержали бы подобнаго билля, но и не стали бы обсуждать его. Послѣдствія еще болѣе утвердили женщинъ въ этомъ мнѣніи. До внесенія проекта Миллемъ онѣ вели агитацію, безъ которой не проходитъ ни одинъ вопросъ въ Англіи, собирали митинги и пр., но все это казалось имъ дѣломъ второстепеннымъ. Онѣ не приготовили общественное мнѣніе къ новой мысли о дарованіи избирательныхъ правъ женщинамъ, и сдѣлали большую ошибку. Онѣ должны были знать, что правительство свободной страны не приметъ какой бы то ни было, даже очевидно благотворной реформы, не узнавъ сначала общественнаго мнѣнія о ней. На это же указывали нѣкоторые ораторы во время преній по проекту Милля и главнѣйшее возраженіе противъ него было то, что большинство женщинъ не желаетъ вовсе избирательныхъ правъ, что онѣ чувствуютъ инстинктивное отвращеніе ко всякой общественной, а тѣмъ болѣе политической дѣятельности, что дарованіе этихъ правъ сведетъ ихъ съ пьедестала, на которомъ онѣ могутъ удержаться только до тѣхъ поръ, пока будутъ скромны и цѣломудренны, что *онѣ знаютъ*, что мужчины перестанутъ ихъ уважать, когда онѣ станутъ смѣшиваться съ толпой у избирательныхъ урнъ, что онѣ слишкомъ изящны и нѣжны для этого, и что истинная цѣль людей, хлопочущихъ о дарованіи правъ женщинамъ, скрывается въ желаніи свалить на нихъ ту грубую работу, которой они сами тяготятся. Всѣ эти возраженія высказывались въ палатѣ всякій разъ, когда обсуждался вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ. Какъ ни горько, но надо сознаться, что въ нихъ есть доля правды. Изъ 10 женщинъ, можетъ быть, найдется 9 такихъ, которыя считаютъ свою задачу исполненной, если онѣ проводятъ свою жизнь весело, имѣютъ возможность постоянно быть одѣтыми по послѣдней модѣ, не заботясь о томъ, что стоятъ эти наряды. Есть и такія, которыя совершенно довольны своимъ положеніемъ, и не желая никакихъ перемѣнъ для себя, отвергаютъ ихъ необходимость для всѣхъ; но заявляя объ этомъ, онѣ свидѣтельствуютъ только о своей неразвитости. Имъ-то именно и полезно было бы принять участіе въ общественной жизни; онѣ увидѣли бы,

Digitized by Google

что не вездѣ все такъ хорошо, какъ у нихъ дома, что внѣ ихъ заповѣднаго уголка есть много бѣдствій, много золъ, по возможности устранять которыя обязанъ каждый разумный членъ общества. Если найдутся тысячи женщинъ счастливыхъ, живущихъ подъ прикрытіемъ мужей и отцовъ, то есть мильйоны другихъ, которыя живутъ день за днемъ, не видя передъ собою никакого средства поправить свое положеніе. Для такихъ женщинъ въ Англіи избирательное право значитъ все. Люди, весьма естественно, заботятся прежде всего объ интересахъ имъ близкихъ. Поэтому тѣ классы общества, которые, пользуясь представительствомъ въ парламентѣ, участвуютъ въ составленіи законовъ, имѣютъ возможность заявлять о своихъ нуждахъ. Единственнымъ исключеніемъ являются въ настоящее время женщины. Ихъ интересы, говорятъ имъ, представляются мужчинами; послѣдніе и заявляютъ, что интересы ихъ женъ и дочерей имъ ближе, нежели собственные; но когда, напримѣръ, въ палату былъ представленъ билль о дарованіи имущественныхъ правъ замужнимъ женщинамъ, то интересы послѣднихъ не были приняты въ разсчетъ и палата лордовъ еще разъ узаконила легальное воровство. Надо быть слѣпымъ, чтобы не понять, что какъ бы замужняя женщина ни любила и ни довѣряла мужу, все же она предпочла бы, еслибы захотѣла передать ему свое имущество, сдѣлать это добровольно, а не потому, что обязана это сдѣлать по закону. Ораторы, возмущенные требованіями женщинъ избирательныхъ правъ, указываютъ имъ на ихъ обязанности матери и жены. И тутъ самая любящая мать, желающая посвятить себя своему ребенку, поставлена въ полную зависимость отъ мужа. По закону она можетъ имѣть контроль надъ своими дѣтьми только до достиженіи ими 7-милѣтняго возраста, а послѣ этого срока мужъ имѣетъ право во всякое время отнять ихъ у нея. До послѣдняго времени даже всѣ заработки жены принадлежали мужу, такъ что еслибы она видѣла, что мужъ проматываетъ ея имущество или что оно пропадаетъ какимъ-нибудь другимъ путемъ вслѣдствіе дурнаго управленія, то все-таки она не могла бъ ничего спасти для дѣтей, потому что не могла распоряжаться ни однимъ шиллингомъ. Палата лордовъ отмѣнила это, и теперь замужняя женщина въ Англіи можетъ оставлять у себя заработанныя ею послѣ замужества деньги, но палата не согласилась разрѣшить ей права распоряжаться своимъ имуществомъ. Неужели это въ интересахъ женщинъ?

Какія же отсюда послѣдствія? Такъ-какъ замужняя женщина не владѣетъ собственностью и не платитъ налоговъ, а все это за нее исполняетъ мужъ, то онъ и является представителемъ ея въ парламентѣ. Проектъ закона Милля объ избирательныхъ правахъ женщинъ былъ внесенъ въ палату общинъ раньше проекта объ имущественныхъ правахъ замужнихъ женщинъ. Палата общинъ отнеслась сочувственно къ послѣднему, но па-

лата лордовъ, разсматривая его, уже имѣла въ виду заявленное женщинами требованіе избирательныхъ правъ, и это обстоятельство, кромѣ другихъ мотивовъ, послужило къ отрицательному ея рѣшенію билля объ имущественныхъ правахъ. Когда въ прошедшемъ году Яковъ Брайтъ внесъ новый билль объ избирательныхъ правахъ женщинъ, то въ палатѣ уже явилось слѣдующее возраженіе: если принять этотъ билль, то по справедливости имъ должны пользоваться всѣ женщины, какъ незамужнія, такъ и замужнія. Но если мужъ и жена держатся различныхъ политическихъ мнѣній, то это поведетъ къ нарушенію домашняго мира; если они держатся одинакихъ, то это создастъ двойной голосъ, тѣмъ болѣе, что жена всегда будетъ находиться подъ вліяніемъ мужа.

На первое предположеніе отвѣчать нечего; если мужъ и жена во всемъ сходятся, то политическое разногласіе не нарушитъ ихъ хорошихъ отношеній, у нихъ слишкомъ много общихъ интересовъ и помимо политическихъ. Что же касается до втораго, то и теперь арендаторы подаютъ голоса за владѣльца арендуемой земли, рабочіе и фермеры всегда будутъ стоять за хорошаго хозяина. Но между мужемъ и женой не всегда неизбѣжно подчиненіе послѣдней первому; можетъ случиться и наоборотъ. Люди такъ созданы, что подчиняются обаянію болѣе сильнаго ума, который, съ какой бы стороны ни былъ, будетъ вліять на болѣе слабый. Отвлеченная теорія признаетъ женщину за таковое же человѣческое существо, какъ и мужчину, но практика требуетъ, чтобъ въ семьѣ была одна воля, одна власть, и эта власть принадлежитъ мужу. Какъ же заставить одно изъ разумныхъ существъ уступить всѣ свои права другому? На это есть много средствъ, и одно изъ нихъ — авторитетъ св. писанія. И въ церкви съ каѳедры, и въ парламентѣ ораторы говорятъ, что Богъ велѣлъ женѣ повиноваться мужу. Когда одинъ ораторъ на митингѣ, собиравшемся для обсужденія избирательныхъ правъ женщинъ, передъ тѣмъ объяснившій, что онъ человѣкъ обезпеченный, живущій своими доходами, употребилъ этотъ стереотипный доводъ, то одна изъ присутствовавшихъ на митингѣ женщинъ перебила его словами: «Богъ велѣлъ человѣку въ потѣ лица своего снискивать себѣ пропитаніе, а вы исполняете это повелѣніе?» Нѣтъ, какъ бы то ни было, а безъ прямаго представительства нѣтъ истиннаго представительства, и мужчины, защищающіе интересы женщинъ, дѣлаютъ это на столько искренно и безкорыстно, на сколько безкорыстно было бы рѣшеніе вопроса о трудѣ и капиталѣ, предоставленное собранію однихъ капиталистовъ, безъ участія рабочихъ. Обыкновенно думаютъ, что женщина, выходя замужъ, вступаетъ въ рай, гдѣ ей остается только наслаждаться жизнью и сидѣть сложа руки. Но въ дѣйствительности замужнія женщины очень часто работаютъ болѣе, нежели одинокія. Въ Англіи всѣхъ женщинъ 11.900,000; изъ нихъ 3.800,000

Digitized by Google

сами зарабатываютъ свой хлѣбъ; въ этомъ числѣ болѣе половины замужнихъ. Лишеніе женщинъ права голоса отзывается на нихъ еще непосредственнѣе. Напримѣръ, жена фермера нерѣдко при жизни мужа ознакомляется съ его дѣломъ настолько, что могла бы вести его такъ же хорошо, какъ и онъ самъ. Послѣ смерти его, владѣлецъ фермы, сознавая, что его хозяйство нисколько не потерпитъ, если имъ будетъ управлять оставшаяся вдова фермера, предпочитаетъ однако взять другаго, мужчину, потому только, что онъ владѣетъ правомъ голоса, который можетъ подать за него.

Женщинъ не допускаютъ къ нѣкоторымъ профессіямъ на томъ основаніи, что онѣ не подготовлены къ нимъ. Но вслѣдствіе того, что онѣ не пользуются избирательными правами, и образованіе ихъ не столь важно въ глазахъ правительства; во многихъ большихъ городахъ существуютъ безплатныя школы (free schools) для мальчиковъ, брошенныхъ родителями; но дѣвочекъ, находящихся въ такомъ же положеніи, оставляютъ на произволъ судьбы.

Заработная плата женщины ниже мужской.

Не въ интересахъ ли женщинъ было бы исправить эту несправедливость? Но все остается попрежнему. Наконецъ въ послѣднее время многія женщины хотѣли бы довершить свое образованіе; онѣ не претендуютъ на какія либо отличія и просятъ только, чтобы ихъ допустили въ университеты на одинакихъ правахъ съ мужчинами. Имъ въ этомъ отказываютъ и въ то же время отсутствіе высшаго образованія ставятъ въ число препятствій допущенія ихъ въ парламентъ. Какъ выйти изъ этого заколдованнаго круга? Единственнымъ путемъ представляются избирательныя права.

Поэтому послѣ пораженія, понесеннаго женщинами въ палатѣ общинъ въ 1867 г., онѣ дѣятельно принялись за агитацію въ пользу своихъ правъ, устроивали митинги, ассоціаціи, комитеты. На митингахъ ораторствовали бо̀льшей частью мужчины.

Мы, конечно, никакъ не думаемъ, что всѣ мужчины, отстаивающіе права женщинъ, дѣлаютъ это изъ расположенія къ нимъ, или изъ чувства справедливости. Тутъ, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, одни берутъ на себя защиту женщинъ для того, чтобы заявить о себѣ, другіе, — чтобы провести какую-нибудь свою, часто совершенно постороннюю интересамъ женщинъ и даже вредную для нихъ идею. Къ числу послѣднихъ безспорно принадлежитъ странная мысль, высказанная однимъ ораторомъ на лондонскомъ митингѣ. Онъ предложилъ, чтобы 150 женщинъ, удовлетворяющихъ извѣстнымъ условіямъ собственности, образованія и происхожденія, избирались исключительно женщинами же, но не въ палату общинъ, а прямо въ палату лордовъ. Мотивы такого предложенія не менѣе странны и забавны, хотя они были высказаны совершенно серьёзно, а именно: 1) такъ-какъ палата лордовъ не пользуется въ настоящее

Digitized by Google

время должнымъ вліяніемъ и нуждается въ обновленіи, то этому должна помочь предлагаемая мѣра. 2) Хотя выбираемыя женщины должны принадлежать къ привиллегированному классу, но ораторъ почему-то думаетъ, что онѣ будутъ держать сторону народа; да и вообще въ его глазахъ такимъ способомъ въ парламентъ войдетъ третій элементъ — демократическій и даже ультра-демократическій, потому что представительство женщинъ въ палатѣ лордовъ будетъ представительствомъ подчиненной, слабѣйшей половины націи. Такимъ образомъ всѣ три элемента: монархическій, аристократическій и демократическій, по мнѣнію оратора, будутъ прочно представляемы въ англійскомъ парламентѣ. 3) Такъ-какъ женщины интересуются болѣе соціальными вопросами, нежели политическими, то онѣ и внесутъ въ палату цѣлый рядъ соціальныхъ реформъ: по народному здравію, воспитанію, содержанію бѣдныхъ, эмиграціи, общественной нравственности и пр., которыми въ настоящее время парламентъ пренебрегаетъ, и наконецъ 4) такъ-какъ палата лордовъ только исправляетъ и разсматриваетъ готовые уже проекты, то женщины, непривыкшія къ самостоятельной работѣ, будутъ тамъ болѣе на мѣстѣ и съ другой стороны ихъ присутствіе оживитъ летаргическую атмосферу палаты лордовъ и вызоветъ болѣе дѣятельную работу мысли.

Что это такое, глумленіе, ловушка или просто нелѣпость? Какъ бы то ни было, подобное предложеніе характеристично; оно показываетъ, съ какого рода личностями и препятствіями женщинамъ приходится бороться. Присутствовавшіе на митингѣ сразу поняли оратора, принадлежащаго къ консервативной партіи и предложившаго такую революціонную мѣру. Правда, что во всѣхъ странахъ консерваторы нерѣдко бываютъ самыми ярыми революціонерами. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести еще нѣсколько, но и этого, конечно, достаточно.

II.

Въ промежутокъ времени, между первымъ и вторымъ биллемъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ, правительство допустило ихъ къ муниципальнымъ выборамъ, дозволило имъ выбирать и быть выбранными въ совѣты, управляющіе школами. Это обязывало ихъ принимать личное участіе въ выборахъ и «смѣшиваться съ толпой». Но тѣмъ не менѣе, для того, чтобы отклонить возможное въ палатѣ возраженіе со стороны мужей, охраняющихъ неприкосновенность своихъ женъ, Яковъ Брайтъ, въ биллѣ, внесенномъ имъ 4-го мая 1870 г., упомянулъ только объ избирательныхъ правахъ одинокихъ женщинъ, платящихъ налоги и владѣющихъ домами. При этомъ онъ представилъ 172 петиціи, покрытыя 134,000 подписей, въ числѣ которыхъ было значительное число подписей лицъ изъ проста-

Digitized by Google

го, рабочаго класса, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Несмотря, однако, на большое число петицій, многіе изъ противниковъ билля доказывали, что эти петиціи ничего не значатъ, потому что, какъ они говорили, въ числѣ представленныхъ петицій не было присланныхъ ихъ довѣрителями. При этомъ они заявили, что получили частныя письма отъ нѣкоторыхъ своихъ довѣрительницъ, высказывавшихся противъ реформы. Если петиціи ничего не доказываютъ, то еще менѣе доказываютъ отдѣльныя письма, которыхъ все-таки приходится одно, быть можетъ, на 20,000 подписей, стоящихъ на петиціяхъ.

Судьба билля на этотъ разъ была самая неожиданная: послѣ преній 4-го мая, большинствомъ 33-хъ голосовъ, билль былъ допущенъ къ второму чтенію; но 12-го мая предложеніе передать его въ комиссію было отклонено большинствомъ 126-ти голосовъ. Причина такой перемѣны во взглядахъ палаты отчасти объясняется оппозиціей правительства, допустившаго, однако, билль до втораго чтенія. Только 12-го мая премьеръ-министръ Гладстонъ произнесъ рѣчь противъ билля. Онъ полагалъ отложить разрѣшеніе предлагаемаго вопроса до тѣхъ поръ, пока открытая баллотировка при выборахъ не будетъ замѣнена закрытой, такъ-какъ при теперешнемъ способѣ выборовъ неизбѣжны бурныя сцены, непріятныя для женщинъ. Онъ сказалъ мимоходомъ, что замужнія женщины также должны пользоваться избирательными правами, какъ и одинокія, и въ заключеніе прибавилъ, что вполнѣ раздѣляетъ взгляды г. Бовэри, говорившаго передъ нимъ и предложившаго отложить передачу билля въ комитетъ. Умѣренный либералъ, Бовэри, всѣ три раза, когда обсуждался въ палатѣ билль, говорилъ противъ него. Взгляды его, раздѣляемые Гладстономъ, таковы: дарованіе избирательныхъ правъ женщинамъ потрясетъ всѣ основы общества. И какимъ путемъ могутъ женщины знать что либо о томъ или другомъ кандидатѣ? Пригласить ихъ на публичный митингъ было бы смѣшно. Остается ему лично хлопотать у одинокихъ женщинъ, но женщины не должны подвергаться подобнымъ вещамъ. Жизнь ихъ сдѣлалась бы невыносимою. И что же было бы послѣдствіемъ дарованія избирательныхъ правъ женщинамъ? Онѣ вошли бы сами въ палату. Женщины не созданы для грубой работы и подобная работа была бы унизительна для нихъ. (И это говорится въ XIX вѣкѣ!). Онѣ и безъ того обладаютъ громаднымъ косвеннымъ вліяніемъ на избирателей.

По этому случаю рыцарскій защитникъ женщинъ разсказалъ слѣдующій анекдотецъ. Одинъ богатый холостякъ, желая быть выбраннымъ въ парламентъ, пріѣхалъ въ тотъ округъ, представителемъ котораго онъ хотѣлъ быть, и тотчасъ же объявилъ, что онъ холостъ, богатъ и даетъ слово, если его выберутъ, жениться на одной изъ лэди округа. Желаніе его было

Digitized by Google

исполнено и онъ былъ выбранъ, но обѣщанія своего не сдержалъ и на леди не женился. Когда, на слѣдующіе выборы, онъ опять явился въ тотъ же округъ, то увидѣлъ, что его шансы на избраніе окончательно пропали. Никто не хотѣлъ и смотрѣть на него.

И съ этими средневѣковыми взглядами согласился министръ-президентъ!

Но не всѣ возраженія противъ билля были въ такомъ родѣ. На этотъ разъ явились болѣе серьёзныя. Прогрессъ заключался не только въ томъ, что 161 голосъ поданъ былъ за билль, но и въ измѣненномъ тонѣ возраженій. Нѣкоторые члены опасались, что если женщины будутъ избирать членовъ парламента, то консервативная партія значительно усилится въ палатѣ; другіе думали наоборотъ, что усилится демократическій элементъ, что число избирателей женскаго пола значительно превыситъ число избирателей мужчинъ, что если допустить женщинъ въ число избирателей, то не будетъ причинъ отказать имъ въ правѣ быть выбираемыми, и тогда въ палатѣ чувство будетъ преобладать надъ разумомъ, наконецъ, что еще неизвѣстно, желаетъ ли большинство женщинъ избирательныхъ правъ.

Всѣ эти возраженія были опровергнуты защитниками билля. Что касается до усиленія консервативной партіи и демократическаго элемента въ парламентѣ, то это опасеніе можетъ быть съ такимъ же основаніемъ отнесено и къ мужчинамъ-избирателямъ. Второе возраженіе опровергается городскими списками, изъ которыхъ видно, что самая большая пропорція женщинъ, удовлетворяющихъ условіямъ, требуемымъ для пользованія избирательнымъ правомъ, приходится на городъ Батъ, и эта пропорція—на три мужчины одна женщина; среднимъ же числомъ во всѣхъ городахъ одна женщина на семь мужчинъ. Вообще число избирательницъ составило бы одну пятую часть общаго числа. Такимъ образомъ, этой опасности не существуетъ. Что касается до того, что дарованіе женщинамъ избирательныхъ правъ повлечетъ за собою избраніе ихъ въ парламентъ, то примѣръ лицъ духовнаго званія, пользующихся этимъ правомъ, но не засѣдающихъ въ парламентѣ, служитъ достаточнымъ опроверженіемъ предполагаемаго опасенія. Послѣднее возраженіе, что 134,000 подписи, стоящія подъ петиціями, внесенными въ парламентъ, не представляютъ собою большинства женщинъ, согласныхъ съ биллемъ, конечно, справедливо. Но пусть укажутъ хоть одну реформу, къ которой большинство отнеслось бы съ перваго раза сочувственно. Особенно въ данномъ случаѣ ужъ никакъ не слѣдуетъ этого ожидать. Чѣмъ образованнѣе какая-нибудь страна или классъ общества, тѣмъ сильнѣе развита въ немъ потребность политической дѣятельности. Между женщинами образованіе еще такъ мало распространено, что немудрено, что многія изъ нихъ отказываются

Digitized by Google

отъ своихъ правъ изъ боязни, можетъ быть, скомпрометировать себя предъ своимъ кружкомъ.

Послѣ проекта Милля, большинство англійскихъ газетъ отнеслось къ нему такъ же небрежно, шутя, какъ и члены парламента. За немногими исключеніями, всѣ онѣ высказались противъ проекта. Въ 1870 г. это отношеніе нѣсколько измѣнилось, и измѣнилось именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ измѣнилось отношеніе парламента. Большинство газетъ опять отнеслось недоброжелательно, но серьёзнѣе, нежели въ 1867 г. «Times» посвятилъ этому вопросу три статьи; другія вліятельныя газеты тоже занялись имъ. Возраженія, представленныя ими, почти тѣ же, которыя были заявлены въ парламентѣ и приведены выше. Поэтому, останавливаться на нихъ мы не будемъ. Нѣкоторую новость представляетъ только «Pall-Mall-Gazette». Этотъ органъ серьёзно увѣряетъ, на основаніи законовъ физіологіи, что парламентское дѣло вызываетъ особенно сильное раздраженіе, которое отразится на женщинахъ, какъ непривыкшихъ къ нему, тѣмъ, что повлечетъ за собою помѣшательство многихъ изъ нихъ. Ужь если кому сходить съ ума, такъ это тѣмъ одинокимъ женщинамъ, которыя, за безсодержательностью жизни, сосредоточиваютъ всю свою мысль на одномъ предметѣ и впадаютъ, дѣйствительно, въ мономанію. Другое возраженіе, болѣе дѣльное, то, что допущеніе женщинъ къ пользованію избирательными правами усилитъ вліяніе духовенства, такъ-какъ женщины будутъ вотировать заодно съ нимъ. На это возраженіе отвѣчалъ Милль на одномъ изъ митинговъ. Онъ согласенъ съ тѣмъ, что вліяніе это существуетъ. Но отчего оно явилось? Потому, что духовенство затрогивало у женщинъ тѣ чувства и принципы, которые одни развивались у нихъ, потому что лица духовнаго званія единственные люди, изучавшіе женщинъ и относившіеся къ нимъ какъ къ существамъ, несущимъ нравственную отвѣтственность за свои дѣйствія, потому что они были единственными мужчинами, интересовавшимися тѣмъ, что женщины думаютъ и чувствуютъ. Тѣ, кто выказывалъ такое уваженіе къ женщинамъ, заслуженно пользуется вліяніемъ на нихъ и сохраняетъ это вліяніе до тѣхъ поръ, пока другіе мужчины, отцы, мужья, братья, не постараются заинтересоваться тѣми же вопросами, которые интересуютъ женщинъ. Тогда вліяніе духовенства несомнѣнно ослабнетъ.

Милль ожидаетъ отъ участія женщинъ въ парламентскихъ выборахъ той пользы, что онѣ заставятъ правительство обратить вниманіе на соціальные вопросы, къ которымъ оно относится въ настоящее время съ замѣчательной безпечностью, а также выведутъ его изъ апатіи, которую оно проявляетъ въ послѣдніе годы.

«Прежде правительства отличались крайнимъ деспотизмомъ,— сказалъ онъ,—теперь они отличаются крайнимъ нерадѣніемъ

Digitized by Google

къ дѣйствительнымъ нуждамъ страны. Имъ болѣе не нужна узда, а нужны шпоры. Государственный корабль можетъ идти только, когда у него есть и балластъ и паруса; теперь слишкомъ часто онъ весь превращается въ балластъ и у него нѣтъ парусовъ». Служить кораблю парусомъ могутъ, по мнѣнію Милля, женщины, не погрузившіяся еще въ политическую рутину. Съ дарованіемъ имъ правъ, которыми пользуются мужчины, правительство уничтожаетъ послѣдній остатокъ стараго порядка.

III.

Вторичное пораженіе женщинъ въ парламентѣ не убѣдило ихъ въ неосновательности ихъ просьбы. Въ теченіе 1870—1871 гг. онѣ собирали 150 митинговъ и 3-го мая нынѣшняго года представили въ палату общинъ 420 петицій, покрытыхъ 150,000 подписей. Слѣдовательно, число подписей съ 1867 до 1871 г. увеличилось съ 5,000 до 150,000. Яковъ Брайтъ опять внесъ прошлогодній билль. Опять въ палатѣ повторились прежнія возраженія. Новыхъ было немного. Бовэри прямо указалъ на то, что все движеніе въ пользу правъ женщинъ есть дѣло соціалистовъ, стремящихся подорвать бракъ и семью. Онъ неуважительно отнесся къ Миллю, что̀ Гладстонъ замѣтилъ ему въ своей рѣчи. Онъ указалъ на примѣръ Рима, въ эпоху, когда женщины начали борьбу за свое освобожденіе, прочелъ палатѣ отрывки изъ 6-й сатиры Ювенала, рисующаго состояніе тогдашняго общества, говорилъ о волѣ божьей, повелѣвающей женѣ зависѣть отъ мужа, хотя уже и рѣчи не было о замужнихъ женщинахъ. Но всѣ эти доводы были неубѣдительны, потому что всѣ они основаны были на личныхъ наблюденіяхъ оратора. «Я среднихъ лѣтъ,—сказалъ онъ,—холостъ, живу своимъ домомъ, имѣю вѣрный взглядъ въ политикѣ и мнѣ близки интересы общества. Все, что̀ ведетъ къ благу его, мнѣ дорого, и потому я рѣшительно противлюсь дарованію избирательныхъ правъ женщинамъ. У меня большой кругъ знакомства и я знаю, что въ немъ не найдется ни одной одинокой миссъ, которая не считала бы для себя несчастіемъ участвовать въ парламентскихъ выборахъ. Если настоящій билль будетъ утвержденъ, то какъ защитить намъ тѣхъ женщинъ, которыя не хотятъ нести на себѣ эту тяжелую обязанность?». Еще лучше было заявленіе другого оратора, сказавшаго, что только безобразныя женщины хлопочутъ о своихъ правахъ. Онъ даже предложилъ палатѣ постановить, чтобы подписывающіяся подъ петиціями женщины присылали въ палату свои фотографическія карточки; тогда палата пригласитъ Дарвина или Овена, умѣющихъ по нѣкоторымъ признакамъ различать полъ живот-

Digitized by Google

наго, и палата увидитъ, что большинство подписавшихся не женщины, а мужчины въ женскихъ платьяхъ.

Изъ этихъ примѣровъ видно, каковы были возраженія противниковъ билля. Болѣе серьёзные говорили, что правительство уже сдѣлало ошибку, давъ муниципальныя права женщинамъ и этимъ дало защитникамъ право говорить, что, если участіе въ избирательной борьбѣ мараетъ женщинъ, то ужъ онѣ погрузились въ эту «грязь».

Эти возраженія напоминаютъ тѣ, которыя были сдѣланы на проектъ Милля; но рѣчь премьеръ-министра указываетъ на огромный прогрессъ въ мнѣніи его, особенно если вспомнить, что между первой и второй его рѣчью прошелъ всего одинъ годъ. Онъ сказалъ, что правительство потому не хотѣло принимать участіе въ преніяхъ по предложенному вопросу, въ первое время его обсужденія, чтобы своими взглядами не повліять на общественное мнѣніе страны. Онъ призналъ, что особенно для женщинъ низшихъ классовъ законъ жестокъ и несправедливъ, такъ-какъ онѣ, большей частью, своими трудами содержатъ семью и для нихъ избирательное право было бы чрезвычайно полезно. Поэтому, еслибъ билль былъ принятъ, то онъ предложилъ бы измѣнить его такъ, чтобъ и замужнія женщины получили избирательныя права. Но это онъ считаетъ невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ преобразованъ самый способъ выборовъ. Въ заключеніе онъ сказалъ, что не можетъ подать свой голосъ за билль, въ его настоящей формѣ, безъ всякихъ измѣненій. Но что если впослѣдствіи кому-нибудь удастся примѣнить законъ къ благу женщинъ и устранить то зло, отъ котораго онѣ страдаютъ, то такой человѣкъ будетъ истиннымъ благодѣтелемъ своего рода. Въ результатѣ рѣчь Гладстона можно понять такъ, что онъ, какъ человѣкъ, подалъ бы свой голосъ за билль, но какъ глава министерства, не можетъ этого сдѣлать.

Газеты «Times» и «Spectator» недовольны этой рѣчью и особенно тѣмъ, что Гладстонъ не принялъ во вниманіе интересовъ государства. «Spectator» разсуждаетъ такъ: совершенно справедливо, что законъ присуждаетъ женщинъ къ легальному ограбленію собственности, лишаетъ ихъ правъ на дѣтей и пр.; мужчины не представляютъ ихъ интересовъ, насколько это необходимо; женщины же способны заниматься политическими дѣлами, оставаясь такими же «нѣжными и изящными». Но съ другой стороны предоставленіе имъ избирательныхъ правъ неизбѣжно поколеблетъ силу и авторитетъ правительства, а это поведетъ къ вреду государства. Получивъ права, женщины захотятъ отмѣнить тѣ злоупотребленія, отъ которыхъ онѣ страдаютъ, положимъ, продажу спиртныхъ напитковъ; это будетъ весьма естественно, потому что имъ приходится выносить на себѣ послѣдствія невоздержанія мужчинъ. Такъ-какъ на ихъ сторонѣ будетъ большинство, то свободное правительство долж-

Digitized by Google

но подчиниться ему, и такая мѣра можетъ вызвать недовольство среди простыхъ людей и повести къ вооруженному противодѣйствію утвержденной парламентомъ мѣрѣ. Поэтому «Spectator» полагаетъ необходимымъ помѣшать успѣху женщинъ тѣмъ, что удовлетворить всѣ ихъ требованія, привести въ исполненіе всѣ тѣ мѣры, за которыя онѣ стояли бы, еслибы пользовались избирательными правами, но не предоставлять имъ этихъ правъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію «Spectator'a», слѣдуетъ уравнять женщинъ въ правахъ собственности, образованія, заработной платѣ, допустить ко всѣмъ занятіямъ и профессіямъ. Удовлетвореніемъ этихъ справедливыхъ требованій правительство уничтожитъ важнѣйшіе поводы къ агитаціи женщинъ».

И на этотъ разъ билль былъ отвергнутъ большинствомъ 220 голосовъ противъ 161. Хотя большинство противъ него съ 1867 г. увеличилось (196 и 220), но это не доказываетъ еще, что шансы женщинъ на успѣхъ уменьшаются. Напротивъ, въ палатѣ многіе вліятельные члены кабинета относятся къ биллю сочувственно (пять членовъ настоящаго кабинета были на сторонѣ Милля въ 1867 г.), и вожди оппозиціи дѣйствуютъ такъ, что можно надѣяться, что въ скоромъ времени, при благопріятныхъ условіяхъ, женщины получатъ избирательныя права. Если эта реформа, особенно въ первое время, и поведетъ къ нѣкоторымъ затрудненіямъ, то впослѣдствіи они устранятся и будутъ вознаграждены тѣмъ благомъ, которое можно ожидать отъ участія въ правленіи людей, на себѣ испытавшихъ всю тяжесть несправедливыхъ законовъ.

Е. Л.

ВЪ ДОРОГѢ.

(Провинціальный фельетонъ).

Въ самую позднюю осень 1870 года, я, въ качествѣ «ходатая», спѣшилъ въ одинъ уѣздный городокъ, по дѣлу о духовномъ завѣщаніи въ пользу одного мѣстнаго монастыря. Проѣхавъ часть пути по дорогѣ извѣстнаго русскаго дѣятеля г. Полякова, мнѣ предстояло ѣхать еще около 150 верстъ по старой столбовой дорогѣ; поэтому, въ ожиданіи вольныхъ лошадей, я расположился на краткій отдыхъ въ воксалѣ желѣзнодорожной станціи. Усѣвшись среди всякаго багажа, въ самомъ уединенномъ углу воксала, я, въ ожиданіи дальнѣйшаго движенія, зѣвалъ немилосердно. Такъ-какъ ближайшая забота моей жизни была крайне обыкновенна—«выиграть дѣло» и получить за это извѣстную мзду, а размышлять о такой вполнѣ благонамѣренной цѣли было нечего, то, волей-неволей, прис-

Digitized by Google

лось занимать зрѣніе и слухъ міромъ внѣшнимъ. Въ небольшой лавчонкѣ воксала продавались издѣлія московской печати и газеты maximum по 10 коп. за пудъ. За рядами столовъ, убранныхъ съ обычной промышленной претензіей, сидѣли и возлежали джентльмены и другіе рядовые смертные. Нѣкоторые изъ нихъ прилежно уничтожали разные блюда и напитки; другіе полулежали и полусидѣли въ ожиданіи поѣзда, и подобно мнѣ, зѣвали до ушей, но ни у одного изъ нихъ не было въ рукахъ нумера газеты и почти нигдѣ не завязывалось разговоровъ. Только два-три еврея, какъ неугомонные сверчки, безъ устали пересыпались на своемъ электрически-быстромъ и никому изъ православныхъ невѣдомомъ діалектѣ. Когда-то намъ передавали, что евреи смотрятъ на свой непонятный намъ діалектъ, какъ на важное политическое преимущество, потому что, благодаря этому нарѣчію, они могутъ говорить среди массы православныхъ и даже на площадяхъ и улицахъ весьма умныя и откровенныя вещи, тогда какъ наши умные люди въ послѣдніе дни что-то сильно пріумолкли, словно боятся произнесенія всякаго умнаго слова не только въ печати, но даже въ жизни, если только ихъ окружаетъ масса соотечественниковъ. Печальные экземпляры воксальныхъ офиціантовъ, въ неизбѣжныхъ затрепанныхъ фракахъ, съ неизбѣжными грязными перчатками, дополняли эту скучную картину. Наконецъ, жданный поѣздъ явился и толпа мало по малу исчезла. Тогда въ противоположномъ углу воксала я замѣтилъ какую-то сгорбленную фигуру съ газетой въ рукахъ, и, ужь Богъ-вѣсть чего ради, самъ перемѣстился поближе къ этой фигурѣ. Человѣкъ, которому она принадлежала, повидимому, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на окружающее, и какъ бы желалъ, чтобы ничто окружающее и къ нему также не обращалось. Несмотря на мои неоднократныя скромныя попытки завязать съ этимъ человѣкомъ какой-нибудь разговоръ, дѣло не клеилось: по его разсѣяннымъ, полусердитымъ отвѣтамъ видно было, что онъ нѣсколько тяготился моей непрошеной компаніей; а между тѣмъ, я видѣлъ, что онъ и газетой не занимался... Словно его тяготила какая-то дума, а, можетъ быть, уже давно сжившаяся съ нимъ хроническая тоска, которую въ послѣднія времена испытываютъ у насъ на Руси всѣ лучшіе люди...

Но вотъ явились и мои лошади, и я, вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ-«кліентомъ», отправился въ дальнѣйшій путь, который мало по малу вытѣснилъ изъ моей памяти и встрѣчу съ страннымъ пассажиромъ, и всѣ возбужденныя имъ размышленія. Откуда и куда мы направлялись? Это мы рѣшились бы сказать развѣ только на еврейскомъ діалектѣ, потому что иначе мы не ручаемся, чтобы какой-нибудь милый соотечественникъ не потянулъ насъ на судъ за диффамацію, а то, пожалуй, и за что-нибудь въ родѣ бунта! Поэтому оставимъ въ секретѣ

Digitized by Google

крайніе пункты нашей дороги и скажемъ кратко, что мы ѣхали изъ города Благомысленнаго въ городъ Благочинсвъ.

На дворѣ стояла неизобразимая ноябрьская распутица, что, впрочемъ, совершенно понятно, такъ-какъ погода и природа еще до сихъ поръ не вполнѣ подчинены у насъ полиціи. Добрая тройка едва шагомъ тащила нашъ легкій тарантасъ по по улицамъ города Благомысленнаго. Но вотъ, наконецъ, мы оставили за собой городъ, съ его многочисленными церквями, съ бѣдной, грязной массой его сѣрыхъ обывателей и гомерически-богатымъ и богомольнымъ купеческимъ населеніемъ, построившимъ по нѣскольку церквей на каждой улицѣ. Мой спутникъ-кліентъ, благодаря своей простодушной болтливости, не мало умалялъ для меня невзгоды путешествія на долгихъ. Онъ съ добродушной завистью передавалъ мнѣ исторію торговыхъ фортунъ крупнѣйшихъ благомысленскихъ буржуа. Изъ этихъ исторій чаще всего оказывалось, что мѣстныя знаменитости ведутъ свое начало отъ помѣщичьихъ атамановъ и прикащиковъ, при чемъ самыя «исторіи» выходили весьма однообразны. Помѣщикъ моталъ за границей и требовалъ отъ своей деревенской администраціи только одного: исправности въ податяхъ и налогахъ, т.-е. денегъ и денегъ, во что бы то ни стало! Деревенская же администрація, т.-е. атаманы, прикащики и прочіе чиновники вотчинной конторы, конечно, благоурождали, какъ и слѣдуетъ этой профессіи, и, высылая своему господину на мотовство весь записанный въ конторскія книги доходъ, въ то же время и сами прилежно занимались «сбереженіями». Благодаря такому своеобразному способу распредѣленія богатствъ, помѣщичьи земли и разныя «экономіи» крупными массами перешли и переходятъ теперь въ руки купцовъ, и только въ микроскопическихъ доляхъ въ руки крестьянъ.

— Ну, какъ же тутъ у васъ о войнѣ толкуютъ? спросилъ я, послѣ нѣкотораго молчанія, своего спутника, желая хоть чѣмъ-нибудь наполнить дорожную праздность.

— Да Благомысленный все больше за нѣмца стоитъ, отвѣчалъ онъ: — т.-е. за нѣмца все больше богатые купцы и духовныя особы; а такъ себѣ, сѣрый народъ, такъ тотъ больше за француза. Главное, за Севастополь сердятся...

Сдѣлаю здѣсь, мимоходомъ, одно замѣчаніе. Я не безъ интереса прислушивался къ смутнымъ толкамъ и сужденіямъ въ различныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества относительно текущей войны. За весьма малыми исключеніями, почти всѣ относительно здоровые элементы нашей жизни, даже наша ко всему въ мірѣ безразличная масса, отдали свои посильныя симпатіи Франціи. Все же, что было мертваго въ нашей жизни, сознательно или безсознательно, стало на противную сторону. Замѣчательно, что нѣмецкая энергія послѣ Седана явно возмущаетъ нашу, чуть ли не ко всему равнодушную обще-

Digitized by Google

ственную совѣсть, и даже игорно-обжорные уѣздные клубы теперь стоятъ на сторонѣ французовъ...

Вылѣзши кое-какъ изъ Благомысленнаго, мы разомъ попали изъ городской грязи въ сыпучіе пески, покрывающіе отлого-возвышенный правый берегъ Донца. Сыпучесть этихъ песковъ не смирилась даже ноябрьской распутицей. Налѣво широкая долина рѣки представляла сплошной лугъ, покрытый мелкой, лѣсной, преимущественно ольховой порослью. Даже въ исходѣ ноября 1870 года трудно было не залюбоваться этой картиной: такъ привольно хороша природа этой благословенной мѣстности! Вотъ, наконецъ, глянулъ и самъ Донецъ, съ его чистою, хрустально-прозрачною водою! Еще не слишкомъ широкимъ, но уже глубокимъ русломъ несетъ онъ свои свѣтлыя воды въ малолюдныя и безлѣсныя степи Украйны и Дона.

— Ишь какъ запакостили рѣку! нежданно замѣтилъ мой спутникъ, разомъ оборвавъ нить моего поэтическаго раздумья:— вотъ куда прутъ всякую дрянь со всего города и слободы, рѣка и пропадаетъ годъ отъ году! Я внимательно взглянулъ на берега, которыми прежде любовался: они, дѣйствительно, были забросаны и загружены навозомъ и всякою гадостью, а самая рѣка уже явно стѣснялась и запруживалась мелями. Явленіе это на Руси, кажется, почти повсемѣстное: всяческое засореніе рѣкъ и озеръ считается у насъ чѣмъ-то въ родѣ непреложнаго закона природы. Все это уже давно было мнѣ извѣстно; но тутъ какъ-то особенно мнѣ стало жаль, именно жаль, красавицы-рѣчки!

Истребленіе и исчезновеніе лѣсовъ, а также повсемѣстное высыханіе водъ, есть уже давно, и всѣми замѣченный, фактъ во всей степной и вообще южной полосѣ Россіи. Явленіе это въ послѣднее время начало развиваться такъ быстро, что даже обратило на себя вниманіе массъ и породило въ народѣ различныя объясненія и своеобразныя догадки. Почти на нашихъ глазахъ исчезаютъ цѣлыя озера, замеляются и пересыхаютъ довольно значительныя рѣки. Разныя условія современнаго экономическаго быта вызываютъ непрерывное, почти сплошное истребленіе чуть ли не послѣднихъ лѣсовъ на югѣ Россіи (на сѣверѣ ихъ также не милуютъ). Намъ передавали курьёзные случаи, когда цѣлыя крестьянскія общества, владѣвшія лѣсными дачами на правахъ собственности, при первомъ смутномъ слухѣ о поступленіи этихъ дачъ въ распоряженіе казны, вырубали ихъ до послѣдняго дерева и потомъ, за неимѣніемъ куда дѣвать этотъ горами нарубленный лѣсной матеріалъ, продавали его чуть-ли не дешевле соломы. Извѣстно также, какъ въ недавнюю старину у насъ горѣли казенные и состоящіе подъ казеннымъ присмотромъ лѣса, какъ въ послѣднее время, послѣ 19-го февраля, помѣщики спускали свои лѣса за безцѣнокъ кулакамъ-лѣсопромышленникамъ, остроумно замѣчая при этомъ, что «собственность пуглива»...

Digitized by Google

Въ виду всего этого, нельзя не призадуматься надъ экономической будущностью юга и юговостока Россіи, постепенно замирающихъ подъ извѣстнымъ нашимъ историческимъ омофоромъ «все обстоитъ благополучно». Достаточно было толковъ и въ печати, и въ частной рѣчи относительно этого угрожающаго явленія; но, какъ это обыкновенно у насъ случается, все разговорами и покончилось, потому что наше общество уже давно разбито параличомъ отъ постояннаго сна...

Но послѣдуемъ въ Благочинскъ, гдѣ ждетъ насъ заработокъ насущнаго хлѣба. Мы выбрались изъ сыпучихъ песковъ Благомысленнаго, переѣхали Донецъ и въѣхали въ пригородную слободу.

— Вотъ гдѣ грязь, такъ настоящая грязь! совершенно основательно замѣтилъ ямщикъ, усердно стегая лошадей, едва тащившихъ нашъ легкій тарантасъ, колеса котораго, почти совершенно спрятавшись въ грязи, видимо перестали кружиться. Но этого было мало: эта «настоящая грязь» была исполнена такихъ ямъ и ухабовъ, что даже оптимистъ-ямщикъ сталъ сомнѣваться, благополучно ли мы выберемся на другой конецъ города. И это была столбовая дорога!

Изъ разсказовъ моего спутника-кліента я узналъ, что [illegible]ніе этой дороги, въ длину не болѣе какъ версты на двѣ, мѣстное земство отдало съ подрядовъ какому-то купцу, тоже члену мѣстнаго земства; что по этому случаю уже собрана съ мѣстныхъ обывателей нѣкая соразмѣрная лепта, свыше рубля съ души, а «исполненіе сего договора» выразилось въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень дороги, покрытыхъ узкой полосой песку. И эта невылазная грязь, несмотря на давно собранную съ обывателей лепту и сыпучіе пески въ нѣсколькихъ отъ нея шагахъ, преблагополучно существовала до своего натуральнаго конца, то-есть до холодовъ, когда, наконецъ, самъ подрядчикъ исполнилъ контрактъ съ земствомъ, принявъ рѣшительныя мѣры противъ непобѣдимой грязи, и такимъ наиболѣе дешевымъ способомъ вывелъ бѣдныхъ обывателей изъ осаднаго положенія.

На нашемъ вѣку мы уже достаточно тряслись и катались по всевозможнымъ русскимъ дорогамъ и всевозможными способами; но такого обилія спусковъ и подъемовъ, пригорковъ и овраговъ—что-то не припомнится. Провалья кое-гдѣ огорожены низенькими плетнями и обставлены столбами; на влажномъ и темномъ ихъ днѣ, особенно вблизи поселковъ, нерѣдко бѣлѣютъ цѣлые вороха птичьяго пуху — очевидные слѣды похожденія волковъ и лисицъ. Направо и налѣво отъ дороги большею частью голая равнина: только кое-гдѣ еще стоятъ жидкіе, почти вырубленные лѣса, да голые пни бѣлѣютъ, какъ колоссальные грибы.

— Теперь помѣщики, у кого есть лѣса, все больше живутъ на счетъ ихъ, замѣтилъ мой спутникъ.—Вотъ видите въ сторонѣ этотъ дубнякъ, указалъ онъ на единственный, попав-

Digitized by Google

шійся намъ въ дорогѣ, почти нетронутый, изрядный строевой лѣсокъ: — это помѣщика N, а теперь онъ продалъ его мѣщанину на срубъ за 6,000 руб. Этотъ мѣщанинъ держитъ постоялый дворъ въ Ломовой.

Тутъ спутникъ мой пустился въ вычисленіе выгодъ лѣсопромышленности, но я его уже не слушалъ. Меня снова охватила голая, грязная, зеленосѣрая и волнистая равнина. Озимые хлѣба, тянувшіеся по обѣимъ сторонамъ дороги, представляли плохую, тощую зелень, мѣстами уже пожелтѣвшую—признакъ, что неистощимые дожди этой осени сильно замочили хлѣбъ и онъ мѣстами уже попрѣлъ.

Время отъ времени, на этихъ мокрыхъ, буро-зеленыхъ нивахъ попадался скотъ и лошади, которыя уже окончательно съѣдали и стаптывали нѣжные всходы на рыхлой, замокшей землѣ.

Избѣгая всякой литературной живописи, я прохожу молчаніемъ всѣ ландшафты нашей милой родины, уже потому одному, что человѣку нашего времени не до ландшафтовъ. На это невинное наслажденіе имѣетъ право только то общество, которое само зарабатываетъ свое счастіе и, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ *досугъ;* а русское общество, по нашему крайнему разумѣнію, *досуга* не имѣетъ; если же оно, тѣмъ не менѣе, все-таки жируетъ въ извѣстныхъ слояхъ, то это, конечно, его дѣло; но, рано или поздно, за эту жировку исторія предложитъ ему долговой счетъ.

Среди невеселыхъ впечатлѣній, мы, наконецъ, дотащились до предѣла нашей поѣздки — уѣзднаго города Благочинска. Налѣво отъ въѣзда въ городъ красовались обширныя каменныя палаты, окрашенныя въ любимый этими зданіями желтый цвѣтъ и окруженныя надежною стѣною—это тюремный замокъ Благочинска, зданіе, всегда придающее особенно живописный видъ всѣмъ нашимъ уѣзднымъ и даже губернскимъ городамъ. Далѣе потянулись сѣрые, невзрачные домишки, изрѣдка въ перемежку съ новыми и прочными зданіями, и только въ центрѣ города, гдѣ скучилось нѣсколько церквей, виднѣлось съ полдесятка изрядныхъ купеческихъ домовъ. Городъ весь расположенъ на покатости, идущей къ рѣчкѣ, и сообщеніе въ нижней его части было, по истинѣ, ужасно. На довольно обширной городской площади, которую мой спутникъ-кліентъ обругалъ «чортовымъ болотомъ», стояло въ одномъ углу нѣчто въ родѣ будки-павильона, подъ которымъ висѣлъ колоколъ, служащій, при содѣйствіи полицейскаго солдата, городскими часами. Вблизи этихъ «часовъ», почти на половину врывшись въ грязь, лежала старая чугунная пушка, вѣроятно, помнившая еще времена воеводъ и казачества. Словомъ, городъ былъ какъ городъ, а если прибавить сюда открытую, по настоянію дворянъ двухъ-трехъ смежныхъ уѣздовъ, классическую прогимназію, то это былъ чуть-ли даже не европейскій городъ. Когда-то въ

Digitized by Google

разное время до насъ доходили устные отрывки изъ мѣстной лѣтописи Благочинска. Намъ передавали, что городъ этотъ долгое время находился подъ тираніей тріумвировъ изъ мѣстнаго охранительнаго элемента, которые, ссудою денегъ за крайне «не указные» проценты, держали въ строгой дисциплинѣ мѣстный мелкій промышленный людъ, а благодаря своему общественному положенію, т.-е. принадлежности къ классу благородныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, столбовыхъ дворянъ тожъ, имѣли тѣсныя связи съ административнымъ центромъ губерніи и, вслѣдствіе этого, рѣшительно вліяли на мѣстную уѣздную бюрократію. Бывало, передавали намъ, всякій пріѣхавшій сюда на службу чиновникъ, прежде всего безусловно обязанъ былъ почтительно представиться тріумвирамъ и просить ихъ вліятельнаго покровительства; въ противномъ случаѣ ему почти всегда угрожало неминуемое удаленіе изъ уѣзда, подъ предлогомъ интересовъ службы, а то, пожалуй, и въ чистую, безъ всякихъ околичностей.

Такъ повѣствуютъ еще свѣжія мѣстныя преданія, и мы ничего не имѣли бы даже противъ тріумвировъ и децемвировъ, еслибы они не черпали своей силы изъ провинціальныхъ административныхъ центровъ, а искали точки опоры у себя дома. Впрочемъ, въ послѣднее время авторитетъ Благочинской олигархіи, говорятъ, есть уже фактъ прошлаго: учрежденіе городскаго банка, выдающаго ссуды за умѣренные проценты, освободило промышленное населеніе города изъ-подъ ига нѣкоторыхъ олигарховъ въ финансовомъ отношеніи, а смерть остальныхъ тріумвировъ окончательно смягчила строгость отеческаго управленія благодѣтелей, заимствовавшихъ свою жгучую силу отъ губернскаго солнца.

Въ нашей строгой жизни, особенно разсматривая ее съ птичьяго полета, трудно встрѣтить что нибудь сразу и непосредственно поражающее своимъ очевиднымъ безобразіемъ. Можно сказать только, что многое понемногу гніетъ, многое понемногу разлагается, что въ воздухѣ чувствуется нестерпимая затхлость и вонь. Общія же основныя причины всего этого или скрываются отъ нашего зрѣнія, благодаря нашему повальному недоумству, или же распадаются на милліоны жалкихъ фактовъ,—которые мы и называемъ знаменіями или признаками времени.

Странная вещь—наша уѣздная жизнь въ послѣднее время! Мы говоримъ: уѣздная, а не провинціальная вообще, только потому, что въ области нашихъ порядковъ уѣздъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ отдѣльная клѣточка, какъ единица нашей общественной жизни; поэтому рѣчь объ уѣздѣ есть, само собою разумѣется, рѣчь о губерніи, или провинціи вообще. Обратили-ли вы, читатель, ваше должное вниманіе на одно общее явленіе въ уѣздной жизни? Явленіе это такого рода: еще задолго до поры нашихъ реформъ, въ нашемъ

Digitized by Google

идеальномъ уѣздномъ городѣ Z. процвѣтали, положимъ, извѣстные граждане: Михайло Ивановичъ, Семенъ Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ и ихъ сродственники. Они всегда стояли во главѣ этого города и до такой степени, такъ-сказать, поглощали его своими особами, что городъ даже нельзя было представить помимо этихъ господъ, какъ нельзя себѣ представить никакое тѣло внѣ пространства. Во время оно эти господа были здѣсь судьями, предводителями, исправниками и другими болѣе или менѣе абсолютными сановниками. Въ концѣ 50-хъ и въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ ихъ величественные образы какъ будто тускнѣютъ въ каномъ-то туманѣ, но это только на самое короткое время, а затѣмъ опять, чуть-ли не съ 62-го года они вновь выступаютъ на сцену, тѣ же милые, крѣпкіе и величественные. Реформысловно набальзамировали ихъ противъ всякаго разрушенія и съ тѣхъ поръ, сколько ни происходило преобразованій въ русскомъ царствѣ, они для всего оказывались не только пригодными, но чуть-ли даже не исключительно достойными сосудами.

Въ крестьянской реформѣ Михайло Ивановичъ, Семенъ Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ—были мировыми посредниками. Настало земство—они обратились въ предсѣдателей и членовъ земскихъ собраній и управъ. Явился новый судъ—они оказались искусными законовѣдами и правосудными судьями. Теперь, говорятъ, они собираются въ головы и члены реформированныхъ городскихъ думъ. И все это произошло такъ мило, патріархально, что смиренномудрымъ обывателямъ оставалось только умиляться сердцемъ, какъ это такъ скоро безпокойные умы, постоянно пугавшіе ихъ какими-то нововведеніями, замѣнились повсемѣсто партіей единомышленныхъ родственниковъ,—нетолько по духу, но нерѣдко и по плоти.

Относительно исключительнаго господства въ уѣздѣ вышереченныхъ особъ были, правда, и исключенія; но послѣднія большей частію обставлялись такими предосторожностями, что только еще рѣзче выставляли на видъ общее правило. Новички и молодые допускались лишь подъ условіемъ самой полной и искренней натурализаціи; а натурализація эта заключалась главнымъ образомъ въ картахъ и общежительныхъ попойкахъ, семейно, клубно и за офиціальными обѣдами. А вкусный офиціальный обѣдъ съ пріятными начальству тостами—это верхъ русскаго прогресса! Это его, такъ-сказать, геркулесовы столбы! Къ чести однакоже большинста теперешняго молодаго поколѣнія слѣдуетъ сказать, что оно, сознательно или безсознательно, оказывается натурализованнымъ чуть-ли не со дня своего рожденія, такъ что даже перерождаться ему нечего, а стоитъ только заявить себя на чистоту, чтобы встрѣтить полное радушіе въ кругу старѣйшаго поколѣнія. Вотъ почему всѣ названные нами Михайлы и Семены Ивановичи, въ сущности, безсмертны, и ежели тѣлеса ихъ раз-

Digitized by Google

рушаются и замѣняются новыми, то души остаются тѣ же самыя, а только, такъ сказать, переселяются изъ тѣла въ тѣло.

Въ Благочинскѣ мы остановились въ самомъ комфортабельномъ изъ постоялыхъ дворовъ, принадлежащемъ мѣстному купцу изъ обрусѣвшихъ малороссовъ. Въ былое время, «во дни моей юности», я любилъ пошляться по новому городу, потолкаться среди новыхъ людей, поискать какихъ-нибудь своеобразностей; теперь вся эта, напередъ извѣстная внѣшняя сторона родной жизни скользитъ мимо и я шляюсь по старому развѣ только въ томъ случаѣ, когда, кромѣ бубенъ, ходить не съ чего. Но на этотъ разъ нельзя было пойти даже и съ бубенъ. У крыльца моей квартиры на постояломъ дворѣ начиналось то *чортово болото*, о которомъ упомянулъ мой спутникъ-кліентъ, а съ помойнаго неба моросилъ мелкій холодный дождь. При такихъ обстоятельствахъ ничего больше не оставалось, какъ сѣсть подъ окномъ и глазѣть на Благочинскъ сквозь тусклыя, слезливыя отъ дождя стекла.

Окружавшая меня невозмутимая тишина была внезапно прервана: послышался шумъ и гамъ, сперва подобно раскатамъ далекой грозы: но вотъ все ближе и ближе, и наконецъ гроза эта достигла комнаты, сосѣдней съ моей квартирой. Оказалось, что это разгулялась домашняя власть, въ лицѣ хозяина.

Подавленный страхомъ прислужникъ заявилъ мнѣ, что это «самъ» раскуражился на домочадцевъ и прислугу за то, что въ темномъ корридорѣ постоялаго двора они осмѣлились зажечь стѣнной фонарь.

— Ужь этотъ намъ *анахтѣмскій* фонарь! бормоталъ себѣ подъ носъ нумерной слуга:—вотъ какъ трезвъ, такъ взыскиваетъ, почему не виситъ фонарь, разъ даже дрался за это; а какъ выпьетъ, такъ сейчасъ-же ругается, зачѣмъ его зажигаютъ!...

Такимъ образомъ крайняя непослѣдовательность единодержавной домашней власти возмущала даже смиреннаго прислужника, который, по свойственному ему невѣжеству, никакъ не могъ возвыситься до всепримиряющей исторической точки зрѣнія, на которой такъ любятъ побаловаться многіе наши отечественные мыслители.

Между тѣмъ домашняя власть продолжала буянить съ энергіей. За дверью уже слышались чьи-то визги...

— Что же это, у васъ часто бываетъ такая комедія? спросилъ я вольнодумнаго раба, осмѣлившагося *гласно* осуждать своего господина.

— Да изъ гостей, почитай, всегда такой вертается; а сегодня еще былъ гдѣ-то на имянинахъ. Вотъ ужь намъ что имянины, что крестины, аль храмовой праздникъ—бѣда!

На другой день, когда громовержецъ протрезвился, дѣла нѣсколько перемѣнились и сквозь дверь моего нумера была слышна весьма продолжительная проповѣдь, которую вычиты-

Digitized by Google

вала ему жена за его вчерашнее поведеніе: и безстыжій ты, и страмникъ этакой, и до какихъ-же поръ ты будешь позорить насъ передъ людьми! Вѣдь у насъ, чай, каженъ день все чужіе люди!...

Къ чести вчерашняго громовержца нужно сказать, что онъ теперь притихъ совершенно и велъ себя, какъ кающійся грѣшникъ: почти ни одного слова въ свое оправданіе, только повременамъ смиренное уговариваніе не сердиться: ну, хорошо, хорошо, Матрена Ивановна, ну, не серчай-же, Матрена Ивановна!...

Когда переговоры между смирившимся хозяиномъ и его женой окончательно прекратились, судьба нежданно послала мнѣ другое развлеченіе: мой спутникъ, богъ-вѣсть откуда, доставилъ мнѣ двухъ новыхъ «кліентовъ». Это были отставной солдатъ—старикъ и пожилая крестьянка—жена его брата. Послѣ продолжительнаго и утомительнаго разспрашиванія, сущность «дѣла» оказалось такова: старикъ солдатъ, получивъ полную отставку, пришелъ на родину къ своему брату-крестьянину и они повели хозяйство съобща. Солдатъ принесъ съ собой свои служебныя крохи—что-то около 100 р. и свой, хотя уже немощный, но все-таки чернорабочій трудъ. Общими деньгами и трудами братья сколотили себѣ избу, завелись необходимымъ въ крестьянствѣ скотомъ и всякимъ мелкимъ хозяйствомъ и жили покрестьянски безбѣдно, хотя братъ-крестьянинъ былъ уже давно женатъ и имѣлъ свою изрядную семью. Все шло ладно, пока нежданно не стряслась бѣда. Несмотря на старость, безграмотность и даже подслѣповатость брата-крестьянина, общество избрало его, два-три года тому назадъ, на трехлѣтіе, «казеннымъ засѣдателемъ». Затѣмъ, какъ водится, происходитъ недочетъ денегъ, опись имущества и т. д. Нежданно-негаданно къ «казенному засѣдателю» нагрянула деревенская орда: старшина съ понятыми и старѣйшинами деревни—и имущество злополучнаго «казеннаго засѣдателя», общее съ братомъ его, отставнымъ солдатомъ, все было проданѳ, а по словамъ челобитчиковъ, на половину даже роздано въ кредитъ и по крайне сходнымъ цѣнамъ болѣе сильнымъ деревенскаго міра. Старикъ-солдатъ остался въ рѣшительномъ недоумѣніи; чѣмъ же онъ виноватъ въ финансовыхъ грѣхахъ волостнаго правленія! Положимъ, говорилъ онъ, что братъ недосмотрѣлъ, какъ крали «казенныя деньги»; но за что же продали и мое имущество?

Подъ вліяніемъ такихъ-то обстоятельствъ предо мной стояли съ челобитной два вышеназванныхъ просителя: обобранный волостнымъ начальствомъ солдатъ и жена его брата. Челобитчики предлагали мнѣ маленькій, но, въ своемъ родѣ, крайне замысловатый вопросъ: что тутъ дѣлать?

— Что тутъ дѣлать? спросилъ я машинально.

— Да, что намъ дѣлать, ваше благородіе?

Digitized by Google

Благородіемъ русскій крестьянинъ привыкъ называть всякаго незнакомаго человѣка въ сюртукѣ, а кольми паче, если зритъ въ немъ какое-нибудь хотя бы самое отдаленное начальство! Эту кличку «неиспорченный» русскій человѣкъ считаетъ чѣмъ-то въ родѣ елея, долженствующаго смягчить всякую барскую душу. Намъ не разъ случалось видѣть и слышать, какъ толпы этихъ «неиспорченныхъ» русскихъ славянъ, съ обнаженными головами и шапками въ рукахъ, смиренной толпой, просили свои заработанныя деньги у подрядчика или у какого-нибудь мелкаго администратора вѣдомства созиданія россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, величая этого администратора «вашимъ благородіемъ», и какъ этотъ администраторъ или подрядчикъ ломались и ругались надъ этими «неиспорченными» славянами, какъ говорится, во всю ивановскую. Въ эти минуты даже какому-нибудь легкомысленному Диксону, изучающему будущность цѣлыхъ народовъ и странъ изъ оконъ вагоновъ и дорожныхъ экипажей, легко было бы догадаться, что основная черта всей русской исторіи есть терпѣніе, терпѣніе неизлечимое, то терпѣніе безъ конца, которое обнаруживаетъ только покойникъ, трупъ котораго потрошитъ пьяный фельдшеръ...

— А вы подавали жалобу мировому посреднику? спросилъ я, послѣ нѣкоторой паузы.

— Подавали, да онъ не принялъ.

— Почему?

— А святой его знаетъ! отвѣтилъ старикъ солдатъ: — онъ только велѣлъ старшинѣ вернуть мнѣ вѣтрякъ (вѣтряная мельница), да старшина и этого не сдѣлалъ; говоритъ: мельница продана, теперь ее не вернешь!

— А вы жаловались въ съѣздъ мировыхъ посредниковъ?

— Да у насъ такого съѣзда почитай что не слышно: баютъ, у насъ одинъ посредникъ на уѣздъ, а другой боленъ, а може и совсѣмъ его нѣтъ.

Мнѣ дѣйствительно приходилось слышать, что въ одномъ изъ уѣздовъ сосѣдней губерніи de facto совершенно упразднился съѣздъ мировыхъ посредниковъ и такимъ образомъ мировыя крестьянскія учрежденія фактически лишились инстанціи, безъ которой немыслимо движеніе массы дѣлъ хозяйственной и отчасти юридической сферы крестьянской жизни [1].

---

[1] При окончательномъ составленіи настоящихъ замѣтокъ, намъ попалась слѣдующая корреспонденція въ «Суд. Вѣстникѣ», за 1871 г. № 21: «Въ нашемъ уѣздѣ, говоритъ корреспондентъ, ужъ 9 мѣсяцевъ какъ не собирается съѣздъ мировыхъ посредниковъ. Жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ накопилось свыше 100, а по случаю предстоящаго рекрутскаго набора новыхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію съѣзда, прибываетъ не по днямъ, а по часамъ, и все это теперь лежитъ и копится въ ожиданіи прибытія предсѣдателя съѣзда... Положеніе крестьянскаго населенія нашего уѣзда поистинѣ безвыходно: оно лишено не только скораго и праваго, но и какого бы то ни было суда, такъ-какъ дѣла, возникающія у насъ между крестьянами, преиму

Digitized by Google

Я снова погрузился въ недоумѣніе: для взысканія съ старшины убытковъ въ гражданскомъ порядкѣ прошелъ уже 6-мѣсячный срокъ со дня продажи имущества солдата, а въ этотъ срокъ необходимо было начать искъ. Оставался слѣдовательно единственный возможный путь—уголовный. Но мнѣ уже заранѣе рисовалась вся безпомощность этихъ дѣтей природы на этомъ спасительномъ пути. Вотъ они въ окружномъ судѣ, вотъ въ концѣ засѣданія предсѣдатель суда, какъ «ученый юристъ», предлагаетъ имъ отвѣтить: *не имѣютъ-ли они чего нибудь противъ редакціи постановленныхъ судомъ вопросовъ?* Что-то они отвѣтятъ на этотъ вопросъ? Но другаго пути я не видѣлъ и поэтому рѣшился направить ихъ къ мѣстному прокурорскому надзору, хотя на душѣ оставалось сильное сомнѣніе, заслужитъ-ли это «маленькое дѣло» значительнаго вниманія людей, нерѣдко занятыхъ конфиденціальными порученіями и государственными соображеніями.

А такихъ дѣлъ, какъ только что разсказанное нами, что песку на брегѣ морскомъ! Нашъ братъ, вольный ходатай — въ лучшемъ случаѣ только руками разведетъ, а въ худшемъ возьметъ *малую-толику* «на расходы», да и дѣлу конецъ! Такъ оно и покончится на первоначальныхъ расходахъ.

Здѣсь, можетъ быть, не лишне будетъ сказать два-три слова объ отношеніяхъ нашей провинціальной, болѣе или менѣе установившейся адвокатуры къ нароной массѣ, къ такъ-называемой младшей братіи.

Во время оно, въ пору юношески строгой оцѣнки людскихъ поступковъ въ отдѣльности, съ точки зрѣнія школьнаго либерализма, когда мы еще весьма усердно казнили пороки всѣхъ отдѣльныхъ Ивановъ, Семеновъ и Сидоровъ, слѣдуя знаменитому рецепту истребленія блохъ посредствомъ влитія имъ въ ротъ нарочито ядовитыхъ капель, я настойчиво порицалъ сильно буржуазный характеръ отечественной адвокатуры, но теперь пришлось согласиться съ знаменитымъ докторомъ Панглоссомъ и сознаться, что хотя не все дѣлается къ лучшему въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ, то, по крайней-мѣрѣ, на все есть свои уважительныя причины.

Разберемъ же практическій вопросъ: легко ли защищать нашего крестьянина, въ области правовой жизни?

Начнемъ съ фактовъ и примѣровъ. Положимъ, что вы—слабонервный ходатай по дѣламъ, зараженный въ нѣкоторой степени филантропіей и, вслѣдствіе этого, опаснаго у насъ, недуга дерзаете иногда взирать на свое искусство, по крайней-мѣрѣ въ отдаленномъ идеалѣ, какъ на ARS AEQUI ET BONI.

щественно маловажныя... подлежащія вѣдѣнію волостныхъ судовъ; между тѣмъ эти рѣшенія, въ случаѣ обжалованія, не могутъ быть приведены въ исполненіе до разсмотрѣнія ихъ съѣздомъ, de facto у насъ не существующимъ...»

Digitized by Google

Является къ вамъ младшая братія и излагаетъ смутную и туманную жалобу преимущественно объ усадьбѣ, озимомъ или яровомъ клинѣ, или о ротницкой квитанціи, а иногда, если рѣчь касается цѣлаго сельскаго общества, то и о судебно-межевомъ дѣлѣ, ведущемся въ какихъ-то невѣдомыхъ мѣстахъ, чуть-ли не со временъ присно-блаженной памяти Анны Ивановны. Выслушавъ далеко невразумительную рѣчь челобитчиковъ, и получивъ на всѣ разспросы объясненія, повѣренный хватается за послѣднее средство: спрашиваетъ у челобитчиковъ какихъ-нибудь бумагъ по этому дѣлу. Такими бумагами обыкновенно оказываются черновыя прошенія, иногда чуть-ли не отъ нѣсколькихъ поколѣній, всѣ на имя губернатора. Администраторъ губерніи всегда казался имъ альфой и омегой правосудія, что̀, конечно, было и на самомъ дѣлѣ и что̀ воспитано всей исторіей народа еще со временъ вѣчнопамятнаго московскаго собиранія земли. Такъ-какъ эти черновыя прошенія, тщательно завернутыя въ разныя тряпки и сберегаемыя крестьянами въ почетномъ углу, за образами, почти также ничего не разъясняютъ (изъ нихъ обыкновенно не видно, что̀ сдѣлано по этимъ прошеніямъ, ни въ какомъ положеніи и гдѣ находится дѣло въ послѣднее время), то приходится опять начинать разспросы, при чемъ нерѣдко, прежде отвѣта, слышишь повтореніе своего собственнаго вопроса, извѣстный психологическій признакъ дѣтскаго состоянія мысли. Если путемъ такого утомительнаго процесса ознакомленія съ дѣломъ удастся какъ-нибудь хоть намѣтить главные факты, тогда начинается вторая половина хлопотъ: какъ достать матеріалы и всевозможныя справки для начала тяжбы, или дальнѣйшаго движенія гдѣ-то исчезнувшаго дѣла. Тогда обыкновенно оказывается, что челобитчиковъ «обижали», «обижаютъ» и, судя по аналогіи, имѣютъ «обижать». Оказывается обыкновенно, что всѣ общія и спеціальныя права крестьянства, если можно такъ выразиться, почти совершенно не практикуются въ жизни и неуклонно берегутся однѣ только крестьянскія обязанности. Почти всегда случается, что въ одномъ мѣстѣ челобитчику не выдаетъ нужной справки, положимъ, полицейское управленіе, несмотря на буквально ясное приказаніе закона выдавать подобныя справки; въ другомъ мѣстѣ обижаетъ челобитчика мировой посредникъ, не принимая отъ него вполнѣ законной просьбы или жалобы; въ третьемъ мѣстѣ самоуправствуетъ волостной старшина, а еще чаще волостной писарь... Словомъ, куда ни повернись, вездѣ обижаютъ это бѣдное, безсловесное человѣчество...

Ознакомившись съ такими злокачественными условіями крестьянскаго дѣла, филантропическій ходатай попадаетъ въ довольно комическое положеніе. Ему остается одно изъ двухъ: или сразу прекратить эти обоюдно-безполезное разговоры съ младшей братіей и утѣшить ее возмездіемъ на небѣ, гдѣ она непремѣнно выиграетъ всѣ свои земныя тяжбы, или же вынуть

Digitized by Google

изъ своего рабочаго стола потребное количество кредитнихъ билетовъ, буде таковые имѣются, приложить къ нимъ невѣдомое количество дней, а можетъ быть и недѣль, и отправляться на легальную борьбу за младшаго брата со всѣми незаконно обидѣвшими его мѣстными духовными, полицейскими и судебными властями, разъяснять имъ всѣ законы, а пожалуй и многочисленные въ наши дни циркуляры, которые они вѣдомо или невѣдомо нарушали или неправильно истолковали противъ младшаго брата.

Не знаю, какъ вы подумаете объ этомъ подвигѣ, добрѣйшій читатель; но мнѣ кажется, что такихъ праведниковъ искать нѣтъ основанія. Ихъ нѣтъ, да и не можетъ быть, потому что еслибы даже и нашелся подобный сумасбродъ, то онъ навѣрное сбился бы съ дороги и въ сопровожденіи той же младшей братіи, ну хотя бы во образѣ случайныхъ спутниковъ, навѣрное попалъ бы куда-нибудь на Уралъ, или за Уралъ, вообще въ какую-нибуь другую холодную, малолюдную и строго управляемую страну.

Таковы изрядныя затрудненія въ помощи бѣдному русскому человѣку въ нашей частной жизни. Приведемъ еще другой примѣръ, какъ матеріалъ для опредѣленія той почтенной дистанціи, которая мало по малу установилась исторіей между людьми нашей интеллигенціи и людьми массы. Намъ недавно передавали такой фактъ: въ одинъ новый судъ многократно пріѣзжалъ изъ уѣзда крестьянинъ, по какому-то своему дѣлу, которое, повидимому, составляло для него вопросъ послѣдняго куска хлѣба. Частые и каждый разъ неудававшіеся его пріѣзды начинали вызывать даже шутки среди судебныхъ сторожей и мелкаго канцелярскаго плебса. Стоитъ, бывало, этотъ горемычной проситель все въ одномъ и томъ же уголку судейской лѣстницы, и съ какимъ-то безсмысленнымъ терпѣніемъ дожидается какой-то заколдованной справки по своему дѣлу. Нѣкоторые обычные посѣтители суда начинали принимать его уже чуть ли не за статую, символически выражающую демократическій духъ судебной реформы. Наконецъ обстоятельство это вызвало вниманіе одного изъ мѣстныхъ повѣренныхъ, который рѣшился самъ похлопотать за этого злополучнаго просителя. Съ этой цѣлью адвокатъ обратился къ одному нарочитому спеціалисту по справочной части, который обыкновенно взымалъ за свои труды вознагражденіе отъ 50 к. до 2 и 3-хъ рублей, и поручивъ ему это дѣло, вступилъ съ крестьяниномъ въ переговоры такого рода:

— Вы сколько разъ пріѣзжали въ судъ за этой справкой?

Крестьянинъ, почесавши затылокъ, отвѣтилъ, что уже много разъ, что по этой справкѣ онъ уже продалъ и «проѣлъ цѣлую лошадь».

— Ну, сами вы все-таки ничего не подѣлаете, а пожалуй еще съѣдите и другую лошадь; а вы лучше сдѣлайте вотъ

Digitized by Google

какъ: попросите вотъ этого человѣка и дайте ему за трудъ хоть рубль; онъ вамъ все нужное узнаетъ не дальше завтрашняго дня,—и вотъ не больше, какъ чрезъ часъ времени подходитъ къ адвокату секретарь суда и, по праву близкаго знакомства, сообщаетъ, что недавній его кліентъ-крестьянинъ на него же принесъ жалобу предсѣдателю суда, что онъ, такой-то ходатай (слѣдуетъ описаніе внѣшности адвоката, такъ-какъ фамилія его была крестьянину неизвѣстна) вымогалъ съ него, крестьянина, рубль за справку, а безъ того не хотѣлъ показывать дѣла и прямо де сказалъ: не дашь рубль, такъ и дѣла не увидишь!

Если вы, читатель, сами не купались въ омутѣ провинціальной жизни россійской имперіи, то позвольте случайному провинціальному фельетонисту предложить вамъ маленькій совѣтъ: остерегайтесь идеализировать современнаго русскаго крестьянина, да не будете ввержены, при первомъ столкновеніи съ жизнію, въ другую крайность дешеваго и благонамѣреннаго презрѣнія къ нему. Такимъ трагическимъ исходомъ заключился «пейзанскій» періодъ нашего либерализма. — Современный русскій крестьянинъ, особенно бѣдныхъ срединныхъ губерній—это по меньшей мѣрѣ печальный человѣческій образъ, завѣщанный всероссійскою жизнію и жестоко мстящій всѣмъ людямъ маломальски тронувшагося въ путь сознанія. Онъ мститъ своимъ горькимъ пьянствомъ, своимъ повальнымъ невѣжествомъ, всѣмъ своимъ душевнымъ складомъ, который на языкѣ славянофиловъ называется національнымъ смиреномудріемъ. Будемъ же и мы мстить ему, этому печальному образу, всякими простыми и героическими средствами, по вся дни живота нашего, обращая этотъ образъ въ нормальнаго человѣка! А для этой достойной цѣли умѣйте, читатель, быть на сторонѣ этого образа, не идеализируя его; умѣйте понять, что въ извѣстные историческіе моменты любовь къ людямъ принимаетъ очень суровые тоны. Пора «пейзанскаго» періода петербургскаго либерализма, повсей видимости, прошла уже безвозвратно и провинція всѣми силами должна остерегаться и отъ мелкой шикарности этого петербургскаго либерализма, и отъ прелестей нашихъ реакцій, нескончаемо длинныхъ, какъ полярныя зимнія ночи. А чтобы выработать возможность мало по малу освобождаться отъ всѣхъ этихъ, богъ-вѣсть откуда идущихъ къ намъ сюрпризовъ, намъ нужно приниматься за собственный умъ и вырабатывать самостоятельный трезвый взглядъ на окружающую насъ провинціальную жизнь. Основнымъ, капитальнѣйшимъ условіемъ въ этомъ случаѣ должно быть поставлено возникновеніе и развитіе провинціальной печати. Безъ своей собственной періодической печати, провинція навсегда останется мертвой неорганической массой — кладбищемъ, охватывающимъ востокъ Европы и возбуждающимъ въ ней самое естественное чувство вражды.

Digitized by Google

И такъ прежде всего самостоятельность провинціальной общественной мысли, и трезвость взгляда на окружающую жизнь, помимо всякихъ сантиментальныхъ и консервативныхъ точекъ зрѣнія. Лучше искренно и самостоятельно ошибаться, чѣмъ быть эхомъ столичныхъ шалостей по части нашего эфемернаго либерализма и полновѣсныхъ реакцій.

Въ образѣ знаменитой солдатки, въ «Ревизорѣ» Гоголя, которая, по завѣренію извѣстнаго русскаго городничаго Сквозника-Дмухановскаго, сама себя высѣкла, проглядываетъ аллегорическій смыслъ всей исторіи по крайней мѣрѣ срединнаго населенія Россіи, и, право, глядя на вопросъ съ этой точки зрѣнія, невольно приходишь къ заключенію, что гоголевскій городничій, передавая этотъ странный фактъ г. Хлестакову, далеко не такъ вралъ, какъ это вообще намъ казалось. Солдатка дѣйствительно сама себя высѣкла, и сѣчетъ себя немилосердно вотъ уже сколько вѣковъ. Всѣ эти мысли и невеселыя сравненія сами собой приходятъ въ голову, какъ только память воскреситъ тотъ или другой эпизодъ изъ современной жизни нашего крестьянства. Такъ, напримѣръ, сказанный нами отрывокъ изъ жизни «казеннаго засѣдателя» и его брата солдата уже самъ по себѣ могъ бы послужить темой для очень пространныхъ разсужденій. Если можно такъ выразиться, вся прошлая исторія нашего крестьянства, наперекоръ обычнымъ законамъ природы, вела его не впередъ, а назадъ, по части умственнаго и нравственнаго развитія. Нашъ крестьянинъ знакомъ былъ только съ двумя явленіями въ своей жизни: гнѣвомъ и милостію. Онъ споконвѣку привыкъ дрожать передъ первымъ и вымаливать послѣднюю.

Понятно, почему понятіе права въ политическомъ смыслѣ этого слова, чуждо русскому человѣку въ массахъ, почему онъ ни мало не возмущается, если его «обижаютъ» на каждомъ шагу: обида есть гнѣвъ, думаетъ русскій человѣкъ; послѣ гнѣва нужно ждать милости, а милость можно только вымаливать и выпрашивать, но никакъ не требовать. Поэтому, какъ бы судьба его ни обидѣла, онъ будетъ искать не права, а милости; а такъ-какъ милость лежитъ за предѣлами нашей частной жизни, то всѣ мы, мелкіе смертные, зараженные недугомъ, хотя бы самой маленькой гуманности, почти безсильны помочь своему «младшему брату» и, конечно, менѣе всего можетъ помочь ему по части «милости» адвокатъ, какъ представитель сухого формальнаго права.

Таковъ общій фонъ почти всѣхъ нашихъ отечественныхъ «исторій» изъ крестьянской жизни, и на этомъ же фонѣ лежитъ упомянутая нами повѣсть, о «казенномъ засѣдателѣ» и его братѣ солдатѣ. *Спеціальный же смыслъ этой исторіи—это смѣшеніе безграмотнаго и замкнуто-сословнаго сельскаго, такъ-называемаго самоуправленія съ безотвѣтственной de facto сельской администраціей.* Вопросъ о настоятельной необходимости лучшаго устройства нашей волости вообще и волостнаго суда въ

Digitized by Google

особенности уже не разъ затрогивался нашей скромной періодической печатью. Изъ этой массы статей и замѣтокъ мы приведемъ здѣсь значительное извлеченіе изъ одной, по нашему мнѣнію, наиболѣе выдающейся замѣтки (по крайней мѣрѣ изъ ряда намъ попадавшихся статеекъ и корреспонденцій).

«Было бы въ высшей степени полезно, говоритъ авторъ этой статьи, для огражденія крестьянъ со стороны ихъ волостнаго начальства, разборъ жалобъ на эти лица предоставить также мировымъ (судебнымъ) учрежденіямъ. Всякое самоуправство, насиліе и неправда старшины въ отношеніи крестьянина, потому только и совершается, что это лицо—начальство; но какъ такое нарушеніе составляетъ преступленіе по должности, то по устав. 20-го ноября 1864 года оно судится въ окружномъ судѣ, до котораго крестьянину приходится иногда ѣхать верстъ 200 слишкомъ и, кромѣ денегъ, затратить много времени, что̀ особенно въ рабочую пору обойдется страшно дорого. Нечего уже говорить, что тамъ, гдѣ приходится одинъ судъ почти на цѣлую губернію, приходится слишкомъ долго ждать рѣшенія. Да и суды эти, при теперешней неразвитости и загнанности крестьянъ, по самой торжественности своей обстановки, долго еще будутъ казаться имъ недоступными.

Поэтому-то, при нынѣшнемъ порядкѣ, начальство будетъ распоряжаться съ крестьянами произвольно. Между тѣмъ, у насъ на Руси избранный «излюбленный міромъ» человѣкъ слишкомъ часто превращается въ деспота-чиновника. И конечно, чѣмъ неразвитѣе личность, тѣмъ скорѣе и грубѣе дѣлается это превращеніе. То же самое слѣдуетъ сказать и о подсудности крестьянъ окружнымъ судамъ за оскорбленіе волостныхъ старшинъ, при исполненіи послѣдними своей должности (уст. о наказ., нал. миров. суд. ст. 31). Мировой судъ всегда къ крестьянамъ ближе и сподручнѣе,—и только онъ можетъ вполнѣ олицетворить въ понятіяхъ народа идею суда скораго, такъ-какъ жалоба часто въ одинъ, много въ 3 дня, можетъ быть принята и разобрана, а приговоръ постановленъ безъ потери дорогаго времени на далекіе переѣзды. Не можемъ при этомъ не пожелать, чтобы, сколько можно скорѣе, закрылись мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія, такъ-какъ посредники, теперешніе опекуны взрослыхъ крестьянъ, въ большей части не признаютъ правыми своихъ опекаемыхъ въ дѣлахъ съ начальствомъ. Что̀ бы ни случилось и какъ бы ни самодурилъ старшина, онъ много что получитъ выговоръ. Мировыя крестьянскія учрежденія въ большей части сдѣлали уже свое дѣло и остаются учрежденіемъ отжившимъ, неприносящимъ уже пользы земству. Тамъ, гдѣ обязательныя отношенія еще не всѣ прекращены, нужно только поручить мировымъ судьямъ разборъ споровъ, выходящихъ изъ поземельныхъ отношеній, и составленіе выкупныхъ договоровъ на правѣ натаріусовъ (Нотар. пол. п. 2), съ сохраненіемъ, конечно, настоящихъ льготъ—

Digitized by Google

и посредникамъ положительно ничего уже не остается дѣлать, такъ-какъ сборъ податей и выкупныхъ платежей (чѣмъ они теперь больше всего заняты) составляетъ прямую обязанность волостнаго начальства подъ надзоромъ полицейскихъ управленій. Между тѣмъ, содержаніе этихъ учрежденій обходится иному земству до 80 тысячъ руб. и болѣе въ годъ. Еслибы обратить эти тысячи на устройство училищъ или больницъ, какую пользу принесли бы эти 80,000 руб. не только въ настоящемъ, но въ будущемъ для народа, который выноситъ на своихъ плечахъ главную долю всѣхъ натуральныхъ и денежныхъ, государственныхъ и земскихъ повинностей! Надзоръ за крестьянскимъ самоуправленіемъ, если это уже необходимо, удобнѣе всего сосредоточить при уѣздныхъ управахъ, члены которыхъ избираются всѣми сословіями и на которыя и теперь возложена забота о народномъ продовольствіи, здоровьѣ и раскладкѣ повинностей» (Суд. Вѣстникъ 1870 г., № 343: «Нѣсколько словъ о волостныхъ судахъ».)

Правда, нашъ мировой судъ избирается земствомъ, а современное земство иногда даетъ факты въ родѣ приснопамятной исторіи въ Холмскомъ уѣздѣ; но... но все-таки мы хотимъ быть оптимистами и думаемъ, что настоящая сельская администрація съ ея подчиненіемъ мировымъ посредникамъ, можетъ быть, перевѣшиваетъ даже поучительную исторію о подвигахъ «консервативнаго элемента» Холмскаго уѣзда...

Само собою разумѣется, мы возлагаемъ въ подобныхъ случаяхъ всѣ надежды на земство, только потому, что въ основѣ его лежитъ единственный благой принципъ нашего будущаго развитія; если же бы мы принимали въ соображеніе только современное его состояніе, то, конечно, обошли бы даже самое существованіе его молчаніемъ.

Мысленно останавливаясь надъ всѣми этими мелкими недоразумѣніями всероссійской жизни, невольно вспоминаешь извѣстную модную школу мыслителей нашего времени, которая настойчиво увѣряетъ, что русскую жизнь нужно придерживать, что она куда-то рвется неудержимо, что въ каждой новой пристройкѣ къ всероссійскому историческому зданію, нужно оставлять надежную лазейку для гнѣва и милости и во всякомъ случаѣ, повсемѣстно и непрестанно организовать и поддерживать спасительные «консервативные элементы» нашей жизни!

Сопоставляя іезуитскій катехизисъ этой школы съ жизнію россійской имперіи, замѣчая на каждомъ ея шагу или деморализацію (отъ ея слабѣйшихъ степеней—начиная съ полнаго нравственнаго индиферентизма и кончая самыми мрачными преступленіями) или невѣжество, приходя такимъ образомъ къ глубокому убѣжденію, что вся наша жизнь есть не что иное, какъ сплошной «консервативный элементъ», гдѣ всякое доброе нравственное явленіе глохнетъ само собою, по условіямъ своей собственной почвы, видя и соображая все это, невольно спраши-

Digitized by Google

ваешь себя: что̀ сей сонъ значитъ? что̀ знаменуетъ собою іезуитскій катехизисъ этой школы? есть ли это невинное заблужденіе нашихъ салонно-образованныхъ и вліятельныхъ идіотовъ, или же сознательное, систематическое злодѣйство? Я, впрочемъ, уже довольно рѣшилъ для себя этотъ вопросъ, добрѣйшій читатель, и все, что̀ я ежедневно вижу и слышу вокругъ себя, только убѣждаетъ меня въ правильности моего рѣшенія. Поэтому, если вы склонны интересоваться этими вопросами, то потрудитесь рѣшать ихъ также самостоятельно.

ВОПРОСЪ О НАЦІОНАЛЬНОСТЯХЪ ВЪ АВСТРІИ

и

ПОЛИТИКА БЕЙСТА.

Положеніе Австріи въ современной Европѣ. — Недавнее прошлое этой страны: Меттернихъ, Бахъ, Шмерлингъ, Белькреди. — Вопросъ объ австрійскихъ національностяхъ при вступленіи въ управленіе Бейста. — Венгрія. — Борьба ея за свои древнія учрежденія. — Юго-славянскія земли. — Чешскій вопросъ. — Галиція. — Федеративная будущность Австріи.

«L'Autriche sera une fédération ou il n'y aura pas d'Autriche».

I.

Не очень давно, года полтора тому назадъ, на первомъ планѣ европейской политики стояли внутренніе вопросы. Англія занималась парламентской реформой и поземельными ирландскими дѣлами; императорская Франція играла въ парламентаризмъ; Австрія, подъ вліяніемъ своего «возродителя», канцлера Бейста, уничтожала баховскій конкордатъ; о Россіи и говорить нечего: ея внутреннія реформы за послѣднее десятилѣтіе чуть ли не вошли въ пословицу, и даже англійскій либеральный журналъ «Fortnightly Review» ставитъ Россію въ примѣръ своему правительству, идущему по пути прогресса, если вѣрить журналу, гораздо медленнѣе. Остается Пруссія, которая, сколько извѣстно, никакихъ внутреннихъ реформъ у себя не совершила, но мѣсто ихъ съ полнымъ успѣхомъ могутъ занять хлопоты по устройству новаго сѣверо-германскаго союза, который долженъ былъ при случаѣ удобно обратиться въ общегерманскую имперію, оставаясь, въ сущности, прусскимъ королевствомъ. Реформа тоже немаловажная и, какъ извѣстно, увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ.

Извѣстно также и то, что эпоха повсемѣстнаго преуспѣянія Европы на пути прогресса была недолговѣчна. Только прусская «внутренняя реформа» благополучно прошла черезъ всѣ

Digitized by Google

пережитыя Европою въ прошломъ году треволненія и теперь находится въ полномъ цвѣтѣ. Эта реформа открыла въ Европѣ на долгое время новую эру, эру дикаго насилія или, выражаясь приличнымъ языкомъ, милитаризма, отъ котораго придется пострадать другимъ прусскимъ сосѣдямъ и прежде всего Австріи. Только что заключенный миръ по справедливости считается въ европейской прессѣ перемиріемъ; но на первое время, безъ сомнѣнія, не Англія и не Россія будутъ ареною прусскихъ подвиговъ; обезсиленная Франція долго не въ состояніи будетъ подняться безъ посторонней помощи; а между тѣмъ, подъ бокомъ Бисмарка находятся больше 9 милліоновъ «истыхъ» нѣмцевъ, невключенныхъ въ обще-германское отечество. Притомъ, нѣмцы эти живутъ въ такой странѣ, гдѣ недавнее полное преобладаніе смѣнилось для нихъ половиннымъ и грозитъ очень скоро сдѣлаться десятичной долей, — все это въ виду неслыханнаго возвеличенія германскаго отечества. Могутъ ли австрійскіе нѣмцы, — или, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые считаютъ себя добрыми патріотами, — не стремиться подъ эгиду Бисмарка и не праздновать побѣдоносный миръ? Конечно, не могутъ, и такое празднованіе самъ австрійскій министръ-президентъ, графъ Гогенвартъ, счелъ нужнымъ даже подвергнуть особому запрещенію. Это тоже признакъ времени. Можетъ ли, далѣе, Бисмаркъ не воспользоваться стремленіемъ нѣмцевъ въ общее лоно, подъ вліяніемъ великаго принципа національности, а въ сущности — въ виду внутреннихъ неурядицъ въ австрійской монархіи, продолжающихся уже десять лѣтъ и грозящихъ ея распаденіемъ? Не можетъ и, по мнѣнію хорошихъ нѣмцевъ, не долженъ.

Вотъ почему мы думаемъ, что ближайшія политическія неурядицы въ Европѣ произойдутъ въ томъ нестройномъ государственномъ организмѣ, который зовется теперь Австро-Венгріей и который изъ географическаго выраженія, какимъ всегда былъ (даже и въ тѣ времена, когда назывался просто Австріей), скоро перейдетъ въ выраженіе историческое. Движеніе національностей, происходящее въ Австріи, съ одной стороны, и притяженіе, оказываемое могущественной Германской Имперіей, съ другой — сообщаютъ важное значеніе событіямъ, какія подготовляются въ этомъ государствѣ, когда-то оплотѣ абсолютизма, а потомъ — образцѣ своеобразнаго либерализма, считающаго, въ числѣ прочихъ либеральныхъ мѣръ, и «прижиманіе къ стѣнѣ» самаго многочисленнаго класса населенія.

Едва-ли какое-нибудь европейское государство въ XIX столѣтіи (не исключая и Франціи) испытало столько метаморфозъ, сколько пережила и, вѣроятно, еще переживетъ ихъ Австрія. Если данный политическій порядокъ неизбѣжно отражается на умахъ народа, особенно подрастающаго поколѣнія, то «австрійцы» должны считать въ своихъ рядахъ людей всевозможныхъ

Digitized by Google

направленій; такъ діаметрально измѣнилась австрійская внутренняя политика.

Гервинусъ во «Введеніи къ исторіи XIX вѣка» видитъ въ Европѣ «побѣдоносное шествіе свободы на востокъ». Первымъ шагомъ ея на европейской почвѣ по прибытіи съ американскаго материка была высадка во Франціи. Въ двадцатыхъ годахъ свободныя движенія обнаружились въ Испаніи, Италіи, Греціи. Іюльская революція расчистила почву для свободы во Франціи и оттуда взволновала Испанію, Бельгію, даже старую Англію. Послѣдующій взрывъ 1848 года разразился уже въ центрѣ европейскаго континента, «въ самыхъ сильныхъ укрѣпленіяхъ консервативнаго принципа». Такимъ укрѣпленіемъ (хотя, прибавимъ мы, не самымъ сильнымъ) была, конечно, Австрія. Гервинусъ даетъ превосходную характеристику австрійской консервативной системы, которая, въ теченіе тридцати и даже болѣе лѣтъ, служила образцомъ для прочихъ европейскихъ государствъ. Это было время священнаго союза въ политикѣ,—реакціи въ пользу піетизма и романтизма, послѣ скептическаго движенія XVIII вѣка—въ литературѣ. Система Меттерниха (съ 1815 до 1848) оказалась, частію благодаря внѣшнимъ обстоятельствамъ, такъ хорошо приспособленною, что духъ свободы, нашедшій себѣ отголосокъ «даже въ отдаленной Россіи», не коснулся Австріи. Австрійскій консерватизмъ того времени совершенно отличенъ по качеству отъ позднѣйшаго наполеоновскаго цезаризма, который во имя народа угнеталъ и развращалъ тотъ же самый народъ, и отъ бисмарковскаго милитаризма, который открыто опирается на грубую силу. Австрійскіе порядки носили на себѣ отпечатокъ отеческой заботливости къ народу, патріархальности, соединенной, для бо́льшей безопасности, съ нѣкоторою распущенностью нравовъ, которая прикрывалась покровительствомъ искусствамъ, т.-е. легкой оперѣ и балету. Процвѣтаніе балета вообще служитъ мѣрою упадка мысли и политическаго застоя. Въ Австріи же теперь это благодарное искусство, безъ сомнѣнія, значительно упало въ сравненіи съ временемъ Меттерниха, который вообще считался покровителемъ искусствъ. Вѣна при немъ сдѣлалась музыкальнымъ центромъ. Особеннымъ вниманіемъ пользовалась инструментальная техника, такъ-какъ подобная музыка, не имѣя ни малѣйшаго отношенія къ дѣйствительной жизни, не можетъ и возбуждать дѣятельность мысли. Сенсуализмъ въ разныхъ видахъ признавался Меттернихомъ «существеннѣйшимъ средствомъ для развлеченія неспокойныхъ умовъ». Одною изъ задачъ его системы—было развитіе въ австрійскихъ подданныхъ вкуса къ матеріальнымъ наслажденіямъ, чтобъ подточить и принизить всякую возможность зарожденія свободнаго умственнаго движенія, которое, къ тому же, не встрѣтило бы себѣ и пищи по недостатку научнаго образованія въ странѣ. Умственное движеніе Германіи не имѣло доступа въ Австрію. Поступать въ иностранные университеты австрійскимъ подданнымъ было строго запрещено. Назначеніемъ же мѣст-

Digitized by Google

ныхъ гимназій и университетовъ было не научное образованіе, а приготовленіе хорошихъ чиновниковъ. Училища находились подъ надзоромъ духовенства, а наблюденіе за нравственностью наставниковъ негласно поручалось законоучителямъ. Низшія школы поощрялись, но подъ строжайшимъ формализмомъ и съ назначеніемъ служить оплотомъ противъ революціоннаго духа. Для учителей и учениковъ составлены были чрезвычайно подробныя инструкціи. Особая коммисія по дѣламъ образованія указывала нетолько, какіе избирать учебники, но и «до какой страницы доходить и что̀ именно выпускать». Дѣтямъ подробныя правила предписывали, «какъ приготовляться дома къ отправленію въ училище, какъ совершать это путешествіе, какъ держать себя до и во время уроковъ, какъ сидѣть, какъ держать руки и ноги, какъ ходить въ отхожія мѣста». Народный учебникъ, обязательно употреблявшійся въ школахъ для наученія молодаго поколѣнія обязанностямъ подданныхъ, гласилъ, что власть императора дана ему свыше и что онъ имѣетъ полное право располагать имуществомъ и жизнью подданныхъ». Религіозный формализмъ граничилъ съ полицейскимъ надзоромъ. Вліяніе католическаго духовенства было громадно. Оно простиралось даже на протестантовъ, которые въ опредѣленныхъ случаяхъ,—въ случаѣ брака или передъ смертью,—должны были обращаться къ содѣйствію католическихъ духовныхъ лицъ. «Безъ разрѣшенія грѣховъ», говоритъ Гервинусъ, «протестанты не могли совершать покупку домовъ или другихъ имѣній, пріобрѣтать гражданскія или ремесленныя права, получать доступъ къ академическимъ званіямъ и гражданскимъ должностямъ». Въ университетахъ запрещалось толковать о религіозныхъ предметахъ. Австрійская цензура пріобрѣла историческую извѣстность: не только современныя произведенія французской и нѣмецкой литературъ изгонялись изъ Австріи, но даже старые классическіе поэты и историки, если и допускались, то въ искаженномъ видѣ. Научной дѣятельности и не могло быть никакой. Австрійская юриспруденція ограничивалась разработкою свода законовъ. По части исторіи появилось на свѣтъ лишь нѣсколько сухихъ монографій. Газеты ограничивались извѣстіями о должностныхъ назначеніяхъ и придворныхъ празднествахъ. Общественная жизнь была подавлена: императоръ Францъ вообще относился подозрительно ко всему, что̀ имѣло характеръ общества или союза». Сословное представительство частію вовсе не существовало, частію сохранилось только по формѣ и почти не созывалось. Бёрне имѣлъ полное право сказать: «Австрія—это европейскій Китай!»

Но, несмотря на устраненіе всякой умственной дѣятельности, на подавленіе попытокъ къ дѣятельности общественной, приниженіе въ австрійскихъ подданныхъ чувства собственнаго достоинства и усыпленіе ихъ чувственными наслажденіями, общественный духъ съ начала сороковыхъ годовъ все-таки на-

Digitized by Google

чалъ пробуждаться. Излишняя строгость въ служеніи охранительнымъ началамъ вообще цѣлесообразна только на время, и при обстоятельствахъ можетъ повести прямо къ противоположнымъ результатамъ. Какъ ни усыплена была мысль у подданныхъ Австріи, но все-таки и она повременамъ не могла не требовать себѣ хотя небольшаго просвѣта. Встрѣчая противодѣйствіе въ самыхъ незначительныхъ попыткахъ, она искала какого-нибудь удовлетворенія, хотя бы для того, чтобъ посмѣяться надъ постоянными запретами. «Какъ ни строга была цензура», замѣчаетъ Гервинусъ, «но дошло до того, что каждый образованный человѣкъ стыдился, если не читалъ какой бы то ни было запрещенной книги. Наслажденіе этими запрещенными плодами служило подготовкою къ политическому грѣхопаденію». Вообще, патріархальный деспотизмъ возможенъ на неопредѣленное время только въ странахъ, обладающихъ совершенно восточнымъ уровнемъ развитія. Не нужно забывать, что въ Австріи уже въ прошломъ столѣтіи былъ Іосифъ II, и что правителямъ эпохи императора Франца нужно было искусственно отодвигать страну ко временамъ дореволюціоннымъ. Если меттерниховская система внутренняго управленія и могла, какъ мы сказали, долгое время достигать цѣли, то этому значительно содѣйствовали и внѣшнія обстоятельства, а именно общая европейская реакція, наступившая послѣ движенія, сообщеннаго французской революціей,—изнуреніе, которое естественно слѣдовало за двадцатилѣтними непрерывными войнами и, наконецъ, побѣдоносный исходъ борьбы съ французами, послужившій къ усиленію правительственной власти въ дѣлахъ внутреннихъ. Вообще исторія, и въ особенности современная, показываетъ, что счастливая война влечетъ за собою для европейскаго государства внутреннюю реакцію; несчастная-же, если только не совершенно подавила націю, способствуетъ оживленію народной самостоятельности и развитію либеральныхъ учрежденій. Народное движеніе, поднявшееся въ Германіи послѣ разгрома ея Наполеономъ, было задушено тѣми же нѣмецкими государями, которые эксплуатировали его, пока дѣло шло о внѣшней войнѣ. Неудачный исходъ крымской войны указалъ Россіи необходимость взяться за внутреннія реформы. Разбитая въ пухъ при Сольферино и Садовой, Австрія оба раза рѣшительнѣе выступала на конституціонный путь.

Но возвратимся къ меттерниховскому времени. Примѣръ Австріи показалъ еще, что система полнаго деспотизма возможна развѣ только на необитаемомъ островѣ. Меттернихъ вѣрилъ, однакожъ, что введеніе новыхъ принциповъ—парламентскаго режима, свободы печати, народнаго самодержавія,—неизбѣжно поведетъ къ распаденію имперіи, которая можетъ существовать только на прочномъ базисѣ абсолютной власти. Печать считалась естественнымъ врагомъ государства; за невозможностью уничтожить этого врага, его старались сдѣ-

Digitized by Google

лать возможно-безвреднѣе путемъ двойной цензуры—церкви и полиціи, а между тѣмъ запрещенныя книги читались на расхватъ. При господствѣ бюрократической системы, само собою разумѣется, заниматься политикою было невозможно: это составляло crime de lèse-majesté divine et humaine, по выраженію дореволюціоннаго французскаго права. Конституціонное устройство, ненавистное для императора Франца даже по названію, отвергалось Меттернихомъ не только изъ вражды къ свободѣ, но также и изъ боязни пробужденія національныхъ стремленій въ разноплеменной Австрійской монархіи. Онъ всѣми мѣрами старался разъединить австрійскія національности, напуская одну на другую. «Мои народы», говорилъ Францъ II французскому посланнику, «чужды другъ другу, и тѣмъ лучше. Они не заражаются одновременно одинаковыми болѣзнями. Когда во Франціи наступаетъ лихорадка, она охватываетъ васъ всѣхъ въ одинъ день. Венгровъ я помѣщаю въ Италію, а итальянцевъ въ Венгрію. Каждый охраняетъ своего сосѣда. Они не понимаютъ и ненавидятъ другъ друга, но изъ ихъ взаимной антипатіи происходитъ порядокъ, а изъ взаимной ненависти—общій миръ». За самодовольныя слова Франца II расплачивается Францъ-Іосифъ. Затрудненія отъ борьбы національностей, которою страдаетъ Австрія, происходятъ отъ меттерниховской системы. Правило: Divide et impera оказалось не вполнѣ вѣрнымъ: разъединеніе укоренилось, а власть все-таки исчезла.

Тѣмъ не менѣе, временно подобная система спасла австрійскій абсолютизмъ.

Взрывъ февральской революціи нашелъ отголосокъ даже среди меттерниховскаго режима; мартовская революція хотя и дала Австріи довольно либеральную конституцію унитарнаго оттѣнка, но, какъ извѣстно, попытка эта ни къ чему не привела. Вѣнскій дворъ успѣлъ возстановить одну національность на другую, русскіе помогли сломить мадьяръ, итальянцы были разбиты при Новарѣ; славяне, при всегдашней своей разъединенности, даже помогали вѣнскому правительству въ борьбѣ его противъ подданныхъ, и затѣмъ, конечно, конституцію уже не было надобности сохранять. Фактически она никогда не была введена въ дѣйствіе, а de jure отмѣнена 31 декабря 1851 г., въ pendant къ наполеоновскому декабрскому coup d'état. Еще разъ наступила общая европейская реакція. Въ Австріи Шварценбертъ и Бахъ возобновили съ прежнимъ успѣхомъ дѣло абсолютизма. Бахъ хотѣлъ утвердить единство имперіи путемъ деспотической германизаціи. Абсолютизмъ сдѣлалъ еще болѣе неистовствъ, чѣмъ прежде: не только исчезли всѣ существенныя принадлежности конституціоннаго устройства, какъ напр. отвѣтственность министровъ (это разумѣется само собою), но даже такія простыя безопасныя учрежденія, какъ судъ присяжныхъ. До 1848 года Венгрія имѣла особый сеймъ и форму конституціоннаго устройства; теперь же

Digitized by Google

она считалась завоеванной страной, и всякіе слѣды представительства исчезли; лучшіе люди Венгріи были въ заточеніи или въ изгнаніи (въ числѣ послѣднихъ находился и нынѣшній венгерскій министръ-президентъ, графъ Андрасси). Яростный клерикалъ, Вахъ заключилъ съ Римомъ конкордатъ, стѣснявшій свободу совѣсти австрійскихъ подданныхъ. Отмѣна этого конкордата составляетъ самое лучшее дѣло Бейста, и при разсмотрѣніи новѣйшаго періода австрійской государственной жизни, мы о конкордатѣ скажемъ подробнѣе. Попытки Баха установить правильную административную машину централистской имперіи окончились неудачей. Какъ вообще при господствѣ бюрократическаго абсолютизма порядокъ въ государственномъ управленіи невозможенъ по недостатку общественнаго контроля, который устранялъ бы безконечныя злоупотребленія, такъ было и въ Австріи. Мѣропріятія Баха отмѣняли одно другое, финансы пришли въ крайнее разстройство. На эту неурядицу бросило яркій свѣтъ надѣлавшее въ 1859 г. много шуму самоубійство министра Брука. Къ этому присоединились и неблагопріятныя для Австріи внѣшнія политическія обстоятельства.

Какъ ни напряженна была повсемѣстная европейская реакція пятидесятыхъ годовъ, — какъ ни жестоки были ея подвиги (въ родѣ разстрѣливанія венгерцевъ австрійскимъ генераломъ Гайнау или бомбардированія республиканскаго Рима генераломъ французской республики только для возстановленія папской власти), но все-таки эта реакція въ самой себѣ таила зародышъ недолговѣчности, благодаря комбинаціямъ внѣшне-политическаго свойства. Преданія священнаго союза еще были свѣжи; можно сказать, онъ существовалъ еще въ дѣйствительности, но надъ Франціей уже царствовалъ представитель (хотя и деспотическій) революціоннаго начала. Мы питаемъ искреннее отвращеніе и къ личности Людовика-Наполеона, и ко всей его правительственной системѣ, но нельзя не сказать и того, что онъ, volens-nolens, чтобъ не потерять благоволенія націи и результатовъ военныхъ успѣховъ въ ночь 2-го декабря, долженъ былъ сдѣлаться противникомъ началъ вѣнскаго конгресса и тѣхъ державъ, которыя служили защитницами этихъ началъ. Война съ Россіей была очень популярна не только среди воевавшихъ съ нею націй, но и въ остальной Европѣ. Мадьяры ненавидѣли ее за 1849-й годъ; австрійское правительство, спасенное Николаемъ, рѣшительно боялось его могущества и вліянія на подвластныя Австріи славянскія племена. Извѣстенъ образъ дѣйствій Австріи во время крымской войны. «Удививъ свѣтъ своею неблагодарностью» (въ сущности вполнѣ понятною, такъ-какъ въ политикѣ существуютъ только интересы, а не чувства), Австрія лишилась поддержки Россіи и не пріобрѣла расположенія Франціи. Священный союзъ окончательно распался и чрезъ три года послѣ крымской войны Австрія вспомнила это.

Digitized by Google

Сольферино проложило австрійскимъ народамъ путь къ свободѣ. Меттернихъ, овладѣвъ итальянскими провинціями, въ сущности, навязалъ только вѣнскому правительству ярмо на шею. Болѣе сорока лѣтъ владѣли австрійцы Ломбардіей и Венеціей (съ небольшимъ перерывомъ въ 1848—49 годахъ), и постоянно эти провинціи порывались прочь изъ-подъ австрійскаго ига. Чувство національности, составляющее отличительную черту новѣйшихъ политическихъ движеній въ Европѣ, вошло въ повсемѣстное сознаніе благодаря въ значительной степени тому постоянному напоминанію, какое давала о себѣ Италія, которая сдѣлалась, наконецъ, больнымъ мѣстомъ Европы. Идея національнаго итальянскаго единства, ведя борьбу за свое существованіе, содѣйствовала утвержденію національнаго самосознанія, и среди прочихъ неполноправныхъ европейскихъ народностей, съ перваго счастливаго поворота итальянскихъ дѣлъ, съ 1859 года, начинается поворотъ къ лучшему и въ коренномъ пріютѣ деспотизма—Австріи.

II.

Вѣнское правительство должно было выступить на конституціонный путь послѣ сольферинскаго пораженія и потери Ломбардіи, вслѣдствіе крайней неурядицы во внутреннихъ дѣлахъ, разстройства финансовъ, увеличеннаго несчастною войною и, главнымъ образомъ, глухимъ неудовольствіемъ своихъ разноплеменныхъ подданныхъ, среди которыхъ удача итальянцевъ оживила національныя чувства, сдавленныя во время реакціоннаго періода Баха и Шварценберга. Первое мѣсто среди недовольныхъ занимала Венгрія, и неудовольствіе ея населенія было для австрійскаго правительства тѣмъ многозначительнѣе, что воспоминанія о 1849 годѣ и Гайнау еще не забылись, новое возстаніе было очень вѣроятно, и русскія войска уже не явились бы для его усмиренія.

Но меттерниховское наслѣдіе дало себя почувствовать австрійскому правительству: недостаточно было октроировать конституцію: приходилось встать лицомъ къ лицу съ вопросомъ о національностяхъ. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ этотъ вопросъ не даетъ покоя Австріи, заставляя ее метаться отъ одной системы къ другой, и до сихъ поръ ни одинъ изъ политическихъ экспериментовъ не оказывался удовлетворительнымъ. Мало того: въ силу того же принципа національности, Австрія въ это десятилѣтіе лишилась всѣхъ своихъ итальянскихъ владѣній и изгнана изъ Германіи. Наконецъ, въ будущемъ, тотъ же національный принципъ грозитъ монархіи Габсбурговъ окончательнымъ распаденіемъ. Въ чемъ же состоитъ принципъ національности и каково отношеніе его къ прогрессивнымъ государственнымъ формамъ?

Digitized by Google

Обращаясь къ исторіи XIX вѣка, мы находимъ, что большинство политическихъ движеній проникнуты національными стремленіями, которыя иногда идутъ даже въ разрѣзъ со свободными учрежденіями. Во имя принципа національности создались Греція, Италія, Германія. Силою того же принципа волнуются населенія Австріи и Турціи, а европейская пресса и нѣкоторые экзальтированные умы видятъ уже очертаніе панславизма. Принципъ національности увлекаетъ современниковъ такъ же сильно, какъ въ XVI вѣкѣ волновали умы религіозныя идеи. Наполеонъ I обѣщалъ господство надъ Европою тому правительству, которое первое подниметъ знамя національностей и объявитъ себя его защитникомъ. Несомнѣнно, что этотъ принципъ совпадаетъ съ желаніями современныхъ массъ и составляетъ вполнѣ законную фазу въ прогрессѣ цивилизаціи. Наше время для большей части Европы составляетъ эпоху національнаго движенія, и никакія усилія правительствъ сдержать его не могутъ быть успѣшны. Національный принципъ производилъ уже и будетъ еще производить политическіе перевороты, какъ всякій революціонный принципъ, до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ его время. Онъ такъ же не отразимъ, какъ былъ въ свое время вопросъ религіозный и какъ дѣлается уже вопросъ соціальный.

Національность, по мнѣнію Милля, существуетъ тамъ, гдѣ живутъ люди, соединенные общими симпатіями, основанными на единствѣ языка и происхожденія, на общности политическихъ воспоминаній и религіи, хотя ни одно изъ этихъ условій нельзя считать исключительно необходимымъ для признанія національности существующею. Симпатіи, соединяющія людей одной національности, побуждаютъ ихъ дѣйствовать сообща охотнѣе, чѣмъ съ другими людьми, несоединенными подобными узами, внушаютъ имъ желаніе жить подъ однимъ правительствомъ и управляться сами собою. Національное движеніе побуждаетъ народности, удовлетворяющія указаннымъ условіямъ, но принадлежащія къ разнымъ государствамъ, стремиться къ соединенію въ одно политическое тѣло. Причина появленія духа національности коренится въ великихъ принципахъ, введенныхъ новѣйшимъ прогрессомъ,—въ равенствѣ, въ конституціонномъ порядкѣ, въ народномъ самодержавіи, въ распространеніи просвѣщенія, въ научныхъ изысканіяхъ, въ развитіи литературы, вообще въ естественныхъ правахъ человѣка, провозглашенныхъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Пока государственная территорія считалась собственностью государя, до тѣхъ поръ мало имѣло значенія, къ одной ли расѣ принадлежатъ ея обитатели или къ нѣсколькимъ,—всѣ должны были повиноваться общему властелину, платить налоги и молчать. Цѣлыя области отходили по наслѣдству между принцами и въ приданое за принцессами (и это одинъ изъ главныхъ способовъ накопленія земель въ домѣ Габсбурговъ); національность

Digitized by Google

жителей опредѣлялась брачными контрактами и завѣщаніями государей. Нерѣдко король, для округленія своихъ владѣній, просто покупалъ какую-нибудь населенную область или завоевывалъ ее, опустошивъ огнемъ и мечомъ, безъ всякихъ справокъ о національности жителей. (Впрочемъ, послѣдняя прусско-французская война, кончившаяся захватомъ Эльзаса и Лотарингіи, доказала, что и нынѣ съ желаніями жителей рѣдко сообразуются тамъ, гдѣ господствуютъ огонь и мечъ). Дипломатія относилась къ народамъ не лучше: вѣнскій конгрессъ распоряжался населенными землями по собственному усмотрѣнію и тѣмъ положилъ начало большей части послѣдующихъ европейскихъ смутъ. Съ провозглашеніемъ принципа народнаго самодержавія государство признается существующимъ не для государя, а для благосостоянія гражданъ: если у нихъ нѣтъ общихъ интересовъ и общаго языка, если имъ худо жить вмѣстѣ, то изъ того же принципа вытекаетъ полная свобода имъ разойтись и присоединиться къ родственной расѣ, съ которой они были бы связаны симпатіями, упоминаемыми Миллемъ. Со введеніемъ парламентскаго порядка выступаетъ на первый планъ вопросъ о національномъ языкѣ: если государство состоитъ изъ разноязычныхъ національностей, то признаніе одного языка преобладающимъ вызываетъ подобныя же стремленія со стороны другихъ національностей, которыя объявляютъ себя утѣсненными. Съ распространеніемъ просвѣщенія и довольства сознаніе расовой особности, добытое научными изысканіями, укрѣпляется и обобщается; народъ узнаетъ свое прошлое и настоящее, свою принадлежность къ многочисленной расѣ, начинаетъ понимать, что, соединившись, достигнетъ силы, свободы и богатства. Зародышъ національнаго чувства получаетъ дальнѣйшее развитіе при содѣйствіи школы и типографіи; желѣзная дорога, какъ образовательное средство, довершаетъ народное самосознаніе, и такимъ образомъ національность готова къ движенію. Исчезновеніе невѣжества, неволи и бѣдности, заставляя людей интересоваться языкомъ, нравами, происхожденіемъ сосѣдей, принимать участіе въ ихъ тревогахъ, служитъ первымъ шагомъ къ національному самосознанію.

При всемъ томъ, признавая такое самосознаніе необходимою ступенью прогресса для народностей, мы должны сказать, что принципъ національности, основанный на этнографическомъ сродствѣ, возбуждаетъ только народы еще юные, утѣсненные, дурноуправляемые. У нихъ національное движеніе проявляется съ наибольшею яркостью. Это видно на примѣрѣ австрійскихъ и турецкихъ славянъ. При дальнѣйшемъ же развитіи, начало общности происхожденія и языка отступаетъ на второй планъ предъ другимъ, высшимъ началомъ, порождающимъ симпатію между людьми: оно состоитъ въ умственномъ общеніи, сходствѣ нравовъ и идей, въ политической исторіи. Милль признаетъ это начало самымъ главнымъ условіемъ національно-

Digitized by Google

сти, хотя, впрочемъ, для молодыхъ славянскихъ племенъ Востока главнымъ должно считаться пока этнографическое родство. Примѣръ противнаго видимъ въ странахъ, обладающихъ высшимъ культурнымъ развитіемъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, населеніе которой, соединенное преданіями свободы, составляетъ плотную національность, хотя говоритъ на французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ. Отнятыя нынѣ у Франціи области, Эльзасъ и Лотарингія, жители которыхъ говорятъ нѣмецкимъ языкомъ, принадлежатъ вполнѣ, однакожь, къ французской національности, съ которою сроднились принципами французской революціи. Населеніе Бельгіи говоритъ двумя разными языками, и между тѣмъ вовсе не одержимо центробѣжною силою, какая разъединяетъ австрійскія народности. По мѣрѣ возвышенія культуры народа, нравственныя симпатіи, основанныя на разумѣ, замѣняютъ для него общность языка и расы, и національныя особенности постепенно стираются предъ общимъ уровнемъ европейской цивилизаціи, дальнѣйшая ступень которой состоитъ въ космополитическомъ братствѣ всѣхъ народовъ, хотя это еще въ далекомъ будущемъ. Основная черта современнаго демократическаго движенія въ передовыхъ странахъ Запада — соціальныя реформы, фаза національныхъ движеній для нихъ уже проходитъ; для молодыхъ же племенъ Востока, только недавно достигшихъ самосознанія, наступилъ моментъ борьбы за свою народную физіономію, происходящей подъ вліяніемъ принципа національности; наконецъ, еще далѣе на Востокѣ даже и національнаго сознанія нѣтъ: все погружено въ глубокій умственный и нравственный сонъ и различныя племена одинаково повинуются одному деспоту.

Итакъ, дѣйствіе принципа національности вообще несомнѣнно благотворно: онъ помогаетъ народамъ выйти изъ усыпленія, подняться до индивидуальности, образовать свой языкъ, создать литературу, развить всѣ способности, чтобы разработать естественныя народныя богатства и постараться догнать передовыя націи. Затѣмъ, дальнѣйшее свободное развитіе доводитъ народъ до сознанія вреда національной исключительности и необходимости умственнаго и матеріальнаго обмѣна съ другими народами, и тѣмъ, пролагая дорогу новымъ интересамъ и идеямъ, указываетъ новую ступень прогресса: братство между народами.

При современномъ положеніи Европы принципъ національности заключаетъ въ себѣ революціонное значеніе, потому что преграды, сдерживающія его, еще не устранились. Прежде всего, онъ угрожаетъ Австріи, несмотря на ея либеральныя реформы. Милль говоритъ, что «свободныя учрежденія почти невозможны въ странѣ, составленной изъ различныхъ народностей, — невозможны у народа, среди котораго не существуетъ связи, основанной на симпатіи, особенно если этотъ народъ читаетъ и говоритъ разными языками. Повсемѣстное развитіе

Digitized by Google

общественнаго мнѣнія, необходимаго для представительнаго правительства, тамъ не можетъ существовать. Вліянія, обусловливающія собою такое общественное мнѣніе и рѣшающія его политическія движенія, бываютъ различны въ различныхъ частяхъ страны. Вожди партій, обладающіе народнымъ довѣріемъ въ одной части страны, не пользуются имъ въ другихъ мѣстахъ. Однѣ и тѣ же книги, журналы, брошюры, рѣчи не могутъ годиться вездѣ. Одна доля населенія не знаетъ мнѣній и побужденій, какія распространяются въ другихъ. Одинаковыя обстоятельства, одни и тѣ же акты, одна и та же правительственная система вліяютъ на нихъ различнымъ образомъ. Взаимная ненависть этихъ разнородныхъ частей сильнѣе недовѣрія къ правительству. Если одна изъ народностей считаетъ себя обиженною политикою общаго правительства, то этого достаточно, чтобы другая стала поддерживать ту самую политику. Если даже всѣ онѣ притѣснены, то все-таки каждая народность сознаетъ, что нельзя разсчитывать на поддержку другихъ для сопротивленія правительству; для одиночнаго же сопротивленія ни одна не чувствуетъ себя достаточно сильною, и притомъ каждая съ полнымъ основаніемъ можетъ думать, что ей выгоднѣе получить благосклонность правительства противъ другихъ народностей».

Эти слова, взятыя нами изъ сочиненія о «представительномъ правленіи», прямо приложимы къ Австріи. Конституціонныя попытки, предпринимаемыя правительствомъ съ 1860 года, сначала имѣли въ виду удовлетворить однихъ нѣмцевъ, потомъ раздѣлили преобладаніе послѣднихъ съ мадьярами; славяне до сихъ поръ были обойдены, хотя нѣтъ сомнѣнія, что торжество ихъ — вопросъ времени. Прежде, чѣмъ разсмотрѣть главныя политическія системы, которыхъ держалось съ 1860 года австрійское правительство, сообразно интересамъ той или другой изъ своихъ народностей, мы скажемъ нѣсколько словъ объ относительномъ составѣ и группировкѣ послѣднихъ.

Нѣмцевъ, занимающихъ нейтальянскій Тироль, эрцгерцогство Австрію, Штирію, внѣшніе округи Богеміи, гдѣ они смѣшиваются съ чехами, и Каринтію, гдѣ почти равны по числу со словенами, также поселенныхъ колоніями въ Моравіи, Венгріи и особенно Трансильваніи, всего считается 9.300,000; славянскія племена, которыхъ вообще считается до 15.700,000, разбиты на множество группъ, раскинутыхъ двумя полосами на сѣверѣ и на югѣ Австріи. На югѣ они занимаютъ громадное пространство въ Австріи, Карніоліи, Венгріи, частію Каринтіи и Штиріи, Кроаціи, Далмаціи, Славоніи, переходя далѣе въ предѣлы Турціи.

Сѣверные славяне начинаются у Богемскихъ горъ, занимаютъ всю средину Богеміи, Моравію, Галицію, переходятъ за Карпаты въ Венгрію, гдѣ занимаютъ всѣ сѣверные округи (комитаты) и затѣмъ, вдоль Днѣстра и Серета, служащихъ южной

Digitized by Google

границей, доходятъ до Чернаго моря. Главное изъ славянскихъ племенъ чехи, въ соединеніи съ моравами и словаками, составляютъ цифру въ 6½ милліоновъ. Югозападные славяне (кроаты, сербы, далматы, славонцы, словены) — болѣе 4 милліоновъ; наконецъ, въ Галиціи — поляки 2.200,000 и русины — около 8 милліоновъ.

Мадьяры, сдавленные между нѣмцами, славянами и румынами, группируются на широкой равнинѣ по обѣ стороны Тиссы и къ западу отъ Дуная, между Раабомъ и Савой. Занимая Венгрію и Трансильванію, они раздѣляютъ угломъ словаковъ и чеховъ отъ кроатовъ и словеновъ. Мадьяръ считается 4.800,000.

Наконецъ, еще должно упомянуть о румынахъ, живущихъ въ Буковинѣ, восточной Венгріи и Трансильваніи; затѣмъ они переходятъ въ Молдо-Валахію и Бессарабію. Число австрійскихъ румынъ простирается до 3 милліоновъ.

Взглядъ на этнографическую карту Австріи показываетъ, что славяне даже географически разъединены между собою, какъ бы стѣною, нѣмцами, мадьярами и румынами. Сѣверные славяне даже нигдѣ не соприкасаются съ южными; при относительной политической неразвитости славянъ это способствовало до сихъ поръ ихъ политическому и національному безправію, тогда-какъ мадьяры, и меньше всѣхъ по числу и не имѣютъ, какъ имѣли нѣмцы, сильной внѣшней племенной поддержки, а между тѣмъ, составляя компактную массу, сильные развитіемъ національнаго чувства, они заняли фактически преобладающее положеніе въ Австріи, которая безъ нихъ не могла бы существовать, какъ политическое тѣло.

Такимъ образомъ, конституціонный вопросъ въ Австріи ставится совершенно иначе, чѣмъ въ другихъ странахъ; консервативно-ультрамонтанская и либеральная партіи не наполняютъ политической арены своею борьбою, какъ въ Англіи. Австрійская конституція, взятая сама по себѣ, все время была достаточно либеральна, особенно по отношенію къ тѣмъ, кто еще недавно выносилъ Шварценберга и Баха. Конституціонная борьба, которая не прекращалась съ 1860 года, ведется по вопросу о правѣ каждой изъ главныхъ народностей Австріи на національную особность. Въ этой борьбѣ вѣнское правительство было постоянно вынуждаемо на уступки, но старалось ихъ дѣлать постепенно и притомъ въ пользу однѣхъ народностей на счетъ другихъ.

Причина такого положенія дѣлъ заключается въ исторіи. Происхожденіе Австрійской монархіи было чисто внѣшнее: оно обязано частію страху небольшихъ придунайскихъ государствъ предъ турками, частію брачнымъ союзамъ. Сохранилась даже латинская поговорка, указывающая на происхожденіе монархіи Габсбурговъ: «bella gerant alii, tu, felix Austria, nube!» Венгрія и Богемія пользовались вполнѣ независимою національ-

Digitized by Google

ною жизнью и добровольно призвали въ XVI вѣкѣ на тронъ Фердинанда, впослѣдствіи императора германскаго, брата Карла V, и права этихъ двухъ странъ уважались Габсбургами до 1848 г., когда, по подавленіи возстанія мадьяръ, вѣнскій дворъ пытался, въ теченіе 12-ти лѣтъ, создать деспотическую, единую, Австрійско-нѣмецкую имперію. Поляки, присоединенные къ Австріи со времени раздѣла Польши, домогаются не только національной автономіи, какъ Венгрія и Богемія, но и совершенной независимости. Кромѣ того, мелкія юго-славянскія племена находятся къ Венгріи въ такомъ же отношеніи, въ какомъ она сама долго находилась къ Австріи, т.-е. составляютъ принадлежность короны св. Стефана, а къ галиційскимъ полякамъ въ подобномъ положеніи фактически стоятъ тамошніе русины.

При этой путаницѣ политическихъ стремленій, ясно обрисовались до сихъ поръ въ Австріи три главныя политическія партіи, которыя, со времени введенія конституціоннаго устройства, оспаривали одна у другой преобладаніе: централисты, федералисты и дуалисты.

Первые хотѣли бы организовать нераздѣльную Австрійскую монархію, по образцу Англіи. Они соглашаются предоставить общинамъ и провинціямъ широкія права относительно мѣстнаго самоуправленія; но все, касающееся общаго интереса, требуютъ предоставить общему, единому для всей имперіи парламенту, рѣшенія котораго обязательны для цѣлой страны. Въ такомъ порядкѣ партія чистыхъ централистовъ видитъ единственное средство предохранить Австрійскую монархію отъ распаденія. Такъ-какъ общій парламентъ долженъ собираться въ Вѣнѣ, нѣмецкомъ городѣ и центрѣ имперіи,—пренія должны происходить на нѣмецкомъ языкѣ, представителями власти—служить нѣмцы или люди, проникнутые нѣмецкимъ духомъ, то централистская система, въ сущности, сводится на германизаторскую и лишь большею личною свободою отличается отъ системы Баха, который хотѣлъ онѣмечить прочія австрійскія племена. Вотъ почему мадьяры и славяне упорно сопротивлялись въ теченіе четырехъ лѣтъ (съ 1861—65 г.) либеральной централизаціи Шмерлинга. Федералисты, напротивъ, видятъ спасеніе Австріи въ автономіи различныхъ областей, составляющихъ ее. При этомъ устройствѣ каждая область или группа областей Австріи имѣла бы свой сеймъ и свое правительство для всѣхъ дѣлъ, за исключеніемъ очень немногихъ, — арміи, финансовъ, иностранныхъ сношеній, подлежащихъ завѣдыванію общаго парламента. Аттрибуты центральной власти уменьшаются, такимъ образомъ, до послѣдней степени, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожается вліяніе нѣмцевъ и вѣнской бюрократіи, не переходя къ мадьярамъ. Страна становится подобна швейцарской конфедераціи, съ тѣмъ лишь различіемъ, что исполнительная власть находится въ рукахъ наслѣдственнаго импера-

Digitized by Google

тора, который даетъ конституціонное согласіе на законы, принятые разными конфедеративными сеймами. Сторонники этой системы — чехи, кроаты, вообще славяне: многочисленность дала бы имъ въ провинціальныхъ сеймахъ соразмѣрное преобладаніе. Къ сожалѣнію, этой же программы придерживаются и феодалы, разсчитывая (и не совсѣмъ безъ основанія), что въ провинціальныхъ сеймахъ вліяніе скорѣе достанется духовенству, аристократіи и крупнымъ собственникамъ, чѣмъ въ одномъ центральномъ парламентѣ, гдѣ преобладаніе могутъ получить цивилизованные элементы. Благодаря этому несчастному соединенію національно-федералистской партіи съ феодалами, противники федеральной системы получаютъ кажущееся основаніе соединять свое дѣло съ дѣломъ свободы, тогда-какъ, напротивъ, только федералистская партія и заключаетъ въ себѣ элементы правильной свободы, основанной на уваженіи къ національностямъ. Болѣе дальновидные приверженцы монархическаго принципа, а также и самъ императоръ, принадлежатъ къ противникамъ федералистской системы, находя, что она можетъ повести къ федеративной республикѣ подъ фирмой имперіи. Нѣмцы принадлежатъ къ числу ожесточенныхъ враговъ этой системы, основная мысль которой состоитъ въ уничтоженіи всякаго преобладанія, слѣдовательно, и нѣмецкаго. Министра Белькреди, который покровительствовалъ федералистскому порядку (хотя далеко несовершенному), нѣмцы вспоминаютъ съ ненавистью, не жалѣя эпитетовъ, которыми хотятъ заклеймить его. Въ случаѣ, если федеральныя идеи восторжествуютъ у вѣнскаго правительства, то соединеніе нѣмецкихъ областей Австріи съ Германской имперіей дѣлается еще болѣе неизбѣжнымъ, чѣмъ даже нынѣ. Мадьяры также, безъ сомнѣнія, враждебны этой системѣ, такъ-какъ равная съ прочими національностями автономія ихъ не удовлетворяетъ; мадьяры хотятъ господствовать надъ нѣкоторыми славянскими народностями, и этого достигаютъ путемъ третьей, дуалистской системы, которая съ 1867 года усвоена австрійскимъ правительствомъ.

Установленіе этой системы согласно съ историческими правами мадьяръ, которые и до 1848 года находились въ личномъ союзѣ съ габсбургской имперіей, когда земли короны св. Стефана—Венгрія, Кроація, Славонія, Трансильванія—составляли одно цѣлое и пользовались конституціонными правами, а наслѣдственныя австрійскія земли имѣли только провинціальные сеймы, лишенные всякаго значенія. Дуалистская система встрѣчаетъ препятствіе со стороны славянъ, такъ-какъ при ней чехи и словены становятся подчиненными нѣмцамъ, а кроаты и сербы—мадьярамъ. Интересамъ самаго многочисленнаго элемента въ государствѣ — славянскаго — система эта не удовлетворяетъ, не даетъ имъ прочно установить свою національность. Нѣмцы, за неимѣніемъ лучшаго, принимаютъ дуа-

Digitized by Google

лизмъ, который, по крайней мѣрѣ, даетъ имъ преобладаніе надъ славянами. Клерикально-феодальная партія противъ него, находя, что съ преобладаніемъ мадьяръ возможно болѣе видное преобладаніе анти-клерикальныхъ идей, что частію и подтвердилось уничтоженіемъ конкордата. Сама Австрійская имперія замѣняется двуличнымъ политическимъ организмомъ, полуимперіей, полу-королевствомъ, Австро-Венгріей, нѣмецкая половина которой не имѣетъ даже опредѣленнаго названія, кромѣ географическаго—Цислейтаніи, такъ-какъ земли по другую сторону пограничной рѣки Лейты составляютъ принадлежность Венгріи. Всѣ вообще славянскія племена не признаютъ за цислейтанскимъ рейхстагомъ никакихъ правъ надъ собою, никакихъ историческихъ основъ къ преобладанію, кромѣ, можно бы сказать, общаго когда-то для всѣхъ деспотизма временъ Меттерниха и Баха, когда абсолютная власть сосредоточивалась въ столицѣ нынѣшней Цислейтаніи—Вѣнѣ. Такимъ образомъ, система дуализма прямо основывается на меттерниховскихъ преданіяхъ и въ этомъ отношеніи родственна централистской для славянскихъ земель. Но прежде, чѣмъ подробнѣе разсмотрѣть порядокъ, установленный «великимъ министромъ малаго государства», какъ прежде называли творца современной дуалистской системы, Бейста, бросимъ бѣглый взглядъ на конституціонныя попытки Шмерлинга и Белькреди, сдѣланныя съ 1861 по 1866, т.-е. съ начала конституціонной жизни Австріи до торжества дуализма.

III.

Австрія дошла до дуалистской системы чрезъ цѣлый рядъ противоположныхъ конституціонныхъ опытовъ. Пораженіе Австріи въ 1859 г. при Сольферино было общепризнаннымъ и роковымъ ударомъ старымъ преданіямъ Меттерниха, которому предъ смертью (ум. въ 1859 г.) довелось быть свидѣтелемъ низложенія своей заслуженной «системы». Уже первый шагъ австрійскаго правительства на конституціонномъ пути сопровождался величайшими затрудненіями и колебаніями, которыя позволяли предугадывать неуспѣшность результатовъ новыхъ попытокъ. Созванный въ 1860 г. усиленный рейхсратъ,—нѣчто въ родѣ совѣщательнаго парламента для выработки проекта конституціи при помощи всѣхъ австрійскихъ народностей, — отличался федералистскими тенденціями; сообразно съ ними, изданъ былъ въ октябрѣ того же года конституціонный актъ (дипломъ), по которому провинціальнымъ сеймамъ предоставлялись большія права, а за центральнымъ парламентомъ удержаны только дѣла общаго интереса; этотъ парламентъ долженъ былъ состоять изъ 100 членовъ, избираемыхъ императоромъ изъ среды мѣстныхъ собраній; венгерскій сеймъ возста-

Digitized by Google

новлялся, но безъ права завѣдыванія финансами и войскомъ. Этотъ актъ никого не удовлетворилъ и просуществовалъ только 4 мѣсяца. Венгрія отказывалась отъ всякаго соглашенія до возстановленія ея прежней самостоятельности. Тогда призванный къ управленію либеральный централистъ-нѣмецъ Шмерлингъ, въ февралѣ 1861 года, составилъ конституцію, до сихъ поръ еще любезную нѣмцамъ. Вступая на новый путь, австрійское правительство постаралось сберечь свою унитарную систему правленія, прикрывъ ее конституціонными формами. Если уже необходимость заставила отказаться отъ абсолютной монархіи подъ угрозою возстанія различныхъ областей, то слѣдовало употребить либерализмъ для достиженія той же цѣли, для которой оказался неудовлетворительнымъ абсолютизмъ. Венгрія и Богемія требовали стародавнихъ историческихъ правъ: правительство предпочло дать либеральныя учрежденія всѣмъ своимъ подданнымъ, но путемъ октроированной конституціи, которая, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, легче могла быть взята назадъ, чѣмъ національныя историческія права. Давая личную свободу, Шмерлингъ отнималъ у ненѣмецкихъ подданныхъ имперіи ихъ народность, безъ которой невозможна истинная свобода. Само собою разумѣется, что новую конституцію нѣмцы приняли съ восторгомъ, а мадьяры и славяне отвергли. Венгерскій сеймъ, собранный въ Пештѣ, не только не хотѣлъ послать своихъ депутатовъ въ вѣнскій рейхсратъ, но требовалъ возстановленія древней венгерской конституціи и личнаго союза съ Австріею. Какъ отозвались другія области на либеральную мѣру Шмерлинга, видно изъ того, что 140 мѣстъ въ рейхсратѣ изъ 343 оставались пустыми. Венгерскій сеймъ былъ распущенъ насильственными мѣрами. Положеніе дѣлъ приняло такой напряженный характеръ, что всѣ ожидали вооруженнаго разрыва, и австрійское правительство начало уже стягивать въ Венгрію войска. Еслибы оно добилось такого столкновенія, исходъ котораго, при взаимной ненависти славянъ и мадьяръ, могъ быть и не въ пользу послѣднихъ, то самостоятельность Венгріи подверглась бы большой опасности. Крайняя мадьярская партія открыто шла на разрывъ и призывала на помощь Гарибальди, который въ то время низвергалъ власть неаполитанскихъ Бурбоновъ. При возбужденномъ итальянскими дѣлами состояніи Европы взрывъ казался неизбѣжнымъ, и отъ Венгріи зависѣло принять на себя иниціативу, но мадьяры, руководимые адвокатомъ Деакомъ [1], избрали другой путь, и, какъ показали послѣдствія, болѣе вѣрный—путь пассивной оппозиціи. Хотя они не брались за оружіе, но и не признавали Франца-Іосифа своимъ королемъ, какъ некоронованнаго венгерской короной (для такого коронованія нужно имѣть раз-

[1] Эту замѣчательную личность новѣйшей европейской исторіи мы постараемся очертить въ слѣдующей статьѣ.

Digitized by Google

рѣшеніе венгерскаго сейма, который его не дастъ, пока король не присягнетъ въ соблюденіи древнихъ мадьярскихъ правъ), и не посылали депутатовъ въ австрійскій рейхсратъ, ожидая, что въ разноплеменной Австріи сложится благопріятная для требованій мадьяръ комбинація, что̀ дѣйствительно и случилось. Такимъ образомъ, главная доля участія въ сопротивленіи централистской системѣ принадлежала Венгріи, въ которой даже консервативная партія соединилась съ либеральною для борьбы съ нѣмцами. То же самое явленіе произошло и у чеховъ, гдѣ національная партія (Палацкаго и Ригера) соединилась съ феодальною (Кламъ-Мартиница). Въ смыслѣ сопротивленія нѣмцамъ высказались и сеймы Моравіи и Галиціи. Даже нѣмцы сдѣлались, наконецъ, недовольны такимъ положеніемъ дѣлъ, требуя отъ перваго министра болѣе энергическихъ мѣръ. Напрасно правительство хотѣло замять внутреннія дѣла блескомъ побѣды надъ несчастной Даніей. Этотъ доблестный походъ, предпринятый въ 1864 г. въ союзѣ съ тогда еще скромнымъ Бисмаркомъ, привелъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Управляя страною въ теченіе пяти лѣтъ безъ славянъ и мадьяръ, Шмерлингъ рано или поздно долженъ былъ встать въ безвыходное положеніе. Вмѣсто качествъ, необходимыхъ государственному человѣку, этотъ министръ отличался лишь упорствомъ. Лозунгомъ его внутренней политики было выжиданіе, а во внѣшнихъ дѣлахъ руководитель Австріи — централистъ-реакціонеръ Рехбергъ—старался утвердить ея вліяніе въ Германіи. Достаточно припомнить неудачный франкфуртскій съѣздъ нѣмецкихъ государей въ 1863 г. съ австрійскимъ во главѣ. Тогдашній союзникъ Австріи, Бисмаркъ, подставляя ей ногу въ Германіи, не могъ не запустить шпильку и по поводу внутреннихъ австрійскихъ неустройствъ. Осенью 1864 г., сопровождая короля Вильгельма въ Вѣну, онъ колко замѣтилъ Шмерлингу, что непокорнымъ народнымъ представителямъ въ Австріи предоставляется слишкомъ много воли, и что онъ, Бисмаркъ, лучше умѣетъ обходиться съ непослушными палатами. Шмерлингу оставалось или выступить на путь Баха, или удалиться. Послѣднее вскорѣ сдѣлалось неизбѣжнымъ, такъ-какъ онъ сталъ даже терять милость двора и къ тому же обстоятельства стали дѣлать примиреніе съ Венгріею необходимымъ. Дипломатическая борьба съ Пруссіею изъ-за шлезвигъ-голштинскихъ дѣлъ предвѣщала вооруженный разрывъ, рѣшиться на который, при неладахъ съ Венгріею, было немыслимо. Въ іюнѣ 1865 года императоръ совершилъ поѣздку въ Венгрію, гдѣ встрѣтилъ блестящій пріемъ и выразилъ готовность удовлетворить желаніямъ мадьяръ, хотя еще незадолго предъ тѣмъ Шмерлингъ громко настаивалъ на своей централистской программѣ. Кромѣ того, съ цѣлью низверженія ненавистнаго всѣмъ министра, образовался союзъ самыхъ разнородныхъ партій: консерваторы соединились съ деакистами и

Digitized by Google

автономистами, клерикальная партія—съ чешскими націоналами. Еслибы соединеніе всѣхъ партій послѣдовало раньше, то Шмерлингъ, вмѣстѣ съ централистской системой, удалился бы также раньше нѣсколькими годами.

Императорскимъ патентомъ 20-го сентября 1865 года пріостановлено было дѣйствіе февральской централистской конституціи, причемъ обѣщано было, что проектъ новаго устройства имперіи, выработанный венгерскимъ и кроатскимъ сеймомъ, будетъ подвергнутъ обсужденію «законныхъ представителей прочихъ королевствъ и провинцій съ тою цѣлью, чтобы ихъ мнѣніе, имѣющее равносильный вѣсъ, могло быть удостовѣрено и принято въ соображеніе». Соглашеніе съ землями венгерской короны было признано въ принципѣ. Для осуществленія новой системы призванъ былъ прежній намѣстникъ Богеміи, федералистъ Бельвреди, итальянецъ по происхожденію, но моравскій собственникъ. Онъ предположилъ дать имперіи новую организацію, которая удовлетворила бы всѣ національности и даже не чужда была дуалистскому принципу. Бельвреди намѣревался ввести федералистскую систему, раздѣливъ австрійскія національности по группамъ, которыя составили бы подобіе американскихъ штатовъ. Области группировались бы по языку и происхожденію слѣдующимъ образомъ: Венгрія, Богемія съ Моравіей; собственная Австрія, Тироль, Каринтія, Карніолія съ Тріестомъ, и наконецъ, Далмація, Кроація и Славонія; каждая изъ этихъ группъ должна была пользоваться полной автономіей во внутреннихъ дѣлахъ. Центральному сейму предполагалось подчинить только тѣ предметы, которые самими мадьярами признавались имѣющими общій интересъ. Хотя эта система представляла всѣ задатки правомѣрнаго удовлетворенія каждой національности, но и отъ нея пришлось отказаться по причинѣ рѣшительнаго несогласія нѣмцевъ и мадьяръ. Послѣдніе, т.-е. партія Деака, не считали себя удовлетворенными и требовали возстановленія своей древней конституціи, т.-е. принадлежности Кроаціи и всего Тріединаго королевства къ коронѣ св. Стефана, а также отвѣтственнаго венгерскаго министерства; короче, полнаго дуализма, до котораго Бельвреди не хотѣлъ дойти; другіе министры, хотя частію принадлежали къ мадьярской національности, какъ Эстергази и Майлатъ, но не сходились съ національной партіей, которая, съ Деакомъ во главѣ, видѣла, что вѣтеръ дуетъ въ пользу Венгріи. О нѣмцахъ и говорить нечего: они были возбуждены непомѣрно потерею всякихъ надеждъ на преобладаніе; къ тому же, у нихъ былъ отличный предлогъ къ неудовольствію—пріостановка дѣйствія конституціи. Нѣмецкая пресса того времени не скупилась на ругательныя прозвища Бельвреди: выраженія: «coup d'état, абсолютизмъ, политика застоя», были неразрывны съ его именемъ. Нѣмцы требовали возстановленія рейхсрата, мадьяры — личной уніи;

Digitized by Google

славяне, въ своихъ областныхъ сеймахъ, возставали противъ дуализма, соглашаясь на систему федераціи; наконецъ, итальянцы въ Венеціи не хотѣли слышать ни о какомъ участіи въ австрійскихъ внутреннихъ дѣлахъ, и власть Габсбурговъ тамъ поддерживалась только силою. Среди всѣхъ этихъ неудачъ Австрію застала несчастная прусская война 1866 года, которая въ исторіи Австріи составитъ болѣе крупную эпоху, чѣмъ какая-либо другая. Австрія была потрясена въ самыхъ основаніяхъ, изгнана изъ Италіи, потеряла точку опоры въ Германіи: 50-тилѣтніе труды австрійскихъ правителей окончательно пошли прахомъ, населеніе было деморализовано и, видя шаткость и колебанія внутренней политики, неудачи внѣшней, потеряло всякое довѣріе къ правительству. Политика деспотизма принесла плодъ: народъ привыкъ ожидать, что завтра измѣнятъ то, что̀ дано сегодня. Неурядица была полная, и призваніе къ правленію саксонскаго министра-президента, барона Бейста, было отчаянною попыткою выйти изъ того омута, въ который погрузили Австрію централистско-бюрократическіе опыты ея прежнихъ правителей. Положеніе Австріи въ концѣ 1866 г. ярко характеризуетъ Эмиль де-Лавелэ въ своемъ сочиненіи «Allemagne depuis la guerre 1866», послужившемъ отчасти матеріаломъ и для нашей статьи: «Въ итальянскомъ Тиролѣ открытое желаніе присоединиться къ Италіи; въ нѣмецкомъ Тиролѣ — фанатическое населеніе, возбужденное сверхъ мѣры ультрамонтанскими проповѣдниками; въ Вѣнѣ—вопросъ о конкордатѣ, изъ-за котораго доходило до схватки между защитниками господства церкви и партизанами особыхъ идей; въ Тріестѣ — группа волнующихся итальяниссимусовъ, ищущихъ всякаго случая къ манифестаціямъ въ анти-австрійскомъ смыслѣ; въ Фіумѣ—открытое междоусобіе между кроатской національной партіей и друзьями Венгріи; въ Аграмѣ — славяне, раздраженные противъ уніи съ Венгріею и проклинающіе Австрію, которая предала ихъ стариннымъ врагамъ славянства; сербы, обращающіе взоры къ Бѣлграду съ мечтами о возстановленіи царства Душана подъ русскимъ протекторатомъ; въ Трансильваніи — униженные румыны, толкующіе о Бухарестѣ, безпокойные саксонцы, относящіеся съ недовѣріемъ къ мадьярамъ и не безъ сожалѣнія принимающіе новое устройство; въ Венгріи — населеніе, обѣднѣвшее отъ скудной жатвы, сдѣлавшееся почти добычею голода, неспособное платить запоздалыя подати, питающее свою давнюю ненависть къ нѣмцамъ и стремящееся къ полной независимости; въ Галиціи—борьба между поляками, которые всѣми помыслами стремятся къ возстановленію Польши, и русинами, которые, провозглашая о своихъ притѣсненіяхъ, взываютъ за помощью къ Россіи; въ Богеміи—чехи и нѣмцы въ борьбѣ изъ-за всякаго повода, — національная агитація, готовая обратиться въ племенную борьбу и смѣло поднимающая знамя панславизма; въ центрѣ—императоръ, оду-

Digitized by Google

шевленный лучшими намѣреніями, но воспитанный въ идеяхъ прежняго времени и совершенно сбитый съ пути своими прежними союзниками; первый министръ, иностранецъ, протестантъ, среди ультра-католическаго двора; послѣдняя связь распадающейся группы австрійскихъ государствъ, армія, мрачная, униженная, раздраженная незаслуженными неудачами; затѣмъ, бездонная пропасть дефицита, поглощающая результаты ежегодныхъ займовъ; грозная перспектива банкротства; во всей имперіи ни одного металлическаго экю въ обращеніи; бумажныя деньги, упавшія на 1/4 своей цѣны; застой въ промышленности, безпрерывное уменьшеніе доходовъ съ желѣзныхъ дорогъ и суммы вывоза; чрезмѣрно обременительные налоги; наконецъ, повсюду отчаяніе, недовольство, раздраженіе, и между столькими различными племенами, ничего общаго, кромѣ желанія выйти изъ государства, которое ихъ притѣсняетъ, разоряетъ и унижаетъ».

Хуже этой картины трудно и придумать; распаденіе Австріи послѣ Садовой казалось ближе, чѣмъ когда-нибудь, и трудъ возсозданія разбитаго организма, возложенный на барона Бейста, многими встрѣченъ былъ съ недовѣріемъ, тѣмъ болѣе, что враждебность его къ Пруссіи, выказанная въ званіи саксонскаго министра, большая хлопотливость съ малыми результатами, — не обѣщали ничего добраго для Австріи и грозили втянуть ее вновь во вражду съ Германіей. Надобно отдать справедливость Бейсту, что онъ понялъ невозможность для Австріи возвратиться въ Германію, и постарался отыскать новую точку опоры; найти ее онъ хотѣлъ въ раздвоеніи австрійской монархіи на Австро-Венгрію. Система эта, какъ всякій несправедливый палліативъ, не можетъ долго удержаться, не дастъ Австріи прочнаго существованія, особенно теперь, когда въ сосѣдствѣ образовалась сильная Германія, но важно и то, что вотъ уже пятый годъ Австрія держится, послѣ того отчаяннаго положенія, въ которомъ засталъ ее Бейстъ.

Австрія уже не разъ находилась на краю гибели, и всякій разъ ее выручало счастливое стеченіе обстоятельствъ, ловкость ея государственныхъ людей, а больше всего — недостатокъ согласія среди составляющихъ ее племенъ.

Какъ ни плачевна для короны Габсбурговъ была потеря всякаго значенія въ Германіи, какъ ни тяжело отзывался на австрійскихъ народахъ тотъ хаосъ, въ который они были повергнуты, но все-таки изгнаніе Австріи изъ Германіи было скорѣе радостнымъ для нихъ событіемъ. Мадьяры и славяне видѣли, что съ упроченіемъ внѣшней государственной власти права ихъ нетолько національныя, но даже и конституціонныя, могли подвергнуться серьёзной опасности. Нѣмецкіе интересы, которыхъ всегда придерживался вѣнскій дворъ, могли только гибельно повліять на расположеніе императора къ правамъ его не-нѣмецкихъ подданныхъ. Изгнаніе Габсбурговъ изъ Германіи должно

Digitized by Google

было volens-nolens открыть новую эру австрійской внутренней политики.

Белькреди, нѣкоторое время и по вступленіи Бейста въ управленіе, все еще не хотѣлъ отказаться отъ своей прежней программы; выработанный венгерскимъ сеймомъ проектъ соглашенія долженъ былъ подвергнуться обсужденію созваннаго на январь 1867 г. чрезвычайнаго рейхсрата или учредительнаго собранія. Бейстъ не противорѣчилъ такому проекту; славяне въ Богеміи, Моравіи и Галиціи благопріятно приняли его, да въ тогдашнихъ критическихъ обстоятельствахъ созывъ учредительнаго собранія былъ, если не самымъ практичнымъ, то во всякомъ случаѣ, самымъ справедливымъ дѣломъ. Но и этотъ проектъ былъ отвергнутъ мадьярами, которые знали, что учредительное собраніе никогда не утвердитъ ихъ дуалистской программы, и нѣмцами, которые видѣли въ этомъ обращеніи къ голосу *всѣхъ* жителей Австріи несомнѣнное торжество федерализма. Сопротивленіе проекту въ Вѣнѣ и Пештѣ было такъ сильно, что Белькреди вышелъ въ отставку. Созывъ учредительнаго рейхсрата былъ отмѣненъ. Бейстъ созвалъ для цислейтанскихъ провинцій централистскій рейхсратъ февральской конституціи, а для Венгріи принялъ программу Деака. Безъ сомнѣнія, Бейстъ побуждался въ своихъ дѣйствіяхъ желаніемъ спасти во что бы то ни стало корону Габсбурговъ: учредительное собраніе вызвало бы нескончаемые раздоры между славянами съ одной стороны, нѣмцами и мадьярами съ другой и ускорило бы распаденіе Австріи. Бейстъ желалъ отнять у нѣмцевъ желаніе присоединиться къ единой Германіи, а въ мадьярахъ имѣть опору на случай замѣшательствъ на Востокѣ; славяне никакой непосредственной выгоды доставить ему не могли, и онъ рѣшился ихъ «прижать къ стѣнѣ».

Раздраженіе славянъ было чрезвычайно. Какъ бы въ вознагражденіе за неправоту своей политики относительно ихъ, Бейстъ, чрезъ посредство императорскаго рескрипта, обѣщалъ подвергнуть обсужденію «конституціоннаго» рейхсрата нѣкоторые важные вопросы внутренней политики, — объ учрежденіи отвѣтственнаго министерства, о расширеніи автономіи провинцій, объ измѣненіи и усовершенствованіи системы національной обороны, объ улучшеніи судопроизводства, о пересмотрѣ конкордата. Бейстъ, кромѣ примиренія съ Венгріею, поставилъ задачею своей политики — возстановленіе парламентскаго порядка, прерваннаго при Белькреди (хотя прерваннаго именно съ цѣлью дать всей странѣ болѣе совершенное устройство), и потому сдѣлался героемъ буржуазно-либеральной нѣмецкой партіи.

Со времени установленія системы дуализма важнѣе, чѣмъ когда-нибудь знать національныя требованія другихъ партій въ бывшей Австрійской имперіи. Поэтому, мы сначала изложимъ сущность компромисса вѣнскаго правительства съ Вен-

Digitized by Google

гріей, потомъ покажемъ характеръ венгерскихъ политическихъ учрежденій и затѣмъ перейдемъ къ политическому положенію соединенныхъ съ Венгріею южныхъ славянъ, а также Богеміи и Галиціи, которыя вошли въ составъ Цислейтаніи.

IV.

При установленіи соглашеній между народностями различнаго происхожденія и языка существуютъ два способа: первый былъ испытанъ въ Австріи, но безуспѣшно. Онъ состоитъ въ подчиненіи такихъ народностей единой центральной власти, съ уничтоженіемъ всѣхъ древнихъ учрежденій и воспоминаній прошлаго; при этомъ надо уничтожить всякія національныя отличія, заставить силою принять одинаковые законы, учрежденія, даже склонности, какія существуютъ у общаго отечества. Такой способъ существовалъ, напримѣръ, во Франціи до первой революціи; такой же способъ рекомендуется и нашими доморощенными обрусителями въ отношеніи окраинъ Россіи. Излишне было бы доказывать, что это — способъ свойственный азіятскимъ понятіямъ, деспотическимъ правителямъ и никогда не сопровождается успѣхомъ, потому что не основанъ на свободѣ. Онъ можетъ еще имѣть удачные результаты, если области, насильно присоединенныя къ странѣ, потомъ будутъ соединены съ ней болѣе неразрывными узами, — свободою и общностью интересовъ, какъ скрѣпила республика французскія провинціи, собранныя завоевательнымъ деспотизмомъ Бурбоновъ. Другой способъ состоитъ въ уваженіи отличительныхъ свойствъ различныхъ расъ, соединенныхъ въ одно цѣлое; національные законы, обычаи остаются неприкосновенными; разноплеменныя національности сохраняютъ свой языкъ, получаютъ возможность развивать свою литературу, свои умственныя способности, свои матеріальныя богатства; полное самоуправленіе доставляетъ имъ такое счастливое положеніе, которое побуждаетъ ихъ оставаться едиными и защищать то государство, которое даетъ имъ единство. Этотъ способъ свойственъ только свободнымъ народамъ. Въ Австріи не удался ни тотъ, ни другой, главнымъ образомъ, вслѣдствіе сопротивленія Венгріи, которая, отстоявъ свою національную свободу, не хотѣла признать равноправности съ собою всѣхъ славянскихъ національностей; потому-то, подъ вліяніемъ этихъ разнородныхъ побужденій, и установлена была та уродливая система делегацій, чрезъ которую дѣйствуетъ дуализмъ и которая вошла въ выработанную Бейстомъ декабрьскую конституцію 1867 года.

Связь Венгріи съ прочими владѣніями Габсбурговъ утверждена въ прагматической санкціи Карла VI, которая признала законодательную и административную автономію за Венгріей, но вмѣстѣ съ тѣмъ утвердила нераздѣльность всѣхъ земель

Digitized by Google

австрійскаго дома. Венгрія имѣетъ особое законодательное собраніе и особое отвѣтственное министерство, но въ силу признанной общности ея съ Австріею, нѣкоторыя дѣла разрѣшаются по общему соглашенію; дипломатическое и торговое представительство заграницей содержится на общій счетъ подъ условіемъ представленія всѣхъ международныхъ актовъ министерствами на утвержденіе обоихъ законодательныхъ собраній. Общему государю принадлежитъ начальство надъ всей арміей, въ томъ числѣ и венгерской, но мадьярскій парламентъ, на основаніи старинныхъ законовъ, опредѣляетъ способъ набора, срокъ службы, перемѣщеніе и содержаніе войскъ. Въ расходахъ, какъ военныхъ, такъ и заграничныхъ, Венгрія участвуетъ лишь въ отношеніи 30 : 100. Венгрія согласилась принять участіе и въ платежѣ долговъ Австріи, во вниманіе къ стѣсненнымъ обстоятельствамъ страны и необходимости примиренія, хотя могла бы не участвовать въ платежѣ долговъ, сдѣланныхъ безъ ея участія. Доля Венгріи въ ежегодныхъ уплатахъ была потомъ опредѣлена въ 30 мил. флориновъ. Таможенныя пошлины, косвенные налоги, денежное обращеніе подлежатъ отдѣльнымъ законодательнымъ собраніямъ, и каждое изъ нихъ, въ случаѣ разногласія, можетъ поступить по своему, хотя коммисія изъ 67 членовъ, выбранная, по предложенію Деака, для выработки проекта соглашенія, и признавала желательнымъ подчинить эти дѣла тождественному рѣшенію.

Для завѣдыванія общими дѣлами, каждое изъ законодательныхъ собраній выбираетъ изъ своей среды делегацію изъ 60 членовъ. Общій государь созываетъ делегаціи въ своей резиденціи, которою бываетъ попеременно то Вѣна, то Пештъ. Учреждено министерство общихъ дѣлъ, отвѣтственное предъ делегаціями, которыя имѣютъ отдѣльныя засѣданія и совѣщаться одна съ другой не могутъ, чтобы не подать повода къ оффиціальному употребленію нѣмецкаго языка, болѣе распространеннаго, чѣмъ венгерскій. Съ тою же цѣлью механизмъ совмѣстнаго дѣйствія делегацій доведенъ до смѣшнаго. Если между ними возникло несогласіе, то обсужденіе предмета производится письменными замѣчаніями каждой стороны на національномъ языкѣ съ приложеніемъ перевода. Если обѣ стороны по три раза обмѣняются такими упражненіями въ письменныхъ замѣчаніяхъ, то допускается требовать и общаго засѣданія, но исключительно для обсужденія спорнаго вопроса и безъ всякихъ преній. Рѣшенія делегацій, получившія санкцію монарха, становятся общими законами, и каждое изъ двухъ министерствъ обязано сообщить о нихъ парламенту своей страны, по распоряженію котораго они приводятся въ исполненіе.

Весь этотъ сложный механизмъ, нѣсколько напоминающій соединеніе сіамскихъ близнецовъ (впрочемъ, только по неуклюжести, а не по прочности), можно резюмировать такъ: въ Вѣнѣ свое министерство, отвѣтственное предъ рейхсратомъ, въ

Digitized by Google

Пештѣ—особое, отвѣтственное предъ венгерскимъ сеймомъ, и попеременно въ Вѣнѣ и Пештѣ министерство общихъ дѣлъ, поставленное лицомъ къ лицу съ делегаціями, лишенными права входить во взаимныя словесныя пренія.

Крайнія несовершенства подобнаго устройства очевидны уже не только съ теоретической точки зрѣнія ученій о представительномъ правленіи, но просто въ отношеніи практическихъ удобствъ. Самая связь между обѣими половинами монархіи становится фиктивною. Разногласіе между делегаціями по какому-нибудь важному вопросу можетъ породить даже племенное столкновеніе. Поводовъ къ такому разногласію можетъ возникнуть немало, напримѣръ, если Бейстъ, подъ вліяніемъ германскихъ интересовъ, вздумаетъ затѣять гдѣ-нибудь войну,—теперь же Австрія заискиваетъ у Пруссіи и состоитъ у нея на буксирѣ,—сопротивленіе Венгріи въ такомъ случаѣ очень возможно. Венгерскія войска и деньги не будутъ обращены на дѣло, противное желанію большинства націи. Не говоримъ уже о затрудненіяхъ внутреннихъ, неизбѣжно соединенныхъ съ подобной системой представительства. Основаніемъ представительнаго режима и самоуправленія служитъ правленіе свободно избраннаго большинства. Конституціонному министру не всегда удается обезпечить себѣ большинство и въ одномъ представительномъ собраніи; здѣсь же центральное министерство должно опираться на два большинства—въ Вѣнѣ и въ Пештѣ, но содѣйствовать формированію или убѣжденію такого большинства не можетъ, и еще менѣе въ силахъ руководить имъ. Вообще, положеніе центральнаго министерства крайне странное, чтобы не сказать больше. Оно служитъ самымъ высшимъ представителемъ всей имперіи, договаривается отъ ея имени съ европейскими государствами, а между тѣмъ, обладаетъ правами крайне ограниченными, и никакого прямаго вліянія на ходъ внутреннихъ дѣлъ оказывать не можетъ. Центральный министръ финансовъ принимаетъ деньги отъ обоихъ частныхъ министровъ, но не долженъ заботиться о томъ, какимъ образомъ деньги эти собираются.

Почти единственный предметъ, подвѣдомственный делегаціямъ, есть бюджетъ, но бюджетъ расходовъ можетъ имѣть смыслъ только тогда, когда обезпечены средства его пополнить. Лавелэ справедливо замѣчаетъ: это похоже на то, какъ еслибы англійскому парламенту министръ предложилъ бюджетъ, тогда какъ всѣ налоги должны быть подвергнуты голосованію шотландской и ирландской камеръ. «Это — дурно сплоченный механизмъ», говоритъ тотъ же публицистъ: «механизмъ, который не даетъ ни Австріи, ни Венгріи никакой силы, можетъ сдѣлать мало хорошаго и много дурнаго». Было бы гораздо лучше принять систему личной уніи, то-есть, чтобы исключительно монархъ служилъ связью между государствами, какъ, напримѣръ, устроено въ Россіи и Финляндіи, или Швеціи и

Digitized by Google

Норвегіи; эта система имѣетъ за собою историческій опытъ и современную практичность. Но Францъ-Іосифъ не соглашался на личную унію, желая, чтобы интересы, очевидно общіе для обѣихъ половинъ имперіи, были установляемы по общимъ рѣшеніямъ, обязательнымъ для той и другой половины, т.-е. желалъ сохранить хотя призракъ внутренняго соединенія Венгріи съ Австріей; Венгрія же тянула въ противную сторону и потому соглашеніе неизбѣжно вышло призрачнымъ и полнымъ противорѣчій. Венгрія приняла учрежденіе делегацій только подъ условіемъ самостоятельнаго исполненія ихъ рѣшеній—подчинилась центральному министерству только потому, что въ распоряженіи его не находится ни одного правительственнаго агента. Взаимное недовѣріе помѣшало избрать лучшую форму соглашенія. Венгрія опасается германскихъ тенденцій Австріи, Австрія—стремленій Венгріи къ полной политической особности. При усиленіи нынѣ славянскаго движенія, при громадномъ вліяніи, съ другой стороны, Германской имперіи, система дуализма долго существовать не можетъ. Она была возможна только сейчасъ послѣ Садовой, когда милитарная и единая Германія еще только возникала, а славяне лишь подавали первые признаки сплоченія, которое теперь гораздо болѣе распространено. Самою лучшею, какъ для Австріи, такъ и для самой Венгріи была бы система общефедеральной уніи, въ родѣ швейцарскаго союза,—уніи, которая, гарантируя единство въ дѣлахъ, необходимыхъ для существованія государства, предоставляла бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждой національности полную свободу развиваться самостоятельно. Эта система удовлетворила бы всѣ австрійскія племена, потому что уважала бы ихъ національныя права и благопріятствовала бы ихъ интересамъ; о «прижиманіи къ стѣнѣ» тогда не могло бы быть и рѣчи.

Такъ-какъ очевидно, что теперь главное по значенію (хотя послѣднее по величинѣ) звено государственнаго организма Австріи составляетъ Венгрія, то небезполезно ознакомиться съ характеромъ политическаго строя этой страны и посмотрѣть, какая возможна для нея будущность.

Основная черта характера мадьяръ — сила воли, страстная настойчивость въ задуманномъ дѣлѣ, и безъ сомнѣнія, особенно въ политическихъ предметахъ. Это сообщаетъ имъ также нѣкоторую односторонность: они видятъ только предметъ своего желанія, ко всему остальному—слѣпы, составляя прямую противоположность нѣмцамъ, которые всесторонне обсуждаютъ предметъ, усматриваютъ въ немъ добро и зло, и все-таки остаются неподвижными, не зная, какое рѣшеніе принять, и тѣмъ охотнѣе идутъ за какимъ-нибудь героемъ, въ родѣ Бисмарка, который хотя вполнѣ неразборчивъ на добро и на зло, но можетъ увѣрить соотечественниковъ, что зло есть добро. Съ такою страстностью характера, мадьяры соединяютъ сильно раз-

витую національную гордость, которая доходитъ до полнаго презрѣнія къ другимъ сосѣднимъ расамъ—нѣмцамъ, славянамъ, румынамъ. Въ Венгріи существуетъ такого рода пословица: «если земля составляетъ головной уборъ Бога, то Венгрія—перо на этомъ уборѣ». Мадьяры, недовѣрчивые и высокомѣрные относительно другихъ народовъ, очень чутки къ своей свободѣ и для защиты ея готовы пожертвовать всѣмъ, хотя не всегда видятъ ея предѣлы. Привязанные къ своимъ древнимъ учрежденіямъ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, могутъ быть вѣрной опорой престола. Вольтеръ характеризовалъ мадьяръ слѣдующими словами: «это гордая и великодушная нація, опора своихъ государей и бичъ для своихъ тирановъ».

Хотя мадьяры также раздѣляются на партіи, но ихъ единодушіе въ достиженіи общей цѣли—изумительно; какова бы ни была эта цѣль—единодушіе сообщаетъ мадьярамъ страшную силу и постоянно даетъ имъ перевѣсъ не только надъ разрозненными славянами, но и надъ разсчетливыми нѣмцами. Единодушіе въ сопротивленіи произволу спасло Венгрію; но такое же единодушіе въ стремленіяхъ поработить себѣ другія расы подвергало уже и еще подвергнетъ ее бо́льшимъ опасностямъ. Мадьяры добровольно призвали на свой престолъ домъ Габсбурговъ и всегда энергически сопротивлялись всякимъ покушеніямъ на свои старинныя права. Когда даже лучшій изъ Габсбурговъ, Іосифъ II, хотѣлъ уничтожить старинную организацію венгерскихъ комитатовъ и замѣнить въ администраціи мадьярскій языкъ нѣмецкимъ, то вся Венгрія выказала самое упорное сопротивленіе, которое кончилось бы общимъ возстаніемъ, еслибы онъ не счелъ болѣе благоразумнымъ отмѣнить свои декреты. Въ 1848 году Венгрія хотѣла преобразовать свои средневѣковыя права сообразно новѣйшему духу времени и новымъ понятіямъ о свободѣ. Вѣнскій дворъ, потревоженный европейскими революціями, согласился на все, но потомъ отнялъ уступки при поддержкѣ южныхъ славянъ, которые только нѣсколько лѣтъ спустя поняли, что̀ значитъ отстаивать австрійское правительство. Разразившееся, какъ извѣстно, вслѣдъ затѣмъ возстаніе мадьяръ было подавлено русскими войсками, и Венгрія до 1860 года была страною завоеванною.

Духъ свободы, проникающій мадьяръ, лучше всего видѣнъ изъ ихъ внутренняго устройства.

Ядромъ государства въ Венгріи служитъ комитатъ,—нѣчто въ родѣ швейцарскаго кантона. 50 такихъ комитатовъ составляютъ независимую провинцію, которая управляется сама собой. Должно, впрочемъ, замѣтить, что вполнѣ ясно значеніе комитатовъ не опредѣлено ни древними обычаями, ни законами 1848 года. Всѣ безъ исключенія дѣла, общественныя работы, финансы, администрація, правосудіе вѣдало собраніе, которое сходилось каждые три мѣсяца и избирало на 3 года всѣхъ должностныхъ лицъ, кромѣ верховнаго графа (оберго-

Digitized by Google

шпана), который назначался государемъ и служилъ единственнымъ представителемъ центральной власти; легальный авторитетъ такого обергешпана былъ ничтоженъ, но личное значеніе иногда очень велико. Являться въ собраніе имѣли право дворяне, представители небольшихъ городовъ, духовныя лица и лица свободныхъ профессій; простолюдины и крестьяне исключались изъ собранія и вообще не считались гражданами. Комитатъ всегда имѣлъ право обсуждать законность королевскихъ повелѣній, и если считалъ ихъ незаконными, то, не примѣняя къ дѣлу, представлялъ свои замѣчанія королю.

Новый законъ могъ остаться мертвой буквой, если общественное мнѣніе было ему враждебно. Центральная власть не имѣла въ провинціяхъ прямыхъ органовъ и могла разсчитывать на повиновеніе только когда имѣла за себя большинство полноправнаго населенія. Неприкосновенность національныхъ правъ оберегалась общественнымъ мнѣніемъ, которое формировали комитаты, взаимно сообщая свои рѣшенія, проекты реформъ и жалобы на правительство. Переходъ къ новѣйшимъ государственнымъ формамъ былъ для Венгріи тѣмъ удобнѣе, что въ ней не существовало феодализма, власть принадлежала всѣмъ свободнымъ людямъ и представителемъ ея единства являлся сеймъ, состоящій изъ депутатовъ отъ городовъ и комитатовъ, а не надо упускать изъ виду, что въ составъ комитатовъ входили и люди очень бѣдные, только свободные и живущіе своей работой. Городскіе муниципалитеты имѣютъ одинаковыя права съ комитатами. Для выборовъ въ сеймъ комитаты раздѣлены на избирательные округи, изъ которыхъ каждый избираетъ одного депутата. Право голоса имѣетъ собственникъ дома въ 300 флориновъ и 4 — 5 гектаровъ земли, также занимающійся какимъ-нибудь промысломъ или ремесломъ, или принадлежащій къ образованнымъ классамъ: адвокатъ, докторъ, аптекарь, пасторъ, школьный учитель, артистъ, инженеръ (исключены только журналисты), или, наконецъ, человѣкъ, который прежде былъ избирателемъ. Право голоса принадлежитъ, такимъ образомъ, и большому числу крестьянъ, такъ-какъ большинство ихъ владѣетъ землею, которая прежде подлежала обязательной работѣ, а теперь освобождена. Личная свобода неприкосновенна безъ особаго судебнаго приговора. Отношенія къ королю оговаривались съ древнихъ временъ самымъ тщательнымъ образомъ. «Король отвѣтственъ предъ обыкновеннымъ судомъ за всякій ущербъ, незаконно причиненный его агентами». Каждый, кто, вопреки рѣшенію сейма, дастъ коронѣ какой-либо доходъ, объявляется безчестнымъ клятвопреступникомъ и лишается всѣхъ правъ». Въ древнихъ венгерскихъ законахъ даже предусмотрѣно и точно опредѣлено право низложенія короля въ случаѣ нарушенія имъ конституціи.

Вообще подобное же явленіе встрѣчается и у другихъ прежнихъ европейскихъ народовъ: начало власти королевской, какъ

Digitized by Google

замѣчаетъ Токвиль, вовсе не было безусловнымъ, государь заключалъ договоръ съ народомъ, или лучше сказать, съ сословіями, обязываясь не установлять ни законовъ, ни налоговъ безъ ихъ согласія. Необходимость уничтожить феодализмъ впослѣдствіи уже дала королевской власти силу, которую она употребила и на уничтоженіе или ослабленіе провинціальныхъ учрежденій, пока не дошла до формулы: l'état—c'est moi. Абсолютизмъ, какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи, явился лишь подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ причинъ, которыхъ Венгріи удалось избѣгнуть, потому что ни феодализма, ни гнета, подобно татарскому, а слѣдовательно и замѣны чужеземнаго гнета туземнымъ, подъ видомъ освобожденія,—въ ней не было. Крестьянство, конечно, было подавлено магнатами, которые обременяли ихъ работами, но сами магнаты въ многочисленныхъ національныхъ возмущеніяхъ противъ узурпаціи королей, всегда защищали національное дѣло. Притомъ магнатъ, чтобы участвовать въ дѣлахъ комитата, долженъ былъ непремѣнно обладать знаніями судебными, административными, финансовыми. Благодаря этому духу свободы, проникавшему политическій строй Венгріи, магнаты не противились полноправію крестьянъ, когда оно наступило. Неудивительно, что комитатскія собранія, завѣдывавшія всѣми дѣлами чрезъ выборныхъ должностныхъ лицъ, открытыя демократическимъ идеямъ, должны были внушать въ Вѣнѣ сильную антипатію. Многочисленныя попытки австрійскихъ государей ограничить права комитатовъ достигли успѣха только въ 1850 году, когда они были отмѣнены, а для сбора налоговъ назначены особые королевскіе сборщики. Современная организація комитатовъ основана на законѣ 1848 года: съ отмѣною дворянскихъ привиллегій, съ увеличеніемъ числа избирателей необходимо было замѣнить древнее собраніе постоянной депутаціей, назначаемой избирателями и обладающей комитатскими правами. Деспотизмъ въ Венгріи невозможенъ въ смыслѣ постоянной системы: ему должно было бы поколебать всю общественную жизнь и прежде всего поразить «оплотъ свободы»—собранія комитатовъ.

Современная политическая борьба съ нѣмцами съ одной стороны и вліяніе новѣйшихъ демократическихъ идей съ другой—не могли не произвести и въ средѣ мадьяровъ, при всемъ единодушіи, различныхъ политическихъ партій. Такія партіи—ихъ три—раздѣляются собственно по вопросу о способахъ соединенія съ Австріею. Умѣренная (представителями которой служатъ Деакъ и Андраши) нынѣ держитъ въ своихъ рукахъ власть и защищаетъ существующую систему,—систему дуализма, но не полнаго, не личной уніи, а смѣшаннаго, до нѣкоторой степени соединяющаго во внутреннихъ дѣлахъ Венгрію съ Австріей. Вторая, — составляющая въ сущности только разновидность первой, — стоитъ за личную унію, но допускаетъ только конституціонные пути къ этой цѣли.

Digitized by Google

Третья — крайняя партія (Кошутъ) — добивается полнаго отдѣленія отъ Австріи и образованія дунайской конфедераціи, въ соединеніи съ румынами, сербами и болгарами. Если первая партія имѣетъ за себя людей благоразумныхъ, осторожныхъ и понимающихъ современное положеніе Венгріи, если она—особенно со времени Бейста — укрѣпилась вслѣдствіе удачнаго исхода принятой ею системы пассивнаго сопротивленія, то крайняя партія сильна ненавистью мадьяръ къ Австріи и распространеннымъ среди ихъ демократическимъ чувствомъ, хотя, быть можетъ, не политическою дальновидностью. Ненависть къ Австріи здѣсь еще такъ сильна, что ни одна партія не смѣетъ включить въ свою программу единеніе съ нѣмцами, несмотря на то, что, въ сущности, разъ,единеніе болѣе невыгодно для мадьяръ, чѣмъ для нѣмцевъ, которые присоединятся къ могущественной, хотя и военной—Германской Имперіи, и тогда 5-ти милліонная мадьярская раса будетъ сдавлена между 50-ти милліонами нѣмцевъ и 70 милліонами славянъ. Слѣдовательно, надежда на хорошую будущность у мадьяровъ должна заключаться въ федеративномъ единеніи со славянами. Программа Кошута заключаетъ въ себѣ присоединеніе къ Венгріи всѣхъ древнихъ придунайскихъ провинцій; но если Венгрія будетъ добиваться не единенія, а присоединенія славянскихъ земель, господства надъ ними и подавленія славянской національности, сознаніе которой уже пробудилось и между южными славянами, то ей предстоитъ долгая, трудная, и крайне-сомнительная борьба,— борьба, въ которой всѣ шансы на успѣхъ мадьяръ будутъ заключаться въ разрозненности славянскихъ племенъ и недостаткѣ въ нихъ политическаго развитія. При недостаткѣ уваженія къ національностямъ Кроаціи, Славоніи и Трансильваніи, мадьярамъ придется, быть можетъ, впослѣдствіи, когда племенная вражда дойдетъ до крайности, самимъ защищать свою національность отъ славянъ и румынъ.

Между тѣмъ, будущность мадьяръ, благодаря ихъ преобладающему географическому положенію и низшему уровню развитія другихъ нижнедунайскихъ племенъ, могла бы быть совершенно иная. Тысячелѣтняя историческая жизнь пріучила мадьяровъ къ свободѣ. Демократическіе интересы въ обществѣ такъ сильны, что даже дворянство не можетъ сильно тормозить народное развитіе. Громадныя имѣнія постоянно раздробляются вслѣдствіе равнаго раздѣла между дѣтьми; рядомъ съ дворянскими владѣніями возникаетъ мелкая поземельная собственность, принадлежащая крестьянамъ. Пролетаріатъ встрѣчается рѣдко. Почва едва-ли не самая плодоносная въ Европѣ. Слѣдовательно, задатковъ для народнаго благосостоянія много. Если мадьярскій внутренній строй и не совсѣмъ дошелъ до полной демократіи, какая установлена во Франціи, то онъ во всякомъ случаѣ на пути къ ней и притомъ—безъ вѣроятности

внутреннихъ потрясеній. Если такая обособленная и аристократически - замкнутая страна, какъ Англія, стремится къ демократическому повороту въ своей внутренней политикѣ, то въ Венгріи это тѣмъ легче, что будущность указываетъ ей на федерацію съ нижнедунайскими славянами, возможную только на демократическихъ основаніяхъ. Это совершится тогда, когда мадьяры постараются не подавлять ихъ національности, а содѣйствовать культурному развитію южныхъ славянъ, чтобы тѣ, разъединенные отъ сѣверныхъ своихъ собратій, нашли свою выгоду въ подобной федераціи.

Въ этомъ весь вопросъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ мадьяры идутъ скорѣе противоположнымъ путемъ, доказывая «права» короны св. Стефана на partes adnexae, т.-е. тріединое королевство, — Кроацію, Славонію и Далмацію. Опасность для будущаго и здѣсь, какъ въ самой Австріи, состоитъ во враждѣ расъ.

V.

Мы уже упоминали, что южные славяне стояли въ 1848 г. за Австрію и способствовали подавленію требованій мадьяръ, къ коронѣ которыхъ они приписаны! Вражда кроатовъ и славонцевъ къ мадьярамъ коренится также въ ихъ національномъ сознаніи. Національное движеніе южныхъ славянъ порождено реакціей противъ притязаній мадьяръ, какъ и у послѣднихъ—реакціей противъ германизаторскихъ попытокъ со стороны Габсбурговъ. Мадьяры стали разработывать свой національный языкъ (находившійся прежде въ пренебреженіи) только послѣ попытки Іосифа II ввести у нихъ нѣмецкій языкъ. До тѣхъ же поръ богатые люди читали только по-французски и понѣмецки, а публичныя дѣла производились на латинскомъ языкѣ, который, какъ нейтральный, не могъ возбуждать ревности въ славянскихъ населеніяхъ. Общая вражда къ австрійской централизаціи даже сближала мадьяръ со славянами. Въ венгерской исторіи встрѣчаются знаменитыя имена, принадлежавшія кроатамъ и румынамъ. Но съ пробужденіемъ самосознанія въ мадьярской національности дѣло перемѣнилось. Національное движеніе произвело въ Венгріи въ концѣ XVIII вѣка цѣлый рядъ литераторовъ и поэтовъ. Подъ вліяніемъ того же движенія на сеймѣ и въ комитатахъ введенъ былъ, вмѣсто латинскаго, мадьярскій языкъ, который становился, вслѣдствіе этого, господствующимъ: славяне и румыны должны были волею-неволею его изучать или подвергались политическому безправію. Это было въ началѣ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія.

Частію подъ вліяніемъ реакціи противъ такой насильственной мѣры, частію въ силу тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ, между южными славянами вслѣдъ затѣмъ проявилось

Digitized by Google

собственное національное движеніе. Духъ свободы и идеи національности, которыя тогда пронеслись по Европѣ, не мало этому способствовали: Греція только что добилась независимости, нѣмецкая наука занималась обсужденіемъ вопросовъ о расѣ и національности, іюльская революція распространила по Европѣ демократическія идеи. Центромъ движенія славянъ были древнія иллирійскія области, и потому оно было извѣстно подъ названіемъ «иллиризма». Въ 1835 г. явился кроатскій журналъ; составилась ассоціація славянскихъ патріотовъ для возвышенія, очистки, обработки роднаго языка. Литературнымъ нарѣчіемъ было избрано рагузское. Явились многочисленныя книги и брошюры.

Австрійское правительство благосклонно относилось къ этому движенію, потому что видѣло въ немъ средство обуздать мадьяръ. Послѣдніе же заходили дальше и дальше въ своихъ репрессивныхъ мѣрахъ противъ славянской національности и тѣмъ, конечно, не подавили ее, а только возбудили къ себѣ сильную ненависть. Въ 1843 г. венгерскій сеймъ рѣшилъ, что мадьярскій языкъ долженъ исключительно употребляться не только на сеймѣ, въ комитатахъ, въ судахъ, но даже въ дѣлахъ сельскихъ и церковныхъ. На сеймѣ 1847 г. мадьярскій языкъ сдѣланъ обязательнымъ во всѣхъ школахъ королевства и даже славянскихъ земель. Кроатамъ предоставлялось еще въ теченіе 6 лѣтъ употреблять у себя латинскій, а затѣмъ уже единственнымъ оффиціальнымъ языкомъ становился мадьярскій. Наибольшую нетерпимость при этомъ выказала именно либеральная мадьярская партія, считавшая славянскихъ патріотовъ измѣнниками, которые стремятся къ распаденію отечества и должны быть обузданы. Вотъ что говоритъ объ этомъ извѣстный историкъ Майлатъ въ своей «Исторіи Австріи»: «Положеніе страны сдѣлалось труднымъ вслѣдствіе прискорбной борьбы между языками (идіомами). Хотѣли сразу превратить въ мадьяръ 6 милліоновъ жителей, принадлежавшихъ къ другимъ расамъ. Въ случаѣ денежнаго иска, суды отказывались его разсматривать, если прошеніе написано было не помадьярски. Просьбы на нѣмецкомъ или славянскомъ языкахъ не принимались, и оффиціальныя письма кроатскихъ комитатовъ возвращались назадъ, если адресы ихъ были написаны латыни. Записи о бракахъ, рожденіи, смерти должны были излагаться помадьярски даже въ тѣхъ округахъ, гдѣ никто не зналъ этого языка. Пасторы обязывались проповѣдывать въ церквахъ помадьярски, въ каждое третье (по очереди) воскресенье, хотя бы никто изъ слушателей не понималъ ни слова въ ихъ проповѣди. Въ округахъ, совершенно славянскихъ, дѣти должны были учить наизусть катихизисъ на мадьярскомъ языкѣ. Эти несправедливости глубоко раздражали бѣдныхъ словаковъ, но никто изъ магнатовъ не держалъ ихъ сторону, кромѣ гр. Стефана Шеченьи и меня».

Подобными поступками мадьяры оказали существенную услугу

Digitized by Google

славянскому самосознанію. Южные славяне, по воспоминаніямъ прошлаго, считали Венгрію своимъ отечествомъ и при извѣстной разъединенности славянскихъ племенъ мысль объ общеніи между ними могла бы еще долго не явиться; теперь же негодованіе въ славянскомъ населеніи къ Венгріи сдѣлалось повсемѣстнымъ и словакскій поэтъ Колларъ поднялъ знамя панславизма (впрочемъ, пока безъ политическаго характера) въ своей брошюрѣ о литературной взаимности между славянскими племенами и нарѣчіями.

Извѣстно, какъ ловко воспользовалась этой борьбой Австрія въ войну 1849 г. Мадьяры же не могли опомниться до послѣдней минуты. Сербская депутація просила диктатора Кошута уважать ея національность; но онъ сказалъ, что «въ королевствѣ существуетъ только одна національность—мадьярская, а прочія—агитаціи, претендующія на названіе національныхъ, будутъ подавлены желѣзомъ». Только при приближеніи русскихъ войскъ сеймъ провозгласилъ равноправность всѣхъ расъ, но было уже поздно.

Какимъ же образомъ отозвалось на южныхъ славянахъ революціонное движеніе 1848 года и въ чемъ состояла ихъ программа? Въ концѣ марта 1868 г. въ Аграмѣ сошлось многочисленное собраніе делегатовъ Кроаціи, Славоніи и Далмаціи и формулировало свои требованія. Открытый въ іюнѣ того же года сеймъ поставилъ условіемъ соединенія съ Венгріей присоединеніе къ Тріединому королевству Далмаціи и тѣхъ округовъ, которые состоятъ подъ властью Турціи (въ случаѣ возвращенія послѣднихъ коронѣ св. Стефана), федерація съ Сербской Воеводиной и оффиціальныя сношенія съ славянскими округами Каринтіи, Карніоліи и Истріи. Требованія эти онъ основывалъ на историческихъ правахъ. Кромѣ того, сеймъ требовалъ признанія кроатскаго языка оффиціальнымъ и окончательнаго рѣшенія всѣхъ дѣлъ, кромѣ арміи, общихъ финансовъ и иностранныхъ сношеній, которыя подлежали бы общему съ Венгріей представительству. Законы, установленные венгерскимъ сеймомъ съ участіемъ кроатскихъ депутатовъ, должны были становиться обязательными только по принятіи ихъ аграмскимъ сеймомъ. Короче, кроаты требовали отъ Венгріи такой же національной самостоятельности, какой Венгрія добилась отъ Австріи. Но кромѣ того на большомъ неоффиціальномъ собраніи 13 марта 1848 г. кроаты заявили желаніе свободы печати, свободы сходокъ и ассоціацій, суда присяжныхъ, равенства всѣхъ предъ закономъ и національной гвардіи. Національная независимость южныхъ славянъ, со включеніемъ турецкихъ, была, безъ сомнѣнія, конечною цѣлью стремленій славянскихъ патріотовъ, но должно сознаться, что поддержка Габсбургскаго дома была дурною дорогою къ такой цѣли.

Разыгралось все это очень плачевно. За преданность Австріи кроаты получили отъ вѣнскаго правительства то же самое, что мадьяры за мятежъ,—ультрамадьяризмъ замѣнился германиза-

Digitized by Google

ціей нѣмецкой бюрократіи. Ни одного изъ просимыхъ правъ кроатамъ, разумѣется, не дали; Бахъ отнялъ у нихъ даже ту автономію, какая была гарантирована древними мѣстными учрежденіями и соединеніемъ съ Венгріей. Старинная организація комитатовъ не уважалась и здѣсь, какъ въ Венгріи. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1854 г. введенъ былъ нѣмецкій языкъ. Единственнымъ вознагражденіемъ Кроаціи было присоединеніе къ ней берега Фіуме.

Понятно, съ какими чувствами могли относиться южные славяне къ нѣмцамъ и какъ они приняли вѣсть о разгромѣ австрійцевъ въ 1859 г. Кроатскій и славонскій сеймы потребовали возстановленія правъ 1848 г. и отказались послать депутатовъ въ шмерлинговскій рейхсратъ, заявляя готовность войти въ соглашеніе съ Венгріею для улаженія общихъ дѣлъ, которое ,однакожь, тогда не состоялось, несмотря на ловкій манифестъ Деака. Въ довершеніе затрудненій, Далмація сопротивлялась требованіямъ Кроаціи и хотѣла лучше послать своихъ депутатовъ въ рейхсратъ, чѣмъ въ аграмскій сеймъ. Федеративныя попытки Белькреди были приняты кроатами благосклонно, но съ установленіемъ системы дуализма негодованіе ихъ не знало границъ. Аграмскій сеймъ, въ видѣ протеста, не захотѣлъ послать своихъ представителей на коронацію императора въ Пештѣ и былъ распущенъ. Въ іюнѣ 1867 г. движеніе приняло чрезвычайно острый характеръ. Каждый день происходили схватки между національной партіей и мадьяроманами. За соединеніе съ Венгріею стояли крупные землевладѣльцы, лица, зависимыя отъ центральной власти, и обитатели большихъ торговыхъ, пограничныхъ съ Венгріею городовъ, которые поддерживали съ ней коммерческія сношенія (т.-е. помѣщики, представители власти и купцы,—классы, вообще служащіе представителями такъ-называемыхъ «охранительныхъ» началъ); къ нимъ надобно еще прибавить прибрежныхъ итальянцевъ. Особенно сильные раздоры происходили въ Фіуме, жители котораго хотѣли присоединиться къ Венгріи. Послѣ распущенія въ 1867 г. непокорнаго сейма правительство употребило свое вліяніе, чтобъ добиться большинства въ новомъ сеймѣ. Избирательный законъ былъ измѣненъ королевскимъ рескриптомъ, противно правамъ страны. Оппозиціонные депутаты удалились изъ сейма съ протестомъ противъ незаконныхъ дѣйствій министерства. Выбранная сеймомъ делегація, въ соединеніи съ делегаціей венгерскаго сейма, послѣ продолжительныхъ работъ, достигла, наконецъ, соглашенія. Кроація сохраняетъ свой сеймъ, который, въ качествѣ высшей власти, рѣшаетъ всѣ, касающіяся ея дѣла, кромѣ предметовъ общаго интереса, для которыхъ посылаются депутаты въ Пештъ, для участія въ спеціальныхъ засѣданіяхъ сейма, съ правомъ голоса. Таково главное основаніе соглашенія Кроаціи съ Венгріей, гораздо болѣе разумное, чѣмъ система делегацій, принятая Бейстомъ относительно Венгріи.

Digitized by Google

Послѣдняя, наученная опытомъ, выказала очень примирительный духъ относительно Кроаціи и обѣщала обезпечить цѣлость ея, т.-е. присоединеніе Далмаціи и Военной Границы. Деакъ сказалъ южнымъ славянамъ: «вотъ бланкъ, напишите ваши условія, мы ихъ принимаемъ заранѣе; мы не откажемъ ни въ чемъ, кромѣ раздробленія королевства св. Стефана, на что не имѣемъ права согласиться». Съ достиженіемъ соглашенія въ существенныхъ отношеніяхъ, съ признаніемъ національныхъ правъ южныхъ славянъ, вопросъ объ языкѣ, который прежде пролилъ столько крови, уладится самъ собою.

Въ дѣлѣ присоединенія Далмаціи мадьяры прежде всего преслѣдуютъ свои интересы, и заботливость о цѣлости Тріединаго королевства является только предлогомъ. Узкая, береговая полоса, составляющая территорію Далмаціи, имѣетъ несомнѣнную важность въ случаѣ постройки флота: городъ Фіуме удобенъ для разныхъ морскихъ сооруженій, жители Далмаціи славятся, какъ хорошіе матросы, а морская сила, ключъ къ которой даетъ обладаніе Далмаціей, можетъ много помочь будущему величію мадьярскаго государства, и при смутныхъ обстоятельствахъ настоящаго времени упускать этого изъ виду не слѣдуетъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, Далмація считается мадьярами аванпостомъ ихъ будущаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ: но это, во всякомъ случаѣ, вопросъ очень далекій.

Славянское населеніе Далмаціи стремится къ образованію, въ соединеніи съ Кроаціей и Славоніей, прежняго Тріединаго королевства. Мадьяры стараются отразить эти стремленія національной партіи, защищая историческія права Далмаціи, возбуждая въ населеніи понятія о выгодѣ даже въ матеріальномъ отношеніи присоединиться къ Транслейтаніи. Наконецъ, въ городахъ Далмаціи преобладаютъ итальянцы, которые агитируютъ за присоединеніе этой области къ итальянскому королевству. Нѣмцы, съ своей стороны, узнавъ о мадьярскихъ проискахъ (итальянцевъ и славянъ они гораздо менѣе боятся), такъ дѣятельно принялись наблюдать за порядкомъ, подавляя административнымъ произволомъ всякое мѣстное самоуправленіе, что вызвали въ концѣ 1869 года въ Далмаціи кровопролитное возстаніе. Этотъ видъ оппозиціи, безъ сомнѣнія, легче было усмирить, чѣмъ пассивное, стойкое сопротивленіе чеховъ, упорно отстаивающихъ свои права.

VI.

Нигдѣ система дуализма не встрѣтила такихъ сильныхъ и ловкихъ враговъ, какъ среди чеховъ. Это единственное изъ славянскихъ племенъ, опередившее прочія въ дѣлѣ цивилизаціи и политическаго развитія. Исторія чеховъ представляетъ факты, имѣющіе общеевропейское значеніе. Лишившись политической самостоятельности, чехи, несмотря на двухъ-вѣковыя насилія,

Digitized by Google

сохранили свою національность, но остались вѣрными и европейской цивилизаціи, за дѣло которой они боролись еще тогда, когда большая часть остальной Европы была погружена во мракъ. Исторія гусситизма вписала блестящія страницы въ дѣло свободы человѣческой совѣсти еще до появленія Лютера. Прага въ XIV и XV столѣтіяхъ была центромъ европейской мысли. Необходимость оградиться отъ турокъ заставила и чеховъ, подобно мадьярамъ, связать свою судьбу съ домомъ Габсбурговъ, въ лицѣ того же Фердинанда, который избранъ былъ и венгерскимъ королемъ. Тѣсная политическая связь съ нѣмцами хотя и привела чеховъ къ настоящему затруднительному положенію, однакожь, не осталась безъ вліянія на чеховъ со стороны нѣмецкой культуры. Нельзя отвергать, что чехи заимствовали у нѣмцевъ нѣкоторыя хорошія качества характера, какъ напримѣръ, любовь къ труду, стойкость въ предпринятомъ дѣлѣ, сформировали у себя третье сословіе, трудолюбивую буржуазію, которой нѣтъ у другихъ славянскихъ племенъ и которая можетъ составить немалое препятствіе германизаторскимъ захватамъ, угрожающимъ Богеміи въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе, двухсотлѣтнее единеніе съ нѣмцами едва-было совсѣмъ не германизировало чеховъ; въ концѣ XVIII столѣтія упадокъ національнаго самосознанія дошелъ у чеховъ до крайней степени: масса народа коснѣла въ невѣжествѣ, а аристократія почти совершенно онѣмечилась. Реакція въ пользу національности произошла и здѣсь, какъ у мадьяръ, отъ германизаторскихъ попытокъ Іосифа II, а также, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ идей XVIII вѣка. Стали поднимать народный языкъ, изслѣдовать чешскую старину; историческія воспоминанія у чеховъ, больше чѣмъ гдѣ-нибудь, способны были, съ распространеніемъ образованія, поднять народный духъ и тѣмъ, въ свою очередь, содѣйствовать прогрессу націи въ современномъ смыслѣ. Текущее столѣтіе представляетъ среди чеховъ много блестящихъ именъ въ области литературы; чешскимъ писателямъ и ученымъ пришлось не мало поработать, чтобъ поднять уровень просвѣщенія своихъ соотечественниковъ. Старый литературный чешскій языкъ былъ забытъ подъ гнетомъ германизма; чтобъ простой народъ понималъ книги, нужно было создать новый языкъ, который бы выражалъ всѣ новыя понятія, вошедшія съ тѣхъ поръ въ жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ бы чуждъ простому народу. Чешскіе ученые начала текущаго столѣтія занялись этимъ дѣломъ съ такимъ успѣхомъ, что теперь языкъ чеховъ отличается крайнею точностью и даже пуризмомъ въ передачѣ новыхъ понятій, избѣгая при этомъ употребленія иностранныхъ словъ.

Развитіе національнаго чувства, выражаясь въ литературѣ, распространялось въ народѣ все сильнѣе и сильнѣе: даже среди аристократіи оно находило себѣ послѣдователей. Для насъ это литературное движеніе важно въ томъ отношеніи, что съ нимъ нераздѣленъ былъ и политическій характеръ, который на

Digitized by Google

нашихъ глазахъ показалъ свою зрѣлость. Изслѣдованіе чешской старины было, какъ мы сказали, главнымъ способомъ пробудить національное чувство и привести чеховъ къ возрожденію. Дѣятели на этомъ поприщѣ: Ганка, Шафарикъ, Палацкій—не только разработали вопросъ о чешской народности, но дали ему даже болѣе широкое значеніе, выводя изъ него вопросъ о политическомъ возрожденіи всѣхъ славянъ или панславизмѣ, мысль о которомъ, какъ мы говорили, появилась у нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ ученыхъ, подъ видомъ литературной взаимности, какъ это было у Коллара. Особенно видными дѣятелями по части изученія чешской и общеславянской старины, и поднятія идеи о славянской народности были Ганка и Шафарикъ. Эпоха, въ которую работалъ первый изъ нихъ, была временемъ неопредѣленнаго сознанія національнаго чувства, неопредѣленнаго стремленія къ общеславянскому единству, безъ яснаго сознанія путей къ нему и формы, въ которой это единство должно было выразиться. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что это стремленіе произошло не изъ народа, который, безъ сомнѣнія, вовсе не подозрѣвалъ своего единства съ кроатами или русскими, какъ нашъ народъ не подозрѣваетъ, что находится въ родствѣ съ братьями-славянами. Идея національности здѣсь, какъ и вездѣ, явилась сначала плодомъ ученыхъ изысканій, а потомъ, распространившись, сдѣлалась хорошимъ средствомъ для политическихъ цѣлей, независимыхъ отъ національнаго сознанія. Видя крайнее разъединеніе славянскихъ народностей, совершенно чуждыхъ другъ другу, Ганка думалъ, что лучшимъ средствомъ распространить между ними идею родства, будетъ общій всѣмъ племенамъ языкъ: такимъ языкомъ, по мнѣнію Ганки, могъ быть русскій, и, сообразно съ этимъ, онъ старался распространить среди чеховъ знакомство съ русскимъ языкомъ и литературой, чему способствовало и тогдашнее полное незнаніе политическаго строя и тенденцій русскаго общества. Громадность и вошедшее въ пословицу могущество Россіи заставляли видѣть въ ней оплотъ всего славянства отъ нѣмецкаго ига. Въ подробности вообще не входили, и Ганка не составлялъ исключеніе въ этомъ отношеніи.

Панславистскія надежды и стремленія въ чешскомъ обществѣ усиливались подъ вліяніемъ ученыхъ трудовъ Шафарика, составляющихъ самый серьёзный плодъ, какой производила наука среди славянскихъ племенъ. Труды Шафарика, особенно «Исторія славянской литературы» и «Этнографія славянскихъ племенъ», проникнуты панславистскимъ характеромъ и производили на читателей сильное вліяніе именно въ этомъ направленіи, хотя самъ Шафарикъ, какъ серьёзный и холодный ученый, былъ чуждъ политическихъ увлеченій Ганки. Въ своихъ трудахъ по славянской филологіи и исторіи онъ вовсе не хотѣлъ служить тому энтузіазму, который былъ въ то время въ ходу, но стремленія того времени окрашивали и науку

Digitized by Google

своимъ характеромъ, а наконецъ, и обстоятельства придали этимъ стремленіямъ болѣе опредѣленное очертаніе.

Палацкаго должно признать третьимъ ученымъ, который занимаетъ видное мѣсто въ исторіи чешскаго литературнаго возрожденія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, стоитъ въ ряду вождей современнаго политическаго движенія чеховъ. Національный историкъ чеховъ, Палацкій, въ политикѣ служилъ представителемъ совершенно другихъ тенденцій, чѣмъ Ганка: онъ прежде всего чехъ, а потомъ уже славянинъ.

Пробужденное учеными изысканіями и филологическими открытіями національное чувство и идея славянскаго единства поддерживались въ области поэзіи, и соразмѣрно съ этимъ увеличивалась (также съ поэтическимъ оттѣнкомъ) ненависть къ нѣмцамъ, которая выражалась и въ печати, насколько это позволяла меттерниховская цензура.

Событія 1848 г., по отношенію къ чехамъ, достаточно извѣстны. Пражскій славянскій съѣздъ сдѣлалъ только отрицательную заслугу, а именно, воспротивился включенію славянскихъ областей въ составъ германскаго союза, но положительной пользы онъ не принесъ; тогдашній политическій вождь чеховъ, Палацкій, провозгласилъ вѣрность династіи Габсбурговъ; онъ прибавилъ даже, что еслибы не было Австріи, то для пользы славянъ должно бы было ее создать. Въ этихъ словахъ выражалась вполнѣ неопредѣленная и вовсе не панславистская программа. Чехи защищали Австрію наравнѣ съ кроатами и получили одинаковую съ послѣдними благодарность. Въ реакціонный Баховскій періодъ нельзя было и думать ни о какомъ національномъ развитіи, ни о какихъ историческихъ правахъ чешской народности.

Самый дѣятельный періодъ національныхъ стремленій чеховъ начинается лѣтъ десять назадъ, со введеніемъ въ Австріи централистской февральской конституціи. Отказываясь признать эту конституцію, какъ и мадьяры, чехи, однакожь, сначала не вовсе отвергали соглашеніе; они истощили всѣ средства, чтобъ добиться такого соглашенія мирнымъ путемъ, протестуя противъ централизаціи во имя своего національнаго права и напоминая, что чешское государственное право было уже признано въ апрѣлѣ 1848 г. императоромъ Фердинандомъ и только Францъ-Іосифъ отказался потомъ подтвердить его. Протесты чеховъ тѣмъ болѣе оставлялись безъ вниманія правительствомъ, что самое предъявленіе ихъ чрезъ сеймовыхъ депутатовъ заключало въ себѣ косвенное признаніе октроированныхъ правительствомъ правъ. Дѣло въ томъ, что Шмерлингъ учредилъ въ западной половинѣ имперіи, въ томъ числѣ и въ Богеміи, семнадцать областныхъ сеймовъ или ландтаговъ подъ дѣйствіемъ такого избирательнаго закона, который былъ разсчитанъ именно на доставленіе нѣмцамъ большинства всѣми мѣрами; такъ, напримѣръ, величина избирательнаго округа для

Digitized by Google

нѣмецкаго населенія опредѣлялась одна, для славянскаго — другая и, разумѣется, округи славянъ были больше нѣмцевъ, такъ что депутаты послѣднихъ могли являться въ ландтагъ въ большемъ числѣ. Но если славяне выбирали депутатовъ въ подобные сеймы и отказывались только подчиняться рейхсрату, то нѣмцы отсюда выводили заключеніе о признаніи первыми избирательнаго порядка, установленнаго вѣнскимъ правительствомъ, и оставляли протесты чешскихъ депутатовъ безъ вниманія или осыпали ихъ насмѣшками. Такъ-какъ тогда самую сильную оппозицію оказывали мадьяры, то чешскія дѣла не могли еще очень озабочивать вѣнскихъ государственныхъ людей, да и сами вожди чеховъ не вполнѣ могли еще полагаться на политическій смыслъ своего народа, отвыкшаго отъ политической жизни.

Но въ 1865 г., когда послѣ пятилѣтней неурядицы при Шмерлингѣ заговорили о примиреніи съ Венгріей, когда въ печати открыто начали ставить вопросъ о будущности Австріи, тогда Палацкій постарался исправить ошибку своего прежняго лозунга. Въ своей статьѣ «Идея австрійскаго государства», помѣщенной въ журналѣ «Народъ», онъ сильно возстаетъ противъ дуализма,—напоминаетъ обѣщанную въ октябрскомъ дипломѣ 1860 г. равноправность австрійскихъ народностей и требуетъ, чтобы каждая раса или, по крайней мѣрѣ, каждая національность имперіи получила самостоятельныя права, подъ скипетромъ Габсбурговъ. Образованію центра тяжести австрійскаго государства въ Германіи Палацкій энергически противится, напоминая, что въ такомъ случаѣ и чехи будутъ искать себѣ внѣшней опоры, какъ и другія славянскія племена, и только «мадьяры останутся невинными, не обращаясь къ своимъ приуральскимъ родичамъ». Палацкій заключаетъ свою статью словами: «Мы существовали до Австріи, будемъ существовать и послѣ нея!»

Послѣдовавшая въ томъ же году попытка Белькреди создать федеративную Австрію, встрѣчена была чехами съ большимъ сочувствіемъ, и тѣмъ сильнѣе было возбужденіе національнаго чувства, когда восторжествовалъ дуализмъ—самая ненавистная для нихъ система. Адресъ чеховъ 25 февраля 1867 года объявлялъ, что Богемія будетъ сопротивляться всѣмъ перемѣнамъ публичнаго права, произведеннымъ безъ ея согласія. Сеймъ за это былъ распущенъ, и на новыхъ выборахъ, при помощи избирательнаго закона, о которомъ мы говорили, который дѣлаетъ почти половину депутатовъ изъ нѣмцевъ (хотя они составляютъ только треть населенія Богеміи), удалось вынудить у сейма одобреніе дуализма; такой результатъ, произведенный несправедливой избирательной системой и подтасовкой самыхъ выборовъ (повѣрка голосовъ не допускалась) не принесъ, однакожь, тѣхъ плодовъ, какихъ ожидалъ Бейстъ. Политическіе вожди чеховъ, Палацкій и зять его Ригеръ, отвѣчали на

Digitized by Google

него другимъ, не менѣе рѣзкимъ шагомъ,—поѣздкою въ Москву на этнографическую выставку, которая сдѣлалась какъ бы всеславянскимъ съѣздомъ (впрочемъ, не безъ изъятій), и повидимому, воскресила забытый уже и похороненный призракъ панславизма.

Извѣстно, какой шумъ вызвала въ свое время эта поѣздка. Нѣмецкія газеты выставляли ее государственной измѣной, показывали Европѣ пугало панславизма съ политическимъ преобладаніемъ Россіи. Съ другой стороны, наши отечественные панслависты умилялись при видѣ братьевъ-славянъ, которые ищутъ охраны и покровительства въ Россіи, забывъ все свое прошлое, забывая всю противоположность общественныхъ условій, какая не могла не поражать нашихъ гостей. Это все очень живо въ нашей памяти, и потому повторять нѣтъ надобности. Московско-панславистскія мечты о сліяніи славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, должны были вскорѣ разсѣяться, а вожди чеховъ все-таки сдѣлали небезполезную демонстрацію для австрійскаго правительства, хотя, разумѣется, должны были за нее поплатиться. Только значеніе демонстраціи и можно признать за этимъ съѣздомъ, а всякія мечтанія о какомъ бы то ни было политическомъ единеніи славянскихъ племенъ съ Россіей при современныхъ обстоятельствахъ—совершенно нелѣпы, въ чемъ теперь, кажется, убѣдились постепенно и самые рьяные послѣдователи общеславянской идеи.

Достойно замѣчанія, что вообще въ послѣднее время, — и особенно въ послѣдніе 4 года послѣ московскаго съѣзда, стали употреблять болѣе точную постановку относительно такъ-называемаго національнаго славянскаго вопроса. Теперь говорится уже не о расѣ славянской, въ противоположность германской и другимъ, но объ отдѣльныхъ славянскихъ народностяхъ, имѣющихъ за собою историческое прошлое и индивидуальную судьбу. Эта точка зрѣнія гораздо разумнѣе, потому что такія обособленныя группы легче могутъ вступить въ союзъ посредствомъ свободной федераціи, чѣмъ путемъ сліянія, о которомъ думали прежде. Сознаніе общаго національнаго происхожденія можетъ для невполнѣ развитыхъ политически славянскихъ племенъ оказать ту услугу, что посодѣйствуетъ образованію такой федераціи,—впрочемъ, по сущности своей, совершенно независящей отъ тождественности расы. Само собою разумѣется, что чехи въ такомъ союзѣ могутъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ. Разумѣется также и то, что этою самою мыслью о союзѣ народностей предполагается развитіе въ нихъ внутренней свободы (которая служитъ основаніемъ нормальнаго развитія народности) и, слѣдовательно, въ подобномъ союзѣ не должно быть не только преобладающаго, но и вовсе никакого мѣста тѣмъ членамъ славянства, которые еще не выработали себѣ этого необходимаго условія.

Но возвратимся къ дѣламъ чеховъ. За поѣздкой въ Москву слѣдовали многочисленные процессы чешской печати, журналисты

Digitized by Google

арестовались десятками, — нѣмецкіе журналы не жалѣли никакихъ клеветъ и доносовъ на чешскихъ вождей, нѣмецкія войска старались всячески вызывать чеховъ на насилія, и когда дѣйствительно произведены были нѣкоторыя уличныя демонстраціи, введено было въ Богеміи осадное положеніе. Короче, нѣмецкое министерство Гербста-Гискры (Бейстъ оставилъ за собою званіе канцлера и завѣдываніе иностранными дѣлами, а управленіе внутренними дѣлами поручено отвѣтственнымъ министрамъ) истощило во имя цивилизаторской миссіи нѣмцевъ всѣ мѣры, какія, во имя принципа абсолютной власти, употреблялъ въ прежнее время откровенный деспотизмъ Баха. Въ глазахъ Европы чехи выставлялись народомъ съ реакціонными, клерикальными стремленіями, — народомъ, отвергающимъ блага свободы, для введенія которой только и было устроено осадное положеніе, — чехи ѣздили въ Москву, — слѣдовательно, въ союзѣ съ ней угрожаютъ свободѣ Австріи и цѣлой Европы, — чехи отвергаютъ всѣ новѣйшія политическія формы и хотятъ основать государственный порядокъ на своихъ средневѣковыхъ пергаментахъ. Вѣнская буржуазія не находила словъ для самовосхваленія и для оправданія своихъ насилій, въ надеждѣ навязать мягкой славянской натурѣ то, чего нельзя было заставить принять стойкихъ мадьяръ. Разсчеты эти оказались ошибочными, чехи усвоили себѣ пассивную оппозицію мадьяръ. 84 чешскіе депутата въ извѣстной августовской декларацiи 1868 года объявили, что не признаютъ императора чешскимъ королемъ, пока онъ не коронуется чешской короной и не присягнетъ въ соблюденіи чешскаго государственнаго права, — пока не будетъ учреждено особое чешское министерство съ особымъ бюджетомъ, пока не будетъ возстановлена историческая автономія земель чешской короны — Богеміи, Моравіи, Силезіи, и пока не будетъ созванъ особый чешскій парламентъ въ Прагѣ. Короче, программа декларантовъ требовала для чешской короны такой же самостоятельности, какую получила Венгрія. Осадное положеніе и всевозможныя преслѣдованія были безсильны измѣнить эту программу; 200 литературныхъ процессовъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ не могли сломить стойкость чешской печати. Вѣнское правительство пробовало назначать новые выборы, но на нихъ избирались опять тѣ же декларанты или лица, съ ними единомышленныя. Когда, такимъ образомъ, всѣ способы «прижиманія къ стѣнѣ» были истощены безъ успѣха, тогда среди самихъ нѣмцевъ стали появляться голоса въ пользу правомѣрнаго соглашенія съ чехами. Таково положеніе, занятое дѣятелемъ 1848 года Фишгофомъ, и публицистомъ Шузелькою, который прежде былъ приверженцемъ австрійской централизаціи, потомъ отстаивалъ права мадьяръ, но въ послѣднее время обратился къ федеративнымъ идеямъ. Даже мадьяры стали высказываться въ пользу признанія правъ чеховъ. Кошутъ выразился прямо, что «право чеховъ, перваго бойца за свободу совѣсти въ Европѣ, ни на зерно не менѣе

Digitized by Google

правъ мадьяръ»; мадьярская пресса начинаетъ сознавать, что примиренія Богеміи съ Цислейтаніей требуютъ интересы самихъ мадьяръ, которые, при распаденіи Австріи, одни только останутся одинокими. Бетленъ, мадьярскій публицистъ и главный редакторъ одного изъ пештскихъ журналовъ, требуя соглашенія съ чехами, сказалъ даже, что «Австрія или федеративное государство, или—трупъ». Богемскіе нѣмцы также стали принимать участіе въ митингахъ чешскихъ, резолюціями которыхъ ограждалась самостоятельность Богеміи и заявлялись протесты противъ единенія съ Вѣной.

Вѣнское правительство до сихъ поръ не сдѣлало чехамъ требуемыхъ уступокъ. Правда, вначалѣ прошлаго года централистское министерство Гискры, послѣ двухлѣтней безуспѣшной борьбы съ чехами, вышло въ отставку, и преемникъ его, Потоцкій, сначала какъ будто соглашался удовлетворить желанія чеховъ, но потомъ опять повернулъ на сторону централистовъ, и нѣкоторыя уступки были даны только полякамъ. Колебанія въ политикѣ правительства не повели ни къ чему; ни увѣщанія, ни насиліе на чеховъ не дѣйствовали. Между тѣмъ, прусско-французская война дала новое освѣщеніе этой распрѣ. Военная германская имперія, если и имѣетъ неотразимую прелесть въ глазахъ австрійскихъ нѣмцевъ, то чехи и, безъ сомнѣнія, само австрійское правительство—держатся другого мнѣнія. Вотъ почему о соглашенія съ національной чешской партіей теперь толкуютъ уже серьёзно, и новое министерство Гогенварта, считающее въ своей средѣ двухъ чеховъ, повидимому, работаетъ надъ проектомъ соглашенія.

Феодальная партія въ Богеміи сходится, въ стремленіи къ достиженію чешской самостоятельности, съ національной партіей, главнымъ вождемъ и душою которой теперь является Ригеръ,—по слухамъ, будущій богемскій канцлеръ.

Мы уже привели главныя основанія программы декларантовъ; нелишнимъ считаемъ упомянуть еще, какія цѣли указываются чешскими органами печати при разработкѣ проекта будущаго соглашенія. Какъ феодалы, такъ и націоналы чешскіе, кромѣ гарантіи національной самостоятельности чеховъ, отстаиваютъ равную гражданскую свободу и неприкосновенность правъ какъ чеховъ, такъ и нѣмцевъ. Дѣла Цислейтаніи они считаютъ нужнымъ подчинить не вѣнскому рейхсрату и еще менѣе — вѣнской делегаціи, а сеймамъ областей, раздѣленныхъ на четыре группы: чешскую, галиційскую, нѣмецкую и словенско-итальянскую. Бюджетъ, подати, налоги подлежатъ утвержденію сеймовъ. Посредниками между сеймами и короной дѣлаются канцлеры каждой изъ группъ, составляющіе высшее центральное управленіе, и только въ крайнихъ обстоятельствахъ общее собраніе делегацій отъ всѣхъ группъ.

Очевидно, что нѣкоторыя черты этой системы (федерація по группамъ) взяты изъ плана Бельреди, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ

Digitized by Google

сохраняется и дуализмъ, и уже это даетъ мало надежды на принятіе такого порядка. Но обстоятельства теперь крайне настоятельны, а система дуализма, соединеннаго съ подавленіемъ, несомнѣнно доживаетъ послѣдніе дни. Нельзя, конечно, предрѣшить, въ томъ или другомъ видѣ состоится соглашеніе, и въ какое отношеніе къ нему станетъ Венгрія. Во всякомъ случаѣ, чехи своимъ стойкимъ сопротивленіемъ сдѣлали такое соглашеніе необходимымъ и отъ него зависитъ будущая судьба Австріи, которая тогда спокойнѣе отнесется къ другимъ вопросамъ.

VII.

Въ Австріи что область—то вопросъ о ея національности, о стародавнихъ правахъ, о способѣ ея представительства и соединенія съ общимъ государственнымъ тѣломъ,—наконецъ о цѣляхъ, какія преслѣдуются каждою національностью. Богемія и Венгрія, которыя стоятъ на первомъ планѣ въ автономистскомъ движеніи послѣдняго десятилѣтія, требовали только признанія ихъ національныхъ правъ; это земли, имѣвшія самобытное существованіе и добровольно предложившія свои короны Габсбургамъ. Въ Галиціи же вопросъ ставится совершенно иначе. Если чехи и мадьяры не думаютъ выходить изъ состава австрійскаго государства, лишь бы только было оказано уваженіе ихъ національности, то Галиція добивается національной свободы и автономіи только для того, чтобъ отдѣлиться отъ Австріи, по крайней мѣрѣ, таковы стремленія польскаго ея населенія. Галиція составляется изъ королевствъ Галиціи, Лодомиріи и великаго герцогства Краковскаго; изъ 5-ти милліоннаго ея населенія 2 милліона составляютъ поляки, 3 милліона русины. Менѣе многочисленное, но болѣе значительное политически племя—поляки—только и играли до сихъ поръ выдающуюся роль въ этой области. Впрочемъ, при Меттернихѣ о польскихъ стремленіяхъ въ Галиціи не было и рѣчи. Ему удавалось задушать всѣ стремленія національностей и проявленія желаній населенія общимъ для всѣхъ гнетомъ; но галиційскихъ помѣщиковъ, которые именно и составляютъ польское населеніе края, кромѣ того, онъ умѣлъ держать въ повиновеніи, возбуждая противъ нихъ крестьянъ, а въ случаѣ волненій—подавлять движенія репрессивными мѣрами. Оппозиція Галиціи центральному австрійскому правительству началась съ самаго ея присоединенія къ Австріи. Въ 1848 г. она охватила всю страну и, чтобъ сдержать движеніе, правительство стало оказывать поддержку русинамъ. Галиційскій сеймъ сначала состоялъ изъ духовныхъ особъ и изъ членовъ высшей аристократіи по личному праву, изъ представителей дворянства, платящихъ 300 флориновъ налога, и изъ делегатовъ города Лемберга. Буржуазія другихъ городовъ и крестьяне

Digitized by Google

не имѣли на сеймѣ представителей. Права сейма ограничивались голосованіемъ различныхъ вѣръ, имѣющихъ провинціальный интересъ, установленіемъ нѣкоторыхъ налоговъ и изложеніемъ предъ правительствомъ желаній населенія. Почти въ теченіе 20 лѣтъ, съ 1828 по 1847, каждую сессію сейма заявлялись громкія жалобы на злоупотребленія, которымъ покровительствовало вѣнское правительство,—требованія улучшеній въ университетскомъ воспитаніи, въ первоначальномъ обученіи, въ системѣ налоговъ. Разумѣется, результатовъ отъ подобныхъ требованій при меттерниховской системѣ не могло и быть: они или встрѣчали формальный отказъ, или терялись въ бюрократическихъ формальностяхъ и проволочкахъ. Австрійское правительство вообще тщательно поддерживало невѣжество и суевѣріе, но именно для сохраненія раздора между польскими помѣщиками и русинскими крестьянами австрійскіе чиновники стали защищать послѣднихъ отъ произвола господъ. Надобно сказать и то, что галицкіе помѣщики со своей стороны не сдѣлали ничего, чтобъ привлечь съ себѣ крестьянъ, чтобъ сблизиться съ русинскимъ племенемъ. Положеніе русиновъ и теперь еще очень незавидное: при уничтоженіи крѣпостной зависимости пользованіе лѣсомъ и пастбищами вовсе отошло отъ крестьянъ. Конечно, при такомъ положеніи дѣлъ, земледѣліе не могло быть успѣшно, такъ-какъ оно было лишено всякой поддержки, даже движимаго кредита; торговля и промышленность, встрѣчая вездѣ помѣхи, не могли развиваться, пресса была подавлена предварительной цензурой; національная литература находилась въ изгнаніи. Деспотизмъ господствовалъ по всей имперіи, но здѣсь онъ былъ тѣмъ строже, что задача его состояла въ уничтоженіи непримиримой оппозиціи польскаго населенія. Часть поляковъ въ 1840 г. дошла до убѣжденія, что необходимо привлечь къ себѣ народъ путемъ либеральной программы, въ которую даже входило обѣщаніе земли крестьянамъ, но эта попытка была неискренняя, положеніе крестьянъ не улучшилось, и потому австрійское правительство достигло полнаго успѣха въ своихъ цѣляхъ: въ 1846 г. вспыхнула рѣзня; убійства собственниковъ (въ родѣ аграрныхъ убійствъ въ Ирландіи) стали повсемѣстнымъ явленіемъ и были подъ рукою терпимы начальниками округовъ. Между тѣмъ, галицко-русинская литература получила въ то время сильное развитіе подъ вліяніемъ общаго панславистскаго движенія тридцатыхъ годовъ и родства съ малорусской Украйной. Конституція 1848 года, обѣщавшая русинамъ равноправность съ поляками, была принята первыми съ восторгомъ и побудила русиновъ, вмѣстѣ съ чехами, защищать Габсбургскую имперію; результатъ былъ такой же, какъ и вездѣ.

Когда наступила въ Австріи эпоха конституціонныхъ опытовъ, представители Галиціи постоянно высказывались за федерализмъ, и Белькреди больше всѣхъ пользовался ихъ симпатіею.

Digitized by Google

При вступленіи въ управленіе Бейста и при введеніи системы дуализма, австрійскому правительству нужна была поддержка поляковъ въ виду раздраженія другихъ славянскихъ областей противъ этой системы, и оно постаралось задобрить поляковъ, утвердило постановленіе львовскаго сейма о признаніи польскаго языка оффиціальнымъ, о введеніи его въ высшее образованіе и въ нѣкоторыя русскія гимназіи. Поляки сначала колебались: одобрить дуалистическую конституцію они, конечно, не могли, но такъ-какъ цѣль ихъ — не національная автономія подъ властью дома Габсбурговъ, а содѣйствіе возстановленію независимой Польши, то они и не захотѣли отдѣляться отъ Венгріи и присоединиться къ чехамъ, особенно послѣ путешествія послѣднихъ на московскую выставку. Голуховскаго сдѣлали намѣстникомъ Галиціи, — дали полякамъ нѣкоторыя уступки, а какъ притомъ вообще на западѣ Австрія считается оплотомъ противъ Россіи, то галиційскіе депутаты, посланные въ цислейтанскій сеймъ, постоянно вотировали вмѣстѣ съ министерствомъ, кромѣ преній о конкордатѣ, въ которыхъ они высказались за сохраненіе прерогативъ римской церкви. Такое положеніе, наконецъ, не понравилось ихъ избирателямъ, которые не безъ основанія видѣли въ безусловной поддержкѣ министерства усиленіе чуждой власти безъ всякой пользы для самихъ поляковъ. Въ августѣ 1868 г. на лембергскомъ сеймѣ проявилось сильное неудовольствіе. Депутаты были осыпаны упреками за недостатокъ энергіи и безуспѣшность ихъ усилій къ возстановленію польской національности.

Послѣ оживленныхъ преній, сеймъ принялъ резолюцію съ изложеніемъ требованій Галиціи, которыя почти одинаковы съ требованіями чеховъ, т.-е. клонятся къ выполненію федералистской программы. Прежде всего, требуется національная автономія, сообразная съ потребностями страны. Сеймъ предоставляетъ себѣ исключительное право рѣшать о способѣ избранія депутатовъ въ рейхсратъ. Послѣдніе примутъ участіе только въ общихъ дѣлахъ Галиціи съ другими частями монархіи. Кромѣ полной обособленности внутреннихъ дѣлъ, сеймъ требовалъ еще отвѣтственнаго предъ сеймомъ галиційскаго министерства и особаго министра Галиціи въ совѣтѣ короны. Особые канцлеры отъ каждой изъ австрійскихъ областей въ совѣтѣ короны и мѣстные сеймы съ широкими правами относительно внутреннихъ дѣлъ, — затѣмъ, центральный сеймъ или управленіе коронныхъ канцлеровъ, съ небольшимъ количествомъ общихъ дѣлъ, разсматриваемыхъ при участіи центральныхъ земель,—таковы, какъ мы видѣли и у чеховъ,—должны быть, по мнѣнію жителей Галиціи, главныя черты федеральнаго устройства имперіи; замѣтимъ, кстати, что многіе западные публицисты, въ томъ числѣ Лавелэ, считаютъ подобную программу несовмѣстною съ политическимъ существованіемъ Австріи. Резолюція львовскаго сейма не только не была принята рейхсра-

Digitized by Google

томъ, но даже не была обсуждаема, такъ-какъ, вслѣдствіе дурной организаціи представительства въ рейхсратѣ и воздержанія Богеміи отъ посылки депутатовъ, хозяева въ немъ — нѣмцы. Этотъ отказъ произвелъ общее раздраженіе; резолюція сейма сдѣлалась національной программой; ничтожныя уступки, о которыхъ мы упоминали выше, въ родѣ введенія польскаго языка въ высшее образованіе, показались просто смѣшными; къ этой программѣ присоединилось даже высшее дворянство. Тогда яснѣе обрисовались двѣ партіи, существующія между галиційскими поляками по вопросу объ отношеніяхъ ея къ Австріи. Партія радикальная, требующая пассивной оппозиціи, какъ дѣлаютъ чехи и какъ дѣлали прежде мадьяры,—хочетъ союза съ чехами и воздержанія отъ представительства въ рейхсратѣ до полнаго удовлетворенія требованій Галиціи. Во главѣ этой партіи стоитъ лембергское демократическое общество и Смолка, талантливый писатель и ораторъ. Активная партія (Зѣмялковскій и Голуховскій) хочетъ достигнуть той же цѣли конституціоннымъ путемъ, активнымъ сопротивленіемъ среди самаго собранія; она хочетъ пользоваться всякимъ случаемъ вырывать у министерства и большинства одну уступку за другою, пока не будутъ удовлетворены всѣ желанія Галиціи. Лозунгъ этой партіи — сохраненіе Австріи для цѣлей поляковъ. Понятно, что подобный образъ дѣйствій требовалъ уступокъ въ собственномъ достоинствѣ со стороны депутатовъ, а нѣмцы, обезпечивая себѣ ихъ поддержку, стали относиться къ нимъ почти презрительно. По этой причинѣ, вѣсъ умѣренной партіи значительно уменьшился. Поляки, оказывая поддержку мадьярамъ въ делегаціяхъ, дѣйствительно могли перенести центръ тяжести въ Пештъ и вырвать у нѣмцевъ преобладаніе.

Но въ томъ-то и дѣло, что поляки, преслѣдуя свою особую цѣль, не имѣютъ опредѣленной политики; они то посылаютъ своихъ представителей въ вѣнскій рейхсратъ, то выходятъ изъ него; непримиримый вождь демократической партіи, Смолка, то становится героемъ страны, то остается совершенно одинокимъ, и поляки (какъ было въ министерство Потоцкаго) становятся усердными слугами Габсбурговъ, подъ вліяніемъ ложныхъ національныхъ разсчетовъ. Наконецъ, положеніе крайне усложняется еще вопросомъ о русинскомъ населеніи Галиціи, болѣе многочисленномъ, но менѣе полноправномъ, чѣмъ польское. Русинское племя, однородное съ малорусскимъ, занимаетъ весь западъ Галиціи и исповѣдываетъ частію уніатскую, частію православную вѣру. Политическое положеніе русиновъ представляетъ несомнѣнную важность, такъ-какъ, усиливъ или ослабивъ польскую партію, дающую въ Австріи перевѣсъ то правительственной, то чешской сторонѣ, они тѣмъ самымъ могутъ вліять и на будущность Австріи.

Русины, по религіи и языку, близко родственны русскимъ; такъ-какъ они же составляютъ и бо́льшую часть сельскаго на-

Digitized by Google

селенія, то отсюда происходилъ постоянный антагонизмъ между католическимъ духовенствомъ и польскими помѣщиками съ одной стороны и русинскимъ населеніемъ—съ другой. Крестьяне-русины стали смотрѣть на помѣщиковъ, какъ на касту притѣснителей и эксплуататоровъ. Поляки попытались замѣнить русинскій языкъ польскимъ, который сдѣлался оффиціальнымъ, господствуетъ въ судахъ и въ высшихъ школахъ; вслѣдствіе этого, сельское населеніе лишилось возможности достигнуть сколько-нибудь большаго развитія. Мы уже упоминали, какую двусмысленную роль играло вѣнское правительство въ этихъ спорахъ поляковъ съ русинами. Еще въ XVII и XVIII вѣкахъ православное крестьянское населеніе возставало противъ поляковъ-помѣщиковъ и рѣзало ихъ. То же повторилось и въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія. Австрія пользовалась враждою племенъ и даже раздувала ее, не предвидя, что когда-нибудь это плачевно отзовется на ней самой. Въ 1840 г., чтобы сдержать польскую оппозицію, вѣнскіе государственные люди стали благопріятствовать русинскому элементу въ Галиціи, ввели въ начальныя школы русинскій языкъ, вмѣсто польскаго. Графъ Стадіонъ старался сформировать русинское общество и оказывалъ поддержку уніатскому львовскому митрополиту. Образовалась такъ-называемая «святоюрская» партія, которая отличалась сначала чисто-австрійскими стремленіями и, во имя правъ русиновъ, составляла противовѣсъ польской національной партіи.

Въ Вѣнѣ отлично пользовались такимъ положеніемъ: стали издавать на русинскомъ языкѣ книги и даже журналъ, съ цѣлью распространенія въ народѣ знаній, осыпали милостями русинскихъ депутатовъ, которые являлись на сеймъ въ національныхъ костюмахъ и неизмѣнно подавали голоса за правительство. Но вскорѣ обстоятельства перемѣнились. Русины пріучились къ чтенію и, не находя въ Вѣнѣ пищи, стали читать русскіе журналы и книги. Опасности тутъ еще никакой не было: симпатія къ единоязычному племени не могла бы получить себѣ поддержки въ русской литературѣ и русскихъ порядкахъ, особенно того времени. Но австрійское правительство, испугавшись своей ошибки, поступило совершенно иначе, чѣмъ слѣдовало: вмѣсто широкаго удовлетворенія умственныхъ потребностей русиновъ, оно прибѣгло къ репрессивнымъ мѣрамъ. Уничтоживъ кирилловскую азбуку, стали печатать русинскія книги латинскими буквами; само собою разумѣется, что эти книги крестьянамъ показались подозрительными, посягающими на ихъ вѣру, и результатъ вышелъ совершенно противоположный ожиданіямъ вѣнскихъ государственныхъ людей. Австрія возбудила противъ себя и русинское, и польское населеніе, а симпатіи къ Россіи между русинами замѣтно усилились, особенно между духовенствомъ и сельскимъ населеніемъ, и главнымъ органомъ этого направленія служитъ та же святоюрская или «старая» партія, въ про-

Digitized by Google

тивополяность «молодой» или «народовцамъ», которые стоятъ за самостоятельное развитіе русинской (южно-русской) народности. Вражда между этими партіями ужасная: взаимныя обвиненія доходятъ до послѣдней степени; святоюрскую партію обвиняютъ въ «москвофильствѣ», съ цѣлью присоединенія Галиціи къ Россіи. (Извѣстно, что и у насъ квасные патріоты не перестаютъ говорить на эту же тему, толкуя о «русскомъ» населеніи Галиціи, которая была нѣкогда Червонною Русью и жаждетъ возсоединенія). «Народовую» партію обвиняли въ союзничествѣ съ польскими интересами и, слѣдовательно, въ прямой враждѣ русскимъ интересамъ. Безъ сомнѣнія, ни то, ни другое невѣрно. Языкъ «москвофиловъ», при всемъ племенномъ родствѣ, все-таки до такой степени не похожъ на русскій, что исключаетъ возможность полнаго взаимнаго пониманія; притомъ,—что самое главное—прежнія панславистическія мечты (въ родѣ тѣхъ, какія мы находимъ въ извѣстной книгѣ Штура) значительно поостыли въ послѣдніе годы у нашихъ братьевъ-славянъ—при ближайшемъ ознакомленіи съ политическимъ строемъ современной Россіи, а также вслѣдствіе повсемѣстнаго преобладанія идеи народности надъ идеею расы. Съ другой стороны, «народовая» или національная партія, которая образовалась преимущественно въ городахъ, подъ руководствомъ ученыхъ и подъ вліяніемъ историческихъ воспоминаній, рѣшительно враждебна «московскому» господству, но не расположена и къ полякамъ, за которыхъ стоятъ только помѣщики, необладающіе вообще особымъ вліяніемъ на населеніе.

Сближеніе національной русинской партіи съ поляками, впрочемъ, возможно, если послѣдніе примутъ демократическую программу и искренно сойдутся съ чехами и другими славянскими племенами въ идеѣ федераціи, среди которой русины явились бы также полноправнымъ членомъ, короче, если поляки поймутъ, что, для полнаго развитія своей національности, нужно уважать и другія. До сихъ поръ они слишкомъ смѣшивали дѣло своей народности съ дѣломъ ультрамонтанства. Въ рейхсратѣ депутаты Галиціи, какъ мы уже говорили, всегда подавали голосъ за конкордатъ и за всѣ католическія претензіи. До сихъ поръ поляки въ Галиціи постоянно находились подъ вліяніемъ іезуитовъ и держали себя по отношенію къ русинамъ, какъ мадьяры къ кроатамъ и какъ прежде нѣмцы относились къ мадьярамъ: они старались полонизировать русиновъ и тѣмъ, конечно, вызвали къ себѣ ненависть и узаконили существованіе святоюрской партіи. Поляки ссылаются на свою высшую культуру, на свое сравнительное богатство: дѣйствительно, бываютъ примѣры, что, благодаря этимъ условіямъ, низшія національности поглощаются высшими, какъ, напримѣръ, прусскіе славяне, которые совершенно онѣмечились; но, по отношенію къ русинамъ, это невозможно, такъ-какъ у нихъ національное чувство уже пробудилось, и, волею-неволею, вызы-

вать къ себѣ уваженіе, хотя бы и отъ высшей національности.

Таковы главныя черты національнаго вопроса, который уже 10 лѣтъ, поднимаясь въ различныхъ краяхъ Австріи, грозитъ ей распаденіемъ.

Впрочемъ, мы не придаемъ этому національному движенію такого значенія, какъ нѣкоторые органы западной пресси. По ихъ мнѣнію, Австрія необходима, чтобъ «мадьяры не потонули въ славянскомъ океанѣ» и т. п., тогда какъ славянскимъ племенамъ очень далеко до такого океана, если вообще когда-нибудь онъ и покажется. Теперь же разъединенность славянъ (если даже говорить только о славянахъ австрійскихъ) и различіе въ ихъ культурномъ развитіи такъ велики, что исключаютъ возможность самой мысли объ общей всѣхъ ихъ политической организаціи, хотя попытки сплоченія, дѣлавшіяся въ послѣднее время, не останутся безъ всякаго вліянія на будущее. Въ сущности, это племенное родство скорѣе фикція, вызываемая политическими обстоятельствами, чѣмъ дѣйствительность. Общее происхожденіе славянъ относится къ такимъ давно прошедшимъ временамъ, исторія столько привнесла постороннихъ элементовъ въ каждое славянское племя, самыя климатическія условія, въ которыхъ жили племена, были до такой степени различны, что теперь, по свидѣтельству людей, изучавшихъ славянство, чехъ и далматинецъ имѣютъ гораздо болѣе общаго съ нѣмцемъ и итальянцемъ, чѣмъ съ русскимъ или болгариномъ. Раннее распаденіе славянскаго племени на отдѣльные типы сдѣлало эти типы особыми народностями, сближеніе которыхъ во имя славянской національности можетъ совершиться нисколько не легче, какъ и подъ вліяніемъ постороннихъ обстоятельствъ. Вообще принципъ національности—самъ по себѣ крайне условно-прогрессивный (какъ мы уже говорили), въ примѣненіи къ славянству является искусственнымъ плодомъ, лозунгомъ, во имя котораго передовые люди славянскихъ племенъ думали достигнуть лучшихъ политическихъ условій существованія. Но панславизмъ, какъ явленіе политическое, окончательно не удался еще въ 1848 году, и съ тѣхъ поръ мысль о славянскомъ единствѣ казалась сданною въ архивъ, какъ московскій съѣздъ 1867 г. заставилъ опять говорить объ этомъ единствѣ. Мы уже высказывали выше мнѣніе свое по поводу этого съѣзда и вызванныхъ имъ возгласовъ: излишне доказывать, сколько во всей этой исторіи было фальшиваго, напускнаго, сколько заблужденій и разочарованій. Наибольшую услугу дѣлу славянскаго единства могутъ еще оказать, какъ уже и прежде оказывали, нѣмцы. Наиболѣе развитая изъ славянскихъ народностей—чешская, подвергается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наибольшей опасности нѣмецкаго захвата вслѣдствіе своего

географическаго положенія. Въ германской имперіи уже теперь составляются проекты на этотъ счетъ. Присоединеніе къ ней нѣмецкихъ провинцій Австріи считается дѣломъ уже рѣшеннымъ, и германскіе политики спрашиваютъ только: какъ тогда быть съ Богеміей, которая врѣзывается угломъ въ германскія земли? Какъ быть? Конечно, присоединить; иначе Богемія съ Моравіей всегда останутся передовымъ постомъ славянства на западѣ, доходящимъ до самаго сердца Германіи и непосредственно угрожающимъ цѣлости германской имперіи. Предоставленныя сами себѣ, онѣ будутъ орудіемъ враждебныхъ замысловъ Россіи и, во всякомъ случаѣ, будутъ стремиться присоединить къ себѣ третью землю чешской короны — Силезію, составляющую неотъемлемое достояніе «узкаго» германскаго отечества—Пруссіи. Такого рода сужденія уже нынѣ слышатся въ германской печати. Наслѣдство Австріи вовсеуслышаніе дѣлится заживо. Мадьяры должны будутъ, въ качествѣ вѣрныхъ союзниковъ Германіи, поглотить въ себя кроатовъ на югѣ и словаковъ на сѣверѣ, чтобъ самимъ не быть подавленными славянствомъ. Понятно, что при такой перспективѣ чехи стараются непреклонно держаться до конца въ своемъ политическомъ спорѣ съ цислейтанскимъ министерствомъ, и интересы самого австрійскаго правительства вынудятъ признать національныя чешскія права. Эта общность интересовъ, если они будутъ разумно понаты, указываетъ на необходимость и неизбѣжность соглашенія чеховъ съ императорскимъ вѣнскимъ правительствомъ. Послѣднему прямо грозитъ смерть, и очень быстрая, потому-то оно и мечется въ разныя стороны, стараясь найти возможно-сносный исходъ. Чехамъ, также въ будущемъ, въ случаѣ подчиненія германской имперіи, грозитъ медленная смерть подъ нѣмецкой паутиной, если не такая полная, какъ у прусскихъ сѣверныхъ славянъ, то хотя въ такомъ родѣ, какъ въ Познани, гдѣ въ послѣднее польское возстаніе Бисмаркъ счелъ излишнимъ даже объявлять осадное положеніе.

Если такая судьба возможна для самаго передоваго, политически-сильнаго славянскаго народа, имѣющаго за собою славную исторію, единственнаго изъ всѣхъ славянскихъ племенъ бойца за свободу совѣсти, то участь другихъ австрійскихъ славянъ не представляетъ никакихъ лучшихъ задатковъ. Всѣ эти многочисленныя мелкія славянскія народности могутъ испытать судьбу лаузицкихъ славянъ, если попадутъ въ руки нѣмцевъ, не австрійскихъ, а настоящихъ нѣмцевъ, т.-е. германцевъ.

Такимъ образомъ, распаденіе Австріи, повидимому, неизбѣжно, если только не спасетъ ее федеративное устройство, пока не упущена къ тому минута. Возможно ли это устройство теперь?—весь въ этомъ вопросъ будущаго, вопросъ жизни и смерти для Австріи. Какъ историческія воспоминанія, такъ и современныя стремленія австрійскихъ земель, разнообразіе языковъ населенія, все указываетъ на эту форму. Притомъ, ни

Digitized by Google

одна политическая форма не соотвѣтствуетъ лучше тѣмъ началамъ, какія проникаютъ собою современный порядокъ въ Европѣ. Федерація уважаетъ самостоятельную національную жизнь своихъ частей,—предоставляетъ каждой области или группѣ областей развиваться сообразно народнымъ наклонностямъ и преданіямъ,—даетъ индивидуальному лицу всю, возможную въ благоустроенномъ обществѣ, сумму гражданскихъ и политическихъ правъ, а цѣлому политическому организму сообщаетъ силу большихъ государственныхъ единицъ (примѣръ чего мы видимъ въ Соед. Штатахъ). Федерація служитъ залогомъ мирной политики потому, что основный ея принципъ, принципъ демократическій, дѣлаетъ ее удобною лишь для оборонительныхъ, а не для завоевательныхъ войнъ. Наконецъ, совершенная федерація, вполнѣ удовлетворяя гражданскія и политическія потребности своихъ членовъ, даетъ больше простора для устройства экономическихъ вопросовъ, невозможныхъ при современномъ европейскомъ порядкѣ.

Но должно сознаться, что все это далеко еще неприложимо къ Австріи. Не говоря уже объ отчаянномъ сопротивленіи нѣмцевъ и особенно мадьяръ, которые не захотятъ утратить свое преобладающее положеніе, федеративное устройство Австріи встрѣтитъ не мало внутреннихъ помѣхъ, составляющихъ наслѣдіе прошлаго. Такъ, напримѣръ, существенное условіе современной федераціи—демократичность, иначе мы увидимъ образчикъ средневѣковыхъ федеративныхъ союзовъ, которые составлялись изъ независимыхъ государствъ, для взаимной защиты. Главное условіе федеративнаго устройства,—чтобъ политическія и верховныя права самого народа были признаны, а въ Австріи нѣтъ даже правильной и разумной системы избирательства; Венгрія полна еще средневѣковыхъ учрежденій; нужна полная политическая и религіозная свобода,—а Австрія только два года назадъ избавилась отъ конкордата, да и то вопреки желанію нѣкоторыхъ своихъ народностей, какъ, напримѣръ, поляковъ.

Короче, въ австрійскомъ обществѣ много еще ретроградныхъ началъ, и принципъ національности въ ней не является вполнѣ прогрессивнымъ; достаточно вспомнить, какъ чехи и прочіе славяне въ 1848 г. первымъ проявленіемъ славянской національности сдѣлали утвержденіе австрійскаго господства. Вопросъ, поэтому, очень труденъ. Несомнѣнно только одно: «Австрія будетъ федераціей, или вовсе не будетъ Австріи». Настоящее положеніе дѣлъ долго продолжаться не можетъ; изобрѣтеніе Бейста оказалось несостоятельнымъ.

Представивъ общій обзоръ положенія Австріи, мы въ слѣдующей статьѣ перейдемъ къ изложенію внутреннихъ реформъ, какими ознаменовалъ себя творецъ дуалистской системы, а также ознакомимъ читателей съ личностями вождей мадьярской и чешской оппозиціи — Деака и Ригера.

Digitized by Google

ГРАЖДАНСКО-ПОЭТИЧЕСКІЕ ОТГОЛОСКИ.

II.

ПѢСНЬ О ПЕДЕФИЛѢ И ПЕДЕМАХѢ.

I.

Патріоты и пророки
Педефилъ и Педемахъ
За любезную отчизну
Ощутили въ сердцѣ страхъ.

И была причина страху:
Отъ полярныхъ хладныхъ льдовъ
И до «пламенной Колхиды»
Зрится гибель всѣхъ «основъ».

Разложеніе проникло
Въ нравы, въ мысли и сердца,
Благочиніе въ презрѣньи,
Безпорядкамъ нѣтъ конца...

II.

Основанье государства
Есть семья — ковчегъ всѣхъ благъ;
Что̀ же зрятъ въ семьѣ россійской
Педефилъ и Педемахъ?

Дѣти грудь сосутъ и мыслятъ —
Чтобъ развиться поскорѣй —
О химическомъ составѣ
Молока ихъ матерей!

Digitized by Google

Пососавши, начинаютъ
О семейномъ рабствѣ рѣчь,
Утверждая, что отцы ихъ
Не имѣютъ права сѣчь!

III.

Чѣмъ народы крѣпки? — Вѣрой
Въ провидѣніе; но, ахъ,
Вѣры сей не зрятъ въ отчизнѣ
Педефилъ и Педемахъ.

Благочестіе утративъ,
Милліоны россіянъ
Убѣждаются, что люди
Родились отъ обезьянъ;

Что изъ всѣхъ законовъ вѣчныхъ
Человѣчествомъ одинъ
Руководитъ — тотъ, который
Въ наши дни открылъ Дарвинъ.

IV.

Отторженіе окраинъ
Можетъ Русь низвергнуть въ прахъ:
Что̀ же видятъ по окраинамъ
Педефилъ и Педемахъ?

Видятъ ковы и интриги,
Равнодушье «высшихъ сферъ»
Къ обрусительнымъ пріемамъ
И забвенье прежнихъ мѣръ;

Видятъ вывѣски на польскомъ,
На нѣмецкомъ языкахъ —
И трепещутъ патріоты
Педефилъ и Педемахъ.

Digitized by Google

V.

Пресса здравая есть признакъ
Здравой жизни; что жь въ статьяхъ
Русской прессы обрѣтаютъ
Педефилъ и Педемахъ?

Порицаніе порядка,
Непочтительность къ властямъ,
Недостатокъ уваженья
Къ греко-римскимъ словарямъ.

Вредный духъ демократизма
И глумленіе — о страхъ! —
Надъ мужами, коихъ имя
Педефилъ и Педемахъ.

VI.

Обозрѣвъ всѣ эти страхи,
Педефилъ и Педемахъ
Порѣшили непреложно
Справить Русь во всѣхъ частяхъ.

Ради цѣли сей ликейскій
Храмъ воздвигнувъ въ наши дни,
Въ немъ работать принялися
Древнихъ мальчиковъ они.

Въ этихъ мальчикахъ лекарство
Всей Руси отъ гнойныхъ ранъ,
Эти мальчики исправятъ
Радикально россіянъ.

VII.

Но въ ликеѣ, что содержатъ
Педефилъ и Педемахъ,

Digitized by Google

Дивныхъ мальчиковъ немного,
Русь, межъ тѣмъ, обширна страхъ.

«Хорошо бы — мнятъ пророки —
Современныхъ всѣхъ ребятъ
Въ древнихъ мальчиковъ обдѣлать» —
И проектъ о семъ строчатъ;

И поспѣшно посылаютъ
Къ славнымъ Невскимъ берегамъ
Съ несомнѣнною надеждой
Что его одобрятъ тамъ...

VIII.

«Если намъ удастся — мыслятъ
Педефилъ и Педемахъ —
Провести проектъ: къ величью
Русь пойдетъ на всѣхъ парахъ.

«Нигилизма духъ исчезнетъ
Навсегда — и россовъ родъ,
Классицизмомъ просвѣщенный,
Власть надъ міромъ обрѣтетъ.

«Если нашъ проектъ отвергнутъ,
Сгибнетъ Русь въ конецъ: таковъ
Жребій странъ, гдѣ отрицаютъ
Пользу древнихъ языковъ!...»

ЭПИЛОГЪ.

Слухъ идетъ, что сею мыслью
Педефилъ и Педемахъ
Занимаясь непрестанно,
Повредилися въ умахъ!

Выборгскій пустынникъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

419
480

Digitized by Google

Digitized by Google

OCT 17 1940

Digitized by Google

Digitized by Google